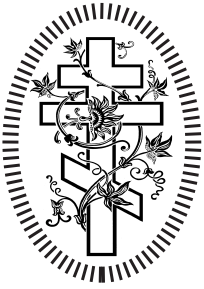
С. Н. БУХАРИН
Н. М. РАКИТЯНСКИЙ

РОССИЯ И ПОЛЬША

ОПЫТ ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ЛИМИТРОФИЗАЦИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ



ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Серия научных изданий и справочников, посвященных малоизученным проблемам истории и идеологии русской цивилизации:

Русская цивилизация: история и идеология
Слово и дело национальной России
Экономика русской цивилизации
Экономическое учение славянофилов
Денежная держава антихриста
Энциклопедия Черной сотни
История русского народа в XX веке
Стратегия восточных территорий
Мировоззрение славянофилов
Биосфера и кризис цивилизации
Начальная история русской цивилизации
Третий Рим против нового мирового порядка
Энциклопедия славянофилов
Русские монастыри и храмы
Русские святые и подвижники Православия
Государственно-правовой идеал славянофилов
Русский крест. Очерки русского самосознания
Россия на рубежах США, Японии и Китая
Русская цивилизация: философия и литература
Россия и Польша
Славянофилы, их сподвижники и последователи
Политическая экономия национального хозяйства

С.Н. БУХАРИН, Н.М. РАКИТЯНСКИЙ

РОССИЯ И ПОЛЬША

ОПЫТ ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ЛИМИТРОФИЗАЦИИ

Пособие для правящих элит
лимитрофных государств

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2011

УДК 327
ББК 63,3
Б-94

Рецензенты: доктор психологических наук, профессор А. И. Юрьев,
доктор философских наук, профессор А. И. Селиванов

С.Н. Бухарин, Н.М. Ракитянский

Б-94 **Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации** / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. — 944 с.

Лимитрофы — формально суверенные государства на границах России, но фактически являющиеся политическими сателлитами крупнейших западных стран. Роль лимитрофов в современном мире — создать «санитарный кордон» вокруг России и служить проводником враждебного влияния на нашу страну. Эту роль в полной мере выполняет не только Польша и другие страны бывшего Варшавского договора, но и Грузия, а также бывшие советские прибалтийские республики. В книге исследуются исторические, политические и психологические причины превращения Польши в лимитрофное государство, объясняется трагическая роль в этом процессе ее национальной элиты. Главная мысль и идейный стержень книги — необходимость высочайшей ответственности национальной элиты за формулирование смысла жить в своей стране, отстаивать сплачивающие народ ценности, преследовать единую цель, объединяющую народ, власть и бизнес. Элита — это беззаветное служение Родине, а не своим прихотям, алчности, амбициям и высокомерию. Но этому необходимо не только специально учить, но и желать учиться.

Польская элита, допустившая три раздела Польши, заведшая свою страну в тупик в годы, предшествующие Второй мировой войне, является главным виновником нынешнего кризисного положения Польши и проведения ее антироссийской политики. Монография доктора психологических наук, профессора МГУ им. М. В. Ломоносова Н. М. Ракитянского и кандидата физико-математических наук, старшего научного сотрудника ИПУ РАН С. Н. Бухарина «Россия и Польша: опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации» — пособие для элит стран-лимитрофов. Она учит их, что принадлежность к элите предполагает не право на сверхпотребление, а обязанность объективно, точно и полно знать о причинах успехов и неудач своих предшественников.

Издание осуществлено при содействии
Виталия Владимировича Аладьина

ISBN 978-5-902725-97-8

© С. Н. Бухарин, Н. М. Ракитянский, 2011
© Институт русской цивилизации, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хотелось бы, чтобы эту книгу правильно поняли. Она первая в весьма необычном жанре — психолого-политического исследования исторических реальностей. *На примере Польши авторы изучают феномен лимитрофизации*, который противники России хотят использовать как ведущий инструмент внешнеполитического воздействия на нашу страну. Сам факт появления государств-лимитрофов после распада Российской империи и СССР носит лишь квалификационный характер, но при большом желании его можно превратить в политическую идею антироссийской направленности. Поэтому естественна необходимость изучения психолого-политических механизмов такого понимания лимитрофизации.

Читая книгу, невольно задаешься вопросом: государств-лимитрофов по периметру России много, но почему только Польша выступила идеологом превращения этого феномена в реальный инструмент политики и, более того, обосновала его естественность, необходимость и перспективность? Получается, что причина подобного представления феномена лимитрофизации находится, скорее всего, внутри Польши, а не вовне ее. Для проверки этой гипотезы авторы собрали огромный объем фактов, психологических портретов и характеристик прародителей лимитрофизации, легенд и биографий представителей польской элиты, так что книгу эту можно воспринимать и в качестве исторического исследования.

Как политическому психологу, мне было легко читать этот текст, хотя для многих читателей несколько неожидан-

ным будет научный аппарат, который необходим здесь для понимания того, почему именно Польша трижды подвергалась так называемым разделам. Почему она, единственная из стран Европы, не использовала для морских открытий прямой выход к морю, имея многочисленный талантливый народ, давший человечеству выдающихся авиаконструкторов, военачальников, и многие годы существует как государство-лимитроф, а ее талантливые сыны реализуют свои способности в других странах? Список выдающихся сынов польского народа даже не нужно приводить. Несомненно, это тот случай, когда лишь психолого-политический научный аппарат в состоянии объяснить несоответствие талантливости польского народа и исторического положения Польши в мире. Только с его помощью можно объяснить причины поиска интеллектуалами Польши ее исторических корней методом проецирования себя в далекое прошлое. Так же, как и усилия шляхетского сословия доказать, что они являются потомками свободного, кочевого и вольнолюбивого народа — сарматов. Это и многое другое, изученное авторами книги, — предмет и объект политической психологии в истории.

Книга содержит множество фактов, подтверждающих психологический характер лимитрофизации Польши. Например, здесь приводится история польского шляхтича Юзефа Сулковского (1770—1798) — офицера французской армии. Он был участником восстания 1794 гг., а также Итальянской и Египетской кампаний, адъютантом Бонапарта и, по мнению польских историков, отличался необыкновенными талантами, в том числе и военными. В Египте Сулковский якобы имел тайные полномочия от Директории заменить Наполеона в случае его возможной гибели. По сведениям тех же историков, гибель Сулковского в Каире была подстроена самим Бонапартом, узнавшим о поручении, данном его адъютанту. Очень демонстративна легенда о его отце: «Князь Франтишек де Паула Сулковский был поочередно австрийским полковником, русским майором, барским конфедератом, генеральным инспектором и генерал-лейтенантом польских коронных войск, а под

конец — австрийским фельдмаршалом...» Опять — где угодно, кто угодно, но не в Польше.

Книга дает повод для дискуссии, которая, конечно, начнется. Хотя с аргументами авторов трудно спорить, дискуссия в основном развернется вокруг формы книги, ее направленности, стиля. Не стоит ее предвосхищать. Материалы книги и новаторский психолого-политический инструмент исследования острых исторических событий побуждает к серьезным размышлениям и собственным выводам. У меня эта работа вызвала соображения, которым авторы, возможно, не придавали особого значения — у них были свои, ясно очерченные цели и задачи.

Соображение первое, появившееся у меня, связано с историческими тенденциями сегодняшнего дня. Во-первых, эта книга о механизмах общественно-политического хаоса, который возникает не в связи с некими непреложными экономическими законами, а является следствием неумелого, очень субъективного управления страной. Понятие хаоса ныне активно исследуется, наверное, потому, что есть ощущение его приближения. Сегодня предвестники хаоса с точки зрения политической психологии маскируются под терроризм, интолерантность, экономический кризис, локальные войны, массовые беспорядки. Мало кто понимает, что к предвестникам хаоса относятся теневая экономика, отказ от уплаты налогов, службы в армии, транспортный коллапс в городах-миллионниках, массовые неуправляемые миграции населения и т. д. Хаос — это когда власть не справляется со своими функциями по причине собственных внутренних проблем.

Угол зрения, под каким читается книга, — состояние политической власти в Польше и сравнение ее с другими системами власти, не обремененными идеями сарматизма об особом происхождении польского народа, под которым понималось только дворянство. Для справки необходимо сказать, что основная функция власти — устранять хаос, обеспечивать безопасность и упорядочивать физическое перемещение людских масс, «регламентировать» время человеческой

жизни через системы занятости и отдыха, контролировать бесконфликтность норм производства и потребления, наконец, определять экзистенциальные нормы человеческого существования: то есть формулировать смысл жизни людей, определять список жизненных ценностей, задавать цели, адекватные времени и ситуации. Именно так и не меньше. К сожалению, мои беседы со многими представителями власти показывают, что этого не знают и к этому не готовы. Между тем успешность власти в разные периоды времени определила подвиги народов таких стран, как Испания, Англия, Голландия, Португалия, Италия, Германия, Россия. Власть в этих странах, так или иначе, обеспечила условия для географических, научных, технологических, социальных открытий. И какая мощная в этих странах была философская мысль, как строги моральные стандарты поведения, как сильно было образование, в том числе и политическое!

Вопросы, поднимаемые в книге, столь серьезны и современны, что не удержаться от упоминания хотя бы некоторых нюансов требований, предъявляемых к власти. Власть несет ответственность за обязательное сосуществование в стране гражданского и политического обществ, которые скрыты за признанием ее суверенности и вклада в мировую цивилизацию. Власть имеет дело с проблемами высшей степени сложности из-за того, что политическая форма общения — рациональное распределение, а экономическая форма — эквивалентный обмен. Если принцип политического общества — справедливость, то принцип гражданского — свобода. Гражданское общество осуществляет спонтанные, формализованные, имперсональные денежные обмены, чего не делает политическое общество. Специалисты знают, что деньгами управлять легче, чем людьми, денежные обмены не натыкаются на волевое сопротивление в политическом обществе.

Продуктом власти является так называемый социальный капитал, фактически катализатор развития страны. Его признанный смысл — получение экономической отдачи от высокого качества социальных отношений, которая достига-

ется в обществах, объединенных национальной идеей, ориентированных на расширение возможностей развития, смягчение социальной несправедливости и интеграцию уязвимых и маргинальных слоев населения в общественную жизнь. Дефицит социального капитала порождает предвестников хаоса, который жестоко пресекается войнами, революциями, утратами территории и суверенитета, обострением отношений между обществом и государством. Социальный капитал является основой для легитимности государства, бизнеса за счет явного или неоформленного социального контракта государства и населения.

Есть вопрос: был ли в Польше достаточный социальный капитал, когда ее постигали три раздела? Судя по материалам книги — нет. Единицей измерения социального капитала является феномен доверия между людьми и властью, между бизнесом и властью, между людьми и бизнесом. Измерять величину феномена доверия стали относительно недавно, например, через показатели межличностного доверия. По данным Всемирного исследования ценностей, процветающие страны имеют следующий параметр доверия: Швеция в 1990 г. — 66,1, в 2006-м — 68,0, США в 1990-м — 51,5, в 2006-м — 39,3. Развивающиеся страны, типа Китая, соответственно имеют, в общем, такие показатели доверия: 60,3 и 52,3. А вот что касается стран с переходной экономикой, то Россия имела в 1990 г. межличностное доверие на уровне 37,5, а в 2006-м — 26,2. Что касается Польши, то уровень межличностного доверия там в 1990 г. равнялся 29,2, а в 2006-м упал до 19,0. Комментарии излишни: хочешь быть суверенным — накапливай социальный капитал. Судя по выводам польских историков, в Польше его было традиционно мало.

Итак, первая проблема, на которую выводит книга, — проблема социального хаоса, который обусловливается ошибками и просчетами власти в большей мере, чем происками внешних врагов. Сегодня очевидно, что в большинстве стран мира феномен доверия падает, и это очень тревожный предвестник хаоса, опасного не только для Польши, но в пер-

вую очередь для стран-лимитрофов вообще. Политический хаос приводит к ослаблению государства, утрате им своего суверенитета. В частности, он не позволил Польше умело использовать исключительно выгодные географические, исторические, климатические, культурные условия своей страны. А возвышение сарматизма и лимитрофизация — это оправдание, защитный психологический механизм, рассматривающий соблюдение-возврат к освященным давностью традициям как единственную возможность выживания общества и государства. Авторы справедливо пишут, что ему присущ «изоляционизм и ксенофобия, являющиеся обратной стороной мегаломании и самоидеализации».

Второе соображение, на которое наводит книга, касается роли элит в истории всех стран, а не только Польши. Порою даже начинает казаться, что Польша избрана объектом исследования лишь потому, что в мире нет государств, где бы так ярко было представлено влияние национальной элиты на историю своей страны. По своей важности это, может быть, важнейшая тема книги. Складывается впечатление, что элиты всех стран не вполне отдают себе отчет о роли и мере своей исторической ответственности за происходящее и потому не учатся на ошибках предшественников — элит, ушедших в историю. Приведенные в книге факты, биографии, поступки людей, составлявших элиту Польши времен ее разделов, ясно это показывают. Но и сегодняшние элиты во всем мире, не только в Польше, наслаждаются своим элитарным положением и не очень задумываются о грядущем.

А грядущее представляется таким: политический хаос не канул в польскую или чью-либо иную историю, а нарастает повсеместно все более и более по мере исчерпания ресурса Бреттон-Вудской системы стабилизации мирового порядка. Так называемый экономической кризис — это целая гамма кризисов: 1) философского (элита не может внятно объяснить, что и для чего ею делается); 2) интеллектуального (у элиты нет альтернативы Бреттон-Вудсу, как нет и решения формулы глобального кризиса); 3) морального (элита не

может удержать поведение масс в классических моральных рамках); 4) финансового (элита не знает, как сбалансировать деньги и производство-потребление товаров). Непрерывно идущие экономические форумы, совещания «шестерок», «семерок», «двадцаток», саммиты и пр. — это поиски решений для четырех кризисов, которые отнюдь не стоят на месте, а энергично развиваются, продвигая в тупик все человечество. Поиски решения проблемы глобализации — это обуздание планетарной интеллектуальной машины, уходящей из-под контроля человека.

Элита сейчас не представляет, что глобализация материализовалась в виде «мировой паутины» информационных, транспортных, энергетических, культурных сетей. Эти сети вобрали в себя одновременно все достижения мировой естественной науки, но полностью избавлены от этических норм функционирования. Из-за своей сложности и масштабности «паутина» недоступна для «регулирования» или «отключения» силами одного или группы самых гениальных ученых современности. Поэтому глобализация никому не принадлежит, никому «не повинуется», «живет для себя» и по «своим законам», не принимает во внимание чувства и переживания людей, не делит их на «своих» и «чужих». Она ничья. И пока приступила к использованию людей в своих интересах, если считать интересом «отношение» климата к участи вымораживаемых мамонтов.

Первые итоги глобализации поставили всех нас в известность, что существующий мировой порядок неэффективен. Глобализация подала знак о предстоящих экологических, энергетических, психологических, демографических катастрофах, если мы не изменим мировой порядок. До первых известий с «фронта глобализации» никто и не думал, что вяло текущий много веков процесс объединения человечества в некое единое целое внезапно станет главной мировой проблемой. «Мировая паутина» приступила к своеобразной «мировой инвентаризации», итоги которой сравнимы с последствиями так и не осуществившейся «мировой революции»: изменяется роль, место,

цена каждой страны, каждого народа, каждого человека и каждой вещи. Оценка, расчет, а не субъективное мнение управляет глобализацией. Несогласие с ней означает: кто не в глобализации — тот вне новой цивилизации.

Так вкратце можно охарактеризовать масштабы проблем, которые стоят перед современной элитой, как они стояли и перед элитой Польши в трагические годы ее разделов. Книга дает отрицательный ответ на вопрос: отдавала ли тогда элита Польши себе отчет о размерах проблем своей страны, о собственной роли? По прочтении исследования появляется еще и такая мысль: неважно, об элите какой из стран идет речь — польской, русской, латышской, болгарской, канувшей в историю или вновь народившейся, современной. Есть надежда, что читать книгу будут представители элиты, которые, ощущая себя на жизненном Олимпе, уверены, что они правильно живут и действуют, влияют через своих лоббистов на государственные решения. Однако сегодня, как и ранее, после многих своих неудач элита вновь заявляет, что ей не повезло с народом, который-де измельчал, с лидером, который отстал от жизни. И при этом элита именно себя отождествляет со страной и остро реагирует на любые высказывания о ней, будто речь идет о каждом из них лично. Если так, очень важно, чтобы элита знала о своей исторической роли в судьбе страны. Знала, что именно уровень ее философской, интеллектуальной, нравственной, финансовой подготовки определяет возникновение и масштаб хаоса в стране. Вот что надо понять, ибо власть контролирует сегодня только часть процессов в обществе, в экономике, в производстве.

Третье соображение, которое появилось у меня после прочтения книги: в качестве полигона для психолого-политического исследования механизмов хаоса и роли элиты в этом процессе можно было бы выбрать другую страну. Вокруг России действительно образовался целый пояс государств-лимитрофов, в каждом из которых появляются свои объяснительные теории типа сарматской. Можно было избрать в качестве полигона такого исследования и саму Россию, которую

столь же часто сотрясали то социальные взрывы, то масштабные войны и где периодически появляются идеи, сходные с идеями польской элиты. Главная мысль и идейный стержень книги — высочайшая ответственность национальной элиты за формулирование смысла жить в своей стране, отстаивать сплачивающие народ ценности и преследовать единую цель, объединяющую народ, власть и бизнес. Элита — это беззаветное служение Родине, а не своим слабостям, алчности, амбициям и высокомерию. Но этому необходимо специально учить, потому что формирование элиты по польскому образцу неприемлемо. Говоря образно, люди должны иметь специальную подготовку для **служения** в элите, как гвардия — на поле боя. И эта книга помогает на многое открыть глаза тем, кто считает себя представителем современной элиты.

Стоит заметить, что книга может дать повод для критики из-за того, что для объяснения концепции в ней используется специальная психологическая терминология, которая, попав в бытовую среду, приобретает зачастую ругательные и даже оскорбительные значения, каких в науке она не несет. В этом есть проблема, и читателю желательно и полезно расширить свой словарный запас с помощью справочников, чтобы правильно понимать психологическую квалификацию авторов и научиться различать в жизни их проявления, которые ранее ускользали от него из-за неправильного понимания некоторых слов. Авторы не вкладывают в психологические термины упрощенного, «уличного» смысла и предельно точны в своих оценках.

В заключение надо специально сказать о том, что использование психологических механизмов защиты, одним из которых является идея сарматского происхождения Польши, особой исторической роли государств-лимитрофов, чрезвычайно опасно. Если у читателя этой книги найдется желание и время понять меру этой опасности, то ему будет полезно разобраться с самими психологическими механизмами защиты.

Их двадцать, а идея лимитрофизации в нынешней интерпретации использует в разных странах-лимитрофах толь-

ко некоторые из них. К примеру, вот механизмы психологической защиты: 1. **подавление** — отказ отдавать себе отчет в уже проникших в сознание неприятных и опасных мыслях и формулировать их; 2. **интеллектуализация** — пресечение переживаний, вызванных неприятной ситуацией, или упорядочение несовместимых установок с помощью логических манипуляций; 3. **рационализация** — попытки доказать в целях самоутверждения, что поведение является рациональным и оправданным, а поэтому социально одобряемым. Это своеобразный механизм поиска убедительных доводов для недостаточно одобряемых действий и желаний; 4. **отрицание реальности** — защита от неприятной действительности путем отказа трезво воспринимать ее, часто принимающая формы ухода в болезнь, маниакальной поглощенности чем-либо; 5. **проекция** — проекция собственных характеристик на других. Выражается в возложении ответственности за трудности на других лиц или приписывании другим своих качеств и побуждений; 6. **идентификация** — повышение чувства собственной значимости путем идентификации себя с выдающимися личностями; 7. **компенсация** — прикрытие собственной слабости подчеркиванием желаемых черт или преодоление фрустрации в одной сфере сверхудовлетворением в других; 8. **фантазия** — удовлетворение несбывшихся желаний в воображении. Механизмов защиты еще двенадцать, но к идее сарматского происхождения польской элиты они отношения не имеют.

Любой психолог отлично осведомлен о психологических механизмах защиты, однако важно, чтобы властная, государственная, экономическая элита тоже их знала и понимала опасность их применения для себя лично и для стран, которые она представляет. Польская элита, допустившая три раздела Польши, психологически ошиблась, сделав механизмы защиты инструментом своей внешней политики. Именно эти психологические механизмы являются виновниками нынешнего положения Польши и так же опасны для нее, как во времена утраты суверенитета. Книга С. Бухарина и Н. Ракитянского

«Россия и Польша: опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации» — полезное учебное пособие для элит, особенно для элит стран-лимитрофов. Потому что принадлежность к элите предполагает не право на сверхпотребление, а обязанность объективно, точно и полно знать о причинах успехов и неудач своих предшественников.

А.И. Юрьев, доктор психологических наук, профессор,
директор Научного центра политического консультирования,
факультет политологии
Санкт-Петербургского государственного университета.

ВВЕДЕНИЕ

К сожалению, у вас есть тенденция рассматривать любые критические замечания как враждебные. Вам следует избавиться от этого комплекса.

З. Бжезинский[1]

Весьма дельный совет наблюдательного и умного человека, опытного политика и тонкого политолога пана-мистера Бжезинского адресован, естественно, России и русским. Говоря по справедливости, нам в этом плане действительно есть о чем задуматься...

А что же историческая родина мудрого советника американских президентов, что думают «братья его меньшие» — польские политики, интеллектуалы и прочая элита? Как там, в Польше, с проблемой критики и стремлением «избавиться от этого комплекса»?

В апреле 2010 г. на мемориальных мероприятиях в Катыни Председатель Правительства РФ от имени своей страны заявил о том, что «совместный путь к осмыслению национальной памяти и исторических ран способен нам помочь избежать тупика непонимания и вечного сведения счетов, примитивных трактовок с делением народов на правых и виноватых, как это стремятся иногда делать нечистоплот-

[1] *Бжезинский З.* Россия рискует превратиться в пустое пространство. URL: http://kp.ru/daily/24190.4/397290/ (дата обращения: 30.10.2010).

ные политиканы»[1]. Он отметил, что, как бы ни было трудно, российский и польский народы должны идти навстречу друг другу, помня обо всем, но понимая, что невозможно жить только прошлым.

Руководителей России весьма трудно упрекнуть в том, что они не идут навстречу полякам. Но, судя по всему, это движение имеет выраженный односторонний характер. Так, в сентябре 2010 г., менее чем через полгода после примирительных призывов российского премьера, в Москве выходит объемный труд российско-польской Группы, касающийся достаточно непростых вопросов, — «Белые пятна — черные пятна»[2]. Это исследование, по словам руководителей проекта, позволит «сопоставить взгляды российских и польских исследователей по наиболее важным проблемам двусторонних отношений»[3].

От книги, заявленной в подобном ключе, ожидаешь диалога, в котором просматривалось хотя бы стремление к взаимопониманию, но тщетно. Так, в частности, весь текст одного из авторов этого пространного научного труда, представителя польской стороны доктора наук[4] А. Граевского пронизан темой «сведения счетов». С неумолимостью сурового римского сенатора Катона Старшего, призывавшего разрушить Карфаген, он требует от России «рассчитаться» с собственной историей. Здесь и «расчет с коммунистическим прошлым», и просто «расчеты с прошлым», «задача рассчитаться со своим тоталитарным прошлым», «сведение счетов с прошлым», «сведение счетов с тоталитарным режимом», «сведение счетов с наследием советского тоталитаризма», «исторические расчеты» и т. д.[5]

---

[1] В. Путин призывает Польшу прекратить вечное «сведение счетов». 7 апреля — РИА Новости. URL: http://www.rian.ru/world/20100407/219078591.html (дата обращения: 30.10.2010).

[2] Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях: Научное издание / Под общей редакцией А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. Отв. ред. А.М. Мылыгин, М.М. Наринский. — М.: Аспект Пресс, 2010. — 823 с.

[3] Там же. С. 2.

[4] В тексте не указано, каких именно наук.

[5] *Граевский А.* Преемственность и изменения // Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы. С. 687—713.

Между тем в упомянутом научном издании приводятся слова святого мученика Игнатия Антиохийского[1]: «Вникай в обусловленность времени»[2]. Видимо, предполагалось, что авторы будут следовать этой установке выдающегося человека.

Как же вникает в «обусловленность времени» пан Граевский? Он сетует на то, что «Россия в период президентства Владимира Путина отказалась от радикальных расчетов с прошлым»[3], и утверждает, что «отсутствие мер по сведению счетов с коммунистическим прошлым в России было воспринято польскими политическими кругами, а также частью польской общественности как продолжение советской имперской политики, согласно которой Восточная Европа считалась внешней частью империи и естественной сферой влияния»[4].

Как видно, сегодня, а, впрочем, и последние двести пятьдесят лет, «польские политические круги», «часть польской общественности» и интеллектуальная элита не намерены «осмысливать национальную память и исторические раны». Они по-прежнему капризно выражают недовольство всеми, в первую очередь — Россией. Они обижены и разгневаны. Так, сейм обвинил русских и украинцев в геноциде польского народа. Немцев «заклеймили» уже давно. США и Великобритания должны покаяться за то, что не оказали помощь участникам Варшавского восстания. Чехия плоха потому, что не собирается возвращать Тешинскую область, а Литва — Вильнюс. Польский бизнес скупили немцы и евреи, поэтому в стране экономический кризис. Недальновидные и глупые американцы отказались размещать на территории

[1] Игнатий Богоносец, Игнатий Антиохийский (греч. Ἰγνάτιος ο Θεοφόρος, † 20 декабря 107, Рим) — священномученик Древней Церкви. Сведения о Игнатии содержатся в *Церковной истории* Евсевия Кесарийского (IV). Согласно Евсевию, Игнатий был сослан в Рим, где пострадал за Христа в период правления римского императора Траяна (98—117), будучи брошен львам на арене.

[2] Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы. С. 14.

[3] См.: Там же. С. 706.

[4] Там же. С. 709.

Польши элементы ПРО. Евросоюз не дает подобающих величию Польши полномочий. Короче говоря, все обижают.

Подобная «обиженность» является органичным свойством элиты любого лимитрофа[1]. В современном мире лимитрофные государства уже не только те страны, которые образуют так называемый санитарный кордон. Например, отдельные исследователи до сих пор относят Финляндию к лимитрофному типу. Но это не так. Действительно, Финляндия, как, впрочем, Эстония и Латвия, обрела независимость с помощью немецких штыков в начале прошлого века. Но потом Финляндия выстояла в войне с СССР и сумела остаться независимой. Другие страны так называемого санитарного кордона не нашли сил и воли добиться этого.

Суверенитет отстояли Вьетнам, Индия, Китай, Куба, Венесуэла, а также некоторые другие страны Африки, Латинской Америки. Из этих стран не слышно проклятий в адрес бывших колонизаторов, парламенты не выносят обвинительных резолюций. Истерия присуща тем, кому свободу «подарили». И за этот «подарок» приходится дорого платить. Это положение унизительно, ведь лимитрофы не пользуются уважением.

Пренебрежительные высказывания в адрес стран «санитарного кордона» можно обнаружить в речах многих политиков. Например, у лидеров англо-французской коалиции, образовавшейся после завершения Первой мировой войны. Так, министр иностранных дел Великобритании Д. Керзон, который в свое время выдвинул идею создания буферных государств на границах Британской Индии[2], раздосадованный чрезмерной,

---

[1] Лимитроф (от лат. *limitrophus* — пограничный: *limes* граница + *trophos* питающий) — пограничные области Римской империи, которые должны были содержать войска, стоявшие на границе. В 20—30-х гг. XX в. — общее название государств, образовавшихся на западных окраинах бывшей Российской империи после 1917 г. Это — Латвия, Литва, Эстония, Польша и Финляндия. Одно из понятий в современной геополитике, обозначающее формально независимое государство, но фактически с ограниченной политической субъектностью.

[2] India between two fires // Nineteenth Century, 1893.

на его взгляд, активностью дипломатов стран Прибалтики, заявил: «Чего еще хотят эти… версальские уродцы?!»[1] «Начальник» Польского государства маршал Ю. Пилсудский позднее отозвался о соседней Чехословакии как об «искусственном и уродливом детище Версаля»[2].

Такое пренебрежение порождает комплекс неполноценности. Подобным комплексом, в частности, страдают элиты стран Прибалтики и бывшего Варшавского договора. Данные государства возглавили не лидеры национально-освободительных движений, а преимущественно бывшие партийные и комсомольские функционеры, сумевшие «остаться в седле» — какой ценой, это другой вопрос — при развале социалистической системы. А поскольку народы не стали жить лучше — им ничего не остается делать, как обвинять во всех бедах «проклятое социалистическое прошлое» и советских «оккупантов». В этом ряду Польша занимает особое место.

Таким образом, лимитрофами не являются страны, чьи народы отстояли государственные границы своей кровью и потом. Границы лимитрофных государств устанавливаются не в битвах, они не определяются подвижничеством первооткрывателей и миссионеров. Они очерчиваются в ходе международных конференций, например в Версале, Тегеране, Ялте. На эти конференции представителей лимитрофов не допускают. Назначенные руководители выпрашивают кусочки «спорных» территорий и какие-нибудь привилегии у «хозяина», как это делали, например, Б. Берут и Э. Бенеш.

Есть государства, которые родились лимитрофами, в частности Латвия и Эстония. Есть государства, которые, не успев сформироваться, тут же встали на путь лимитрофизации, например Украина. Силой оружия, через натовские бомбардировки, расчленили и впоследствии «лимитрофизовали» Югославию. США вот уже почти сто лет с переменным успехом занимается лимитрофизацией Латинской Америки и Европы.

---

1 URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Санитарный кордон.

2 *Корявцев П.* Прибалтийский гамбит. — СПб., 2005.

Историк А. Суздальцев выделяет следующие признаки лимитрофов, окружающих Россию[1]:

- паразитирование на геополитическом соперничестве внешних сил;
- разогрев их противоречий;
- продажа любой из них своей геополитической ориентации, предложение своих услуг;
- втягивание внешних сил в собственные нерешенные проблемы с Россией, использование их как арбитров;
- попытки создания альтернативных Москве центров политического влияния;
- антироссийские информационные кампании.

В мировой истории известны страны, которые прошли долгий путь от великих государств до лимитрофов. Если говорить о Польше, то ее лимитрофизация начиналась не с Версаля и Тегерана, а значительно раньше. Сначала польские магнаты[2] и шляхетство[3] стали приглашать себе королей из Венгрии, Франции, Швеции и Саксонии. Потом польские политические элиты смирились с тем, что королей им стали назначать. Дальше — больше, польский король, польские магнаты и шляхетство приняли непосредственное участие в разделе своей родины, их согласующие подписи стоят на документах о двух первых разделах (1772, 1793). И, наконец, на церемонию третьего раздела (24 октября 1795) их не нашли нужным даже пригласить.

В чем же причины такого политического и нравственного падения польских элит? Почему они не видят своей роли и не признают своей ответственности в унизительном положении родины? В настоящем труде делается попытка разобраться в этих вопросах.

---

1 *Суздальцев А.* Манифест лимитрофной политики. — Expertbyorg, 2007.

2 От лат. *magnatus* — большой человек, *magnatis* — знатный человек. В Речи Посполитой — вельможи, духовные и светские сенаторы или государственные советники (*радные паны*) и знатнейшее дворянство.

3 Польск. *szlachta* от древневерхненемецкого *slahta* — род, порода, шляхта — рыцарство, низшая группа светских феодалов.

Работа не является историческим исследованием. Авторы сделали попытку «вникнуть в обусловленность времени» посредством политико-психологического анализа[1]. История здесь присутствует как фон, который иллюстрирует теоретические и методологические выводы авторов, побуждает выдвигать новые гипотезы и формулировать новые проблемы.

Главная задача заключалась в политико-психологическом исследовании феномена шляхетских элит, а также их современных постшляхетских наследников, которые не только управляют Польшей, но и олицетворяют ее.

Весьма важно было рассмотреть и эксцессы российско-польской истории, чтобы понять ментальные особенности шляхетства, которые определили, по мнению авторов, драматическую судьбу братского славянского народа.

Проведенные исследования позволяют вывести общие закономерности в развитии лимитрофных государств и создать основы для оценки рисков лимитрофизации для ныне суверенных государств.

Монография состоит из пяти частей. В **первой части** на фоне исторического материала представлена польская специфика формирования национальной политической элиты, ее борьба за привилегии и развитие так называемой шляхетской демократии. Показано, что именно так называемые разборы шляхты, а не «патриотические настроения» и «романтическое влияние великих революций» на шляхетский менталитет были реальной причиной знаменитых польских восстаний. Анализируются особенности католической религиозности польского правящего класса, его политические нравы, уникальное в системе европейской государственности право на *рокош* (*rokosz*, буквально — бунт, мятеж) и шляхетские комплексы.

Значительное внимание посвящено политико-психологическому аспекту феномена польской элиты, который харак-

[1] *Шестопал Е. Б.* Политическая психология. — 3-е изд., испр. и доп. — М., 2010; *Юрьев А. И.* —Введение в политическую психологию. — СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1992.

теризуется тремя выявленными психологическими доминантами — *истероидной*, *психопатической* и *психастенической*. Проведен развернутый теоретико-методологический анализ *проблемы инфантильности* польской элиты, в результате чего сделан вывод о том, что в политико-психологическом плане шляхетская и постшляхетская элита не смогла выйти за рамки *адаптивного*, *инфантильного* способа политического существования, что и послужило одной из системных причин лимитрофизации Польши. Шляхта и ее наследники в XX и начале XXI столетия, обремененные злокачественной формой инфантилизма — *десидеро-синдромом,* не смогли овладеть *креативной рефлексией* и *целевой детерминацией* и обеспечить тем самым достойное место своей страны в геополитическом пространстве.

Авторы выявили и сформулировали особенности так называемой *жертвенности шляхетских элит*. При всей широте и сложности этой темы представляется очевидным, что она связана с инфантильным политическим прагматизмом и носит, во-первых, агрессивный, во-вторых, тщеславный, в-третьих, лицемерный характер, и направлена на получение узкокорпоративной политической выгоды.

В первой части монографии история формирования и развития шляхетства рассматривается в контексте феномена *сарматизма* как доминантной тенденции ментализации польских элит в эпоху позднего Ренессанса на рубеже XVI—XVII вв. «Шляхетская демократия» представляла собой политическую власть в государстве только одного — дворянского сословия. Его главенство определялось не только особым правовым статусом, но и большой численностью. Доминирование шляхты отразилось и на возвышении ее политического статуса, что побуждало к поиску и утверждению его идеологического обоснования. Сарматизм как шляхетская догматическая доктрина с самого начала своего становления был архаичной формой самоидентификации. Сарматизм *догматически* утверждался идеологами шляхты через *веру* в избранность потомков сарматского этноса, то есть как своего

рода ***социальный расизм***. Именно эта непререкаемая *вера* стала одной из основ формирования шляхетского менталитета. Сарматизм как идеология шляхетской, в последней трети XVI в. — и магнатской Речи Посполитой в последующем предопределил ментальные особенности польской знати в отличие от западноевропейской аристократии. В сарматской сословной консолидации значительную роль играла польская Церковь. Исследование истории генезиса, развития и деградации феномена сарматизма позволило выделить в нем три основных этапа — *пассионарно-героический*, *регрессивно-трагический* и *агональный* этап — этап политического трагифарса предвоенного двадцатилетия 1918—1939 гг.

Сарматско-католический шляхетский *персонализм* был важным фактором развития сословно-корпоративного эгоизма, который сформировал и запустил процесс политической дезинтеграции страны и последующей лимитрофизации Польского государства. Руководство современной Республики Польши с 1989 г. вновь пытается вернуться к обанкротившимся идеям своих героев сарматско-шляхетской истории, но уже при помощи покровителей в лице США, НАТО и Ватикана, став разменной картой на «великой шахматной доске» современной мировой политики.

Во второй части проведен анализ эксцессов в отношениях Польши и России, а именно войн, которые вели поляки и русские на протяжении нескольких веков. Результат исследования наглядно показывает, что Польша никогда не была невинной жертвой агрессивных соседей. Речь Посполитая всегда вела активную захватническую политику. В ее истории были значительные завоевания, выдающиеся короли и политические деятели, создавшие мощную региональную державу, с которой считались соседи. Поражения шляхетской Польши в войнах с Россией в XVIII в. в значительной мере определялись архаичной сарматской идеологией и неадекватной политикой властей в отношении представителей некатолических конфессий. Польша была полиэтнической страной, где значительную часть населения составляли православные. При разумной и

дальновидной религиозной политике Польша могла бы стать одним из сильных центров единения восточных славян.

Всему миру известно о трех польских восстаниях, но мало кто знает о многочисленных восстаниях православных в Речи Посполитой. По масштабам и ожесточению они значительно превосходили знаменитые «шляхетские восстания». В отличие от бунтов шляхты эти восстания были подлинно народными, массовыми. Они подавлялись шляхтой с невиданной жестокостью: тысячи людей сжигались заживо, их четвертовали, сажали на кол, вешали, колесовали, предавали самым изощренным пыткам.

Важнейшей причиной православных восстаний, безусловно, были последствия Брестской унии 1596 г., в соответствии с которой иерархи западнорусской Церкви поспешили подчиниться церковной юрисдикции Ватикана. Инициаторами унии были влиятельные епископы Киевской митрополии, погрязшие в коррупции. Они обратились к королю Сигизмунду III с идеей реформирования Православной Церкви, желая при этом обеспечить себе высокий статус, равный католическому духовенству. Предложение властями было принято. Результатом явилось преследование православных, которые оказались самой бесправной и угнетаемой частью населения Речи Посполитой. Брестская уния запустила очередной этап процесса саморазрушения Речи Посполитой — православные восстания не прекращались до самого отделения от Польши территорий с русским населением. Трагические последствия унии имели и одно позитивное значение — все раскольники, искатели выгоды и карьеристы ушли в униаты.

Анализ показал, что причинами восстаний православных подданных являлись также и меры польских властей по осуществлению процедуры, известной под названием «заказачивание — расказачивание». Каждый раз, когда после очередной войны массы уволенных казаков оказывались непосильным экономическим грузом и острой социальной проблемой для Польского государства, власти лишали их воинского статуса, побуждая тем самым к вооруженным высту-

плениям. Расказачивание напоминает разборы шляхты, но казаков всегда поддерживало православное население страны, а взбунтовавшаяся шляхта оказывалась в изоляции, ее не поддерживал ни народ, ни аристократия.

Авторы делают вывод о том, что прямой связи между разделами страны и польскими восстаниями не существует. Первое восстание весны — осени 1794 г. было отчаянной и героической попыткой патриотической части шляхетских элит ввести в слабеющей стране централизованную форму правления. Но они проиграли, так как, во-первых, оказались в меньшинстве, во-вторых, их либеральные оппоненты привлекли на свою сторону военные ресурсы сильных соседей. Австрия, Пруссия и Россия были покровителями шляхетских «золотых свобод», что позволяло им решать свои проблемы за счет ресурсов и земель Польши. В шляхетской среде не нашлось политиков и военачальников, способных решать общенациональные задачи. Польские генералы, кроме Т. Костюшко, как и польские политики, так и не сумели преодолеть в себе шляхетский гонор. Своеволие, неуемные амбиции и неспособность подчиняться приказу вели к дезорганизации, которая в свою очередь вела к поражению.

Во второй части представлены примеры исследования фундаментальных аспектов мышления политических субъектов (Сигизмунд III), а также субъектов политического анализа (Братковский) посредством концепции рефлексивного контроля и рефлексивной культуры. В Приложении № 1 представлен опыт анализа ментальной матрицы польской и русской политических элит в контексте догматического принципа и теории информационного поля.

Для выявления и объяснения причин разделов Польши авторы применили *теорию эволюции сложных систем*, в соответствии с которой в процессе своего развития государство периодически занимает два положения устойчивого равновесия. Эти положения соответствуют *централизованной* и *либеральной* формам управления. Шляхетская элита для сохранения «золотых свобод» жертвовала суверенитетом и территориаль-

ной целостностью страны по формуле — территория в обмен на сохранение либеральной системы «золотой вольности». Авторы указывают на важный факт, который польские политические элиты на протяжении столетий упорно замалчивают: в первых двух разделах Польши участвовало не три, а четыре субъекта дележа — не только Австрия, Пруссия, Россия, но и сама Речь Посполитая. Деградация политического статуса шляхетской элиты была настолько очевидной, что следующий раздел происходил уже без ее участия. Фактом, подтверждающим также и моральное разложение шляхетских элит, является отсутствие с их стороны реального сопротивления разделам Речи Посполитой. Разделы Польши не только не приводили к восстаниям, но и не являлись поводом для прекращения праздного образа жизни польской аристократии.

Авторы также исследуют причины знаменитых польских восстаний. Эти восстания связаны с лишением дворянских привилегий значительной части шляхты. Поражение в правах польского дворянства следовало после каждого раздела Польши в результате так называемых разборов шляхты на приобретенных Россией территориях. Пораженная в правах шляхта составляла социальную базу восстаний.

Анализ восстаний 1794 г., 1830—1831 гг., 1863—1864 гг. не только подтвердил выводы о причинах разделов Польши и польских восстаний, но и позволил сделать важный вывод о том, что в освободительном движении принимало участие ничтожно малое количество поляков, а польская элита и аристократия практически в нем не участвовали.

Заместитель директора Центра исследований античной традиции в Польше и Центрально-Восточной Европе Варшавского университета, профессор Я. Кеневич (Jan Kieniewicz) высказал идею о том, что цивилизация — это система ценностей, которая способствует надэтничной, надкультурной и надтерриториальной идентификации. По мнению историка, эта система образует некоторое пространство как многомерную область, которая поддается мысленному освоению субъектом или группой, с которой данный субъект себя идентифицирует.

Границей цивилизации при этом является верность человека избранным им ценностям. Профессор использует свое понимание цивилизации и для объяснения феномена измены[1]. Концепция Кеневича привела авторов к идее применения разработанной ими *теории информационного пространства и информационного поля* для распознавания и сравнительного анализа особенностей менталитета политических элит, например, польской и русской. Теория дает возможность диагностировать и сравнивать поведение элит в политически значимых ситуациях. Посредством концепта информационного поля авторы также исследуют ряд эксцессов в политическом поведении шляхетской элиты, которые привели к трагическим событиям в истории Польши.

В польской историографии значимой темой является так называемое движение легионеров. Оно представляется безупречным как в военном, так и в моральном плане, а сами легионеры — борцами «за нашу и вашу свободу». Якобы везде, где разгорались восстания порабощенных народов, к ним тут же спешили доблестные воины-добровольцы из Речи Посполитой. Но это далеко не так. Польские легионеры активно участвовали в агрессии против Испании, Италии, Санто-Доминго и других стран. Они помогали завоевателям сохранять господство над угнетенными народами. Что было всегда, так это появление польских легионеров на стороне, враждебной России, во всех военных конфликтах. Легионеры, зараженные идеей шляхетско-сарматской исключительности, под напряжением аффективно-негативного отношения к России как к стране, по их мнению, крайней дикости, жестокости, бескультурья и рабства, творили здесь свои бесчинства и злодеяния.

Во всех кампаниях польские легионеры терпели весьма большие потери, что объясняется их низкой военной и моральной подготовкой, а также некомпетентностью командного состава. Тем не менее все сражения, где поляки использовались как «пушечное мясо», являются источником героического

[1] *Кеневич Я.* Карьера или измена // Логос. Философско-литературный журнал. Варшава, 2005. № 6 (51). — С. 272—274.

эпоса. Воспеваются не победы, а сражения, в которых легионеры терпели максимальные потери: Треббия, Нови, Мантуя, Самосьерра, Кассино-Монте. Здесь мы опять видим пример своеобразно понимаемой жертвенности, а также католическо-мессианского идеализма.

В третьей части рассматриваются преступления правящего режима II Речи Посполитой, трагическая судьба Православия в Польше, подрывная деятельность против СССР, а также колониальные амбиции правящих элит.

В ноябре 1918 г. Польша вновь обрела независимость. В наследство от Российской империи она получила высокоразвитую промышленность и централизованную систему государственного управления, что создавало объективные условия для превращения страны в мощную региональную державу. Оставалось только по-хозяйски распорядиться независимостью и немалым наследством. Однако шляхетская элита во главе с «начальником и верховным вождем государства» Юзефом Пилсудским выбрала губительное для государства направление развития. В 20—30 гг. XX в. Польша превратилась в отсталую провинцию Европы, с безработицей и нищетой, с цензурой и отсутствием демократии, с тюрьмами и концентрационными лагерями, переполненными политзаключенными. За годы независимости Польша даже не вышла на уровень экономического развития 1913 г.

Жестокая диктатура авторитарного режима совершила множество преступлений против собственного народа и народов соседних стран. Тем не менее *все жертвы были напрасны* — модернизация системы государственного управления, экономики и вооруженных сил не состоялась.

Крайне враждебным было отношение польских властей к Православию, систематическое преследование которого имеет давнюю и печальную традицию. Обретя суверенитет, цивилизованная европейская страна с богатым культурным наследием сразу же инициировала массовое закрытие православных храмов и превращение их в католические костелы. Множество православных храмов было уничтожено. Так, в 1926 г. был раз-

рушен величественный православный Александро-Невский собор в Варшаве (*Sobór św. Aleksandra Newskiego*), построенный выдающимся русским архитектором Л.Н. Бенуа на Саксонской площади, ныне площади Пилсудского. Главным мотивом сноса архитектурного шедевра послужило то, что собор «напоминал о русском господстве над Польшей».

По замыслу правительства, Православная Церковь во II Речи Посполитой должна была стать средством денационализации русского православного населения. «Начальники» Польши планомерно проводили полонизацию духовного образования.

Получив столь желанную независимость, Польша благодаря близорукой и эгоистической внутренней политике превратилась в слабо интегрированную страну, обремененную проблемами национальных меньшинств, межконфессиональной вражды и конфликтными отношениями с соседями.

С момента формирования польского правительства в феврале 1919 г. оно среди своих важнейших политических приоритетов сформулировало стратегическую цель — свержение советской власти в России с последующим ее расчленением. В практическом плане провозглашенная цель подлежала реализации посредством концепции так называемого федерализма. При непосредственном и активном участии Польши провалился ряд общеевропейских проектов коллективной безопасности. Сейчас мало кто помнит о том, что в 1933 г. Польша стала первым после Ватикана государством, которое официально признало нацистский рейх — своего будущего могильщика, обеспечив ему, таким образом, поддержку и последующее усиление.

С обострением в 30-е гг. противоречий в Европе и с неожиданным для Польши ростом мощи СССР и Германии ее внешняя политика становилась все более беспомощной и несостоятельной, а к 1939 г. обернулась изоляцией и сентябрьской катастрофой. «Начальники» Польши, считая свое государство чуть ли не сильнейшим после Франции, не сумели обрести для своей страны политически равновесного места в Европе.

Варшава, рассматривая Москву как врага номер один, придавала большое значение развертыванию и эскалации против нее шпионско-подрывной деятельности. Один из важнейших подрывных проектов против советской России был сформулирован как концепция прометеизма, которая была не только идеологией, но и реальной политической практикой. Она, как комплексная долговременная программа по разрушению бывшей имперской метрополии, полностью отвечала стратегии антисоветских, антироссийских и захватнических устремлений правящей в Польше шляхетской клики. Это хотя и косвенно, но все же признает директор Института политических наук ПАН в Варшаве профессор В. Матерский: «Концепции прометеизма постоянно присутствовали в польских центрах стратегического планирования: Бельведере[1], Генштабе Войска Польского и Генеральной инспекции вооруженных сил. Маршал Пилсудский и его преемник на посту генерального инспектора маршал Э. Рыдз-Смиглы считали прометеизм удобным орудием, позволявшим эффективно решать проблемы безопасности на восточных рубежах страны»[2]. Со временем при формировании стратегической агентуры и развитии широкой, средней и низовой шпионской сети была налажена работа по подрыву военного, экономического и политического потенциала СССР. Даже в разгар Второй мировой войны, когда спецслужбы стран антигитлеровской коалиции считали своей главной задачей «работу» по нацистской Германии, польская разведка, в соответствии с установками беглого «лондонского» правительства, была озабочена постановкой разведывательной работы по Советскому Союзу. Ученые-историки российско-польской Группы по сложным вопросам, авторы проекта «Белые пятна — черные пятна», политически корректно делают вид, что ничего этого не было.

---

[1] Бельведер — Бельведерский дворец, построенный в Варшаве в 1822 г. архитектором Я. Кубицким по поручению и на средства русского правительства. С 1918 г. — государственная резиденция.

[2] *Матерский В.* 1920—1930 годы в истории советско-польских отношений // Белые пятна — черные пятна: Сложные вопрос. — С. 120.

История периода 1920—1939 гг. никого и ничему в нынешней Польше не научила. Более того, мы и сейчас видим, по существу, лимитрофную преемственность этой политики в новых условиях Европы начала 90-х гг. с той лишь разницей, что тогда Польша была лимитрофом Франции, Англии и Ватикана, а в настоящее время — США. В настоящее время в связи с радикальным геополитическим ослаблением России Польша выступает восточным форпостом НАТО в Европе, являясь одновременно инструментом и субъектом дестабилизации и напряженности. Очевидно и то, что после развала СССР Польша нескрываемо стремится реанимировать концепцию Пилсудского в отношении Украины, Грузии и других стран.

В предвоенный период польские правящие элиты вместо решения актуальных проблем модернизации экономики и государственного строительства увлеклись утопическими проектами, направленными на возрождение Речи Посполитой «*от моря до моря*». «Нам нужны сильный флот и колонии!» — один из девизов того времени. По поводу колониальных амбиций в Польше в те годы царила эйфория, но в итоге военно-морских приготовлений к началу Второй мировой войны в составе польского флота числились 4 эсминца, 5 подводных лодок, 1 торпедный катер, 6 тральщиков, 2 транспорта и мелкие суда. Так называемый ВМФ Польши был практически весь уничтожен в самом начале войны, а польским морякам пришлось воевать на арендованных у Англии судах.

Важным направлением деятельности «начальников» II Речи Посполитой была концепция осадничества, которая в первую очередь являлась стратегической политической акцией и только потом — социально-экономическим проектом. Осадничество было одним из способов реализации концепции федерализма Ю. Пилсудского, важным элементом которой предусматривалась практика колониализма с польской спецификой. Политическая практика осадничества резко обострила межнациональные отношения на всех восточных территориях — так называемых *кресах всходних*, так как на-

деление польских колонистов землей осуществлялось при явной дискриминации коренных жителей.

В третьей части значительное внимание уделяется особенностям политического менталитета польской элиты в период между двумя мировыми войнами и причинам ее антисоветской деятельности, а также анализу психолого-политических установок практики польского колониализма — осадничества. В этой же части работы представлен *психологический портрет* культового персонажа новейшей польской истории Ю. Пилсудского и его брата Бронислава. Портреты выполнены с использованием методологии *мотивационного портретирования*.

По мнению авторов исследования, шляхетские политические элиты оказались заложниками не только ложных концепций и догм, но и несостоятельных психологических установок и комплексов, будучи неспособны подвергнуть их рефлексии с позиций реалистичной политической стратегии или хотя бы здравого прагматизма. Польские элитные группы в поколениях обременены инфантильными, авантюристическими доктринами, наполненными негативными аффектами, состоящими из старых обид, зависти и русофобии.

Неадекватность шляхетских описаний России, отношения к ней и российской политике во многом подкреплена не только психологическими, но и структурно-языковыми причинами. Поляки вообще не знают о существовании такого народа, как «*русские*». Слово «*ruski*» в польском языке носит ругательный характер и потому удалено из литературной лексики. Московское же государство (и впоследствии Россия) для поляков всегда было населено «*московитами*» («*москалями*») или — позже — «*россиянами*» («*rosjanie*»). Польская элита Российской империи называла Россию «*тюрьмой народов*». Ее представители так и говорили: «Мы не русские, мы — *россияне*, потому что почитаем папу Римского, а в России живем как в заточении». В.И. Даль писал о происхождении слова «*россияне*», о том, что именно Польша прозвала нас «*россіянами*» по правописанию латинскому, а мы переняли это по нашей склонности к бездумному подражанию Западу.

Действительно, последние два десятилетия мы перестаем быть русскими. Мы становимся *россиянами*. *Россиянин* — это не зрелый плод истории, а примитивный продукт постсоветской социальной инженерии, политических технологий и пропаганды, за ним нет никакой органичной жизни. *Россияне* — это уже не народ, а электорат, который не знает своего славного исторического имени.

Заканчивается третья часть главой «Польская дипломатия накануне Второй мировой войны», где проводится анализ деятельности министра иностранных дел Ю. Бека и роли Польши как «спускового крючка» Второй мировой войны.

Предметом исследования **четвертой части** является II Речь Посполитая как генерал-губернаторство «третьего рейха», а также польский коллаборационизм и его политико-психологический анализ, судьба евреев в Польше и трагедия волынской резни.

Недолгий суверенитет, последующее банкротство и крах Польского государства в сентябре 1939 г. были следствием политики предвоенного руководства страны, результатом политического интриганства и инфантильных иллюзий, которые питали в Варшаве относительно действий западных союзников. Правители страны переоценили собственные силы с точки зрения возможности оказания реального сопротивления Германии, значительную роль сыграли и просчеты разведки в оценке военно-политической ситуации в целом.

Польская армия бесславно прекратила свое существование всего за две недели. «Начальники» государства — президент И. Мосьцицкий, маршал Э. Рыдз-Смиглы, «полковник» Ю. Бек со всем правительством и верховным военным командованием бежали из страны и навсегда исчезли из истории и европейской политики. Правители II Речи Посполитой — потомки и наследники гордых шляхтичей-сарматов — с легкостью бросили на произвол судьбы свой народ, который заплатил за безумную политику своего руководства шестью миллионами жизней.

В самом начале немецкого вторжения к дезорганизации и полной деморализации войск привело поспешное — 6 сентя-

бря — бегство Главного штаба из Варшавы. Этот факт весьма трудно объяснить с учетом того, что в подвалах Министерства по военным делам (обороны) имелся предусмотрительно оборудованный командный пункт, оснащенный современными средствами связи. Наконец, с моральной точки зрения — и это главное — польские генералы и офицеры не выполнили требований воинской присяги по защите свободы, независимости и достоинства своей страны. Бегство было таким стремительным, что подразделения абвера уже в первые дни войны захватили брошенные в Варшаве секретные документы 2-го отдела Главного штаба (разведка и контрразведка). Важнейшие документы оказались совершенно бесхозными, их некому даже было эвакуировать или хотя бы уничтожить.

В одномесячной войне 1939 г. участвовало больше трех миллионов человек, в результате потери Германии составили 15 тысяч, СССР — 1,7 тысячи, Польша потеряла 63 тысячи убитыми и около 700 тысяч пленными. В процентном отношении Польша потеряла около 6% военнослужащих убитыми и 70% (!) личного состава ее армии попало в плен. Все это не дает основания говорить о сколько-нибудь серьезном сопротивлении польской армии противнику. Обращает на себя внимание и соотношение погибших польских офицеров и солдат — 1:20. Для сравнения заметим, что на начальном этапе Великой Отечественной войны, то есть когда советские войска находились в положении поляков, на одного погибшего офицера Красной Армии приходилось только три солдата.

На территории обезглавленной страны, стремительно оккупированной нацистской Германией, было учреждено административно-территориальное образование — генерал-губернаторство (нем. — *Generalgouvernement*, польск. — *Generalne Gubernatorstwo*), остальные территории были включены в состав «третьего рейха». На территории генерал-губернаторства действовало законодательство Германии. Большая часть населения не имела статуса граждан рейха и была ограничена в правах. Нацисты даже не пытались создать какого-либо марионеточного польского правительства,

вся администрация носила чисто немецкий характер. Особой жестокости подверглись польские евреи, которых сосредоточили в нескольких крупных гетто.

Все промышленное и сельскохозяйственное производство Польши было подчинено военным нуждам Германии и мобилизовано для подготовки войны против СССР и стран антигитлеровской коалиции. Сотни тысяч людей были заняты принудительным трудом или заключены в концентрационные лагеря.

С началом Великой Отечественной войны советское правительство и польское правительство в эмиграции при посредничестве Лондона наладили переговорные отношения. Стороны взяли взаимное обязательство оказывать друг другу помощь в войне против нацистов. Но надежды советского руководства на то, что поляки примут участие в боях на советско-германском фронте, не оправдались.

В феврале 1942 г. правительство Польши в Лондоне издало приказ об объединении вооруженных отрядов поляков, действующих на оккупированных немцами территориях, в Армию Крайову. Просоветские повстанцы объединились в Гвардию Людову.

31 июля 1944 г. командующий подпольной Армией Крайовой Т. Бур-Коморовский отдал приказ о начале восстания в Варшаве против немцев, достоверно зная о неготовности и неспособности своих подразделений реально противостоять оккупантам, послал своих соотечественников на верную гибель. Бур-Коморовский с самого начала восстания отказался от любых контактов с подходившими к городу частями 1-го Белорусского фронта и 1-й армией Войска Польского, заняв откровенно враждебную позицию к советским войскам.

Варшавское восстание продолжалось 63 дня. Погибли и пропали без вести 18 тысяч повстанцев. Около 25 тысяч было ранено, в том числе 6500 тяжело. Погибли 180 тысяч мирных жителей. Те, кому не удалось бежать, попали в сборные лагеря, а затем на работы в рейх. Город был почти полностью разрушен.

В трагических последствиях восстания польская элита обвиняет СССР и отчасти американское и английское руководство. По убеждению ее представителей, советское военно-политическое руководство умышленно обрекло восстание на поражение. Данное обвинение выглядит особенно циничным на фоне событий, произошедших годом раньше в еврейском гетто в Варшаве. Армия Крайова из соображений политической целесообразности никак не помогла восставшим.

Генерал Армии Крайовой Бур-Коморовский предпочел сдать свои части немцам, тем самым покрыв себя позором и унизив своих подчиненных.

Трагедия Варшавского восстания в первую очередь связана с нечистоплотным политиканством «лондонского» правительства и генерала Т. Бур-Коморовского, действия которого определялись как установкой эмигрантского правительства, так и его личными качествами, но не конкретной боевой обстановкой и стремлением добиться победы. Бур-Коморовский был провозглашен национальным героем и представлен к высшей польской государственной награде — кресту «Виртути Милитари» II класса.

В результате войны Польша ничего не потеряла на востоке. Польское государство приобрело значительные территории на западе при прямой поддержке СССР. К Польше отошли в том числе германские территории, никогда ей не принадлежавшие.

Послевоенная депортация немцев с территорий, отошедших Польше, сопровождалась массовыми преступлениями, которые привели к значительному количеству жертв среди гражданского населения бывших немецких земель, по разным оценкам до 2 миллионов человек.

В Польше, в отличие практически от всех других восточноевропейских стран, не возникло коллаборационистского правительства или другого подобного центрального органа политического управления. Вместе с тем польский коллаборационизм во Второй мировой войне был причиной трагедии тысяч поляков, евреев, украинцев, белорусов

и людей других национальностей, безжалостно уничтоженных гитлеровскими пособниками.

Оккупация Польши нацистами явилась для поляков своеобразным тестом на антисемитизм. Свидетели в Варшавском гетто видели, как поляки с одобрением наблюдали и даже помогали нацистским солдатам в задержании и расстрелах евреев. В июле 1941 г. большая группа живших в Едвабне поляков приняла участие в жестоком уничтожении почти всех тамошних евреев, которые составляли подавляющее большинство жителей местечка.

Во время оккупации нацисты контролировали обстановку в стране, однако не только закрывали глаза на преступления по отношению к евреям, но и поощряли антисемитские выходки поляков, которые в то время приняли массовый характер. Польские националисты уничтожали не только евреев, но и украинцев.

В четвертой части анализируются причины так называемой Волынской резни. «Волынская резня» — это массовое уничтожение бендеровцами этнического польского гражданского населения, преимущественно женщин, детей и стариков, на территории Генерального округа Волынь-Подолье (Generalbezirk Wolhynien-Podolien) в 1943 г. Во время больших войн совершается много массовых преступлений, но события на Волыни поражают средневековой жестокостью. Истоки этого чудовищного события — в Брестской унии 1596 г., которая оказалась ядовитой духовной инъекцией для малороссов. Униат греко-католик — это не православный и не католик. Процесс радикальной трансформации менталитета вкупе с жесткой эксплуатацией порождал невиданную взаимную жестокость. В течение столетий церковные греко-католические иерархи воспитывали у своей паствы неприязнь как к католикам, так и к православным.

Система образования, созданная польской элитой под руководством князя А. Чарторыйского, была с самого начала задумана для разделения единого народа на русских и украинцев и создания атмосферы вражды и взаимного недоверия между ними.

Во время Второй мировой войны эта неприязнь обернулась звериной ненавистью к ближнему. Террористическая деятельность националистических банд украинских униатов также активно поддерживала униатская Церковь. Священники охотно отпускали грехи убийцам. Они всячески распространяли убеждение, что без «уничтожения врагов», без преступления «свободной Украины не построить…»

Базовым слоем идентичности является «онтологическая идентичность» как отождествление себя с высшими духовными ценностями бытия, которые в монотеистических религиях представлены единым трансцендентным Богом и его заповедями. Если люди в своих действиях не учитывают духовные цели и ценности, цинично относятся к заповедям и требованиям морали, не желают их знать, они легко отдаются во власть своих животных порывов. Такие люди утрачивают качество, которое отличает их от животных, — свободную волю. Одним из наиболее значимых следствий задавленной инстинктами онтологической идентичности являются злокачественные проявления *десидеро-синдрома* — эгоизма, инфантилизма, цинизма, жестокости и нечеловеческих зверств.

Заключительная **пятая часть** посвящена знаменитым полякам России. Поляки внесли выдающийся вклад во славу и величие Российского государства. Золотыми буквами вписаны их имена в нашу историю. До сих пор мы в долгу перед ними. К сожалению, сегодня русская и польская молодежь мало что знает о них.

Если в XVII в. Польша вступила в стадию кризиса и саморазрушения, то Россия после «смутного времени» вступила в эпоху бурного развития. Москва стала одним из центров притяжения активных и талантливых людей со всего мира. Русские масштабы и перспективы реализации своих талантов привлекли в империю множество выдающихся личностей. «Сила русского притяжения» постоянно росла в XVIII—XIX вв. и первой половине XX.

В сфере русской гравитации оказалось множество выдающихся поляков, которые являются национальной гордостью России.

В пятой части монографии приводится краткая история Польского землячества в России с начала XVII в. Авторы доказывают, что никогда между русскими и поляками не существовало вражды, даже после кровавых событий «смутного времени» поляки пользовались уважением и охотно принимались в Московском княжестве. Польское землячество в Москве начала XVII в. было самым многочисленным. Поляки легко ассимилировались, принимали Православие, шло взаимное обогащение культур. Со времен образования Российской империи в Санкт-Петербурге сконцентрировались наиболее выдающиеся поляки — знаменитые ученые, политические деятели, архитекторы, художники, писатели, композиторы. На всем пространстве громадной империи, от Бреста до Сахалина, трудились польские инженеры, железнодорожники, рабочие.

Отдельно следует отметить русских генералов польского происхождения и имеющих шляхетские корни. В настоящее время существует миф о том, что поляки сражались исключительно на стороне Наполеона. Этот миф является предметом особой гордости современной польской шляхетской элиты. Однако миф остается только мифом. На стороне Российской империи сражалось множество генералов, офицеров, воинов рядового состава, имеющих польские корни. Они являлись гражданами России, многие уже не в одном поколении. Все они были патриотами России, сочетали лучшие качества польского и русского народа. Польская ответственность к порученному делу, добросовестность, скрупулезность в выполнении поставленной задачи сочетались с русской сметливостью, волей, упорством и последовательностью в достижении цели. Все эти качества многократно усиливались отчаянной храбростью, которой отличались как поляки, так и русские.

Если в армии Наполеона польские генералы играли весьма незначительную роль, то в русской армии по численности они уступали только русским генералам, а по полководческому таланту многократно превосходили своих соплеменников во французской армии. Поляки внесли выдающийся вклад в

разгром Наполеона, это один из фактов, который авторы хотят донести до своих читателей.

Также авторы напоминают о том, что множество поляков, от рядового и младшего офицерского состава до генеральского корпуса, являются глубоко почитаемыми национальными героями России. Везде и во все времена, где ковались победы Российской империи и СССР, поляки сражались плечом к плечу с русскими, и этот факт невозможно опровергнуть.

ЧАСТЬ I

ФЕНОМЕН И КАТЕГОРИЯ ЛИМИТРОФА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

И все же всегда существовали две Польши:
одна из них боролась за правду,
а другая пресмыкалась в подлости.
У. Черчилль

Глава 1
Политико-психологический анализ феномена лимитрофизации Польши

В средневековой Европе система отношений личной зависимости одних феодалов (вассалов) от других (сеньоров) определялась институтом вассальства. Крупные феодалы, становясь вассалами верховного сеньора (сюзерена) — короля, получали от него земли, в свою очередь, имели своих вассалов — более мелких феодалов — и жаловали им земельные владения. Главной обязанностью вассала являлось несение за свой счет военной службы в течение определен-

ного срока. Сеньор, со своей стороны, был обязан, кроме передачи феода (земельного имущества), защищать вассала и его имущество.

С распространением отношений вассальства, покоившихся на иерархической структуре земельной собственности, оформилась иерархическая пирамида, которая стала основой политической и военной организации феодального общества. Такая конструкция социума была обусловлена необходимостью охранять в период слабости центральной власти собственность феодалов на землю и осуществлять принуждение по отношению к крестьянству. С образованием централизованных феодальных государств происходит вытеснение вассальной военной службы системой наемных отрядов.

Непосредственно польской спецификой являлось отсутствие каких-либо правовых разграничений в рамках рыцарской группы и внутренней иерархии, разделявшей рыцарей[1], согласно феодальным принципам, на вассалов и сеньоров. В качестве единственного сеньора многочисленной рыцарской группы выступал правящий князь, и каждый рыцарь чувствовал себя зависимым только от него.

И шляхта, и рыцарство обладали общими слабостями. Так, в числе причин неудачного исхода Крестовых походов (1095—1291) в Святую землю на первом плане стоит феодальный характер крестоносных ополчений и основанных крестоносцами государств. Для успешного ведения борьбы с мусульманами требовалось жесткая централизация. Между тем крестоносцы приносили с собой на Восток феодальную раздробленность и разъединение. Слабая вассальная зависимость предводителей крестоносцев от иерусалимского короля не давала ему действительной власти, которая требовалась на границах мусульманского мира.

Крупнейшие князья, в частности эдесский, трипольский, антиохийский, были совершенно независимы от иерусалимского короля. Психологические и нравственные

[1] Рыцарь — от нем. *Ritter*, первоначально — «всадник» (лат. *miles, caballarius*).

недостатки крестоносцев, эгоизм их вождей, стремившихся к созданию на Востоке особых княжеств и к расширению их за счет соседей, слабое развитие у большинства крестоносцев политического мышления делали их неспособными подчинять свои личные узкие мотивы более высоким целям. К этому уже с самого начала добавились постоянные распри с Византийской империей.

Тем не менее западноевропейские рыцари в течение трехсот лет, то есть со времени Клермонского собора (1095) до Гуситских войн, были охвачены мессианской идеей, а польское рыцарство (шляхетство) все это время заботили лишь собственные привилегии.

1.1. Борьба шляхетства за привилегии

Существуют легенды о Земовите, сыне хлебопашца Пяста, по имени которого была названа первая польская историческая династия. Из потомков Пяста вышел князь Мешко (Mieszko I, ок. 935 — 992) — первый исторически достоверный польский князь. Владения Мешко включали в себя Великую Польшу, а также земли по среднему течению Вислы.

Болеслав Храбрый (Bolesław I Chrobry, 967—1025) — сын Мешко — продолжил строительство Польского государства. При нем была подтверждена независимость Польши от Священной Римской империи. В 1025 г. Болеслав принял королевский титул. В его правление начинает формироваться польское дворянство — *milites* («рыцарство», получавшее землю за службу князю) и *nobiles* — знать.

Еще в XIII и XIV столетиях шляхта не имела политического значения, подчиняясь воле прелатов и баронов. При этом она объективно представляла собой реальную политическую силу, что обусловливало ее стремление занять в государстве ведущее место. Шляхта была проникнута корпоративным духом, чувствами сословной солидарности и последовательно отстаивала свои интересы, которые, как правило, находились в противоречии с интересами других сословий. В средние века она усиленно боролась с духовенством. Привилегии духовен-

ства, а именно: взимание десятин, церковная юрисдикция, освобождение от военной службы и податей — все это становилось предметом вожделений шляхты.

С какого-то момента перераспределение привилегий стало смыслом существования шляхты. Но если на начальном этапе процесс перераспределения прав и обязанностей носил справедливый и, следовательно, конструктивный характер, то в XVII в. он приобрел деструктивный характер и в конце концов привел к потере Польшей государственности.

Обратимся к хронике борьбы шляхты за свои привилегии.

Привилеи[1] XIII в. (1229 и 1291) запрещают князьям увеличивать повинности, лежащие на шляхте, сверх существующей нормы.

В первой половине XIV в. шляхтичи уже присутствуют на общегосударственных съездах прелатов и баронов в качестве простых зрителей или слушателей без права голоса.

Во второй половине XIV в. король Людовик I Великий (Ludwik Węgierski, 1326—1382), даровав различные льготы государственным чинам Польши, добился от них признания одной из его дочерей наследницей польской короны. По кошицкому привилею 1374 г. шляхта освобождалась от всех государственных повинностей, за исключением платежа поземельной подати, получала исключительное право занимать должности воевод, каштелянов[2], судей, подкоморих и др. Ранее такими привилегиями пользовались только высшие светские и духовные феодалы.

С этого момента политическая эволюция шляхетского сословия станет происходить весьма быстро. В период

---

[1] *Привилеи* — привилей, от лат. *privilegium* — специальный закон; польск. *przywilej* — жалованная грамота, дававшаяся князьями или королями в Польше (с XII в.) и Великом княжестве Литовском (с конца XIV в.) отдельным лицам или сословиям (духовенство, шляхта, горожане) и закреплявшая их права и привилегии.

[2] Каштелян, шателен — польск. *kasztelan* из лат. *castellanus*, от *castellum* «замок». В феодальных государствах администратор за□мка и прилегающих территорий. Позднее кастелянами называли также смотрителей костелов, кастеляншами — кладовщиц.

1382—1384 гг., после смерти Людовика I[1], она представляла уже силу, от которой зависела судьба государства.

Имея политическую силу в своих руках, шляхта ограничила сначала самоуправление крестьянских общин, подчинив их своему контролю, чего она добилась приобретением должности солтыса[2], стоявшего во главе крестьянской общины. Вартский статут 1423 г. включает в себя постановление, на основании которого помещик мог лишить солтыса должности за ослушание и сам занять эту должность. Стеснив крестьянское самоуправление, шляхта ограничила затем свободу крестьянских переселений, установила барщину и, наконец, обратила крестьянина в крепостное состояние.

При этом до половины XV столетия шляхта еще находится в служебном положении по отношению к духовному и светскому вельможеству. Государством в это время управляет аристократия. Отношения изменяются с принятием Нешавского законодательства (1454 г.), поставившего шляхту на один уровень с представителями знати — «можновладцами». Эти привилеи король Казимир IV (Kazimierz Jagiellończyk, 1427—1492) предоставил шляхте за поддержку в его борьбе с магнатами. Привилегии ограничивали власть магнатов и

[1] Людовик I был сыном венгерского короля Карла Роберта (венг. Károly Róbert, 1288—1342) , происходившего из неаполитанской Анжуйской династии, и Елизаветы, дочери Владислава Локотка и сестры Казимира III Великого (Kazimierz III Wielki, 1310—1370), последнего короля Польши из династии Пястов. Людовик I постоянно жил в Венгрии, не вникал в сущность происходивших в Польше событий и споры из-за власти. При этом король постоянно требовал от нее денег и наконец отторгнул Червонную Русь от Польши, присоединив ее к Венгрии.

Людовик Великий был дважды женат, но не имел сыновей. От Елизаветы у него было три дочери. Стараясь сохранить целостность государства, король объявил единственной наследницей свою старшую дочь Марию. Мария была замужем за Сигизмундом, сыном Императора Карла IV Люксембургского. Но вслед за смертью Людовика I (1382) началась борьба за власть, и огромная Анжуйская монархия распалась. Младшая дочь Ядвига стала королевой Польши, а средняя Мария — Венгрии.

Деятельность Людовика I — короля Речи Посполитой, характерна для королей Польши времен ее упадка.

[2] Солтыс — от нем. *Schultheiss*. В Польше выборный староста сельского общества (громады). В старину солтыс был одновременно и судьей.

короля, были вехой в формировании польской шляхетской «республики». Таким образом, в течение длительного времени постоянно шел торг между королями и шляхтой: «Мы тебе — поддержку, ты нам — привилеи!».

Исключительно корыстные интересы побуждали шляхту устанавливать ограничительные меры и по отношению к городскому сословию. По Петроковскому статуту 1496 г. мещанам запрещалось приобретать поземельные имения под тем предлогом, что они не принимают участия в военных походах и стараются уклониться от военной службы. По данному же статуту уйти из помещичьей деревни имел право только один крестьянин. И только одного сына крестьянская семья была вправе отдавать в обучение. Бежавшего крестьянина закон разрешал помещику преследовать и возвращать назад.

Во второй половине XVI в. городское представительство уже устранено от участия в законодательстве страны. Более того, шляхта подчинила промышленность и торговлю власти воевод и старост, чем окончательно убила городское благосостояние.

При этом шляхте удалось отстоять фундаментальный принцип «ничего нового» — «nihil novi» (1505). Запрет на введение каких-либо новшеств без согласия представителей шляхты был закреплен в 1506 г. в своде законов, составленном по инициативе коронного канцлера Яна Лаского.

С начала XVI в. шляхта, превращаясь в «шляхетскую нацию»[1], была уже полноправным хозяином в государстве и осталась таким хозяином до конца существования Речи Посполитой, то есть республики — res publica.

В 30-е годы XVI в. под лозунгом «исполнения» (*executio*) прежних прав и возвращения королевских владений формируется политическое движение шляхты, получившее название экзекуционного движения. Политически активная часть шляхетского сословия стремилась добиться влияния на монарха, давая ему, таким образом, шанс укрепить собствен-

[1] *Ракитянский Н.М.* Сарматизм — ментальная основа шляхетской республики Речи Посполитой // Информационные войны. 2010. № 3. — С. 80—87.

ную власть. Сила шляхты заключалась в том, что именно ей принадлежало право определять уровень налогов, и король был не в состоянии получить необходимые ему средства другим путем, кроме как через налоговый сбор. Эта экономическая зависимость короля, а значит государства, от шляхты была инструментом политического шантажа. Шляхта сполна пользовалась этим и начала борьбу за введение права на выборы короля. В 1538 г. Сигизмунд Старый (Zygmunt I Stary, 1467—1548) пообещал шляхте, что после смерти его сына короли будут выбираться, а он сам впредь не будет принимать никаких решений без согласия сейма.

На Петрковском сейме 1562—1563 гг. были утверждены требования экзекуционистов и, в первую очередь, требование произвести ревизию полученных магнатами прав на владение королевскими землями, что должно было ослабить позиции знати; приняли также решение, что четвертая часть доходов с этих земель станет выделяться на содержание постоянной армии. В то же время шляхта попыталась переложить обязанность по защите государственных границ на короля и крепостных. Стремясь обезопасить себя от возможных притеснений со стороны монарха, шляхта сохранила за собой право на неповиновение королю.

Таким образом, в государстве, которое все более превращалось в республику «шляхетской нации», ослабевало чувство *Corpus Regni*, то есть общей ответственности за его судьбу.

С введением института выборов короля процесс саморазрушения польского государства принял лавинообразный характер. Чтобы добиться избрания, кандидаты в короли выдавали шляхте все новые и новые привилегии. Процесс этот имел свой финал в том смысле, что рано или поздно должен был наступить такой момент, когда шляхта становится независимой от короля, то есть у монарха не остается привилегий, которые могут удовлетворить шляхту. И такой момент наступил. Шляхта перестала считаться с монархом и, как следствие, с государственными интересами Речи Посполитой. Личное возобладало над общественным и государственным, в результате

чего в Польше утвердился своеобразный политический строй, получивший название «шляхетской демократии».

В 1572 г. умер Сигизмунд II Август (Zygmunt II August, 1520—1572), наследника он не оставил. Между различными группировками шляхты и магнатов сразу вспыхнули конфликты, источником которых была процедура избрания нового короля и назначения временного председателя сената.

Шляхта ревниво следила за тем, чтобы раздача владений и должностей не приводила к усилению позиций короля и чтобы государство не ущемляло их прав. В 1573—1575 гг. в политической жизни установилась главенствующая роль сейма. Но в условиях дальнейшего усиления имущественного расслоения шляхты это привело в XVII в. к усилению роли магнатерии — польской аристократии.

Со второй половины XVII в. начинается упадок Речи Посполитой[1]. В 1652 г. в сейме впервые на практике был применен принцип *liberum veto* — свободное вето, когда для срыва принятия решения было достаточно одного голоса. В историю вошло имя шляхтича В. Сицинского, который своим единоличным вето воспрепятствовал продолжению сеймовой сессии и демонстративно покинул зал заседания.

Этот случай имел весьма серьезные последствия для судьбы Польши. «Принципы демократии» оказались доведенными до абсурда, и государство было ввергнуто в хаос. Впрочем, подавляющее большинство польских историков, политических деятелей и полонофилов представляют во всем

[1] Примером упадка Польского государства может служить история крылатой гусарии. В свое время крылатая гусарская кавалерия стала одним из наиболее известных символов Речи Посполитой, прочно ассоциирующимся с могуществом польской армии на полях сражений в период, когда государство находилось на пике своего могущества и простиралось «от моря и до моря» — «od morza do morza» (польск.).

Польская гусария еще в XVII в. считалась «лучшей кавалерией христианского мира». Вместе с упадком самой Речи Посполитой приходит в упадок и польская гусария. Если в 1706 г. гусары еще сражаются при Калише, то позднее гусария превращается фактически в декоративное, церемониальное воинское формирование, предназначенное скорее для парадов и смотров, чем для войны. Из-за их частого появления в погребальных кортежах знатных лиц гусаров вскоре стали именовать «погребальным войском».

мире шляхетскую демократию с ее *liberum veto* как великое достижение человечества. Все беды Речи Посполитой они объясняют не эгоизмом и корыстью шляхты, а кознями вероломных соседей.

Таким образом, по мнению выдающегося русского геополитика Н.Я. Данилевского (1822—1885), «германский аристократизм и рыцарство, исказив славянский демократизм, произвели шляхетство; европейская же наука и искусство, несмотря на долговременное влияние, не принялись на польской почве так, чтобы поставить Польшу в числе самобытных деятелей в этом отношении»[1].

1.2. Разборы шляхты[2]

Государственная система Речи Посполитой, опиравшаяся на «принципы демократии», вступила в период неустойчивости и стала распадаться. При этом распад не был результатом внешних воздействий. Польшу разрушили внутренние механизмы так называемой шляхетской демократии. С развалом государства начались проблемы и у шляхты.

После первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. власти России столкнулись с проблемой наличия многочисленной прослойки привилегированного сословия на присоединенных землях. Общее количество шляхты составляло 7—8% всего населения Польши, ее имущественный и социальный статус был разнообразен и не вписывался в существующий статус дворянина Российской империи.

Сразу после первого раздела российские власти начали проводить мероприятия по исключению малоимущей шляхты из привилегированного сословия. Разбор шляхты осуществлялся на территориях Южной Лифляндии с Динабургом,

---

[1] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. — М.: Известия, 2003. — С. 150.

[2] Разборы шляхты — процедура подтверждения потомственного дворянства шляхтой на территориях, отошедших к Российской империи после разделов Польши. В ходе разборов шляхты значительная часть малоимущей шляхты исключалась из привилегированного сословия.

восточной Белоруссии с Полоцком, Витебском и Могилевым и восточной части Черной Руси (правобережье Западной Двины и левобережье Березины).

В частности, в правах русского потомственного дворянства признавались:

чины государственные: воеводы, староста Самонитский, каштеляны высшего и низшего разрядов, обер-гофмаршал, надворный маршал, великий гетман, польный гетман, обер-канцлер, подканцлер, великий подскарбий, надворный подскарбий, коронный секретарь, рефендарий (помощник канцлера) и т. д.;

чины придворные: великий подкоморник (обер-камергер), великий конюший (обер-шталмейстер), подконюший, ловчий, кухмистер, стольник, подчаший, крайчий, подстолий, чешник и шамбелян (камергер);

земские чины: подкомории[1], старосты, подвоеводы, судебные и подстаросты, старосты городские, писари городские, поветовые маршалы[2], хорунжие[3], земские судьи, подсудки[4], писари, регенты, стольники, подстольничьи, чешничии, подчашии, ловчие, меченосцы или мечники, конюшие, крайчие, скарбники, обозные, стажники, мостовничие, будовничие, подсполничии, лесничие, струкчашие и пр.

Занятие одной из этих должностей кем-либо из предков давало права русского потомственного дворянства.

Документальными доказательствами дворянского статуса служили: акты определения в эти звания и должности. Если же подобный акт отсутствовал, то требовались другие бумаги, из которых было бы видно, что данное лицо дей-

---

[1] Подкоморий (польск. *podkomorzy*) — земский чин. В старой Польше и Литве — судья по спорам о границах имений. Должность была довольно престижной, ее занимали представители многих шляхетских родов, например, Собеских и Храповицких. Существовали два придворных подкомория (коронный и литовский), последними в разное время были Григорий Ходкевич и Януш Радзивилл.

[2] Поветовый маршал — предводитель дворянства.

[3] Хорунжий (польск. *chorąży*) — войсковая должность во многих странах Восточной Европы, происходящая от знаменосца.

[4] Судейские чины.

ствительно занимало должность, которая была сопряжена с принадлежностью к дворянскому сословию. Кроме того, доказательством дворянского происхождения считалось удостоверение о том, что предок соискателя дворянства до 1795 г. занимал должность или состоял в чине или звании, удостоверенном королевскою грамотой. При этом должно быть соблюдено условие, что это звание или чин давали ему первенство перед бесчиновной шляхтой на сеймиках[1] или место между сановниками и дигнитариями[2] королевства, а также патенты на чины военные, подписанные королем, а до конституции 1776 г. и гетманами, в которых лицо, получающее чин, названо «урожденным»[3].

Так, например, в Высочайше утвержденном докладе белорусского генерал-губернатора от 13 сентября 1772 г. шляхте указывалось подать губернским властям документы с подтверждением своего дворянского происхождения. В специальном указе разъяснялось, что через земские суды в губернские канцелярии должны подаваться списки всех членов дворянских семей с подробным описанием происхождения рода, гербами, со всеми упоминаниями и документами. В указе подчеркивалось, что впредь без царского соизволения никто не мог называть себя шляхтой и пользоваться шляхетскими правами. После указа от 14 июня 1773 г. шляхта должна была доказывать свое происхождение в Верховных провинциальных земских судах.

Во время ревизии 1772—1774 гг. часть чиншевой и служилой шляхты была записана в крестьянское сословие. Самые «нижние» слои шляхетского сословия — «земляне» и «панцирные бояре» — были записаны крестьянами поголовно. При этом их обложили подушным налогом и рекрутской повинностью.

---

[1] Польск. *sejm* — собрание шляхты одного уезда.

[2] В Польше сановники, имевшие еще титулы: великий, надворный, польный, то есть полевой. От лат. *dignitarius* от *dignitas* — достоинство; польск. — *dignitarże*.

[3] *Савелов Л.М.* Лекции по русской генеалогии. — Москва, 1908; *Rychlikowa I.* Carat wobec polskiej szlachty na ziemiach zabranych w latach 1772—1831 // Kwartalnik Historyczny. 1991. Nr. 3. S. 51—83.

После Жалованной грамоты дворянству 1785 г. оформились «корпоративные» права дворянства Российской империи. Все дворянские роды должны были быть внесены в Родословные книги, для чего требовалось представить необходимые доказательства своего «благородного происхождения».

Второй раздел Польши состоялся в 1793 г. В результате Россия получила Западную Белоруссию с Минском, центральную часть Черной Руси, Восточное Полесье с Пинском, Правобережную Украину с Житомиром, Восточную Волынь и большую часть Подолии с Каменцом и Брацлавом. Мероприятия по упорядочению шляхты, естественно, распространились и на эти территории.

Лишение привилегий значительной части шляхты не могло остаться без последствий. Разбор шляхты представлял собой длительный процесс. Сначала выходили указы и другие правовые акты. Потом следовали организационные мероприятия, анализ собранных документов, после чего часть шляхты лишалась привилегий. Это не могло не вызвать недовольства. Те, кто лишился ряда привилегий и вынужден был платить налоги, отдавать в рекруты сыновей и перестал называться «рыцарями», взбунтовались.

На формирование критической массы недовольных шляхтичей ушло около двадцати лет. Именно лишенные привилегий шляхтичи являлись социальной базой восстания Т. Костюшко (Andrzej Tadeusz Bonawentura Kościuszko, 1746—1817). Известно, что основу войска мятежного диктатора составляла конная бригада генерала А.Ю. Мадалинского (1739—1805), которая отказалась выполнять решение Гродненского сейма о ее ликвидации. То есть в основе бунта профессиональных военных лежал не патриотический, а меркантильный фактор. Среди восставших, конечно, были патриоты, мечтающие о Великой Польше, но большинство боролось за восстановление привилегий. После подавления восстания Т. Костюшко в 1794 г. между Австрией, Пруссией и Россией была достигнута договоренность о третьем разделе Речи Посполитой. Договор, утверждающий новые границы,

был подписан 26 января 1797 г. в Петербурге. Территория, перешедшая под власть Российской империи, разделялась на губернии (Курляндскую, Виленскую и Гродненскую). Здесь сохранялась прежняя правовая система (Литовский статут), выборность судей и маршалков[1] на сеймиках, а также крепостное право.

Сословия однодворцев и граждан Западной губернии были упразднены после указа от 19 февраля 1868 г. Однодворцев приравняли к крестьянам. Гражданам давался год для того, чтобы они сделали выбор между крестьянским и мещанским сословием. Остальным необходимо было за три года представить документы, подтверждающие право владения землей с крестьянами либо принадлежность к шляхетскому сословию во времена Речи Посполитой. Подавляющее большинство мелкой шляхты таких документов предоставить не смогло. При этом в сословие однодворцев и граждан было переведено около 200 тысяч человек[2].

«Из польских родов с тех пор пользуются княжескими титулами: Чарторыйские, Гедройцы, Яблоновские, Любомирские, Радзивиллы, Сангушко, Сапеги, Сулковские, Огинские, Корибут-Воронецкие.

Графский титул носят 120 родов, из них в России в графском достоинстве признаны 56, то есть более половины не были признаны. Приведем перечень тех, кто сохранил графский титул:

Александровичи, Бобровские, Борх, Браницкие, Бржостовские, Белинские, Валевские, Велепольские, Водзицкие, Волловичи, Вельгорские, Гауке, Грабовские, Грохольские, Гуровские, Гуттен-Чапские, Езерские, Замойские, Збоинские, Илинские, Квилецкие, Кицинские, Комаровские, Корвин-Коссаковские, Красинские, Красицкие, Круковецкие, Ледоховские, Лоси, Лубенские, Любенецкие, Малаховские, Микорские, Миончинские, Мнишки, Мостовские, Мощенские, Ожаровские, Оссолинские, Островские, Остророги, Полетыло,

[1] Маршалок (польск. *marszalek*), придворные чины в Польше с XIV в.

[2] *Лыков И.П.* Подборка материалов. 2005. URL: http://kdkv.narod.ru.

Потоцкие, Потулицкие, Пржездецкие, Ржевуские, Скарбеки, Стадницкие, Старженские, Суходольские, Тарновские, Сераковские, Тышкевичи и Холоневские.

От Римских пап графский титул получили 17 родов, но русским правительством они не были признаны.

Баронских рода — 32, из них в России признаны только шесть: Вышинские[1], Горохи, Косинские, Растовецкие фон-Симолины и Шодуар»[2].

Таким образом, после каждого территориального приобретения Россия устраивала длительную процедуру шляхетских разборов, в результате которых значительная часть шляхтичей теряла свои льготы, что вызывало бунты и так называемые польские восстания.

«Рост патриотических настроений», «романтическое влияние великих революций во Франции» на умы шляхтичей — все это мифология, созданная шляхетской интеллигенцией. В той исторической реальности поведение восставших в решающей степени определялось меркантильными мотивами. Движущей силой всех трех «знаменитых польских восстаний» являлась пораженная в правах в результате разборов часть шляхетского сословия. Польская и полонизированная литовская, украинская и белорусская аристократия, признанная Российской империей, активного участия в восстаниях не принимала. А если даже и принимала в лице отдельных ее представителей, то действовала крайне нерешительно и непоследовательно, чему есть простое объяснение — в случае поражения аристократия многое теряла.

«Патриотизм», в отличие от хорошо сознаваемой вполне реальной выгоды, требует системы соответствующего воспитания и наличия механизмов его реализации. Несомнен-

[1] Советский политический и государственный деятель А.Я. Вышинский (1883—1954) принадлежал к польскому баронскому роду. Отец Андрея Януариевича — выходец из старинного польского шляхетского рода. Януарий Феликсович Вышинский был провизором, родственником кардинала Стефана Вышинского; мать — учительницей музыки.

[2] URL: http://psodor1906.narod.ru/pol.html.

ным фактом является то, что патриотизм наиболее развит в так называемых авторитарных государствах. В «демократической» Речи Посполитой подобные механизмы отсутствовали. Католическая Церковь в те времена отстаивала, в первую очередь, интересы Ватикана, отсюда ее действия имели скорее деструктивный, нежели позитивный характер. Например, ксендзы провоцировали вражду между католиками и православными. Студенты знаменитых польских университетов всегда принимали активное участие в бунтах, но их количество было незначительным.

Отмечены случаи, когда хлопы (*chłop* — крестьянин), веря в обещания хозяев добиться бунтами лучшей жизни, выступали вместе с ними против «москалей», но со временем приходило отрезвление. Хлопы, в лучшем случае, бросали шляхтичей, в худшем — физически их уничтожали или выдавали русским властям.

Все это позволяет сделать вывод о том, что патриотическое движение в Польше было в реальности маргинальным явлением.

1.3. Духовная жизнь магнатерии и шляхетства

Реформация в Речи Посполитой не привела к политическим и социальным потрясениям, которые затронули большую часть Европы. Распространение реформации практически не встречало сопротивления. От католицизма отворачивались по причине его глубочайшего упадка. Высшее духовенство вело светский образ жизни, с небрежением относясь к своим церковным обязанностям. В начале XVI в. многим жителям Польши был присущ антиклерикализм. Отдельные представители епископата являлись в большей степени гуманистами и политиками, чем духовными лицами. Своим образом жизни и взглядами они способствовали распространению протестантских тенденций. Шляхетская реформация, в свою очередь, носила поверхностный характер, не имела под собой теологического фундамента. И именно это считается причиной того, почему многие представители

шляхты возвращались в лоно католицизма. Шляхта защищала Речь Посполитую, а в ней — свое право на религиозную свободу. Свобода же как высшая ценность принималась всеми. Потому и не исполнялись королевские эдикты, например, 1551 г., зато шляхта всех религиозных ориентаций поддержала в 1563—1565 гг. отмену права церковных судов принимать решения по светским делам.

Католики выступали категорически против преследований на религиозной почве, понимая, что если начать с хлопов, то дело скоро дойдет и до шляхты. На этой почве продолжались ожесточенные дискуссии, доходило даже до острого противостояния, но религия так и не стала ареной насильственной борьбы. «Общее дело», каким представлялось государство, в достаточной степени поглощало внимание шляхты; ее материальное положение, в свою очередь, не способствовало распространению радикальных религиозных настроений. Шляхта, контролирующая власть в стране, была кровно заинтересована в том, чтобы религиозные споры не привели к гражданской войне.

Шляхта стремилась к комфорту, отличалась меркантильностью и всячески старалась исключить любой риск, способный поколебать ее власть. В то время, когда западноевропейские рыцари освобождали Гроб Господень в Иерусалиме, шляхта отчаянно билась за свои привилегии.

Польской аристократии и шляхте вообще не свойственна аскеза как добровольное принятие на себя трудностей, неудобств и главное — нравственных самоограничений. Элиты не желали испытывать себя аскезой, смыслом которой является духовное очищение себя перед Богом, исполнение его заповедей[1].

[1] Аскеза (от греч. *askesis* — упражнение, практика) — совокупность форм и методов самоограничения и самоконтроля. Те или иные виды аскезы существуют в большинстве религий мира. По словам Патриарха Кирилла, «аскеза — это способность регулировать свое потребление, в том числе и идеи и состояние своего сердца. Это победа человека над похотью, над страстями, над инстинктом. И важно, чтобы этим качеством владели и богатые, и бедные. Вот ответ Церкви. Мы должны научиться управлять своими инстинктами, мы должны научиться управлять своими страстями». URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Аскет.

Для анализа духовно-ментальных структур в картине мира доктор филол. наук Е.Е. Стефанский оперирует понятием *код культуры*, понимая его как «сетку», которую культура «набрасывает» на окружающее, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его[1]. В ряду таких кодов культуры, как пространственный, временной и предметный, в структуре любого менталитета именно *религиозный код* является ключевым.

Религиозная вера глубже охватывает всю внутреннюю жизнь человека, чем, например, его политико-экономические убеждения. Она гораздо сильнее действует на его знание о себе, на его отношение к ближним в пределах семьи, общества и государства. Жизненные выводы из вероучения переходят в быт, обращаются в предания, проникают в плоть и кровь народа, они проявляются и в политическом поведении.

Невозможно говорить о политических идеалах шляхетского менталитета иначе, как в совокупности с его религиозно-католическими установками. Сами поляки связывают свою историю с западным мировоззрением вообще и католичеством — в особенности. Н.Я. Данилевский (1822—1885) по этому поводу писал, что «…Польша была более других славянских стран свободна от непосредственного внешнего политического давления германо-романского мира, зато она более всех подчинилась нравственному культурному господству Запада, путем латинства и феодального соблазна действовавшего на ее высшие сословия; и, таким образом, сохранив до поры до времени свое тело, потеряла свою славянскую душу»[2]. Но католическая религиозность польского правящего класса имела свои особенности.

Так, в Польше в высшее духовенство путь был открыт только лицам из аристократического сословия, из магнатов и шляхты, то есть родовитого дворянства. Мещанству же и тем

---

[1] *Стефанский Е.Е.* Концептуализация негативных эмоций в мифологическом и современном языковом сознании (на материале русского, польского и чешского языков): Автореф. дис. доктора филол. наук. — Волгоград, 2009.

[2] *Данилевский Н.Я.* Указ. соч. С. 521.

более крестьянству доступ туда был совершенно закрыт. Католицизм в Польше изначально был преимущественно «панской религией». Ничего подобного в России, в православных странах никогда не существовало. Наше духовенство было истинно народным. Священники часто выходили из недр крестьянства. Аристократические выходцы были редкостью, и самым выдающимся из них остается ученый, богослов и проповедник епископ свт. Игнатий Брянчанинов (1807—1867)[1].

Римская курия[2] всегда имела в своем распоряжении достаточно способов, чтобы заставить польских правителей считаться со своей волей. Все, кто сколько-нибудь касался польского вопроса, с очевидностью могут наблюдать определяющее влияние католического духовенства на поляков и на польскую историю. В Польше Римский папа всегда держал в своих руках небольшую, но влиятельную аристократическую группу духовных магнатов и через них осуществлял свою политику. Ее центром и основой неизменно являлось продвижение ментальной экспансии католичества на Восток. Это папы делали всегда и во всех случаях, почему и значение Польши в глазах Рима выдвинулось на первостепенное место в деле принудительного окатоличивания русских. Польша — передовой форпост для продвижения католичества на восток Европы[3].

1.4. Политические нравы шляхты

Важные свидетельства о национальном характере шляхты, ее политических и «демократических» нравах оставил писатель, журналист, издатель и критик Фаддей Булгарин (урожденный Ян Тадеуш Булгарин, 1789—1859). Это был незаурядный человек с интересной и бурной судьбой. Тадеушем в честь Костюшко его назвал отец, поляк, ярый республиканец, сражавшийся в мятежных войсках последнего. Фаддей прошел наполеоновские войны: принимал участие в подавле-

---

1 *Святитель Игнатий* (*Брянчанинов*). Пишу к вам прямо из сердца: Сб. писем / Сост. Е.А. Смирнова. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007.

2 *Curia Romana,* лат., — главный административный орган Ватикана.

3 *Федченков В.*, митр. Духовный лик Польши // Наш современник, 2004. № 9.

нии испанских восстаний, с конницей С. Понятовского шел на Москву, потом присягнул, как и многие «свободолюбивые» и мятежные шляхтичи, русскому императору, поселился в Петербурге, где занялся журналистикой и литературой.

Булгарин обладал большим обаянием, энергией и невероятной коммуникабельностью. Он был вхож в дома Радзивиллов, Чарторыйских, Потоцких.

Уж кто-кто, как не он, знал польские нравы: «В Польше искони веков толковали о вольности и равенстве, которыми на деле не пользовался никто, только богатые паны были совершенно независимы от всех властей, но это была не вольность, а своеволие...». «Мелкая шляхта, буйная и непросвещенная, находилась всегда в полной зависимости у каждого, кто кормил и поил ее, и даже поступала в самые низкие должности у панов и богатой шляхты и терпеливо переносила побои — с тем условием, чтобы быть битыми не на голой земле, а на ковре, презирая, однако же, из глупой гордости занятие торговлей и ремеслами, как неприличное шляхетскому званию. Поселяне были вообще угнетены, а в Литве и Белоруссии положение их было гораздо хуже негров...» Например, в воспоминаниях французского инженера де Боплана[1], написанных им в середине XVII в., говорится о том, что шляхтичи служили у него возницами[2].

Таким образом, среди шляхтичей существовала своеобразная иерархия: были шляхтичи «первого, второго и т. д. сорта». «Низкосортные» шляхтичи пресмыкались перед «высокосортными». Богатые могли отобрать собственность у бедных шляхтичей. А бедные шляхтичи почитали за счастье отдать в наложницы какому-нибудь «Радзивиллу» своих дочерей и младших сестер.

При этом короля все без исключения шляхтичи воспринимали как равного себе «пани-браты» и всегда оставляли за

---

[1] Гийом Левассер де Боплан (1595—1685), французский инженер и военный картограф, с начала 1630-х до 1648 г. находился на польской службе, преимущественно на территории Украины.

[2] *Булгарин Ф.В.* Собрание сочинений. URL: http://az.lib.ru/b/bulgarin_f_w/.

собой право на рокош. Рокош — это шляхетская конфедерация, направленная против короля.

Каждый шляхтич мог при желании иметь частную армию. Материальное положение хозяина-командира определяло ее количественный и качественный состав. Такие многочисленные и разношерстные частные вооруженные формирования находились в состоянии постоянной вражды. Возникали и распадались коалиции, каждый день появлялись и исчезали внешние и внутренние враги. Повод для войны мог быть любым: от желания обладать женщиной соседа до несогласия с решением короля. Но ни один из бесконечного множества конфликтов не перерос в гражданскую войну. Ни одно восстание против «оккупантов» не переросло в отечественную войну. Сопротивление «захватчикам» не носило ожесточенного характера народной войны, как это было, например, в Испании, Ирландии, России.

В истории практически не встречается этнос с подавленным архетипом авторитета. «Авторитет» — весьма значимый адаптивный архетип, определяющий поведение человека или группы людей в экстремальных ситуациях войны или других бедствий. Во всем мире люди в момент тяжких испытаний, когда утрачиваются привычные ориентиры, действуют, подчиняясь воле и командам «авторитета». Это вполне естественно, ибо «авторитет» — это человек, обладающий большим умом, энергией и организаторским талантом. Данный архетип, сформированный на заре человечества, помогал этносу выжить. У шляхты этот архетип атрофировался, что значительно снизило ее «выживаемость» и повысило уровень социальной энтропии. Этот процесс имел, несомненно, политически деструктивный характер. Он приобрел в соответствии с формулой Т. Гоббса характер «войны всех против всех». В этой связи вновь обратимся к классику отечественной политологии Н.Я. Данилевскому: «…кому случалось видеть отвратительное, но любопытное зрелище драки между большими ядовитыми пауками, называемыми фалангами, тот, конечно, замечал, как нередко это злобное животное, пожирая с яро-

стью одного из своих противников, не ощущает, что другой отъел уже у него зад. Не представляют ли эти фаланги истинную эмблему шляхетско-иезуитской Польши — ее символ, герб, выражающий ее государственный характер гораздо вернее, чем одноглавый орел?»[1].

В мирное время основными занятиями шляхты были охота, полонез и прочие галантные увеселения. А воинскую повинность, например хождение в караул, за них несли хлопы.

В XVIII в. польский шляхетский сейм издал постановление, вынуждавшее белорусов пользоваться во всех государственных учреждениях только польским языком. Православные в ту эпоху не имели права занимать государственные должности. Все церковные требы — крещения, браки, похороны — совершались только с разрешения католического ксендза. Жили белорусы, по описанию польского идеолога Просвещения, философа, ученого и литератора С. Сташица (1755—1826), так: «Я вижу миллионы творений, из которых одни ходят полунагими, другие покрываются шкурой или сермягой; все они высохшие, обнищавшие, обросшие волосами... Наружность их с первого взгляда выказывает больше сходства со зверем, чем с человеком... пища их — хлеб из непросеянной муки... А в течение четверти года — одна мякина...»[2].

Даже бедные шляхтичи резко дистанцировались от холопов (хлопов), которых называли «быдлом». *Bydio* — это тягловый крупный рогатый скот, в широком понимании — приблизительный аналог русского ругательства «скотина». Истинный шляхтич предпочел бы умереть с голода, но не опозорить себя физическим трудом.

Каждый из них отличался особым «гонором» (от лат. *honor* — честь), то есть чванливым высокомерием, заносчивостью и спесью. Существует миф о том, что шляхта обладала обостренным чувством собственного достоинства и храбростью. Обратим внимание на то, что исследователи польской

---

[1] *Данилевский Н.Я.* Указ соч. С. 55.

[2] Цит. по: *Лебедев С., Стельмашук С.* Белорусский феномен. URL: http://rusk.ru/st.php?idar=110165.

шляхты, польских элит свои статьи всегда начинают с фразы о храбрости, доблести и благородстве, отдают, так сказать, должное, и лишь потом переходят к «отдельным недостаткам» польской аристократии и шляхетства.

Но может ли называться благородным и просвещенным сословие, способное уничтожить в XX в. сотни православных храмов? Сжечь самые красивые здания и великолепные мосты в Киеве, как это сделали шляхтичи при отступлении в 1920 г.? Как оценить варварство по отношению к военнопленным и хлопам, которое чинило шляхетство всю историю своего существования?

В Российской империи тоже было крепостничество и холопов господа не жаловали. Русские дворяне и помещики тоже нередко отличались жестокостью, но никто в России их не называл и не называет «просвещенными демократами». Так что, с одной стороны, сейм, выборность короля как образец «демократии», с другой — народ, быдло и собачья кровь — «пся крев». Одна страна — две нации, две Польши.

1.5. Право на рокош

Существование и развитие любого государства обеспечивается сохранением непреложных законов его функционирования. Например, закономерности биологической структуры описываются явлением *биоценоза*. Биосистема может существовать самостоятельно, если получает энергию извне, обычно прямо от солнца. Число видов в биоценозе, место в экологической нише каждого из них, связи с другими видами складываются естественным путем. Если в результате деятельности человека круговорот элементов в биосистеме нарушается, начинается деградация экологической системы, которая представляет опасность и для человека. Аналогичные закономерности присутствуют и в структурах других уровней системы жизнеобеспечения.

В соответствии с правилом «каждый элемент системы оказывает влияние на все другие элементы» и принципом гармонии «уравновешенности частей в целом» представ-

ляется возможным рассматривать функционирование, например, политических структур в системе того или иного государства. Так, психоценоз обеспечивает гармонические отношения в социуме, предполагая сохранение в человеческом сообществе того или иного государства разнообразных психологических типов.

А.И. Юрьев определяет *психоценоз* как совокупность людей с различными психологическими свойствами, особенностями, состояниями, которые составляют политическое общество[1]. При этом психологические особенности людей могут радикально отличаться. Развитому обществу приходится считаться с неистребимостью психологических различий между людьми и целыми социальными группами. Людям с различными психологическими качествами и свойствами приходится существовать в единой социально-политической системе.

Мы говорим о «психоценозе» как о некой равновесно-динамической системе. Когда по каким-либо причинам равновесие нарушается, среди прочих феноменов общество в лице как правителей, так и обывателей чаще всего неожиданно для себя обнаруживает и некоторые весьма неприятные политические явления. Политическая система в Польше исторически складывалась таким образом, что определенные преимущества стремилось получить и получило шляхетство как наиболее активная, пассионарная часть общества. А получив свои необоснованные «привилеи» и злоупотребляя ими, оно нарушило равновесие в обществе и государстве.

Шляхтичам нравилось называть себя рыцарями. В «Этимологическом словаре русского языка» мы находим: «РЫЦАРЬ. Др.-рус. заимств. из польск. яз., где *rycerz* <ср.-в. нем. ritter «всадник»[2]. «Словарь иностранных слов» говорит нам, что рыцарь — это «самоотверженный, великодушный и благо-

[1] *Юрьев А.И.* Введение в политическую психологию. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1992. — С. 148—155.

[2] *Шанский Н.М., Боброва Т.А.* Этимологический словарь русского языка. — М.: Прозерпина, 1994. — С. 279.

родный человек»[1]. В.В. Колесов пишет, что русские историки и философы тосковали о том, что Русь-Россия не знала рыцарства. Он приводит слова И. Ильина: «Спасение России в воспитании и укреплении рыцарства». Признаки рыцарства, указанные философом, совмещают в себе признаки героя и святого. Но в своем исследовании В.В. Колесов говорит также о «рыцаре больших дорог», который «служит *добру*, только если это не входит в противоречие с нуждами собственного его *добра* — имущества, уже накопленного… В России разбойник оставался разбойником. В Европе разбойник стал рыцарем»[2].

Шляхетство объединило и сфокусировало в себе людей с таким психологическим качеством, как стремление к свободе, как они ее, эту свободу, понимали. Эта мобильная, динамичная и беспринципная социально-политическая группировка изначально складывалась из амбициозных и алчных людей с безудержным влечением к авантюризму и доминированию. Каждый шляхтич считал себя высшей инстанцией, и, что было для них естественно, все они отрицали общепринятые нормы. Для них существовал только один авторитет — авторитет реальной силы. Совокупность людей с такими и другими особенностями, о чем будет сказано ниже, в психологии и психиатрии идентифицируют как *психопатический* тип, который ассоциируется с *психологией бессознательного*[3].

Определенная критическая масса вооруженных, социально безответственных субъектов в конкретном политическом контексте, не уравновешенная другой политической силой, правовыми основаниями жизни или внутренними сдерживающими началами, такими как мораль и нравственность, начинает вести себя в качестве относительно автономного, весьма эгоистически-агрессивного и непредсказуемого

---

[1] Словарь иностранных слов — 19-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1990. — С. 450.

[2] *Колесов В.В.* Язык и ментальность. — СПб., 2004. — С. 152.

[3] Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала / Под науч. ред. д-ра психол. наук, проф. А.И. Юрьева. — СПб.: Logos, 2006.

политического образования. При этом они противопоставляют себя не только обществу, но и центральной власти. Наш анализ исторических событий позволяет предполагать, что право на *рокош* в известной мере может объясняться собственно психологическими причинами, хотя, и это очевидно, только ими не исчерпывается.

1.6. Шляхетские комплексы

В начале этого раздела предоставим слово польскому писателю, лауреату Нобелевской премии 1980 г. в области литературы Чеславу Милошу (Czesiaw Miiosz, 1911—2004): «Начало всему — шестнадцатый и семнадцатый век. Польский язык — язык господ, к тому же господ просвещенных, — олицетворял изысканность и вкус на востоке до самого Полоцка и Киева, Московия была землей варваров. С которыми — как с татарвой, вели на окраинах войны...». «Поляки так или иначе ощущали свое превосходство. Их бесило какое-то оловянное спокойствие в глубине русского характера, долготерпение русских, их упрямство...». «Свое поражение в войне поляки встретили недоуменно... Побежденные презирали победителей, не видя в них ни малейших достоинств»[1].

Первичный этап процесса становления шляхетского сословия носил в целом позитивный характер. Именно на данном этапе Польша достигла вершины своего могущества. Однако «золотой» XVI в. является и началом конца польской государственности. Шляхта, сосредоточив в это время практически всю полноту власти в своих руках, утратила стимулы к развитию. Солнце для шляхетства остановилось в зените, и это означало закат ее истории. Началось разложение правящей элиты. Каждый самый захудалый шляхтич считал себя равным королю.

Ощущение неограниченной власти и безнаказанности ослабляло волю, притупляло чувство самосохранения. Шляхта перестала воспринимать внешнюю опасность, отказалась перечислять деньги на содержание армии. Шляхтичи и польская

[1] Цит. по: *Куняев С.* Шляхта и мы // Наш современник. 2002. № 5.

аристократия гнушались любого труда, в том числе ратного. Их не привлекало освоение дальних земель и морских просторов.

Взглянем на карты Балтийского и Северного морей. Эти моря омывали берега Швеции, Польши, Дании, Германии, Нидерландов, Бельгии, Великобритании, Норвегии.

Россия со времен Ливонских войн боролась за выход к Балтийскому морю и только благодаря победе в великой Северной войне (1700—1721) этот выход получила.

Все перечисленные страны, за исключением Польши, имели заморские колонии. Например, Швеция, помимо обширных колоний в Европе, в разные периоды времени имела следующие заморские владения: острова Гваделупа (1813—1814) и Сен-Бартельми (1784—1878), в Северной Америке — Новая Швеция (1638—1655), в Африке — Золотой Берег (1650—1653).

Даже маленькая Голландия была великой колониальной державой и какое-то время на равных конкурировала с Англией и Францией.

Подавляемая Швецией и Данией Норвегия владела Оркнейскими и Шетландскими островами, пока король Христиан I в 1468 г. не отдал их в залог шотландскому королю. Тем не менее остров Буве в Южной Атлантике, с прилегающим к нему шельфом, находится в зависимости от Норвегии.

Только поляки, столетиями имеющие доступ к морю, проявили пассивность и остались без колоний. Этому, с первого взгляда, непонятному факту есть свое объяснение. Освоение морских просторов и колонизация заморских земель — задача стратегическая, следовательно, государственная. Только с помощью правящих династий и центральных органов власти можно проводить подобные масштабные операции. Примером тому служат Португалия, Испания, Великобритания, Голландия, Франция и т. д. Правда, известны примеры стихийной колонизации, например, викинги «в частном порядке» освоили Исландию и Гренландию.

Россия двадцать лет вела кровавую Северную войну, чтобы прорваться к Балтийскому морю, после чего она стала Империей, русские открыли Антарктиду, колонизовали Аля-

ску и часть Калифорнии. Русские мореплаватели совершали кругосветные путешествия, ими, в частности, были открыты многие острова Туамоту. На карте мира Туамоту имеет второе название: «острова Россиян», и многие из атоллов названы в честь русских: Кутузова, Румянцева и т. д. Все это стало возможным благодаря сильному государству, которое обеспечило необходимые для экспедиций ресурсы.

В Польше роль государства была сведена к нулю, и поляки оказались не способны не только к решению стратегических задач, но даже к их постановке. Пассионарный потенциал нации не использовался властью для великих свершений, а был сожжен во внутренних конфликтах. Именно поэтому Речь Посполитая, имеющая природный доступ к морю, не стала морской державой. Этим же обстоятельством можно объяснить беспомощность попыток аристократов и шляхетства восстановить постоянно утрачиваемый суверенитет страны.

Польские элиты до сих пор отрицают свою ответственность за многовековое унижение своей родины. По их мнению, только внешний фактор является причиной всех бед и несчастий Польши. Так, М. Мушиньский, профессор Университета кардинала С. Вышинского, и К. Рак, историк и философ, в статье «Историю Польши вновь пишут русские и немцы» настаивают на том, что: «Истинная история Польши не известна миру и, что еще хуже, не известна нам самим. То, что мы знаем о своей истории, было в значительной мере навязано нам имперскими державами, которые с начала XVIII в. стремились уничтожить Польшу и польский дух. Их самым большим успехом было привитие полякам предрассудка, согласно которому мы сами несем ответственность за почти трехсотлетнюю зависимость от чужих держав. Здесь мы имеем дело с одним из основных социотехнических приемов колониального владычества — имперское завоевание представляется благодеянием, оказанным покоренному. В XVIII в. поляки якобы не умели править сами, страна впала в анархию, и поэтому Россия, Пруссия и Австрия совершили акт милосердия и разделили между собой “больную Польшу”.

Еще один прием имперской манипуляции заключается в разрушении имиджа покоренного народа. Поэтому захватчики упрекали Польское государство, погрязшее в анархии, в том, что оно угнетало иноверцев и представляло собой угрозу стабилизации в Центрально-Восточной Европе»[1].

«Польше не повезло с географией», — выразила мнение польской элиты известная киноактриса Беата Тышкевич, представительница древнего графского рода. В такой логике источниками многочисленных польских бед всегда предстают любые внешние обстоятельства, в том числе и геополитические, а именно — Россия и Германия, между которыми Польша имела «несчастье» оказаться.

Современные польские интеллектуалы, в соответствии со своей нерефлексивной *экстернальной* традицией, потешаются над «тремя злыми клоунами» — Черчиллем, Рузвельтом и Сталиным, наблюдающими за Европой с высокого помоста, с которого руководители мира шутят, рассказывают анекдоты, говорят Сталину комплименты и, между прочим, обсуждают послевоенный раздел Польши. Черчилль предлагает сдвинуть ее границы на запад, рисуя спичками этот «трансфер»[2].

Но Португалия, Нидерланды, Бельгия, Австрия и десятки других европейских стран в более неблагоприятных «географических» и иных условиях сумели не только сохранить суверенитет, но и создать великие империи и добиться всемирного уважения.

Шляхтичи и аристократы не хотели воевать и не проявили способностей в управлении страной. Они стали приглашать для своей защиты иностранные армии. В частности, для подавления последнего крупного православного восстания 1768 г. И. Гонты и М. Желязняка они привлекли русские войска под руководством генерала М.Н. Кречетникова (1729—1793). Восстание было подавлено, Иван Гонта и его сподвиж-

[1] URL: http://www.inosmi.ru/world/20070524/234676.html.

[2] *Егоршина О.* Продвинуть спичками границу. URL: http://www.newizv.ru/news/2008-09-23/98484/.

ники, как граждане Речи Посполитой, выданы полякам, вот тут-то шляхта «повеселилась». С Гонты сняли двенадцать полос кожи, а затем он был четвертован, тело его разрублено на множество кусков, которые потом прибили на установленные в малороссийских городах виселицы. Все это было сделано по решению суда. Польский суд приговаривал повстанцев к четвертованию, сожжению и прочим экзотическим казням. Откуда такая дикость? Где цивилизованность, христианское милосердие, благородство и честь? На подобные казни, как на праздничные представления, сходились шляхтичи с женами, детьми, немощными родителями.

В 1794 г. А.В. Суворов подавил восстание польских конфедератов. Состоялся суд над восставшими, была и амнистия с церемонией по передаче сабель восставшим. Лидера повстанцев Т. Костюшко в камере посетил Император Павел I и вместе со свободой даровал земли, деньги, дорогую одежду. Т. Костюшко дал присягу на верность Российскому императору. Так поступали все лидеры знаменитых польских восстаний. Интересный и много говорящий о менталитете шляхетства факт.

«У нас перед глазами, — писал историк С.М. Соловьев о Польше, пригласившей на свой трон саксонского курфюрста вместе с его армией, — страшный пример, к чему ведет отвращение от подвига, от жертвы, к чему ведет войнобоязнь. Польша была одержима в высшей степени этой опасной болезнью... Тщетно люди предусмотрительные, патриоты, указывали на гибельные следствия отсутствия сильного войска в государстве континентальном, указывали, как Польша теряет от этого всякое значение; тщетно на сеймах ставился вопрос о необходимости усиления войска: эта необходимость признавалась всеми; но когда речь заходила о средствах для войска, о пожертвованиях, то не доходили ни до какого решения, и страна оставалась беззащитной, в унизительном положении, когда всякий сосед под видом друга, союзника мог для своих целей вводить в нее войско и кормить его на ее счет. От нежелания содержать свое войско, от нежелания жертвовать...

принуждены были содержать чужое, враждебное войско, смотреть, как оно пустошило страну»[1].

В.В. Кожинов пишет так: «По сведениям, собранным Б. Урланисом, в ходе югославского сопротивления погибли около 300 тысяч человек (из примерно 16 миллионов населения страны), албанского — почти 29 тысяч (из всего лишь 1 миллиона населения), а польского — 33 тысячи (из 35 миллионов). Таким образом, доля населения, погибшего в реальной борьбе с германской властью в Польше, в 20 раз меньше, чем в Югославии, и почти в 30 раз меньше, чем в Албании!»[2].

Продолжая тему, С. Куняев обращает внимание на следующее важнейшее обстоятельство: «Но ведь все же воевали поляки — и в Европе в английских частях — армия Андерса, и в составе наших войск, и в 1939 г. — во время немецкого блицкрига, длившегося 28 дней? Да, воевали. Но общая цифра погибших за родину польских военнослужащих — 123 тысячи человек, 0,3% всего населения — от 35 миллионов. Наши прямые военные потери — около 9 миллионов человек. Это 5% населения страны. Немцы потеряли (чисто германские потери) 5 миллионов солдат и офицеров — около 7% населения...

В таких страшных войнах, какой была Вторая мировая, тремя десятыми процента — такой малой кровью — Родину не спасешь и независимость не отстоишь, никакие гениальные фильмы не помогут. В жестоких и судьбоносных войнах XX в. сложилась одна арифметическая закономерность. В настоящих опытных, боевых, организованных армиях, воодушевленных либо высокими идеями патриотизма, либо агрессивной, тоталитарной пропагандой, соотношение павших на поле брани солдат и офицеров приблизительно таково: на десять солдат погибал один офицер. Эта цифра — свидетельство мужества офицеров, разделявших в роковые минуты свою судьбу с подчиненными. Это — норма хорошей армии. Она приблизительно одинакова и для армии советской, и для немецкой. Если

---

1 *Соловьев С.* Петровские чтения. Чтение восьмое. URL: http://www.hrono.ru/libris/sol_petr08.html.

2 *Кожинов В.В.* Россия. Век XX (1939—1964). — М. 1999.

офицеров гибнет гораздо больше (1:3, как во французской), значит, армия, несмотря на мужество офицеров, плохо подготовлена. А если наоборот? В борьбе за независимость Польши на одного офицера погибало 32 солдата. Может быть, польские офицеры — а среди них ведь было немало и младших — умели успешно прятаться за солдатские спины?»[1].

1.7. Психологический анализ феномена польской элиты

Антон Кемпински (1918—1972), выдающийся польский психиатр и философ, так характеризует ментальные особенности поляков: «героически-самоубийственная нота нам не чужда. Пожалуй, ни один народ не начинает своего гимна словами о том, что отчизна *еще* не погибла»[2].

Возможно, эта героически-самоубийственная нота является своеобразным ответом поляков на *dolor existential* — «боль существования», которая является специфически человеческой чертой. Человек всегда стремится каким-то способом уменьшить напряжение этой «экзистенциальной боли». Трудно предположить, в какой степени в каждом индивиде присутствуют самодеструктивные тенденции. Во всяком случае, самоубийство можно считать чисто человеческим проявлением. Немного найдется людей, которые в своей жизни не хотели бы однажды покончить с собой.

Тип алкогольного поведения ради того, чтобы «залить горе», — явление повсеместно известное. Требуется напиться «мертвецки» пьяным, чтобы забыть о том, что болит, чтобы покончить хотя бы на короткое время со своим страданием. Так агрессия по отношению к окружению соединяется с самоагрессией. Типы выпивок, героический и самоубийственный, соединяются между собой. Проблема польского алкоголизма сводится к парадоксу, состоящему в том, что Польша лидирует среди европейских стран по числу пьяниц, вовсе не лидируя по количеству потребляемого на душу на-

---

[1] *Куняев С.* Шляхта и мы.

[2] *Кемпински А.* Экзистенциальная психиатрия. — М.: Совершенство, 1998. — С. 169.

селения алкоголя. Поляки любили и любят напиваться до бесчувствия. У них превалирует героический и самоубийственный типы выпивок. Начинают, например, по «одной» за компанию, а заканчивают героически-самоубийственным типом алкоголизации.

Используя одну из психиатрических типологий, А. Кемпински полагает, что в менталитете польского общества преобладают *истерические* и *психастенические* проявления. Истерические особенности, по его мнению, лучше всего характеризуют польский *шлягон*[1]. Это — стремление импонировать окружению (тщеславие), произвести эффект без чувства обязательности, безграничная фантазия, чувства бурные, но поверхностные, легко и быстро переходящие от одной крайности к другой.

Напротив, психастенические особенности лучше всего выражает фигура польского крестьянина, рядового труженика. Это человек тихий, покладистый, избегающий споров, низкого мнения о себе, он охотно провалился бы под землю, чтобы никому не мешать. В определенной степени эти два личностных типа взаимно дополняются так, что общество, состоящее из подобных людей, может существовать. *Одни заседают, другие — работают*.

Исчез шляхтич, исчез польский крестьянин, но исторически закрепленные типы мышления, чувствования и поведения сохранились.

Поистине К. Маркс был прав, утверждая, что «традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых»[2]. И мы по-прежнему наблюдаем типично шляхетское фанфаронство и крестьянское усердие. Оба описанных Кемпински, на первый взгляд, противоположных типа связывает одно общее качество. И для одних, и для других главным вопросом жизни является вопрос: «Что другие обо мне подумают?». Истерик стремится завоевать одобрение окружения яркостью,

[1] Шлягон — грубоватый шляхтич.

[2] *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. — М.: Политиздат, 1983. — С. 8.

фанфаронством, блистательностью, а психастеник — тихой обязательностью, покладистостью и добротой[1].

Подобные типы поведения свидетельствуют о самолюбовании «автопортретом», образом своего «я» (*self-concept*). Пользуясь известным сейчас в психологии и психиатрии определением, можно было бы сказать, что в этом выражается определенная психическая *незрелость — инфантилизм*. Ибо важнейшим качеством психической зрелости является *рефлексия* — умение объективного восприятия самого себя и способность реалистично ответить на вопрос: «Каков я?». Это вопрос так же типичен для молодежного возраста, как типична и неспособность дать на него адекватный ответ. В инфантильном периоде жизни он может стать источником мучительных переживаний. При отрицательных самооценках дело может дойти даже до попыток самоубийства. Чтобы как-то отличиться перед самим собой и перед окружением, такой человек способен рисковать собственной жизнью в соответствии с инфантильно-героической установкой, которая с возрастом у многих никуда не уходит. Именно развитие рефлексии позволяет преодолевать психологический инфантилизм.

Истерическая и *психастеническая* доминанты идентифицируются психологами и психиатрами как *слабый тип* взаимодействия с социальным и политическим контекстом. Общественная роль первых — баламутить, смущать покой, энергично звать куда-то, но не вести по-настоящему к какой-то значимой цели. В отличие от рефлексивной ментальной позиции, таким людям свойственны *реактивная доминанта* мышления, непонимание причинно-следственных связей, неспособность работать с отрицательной обратной связью и, как следствие, *сниженная субъектность*, безответственность, а также позерство, нарциссизм, грандиозность восприятия собственного «я», потребность в обожании со стороны других, эгоцентризм, иждивенческие тенденции. Они неспособны к длительному напряжению во имя целей, не обещающих лавров и восхищения со стороны окружающих. В политике — это

[1] *Кемпински А.* Экзистенциальная психиатрия. — С. 166—174.

красноречивые и бессовестные популисты, легко меняющие из тщеславия и личной выгоды линию своего поведения. Проблему «быть или казаться» они решают в пользу последнего.

Второму, психастеническому, типу свойственна пассивно-страдательная позиция, неуверенность в себе, высокая чувствительность, болезненная *рефлексия* и подвластность средовым воздействиям, повышенная чуткость к опасности, беспомощность перед лицом грубости и жестокости. Такой тип людей руководствуется главным образом не столько потребностью достичь успеха, сколько потребностью избежать неудачи. При малейших трудностях они проявляют уступчивость и не претендуют на лидирующие позиции, им свойственна конформная позиция, покорность и жертвенность, приверженность морально-нравственным традициям[1].

Следуя далее в нашем анализе логике А. Кемпински, нельзя не сказать об одном весьма значимом энергетически *сильном*, но вместе с тем *инфантильном*, качестве польского национального менталитета, который и до настоящего времени ярко и выразительно представлен в политическом поведении элит. В. Федченков определяет его как «гонор». В переводе на русский язык это означает гордость, и притом, по его словам, не очень еще и глубокую, а поверхностную, быструю, вспыльчивую, но постоянно возгорающуюся. И куда бы вы там ни обратились, что бы вы ни читали, везде услышите это несчастное губительное слово — гордость, честь... Храбрость шляхты трансформировалась в ее кастовую гордыню, выработался деспотизм: всякий в своем поместье хотел быть и почти был королем. Спесь и чванство шляхты проявились и в том, что именно в Польше простой народ, особенно из восточных областей, получил название «хлопов», холопов. Или «быдло», то есть скотина. Или «пся крев» — собачья кровь.

Какое же нужно иметь неуважительное отношение к личности другого человека, чтобы так именовать своего брата,

[1] *Собчик Л.Н.* Введение в психологию индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. — М.: Институт прикладной психологии, 1997. — С. 90—92, 102—106.

да еще и христианина! Всякий польский шляхтич «рождается для короны», то есть путь к престолу открыт перед ним. Такое убеждение породило грандиозность восприятия собственного «я», что на самом деле есть инфантильное и фальшивое представление о собственной значимости. Установилось убеждение, что шляхтич создан для сабли, а не для пера, не для писательства даже, а тем более — не для торговли, не для «черной» работы[1].

В психологической и психиатрической научной литературе подобный тип определяется как *психопатический*. Поведение людей такого типа осуществляется без учета социальной и этической нормы. Их отличает высокий уровень притязаний, низкий уровень эмпатии, пренебрежение к интересам других людей, неспособность организовать свою деятельность в соответствии с устойчивыми мнениями, интересами и целями. Они не желают учитывать последствия своих действий, не умеют извлекать пользу из собственного опыта[2]. Им свойственна тенденция к противодействию внешнему давлению, склонность опираться в основном на свое мнение, а еще больше — на сиюминутные побуждения. В состоянии аффективной увлеченности, азарта у них преобладают эмоции гнева или восхищения, гордости или презрения, то есть ярко выраженные, полярные по знаку эмоции, при этом контроль интеллекта не всегда играет ведущую роль. Потребность гордиться собой и снискать восхищение окружающих — это насущная потребность для личностей данного типа, в противном случае эмоции перерождаются в гнев, презрение и протест. Как правило, их инфантильная, неадекватно завышенная самооценка позволяет им рационализировать свое импульсивное поведение посредством провозглашения необязательности обязательных для всех остальных норм и правил. Непосредственная реализация

---

[1] *Федченков В.* Духовный лик Польши.

[2] *Березин Ф.Б, Мирошников М.П., Соколова Е.Д.* Методика многостороннего исследования личности. Структура, основы интерпретации, некоторые особенности применения. — М.: Фолиум, 1994.

возникающих побуждений и недостаточно развитая способность к прогнозированию приводят их к отсутствию страха перед возможными негативными последствиями. При этом они способны влиять на судьбы других людей, но эта способность находится в зависимости от того, насколько зрелым и независимым от сиюминутных побуждений является представитель данного типа. В единении с истероидной установкой такие лица могут восприниматься другими людьми как яркие, мужественные, героические личности, склонные к подвигу и самопожертвованию.

Психопатическая доминанта польской элиты формировалась и воспроизводилась в течение нескольких веков. Так, особенностью политического развития Польши было то обстоятельство, что сословная монархия не стала в ней ступенью к установлению абсолютизма. Начиная с XVI и до XIX в. Речь Посполитая являла собой уникальный в истории случай существования магнатско-шляхетской республики в монархическом облачении. Лишь шляхтичи считались народом. Не только закрепощенные хлопы, но и мещанство городов, включая бюргерство Данцита (Гданьска), Торна (Торуня) и других центров со значительным немецким населением, было лишено политических прав. Если допустить, что низшие классы Польши — «хлопы», крестьяне, батраки, панщина — были безмерно далеки от «панов» и это сгубило единство и мощь Польши, то почему те же самые условия барщины не погубили Россию в 1812 г. при нашествии блестящих войск Наполеона? Почему дворяне и крестьяне-рабы встали вместе на защиту Родины и изгнали Наполеона? Значит, есть крестьяне и крестьяне, барщина и панщина…[1]. Представляется обоснованным, что главный источник трагической судьбы Речи Посполитой — невиданный в Европе, ничем не скомпенсированный внутренний социальный развал. Наивно было бы ожидать, что энергичные соседи станут с голубиной кротостью взирать на то, как Польша слабеет под бременем раздоров дворянских группировок и казацких

[1] *Федченков В.* Духовный лик Польши.

восстаний, и не попытаются осуществить свои территориальные притязания[1].

В. Федченков приводит следующие цитаты из «Польского катехизиса для революционеров»: «Старайся всеми мерами... нажиться за счет русской казны: это не есть лихоимство; ибо, обирая русскую казну, ты через то самое обессиливаешь враждебное тебе государство и обогащаешь свою родину... И Святая Церковь (католическая) простит тебе такое преступление; Сам Господь Бог, запретивший убивать ближнего, разрешает через святых мужей обнажать оружие на покорение врага Израилева». «Помни, что Россия — первый твой враг, а православный есть раскольник (схизматик); и потому не совестись лицемерить и уверять, что русские — твои кровные братья, что ты ничего против них не имеешь, а только — против правительства, но тайно старайся мстить каждому русскому...»[2].

Когда произошло восстание против России в 1863 г., в газете революционных кругов «Независимость» («Неподлеглосщь») писалось так: «Польша — это острый клин, вогнанный латинством в самую сердцевину славянского мира с целью расколоть его в щепы». И если о ком другом, то уже о Польше, во всяком случае, безусловно, необходимо сказать, что религия, и именно католическая, имела и до сих пор еще имеет огромное значение. И без этого не понять Польши, ее истории и ее падения[3].

Нередко ставится человеку в плюс, что он не даст себя в обиду, что это признак силы характера. На самом деле гордость, да еще и легковоспламеняющаяся, есть опасная и жестокая болезнь, вредная не только самому страдающему ею, но и окружающим. Самолюбивый человек, обремененный инфантильным психопатическим комплексом, и сам расстраивается от всяких поводов, и других мучает: это мы по-

---

[1] *Виноградов В.Н.* Дипломатия Екатерины Великой. Екатерина II и Французская Революция // Новая и новейшая история. 2001. № 6.

[2] *Федченков В.* Духовный лик Польши.

[3] Там же.

стоянно видим в повседневной жизни. То же самое, по словам В. Федченкова, должно сказать и о целом народе. С этим проявлением польского менталитета связывается цепь других болезненных последствий. В самом деле, возьмем, например, известный польский феномен, так называемый либерум вето, — «не позвалям». Любой шляхтич на сеймах мог один сорвать все решения, если он с ними не согласен. Право «либерум вето», соединенное с продажностью шляхетско-магнатского сословия, превращало само понятие государственной власти в фикцию[1].

Вот примеры: из 18 сеймов за 17 лет при Августе II (1717—1733) 11 сорвано и 2 окончились безрезультатно. В мире не было другого народа, который бы пользовался таким неограниченным, точнее — необузданным, правом голоса. Из этой «золотой свободы» выросла другая болезнь — безначалие, о чем постоянно говорят не только историки, но и сами поляки. У них даже сложилась невероятная поговорка: «Полска нержадем стои» — «Польша непорядком держится». Одновременно с этим все исследователи польского менталитета отмечают другое его свойство: необычайную возбужденность, горячность, вспыльчивость, восприимчивость, нетерпеливость, легкость, воспламеняемость. Не раз за последние два столетия Польша находилась в крайней смертельной государственной опасности. Варшаву осаждают враги. А паны закатывают балы... Так, при короле Понятовском, пишет В. Федченков, решаются последние часы Польши. Сейм не может прийти к решению об ограничении «либерум вето» и о предоставлении некоторых прав низшим классам, и тут же задается королем пир на 4 000 человек. Бал для поляков — первая необходимость.

Г. Гачев, автор замечательного эссе «Польша», преисполненного симпатии и любви к полякам, с горечью пишет: «Такое создается впечатление, что тут постоянно пируют и танцуют и весело жизнь препровождают. Немногозаботливость. Бесшабашность. Радость бытия вкушается сразу, а не откладывается на потом, про запас… Недаром и гимн Польши — это мазурка

[1] *Виноградов В.Н.* Дипломатия Екатерины Великой.

Добровского — плясовой ритм, а не марш. И кто-то там заметил: “Проплясали поляки свободу Польши”[1].

Сам Костюшко, этот прославленный, и недаром, герой национальной Польши, недостаточно приготовился к восстанию против таких сильных противников, как Россия и Пруссия. Его соратники выступили, даже не дождавшись его. Впоследствии, на допросе в Петербурге, друг Костюшко С.Ф. Урсин-Немцевич дал такое показание по вопросу, почему они подняли восстание с другими: «Восстание было плодом отчаяния и безумной поспешности; увлеченные воображением, они (поляки) легко принимали признаки за надежды, надежды за вероятности; легко было предвидеть бездну, которая нас поглотит; и я был в отчаянии; я добивался только ран, добился до них и до тягостного плена»[2].

В манифесте польского сейма от 6 декабря 1830 г. цели восстания были сформулированы людьми, несомненно страдавшими манией величия: «...не допустить до Европы дикой орды Севера... Защитить права европейских народов...»[3].

Через тридцать с лишним лет во время польского восстания 1863 г. немецкий историк Ф. Смит жестоко высмеет идеи авторов манифеста: «Не говоря уже о крайней самонадеянности, с которою четыре миллиона людей брали на себя покровительство 160 миллионов, поляки хотели еще уверить, что предприняли свою революцию за Австрию и Пруссию, дабы “служить им оплотом против России”»[4].

Профессор истории Я. Тазбир пишет о январском восстании 1863 г.: «Это же было просто безумие... мы пошли в бой без оружия. Между прочим, манифест повстанческого правительства 1863 г. был написан вовсе не кем-то из политиков, а поэтессой Ильницкой, которая верила, что одного только энтузиазма достаточно, чтобы враг был разгромлен. Друцкий-

---

[1] *Гачев Г.* Ментальности народов мира. — М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. — С. 238.

[2] *Федченков В.* Духовный лик Польши.

[3] *Куняев С.* Шляхта и мы.

[4] Там же.

Любецкий, который был величайшим польским финансовым гением, в момент, когда вспыхнуло восстание 1830 г., был абсолютно убежден, что где-то есть командующий со штабом, который всем этим руководит, но он так ловко законспирирован, что русские его не могут схватить. А когда он узнал, что нет никакого командующего и никакого штаба, то велел собрать дорожные сундуки и уехал в Петербург, ибо считал, что все это не имеет никакого смысла... Восстание не имело ни малейших шансов на успех...»[1].

Другой поляк, некий М. Годлевский, также говорит: «Под влиянием внешних обстоятельств мы привыкли увлекаться фантазией и обманывать себя, как бы нарочно. К сожалению, даже и доселе, — пишется в польской газете «Нива» за 1872 г., — мы неохотно взвешиваем условия нашего быта трезвым рассудком; любим преувеличивать свои силы и достоинства, рассчитывать на счастливую случайность и на несуществующую мощь; а, наконец, выжидать, сложа руки, лучших времен». Он же написал про русских совсем иное: «Даже и заклятый враг не может не признать за русскими политического смысла. Это — их несомненный дар». «А нас, — говорит неизвестный автор польской рукописи, — Господь Бог наделил... великим качеством — геройством; но не даровал нам другого качества: политического благоразумия и повиновения своим властям; сам же народ потерял в себе совесть»[2].

1.8. Инфантильность польской элиты

Психология *зрелости-инфантильности* — пока еще открытая страница, требующая всестороннего изучения. Актуальность решения этой задачи имеет не только практическое значение, но и «чрезвычайно важный *ценностный смысл*»[3], особенно в сфере политико-психологических исследований,

---

[1] Там же.

[2] *Федченков В.* Духовный лик Польши.

[3] *Журавлев А.Л.* «Социально-психологическая зрелость»: попытка обосновать понятие // Феномен и категория зрелости в психологии. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. — С. 206.

где приходится решать задачи психологического диагностирования личностных и профессионально значимых качеств не только отдельных политических деятелей, но и властных элит.

В современных условиях интенсивной коммуникации различных политических субъектов, этносов, регионов и культур, а также развивающихся глобализационных процессов относительный характер зрелости является практически важной проблемой для взаимодействия людей в мире политики. Вместе с тем, несмотря на наличие отдельных методологических подходов, общее состояние методического инструментария в этой области исследований необходимо признать недостаточно разработанным. Существует также и проблема обозначения феномена незрелости. Так, А.Л. Журавлев считает, что один из вариантов решения этой задачи — использование терминов «инфантилизм», «инфантильность», «инфантил» и т. п. — считать удачным не приходится[1]. Тем не менее в сообществе практических психологов этот термин довольно широко используется как рабочий инструмент для обозначения различных аспектов незрелости.

Проблема зрелости многогранна. Исследователи этой темы делают акцент на том или ином отдельном или частном виде зрелости субъектов. Например, выделяются интеллектуальная зрелость, зрелость как категория эстетического развития, религиозная зрелость, моральная зрелость, карьерная зрелость, зрелость как показатель мультикультурного развития, в экономической психологии — зрелость личности по отношению к деньгам[2], профессиональная зрелость, социальная зрелость, мировоззренческая зрелость, в политической психологии — зрелость по отношению к власти, ее субъектам, объектам, инструментам и т. д.

В поисках методологического основания понимания и объяснения феномена *зрелости-инфантильности* мы опираем-

---

[1] *Журавлев А.Л.* «Социально-психологическая зрелость»: попытка обосновать понятие // Феномен и категория зрелости в психологии. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. — С. 206.

[2] Там же. С. 206—207, 209.

ся на *принцип субъектности*, разработанный С.Л. Рубинштейном[1] и получивший свое развитие в работах К.А. Абульхановой[2]. Принцип субъектности неразрывно связан с *деятельностным принципом* и предполагает, что взаимоотношения человека с миром опосредованы его активностью, в которой он проявляется в качестве субъекта[3].

В философии и психологии понятие «субъект» («субъектность») связано с пониманием человека как основания самого себя, с *самодетерминацией*[4]. В онтогенетическом плане субъект — это человек, являющийся основанием собственного становления и развития.

В научной психологии базовой способностью субъекта деятельности признается способность к рефлексии. С точки зрения П.Т. де Шардена, которой мы придерживаемся, рефлексия — это приобретенная сознанием способность сосредоточиться на самом себе и овладеть самим собой как предметом, обладающим своей специфической устойчивостью и своим специфическим значением, — способность уже не просто познавать, а познавать самого себя; не просто знать, а знать, что *знаешь*. Путем этой индивидуализации самого себя внутри себя живой элемент, до того распыленный и разделенный в смутном кругу восприятий и действий, впервые превратился в точечный центр, в котором все представления и опыт связываются и скрепляются в единое целое, осознающее свою организацию[5].

Квалифицированная рефлексия — это оптимальный уровень осознания своих проблемных личностных качеств. Это также способность видеть дальше узкого круга вещей, выходить за пределы обыденного, привычного понимания самого

[1] *Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. — М., 1959.

[2] *Абульханова-Славская К.А.* О субъекте психической деятельности. — М.: Наука, 1973.

[3] *Брушлинский А.В.* Психология субъекта. — М.: Институт психологии РАН; СПб: Алетейя, 2003.

[4] *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. — М.: Наука, 1984. — С. 309—310, 407.

[5] *Шарден де П.Т.* Феномен Человека. Пер. и прим. Н.А. Садовского. — М.: Прогресс, 1965.

себя. Это переход в сферу качественно нового психологического знания и опыта. Психологическим содержанием рефлексии является способность делать предметом прогнозирования собственное будущее и практически его осуществлять. Эта способность является синтетической и включает в себя способность анализировать свое прошлое как историю собственного развития, на основании этого анализа оценивать свое настоящее и проектировать свое будущее, программировать переход из прошлого в будущее, создавать средства и социальную среду своего развития, практически осуществлять этот переход из своего прошлого в свое будущее.

Зрелый, способный к рефлексии и позитивному действию субъект становится точкой роста самого социума, новых социальных структур, становится реальным источником и «энергетическим импульсом» социального и политического развития. При этом онтогенез субъекта развития получает возможность осуществляться как трансцендирование, то есть выход за пределы собственных конечных способностей (возможностей) за счет собственной деятельности человека[1].

Известные концептуальные представления о личности политика, ее структуре и свойствах могут быть интерпретированы как качества преимущественно *рефлексивного* или *реактивного* политического субъекта[2]. При этом качества *рефлексивности* и *реактивности* соотносятся соответственно с качествами *зрелости* и *инфантильности*.

В теоретическом плане *зрелый* и *инфантильный* тип политического субъекта представляется возможным трактовать в понятиях *креативности* и *адаптивности*. Декартовская концепция дуализма на столетия утвердила в науке адаптивную модель человека. Сущность адаптивной модели заключается в том, что человек свои способности черпает, заимствует у объекта. Не человек задает способы существования объекту, а объект задает и определяет существование человека, все его

[1] *Агеев В.В.* Принципы субъектности и современные проблемы психологии развития. URL: http://www.ageyev.kz/articles/article-44.html.

[2] *Ракитянский Н.М.* Рефлексия в политике // Власть. 2003. № 9. — С. 21—24.

способности и возможности. С этой точки зрения внутренний мир человека детерминирован, определен внешним миром, частицей которого человек является. Возникновение человека сопровождалось существенными изменениями его природы. Фундаментальным следствием этого изменения явилось изменение типа детерминации, который обеспечивал способ его существования и развития.

Естественный способ существования человека обеспечивался *причинной детерминацией*, детерминацией прошлым. Причинная детерминация — это способ преобразования структуры причины в структуру следствия. Причинная детерминация — это способ трансляции качества структуры причины на все пространство взаимодействия, но это не способ формирования нового качества.

Неестественный, то есть собственно человеческий способ существования и развития в природной и социальной среде обеспечивался уже *целевой детерминацией*, которую формировал и определял сам человек как субъект деятельности. Появление человека в мире природы привело к тому, что *эволюция*[1] сменилась *генезисом*[2]. *Адаптация*[3] сменилась *историческим процессом*.

Эволюция — это процесс совершенствования адаптивного способа существования, который задан природой. Это процесс, с которым связано не возникновение нового типа, а совершенствование уже имеющегося типа существования.

Генезис — это процесс возникновения и становления принципиально нового типа существования, то есть существования креативного, творческого саморазвития субъекта.

Если в результате адаптации мы получаем всего лишь более совершенную форму имеющегося типа, то в результате

---

[1] От лат. *evolutio* — развертывание, раскрывание, развитие; процесс изменения развития.

[2] От греч. *genesis* — происхождение, становление, возникновение, развитие; процесс образования и становления развивающегося явления.

[3] От лат. *adaptation* — приспособление; совокупность реакций, обеспечивающих приспособление.

креативного развития мы получаем качественно новый, *самодетерминированный* тип деятельности. В историческом плане человек — это существо, получившее способность выходить за рамки *адаптивного* типа существования в пространство творческого, креативного преобразования не только природной и социальной среды, но и самого себя. *Креативный* субъект способен выходить за рамки обыденной необходимости и творить историю не только собственной жизни, но и социума, деятельной частью которого он является.

В политико-психологическом контексте доминирование *адаптивного*, приспособительного типа деятельности политических субъектов входит в противоречие с *креативной*, творческой необходимостью управления политическим процессом.

Все адаптивные формы жизнедеятельности, возникающие эволюционным путем, внутренне ограничены. Адаптивные субъекты деятельности не способны к *трансцендентации*, то есть выходу за пределы усвоенного по заданным образцам способа существования, за пределы самих себя. В них опредмечены только способности воссоздания и продолжения себя в потомстве, но отсутствуют возможности *самодетерминации*, которая является атрибутом деятельного субъекта. Любая *адаптивная* форма деятельности характеризуется отсутствием способности преодоления себя.

Эволюционный процесс подчиняет естественным законам причинно-следственной детерминации изменяющийся под его воздействием объект. Исторический процесс создается, творится субъектом, который в результате сам изменяет и творит себя.

Объект эволюции — подвергающийся внешнему воздействию организм.

Субъект истории — творящий процесс собственного изменения человек.

Человек как субъект есть существо, воплощающее собой свою *креативную,* творческую сущность. Человек — это не просто высшая форма жизни, общего со всеми живыми существами способа функционирования. Человек — это жизнь

принципиально другого уровня. Его жизнь отличается тем, что человеческое существование — это *не осуществление*, а *созидание* своей сущности[1]. Выходя за пределы адаптивных форм жизни, человек создает себе возможность стать предметом собственного творчества, *рефлексивно* относясь к себе[2]. Человек как субъект собственной истории есть существо, создающее собственную историю. Создающее себя, свои новые способности, процессы и цели собственного развития.

Итак, по нашему мнению, историческая миссия зрелого и ответственного политического субъекта может быть осуществлена за счет *креативной рефлексии* и *целевой детерминации* — способности порождать собственные возможности в результате анализа собственной истории развития и превращения ее в средство своего дальнейшего развития[3].

Таким образом, качества *зрелости* и *инфантильности* соотносятся как с качествами *рефлексивности* и *реактивности*, так и с качествами *креативности* и *адаптивности*.

Инвариантность проблемы инфантильности в политике обнаруживается в трудах Н. Макиавелли (1469—1527)[4], Б. Грасиана (1601—1658)[5], Н. Мальбранша (1638—1715)[6], Дж. Мэйсона (1706—1763)[7], М.М. Щербатова (1733—1790)[8], Н.М. Карамзина (1766—1826), в работах многих других авторов. В начале христианской эры инфантильные нравы античных правителей описал римский писатель, историк и ученый-

---

[1] Философско-психологические проблемы развития образования. — М.: ИНТОР, 1994.

[2] *Шарден де П.Т.* Феномен Человека.

[3] *Агеев В.В.* Генетическая психология неадаптивного человека: от Жана Пиаже до наших дней. URL: http://www.ageyev.kz/articles/article-68.html.

[4] *Макиавелли Н.* Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве / Предисл., коммент. И. Темнова. — М.: Мысль, 1996.

[5] *Грасиан Б.* Карманный оракул. Критикон. Пер. и коммент. М. Лысенко и Л.Е. Пинского. — М.: Наука, 1984.

[6] *Мальбранш Н.* Разыскания истины. Пер. с фр. — СПб., 1999.

[7] *Мэйсон Д.* Трактат о самопознании. — СПб.: Тропа Троянова, 2004.

[8] *Щербатов М.М.* О повреждении нравов в России. URL: http://old-russian.chat.ru/17sherb.htm.

энциклопедист Гай Светоний Транквилл (75—160) в своем труде «Vitae XII imperatorum»[1].

Классик русской экспериментальной психологии, психиатр с мировым именем В.Ф. Чиж (1855—1922?), характеризуя инфантильных людей во власти, писал о таких качествах, как «господство мотивов настоящего, а не более или менее отдаленного будущего», «узость ума», «интенсивные эгоистические чувствования», «смешивание действительности с продуктами своего воображения», «обрядовое благочестие», преобладание «власти обстоятельств», «нравственное слабоумие»[2].

Еще в 1907 г. профессор В.Ф. Чиж предупреждал правителей о тех, кто забывает «о существовании непреложных законов человеческого общества, а потому не принимает в соображение, что всякое улучшение, всякий прогресс неизбежно начинаются лишь в небольших группах лиц, которые и называются высшими классами общества. До сих пор, конечно, к величайшему нашему несчастью, не изобретено способов сразу улучшать положение всех классов общества. Свобода может быть достоянием всего народа только после того, как продолжительною историческою жизнью создан высший класс, уже привыкший пользоваться свободой»[3].

По проблеме инфантильности высказывались и современники В.Ф. Чижа — Х. Ортега-и-Гассет (1855—1855) и К.Г. Юнг (1875—1961), который назвал состояние людей в начале XX в. «безмерно разросшимся и раздувшимся детским садом»[4].

Х. Ортега-и-Гассет в своем фундаментальном труде «Восстание масс» (Rebelión de las Masas, 1930) дает исчерпывающую и убийственную характеристику современному

[1] *Гай Светоний Транквилл*. Жизнь двенадцати цезарей: О знаменитых людях (фрагменты) / Пер. и примеч. М.Л. Гаспарова, статья Е.М. Штаерман. Отв. ред. С.Л. Утченко. (Сер. «Литературные памятники»). — М.: Наука, 1964.

[2] *Чиж В.Ф.* Психология злодея, властелина, фанатика. Записки психиатра / Предисл., сост., пер. иноязыч. текстов Н.Т. Унанянц. — М.: Республика, 2001. — С. 23, 29, 39—40, 119, 149, 227—228, 331.

[3] Там же. С. 250.

[4] URL: http://www.sunhome.ru/psychology/11719.

типу инфантильного «баловня»: «Существо, которое в наши дни проникло всюду и всюду выказало свою варварскую суть, и в самом деле баловень человеческой истории. Баловень — это наследник, который держится исключительно как наследник… Наше наследство — цивилизация с ее удобствами, гарантиями и прочими благами. Как мы убедились, только жизнь на широкую ногу и способна породить подобное существо со всем его вышеописанным содержимым. Это еще один живой пример того, как богатство калечит человеческую природу. Мы ошибочно полагаем, что жизнь в изобилии полней, выше и подлинней, чем жизнь в упорной борьбе с нуждой. А это не так. И тому есть причины, непреложные и архисерьезные, которые здесь не место излагать. Не вдаваясь в них, достаточно вспомнить давнюю и заигранную трагедию наследственной аристократии. Аристократ наследует, то есть присваивает, жизненные условия, которые создавал не он и существование которых не связано органически с его, и только его, жизнью. С появлением на свет он моментально и безотчетно водворяется в сердцевину своих богатств и привилегий. Внутренне его ничто с ними не роднит, поскольку они исходят не от него. Это огромный панцирный покров, пустая оболочка иной жизни, иного существа, родоначальника… Он обречен представлять собой другого, то есть не быть ни собой, ни другим. Жизнь его неумолимо теряет достоверность и становится видимостью, игрой в жизнь, и притом чужую. Изобилие, которым он вынужден владеть, отнимает у наследника его собственное предназначение, омертвляет его жизнь <…> от отсутствия жизненных усилий улетучивается и личность наследственного “аристократа”. Отсюда и то редкостное размягчение мозгов у родовитого потомства, и никем еще не изученный роковой удел наследственной знати — ее внутренний и трагический механизм вырождения...

И снова я с тяжелым сердцем вынужден повторить: этот новоявленный варвар с хамскими повадками — законный плод нашей цивилизации, и в особенности тех ее форм, которые возникли в XIX в.

Можно сформулировать закон, подтвержденный палеонтологией и биогеографией: человеческая жизнь расцветала лишь тогда, когда ее растущие возможности уравновешивались теми трудностями, что она испытывала. Это справедливо и для духовного, и для физического существования»[1].

Таким образом, инфантильность — традиционное свойство многих представителей наследной аристократии и дворянства. Так, князь Феликс Сумароков-Юсупов (1887—1967) прожил большую жизнь, но до смерти оставался наивным ребенком. Чтобы убедиться в этом, достаточно почитать его мемуары[2]. Князь никогда не утруждал себя каким-либо трудом. Единственной его страстью была организация благотворительных костюмированных балов-карнавалов, на которые собирался весь свет Петербурга, а позднее — эмиграции. Это были грандиозные феерические действа. Лучшие музыканты и артисты, фейерверки, изысканные напитки и экзотические блюда развлекали гостей. Нередко сумма собранных на благотворительные цели средств уступала затратам на организацию бала. Страсть к развлечениям, карнавалам, переодеваниям прошла через всю жизнь великовозрастного ребенка. В эмиграции за несколько лет князь Юсупов потерял одно из крупнейших в мире состояний[3].

Большим ребенком был А. Герцен, другим он и не мог быть. Студенту физико-математического факультета МГУ Александру Ивановичу Герцену слуга завязывал шнурки[4].

А. Кемпински пишет о том, что инфантилизация является одной из опасностей современной цивилизации. Проблема «недозрелой личности в современной психологии и психиатрии… как представляется, отражает инфантилизирующие тенденции нашей цивилизации»[5].

---

[1] *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды: Пер. с исп. / Сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. 2-е изд. — М.: Весь мир, 2000. — С. 99—101.

[2] Князь *Феликс Юсупов*. Мемуары: В 2 кн. — М.: Захаров, 2004.

[3] Там же.

[4] *Герцен А.И.* Былое и думы. — М.: Правда, 1983.

[5] *Кемпински А.* Экзистенциальная психиатрия. — М.: Совершенство, 1998. — С. 100.

В сложившейся к концу XX в. традиции понятие «инфантильная личность» используется как противопоставление зрелой личности, качественное отличие от которой состоит в том, что поведение зрелых людей мотивировано осознанными процессами и инновационной активностью. По словам профессора В.М. Мясищева, в мотивации поведения незрелой, инфантильной, невротической личности господствует аффект над разумом, или, в более широком плане, перевес субъективной стороны сознания над объективной стороной. Отсюда становятся понятными и те черты, которые отмечаются специалистами как черты так называемого инфантилизма[1].

Инфантильность проявляется в сниженной способности контролировать эмоции и желания, в повышенной импульсивности, невыдержанности, раздражительности, в низкой стрессоустойчивости, стремлении уйти от реальности, в преобладании потребительских тенденций над творческими тенденциями, в доминировании процессов личностной дезинтеграции над процессами интеграции.

В самом широком плане проблема инфантильности имеет не только психологический, но и философский, а также религиозный характер, так как соединена с темой *свободы, духовности* и *греха*. Зрелость и реальная человеческая свобода начинаются там, где есть способность к преодолению власти порабощающих нас аффектов (страстей), то есть всего того, что определяется понятием греха. Свобода от зависти, тщеславия, злости, ненависти, жадности, осуждения, раздражительности, подозрительности, лукавства, злопамятства, самомнения... Там, где культ «эго», там всегда инфантильность, всегда культ инстинктов, культ аффектов и культ потребительства[2].

Культ «Эго» не является особенностью только нашего века демократии, глобализации, информации и технологий. Если в мотивационном, когнитивном, эмоциональном и поведенческом плане элиты сосредоточены на своем «хочу», то на-

---

1 *Мясищев В.М.* Личность и неврозы. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1960.

2 *Былев А., Ракитянский Н.* От чего мы зависим. Что необходимо знать о психологии аддикта // Психология для руководителя. 2008. № 4. — С. 77—83.

пряженные аффекты желаний и вожделений формируют у них так называемый *десидеро-синдром*[1], который является *злокачественным* проявлением крайних форм инфантилизма. Этот феномен определяется как процесс личностной диссоциации от неуемных желаний, которые не соотносятся с реальностью и не контролируются этической рефлексией.

Десидеро-синдром — это процесс и результат инверсии субъекта в объект, преобладание экстернальности над интернальностью, импульсивности над рефлексивностью, гедонизма над аскетизмом, доминирование первой сигнальной системы над второй. Это и неадекватно завышенная самооценка, эмотивность, демонстративность, спекулятивность мышления и эскапизм. *Десидеро-синдром* сопровождается при этом формированием непреодолимых зависимостей — *аддикций*, что в итоге ведет к снижению субъектности как таковой и деградации. В данном случае принято говорить, что человек психически вменяем и здоров, но в личностном плане он болен.

На собственно психологическом уровне в проблему инфантильности можно проникать с использованием таких понятий, как *рефлексия*, *эмоциональная зрелость*, *реалистичность*, *зависимость*, *нравственная* и *волевая саморегуляция*, *адаптация*, *компенсация* и социально позитивная *реализация и креативность*.

Перспективным, по мнению авторов, теоретико-методологическим инструментом анализа политического субъекта с точки зрения диагностирования *зрелости-инфантильности* является *психологический тетрабазис*, который разработали академик Б.Г. Ананьев и профессор В.А. Ганзен[2]. Концепция тетрабазиса опирается на философские категории пространства, времени, информации и энергии, автоматически опреде-

---

[1] *Dēsīdero* (лат.) — 1) хотеть, желать, вожделеть; <…> 5) *dēsīderari*… погибнуть. См.: *Ракитянский Н.М.* Психологическое портретирование: Теория и методология психологического портретирования личности политика. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство МГУ, 2010.

[2] *Ганзен В.А.* Системные описания в психологии. — Л., 1984.

ляет число фундаментальных качеств зрелости — четыре — и наполняет их конкретным психологическим содержанием.

Первая диада: пространство и время являются объективными формами существования материи. Вторая диада: информация и энергия являются объективными условиями существования движения.

В соответствии с этой концепцией как человек, так и «собирательная личность»[1] могут быть представлены посредством пространственно-временных и информационно-энергетических характеристик в их психологической интерпретации.

Таким образом, людей с точки зрения зрелости-инфантильности характеризуют инварианты, имеющие биполярное значение: временная, пространственная, энергетическая и информационная, которые соотносятся с конкретными психологическими качествами[2]. С помощью таких полярных значений мы сможем в необходимой мере управлять идентификацией зрелости-инфантильности. Итак:

Время. Инфантильным людям свойственны текущие временные предпочтения — они озабочены сегодняшним днем и не загадывают на завтра. У зрелых всегда есть временная перспектива, они способны откладывать удовлетворение своих желаний или текущие, менее ценные цели во имя достижения более поздних, но более важных.

Пространство. Категория пространства соотносится с понятием *локуса контроля*[3], которое было разработано в 60-е годы XX в. профессором психологии Дж. Роттером (Коннектикутский университет, США). В соответствии с теорией локуса контроля инфантильный человек считает, что событиями его жизни управляет нечто внешнее — удача, случай, более сильные личности или силы, не подвласт-

---

[1] *Бехтерев В.М.* Объективное изучение личности. Избранные труды по психологии личности в двух томах. Т. 2. — СПб.: Алетейя, 1999. — С. 90—93.

[2] *Дейнека О.С.* Ценностно-мотивационные особенности представителей политической и бизнес-элит // Вестник политической психологии. 2001. № 1. — С. 24—27.

[3] От лат. *locus* — место и *controle* — проверка, контроль.

ные его пониманию и контролю; он признает, что сила обстоятельств, внешних условий и фактов сильнее его самого. В таком случае ориентация на внешние обстоятельства обозначается как *экстернальность*, то есть вера субъекта в то, что его поведение детерминируется по преимуществу окружением и обстоятельствами, определяется как *экстернальный локус* контроля.

И наоборот: установка человека на то, что поведение и его результаты программируются в основном им самим, определяется как *интернальный локус* контроля. Зрелый человек полагается на внутренние ресурсы — свои силы, возможности и собственное поведение — с приоритетом установки «все зависит от меня» и «я отвечаю за все». Такая ориентация определяется понятием *интернальности*. Оно связано со способностью и умением брать на себя ответственность, с успешностью и результативностью деятельности.

По мнению В.Г. Крысько, экстерналов отличают повышенная тревожность, обеспокоенность, меньшая терпимость к другим, повышенная агрессивность и негативизм. Это связано с их представлением о зависимости от внешних обстоятельств и неспособности в связи с этим управлять своими делами. Имеются данные о большей склонности экстерналов к обману, к совершению аморальных поступков.

Интерналы более уверены в себе, они самостоятельны, спокойны, благожелательны и рассудительны[1].

Экстерналы и интерналы различаются также и по способам интерпретации социальных и политических ситуаций, в частности, по способам получения информации и по механизмам их причинного объяснения. Так, интерналы терпимы к противоречиям и неясностям, предпочитают большую осведомленность в проблеме и ситуации, большую ответственность, чем экстерналы. В отличие от экстерналов они

[1] *Крысько В.Г.* Социальная психология: словарь-справочник. — Минск: Харвест, 2004. — С. 204—205; *Кондаков И.М., Нилопец М.Н.* Экспериментальное исследование структуры и личностного контекста локуса контроля // Психологический журнал. 1995. № 1.

способны к продуктивной *рефлексии*, избегают ситуационных и окрашенных эмоциями объяснений поведения.

Экстерналы более продуктивно работают под внешним контролем. Они чаще склонны считать себя *жертвой*[1] как различных объективных обстоятельств, так и различного рода интриг, зависти, коварства и происков врагов, мнимых и реальных. Им свойственны трудноразрешимые психологические проблемы, агрессивность, тревожность, они более склонны к фрустрациям и стрессам, им в большей мере свойственно развитие неврозов, чем интерналам. Экстернальный тип политического поведения является составной частью *инфантильного*[2] взаимодействия с реальностью.

Исходя из того, что различные по числу группы людей могут быть подвергнуты психологическому анализу посредством тех же понятий, что и отдельно взятый человек как носитель психических свойств[3], мы считаем возможным сделать вывод о том, что польские правящие элиты как «собирательную личность» представляется возможным характеризовать терминами «*экстернальность*» и «*интернальность*».

Энергия: у инфантильных субъектов преобладает мотив избегания неудачи. У зрелых — мотив достижения, у них ярко выражено стремление к преодолению трудностей и проблем.

Информация: у инфантильных — неадекватные самооценки и уровень притязаний. У зрелых — самооценка реалистичная. Неадекватная самооценка у инфантильных субъектов не является фактором самоконтроля, коррекции, саморегуляции и безопасности поведения. Неадекватность прогноза, ошибки в принятии решений у таких людей являются следствием односторонней оценки ситуации, требующей непосредственного удовлетворения потребностей. Из имеющихся

[1] *Варчук Т.В., Вишневецкий К.В.* Виктимология. — М.: Юнити, Закон и право, 2009.

[2] Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

[3] *Бурикова И.С., Коновалова М.А., Пушкина М.А., Юрьев А.И.* Опыт психологического измерения человеческого капитала. Под научной редакцией проф. А.И. Юрьева. — СПб., 2009. — С. 52.

знаний и прошлого опыта вычленяются только те элементы, которые могут быть использованы для подтверждения, что цель, диктуемая этой актуальной потребностью, осуществима. Такого рода селекция прошлого опыта в сочетании с неадекватной самооценкой, не выполняющей у инфантильных личностей функций звена обратной связи, препятствует полноценному прогнозу последствий собственных действий. Они в буквальном смысле «не ведают, что творят».

Инфантильность рождает теоретиков и практиков революций. Социалисты-утописты, французские энциклопедисты, русские декабристы и их последователи были искренними и, возможно, симпатичными людьми, но страдали инфантилизмом. Они не различали реальность, фантазию, утопию, и, главное, они не были обременены ответственностью. Их бурная деятельность всегда имела разрушительные последствия.

Инфантилизмом поражена и современная российская элита. Либеральную «революцию» возглавили впавшие в детство и страдающие избыточным весом «внуки» пламенных революционеров начала XX столетия.

Польская шляхта и аристократия как «собирательная личность», по В.М. Бехтереву, в этом плане не является исключением. Как только шляхетство достигло всех мыслимых и немыслимых привилегий, у них пропал стимул к «взрослению», борьбе, исчезло чувство ответственности. Теперь с раннего детства юные шляхтичи и аристократы «не завязывали на своей обуви шнурки», их опекали многочисленные слуги и гувернеры. Даже самые бедные шляхтичи считали для себя позором заниматься физическим трудом, торговлей и прочей «неблагородной» деятельностью. Позднее пропало желание заниматься ратным трудом.

Если у западных и восточных соседей всегда находились монархи и лидеры, способные мобилизовать элиту и общество на достижение стратегических задач национального развития, то Польша такую способность утратила. Как ребенок не может соотнести причину и следствие, честно признать свою вину за

любой проступок, так и польская элита блокирует в своем сознании истинные причины всех бед своей родины.

Только невоспитанный и незрелый ребенок может легко отказаться от взятых накануне обязательств: от данной клятвы, принятой присяги, договоренности. Польские магнаты и шляхтичи в зависимости от ситуации и «состояний души» легко отказывались от присяги одному монарху, чтобы завтра присягнуть другому, а послезавтра подать прошение о помиловании и опять присягнуть тому, кого они уже однажды предали. Вот что является уникальной чертой польской аристократии и шляхетства. История не знает ничего подобного.

Польские офицеры-аристократы — дети, собравшиеся на новогодний карнавал. В предвоенные годы даже их военная форма несет на себе печать карнавала: аксельбанты, начищенная кожа, сверкающие золотом пуговицы и эфесы сабель. Пестрая мишура к радости большого ребенка.

Взрослый и сильный мужчина не будет жаловаться могущественному соседу на то, что его кто-то обидел, и просить, чтобы этот сосед вернул ему отобранные обидчиком игрушки. Взрослый и сильный не станет требовать, чтобы кто-то ему «восстановил империю», а старый обидчик «попросил прощения». Взрослый не будет унижаться, умоляя разместить в его стране оккупационные войска и противоракетные комплексы. Взрослому в голову не придет придумывать, будто оккупанты изнасиловали всех женщин в его стране, чтобы потом на это жаловаться[1]. Польская элита сама не понимает, насколько жалко выглядит. Взрослый всегда соизмеряет желания и возможности и, начиная, например, восстание, не будет надеяться, что план мятежа возникнет сам собой и вся Европа бросится ему на помощь. Подобные реакции присущи ребенку. Дети не могут жить самостоятельно, и они в этом никогда не сознаются, поскольку пребывают в полной иллюзии своей «взрослости».

Польская политическая элита живет в детском саду уже три столетия. Взросление — это всегда труд и добровольное, осознанное насилие над собой во имя долгосрочных целей.

[1] *Егоршина О.* URL: http://www.newizv.ru/news/2008-09-23/98484/.

Для того чтобы начать жить собственной жизнью, необходимо мужество. Далеко не у каждого оно есть. И это ведь так удобно — переложить на более сильного ответственность и жить его решениями, надеясь, что он всегда защитит и накажет обидчика. Подобная позиция, свойственная лимитрофам, объективно влечет отказ от суверенитета и политического развития.

1.9. Психология шляхетской жертвенности

Все бедственное и скорбное,
случающееся с нами,
происходит за возношение наше.
Марк Подвижник

Разум без благоразумия — двойное безумие.
Б. Грасиан

Католическо-мессианский идеализм польской нации столетиями формировался в рамках формулы польской национально-религиозной идеи: «*Польша — Христос среди европейских народов*», являющейся мистическим средоточием как польской национальной идентичности, так и религиозной миссионерской жертвенности[1]. В польской исторической литературе начала нового века вновь звучит тема о том, что после Второй мировой войны «сформировался идеал польской жертвенности»[2].

Много сказано и написано о польской жертвенности как о лучшем, что есть у этого народа. И мы не возьмемся ставить под сомнение или тем более отрицать это качество. Но есть один весьма важный аспект, о котором практически ничего не говорится, — жертвенность шляхетских элит, которые не только управляют Польшей, но и олицетворяют ее.

---

[1] *Бердяев Н.А.* Судьба России. — М: Эксмо-Пресс, 1998.

[2] *Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е.* История Польши. — М.: Весь мир, 2004.

В целом проблема жертвы настолько широка, сложна и специфична, что в психологии и криминологии выделен даже особый раздел — виктимология (лат. *victima* — жертва). Слово «жертва» является заимствованием из старославянского языка, где *жрьтва* — суффиксное производное (ср. *молитва*, *битва*) от *жрьти* «приносить жертву, жертвовать», родственного литовскому *gíti* — «благодарить», латинскому *grates* — «благодарность», авестийскому *gar* — «благодарение, плата», затем — «дар в благодарность за что-л.»[1].

Это слово часто встречается в различных вариантах и словосочетаниях. Так, у автора концепции судьбоанализа Л. Сонди находим: добровольная жертва, героическая жертвенность, болезненная жертвенность, жертва магии и чародеев, жертва алкоголизма, беспомощная жертва, жертва *навранной судьбы* и т. д.[2]. К.С. Льюис пишет об упоении своей жертвой, об искусственной и самовлюбленной жертвенности[3].

Как это ни парадоксально, но находиться в позиции жертвы или просто выставлять себя в этой роли для окружающих порой бывает весьма выгодно. Бывают проблемы, которые мешают нам делать то, что мы хотим. Но бывают и проблемы, которые помогают нам не делать того, чего мы не хотим. Это называется вторичной выгодой.

Так, инфантильное стремление польской шляхты к сохранению «золотых свобод» психологически освобождало ее от решения проблем укрепления и сохранения польской государственности, давало возможность получать щедрую финансовую и политическую помощь от «завоевателей» — Австрии, Пруссии и России.

В ранних памятниках христианской богословской мысли есть идея о том, что нет добродетели без рассуждения. Рассуждение должно идти впереди любой другой добродетели.

---

1 *Шанский Н.М., Боброва Т.А.* Этимологический словарь русского языка. — М.: Прозерпина, 1994. — С. 87.

2 *Сонди Л.* Судьбоанализ. — М.: Три квадрата, 2007.

3 *Льюис К.С.* Письма баламута. Расторжение брака. Пер. с англ.: Н. Трауберг. — М.: Fazenda «Дом надежды», 2005.

В связи с этим принято считать, что истинная жертва всегда осмысленна и добродетельна. Именно такой была жертва Христа. Об этом не могут не знать просвещенные польские интеллектуалы. Но, рассматривая сущность шляхетской жертвенности, мы не можем не видеть, что она зачастую не только бездумна. Она, во-первых, агрессивна, во-вторых, тщеславна. Наконец, в-третьих, она лицемерна и направлена на получение узко корпоративной выгоды. Такая жертвенность, помноженная на инфантильный политический прагматизм, породила то, что известно миру из новейшей истории, — трагедию польского народа, потерявшего в мировой войне 6 000 000 граждан.

Вместе с тем, как это ни парадоксально, результаты близорукой и бездарной политики руководства накануне Второй мировой войны на долгие годы дали возможность польским элитам говорить о том, что их страна стала жертвой фашизма и коммунизма. Антигерманскую риторику по соображениям политкорректности, экономической выгоды и страстного желания вступить в НАТО вскоре свернули. Но тема «звериного оскала русского империализма» и в связи с этим польской жертвенности до сих пор остается весьма актуальной. Следуя за Л. Сонди и К.С. Льюисом, представляется возможным говорить не только о жертве *навранной судьбы* и об упоении своей жертвой, об искусственной и самовлюбленной жертвенности, но и о политически, экономически, а также идеологически выгодной жертвенности польской шляхты.

Страшные потери польского народа во Второй мировой войне в трактовках современных шляхетских идеологов должны означать некую божественную миссию польского народа, понимаемую как жертвенное ниспровержение немецкого нацизма и советского коммунизма. То есть Польша как бы принесла непомерную жертву нацизму и коммунизму: в фашистских лагерях и «Катыни» были уничтожены лучшие представители польской элиты — интеллигенция, священники, профессора, офицеры, все лучшее, что должно быть принесено в качестве сакральной жертвы. В соответствии с этой концепцией именно

Польше было якобы уготовано сыграть основную роль в низложении нацизма и коммунизма.

Однако в этой концепции не нашлось места для признания того, что именно верхушка шляхетских элит Польши была субъектом такого безумного жертвоприношения. Именно она бросила на поругание и уничтожение миллионы своих сограждан. Современные последователи шляхетско-сарматской[1] исключительности со свойственным им лицемерием и цинизмом назначают одинаковым злом нацистский оккупационный режим и советских освободителей. Они не считают возможным даже упомянуть о том, что при освобождении Польши от фашистских захватчиков погибло более 600 000 солдат и офицеров Красной Армии[2]. И это как раз та жертва, на которую пошло руководство СССР, чтобы освободить, как тогда говорили, братский польский народ.

Искупление грехов других людей посредством жертвы праведников отражает в католическом богословии идею о сверхдолжных заслугах. Согласно этому догмату добрые дела праведников и святых, принесших божественному правосудию преизбыточное, сверхдолжное удовлетворение, образуют сокровищницу сверхдолжных заслуг, которой по милости Церкви могут воспользоваться и грешники для своего спасения[3]. В связи с этим политический мессианизм целого народа еще более богоугодное дело, чем «искупительные жертвы» одного праведника[4].

По словам А.Ф. Лосева, в основе любого мифа лежит аффективный корень, который всегда есть выражение тех или иных потребностей и стремлений. Чтобы создать миф, меньше всего надо употреблять интеллектуальные усилия. Мифическое сознание — менее всего интеллектуальное

---

1 *Ракитянский Н.М.* Сарматизм — ментальная основа шляхетской республики Речи Посполитой // Информационные войны. 2010. № 3.

2 *Тюшкевич С.А.* Цена победы. URL: http://gpw.tellur.ru/page.html?r=itogi&s=price.

3 URL: http://www.stjohndc.org/Russian/orthhtrdx/r_08.htm/.

4 *Близнеков В.Л.* Катынь и Смоленск: альтернатива символа. URL: http://www.bogoslov.ru/text/755611.html.

сознание[1]. А.Ф. Лосев писал и о том, что «миф… ни в каком смысле не есть какая-нибудь рефлексия. Он всегда некая явленность, непосредственная и наивная действительность, видимая и осязаемая изваянность жизни... В мифе нет вообще речи о рефлексии»[2].

Напряженные «мифически-психологические переживания»[3] ненависти шляхетских элит по отношению к России на протяжении трех веков формировали аффективно заряженные негативные мифы. Шляхетский миф жертвенности психологически и нравственно отравлял и отравляет не только его авторов и апологетов. Он определяет политику современного польского государства по отношению к восточному соседу.

Мы можем предположить, что, будь Польша успешной страной в военном, политическом, колониальном, экономическом отношении, у нее были бы другие мифы. Миф извращенной шляхетской жертвенности рожден в застойном аффекте неадекватности, чувствах исторической ущербности, политического лицемерия и инфантильной обиды.

Именно о таком типе политических деятелей писал Б. Грасиан в 1647 г.: «…себя заполняя обидой, других наполняют досадой. Этакий недотрога нежнее зеницы ока; не тронь его ни в шутку, ни всерьез; не соринка, а ее тень застит ему белый день... Чаще это <…> рабы своих прихотей, ради которых на все готовы; гонор — их кумир <…> своими жалобами на прошлые обиды дают повод для будущих и, уповая на помощь или утешение, вызывают злорадство и даже презрение. Куда политичней выхвалять за услуги одних, дабы подзадорить других; либо твердить о любезности отсутствующих, дабы побудить к ней присутствующих, — как бы наделяя вторых щедростью первых. Муж осмотрительный не станет говорить ни о своих обидах, ни об оплош-

[1] *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. — М.: Академический проект, 2008. — С. 35—36.

[2] Там же. С. 146—147.

[3] Там же. С. 37.

ностях, но не забудет упомянуть о лестном — тем сбережет друзей и сдержит недругов»[1].

Психологический анализ обиженного субъекта находим и у А.Ф. Лосева: «...чувство обиды, чисто вербально вскрываемое в наших учебниках психологии, всегда трактуется как противоположность чувству удовольствия. Насколько условна и неверна такая психология, далекая от мифизма живого человеческого сознания, можно было бы показать на массе примеров. Многие, например, *любят* обижаться. Я всегда вспоминаю в этих случаях Ф. Карамазова: “Именно, именно приятно обидеться. Это вы так хорошо сказали, что я и не слыхал еще. Именно, именно я-то всю жизнь и обижался до приятности, для эстетики обижался, ибо не только приятно, да и красиво иной раз обиженным быть; — вот что вы забыли, великий старец: красиво! Это я в книжку запишу!”. В абстрактно-идеальном смысле обида есть, конечно, нечто неприятное. Но жизненно это далеко не всегда так»[2].

Шляхетское понимание и культивирование жертвенности, побуждая к негативным аффектам и блокированию рефлексии, позволяет, таким образом, польским субъектам политики уходить от ответственности, отказываться от борьбы и сопротивления, тщеславиться, оправдывать свою политическую несостоятельность[3], искать и находить мифические причины неудач и поражений вне себя. В итоге программировать и, по словам Л. Сонди, бессознательно «реализовывать диалектику своей судьбы»[4].

Если обратиться к польской истории, то возникает ряд естественных вопросов. Например, могут ли соответствовать «идеалу жертвенности» польские легионеры-наемники, участвовавшие в захватнических войнах Наполеона? Или — соответствуют ли идеалу жертвенности польские элиты и аристокра-

---

1 *Грасиан Б.* Карманный оракул. Критикон. — М.: Наука, 1984. — С. 40, 30.

2 *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. — С. 37.

3 *Цыганов В.В., Бухарин С.Н.* Информационные войны в бизнесе и политике: Теория и методология. — М.: Академический проект, 2007.

4 *Сонди Л.* Указ. соч. С. 279.

тия, которые, несмотря на неоднократную утрату суверенитета родины, продолжали вести богемный образ жизни?

Например, спрашивается, что Польше делать в Ираке в составе оккупационных сил США и НАТО, и какова там ее роль? Ответ получаем от бывшего президента Л. Качинского, учредившего в 2006 г. новую военную награду — «Орден военного креста», который «должен присуждаться за исключительную жертвенность и мужество, проявленные во время действий в миссиях вне Польши и антитеррористических операциях»[1].

Теперь посмотрим, что стоит за традиционным шляхетским романтическим пафосом. Против мужества польского военного контингента мы ничего не имеем, особенно если оно проявляется наемниками за доллары. Если оставить за скобками тему антитеррористической демагогии, то о каких конкретно миссиях идет речь? Об оккупационной миссии? О роли американского и натовского цепного пса?

Как и всегда, без темы жертвенности польские правители не могут обойтись, помогая США и дальше терзать и разорять несчастный Ирак, рассчитывая при этом на свою долю иракской нефти[2].

Если вернуться к трактовке слова «жертва», то присутствие Польши в Ираке — это что, «благодарение, плата», «дар в благодарность…» за роль лимитрофа? За размещение американской ПРО?

В феномене жертвы есть одна весьма существенная тонкость. По мнению петербургского лингвиста А.Н. Миронова[3], жертвование — это страдательное, болезненное выделение кого-чего-либо кому-чему-либо. Как часто в нашей жизни мы слышим слова, что принесенные жертвы были либо не напрасны, либо, наоборот, напрасны. Казалось бы, ничего такого предосудительного в них нет. Однако, открывая Евангелие, читаем следующее обращение Христа к фа-

---

1 URL: http://www.warsaw.ru/articles/2006/art11/orden13-11-06.htm.

2 URL: http://lenta.ru/iraq/2003/07/04/oil/.

3 *Миронов А.Н.* Сущностное восприятие слова. Кн. 1. — СПб.: Экополис и культура, 2000.

рисеям: «Если бы вы знали, что значит: “милости хочу, а не жертвы”, то не осудили бы невиновных» (Мф 12:7). Как мы видим, Христос указывает нам на то, что явление жертвы несет в себе опасность для нашей души.

В таком случае неизбежно возникает вопрос о связи жертвования с осуждением невиновных. Почему Иисус Христос указывает на эту связь? Ведь она, на первый взгляд, совсем не обязательна. Для этого необходимо вникнуть в понятие милости. Значение этого слова выглядит так: доверительное великодушно-доброе, милосердное, сочувственное отношение.

А.Н. Миронов считает, что в слове «жертвование» очевидно присутствие, с одной стороны, затратности, а с другой — некой завуалированной корысти. Причем сущностное содержание самого явления затратности, как ни странно, связывается в любом случае, даже в случае требования жертвы, с ее навязыванием. Сам же факт такого навязывания автоматически превращается в сознании подателя жертвы в обязанность перед ним со стороны получателя жертвы.

Таким образом, жертвующий наивно расценивает свой поступок абсолютно справедливым и благородным. При этом он впадает в соблазн ожидания со стороны получателя жертвы добровольного согласия на выполнение в отношении него вполне определенных ответных действий.

Но что делать, если получатель жертвы воспринимает ее, скажем, как безвозмездный дар? Или, наоборот, недоволен тем, что его таким способом принуждают «творить добро» в ответ жертвующему? Таким образом, получается, что жертвование — это навязывание кому-либо обязанности, ответственности перед кем-либо.

Любое жертвенное действие неизбежно побуждает к ответу, который должен быть соразмерен этому жертвенному действию. Поэтому, жертвуя, мы невольно готовим наше осуждение невиновного, который также неизбежно не оправдывает наших суетных ожиданий.

Именно поэтому истинной жертвой в христианской традиции является анонимная, тайная, не отравленная страстя-

ми и потому *смиренная* жертва, когда жертвователь не вводит в смущение, искушение и соблазн «получателя» жертвы. Именно поэтому не принято говорить на каждом шагу о самопожертвовании, о принесении напрасных либо, наоборот, не напрасных жертв.

Таким образом, жертвоприношение по своей сути может быть лицемерным и корыстным, так как приносящий жертву ожидает что-то взамен, например, хорошую добычу, коммерческий успех, победу в предстоящей битве, взаимность в любви и (или), в конце концов, умиление и восхищение окружающих. При этом сама жертва может и не знать, что является жертвой, как это происходило с польским народом на протяжении веков. Неосознанная же жертвенность, собственно говоря, жертвенностью не является.

Н.И. Бердяев писал о том, что особое духовное шляхетство отравляло польскую жизнь и сыграло роковую роль в государственной судьбе. У поляка есть любовь к жесту, в том числе и к жертвенному жесту. В польской душе — пафос страдания и жертвы. В польской душе чувствуется судорожное противление личности, способность к жертве и неспособность к смирению. В польской душе есть всегда отравленность страстями[1]. Может быть, поэтому шляхетская жертвенность более всего похожа на тщеславие, на стремление хорошо выглядеть в глазах окружающих, потребность в подтверждении своего превосходства, сопровождаемую желанием слышать лесть.

Так, с одной стороны, оправдывается безответственная политика польских правителей накануне Второй мировой войны, а с другой — «доказывается» исключительная, жертвенная роль Польши в победе над немецким нацизмом и впоследствии над коммунизмом. С помощью такой логики создается современная шляхетская мифология, которая формирует аффективно-негативное отношение к России не только политических элит, но и всего польского общества.

---

[1] *Бердяев Н.А.* Русская и польская душа. — В кн.: Польская и русская душа. — Варшава: Польский институт международных дел, 2003. — С. 159—163.

ВЫВОДЫ

В XVII в. естественный ход развития Речи Посполитой был заблокирован сторонниками «золотых свобод». Устойчивость либеральной системы правления шляхетские элиты обеспечивали за счет продажи геополитического статуса своей страны, суверенитета и территориальной целостности государства.

Разделы Польши — это плата, которую вполне осознанно и добровольно платила шляхта за свои привилегии. В первых двух разделах Речи Посполитой 1772—1795 гг. принимали участие четыре стороны — Австрия, Пруссия, Россия и Польша. Этот факт на протяжении веков не могут и не желают признать польские политические элиты, списывая свои беды на внешние факторы и, в первую очередь, на Россию.

Вступление в НАТО, настойчивые просьбы о размещении элементов ПРО — это тот же «раздел Польши», тот же торг суверенитетом, то же стремление обеспечить устойчивое существование современной польской постшляхетской элиты.

В течение столетий у политической и интеллектуальной элиты Польши сложился комплекс неполноценности. С одной стороны, это экстернальное ощущение собственного бессилия что-либо сделать, отвращение к труду, неспособность на жертву, отсутствие готовности к жестоким испытаниям, с другой стороны, ничем не обоснованное чувство собственного превосходства, тщеславие, ложная убежденность в своем благородстве, правоте, величии. Вот два полюса, определяющие шляхетский комплекс. Данный комплекс — следствие инфантилизма элит, который не дает им объективно разобраться в причинах всех своих бед. А причина здесь одна — это они сами. Но, как оказалось, польская элита не в состоянии в этом признаться.

Таким образом, в результате нашего анализа в гипотетической ментальной картине польской политической элиты, в ее психологическом портрете мы выделяем три исторически сложившиеся и в настоящее время актуализированные (манифестированные по Л. Сонди[1]), наблюдаемые психоло-

[1] *Сонди Л.* Указ. соч.

гические доминанты: *истероидную*, *психопатическую* и *психастеническую.* Они находятся в сложном диалектическом взаимодействии, рекомбинируясь и реактивируясь при изменении внутренних и внешних политических и экономических условий.

Первые две доминанты — *истероидная* и *психопатическая* — в настоящее время играют ведущую роль, блокируя политическую *субъектность* польского руководства. Они характеризуют выраженную ментальную *инфантильность* национальной политической элиты, ее неумение и нежелание взаимодействовать с *отрицательной обратной связью*, что, в свою очередь, усугубляется *аффективностью* и сниженным уровнем политической *рефлексии* нынешних операторов власти. Истероидная и психопатическая акцентуация отрицательно коррелируют с *концептуальным* и *стратегическим* мышлением политических субъектов.

После Второй мировой войны первые две акцентуации были в известной мере скомпенсированы деятельностью коммунистической ПОРП, идеологией пролетарского интернационализма и «братских славянских народов». Они также в известной мере блокировались обязательствами членства в Варшавском договоре и СЭВ на фоне тотального противостояния двух политических систем. В этот период Польша относительно благополучно развивалась в рамках *психастенической* акцентуации.

По мере ослабления влияния СССР и усиления ментальной экспансии США были реактивированы *истероидная* и *психопатическая* акцентуации, что мы и наблюдали в деятельности «Солидарности» во главе с харизматическим (психопатическим истероидом) Л. Валенсой и в настоящее время наблюдаем в откровенно русофобской, враждебной позиции польского руководства по отношению к России. Реактивированные ментальные акцентуации польской политической элиты весьма профессионально и целенаправленно канализируются на восток Госдепом и спецслужбами США,

вполне оправдывая политически *бессубъектную*, *лимитрофную* роль современной Польши.

В политико-психологическом плане постшляхетская элита не смогла выйти за рамки *адаптивного*, *инфантильного* способа политического существования.

Десидеро-синдром элит как злокачественное проявление крайних форм инфантилизма является следствием влияния мирового экономического порядка, основанного на интенсивном информационно-психологическом стимулировании потребления[1]. За последние десятилетия создана мировая система агрессивной потребительской дрессировки, которая принуждает людей различного социального и политического статуса к неуемному потреблению. Сама культура рыночной цивилизации подчинены этой цели. *Десидеро-синдрому*, как «заразительной болезни» подвержены и национальные элиты, утратившие свою ментальную идентичность. Они не желают и не могут понять, что идентичность тех, кто забыл себя, определяют другие.

Шляхта и ее наследники в XX и XXI столетиях так и не смогли овладеть *креативной рефлексией* и *целевой детерминацией* и обеспечить тем самым достойное место своей страны в геополитическом пространстве.

Рассмотрев сущность шляхетской жертвенности, мы не можем не видеть, что, во-первых, она агрессивна, во-вторых, тщеславна. В-третьих, лицемерна и направлена на получение узко корпоративной выгоды. Такая жертвенность, помноженная на инфантильный политический прагматизм, и дала то, что известно миру из новейшей истории — трагедию польского народа, потерявшего в мировой войне более 6 000 000 граждан.

Шляхетский миф жертвенности психологически и нравственно отравлял и отравляет не только его авторов и апологетов. Он определяет политику современного польского государства по отношению к восточному соседу.

---

[1] *Ракитянский Н. М.* Личность политика: теория и методология психологического портретирования. — М., 2011. — С. 70.

Мы можем предположить, что, будь Польша успешной страной в военном, политическом, колониальном, экономическом отношении, у нее были бы другие мифы. Миф извращенной шляхетской жертвенности рожден в застойном аффекте неадекватности, чувствах исторической ущербности, политического лицемерия и инфантильной обиды.

Полвека назад А. Кемпински писал о героически-самоубийственной ноте как национальной особенности поляков. С той поры «героического» стало значительно меньше, истерически-самоубийственного — много больше. Не будем забывать и о том, что американцы еще никогда и никому не прощали «дружбы» с ними. За нее всегда приходилось платить непомерную цену. Какой будет цена такой «дружбы» и так называемого партнерства для Польши, как, впрочем, и для России? Но это уже другая тема.

Глава 2
Сарматизм — ментальная основа шляхетской республики Речи Посполитой

Возвышение Польши началось после победы над крестоносцами в Грюнвальдской битве 15 июля 1410 г. Тогда состоялось одно из самых великих сражений средневековья — между войском Тевтонского ордена и союзным войском Королевства Польского и Великого княжества Литовского, Жемайтского и Русского. Войско, возглавляемое поляками, было многонациональным. Его основу при этой битве составляло польское рыцарство. Всего в коронной, польской, армии была 51 хоругвь: 2 королевские, 3 князей Мазовецких, 17 земских, 26 сформированных духовными и светскими феодалами, 3 хоругви наемников. В составе войска сражались также 4 литовских полка и 28 полков с ныне белорусских земель. Были в войске хоругви и из других мест — Киева, Молдавии, и татарские отряды мирзы Джалал-ад-Дзина. Так,

в объединенном войске было семь украинских хоругвей и хоругви чешских наемников. Грюнвальдская победа положила конец двухсотлетней тевтонской экспансии на восток Европы и определила начало интенсивного политического развития польского государства[1].

После Грюнвальда примерно столетие вызревала идея сарматизма, принятием которой польское общество формировало свой менталитет и такие его аспекты, как политическое и историческое самосознание, демонстрируя его окружающему миру. Тем самым оно заявляло о своем особом месте в системе европейских народов. Действительно, в связи с ослаблением Чехии и катастрофой Венгрии[2] именно к Польше в середине XVI в. переходит роль сильнейшего государства Центральной Европы, игравшего значительную роль в сопротивлении Османской империи и проводившего активную восточную политику.

2.1. Феномен и понятие сарматизма

Впервые о сарматизме завел речь польский историк, дипломат и крупный католический иерарх Ян Длугош (1415—1480). Он утверждал в польском обществе чувство гордости своим историческим прошлым и государственный патриотизм. Закрепил понятие сарматизма как отражение этноисторической специфики польского менталитета астролог Мацей (Матвей) Карпига из Мехова (1457—1523). Широкую известность получил его трактат «О двух Сарматиях» (1517). Этот труд стал главным источником сведений о Польше и Восточ-

---

[1] *Керрер Н.* Этнические стереотипы в польском национальном сознании XIII—XIV веков (по данным Великопольской хроники). URL: http://www.polska.ru/polska/historia/hist_stereotyp.html.

[2] Победа турок в Мохачской битве. Сражение, произошедшее у города Мохач в южной Венгрии 29 августа 1526 г., в котором Османская империя нанесла сокрушительное поражение объединенному дворянскому венгро-чешско-хорватскому войску. Порта заняла Среднедунайскую равнину, включив в свои владения самое сердце Европы, которое турки планировали превратить в плацдарм для покорения новых территорий и дальнейшего распространения ислама.

ной Европе на Западе. О его значении в формировании национального польского менталитета свидетельствует тот факт, что он выдержал 14 изданий в XVI в.

М. Карпига *a priori*, то есть *догматически*[1] утверждал «славное происхождение» поляков от народа древности — «сарматов», в то же время дистанцируясь от «варварского» мира «азиатской Скифии». Идеи астролога развивал историк и дипломат, доктор права и непримиримый враг протестантизма Марцин Кромер (1512—1589) в труде «О происхождении и деяниях поляков, в 30 книгах» (1555).

Под воздействием своих идеологов поляки приходили к осознанию себя не только носителями, но и проводниками цивилизации в пограничье культурного и варварского миров. Проникаясь модным в Европе XV в. поиском исторических корней, увлеченно проецируя себя в далекое прошлое, интеллектуалы шляхетского сословия пытались доказать, что они являются потомками свободного, кочевого и вольнолюбивого народа — сарматов[2].

Этот народ был известен по произведениям Геродота, Мацеллина, Птолемея, Страбона, Тацита и других античных авторов. Со временем своеобразное развитие исторического самосознания привело поляков к утверждению того, что они — «народ, который своей древностью не уступит наиблагороднейшему народу»[3].

Сарматизм как доминантная тенденция самосознания польских элит формировался в эпоху позднего Ренессанса на рубеже XVI—XVII вв. в шляхетской среде на почве особого политико-правового статуса дворянского сословия в обществе и государстве. Основополагающим положением сарматизма

---

[1] Догма от др.-греч. *δογματίζω* — «мнение», «общее убеждение», «постановление», «утверждение».

[2] Сарматы (греч. *Σαρμάται*, лат. *Sarmatae*), также савроматы, — общее название кочевых скотоводческих ираноязычных племен (аланы, роксоланы, языги и др.), расселившихся в III в. до н. э. — IV в. н. э. в степях от Тобола на востоке до Дуная на западе (Сарматия).

[3] История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения / Под. ред. Брагиной Л.М. — М.: Высшая школа, 1999.

стал постулат об особом происхождении польского народа, под которым, подчеркнем, понималось только дворянство.

В отличие от других стран центральноевропейского региона, где в этот период развивались буржуазно-капиталистические отношения, в Польше происходило дальнейшее укрепление и консервация феодально-крепостнических порядков. На начальном этапе это привело к подъему экономики, развитию роста городов, активизации торговли, а также — к стремительному и небывалому по масштабам обогащению шляхты[1].

Радомская конституция 1505 г. с принципом «nihil novi» (лат. *ничего нового*) гарантировала неприкосновенность всех обретенных привилегий в управлении государством и в ограничении прав короля. Это особое положение отразилось в представлении о «золотом веке», «золотой вольнице». «Шляхетская демократия», таким образом, представляла собой власть в государстве только одного — дворянского — сословия. Его главенство определялось не только особым правовым статусом, но и большой численностью. Доминирование шляхты отразилось и на возвышении ее политического статуса, что побуждало к поиску и утверждению его идеологического обоснования.

Семья сармата. Приводится по: http://www.chaosss.ru/xaoc/futuresarmatia.html.

Еще на начальном этапе формирования шляхетской догматической доктрины сарматизма преобладал мотив не общности, а этнической и сословной исключитель-

[1] *Лескинен М.В.* Образ сармата в истории: На пути формирования национального самосознания народов Речи Посполитой во второй половине XVI — первой половине XVII вв.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. — М.: Институт славяноведения РАН, 1998.

ности, который *a priori* предполагал, что у шляхты особые этнические корни — сарматские, а не славянские, как у «хлопов» и «быдла». Поскольку власть в Речи Посполитой (буквально — республике) принадлежала шляхте, своевольно ограничившей в правах короля и другие сословия, это получило выражение в представлении о дворянстве как о политическом народе — демосе. Период генезиса сарматской идеологии был временем формирования своеобразных корпоративных представлений о демократии как демократии только для избранных. Польская шляхта провозглашала себя наследницей традиций античного демократизма так, как она его понимала, что, впрочем, не вступало в противоречие с обязательством сохранения принадлежности к католицизму[1].

В XVII в. сарматизм в целом был принят шляхтой в качестве основы ее сословно-корпоративной идеологии и определил уникальный характер польской знати и ее политический статус в век абсолютизма в Западной Европе. Под сарматизмом стали понимать совокупность присущих польскому шляхетскому сословию особенностей менталитета, которые проявлялись в мировоззрении, образе и стиле жизни, в быту, определенном типе культуры и политического поведения. В качестве приметы времени можно привести тот факт, что в поиске исторических корней шляхтичи начали выводить свои родословные от древних сарматов, живших во II столетии в причерноморских степях[2]. Без сарматских корней шляхтич считался ненастоящим[3].

Речь Посполитая изначально была полиэтническим государством, в котором господство принадлежало не только феодалам польским, но и литовским и других народов. Постепенно идея сарматизма получила распространение в Литве, в Беларуси, а также на украинских землях. Образовался

---

[1] *Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. — М.: Институт славяноведения РАН, 2002. — С. 165.

[2] URL: http://akimboyko.in.ua/2008/10/terra_heroica_2008_age_of_sarmatizm/.

[3] URL: http://plas.by/ist/rod/glava1.php.

даже своеобразный украинский сарматизм[1]. И там местные феодалы, по примеру польского «старшего брата», как могли, демонстрировали аристократический анархизм и свое неприятие «песьей крови».

С самого начала своего становления сарматизм как архаичная форма самоидентификации утверждался и как своего рода *социальный расизм*[2], что, впрочем, вполне вписывалось в европейские традиции сословной и национальной нетерпимости того времени с той лишь разницей, что Европа была устремлена в будущее.

Ментальному экспансионизму сарматизма не удалось преодолеть границ Польши, Литвы и Украины, так как, будучи явлением по сути своей ретроградным, этноцентрическим и враждебным России, он не мог рассчитывать на успехи в ее пределах даже при том, что Россия смотрела на Европу в XVII в. через «польское окно». Интересно, что для Петра I сарматизм оказался неприемлем еще и потому, что противопоставлял себя европеизму. С середины XVII в. Запад все больше расценивал Речь Посполитую как восточную страну, и Петр это хорошо знал. В его глазах сарматизм и «старомосковство» подобны и одинаково отсталы. В правленных собственноручно Петром набросках к истории его царствования, в перечне культурных реформ 1699 г. под номером 7-м значится: «Тогда же за благо разсудил старинное платье росиское (которое было наподобие полского платья) отменить, а повелел всем своим подданным носить по обычаю европских христианских государств»[3]. Заимствуя «обычай европских христианских государств», Петр исключал из этого «обычая» Польшу, — следовательно, и сарматизм.

Академик А.М. Панченко писал о том, что поляки в первую очередь объявили себя «хранителями мифических

---

[1] URL: http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/kresin-2.htm/.

[2] Социально-экономическая география Украины / Под ред. О. Шаблия. — Львов: Свит, 1998. — С. 153; URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Сарматы/.

[3] *Воскресенский Н.А.* Законодательные акты Петра I. — М.; Л., 1945. Т. 1. — С. 116.

сарматских добродетелей. Сармату приличествует быть рыцарем и воином, хорошим сельским хозяином (с некоторыми неостоическими чертами), человеком с образованием и с интересом к миру. Таковы идеологемы раннего, если не героического, то, во всяком случае, плодотворного периода сарматизма. Видимо, не случайно ему сопутствовали самые крупные государственные успехи Речи Посполитой…

Мессианизм и мегаломания достигла предела: Речь Посполитая стала трактоваться как некое идеальное пространство — государственное («золотая свобода»), конфессиональное (католицизм), национальное (избранный народ). Это — крепость, призванная обороняться от язычников, то есть татар и турок, от схизматиков, то есть москалей и украинских и запорожских казаков, от протестантов — Швеции и Бранденбурга. В эту пору сарматизм препятствует реальной оценке национальной ситуации. Если она ухудшается, то, якобы, лишь потому, что Речи Посполитой предназначена роль невинной жертвы (притом в литературе нередки уподобления страстям Христовым)»[1]. После разделов польский мессионизм постоянно твердил, что «Польша страдает за грехи всего человечества».

Сарматизм как идеология шляхетской, а в последней трети XVI в. — и магнатской Речи Посполитой предопределил ментальные особенности польской знати в отличие от западноевропейской аристократии. Шляхта, «огонь и железо вольного рыцарства», была сословием воюющих господ. Архаичная и незамысловатая сарматская этика предписывала свод насколько жестких, настолько и нелепых установок. Так, истинный шляхтич предпочтет умереть с голода, но не опозорит себя физическим трудом, он дистанцирован от «быдла», отличается «гонором» и демонстративной храбростью. При этом христианское братолюбие, смирение и аскетизм в реальной жизни им были неведомы.

После подписания в 1569 г. Люблинской унии между Польшей и Великим княжеством Литовским с принадлежав-

[1] *Панченко А.М.* Петр I и славянская идея // Русская литература. 1988. № 3. — С. 146—152.

шими ему западными и южными русскими землями Речь Посполитая стала третьей по размеру и четвертой по населению страной, одним из богатейших государств континента.

В XVI—XVII вв. Польша является одной из ведущих держав Европы. Историк Н.И. Бухарин утверждает, что тогда на ее долю выпала задача объединения славянского мира и создания противовеса Османской империи[1]. По мнению автора, Литва, в отличие от Польши, до соединения в Люблинской унии 1569 г., имела шансы объединить православно-славянский мир и выполнить ту миссию, которую отчасти впоследствии выполнила Российская империя.

Именно шляхетская политическая элита как носитель сарматской идеи избранности и «католицкой» догматически-репрессивной, тоталитарной нетерпимости не только сорвала этот объединительный проект, но и в последующем предопределила крах своей государственности.

Сигизмунд II Август (1520—1572), действуя в духе мессианской самоуверенности, сломил сопротивление элит Великого княжества Литовского, утвердил сарматско-католическое и политическое доминирование Польши, добившись при этом передачи Королевству Польскому Волыни, Подолья, Подляшья и украинских земель, принадлежавших Великому княжеству Литовскому.

XVII в. становится переходным этапом, когда, несмотря на явные черты кризиса, государство еще сохраняло свою целостность и способность к развитию. Но с середины века дезинтеграционные процессы, которые раскручивал маховик сарматской доктрины, набирают негативную инерцию и становятся необратимыми, осложнившись внешнеполитическими поражениями и последствиями тяжелых войн, ведущихся на территории Речи Посполитой, — продолжаются войны с турками, крымскими татарами, шведами, русскими. Как реакция на сарматское высокомерие и жестокую полонизацию вспыхивают многочисленные казацкие восстания. Левобереж-

[1] *Бухарин Н.И.* Российско-польские отношения в XIX — первой половине XX вв. // Вопросы истории. 2007. № 7. — С. 3.

ная Украина отходит к Московскому государству. Все это приводит к экономическому упадку и усилению дестабилизации в сарматской «республике»[1].

В XVIII в. во внутренние дела Польши все более активно вмешиваются соседние державы, заинтересованные в слабой Речи Посполитой. Большинство робких попыток преобразовать и усовершенствовать государственный строй или сводились к шлифовке ретроградной системы, или не достигали своих целей. Польша становится протекторатом Австрии, Пруссии и России.

Польское государство с его идеей сарматско-шляхетской демократии не выдержало испытания суровой политической реальностью. На завершающем этапе Северной войны (1700—1721) свое слово сказал Петр I. По иронии судьбы и условиям мирного договора имперская Россия стала гарантом государственного строя шляхетской демократии, а также обывательских прав, вольностей и прочих «гражданских прав и свобод».

Сейм 1717 г. принял рекомендации русских властей при полном безмолвии присутствовавших. Численность войск Речи Посполитой была ограничена 24 тысячами человек, что больше подходило для дворцовых парадов. Австрия и Пруссия имели примерно по 100 тысяч, Россия — около 300 тысяч[2]. Сторонникам обновленческих реформ, активных политических действий указали на их место.

2.2. Развитие понятия сарматизма

Содержание понятия «сарматизм» менялось в польском обществе на протяжении нескольких веков. Вначале его смысл сводился к определению старинного польского образа жизни и национального характера. Во второй половине XVIII в. под «сарматизмом», «сарматскостью» подразумевалась совокупность определенного типа внешности и поведенческих сте-

[1] *Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма. — С. 15.

[2] *Bardach J., Lenodorski B., Pietrzak M.* Historia ustroju i prawa polskiego. Warszawa, I994. S. 232.

реотипов. В эпоху Просвещения в языке польской знати и аристократии это определение уже носило негативный оттенок, противопоставляя изысканной утонченности салонов грубоватость и простоту «старой шляхты». По представлениям новой эпохи оно отражало негативные черты, противоположные идеалу просвещенного либерального гражданина: религиозный фанатизм, суеверие, приверженность старым обычаям и порядкам, традиционализм и ксенофобию[1].

Позже социально-негативный характер понятия уступил место национально-патриотическому содержанию. Так, в период Четырехлетнего сейма (1788—1792) становится особенно популярным образ «просвещенного сармата». Под ним понимался истинный патриот, образованный человек, воспринявший идеи философов-просветителей и одновременно уважающий старинные польские обычаи. В среде польской знати мода на французское платье и ношение шпаги сменилась актуальностью шляхетского кунтуша и польской сабли[2].

Шляхетский костюм — жупан и кунтуш (http://sarmata.livejournal.com/119408.html)

Во второй половине XIX в. типичный представитель сарматизма — доблестный благородный рыцарь-шляхтич. В конце

[1] *Софронова Л.А.* Сарматизм в польской драматургии эпохи Просвещения // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. — М., 1977. — С. 151—153.

[2] *Pelc J.* Baroc — epoka przeciwienstw. Warszawa, 1993. S. 210—212.

XIX столетия «сарматизмом» стали называться старинные польские обычаи, шляхетское помещичье гостеприимство, простота, открытость, широта и щедрость, прямота и правдолюбие — словом, все те черты, которые считаются присущими польскому народу и славянам.

В 20—30-е гг. XX в. сарматизм означал нравы, обычаи и представления польского дворянства — эпохи господства шляхетской демократии. Носителем совокупных черт, определяемых как «сарматские», был, прежде всего, шляхтич — польский дворянин[1].

Исторически идеология сарматизма отражалась не только в понятиях, но и в особых манерах, «восточном» стиле парадной одежды (жупан) и т. д., а также в искусстве — в соответствующем стиле изображения польского дворянина, что получило название «сарматский портрет». На протяжении XVII и XVIII вв. польские аристократы желали, чтобы художники изображали их «сарматами». В первой половине XVIII в. «сарматский костюм» шляхтичей и магнатов был очень похож на костюм турецкий, не считая влияний московских, татарских, персидских и венгерских, притом восточная мода становилась преобладающей[2]. Основными занятиями блюстителей «сарматских традиций» были: война, охота, полонез. Развит был галантный обычай целования женской руки.

Сарматизм возвышенно и романтически воспевался поэтами и писателями, в частности, в произведениях Вацлава Потоцкого (1621—1696), Яна Кристофа Пасека (ум. ок. 1705 г.), Анжея Збылитовського (конец XVI и начало XVII в.) и Иеронима Морштина. В XIX в. «сарматский стиль» Речи Посполитой был красочно описан Генриком Сенкевичем (1846—1916) в эпической трилогии «Огнем и мечом», «Потоп» и «Пан Володыевский»[3].

---

1 *Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма. — С. 19.

2 *Mankowski T.* Orient w polskiej kulturze artystycznej. Wrocław, 1959. S. 195—210.

3 URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Сарматизм.

2.3. Польское католичество и сарматизм

Феномен польского национального менталитета, как и любого другого, объясняется культурно-историческим и, в конечном счете, — религиозным происхождением[1]. Поляки или ранее ляхи (Polen, Lechen) — это общее имя для славян, живших по Висле, Мазурским озерам, около Полоцка с X в. Польские земли тех лет находились в тесной политической связи с Моравией и христианство получили из рук последней. Польского герцога Мечислава (Mieczislaw, 964—992) расположила к христианству его супруга, богемская прицесса Домбровка (в 965 г). Он был крещен в 966 г. вместе со многими знатными лицами. В 968 г. основано епископство в Познани. Принято считать, что примерно с этого момента Польша приняла христианство. Много потрудился над христианизацией своего народа Болеслав I Храбрый (992—1025), которому помогал немецкий Император Оттон III[2]. Вся последующая история формирования и развития менталитета польской нации обусловлена исповеданием католичества. Но здесь важно заметить, что сарматизм зарождался в период, когда в Европе нарастали секулярные тенденции, и польским элитам не удалось избегнуть их влияния.

По мнению М.В. Лескинен, сарматская утопия могла возникнуть, когда одной религиозной идеологии стало уже недостаточно. Ее следовало обогатить и дополнить комплексом новых светских значений, но таких, которые не выпадали бы из сакрального круга католической культуры. Ими стали значения сарматского мифа[3]. Со временем идея сарматизма, сам «сарматский дух» начинает формировать своеобразие польского католицизма, что определялось начавшимися в Европе в эпоху Возрождения процессами утверждения национально-

---

1 *Ракитянский Н.М.* Феномен англо-американской ментальной экспансии // Информационные войны. 2009. № 4.

2 *Поснов М.Э.* История Христианской Церкви. Ч. II. Период вселенских соборов. Гл. I. Распространение христианства. Христианство в Польше . URL: http://lib.eparhia-saratov.ru/books/15p/posnov/history3/100.html.

3 *Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма. — С. 171.

го принципа. Стремление каждой нации выбрать свой путь, соответствующий ее духу, языку и религии, оказало влияние на все стороны ее жизни и не обошло национальных форм духовности. Поэтому мы реально констатируем в недавнем прошлом испанскую духовность, итальянскую духовность и французскую духовность — формы духовности, тождественные в своей католической основе, однако по-разному осмысленные и воплощенные[1].

Польша в этом процессе не была исключением. Часто в литературе используется термин «сарматский католицизм», особенностью которого стало то обстоятельство, что религиозные проповеди, литература, изобразительное искусство, быт, вся жизнь наполнялись легендами и мифами о героических свершениях сарматского народа. «Всюду в них старосты, гетманы, епископы, Речь Посполитая… Христос, апостолы, святые… изъясняются стилем и языком шляхты… всякая война носит название посполитого рушения; там Спаситель проводит элекционный сейм для избрания на престол небесный»[2]. По религиозным представлениям поляков того времени, вся мировая история происходила в Польше, Голгофа существовала в Кракове, Богородица и святые облекались в польские одежды, потому что жили на польских землях. Более того, культ польского героя, богатыря-сармата, столь активно использовался Церковью, особенно в периоды кровопролитных войн, что зачастую превосходил по значимости древних ветхозаветных пророков и святых[3].

Вместе с тем религиозный аспект в идеологии сарматизма выражался неоднозначно. С одной стороны, принадлежность к католическому вероисповеданию являлась системообразующим фактором ментализации и этнополитической самоидентификации, а с другой — исполнение святого долга

---

[1] *Омэнн Дж.* Христианская духовность в католической традиции. URL: http://www.krotov.info/history/00/omen/omen_08.html.

[2] *Mankowski T.* Указ. соч.

[3] *Angyal E.* Swiat slowianskiego Baroku // Пер. с венг. на польск. Warszawa, 1972.

защиты истинной веры вменялось сармату в христианскую обязанность. При этом идеи сословной солидарности носили декларативный характер. Так, богатый и потому располагающий частным войском шляхтич мог отобрать собственность, любимую женщину, даже дочь у менее богатого. Решение суда, предъявленное в таком случае обидчику, означало лишь то, что ему объявлялась война, поскольку тот был командиром частного вооруженного формирования.

Польская церковь, безусловно, играла значительную роль в сарматской сословной консолидации. Но ничуть не меньшее место в системе идей сарматизма играли мифологические представления, не являющиеся в чистом виде христианскими, а также нерелигиозные идеалы — личностные и гражданские[1]. По словам Z. Kuchowicz, «поляков объединяла не столько общая вера, сколько обычаи, связанные в ней»[2].

Сарматский миф если не заслонил, то вобрал в себя религиозную идеологию и подчинил ее себе. Проговаривая известный тезис: «кто не католик, тот не поляк», — миф устремлялся в светскую сферу культуры. Черты же истинной религиозности, связанные с католической традицией и обрядностью, воплотились впоследствии в национальном мифе в образе сармата. Это и объясняет то, что национальному сарматскому мифу в определенном смысле чужды утонченные формы искусства высокого барокко и философия католических мыслителей. Он тяготеет к простым и ясным, «низовым» способам выражения. Религиозное переживание, наполняющее полонизированную сарматом католическую веру, связано, прежде всего, с данью традиции, где не последнее место занимала традиция польского католического персонализма[3]. Именно польский сарматско-католический персонализм явился важным фактором развития сословно-корпоративного эгоизма, сформировавшего и запустившего механизм саморазрушения государства.

---

1 *Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма. — С. 80, 21—23.

2 *Kuchowicz Zb.* Obyczaje staropolskie. Warszawa, 1985. S. 131.

3 *Бухарин Н.И.* Указ. соч. С. 3.

2.4. Политические традиции и идеологические установки сарматизма

Истоки сарматизма изначально имели политический характер. В других государствах на первое место выходили иные факторы формирования национального самосознания — такие как, например, исторические корни. В Речи Посполитой явно преобладали политические амбиции «шляхетского народа»[1], и сама шляхта была скорее политической, нежели социально-экономической категорией[2]. Главным фактором шляхетской политической консолидации выступала совокупность правовых и социокультурных традиций[3]. В представлениях шляхты о себе как о сарматском народе доминирует именно политический элемент самоидентификации.

Януш Тазбир рассматривал сарматизм как идеологию польского дворянства XVI—XVII вв. и национальное своеобразие культуры шляхетской Речи Посполитой, основные принципы которой сложились ранее — во второй половине XVI в. По его мнению, они оказали неоспоримое влияние на систему других слоев общества, что привело в период Нового времени к складыванию польского менталитета на сарматской основе[4].

Политические установки сарматизма органично связаны с традицией, католическими нормами и ценностями. Сарматская традиция понималась и как абсолютная ценность, и как средство, механизм выживания и воспроизводства этноконфессиональной самобытности. Такое восприятие присуще любому традиционному обществу. Специфика же сарматского традиционализма состоит в акцентировании политического наследия. Сармат концентрировал свои представления о традиции в идеале общественного и государственного устройства. Во-

---

1 *Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма. — С. 62.

2 *Дмитриев М.В.* Польская шляхта в XVI—XVIII вв. // Европейское дворянство XVI—XVII вв. Границы сословия. — М., 1997. — С. 198.

3 *Zajaczkowski A.* Glówne elementy kultury szlacheckiej w Polsce. Ideologia a struktury spoleczne. Wroclaw, 1961. S. 29—30.

4 *Tazbir J.* Polskie przedmurze. Warszawa, 1987.

площением сарматского консерватизма становится идеализированное шляхетское государство. Категория «Отечество» — центральная в идеологии сарматизма.

Под сарматской идеологией понималась совокупность социально детерминированных и закрепленных в политико-правовом устройстве государства Речи Посполитой взглядов, политических традиций, сословных и этических норм. Причины столь долгого функционирования, «живучести» элементов этой идеологии видятся в особенностях экономического строя Польши и в так называемой сарматизации католицизма.

Главная функция воина-сармата — защита. Рыцарский образец поведения как бы устанавливал отношения сармата с внешним миром, акцентируя при этом охранительность, закрытость от воздействия извне. Он определял долг по отношению к государству и его политическим институтам. Следование этому идеалу происходило через подражание. Выполнение рыцарского долга осмысливается в тесной взаимосвязи с христианскими нормами и ценностями.

Польского шляхтича-сармата отличает сложно организованное сознание с четко выверенными и жестко сформулированными определениями, с акцентом на юридические и правовые, а не эмоциональные отношения.

Для польского сармата иерархия элементов национальной самоидентификации выстраивалась в сфере отношений гражданин — государство: это идеалы «золотой вольности», шляхетской чести, сословной избранности, слитые воедино с национальной религией — польским католицизмом. Однако отношения сармата и его республики не касались и даже более того — не «снисходили» до простолюдинов. Народ понимался как «гражданское общество» шляхтичей-сарматов, наделяемое феодально-сословными чертами. Именно этот «народ» имел полное право считать большую часть своих соплеменников «хлопами», «быдлом», «песьей кровью». Таким образом, превалировали признаки противопоставления, оппозиционности по отношению к «другим»[1]. В так называемом гражданском

[1] *Лескинен М.В.* Образ сармата в истории. — С. 14, 27.

обществе доминировали и входили в традицию несовместимые с христианской этикой и нравственностью нормы своеволия, жесткого, нетерпимого и непримиримого противопоставления по отношению к низшим сословиям.

Этим, в определенной мере, объясняется историческая слабость левых партий в Польше. По мнению польского профессора Б. Лаговского, в «Польше народ не имел истории. На Западе — например, во Франции — народ осознавал себя субъектом истории. Знал, что он играет в ней важную роль — во фрондах, в революциях, особенно в XIX в.

Польский народ осознавал свою национальную идентичность, принимая шляхетско-интеллигентскую мифологию. Он стал объектом символического насилия, или, лучше сказать, символического подавления, поскольку никто не совершал его целенаправленно. Интеллигенты, которые несли в народ “просвещение”, пытаясь взрастить в нем национальное самосознание, естественным образом несли и весь свой мировоззренческий багаж, свой якобы национальный, а на самом деле сословный взгляд на историю Польши.

Мы не отдаем себе отчета в том, что крестьянство в Польше находилось в ситуации худшей, нежели рабы в Северной Америке, худшей, нежели рабы в Древнем Риме, потому что раб в Риме мог освободиться и сделать карьеру при дворе императора. В Польше подобное и представить было невозможно. У нас была “Liber Chamorum” (Книга Хамов) Трепки, который проверял, не узурпировал ли, часом, какой-нибудь крестьянин шляхетский титул.

Определение “крестьянин” (chlop) было крайне дискриминационным. Оно звучало, как “negro” (“черномазый”) в Америке. Это было существо, обитающее за границами общества.

Наше общество, если родословная вообще имеет какое-то значение, — это в большинстве своем потомки того класса, который был в положении хуже рабского. Наследие независимой Польши — это, с одной стороны, анархия наверху, а с другой стороны, крайнее угнетение и унижение огромного большинства народа. Крепостное право было отменено тогда же, когда в

Америке — рабство. Народ вышел из истории, стыдясь самого себя. Тем легче он принимал мифологию, взгляды, самосознание класса, который его угнетал. Такой народ — весьма слабая основа для левых партий»[1].

Итак, сарматизм представлял собой догматически-мифологическую основу, на которой сформировалась национальная идеология польского шляхетства.

Поиск исторических корней и древних предков приводил не только к идеализации «золотого века», но и к освящению политической традиции, которую сарматы выводили из римского республиканского устройства.

Закрепление этой идеальной модели приводит к тому, что вся сарматская идеология принизана идеалами, осуществившимися в недавнем прошлом: это представление о Родине как воплощении политического и нравственного совершенства, это и существование консервативной социальной утопии, также опрокинутой в прошлое.

Будучи идеологией традиционного общества, сарматизм рассматривает соблюдение освященных давностью традиций (или возврат к ним) как единственно возможному механизму выживания общества и государства. Ему присущ изоляционизм и ксенофобия, являющиеся обратной стороной мегаломании и самоидеализации.

Приспособляемость и распространенность сарматских идеологем обусловил тот факт, что в реальной действительности сарматизм, несомненно, был не только сводом нормативных представлений, но и стилем жизни.

Сарматскую идеологию делало особенно «живучей» и гибкой то обстоятельство, что она одинаково апеллировала и к рационально-историческому, и к подсознательно-мифологическому типам мышления[2]. Но установки избранности, корпоративизма, своеволия, нетерпимости, мессианства и невротического экспансионизма специфической сарматско-

[1] Цит. по: Niemy lud polskia (Немой польский народ). URL: http://www.gazetawyborcza.pl/1,76498,4636413.html.

[2] *Лескинен М.В.* Образ сармата в истории. — С. 13—30, 76.

шляхетской демократии не способствовали завоеванию достойного политического статуса и государственного авторитета в Европе, что в итоге и определило историческую судьбу Польши.

2.5. Адъютант Бонапарта, или Необыкновенные приключения шляхтича-сармата

В соответствии с концепцией сарматизма весь мир вращается вокруг Польши, а поляки являются ключевым субъектом истории. В качестве примера такой установки приведем сюжет из повести видного польского писателя М. Брандыса (1912—1998) «Адъютант Бонапарта», изданной в 1964 г.[1] Повесть посвящена реальному польскому шляхтичу Юзефу Сулковскому (1774—1798) — офицеру французской армии. По мнению Брандыса, его герой был участником восстания 1792—1794 гг., а также Итальянской и Египетской кампаний, адъютантом Бонапарта, отличался необыкновенными талантами, в том числе и военными. В Египте Сулковский якобы имел тайные полномочия от Директории заменить Наполеона в случае его возможной гибели. По сведениям автора повести, гибель Сулковского в Египте подстроена самим Бонапартом, узнавшим о миссии, порученной его адъютанту.

Приведем с некоторыми комментариями краткое содержание повести. Все начинается интригой рождения нашего героя.

«Сплетня XVIII в. (не больше не меньше. — *Авт.*) доносит, что величие этой магнатской фамилии зародилось совершенно неожиданно в… спальне польского короля Августа II Саксонского».

Таким образом, сын скромного бургграфа Александр, появившийся на свет с помощью августейшего вмешательства, «достиг в саксонской Польше наивысших званий, а под старость стал родоначальником княжеской линии рода Сулковских». Сыновья Александра, соответственно дяди Юзефа, естественно, были людьми выдающимися.

[1] *Брандыс М.* Племянник короля. Адъютант Бонапарта. Мария Валевская. — М.: BookLab, 1993.

Один из этих дядьев со странным именем Франтишек де Паула унаследовал от коронованного предка бурный темперамент и давал ему волю при каждой возможности. Он был отцом многих детей от разных жен — необязательно своих. Князь Франтишек де Паула Сулковский был поочередно австрийским полковником, русским майором, барским конфедератом, генеральным инспектором и генерал-лейтенантом польских коронных войск, а под конец — австрийским фельдмаршалом... Существует гипотеза о том, что этот любвеобильный князь был не только дядей, но и настоящим отцом Юзефа.

Спор историков о матери Юзефа так же трудно разрешим, как и спор о его отце. Биографов Сулковского больше всего устраивает романтическая гипотеза польского историка, политика и дипломата Ш. Ашкенази. Упоминания о матери-француженке из «простолюдинок» (некая мадемуазель де Флевиль была дочерью адвоката из Нанси) мы находим почти во всех литературных произведениях, начиная с трагедии С. Жеромского «Сулковский» и кончая драмой Р. Брандштеттера «Знамения свободы». Таким образом, создается романтически-пафосный сюжет — внебрачный сын королевского отпрыска и француженки-простолюдинки.

Естественно, юный Юзеф отличался многими талантами. Генерал М. Сокольницкий, который прочитал после смерти Сулковского несколько лекций о нем в Париже, говорил о том, что этот молодой человек был одним из тех блистательных феноменов природы, столь трудно повторимых и столь быстро угасающих, что нам редко удается проникнуть во все их возможности… Он был известен как чудо-ребенок, его называли «маленьким ученым»… Память его якобы вобрала все сокровища всеобщей истории, географии и мифологии. Он великолепно разбирался в латинской и греческой литературе и абсолютно свободно говорил на нескольких живых языках… Он знал не только имена всех известных авторов, но и названия их трудов, а при надобности мог цитировать целые куски малоизвестных произведений… При этих огромных познаниях он их никогда не высказывал, наоборот, ему было неприятно,

когда его без нужды заставляли блистать этими изумительными знаниями… «Далеко не глупый князь Август, вероятно, при первой же встрече с Юзефом оценил его феноменальные способности... его (Августа. — *Авт.*) очаровала необычная красота мальчика, которой восхищались все современники... Вот что пишет об этом в “Верном портрете Ю. Сулковского” сам князь Август: “Мальчик не прерывал в путешествии занятия французским и польским… Приставлен к нему был учитель немецкого… С ним беседовали на исторические и географические темы… Его поощряли высказывать замечания о встреченных в дороге интересных вещах. По приезде в Париж… были наняты учителя танца и рисования, так как к этим искусствам он проявлял особую наклонность… Зиму 1780 года (Юзефу было 6 лет. — *Авт.*), проведенную в Неаполе, он учился итальянскому языку. Потом возвратились в Париж почти для годичного пребывания в оном… Там ему излагали основы геометрии, оптики и механики. Там же начал изучать латынь, к коей вначале проявлял непреодолимую неприязнь. Весной 1781 г. князь и княгиня совершили с ним путешествие во Фландрию, Голландию и Англию… Затем снова вернулись в Париж и там оставались несколько месяцев… В конце того же года была совершена поездка в Испанию и Португалию. Юзеф усвоил испанский…” Во время четырехмесячного путешествия по огромной Российской империи дон Пепи похудел, подурнел и стал еще меньше. Несмотря на это, он понравился Екатерине II. В знак особой милости императрица пожаловала десятилетнему (по документам) мальчику звание кандидата на офицерский чин в конном лейб-гвардии полку вместе с заверением в быстром произведении в офицеры»[1].

В 1791 г. в Польше была принята новая конституция. Отменена выборность короля, уничтожено «liberum veto», открыт доступ в сейм для городской верхушки. Однако некоторые магнаты, недовольные ограничением своих привилегий, обратились за помощью к России, гаранту неприкосновенности старого порядка.

[1] Цит. по: *Брандыс М.* Адъютант Бонапарта.

В 1792 г. русская армия заняла Варшаву. Следом в Польшу вошли прусские войска. В 1793 г. произошел второй раздел Польши.

Юный князь Сулковский, конечно, выступил на стороне Конституции, и впервые мы становимся свидетелями его доблести. «Капитан Сулковский (17-ти лет. — *Авт.*) во главе стрелков отличался отвагой и сообразительностью. В последнем деле… он силами тридцати стрелков задержал и отбросил от моста больше чем 400 казаков. Не щадит себя. Этот молодой офицер великолепно показывает себя на войне и много обещает!»[1].

М. Брандыс пишет о том, как после поражения сторонников Конституции осенью 1792 г. Юзеф покинул Варшаву и через Вену уехал в Париж. В 1794 г. вспыхивает восстание Костюшко, и Ю. Сулковский устремляется на родину.

Воздав должное революции, Сулковский бросается в водоворот польских дел. В Константинополе восемнадцатилетний Юзеф лихорадочно уговаривает Декорша — агента Франции, отправленного в Турцию еще при Дантоне, убедить Париж вмешаться в восстание. Пишет парижскому правительству обширный мемориал о положении в Польше и устремляется на помощь восставшим.

«Трехмесячное путешествие на родину снова разнообразит вражеская разведка. Австрийская полиция уже уведомлена о проезде опасного эмиссара и назначает за поимку его высокую денежную награду». Все австрийские спецслужбы брошены на поиск и задержание дерзкого поляка. «Много раз его задерживали и обыскивали, и всегда ему удавалось выпутаться благополучно»[2].

В результате многосторонних стараний и протекций «гражданин» Ю. Сулковский постановлением Директории от 1 мая 1796 г. был зачислен в армию Республики в чине капитана *a la suite* (ожидающего вакансии) и получил направление в штаб-квартиру генерала Бонапарта.

[1] Там же.

[2] Там же.

«Когда сравнивают биографии этих двух гениальных юнцов — корсиканца и поляка, — то поражаются их удивительному сходству. Взять хотя бы то, что оба они почти в одно и то же время определили свои далеко идущие цели»[1].

При этом Наполеон якобы поверял ему самые конфиденциальные штабные и личные секреты, возлагал на него самые трудные и самые ответственные задания, а в заданиях, выполняемых совместно с другими адъютантами, поручал ему руководство. Из польских и французских исторических исследований видно, что в заключительном периоде Итальянской кампании Сулковский наряду с маршалом Л. Бертье (один из самых выдающихся штабистов в истории Франции. — *Авт.*) был самым близким и самым доверенным соратником Бонапарта. Тогдашняя молва гласила, что польский адъютант облечен просто невероятным доверием. Рассказывали, что в некоторых случаях он имел право принимать самостоятельные решения и подписывать приказы от имени генерала Наполеона. О влиянии молодого поляка на Бонапарта писали даже немецкие и австрийские газеты.

«Но, странная вещь, эта исключительная роль, которую играл Сулковский в штабе Итальянской армии, никак не отразилась на его воинской карьере. Другие — менее способные и менее ценимые офицеры из окружения Бонапарта — продвигались в молниеносном темпе, а самый одаренный адъютант, который был правой рукой командующего и почти в каждом сражении отличался каким-нибудь подвигом, закончил Итальянскую кампанию, как и начал ее, в чине капитана»[2]. Как же это было возможно?

«Высказывание Карно широко известно, и его можно найти во всех биографиях нашего героя. В период наиболее напряженных отношений между Парижем и командующим Итальянской армией Карно на одном из заседаний Директории якобы сказал о Сулковском: “Если бы мы потеряли Бонапарта, то вот молодой человек, который способен заменить его”.

[1] Цит. по: *Брандыс М.* Адъютант Бонапарта.

[2] Там же.

Самостоятельность и растущая известность Бонапарта все больше беспокоили Директорию, а из писем Сулковского легко было вычитать, что в ближайшем окружении опасного генерала имеется необычайно одаренный молодой штабист (? — *Авт.*), великолепно разбирающийся в ходе итальянской войны»[1].

Автор повести М. Брандыс скептически относится к данной гипотезе: «Но пропасть между командующим армией и скромным капитаном была слишком велика, чтобы к вопросу о возможной замене можно было бы относиться серьезно».

Однако тут же Брандыс предлагает более фантастическую гипотезу: «Вероятнее всего, что Карно, высказывая Директории свое мнение о Сулковском, считал, что это будет предостережением корсиканцу, а уж никак не реальным намерением в отношении поляка. Бонапарт принял это предостережение к сведению и на всякий случай сделал из него практические выводы, постаравшись, чтобы иерархическая дистанция, оберегающая его от конкуренции способнейшего адъютанта, сохранилась как можно дольше»[2]. Из последней гипотезы следует, что Наполеон серьезно думал, что его адъютант составляет ему конкуренцию и может занять его место.

«Бонапарт охотно пускался с Сулковским в откровенные дискуссии на самые острые темы. Холодный, замкнутый, малословный в отношениях с другими подчиненными, оставаясь наедине с польским адъютантом, он преображался неузнаваемо: становился искренним, разговорчивым, часто даже откровенным. Это объяснялось, очевидно, тем, что из всего круга блестящих штабистов один Сулковский был равным ему по интеллектуальному уровню и только к нему он мог обращаться как к равноправному партнеру в дискуссии»[3].

По М. Брандысу оказывается, что идея создания польских легионов принадлежит адъютанту Сулковскому. «Однако история нанесла его мечтам безжалостный удар. Как раз в

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Там же.

этот период, когда он был занят осуществлением своего замысла, в миланскую ставку Бонапарта явился с уже утвержденным Директорией проектом создания польских легионов генерал Ян Генрик Домбровский»[1].

«Во время отдыха в альпийском замке Пассарьяно, окруженный высшими французскими и польскими офицерами, Наполеон рисовал картины новых военных кампаний. С Сулковским, Бертье и с математиком Монжем он разрабатывал первые зыбкие проекты покорения Египта и Индии. Возвратившись в Париж, командующий английской армией предложил Директории отказаться от намеченной кампании. Одновременно он предложил идею, разработанную им с Сулковским (!) еще в Пассарьяно, — гигантский план захвата Египта, завершения строительства, начатого еще фараонами Суэцкого канала, и выхода к Индии»[2].

Ради реализации своих идей Сулковский отказался от лестного предложения генерала Массена возглавить «главный штаб» Итальянской армии.

«План египетской экспедиции явно пробудил в нем новые надежды. Благодаря своему знанию Востока (откуда? — *Авт.*) и восточных языков — арабского, турецкого, да к тому же и английского, — он был еще более необходим Бонапарту, а следовательно, усиливалось его влияние на полководца»[3].

В начале июня французский флот приблизился к обрывистым берегам Мальты. Ла-Валетта, мощная крепость ордена иоаннитов, была одним из самых вооруженных и труднодоступных современных фортификационных сооружений. 10 июня одним из первых ворвался на стены Ла-Валетты бывший мальтийский кавалер Ю. Сулковский, командующий авангардом десантного корпуса генерала Мармона.

При осаде Александрии он опять-таки отличился, продемонстрировав Бонапарту свое военное искусство. Во главе штурмующих гренадеров «со свойственным ему боевым хлад-

[1] Цит. по: *Брандыс М.* Адъютант Бонапарта.

[2] Там же.

[3] Там же.

нокровием, дважды сбрасываемый со стен, он проник через пролом в город»[1] (военное искусство. — *Авт.*).

«11 августа 1798 г. недавний герой, отличившийся под Александрией и пирамидами, стал главным героем кровавой битвы с конницей бея Ибрагима под селением Эль-Сальхия. Во главе двух гусарских эскадронов и конных стрелков он совершал дерзкие налеты на полчища вооруженной с ног до головы мамелюкской кавалерии и собственноручно сваливал с седла самых опасных противников. Отвага, решимость и полное презрение к смерти, выказанные им в этой битве, вызывали у всех удивление и восхищение. Под конец он рухнул на песок, получив две пистолетные пули и семь тяжелых ран от дамасских сабель»[2].

Бонапарт, который и на сей раз наблюдал за сражением, произвел Сулковского в бригадного командира. «Не прошло и шести недель с момента высадки в Египте, а “вековечный” капитан времен итальянской кампании чудеснейшим образом стал полковником. Это позволяет уже со всей решительностью заявлять, что в предыдущие годы карьера Сулковского тормозилась умышленно».

Биографы «предполагают, что Бонапарт произвел Сулковского в командиры бригады только потому, что уже не верил в то, что тот долго проживет»[3].

Два с половиной месяца поправки после Эль-Сальхия, являющиеся одновременно последними месяцами жизни нашего героя, — это самый героический период его биографии. То, что он сделал в это время, лучше всего показывает, какая огромная физическая энергия таилась в этом романтическом рыцаре «слабого телосложения» и насколько необычными были его интеллектуальные возможности.

Тяжело раненный, чудом спасшийся от смерти, он уже не мог воевать. Поэтому Юзеф был направлен выполнять гражданские задачи и занялся главным образом сотрудничеством

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Там же.

с сопровождающими армию учеными. Ю. Сулковский до своей героической гибели еще успевает сделать несколько археологических открытий и внести существенный вклад в проектирование Суэцкого канала.

Африканская экспедиция оказалась неудавшимся предприятием, которое принесло Республике огромные потери. Экспедиция готовилась поспешно, непродуманно, в самом ее осуществлении таилось много серьезных ошибок. «Бонапарт имел все основания ожидать, что его якобинские консультанты по Востоку Сулковский и Вентуре, связанные с его парижскими врагами, вернувшись во Францию, не пощадят его, отчитываясь перед Директорией. Посвященный во все секреты полководца адъютант был бы в таком случае особо опасным обвинителем»[1]. В связи с этим Наполеон посылает Юзефа на верную гибель — на разведку в мятежный Каир. На окраинах города небольшой отряд встречает толпу взбунтовавшихся безоружных простолюдинов и бросается на них с саблями наголо, конь Сулковского подскальзывается на залитой кровью земле и падает. Разъяренные арабы разрывают доблестного «поляка» на части. Через несколько лет египтяне воздвигают памятник Сулковскому, а на следующий день разрушают его.

В пересказе повести Брандыса мы опустили сюжетные линии, связанные с не менее выдающимися поляками, которые якобы манипулировали королями и императорами, маршалами и великими дипломатами. Только досадные случайности мешали им изменить историю Польши и Европы.

Таким вот образом неуемное желание М. Брандыса поставить Польшу и «Поляка» в центр мироздания превращает жизнь, безусловно, незаурядного человека в анекдот. До прочтения повести польского писателя мы нигде не встречали, чтобы своих героев авторы именовали по национальности с большой буквы, например, «Немец», «Русский» или «Турок».

Уже с самого начала повествования оказывается, что главная обсуждаемая сплетня XVIII в. — это пикантная тай-

[1] Цит. по: *Брандыс М.* Адъютант Бонапарта.

на рождения нашего героя. То есть все человечество в течение века было озабочено тайной рождения князя Юзефа.

Никто не должен сомневаться и в гениальности «Поляка». Вот юный Юзеф в шесть лет уже освоил оптику, механику, геометрию, географию, полтора десятка «живых языков» и так далее. Юного гения принимают во множестве императорских домов. В двадцать лет он уже рассылает европейским монархам письма с проектами обустройства Европы.

В повести Брандыса все европейские газеты только и делают, что обсуждают похождения юного Юзефа, а деятельность всех спецслужб недружественных Франции и Польше государств направлены на поимку дерзкого «Поляка».

Если и возможно сравнение с кем-либо выдающегося «Поляка», то только с Наполеоном, который лишь один «равен ему по гениальности». Всякому читателю, обладающему здравым смыслом, непонятны критерии, в соответствие с которыми Сулковский может хоть как-то сравниваться с Наполеоном или с тем же Бертье.

По полководческому искусству? Но адъютант Юзеф не разработал и не провел ни одной военной операции. В своей блестящей карьере, от «адъютанта до адъютанта», Сулковский никогда не занимал самостоятельных должностей. То есть Сулковский, будучи адъютантом, не мог разрабатывать войсковые операции и, следовательно, не нес ответственности за их результаты. Операции же разрабатывает штаб. Работа штаба рутинна и скучна. Надо представить командующему информацию для принятия решения. После того как он сформулирует цель и замысел операции, надо исследовать их на реализуемость и заняться нудным распределением ресурсов, поскольку успех любой стратегической операции определяется тем, как организованы и насколько вовремя подоспели обозы.

Герой «Поляк» в сарматской литературе должен представляться былинным богатырем. Вот и юный Юзеф, подобно Илье Муромцу, разметает противников. Хотя всякому, даже чуть-чуть знающему историю, смешно читать о том, как дистоничный, не отличающийся физическим здоровьем,

«слабого сложения» Ю. Сулковский гоняется за «самыми опасными противниками» и рубит их «в капусту». «Опасные противники» — это мамелюки, профессиональные воины, которых с раннего детства готовят к ратному делу. Сам Наполеон в свое время сказал: «Один мамелюк легко справится с несколькими французами. Но тысяча французов легко разобьет десять тысяч мамелюков».

Если 18-летний Юзеф с тридцатью повстанцами отбрасывает от моста 400 казаков, то это должно свидетельствовать, по мнению автора повести, о полководческом таланте Сулковского. Но в те годы ружья заряжались с дула, а не с казенной части, а это означает, что защитники моста могли сделать лишь один залп, а потом в рукопашную отбиваться от четырех сотен казаков. Отсюда следует: или казакам мост был не нужен и они проскакали мимо, или подвиг Сулковского всего лишь очередной миф.

Если говорить о «необыкновенной» храбрости Сулковского, то в те времена храбрость входила в обязательный навык воина. Офицеры и солдаты шли в одном строю плотными шеренгами под плотным огнем противника, не считаясь с потерями. Храбрость была записана во все «боевые уставы». Так что во времена Сулковского храбростью нельзя было удивить. Храбрость считалась естественной и органичной для воина. Храбрость была нормой.

Если Юзеф Сулковский гениален в науках, то где его труды? Научный мир не знает ученого Сулковского? То же самое можно сказать и о дипломатическом и политическом талантах адъютанта Юзефа. Где результаты?

P.S. Миф о том, что Ю. Сулковский по гениальности был соизмерим с Наполеоном и готовился Директорией на место Бонапарта, поддерживается только польскими историками. Существует более обоснованная, а потому интересная гипотеза о том, что место Бонапарта мог занять Б. Жубер. Эта гипотеза, в частности, изложена в труде академика Е. Тарле «Наполеон»[1].

[1] *Тарле Е.В.* Наполеон. — М.: АСТ, 2008.

Жубер был так же молод, как Сулковский, но, в отличие от Юзефа, он не задержался у ботфорта командующего. Б. Жубер (1769—1799) поступил на военную службу в 1791 г., то есть в 22 года. Через пять лет за отличие в итальянских походах, особенно в сражении при Риволи, был произведен в дивизионные генералы. В 28 лет генерал Жубер уже командует отдельным корпусом. Под его командованием корпус успешно действует в Тироле. Затем корпус вовремя присоединяется к войскам Бонапарта, и этот маневр способствует заключению Кампоформийского мира. В 1799 г. Директория назначила 30-летнего Жубера главнокомандующим французской армией в Италии, где в это время действовала русско-австрийская армия под начальством А.В. Суворова. Желая воспользоваться предполагаемой рассредоточенностью войск союзников, Жубер немедленно перешел в наступление, но при городе Нови неожиданно наткнулся на армию Суворова и в самом начале сражения был убит. По отзыву Наполеона, «Жубер по храбрости был настоящий гренадер, а по знанию дела и военным способностям — отличный генерал».

2.6. Неосарматизм в XX веке

Итак, если поляки воспринимают М. Брандыса и его «Адъютанта Бонапарта», как «Капитана Сорви-голова» Л.А. Буссенара, то есть со здоровым чувством иронии, то это нормально. Если же все сказанное о Сулковском воспринимается всерьез, это уже печальный диагноз.

Тем не менее польская культура насыщена подобными продуктами. Например, в статье Л. Шаруга приводится перечень тем, требующих увековечивания. Приведем его:

«1. Варшавское восстание — гекатомба в центре Европы, гибель города и его культуры.

2. Дивизион-303 и участие поляков в битве за Англию. По А. Фидлеру, не будь этого польского подразделения, Англия капитулировала бы уже в 1940 г.

3. Монте-Кассино — героическая борьба польских солдат Карпатской бригады генерала С. Мачека в Италии.

4. “Энигма” — польская разведка и три математика в 1939 г. раскрыли тайну немецкой разведки и сконструировали версию шифровальной машины, которую предоставили союзникам. Англичане сняли фильм об “Энигме”, но ни словом не обмолвились о польских конструкторах и шифровальщиках, приписав себе успех!

5. Вывоз польских детей — о детях Замостья, которых отрывали от семей и вывозили для онемечивания. Большинства из них родители так и не нашли.

6. Партизанская борьба Армии Крайовой — деятельность самой крупной подпольной организации в оккупированной Европе как фон художественного фильма. (Интересно, какие критерии приняты для получения такой оценки? Количество по списку? А как же партизанские движения в Югославии, Албании, Греции, СССР? — *Авт.*) Здесь есть место как для борьбы в городе (например, покушение на генерала Кучеру, покушение на актера-предателя Иго Сима), так и для партизанской войны в лесах.

7. Похищение немцами произведений искусства в оккупированной Польше. Глава генерал-губернаторства Г. Франк как центральная фигура. История “Дамы с горностаем” Леонардо да Винчи и “Портрета юноши” Рафаэля, похищенных из музея в Кракове. “Даму” обнаружили после войны, портрет пропал.

8. Ротмистр В. Пилецкий — один из великих героев Второй мировой войны; его невероятная смелость и подвиги. Участие в конспиративной работе Армии Крайовой, проникновение в Освенцим с целью предоставить союзникам доказательства уничтожения евреев, участие в Варшавском восстании. Затем арестован коммунистическими властями, после показательного процесса по обвинению в сотрудничестве с немцами казнен. Человек, о котором Европа не знает, да и в Польше узнали недавно.

9. Деятельность К. Мочарского во время войны и оккупации. Материал для голливудской драмы. После войны этот героический офицер Армии Крайовой был приговорен

коммунистическим судом к смерти в ходе кампании по уничтожению польских патриотов, помещен в одну камеру с палачом варшавского гетто группенфюрером Ю. Штропом. Подвергся пыткам, выжил, был освобожден. Написал книгу “Разговоры с палачом”.

10. История полковника Р. Куклинского, который передал ЦРУ планы Варшавского договора. Без вопроса: “Предатель или герой?” Понятно, что герой, как Валленрод. Драма офицера, который выбрал правду и заплатил за это высшую цену. Многое указывает на то, что двух его сыновей убили люди, связанные с КГБ»[1].

Данный перечень пропитан нескрываемыми идеями польской сарматской исключительности: Варшавское восстание — «гекатомба в центре Европы» (самое значительное жертвоприношение), Армия Крайова оказывается «самой крупной подпольной организацией в оккупированной Европе», а никому в мире не известный «ротмистр В. Пилецкий — один из великих героев Второй мировой войны», клятвопреступник полковник Р. Куклинский — «понятно, что герой». Похоже, реализация этого проекта должна в очередной раз убедительно продемонстрировать миру величие Польши и «Поляка».

Польская элита потеряла чувство реальности, она не замечает убожества окружающей жизни, не ощущает запаха тлена, исходящего с улиц Варшавы, Лодзя, Гданьска, Кракова, не видит, что польские верфи, заводы, фабрики давно уже превратились в декорации для съемок фильмов катастроф.

Но вот что говорят по этому поводу рядовые граждане Польши: «Как известно, ПНР не была страной полностью суверенной, однако, несмотря ни на что, она имела значение в мире — мой отец продавал польские автомобили, трактора и сельскохозяйственные самолеты; польские суда почти ежедневно проходили по Панамскому каналу; польские ветчина

[1] *Шаруга Л.* Выписки из культурной периодики. 2009. № 5. URL: http://www.novpol.ru/index.php?id=1145.

и водка были в магазинах всего мира; в дальних странах я встречал выпускников польских вузов, которые получили образование в Польше. Что осталось от этого? У Польши всего-навсего несколько торговых судов, нет уже ни польских автомобилей, ни польских тракторов, даже польскую ветчину и польскую водку не купишь в американских супермаркетах. Варшава совсем не выглядит европейским городом, она, скорее, похожа на Лиму, Боготу или Калькутту: организационный хаос, пробки, отсутствие приличных дорог, богатые небоскребы, несовместимые со старыми зданиями, рядом с современными торговыми центрами попрошайки на улицах, и повсеместная грязь и беспорядок, самодельная реклама маленьких фирм — так видят нашу столицу иностранцы»[1].

«Газета Вроцлавска» пишет о том, как молодые поляки ездят в Германию и за евро массово сдают кровь. «Никто не контролирует, как часто они это делают. Без вреда для здоровья плазму можно сдавать 20 раз в течение года и не более чем 15 литров. По данным “Газеты Вроцлавской”, ученики згожелецких школ сдают кровь раз в несколько дней. В качестве компенсации за потраченное время покупают себе косметику, одежду, алкоголь и сигареты.

— В первый раз получаешь 20 евро, — объясняет 18-летний Томек, ученик из Згожельца. — Во второй раз и последующие платят по 15 евро. А когда приходишь в пятый раз, получаешь премию — 30 евро.

Томек сдает кровь в Blutspendezentrum с января. Он узнал об этом центре от друзей. Петрек, ученик одного из згожелецких лицеев, деньги за плазму тратит на субботние развлечения. По мнению “Газеты Вроцлавской”, на немецкие станции переливания крови ходят уже целыми классами»[2].

Таким образом, народ оказывается многократно умнее и мудрее своего руководства, и далеко не вся польская ин-

[1] URL: http://www.wiz.pl/main.php?go=1&op=6.

[2] Цит. по: Польша — полуколониальная страна. Переводы с польских форумов. Архив. 18.08.2008 1:45:26. URL: http://www.gazetawyborcza.pl/1,76498,4636413.html.

теллигенция пребывает в иллюзиях мегаломании. В качестве примера приведем отрывок из интервью профессора Б. Лаговского.

Профессор Б. Лаговский (род. 1937) — философ, историк, политолог. Многолетний сотрудник Института философии Ягеллонского университета, профессор в Институте философии и социологии Педагогической академии в Кракове. Книги: «Политическая философия Маурициа Мохнацкого», «Что лучше правды», «Либеральная контрреволюция», «Дух и бездушность III Речи Посполитой». В ПНР был членом ПОРП.

Журналист *А. Бжезецкий (А.Б.)* спрашивает у профессора: «Историческая политика должна вернуть Польше место, которое ей полагается. Музей Восстания или Европейский центр “Солидарности” должен показать наш вклад в современный мировой порядок и наше право пользоваться его преимуществами. Таковы цели этой политики».

Б.Л.: Наш вклад? Поляки воображают, что мы воевали с Германией, защищая Англию, и на всех других фронтах. Они как-то не принимают во внимание, что те, кто воевал за Англию, не имел даже польской пуговки. От ботинок до фуражек они были обмундированы и вооружены англичанами, которые их просто наняли. Англичане так на это смотрят.

А.Б.: «Никогда многие не были так много обязаны столь немногим»…

Б.Л.: На торжествах много чего говорится. Как утверждает Н. Дэвис, 80% потерь немцы понесли от Советского Союза. А в оставшихся 20% наше участие, на самом деле, едва заметно. Поляки считают иначе, потому что они эгоцентричны и не в состоянии ни одного факта принять объективно. Это какая-то мания. Даже А. Квасьневский стал поговаривать, будто бы в конце войны польские вооруженные силы играли одну из важнейших ролей в антигитлеровском альянсе. И наверняка верит в это.

Я бы не рассчитывал на то, что люди Запада примут к сведению, что поляки свергли коммунизм. Коммунизм нас

угнетал, не их. Когда агонизировал коммунизм, Запад вовсе не жил страхом перед ним, он как раз переживал «горбиманию». Поляки освободились, когда система уже разрушалась, и СССР разрешил это. Существовавшие в ту пору оппозиционные организации воспользовались ситуацией, обернули перемены в свою пользу и до сих пор воюют между собой — у кого наибольшие заслуги в развале ПНР.

А.Б.: Поляки хотят чувствовать себя победителями и в то же время требуют, чтобы к ним относились как к жертвам истории и вознаграждали их за это. Откуда это взялось?

Б.Л.: Лучше этого явления не объяснять, оно само за себя говорит. Впрочем, это не исключительно польская позиция. Московская интеллигенция тоже упрекает Запад, что он ее не поддерживает, что он стоит на коленях перед Путиным. Народы Кавказа просят помощи у Запада… все недовольные в мире требуют, чтобы Запад их освободил. Впрочем, мир уже понял, что Польша хочет играть фальшивыми козырями. Это может удаться на каких-нибудь восточных ярмарках, но с англосаксами не пройдет. Они все подсчитывают.

А.Б.: Что это за козыри?

Б.Л.: Ну, вот это якобы большое участие в войне, борьба с коммунизмом и то, что мы дали миру папу Римского. В качестве «папского народа» мы предъявляем претензии на мировое значение. А разве то, что поляки предлагают в восточной политике, это не игра иллюзиями? Какие у нас есть козыри, чтобы влиять на позицию Украины по отношению к Европе? В Варшаве политики не в состоянии принять такой простой документ, как Лиссабонский Трактат, а считают себя главным представителем Украины в Европе.

Поляки не являются каким-то особенным народом и среди народов Центральной Европы. Например, венгры сыграли в Европе более важную роль, и при этом не настолько сумасшедшие. Ничего от других не ожидают, мессиями себя не считают. А в Польше одни и те же разговоры уже 200 лет, все то же отсутствие чувства реальности, нехватка прагматизма…

А.Б.: Вы требуете, чтобы поляки отреклись от всего, чем они гордятся.

Б.Л.: У нас есть чем гордиться, но все это в далеком прошлом. До XVI в. Польское государство было интересным экспериментом. Оно реализовало античные республиканские идеалы и традиции латинской культуры. Большая часть народа пользовалась свободами, участвовала в управлении. В этом было что-то великое, но это кончилось в XVI в. Потом поляки, что бы ни начинали, все портили. Любили армию и знамена, но армии не было до конца I Речи Посполитой. В XVII в. чувствовали себя державой, потому что посадили в Кремле царя-мошенника, но какой от этого был толк? И как они там себя вели? Ф. Достоевский описал поляков в одной сцене в «Братьях Карамазовых». Когда-то мне его мнение казалось несправедливым, но, глядя на поведение современных поляков, оно не кажется мне далеким от реальности[1].

ВЫВОДЫ

Сарматизм *догматически* утверждался идеологами шляхты через *веру* в избранность потомков сарматского этноса. Именно эта непререкаемая *вера* стала одной из основ формирования шляхетского менталитета. Этот догматически обусловленный менталитет как инвариантная структура определял шляхетские психолого-политические и этические установки, которые возобновлялись и утверждались их носителями в течение длительного времени как нечто само собой разумеющееся, не требующее каких-либо рациональных объяснений, исторических обоснований и юридических доказательств. Сарматизм изначально вожделенно исповедовался как некая «гражданская религия», при этом *вера* в сословную исключительность воспринималась нерефлексивно, догматически, то есть так, что она

[1] Цит. по: Niemy lud polskia (Немой польский народ). URL: http://www.gazetawyborcza.pl/1,76498,4636413.html.

не составляла для шляхтичей никакого вопроса как некая истина *a priori*[1].

Анализируя историю генезиса, развития и деградации феномена сарматизма, представляется возможным условно выделить в нем три основных этапа.

Первый этап — пассионарно-героический — это XVI и первая половина XVII вв., когда доктрина сарматизма выполняла политическую, тоталитарно-идеологическую, организующую, мобилизационную, корпоративно-интегрирующую роль для польских элит шляхетской республики. На этом этапе Речь Посполитая демонстрировала подъем, военно-политическую силу и экспансионизм.

Следующий этап — регрессивно-трагический. Это вторая половина XVII — начало XX вв., когда сарматизм как реализация идеала своеобразной сословной демократии и специфического республиканского устройства, подобно которому в Европе не существовало ни в одном государстве, определил политическую деградацию и государственный распад Речи Посполитой. Изначально заложенные в сарматизме комплексы мегаломании, самоидеализации, ксенофобии, сословной исключительности, безответственности и инфантилизма запрограммировали по существу утрату государственной независимости Польши и ее многократные разделы.

Третий, агональный[2] этап — этап политического трагифарса предвоенного двадцатилетия 1918—1939 гг. как последний пассионарный эксцесс шляхетского сарматизма в истории Речи Посполитой, закончившийся ее тотальным военно-политическим разгромом и полной утратой государственности. После этой трагедии страны остатки сарматского католического народа — шляхты — тихо и незаметно ушли

---

[1] *Ракитянский Н.М.* Глубинные психолого-политические причины доминирования в современном мире западного типа менталитета // Теория и практика российской политической психологии: Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию кафедры политической психологии СПбГУ, СПб., 23—24 октября 2009 г. / Под научной редакцией проф. А.И. Юрьева. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. — С. 328—342.

[2] Агональный от *агония* (греч. *agōnia*) — состояние, предшествующее гибели.

в историческое небытие со своим сословным эгоизмом, своеволием, анархизмом, романтическими и мифическими представлениями о «золотой вольнице».

Но традиции всех мертвых поколений, подобно кошмару, тяготеют над умами живых[1], и руководство нынешней Республики Польской с 1989 г. вновь пытается вернуться к обанкротившимся идеям героев сарматско-шляхетской истории, но уже с помощью покровителей в США и НАТО, став разменной фигурой на «великой шахматной доске» современной мировой политики.

[1] *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. — М.: Политиздат, 1983. — С. 8.

ЧАСТЬ II

КРАХ ПЕРВОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Глава 3
Русско-польские войны XVI—XVII веков

ВВЕДЕНИЕ

История не знает устойчиво добрососедских отношений между государствами. Подобная стабильность достигается, как правило, в результате многовековых и часто кровавых вооруженных конфликтов.

16 июля 1054 г. в столице Империи ромеев Константинополе в соборе Святой Софии папские легаты объявили о низложении константинопольского патриарха Михаила Кирулария и его отлучении от Церкви. В ответ на это 20 июля патриарх предал анафеме легатов. Так закончился длительный этап нарастающего противостояния Церквей и начался следующий — великий раскол (схизма). Ему предшествовал целый ряд разногласий и связанных с ними конфликтов между папой римским и патриархом Константинополя.

Папы римские уже с конца VI в. не подчинялись Византии. Им покровительствовали франкские короли, а позже — германские императоры. Византийское и западноевропейское христианство расходились все дальше, переставая понимать друг друга. Греки постепенно забывали латынь, а

Западная Европа не знала греческого языка. Но, если говорить коротко, главной причиной противостояния являлось разное понимание и толкование христианских догматов. Раскол остается в силе до сих пор.

Долгие годы Русская Церковь не занимала однозначной позиции в поддержку какой-либо из сторон конфликта, хотя и осталась православной. В Киеве имелись латинские монастыри, в том числе с 1228 г. — доминиканский. На землях, подвластных русским князьям, с их разрешения действовали латинские миссионеры. В 1181 г. князья Полоцкие даже разрешили монахам-августинцам из Бремена крестить опекаемых ими латышей и ливов на Западной Двине. В высшем сословии заключались смешанные браки, что вызывало недовольство греков. Немалое западное влияние было тогда заметно и в некоторых сферах церковной жизни.

Подобная ситуация сохранялась вплоть до монголо-татарского нашествия.

В XI в. Польша сближается с католическим Западом, а русские уже второе столетие исповедуют Православие. Граница двух различных духовных культур — католической и православной — пролегла по славянским народам. В Восточной Европе — между лехитскими и восточнославянскими племенами. На Балканах — между хорватами и сербами[1].

3.1. Первая русско-польская война 1018—1019-х годов

В начале XI века на Руси после смерти Великого Киевского князя Владимира началась война между его сыновьями. Всего у Владимира было двенадцать сыновей, в том числе страстотерпцы Борис и Глеб, трагически погибшие в гражданской войне. Считается, что Борис и Глеб были убиты по приказу Святополка, за что он вошел в русскую историю под прозвищем «Окаянный».

Основная борьба разгорелась между Святополком и Ярославом. Святополка поддерживали печенеги и поляки, а Ярослава — новгородцы. В какой-то момент Святополку уда-

[1] *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая Степь. — М.: Астрель, АСТ, 2004.

лось захватить власть в Киеве. Но с помощью новгородской дружины Ярослав разгромил Святополка, который бежал в Польшу, так как был женат на дочери польского короля Болеслава Храброго[1]. Победители-новгородцы вошли в Киев и сожгли несколько церквей, чего оказалось достаточно для объявления их язычниками. Этим воспользовались польский король Болеслав Храбрый и беглец Святополк. Польское

[1] Болеслав I Храбрый (967—1025) — польский князь и король (1025), сын Мешко I. После смерти отца, разделившего свое княжество между сыновьями, Болеслав изгнал своих братьев и восстановил единство Польши. В 997 г. он присоединяет Краков и Краковскую землю, бывшую до этого владением чешских князей. В это же время была восстановлена власть Польши над Восточным Поморьем. В 999 г. Болеслав захватил Моравию, а в следующем году — часть территории Словакии. Пределы Польского государства при Болеславе I расширились от Эльбы и Балтийского моря до Карпат и Венгрии и от Чехии до Волыни.

Правлению Болеслава Храброго сопутствовали беспрестанные войны и вооруженные столкновения. Оставаясь под сильным влиянием Императора Оттона III, доказавшего на Гнезненском съезде в 1000 г. свою симпатию польскому князю, пообещав ему скорую коронацию, а также преподнеся в дар священную реликвию — пику святого Маврикия («Св. копье»), Болеслав тем не менее не потерял бдительности. Несмотря на активное участие в делах немецкого императора, его не застал врасплох приход к власти Генриха II. Болеслав, проявив мудрость, решил воспользоваться ослаблением империи, раздираемой внутренними конфликтами, пошел походом на Мишну (Мейсен), которая затем вместе с Мильско (по-другому — Верхние Лужицы) и (Нижние) Лужице была отдана ему в ленное владение новым императором.

Очередными шагами Болеслава были: захват Чехии, которую вследствие бунта жителей Праги он утратил в 1004 г., затем — поход на Киевскую Русь, а также расширение влияния в Западном Поморье. Недальновидная разрушительная и грабительская политика польского правителя на завоеванных территориях вызывала постоянные волнения, что было на руку немецкому Императору Генриху II. Польско-германские битвы длились с небольшими перерывами с 1002 до 1018 гг. и, в конце концов, завершились заключением в городе Будишин мирного договора, согласно которому спорные территории, то есть Мильско и Лужице между р. Эльбой и Нисой, отходили к Польше.

Увеличив территорию государства и практически силой обратив в христианство принятое его отцом Мешко I в 966 г. все население земель, вошедших в его владения, Болеслав Храбрый подготовил себе почву для коронации. Церемония возложения короны состоялась в 1025 г. 17 июня того же года первый король Польши скончался, назначив престолонаследником сына от третьего брака — Мешко II (URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/ Болеслав_Храбрый).

войско двинулось на Киев, чтобы, по утверждению поляков, освободить христиан от власти «злых язычников». То был знаменитый поход 1018 г., и на первом этапе агрессии Болеславу сопутствовал успех. Войско Ярослава было разгромлено, и Святополк вновь воссел на киевский престол.

Поляки расселились по домам киевлян и окрестным деревням. И тут же начались конфликты с местным населением. Буквально в течение нескольких ночей было вырезано множество польских воинов. Потери оказались настолько велики, что Болеслав Храбрый вынужден был увести свои полки в Польшу, оставив в Киеве Святополка.

Ярослав с новгородцами вновь двинулся на Киев и столкнулся со Святополком, который призвал на помощь печенегов. Но печенеги не помогли, и Святополк бежал на запад, где вскоре умер, якобы от угрызений совести за невинно убиенных братьев Бориса и Глеба. Так Ярослав стал главой практически всей Руси.

Данный военный конфликт представляется возможным назвать исторически первой русско-польской войной. Эти события интересны еще и тем, что они отмечены первыми еврейскими погромами на Руси. Дело в том, что князья Ярослав, его сын Изяслав и внук Святополк II, нуждаясь в деньгах, покровительствовали киевской колонии немецких евреев. Деньги, какие платились за покровительство в княжескую казну, они взимали с местного населения, которому оставалось лишь скорбеть о том, что евреи «отняли все промыслы христиан и при Святополке имели великую свободу и власть, через что многие купцы и ремесленники разорились»[1]. Правление Святополка Окаянного действительно стало разорительным для киевлян. Многие обнищали до такой степени, что вынуждены были продавать своих близких в рабство. Подавляющее большинство связывало свое бедственное положение именно с правлением Святополка и евреями, к которым он благоволил. Когда режим Окаянного рухнул, киевляне жестоко отомстили обидчикам.

[1] *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая Степь. — М.: Астрель, АСТ, 2004.

3.2. Ливонские войны

В XV и XVI вв. бурному развитию Великого княжества Московского начала противодействовать Ливонская конфедерация (1435—1561)[1], блокировавшая выход русских к Балтийскому морю. Конфедерация проводила скоординированную со Священной Римской империей германской нации политику по недопущению ремесленников из германских государств в Московское княжество и совместно с Ганзой контролировала его торговые пути. В частности, весь торговый обмен с русскими европейские купцы должны были осуществлять через ливонские порты: Ригу, Ревель и Нарву, а товары перевозить только на ганзейских судах.

С 1471 по 1501 г. Великое княжество Московское, не желая мириться со сложившимся положением дел, начало проводить по отношению к Ливонской конфедерации политику давления с целью защиты своих экономических интересов. Уже не располагая достаточными для противоборства с Россией силами, Ливонская конфедерация в определенные моменты шла на уступки, что в особенности проявилось в ходе русско-ливонской войны 1480—1481 гг. Однако в 1501—1503 гг. войскам Ливонской конфедерации совместно с Великим княжеством Литовским удалось добиться в борьбе с Россией ряда военных успехов. По итогам этой войны Ливонская конфедерация обеспечила себе мир с Россией, обезопасив свои границы вплоть до следующей Ливонской войны.

Таким образом, для Московского княжества, в общем, ничего не изменилось**.** В XVI в. пассионарную, развивающуюся бурно Россию соседи по-прежнему пытались удержать «закупоренной» на континенте, без выхода к морским торговым путям. И такое положение не могло не вызвать взрыв.

---

[1] Ливонская конфедерация представляла собой клерикально-политическое объединение немецких рыцарей Тевтонского ордена и торговых корпораций городов, существовавшее с 1435 по 1551 г. под эгидой Римской католической церкви. Оно управляло территориями, захваченными германскими рыцарями в Восточной Прибалтике, и состояло из пяти образований: Орден меченосцев (1202—1237, был присоединен к Тевтонскому ордену в 1237), рижского архиепископства, дерптского епископства, епископства Эзель-Вик и епископства Курляндия.

Русским купцам по-прежнему торговый обмен с Европой можно было осуществлять только через ливонские порты и перевозить товары лишь на судах Ганзейского союза. Одновременно с этим, опасаясь военного и экономического усиления России, Ливонская конфедерация препятствовала провозу в Россию стратегического сырья и специалистов, получая в такой политике содействие Ганзы, Польши, Швеции и немецких имперских властей. Убедительным свидетельством подобного противодействия является «Дело Шлитте»[1].

Дело Шлитте вызывало сильное недовольство русских властей и послужило одной из причин начала Ливонской войны.

Ливонская война 1558—1583 гг. Формальным поводом к военным действиям стало невыполнение по отношению к России Ливонским орденом договоренностей 1554 г. — вы-

[1] Дело Шлитте — судебный процесс над Гансом Шлитте в Любеке в 1548 г. Царь Иван IV поручил Г. Шлитте отыскать в Европе и привезти в Москву «мастеров и докторов, которые умеют ходить за больными и лечить их, книжных людей, понимающих латинскую и немецкую грамоту, мастеров, умеющих изготовлять броню и панцири, горных мастеров, знающих методы обработки золотой, серебряной, оловянной и свинцовой руды, людей, которые умеют находить в воде жемчуг и драгоценные камни, золотых дел мастеров, ружейного мастера, мастера по отливке колоколов, строительных мастеров, умеющих возводить каменные и деревянные города, замки и церкви, полевых врачей, умеющих лечить свежие раны и сведущих в лекарствах, людей, умеющих привести воду в замок, и бумажных мастеров». (Документы Датского Государств. архива о миссии Ганса Шлитте. 1554 г. URL: http://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/Datsk_arhiv/text1.htm.)

Шлитте завербовал около 300 человек, среди которых помимо ремесленников было 4 теолога, 4 медика, 2 юриста, 4 аптекаря, 5 толмачей.

Специалисты переправлялись в Московское княжество двумя группами. Первая направилась по суше через Пруссию и Ливонию. В Вендене эта группа была арестована. Специалистов продержали в заключении 5 лет, а потом оставили на службе в Ливонии.

Вторая группа вместе с самим Шлитте направлялась к Любеку, чтобы далее отплыть в Ревель. Ливонская конфедерация, опасаясь, что привезенные Шлитте мастера усилят русских, просила любекский магистрат сделать все возможное, чтобы не пропустить Шлитте и его спутников в Москву. Шлитте задержали и посадили в тюрьму. Любек, связанный с конфедерацией ганзейскими соглашениями, предъявил ему иск на крупную сумму. Шлитте отказался платить, за что был оставлен в тюрьме. Начался долгий и продолжительный суд. Один из завербованных Шлитте специалистов, ремесленник Ганц, попытавшийся пробраться в Москву на свой страх и риск, был казнен в Ливонии.

плата Юрьевской дани за все просроченные годы, обязательство не заключать союзных соглашений с Сигизмундом II (Zygmunt II August, 1520—1572) и т. д. Но истинные причины заключались в геополитической необходимости выхода России к Балтийскому морю.

1-й этап (1558—1561) завершился разгромом Ливонского ордена. В мае была взята Нарва, в июле — Юрьев (Дерпт). Зимой 1558—1559 гг. русские войска достигли окрестностей г. Риги. В марте 1559 г. было подписано перемирие на полгода, и готовился договор о вассальной зависимости ордена от России. Однако к войне подключились соседние государства. Польский король Сигизмунд II взял орден под свой протекторат. В июне 1561 г. рыцарство Северной Эстонии и г. Ревель присягают королю Швеции, под Ригой стоят литовские войска.

По Виленскому договору (ноябрь 1561) Ливонский орден прекратил свое существование, его территория передавалась в совместное владение Литвы и Польши, последний магистр ордена получил Курляндское герцогство. Теперь вместо слабого противника перед русским царем оказались три сильных государства, впрочем, с противоречивыми интересами.

На **2-м этапе войны (до 1578)** русские войска вели борьбу с переменным успехом. В 1562 г. Иван Грозный заключил перемирие со Швецией и взял курс на соглашение с Крымским ханством, что позволило подготовить грандиозный поход армии во главе с царем в Литву зимой 1562—1563 гг. В феврале 1563 г. был захвачен г. Полоцк — важная крепость в верхнем течении Западной Двины.

Тем временем обострилась внутриполитическая ситуация в Московском княжестве, было казнено или попало в опалу большинство лидеров «Избранной рады», в апреле 1564 г. из Юрьева бежал в Литву близкий друг юных лет Ивана Грозного Андрей Михайлович Курбский. В сентябре 1564 г. крупные силы литовцев осадили Полоцк, но взять его так и не смогли. В начале 1565 г. Иваном Грозным введена опричнина, а намечавшийся царский поход в Ливонию был отменен. Затем в течение нескольких лет военные действия протекали вяло.

В 1568—1569 гг. литовцам удалось взять несколько небольших крепостей. В марте 1569 г. Польша и Литва заключили Люблинскую унию, в результате чего образовалось новое государство — Речь Посполитая.

Поход на Ревель и его долгая осада в конце 1570 — начале 1571 г. успеха русским не принесли. И в 1577 г. Иван Грозный попытался нанести решающий удар. Его войска берут множество малых и средних крепостей, захватывают почти всю территорию к северу от Западной Двины (за исключением Ревеля и Риги с округами), однако победы эти оказались непрочными.

На **3-м этапе** противостояния **(с 1579)** русские войска вели оборонительные бои против армии Стефана Батория[1]

[1] Стефан Баторий (Stefan Batory, 1533—1586), также Баторий Иштван, — князь Трансильвании (1571—1575) и польский король (1575—1586). Сын Стефана Батория, воеводы Трансильвании, Стефан родился 27 сентября 1533 г., учился в Падуанском университете. Проведя ранние годы при дворе Императора Священной Римской империи Фердинанда I, Стефан воевал под началом короля восточной части Венгрии Яноша Жигмонта Запольяи. Оказавшись в плену у немцев, Стефан 3 года углубленно занимался науками. В 1571 г. его избрали первым князем Трансильвании (Семиградья). Стефан был зятем покойного короля Польши Сигизмунда I, что послужило решительным фактором избрания его королем Речи Посполитой.

По национальности Стефан был венгром, но языками подвластного ему населения он почти не владел и изъяснялся на латыни.

Стремясь к укреплению королевской власти, Стефан Баторий вел борьбу с магнатами, оказывал поддержку католическому духовенству и иезуитам в противостоянии реформационным движениям.

Из внутренних реформ, введенных Баторием в Польше, заслуживает особого внимания устройство запорожских казаков, которым он дал правильную организацию, наделил землями, позволил самим выбирать гетмана и все военное начальство, оставляя за королем право наделения гетмана знаменем, «булавой» и печатью и утверждения его после принятия присяги на верность. Желая восстановить не только политический, но и духовный мир в Польше, Баторий старался привести к соглашению с католичеством диссидентов, для чего не прибегал, однако, никогда к насилию, но старался действовать гуманно и мирно.

В связи с нацеленностью внешней политики на восток Баторий стремился развивать инфраструктуру государственного управления в границах Великого княжества Литовского, планировал перенести столицу княжества в Гродно, где перестроил королевский замок.

Стефан провел реформу судебной системы Польши, основал университет в Вильно, укрепил позиции иезуитов в Польше. Его сын Габор был князем Трансильвании в 1608—1613 гг., но за жестокость был изгнан и убит.

и шведских войск, которые захватили Нарву и ряд ливонских крепостей. Завершился этап подписанием невыгодных для России Ям-Запольского и Плюсского перемирий.

Отметим для сведения читателей, что **Ям-Запольский мир** между Россией и Речью Посполитой заключен 15 января 1582 г. на 10 лет близ Запольского Яма, южнее Пскова. Это один из дипломатических документов, завершивших Ливонскую войну 1558—1583 гг. России возвращались занятые польскими войсками города, взамен она отказывалась от Полоцка и Ливонии.

Плюсское перемирие между Россией и Швецией, также завершившее Ливонскую войну 1558—1583 гг., заключено на реке Плюсса в августе 1583 г. К Швеции отошли русские города Ивангород, Ям, Копорье, Корела с уездами. Россия сохранила устье Невы.

Однако Русское государство по-прежнему оставалось отрезанным от моря.

3.3. Причины военных конфликтов

«Бойтесь быть слишком сильным», — писал в 1871 г. историк Ф. де Куланж Императору Вильгельму I[1].

Как правило, в войне обвиняют агрессора, то есть сторону, развязавшую военный конфликт. На самом деле к агрессии часто толкают внешние обстоятельства, а «жертвы агрессии» оказываются ее инициаторами.

Так, подлинные причины Первой мировой войны заключаются не в «агрессивных намерениях германского милитаризма», а в жесткой, не допускающей компромисса политике Великобритании, Франции и поддерживающей их России по отношению к Германии. В конце XIX и начале XX в. бурно развивающейся германской экономике не хватало рынков сбыта и сырьевых ресурсов. Встал вопрос: найти возможности для дальнейшего развития экономики или смириться с

[1] *Шустерман С.* Критика и библиография. Критические статьи и обзоры. О. Бисмарк. Мысли и воспоминания. Историк-марксист. № 12 (088). Т. 1. — М.: Соцэкгиз, 1940. — С. 108—117.

неизбежностью ее стагнации. Позднее объединение многочисленных немецких государств в монолитную империю не позволило последней приобрести колонии в достаточном для развития количестве. На это можно возразить — дескать, Германия «отхватила» Камерун в 1884 г., Немецкую Восточную Африку в 1885-м, Немецкую Юго-Западную Африку в 1904-м, часть Новой Гвинеи в 1884 г. Но германские политические элиты, посчитав эти колонии бесперспективными, нашли более целесообразным расширяться в Центральной и Восточной Европе.

Действительно, Германия получила эти колонии, «подобрав» то, что уже никому не было нужно. К тому же немцам не пришлось за них воевать. Так, Юго-Западную Африку, современную Намибию, купил немецкий купец, и если тамошним колонистам все же пришлось воевать, то только с местными племенами. Новая Гвинея была мирно разделена между Германией, Нидерландами и Великобританией. Важность каждой колонии зависит от двух показателей: наличия ценных природных ресурсов, например полезных ископаемых, и стратегического ресурса, то есть места ее географического расположения. Например, крохотная английская колония, расположенная по обе стороны Гибралтарского пролива, стоила всех немецких колоний вместе взятых. Вспомним еще о Суэце и Персидском заливе, контролируемом теми же англичанами.

Таким образом, все попытки Германии достичь путем переговоров решения возникших экономических проблем упирались в нежелание великих колониальных держав сделать для нее минимальные уступки.

В 1890 г. Германия передала Англии часть своих колоний в Африке: Занзибар, Пембу, Уганду и Виту. За эти уступки Германия получила остров Гельголанд у немецких берегов на Немецком, ныне Северном, море. Такова цена всей немецкой Восточной Африки. Этот островок имел большое стратегическое значение, поскольку представлял собой английский плацдарм вблизи берегов Германии, откуда могла

исходить реальная угроза в случае возможного конфликта. В результате такого обмена германская Восточная Африка в значительной мере потеряла возможность своего экономического развития. Колониальное будущее Германии отныне становилось весьма проблематичным. Предполагаемое будущее стало еще более призрачным после победы Великобритании в англо-бурской войне 1899—1902 гг. В связи с этой победой интересы Германии в Южной Африке были также существенно ущемлены.

Германия не успела принять участие и в подавлении боксерского восстания в 1898—1901 гг., так что великие державы не позволили немцам участвовать в разделе сфер влияния в Китае. Очередной попыткой Германии пробиться на восток стал ее союз с Австро-Венгрией и Турцией, уже одряхлевшими империями, для реализации стратегического проекта — железнодорожной магистрали «Гамбург — Берлин — Константинополь — Багдад — Персидский залив». По этой дороге можно было перевозить грузы, не сталкиваясь с англичанами. Однако Великобритания, опасаясь немецкого проникновения в район Персидского залива, выступила категорически против строительства Багдадской железной дороги, несмотря на то, что Германия в июне 1914 г. передала Англии право на строительство железнодорожной магистрали к югу от Багдада.

Россия, разделив с англичанами Персию, также боялась появления на Ближнем Востоке такого крупного игрока, как Германия.

Немцы между тем поддерживали Австро-Венгрию и ее претензии на Балканах, потому что по этим землям должна была пройти багдадская магистраль. Но Россия, в лице министра иностранных дел и англофила С.Д. Сазонова (1860—1927), вопреки здравому смыслу, выступала за «православных братьев», хотя те на протяжении всей своей истории неоднократно предавали интересы русских и постоянно конфликтовали между собой.

В борьбе за Марокко Вильгельм II (1859—1941), германский император и король Пруссии, допустил ряд грубых дипло-

матических ошибок, в результате чего Германия вынуждена была признать протекторат Франции над этой североафриканской страной. В качестве компенсации немцы получили узкую заболоченную полосу французского Конго, примыкающую к германской колонии Камерун, оставшись при этом без стратегически важных портов в Средиземном море.

Стремясь всеми силами выбиться на мировой простор, немцы создали один из крупнейших в мире торговых флотов, но его требовалось защищать. В 1908 г. морской статс-секретарь (министр) Германии А. фон Тирпиц (1849—1930) провел в рейхстаге новый закон, в соответствии с которым на морское ведомство выделялось 445 миллионов марок. В результате своих военных приготовлений Германия стала обладать вторым по мощи флотом в мире. Рост экономического и военного могущества вкупе с непоследовательной и бездарной внешней политикой Вильгельма II позволили Англии создать антигерманскую Антанту (1904—1918). Таким образом, Германия в начале XX в. представляла собой своеобразный опасно перегретый паровой котел. Конфликт становился неизбежен.

Поражение Германии в Первой мировой войне и Версальский мирный договор 1919 г. еще более усугубили внутригерманскую ситуацию. Но, несмотря на очевидные факты, наши польские оппоненты как заклинание продолжают и по сей день утверждать, что причиной Второй мировой войны стал пакт Риббентропа — Молотова.

3.4. Русско-польская война 1605—1618 годов

Начало Смутного времени. Ливонская война длилась почти 25 лет и совершенно истощила российскую экономику. Северо-западные окраины Московского государства потеряли свыше двадцати процентов населения. После смерти Ивана Грозного 18 марта 1584 г. на престол вступил Федор Иоанович (1557—1598), который был женат на родной сестре Бориса Годунова Ирине. Молодой царь оказался не способен управлять страной и нуждался в наставнике, поэтому был

создан регентский совет, куда вошел и Годунов. В результате интриг и жесткой борьбы за влияние на царя правителем государства стал фактически Борис Годунов. Федор 14 лет занимал престол, реальным же правителем был Годунов. В это время в удельном городе Угличе подрастал наследник престола Дмитрий. 15 мая 1591 г. царевич при невыясненных обстоятельствах погиб, что вызвало в народе многочисленные толки и предположения.

Царь Федор умер 7 января 1598 г., и мужская линия московской ветви династии Рюриковичей пресеклась. 17 февраля 1598 г. Земский собор избрал на царство Бориса Годунова.

Царствование Бориса начиналось успешно. Однако вскоре разразились страшные события. В 1601 г. шли долгие дожди, а затем грянули ранние морозы и, по словам современника, «*поби мраз сильный всяк труд дел человеческих в полех*». В следующем году неурожай повторился. В стране начался голод, продолжавшийся три года. Погибло множество народа, отмечались случаи людоедства. Отчаявшиеся люди стали толковать эти бедствия как кару Божью. Свое недовольство и страх они перенесли на Годунова. В различных слоях нарастало убеждение, что царствование Бориса не благословляется Богом, потому что оно беззаконно, достигнуто неправдой и даже преступлением, а следовательно, не может кончиться добром.

Вспыхнули народные бунты. По стране начали ходить слухи, что царевич Дмитрий жив. В начале 1604 г. было перехвачено письмо одного иноземца из Нарвы, в котором объявлялось, что чудом спасшийся Дмитрий находится у казаков и Московскую землю скоро постигнут большие несчастья.

Лжедмитрий I. Впервые следы будущего самозванца обнаруживаются в 1601 г. в Киеве, где он появился в виде молодого монаха, пришедшего на поклонение святыням. Затем он якобы достаточно долго прожил в Дерманском монастыре, в Остроге, бывшем тогда владением князя Острожского (1526—1608). Константин Острожский отрицал знакомство

с будущим претендентом на московский престол, поскольку тот, по всей видимости, старался вести себя как можно незаметней и не попадаться никому на глаза. Следующим пунктом остановки для претендента послужил город Гоща, принадлежавший гаевскому кастеляну Гавриилу Гойскому, который был в то же время маршалком при дворе Острожского князя. Существует предположение, что он учился здесь в течение двух лет латинскому и польскому языкам в местной арианской школе[1].

В 1603 г. юноша объявился в городе Брагин и поступил на службу к князю Адаму Вишневецкому (1566—1622), где показал себя обходительным, скрытным и замкнутым человеком. Существует несколько противоречивых версий, каким образом он сумел донести до князя мысль о том, что он — спасенный верными боярами царевич Дмитрий.

По одной из них, слуга Вишневецкого опасно заболел («*разболелся до умертвия*») или просто притворился больным — и потребовал себе духовника. Пришедшему священнику он якобы и открыл во время исповеди свое «царское имя», завещав после его смерти отдать князю Вишневецкому находившиеся под подушкой бумаги, которые должны были подтвердить его слова. Но священник, не дожидаясь этого, поспешил к Вишневецкому и передал ему услышанное, а тот потребовал бумаги. Изучив их, А. Вишневецкий поспешил к умирающему слуге и прямо спросил о его подлинном имени и происхождении. На сей раз молодой человек не стал отпираться и показал Вишневецкому золотой наперсный крест, якобы переданный ему матерью…

Реальной же подоплекой интриги, видимо, следует считать факт заключения в 1600 г. между Польшей и Московским княжеством перемирия на 20 лет, что прямо противоречило желанию короля и военным планам Адама Вишневецкого, усмотревшего в появлении Лжедмитрия шанс сломить сопротивление сената, в первую очередь коронного гетмана Яна Замойского (1541—1605), и начать экспансию на Восток.

[1] *Валишевский К.* Смутное время. — М.: Терра, 1991. — С. 7—336.

Документально подтверждено только то, что в конце 1603 г. Константин Вишневецкий — и вместе с ним претендент — действительно побывали в Самборе у тестя Вишневецкого — Юрия Мнишека. И со стороны Юрия Мнишека и его дочери участие в интриге определялось скорее меркантильными и честолюбивыми расчетами. Мнишек погряз в долгах, которые рассчитывал погасить за счет московской и королевской польской казны. Что касается Марины, все документы того времени, включая ее собственные дневники, свидетельствуют о крайнем высокомерии и властолюбии, так что надежда на московский престол не могла не показаться ей весьма заманчивой.

30 января или июня (*janvier* или *juin* — слово в тексте не разобрать, а письмо сохранилось только в черновике) 1829 г. Пушкин в послании к Николаю Раевскому так описывает свою героиню (М. Мнишек. — *Авт.*) из «Бориса Годунова», законченного еще три года назад: «…Конечно, это была странная красавица. У нее была только одна страсть: честолюбие, но до такой степени сильное и бешеное, что трудно себе представить. Посмотрите, как она, вкусив царской власти, опьяненная избыточной мечтой, отдается одному проходимцу за другим, деля то отвратительное ложе жида, то палатку казака, и всегда готовая отдаться каждому, кто только может дать ей слабую надежду на более уже не существующий трон. Посмотрите, как она смело переносит войну, нищету, позор… и жалко кончает свое столь бурное и необычайное существование»[1].

Лжедмитрий при польском Дворе. В начале 1604 г. братья Вишневецкие, продолжавшие опекать претендента, доставили его ко двору Сигизмунда в Кракове. Во время этой встречи король, признав его наследником Ивана IV, назначил ежегодное содержание в 40 тысяч злотых и позволил вербовать добровольцев на польской территории. В ответ

[1] *Дружников Ю.* Изнанка роковой интриги // Дуэль с пушкинистами. — М.: Хронограф, 2002.

от Лжедмитрия были получены обещания после вступления на московский престол возвратить польской короне половину Смоленской земли вместе с городом Смоленском и Чернигово-Северную землю[1], поддерживать в России католическую веру — в частности, открыть костелы и допустить в Москву иезуитов, поддерживать Сигизмунда в его притязаниях на шведскую корону и содействовать сближению, а в конечном итоге — и слиянию, России с Речью Посполитой. Против претендента выступили, однако, влиятельные магнаты, в частности, коронный гетман Замойский, прямо называвший Дмитрия самозванцем.

Затем Константин Вишневецкий и Юрий Мнишек в сопровождении претендента с торжеством вернулись в Самбор, где последний сделал официальное предложение Марине. Оно было принято, но свадьбу решили отложить до воцарения Дмитрия на московском престоле.

Ю. Мнишеку удалось собрать для будущего зятя 1600 человек в польских владениях, кроме того, к нему присоединились 2000 добровольцев из Запорожской Сечи и небольшой отряд донцов. С этими силами и был начат поход на Москву.

Поход в Россию. Лжедмитрий I наступал на Москву через Чернигов и Северскую землю. Со своей стороны, царь Борис, не принявший до конца всерьез притязания Лжедмитрия на корону, оказался захвачен врасплох.

До начала наступления войска самозванца были разделены на две части, одна — под командованием казацкого атамана Белешко — наступала открыто, вторая — под командованием Ю. Мнишка и самого лже-царевича — шла через леса и болота.

18 декабря 1604 г. состоялось первое крупное столкновение под Новгородом Северским между Дмитрием и войском князя Ф.И. Мстиславского, в котором, несмотря на превосходство русских в количестве, победу одержал самозванец.

[1] *Скрынников Р. Г.* Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. — Новосибирск, 1990. — С. 17—24.

Вероятно, поражение русских войск было вызвано не столько военным, сколько психологическим фактором — простые ратники неохотно сражались против того, кто мог, по их мнению, быть «истинным» царевичем.

Но и после этой победы положение претендента далеко еще не было определено. Казна, захваченная ранее в Путивле, оказалась практически полностью истраченной. Наемное войско роптало, недовольное тем, что обещанное жалование им выплатили только за первые три месяца, а также запретом грабежей и поборов с населения[1].

Дальнейшая хроника событий такова: 1 января 1605 г. среди наемников вспыхнул открытый мятеж, и они кинулись грабить обоз, а 2 января большая часть наемных солдат ушла по направлению к границе; в тот же день самозванец сжег лагерь под Новгородом Северским и отступил к Путивлю; 4 января Ю. Мнишек, ухудшая и без того тяжелое положение будущего «зятя», объявил о своем отъезде в Польшу на сейм. Тем не менее Мнишек уверял самозванца, что будет защищать его дело на королевском сейме и пришлет из Польши новые подкрепления. Вместе с ним ушло еще около 800 поляков. В конечном итоге, с самозванцем осталось 1500 польских рыцарей. В то же время примеру признавшего самозванца Путивля последовали другие города и поселения, они начали сдаваться, среди них — Рыльск, Курск, Севск, Кромы. Воеводы сдавшихся городов либо сами присягали Дмитрию, либо доставлялись связанными в его лагерь, но тут же освобождались и приносили присягу. Войско Дмитрия постоянно росло[2].

Естественную убыль в живой силе немедленно восполнили 12 тысяч донских казаков, под охраной которых Дмитрий укрепился в Севске.

Московская рать, высланная против самозванца, настигла его в конце января у села Добрыничи. В результате битвы

---

[1] *Костомаров Н.И.* Названный Дмитрий // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. — М.: Астрель, 2006.

[2] Там же.

самозванец потерял практически всю свою пехоту и большую часть конницы, победители захватили всю его артиллерию — 30 пушек и 15 знамен и штандартов. Под самозванцем была ранена лошадь, сам он чудом избежал плена и вынужден был отступить к Путивлю[1].

Во время «путивльского сидения» Дмитрий фактически готовился к будущему царствованию — принимал польских и русских священников, обращался к народу с обещаниями построить в Москве университет, пригласить в Россию образованных людей из Европы и т. д. Отмечали, что на его обедах равно присутствовало и православное, и католическое духовенство, и Дмитрий делал все от него зависящее, чтобы сблизить их между собой. По приказанию Бориса в Путивль были посланы несколько монахов с ядом для самозванца, но их успели разоблачить и арестовать. Позднее самозванец своей властью простил их[2].

В мае, после смерти Бориса Годунова, Дмитрию присягнуло войско, стоявшее под Кромами; воевода П.Ф. Басманов перешел на его сторону.

В Туле Дмитрий занимался государственными делами уже как царь: разослал грамоты, извещавшие о его прибытии, составил формулу присяги, в которой первое место занимало имя Марии Нагой[3].

Убедившись в поддержке дворян и народа, самозванец двинулся в столицу и 20 июня 1605 г. торжественно въехал в Кремль.

18 июля прибыла из ссылки его «мать» Марфа. Ее встреча с «сыном» произошла в подмосковном селе Тайнинском на глазах огромного количества народа. По воспоминаниям современников, Дмитрий соскочил с коня и бросился к карете, а Марфа, откинув боковой занавес, приняла его в объятья. Оба

---

[1] *Скрынников Р.Г.* Смутное время в России. Вторжение Лжедмитрия I // Три лжедмитрия. — 2-е изд. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

[2] *Костомаров Н.И.* Названный Дмитрий // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. — М.: Астрель, 2006.

[3] Там же.

рыдали, и весь дальнейший путь до Москвы Дмитрий проделал пешком, идя рядом с каретой.

Вскоре после этого Дмитрий короновался «венцом» Годунова, приняв его из рук нового патриарха Игнатия, бояре поднесли скипетр и державу.

По доносу купца по имени Федор Конев «со товарищи», открылось, что против нового царя злоумышлял князь Василий Шуйский, распространявший по Москве слухи, что претендент на самом деле является попом-расстригой Гришкой Отрепьевым и замышляет разрушение церквей и искоренение православной веры.

Шуйского схватили, но царь Дмитрий передал решение его участи в руки Земского собора. По сохранившимся документам, царь был столь красноречив и столь умело уличал Шуйского «в воровстве его», что собор единодушно приговорил изменника к смертной казни.

25 июля Шуйский взошел на плаху, но приказом «царя Димитрия Ивановича» был помилован и отправлен в Вятскую ссылку.

За день до того, 24 июля, в сан патриарха Московского возвели рязанского архиепископа Игнатия.

Первыми действиями царя Дмитрия стали многочисленные милости. Из ссылок возвратили бояр и князей, попавших в опалу при Борисе и Федоре Годуновых, и вернули им конфискованные имения. Вернули также Василия Шуйского и его братьев, не успевших добраться до Вятки, вернули и родственников бывшего царя. Получили прощение все родственники Филарета Романова, а его самого возвели в ростовские митрополиты. Служилым людям удвоили содержание, помещикам выделили земельные наделы — все за счет земельных и денежных конфискаций у монастырей. На юге страны на 10 лет было отменено взимание налогов, а также прекратилась практика обработки «десятинной пашни».

В законодательном порядке запрещено было мздоимство, срок преследования беглых установлен в пять лет. Возвращению подлежали все крестьяне, бежавшие за год до начала

«голодных лет» или же после них, или те, кто бежал во время голода, захватив свое имущество, — то есть не во имя спасения жизни. Бежавшие во время голода закреплялись за новым помещиком, кормившим их в трудное время. В закон не включались те, кто сумел удалиться от прежнего места проживания более чем на 200 верст. Путивль, оказавший огромные услуги будущему царю, освобождался от всех податей на 10 лет.

Новый царь изменил состав Думы, введя в него в качестве постоянных членов представителей высшего духовенства, и отныне повелел Думе зваться «сенатом». Во время своего недолгого правления царь почти ежедневно присутствовал на заседаниях и участвовал в спорах и решениях государственных дел. По средам и субботам давал аудиенции, принимал челобитные и часто гулял по городу, общаясь с ремесленниками, торговцами, простыми людьми.

«Тайная канцелярия» Дмитрия состояла исключительно из поляков. Введение в царский дворец иноплеменников и иноверцев, а также то, что царь учредил при своей особе иностранную гвардию, которая должна была обеспечивать его личную безопасность, отстранив русскую царскую охрану, — возмутило многих.

В это же время Дмитрий начал замышлять войну с турками, планируя нанести удар по Азову и присоединить к Москве устье Дона, и приказал отливать на Пушечном дворе новые мортиры, пушки, ружья.

Польскому послу Корвин-Гонсевскому он заявил, что не может пойти, как было обещано ранее, на территориальные уступки Речи Посполитой, вместо этого он предлагал отплатить за помощь деньгами. Также было отказано во въезде иезуитам, и если католикам действительно была предоставлена свобода вероисповедания, то это было сделано также в отношении христиан других толков — в частности, протестантов. Планы о войне против Швеции также не осуществились — возможно, из-за сопротивления думных бояр.

Вспоминали, что новый царь любил поговорить, удивлял начитанностью и знаниями, в спорах часто приводил в

доказательство факты из жизни других народов или истории из собственного прошлого. Любил ходить по городу, заглядывать в мастерские и заводить разговоры с первым встречным.

Между тем сложилась двойственная ситуация: с одной стороны, народ его любил, а с другой — подозревал в самозванстве. Почти с первого дня его правления по столице прокатилась волна недовольства из-за несоблюдения царем церковных постов и нарушения русских обычаев в одежде и быту, его расположения к иностранцам, обещания жениться на полячке и затеваемой войны с Турцией и Швецией. Во главе недовольных стояли Василий Шуйский, Василий Голицын, князь Куракин, казанский митрополит Гермоген и коломенский епископ Иосиф.

Знатных бояр ущемляло количество «худородных», возвеличенных новым царем, в том числе назывались и родственники царицы — Нагие, и несколько дьяков, получивших чины окольничих. Как считается, Василий Шуйский и не скрывал своих подлинных мыслей, прямо высказавшись в кружке заговорщиков, что Дмитрий был «посажен на царство» с единственной целью — свалить Годуновых, теперь же пришло время свалить и его самого[1].

24 апреля 1606 г. вместе с Юрием Мнишеком и его дочерью в Москву прибыли поляки — около 2 тысяч человек — знатные шляхтичи, паны, князья и их свита, на дары которым Дмитрий дополнительно выделил огромные суммы. Свадьба первоначально была назначена на 4 мая 1606 г., но затем отложена, так как требовалось выработать ритуал хотя бы внешнего принятия Мариной Православия. Послушный царю патриарх Игнатий отклонил требование митрополита Гермогена о крещении католички, более того, Гермогена наказали. Лжедмитрий испросил у папы Римского специального разрешения на причащение и миропомазание невесты по греческому обряду, но тоже получил категорический отказ. Однако

[1] *Ключевский В.О.* Лекция XLII // История России. Полный курс в одной книге. — М.: АСТ, Астрель-СПб, 2009.

миропомазание — как обряд, заменяющий обращение Марины в Православие, — решено было все-таки провести.

8 мая 1606 г. Марина Мнишек была коронована царицей, и совершилось бракосочетание.

9 мая, в Николин день, в нарушение всех традиций был назначен свадебный пир, который продолжался и на следующий день. Во время многодневного празднования в палатах играло до 68 музыкантов, Дмитрий отошел от государственных дел, а приехавшие поляки в пьяном разгуле врывались в московские дома, набрасывались на женщин, грабили прохожих. Особенно отличались панские гайдуки, в пьяном угаре стреляя в воздух с криками, что царь им не указ, так как они сами посадили его на престол. Этим-то и решили воспользоваться заговорщики.

14 мая 1606 г. Василий Шуйский собрал верных ему купцов и служилых людей, вместе с которыми составил план противодействия полякам — отметили дома, где они проживали, и решили в субботу ударить в набат, призвав народ под предлогом защиты царя к бунту.

На рассвете 17 мая по приказу Шуйского ударили в набат на Ильинке, его подхватили другие пономари, еще толком не зная, в чем дело. Шуйские, Голицын, Татищев въехали на Красную площадь в сопровождении около 200 сторонников, вооруженных саблями, бердышами и рогатинами. Шуйский кричал, что «литва» пытается убить царя, и требовал, чтобы горожане поднялись на его защиту. Хитрость сделала свое дело, возбужденные москвичи кинулись бить и грабить поляков.

Сам Шуйский въехал в Кремль через Спасские ворота, с мечом в одной руке и крестом в другой. Спешившись возле Успенского собора, он приложился к образу Владимирской Божьей матери, а затем приказал толпе «идти на злого еретика»[1]...

Воцарение Василия Шуйского. Василий Шуйский (1552—1612) был коронован на царство 1 июня 1606 г. новгородским митрополитом Исидором. Для того чтобы спасти

[1] URL: http://www.hrono.info/biograf/bio_sh/shuyski_vi4.php.

знатных поляков от самосуда «москалей», новый царь выслал их в количестве ста шестидесяти душ в городок Белозерск на Вологодчину. Жилось им там тяжело, убежать было невозможно: кругом непроходимые леса да болота. От безделья и отсутствия привычных развлечений среди шляхты начались раздоры. Шляхтич С. Немоевский летом 1607 г. в своем дневнике писал: «Так как мы жили по своей воле, внимания ни на кого не обращали, то между нас открылся страшный разврат: хвастанье нарядами, банкетами, забавами, танцами (и это среди крайнего недостатка, нужды и заключения), наговорами одного на другого, взаимным уязвлением и сплетнями, писанием пасквилей друг на друга, без всякой пощады кого-либо. К тому надо присоединить картежничество, повальное пьянство, без мысли о страхе Божием, без внимания к великим праздникам, постам и дням, установленным для покаяния. И если бы еще упивались чем, а то скверной горелкой, смешанной с дрянным пивом. И для этой цели продавая одежду с себя или со слуги. Вследствие всего этого частые ссоры, раздоры, споры, пересылки о поединках и вызовы на поединки, драки, поранения, гнусный блуд, прелюбодеяния, paracidia — мать порезала на куски свое дитя и побросала на крышу, желая скрыть свой разврат и блуд, — и иные гнусные грехи, о которых по омерзительности их и по брезгливости перед Богом и вспоминать-то не годится, и стыд не допускает; наконец, свершилось и ужасное душегубство: убийство в святой пасхальный день палкой в голову безоружного, сзади, шляхтича в тюрьме и по вздорному поводу. Присоединим кражи друг у друга и взаимные ограбления сундуков»[1].

При этом русский народ в записках Немоевского именуется «варварским», «злым», «животным» и, конечно, «быдлом»...

Знатный шляхтич в своих записках горевал, что ему с высокородными панами приходится терпеть «от народа, вероятно, самого низкого на свете, самого грубого и не способ-

[1] Записки Станислава Немоевского (1606—1608). Рукопись Жолкевского. Изд-во «Александрия».— Рязань, 2006.

ного к бою, не обученного в рыцарском деле, у которого нет ни замков, ни городов, ни доблести, ни храбрости»[1].

Здесь мы видим не только бытовавшие в Европе негативные стереотипы и установки по отношению к «московитам», но уже и типично шляхетские, усиленные сословно-корпоративной сарматской расистской идеологией и своеобразной этикой «избранного народа». Надо сказать, что к чести автора он осознает степень нравственного разложения и даже оскотинивания своих соплеменников, но при этом он же в отношении русских братьев-славян делает вполне определенные выводы *a priori*: они еще хуже только потому, что они — «быдло».

Между тем Василия Шуйского не признало значительное число населения, ожидавшего нового пришествия «истинного царя». После гибели Лжедмитрия I против Шуйского начинает боевые действия «воевода царевича Дмитрия» И.И. Болотников. Центром восстания стал Путивль, воевода которого князь Г.П. Шаховской активно помогал в организации войска. Некоторые историки называют князя Г. Шаховского и М. Молчанова организаторами восстания Болотникова[2].

В 1607 г. в Стародубе явился новый самозванец — Лжедмитрий II. Новый авантюрист с «черными курчевавыми волосами… человек без чести и совести, страшный хульник, пьяница, развратник, не бывавший ни на каком богослужении… <но у которого> после побега нашли талмуд»[3], собрал вокруг себя в Тушине немалую военную силу. Духовенство, бояре и «нареченный тушинский» патриарх Филарет Никитич в январе 1610 г. «…сильно радовались и много плакали», целуя подпись короля-католика Сигизмунда III Вазы, хвалили «знаменитый народ непобедимого Королевства Польского… и вступили в конфедерацию с польским войском»[4]. И это при том, что в Речи Посполитой существовали планы пре-

[1] Там же.

[2] *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606—1607. — М., 1951.

[3] *Мархоцкий Н.* История Московской войны. — М., 2000. — С. 153, 169, 172.

[4] Там же. — С. 171, 173.

вращения России в колонию, наподобие испанских владений в Америке. «Покорность правящей элиты, ее готовность повиноваться королевским приказаниям» Сигизмунд III и его советники приняли за покорность всего русского общества[1].

К очередному авантюристу немедленно пристало значительное количество запорожских казаков и польских «рокошан» — повстанцев-конфедератов, проигравших затеянное ими восстание против Сигизмунда III, так называемый рокош Зебжидовского[2]. Самыми влиятельными из них были князь Роман Рожинский, ставший командующим армии самозванца, Александр Лисовский и Адам Вишневецкий. Затем к ним присоединился усвятский староста Ян Петр Сапега, который во время Рокоша сражался на стороне короля.

Запорожских казаков возглавлял галичанин Иван Заруцкий. Войско самозванца двинулось на север. 30 апреля — 1 мая 1608 г. под Болховым были разбиты войска Шуйского и осаждена Москва. «Штаб-квартира» осаждавших расположилась в Тушине.

Шуйский попытался облегчить свое положение, заключив мирный договор с Сигизмундом (26 июля), по которому отпускал всех поляков, взятых в плен после майских событий. Сигизмунд, в свою очередь, обязался отозвать из-под Тушина своих подданных, чего он в принципе не в состоянии был выполнить. Значительная часть России оказалась под властью тушинцев, в осажденной Москве начался голод. В такой

[1] *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. — М., 2005. — С. 378.

[2] Рокош Зебжидовского длился с 1606 по 1609 г. Конфликт был направлен против закона, запрещающего монарху в дальнейшем дробить и дарить земельные уделы и принуждающего его изгнать иезуитов и иностранцев.

Руководителями восстания были великий коронный маршал Миколай Зебжидовский, Ян Щесны Гербурт, Станислав Стадницкий и виночерпий Литвы Януш Радзивилл. Кроме того, участники рокоша хотели заставить депутатов Сейма строго соблюдать инструкции, получаемые теми на сеймиках, от которых депутаты избирались.

Восстание завершилось победой короля в битве под Гузовым в 1607 г. Однако Сигизмунд III не смог воспользоваться победой с целью укрепления самодержавной власти. Централизованная политика Сигизмунда III была прекращена. (URL: http://ru.enc.tfode.com/Рокош_Зебжидовского.)

драматической ситуации Шуйский призвал на помощь шведов. 28 февраля 1609 г. его племянник Михаил Васильевич Скопин-Шуйский заключил договор в Выборге, по которому шведы обязались поставить армию против самозванца, а Шуйский — отдать шведам Корельский уезд, заключить с ними союз против Польши и помочь в отвоевании у поляков Ливонии. Русско-шведская армия Скопина-Шуйского нанесла ряд поражений тушинцам.

Сигизмунд III готовится к войне. В то же время бояре вели сложную игру, их не устраивал царь Василий Шуйский, поэтому, возможно, так скоро набрал авторитет Лжедмитрий II, который был лишь орудием бояр в битве за власть. Русская партия сторонников приглашения во власть королевича Владислава была в то время весьма могущественной, они считали, что это стабилизирует обстановку в государстве. Бояре обратились к Сигизмунду III с предложением избрать на московский трон королевича. Приглашения со стороны москвичей соблазняли короля. Авторитетные люди из его окружения утверждали, что в России царит анархия и она станет легкой добычей для Польши.

В силу не проясненных до конца причин польский король не видел альтернатив присоединения к Речи Посполитой Московского царства иначе, как через войну и покорение Москвы силой. В глазах Сигизмунда III война с Москвой была лишь вопросом времени и формы. Будучи связан с династией Ягеллонов по матери, польский король нисколько не сомневался в своем неотъемлемом праве на русский престол. Правда, только недавно он заключил перемирие с Василием Шуйским. Однако никто не склонен был придавать этому договору какое-либо значение. Но где взять деньги на войну?

В 1608 г. король раскрывает свои планы Ватикану. Сигизмунд надеется получить от папы материальную поддержку. В письме к папе Сигизмунд излагает мотивы, заставляющие его объявить войну России. «Я не сомневаюсь, — писал король Павлу V 30 октября 1610 г., — что Вашему Святейшеству известны побуждения, вынуждающие меня начать

войну против русских. Тем не менее для полной ясности я считаю необходимым в немногих словах напомнить их здесь. Мотивы мои таковы. Я намерен содействовать распространению истинной христианской веры. Я стремлюсь к благу моего государства, защищая его исконные земли и охраняя пограничные города, на которые, по-видимому, намерен посягнуть враг, тайно кующий свои козни. Уже Василий Шуйский занес вероломно свою руку на наследственные области польских королей. Наконец, я выступаю против тирании тех обманщиков, которые, в ослеплении своим честолюбием, выдавали себя за потомков князей московских. Подобно разбойникам, вооруженной рукой опустошали они всю страну, покрывая землю могилами бесчисленных жертв своих. Все это сопровождалось всяческими насилиями над моими верноподданными, к тяжкому ущербу для моих наследственных прав на те же владения великих князей русских»[1].

Таким образом, с одной стороны, Сигизмунд перед папой позиционирует себя в качестве поборника идеологии «покорения Востока» и несения света «истинной христианской веры» — это, так сказать, для «внешнего пользования» и ради соблюдения неких приличий и, главное, для получения санкции и благословения от папы на очевидный разбой. С другой стороны, Сигизмунд, как азартный хищник, чувствует, как ему кажется, легкую добычу и спешит ее заполучить, убеждая уже и самого себя в необходимости отправиться в захватнический поход на Москву.

В ночь на Рождество Христово в 1609 г. Павел V, по обычаю, благословил меч и шлем; затем он отослал их Сигизмунду. Это значило, что римский первосвященник благословляет рыцаря Церкви Христовой на победоносную борьбу. При этом материальная поддержка рыцарю оказана не была. Между тем Сигизмунд уже нес огромные расходы. Ему, вообще-то, нужны были не меч и шлем, а деньги, и притом в большом количестве. Настойчивость Сигизмунда в просьбах об оказании материальной помощи повергала папу и его окружение в смущение.

[1] URL: // http://www.sedmitza.ru/text/439745.html/.

Тогда король предупредил Ватикан, что, может быть, придется сделать некоторые уступки побежденным в области веры, при этом Сигизмунд ни словом не упоминал о субсидии со стороны папы. Король лишь испрашивал разрешения приостановить на время посылку в Рим ежегодных сборов в пользу курии и взыскать с польского духовенства некоторую сумму для покрытия военных расходов. Уступая домогательствам короля, папа согласился на требуемые финансовые льготы. Но этим не ограничился и обратился к богатейшим польским епископам с просьбой по мере сил оказать своему государю необходимую поддержку. В довершение всего, дабы подкрепить свои слова благим примером, Павел V сам пожертвовал королю 40 000 червонцев.

Скупыми оказались и сами поляки. Когда в 1609 г. король объявил Москве войну, большинство сенаторов одобрили его решение. Однако сейм не пожелал вотировать какие-либо чрезвычайные налоги для покрытия военных расходов. Начиная войну, Сигизмунд видел перед собой только двух противников — Василия Шуйского и Лжедмитрия II. Конечно, одолеть того и другого было не слишком трудно. Но подобный триумф отнюдь не знаменовал собой победы над всей страной. Таким образом, вместо того чтобы воспользоваться образовавшейся возможностью и мирно, без капли крови, посадить на московский трон королевича Владислава, Сигизмунд III объявляет войну русским.

Упущенные возможности Сигизмунда III. В сентябре 1609 г. в Россию вторгается Сигизмунд III, который полагал, что сможет без труда овладеть погрязшим в смуте государством. Поводом для расторжения мирного договора и начала войны с Москвой стало введение на территорию России шведского корпуса по просьбе царя Василя Шуйского. Поскольку Речь Посполитая воевала со Швецией, это было расценено как враждебный акт. Король Сигизмунд лично возглавил войска, вступившие на территорию России. В дальнейшем каждый день войны делал все более призрач-

ным реализацию стратегического замысла короля, поскольку жертвы среди русского населения рождали легионы противников Сигизмунда и поляков.

Вторжение Сигизмунда и его требование к тушинским полякам оставить самозванца и идти на помощь королю вызвали кризис в тушинском лагере. Тушинские поляки, сначала воспринявшие требование Сигизмунда крайне враждебно и даже требовавшие у короля покинуть Россию, которую они уже считали своей, в конце концов, в большинстве своем решили соединиться с королем. Самозванец бежал в Калугу, где к нему присоединились казаки, татары и часть поляков. Остальные во главе с Рожинским ушли в Волоколамск.

В это время после нескольких блистательных побед Скопин-Шуйский вдруг неожиданно умирает. Во главе армии оказывается бездарный брат царя, Дмитрий Шуйский.

Главным героем войны с Москвой и наиболее выдающимся государственным человеком среди поляков был великий гетман Польши Станислав Жолкевский. Ветеран победоносных походов Батория, друг и соратник выдающегося завоевателя, Жолкевский не сочувствовал затее Сигизмунда. Однако он блистательно выполнил свой долг солдата. 4 июля 1610 г. Жолкевский внезапно обрушился на московскую армию, стоявшую в Клушине, и одержал полную победу. Ему досталась огромная добыча. В беспорядочном бегстве русские бросили свой лагерь, пушки, знамена, золото и серебро, одежду, дорогие меха... После такого поражения Шуйский остался без армии, а Жолкевский встал лагерем в Можайске. Лжедмитрий II поспешил к столице, почуяв добычу.

Тогда Москва восстала против Шуйского. У царя не нашлось защитников. Сам он не оказал никакого сопротивления. Покоряясь приговору, Шуйский бесславно покинул трон. Вслед за мужем была заточена в монастырь и жена Василия Ивановича. Двое братьев его, Дмитрий, разбитый при Клушине, и Иван, — посажены в тюрьму.

В начале августа в Москве образовалось три партии. Одна высказалась за выборы русского царя; другая поддержи-

вала Лжедмитрия II. Что касается третьей, то, по свидетельству Жолкевского, она была готова поддержать Владислава. Лидером группы был князь Мстиславский, наиболее видный представитель московского боярства. Нельзя сказать, что сторонники Владислава представляли собой наибольшую силу. Тем не менее они занимали самое благоприятное положение. Дело в том, что Мстиславский стоял во главе временного правительства, которое приняло в свои руки власть после низложения Шуйского. Между столицей и лагерем Жолкевского началась переписка. Великий гетман при этом проявил выдающиеся дипломатические способности. Установились личные отношения и переговоры между сторонами. Иначе говоря, кандидатура Владислава с каждым днем приобретала все больший и больший вес. Впрочем, москвичи предлагали королевичу трон на определенных условиях. Прежде всего, вступая на московский престол, Владислав обязан был принять Православие. Не желая в переговорах зайти в тупик, гетман сознательно избегал ответа на такое требование. Он предоставил решение этого вопроса самому королевичу и его отцу. В конце концов, ему все же удалось выработать условия мирного договора. Правда, этот первоначальный проект еще должен был быть утвержден Сигизмундом. Но, так или иначе, по самому своему существу предполагаемый договор знаменовал собой целый переворот в истории славянских народов. Судьба великой России вручалась поляку, которому предстояло воцариться в Кремле. Не дожидаясь ответа Сигизмунда, москали начали присягать Владиславу.

Между тем Жолкевского ждал новый триумф. Движимая страхом перед Лжедмитрием II и московской чернью, польская партия предложила Жолкевскому занять столицу. 9 октября 1610 г. великий гетман пишет королю из Кремля, уведомляя Сигизмунда о своей неожиданной и бескровной победе. Это, безусловно, выдающееся достижение Жолкевского, которое почему-то не хочет признавать пан Братковский[1].

[1] *Братковский С.* Как оно было с этим Кремлем. URL: http://www.novpol.ru/index.php?id=535.

Но, чтобы поставить точку в этом своем достижении, великому гетману нужно доказать королю необходимость оперативного вступления в царствование по православному обряду 15-летнего королевича Владислава. 8 ноября Жолкевский прибыл в лагерь короля. Вместе с собой он привез Василия Шуйского. Бывший «тиран» ехал на простой телеге.

В конце того же 1610 г. сошел со сцены и другой противник Сигизмунда, Лжедмитрий II, который был убит на охоте людьми его соратника П. Урусова.

Лжедмитрий II стал подлинным бедствием и для Русского государства. От его гибели русские выигрывали больше, нежели поляки. Дело в том, что после смерти «тушинского вора» процесс национального объединения России пошел ускоренным темпом. В этих условиях полякам нельзя было медлить.

Однако дела под Смоленском у Сигизмунда не «клеились». Перед Сигизмундом высились толстые каменные стены города. Над ними царили 38 башен. 19 (29) сентября 1609 г. поляки потребовали у русских добровольной сдачи. Гарнизон Смоленска отверг ультиматум с презрением. Королю надо было бы снять осаду и форсированным маршем двигаться на Москву, где решить несколько формальностей, чтобы свершилось воистину историческое дело, но Сигизмунд оставался Сигизмундом. Пожалуй, не было в истории Польши монарха более «упертого», чем он. И пока не завершилась длительная, полуторогодовая осада Смоленска, пока король не решил в сейме финансовые вопросы, «дело» стояло.

Особенности мышления политического деятеля и/или военного стратега, в частности Сигизмунда III, представляется возможным рассматривать в контексте концепции В.А. Ганзена, в соответствии с которой выделим с некоторой долей условности четыре фундаментальных аспекта мышления: *пространственный*, *временно́й*, *энергетический* и *информационный*[1].

Представим эти аспекты мышления в психологических категориях и соотнесем их с плодами военной и политической стратегий Сигизмунда III.

[1] *Ганзен В.А.* Системные описания в психологии. — Л., 1984.

Итак, *временной* аспект — это быстрота и стремительность: ключевой психологический компонент — *интуиция*. *Пространственный* аспект — это маневренность, расстановка и взаимодействие войск: главный компонент — *логика*. *Энергетический* аспект — это решительность, напор и непреклонность, неудержимое стремление к реализации замысла: определяющий психологический компонент — *воля*. И, наконец, *информационный* аспект — скрытность и неожиданность: главный психологический компонент — *рефлексивный контроль*.

При этом под рефлексивным контролем (или рефлексивным управлением) понимается процесс передачи оснований для принятия решений одним из субъектов военно-политического противоборства другому. Это управление не за счет прямого навязывания своей воли, а за счет передачи оснований, из которых противник, он же объект рефлексивного контроля, как бы дедуктивно выведет предопределенное ему другим субъектом решение[1].

Если мы проанализируем результаты деятельности короля, то ни по одному из фундаментальных аспектов мышления Сигизмунд III не соответствовал тем военно-политическим целям и задачам, которые он брался решать. Выдающиеся предшественники Сигизмунда, Болеслав Храбрый и Стефан Баторий, перечисленными аспектами стратегического мышления в необходимой мере обладали.

Война между тем продолжалась. Военные операции не мешали Сигизмунду сноситься с польской партией московских бояр. Впрочем, здесь шансы короля на успех были невелики. Камнем преткновения для обеих сторон являлось избрание Владислава. Как мы знаем, москвичи уже успели ему присягнуть; теперь они требовали его прибытия в столицу. Однако Сигизмунд не хотел отпускать сына. Король твердо решил сам стать на место Владислава, хотя бы на первых порах, и таким

[1] *Ракитянский Н.М.* О политико-психологическом портретировании // Вестник политической психологии. 2003. № 1 (4). С. 19; *Ракитянский Н.М.* Рефлексия в политике // Власть. 2003. № 9.

образом временно захватить власть в свои руки. Еще менее спешил Сигизмунд высказаться со всей определенностью относительно условий, поставленных Москвой вновь избранному царю. Уклоняясь от прямых решений, король вел опасную для своих блистательных перспектив игру.

Победа Москвы. Король медлил, а по всей России поднималось грозное национальное брожение. Центром его являлась Троицкая лавра. Лавра призывала всех добрых людей взяться за оружие и изгнать иноземцев.

Национальное движение принимало угрожающие размеры. Однако Сигизмунд не обеспокоился этим. Ему все еще казалось, что справиться со здешним народом для него не составит никакого труда. В конце концов, король убедился, что имя Владислава звучит для православного привычнее, нежели Сигизмунд. Решив, что пора избраннику явиться к своим избирателям, польский король приказал гетману литовскому, Ходкевичу, подойти к Москве. В конце 1612 г. он наметил сам отвезти туда сына. Насколько далек был царственный поляк от понимания серьезности положения, свидетельствует то, что, отправляясь в Москву, он вместо армии взял с собой небольшой отряд. Эту охрану король содержал на свой собственный счет. Однако по прибытии в Вязьму Сигизмунд получил весьма неприятные вести: истомленные усталостью, голодом и всякого рода лишениями засевшие в Кремле поляки сдались.

Это произошло следующим образом. В 1611 г. из тушинских казаков и рязанских дворян было сформировано Первое ополчение, которое возглавили Дмитрий Трубецкой, Иван Заруцкий и Прокофий Ляпунов. Оно двинулось к Москве, где, в свою очередь, вспыхнуло восстание, важную роль в котором играл князь Дмитрий Пожарский. Восстание было подавлено благодаря поджогу Москвы; вскоре после этого ополченцы взяли Китай-город, но внутренняя рознь между казаками и дворянами, завершившаяся убийством Ляпунова, привела к бегству дворян и фактическому распаду ополчения.

В этой ситуации в Нижнем Новгороде формируется Второе ополчение во главе с Пожарским. В августе оно появилось у стен Москвы, где по-прежнему стояли казаки Трубецкого и Заруцкого. 22 и 24 августа были разбиты польские подкрепления, шедшие к Москве под начальством Ходкевича.

4 ноября (22 октября по старому стилю) 1612 г., взяв приступом Китай-город, ополченцы поставили под контроль большую часть Москвы. Но поляки, засевшие в Кремле, продолжали сопротивление.

Вот как предания описывают нравы осажденных: «Они пользовались для приготовления пищи греческими рукописями, найдя большую и бесценную коллекцию их в архивах Кремля. Вываривая пергамент, они добывали из него растительный клей, обманывающий их мучительный голод. Когда эти источники иссякли, они выкапывали трупы, потом стали убивать своих пленников… дошли до того, что начали пожирать друг друга.

Это факт, не подлежащий ни малейшему сомнению. Очевидец Будзило (польский капитан. — *Авт.*) сообщает о последних днях осады невероятно ужасные подробности, которых не мог выдумать, тем более что во многом повторялось то же, что происходило в этой несчастной стране несколько лет перед тем во время голода. Будзило называет лиц, отмечает числа: лейтенант и гайдук съели каждый по двое из своих сыновей; другой офицер съел свою мать! Сильнейшие пользовались слабыми, а здоровые — больными. Ссорились из-за мертвых, и к порождаемым жестоким безумием раздорам примешивались самые удивительные представления о справедливости. Один солдат жаловался, что люди из другой роты съели его родственника, тогда как по справедливости им должен был питаться он сам с товарищами. Обвиняемые ссылались на права полка на труп однополченца, и полковник не решился прекратить эту распрю, опасаясь, как бы проигравшая тяжбу сторона из мести за приговор не съела судью»[1].

---

[1] *Кустов М.* Польские людоеды в московском Кремле. Хорошо, что 300 лет назад не было видеосъемки. URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/polskie_ljudoedi_v_moskovskom_kremle_.htm.

Не случайно, когда русское «войско и народ вступили в священную ограду Кремля... радость сменилась скорбью перед раздирающим душу зрелищем: в подвалах склады внушающей ужас провизии: омерзительное крошево, в котором воображение кое-кого из москвитян рисовало себе части тела друга или родственника».

В начале осады Пожарский предложил полякам выбор — либо свободное возвращение на родину, либо возможность поступить к нему на службу с хорошим жалованьем, что было вполне в духе времени. Но те предпочли питаться пленными, родственниками, товарищами и архивными документами. Почему? Причина простая: при сдаче пришлось бы расстаться с награбленным в Московии…[1] Вспомним о том, как пан Братковский говорил о какой-то задолженности в зарплате[2]. Если шляхтичи способны ради выплаты долгов поедать друг друга, то это свидетельство отнюдь не в их пользу.

В 1613 г. поляками были отвоеваны обратно Дорогобуж, Вязьма, Белый и другие населенные пункты. Попытка взять Смоленск снова закончилась неудачей. Отряды поляков, казаков и литовцев по-прежнему грабили Украину и Северскую область.

Однако Москва находилась теперь в руках русских. Тем не менее с упорством, которое всегда характеризовало Сигизмунда, он неуклонно шел вперед. Так он достиг Волоколамска. Здесь король прозрел. Прибытие Владислава совсем не напоминало собой победоносное вступление государя в свои владения. Вместо того чтобы радостно встречать своего царя, народ запирался за городскими стенами. Малые города преграждали полякам дальнейший путь к Москве. Сигизмунд послал в столицу своих агентов. Их выпроводили оттуда. Очевидно, договариваться было не с кем: бояре, сторонники Владисла-

---

[1] *Кустов М.* Польские людоеды в московском Кремле. Хорошо, что 300 лет назад не было видеосъемки. URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/polskie_ljudoedi_v_moskovskom_kremle_.htm.

[2] *Братковский С.* Как оно было с этим Кремлем. URL: http://www.novpol.ru/index.php?id=535.

ва, куда-то исчезли... Таким образом, Сигизмунд стоял перед враждебной ему столицей. При нем была немногочисленная охрана, тут же находился новый царь, явно отвергаемый своими подданными. Начинались холода. Припасы войска истощались. Король понял, что он — на краю пропасти. Намеченные планы приходилось пока оставить.

Воцарение Михаила рушило все мечты королевича Владислава о московском престоле. Разумеется, бояре не замедлили дать это понять Сигизмунду, при этом они предложили ему заключить мир и произвести обмен пленными.

Отношения с Польшей на этом этапе завершились, в конце концов, новой войной. Но прежде чем она привела к более или менее определенным историческим результатам, Михаилу пришлось считаться с новым соискателем престола, бывшим еще в колыбели. В Калуге провозгласили царем младенца Ивана — сына Марины Мнишек, которая в том момент находилась под покровительством атамана И.М. Заруцкого. За помощь, оказанную Лжедмитрию II, последний был обласкан и осыпан милостями со стороны самозванца, и в пору междуцарствия ему выпало играть довольно заметную роль. Затем, после избрания на престол Михаила Романова, И. Заруцкий объявил себя сторонником сына Марины. Новому правительству удалось настигнуть его и нанести поражение. Тогда Заруцкий бежал в Астрахань, откуда начал агитировать против молодого царя среди татар и персов. Однако защитники законного порядка вытеснили его и оттуда. И. Заруцкий устремился дальше на восток, захватив с собой Марину, маленького Ивана и несколько сотен казаков. Правительственные войска пустились за ним в погоню: им было приказано схватить его живым или мертвым. Скоро бунтовщики были настигнуты, и, видя себя окруженными, казаки решили выдать самого Заруцкого, Марину, младенца Ивана и какого-то монаха Николая. Конечно, не могло быть и речи о пощаде таких пленников. Заруцкого при стечении народа посадили на кол в Москве. Что касается Марины, то с тех пор ее следы теряются. Среди бернардинцев сохранилось предание, будто несчастную дочь Юрия Мнишека утопили в реке.

Претензии Владислава на московский трон. В глазах польского короля Михаил был едва ли не поповичем — вообще человеком далеко не блестящего происхождения. Сигизмунд считал его ребенком, не способным к управлению государством. Он был убежден, что на московский престол этого государя возвела чернь против воли знати. Король открыто говорил о том, что подобное избрание он считает величайшим беззаконием, и поэтому единственным правомочным царем является Владислав. Ведь народ уже присягал ему, а знатнейшие бояре и доныне продолжают звать его в Москву. Во всех неудачах своего сына Сигизмунд винил враждебных ему интриганов. Не будь их, Владислав уже давно носил бы русскую корону и трудился бы над приобщением своей новой державы к семье европейских государств.

Таковы были представления Сигизмунда о России. В том же духе высказывался польский король и при своих свиданиях с Императором Священной Римской империи Матвеем, которого русские выбрали посредником в переговорах с целью прекращения войны с Польшей. Сигизмунд согласился на посредничество Матвея, хотя и сомневаясь в эффективности подобного способа уладить дело. Дипломатические переговоры между сторонами завершились полной неудачей. 6 апреля 1616 г. Сигизмунд заявил, что все его предсказания оправдались. Чего же ждать от этих варваров с неверной душой? — как он называет русских…

Четыре месяца спустя, 23 июля того же года, Сигизмунд объявил императору, что сейм санкционировал войну Речи Посполитой с Москвой.

В среде польской молодежи сразу воцарилось воинственное возбуждение. Цвет ее последовал за Владиславом, который на этот раз сам встал во главе армии.

Королевич пребывал в абсолютной уверенности, что ему придется короноваться в Кремле. Из-за этого он заранее хотел предусмотреть все подробности предстоящего обряда. В отличие от отца, Владислав опасался оскорбить религиозные чувства православных русских людей демонстративным

выполнением в Москве обрядов католического культа. Ему хотелось вступить на царский престол, не афишируя своих вероисповедных симпатий и ничем не омрачая радости своих новых подданных.

6 апреля 1617 г. молодой завоеватель обратился со следующей просьбой в Рим: «Предки мои понимали, какую великую важность имело бы возвращение русских в лоно христианской республики и католической Церкви. Но, по большей части, у них не было средств осуществить это дело. В настоящее время условия действительности слагаются более благоприятным образом для нас. Прежняя династия московских государей прекратилась. Все классы русского общества высказались за мое избрание. Правда, дело сильно затянулось; тем не менее значительное число московских людей и поныне сохраняют мне верность. Вот почему мы решили использовать столь удобный момент. При этом мы надеемся не только расширить границы Польши, но и раздвинуть область христианской республики и распространить католическую веру. Со своей стороны, я спешу выполнить предначертания Промысла и повинуюсь воле моего отца»[1].

Королевич Владислав не понимал, что «поезд давно ушел», возможность воцариться в Москве безвозвратно упущена. В этом нет ничего удивительного. Отец Владислава — Сигизмунд, будучи сам некомпетентным и бездарным политиком и военным деятелем, оказался не в состоянии чему-либо научить своего сына, передать ему какой-либо позитивный опыт. Неспособность одного и другого к долгосрочному логическому анализу, задавленная гордыней интуиция, своеволие при отсутствии устойчивых навыков волевой саморегуляции, неумение занять рефлексивную позицию (метапозицию) на фоне алчности, азарта, беспринципности и отрицания христианских ценностей — вот что препятствовало реально оценить ситуацию.

Владислав знал, что русские, его будущие подданные, преданы ценностям Православия. Королевича, по его убеж-

[1] URL: http://www.sedmitza.ru/text/439745.html.

дению, ожидало коронование в Москве. По этому поводу его будущие подданные могут предъявить некоторые требования, с которыми необходимо заранее считаться. В связи с этим Владислав высказывает категоричное желание, чтобы ему было предоставлено право сообразоваться с обрядами греко-униатской Церкви. Ведь короновать его будет, наверное, епископ-униат; в таком случае королевич примет как бы двойное причастие. Впрочем, допуская, что обряд коронования может совершить, по требованию русских, какой-нибудь православный иерарх, Владислав в этом случае просит папу о разрешении пойти на уступки. Так или иначе, он обращается к нему за советом и указанием.

Однако, по-видимому, в Риме не поняли, какие заманчивые перспективы открывались при такой постановке вопроса. Ответ последовал недвусмысленный: если обряд коронования будет совершать православный иерарх, то мы, заявил папа, воздерживаемся давать какие бы то ни было разрешения или санкции, другое дело, если венчать Владислава на царство будет греко-униат. Его участие папа признавал весьма желательным, причем допускал, чтобы Владислав причастился под обоими видами.

Впрочем, Владиславу так и не пришлось воспользоваться уступками, которые сделал для него Ватикан.

В 1617 г. королевич Владислав с 11 000-м войском двинулся на Москву. Поляки заняли Дорогобуж, Вязьму, но в Калужской и Тверской областях одерживали верх русские войска. В 1618 г. поляки безуспешно старались овладеть Можайском. После этого они двинулись на Москву, где к ним присоединились казаки под начальством Сагайдачного. 1 октября состоялся неудачный штурм Москвы. После столь же неудачного нападения на Троице-Сергиевскую лавру Владислав вступил с русскими в переговоры, которые привели к заключению Деулинского перемирия на 14,5 лет.

Условия перемирия оказались более выгодными для поляков, чем они даже могли рассчитывать. За Польшей остались столь важные укрепленные пункты, как Смоленск, Новгород-

Северский, Чернигов и др. Очевидно, русские были слишком истощены для того, чтобы вести дальнейшую борьбу. Честь обеих сторон была соблюдена. Однако историческая тяжба двух славянских народов была далеко еще не окончена. Владислав же не отказался от своих притязаний на московский престол. Он так никогда и не смог править Россией, однако сохранял за собой титул царя до 1634 г.

Таким образом, некоторое время у Польши имелась возможность создать с Россией союзное государство. Россия в условиях безвластия потеряла устойчивость и была ввергнута в хаос. Существовало несколько альтернативных точек устойчивого равновесия, в каждой из которых с равной вероятностью могла оказаться Россия. Польский царь Владислав — был одной из таких альтернатив. Для добровольного объединения русских с поляками со стороны польского короля требовалось немного — лишь уважение к религиозным чувствам своих потенциальных подданных.

Но данный реальный вариант развития русско-польской истории перечеркнул Сигизмунд III, который был убежденным католиком, что его характеризует положительно, но плохим политиком. Отсутствие у короля необходимого для занимаемого места интеллекта и личностных качеств в дальнейшем породило для Польши множество проблем.

На протяжении истории этой страны можно найти немало выдающихся личностей, способных эффективно решать ее проблемы, но они оказались политическими маргиналами и были отстранены от процессов принятия решений. Для серой, праздной, интеллектуально ограниченной шляхты такие незаурядные люди представляли опасность, поскольку могли лишить ее комфортного существования. Так, великий гетман Жолкевский преподнес Сигизмунду ключи от Кремля и российскую корону, но тот, в силу своих скромных способностей и интеллекта, не смог реализовать открывшиеся перед ним возможности. Остается лишь констатировать факт, что последние 300 лет судьбу Польши определяют не «Жолкевские», а «Сигизмунды».

3.5. Сигизмунд III Ваза

Сигизмунд III Ваза был внуком короля Густава I, основателя династии Ваза. Родился он 20 июня 1566 г. В 21 год Сигизмунд, благодаря стараниям своей тетки Анны Ягеллонки и Яна Замойского[1], был избран польским королем. Приглашая последнего Ягеллона и наследника шведской короны на трон, польская шляхта и аристократия рассчитывали уладить со Швецией территориальные проблемы и получить спорные земли на севере страны.

Однако Сигизмунд III сразу не понравился полякам. Разочаровался в нем и его влиятельный покровитель Ян Замойский. Одним из поводов к раздору между ними послужила Эстония, которую Сигизмунд обещал в договорных пунктах присоединить к Польше, но не исполнил обещания.

Неприязнь к нему со стороны подданных еще больше усилилась, когда, выехав в Ревель (1589) для свидания с отцом, он тайно вступил в переговоры с Эрнестом, герцогом австрийским, и на определенных условиях готов был отречься в его пользу от польской короны.

Главной своей задачей Сигизмунд поставил упрочение в Польше католицизма, уничтожение протестантизма и подавление Православия.

Во внутренней жизни Польши царствование Сигизмунда является началом эпохи разложения государства.

Сигизмунд стремился ограничить права сеймов, преобразовать прежние должности в зависимые от короля чины.

В 1592 г. Сигизмунд женился на дочери эрцгерцога австрийского Карла, внучке Императора Фердинанда I Анне, которая родила в 1596 г. будущего короля — Владислава.

---

[1] Ян Замойский — коронный канцлер (с 1578) и великий коронный гетман (с 1581). Один из инициаторов составления «Генриковых артикулов» (1573), допускавших участие всей шляхты в избрании короля, и «Пакта конвента» (1573). Содействовал избранию на польский престол Стефана Батория. Сыграл важную роль в организации его захватнических походов против Русского государства. Решительный противник Габсбургов, Замойский разбил под Бычиной (1588) и взял в плен претендента на польский престол эрцгерцога Максимилиана. (URL: http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Замойский Ян/.)

После смерти своего отца Юхана III Сигизмунд поехал в Швецию и в 1594 г. короновался шведской короной, но по возвращении в Польшу вынужден был назначить регентом Швеции своего дядю Карла, который, поддерживая протестантизм, приобрел расположение народа.

При втором своем пребывании в Швеции (1598) Сигизмунд оттолкнул от себя многих сторонников. В 1599 г. он был окончательно отстранен от престола, а его дядя объявлен королем под именем Карла IX. Сигизмунд не хотел отказываться от своих прав на шведский престол и вовлек Польшу в 60-летние неудачные для нее войны со Швецией.

Вынашивая планы экспансии на Восток, Сигизмунд поддержал Лжедмитрия I и заключил с ним тайный договор. По воцарении самозванец обещал отдать Польше Чернигово-Северскую землю. После гибели Лжедмитрия I Сигизмунд в 1609 г. вторгся в Россию.

3.6. Русско-польская (Смоленская) война 1632—1634 гг.

Владислав был избран на польский трон 8 ноября 1632 г. и коронован 5 февраля 1633 г., через несколько месяцев после смерти отца. Пользуясь временной неразберихой, связанной с болезнью и смертью короля, царь Михаил Федорович решил вернуть утраченные по Деулинскому перемирию русские земли. В октябре 1632 г. войско под командованием боярина Шеина пересекло восточную границу Речи Посполитой и взяло в осаду Смоленск. Однако время бескоролевья закончилось быстро. Польско-литовской дипломатии удалось спровоцировать в июле 1633 г. набег крымского хана на окраины Московского государства, что заставило многих дворян оставить войско Шеина и отправиться на защиту своих вотчин. Собрав большую армию, Владислав IV в августе 1633 г. блокировал русских под Смоленском и отрезал пути подвоза продовольствия. В начале октября он разгромил Дорогобуж, главную базу снабжения русских войск. Хотя поляки не смогли одержать победу в открытом бою, голод, зимние холода и давление иностранных наемников вынудили

М.Б. Шеина 15 февраля 1634 г. согласиться на почетную капитуляцию. 19 февраля остатки русской армии отступили от Смоленска. По прибытии в Москву М.Б. Шеина обвинили в измене и казнили.

Неудачная двухмесячная осада поляками Белого (на севере Смоленщины) и угроза войны с Османской империей побудили Владислава IV начать мирные переговоры с Михаилом Федоровичем (март 1634). 4 июня в с. Семлево на р. Поляновке был заключен Поляновский мир, подтвердивший в целом условия Деулинского перемирия с двумя изменениями: Речь Посполитая уступила Московскому государству Серпейскую волость, а польский король за 20 тыс. руб. отказался от притязаний на русский престол и признал царем Михаила Федоровича. Предложение о создании русско-польского военно-политического союза (и даже конфедерации) было Москвой отвергнуто.

Вообще личность короля Владислава весьма примечательна, поэтому достойна отдельного рассмотрения.

3.7. Король Владислав Жигмунд Ваза-Ягеллон

«Король царствует, но не управляет»
(с лат.: Rex regnat sed non gubernat).
Именно так, на латинском языке,
впервые употребил это выражение
в польском Сейме великий гетман
Ян Замойский (1541—1605).

В 1632 г. Владислав (Wiadysiaw IV Waza; 1595—1648) был избран королем Польши под именем Владислава Жигмунта Ваза-Ягеллона. По отцу он унаследовал титул короля Швеции. Владислав также претендовал на унаследование титула «король Иерусалимский», но королевство Иерусалимское не существовало уже несколько веков.

Его титул был самым длинным из всех титулов королей Польши и звучал на латыни следующим образом: «*Vladislaus*

Quartus Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lithuaniae, Russiae, Prussiae, Masoviae, Samogitiae, Livoniaeque, necnon Suecorum, Gothorum, Vandalorumque haereditarius rex, electus magnus dux Moschoviae.

Что в переводе на русский означает: *Владислав IV, милостью Божьей король Польши, великий князь Литовский, Русский, Прусский, Мазовецкий, Самогитский, Ливонский, а также наследный король шведов, готов, вендов, избранный великий князь Московский*»[1].

Владислав пользовался титулом «король Швеции», тем не менее Швеция никогда не была под его властью, и он сам никогда не ступал на ее территорию. Однако он не оставлял попыток отвоевать себе шведский трон, но, как и его отец, безрезультатно.

Внутри страны он пытался усилить королевскую власть, но этому активно сопротивлялась шляхта, не желавшая отказываться от привилегий. Владислав сталкивался с постоянными трудностями, вызванными стремлением Сейма контролировать королевскую власть. Шляхта смотрела на агрессивные устремления Владислава как на средство усилить позиции короля во время войны. И поскольку войны, по существу, не прекращались, то эти опасения не были напрасными.

Чтобы защитить свои позиции на Балтике, король стремился построить флот Речи Посполитой, но и этот его план к успеху не привел.

Несмотря на поддержку веротерпимости в стране, он не сумел разрешить конфликт, возникший вследствие Брестской унии.

Владислав был по натуре амбициозен и мечтал достичь большой славы при помощи завоеваний соседних с Речью Посполитой земель. В разное время он имел виды на возвращение ему шведской короны, захват русского трона и даже на завоевание всей Оттоманской империи. Он мог убедить казаков выступить на его стороне, но при недостаточной

[1] URL: http://nobhist.narod.ru/poland.html. *Россолак М.* Król, książę, król i car, Introduction to Władysław IV Wasa, Władcy Polski, P. 3.

поддержке шляхты и иностранных союзников эти попытки неизменно проваливались, часто выливаясь в ненужные приграничные войны, что, в конечном счете, стало фатальным для государства. Некоторые историки утверждают, что Владислав имел вспыльчивый характер и, разозлившись, мог мстить, не задумываясь о последствиях. Например, когда протестантская часть шляхты заблокировала его планы войны со Швецией в 1635 г., король начал вести прогабсбургскую политику, посылать им военную помощь и в итоге женился на эрцгерцогине Цецилии Ренате.

Этот польский король постоянно строил множество планов. Он хотел захватить Силезию, Ливонию, присоединить герцогство Прусское, создать собственное наследное княжество и т. д. Часть из этих планов имела реальные шансы на успех, но, ввиду разного рода неудач либо по объективным обстоятельствам, практически ничего не произошло так, как им замышлялось.

Владислав умер в 1648 г.

Через несколько лет после его смерти посольство Московской Руси потребовало, чтобы все письменные свидетельства о победах Владислава IV в Смоленской войне были собраны и сожжены. В конце концов, после больших споров, это требование оказалось принято. Польский историк Мацей Росалак (Maciej Rosalak) писал: «В царствование Владислава IV такое позорное событие никогда бы не могло произойти»[1].

Будучи сам католиком, король проявлял достаточную веротерпимость и не поддерживал агрессивную политику Контрреформации. Хотя Владислав и пытался играть на борьбе религиозных течений, поддерживая то одну, то другую сторону в целях усиления собственной власти, но тем не менее в целом он был одним из самых толерантных монархов своего времени.

Царствование Владислава IV можно назвать последней стабильной эпохой в истории королевской Польши. В резуль-

[1] *Россолак М.* Król, książę, król i car, Introduction to Władysław IV Wasa, Władcy Polski, P. 3.

тате борьбы за Украину и вторжения Швеции Речь Посполитая оказалась ввергнутой в войну и анархию.

Сигизмунд III Ваза
(20 июня 1566 — 30 апреля 1632)

Король Владислав
Жигмунд Ваза-Ягеллон
(9 июня 1595 — 20 мая 1648)

Отец и сын — Сигизмунд III и Владислав IV — разные по характеру и темпераменту люди. Отец — «упертый», не способный на компромисс католик. Сын — веротерпимый, готовый идти на компромисс политик. Даже внешне они различаются: Сигизмунд — худощавый, желчный аскет; Владислав — покровитель искусств, меценат, гедонист, страдающий избыточным весом.

При этом в политике они одинаково непоследовательны, не в состоянии отделить главное от второстепенного. Обоим часто недоставало здравого смысла при постановке целей, например, оба пытались решить нерешаемую задачу — подчинить себе протестантскую Швецию. Как у отца, так и у сына отсутствовала политическая воля, в частности, в деле обеспечения управляемости государства. Так, Сигизмунд одержал верх при рокоше Зебжидовского и никак не воспользовался

этой победой. Оба были отягощены множеством титулов, легитимность которых требовалось доказать.

Однако этому не стоит удивляться. Власть короля была выборной, поэтому сколь-нибудь значимая личность не имела шансов взойти на престол. Шляхта не допустила бы.

3.8. Восстания в Речи Посполитой

Речь Посполитая была мощной региональной державой. В свое время по значению она не уступала Священной Римской империи Фридриха Барбароссы или имперской Швеции. Как известно, на территориях обширных государств, объединяющих множество народов разной веры и мировоззренческих ценностей, всегда возникают конфликты, нередко перерастающие в кровавые восстания. Были такие восстания и на просторах Речи Посполитой. Эти восстания являлись следствием неразумной внутренней политики польских королей и также способствовали распаду страны.

История этих восстаний не знает благородства и снисхождения к проигравшим. Здесь не было возвращения шпаг побежденным лидерам восставших, массовых амнистий, визитов императора к вождям повстанцев с вестью об их освобождении, дорогих подарков проигравшим, высоких титулов, дарованных повстанцам, предложений принять присягу верности монарху (как это было в России — русскому императору), что всегда с благодарностью принималось. Зато известны невероятная жестокость, средневековые пытки и чудовищные казни, массовые преступления против мирных граждан и множество других кровавых и мрачных деяний, сопутствовавших восстаниям в Речи Посполитой.

Рассмотрим коротко их историю.

Первоначально присоединение западных и юго-западных русских княжеств к Литве не приводило к существенному изменению в административной системе, хозяйствовании и вероисповеданиях и потому происходило мирно. Этим обстоятельством и объясняется бесконфликтный процесс слияния русских и литовских земель. Многие

литовские князья исповедовали Православие, хотя большинство литовцев вплоть до 1386 г. оставались язычниками. В связи с этим не существовало препятствий для совершения православных обрядов среди славянского населения, которое составляло большинство населения Великого княжества Литовского. Князь Гедиминас первым объявил себя «правителем Литвы и Руси». Русинский (русины — восточные славяне) язык стал официальным языком Великого княжества Литовского и использовался в делопроизводстве. Существовала практика заключения договоров («рядов») с литовскими князьями, согласно которым русинские землевладельцы принимали участие в выборе и назначении наместника, происходившего из местных землевладельцев. При Гедиминовичах Православная Церковь пользовалась особой поддержкой и привилегиями. Так, Киевский князь Владимир Ольгердович был щедрым жертвователем в пользу Печорского монастыря.

К середине XIV в. в состав Великого княжества Литовского входили все русинские земли, принадлежавшие Киевской Руси, за исключением Галиции.

Таким образом, Литва вполне реально могла выполнить миссию Московского княжества — собрать все русские земли, но этого не случилось. В 1385 г. в городе Крево литовский князь Ягайло после венчания с 12-летней польской принцессой Ядвигой подписал соглашение, по которому принял на себя обязательство обратить все Великое княжество Литовское в католическую веру, а также отбить захваченные Тевтонским орденом польские земли.

Такое радикальное решение не могло не вызвать противодействия в Литве, ряд князей выступили против политики окатоличивания и централизации. Среди них наиболее яркой фигурой был литовский православный князь Свидригайло Ольгердович (лит. *Švitrigaila*, польск. *Świdrygiełło*; ок. 1355—1452). Тем не менее династия Ягеллонов отличалась толерантностью, что обеспечило гармоничное развитие государства на долгие годы без каких-либо серьезных потрясений.

В 1569 г. в Люблине был созван Сейм, где была одобрена программа объединения двух государств — Великого княжества Литовского и Польши в единую Речь Посполитую.

Постепенно в рамках нового государства началось подчинение русинов Малой и Белой Руси польским феодалам, но при этом темпы окатоличивания и полонизации местного населения продолжали оставаться низкими.

Все изменилось с приходом к власти в Польше католического фанатика и активного проводника Контрреформации Сигизмунда III. Король не разбирался в тонкостях социальных отношений в многонациональной и многоконфессиональной Польше, поэтому принялся форсировать процессы обращения в католичество и полонизации русских.

Сигизмунд III видел в унии Католической и Православной Церквей путь консолидации всего государства под крылом единого духовного пастыря, римского папы. Когда же уния стала фактом, польские власти немедленно признали униатскую Церковь единственной легитимной духовной властью на русинских землях. В 1596 г. в Бресте была заключена уния между Католической и Православной Церквями Речи Посполитой. По условиям соглашения Православная Церковь Речи Посполитой признавала верховенство папы и ряд католических догматов, сохранив за собой неизменность православных таинств и обрядов.

Одновременно с собором, на котором заключалась уния, в том же Бресте состоялся собор противников унии. Каждый из соборов предал своих противников анафеме. Брестские унии положили начало кровавым столкновениям, продолжавшимся вплоть до исчезновения Речи Посполитой с карты Европы в конце XVIII в.

Подготовка и реализация Брестской унии вызвала и массовые нарушения прав православных граждан Речи Посполитой, а главное — православной шляхты, казаков и духовенства.

События, предшествующие Брестской унии. Во 2-й половине XVI в. в Киевской митрополии сложилась кризис-

ная ситуация. Злоупотребление правом патроната со стороны властей привело не только к значительному материальному оскудению Православной Церкви в западнорусских землях, но и к духовно-нравственному упадку высшего духовенства. Это происходило потому, что епископы и настоятели монастырей в большинстве случаев назначались королем без учета их духовных качеств. Пожалование совершалось чаще всего как награда за службу монарху или просто в силу покупки церковной должности. Внешняя среда в Речи Посполитой не могла не сказаться на моральном состоянии духовенства.

Духовно-нравственная несостоятельность иерархии стала причиной упадка внутрицерковной жизни, что вызывало недовольство мирян. Сохранились многочисленные свидетельства того, что архиереи, архимандриты и игумены монастырей вели себя неподобающим для облеченных священным саном лиц образом. Многие представители высшего духовенства отличались откровенно аморальным образом жизни: будучи лицами монашеского звания, не скрывали своих жен или наложниц, совершали другие предосудительные поступки.

В грамоте к митрополиту Онисифору Девочке от 1585 г. галицко-русская православная шляхта упрекала своего первоиерарха за то, что при его попустительстве моральный уровень высшего духовенства Киевской митрополии упал до предельно низкой отметки. Негодуя по этому поводу, шляхтичи отмечали: «В монастыре честных вместо игуменов и братьи игумены с жонами и с детьми живут, и церквами святыми владеют и радят; с крестов великих малые чинят, и с того, што было Богу к чти и к хвале подано, с того святокрадьство учинено, и собе поясы, и ложки, и сосуды злочестивые к своим похотям направуют, и з риз Саяны, с патрахилев Брамы»[1].

«Негодные ся в такий великий стан епископский совершают и, к поруганью закону святого, на столицы епископлей с жонами своими кром всякого встыду живут и детки плодят. И иных, и иных, и иных бед великих и нестроения

[1] Акты, относящиеся к истории Западной России. — СПб., 1848. — Т. 3. № 146.

множество!»[1] — указывали в своей грамоте православные шляхтичи из Галиции.

В период подготовки Брестской унии открыто жили с женами епископы Холмский Дионисий Збируйский, Пинский Леонтий Пелчицкий, Перемышльский Михаил Копыстенский[2]. Вооруженные набеги на монастыри, имения и даже целые города, совершаемые архиереями во главе военных отрядов, были обычным явлением. Так, епископ Феодосий Лозовский штурмом овладел Владимиром-Волынским, чтобы отнять епархию у другого соискателя — Ивана Борзобогатого-Красненского[3].

В разное время насильственно захватывали Жидичинский монастырь епископ Луцкий Иона (Иван Борзобогатый-Красненский)[4] и епископ Львовский Гедеон Балобан[5]. Борзобогатый за свои бесчинства даже был подвергнут королем баннации. Епископ Луцкий Кирилл Терлецкий с целью возвращения в состав епархиальных владений замка Жабче взял его штурмом и подверг разграблению, в результате чего множество людей погибло или подверглось насилию[6]. Происходив-

---

[1] Акты, относящиеся к истории Западной России. — СПб., 1851. — Т. 4. № 33.

[2] *Левицкий Д.* Извлечения из документов, относящихся ко времени епископов Владимиро-Волынских Иоанна Борзобогатого-Красненского и Феодосия Лазовского (1563—1565) // Волынские епархиальные ведомости. 1872. № 6—7; *Площанский В. М.* Прошлое Холмской Руси по архивным документам XV—XVIII вв. и другим источникам. Ч. 1. — Вильна., 1899. — С. 163—164.

[3] Архив Юго-Западной России. Ч. 1. Т. 1. — Киев, 1859. — № 25—29, 31, 34, 40, 41, 46.

[4] Акты, относящиеся к истории Западной России. — СПб., 1851. — Т. 4. № 5.

[5] Архив Юго-Западной России. Ч. 1. Т. 1. — Киев, 1859. — № 44, 49, 51, 52.

[6] Наиболее резко моральный облик Кирилла Терлецкого рисует «Перестрога» (Акты, относящиеся к истории Западной России. — СПб., 1851. — Т. 4. № 149). О магнатском образе жизни Кирилла Терлецкого наглядно свидетельствует опись его архива и движимого имущества (см.: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссиею. Т. 1. — СПб., 1863. — № 218). Подробную характеристику Терлецкого см.: *Левицкий О.* Кирилл Терлецкий, епископ Луцкий и Острожский // Памятники русской старины в Западных губерниях. Т. 8. — СПб., 1885; *Левицкий О.* Южнорусские архиереи XVI и XVII столетий // Киевская старина. 1882. № 1.

ший из небогатой шляхетской семьи Терлецкий, став епископом, вел вельможный образ жизни. Он постоянно содержал при себе обширный штат слуг, многочисленную вооруженную охрану и даже несколько пушек[1]. В то же время он славился своим весьма предосудительным поведением: по его приказу совершались разбойные нападения на соседние имения, грабежи и убийства. В 1594 г. во Владимиро-Волынском суде разбиралось дело о надругательстве епископа Кирилла Терлецкого над девушкой-крестьянкой[2].

Кризис в среде высшего духовенства стал причиной появления в Западной Руси феномена православных братств. В условиях, когда духовно слабая иерархия не заботилась должным образом о развитии церковной жизни, именно братства и православные магнаты приняли на себя попечение о тех сферах жизни Киевской митрополии, которые не исполняли епископы. Прежде всего, это касалось развития издательского и школьного дела и социального служения. Развитие активности мирян Православной Церкви Западной Руси привело к значительному оживлению церковной жизни и подъему православной культуры: развивались духовная литература и книгопечатание, создавались крупные братские и магнатские школы.

Развитие активности мирян Православной Церкви Западной Руси закономерно влекло за собой возникновение конфликта между высшим духовенством и мирянами, прежде всего — братствами, в деятельности которых епископы видели покушение на свои канонические права и даже влияние идей протестантизма. Между тем нельзя утверждать, что православные братства Речи Посполитой выходили в своих действиях за рамки канонов Православной Церкви. Не желая зависеть от нравственно недостойных иерархов, братства тем не менее не доходили в своем противостоянии с ними до отрицания канонического строя Православной Церкви и отвер-

[1] Архив Юго-Западной России. Ч. 1. Т. 1. — Киев, 1859. — № 94—100.

[2] *Дмитриев М. В.* Между Римом и Царьградом: генезис Брестской церковной унии 1595—1596 гг. — М., 2003. — С. 113—118.

жения иерархии как таковой. В качестве альтернативы епископской юрисдикции братчики считали возможным переход через право ставропигии[1] в прямое подчинение верховному Первоиерарху, каковым для Киевской митрополии в то время являлся Патриарх Константинопольский.

Патриарх Константинопольский Иеремия II с пониманием отнесся к позиции братств. Во время пребывания в Речи Посполитой Иеремия II встал на сторону Львовского братства в его конфликте с епископом Гедеоном Балобаном и утвердил ставропигиальные права Львовского и Виленского братств. Патриарх также сместил с кафедры митрополита Киевского Онисифора Девочку, обвиненного в двоеженстве, и заменил его на митрополии Михаилом Рагозой.

Действия Патриарха Иеремии привели в раздражение западнорусских архиереев. После приезда Патриарха Иеремии в Речь Посполитую западнорусские архиереи впервые начинают проявлять активность в направлении проведения преобразований в Киевской митрополии. Цель последних, однако, заключалась не в оздоровлении церковной жизни, а в сохранении и укреплении своего влияния в Церкви в противовес православным братствам и магнатерии. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что намеченная епископатом на соборе в Бресте в 1590 г. программа церковных реформ обсуждалась и разрабатывалась втайне от мирян[2]. При этом меры, предлагавшиеся архиереями для упорядочения церковной жизни, были способны не столько помочь духовному развитию православного общества, сколько ужесточить в нем дисциплину[3]. Едва ли со стороны епископов мог быть действенным и протест против злоупотребления королевской власти правом патроната, который на Брестском соборе 1591 г. архиереи выра-

[1] Ставропигия — статус, присваиваемый православным монастырям, лаврам и братствам, а также соборам, делающий их независимыми от местной епархиальной власти и подчиненными непосредственно патриарху или синоду.

[2] Акты, относящиеся к истории Западной России. — СПб., 1851. — Т. 4. № 25.

[3] *Петрушко В.И.* Проект создания униатского патриархата в Речи Посполитой в XVI в. и его возможное влияние на учреждение Московского Патриархата // Церковь и время. 2006. № 3 (36). С. 91—97.

зили совместно с представителями мирян: ведь большинство иерархов того периода было поставлено на кафедры именно в соответствии с правом патроната.

В то же время нельзя говорить о единой позиции епископата по данному вопросу на момент начала переговоров об унии. Например, митрополит Михаил Рагоза в 1590 г. стоял на стороне православных братств, что вполне объясняет его отсутствие среди первых инициаторов заключения унии — епископов Кирилла Терлецкого, Гедеона Балобана, Леонтия Пелчицкого и Дионисия Збируйского[1].

Первый документ, свидетельствующий о намерении епископов заключить унию с Римом, — так называемая Декларация от 24 июня 1590 г. Вопрос о его появлении до сих пор нельзя считать полностью доказанным. Косвенным свидетельством тому может считаться книга иезуита Петра Скарги «О единстве Церкви Божией», написанная в 1574 г., а также проект создания униатского патриархата на территории Речи Посполитой в случае переезда сюда Патриарха Иеремии, который разрабатывался в 1580-х гг.[2].

В Декларации от 1590 г.[3] западнорусские епископы заявляли о готовности признать папу Римского главой Церкви на условиях сохранения восточного обряда и канонического права. При этом в тексте Декларации также отмечалось намерение епископов выработать «артикулы», то есть утвержденные королем Сигизмундом III условия, на которых они согласились бы заключить унию с Римом. Обращает на себя внимание тот факт, что в Декларации вообще нет никаких упоминаний о догматических расхождениях между Православной и Католической Церквями и способе их преодоления при заключении унии.

Таким образом, можно полагать, что идея заключения унии, тайно высказанная архиереями Киевской митрополии в

---

[1] Акты, относящиеся к истории Западной России. — СПб., 1851. — Т. 4. № 25.

[2] Опубликовано в: Антиризис, или апология против Христофора Филалета // Российская историческая библиотека. Т. 19. — СПб., 1903. — Стб. 620—622.

[3] *Макарий (Булгаков), митрополит*. История Русской Церкви. Кн. 5. — М., 1996. — С. 283—284.

1590 г., не носила характера перемены в их религиозном сознании. Скорее она рассматривалась ими как один из вариантов решения проблемы сохранения своей власти в Православной Церкви Речи Посполитой в условиях противостояния с братствами и активного администрирования Константинопольского Патриарха в Киевской митрополии, что угрожало недостойным иерархам низложением.

В 1591 г. наметилось некое сближение прежде враждовавших сторон — высшего духовенства и братчиков-мирян, что позволяло надеяться на примирение епископов и мирян, которые, проявляя терпимость друг к другу, могли, наконец, начать совместную работу по выведению Киевской митрополии из кризиса. Однако в начале 1591 г. архиерейский замок Терлецкого в Луцке в отсутствие самого епископа Кирилла подвергся нападению и разграблению со стороны Луцкого войска Ждана Боровицкого. Затем в мае-июне того же года против Терлецкого организовал целую череду насильственных акций луцкий староста Александр Семашко — перешедший в католичество выходец из западнорусского магнатского рода. Терлецкий не только претерпел большое унижение и понес значительный материальный ущерб по вине Семашко, но и стал объектом судебного разбирательства, так как староста инициировал против него несколько дел. В мае 1591 г. Семашко также совершил разорительный набег на принадлежавший в то время епископу Львовскому Гедеону Балобану Жидичинский монастырь. Сходные события произошли и в Турово-Пинской епархии, где в октябре-ноябре 1591 г. люди литовского маршалка князя Альбрехта Радзивилла дважды нападали на имение, принадлежавшее епископу Леонтию Пелчицкому[1].

Складывается впечатление, что все эти недружелюбные действия в отношении православных епископов, подписавших Декларацию 1590 г. (и пока еще не обнародованную![2]), должны

[1] Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — начале XVII в. Ч. I. Брестская уния 1596 г. Исторические причины события / Отв. ред. Флоря Б. Н. — М., 1996. — С. 134.

[2] Акты, относящиеся к истории Западной России. — СПб., 1851. — Т. 4. № 25.

были вновь вернуть их к мысли о необходимости заключить унию, чтобы обезопасить себя и свои владения благодаря поддержке Рима и королевской власти.

Таким образом, примирение между епископатом и братствами, которое могло бы способствовать выходу Киевской митрополии из кризиса, так и не состоялось. Возможно, что причиной этого стало не только оказанное на архиереев давление, но и предание огласке их новых недостойных деяний.

Грамота о намерении православных архиереев перейти в унию была передана королю Сигизмунду III вскоре после написания грамоты Львовского братства Патриарху Иеремии. Данный шаг явился реакцией иерархов на стремление братств провести собор с целью низложения недостойных епископов[1]. 18 марта 1592 г. король подписал грамоту, в которой он объявлял, что поддерживает униатское начинание архиереев, берет их под свое покровительство и гарантирует им неприкосновенность кафедр и имений[2].

В 1592 г. западнорусские епископы более не предпринимали никаких действий в направлении заключения унии и даже не утвердились окончательно в своем намерении ее заключить.

В 1593 г. на Владимиро-Волынской кафедре епископа Мелетия Хребтовича сменил Ипатий Поцей, настроенный в пользу заключения унии. Однако мотивы, по которым Ипатий стремился заключить унию с Римом, радикально отличались от тех, какими руководствовались в своих униатских устремлениях другие западнорусские архиереи[3]. В отличие от большинства других епископов Киевской митрополии это был лично весьма достойный и образованный человек, что признавали даже его противники,

---

[1] Текст см.: стб. 1133—1137: Апокрисис // Российская историческая библиотека. Т. 7. — СПб., 1882 (Памятники полемической литературы в Западной Руси. Т. 2).

[2] *Левицкий О.* Ипатий Потей, киевский униатский митрополит // Памятники русской старины в западных губерниях. Т. 8. — СПб., 1885. — С. 342—347; *Трипольский Н.* Униатский митрополит Ипатий Потей. — Киев, 1878.

[3] Русская историческая библиотека. Т. 7. — СПб., 1882 (Памятники полемической литературы в Западной Руси. Т. 2). — Стб. 111—168.

Поцей был искренне озабочен кризисом в Православной Церкви Речи Посполитой и стремился принять деятельное участие в поиске выхода из создавшегося положения. Ради этой цели он отказался от положения влиятельного магната, обладавшего местом в сенате, и стал православным епископом Владимирским и Брестским, что несколько снижало его социальный статус, который, впрочем, все равно оставался достаточно высоким. В то же время Поцей, вероятно, не слишком глубоко разбирался в особенностях православного вероучения и не осознавал в полной мере степени его отличия от католицизма[1].

На церковную жизнь Киевской митрополии Поцей смотрел скорее как на нечто, имеющее скорее внешнее, формальное проявление, и пути ее нормализации он видел, прежде всего, в наведении порядка. Посттридентский католицизм с его мощной, мобилизованной на противостояние Реформации и хорошо организованной структурой в этом плане представлялся ему образцовой моделью церковной жизни[2].

Из всех православных архиереев — инициаторов заключения Брестской унии — один лишь епископ Владимирский и Брестский Ипатий Поцей действовал в данном направлении, исходя из религиозных мотивов. Очевидно, что именно образованный Поцей играл в деле подготовки унии решающую роль «интеллектуального центра», тогда как энергичный, но малосведущий в вопросах вероучения Терлецкий был скорее лишь организатором самого процесса, направленного на заключение унии.

Остальные архиереи в деле устроения унии в целом выказали себя довольно пассивными участниками этого процесса. Причины, по которым они примкнули к числу сторонников унии, как и в случае Терлецкого, лежали вне плоскости

---

[1] Акты, относящиеся к истории Западной России. — СПб., 1851. — Т. 4. № 56, 63.

[2] *Журавлев А.Л.* «Социально-политическая зрелость»: попытка обосновать понятие // Феномен и категория зрелости в психологии. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН». — С. 198—221.

собственно религиозных проблем, а были связаны с различными конфликтными ситуациями в церковной среде (прежде всего между архиереями и влиятельными мирянами или же внутри епископата), которые епископы намеревались разрешить благодаря заключению унии. Это подтверждается и их, в целом, весьма равнодушным отношением к делу организации церковной жизни на началах унии после Брестского собора 1596 г., в чем проявил активность опять же лишь Ипатий Поцей. Проблема выхода из кризиса и приведения в порядок дел Киевской митрополии, равно как и вопрос о пресечении перехода русинов в латинство и протестантизм, являются для него более важными, чем сохранение восточной богословской традиции. В последнем вопросе он был готов идти на существенные уступки католицизму при условии сохранения внешних форм восточной обрядности и канонического устроения в униатской Киевской митрополии. В то же время Поцей в процессе подготовки унии полностью игнорировал ситуацию, сложившуюся в Киевской митрополии накануне Брестского собора 1596 г. Ипатий не мог не сознавать, что к этому времени сообщество православных русинов оказалось поляризованным — в нем полностью оформился раскол по вопросу об отношении к унии, и противники последней составляли большинство.

Таким образом, Брестская уния явилась следствием желания погрязших в грехах православных иерархов обеспечить свою безопасность. В итоге раскол сыграл оздоровительную роль для западного Православия, в результате произошло его очищение. Коррумпированное и криминальное духовенство ушло в униаты, а в Православной Церкви осталось все здоровое и истинное. В последующем православное духовенство совершенствовалось благодаря окружающей агрессивной среде, а среди униатского духовенства, находящегося в комфортных условиях, продолжились процессы духовного разложения. Агрессивная среда постепенно вытесняла из Православия шляхту и магнатов. К временам Екатерины II православного дворянства и аристократии на территории

Речи Посполитой практически не осталось. Доказательством тому служит неудачная попытка создания императрицей православной конфедерации на территории Польши. Основу православных приходов составляли крепостные крестьяне. Невыносимо жестокая эксплуатация и постоянное унижение религиозных чувств и человеческого достоинства крестьян создавали благоприятную среду для народных восстаний, а детонатором этих восстаний всегда были казаки.

Православные восстания в Речи Посполитой. Сигизмунд III, способствующий подписанию Брестской унии, сам того не подозревая, запустил еще один мощный механизм саморазрушения государства. Идея неограниченной либерализации и раскол общества по религиозному принципу не дали Польше ни единого шанса остаться мощной региональной державой. Развал Речи Посполитой отныне был неизбежен.

Процесс подготовки к подписанию Брестской унии и собственно ее подписание сопровождались народными волнениями, к наиболее крупным из них относятся:

1591—1593 гг. Под руководством украинского шляхтича Кристофа Коссинского восставшие захватили города Белая Церковь, Триполье, Переслав, Богуслав и осадили Киев;

1594—1596 гг. Под руководством казацкого атамана Северина Наливайко восставшие овладели Слуцком, Бобруйском, Могилевом и др. Лишь в мае 1596 г. польским войскам удалось подавить восстание. Наливайко был казнен в Варшаве 1 (11) апреля 1597 г.

Далее в Речи Посполитой восстания полыхали без перерыва вплоть до ее гибели.

В **1620 г.** казаки участвовали в грандиозной битве под Хотином. Вместе с поляками они полностью разгромили турецкую армию. Польские войска насчитывали 57 тысяч человек, а казацкие — 40 тысяч. После битвы поляки потребовали, чтобы 37 тысяч казаков было возвращено в крестьянское сословие. Казаки взбунтовались. Восстание было жестоко подавлено под руководством коронного гетмана Станислава Конецпольского.

В **1630 г.** произошло восстание под руководством Тараса Трясило. В результате этого восстания полякам пришлось пойти на уступки, численность реестровых казаков была увеличена до 8 тысяч человек. Позднее самого Трясило казнили в Варшаве.

В **1635 г.** запорожские казаки осадили крепость Кодак, построенную поляками рядом с первым Кодачкиным порогом Днепра, взяли ее штурмом, перебили гарнизон, зарезали ее коменданта, а саму фортецию разрушили. Глава восстания, запорожский гетман Сулема, обманом был захвачен поляками, вывезен в Варшаву и четвертован.

11 октября **1637 г.** атаман Карпо Павлюк призвал казачество выступить против «неприятелей народа русского, христианства и древней греческой веры». 6 декабря в бою под Кумейками казаки потерпели поражение. Оставшиеся повстанцы в местечке Боровица были окружены поляками и оказали им отчаянное сопротивление. Поляки вынуждены были пойти на переговоры, пообещали осажденным свободу, но обещание не сдержали. В результате Павлюка и нескольких старшин схватили и отправили в Варшаву, где при большом стечении народа с особой жестокостью казнили с соблюдением всех обрядов дикого средневековья. Вот как Н. Гоголь в повести «Тарас Бульба» описывает подобные казни:

«Площадь, на которой долженствовала производиться казнь, нетрудно было отыскать: народ валил туда со всех сторон. В тогдашний грубый век это составляло одно из занимательнейших зрелищ не только для черни, но и для высших классов. Множество старух, самых набожных, множество молодых девушек и женщин, самых трусливых, которым после всю ночь грезились окровавленные трупы, которые кричали спросонья так громко, как только может крикнуть пьяный гусар, не пропускали, однако же, случая полюбопытствовать. “Ах, какое мученье!” — кричали из них многие с истерическою лихорадкою, закрывая глаза и отворачиваясь; однако же простаивали иногда довольное время. Иной, и рот разинув, и руки вытянув вперед, желал бы вскочить всем на головы, что-

бы оттуда посмотреть повиднее. Из толпы узких, небольших и обыкновенных голов высовывал свое толстое лицо мясник, наблюдал весь процесс с видом знатока и разговаривал односложными словами с оружейным мастером, которого называл кумом, потому что в праздничный день напивался с ним в одном шинке. Иные рассуждали с жаром, другие даже держали пари; но большая часть была таких, которые на весь мир и на все, что ни случается в свете, смотрят, ковыряя пальцем в своем носу... Крыши домов были усеяны народом. Из слуховых окон выглядывали престранные рожи в усах и в чем-то похожем на чепчики. На балконах, под балдахинами, сидело аристократство. Хорошенькая ручка смеющейся, блистающей, как белый сахар, панны держалась за перила. Ясновельможные паны, довольно плотные, глядели с важным видом. Холоп, в блестящем убранстве, с откидными назад рукавами, разносил тут же разные напитки и съестное. Часто шалунья с черными глазами, схвативши светлою ручкою своею пирожное и плоды, кидала в народ. Толпа голодных рыцарей подставляла наподхват свои шапки, и какой-нибудь высокий шляхтич, высунувшийся из толпы своею головою, в полинялом красном куштуне с почерневшими золотыми шнурками, хватал первый с помощию длинных рук, целовал полученную добычу, прижимал ее к сердцу и потом клал в рот. Сокол, висевший в золотой клетке под балконом, был также зрителем: перегнувши набок нос и поднявши лапу, он со своей стороны рассматривал также внимательно народ. Но толпа вдруг зашумела, и со всех сторон раздались голоса: “Ведут... ведут!.. козаки!..”

Палач сдернул с него ветхие лохмотья; ему увязали руки и ноги в нарочно сделанные станки, и... Не будем смущать читателей картиною адских мук, от которых дыбом поднялись бы их волоса. Они были порождение тогдашнего грубого, свирепого века, когда человек вел еще кровавую жизнь одних воинских подвигов и закалился в ней душою, не чуя человечества. Напрасно некоторые, немногие, бывшие исключениями из века, являлись противниками сих ужасных мер. Напрасно король и многие рыцари, просветленные умом и душой, пред-

ставляли, что подобная жестокость наказаний может только разжечь мщение козацкой нации. Но власть короля и умных мнений была ничто перед беспорядком и дерзкой волею государственных магнатов, которые своею необдуманностью, непостижимым отсутствием всякой дальновидности, детским самолюбием и ничтожною гордостью превратили сейм в сатиру на правление. Остап выносил терзания и пытки, как исполин. Ни крика, ни стону не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на руках и ногах кости, когда ужасный хряск их послышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями, когда панянки отворотили глаза свои, — ничто, похожее на стон, не вырвалось из уст его, не дрогнулось лицо его»[1].

А.С. Пушкин в своих размышлениях о «Собрании сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского», опубликованного в первом номере журнала «Современник», также повествовал о расправе поляков с повстанцами[2].

Справедливости ради следует отметить, что Польша по дикости мало чем отличалась от просвещенной Европы. В то время, когда в России указом императрицы Елизаветы Петровны была отменена смертная казнь, в светском европейском обществе считалось прямо bon ton присутствовать при знаменитых казнях. «Сливки общества» платили баснословные деньги за аренду комнат, окна которых выходили на место казни. У этих окон в продолжение многих часов возлежали знатные дамы. В частности, m-me Севинье присутствовала в качестве зрительницы на всех пытках и казнях. Когда к

---

[1] «21 февраля 2007 г. Музей Любуской земли в польском городе Зелена-Гура открыл новую постоянную экспозицию. С 22 февраля посетители могут побывать в Музее пыток, который представит самое полное в Польше собрание орудий для наказаний со времен средневековья до наших дней, — пишет Turystyka.wp.pl.

Музей расположен в подвале и занимает площадь 200 кв. м. В его коллекции представлены экспонаты, связанные с судопроизводством на территории Нижней Силезии. Особое место занимают инструменты, использовавшиеся на так называемых процессах над ведьмами, которые происходили в Зелена-Гуре. Среди экспонатов — протоколы процессов, позорные маски — в виде морды осла или свиньи — и многое другое». (Перевод Travel.ru.)

[2] *Куняев С.* Шляхта и мы. — М.: Наш Современник. 2005.

плахе вели печально известную маркизу Бренвиллье, вокруг нее толпилось столько представителей высшего общества, что шествие долгое время не могло продвинуться вперед.

Казни являлись для европейской публики изощренным возбуждающим действом. Аристократия в арендованных комнатах с видом на площадь, где совершалась казнь, устраивала самые бесстыдные оргии с шампанским и фруктами, а чернь после кровавого зрелища насиловала женщин и штурмом брала дома терпимости[1].

Обычно сожжения совершались на главных площадях городов во время религиозных праздников. Так рекомендовали профессора богословия[2]. В связи с чем для создания атмосферы праздника-карнавала осужденным на смерть изготовляли шутовские наряды. Нередко костры поджигали особы королевских кровей.

В начале **1638 г.** вновь избранный гетман Яцко Острянин объявил, что идет на войну для «освобождения народа православного». После нескольких удачных сражений казаки были разбиты. Острянину с частью войска удалось скрыться в России. Другая часть повстанцев во главе с Дмитро Гуней засела в Жовнине и продолжила сопротивление. В результате восставшими было заключено соглашение с поляками. Несогласные с перемирием во главе с Гуней бежали в Сечь.

Последствия этого восстания оказались тяжелыми. Белгородский воевода доносил в Москву: «Их (казаков) крестьянскую веру нарушают и церкви божие разрушаются, и их побивают и жен их и детей, забирая в хоромы, пожигают и пищальное зелье, насыпав им в пазуху, и сосцы у жен их резали, и дворы их и всякое строение разоряли и пограбили»[3].

«Поляки совершали тогда ужасные варварства. Самуил Лащ, коронный стражник (блюститель пограничных областей), обрезал людям носы и уши, отдавал девиц и женщин на поругание своим солдатам, и в первый день пасхи 1639 г., в ме-

[1] *Фукс Э.* Иллюстрированная история нравов. Кн. 1—3. — М.: Республика, 1993.

[2] *Шпренгер Я., Институрис Г.* Молот ведьм. — М.: Амфора, 2006.

[3] *Соловьев С.М.* История России с древних времен. Кн. V. — С. 536.

стечке Лысянки, вырезал поголовно всех жителей, не разбирая ни пола, ни возраста: многие из них были побиты в церкви. Для внушения народу страха во многих местах делалось то же»[1].

В 1645 г. польский шляхтич, чигиринский подстароста Даниель Чаплинский напал на хутор Субботово, принадлежавший его соседу сотнику Богдану Хмельницкому. Чаплинский захватил гумно с четырьмястами копнами хлеба, любимую женщину сотника и вывез их себе. Ко всему прочему, подстароста велел высечь десятилетнего сына Хмельницкого. От нанесенных увечий мальчик скончался. Самого Богдана Хмельницкого Чаплинский четверо суток держал в цепях, после чего отпустил. Дальнейшие события привели к самому грандиозному казачьему восстанию и воссоединению Украины с Россией. Во время этой польско-казачьей войны никому не было пощады. Со стороны поляков наиболее свирепствовала частная армия Иеремии Вишневецкого[2].

---

[1] *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. II. Вып. 4 и 5. — М.: Книга, 1991.

[2] Иеремия Михаил Вишневецкий (1612—1651) — крупнейший магнат Левобережной Украины. Князь Иеремия был внуком украинского гетмана Михаила Вишневецкого, который впервые в украинской истории получил от польского короля булаву и клейноды как правитель Украины, и Господаря Валахии и Молдавии Иеремии Могилы. Его родители: Михаил Михайлович Корибут (?—1616), князь Вишневецкий (1594—1614), староста Овручский (1603—1615), кастелян Киевский, и Рейна (Раина, Ирина) Иеремеевна Могила (1588 — после 18 января 1619), дочь Иеремии Могилы от Эльжбеты Ксомортаной.

Вишневецкий получил образование у иезуитов во Львове, а затем в Италии и Испании. По возвращении на родину в 1631 — принял католичество, содействовал насильственному насаждению католицизма и ополячиванию украинцев. Возвращение князя Иеремии Вишневецкого произошло во время Смоленской войны с Москвой, в которой князь принял активное участие. В ходе кампании князь Иеремия опустошил главные имения московского царя, разграбив их и испепелив. Также князь участвовал в осаде Путивля, но, благодаря бегству казаков, не смог добиться там успеха. Князь прославился тем, что жестоко сжигал деревни, приказывая «ни огня, ни железа врагу не жалеть». Здесь он получил ужасную славу и имя «Поджигателя».

В конце жизни Вишневецкий своим талантом, жестокостью, бандитской агрессией в отношении не только врагов, но и польских шляхтичей и магнатов сумел сколотить второе по величине в Речи Посполитой состояние.

Иеремия жаждал стать королем Польши и был близок к этому. (URL: http://slovari.yandex.ru/~ книги/БСЭ/Вишневецкий Иеремия Михаил/.)

И. Вишневецкий (1612—1651)

Эрих фон дем Бах-Целевски (01.03.1899 — 08.03.1972)

Б. Каминский (16 июня 1899, Полоцкий уезд Витебской губернии — 28 августа 1944, возле Варшавы)

«Недавний отступник от Православия, с ненавистью ренегата к старой вере, вере хлопской, Иеремия соединял ненависть польского пана к хлопам, усугубленную теперь восстанием и кровавыми подвигами гайдамаков». Известен случай нападения Вишневецкого на местечко Погребища. Там по его команде были перебиты все жители. С особой жестокостью убивали православных священников. Из Погребищ Вишневецкий пошел в принадлежащий ему (!) город Немиров. Жители заперли ворота перед своим паном, но он взял город силой. Виновники восстания погибли в страш-

ных муках: «Мучьте их так, чтобы они чувствовали, что умирают!» — кричал Иеремия палачам[1].

Есть своя закономерность в том, что вероотступники и предатели являются самыми жестокими палачами и кровавыми преступниками. Например, главные палачи Варшавского восстания в 1944 г. Б. Каминский[2] и Э. фон дем Бах-Целевски[3] имели польские корни.

Поляки вырезали украинские местечки, в ответ казаки и восставшие крестьяне устроили погром в захваченном ими Киеве. С.М. Соловьев писал: «На улицах началась потеха: начали разбивать католические монастыри, до остатка выграбили все, что оставалось, и монахов и ксендзов волочили по улицам, за шляхтою гонялись, как за зайцами, с торжеством великим и смехом хватали их и побивали. Набравши на челны 113 человек ксендзов, шляхтичей и шлехтянок с детьми,

---

[1] Воссоединение Украины с Россией. Документы и Материалы. Т. III. № 82. — М., 1954.

[2] Бронеслав Каминский по отцу поляк, по матери немец. Боец РККА, член ВКП(б), выпускник Петербургского политехнического института, инженер, создатель и руководитель РОНА (29-ая гренадерская ваффен-дивизия СС), бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС.

Бригада под командованием Каминского участвовала в подавлении Варшавского восстания и проявила чрезвычайную жестокость. Во время резни, устроенной его бригадой 5 августа 1944 г., было убито 15 тысяч мирных жителей. В ходе подавления восстания погибло 235 тысяч человек, из которых 200 тысяч — мирные жители. Мародерство своей бригады Каминский не только не пресекал, но поощрял и оправдывал перед немецким командованием.

[3] Эрих фон дем Бах-Целевски (Зелевский) родился в семье землевладельца фон Целевски (von Zelewski), воспитывался приемными родителями. С 1939 г. принял фамилию фон дем Бах, официально отказавшись от фамилии Целевски. Во время войны с СССР — командующий войсками СС в Центральной России и Белоруссии. С ноября 1941 г. — СС-обергруппенфюрер и генерал полиции. Одновременно с октября 1942 г. командовал всеми антипартизанскими силами на Востоке — в Польше, Белоруссии и России. В августе-ноябре 1944 г. командовал корпусной боевой группой «Фон дем Бах», подавлявшей восстание поляков в Варшаве. «*Грязная, проклятая, предательская свинья! Отвратительная вонючка! Он был самым проклятым убийцей во всей этой чертовой компании! Грязная отвратительная собака!*» (Г. Геринг о фон дем Бах-Целевски). (URL: // http://www.peoples.ru/military/fascism/cc/erich_bach/.)

побросали в воду, запретили под смертною казнею, чтоб ни один мещанин не смел укрывать шляхту в своем доме, и вот испуганные мещане погнали несчастных из домов своих на верную смерть; тела убитых оставались собакам. Ворвались и в склепы, где хоронили мертвых, трупы выбрасывали собакам, а которые еще были целы, те поставили по углам, подперши палками, и вложили книжки в руки. Три дня гуляли казаки и отправили на тот свет 300 душ: спаслись только те шляхтичи, которые успели скрыться в православных монастырях (!)»[1]. Отметим, что в аналогичных ситуациях русские в католических монастырях не находили укрытия.

После ряда блестящих побед, одержанных Б. Хмельницким в союзе с крымскими татарами, в 1649 г. казаки и поляки заключили Зборовский договор — название происходит от г. Зборова, где состоялась битва, в результате которой и было заключено соглашение. Данным договором признавалась автономия казацкой территории в составе Киевского, Черниговского и Брацкого воеводств со столицей в Чигирине и лишь с номинальным подчинением польской короне. Как видим, образовалось по существу независимое государство — Гетманщина. Граждане этого государства обладали невиданными до этого правами и свободами. Данное обстоятельство сыграло положительную роль в период военных действий. Массовое «показачивание» позволило Б. Хмельницкому мобилизовать 300-тысячную армию, бойцам которой не требовалось платить, все добывалось «в бою». Однако с наступлением мира армия превратилась в неуправляемую взрывоопасную массу, которую требовалось кормить и которую постоянно пытались использовать в своих интересах противники гетмана. Кроме того, поляки не смирились с поражениями и продолжили борьбу за единство Речи Посполитой, а крымские татары разорвали союзнические соглашения с казаками. В этих условиях Б. Хмельницкий вынужден был обратиться к русскому царю. После многолетних раздумий Алексей Михайлович принял решение начать войну с Поль-

[1] *Соловьев С.М.* История России с древних времен. Кн. V. — С. 536.

шей. Но прежде был заключен исторический Переяславский договор о воссоединении России с Украиной. В том же 1654 г. Москва объявила войну Польше.

3.9. Русско-польская война 1654—1666 годов

Очевидно, что Переяславский договор послужил поводом к войне с Польшей, и она вспыхнула на всей территории Речи Посполитой. Николай Костомаров писал: «Весною 1654 г. польское войско вступило в Подол и начало производить убийственную резню. Город Нимиров был истреблен до основания. 3000 жителей столпилось в большом каменном погребе; поляки стали выкуривать их оттуда дымом, предлагали пощаду, если выдадут старших. Никто не был выдан, и все задохнулись от дыма. Отсюда поляки разошлись по разным путям отрядами, и где только встречали местечко, деревню, истребляли там и старого и малого, а жилища сжигали. Везде русские защищались отчаянно, косами, дубьем, колодами; все решили лучше погибнуть, чем покориться ляхам. На первый день Пасхи поляки вырезали 5000 русского народа в местечке Мушировке: и там русские не слушались никаких увещаний и погибали, защищаясь до последней капли крови»[1].

В свою очередь, отряды Алексия Трубецкого, Шеина и Хованского отбросили польско-литовские отряды и заняли с боя Рославль, Мстиславль, Белый, Невель, Полоцк, Дорогобуж. А затем царь Алексей Михайлович подошел к Смоленску и приступил к его осаде. В это же время были заняты Дисна и Друя. В Мстиславском воеводстве Трубецкой отбросил неприятеля за Днепр, а в августе Золотаренко занял Гомель, Черск, Пропойск и у Нового Быхова стал на Днепре. Литовский гетман Радзивилл был разбит у Гомеля и Орши. Среди белорусского населения начало обнаруживаться тяготение к Москве, выразившееся в добровольной сдаче Могилева и в формировании отряда из жителей

[1] *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. II. Вып. 4 и 5. — М.: Книга, 1991.

Могилева для совместных действий с русскими войсками. К этому времени сдался, после трехмесячной осады, Смоленск и был занят Витебск. Дальнейшее наступление русских войск вглубь Белоруссии приостановилось, главным образом, вследствие отъезда из армии Алексея Михайловича и противоречий среди воевод.

Богдан Хмельницкий, со своей стороны, действовал медленно и несогласованно с царскими воеводами; обнаружились даже сношения высшего малороссийского духовенства с польским правительством. В 1655 г. поляки перешли в Литве в наступление, но успех им не сопутствовал. В 1656 г. в войну вновь вступил царь Алексей Михайлович. Московские войска заняли без боя Свислочь и Минск, подошли в конце июля к Вильно и овладели городом. Вскоре были заняты также Ковно и Гродно. Вблизи Бреста отряд Урусова разбил литовского гетмана Сапегу. В это же время отряд князя Волконского разгромил литовские войска в Полесье и с ходу занял город Пинск. Хмельницкий разбил Потоцкого у Гродска и вместе с воеводой Бутурлиным вошел в Люблин. Таким образом, Алексей Михайлович овладел почти всеми землями Великого княжества Литовского. А в 1657 г. умирает Богдан Хмельницкий, и гетманом избирается Иван Выговский.

Успехи русских в Литве вызвали войну Москвы со шведским королем Карлом X, который предъявил притязании на Литву и Белую Русь. Переговоры с польскими представителями, при посредстве послов римского императора, оказались безуспешными, так как Алексей Михайлович желал быть избранным в наследники польской короны. И в начале 1658 года вновь открылись военные действия. Отряды Сапеги и Гонсевского были разбиты Долгоруким. На юге гетман Выговский, перешедший на сторону поляков, был отброшен от Киева Шереметевым. В 1659 г. Трубецкой осадил Конотоп, но вынужден был отступить. Казаки выбрали нового гетмана, Юрия Хмельницкого. Выговский отступил к Чигирину и здесь потерпел поражение. В следующем году

поляки, заключив мир со шведами, направили все силы на борьбу с Москвой и перешли в наступление. Сапега разбил Хованского у Полонного, Потоцкий — Шереметева у Чуднова. В 1661 г. король взял Гродно и осадил Вильно. Московские войска, под начальством Долгорукого, были разбиты у деревни Глубокого Чарнецким, после чего Вильно, несмотря на геройское сопротивление князя Мышецкого, пал. Города Литвы постепенно стали переходить обратно в руки поляков. Осенью 1663 г. польский король Ян Казимир[1] вступил в Заднепровскую Малороссию, а затем перешел на левый берег Днепра, где ему сдались многие города, но под Глуховым королевское войско оказалось разбито. Далее война продолжалась без значительных результатов вплоть до 1666 г., когда уполномоченные обеих сторон съехались в деревню Андрусово для переговоров. В 1667 г. состоялось заключение перемирия на 13,5 года: Россия получила левобережную Малороссию, Смоленск, Северские земли и во временное владение — Киев с ближайшими окрестностями.

---

[1] Ян Казимир Ваза (1609—1672), сын Сигизмунда III и брат Владислава IV — правил в 1648—1668 гг. Начало правления совпало с началом восстания под управлением Б. Хмельницкого. В период правления Яна Казимира (1654—1667) шла война между Россией и Речью Посполитой, начавшаяся после присоединения Украины к России.

Казаки вели себя воинственно, шведы оккупировали большую часть Польши, включая столицу Варшаву. Король был вынужден спасаться бегством в Силезию. В 1657 г. Польша отказалась от суверенных прав на Восточную Пруссию. В результате неудачных войн с Россией Польша потеряла Киев и все районы восточнее Днепра.

В стране продолжился процесс дезинтеграции. Магнаты, создавая союзы с соседними государствами, преследовали собственные цели. Мятеж князя Ежи Любомирского поколебал основы монархии. Шляхта продолжала заниматься самоубийственной для государства защитой собственных «свобод», демонстрируя удивительную устойчивость и выживаемость шляхетской республики.

С 1652 г. шляхта стала злоупотреблять пагубной практикой «либерум вето». Пользуясь этим, соседние державы путем подкупа и других подобных средств неоднократно срывали проведение неугодных для них решений сейма.

Король Ян Казимир был психологически сломлен и отрекся от польского трона в 1668 г., в самый разгар внутренней анархии и раздора.

В 1686 г. между Москвой и Польшей был подписан мир, получивший название «вечного». Король Ян Собеский[1] навсегда закрепил за Россией Киев и все приобретения ее по Андрусовскому договору.

Восстания в Речи Посполитой не прекращались и после русско-польских войн за Украину. Так, в 1734 г. в разгар войны за польскую корону между Францией и Россией сотник Верлан дезертировал из частной армии Ежи Любомирского[2]

---

[1] Ян III Собеский (1629—1696) происходил из знатного рода. По матери Ян Собеский приходился правнуком коронного гетмана Станислава Жолкевского.

Образование получил в Новодворской коллегии и Ягеллоновской академии в Кракове. Вместе с братом Мареком провел два года в странах Западной Европы. Освоил латинский, французский, немецкий, итальянский языки.

В Речь Посполитую братья вернулись в 1648 г. Оба вступили в войско. Год спустя Марек пропал в татарском плену. Ян участвовал в посольстве в Турцию. Изучил устройство Османской империи, освоил татарский язык. По возвращении на родину участвовал в войне против России. Воевал на стороне шведов, затем против них на стороне Яна Казимира.

В 1666 г. стал польным коронным гетманом. В 1673 г. одержал победу над турками в битве под Хотином.

19 мая 1674 г. избран королем польским. На протяжении многих лет вел войну с Турцией. Провел радикальную реформу в вооружении и организации армии. Под его командованием коалиция христианских держав нанесла сокрушительное поражение туркам в битве при Вене 12 сентября 1683 г. и остановила продвижение Османской империи в Европу.

При Яне Собеском Речь Посполитая в последний раз пережила взлет как влиятельная европейская держава.

[2] Ежи (Юрий) Себастьян Любомирский (1616—1667) — яростный поборник «золотой вольности». В борьбе с королем он пытался заполучить поддержку Австрии и Брандербурга. По инициативе Любомирского все реформы короля в 1660—1661 гг. проваливались в польском сейме. Из-за союзов с иными державами и общей агитации король обвинил его в измене государству и лишил его всех титулов и постов. Суд приговорил Любомирского к смерти заочно, в то время как тот бежал в силезский Бреслау.

Ежи Любомирский выставлял себя защитником «золотой вольности» против якобы зарождающегося абсолютизма в Польше. В рамках «Конфедерации Любомирского» ему удалось привлечь часть польской шляхты на свою сторону и парализовать сейм с помощью «либерум вето». Польский король, уставший от военных поражений, был вынужден уступить требованиям повстанцев. Он объявил об отходе от своих реформистских планов. В долгосрочном плане недопущение Любомирским ключевых реформ и централизации власти в Польше оказалось пирровой победой и стало одной из причин медленного разложения польской государственности.

и поднял восстание против поляков, при этом он утверждал, что пользуется покровительством самой императрицы Екатерины II. Весной 1768 г. барские конфедераты схватили нескольких участников этого восстания и посадили их на кол. Среди казненных повстанцев оказался племянник матренинского игумена Мелхиседека — эконома переяславского архирея. Игумен, желая отомстить убийцам, подделал указ Екатерины II. Полный титул императрицы был написан золотыми буквами, имелась государственная печать и все другие атрибуты, положенные такой бумаге. Указ содержал призыв защищать веру православную и бить нещадно польских панов. Данный указ Мелхиседек показал нескольким казакам. В результате вспыхнуло восстание, которое возглавили Максим Железняк и Иван Гонта.

Восстание прославилось тем, что Железняк и Гонта «поднимали крестьян и казаков, истребляя ляхов и жидов. На деревьях висели вместе: поляк, жид и собака — с надписью: «Лях, жид и собака — вера однака».

Другое событие, связанное с восстанием и вошедшее в историю, — побоище, устроенное казаками в Умани. Паны Младанович и Рогашевский договорились сдать город при условии, что казаки не тронут шляхту и католиков, при этом судьба жидов и их имений доверялась запорожцам. Казаки вырезали всех евреев, а затем и поляков.

События, связанные с восстанием Гонты и Железняка, продемонстрировали полное бессилие Речи Посполитой решать свои внутренние проблемы. Восстание было подавлено в 1768 г. русскими войсками под командованием генерал-майора М.Н. Кречетникова, что было сделано по просьбе поляков[1].

[1] Царское правительство боялось, что пламя борьбы против феодального гнета распространится и на территорию России. На Правобережье послали войска. Совместными усилиями царских войск и польской шляхты восстание было подавлено. Желязняка и Гонту схватили. Однако народ не сложил оружия. Отряды повстанцев продолжали оказывать ожесточенное сопротивление. Подавить освободительное движение шляхте и царским войскам удалось лишь в конце лета.

Повстанцев, которые являлись российскими подданными, судил царский суд и осуждал, в основном, на ссылку в Сибирь. Такой приговор вынесли и

Данный факт констатировал смерть великой Речи Посполитой. Отныне Польша никогда не будет решать свою судьбу самостоятельно. Быть Польше или не быть, если быть, так в каких границах и под чьим управлением — все эти вопросы решались и решаются до сих пор вне ее пределов.

И, наконец, это восстание останется в людской памяти чудовищной казнью Ивана Гонты.

«Гонта вместе с 845 своими товарищами был выдан польскому правительству и подвергся мучительной казни: с него было снято двенадцать полос кожи, и затем он был четвертован. Со стоическим мужеством перенес он все мучения. После совершения казни разные части его тела были прибиты к виселицам в 14 городах Украины. Череп Гонты, прибитый гвоздями, долгое время висел на воротах Могилева-Подольского.

Память о Гонте, как о мученике народного дела, долго хранилась в малорусском народе. Во время крестьянских волнений, даже первой половины XIX века, циркулировали среди народа слухи о появлении “Гонтина сына”»[1].

Стоит напомнить, что казнь совершилась не во времена мрачного средневековья, а во второй половине XVIII в. в «просвещенной» Польше. Так называемые зверства Суворова с возвращением шпаг проигравшим руководителям повстанцев, освобождением сотен пленников через сутки после пленения, массовыми амнистиями и средневековое зверство па-

---

Железняку. О его дальнейшей судьбе достоверных данных не сохранилось. Известно только, что по дороге в ссылку смелый предводитель повстанцев вместе со своими товарищами бежал. Впоследствии его вновь схватили и посадили. По некоторыми данным, он и позже участвовал в антифеодальных выступлениях.

Жителей Правобережной Украины и западных украинских земель судили польские суды. По их приговорам повстанцам отрубали руки, ноги, головы, сажали их на кол, вешали. Примером таких чудовищных бесчеловечных расправ служит решение шляхетского суда в городке Кодня (на Житомирщине): из 336 приговоров, внесенных только в одну коднянську судебную книгу, 218 человек приговорены к смертной казни: 9 повстанцев четвертовали, 151-му отрубили голову, одного посадили на кол и 57 повесили. (URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/53772/.)

[1] *Антонович В.* Уманский сотник Иван Гонта // Киевская Старина. 1882. № 11.

нов при казнях повстанцев — события, которые происходили практически одновременно.

3.10. Причины казачьих восстаний

Когда знакомишься с историей Малороссии, всегда возникает вопрос: «В чем же причина многочисленных измен украинских гетманов?» А изменяли они всем: полякам, русским, туркам. Попробуем ответить на этот вопрос. И для ответа привлечем исследования, проведенные русским историком — эмигрантом Николаем Ульяновым[1]. Кратко перескажем выдвинутую им версию, которая представляется весьма убедительной.

В середине XVI в., а точнее в 1578 г., был введен так называемый реестр, то есть список тех казаков, которых польское правительство приняло к себе на службу для охраны окраинных земель от татарских набегов. Стефан Баторий определил жалование шести сотням казаков. Реестровые казаки были строго ограничены числом, подчинены польскому коронному гетману и имели свой войсковой и административный центр в городе Терехтемирове над Днепром. Эти казаки были наделены известными правами и льготами: избавлялись от налогов, получали жалованье, имели свой суд, свое выборное управление. Поставив эту избранную группу в привилегированное положение, польское правительство наложило запрет на всякое другое казакование, видя в нем угрозу Польскому государству.

Реестровые казаки образовали избранную касту, получившую возможность обзаводиться домом, землей, хозяйством и использовать труд работников и всевозможных слуг. Таким образом, сформировался антагонизм между казаками и хлопами. Однако реестровая реформа была не только не встречена враждебно в низах, но окрылила все степное казачество; попасть в реестр и быть причисленным к «лыцарству» стало мечтой каждого запорожского молодца. Реестр явился не раз-

[1] *Ульянов Н.* Происхождение украинского сепаратизма. URL: http://bookz.ru/authors/ul_anov-nikolai/ulianow_ukraina/1-ulianow_ukraina.htm.

лагающим, а скорее объединяющим началом и сыграл видную роль в развитии народного «самосознания»[1].

Вчерашняя разбойная вольница, сделавшись королевским войском, призванным оберегать окраины Речи Посполитой, возгорелась мечтой о неком почетном месте в панской республике; так зародилась та идеология, которая сыграла потом столь важную роль в истории Малороссии. Она заключалась в сближении понятия «казак» с понятием «шляхтич». Сколь бы смешной ни выглядела эта претензия в глазах тогдашнего польского общества, казаки упорно держались ее.

Шляхтич владеет землями и крестьянами по причине своей воинской службы в пользу государства; но казак тоже воин и тоже служит Речи Посполитой, почему же ему не быть помещиком, тем более что бок о бок с ним, в Запорожье, жили, нередко, природные шляхтичи из знатных родов, ушедшие в казаки? Свои вожделения и ожидания реестровое войско начало выражать в петициях и обращениях к королю и сейму. Когда в 1632 г. в Польше умер король Сигизмунд III, на конвокационном сейме[2] представители реестровых казаков заявили:

«Мы убеждены, что дождемся когда-нибудь того счастливого времени, когда получим исправление наших прав рыцарских, и ревностно просим, чтобы сейм изволил доложить королю, чтобы нам были дарованы те вольности, которые принадлежат людям рыцарским»[3].

На это требование сенат Речи Посполитой весьма показательно ответил казакам, что они действительно составляют часть Польского государства, но такую, «как волосы или ногти в теле человека: когда волосы или ногти слишком вырастут, то их стригут. Так поступают с казаками: когда их немного, то они могут служить защитой Речи Посполитой, а когда они размно-

[1] *Ульянов Н.* Происхождение украинского сепаратизма. URL: http://bookz.ru/authors/ul_anov-nikolai/ulianow_ukraina/1-ulianow_ukraina.htm.

[2] Конвокационный Сейм — в Речи Посполитой XVI—XVIII вв. сейм, созывавшийся гнезненским архиепископом после смерти короля для поддержания законности, выполнял на время отсутствия монарха королевские функции.

[3] *Ульянов Н.* Происхождение украинского сепаратизма. URL: http://bookz.ru/authors/ul_anov-nikolai/ulianow_ukraina/1-ulianow_ukraina.htm.

жаются, то становятся вредными для Польши». Относительно обеспечения Православной Веры казацким депутатам сказали, что этот вопрос будет рассматривать будущий король Польши, а относительно участия в избрании короля ответили, что на избрание короля имеют право сенат и земское собрание.

Таким образом, скапливая богатства, обзаводясь землей и слугами, верхушка казачества на самом деле стала приближаться, но, подчеркнем, экономически, к образу и подобию шляхты. К середине XVII в. казачья аристократия по материальному достатку не уступала мелкому и среднему дворянству. Отлично понимая важность просвещения для дворянской карьеры, она дает своим детям польское образование. Меньше чем через сто лет после введения реестра среди казацких старшин можно было встретить людей, употреблявших латынь в разговоре, многие приняли католичество. Кажется, все у малорусского шляхетства было, кроме шляхетских прав...[1]

А польское панство, замкнувшись в своем кастовом высокомерии, и слышать не хотело о казачьих претензиях. Ни лояльность, ни верная служба не помогали казаку стать членом благородного сословия в Речи Посполитой. Вот и получалось, что этих самых шляхетских прав можно было добиться лишь вооруженным путем.

Менее всего подходят казачьи движения под категорию «национально-освободительных». Так называемой национальной украинской идеи в те времена в помине не было. Но и «антифеодальными» их можно назвать только в той степени, в какой в них принимали участие крестьяне, бежавшие в низовья Днепра в поисках избавления от нестерпимой крепостной неволи. Эти крестьяне были воистину величайшими мучениками Речи Посполитой. Иезуит Скарга, яростный гонитель и ненавистник Православия и русской народности, признавал, что нигде в мире помещики не обходятся более бесчеловечно со своими крестьянами, чем в Польше: «Владелец или королевский староста не только отнимает у бедного хлопа все, что

[1] *Широкород А.* Давний спор славян. Россия, Польша, Литва. — М.: Хранитель, 2007.

он зарабатывает, но и убивает его самого, когда захочет и как захочет, и никто не скажет ему за это дурного слова».

Крестьянство изнемогало под бременем налогов и барщины; никаких трудов не хватало оплачивать непомерное мотовство и роскошь панов. Холопская ярость в борьбе с поляками всегда нравилась казачеству и входила в его расчеты. Численно казаки представляли собой ничтожную группу; в самые хорошие времена она не превышала 10 000 человек, считая реестровых и сечевиков вместе. Они почти никогда не выдерживали столкновений с коронными войсками Речи Посполитой. Хмельницкий ни за что не решился бы на бунт, если бы не имел в союзниках татар и крестьян. Самые ранние казачьи восстания не обходились без поддержки крепостных, которые всегда с охотой громили замки ненавистных магнатов. Но одна цель преследовалась исключительно во всех казачьих восстаниях. И уничтожение крепостного права не было той целью. Добиться феодальных привилегий, стать вровень со шляхтой — вот чего добивались казаки. А крестьяне для них являлись лишь средством, временными союзниками, которых после достижения вожделенной цели можно было загнать туда, откуда они вырвались.

Мужицких бунтов поляки боялись гораздо больше, чем казаков. «Число его сообщников простирается теперь до 3000, — писал королю гетман Потоцкий по поводу выступления Хмельницкого. — Сохрани Бог, если он войдет с ними в Украину, тогда эти три тысячи возрастут до ста тысяч». Уже первая битва при Желтых Водах выиграна была благодаря тому, что служившие у Стефана Потоцкого русские жолнеры перешли на сторону Богдана. В битве под Корсунем содействие и помощь русского населения выразились в еще большем масштабе. К Хмельницкому люди стекались со всех сторон, так что войско его росло с необыкновенной быстротой. Под Пилявой оно было столь велико, что первоначальное ядро его, вышедшее из Запорожья, потонуло в толпе новых ополченцев. Когда в самый разгар восстания в Белой Церкви собралась рада, на нее явилось свыше 70 000 человек. Никог-

да ранее казацкое войско не достигало подобных размеров. Но и это число далеко не выражает всей численности восставших. Большая часть их шла не с Богданом, а рассыпалась в виде так называемых загонов по всему краю, принося ужас и опустошение в панские поместья.

«Вся эта сволочь, — по выражению современника-поляка, — состояла из презренного мужичья, стекавшегося на погибель панов и народа польского». «Было время, — говорил гетман Сапега, — когда мы, словно на медведя, ходили укрощать украинские мятежи; тогда они были в зародыше, под предводительством какого-нибудь Павлюка; теперь иное дело! Мы ополчаемся за веру, отдаем жизнь нашу за семейства и достояние наше. Против нас не шайка своевольников, а великая сила целой Руси. Весь народ русский из сел, деревень, местечек, городов, связанный узами веры и крови с казаками, грозит искоренить шляхетское племя и снести с лица земли Речь Посполитую»[1].

Чего в течение полувека не могло добиться ни одно казачье восстание, было в несколько недель сделано «презренным мужичьем» — панская власть на Украине оказалась сметена, будто ураганом. Мало того, всему Польскому государству был нанесен удар, повергший его в состояние беспомощности. Казалось, еще одно усилие — и оно рухнет. Не успела Речь Посполитая опомниться от оглушительных ударов при Желтых Водах и под Корсунем, как последовала ужасающая катастрофа под Пилявой, где цвет польского рыцарства был обращен в бегство, как стадо овец, и, безусловно, подвергся бы истреблению, если бы не оставленный богатейший лагерь, грабежом которого увлеклись победители, прекратив преследование. Это поражение, вместе с повсеместной резней панов, ксендзов и евреев, вызвало всеобщий ужас и оцепенение. Польша буквально лежала у ног Хмельницкого. Вздумай он двинуться со своими полчищами вглубь страны, до самой Варшавы он не встретил бы сопротивления. Если случаются в жизни народов

[1] *Ульянов Н.* Происхождение украинского сепаратизма. URL: http://bookz.ru/authors/ul_anov-nikolai/ulianow_ukraina/1-ulianow_ukraina.htm.

минуты, от которых зависит все их будущее, то такой минутой для русских было время после пилявской победы. Избавление от рабства, уничтожение напора воинствующего католичества, полное национальное освобождение — все было возможно и достижимо в тот миг. Народ инстинктивно это чувствовал и горел желанием довести до конца дело свободы. Со всех сторон к Хмельницкому неслись крики: «Пане Хмельницкий, веди на ляхив, кинчай ляхив!»[1].

Однако ко всеобщему народному изумлению гетман прекратил войну и отступил к Киеву по первому требованию Яна Казимира. Для «хлопов» это решение оказалось полной неожиданностью. Но их ждал и другой удар: еще не достигнув Киева, где Хмельницкий должен был дожидаться посланников короля, гетман сделал важное политическое заявление, санкционировавшее существование крепостного права в Малой России. В обращенном к дворянству универсале он выражал пожелание, «чтобы сообразно воле и приказанию его королевского величества вы не замышляли ничего дурного против нашей греческой религии и против ваших подданных, но жили с ними в мире и содержали их в своей милости»[2]. Мужиков возвращали опять в то самое состояние, из которого они только что вырвались.

Измена продолжалась и при новом столкновении с Польшей, в 1649 г. Когда крестьянская армия под Зборовом наголову разбила королевское войско, Хмельницкий не только не допустил пленения короля, но преклонил перед ним колени и заключил договор, который был вопиющим предательством малороссийского народа. По этому договору Украина оставалась по-прежнему под польской «владой», а об отмене крепостного права не говорилось ни слова. Зато казачество возносилось на небывалую высоту. Состав его увеличивался до

---

[1] *Ульянов Н.* Происхождение украинского сепаратизма. URL: http://bookz.ru/authors/ul_anov-nikolai/ulianow_ukraina/1-ulianow_ukraina.htm.

[2] Supplementum ad historica Russiae monumenta ex archivis ad bibliotecis extraneis. — Petropoli, 1848. — P. 185—187; *Костомаров Н.И.* Богдан Хмельницкий. Т. 1, — СПб., 1859. — С. 289.

40 000 человек, которые наделялись землей, получали право иметь двух «подпомощников» и становились на заветный путь постепенного превращения в «лыцарей». Старшина казачья приобретала право владеть «ранговыми маетностями» — особым фондом земель, предназначенным для пользования чинами казачьего войска на то время, пока человек занимал соответствующую должность. Самое войско казачье могло теперь смотреть на себя как на войско короля и Речи Посполитой в русских землях; недаром Богданов посланник сказал однажды гетману Потоцкому: «Речь Посполитая может положиться на казаков; мы защищаем отечество». Гетман казацкий получал все чигиринское староство с городом Чигирином «на булаву», да к этому прихватил еще богатое местечко Млиев, доставлявшее своему прежнему владельцу, Конецпольскому, до 200 000 талеров дохода[1]. Но зборовским условиям так и не пришлось воплотиться в реальность.

Крестьянство не желало мириться с положением, когда лишь 40 000 счастливцев получат землю и права свободных людей, а вся остальная масса должна оставаться в подневольном состоянии. Крестьяне вилами и дубинами встречали панов, возвращавшихся в свои имения, чем вызвали шумные протесты поляков. И гетману пришлось, во исполнение договора, карать недавних союзников, а теперь ослушников, смертью: рубить головы, вешать, сажать на кол, однако огонь восстаний от этого не утихал. Казни раскрыли народу глаза на роль Богдана и ему, чтобы окончательно не лишиться доверия и престижа, ничего иного не оставалось, как снова возглавить народное ополчение, собравшееся в 1652 г. для отражения очередного польского нашествия на Украину. В исторической литературе давно отмечено, что страшное поражение, постигшее русских под Берестечком, явилось прямым результатом антагонизма между казаками и крестьянством.

Москва, как известно, не горела желанием присоединить к себе Украину. Она отказала в этом Киевскому митрополиту Иову Борецкому, отправившему в 1625 г. посольство

[1] Там же.

в Москву, не спешила отвечать согласием и на слезные челобитья Хмельницкого, просившего неоднократно о подданстве. Ни один из соседей — Москва, Крым, Турция — не имел тогда видов на Украину и никаких препятствий ее независимости чинить не собирался. Что же касается Польши, то после одержанных над нею блестящих побед ей можно было диктовать любые условия. Так что не в соседях было дело, а в самой Украине. Там, говоря коротко, еще не вызрела идея «незалежности», зато существовало стремление перейти из одного подданства в другое, «прислониться» с выгодой. Все руководство в этих землях сосредотачивалось в руках казачьей аристократии, а та не помышляла ни о независимости, ни об отделении от Польши. Все ее усилия направлялись как раз на то, чтобы удержать Украину под Польшей, а крестьян — под панами, любой ценой. Для себя же они мечтали получить панство, какового некоторые и добились уже в 1649 г., после Зборовского мира.

Такая политика верхушки казачества, ее постоянные предательства стали причиной того, что победоносная вначале борьба обернулась, в конечном итоге, немалыми неудачами для Украины. Богдан и его приспешники, как заклинание, твердили одно и то же: «Нехай кождый з своего тишится, нехай кождый своего глядит — казак своих вольностей, а те, которые не приняты в реестр, должны возвращаться к своим панам и платить им десятую копу». Между тем, по донесениям московских осведомителей, «те-де казаки по-прежнему у пашни быть не хотят, а говорят, что они вместе все за христианскую веру стояли, кровь проливали»[1].

Удивительно ли, что измученный изменами, изверившийся в своих вождях, народ усматривал единственный выход в московском подданстве? Многие, не дожидаясь политического разрешения вопроса, снимались целыми селами и поветами и двигались в московские пределы. За каких-нибудь полгода выросла Харьковщина — пустынная прежде

[1] Воссоединение Украины с Россией. Документы и Материалы. Т. III. №. 82. — М., 1954.

область, которая теперь оказалась заселенной сплошь выходцами из Польского государства. Такое стихийное тяготение народа к Москве расстраивало планы и ломало всю политическую игру влиятельных казаков. Противостоять этому народному стремлению открыто они были не в силах. Становилось ясно, что люди готовы пойти на что угодно, лишь бы не оставаться «под Польшей». Надо было либо по-прежнему любой ценой удерживать народ в составе Речи Посполитой и тогда сделаться его откровенным врагом, либо решиться на рискованный маневр — последовать за ним, перейти под эгиду другого государства и, пользуясь обстоятельствами, постараться таким образом сохранить свое господство и влияние. Избрали последнее.

Насчет истинных симпатий Хмельницкого и его окружения двух мнений быть не может — это были полонофилы; в московское подданство шли с величайшей неохотой и страхом. Пугала неизвестность казачьих судеб при новой власти. Захочет ли Москва держать казачество как особое сословие, не воспользуется ли стихийной приязнью к себе южнорусского народа и не произведет ли всеобщего уравнения в правах, не делая разницы между казаком и вчерашним хлопом? Свидетельством такого тревожного настроения явилась идея крымского и турецкого подданства, сделавшаяся вдруг популярной среди старшины в самый момент переговоров с Москвой. Казачьей элите она сулила полное бесконтрольное хозяйничанье в крае под покровительством такой власти, которая ее совсем бы не ограничивала, но от которой можно всегда получить защиту.

То был критический момент в жизни казачьей старшины, и потому понятна нервозность, с какой она старалась всеми способами получить от царских послов документы, гарантирующие казачьи вольности. Явившись к присяге, старшина и гетман потребовали вдруг, чтобы царь в лице своих послов присягнул им со своей стороны и выдал обнадеживающие грамоты. «Николи не бывало и впредь не будет, — сказал в ответ на это стольник Бутурлин, — и ему и говорить о том было

непристойно, потому что всякий подданный повинен веру дати своему государю»[1]. Он тут же, в церкви, объяснил Хмельницкому недопустимость подобной царской присяги с точки зрения самодержавного принципа. Столь же категорический ответ был дан и через несколько дней, когда войсковой писарь И. Выговский с полковниками явился к Бутурлину с требованием «дать им письмо за своими руками, чтобы вольностям и маятностям (владениям. — *Авт.*) быть по-прежнему». В ответ Бутурлин продолжал настаивать на том, чтобы казаки, вместо требования гарантийного документа, обратились к царю с челобитьем. Просимые блага могут быть получены только путем пожалования со стороны монарха.

Таким образом, в Переяславле в 1654 г. происходило не заключение трактата между двумя странами, а безоговорочная присяга малороссийского народа и казачества царю Московскому, своему новому суверену. Не обещавший ничего в момент принятия присяги, царь оказался потом необычайно щедрым и милостивым к своим новым подданным. Почти ни одна их просьба не осталась без удовлетворения.

Городам, хлопотавшим перед царем об оставлении за ними Магдебургского права, оно было предоставлено, духовенство, просившее о земельных пожалованиях и о сохранении за собою прежних владений и прав, — получило их, остатки уцелевшей шляхты получили подтверждение своих старинных привилегий. Казачеству предоставлено было все, о чем оно «било челом». Казачий реестр сохранен и увеличен до небывалой цифры — 60 000 человек, весь старый уряд сохранен полностью, оставлено право выбирать себе старшину и гетмана, кого захотят, только с последующим доведением до сведения Москвы. Разрешено было принимать и иностранные посольства. Царское правительство открывало широкую возможность каждому из сословий ходатайствовать об установлении наилучших для себя условий и порядков. Такие ходатайства поступили от городов (через гетмана), от духо-

[1] Статейный список посольства В.В. Бутурлина. См.: Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. Т. III. — М., 1954. № 205.

венства, от казачества. Только голос крестьянства — самого многочисленного, но в то же время самого темного и неорганизованного класса, не прозвучал ни разу и потому не был услышан в Москве. Произошло это в значительной мере по причине того, что казачество заслонило от нее крестьянство. И это было тем легче сделать, когда само крестьянство ничего так не хотело, как называться казаками. Как до Хмельницкого, так и при нем оно примыкало к казачьим бунтам с единственной целью — избавиться от панской неволи. Ведь попасть в казачье сословие значило стать свободным человеком. Каждый стремился попасть в этот список и ничего не жалел для этого. А гетман сделал из этого источник собственного обогащения, «имал с тех людей, которых писал в реестр, золотых червонных по 30-ти и по 40-ку и больше. Хто ково больше мог дать, того и в рейстр писал, для того, что никто в холопстве быть по-прежнему не хотел»[1].

Крестьяне, в момент присоединения к Москве, не выступили как организованное сословие и не сформулировали своих пожеланий, потому что отождествляли себя с казаками, наивно полагая, что этого достаточно, чтобы не числиться мужиками. Московскому же правительству трудно было разобраться в тогдашней обстановке на Украине.

Подводя итог челобитьям и выданным в ответ на них царским грамотам, исследователи приходят к заключению, что внутреннее устройство и социальные отношения на Украине после переяславского присоединения установились такие, каких хотели сами малороссы. Ведь царское правительство формировало это устройство в соответствии с их просьбами и пожеланиями. Казаки хотели оставить все так, «как при королях польских было». Лично Б. Хмельницкий, в разговоре с Бутурлиным, выразил пожелание, чтобы «кто в каком чину был по ся места и ныне бы государь пожаловал, велел быть по тому, чтоб шляхтич был шляхтичем, а казак казаком, а мещанин мещанином; а казаком бы не судитца у полковников и

[1] Воссоединение Украины с Россией. Документы и Материалы. Т. III. — М., 1954. № 82.

сотников». То же было выражено и письменно в челобитной царю: «права, уставы, привилеи и всякия свободы... елико кто имяше от веков от князей и панов благочестивых и от королей польских... изволь твое царское величество утвердить и своими грамотами государскими укрепити навеки»[1]. В подтверждение этих своих пожеланий и челобитий гетман прислал в Москву копии жалованных грамот польских королей. И эти грамоты, и отдельные просьбы казаков выражали их собственный взгляд на себя как на сословие, а весь их «устрий» мыслился как внутренняя сословная организация. Соответствующим образом и гетманская власть понималась как власть военная, распространявшаяся только на войско Запорожское, но не имевшая никакого касательства к другим сословиям и вовсе не призванная управлять целым краем.

До 1648 г. казачество было явлением неорганичным для Украины, жило в «диком поле», на степной окраине, вся же остальная Малороссия управлялась польской администрацией. Но в дни восстания польская власть была изгнана, край оказался во власти анархии, и для казаков появилась возможность насаждать здесь свои запорожские обычаи и свое господство. Картина их внедрения темна как по недостатку источников, так и по неуловимости самого явления. За шесть ужасных лет, когда непрестанно горели села и города, татарские шайки охотились за людьми и тысячами уводили в рабство в Крым, когда гайдамаки, с одной стороны, польские карательные отряды, с другой, превращали в пустыни целые местности, когда огромные территории постоянно переходили из рук в руки, — трудно было установиться какой-либо администрации. Исторические исследования до сих пор не касались в подробностях этого вопроса. Если искать в тогдашней Малороссии подобия управления, то оно выражалось, вернее всего, в том, что принято называть «законами военного времени», — зависело от воли начальника армии или воинского отряда, занимавшего ту или иную территорию.

[1] Воссоединение Украины с Россией. Документы и Материалы. Т. III. — М., 1954. № 82.

В силу своего военного опыта и организованности казаки завладели всеми важными постами в народном ополчении, придав ему свое запорожское устройство, насадив свои структуры, обозначения, свою субординацию. Поэтому казацкие чины — полковники, сотники — являлись властью также для малороссийского населения тех мест, которые были заняты их отрядами. Над всеми стоял гетман войска Запорожского с войсковой канцелярией, генеральным писарем, обозным, войсковым судьей и прочей запорожской старшиной. Выработанная и сложившаяся в степи для небольшой самоуправляющейся военно-разбойничьей общины, система эта переносилась теперь на огромную страну с трудовым оседлым населением, с городами, между прочим, знавшими магдебургское право.

Как действовала она на практике, неизвестно, но можно догадываться, что «практика» эта меньше всего руководствовалась правовым сознанием, естественно взросшим и воспитанным в антигосударственных традициях.

Таким образом, исследования Николая Ульянова полностью подтверждают нашу гипотезу о причинах «великих польских восстаний». Как в случаях с казаками, шляхтичи отстаивали не суверенитет Польши, а боролись за свои привилегии, отобранные в процессе разборов шляхты.

3.11. Смутное время в России глазами польского интеллектуала

В Польше С. Братковский[1] известен как интеллектуал. И этот прославленный журналист по-детски обижается на

[1] Стефан Братковский (р. 1934) — польский журналист, публицист, писатель, интеллектуал, в 1962—1980 и 1989—1990 гг. — председатель Союза польских журналистов, ныне его почетный председатель. Занимается экономической и политической проблематикой, а также историей экономики и проблемами менеджмента.

Старейшина журналистского цеха много размышляет о судьбах Европы и человечества. У современной России нет будущего, приходит к выводу С. Братковский, поскольку у ее руководства в головах «вместо мозгов хлюпает нефть», а население страны, в отличие от Польши, вымирает.

Русским остается надеяться на свою молодежь, которая, может быть, через десять — пятнадцать лет освоит латинский алфавит и сможет поль-

зоваться интернетом, откуда узнает, «что западные державы избавились от своих колоний без всяких потерь для своего благосостояния, но, наоборот, сконцентрировавшись на собственном развитии, создали новый цивилизационный потенциал». Другим ресурсом России является либеральная интеллигенция, которая «воспринимает репрессии против жителей Второй Польской республики или вторжение Красной Армии в страны Балтии как что-то, чего стоит стыдиться».

С. Братковский убежден, что «россиянам» «стоит освежить свои знания из области географии месторождений полезных ископаемых и технических наук, чтобы контролировать свою спесь», поскольку «Украина имеет у себя под землей огромные газовые месторождения, хватает их и под Польской Низменностью, а также Немецкой. Будет ли он в эксплуатации дороже сибирского газа? Нет, потому что транзитные пути короче, трубопроводы строить быстрее и дешевле». «Не говоря уж об угольном газе. Самыми большими угольными месторождениями обладают Соединенные Штаты, а в Европе — Польша и Германия». Зависимость Европы от российских ресурсов скоро завершится, делает вывод старейший журналист Польши.

«Вопросом без ответа остается для меня, — высказывает озабоченность С. Братковский, — в будущем России их воображение. Миллионы квадратных километров земель России с ее поразительным богатейшим Севером оказались не способны породить лондоновский дух приключения, с его пионерским вызовом человеческой отваге. (?) Первооткрыватели, исследователи и пионеры Сибири никогда не были героями русских мифов (?) (польских пионеров Сибири тоже нет в польских национальных мифах) (!?). Эти свои семнадцать миллионов квадратных километров Кремль до сих пор воспринимает как источник вдохновения и опору для чувства долга, требующего присоединять еще и еще, хотя бы всего лишь сотни квадратных километров, чтобы украсть хоть маленький район, как, например, тот, у осетин. (?) Западный мир противопоставляет такому воображению обычную нормальность цивилизации со свободой инициативы, рыночной экономикой, с возможностями самоорганизации и самоуправления, с собственным достоинством гражданина, и я считаю, что эта альтернатива может стать вызовом колониализму Кремля… Если эта молодая Россия вообще когда-нибудь откроет Север в качестве морального допинга, то сделает это через несколько десятков лет. Только как легенду, необходимую на землях, севернее уже китайского Тобольска».

Перспективы же Польши, по Братковскому, блестящие! Польша, опираясь на собственные колоссальные ресурсы угля и газа, и страны Восточной Европы «создадут рынок, который, благодаря поддержке средствами ЕС, не станет нуждаться в российском рынке для тех своих продуктов, что трудно продать на Запад, ни в какой области торговли. Если мы добавим к этому, — продолжает Братковский, — сорок миллионов украинцев, которых Россия Кремля наверняка тоже быстро сделает своими врагами, мы получим потенциал, значительно превышающий потенциал населения и экономики России. Также — через некоторое время — и военный. При гигантском потенциале вооружения Соединенных Штатов в качестве союзника и при поддержке “старых” государств ЕС можно себе представить, да, можно себе представить сторожевое предста-

историков З. Вуйцика и Я. Мацишевского[1] за то, что, по их мнению, «оказывается, великий гетман Станислав Жулкевский (Жолкевский), победитель в битве под Клушином, вовсе не завоевывал Кремля — более того, не хотел даже вступать со своим войском в Москву»! Тогда как «не впервые тогда поляки (с польскими шотландцами) вступили в Москву и Кремль — они вошли туда в 1605 г. с первым Лжедмитрием, у которого, кстати, была политическая жилка: он обещал провести в России серьезные реформы»[2].

По убеждению Братковского, «еще при Борисе Годунове в Москву отправилось численно огромное польское посольство великого канцлера литовского Л. Сапеги, которое — разумеется, не без тайных договоренностей с боярами — везло проект практического присоединения России к Речи Посполитой с тем же статусом, что у Великого княжества Литовского. Бояре могли бы селиться и занимать должности в обоих государствах Речи Посполитой, а шляхта из этих государств — в России; можно было бы заключать успешные браки (в XVI в. долгое время шляхтич с коронных земель, женившись в Великом княжестве, не мог получить в собственность имущество жены). Войны они вели бы вместе и вместе пользовались плодами завоеваний: общими были бы союзы и враги, общий монетный двор и общий флот! После смерти нынешних вла-

вительство Евросоюза, равной и гораздо более современной в техническом отношении военной мощи, у границ России.

Кремлевская Россия провоцирует, да что там, прямо напрашивается на такое будущее, которое, как я уже сказал, не является плодом буйной фантазии. Военные заказы пошли бы на пользу американской и европейской экономике. А поспешная мировая война — без ядерных бомб, которых никто не станет применять, как не применяли их в течение 63 лет — не обещала бы ничего хорошего в данный момент Кремлю. Россия умерла бы раньше».

«Угодничество тех или иных западных политиков не изменит статуса России Кремля, которая, хочешь не хочешь, соглашается на роль ненавистного государства. Даже подхалимы тем более ненавидят Кремль, чем больше подлизываются. Для чего это нужно Кремлю, понять трудно». (URL: http://www.inosmi.ru/europe/20091116/156546163.html.)

[1] *Братковский С.* Как оно было с этим Кремлем. URL: http://www.novpol.ru/index.php?id=535.

[2] Там же.

стителей во главе стал бы общий властитель. Я (С. Братковский. — *Авт.*) не назвал здесь еще разных других общих дел, а также, что важнее, свобод, дарованных русским боярам. На это они больше всего и рассчитывали...»[1]

Далее Братковский описывает свое видение смутных времен. По его мнению, «Россию разрушило жуткое царствование Ивана Грозного, многие земли только сто лет спустя после его смерти вернулись в земледельческий оборот! Уже в вышеупомянутом 1600 г. Россия жила в предчувствии катастрофы — хотя историки и договорились называть Смутным временем период, начавшийся несколько позже, с кошмарными годами повсеместного голода и трагических крестьянский войн, когда год от года становилось все хуже, а сменявшие друг друга цари, включая самозванцев, погибали от руки убийц. Вдобавок с 1605 г. буквально по всей России, даже в самой глубинке, бесчинствовали польские авантюристы, явившиеся с самозванцами. Самые умные люди в Польше (Замойский, Жулкевский) не поддерживали самозванцев; от авантюристов же в Польше прямо отмежевывались: их звали приватниками, сеймики, как в коронных землях, так и в Литве, выносили постановления не помогать им — пусть сами расплачиваются за то, что творят. Самой дурной славой пользовались так называемые лисовщики, грабители и бандиты из отрядов Александра Лисовского, но не намного лучше были и другие, в том числе донские и польские казаки. С ними справиться было трудней, чем отобрать из польских рук Кремль: если бы кремлевскому гарнизону пообещали выплатить невыплаченное жалованье, он ушел бы сам, не дожидаясь подмоги»[2].

В заключении С. Братковский резюмирует: «Вся эта история свидетельствует о том, что сегодня в Кремле никто не собирается задавать вопросы специалистам, в данном случае — историкам. Признание за поляками завоевания Крем-

[1] *Братковский С.* Как оно было с этим Кремлем. URL: http://www.novpol.ru/index.php?id=535.

[2] Там же.

ля, что не удалось ни Наполеону (?!), ни Гитлеру, не приносит нам никакого удовлетворения, потому что, как мы видим, поляки его не завоевывали ни тогда, когда пришли с Лжедмитрием, ни после, с Жулкевским. О посольстве Сапеги есть работа Тышковского, вышедшая в 1927 г. и нуждающаяся в переиздании. Вот это был бы, если уж надо, комплимент — польским и литовским умам»[1].

В связи с подобными «пассажами» Братковского невольно вспоминается одна из наиболее востребованных в настоящее время концепций психологической зрелости — теория Р. Зелмана из Гарвардского университета, сформированная под значительным влиянием Дж. Г. Мида. Последний рассматривал процесс социализации человека как *научение смотреть на себя глазами обобщенного Другого*. Важнейшим критерием успешной социализированности и, как следствие, зрелости человека была предложена развитость *рефлексивных* процессов и способностей личности[2]. В психологическом плане это связано со способностью к динамическому моделированию и построению многовариантной информационной картины политических процессов с выделением в ней системообразующих начал. Квалифицированный аналитик *рефлексивного* типа (в отличие от *реактивного* типа) способен к системному пониманию истории внутреннего развития страны, геополитической модели ее поведения в мире. Он может ясно осознавать, четко концептуализировать и внятно озвучивать реальную роль своего государства в широком контексте исторических событий.

Рефлексивную культуру аналитика можно определить как систему способов организации рефлексии, построенных на основе *интеллектуальных* и *ценностных* критериев. Рефлексия позволяет реалистично оценивать ненормативные исторические ситуации. Важным признаком развития реф-

---

[1] Там же.

[2] *Журавлев А.Л.* «Социально-политическая зрелость»: попытка обосновать понятие // Феномен и категория зрелости в психологии. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. — С. 198—221.

лексивной культуры личности аналитика является гармоничность различных ее аспектов. Под гармоничностью понимается не только наличие доминирующей направленности рефлексии, которая не подавляет, а стимулирует проявление других рефлексивных содержаний, важных для конструктивного анализа, но и легкость переключения с одного типа рефлексивных проявлений на другой. Гармоничное взаимодействие разных уровней рефлексии способствует формированию адекватного целостного понимания сложных исторических ситуаций. Здесь мы можем заметить, что способность к рефлексии вообще, а к политической рефлексии тем более, не является естественной, изначально присущей человеку. Эта способность формируется и развивается как одно из самых сложных свойств человеческой психики.

Пример так называемого анализа С. Братковского позволяет нам диагностировать те же психологические качества польских интеллектуальных элит, обслуживающих свою власть, которые уже отмечались выше. Это жестко фиксированная аффективность оценок, психологическое застревание на эмоционально значимых частностях. Это и шаблоны сарматско-шляхетского эгоцентризма и эгоизма, а также устойчивая неспособность увидеть результаты своих аналитических изысков с позиции *обобщенного Другого.* В целом интерпретации и оценки этих аналитиков и самого г-на Братковского истории собственной страны не выходят за рамки аффективно-инфантильных установок агрессивного негативизма и стереотипов по внешне обвинительному типу.

ВЫВОДЫ

1. В XVI—XVII вв. в Речи Посполитой продолжают набирать обороты процессы саморазрушения. Централизованная власть в лице королей деградирует, шляхта яростно отстаивает «золотые свободы». Причем первое является следствием второго.

2. Причиной раскола Православной Церкви в Польше является духовно-нравственная деградация и разложение ее

иерархов, чему способствует весь политический контекст. Общее разложение элиты не может обойти элиту церковную. Стремление к заключению Брестской унии, в первую очередь, объясняется желанием погрязших в грехах православных иерархов сохранить свое привилегированное социально-экономическое положение.

3. Раскол Православной Церкви стал мощным стимулом ее оздоровления. Все нечистое и греховное ушло с униатами. Агрессивная среда со временем выдавила из Православия шляхту и магнатов. Основу православной паствы составили крепостные крестьяне и бедные казаки. Жестокая эксплуатация и унижение достоинства православных создало социальную базу для восстаний в Речи Посполитой. Казаки же являлись своеобразным политическим «запалом» этих восстаний.

4. Главным побудительным мотивом казацких восстаний становится периодическое поражение, ограничение в правах казаков в результате процедуры «заказачивания — расказачивания». Данный механизм создания взрывоопасной среды аналогичен с последствиями «разборов шляхты».

5. Брестская уния запустила очередной процесс саморазрушения Речи Посполитой. Православные восстания в государстве отныне не прекращались до самого отделения от Польши территорий с русским населением.

Глава 4
Разделы Польши. Восстание Т. Костюшко

При каждом обращении к теме польских восстаний перед нами неизменно возникает следующий вопрос: почему «знаменитые» польские восстания не совпадают по датам с не менее знаменитыми разделами Польши? Кажется логичным, что сразу после заключения соглашения о разделе должен последовать взрыв негодования патриотически настроенных поляков, естественным образом выливающийся в отечествен-

ную войну за освобождение Родины от захватчиков. Ведь всему миру известно, что поляки отличаются свободолюбием и радикальным патриотизмом.

Так почему же в Польше земля никогда не горела под ногами захватчиков и поработителей? При более внимательном изучении проблемы восстаний выясняется парадоксальный факт: разделы Речи Посполитой никак не связаны с восстаниями.

4.1. О причине польских восстаний

Русский историк Н.И. Ульянов (1904—1985)[1] открыл взаимосвязь казачьих восстаний в Речи Посполитой с циклами «заказачивания — расказачивания» (см. предыдущую главу). Дело в том, что в период войн, которые вела Польша, в казачье сословие принималось, то есть заказачивалось, немало малороссиян. Заказаченные пользовались всеми положенными при этом привилегиями. Однако по окончании военного конфликта воины расказачивались и, естественно, лишались полученных прав, что и вызывало многочисленные казачьи восстания. К восставшим примыкали крепостные крестьяне, жизнь которых в «шляхетской республике» была невыносимой[2]. То есть расказаченные служили своеобразным социальным запалом масштабных народных волнений.

---

[1] *Ульянов Н.* Происхождение украинского сепаратизма. — М.: Индрик, 1996.

[2] В середине XVIII в. положение крестьян на Правобережной Украине, которая еще находилась под властью Польши, ухудшилось. Кроме тяжелой барщины крестьяне должны были выполнять еще и множество дополнительных работ: чинить дороги, ремонтировать замки и др. Даже при том, что они собирали в барских лесах грибы, ягоды, березовую кору и рвали цветы, помещики увеличивали барщину. Крестьян жестоко наказывали за то, что они не хотели признавать церковной унии. Так, Данилу Кушниру из городка Млиевом на Смелянщине в присутствии народа, согнанного из разных сел, обмотали руки паклей, облили смолой и подожгли, затем отрезали голову и прибили к столбу. Эта страшная расправа описана в известном произведении Т.Г. Шевченко «Гайдамаки».

Гнет польских панов вызывал все новые и новые народные выступления. Восстания происходили в районе Житомира, Немирова, Умани, Лисянки, Винницы. Крестьянское движение перекинулось и на Галичину, где в 50—60-х гг. действовали отряды повстанцев, возглавляемые Иваном Бойчуком.

Аналогичные процессы происходили и со шляхтой. В процентном отношении и в Европе, и в России поляков дворянского сословия было немало — от 8 до 10%. После того как польские дворяне вместе с территориями попадали под юрисдикцию русского государства, возникала необходимость в «разборе шляхты». Власть не могла предоставить всем льготы как по экономическим и политическим причинам, так и потому, что это было бы не этично по отношению к собственным подданым. Поэтому от шляхтичей и аристократии требовалось подтверждение их дворянского происхождения. Большая часть этого сделать не сумела и, следовательно, лишилась всех своих титулов и привилегий. Лишенные прав дворяне и составляли движущие силы польских восстаний, пополняли ряды легионеров. Таким образом, повстанцами, в первую очередь, руководили не патриотические чувства, а меркантильные соображения и обида.

Ввиду того, что пораженные в правах дворяне не вызывали никакого сочувствия у крепостных, они не могли привлечь на свою сторону хлопов, поэтому масштабными такие восстания никогда не были. Бунтовали и бесчинствовали лишь обиженные, в связи с чем становится понятно, почему восстание Т. Костюшко (1794) произошло только через 22 года после первого раздела Польши в 1772 г. Второе восстание 1830—1831 гг. — почти через сорок лет после второго 1793 г. и третьего 1795 г. разделов Речи Посполитой, а третье 1863 г. — почти через полвека после четвертого раздела 1815 г.

4.2. О причинах разделов Польши

Общественно-экономические системы, к которым относятся и государства, имеют в целом два варианта устойчивости. Один соответствует либеральной форме управления, второй — централизованной. Переход общественно-экономической системы из одного состояния управления в другое — явление объективное, не зависимое, например, от воли либеральных демократов или диктаторов. Если система не займет устойчивого положения, она прекра-

тит существование. Теряющую устойчивость систему можно лишь на какое-то время задержать в исходном положении, а потом она все равно или перейдет в другое состояние равновесия, или разрушится. С помощью внешнего управления систему можно «законсервировать» в том или ином состоянии, но это достигается за счет отказа от суверенитета, то есть лимитрофизации государства.

С X по XIII в. Польша в рамках централизованного управления стала великой европейской державой. Однако со временем большие масштабы государства начали сказываться на эффективности его управления, и возник процесс дрейфа Речи Посполитой к альтернативным методам управления. С начала XIII в. борьба польского дворянства за свои права стала приносить свои плоды: к XVII в. там сформировалась либеральная форма управления государством, доведенная в определенном смысле до абсурда, что, в конечном счете, ввергло страну в хаос.

Польские историки М. Тымовский, Я. Кеневич и Е. Хольцер пишут о положении Польши на рубеже XVII—XVIII вв. следующее: «Междуцарствие 1696—1697 гг. стало периодом настоящего хаоса. Элекция протекала бурно: на польский престол были избраны одновременно французский кандидат принц Конти и саксонский курфюст Август. Последний действовал быстрее и короновался 15 сентября 1697 г. Необычность этого события заключалась даже не в том, какую роль сыграл царь Петр, и не в громадных суммах, полученных магнатами от всех возможных претендентов на польский престол, и даже не в том, что корону получил кандидат, избранный меньшинством. Удивительно другое: королем был избран человек, который явно выражал абсолютистские тенденции. Август II, как, впрочем, и Собеский, пытался упрочить собственные позиции путем получения наследственных королевских владений, например в Ливонии, хотя сам он располагал гораздо большими средствами»[1]. Как видим, историки не замечают здесь проявлений объективных тенденций к централизации в социально-

[1] История Польши. — М.: Весь мир, 2004. — С. 239.

экономической системе. Коррумпированная, сгнившая «демократия» увлекала Польшу в бездну.

Система коллективного принятия решений атомизированной, эгоистичной, разложившейся шляхтой исключала вероятность выбора в короли сколь-нибудь значимой личности и возможность концентрации ресурсов для решения стратегических задач, стоящих перед Польским государством. Положение осложнялось тем, что, с одной стороны, привилегии получили до 10% граждан Речи Посполитой, с другой — остальные 90% граждан (хлопы и «быдло») никаких прав не имели. То есть правами и свободами обладали исключительно представители «шляхетской нации».

Подобное положение дел требовало смены формы управления.

4.3. Борьба шляхты за устойчивость либеральной системы управления

Среди шляхетства, конечно, имелись здоровые силы, которые искренне желали вырвать страну из хаоса. Так, первый раздел Польши (1772) был спровоцирован конфликтом между «патриотами», стремящимися навести порядок в стране, и «консерваторами», не желающими менять ничего. К патриотам присоединилось католическое духовенство, выступившее против уравнения прав католиков с православными и протестантами (диссидентами).

Станислав Август провел некоторые реформы, направленные на централизацию государственной власти и ограничение олигархического произвола. Эти реформы, в конце концов, оформились в конституции 22 апреля (3 мая) 1791 г. В частности, было ограничено право «либерум вето». Начало реформ ознаменовалось частичным уравнением в правах католиков и диссидентов. Данное весьма непростое решение приняли на внеочередном сейме в Варшаве под давлением русских войск 23 сентября 1767 г.

Польша забурлила, обострилась борьба за власть, усилилось преследование диссидентов. Эти события вызвали

недовольство широких слоев магнатства и шляхты. Россию и Пруссию эти события озаботили также, поскольку польских соседей устраивал существующий либеральный режим. В результате, опираясь на расквартированную в Польше тридцатитысячную русскую армию, противники реформ блокировали их проведение. Екатерина II отказала Станиславу Августу в поддержке.

Под давлением России король был вынужден согласиться с требованиями приверженцев «золотых свобод».

В 1768 г. «патриоты» образовали конфедерацию в городе Бар. Целью конфедерации была защита внутренней и внешней самостоятельности Польши и сопротивление усилиям «русской партии», добивающейся равноправия для диссидентов. Иными словами, речь шла об ограничении «золотой вольницы» и централизации системы управления Речи Посполитой.

Однако реализации правильно поставленной цели мешал менталитет шляхты. Полковник Ш. Дюмурье, командированный правительством Франции для содействия конфедератам, следующим образом охарактеризовал «патриотов»: «Нравы вождей конфедерации азиатские. Изумительная роскошь, безумные издержки, длинные обеды, игра и пляска — вот их занятия! Они думали, что Дюмурье привез им сокровища, и пришли в отчаяние, когда он им объявил, что приехал без денег и что, судя по их образу жизни, они ни в чем не нуждаются. Он дал знать герцогу Шуазелю, чтобы тот прекратил пенсии вождям конфедератов, и герцог исполнил это немедленно. Войско конфедератов простиралось от 16 000 до 17 000 человек; но войско это было под начальством осьми или десяти независимых вождей, несогласных между собою, подозревающих друг друга, иногда дерущихся друг с другом и переманивающих друг у друга солдат. Все это была одна кавалерия, состоявшая из шляхтичей, равных между собою, без дисциплины, дурно вооруженных, на худых лошадях. Шляхта эта не могла сопротивляться не только линейным русским войскам, но даже и казакам. Ни одной крепости, ни

одной пушки, ни одного пехотинца. Конфедераты грабили своих же поляков, тиранили знатных землевладельцев, били крестьян, завербованных в войско. Вожди ссорились друг с другом. Вместо того чтобы поручить управление соляными копями двоим членам совета финансов, вожди разделили по себе соль и продали ее, дешевую ценой, силезским жидам, чтобы поскорее взять себе деньги. Товарищи (шляхта) не соглашались стоять на часах — они посылали для этого крестьян, а сами играли и пили в домах; офицеры в это время играли и плясали в соседних замках»[1].

Что касается характера отдельных вождей, то маршалок — генеральный распорядитель — М. Пац (1730—1787), по отзыву Дюмурье, был человек, «преданный удовольствиям, очень любезный и очень ветреный; у него было больше честолюбия, чем способностей, больше смелости, чем мужества. Он был красноречив — качество, распространенное между поляками благодаря сеймам. Единственный человек с головою был литвин Богуш, генеральный секретарь конфедерации, деспотически управляющий делами ее. Князь Радзвилл — совершенное животное, но это самый знатный господин в Польше. Пулавский очень храбр, очень предприимчив, но любит независимость, ветрен, не умеет ни в чем остановиться, невежда в военном деле, гордый своими небольшими успехами, которые поляки по своей склонности к преувеличениям ставят выше подвигов Собеского.

Поляки храбры, великодушны, учтивы, общительны. Они страстно любят свободу; они охотно жертвуют этой страсти имущество и жизнь; но их социальная система, их конституция противятся их усилиям. Польская конституция есть чистая аристократия, но в которой у благородных нет народа для управления, потому что нельзя назвать народом 8 из 10 миллионов рабов, которых продают, покупают, меняют, как домашних животных. Польское социальное тело — это чудовище, составленное из голов и желудков, без рук и ног.

[1] *Соловьев С.М.* История падения Польши. URL: http://author-smsolovyov.ru/index.php?wh=p00033&pg=33.

Польское управление похоже на управление сахарных плантаций, которые не могут быть независимыми.

Умственные способности, таланты, энергия в Польше от мужчин перешли к женщинам. Женщины ведут дела, а мужчины ведут чувственную жизнь»[1].

Узнав о конфедерации, король поначалу старался действовать примирительно, несмотря на то, что конфедерация в своем манифесте обошла его молчанием, но когда дальнейший миролюбивый образ действий стал невозможным, оппоненты конфедератов активизировались. Гетман Франтишек Ксаверий Браницкий с польским войском и генералы С. Апраксин и М. Кречетников выдвинулись против конфедератов и взяли Бар. Однако конфликт был невыгоден как Польше, так и России. В то время императрица Екатерина II являлась единственным гарантом территориальной целостности Речи Посполитой, которая фактически находилась под протекторатом России. Эта истина оказалась недоступной барским конфедератам для понимания. Инфантильные «патриоты» в очередной раз не соизмерили свои амбиции со своими возможностями. Конфликт был наруку Пруссии, как повод для решения своих политических проблем. Немцы нуждались в польских землях для объединения своих восточных и западных земель.

Барская конфедерация послужила поводом к требованию Пруссии и Австрии разделить польские земли ввиду неспособности Речи Посполитой поддерживать должный порядок на своей территории. Занятая войной с Турцией, Россия не могла противостоять притязаниям Пруссии и Австрии и вынужденно приняла участие в разделе.

В 1772 г. значительная часть территории Речи Посполитой перешла под юрисдикцию соседних государств. Станислав Август покорно принял решение великих держав, не осмелившись протестовать или открыто перейти на сторону польских патриотов.

---

[1] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Глава вторая. Продолжение царствования Императрицы Екатерины II Алексеевны. 1770 год. URL: http://www.magister.msk.ru/library/history/solov/solv28p2.htm.

В результате Пруссия получила значительную часть польского побережья, взвинтила таможенные пошлины, после чего экономика Польши начала приходить в упадок.

Таким образом, нежелание значительной части польской элиты подвергать свое благополучие рискам не только подавляло ее активность к противодействию разделам Польши, но и способствовало выступлениям против «смутьянов». Ради собственного благополучия, комфорта и спокойствия польские элиты тоже согласились на потерю части территорий.

Второму и третьему разделам Польши предшествовали события, в ходе которых партия «патриотов» во главе с Т. Костюшко, И. Потоцким и Г. Коллонтаем добилась создания постоянного совета, заменившего сенат, реформировала законодательство и налоговую систему. В ходе Чрезвычайного сейма Речи Посполитой, открывшегося 6 октября 1788 г., выявились две непримиримые группировки. «Патриотическая партия» выступала за проведение необходимых умеренных реформ, а старошляхетская партия отстаивала существовавшие порядки.

В какой-то момент «патриотической партии» удалось добиться превращения сейма из ординарного, действующего на основе принципа «либерум вето», в конфедеративный, то есть в такой сейм, где все решения принимались большинством голосов.

3 мая 1791 г. путем упрощенной процедуры сейм принял новую конституцию, которая расширила полномочия короля, закрепила престол за Саксонским домом, запретила создавать конфедерации, ликвидировала автономию Литвы, упразднила «либерум вето» и утвердила принцип принятия сеймовых решений по принципу большинства. Эту политическую реформу поддержали Пруссия, Швеция и Великобритания, стремившиеся не допустить чрезмерного усиления России.

День утверждения конституции был назначен по инициативе «патриотов». Воспользовавшись тем, что в этот период большинство участников оппозиции находилось на каникулах, «патриоты» добились принятия своего варианта

конституции, которая учредила единые органы государственной власти и управления для всей территории страны, то есть окончательно ликвидировался конфедеративный характер устройства Речи Посполитой. Таким образом, произошла очередная попытка поляков перейти в альтернативную область устойчивости государства.

Принятие конституции выводило систему управления Польшей из состояния равновесия с непредсказуемыми для многих шляхтичей последствиями. Как уже говорилось, большинство дворян и аристократии не желало идти ни на какие риски. Польское государство начало движение к другому полюсу устойчивого равновесия — централизованному управлению.

Однако магнаты С.-Ф. Потоцкий, Ф.-К. Браницкий, С. Ржевуский и генерал Коссаковский в Тарговице под Уманью основали конфедерацию против конституции и обратились к Екатерине II с просьбой содействовать возвращению в Польше старых порядков. Начальником, или маршалом, конфедерации избрали Потоцкого. Советниками его, на первых порах, были великий гетман Франциск-Ксаверий Браницкий и польный гетман Северин Ржевуский, имевшие, сообразно своим должностям, начальство над войском. Все, не подчинявшиеся конфедерации, были объявлены врагами отечества.

18 мая 1792 г. посланник России в Польше Я.И. Булгаков вручил польскому правительству декларацию, в которой на конституцию 3 мая 1791 г. указывалось как на повод к разрыву отношений между Польшей и соседними государствами, а «истинные патриоты» призывались «содействовать великодушным стараниям императрицы» — «возвратить Речи Посполитой свободу и законность». В день вручения декларации, по составленному заранее плану, русские войска под начальством генерал-аншефа М.В. Коховского («русского» поляка) четырьмя колоннами вошли из Бессарабии в пределы Речи Посполитой.

Противники конфедерации и русского вмешательства начали переговоры о помощи с Турцией, Австрией и Пруссией, но переговоры эти ни к чему не привели. Самые ярые враги

России, С.-К. Потоцкий, Г. Коллонтай и др., заговорили о примирении с русскими. Императрица Екатерина II потребовала, чтобы Станислав Август присоединился к Тарговицкой конфедерации. И в июле 1792 г. король исполнил это требование.

27 марта (7 апреля) 1793 г. Россия объявила декларацию о втором разделе Польши. Вслед за Россией о том же высказался и прусский король. Декларация оказалось полной неожиданностью для конфедерации. Некоторые из ее членов, как С. Ржевуский, сделались ярыми противниками России, но другие безропотно признали свершившийся факт. Вслед за этим последовала ликвидация и Тарговицкой конфедерации.

15 сентября 1793 г. акт об уничтожении Тарговицкой конфедерации, написанный Ф. Мошинским, был зачитан на сейме и принят единогласно. Возобновились суды, существовавшие до 1792 г. Постановления Тарговицкой конфедерации хотя формально и не теряли силы, но могли быть аннулированы сеймом. Для разбора жалоб на конфедерацию была учреждена особая депутация. Новая Гродненская конфедерация должна была поддерживать преимущества и неприкосновенность имущества всех граждан.

Таким образом, за возможность сохранения устойчивости либеральной системы управления польские элиты вполне сознательно расплатились территориями. Вот почему данное событие и называется «разделом», а не «завоеванием». Непосредственное участие в разделе принимала и польская сторона. Партия же «патриотов» в любом случае обрекалась на поражение, поскольку против нее объединялись ресурсы «либералов» и их союзников — Австрии, Пруссии и России. Соседи Польши были крайне заинтересованы в сохранении в Речи Посполитой «золотой вольницы», открывавшей для них заманчивые перспективы для решения своих политических задач за счет польских ресурсов и территорий.

До сего дня большинство историков полагает, что восстание Т. Костюшко явилось реакцией патриотической общественности на второй раздел Польши, но это не так. Картина

описанных выше событий непреложно свидетельствует, что восстание было результатом эскалации конфликта между «патриотами» и «консерваторами-либералами», который начался за шесть лет до раздела.

В связи с этим стоит рассмотреть подробнее отдельные инциденты, связанные со «знаменитыми» польскими восстаниями.

4.4. Восстание 1794 года

«Сведения о польском восстании 1794 года в материалах Государственного Архива Свердловской Области»

В одном из архивных дел ГАСО, в котором собраны документы, относящиеся к заводскому хозяйству Демидовых, случайно обнаружилось несколько вложенных листов с датами конца XVIII в. (ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 3804. Вложено в дело без нумерации листов).

Один из этих документов содержит изложение сведений о событиях в Польше, полученных из Санкт-Петербурга и датированных 25 апреля 1794 г. В документе не называются ни отправитель, ни получатель послания. Очевидно, он был приложен к другому письму. Судя по степени информированности отправителя, а также по тому, что письмо хранилось в документах нижнетагильской заводской конторы Демидовых, получателем его мог быть сам владелец нижнетагильских заводов, каковым в то время являлся Николай Никитич Демидов (9 ноября 1773 — 22 апреля 1828). На возможного отправителя указывает и приписка в конце письма, касающаяся служебных перемещений. Особый интерес в приписке проявлен в отношении Ярославля, что позволяет предполагать отправителем письма двоюродного брата Николая Никитича — Павла Григорьевича Демидова (29 декабря 1738 — 1 июля 1821), деятельность которого была тесно связана именно с Ярославлем.

Содержание послания представляет собой пересказ донесений из районов событий, а также реакцию петербургского двора на эти события. Вероятно, это самые первые, еще не уточненные другими источниками, известия, полученные в

столице России из Польши. На это указывает, например, то, как считает автор сообщения, что восстания в Кракове, Варшаве и Вильно начались в один и тот же день. На самом деле Краков восставшие заняли 24 марта, Варшаву — 17—18 апреля, Вильно — 22—23 апреля...

Вот этот документ:

(л. 1) «Перечень писем из Санктъ-Петербурга от 25 апреля 1794 года

Долго мы не имели никаких известий из Варшавы и пребывали в мучительном состоянии. Наконец получено писмо от кени бергского(!) коменданта, извещавшее о побеге Игелштрома[1], а потом 19 апреля прискакал курьер от цесарскаго министра к графу Кобенцлю. Чрез него получены подробнейшия известия, подтвержденныя в последствии релецией(!) Игелштрома и изъустным донесением графа Николая Александровича Зубова. Все, что мы до сих пор знаем, состоит в следующем.

Игелштром, будучи предъостерегаем цесарским министром, ответствовал, что и 25 человек руских для Варшавы доволно. Получа, однако ж, отъвсюду одинакие слухи, начал деиствително опасатся и, следуя совету зломышленников, приказал выдать из арсенала 12000 ружеи варшавским обывателям, дабы они могли защитить себя в случае нужды и соблюсти порядок в городе. Наступил 4 апреля — великои у поляков праздник. В Варшаву пришло множество крестьян из

[1] Игельстром (Игельштром) Иосиф (Осип) — генерал-поручик, выходец из курляндской немецкой дворянской семьи, командующий русскими войсками в Варшаве, долго служил под началом князя Репнина. 56-летний генерал-поручик прославился тем, что не был способен принимать самостоятельные решения, что в конце концов привело к трагическим последствиям, и бурным романом с красавицей, польской графиней Залусской, урожденной Пиотровичев. Молодая красавица использовала интимную связь с командующим в личных корыстных целях, дело доходило до того, что Иосиф по просьбе любовницы оказывал давление на короля Станислава, заставляя его выполнять ее прихоти. Графиня, кстати, предупредила престарелого любовника о готовящемся восстании, но он на предупреждение отреагировал весьма вяло: арестовал двоих заговорщиков (Венгерского и Серпинского) и удвоил собственную охрану.

окружных сторон. Никто не чувствовал настоящаго бедствия и готовилися спать, как вдруг началася тревога. (У него находится до 13 000 тысячь(!) французов или множество беглых венгерцов и прусаков. Главное его пребывание в Кракове.) Соединившись с варшавцами, принялись резать руских. Смятение зделалось общее. Солдаты не знали куда бежать, по всем концам города были частные сражения.

Самыя женшины стреляли по нашим из окон. Игелштром и еще три генерала укрылись в конюшне, куда, наконец, пробился к ним маиор Титов, имея при себе около четырех сот человек».

(л. 1 об.) «Граница пруская недалеко и так все они в числе пяти сот человек убежали туда. А между тем в городе сече продолжалась, пока правианскои генерал Навицкои, собрав 1600 человек, вышел с ними из Варшавы и окопался шанцами. Поляки силно приступали к нему да много потеряли убитыми и человек сорок в плен взятыми. Новицкои наконец был столко щастлив, что открыл сообщение с Салтыковым и Денисовым. Съ сим последним онои соединился в продолжении замешателства. Король также скрылся. Думают, что он был в согласии съ зломышленниками. Дом Игелштромов разграблен и вообще чрезъвычаино наделано безпорядков. Ожесточившиеся поляки приступили к дому цесарскаго министра, требуя выдачи трех руских, кои к нему убежали. Но как отказался исполнить их требовании, то они напоследок оставили ево в покое.

Первые курьеры перевершены, так что трех почт совсем не было из Варшавы. Потеря наша доселе неизвестна, но как у Игельштрома было 7000 человек, то выключив удалившихся и разсеянных, можно полагать ее до 3000. Игелштром писал в Петербург, что он виноват, но не изменник, что он болше министр, нежели генерал и просил отставки. С негодованием государыня дала ему оную. А старшаго генерала Стефана Стефановича Апраксина велела судить военным судом. Теперь отправлен в Полшу князь Николаи Васильевичь Репнин с Рижскою девизиею. Сверх того **(л. 2)** велела ему взять 36 000 у графа Ивана Петровича Салтыкова для министерских дел. Сказывают, поедет туда Марков. Мы ждем формалнои воины манифеста.

P. S. Поляки и Вилну схватили. Заговор въ один день приведен был в Кракове, в Варшаве и Вилне. В сеи последнеи Арсеньев взят в полон.

В Москву не будет ли главнокомандующим Кашкин, его место заступит Лопухин, а въ Ярославле Голохвастов».

Заметим, что из сообщения следует: начало польского восстания ознаменовалось именно резней русских! И это полностью опровергает измышления нашего профессора. А потом нам попались материалы исследований атамана П.Н. Краснова, в прошлом одного самых авторитетных знатоков истории казачества.

«Польша в конце царствования императрицы Екатерины II была занята русскими войсками, и в Варшаве, бывшей столице свободного Польского королевства, стояли русские полки. Это очень не нравилось полякам. Они помнили те времена, когда их короли угрожали самой Москве, когда границы Польши захватывали Вильно и Смоленск. Крестьянам польским при русском управлении жилось лучше, но помещики-паны ненавидели русских и ждали случая, чтобы поднять восстание. В 1794 г. в Польшу приехал из Америки поляк Костюшко. В Америке он был на войне и прославил себя как искусный полководец… Вместе со знаменитыми польскими панами он задумал поднять польский народ и истребить все русские войска в Польше. *4 апреля 1794 г., в ночь на Светло-Христово Воскресенье, поляки вероломно напали в Варшаве на русские войска и перерезали многих офицеров и солдат. Они нападали на безоружных людей с косами и ножами, убивали целые семьи вместе с детьми. Так же они сделали и во всех других городах Польши, где были русские войска. Они назвали этот низкий поступок “кровавой заутреней”*», — так о начале восстания в книге «Картины былого Тихого Дона» (изданной в 1909 г. по распоряжению войскового наказного атамана Войска Донского генерал-лейтенанта Самсонова) повествует Петр Николаевич Краснов. Тот самый атаман, генерал от кавалерии, печально известный тесным сотрудничеством с немцами как в Гражданскую, так и в Великую Отечественную войну.

Мятеж произошел в Страстной четверг, когда 3-му батальону Киевского полка (около 500 человек) выпала очередь говеть в церкви, где он, будучи без оружия, был захвачен повстанцами и большею частью вырезан.

Что же получается? Поляки разработали гениальный план. В ночь на Светлое Христово Воскресение прямо в православных храмах вырезали десятки безоружных русских солдат и офицеров, обеспечив минимум собственных потерь.

В Варшаве в четыре часа утра 6 апреля (17 апреля) отряд королевской конной гвардии вылетел из казарм и атаковал русский пикет, который стоял с двумя пушками между казармами и железными воротами Саксонского сада. Пикет дважды выстрелил из пушек и отступил перед превосходящим в числе противником. После этого из казарм выехала вся королевская конная гвардия, часть ее двинулась к арсеналу, часть — к пороховому складу.

Восставшие выдали ружья и палаши из арсенала всем желающим. Чтобы повысить активность убийц в ночь перед восстанием, заговорщики раздали местным бродягам деньги, один только Я. Килинский, авантюрист, модный башмачник и баловень варшавских дам, раздал 6000 злотых. Потом «просвещенное» население Варшавы и ряда других городов, где стояли гарнизоны, взялось за членов семей «оккупантов»: женщин, стариков, детей.

Делали это с особым зверством и азартом. За безоружными людьми гонялись толпами, настигали и забивали насмерть, чем попало: ногами, палками, камнями. В избиении русских активное участие приняли женщины и дети. Варшавяне не были профессиональными убийцами, поэтому смерть русских была не скорой и очень мучительной. В живых оставляли только офицеров, да и то не всегда. Так кто же первым начал «мясо белых братьев жарить» на варшавской сковороде?

О.А. Игельстром с несколькими сотнями солдат организовал оборону своего особняка на Медовой улице, русские

сопротивлялись отчаянно. Король Станислав послал своего брата на переговоры к генерал-поручику. Игельстром согласился с предложением короля выйти из города с оставшимися войсками, чтобы появилась возможность успокоить население города. Для продолжения переговоров Игельстром посылает своего племянника, которого сопровождают генерал А. Бышевский и С. Мокрановский, впоследствии наместник Костюшко в Варшаве. Но опьяненная кровью толпа нападает на парламентера и забивает младшего Игельстрома до смерти, тяжело ранив при этом старого благородного генерала Бышевского, попытавшегося предотвратить преступление[1].

Игельстрому-старшему удалось бежать из Варшавы и спрятаться на даче своей знакомой, княгини Чарторыйской, где он и скрывался до прихода прусского отряда. Однако престарелый любовник успел до этого совершить еще один опрометчивый поступок — не уничтожил служебные бумаги. Вследствие этого было захвачено двенадцать польских магнатов лишь на том основании, что состояли в переписке с Игельстромом. Все они были растерзаны восставшими прямо в тюрьме, где ожидали суда.

Достоверными сведениями о количестве жертв варшавской резни можно считать цифры, указанные А.В. Суворовым.

Обратимся к эпистолярному наследию великого полководца[2].

Ваше превосходительство

Осип Михайлович![3]

Копия очень замечательна; она секретна и посылается одному лишь Вам. Я получил ее от Василия Васильевича Эн-

---

[1] *Соловьев С.* История падения Польши. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/sol_pol/index.php.

[2] Автограф. ГПБ. Ф. 755. Т. 22. Л. 49. Публикация — РА. 1866. № 7. Стб. 986—988.

[3] Дерибас, де Рибас Осип Михайлович (1749—1800), адмирал (1799). По происхождению испанец. С 1772 г. на русской службе. Участник Русско-турецкой войны 1787—1791, штурма Исмаила. Руководитель строительства порта и города Одесса.

гельгардта[1], который от Графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского вчера проехал здесь к Графу Ивану Петровичу Салтыкову, чтобы командовать у него кавалериею. Граф Платон Александрович Зубов получил выговор за то, что ее поручили мальчику[2]. Он назначен в совет, будет пожалован Светлейшим Князем 21 апреля[3], если... Под началом великого Графа Безбородки работает Аркадий Марков[4]. Графом Николаем Ивановичем Салтыковым более других недовольны. После Варшавской резни, число жертв которой доходит до 4000, двор не имел от него вестей около месяца. Арсеньев был захвачен врасплох[5]; пострадали чрез сие также старые Сиверс и Игельстром[6]. Последний должен состоять при Короле Прусском, нынче не в чести. Князь Репнин не хотел вступать в Литву без достаточного сильного корпуса, а как получил его, то сие и исполнил, а где он теперь, у нас не ведают...

20 июня 1794. Белая Церковь

Таким образом, только в Варшаве было убито порядка 4000 русских. По некоторым данным, которые, в частности, назывались во время дискуссии о переименовании площади им. Т. Костюшко в Рязани, только 600 из них были солдатами и офи-

---

[1] Энгельгардт Василий Васильевич — в 1794 г. генерал-поручик. Передал С. какой-то документ, полученный из Петербурга, касающийся дел в Польше.

[2] Граф Платон Александрович Зубов получил выговор за то, что ее поручили мальчику. — О ком идет речь — не ясно. Может быть, о Валериане Зубове.

[3] То есть Зубов получит княжеское достоинство в день рождения императрицы, если дела в Польше придут к благоприятному концу.

[4] Марков (Морков) Аркадий Иванович (1747—1827) — дипломат, член коллегии иностранных дел с 1786 г. Примкнул к группировке Зубова, отобрав у Безбородко иностранную переписку императрицы. Сторонник 3-го раздела Польши. Впоследствии граф; русский посол в Париже в 1801—1803 гг.

[5] Арсеньев был захвачен врасплох… — Арсеньев Николай Дмитриевич (1739—1796) — генерал-майор, начальник гарнизона русских войск в Вильно. Восстание его застало на балу, где он и был арестован. Гарнизон сумел вырваться из города. Освобожденный из плена после взятия Варшавы, Арсеньев служил дежурным генералом у С.

[6] Сиверс и Игельстром получили строгие выговоры от Екатерины II. Игельстром вскоре был уволен со службы.

церами, остальные жертвы — члены их семей, что похоже на правду. Разделите 4000 на 600, получится 6—7 человек, именно такими в среднем по количеству были тогда русские семьи.

Правда, существуют и другие данные о жертвах варшавской резни: 2265 — солдат и офицеров, остальные — члены их семей[1], но это, согласитесь, никак не умаляет чудовищности преступления.

Трагические подробности варшавского побоища возмутили русское общество. 6 апреля 1794 г. осталось в русской истории как варшавская Варфоломеевская ночь. Однако польские историки это варварство определяют по-другому, в частности, М. Тымовский, Я. Кеневич, Е. Холцер в «Истории Польши» так описывают уничтожение безоружных русских: «В Варшаве после двух дней ожесточенных боев (17 и 18 апреля) русский гарнизон был разбит силами армии и народа»[2].

Убийства русских военных продолжились в Вильне. Гарнизон генерала П.А. Исленьева был перебит и пленен: многих поляки застали врасплох во сне.

Но и после этих кровавых событий преступления не прекращались. Первого мая в 9 часов вечера к королю явился только что назначенный Костюшко на должность наместника С. Мокрановский, тот самый, который спокойно взирал на то, как убивают русского парламентера, и потребовал арестовать епископа Виленского князя И. Масальского, убежденного приверженца России. Король категорически отказал, тогда правление само приняло решение и арестовало И. Масальского, Скорчевского, епископа Хельмского и Мошинского, великого маршала. И поводом к аресту являлись лишь их симпатии в России. Несмотря на ходатайство короля и протест папского нунция Литы, епископа Масальского повесили. 9 мая, также без суда и следствия, были повешены: гетман коронный Ожаровский, гетман Литовский Забелло Анквич[3].

---

[1] URL: http://www.rusk.ru/st/php?idar.

[2] История Польши. — М.: Весь мир, 2004. — С. 291.

[3] *Соловьев С.* История падения Польши. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/sol_pol/index.php.

Приведем документы[1], из которых можно узнать о некоторых подробностях штурма Праги.

П.А. Зубову Прага. 24 октября 1794 г.

Милостливый Государь

Граф Платон Александрович!

Ея Императорского Величества победоносные войска одержали паки верховнейшую славу! Летели чрез волчьи ямы с копьями, герзы, засеки, рогатки, глубокие рвы водяные, высокий вал, двойной ретранштамент.

Ваше Сиятельство с блистательнейшею победою покорнейше поздравляю! И пребуду с совершеннейшим почтением,

Милостливый Государь

Вашего Сиятельства

Покорнейший слуга

Граф Александр Суворов-Рымникский.

На следующий день А. Суворов пишет на французском языке королю Станиславу Августу письмо следующего содержания[2]:

Прага. 25 октября 1794 г.

Государь!

Получил я письмо от 24 октября, коим Ваше Величество меня почтили. Именем Ее Императорского Величества, моей августейшей Государыни я гарантирую всем гражданам безопасность имущества и личности, ровно как забвение всего прошлого, и обещаю при входе войск Ее Императорского Величества никоих злоупотреблений не допустить.

Государь, Вашего Величества и т. д.

<Подписано:> Граф Александр Суворов-Рымникский.

---

1 Подлинник. АВПР, а / Сношения России с Польшей. Д. 1839. Л. 282. Публикация СА. 1833. Октябрь. № 20. — С. 117.

2 ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 2731. Л. 388. Публикация — КА. 1940. № 4. — С. 191.

В приказе по армии А.В. Суворов писал: «В дома не забегать, неприятеля, просящего пощады, щадить. Безоружных не убивать. С бабами не воевать, мололетков не трогать»[1].

В раппорте П.А. Румянцеву Суворов донес, что во время штурма Праги 24 октября там «было войска с лишком 26 000, почти все регулярное; спаслось от оного только кавалерия до 2000, в плену теперь с лишком 10 000: 3 генерала, 23 стабс- и до 250-ти обер-офицеров, да пушек свезено 72, а достальные еще свозятся[2]. В Варшаве великое смятение. Войски Ея Императорского Величества действовали живо и храбро; продолжалось не более трех часов и кончено славно…»[3].

---

[1] URL: http://www.rusk.ru/st/php?idar.

[2] При взятии Праги молодой 17-летний капитан А.П. Ермолов, в будущем легендарный генерал, командовал батареей из шести орудий, которая подавила огонь противника. Поляки вынуждены были перенести свои пушки вглубь города, что сыграло решающее значение при штурме. Именно в этом месте русские прорвали оборону поляков. За этот подвиг юный А.П. Ермолов удостоился ордена Св. Георгия 4-ой степени. Братом капитана Ермолова был полковник Александр Михайлович Каховский. У братьев была одна мать и разные отцы. И отцом полковника Каховского, также отличившегося при штурме Праги, был поляк! Родственные связи капитана вообще очень интересны. Мать будущего легендарного генерала, Марья Денисовна, была родной теткой Дениса Давыдова. То есть герой войны 1812 г. знаменитый Д. Давыдов приходился двоюродным братом Александру Каховскому и Алексею Ермолову. А тетя Марии Денисовны — Катерина Николаевна, урожденная Самойлова, была племянницей князя Г.А. Потемкина, имеющего, как известно, польские корни. Катерина Николаевна от первого брака за Раевским, происходившим из польских дворян, имела сына Николая, прославленного героя Отечественной войны 1812 г.

В 1809 г. генерал Ермолов провел отпуск в имении своего старого друга князя К.К. Любомирского. Отдых у польского аристократа ему запомнился ежедневными балами, фейерверками, изысканной музыкой и экзотическими яствами. Во время этой короткой передышки от боев он влюбился в кузину Констанции Любомирской Надин. Впрочем, роман ничем не закончился, поскольку время не располагало к романтическим отношениям.

В заключение настоящей справки отметим, что А.П. Ермолов, будущий лучший артиллерист Европы, в свое время совершенствовал образование под руководством петербургского математика, поляка Лясковского. (*Алешин А.* Орловская правда. 2002. http: www.ermolov.org.ru/book/aleshin.htm.)

[3] СД. Т. 3. — С. 399.

Следует отметить, что поводом к восстанию стало решение гродненского сейма о сокращении польской армии со 100 тысяч до 15 тысяч человек. Расквартированная в Остроленске бригада генерала А. Мадалинского отказалась выполнять приказ об увольнении, в результате на стороне повстанцев оказались регулярные войска.

Прага была не просто пригородом Варшавы, она имела двойной укрепленный оборонительный рубеж (двойной ретраншамент) и считалась сильной крепостью полевого типа. Эту крепость обороняли сотня пушек и многочисленный гарнизон регулярных войск, поэтому при штурме она подверглась массированному артиллерийскому обстрелу (бомбардировке), что привело к жертвам среди мирного населения. «После штурма Прагских ретраншаментов Варшава, быв в великом смятении и страхе, особливо от бомбардирования, покорилась победоносным Ея Императорского Величества войскам»[1].

То, что многочисленный, хорошо обученный, отлично вооруженный гарнизон мощной крепости не смог продержаться против атакующих русских более трех часов, свидетельствует о сильнейшей артподготовке перед штурмом, после чего поляки были деморализованы и не оказали существенного сопротивления.

Письмо Станиславу Августу было написано в ответ на письмо короля от 24 октября, где тот сообщал: «Господин генерал и главнокомандующий войсками Императрицы Всероссийской! Магистрат города Варшавы просил моего посредничества между ним и Вами, дабы узнать намерения Ваши в рассуждении сей столицы. Я должен уведомить Вас, что все жители города готовы защищаться до последней капли крови, если Вы не снабдите их в рассуждении их жизни и имущества. Я ожидаю Вашего ответа и молю Бога, чтобы он принял Вас в святое свое покровительство»[2].

---

[1] ГПБ. Ф. 755. Т. 22. Публикация — РА. 1866. № 7. Ст. 1011.

[2] *Соловьев С.* История падения Польши. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/sol_pol/index.php.

К письму на имя Станислава Августа прилагались условия сдачи Варшавы. Прибывшие польские парламентеры не могли поверить столь умеренным условиям. Суворов лично подтвердил свой ответ парламентерам и со словами «Покой! Покой!» бросил на землю свою саблю. Толпа варшавских жителей, напряженно ожидавшая возвращения парламентеров, встретила их сообщение вздохом облегчения.

В 9 часов утра русские войска с барабанным боем и музыкою торжественно вступили в город. «На самом берегу, при переходе мосту, — доносил Румянцеву Суворов, — магистрат и все мещанство, вышед вперед во сретение победителей с хлебом и солью, и поднесли городские ключи. Берег, улицы, площади — все было усыпано народом, повсюду кричали: “Виват Екатерина!”»[1].

На следующий день Суворов в полной парадной форме, со всеми орденами и в сопровождении кавалерийского эскорта прибыл во дворец к королю Станиславу Августу. Король попросил его освободить пленного офицера, некогда служившего в его свите, на что Суворов ответил: «Если угодно, я освобожу вам их сотню. — И, подумав, добавил: — Две сотни, триста, четыреста, так и быть — пятьсот».

И тотчас отправил курьера отобрать из плененных триста офицеров и двести унтер-офицеров. Всего из десяти тысяч повстанцев, взятых при штурме Праги, свыше шести тысяч по приказу Суворова были немедленно освобождены. С участниками восстания Суворов предписывал «поступать весьма ласково и дружелюбно». От имени императрицы он обещал всем, сложившим оружие, «вольность и забвение всего происшедшего»[2]. По словам полководца, именно это обстоятельство более всего «к окончанию замешательства споспешествовало». Многие участники восстания являлись к русским военачальникам за паспортами, а затем возвращались к своим мирным занятиям. К 30 ноября 1794 г. таких уволенных по домам насчитывалось 25 469 человек.

---

1 СД. Т. 3. — С. 423.

2 URL: http://nabat.my1.ru/forum/3-1093-1.

4.5. О резне в Праге

Напрасно ожидать от польской стороны объективной оценки событий тех лет. Вот, например, что пишет М. Мачейовский, член одного из польских городских советов, всерьез полагая, что русские должны в угоду «шляхетскому» капризу отказаться от своих национальных героев: «Россия традиционно почитает Суворова, который в нашей истории отличился с самой худшей стороны, и это не единичный случай. Для нас Суворов является чрезвычайно негативной фигурой, однако в современной истории есть много персонажей с обагренными кровью руками, от которых Россия не отмежевалась, так как это потребовало бы от нее пересмотра собственной истории»[1].

Попробуем разобраться. Польские историки утверждают, что истребление мирного населения варшавской Праги имело место 4 ноября 1794 г., когда российские силы под командованием А.В. Суворова сломили сопротивление обороны повстанцев. По их оценкам, в результате продолжавшейся несколько часов волны убийств погибло около 20 тысяч человек.

Однако все наши усилия по поиску документов, подтверждающих факты массовых преступлений со стороны русских войск в отношении мирного населения, результатов не дали. Действительно, интенсивная бомбардировка Праги привела к многочисленным жертвам, улицы города были «буквально залиты кровью», об этом есть много свидетельств с обеих сторон.

Например, французский эмигрант, служивший подполковником в Кинбурнском драгунском полку и участвовавший в штурме, писал в воспоминаниях: «До самой Вислы на всяком шагу видны были всякого звания умерщвленные. На берегу оной навалены были груды тел убитых и умирающих воинов, жителей, жидов (Прага была населена в основном евреями, которые также оказали активное вооруженное сопротивление правительственным войскам), монахов, женщин и ребят»[2].

---

[1] *Замостьянов А.* Суворов и гибель польской государственности. URL: http://www.psj.ru/saver_national/detail.php?ID=26237.

[2] URL: http://www.rusk.ru/st/php?idar.

Но при этом нет никаких документальных подтверждений массового изнасилования католических монахинь и убийства младенцев русскими солдатами и казаками, на что особенно упирают польские историки.

Тот же французский подполковник, плечом к плечу с русскими штурмовавший Прагу, о подобных зверствах не упоминает нигде.

А вот рассказ участника штурма генерала фон Клюге (Клугина), записанный Ф. Булгариным: «Перед каждым деташементом шла рота отличных застрельщиков и две роты несли лестницы и фашины. На расстоянии картечного выстрела наша артиллерия дала залп и потом начала стрелять через пушку. С укреплений тоже отвечали ядрами. Когда мрак прояснился, мы увидели, что пражские укрепления во многих местах рассыпались от наших ядер. Вокруг Праги грунт песчаный, и, невзирая на то, что укрепления были обложены дерном и фашинами, они были непрочны.

Вдруг в средней колонне раздался крик: “Вперед! Ура!” Все войско повторило это восклицание и бросилось в ров и на укрепления. Ружейный огонь запылал на всей линии, и свист пуль слился в один вой. Мы пробирались по телам убитых и, не останавливаясь ни на минуту, взобрались на окопы. Тут началась резня. Дрались штыками, прикладами, саблями, кинжалами, ножами — даже грызлись!

Лишь только мы влезли на окопы, бывшие против нас поляки, дав залп из ружей, бросились в наши ряды. Один польский дюжий монах, весь облитый кровью, схватил в охапку капитана моего батальона и вырвал у него зубами часть щеки. Я успел в пору свалить монаха, вонзив ему в бок шпагу по эфес. Человек двадцать охотников бросилось на нас с топорами, и, пока их подняли на штыки, они изрубили много наших. Мало сказать, что дрались с ожесточением, нет — дрались с остервенением и без всякой пощады. Нам невозможно было сохранить порядок, и мы держались плотными толпами. В некоторых бастионах поляки заперлись, окружив себя пушками. Мне велено было атаковать один из этих бастионов. Выдержав

картечный огонь из четырех орудий, мой батальон бросился в штыки на пушки и на засевших в бастионе поляков. Горестное зрелище поразило меня при первом шаге! Польский генерал Ясинский, храбрый и умный, поэт и мечтатель, которого я встречал в варшавских обществах и любил, — лежал окровавленный на пушке. Он не хотел просить пощады и выстрелил из пистолета в моих гренадеров, которым я велел поднять его… Его закололи на пушке. Ни одна живая душа не осталась в бастионе — всех поляков перекололи…

Та же участь постигла всех оставшихся в укреплениях, и мы, построившись, пошли за бегущими на главную площадь. В нас стреляли из окон домов и с крыш, и наши солдаты врывались в дома, умерщвляли всех, кто им ни попадался… Ожесточение и жажда мести дошла до высочайшей степени… офицеры уже были не в силах прекратить кровопролитие… Жители Праги, старики, женщины, дети, бежали толпами перед нами к мосту, куда стремились также и спасшиеся от наших штыков защитники укреплений, — и вдруг раздались страшные вопли в бегущих толпах, потом взвился дым и показалось пламя… Один из наших отрядов, посланный на берег Вислы, ворвался в окопы, зажег мост на Висле и отрезал бегущим отступление… В ту же самую минуту раздался ужасный треск, земля поколебалась, и дневной свет померк от дыма и пыли… пороховой магазин взлетел на воздух… Прагу подожгли с четырех концов, и пламя быстро разлетелось по деревянным строениям. Вокруг нас были трупы, кровь и огонь…

У моста настала снова резня. Наши солдаты стреляли в толпы, не разбирая никого, — и пронзительный крик женщин, вопли детей наводили ужас на душу. Справедливо говорят, что пролитая человеческая кровь возбуждает род опьянения. Ожесточенные наши солдаты в каждом живом существе видели губителя наших во время восстания в Варшаве. “Нет никому пардона!” — кричали наши солдаты и умерщвляли всех, не различая ни лет, ни пола…

Несколько сот поляков успели спастись по мосту. Тысячи две утонуло, бросившись в Вислу, чтоб переплыть. Взято в

плен до полутора тысяч человек, между которыми было множество офицеров, несколько генералов и полковников. Большого труда стоило русским офицерам спасти этих несчастных от мщения наших солдат.

В пять часов утра мы пошли на штурм, а в девять часов уже не было ни польского войска, защищавшего Прагу, ни самой Праги, ни ее жителей… В четыре часа времени совершилась ужасная месть за избиение наших в Варшаве»[1].

Картина, действительно, ужасная. Но для того, чтобы, невзирая на плотный огонь противника, броситься навстречу смерти и с яростным ожесточением рвать врага в клочья, должен быть серьезный мотив. И такой мотив был: в первых рядах штурмующих шли воины генерала И. Ферзена, которые вместе со своими товарищами и семьями в ту страшную ночь 6 апреля 1794 г. находились в Варшаве. Недаром части генерала Ферзена сражались наиболее успешно и даже захватили Костюшко в плен. У всех у них в Варшаве остались погибшие: жена, ребенок, мать, друг, сослуживец. Как и говорит фон Клюге, они мстили, а у восставших, растерзавших безоружных людей, такого мотива не было. Суворов, как мог, сдерживал ненависть ферзеновцев, по его команде разрушили мосты через Вислу. Страшно подумать, что бы произошло, если бы мстители прорвались в Варшаву.

В плен Костюшко взял офицер Харьковского полка Ф.И. Лысенко. Он происходил из семьи неграмотных простолюдинов, в 27 лет поступил рядовым в Харьковский гусарский полк. В рядах этого полка Федор Ильич прошел всю русско-турецкую войну 1778—1791 гг. Принимал участие в штурме Очакова, Аккермана, Бендер и Кили. Несмотря на постоянное участие в боях и походах, Лысенко самостоятельно освоил грамоту. Когда началось польское восстание, Харьковский полк находился в составе русских войск в Варшаве. В ту страшную «варшавскую Варфоломеевскую ночь» Харьковский полк потерял 200 человек, в том числе командира полка, а также все полковое имущество — обоз, канцелярию и казну.

[1] *Булгарин Ф.* Воспоминания. — М.: Захаров, 2001.

С большинством «харьковцев» Лысенко сумел вырваться из Варшавы и соединиться с войсками генерала Ферзена. Спустя полгода именно этот отряд, о чем уже говорилось, и пленил Костюшко. Мысль об этом возникла у Федора сразу после событий в Варшаве. А само пленение было хорошо спланированной акцией. Еще до начала сражения Лысенко «просил, чтобы позволено ему было во время сражения при удобном случае отлучиться от полку для отыскания польской революции Главнокомандующего польскими войсками Генерала Костюшки». Начальство разрешило корнету Лысенко начать эту «охоту». И под конец сражения, когда русские войска занялись преследованием спешно ретирующихся мелких отрядов уцелевших повстанцев, «охотник», наконец, настиг свою жертву. Издалека заметив главнокомандующего, Федор Ильич пробился к нему, а потом «гнавшись за ним, дал саблею две раны по голове, взял в плен помянутого польскою революцею начальника Костюшку»[1].

Вскоре ферзеновцы оказались в первых рядах штурмующих Прагу.

То, что поляки вырезали *всего* (!) свыше четырех тысяч безоружных русских, отнюдь не свидетельствует об их «гуманности». Они зверски убили тех, кого смогли убить, всех, кто попался под руку: безоружных женщин, стариков, детей, спящих военнослужащих, курьеров-почтальонов, парламентера, пленных. Историк С.М. Соловьев в своей «Истории падения Польши»[2] мимоходом пишет о зверствах толпы одной строчкой: *«Где только завидят русского — хватают, бьют, умерщвляют, офицеров забирают в плен, денщиков по большей части убивают».* Разъяренная толпа растерзала племянника русского посланника Игельстрома, когда тот ехал к польскому королю на переговоры о выводе русских войск. Заодно был убит и польский офицер, сопровождавший Игельстрома, за то,

[1] URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/163944/Костюшко; http://dic.academic.ru/dic.nsf//74493/Лысенко.

[2] *Соловьев С.* История падения Польши. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/sol_pol/index.php.

что пытался препятствовать самосуду. Не гнушались мятежники и расправами над ранеными, убивая даже офицеров. Так, в отместку за упорное сопротивление был жестоко замучен тяжело раненный в бою полковник князь Гагарин[1]. Имелась бы у поляков возможность вырезать 20 тысяч, вырезали бы 20 тысяч, а если 30, то и 30 тысяч полегли бы… Другое дело, русские не позволили им сделать это.

Есть и еще вопрос. Почему лидеры мятежников не вывели из пригорода мирное население? Причем речь не идет о том, чтобы выгонять людей в чистое поле. Рядом, за рекой, находилась Варшава, холода еще не наступили… В таком отношении к людям не проглядывает ли коварный замысел, вроде того, чтобы прикрыться живым щитом? Так что приходится признать: лишь у детей может называться стратегией план, заключающийся в одной фразе: «Продержаться две-три недели, а там видно будет»! Эти якобы государственные мужи оказались не в состоянии элементарно спрогнозировать развитие ситуации, оценить возможные опасности, демонстрируя полное отсутствие ответственности и христианской нравственности.

Так оставим на совести главарей восставших многочисленные жертвы среди мирного населения.

4.6. О европейском гуманизме и благородстве

Теперь пора поговорить о том, как гуманно воевали в просвещенной Европе, а также о работорговле — еще одном ярком свидетельстве европейского человеколюбия и просвещенности.

В последний раз приведем здесь слова А.В. Суворова, который, как и его доблестные офицеры и солдаты, ничем, что подтверждается документами, себя не запятнали.

«Ваше Превосходительство Осип Михайлович!
Ильин день. Немиров, 20 июля 1794 г.

Бастия взята. Кальви осажден, по газетам; Клерфе разбит под Ипром, сам город бомбардирован, полуразрушен:

[1] Там же.

венская греческая газета извещает о взятии, гарнизон в 7000 человек после сдачи уничтожен картечными выстрелами — похоже на правду…»

Здесь Бастия и Кельви — города на острове Корсика, где республиканские войска вели боевые действия против националистов, ратующих за отделение острова от Франции. Ипр — город в Бельгии. Одно и то же время, похожая ситуация, но сравните отношение к побежденным. Суворовым и подчиненными ему войсками не был расстрелян ни один сдавшийся, более того, подавляющее большинство из них тут же оказывались на свободе. В частности, генералу М.К. Огиньскому, активному участнику восстания, к большому недовольству императрицы, Суворов позволил покинуть Польшу. Огиньский эмигрировал во Францию, где написал свой известный полонез ля-минор «Прощание с родиной». В 1802 г. польский патриот и композитор присягнул на верность российскому императору, а в 1810 г. стал сенатором и советником в правительстве Александра I, позднее переехал на жительство во Флоренцию. Умер в 1833 г.

Но как поступил генерал просвещенной Франции Ш. Пишегрю в аналогичной ситуации, когда захватил пленных? Он из пушек расстрелял 7000 безоружных военнопленных! Вывел за пределы города и… картечью…

Позднее, 6 марта 1799 г., в сирийской Яффе Наполеон Бонапарт приказал уничтожить четыре тысячи турецких солдат, сдавшихся французам под гарантию дарования им жизни. Несчастных вывели на берег Средиземного моря и всех до одного расстреляли[1].

Насколько неисчерпаемо прибыльна была торговля рабами, явствует из того, что, согласно условиям ассиенто, полученного английской торговой компанией от Испании во время последних переговоров перед Утрехтским миром, английские купцы согласились половину чистого дохода на все время действия подряда отдавать королям — английскому и испанскому.

[1] *Тарле Е.В.* Политика. — М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2000.

Вот точные условия этого, полученного 13 марта 1713 г. англичанами, подряда, который называется договором об ассиенто и который вошел в 16-ю статью Утрехтского мирного трактата, подписанного спустя месяц, 11 апреля 1713 г. Англичане получали исключительное право ввозить и продавать рабов во всех испанских владениях, не меньше 4800 человек в год, в течение 30 лет, а в течение первых 25 лет этого срока англичане могли продавать там и более 4800 человек ежегодно. За это они обязывались платить испанской казне 200 тысяч крон и по 25% чистого дохода с этой торговли как английскому, так и испанскому королю.

Акт, отменяющий работорговлю (но не право владения уже привезенными раньше рабами) в Англии, был принят в 1806 г. и подтвержден в 1811 г., когда участие в торговле рабами объявили уголовным преступлением.

Вскоре такие же законы были приняты и другими европейскими державами, однако долгое время эти законы существовали лишь на бумаге, не затрагивая всерьез интересов работорговцев. Следует также непременно учесть, что рабовладение и вместе с ним торговля рабами процветали в Соединенных Штатах Америки до второй половины XIX в. Многое способствовало сохранению такой торговли. Во-первых, товар дорожал в цене по мере интенсификации земледелия в Южной, Центральной и Северной Америке и по мере подъема, в частности, плантационного хозяйства в южных штатах Североамериканского союза; во-вторых, Соединенные Штаты под влиянием южных плантаторов и под предлогом охраны своего суверенитета не позволяли англичанам обыскивать на море суда под американским флагом, на что англичане отвечали аналогичным запретом, и, конечно, в чистом выигрыше от этого оказывались только работорговцы.

Специальные исследования окончательно убеждают нас в том, что до середины XIX в. вывоз рабов из Африки в Америку фактически происходил почти так же беспрепятственно, как в XVI, XVII или XVIII столетиях.

Рабовладельцы как Вест-Индских островов (Сан-Доминго, Мартиника), так и островов, расположенных в Индийском океане, и еще более богатых — Иль-де-Франс, Бурбон — были связаны теснейшими узами коммерческого интереса с крупной французской буржуазией, ведущей заморскую торговлю, и немудрено, что, как только в Учредительном собрании в 1787 и 1790 гг. заговаривали о необходимости распространить права гражданина и человека на невольников во французских колониях, тут же начиналось упорнейшее (и весьма успешное) противодействие со стороны купеческих городов — Бордо, Руана, Гавра, Шербура, Лилля, Марселя и в особенности Нанта, этой столицы французских работорговцев. Депутации за депутациями, петиции за петициями умоляли законодателей обратить свой жалостливый взор на бедственное положение несчастных рабовладельцев, которые переживают мучительную тревогу, слыша, как у них желают отнять их законное достояние — невольников! Да и стоит ли жалеть этих рабов? Выходило, не стоит, так как работорговцы, увозившие африканцев в Америку, оказывают им громадную услугу: в Африке рабство гораздо более жестоко, чем в Америке, где рабовладельцы — ведь не африканские царьки, а гуманные французы[1].

С учетом сказанного, и возвращаясь к нашей теме, становится очевидно, что в оценках действий русских военных в Европе, и вообще политики Российского государства, с давних пор применяются, мягко говоря, лукавые двойные стандарты.

О преступлениях польских повстанцев и «мирных, просвещенных» польских мещан (резня происходила не только в Варшаве) нет упоминаний ни в одном учебнике или учебном пособии по истории. Ни одна из множества биографий народного героя Польши Т. Костюшко не содержит даже упоминания об этом позорном факте.

В Варшаве нет ни одного памятника жертвам резни 6 апреля 1794 г.

[1] *Тарле Е.В.* Политика. — М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2000.

ВЫВОДЫ:

1. Прямой связи между разделами Польши и польскими восстаниями не существует.

2. Первое польское восстание было отчаянной попыткой ввести централизованную форму управления. Патриоты проиграли, поскольку, во-первых, оказались в меньшинстве; во-вторых, их оппоненты привлекли на свою сторону ресурсы России.

3. Австрия, Пруссия и Россия были сторонниками «золотых свобод», так как это позволяло им решать свои геополитические проблемы за счет ресурсов и земель Польши.

Глава 5
Восстание 1830—1831 годов

ВВЕДЕНИЕ

Основанное Наполеоном Герцогство Варшавское не пережило гибели Великой французской армии. Поляки оказались не в силах защищать свое государство потому, что большая часть польских воинов погибла во время разгрома наполеоновской армии в России, а их уцелевшее небольшое количество под предводительством Юзефа Понятовского предпочло последовать за французами.

После поражения Наполеона часть польской аристократии связала свое будущее с русской монархией. Главным проектом польской элиты, как и прежде, оставался план восстановления Речи Посполитой в границах 1772 г. Реализация его отныне связывалась с могуществом Российской империи.

Адам Чарторыйский убеждал царя не уступать Пруссии и Австрии ни пяди польской территории. Однако Александр, несмотря на поддержку прусского короля, столкнулся с сопротивлением Англии, Австрии и даже Франции. Он должен был отказаться от мечты о покоренной Польше, целиком объединенной под его скипетром.

Трактат между Австрией, Пруссией и Россией, подписанный в Теплице (9 сентября 1813 г.), положил конец надеждам Чарторыйского, так как предусматривал раздел великого герцогства между тремя державами.

Вошедшие в состав России польские земли стали именоваться «Царство (Королевство) Польское». Оно включало в себя часть земель бывшего Княжества Варшавского — территория составляла 127 тысяч кв. км, население равнялось 3,2 миллиона человек. Между тем границы «новой» Польши, по Венскому конгрессу, были установлены без учета традиционной территории расселения поляков. Ведь в разное время от Польского государства были отторгнуты такие жизненно важные экономические районы, как основательно германизированные Верхняя и Нижняя Силезия, Поморье, Вармия, Быдгощский и Познанский департаменты, Мазуры, отданные Пруссии, Галиция и район Велички, вошедшие в состав Австрии. Краков с окрестностями был превращен в «вольную республику».

В состав Королевства Польского вошли 8 воеводств: Калишское, Мазовецкое, Плоцкое, Августовское, Подляское, Сандомирское, Люблинское и Краковское. От Калишского воеводства отделили Быдгощский и Познанский районы, составлявшие одно целое в экономическом отношении; Краковское воеводство потеряло главный город — Краков и район соляных копей — Величку.

Лидер польских аристократов А. Чарторыйский активно защищал перед Александром I интересы соотечественников. Так, например, если армия Ю. Понятовского, уверял он, не соединилась с русскими, то лишь потому, что русские генералы ничего не сделали для этого. «Когда хотят склонить на свою сторону какой-нибудь кавказский народец или какого-нибудь персидского хана, то гораздо больше хлопочут, чем теперь, когда нужно было привлечь к себе князя Понятовского и его армию; ему отказали в перемирии; позволили австрийцам перерезать линии его сообщений с Россией»[1].

[1] *Лависс Э., Рамбо А.* История XIX века. Т. 3. Ч. 1. Время реакции и конституционные монархии. 1810—1847. Гл. VIII. Королевство Польское. Восстание 1815—1846.

19 октября Ю. Понятовский утонул в волнах Эльстера. Император позже дозволил устроить герою пышные похороны в присутствии русских и польских войск.

5.1. Конституция Королевства Польского

Все чаще и чаще, вопреки недовольству русских, Александр I выказывал знаки уважения и симпатии полякам.

25 мая 1813 г. в воззвании к полякам Александр I объявил им о создании Королевства Польского и о введении конституции.

Конституция Королевства Польского была подписана Александром 27 ноября 1815 г. До этого княжеством управлял Временный верховный совет, учрежденный 1 марта 1813 г. после вступления туда русских войск. В состав его вошли Н.Н. Новосильцев, польские государственные деятели — Вавжецкий и князь Любецкий. Председателем (президентом) был назначен В.С. Ланский, до этого восемь лет занимавший пост гродненского гражданского губернатора.

Однако Временный совет оказался не единственной властью в стране — в конце 1814 г. главнокомандующим польской армией был назначен Великий князь Константин. При этом фактически он выполнял функции наместника. В Варшаве же располагался штаб первой русской армии. В последние дни заседаний Венского конгресса 22 мая 1815 г. были подписаны «Основы конституции Царства Польского». В документе подчеркивалось, что Польша связана с Россией через особу монарха и в силу своей конституции, которая должна основываться на принципах, провозглашенных конституцией 3 мая.

Конституция заключала в себе 165 статей, разделенных на 7 глав. Важнейшие из ее постановлений были следующими: Королевство Польское навсегда присоединяется к Российской империи и подчиняется одному с ней порядку престолонаследия. Король представлен в Варшаве наместником (или вице-королем), каковым может быть только член королевско-императорской фамилии или поляк. Католи-

цизм — господствующая религия; но широкая терпимость и равноправие предоставляются и другим исповеданиям. Обеспечивается свобода печати; но особый закон будет издан для предупреждения злоупотреблений ею. Обеспечивается свобода личности.

Приведем три статьи этой конституции.

17 статья. Закон покровительствует в равной мере всем гражданам без различия их сословия и звания. Всякая собственность без различия наименования и рода, находится ли она на поверхности земли или в ее недрах и кому бы она ни принадлежала, объявляется священною и неприкосновенной. Никакая власть не может посягнуть на нее под каким бы то ни было предлогом. Всякий, посягающий на чужую собственность, почитается нарушителем общественной безопасности и, как таковой, наказывается. Правительство тем не менее имеет право требовать от частного лица уступки его собственности в видах общественной пользы за справедливое и предварительное вознаграждение. Закон определит порядок и случаи, в которых может применяться вышеизложенное правило.

32 статья. Каждый иностранец, по установлении своей личности, будет пользоваться наравне с другими жителями защитою закона и преимуществами, гарантированными им. Наравне с местными жителями он может оставаться в крае, оставить его, соблюдая правила, которые будут установлены, возвратиться, приобретать земельную собственность и заявить о желании принять местное гражданство.

33 статья. Каждый иностранец, сделавшийся собственником, получивший право гражданства и изучивший польский язык, может быть допущен к отправлению государственных должностей после пятилетнего пребывания в крае при беспорочном поведении.

В соответствии с конституцией все акты совершаются на польском языке. Все должности предоставляются полякам. Король, особа священная и неприкосновенная, имеет власть исполнительную и часть законодательной. Учреждается Го-

сударственный Совет. Существует сейм, который созывается раз в два года и заседает в течение тридцати дней.

Провозглашались неприкосновенность личности, свобода слова и печати. Военную службу следовало отбывать в пределах Царства Польского, то же положение распространялось и на тюремное заключение.

В Царстве Польском правом голоса обладали около ста тысяч человек, то есть больше, чем было избирателей во Франции времен Реставрации. Польская Конституция в ту пору оказалась самой либеральной в Европе.

Большинство польских и русских историков сходятся во мнении, что автономия Царства Польского по хартии 1815 г. была довольно значительной. Дореволюционные авторы, в частности В.В. Новодворский (Сиповский) (1872—1930), Н.И. Кареев (1850—1931) и др., отмечали, что конституционный строй Польши в 1815—1830 гг. был весьма либеральным и по своим принципам напоминал строй английской конституционной монархии. Польский профессор истории Ш. Аскенази писал: «…не подлежит сомнению, что конституция 1815 г., несмотря на свои недостатки... была по тем временам наиболее прогрессивной конституционной хартией в Европе»[1]. Советские авторы также оценивали статус Царства Польского в этот период как автономный.

Г.Г. Писаревский называл Польшу второго периода «конгрессовой», то есть парламентской[2], а В.П. Друнин указывал, что, несмотря на аристократический характер хартии 1815 г., она в России казалась «верхом либерализма», хотя царская власть нисколько не гарантировала политическую независимость Польши[3]. Такого же мнения придерживаются и современные историки. В частности, Л.А. Обушенкова отмечает, что конституция предоставляла полякам определенные права, а по своему содержанию была одной из либеральнейших

---

1 *Аскенази Ш.* Царство Польское. 1815—1830. — М., 1915.

2 *Писаревский Г.Г.* К истории польской революции 1830 г. — Баку, 1930.

3 *Друнин В.П.* Польша, Россия, СССР. Исторические очерки. — М.-Л., 1928. — С. 102.

в Европе того времени[1]. Польский автор Ю. Бардах считает, что хартией 1815 г. устанавливалась польско-русская уния[2]. К точке зрения о наличии реальной польско-русской унии примыкает и русский историк С.Г. Пушкарев[3]. По установившейся традиции период 1815—1830 гг. в Польше называют «конституционным».

5.2. Экономическая реформа К. Друцкого-Любецкого

Обстановка, сложившаяся в королевстве, способствовала приходу к управлению экономикой людей талантливых и прогрессивно мыслящих.

Согласно конституции, Царство Польское в 1815—1830 гг. обладало значительной финансовой независимостью: бюджетной автономией, денежной системой, казной и самостоятельной ответственностью по государственному долгу. Организация управления финансами предоставляла польскому правительству право самостоятельного принятия решений, единственным ограничением которого являлась, в конечном итоге, воля монарха. Все вопросы, относящиеся к этой сфере, рассматривались первоначально в Комиссии финансов и казначейства, возглавляемой министром финансов. Дальнейшее обсуждение могло проходить в Совете управления, состоящем из наместника, министров, начальников департаментов управления и назначаемых царем лиц, и в Общем собрании Государственного Совета Царства Польского под председательством царя или наместника. Формально обязательному рассмотрению в Общем собрании Государственного Совета подлежали все «проекты законов и учреждений, касающихся главного управления краем». Лишь после обсуждения в Общем собрании, утверждения проекта наместником и одобрения монархом закон вступал в силу.

---

1 *Обушенкова Л.А.* Королевство Польское в 1815—1830 гг. (экономическое и социальное развитие). — М., 1979.

2 *Бардах Ю.* и др. История государства и права Польши. — М.,1980.

3 *Пушкарев С.Г.* Обзор русской истории, 1991. — С. 294.

По усмотрению царя некоторые законопроекты могли быть внесены на рассмотрение палат сейма[1].

Важнейшей прерогативой сейма являлось принятие бюджета, утверждаемого царем. Это право народного представительства было зафиксировано в 91 статье конституционной хартии. Однако за все пятнадцать лет существования конституционного правления сейм так ни разу и не приступил к обсуждению бюджета Царства. Для внешне легального обхода конституции было использовано толкование некоторых ее статей, которое предоставляло императору прерогативу принятия первого бюджета без участия сейма, не ограничивая его никакими условиями, в том числе временными.

Таким образом, финансовая политика во многом определялась не формальными требованиями закона, а личностными факторами. В первые шесть лет самостоятельного существования Царства Польского решающее значение в вопросах финансовой политики имело мнение сенатора Н.Н. Новосильцева. В этот период казна Царства превратилась в бездонную кормушку, из которой наместник, Великий князь Константин Павлович, без ограничений черпал средства на нужды армии.

До 1817 г. расходы по содержанию армии покрывались из средств российской казны, однако впоследствии эта сумма была предъявлена Польше в качестве ее государственного долга перед Россией. Как только расходы на содержание армии были возложены на казну Царства Польского, установившееся в 1815—1817 гг. равновесие расходов и доходов оказалось полностью нарушено. Польша была не в состоянии обеспечить содержание армии. По мнению Ш. Аскенази, «армия в суровых, но умелых руках Великого князя была превосходно организована; в техническом смысле за короткий сравнительно срок она явилась верхом совершенства»[2]. Однако это блестя-

---

[1] *Правилова Е.А.* Россия и Царство Польское: механизмы бюджетно-финансовых отношений в имперской системе (1815—1866). URL: http://www.bestreferat.ru/referat-73962.html.

[2] *Аскенази Ш.* Царство Польское. 1815—1830. — М., 1915.

щее состояние требовало больших затрат. Как только военные расходы целиком были перенесены на польский бюджет, «армия поглотила сразу 20 из 46 миллионов доходов текущего года». «В следующих годах бюджет войска непрерывно увеличивался, по мере растущих требований в. кн. Константина, с 20 700 000 (1817) подскочил сразу на 25 000 000 (1818); в следующих годах составил 30 725 000, 30 468 000, 30 701 000; на 1822 потребовал 31 503 896 злотых. Самая сильная экономика не выдержала бы такого бремени», — писал С. Смолка[1].

О том, насколько обременительно будет содержание огромной армии для Польского государства, А. Чарторыйский в 1815 г. написал императору[2]. Эти расходы превышали средства в некоторых других независимых королевствах, например, Швеции, Саксонии, Вюртенберге, Пьемонте, где при наличии немалых средств военная часть обходилась не так дорого. «Я не касаюсь того, насколько решение вашего величества благоразумно, насколько оно вызвано необходимостью, но будет ли справедливо вменять народу в вину нищету, являвшуюся следствием такого решения»[3].

Появление данного обращения вызвало резонанс в обществе. На пост министра финансов Польши был назначен Ксаверий Друцкий-Любецкий (1779—1846), уже получивший известность и авторитет в глазах императора в ходе международных переговоров о долгах Царства Польского.

Впоследствии Друцкий-Любецкий признавался, что в вопросах финансовой политики он не доверял никому, кроме себя и императора. Такую уверенность в собственных силах К. Любецкому придавал безграничный авторитет, которым он пользовался у Александра I, а затем и Николая I.

В годы министерства Любецкого польское правительство обладало почти абсолютной самостоятельностью в

---

1 *Smolka S.* Polityka Lubieckiego przed powstaniem listopadowym. T. I. — Krakow, 1907.— S. I

2 Мемуары князя А. Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 2. — М., 1913.

3 Там же.

расходовании средств, поиске источников доходов, реализации планов финансовых реформ. Программа Любецкого, фундаментом которой являлась экономия и строгое исполнение бюджетных статей, позволила в течение двух-трех лет поправить положение финансов, а затем создать резерв для развития экономики и, прежде всего, польской промышленности. В результате реформ Любецкого были созданы Польский банк, Земское кредитное общество, а главное — ликвидированы угрозы падения автономии и установления самостоятельности польской финансовой политики. Действительно, эти мероприятия, а также другие стороны стратегии и тактики реформ Любецкого даже дали основание для его сравнения с С.Ю. Витте[1].

В годы министерства Любецкого польские финансы управлялись без какого-либо вмешательства имперских властей. Об этом свидетельствует тот факт, что в архивах российского Министерства финансов не оказалось практически никаких материалов, касающихся внутренней финансовой политики Царства Польского в 1815—1830 гг.[2]. Даже такие существенные вопросы, как заключение внешнего займа, решались польским министром финансов путем согласования с императором через посредничество министра статс-секретаря И. Грабовского. Получивший впоследствии название «займа Френкеля» (по имени посредника в переговорах со стороны европейских, преимущественно берлинских, банкиров), заем 1829 г. создал заметный прецедент: автономная провинция самостоятельно выходила на европейский рынок капиталов.

Процесс расчета по долгам Царства Польского затянулся более чем на пятнадцать лет. В первую очередь, Польше предстояло урегулировать взаимные претензии с Францией, а также Пруссией и Австрией, претендовавшими на получение

---

[1] Выписки из журналов Государственного совета и Комитета по делам Царства Польского // Ф. 869. Оп. 1. Д. 611. Л. 61 об.

[2] *Правилова Е.А.* Россия и Царство Польское: механизмы бюджетно-финансовых отношений в имперской системе (1815—1866). URL: // http://www.bestreferat.ru/referat-73962.html.

огромных сумм. Переговоры с европейскими державами, в которых принимали участие как российские дипломаты, представлявшие Польшу и польского короля, а также российского императора во внешних сношениях, так и представители правительства Царства Польского, завершились с большим успехом для польских финансов. Взаимные претензии сторон были погашены общим зачетом en bloc.

В то же время расчет взаимных претензий между Польшей и Россией превращал Царство в крупного должника Империи.

Любецкий, окрыленный успехом переговоров в Европе и поддержкой императора, первоначально рассчитывал на то, что долг будет погашен тем же методом, как были погашены претензии европейских государств и Царства. Не получив на это распоряжения императора, Любецкий был уверен, что по окончании расчетов сумм взаимных претензий общая сумма долга Польши будет установлена, исходя не из результатов этих расчетов, а лично императором. Император, надеялся Любецкий, издаст указ о вспомоществовании казне Царства Польского и освободит его от долга[1]. Однако такого указа не последовало. Суммы, предоставленные имперской казной на содержание польской армии, были скрупулезно подсчитаны и вместе с набежавшими процентами, превысившими сумму долга, в 1830 г. предъявлены к оплате. По первоначальным расчетам эта сумма составила более 150 миллионов злотых (что почти в два раза превышало годовой бюджет государства). Польское правительство отказалось признавать долг такого размера, и в результате длительных переговоров сумма задолженности была снижена до 63 миллионов злотых. В качестве благородного жеста процентная ставка с этой суммы была также понижена с 5% до 4% ввиду особого положения польской казны, что, по словам Николая I, следовало рассматривать как «милость»[2].

---

[1] К. Любецкий И. Соболевскому. 17 ноября 1821 г. // Korespondencya Lubieckiego... T. I. — S. 49, 53.

[2] О взаимных между Российской империей и Царством Польским расчетах // Ф. 583. Оп. 5. Д. 217. Л. 199—200. См. также: Ф. 583. Оп. 5. Д. 225.

Таким образом, благодаря реформам Любецкого и общей стабильности государства экономика Польши бурно развивалась в течение 15 лет.

5.3. Польское экономическое чудо

Десятилетие 1820—1830 гг. явилось временем возрождения польской мануфактуры, причем российские власти всячески поддерживали усилия польской администрации, направленные на поощрение промыслов, например, иммиграцию иностранных ремесленников и промышленников. На средства казны велось строительство дорог и каналов. Был создан банк, открывший кредит предпринимателям. На его средства впоследствии строилась первая польская железная дорога от Варшавы на Вену (1845).

Росту польской мануфактуры способствовали покровительственные таможенные тарифы, затруднявшие ввоз западноевропейских товаров, и связь с русским рынком, в особенности низкий (до 1832) таможенный тариф между Королевством Польским и Россией. Польские сукна вывозились в Россию, а через нее — в Китай. Польские купцы наживались и на перепродаже в Россию немецких товаров.

К 1829 г. в одном лишь Калишском воеводстве насчитывалось 530 предприятий по выработке сукна. В промышленные центры быстро превращались Варшава, Лодзь и другие города. Только за пятилетие (1823—1828) в Варшаве было построено 27 больших фабричных зданий, а всего в Варшаве в 1825 г. насчитывалось 8818 фабрик и кустарных мастерских, большая часть из которых строилась уже на новых, капиталистических основаниях[1].

Немалый прогресс произошел и в области просвещения. На этом поприще успешно действовали министр просвещения Станислав Потоцкий (1752—1821), писатель Ю.У. Немцевич (1758—1841) и многие другие.

---

[1] *Обушенкова Л.А.* Королевство Польское в 1815—1830 гг. (экономическое и социальное развитие). — М., 1979.

В 1816 г. был учрежден Варшавский университет, основаны высшие школы: военная, политехническая, лесная, горная, институт народных учителей и др., увеличилось число средних и начальных учебных заведений.

В эту эпоху сильное влияние на Царство Польское оказывали два главных центра интеллектуальной жизни поляков, находившиеся вне пределов Царства Польского: Виленский университет и Кременецкий лицей.

В 1817 г. крестьяне правительственных имений были освобождены от многих повинностей, существовавших только в силу обычая. В 1820 г. барщину стали заменять чиншем (см. 6.1).

Таким образом, Польша процветала. Открывались фабрики и заводы; население королевства увеличилось с 2 715 000 жителей до 4 миллионов, а Варшавы — возросло с 80 000 до 150 000, государственные доходы — с 12 миллионов до 40 миллионов марок[1].

Княгиня Н.И. Голицына[2] писала в своих мемуарах о происшедших изменениях: «Прежде образования Царства Польского край был очень беден, а Варшава была местом опустошенным… Но полезными трудами, чрез некоторое время, край приобрел вид благоденствия. Торговля процветала. Поля были возделаны, и мирный хлебопашец отдыхал после трудов под защитою русского правительства. Пути сообщения были улучшены превосходными дорогами, проложенными среди песков. Почтовые станции содержались отлично. Заведены были фабрики, Арсенал, прекрасные казармы. Возле столицы

---

[1] *Лависс Э., Рамбо А.* История XIX века. Т. 3. Ч. 1. Время реакции и конституционные монархии. 1810—1847. Гл. VIII. Королевство Польское. Восстание. 1815—1846.

[2] Княгиня Надежда Ивановна Голицына, урожденная графиня Кутайсова, родилась в С.-Петербурге 26 ноября 1796 г., замужем за князем Александром Федоровичем Голицыным с 15 мая 1821 г. Скончалась в С.-Петербурге 14 февраля 1868 г. Записки ее предназначались для сына, князя Евгения Александровича, родившегося 11 февраля 1822 г. в С.-Петербурге и скончавшегося 17 июля в 1854 г.

был разбит великолепный лагерь, имеющий вид цветущего сада. Но самое главное — армия почти в 40 тысяч человек с артиллерией в 100 орудий и тремя крепостями, снабженными всем необходимым. Все это было плодом 16 лет мира и трудов, творением России, и все это в один миг должно было повернуться против нее либо быть уничтожено»[1].

5.4. Армия Царства Польского

При сохранении польской военной формы и польского языка в своем управлении армия Царства Польского была преобразована по русскому образцу. Срок службы составлял 10 лет, в мирное время численность армии доходила до 30 тыс. солдат и офицеров (Отдельный литовский корпус). Главнокомандующий польскими вооруженными силами Великий князь Константин формально подчинялся Военной комиссии и Административному Совету, но в действительности управлял армией единолично.

Константин Павлович получил от царя повеление организовать сначала польскую (позже литовскую) армию и тут же энергично взялся за дело. Летом он вставал в 5, а зимой в 6 часов утра и тут же направлялся в войска. Но успеху дела вредило его излишнее пристрастие к мелочам и недалекий ум, что, однако, не помешало ему провести ряд позитивных реформ: он сократил до 8 лет воинскую повинность, и это позволило значительно увеличить число людей, проходивших солдатскую выучку; создал артиллерию, выписав пушки и порох из России; снабдил варшавские арсеналы ружьями нового образца; создал школу подпрапорщиков для пополнения офицерских кадров.

За этот необыкновенный польский патриотизм поляки должны были бы обожать Константина. Но он, по мнению многих польских и российских историков, возбудил ненависть мелочным деспотизмом, постоянным вмешательством в гражданское управление, подчеркнутым презрением к конституции.

[1] Воспоминания кн. Надежды Ивановны Голицыной. URL: http://feb-web.ru/feb/rosarc/rad/rad-061-.htm.

В феврале 1796 г. Константин женился на принцессе Юлиане Саксен-Кобург, в православном крещении — Анна Федоровна (1781—1860). Вскоре жена Константина Павловича уехала за границу и не проявляла более намерения возвращаться назад. До конца дней она проживала в Берне. Во время наполеоновских войн цесаревич Константин навестил там супругу и предложил ей вернуться, но Анна отказалась — у нее уже было двое внебрачных детей. 12 мая 1820 г. Константин женился на Иоанне Грудзиньской (1799—1831)[1], принадлежавшей к старинной дворянской польской фамилии. Морганатическая супруга Великого князя, получившая вскоре титул княгини Лович, приобрела на него огромное влияние. Княгиня знала о своем влиянии и часто этим пользовалась в интересах Польши. Константин оказался нежным, покорным и покладистым мужем. Он доказал свою любовь, отрекшись ради нее от российского престола.

[1] Иоанна (Антоновна), Св. кн., урожд. Грудзиньская (1795 или 1799—1831), старшая из трех дочерей пани Бронч, Грудзиньской по первому мужу, представителю старинного польского рода, возведенного в графское достоинство в 1786 г.; с 1820 г. — морганатическая супруга Вел. кн. Константина Павловича. Воспитывалась в Варшаве, а затем продолжала образование в Париже. О ней известно высказывание Александра I, приведенное в мемуарах гр. Софии Шуазель-Гуфье: *«Это ангел, у нее редкий характер, мой брат весьма счастлив»*. Шуазель-Гуфье добавляет, что в 1824 г., в день рождения Вел. кн. Константина Павловича, Александр I собственноручно вручил кн. Лович орден Св. Екатерины — знак кавалерственной дамы русского Двора. П.А. Вяземский находил, что, не будучи красавицей, она была красивее всякой красавицы: *«Белокурые, струистые и густые кудри ее, голубые выразительные глаза, улыбка умная и приветливая, голос мягкий и звучный, стан гибкий и какая-то облекающая ее нравственная свежесть и чистота. Она была Ундина. Все соединилось в ней и придавало ей совершенно отдельную и привлекающую внимание физиономию в кругу подруг и сверстниц ее»*. Вот еще одно свидетельство современницы: «*Ни одна женщина, ни одна девушка не умела так нравиться <…> при замечательной простоте, изящество отражалось у нее во всем: и в движениях, и походке, и в нарядах*». Подобное мнение выразила и гр. Анна Вонсович: *«В ней было врожденное изящество и особенно бросающаяся в глаза грациозность поступи в танцах; поэт сказал бы о ней: это нимфа, порхающая над землей, не прикасаясь к ней стопами. Остряки говорят, что она покорила сердце Великого князя танцевальной поступью в ритме столь модного в ту эпоху гавота»*. Русские портреты. URL: http:// Anna s Tyszkiewiczów Potocka-Wąsowicz. Wspomnenia. S. 311. URL: http://www.liveinternet.ru/users/sagitta19/post103091423/.

В 1828 г. русская армия выступила в поход против турок, чтобы помочь освобождению Греции. Польские офицеры страстно желали принять участие в этой войне. По-видимому, этому воспротивился Великий князь Константин. Он не любил войны. «Она портит войска», — говаривал он. Недовольство, охватившее польскую армию вследствие вынужденного бездействия, сыграло большую роль в дальнейших событиях[1].

Действительно, польская армия на тот момент была одной из самых сильных в Европе. Там еще служили ветераны, сражавшиеся вместе с Наполеоном против России в 1812 г. Сила армии, в первую очередь, заключается в дисциплине, готовности выполнить любой приказ. Так случилось, что военный министр Гауке, пользующийся колоссальным авторитетом среди польских военных, был убит заговорщиками, а Великий князь предал своих воспитанников, он устранился, армия осталась без руководства. Но профессиональная армия — это оружие, и это оружие оказалось брошенным на улице. Первыми его подобрали повстанцы, а все могло развиваться совсем по-другому…

5.5. Причины социального напряжения

Конституция принесла реальные свободы и безопасность польской буржуазии. Отныне их бизнесу ничто не угрожало, в стране воцарились порядок и стабильность, условия, благоприятные для развития экономики. Канули в прошлое «рокоши», «конфедерации», междоусобица и беззаконие.

Отныне шляхта лишалась ничем не ограниченной анархической свободы. Раньше любой пан мог безнаказанно отчеканить золотые монеты с изображением польского короля, где вместо подписи «Божьей милостью король» красовалось «Божьей милостью дурак». Шляхтич мог явиться на бал к королю в кафтане, сшитом из листов пергамента с текстом приговоров королевский судей, суливших ему тюрьму и изгнание. Пану никто не возбранял напасть и ограбить

[1] *Кучерская М.* Константин Павлович. — М.: ЖЗЛ. Сборник «XIX век», 2005.

своего соседа-помещика, начать свою частную войну с соседней державой. А несколько панов, объединив личные армии, могли организовать конфедерацию и объявить войну собственному королю.

Ясновельможный пан мог повесить своего холопа, посадить на кол, содрать с живого кожу. Еврей-шинкарь или ремесленник формально не являлись крепостными пана, но зарубить их саблей или утопить считалось не только не зазорным, а, наоборот, — проявлением особой удали.

Теперь подобной «златой вольнице» пришел конец.

Польское крестьянство находилось под жестким гнетом помещиков — как этнических поляков, так и полонизированных русских дворян. Паны не только нещадно эксплуатировали, но и презирали крестьян, Православие называли «мужицкой верой».

Конституция 1807 г., полученная от Императора Наполеона, формально провозглашала отмену крепостного права. Но она не вносила ясность в вопрос о крестьянском землепользовании, а без этого личная свобода крестьян ничего не стоила.

Половина всей обрабатываемой земли в Королевстве Польском принадлежала 17 тысячам помещиков, владельцам фольварков и арендаторам казенных имений. Другая половина приходилась на 327 тысяч крестьянских дворов[1]. Таким образом, основная масса крестьян была вынуждена, чтобы не умереть с голоду, идти в кабалу к землевладельцу, неся тяжелые повинности. За пользование землей и инвентарем «свободный» крестьянин должен был отработать определенное помещиком количество дней на его поле. На российском рынке пользовалась спросом шерсть, поэтому польские помещики сгоняли крестьян с земли, а освободившиеся участки отдавали под пастбища. Это усилило рост обезземеливания крестьян. В описываемый период около 40% крестьян Коро-

[1] *Обушенкова Л.А.* Королевство Польское в 1815—1830 гг. (экономическое и социальное развитие). — М., 1979.

левства Польского были полностью безземельными, а значительная их часть с трудом выживала на нищенских наделах.

Положение крестьянства было настолько тяжелым, что в ряде мест начались волнения, наблюдались массовые случаи отказа от выполнения барщины. Но это были стихийные, неорганизованные выступления, без труда подавляемые помещиками с помощью правительства.

Изменения в хозяйственной жизни Польского государства серьезно отразились и на положении мелкой шляхты. Будучи не в состоянии приспособиться к капиталистическим отношениям и выдержать конкуренцию с крупными землевладельцами, мелкие шляхтичи разорялись, постепенно теряли свою землю, которая переходила в руки крупной шляхты за долги или же путем скупки по низким ценам. По данным, которые приводит польский историк И. Гринвассер, в 20-е годы XIX в. 50% мелкой шляхты были уже безземельными[1].

Разорившаяся мелкая шляхта частью шла в услужение к крупным помещикам в качестве управляющих имениями, экономов, секретарей, частью — в города, в учебные заведения или в различные учреждения. В семье мелкого шляхтича, пишет Гринвассер, «обычно один сын, в редких случаях два оставались заниматься земледелием, остальные искали занятия где-нибудь на стороне». Особенно проявлялась тяга шляхетской молодежи к военной службе.

Процесс разорения мелкой шляхты неизбежно сопровождался обострением противоречий и борьбы внутри всего шляхетского слоя. Стремительно теряя свои былые привилегии и опускаясь до положения низов общества, мелкие шляхтичи были враждебно настроены по отношению к богатой шляхте и защищавшему ее интересы царскому самодержавию. Они все настойчивее выражали недовольство существующим положением дел и требовали проведения широких социально-политических преобразований.

[1] *Grynwasser H.* Demokracja szlachecka. Studium historyczno-krytyczne, 1795—1831. — Warszawa: Panstwowy Instytut Wydawniczy, 1948. — 73 s.

5.6. Причины восстания

Фактически Польша была независимой страной. Польская аристократия не имела внешних поводов для недовольства, в условиях видимой социальной стабильности ее состояние приумножалось, балы становились все более грандиозными, искусство и культура процветали, радуя изысканными услугами и предметами роскоши. Однако изнутри польскую элиту разъедала страшная болезнь. Аристократия буквально грезила землями, которые давно потеряла. Поляки считали, что Россия и ее император обязаны были вернуть Польше территории, утраченные ею во время разделов Речи Посполитой.

В частности, касаясь намерения Александра I восстановить независимое Польское государство, декабрист Н.И. Тургенев писал впоследствии, что «этот акт Императора Александра возбуждал надежды и в поляках, и в русских, и во всем человечестве. Мир, может быть, впервые видел победителя, дарующего побежденным права, вместо того чтобы надеть на них цепи».

Самостоятельный статус Царства Польского, обещания Александра I, которые манили поляков надеждой на возвращение территорий, собственная армия, сохранившая польский национальный дух, и полонофильские идеалы — все это стало основой для роста враждебных России настроений в польском обществе, которые и вылились в восстание 1830—1831 гг.

Возбуждение умов под влиянием стремлений к свободе и территориальному расширению возрастало, а произведения А. Мицкевича «Конрад Валленрод» (1828) и «Польская мать» (1830) дышали ненавистью к «москалю».

С момента образования Королевства Польского сейм созывался четырежды. Итоги и содержание заседаний сейма как раз демонстрируют эскалацию конфликта, что видно в таблице.

Таблица. **Заседания сейма 1818—1830 гг.**

Год проведения	Обстановка вокруг сейма	Результаты работы сейма
Сейм 1818 г.	Атмосфера эйфории и надежд. «Прежняя организация страны позволила мне ввести ту, которую я Вам пожаловал, приводя в действие либеральные учреждения. Эти последние всегда были предметом моих забот, и я надеюсь распространить, при Божьей милости, благотворное влияние их на все страны, которые промыслом даны мне в управление», — слова Александра I при открытии сейма.	Сейм принял все законопроекты, предложенные ему императором, за исключением проекта закона о гражданском браке, и император остался доволен его деятельностью.
Сейм 1820 г.	Напряженная обстановка, связанная с наступлением империи и части польской аристократии на основные свободы, дарованные конституцией.	Были отвергнуты предложенные русским правительством Уголовно-процессуальный кодекс и «Органический статут», лишавший сейм права суда над министрами, как несоответствующие конституционной хартии. В президиум сейма было подано 88 жалоб на неконституционные действия правительства.
Сейм 1826 г.	3 февраля 1825 г. в Царском Селе Александр I издал указ, упраздняющий публичность заседаний, за исключением первого (в день открытия сейма) и последнего (в день закрытия). Радикальные депутаты не были допущены на заседание сейма.	Александр заявил, что, откладывая открытие сейма, он хотел дать время установиться мнениям и улечься страстям. Февральский указ имел целью подавить «зародыш смут». Сейм принял все проекты правительства почти без прений. В речи при закрытии сейма (13 июня) «король»

Продолжение

		мог сказать: «Я поспешил принять все поправки, вами внесенные... Вы приняли все законопроекты, предложенные мной на ваше обсуждение». Император громогласно радовался «обоюдному согласию».
Сейм 1830 г.	Николай был обижен враждебным отношением к нему сейма и населения, недоволен подчеркиванием польских цветов в дамских нарядах и отсутствием слишком многих приглашенных на балу, данном в его честь. Он заметил: «Это, может быть, патриотично, но совсем невежливо». Однако, прощаясь с Константином, он сказал ему: «Я чувствую, что я — польский король и рано или поздно кончу, надеюсь, тем, что заставлю моих польских подданных полюбить меня, покоряя их благодеяниями».	В числе проектов, предложенных сейму, снова находился проект отмены развода, дозволенного наполеоновским Кодексом. Проект был отвергнут.

5.7. Польская оппозиция

Польская оппозиция Российской империи не являлась однородной, каждая фракция имела свои причины для недовольства и свои стратегии поведения.

Польская аристократия надеялась, что Александр I выполнит «свои обещания» и вернет Королевству Польскому восточные земли. Они донимали императора просьбами о возвращении «восьми воеводств» до самой его смерти. Когда на трон взошел свободный от обещаний Николай I, стало очевидно, что никакого возврата полякам православных земель не произойдет.

Представители легальной оппозиции, представленные в сейме братьями Б. и И. Немоевскими, стремились к упрочению и расширению автономного статуса царства легальными методами. Конечной целью они видели полную независимость Польши.

Среди интеллигенции и студентов, выходцев из обнищавшей шляхты было немало сторонников революционной борьбы за полное освобождение Польши от «русского ига» и власти польской аристократии. Они создали «Свободное национальное масонство» майора В. Лукасинского, «Польское патриотическое общество» и др.

В 1822 г. «Патриотическое общество» заключило соглашение с Южным декабристским обществом о совместных действиях в обмен на признание независимости и даже восстановление суверенитета Польши над белорусско-литовскими землями. После восстания 14 декабря 1825 г. следствие установило этот факт, но польские заговорщики, к неудовольствию Николая I, получили от сеймового суда мягкие наказания.

Революционные силы группировались главным образом вокруг И. Лелевеля (1786—1861), польского историка, профессора Виленского и Варшавского университетов, гвардейского поручика П. Высоцкого и И. Заливского. Движение охватывало шляхту, ремесленные цехи, студентов и профессоров университета, большинство членов сейма, нескольких генералов и чиновников польских министерств. Иосиф Заливский мечтал об одновременном восстании во всей Польше, о войне против трех северных держав, об обращении за поддержкой к Европе и, главным образом, к Франции. Петр Высоцкий думал только о восстании в Варшаве, которое должно было начаться убийством Великого князя и захватом казарм русских войск. Этот план и был принят. Заговорщики склонили на свою сторону генералов Ю. Хлопицкого, Я. Круковецкого и П. Шембека. Восстание назначили на 29 ноября.

Бунтовщики располагали в Варшаве 10 000 польских солдат против приблизительно 7000 русских, из которых многие были уроженцами Литвы, Волыни и т. д. Днем 28 ноября правительство, обеспокоенное вызывающим поведением варшавян, приказало удвоить повсюду караулы.

Мятеж был направлен на отделение Царства Польского от России и отторжение от России ее западных земель, входивших в XVI—XVIII вв. в состав бывшей Речи Посполитой. Поводом к восстанию стало распоряжение Николая I о подготовке сбора денежных средств и размещении на постой русских войск, намеченных для прохода через Польшу для подавления революции в Бельгии. В ночь с 17 на 18 (с 29 на 30) ноября 1830 г. часть польских военных подняла мятеж.

5.8. Начало восстания

В 6 часов вечера 17 ноября 1830 г. Великий князь с супругой, как всегда, пребывали во дворце Бельведер[1] в пригороде Варшавы. В этот день в пригороде Варшавы была сожжена пивоварня, что являлось знаком для начала восстания.

Первой поднялась школа гвардейских подхорунжих (подпрапорщиков). Туда пришел П. Высоцкий с призывом: «Братья, час свободы пробил!» Ему отвечали криками «Да здравствует Польша!»[2]. Высоцкий прибавил, что русские уже начали резню в городе и надо торопиться. Это была грубая провокация. Генерал С.С. Трембицкий, начальник школы, оставшийся верным присяге, попытался остановить мятеж, но был убит.

Затем со 150 подпрапорщиками Высоцкий напал на казарму гвардейских улан. Заговорщики во главе с Л. Набеляком и С. Гощиньским направились к Бельведеру — резиденции Великого князя Константина. Сообщники изнутри отперли им ворота ограды, окружавшей дворец. В ту самую минуту, когда они готовились захватить Великого князя, обер-полицеймейстер, генерал, вице-президент Варшавы Любовицкий, пришедший к князю с рапортом, поднял тревогу и упал, заколотый штыками. Заговорщики закололи и генерала А.А. Жандра (Жандр Александр Андреевич, 1776—1830; генерал-майор, служил в Главном штабе Константина Павловича), приняв его за Вели-

[1] Бельведер — дворец в Варшаве, местопребывание Вел. кн. Константина Павловича. Построен в 1824 г. архитектором Яковом Кубицким.

[2] *Лависс Э., Рамбо А.* История XIX века. Т. 3. Ч. 1. Время реакции и конституционные монархии. 1810—1847. Гл. VIII. Королевство Польское. Восстание. 1815—1846.

кого князя. Таким образом, удар, нанесенный по Бельведеру, не попал в цель. Князю Константину удалось скрыться.

В то же самое время Высоцкий потерпел неудачу у казармы улан. Но вскоре к нему в подкрепление пришли 2000 студентов и толпа рабочих. Восставшим удалось захватить арсенал.

Многие русские генералы и офицеры, находившиеся в Варшаве, были убиты. Одновременно в Варшаве шла охота на лояльных режиму людей, многие русские и поляки, сохранившие верность присяге, погибли в первые часы восстания. Среди них убитыми оказались упомянутый генерал С. Трембицкий, генерал, граф С. Потоцкий[1], генерал Т.Я. Семионтовский (начальник штаба польской армии), граф М. Гауке (военный министр). О последних часах генерала, графа Потоцкого княгиня Н. Голицына, непосредственная свидетельница тех трагических событий, писала:

«Они (страхи. — *Авт.*) еще более усилились, когда я увидала, что две или три пушки движутся к Бельведеру. Я не знала, что они только что взяты у мятежников и что этим мы обязаны присутствию духа у ген. Станислава Потоцкого. Повстречав эти орудия, что в самом деле двигались ко дворцу Великого князя, генерал остановил их и обратился к канонирам, бывшим навеселе. Он спросил, куда они идут. В ответ они что-то пробормотали. “Негодяи, — воскликнул он, — вы не знаете, где ваш пост”, — и таким образом привел их, куда следует. Несколько времени спустя храбрый генерал был убит возле Арсенала». Русский генерал Станислав Потоцкий, герой войн с Наполеоном и турками, герой Отечественной войны 1812 г., надел форму русского генерала, подпоясался российским флагом и вышел к восставшим. Он совершенно не боялся смерти, ничто не могло заставить его изменить присяге.

О времени восстания и причинах массовых убийств княгиня Голицына в своих мемуарах написала следующее: «Вече-

[1] Потоцкий Станислав (1778—1830), граф. Генерал-адъютант, сенатор-воевода, главный начальник пехоты Царства Польского. Состоял в Следственной комиссии, назначенной для расследования деятельности революционных тайных обществ Царства Польского (1826).

ром, в $7^1/_2$ часов, вспыхнул мятеж. Вероятно, решительность, с которою Государь высказался насчет заговорщиков, ускорила момент восстания, которое, согласно показаниям Высоцкого (возможно, имеется в виду Высоцкий Юзеф (1809—1874), польский генерал, участник восстаний 1830 и 1863 гг. — *Авт.*), должно было начаться двумя неделями позже. Испугавшись строгого и неотвратимого суда, поляки (уже давно, впрочем, готовые) сочли нужным ускорить час восстания и, как впоследствии говорил Лелевель, “до такой степени увеличить число виновных, чтобы уже не было возможности карать”».

И далее: «Я уже не говорю об ужасных мучениях, которым подвергались наши храбрецы, к примеру, одной несчастной жертве сначала выкололи глаза, а потом уже нанесли ему смертельный удар. Другой несчастный, получив девять ран, сверх того был избит прикладами, а после около двух дней оставался безо всякой помощи, никто не захотел перевязать его раны (Гауке, Блюмер). Разве таковые жестокости присущи не временам варварства?»[1].

В два часа утра Варшава была совершенно свободна от русских. Вся инфраструктура власти в стране практически в неизменном виде оказалась в руках мятежников, можно сказать, восставшие захватили Королевство Польское. Было от чего потерять голову…

30 ноября Ф.-К. Любецкий собрал административный совет. Этот совет в своем воззвании определил переворот как событие «столь же прискорбное, сколь неожиданное».

Бегство Великого князя Константина Павловича

Свидетельство кн. Н.И. Голицыной

О бегстве Великого князя из Варшавы сложено немало легенд. Обратимся опять к мемуарам княгини Голицыной, свидетельницы этих драматических событий.

[1] Воспоминания кн. Надежды Ивановны Голицыной. URL: http://feb-web.ru/feb/rosarc/rad/rad-061-.htm.

17 ноября. «В самом деле, Великого князя спас его камердинер Фриц в ту минуту, как мятежники собрались ворваться в кабинет, где Великий князь по обыкновению отдыхал после обеда. Он спасся по лестнице, ведущей к ген. Куруте[1], и, покуда княгиня (Лович) оставалась в неизвестности об участи своего супруга, мятежники, не добившись своей цели, скрылись через разные выходы. Великий князь, оказавшись во флигеле, занимаемом ген. Курутою, тотчас вышел во двор, вскочил в седло и возглавил три полка кавалерии, стоявшие в Лазенках и по первой же тревоге сумевшие прибыть в Бельведер...»[2].

«Мы говорили долго. Княгиня (Лович) рассказала мне, как в полночь кн. Адам Чарторижский[3] и кн. Ф.-К. Любец-

[1] Курута Дмитрий Дмитриевич (1771—1833), граф (1826), генерал от инфантерии, член Военного Совета. Родом грек. Окончил Сухопутный кадетский корпус (1787), выпущен подпоручиком в Петербургский гренадерский полк и назначен состоять при Вел. кн. Константине Павловиче, которого обучал греческому языку. За участие в наполеоновских войнах (1805—1807) произведен в полковники. Флигель-адъютант Вел. кн. Константина Павловича и командир Дворянского полка (1809). Участник войны 1812 г., произведен в генерал-майоры. Директор 2-го кадетского корпуса (1814). Генерал-лейтенант, начальник штаба Вел. кн. Константина Павловича (1816). Кавалер всех российских орденов. Был самым доверенным лицом Вел. кн. Константина Павловича.

[2] Воспоминания кн. Надежды Ивановны Голицыной. URL: http://feb-web.ru/feb/rosarc/rad/rad-061-.htm.

[3] Чарторижский (Чарторыйский) Адам (1770—1861), князь, польский и русский политический деятель. Участник военных действий 1792 г. против русских. После восстания Костюшко имения Чарторижских были конфискованы. Императрица Екатерина II обещала их возвратить, если кн. Адам с братом Константином приедут в Петербург в качестве заложников. Зачислен в Конно-гвардейский полк (1795); пожалован в камер-юнкеры и назначен адъютантом к Вел. кн. Александру Павловичу (1796). Посланник при Сардинском дворе (1799—1801). С воцарением Александра I вошел в состав Негласного комитета вместе с гр. Строгановым, Новосильцевым и гр. Кочубеем. Попечитель Виленского учебного округа (1803—1821). Министр иностранных дел (1804—1806). В 1812 г. уехал за границу. В 1815 г. участвовал в работе Венского конгресса, поддержав проект образования Царства Польского. Вошел в состав правительства Царства Польского как сенатор-воевода и член административного совета. Принял участие в восстании 1830 г. как представитель аристократической партии, в январе 1831 г. сеймом избран главою правительства. По усмирении восстания эмигрировал в Париж.

кий[1] явились к Великому князю, чтобы объявить ему, “что образовано Временное правительство, что польская нация, уставшая от тирании, наконец, сбросила оную, но в то же время просит приказаний Великого князя по армии, коей он является главнокомандующим”. Великий князь ответил, “что он не знает другого повелителя Польши, кроме своего брата Николая I, и что если кто-либо посмеет заставлять его признать иного, то он пронзит того шпагою”. Он отпустил их, недовольный их визитом»[2]...

19 ноября/1 декабря. «На другое утро к Великому князю явился ген. Исидор Красинский с трехцветною кокардою на шляпе и объявил, что Временное правительство возглавила местная знать. Чуть позже против этого правительства выступили якобинцы. В городе царил полнейший беспорядок. Раздачей на улицах вина взбунтовали чернь. Хлопицкий взял бразды правления в свои руки и твердой властью прекратил грабеж и установил порядок, насколько то было возможно. Трехцветную кокарду сменила белая, но возбуждение отнюдь не утихло»[3].

20 ноября. Владислав Замойский[4], адъютант Великого князя, был послан своим Августейшим шефом в Варшаву,

---

[1] Друцкий-Любецкий Франтишек-Ксаверий (1778—1846), князь. Окончил Сухопутный кадетский корпус (1797); участник итальянского похода Суворова. С 1800 г. в отставке. Гродненский уездный предводитель дворянства (1809). Действительный статский советник (1811). Причислен к Министерству полиции (1812). Член временного Верховного совета Герцогства Варшавского (1813). В 1815 г. подписал конституционную хартию, дарованную Императором Александром I Царству Польскому. Виленский и Гродненский гражданский губернатор (1816). Министр финансов Царства Польского (1821). Член Государственного Совета (1832).

[2] Воспоминания кн. Надежды Ивановны Голицыной. URL: http://feb-web.ru/feb/rosarc/rad/rad-061-.htm.

[3] Там же.

[4] Замойский Владислав, граф, сын Станислава Замойского. Адъютант Вел. кн. Константина Павловича.

Замойский Станислав (1775—1856), граф, действительный тайный советник, член Государственного Совета (1831—1850). С 1822 г. президент Сената Царства Польского. В 1826 г. председатель Следственной комиссии, назначенной для расследования деятельности революционных тайных обществ Царства Польского. В отличие от сына, Станислав Замойский не изменил присяге, он был мужественным и зрелым человеком.

но вместо выполнения возложенного на него поручения он позволил соотечественникам увлечь себя и изменил своему долгу. Хлопицкий просил у Великого князя войска, чтобы восстановить спокойствие. Великий князь отказался дать русские полки, не желая использовать оные против поляков. В то же время в Вержбну явился ген. Шембек, командир бригады польских гренадер, и просил приказаний Великого князя. «Приведите свою бригаду, — ответил Великий князь, — и тогда, поддержанный оставшимися у меня польскими войсками, я вернусь в город»[1]. Полковник Есаков привел и остальную часть нашей артиллерии. Шембек обещал вернуться через несколько часов с бригадою, которою командовал. Итак, день прошел в ожидании и был спокойнее. В 4 часа пополудни Замойский доложил Великому князю о депутации, состоявшей из кн. Адама Чарторыйского, кн. Любецкого, Островского и Лелевеля[2]. Она была принята в Вержбне вечером, и после долгой аудиенции и длительных совещаний было взаимно договорено о перемирии на 48 часов.

21 ноября/3 декабря. «На другой день Владислав Замойский, об измене которого никто еще не подозревал, был снова послан в Варшаву. Час спустя он прискакал во весь опор и доложил тому, на кого в последний раз смотрел как на своего шефа, что перемирие нарушено (через 12 часов после подписания соглашения) и что ежели мы не удалимся через час, то на нас ринутся 30 тысяч вооруженных людей. “А что Шембек?” — “Он вошел в город”. Судите о нашем положении при известии об этой новой измене! Тотчас был дан приказ готовиться к выступлению.

---

[1] Воспоминания кн. Надежды Ивановны Голицыной. URL: http://feb-web.ru/feb/rosarc/rad/rad-061-.htm.

[2] Лелевель Иоахим (1786—1861), польский историк, профессор Варшавского и Виленского университетов. Идеолог польского национального движения. Во время восстания 1830 г. был членом Временного правительства, представляя в нем крайнюю революционную партию. После подавления восстания эмигрировал во Францию.

Хлопицкий снова просил у Великого князя войска, и тут полковник Зеленка, стоявший в Бельведерских аллеях со своим знаменитым Конно-егерским полком, явился к Великому Князю за приказаниями. Рыдая, просил он Великого князя не оставлять командование, снова и снова повторял трогательные слова о преданности, коей он уже дал неоспоримое доказательство. Но полк требовали <в Варшаву> во что бы то ни стало, ожидали лишь Зеленку, чтобы изрубить мятежников и восстановить порядок. Великий князь сказал полковнику: “Ну, что же, поезжайте и восстановите порядок”, а Замойскому, просившему приказаний: “Мне нечего вам приказать”. — “В таком случае, Ваше Высочество, я прошу позволения уехать”. — “Замойский! Помните, что я спас жизнь вашему отцу”. — “Да”. После чего он простился со своим шефом, вскочил на коня и на полном скаку крикнул нам: “Будьте покойны насчет русских, и мужчин, и женщин, им ничего не сделают!” Я глядела на него с презрением. Славный К. Зеленка, заливаясь слезами, протянул нам руку. “Ну, что же, полковник, — печально сказала я, — надо прощаться”. — “Кто знает, посмотрим, подождите”, — и он ускакал. Один из служащих военного министерства, г-н Браун, также простился с нами, равно как и Шмидт, прусский консул. Польские пленные, числом более 200, были отпущены, но наших нам не вернули»[1]...

«После нашего отступления мы узнали, что славный Конно-егерский полк во главе с К. Зеленкою, по-прежнему одушевленный наилучшими намерениями, расправился с мятежниками. Что Хлопицкий, принужденный стать во главе мятежа и будучи один способен прекратить грабеж и восстановить порядок, хотя бы на улицах, объявил себя диктатором. Что ему удалось закрыть клуб якобинцев, что он арестовал наиболее виновных. Что с нашими пленниками обращались сколь возможно хорошо. Что по его приказу

[1] Воспоминания кн. Надежды Ивановны Голицыной. URL: http://feb-web.ru/feb/rosarc/rad/rad-061-.htm.

русские дома, избегнувшие грабежа, были опечатаны и взяты под охрану»[1]...

«Все наше общество кое-как устроилось и собралось у нас, чтобы спокойно провести вечер. Но покой, на который мы надеялись, был нарушен появлением кн. Любецкого, министра финансов Царства Польского, того самого, кто, исполнив в Бельведере в ночь варшавского восстания одну из ролей, назначенных правительством демагогов, ныне был облечен полномочиями депутата от польской нации к Государю. Ради остатка почтения к несчастному Великому Князю, а скорее из боязни его гнева, если он когда-нибудь вновь обретет свои права, депутаты не посмели отправиться к Государю, не побывав у Великого Князя. Таким образом, кн. Любецкий, проехавший, чтобы найти нас, через всю глину и все болота Царства Польского, настиг нас во Влодаве и вечером был принят...

Глупость, неразлучная спутница надменных поляков, и на сей раз влекла эту неблагодарную и буйную нацию к печальной развязке, коей история Польши являет слишком много примеров. Кн. Любецкий вез письма диктатора к Его Величеству и выехал после полуночи, тая в себе безумную надежду на уступку бывших польских провинций и умоляя Великого князя поддержать его своим посредничеством пред Государем»[2].

5.9. Первые дни независимости

В эйфории от неожиданного успеха административный совет Царства Польского был преобразован во Временное правительство. Сейм избрал главнокомандующим польскими войсками генерала Ю. Хлопицкого (1772—1854) и провозгласил его «диктатором», но генерал отказался от диктаторских полномочий, не веря в успех войны с Россией.

Первым делом Ю. Хлопицкий постарался успокоить Австрию и Пруссию, обязавшись уважать их границы.

[1] Там же.

[2] Там же.

Ф.-К. Любецкого[1] и Ф. Езерского он послал в Петербург для переговоров. Если не считать требования «восьми воеводств», данные им инструкции были довольно разумны: депутаты должны были ходатайствовать перед царем о соблюдении конституции, о свободе и гласности заседаний сейма, о вотировании налогов палатами и об охране королевства исключительно польскими войсками.

Сейм провозгласил лозунг «За вашу и нашу свободу!» как девиз солидарности польского и русского революционного движения.

---

[1] Без преувеличения можно сказать, что князь Ф.-К. Друцкой-Любецкий был отцом польского экономического чуда. В результате восстания 1830 г. князь, не пользуясь расположением соотечественников, решил выехать в Петербург в качестве посланника повстанческого диктатора Хлопицкого. Князь был мудр и потому выступал против вооруженной борьбы. На протяжении всего восстания он оставался в стороне от дел. Только в феврале 1832 г. император назначил его членом Государственного Совета, ответственным за дела Царства Польского. Вместе со С. Грабовским они оказались тогда единственными поляками, заседавшими в этом самом важном политическом органе империи. Там князь решил заняться реформой финансов. В тот период Россия переживала серьезные экономические трудности, порожденные огромной задолженностью государственной казны и неустойчивостью системы двойной валюты (ассигнаций и серебра). Любецкий представлял свои проекты, касавшиеся, в частности, эмиссии казначейских билетов с целью покрытия дефицита, а также коренной реформы банков. Его считали главным соперником министра финансов графа Е. Канкрина. Этот гессенский немец был одним из любимчиков Николая, поэтому долгое время его положение оставалось незыблемым. Даже те проекты графа, которые не нашли признания в Государственном Совете и столкнулись с критикой Любецкого, император полностью одобрял. Канкрин придерживался крайне консервативного подхода в экономике, Любецкий склонялся к либеральным идеям, хотя и видел во временно ограниченном государственном вмешательстве существенный элемент, подхлестывающий экономическое развитие. Николай был консерватором, поэтому, несмотря на поддержку адмирала Николая Мордвинова, Любецкому так и не удалось стать министром финансов. Нет сомнений, что этот выдающийся финансист существенно укрепил бы экономику России. Вплоть до самой смерти (1846) князь оставался членом Государственного Совета. Умер он в Петербурге, а в его похоронах по католическому обряду, проходивших, когда императора не было в столице, участвовали будущий Император Александр II и Великий князь Михаил Павлович. Затем его тело торжественно перевезли в родовое имение в белорусском Щучине, где он покоится и по сей день. (URL: http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=38123.)

Узнав о восстании в Варшаве, Николай I собрал во дворе Инженерного замка гвардейские части и сообщил им, что в Варшаве восстание. В ответ на негодующие возгласы молодых офицеров Николай сказал: «Прошу вас, господа, поляков не ненавидеть. Они наши братья. В мятеже виновны немногие злонамеренные люди. Надеюсь, что с Божьей помощью все кончится к лучшему»[1]. 12 (24) декабря царь издал манифест, где говорилось, что русские должны проявить по отношению к полякам «правосудие без мщения, непоколебимость в борьбе за честь и пользу государства без ненависти к ослепленным противникам».

Позднее в Петербурге польские депутаты-переговорщики Ф-К. Любецкий и Ф. Езерский были приняты сначала канцлером К.В. Нессельроде, который высмеял столь неразумное в данный момент требование «восьми воеводств». Когда депутаты были допущены к императору, он повторил им то, что говорилось в воззвании от 17 декабря. Его манифест к русскому народу от 24 декабря, где он клеймил подданных, «осмелившихся диктовать условия своему законному государю», окончательно лишил депутатов всякой надежды.

Когда были получены первые известия о неудаче переговоров в Петербурге, сейм возобновил свои заседания. Ю. Хлопицкий нарисовал мрачную картину общего положения дел, он видел спасение только в примирении с Николаем: «Он — ваш король, вы ему присягали». При этом Ю. Хлопицкий заявил, что намерен «управлять именем конституционного короля», то есть от имени Николая I. Оскорбленный сейм отнял диктаторские полномочия у Хлопицкого, затем, ввиду протестов народа и армии, возвратил их, но назначил ему в качестве помощников двух комиссаров, после чего «диктатор» добился приостановки заседаний сейма.

20 января 1831 г. командование поручили князю М.Г. Радзивиллу, человеку, не имеющему ни боевого опыта, ни воли. Затем депутат Роман Солтык предложил объявить Николая I

[1] URL: http://protown.ru/information/hide/3743.html.

и его наследников лишенными польского престола и освободить от присяги на верность не только поляков в королевстве, но и их «братьев» в восьми воеводствах[1].

Сверх того, он предложил объявить войну Австрии и Пруссии и не складывать оружия до победы или до полной гибели. Чрезмерность этих предложений на первых порах испугала собрание. Но 25 января 1831 г., когда приехал Езерский и подтвердил, что Николай I дарует полякам лишь одно прощение, послышались крики ярости; в одну минуту членами сейма, начиная с председателя сената А. Чарторыйского, был составлен и единогласно принят акт о низложении короля.

---

[1] Княгиня Н. Голицына дала такую оценку данным событиям в своих дневниках: «Они все еще полагали себя под властью Государя, их официальные, а также революционные акты были составлены на гербовой бумаге с Императорским гербом Николая I, но они предавали казни наши портреты. Они забрасывали нас памфлетами и ругательными сочинениями, но находили слишком суровыми воззвания Государя, являвшие собою образец умеренности. Сумятица была совершенная. Они желали и Государя, и Великого князя, но не желали ни одного русского. Они не признавались, что покушались на жизнь Великого князя, однако же ворвались к нему, и в Бельведере пролилась кровь… Они держали под замком наших пленников, а нашим слугам позволили выехать и привезти нам вещи. Они перевернули весь порядок жизни, разрушили все, но посылали депутацию к Государю!

Дело в том, что они уже не могли договориться между собою, и Польша была раздираема партиями. Революционный очаг был в Варшаве, но не там, где утверждали, не среди подпрапорщиков, коими воспользовались как слепым орудием и на коих, правду сказать, рассчитывали не без основания, а среди местной знати, и вот доказательства: князья Чарторижский, Радзивилл, Любецкий, графы Замойские, Потоцкий, Дзялинский, Генрих Фредро, Т. Лубенский и пр., и пр. В других местах помещики и мирные сельские жители вовсе не разделяли суждения демагогов. Во внутренних областях мы повсюду на пути своем слышали свидетельства любви и сожаления. Народ припадал к ногам Августейшего изгнанника, умоляя не оставлять их и возвратиться. При таковых настроениях казалось возможным образумить и всю нацию, и отеческое пожелание Государя, выраженное столь трогательно в прекрасном воззвании от <...> , должно было, казалось, решить дело в пользу порядка. Но армия была заражена, и Лелевель, человек, который был бы опасен в любой стране, стоял во главе партии, коей демагогическая ярость влекла несчастную Польшу к погибели». (Воспоминания кн. Надежды Ивановны Голицыной. URL: http://feb-web.ru/feb/rosarc/rad/rad-061-.htm.)

21 января 1831 г. сейм официально низложил Николая I с польского престола[1]. При этом революционный сейм отказался рассмотреть даже самые умеренные проекты аграрной реформы и улучшения положения крестьян.

Война с Россией стала неизбежной.

5.10. Польская революционная армия

Накануне ноябрьского восстания 1830 г. польская армия состояла из 23 800 пехотинцев, 6800 кавалеристов при 108 артиллерийских орудиях. В марте 1831 г. польская армия имела в наличии 57 924 человека пехоты, 18 272 регулярной кавалерии, 3000 волонтеров — всего 79 000 человек со 158 орудиями. В сентябре общая цифра, сильно уменьшившаяся после первых боев, поднялась до 80 821 человека.

Армия разделялась на 4 пехотные и 5 кавалерийских дивизий, кроме того, были войска в крепостях и в отрядах, имевшие отдельное назначение. Пехотные полки состояли из 4 батальонов, кавалерийские — из 6 эскадронов; батальоны имели сильный состав, гораздо сильнее русских батальонов.

Старые войска были превосходно обучены благодаря неусыпным попечениям Великого князя. Новые значительно уступали старым по обучению, дисциплине и выносливости. Ошибка поляков заключалась в том, что из старых частей не выделили опытные кадры, которые придали бы

[1] Княгиня Голицына и об этом написала в своих мемуарах: «Наконец, в Варшаве открылся сейм. Он собрался в той самой зале, где годом раньше Государь короновался пред лицом нации, упоенной радостью и проливающей слезы умиления. Взвесив свои интересы на весах глупости и самомнения, поляки перевернули вензель Государя — и объявили о низложении Романовых с польского престола как не достойных занимать его. Сей последний поступок походил на фарс, и признаюсь, несмотря на важность события, я не смогла удержаться от смеха, да и не я одна. Великий князь вторил мне, но, кстати сказать, делал это без ведома княгини, потому что настала минута, когда она не могла уже терпеть насмешек над своими мятежными соотечественниками. При ней мы сдерживались, но в ее отсутствие Великий князь не щадил предателей». (URL: http://feb-web.ru/feb/rosarc/rad/rad-061-.htm.)

крепость и стойкость новым войскам. Вооружение было хорошее благодаря запасу ружей, накопившемуся в арсенале: Константин Павлович все мало-мальски испорченные ружья сдавал в русский арсенал, а взамен требовал из империи новые.

Главнокомандующий князь М. Радзивилл, не обладавший ни военными дарованиями, ни соответствующим характером, находился всецело под влиянием Ю. Хлопицкого, приставленного к нему в качестве советника. Однако власть главнокомандующего не терпит никакого разделения, а потому положение, казалось бы, всевластного Хлопицкого все-таки было формальным и привело к поражению в сражении при Грохове. Кроме того, Хлопицкий, хотя и имел все данные, чтобы стоять во главе армии, но не сочувствовал восстанию, — отказался от наступательных действий, полагая, что для польской армии можно только приготовить почетную могилу под стенами Варшавы.

Начальником штаба являлся А. Хржановский (1788—1861), бывший отличным офицером Генерального штаба, но плохим командиром. В 1849 г. сардинский король пригласил его в свое государство для преобразования армии, которая вслед за тем потерпела сокрушительное поражение от австрийских войск при Новаре. В этой битве А. Хржановский командовал сардинской армией, хотя занимал должность лишь командира дивизии. Чтобы оправдать свою неудачу, он постарался свалить вину на генерала Раморино.

Генерал-квартирмейстер И. Прондзинский (1792—1850), помимо обширного образования, как офицер Генерального штаба отличался блеском и смелостью стратегических решений, однако исполнителем своих же решений он оказался крайне слабым.

Хотя среди польских офицеров многие служили в наполеоновских войсках, там польскими дивизиями обыкновенно командовали французы, а потому среди поляков во время революции не оказалось достаточно опытных генера-

лов, имеющих смелость проявлять инициативу и брать ответственность на себя[1].

Русские с самого начала могли выставить в поле 86 000 человек пехоты, 28 000 человек кавалерии, в общем 114 000 солдат при 356 орудиях, не считая гарнизонов и крепостной артиллерии. Несмотря на первые неудачи, в июле 1831 г. у них наличествовало более 86 000 человек. То был момент, когда обе враждебные армии почти сравнялись численно. Однако все то, что осталось от польской армии, сформированной Наполеоном и Великим князем, растворилось в массе рекрутов, не прошедших военной подготовки, тогда как русские имели под своими знаменами обученные и испытанные многочисленными битвами войска. Помимо того, в продолжение всей войны русские сохраняли двойное пре-

[1] Генерал-лейтенант Н.А. Орлов следующим образом охарактеризовал польского воина: «Поляки отличались пылкостью атак, равно и стойкостью при обороне. Поляк подвижен, горяч, храбр, предприимчив, но у него нет нравственной стойкости. Порыв свой он считает непреодолимым, но если его постигнет неудача, то наступает малодушие, он падает духом. Кроме того, партийность приносила массу вреда. Любовь к отечеству превратилась с веками в преданность своей партии. Торжество последней стало главною целью — для нее готовы были жертвовать интересами государства. Все это вело к разногласию среди высшего руководства, разрушало столь необходимое на войне единство». (*Орлов. Н.А.* Усмирение Польского восстания 1830—1831 гг. URL: http://militera.lib.ru/h/sb_istoria_russkoy_armii/86.html.)

Николай Александрович Орлов (1855—1917?) — генерал от инфантерии, военный писатель и теоретик, пионер воздухоплавания. Состоял действительным членом Исторического общества при Имперском Санкт-Петербургском университете и Императорского русского технического общества. Заслужив популярность талантливого военного писателя, обогатившего русскую военную литературу целым рядом своих сочинений, Н. А. Орлов считался редким лектором по военному искусству. Его лекции о генералиссимусе Суворове во время суворовских торжеств 1899 г. привлекали массу слушателей, и в печати много говорилось об этих талантливых сообщениях. Возвратившись с театра военных действий в Маньчжурии с именем бесстрашного героя, доброго начальника, Н. А. Орлов прочел в военном собрании армии и флота интересную лекцию о событиях на Дальнем Востоке. В 1886 г. на маневрах под Брестом он командовал воздухоплавательным парком и поместил в «Инженерном журнале» отчет об этих действиях, послуживших основанием к организации полевых воздухоплавательных парков. Затем он в течение 10 лет состоял членом Комиссии по воздухоплаванию. (URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Николай_Александрович_Орлов.)

восходство в кавалерии и тройное в артиллерии. Наконец, ни один из польских главнокомандующих не мог сравниться как стратег если не с генерал-фельдмаршалом И.И. Дибичем[1], то, во всяком случае, с генерал-фельдмаршалом и графом Эриванским И.Ф. Паскевичем[2], нанесшим последний удар польскому восстанию[3].

Дух русских войск был по-прежнему крепок, и в эту войну проявилась обычная русская доблесть. Во всех столкновениях с неприятелем полки не уронили свою былую славу и показали свойственные им отвагу и стойкость. Прусский генерал Брандт, бывший тогда при русской армии и хорошо знавший ее, пишет, что русские солдаты — первые в мире. Особенно отличались подвигами гренадерский корпус и знаменитые 13-й и 14-й егерские полки. Не таков оказался дух 6-го (Литовского) корпуса И.Ф. Розена (1797—1872). В нем много служило офицеров-поляков, участвовавших в тайных обществах, и потому там замечалось сочувствие к соплеменникам, «весь Литовский корпус смотрел на Варшаву».

5.11. Крах восстания

Польские генералы И. Прондзинский и А. Хржановский предлагали мятежникам наступательную тактику. Они хотели собрать всю польскую армию в единый кулак и последовательно бить русских по частям, не давая им объединиться. В Варшаве же должен был остаться лишь небольшой гарнизон численностью в 4—5 тысяч человек. Кроме того, они надеялись при вступлении польских войск в Литву и Белоруссию на восстание местной шляхты и присоединение ее

---

[1] Иван Иванович Дибич-Забалканский (*Иоганн Карл Фридрих Антон фон Дибич*, 2 мая 1785, Грослейпе, Силезия — 29 мая 1831, Клещево близ Палтуска) — граф, последний представитель рода Дибичей, российский генерал-фельдмаршал, уроженец Пруссии. Полный кавалер ордена Св. Георгия.

[2] Иван Федорович Паскевич (8 мая 1782 г., Полтава — 20 января 1856 г., Варшава) — граф Эриванский, св. кн. Варшавский, русский военный деятель, генерал-фельдмаршал. Полный кавалер ордена Св. Георгия.

[3] *Орлов Н.А.* Усмирение Польского восстания 1830—1831 гг. URL: http://militera.lib.ru/h/sb_istoria_russkoy_armii/86.html.

к польским войскам. Однако генерал Ю. Хлопицкий отверг этот план. 20 декабря 1830 г. он приказал расположить всю польскую армию двумя колоннами по дорогам Брест — Варшава и Белосток — Варшава. Это делалось для того, чтобы по каждой дороге находилось в глубину по несколько эшелонов, которые могли бы, отступая перед русскими частями, сконцентрироваться у одного сборного пункта — Грохова (в 5 км юго-восточнее Варшавы), где и предполагалось дать бой.

Главнокомандующим русскими войсками был назначен генерал-фельдмаршал граф И.И. Дибич-Забалканский, а начальником штаба — генерал граф К.Ф. фон Толь (1777—1842). Не дождавшись сосредоточения всех сил, Дибич не стал обустраивать тыл и 24 января 1831 г. вошел в Царство Польское между реками Бугом и Наревом. Отдельная колонна генерала польского происхождения К.А. Крейца (1777—1850) должна была занять Люблинское воеводство на юге Царства и отвлекать на себя силы неприятеля. Однако начавшаяся оттепель и распутица расстроила первоначальный план. 2 февраля 1831 г. в бою при Сточеке русская бригада конных егерей под командованием генерала Ф.К. Гейсмара (1783—1848) была разбита польским отрядом генерал-майора русской службы Ю. Дверницкого (1779—1857). В свое время Дверницкий присягнул русскому императору и по поручению Великого князя Константина Павловича занимался составлением нового кавалерийского устава для новой польской армии.

Сражение между главными силами русских и польских войск произошло 13 февраля 1831 г. при Грохове и закончилось поражением польской армии. Но Дибич не отважился продолжать наступление, ожидая серьезного отпора[1].

[1] Княгиня Н.И. Голицына следующим образом охарактеризовала обстановку в Польше: «Наша армия приближалась со всех сторон, но прежде чем обнажить шпагу, Государь желал исчерпать все способы убеждения. В Польше распространялись воззвания, которые с полным доверием принимали сельские жители, но в Варшаве их старались исказить и даже извратить, пускали в ход фальшивые, что еще больше озлобляло умы. Словом, Свыше было предначертано, что злосчастная война прольет потоки крови. Поляки довели дело до того, что самолюбие уже не позволяло им войти с нами в соглашение. Россия тоже не уступила бы, таким об-

Между тем польское командование использовало бездействие главных сил русских войск и, стремясь выиграть время, начало мирные переговоры с генералом Дибичем. Тем временем 19 февраля 1831 г. отряд Ю. Дверницкого переправился через Вислу, рассеял мелкие русские отряды и попытался вторгнуться на Волынь. Прибывшие туда подкрепления под командованием генерала Толя вынудили Дверницкого укрыться в Замостье. Через несколько дней Висла очистилась ото льда, и Дибич начал готовить переправу на левый берег у Тырчина. Но польские отряды атаковали тылы главных сил русских войск и сорвали их наступление.

Революционеры не бездействовали. В сопредельных с Царством Польским местностях — Волыни и Подолии — начались волнения, в Литве вспыхнул открытый мятеж. Ведь Литву охраняла лишь слабая русская дивизия (3200 чел.), стоявшая в Вильне. Дибич направил туда военные подкрепления. Атаки небольших польских отрядов в тылу изматывали главные силы Дибича. Действия русских войск к тому же были осложнены разразившейся в апреле эпидемией холеры, в армии насчитывалось около 5 тысяч больных.

В начале мая 45-тысячная польская армия под командованием Я. Скшинецкого начала наступление против 27-тысячного русского гвардейского корпуса, которым командовал Великий князь Михаил Павлович, и отбросила его к Белостоку — за пределы Царства Польского. Дибич не сразу поверил в успех польского наступления на гвардию и только через 10 дней направил против мятежников главные силы. И 14 мая 1831 г. в крупном сражении при Остроленке поль-

разом, ядро было пущено, ему следовало разорваться. Русские и поляки никогда не станут друзьями, с одной стороны, есть неприязнь, с другой — зависть. Русские вообще с презрением относятся к сарматам, а в человеческой природе ненавидеть презирающих нас. Все, что было сделано русскими в течение 16 лет, не привело ни к чему в отношениях между двумя народами. Несмотря на все усилия, существовала разделяющая черта, которую ничто не могло стереть. Русские были доверчивы, быть может, и по беспечности, поляки же всегда носили в сердце яд». (Воспоминания кн. Надежды Ивановны Голицыной. URL: http://feb-web.ru/feb/rosarc/rad/rad-061-.htm.)

ская армия была разгромлена. Но крупный отряд польского генерала Гелгуда (12 тыс. чел.) соединился в русском тылу с местными бандами мятежников, так что его численность возросла вдвое. Русские и польские силы в Литве оказались примерно равны.

29 мая 1831 г. генерал Дибич заболел холерой и в тот же день скончался. Командование временно принял генерал Толь. 7 июня 1831 г. Гелгуд атаковал русские позиции у Вильны, но был разбит, а затем убит адъютантом Скульским. В Литве эффективно действовал Дембинский, его поход представляет собой превосходный образец партизанских действий. Численность его отряда доходила до 4 тысяч человек. Дембинский избегал открытых пространств и крупных городов; он пробирался лесами между русскими отрядами, разбивая мелкие и обходя более сильные. 28 июня он выступил по направлению к Беловежской пуще и достиг ее 15 июля. Удачно сражаясь и счастливо проскользнув мимо отряда генералов Савоини и Розена, Дембинский через Рудню и Стердынь 22 июля прибыл к Маркам под Варшавой.

Восстание в Подолии разгорелось преимущественно между шляхтой, потому что не удалось возмутить массу крестьянского украинского населения. Знамя мятежа подняли братья Сабанские, помещики близ Ольвиополя. К концу апреля число мятежников достигало 5 тысяч, ими командовал отставной генерал Колышко. Командир 5-го корпуса Рот из Бессарабии прибыл туда форсированными маршами и около Дашева разбил их наголову (потери поляков — 1600 человек). Остатки мятежников были еще раз разбиты генералом Шереметьевым у Майданека (близ Деражни), и они разрозненными группами в количестве 700 человек 14 мая перешли австрийскую границу у Сатанова.

Через несколько дней русские войска генерала Л.О. Рота разгромили польскую банду Колышки под Дашевым и у деревни Майданек, что привело к усмирению мятежа на Волыни. Очередные попытки Скшинецкого двинуться в тыл русской армии провалились.

13 июня 1831 г. в Польшу прибыл новый главнокомандующий русскими войсками генерал-фельдмаршал граф Эриванский И.Ф. Паскевич. Близ Варшавы уже находилась 50-тысячная русская армия, ей противостояли 40 тысяч мятежников. Польские власти объявили поголовный призыв в ополчение, но простой народ отказывался проливать кровь. В июле русская армия, наведя мосты, переправилась на неприятельский берег, а польские войска отошли к Варшаве.

5.12. Паника и убийства в Варшаве

Уже 20 июня при известии о поражении, которое потерпел генерал Янковский, в Варшаве вспыхнул бунт. Правительство, уступая требованиям толпы, приказало арестовать генерала, а также его зятя, генерала Н. Бутковского, и еще нескольких генералов и полковников, кроме того, камергера русского Двора Феншау и жену русского генерала Р. Баженова. Все они были заключены в варшавский Замок. Но волнения вспыхнули снова, когда было получено известие о переходе русской армии через Вислу. Я. Скржинецкий был принужден подать в отставку, и польские войска остались без руководства, между тем как гражданское правительство оказалось бессильно поддерживать порядок в городе. 3 августа в Варшаве вновь начались беспорядки; горожане искали предателей и перебили многих лишь подозреваемых в измене, а заодно и ни в чем не повинных лиц.

В это же время президентом был избран Круковецкий, а главнокомандующим — старый генерал К. Малаховский (1765—1845). 6 августа началось окружение Варшавы русскими войсками. 15 августа народ оттеснил национальную гвардию, захватил Замок и убил там Янковского, Н. Бутковского, Феншау, еще нескольких генералов и Баженову. Убийства продолжались и в других тюрьмах. Число жертв подобных расправ достигло тридцати трех[1].

[1] Княгиня Н. Голицына писала по этому поводу: «Армия Его Величества под началом опытного полководца стояла у самого города, спасения больше не было, даже в отчаянье. Но поляки пожелали увенчать свое

16 августа генерал Я.С. Круковецкий после тщетных попыток успокоить толпу объявил себя комендантом города. Утвержденный в этой должности Исполнительной комиссией, он рассеял сборища с помощью войсковых частей, призванных из армии, и начал производить расследование. Правительство подало в отставку. Собрался сейм. Он назначил главнокомандующим вместо Скржинецкого — Г. Дембинского (1791—1864), увенчанного славой недавнего искусного отступления из Литвы. Последний продолжил следствие, учредил военный суд, обвинил Я.С. Круковецкого в бездействии, а И. Лелевеля — в участии в беспорядках. Тогда все ополчились против Г. Дембинского. Его обвинили в стремлении к диктатуре и в желании передать Варшаву русским. Сейм назначил новое правительство из пяти членов и заменил Г. Дембинского Я.С. Круковецким, который велел казнить четверых участников убийств, совершенных 15 августа[1].

отвратительное безумие новыми жестокостями и невинною кровью засвидетельствовать свое преступное озлобление. Они схватили пленных, которых присылали с мест сражений, и после глумлений растерзали их. Наконец, *15/27 августа* был подан сигнал ко всеобщему избиению. Бедный *Фенш*, камергер русского Двора, остававшийся в Варшаве простым жителем, был с позором повешен, одна русская дама, г-жа Баженова, с еще большим позором умерщвлена на глазах своих дочерей. Тело ее было разрублено пополам, а несчастные останки повешены на уличном фонаре. Одна из ее дочерей была ранена. Таковые ужасы, даже если бы им не предшествовало ничего подобного, разжигали наше желание отомстить. Но это был уже последний припадок безумия гибнущей нации». (Воспоминания кн. Надежды Ивановны Голицыной. URL: http://feb-web.ru/feb/rosarc/rad/rad-061-.htm.

[1] История Польши полна инцидентами избиения беззащитных людей обезумевшей «общественностью». Приведем один пример из новейшей истории. Этот материал размещен на сайте Общества «Мемориал». (URL: http://www.polska.ru/polska/historia/desid_1956.html.)

Николай Обушенков: «В сентябре 1956 г. я впервые был в Польше. Это была своего рода премия за работу в качестве ответственного секретаря приемной комиссии исторического факультета Московского университета.

Мне рассказывали о том, что происходило в Познани в июне, что происходит в других городах. В то время шли процессы по Познанскому делу. Мое отношение к тем событиям было двойственным. Мне было страшно читать в польских газетах о тех диких эксцессах, которые происходили на улицах Познани. Например, о том, как молодые люди, дети репресси-

5.13. Штурм Варшавы. Итоги восстания

В ответ на предложение о сдаче Варшавы польское руководство заявило, что поляки подняли восстание ради восстановления своего отечества в его древних пределах, то есть до Смоленска и Киева. Тогда 25 августа русские войска штурмом взяли предместье Варшавы; в ночь с 26 на 27 августа 1831 г. польские войска капитулировали.

В сентябре и октябре 1831 г. остатки польской армии, продолжавшей сопротивление, были изгнаны русскими войсками из пределов Царства Польского в Пруссию и Австрию, где они были разоружены. Последними сдались крепости Модлин и Замостье. Модлин (6 тысяч) сдался 26 сентября1831 г., Замостье (4 тысячи) — 9 октября1831 г.

За время восстания Царство Польское потеряло 326 тысяч человек, из них 25 тысяч — одна Варшава, и свыше 600 миллионов злотых, не считая частных потерь.

«Польша потерпела поражение; не было уже ни королевства, ни армии. Политическое творение Александра и то, что

рованных, интернированных поляков, брали следователей и членов их семей, водили по городу, раздевали до пояса и жгли на их теле газеты, не спеша, постепенно зажаривали людей... Несколько человек погибли. Такие вещи могут вызвать возмущение у любого здравомыслящего, не злобного человека. Мне была непонятна такая первобытная жестокость польской молодежи. И обвиняемые, по советским меркам того времени, получили «детские сроки» — пять, четыре, три года заключения.

Еще я услышал о том, что молодежь разнесла вдребезги вертушку-глушилку, которая мешала слушать западное радио. Конечно, их интересовали не политические передачи, а западная музыка. В этом молодежном бунте было очень мало политики по замыслу и содержанию, но он был политическим по значению — это стало открытым выступлением против общества. Так вот, с одной стороны, меня возмущала жестокость молодых поляков, но, с другой стороны, я понял, что все это свидетельствовало о начале большого кризиса всей социалистической системы».

Обушенков Николай Григорьевич родился в Вологодской области в 1929 г. Арестован в Москве в августе 1957 г. по делу группы Краснопевцева. Осужден по ст. 58—10 ч. 1, 58—11 к 6 годам лишения свободы. Живет в Москве.

Краснопевцев Лев Николаевич родился в Москве в 1930 г. Историк. Арестован в Москве в августе 1957 г. за организацию антисоветской группы в Московском университете, написание листовки с призывом к забастовке. Осужден по ст. 58—10 ч. 1, 58—11 к 10 годам лишения свободы. Живет в Москве.

сделал для польской армии Константин, — все это было одинаково уничтожено»[1].

5.14. Речь Императора Николая I перед польской депутацией

Осенью 1835 г. Государь приехал в Варшаву. Депутация поляков-горожан ходатайствовала о приеме ее Царем для поднесения приготовленного заранее адреса с выражением ему благоговейной преданности. Государь согласился на это, заявив, что говорить будут не они, а он. Приведем здесь речь Государя:

«Я знаю, господа, что вы хотели обратиться ко мне с речью; я даже знаю ее содержание, и именно для того, чтобы избавить вас от лжи, я желаю, чтобы она не была произнесена предо мною. Да, господа, для того, чтобы избавить вас от лжи, ибо я знаю, что чувства ваши не таковы, как вы меня хотите в этом уверить. И как мне им верить, когда вы мне говорили то же самое накануне революции? Не вы ли сами, тому пять лет, тому восемь лет, говорили мне о верности, о преданности и делали мне такие торжественные заверения преданности? Несколько дней спустя вы нарушили свои клятвы, вы совершили ужасы.

Императору Александру I, который сделал для вас более, чем русскому императору следовало, который осыпал вас благодеяниями, который покровительствовал (vous a favorises) вам более, чем своим природным подданным, который сделал из вас нацию самую цветущую и самую счастливую — Императору Александру I вы заплатили самою черною неблагодарностью.

Вы никогда не хотели довольствоваться самым выгодным положением и кончили тем, что сами разрушили свое счастье...

Господа, нужны действия, а не слова. Надо, чтобы раскаяние имело источником сердце... Прежде всего, надо выполнять свои обязательства и вести себя, как следует честным

[1] Воспоминания кн. Надежды Ивановны Голицыной. URL: http://feb-web.ru/feb/rosarc/rad/rad-061-.htm.

людям. Вам предстоит, господа, выбор между двумя путями: или упорствовать в мечтах о независимой Польше, или жить спокойно и верноподданными под моим правлением.

Если вы будете упрямо лелеять мечту отдельной, национальной, независимой Польши и все эти химеры, вы только накличете на себя большие несчастия. По повелению моему воздвигнута здесь цитадель; и я вам объявляю, что при малейшем возмущении я прикажу разгромить ваш город, я разрушу Варшаву, и уж, конечно, не я отстрою ее снова. Мне тяжело говорить это вам — очень тяжело Государю обращаться так со своими подданными; но я говорю это вам для вашей собственной пользы. От вас, господа, зависеть будет заслужить забвение происшедшего. Достигнуть этого вы можете лишь своим поведением и своею преданностью моему правительству.

Я знаю, что ведется переписка с чужими краями, что сюда присылают предосудительные сочинения и что стараются развращать умы... Среди всех смут, волнующих Европу, и среди всех учений, потрясающих общественное здание, Россия одна остается могущественною и непреклонною.

Поверьте мне, господа, принадлежать России и пользоваться ее покровительством есть истинное счастье...

Помните хорошенько, что я вам сказал»[1].

После приема депутации Государь осмотрел Александровскую цитадель, орудия которой были направлены на Варшаву[2]... Возникает естественный вопрос. А не стоило бы после подавления восстания предоставить Польше независимость? Конечно, нет. Проблема заключается в «восьми воеводствах». Нельзя было отпускать Польшу с белорусскими и украинскими землями, поскольку православное население не желало возвращаться под католиков-поляков. В этом варианте Россия получила бы очаг напряженности у своих границ: постоянные восстания, беженцы, оружейный тра-

[1] *Тальберг Н.* Неизвестная Россия. 1825—1917. — М.: Лит. учеба, 1995. — С. 189.

[2] Там же.

фик и т. д. Более того, при таком варианте развития событий Польша расценила бы данное решение России как слабость и потребовала бы возвращения Смоленска и прочих земель. Предоставить независимость Польше — значило бы в любом случае поощрить ее территориальные притязания к России. Следовательно, она превратилась бы в постоянный источник угроз для русских и плацдарм для врагов России.

Александру I следовало приложить максимум усилий, чтобы коренная Польша осталась бы под Пруссией. Но, если такого не произошло, Россия, ради обеспечения собственной безопасности, вынуждена была нести бремя Польши на своих плечах.

***Приложение.* Мнение княгини Н.И. Голицыной о «диктаторе» Ю. Хлопицком**[1]

«Хлопицкого, к примеру, в Петербурге обвиняли в государственной измене, потому что он объявил себя диктатором, а Красинского считали верным, потому что революционная партия отвергла его. Вот как обманчиво внешнее впечатление. Диктатор принял это звание только для того, чтобы иметь больше способов послужить русскому делу, спасти особу Великого князя и успокоить волнение. Доказательством тому, что я утверждаю, служат все его действия в начале революции. Не он ли остановил грабежи в городе? Не он ли обеспечил отступление Великого князя и всего войска (и пусть только задумаются о положении, в коем оказался бы Государь, если бы Его брат стал пленником мятежников)? Не он ли первый воспротивился всякой мысли о войне с Россией? Не он ли, наконец, за то, что слишком хорошо послужил нашему делу, подвергнулся брани соотечественников и, обвиненный в измене, был ими приговорен? Без уважения, которое он приобрел, впрочем, повсюду, он сделался бы жертвою своего рвения, но на сей раз судьба была справедлива, и Хлопицкий избегнул кровавых рук мятежников.

[1] Воспоминания кн. Надежды Ивановны Голицыной. URL: http://feb-web.ru/feb/rosarc/rad/rad-061-.htm.

Красинский же, напротив, первые три дня предавался пьянству у Мокотовской заставы (вверенный его охране пост первостепенной для штаба Великого князя важности), потом, после отъезда Его Императорского Высочества, вернулся в город и не погнушался встать на колени перед студентами, прося их поддержки, чтобы быть допущенным в число революционеров. Но он был слишком хорошо всем известен, чтобы внушить доверие кому бы то ни было, его отвергли и, вопреки неоднократным просьбам, смешали с грязью.

Дела в Варшаве запутывались все больше. Неистовые крики безумной молодежи заглушали голос народа, который требовал возвращения порядка и протестовал против демагогии, лишавшей его покоя. Земледелец встречал русские воззвания как обещание мира и благополучия, но якобинский клуб в Варшаве отвергал всякую возможность примирения, стремясь, так сказать, ввергнуть Польшу в пучину анархии.

Следует заметить, что, кроме своей ненависти к нам, поляки и на сей раз (как всегда) выставили себя на посмешище своим подражанием Франции. Но они всегда бывали лишь карикатурою оной...

Франция всегда была великой, независимой монархией, она покровительствовала своим соседям и завоеванным странам. Польша же с незапамятных времен была под скипетром или покровительством какой-либо великой державы, и, вопреки всем попыткам подражать Франции, все ее усилия приводили лишь к новым разделам и новому чужеземному господству. Но едва Франция шевельнется, как и Польша почитает своим долгом прийти в движение. Всегда обманутая своим образцом для подражания, всегда рассчитывающая на поддержку, вечно отвергаемая и бессильная, Польша, без сомнения, ожидала французские войска и заранее полагалась на деньги, коими коварная подруга должна ссудить ее. Всегда неосмотрительная, Польша не принимала в расчет, что Франции, в тот момент возбужденной и раздираемой революционною гидрою, было не до помощи Польше в ее безрассудных проектах. Увидав, наконец, что

предприятие, слишком обширное для одной Польши, провалилось без иностранной поддержки, главные делатели польской революции не погнушались прибегнуть к пошлой лжи и наполняли ею свои газеты, чтобы питать и, по возможности, усиливать возбуждение...

Хлопицкий выступал против старого генерала Клицкого, покрытого ранами, поседевшего под знаменами Наполеона, возражал против неравной борьбы, безумного предприятия. Самые виновные хотели драться, самые умеренные желали договориться полюбовно. Якобинская партия поднимала зычный голос и, захватив неограниченную власть, хотела преобладать над мнениями. Лелевель домогался всевластия и для того охотно перешагнул бы чрез реки крови. Но Хлопицкий, тогда еще диктатор, арестовал его и закрыл якобинские клубы. Эта важная новость скоро дошла до нас, и можно себе представить впечатление, которое она произвела. Лелевель арестован!.. Разве два эти слова не заключают в себе панегирик Хлопицкому и не доказывают ясно, что он не был человеком, который поддержал бы мятеж? Многие поступки, украшающие жизнь этого человека, свидетельствуют о благородстве его чувств. Ветеран наполеоновских войск, герой дела при Памплоне[1], с образованием Царства Польского он пожелал служить под нашими знаменами, но вследствие некоторых частных неудовольствий по службе подал в отставку и жил тихо и в бедности в течение 16 мирных лет. Когда в Варшаве возникло опасное положение, он, будучи всеми уважаем, согласился подчиниться пожеланиям нации, но только в видах быть полезным истинному благу, а не революции. Он пользовался своею властью, чтобы отвратить соотечественников от погибели, к которой они стремились. Среди волнений и патриотического неистовства, он имел мужество являться в собраниях с лентою Св. Анны, которую никто, говорил он, не смог бы помешать ему носить. Он предложил пропустить Великого князя и настаивал на этом вопреки мнению

[1] Памплона — главный город испанской провинции Наварра. Во время Испанской кампании Наполеона (1808—1813) подвергался длительной осаде.

кн. Любецкого и прочих, которые склонялись к его задержанию. Наконец, он вызвал наше восхищение своими решительными действиями против Лелевеля»[1].

5.15. Великий князь Константин Павлович

Многие как польские, так и российские историки несправедливы в оценках деятельности и личности Великого князя Константина Павловича. Например, польские историки М. Тымовский, Я. Кеневич и Е. Хольцер, авторы уже упоминавшейся «Истории Польши»[2], следующим образом характеризуют Великого князя: «Главнокомандующим польской армией стал младший брат царя, жестокий и психически неуравновешенный Великий князь Константин. Его полномочия были практически неограниченными, и поэтому он вмешивался во все сферы управления Польским королевством».

Но, во-первых, когда Константина Павловича назначили главнокомандующим, польской армии не существовало. Он своей волей и неуемной энергией на пустом месте создал одну из сильнейших армий Европы. О силе и высокой подготовке войска польского любят поговорить польские историки, но они же ненавидят Великого князя за то, что ради этого он нарушал конституцию. Однако единственным нарушением Константина было вмешательство в деятельность Министерства финансов Королевства Польского. Создание и вооружение современной армии требовали колоссальных затрат. Великий князь принуждал польских чиновников вкладывать ресурсы в военное строительство. Польской казной ради собственного корыстного интереса ни Константин, ни княгиня Лович не пользовались. У вдовы Константина Павловича даже не оказалось средств для организации богадельни. Княгиня Н. Голицына в мемуарах об этом написала: «В Витебске (кн. Лович) рассказала, что от ее имени хоте-

---

[1] Воспоминания кн. Надежды Ивановны Голицыной. URL: http://feb-web.ru/feb/rosarc/rad/rad-061-.htm.

[2] *Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е.* Истории Польши. — М.: Весь Мир, 2004.

ли создать богадельню или монастырь, но она отказалась, не имея лишних средств, и что в прошении, поданном ей по этому поводу, она в первый раз прочитала свой титул: “вдова Великого князя”»[1].

Во-вторых, следует сказать о приписываемой Великому князю жестокости. Причем «жестокостью» Константина Павловича историки называют его суровое отношение к польским военнослужащим. При этом хорошо бы они ответили на вопрос, как создать настоящую армию без жесткости? Ради дисциплины и высокой боеготовности Великому князю приходилось буквально «через колено» ломать польский гонор. Да, он мог публично оскорбить или дать пощечину нерадивому офицеру, и некоторые горделивые шляхтичи не выдерживали подобного отношения и кончали жизнь самоубийством. Однако это не перевешивает всего того положительного, что сделал Константин для армии и польских военных, которых он считал своими детьми. Большинство из них он знал лично и даже называл по именам. Когда начались военные действия и главнокомандующий Дибич пригласил Великого князя принять в них участие, тот при виде русской кавалерии, отброшенной польскими уланами, не смог удержаться, захлопал в ладоши и воскликнул: «Браво, дети мои! Польские солдаты — первые солдаты в мире»[2]. И все же Великому князю не удалось сломить до конца абсурдный шляхетский гонор, что оказалось роковым для польской армии.

Вместе с тем Константин Павлович отличался высокой требовательностью не только к подчиненным, но и к себе. Например, «…весь поход в феврале 1897 г. до самой границы Великий князь прошел с уланами, верхом, перед первым эскадроном, подавая собою пример усердия и исправности в службе. При эскадронах, кроме обоза, положенного по уставу

---

[1] Воспоминания кн. Надежды Ивановны Голицыной. URL: http://feb-web.ru/feb/rosarc/rad/rad-061-.htm.

[2] *Лависс Э.*, *Рамбо А.* История XIX. Т. 3. Ч. 1. Время реакции и конституционные монархии. 1810—1847. Гл. VIII. Королевство Польское. Восстание. 1815—1846.

и следовавшего за колонной, не было никаких частных повозок. Экипажи Великого князя шли впереди на расстоянии одного перехода...

В сильные морозы, которые в феврале того года зачастую превышали пятнадцать градусов, офицеры надевали шинели в рукава, подпоясывались портупеей и шарфом и поверху надевали лядунку. В хорошую же погоду, когда мороз не превышал пяти-семи градусов, все были в спензерах и даже в одних мундирах, а солдаты накидывали шинели на опашь.

Сам Цесаревич редко когда надевал шинель; почти весь поход он сделал в одном спензере и всегда ехал перед первыми рядами, позади трубачей. На переходе полк спешивался по несколько раз, чтобы согреться. Музыканты в мягкую погоду играли легкие военные пьесы, а песенники, которыми управлял обучавший их корнет Драголевский[1], во всякую погоду неумолчно распевали свои песни; между ними по преимуществу пользовалась популярностью песня “Марина”, о которой сказано выше и которая начиналась словами:

Пойдем, братцы, за границу
Бить отечества врагов.
Вспомним матушку Царицу,
Вспомним, век ее каков!
Славный век Екатерины
Нам напомнит каждый шаг, —
Вот поля, леса, долины,
Где бежал от Русских враг.

[1] Драголевский, родом поляк, служил еще под знаменами Костюшки. В 1807 г. ему было уже около пятидесяти лет от роду, но он был молодец собою и отличный кавалерист. Цесаревич в каждую поездку свою привозил по нескольку охотников в уланы и в конную гвардию. Драголевского взял он в Галиции, возвращаясь из Италийского похода, и определил унтер-офицером в конную гвардию, а потом произвел в корнеты в уланский полк, обмундировал на свой счет и положил ему от себя постоянное содержание. (О Драголевском, который был не последним чудаком в своем роде, многие подробности можно найти в «Воспоминаниях» Ф. Булгарина (Т. IV). URL: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Krestovski/.)

На привалах Цесаревич обыкновенно приглашал уланских офицеров к своему завтраку, причем в холодную погоду нижним чинам выдавалось по крышке водки. В продолжение всего похода Его Высочество был чрезвычайно весел, разговорчив и снисходителен к своим уланам, даже более обыкновенного, обращаясь с офицерами как со своими домашними. И уланы за это время так привыкли к нему, что нисколько не стеснялись в его присутствии и даже не прерывали самых пустячных разговоров, когда он подходил к толпе. Ему это нравилось: он знал, что они его любят.

Гвардия шла усиленными переходами, делая от 30 до 85 верст в день и пользуясь дневками через пять и шесть суток»[1].

Константин искренне любил Польшу, он был по-своему предан этой земле. Существуют гипотезы о том, что именно Великий князь остановил фельдмаршала Дибича после победы под Гроховым, когда дорога на Варшаву была свободной.

Гибель его верных подчиненных и предательство польских генералов потрясли Великого князя.

Он был мужественным человеком и храбрым воином, сражался в битвах при Нови в Италии (1799) и под Лейпцигом (1813). Все современники и историки отмечают его храброе и умное командование вверенной армией во Франции[2]. После войны Константин собрал средства для лечения раненных во Франции солдат. А любовь Константина и княжны Лович достойна романа[3].

---

[1] *Гавловский С.* Ч. II, С. 10; *Михайловский-Данилевский.* История второй Французской войны. URL: http://www.sgu.ru/files/nodes/9869/05.pdf.

[2] *Кучерская М.* Константин Павлович. — М.: ЖЗЛ. Сборник «XIX век», 2005.

[3] Княгиня Н. Голицына писала: «В обществе Великий князь был одним из любезнейших людей, каких я знала. Наделенный большим умом и поразительной памятью, он был образован, красноречив, пленительно весел. Живой и забавный собеседник, он говорил охотно и всегда имел, о чем рассказать. Однажды он сказал мне: “Я все рассказываю и рассказываю, будто старая книжка”. — “Ваше Высочество, — ответила я, — но ведь это лучшие из книг”. Разговор его был доступен всякому. Он не был чужд ни одному

Константин стал жертвой холеры. На пути в Петербург он должен был остановиться в Витебске, где и скончался 27 июня 1831 г. Его последние слова, обращенные к княгине Лович, были: «Скажи императору, что, умирая, я заклинаю его простить поляков»[1].

Княгиня Лович не намного пережила любимого мужа.

5.16. Памятник «русским полякам»

Можно умереть, но остаться жить для людей
и можно остаться жить, но быть погибшим…
Отец Арсений

В 1841 г. в Варшаве был установлен памятник польским военачальникам, убитым повстанцами вечером 17 (29) ноября за отказ нарушить присягу: М. Гауке, С.С. Потоцкому, Ю. Новицкому, И. Блюмеру, С.С. Трембицкому, Т.Я. Сементковскому и полковнику Ф. Мецишевскому. Памятник установили на Саксонской площади, а в 1894 г. перенесли на Зеленую площадь. Он представлял собой широкий тридцатиметровый обелиск, покоившийся на четырехгранном постаменте. Верхнюю часть обелиска украшали позолоченные лавры. Внутри обелиска на-

---

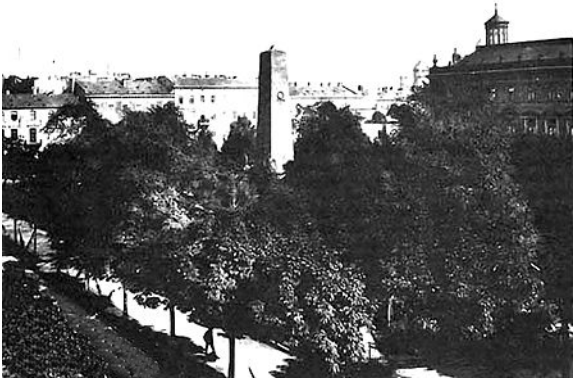
предмету: политика, свет, спектакль, дела. Он находил время заниматься всем, много читал и излагал прочитанное со свойственной ему легкостью. Самые важные беседы вдруг уступали место куплету из водевиля, который он принимался петь своим хрипловатым голосом, а наши вечера в Бельведере заканчивались интересными анекдотами прошедших царствований.

Княгиня, по причине слабости нерв, была переменчивого нрава, но Великий князь всегда бывал с нею одинаково нежен, их чета была совершеннейшим образцом супружеской любви». (Воспоминания кн. Надежды Ивановны Голицыной. URL: http://feb-web.ru/feb/rosarc/rad/rad-061-.htm.)

[1] «Посудите же, сколь огромна была эта потеря для княгини! На сей раз порвалась последняя связь, что удерживала ее на земле! После этой катастрофы здоровье ее, и без того слабое, ухудшалось с каждым днем. Изнуренная душевными и телесными муками, княгиня медленно приближалась к могиле. Но прежде, чем навсегда покинуть сей мир, уже поблекший для нее, ей суждено было испытать еще одно страдание». (Воспоминания кн. Надежды Ивановны Голицыной. URL: http://feb-web.ru/feb/rosarc/rad/rad-061-.htm.)

ходилась винтовая лестница, ведшая к его вершине. У его основания, на площадках постамента, находились четыре вызолоченных двуглавых орла. К постаменту памятника примыкали восемь эскарпов, у основания которых лежали восемь львов. Вся эта конструкция покоилась на широком восьмигранном основании, облицованном мраморными плитами. Скульптуры отливались из орудий, захваченных у восставших поляков.

Памятник был крайне непопулярен среди горожан, которые считали восставших в 1830 г. героями, а погибших от их рук генералов обвиняли в сотрудничестве с царским режимом. После занятия Варшавы немецкими войсками во время Первой мировой войны, после долгих уговоров польской общественностью немецкой администрации он был разобран поляками (в апреле 1917 г.). Немцы разрешили это сделать лишь после того, как Николай II отрекся от трона.



Памятник польским военачальникам,
убитым повстанцами вечером 17 (29) ноября

Приведем краткие биографии двоих из наших героев.

Игнацы Блюмер — польский генерал. Семья Блюмеров — ирландского происхождения, в России проживала со времен Петра Великого. Генерал сражался под знаменами Костюшко и Наполеона (Сан-Доминго).

Принял участие в войне с Россией 1812 г. За участие в осаде Смоленска произведен в полковники и награжден орденом Почетного легиона. В 1818 г. получил чин бригадного генерала.

Когда вспыхнуло ноябрьское восстание 1830 г., остался верен присяге и погиб в первую же ночь, сражаясь против повстанцев.

Маурицкий Гауке, генерал от инфантерии. После образования Царства Польского с 1826 г. был военным министром. Являлся сенатором и воеводой Царства Польского. Цесаревич Константин Павлович называл его своей правой рукой по управлению краем.

Был очень требователен и точен, строго следил за отчетностью своих подчиненных. Мало заботясь о своем благосостоянии, много жертвовал на польскую армию из своих личных средств: так, им выстроены казармы и больницы в Уяздовских аллеях в Варшаве. Много сделал для военных школ в Польше, которые успешно функционировали в его время. Его деятельность вызывала недовольство как тех, кто считал, что он слишком требователен и суров по отношению к подчиненным, так и армейских поставщиков — за строгую взыскательность по отношению к ним и бдительность в защите интересов государства.

Был противником революционных настроений в обществе, так как понимал, что польская армия не сможет успешно противостоять русской. Говорил, что «не следует жертвовать настоящим ради сомнительного и неверного будущего». Не верил в возможность революции, полагая, что в случае локальных выступлений молодежи сможет восстановить порядок, лично обратившись к народу.

В начале восстания против России (вечером 17 (29) ноября 1830 г.) отправился верхом в Краковское предместье Варшавы, где встретился с толпой революционеров, которые призвали его возглавить восстание. Обратился к ним с речью, в которой называл их действия безумными и советовал разойтись по домам. Был убит вместе с сопровождавшими его лицами.

В 1799 г. благородный и мужественный Гауке участвовал в обороне итальянской крепости Мантуя от австрийцев. Во время открытого боя против австрийских войск в его грудь попала пуля. Юный Маурициий остался жив только благодаря часам, подаренным матерью. Пулю остановил материнский подарок. Поляки, за свободу которых генерал воевал всю жизнь, не оставили ему ни одного шанса. Его грудь была прострелена в 19 местах. Это значит, что уже в мертвого генерала «благородные повстанцы» выстрелили 19 раз![1]

ВЫВОДЫ

Основные причины поражения польского восстания. Среди руководства восстанием, администрации Королевства Польского, депутатов сейма единства не существовало. Никто никому не доверял, чем и объясняется «чехарда» с «диктаторами» и командующими. Диктатора не назначают. Настоящий диктатор сам берет власть и подчиняет всех своей воле. Демократия и война, в том числе за независимость, — понятия несовместимые.

В Польше не оказалось военачальников, способных решать стратегические задачи. Польские генералы, как и польские политики, так и не сумели преодолеть в себе пресловутый «шляхетский гонор». Гонор, неуемные амбиции и неспособность подчиняться приказу были главными причинами поражений польской армии. В доказательство сказанного приведем несколько эпизодов из множества случаев проявления разрушительного «шляхетского гонора» и бессилия польских командиров.

Пример 1. Во время сражения при Грохове Ю. Хлопицкий приказал Круковецкому перейти к роще, а Лубенскому с кавалерией — поддержать предстоящую атаку[2]. Лубенский ответил, что местность неудобна для действий кавалерии,

[1] URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Гауке_Маурициий.

[2] *Орлов Н.А.* Усмирение Польского восстания 1830—1831 гг. URL: http://militera.lib.ru/h/sb_istoria_russkoy_armii/86.html.

что Хлопицкий — пехотный генерал и не понимает кавалерийского дела, а приказание он исполнит, лишь получив его от официального главнокомандующего Радзивилла. И Хлопицкий, вместо того, чтобы заставить Лубенского выполнить приказ, отправился к Радзивиллу. На пути он был ранен, общее управление войсками потеряно. Радзивилл совершенно растерялся, постоянно шептал молитвы и на любые вопросы отвечал текстами из Священного Писания. Малодушный П. Шембек плакал. Я.Н. Уминский (1780—1851) ссорился с Круковецким. Один Я. Скржинецкий (1787—1860) сохранил присутствие духа и обнаружил распорядительность.

Руководство действиями кавалерии Дибич поручил Толю, который увлекся деталями боя, разметал всадников по полю, лишь один кирасирский принца Альберта полк, имея во главе дивизион подполковника фон Зона, бросился преследовать беспорядочно отходящих поляков. Полк прошел весь боевой порядок неприятеля, и только у самой Праги пять польских уланских эскадронов взяли Зона во фланг. Но он ловко вывел своих кирасир на шоссе и ушел из-под огня пехоты и артиллерийской батареи. Атака продолжалась 20 минут на протяжении двух с половиной верст. Хотя потери кирасир были велики, а их командир смертельно ранен, психическое воздействие атаки оказалось огромным. Радзвилл со свитой в панике ускакал в Варшаву.

Пример 2. После сражения при Остроленке в Литву был направлен отряд генерала А. Гелгуда (1792—1831) силой до 12 тысяч солдат при 26 орудиях. Гелгуд был храбрый, но бесхарактерный и малоспособный в воинском деле человек. Против него действовал генерал Д.Е. Остен-Сакен (1789—1881) с отрядом численностью до 6 тысяч. 21 мая он дошел до Ковны, пройдя в 4 дня 150 верст, а в ночь на 31 мая Сакен подошел к Висле с 7 тысячами и занял позицию в 7 верстах к западу на Понарских высотах.

Силы Гелгуда увеличились до 24 тысяч. Под влиянием Хлаповского Гелгуд решил атаковать русских на Понарских

высотах, но медлил с исполнением этого плана. А между тем к Вильне стягивались отряды Н.С. Сулимы (1777—1840), князя С.А. Хилкова (1786—1854) и др. Наконец, 4 июня подошел Курута. Всего собралось 24 тысячи человек с 76 орудиями.

Сражение на Понарских высотах произошло 7 июня. Поляки действовали неумело и разрозненно, русские — решительно, что и определило исход боя: поляков разбили наголову и те начали поспешно отступать.

С подходом к Вильно резервной армии П.А. Толстого (1761—1844) Гелгуд сделал неудачную попытку овладеть г. Шавли, где стоял подполковник Крюков с 5 батальонами и 5 орудиями, после чего его отряд рассеялся: Д. Хлаповский (1788—1880), преследуемый русскими, 30 июня перешел прусскую границу у Гудауна, а полковник Роланд — 3 июля у Дегуце.

30 июня во время суматохи у прусской границы Гелгуд ехал верхом, а офицеры осыпали его упреками и бранью. Внезапно адъютант 7-го полка поручик Скульский выстрелом из пистолета в грудь убил Гелгуда наповал и затем спокойно присоединился к своему полку[1].

Очевидно, в польской революционной армии не соблюдался принцип единоначалия и не существовало авторитетов. Зачастую польские генералы считали ниже своего достоинства подчиняться командиру, оспаривали его приказы, а главнокомандующий М. Радзвилл вообще бросил свои войска. В войске польском можно было безнаказанно не только проигнорировать распоряжение командира, но и убить его.

Великий князь Константин Павлович добивался от своих подчиненных полного повиновения приказам, процесс это неприятный, но необходимый, если хочешь побеждать.

В разного рода литературе много говорится и пишется о польской «жертвенности», однако пожертвовать своими амбициями ради общей победы шляхтичи так и не смогли.

[1] *Орлов Н.А.* Усмирение Польского восстания 1830—1831 гг. URL: http://militera.lib.ru/h/sb_istoria_russkoy_armii/86.html.

Польская элита не желала себя заставить, хотя бы частично, умалить свое положение и предоставить крестьянам свободу, а это было необходимым условием победы.

Так что всякие рассуждения о «жертвенности» — не что иное, как инфантильные оправдания своим поражениям.

Пример 3. 20 сентября польская армия (21 тысяча, 95 орудий и 9 тысяч лошадей) перешла прусскую границу в Собержине, Шутове и Гурзно (к востоку от Торна). Оборванные, в холщовых брюках, без шинелей, а многие даже без обуви, поляки вызывали сострадание у прусских военных, приготовившихся их принять. Пока войска имели в руках оружие, они выглядели бесстрастными, но когда солдатам и офицерам пришлось сдать ружья, слезть с коней, отстегнуть и сложить сабли, некоторые из них заплакали. Однако прошло всего несколько дней, и поляки с удовольствием предались беззаботной и рассеянной жизни. Отсутствие всякой дисциплины, постоянное стремление к интригам и сплетням, ненависть ко всему, что носило малейший признак порядка, наконец, неуемное хвастовство и тщеславие — все это послужило причиною, что перешедшие границу поляки еще более упали во мнении принявшей их стороны[1].

Считается, что моральное состояние человека больше зависит от того, чего он ожидает от будущего, чем от его отношения к текущей ситуации. Совокупность взглядов на будущее и прошлое, существующих в данное время в сознании личности, называют «временной перспективой». В процессе жизнедеятельности происходит естественное расширение временной перспективы. Временно́е измерение жизненного пространства увеличивается с возрастом; все более отдаленные прогнозируемые будущие и прошлые события оказывают влияние на настоящее поведение человека. Нормальное развитие индивида объективно несет с собой увеличивающуюся дифферен-

[1] *Орлов Н.А.* Усмирение Польского восстания 1830—1831 гг. URL: http://militera.lib.ru/h/sb_istoria_russkoy_armii/86.html.

циацию в измерениях реальности-ирреальности жизненного пространства, то есть вырабатывается способность отделять желаемое от действительного, что, в общем-то, является признаком зрелой и ответственной личности.

Ребенок нечетко отделяет желания от фактов, реальность — от ожиданий. По мере взросления человек способен более здраво различать мечты и реальность, хотя принятие желаемого за действительное весьма распространено также и среди взрослых.

Из приведенной истории с польскими воинами становится понятно, что они принадлежали к инфантильному типу людей: как только угроза жизни миновала, а цель войны оказалась недостижимой, они успокоились, примирились с поражением и смикшировали в сознании все свои невзгоды и унижения, утешаясь мифами о подвигах.

Примечательно, что в советской армии подразделения с низкой дисциплиной и боевой подготовкой иронично назывались «войском». Это прозвище, имеющее обидный характер, касалось, например, развернутого для проведения учений полка или дивизии. Офицеры, сержанты и рядовые, призванные из запаса, на первых порах представляли собой жалкое зрелище. Разновозрастный личный состав в не подогнанной по фигуре форме, неразбериха и низкая на первом этапе учений дисциплина — все это давало повод кадровым офицерам подшучивать над воинами запаса. «Это что, ВОЙСКО?» — на первом же построении слышали военные, призванные из запаса? в любой точке Советского Союза — в Нахичеванской автономной республике, Прибалтике, Украине, Дальневосточном военном округе.

Проходило время, и «войско» превращалось в подразделение-монолит, спаянное железной дисциплиной и выучкой. Воины запаса, уже прошедшие срочную службу, обладали большим, нежели новобранцы, жизненным опытом и потому лучше выполняли боевые задачи. Тем не менее, двигаясь к этому результату, они проходили этап анархии — «войска».

Ироничное понятие «войско», носящее презрительный оттенок в русской армии, имеет истоком своим название «войско польское».

Глава 6
Восстание 1863—1864 годов

6.1. Экономическое положение Царства Польского накануне восстания

Развитие промышленности в Царстве Польском в 50-х годах XIX в. значительно ускорилось. В 1851 г. были отменены таможенные пошлины и запреты на польские товары, поставляемые в Россию, что открыло перед ними бездонный русский рынок. Развитие товарных отношений в сельском хозяйстве увеличивало внутренний рынок для промышленности. Большое положительное влияние на рост польской промышленности оказывало развитие шоссейных, железных и водных дорог. К этому времени было закончено строительство железной дороги от Варшавы до австрийской границы, а в 1862 г. — Петербургско-Варшавской железной дороги и дороги от Скерневиц до Быдгощи. Ранее, в 1847 г., открылось пароходное движение по главной водной артерии — р. Висле. В результате указанных условий польская промышленность достигла в начале 60-х годов высокого уровня. Если в 1845 г. количество рабочих составляло свыше 46 тысяч человек, ВВП — около 10 миллионов рублей, то в 1860 г. соответственно — 75 тысяч и 32 миллиона, в 1864 г. соответственно — 78 тысяч и 50 миллионов. Следовательно, за 15 лет польская промышленность выросла по ВВП в 5 раз; во столько же раз увеличилась продукция на душу населения. Вместе с тем развивались и ремесла. Если в 1845 г. количество ремесленников составляло 75 тысяч, а их продукция оценивалась в 7 миллионов рублей, то в 1860 г. соответственно — 91 тысяча и 15 с лишком миллионов рублей[1].

[1] *Обушенкова Л.А.* Польское восстание 1863 г. и роль России. URL: http://www.5ballov.ru/referats/preview/21126/27.

Рост промышленности и городского населения оказывал положительное влияние на сельское хозяйство. Увеличивался спрос на сельскохозяйственные продукты, что влекло за собой повышение цен на них и расширение площадей обрабатываемой земли. Пашня увеличилась с 4420 тысяч га в 1839 г. до 5967 тысяч га в 1859 г. Особенно возросла площадь под пшеницу и сахарную свеклу. Совершенствовалась и техника сельского хозяйства. Землю стали обрабатывать более интенсивно. Вместо трехполья стали вводить многополье. Увеличилось применение органических и минеральных удобрений. В помещичьих имениях активно применялся собственный сельскохозяйственный инвентарь. Интенсификация обработки земли вызвала повышение урожайности хлебов и корнеплодов. С 30-х по 50-е гг. урожайность озимых хлебов в среднем увеличилась в полтора раза. В результате указанных перемен значительно выросли сборы всех основных сельскохозяйственных культур. Чистая продукция на душу населения выросла по зерновым более чем в два раза, а по картофелю — более чем в 4,5 раза.

Развивалось животноводство, причем не только в связи с ростом спроса на мясные и молочные продукты, но и в силу потребности в органических удобрениях.

Успехи в развитии сельского хозяйства касались, прежде всего, помещичьих хозяйств, так как крестьянские хозяйства переживали в этот период кризис. Помещичьи хозяйства постепенно приобретали товарный характер. Хлеб и шерсть производились на продажу, картофель — для производства водки, свекла — для производства сахара. Там возникли предприятия по обработке сельскохозяйственных продуктов. Особенно интенсивно развивалась в то время сахарная промышленность.

Развитие товарности сельского хозяйства толкало помещиков на увеличение своих земель за счет крестьянских, на ликвидацию старого землеустройства, связанного с чересполосицей, ликвидацию сервитутов (т.е. права крестьян на пользование лесами, пастбищами и лугами) и на увеличение

рабочей силы, потребность в которой все больше ощущалась в собственно помещичьих хозяйствах — фольварках.

Как известно, вся земля по-прежнему оставалась в собственности помещиков. Сохранялось также сословное господство помещиков над крестьянами: на основании закона помещики являлись войтами (избранными служебными лицами, которые возглавляли магистрат) в расположенных на их землях гминах (волостях); лично или через назначенных лиц помещик управлял волостью, располагая всей полнотой власти. Этой властью помещики пользовались для принудительного выселения крестьян с целью присвоения их земель. В 1846 г. данное явление вынудило царское правительство несколько ограничить произвол помещиков: в том же году был издан указ, запрещавший выселение крестьян, имевших более 3 моргов земли (морг — 0,57 га), и новое увеличение повинностей. После указа 1846 г. ограбление «защищенного» крестьянства несколько приутихло, зато с прежней силой происходило ограбление беднейших крестьян, имевших менее 3 моргов. Количество безземельных крестьян в конце 50-х годов достигло 1339 тысяч человек (вместе с семьями), что составляло по отношению ко всему крестьянскому населению 40,5%[1].

Таким образом, армия безземельных росла, усиливалась эксплуатация бедноты и середняков. Наряду с растущим применением наемного труда помещики увеличивали барщину и другие повинности, причем все эти повинности были тем более тяжелы, чем меньше земли имел крестьянин. Повинности согнанных крестьян перекладывались на остальных земледельцев. Широко применялись принудительные наймы за ничтожно низкую плату. Эти наймы представляли собой, в сущности, едва прикрытую барщину. Фактически сохранялись и так называемые «даремщины», то есть бесплатные дополнительные работы крестьян в пользу помещика за оказанную некогда «помощь», а то и вовсе без основания.

[1] *Обушенкова Л.А.* Польское восстание 1863 г. и роль России. URL: http://www.5ballov.ru/referats/preview/21126/27

Известия об аграрных реформах в западных и южных польских землях и слухи о подготовке аграрной реформы в России побуждали крестьян к выступлениям против старого порядка, к борьбе за новую жизнь.

Среди сторонников восстания встречались помещики-крепостники, которые позже примкнули к восставшим из националистических побуждений, оставаясь на непримиримой классовой позиции по отношению к крестьянству; они резко порицали революционное правительство за его политику в отношении крестьян. Л.Ф. Пантелеев в своих мемуарах описывает весьма интересный тип подобного «зубра» в лице некоего Венцловича, находившего чересчур радикальным даже Положение 1861 г., например, обязательный надел; он особенно порицал отмену полицейской власти помещиков; о новейших же мероприятиях (милютинских) говорил с нескрываемым раздражением[1]. Когда профессора Киевского университета писали коллективную статью, направленную против польского восстания на Украине, то они, прежде всего, старались подчеркнуть ненависть крестьян к помещикам, хотя сами представляли интересы помещиков господствовавшей национальности. Агитация же инсургентов, по их мнению, привлекала крестьян не из сочувствия к восстанию, а в силу ожидания обещанных наград, причем известная «золотая грамота» приводила в бешенство киевских ученых-«патриотов». Особое негодование вызывало то место «золотой грамоты», которое гласило, что «крестьяне могут и имеют право учиться во всяких школах и поступать на службу наравне с другими обывателями страны» и что «они могут отдавать своих детей в гимназии и университеты»[2].

Буржуазно-шляхетское руководство восстанием в аграрно-крестьянском вопросе остановилось на распутье. Анализ «золотой грамоты», распространенной на Украине, со всей

---

[1] *Пантелеев Л.Ф.* Из воспоминаний прошлого. — М.: Гослитиздат, 1958. — С. 404—406.

[2] Восстание поляков в Юго-Зап. России в 1863 году: Записки Киевского ун-та. — Киев, 1863.

ясностью обнаруживает всю половинчатость начавшегося восстания и отсутствие у кого бы то ни было способности довести его до логического конца.

Большинство польской оппозиции русскому самодержавию до конца надеялось на внешнее вмешательство, в частности, многие ее представители уповали на то, что свободу им подарит Наполеон III. Так, П.Ф. Николаев пишет о вере ссыльных помещиков в освободительную миссию Наполеона III: «Поляки долго не верили известиям о поражении и низложении Наполеона. Помню одного старозаветного пана, человека лет 50—70, с комической серьезностью уверявшего меня, что это “все русские газеты врут”. Только когда получили известие о Седане, он вдруг поверил: чубук выпал из его дрожащих рук, он упал на койку и заплакал, как ребенок, и сквозь рыдания слышались выкликивания: “Горе нам, пропала отчизна, пропала!”»[1].

Характерной особенностью социальной структуры польского общества было наличие многочисленной и многоликой мелкой шляхты. Эта шляхта под влиянием экономических обстоятельств и политических потрясений в значительной части своей утратила землю и деклассировалась. Безземельные шляхтичи превращались в «разночинцев»: приказчиков, экономов, писарей, чиновников, учителей, служащих, ремесленников, инженеров, мелких предпринимателей и т. п. Сохранявшие землю шляхтичи по своему материальному положению не отличались от крестьян-середняков, что служило естественным поводом для недовольства.

Л. Мерославский[2] в своей брошюре, написанной в 1848 г. под заглавием «Debat entre la revolution et la contrrevolution

[1] Личные воспоминания о пребывании Н.Г. Чернышевского в каторге. — М.: Колокол, 1906. — С. 9.

[2] Людвиг Мерославский родился в семье Адама Каспера Мерославского (1785—1837), полковника польских легионов Наполеона и адъютанта генерала Даву, который стал его крестным отцом, и француженки Камиллы Нотт де Вапле (Camilla Notte de Vaupleux). В 1820 г. семья переехала в Царство Польское. Людвик учился в школах в Ломже и Калише. Поступил на военную службу в 5-й пехотный полк. Участвовал в восстании 1830 г. С отрядом

en Pologne», считал буржуазию единственным живым выразителем стремлений польской нации. На 4 972 000 жителей

повстанцев отступил в австрийскую Галицию, затем уехал во Францию.

Работал в различных эмигрантских организациях радикального направления. С 1834 г. член организации «Молодая Польша» (Mloda Polska). С 1838 г. член литературного общества (Towarzystwo Literackie) в Париже; с 1839 в объединении польской эмиграции (Zjednoczenie Emigracji Polskiej); с 1843 г. — член польского демократического общества (Towarzystwo Demokratyczne Polskie), входил в его руководство. Поддерживал идею вооруженного восстания в Польше.

Был назначен главнокомандующим войсками готовящегося восстания в Великопольской области, принадлежавшей Пруссии. Прибыл туда в декабре 1845, участвовал в секретных совещаниях. В феврале 1846 арестован, в 1847 приговорен судом в Берлине к смертной казни, замененной пожизненным заключением, но уже в марте 1848 освобожден из тюрьмы во время революции в Берлине. 28 марта прибыл в Познань, начал организацию польских отрядов из добровольцев. Прусские власти сначала вступили с ним в переговоры, но когда Мерославский потребовал для будущего Польского королевства и немецкую часть Познани и начал терроризировать немецкое население, генерал Коломб быстро усмирил инсургентов и близ русской границы принудил Мерославского к капитуляции. В июне 1848 Мерославского помиловали и освободили благодаря вмешательству французских дипломатов.

В марте-апреле 1849 он командовал неудачной кампанией против Бурбонов на Сицилии. Затем командовал войсками повстанцев в Бадене. Был разбит прусскими войсками под Раштаттом, оставил командование и возвратился в Париж.

В 1853 г. основал эмигрантскую политическую группу «Польский круг» (Kolo Polskie). В 1860 командовал интернациональным легионом в армии Гарибальди. В 1861 руководил польско-итальянской военной школой в Генуе.

С началом польского восстания 1863 г. прибыл в Польшу и был провозглашен диктатором восстания. Мерославский перешел границу у Крживосондза с секретарем Куржиной и 12 офицерами-авантюристами разных национальностей, к ним присоединились 100 человек молодежи и некоторые мелкие отряды, всего собралось 400—500 человек. 7 (12) февраля эта группа столкнулась на опушке Кривосондзского леса с отрядом командира Олонецкого полка Шильдер-Шульднером (3,5 роты, 60 казаков и 50 человек пограничной стражи). Шильдер-Шульднер легко рассеял эту группировку, при этом захватил лагерь, много лошадей, оружие, повозки, переписку Мерославского. Позднее у Троячека (Троячинцев) была рассеяна группа самого Мерославского, после чего тот привычно бежал в Париж.

В 1865 с кучкой сторонников возродил «Демократическое общество» (Towarzystwo Demokratyczne). В 1870, в результате своих интриг и конфликтов с соратниками, был снят голосованием с поста председателя и исключен из общества, а само общество объединилось с союзом польской эмиграции. (URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Мерославский,_Людвик.)

в Польше имеется ядро в 1 250 000 человек, которое, по мнению Мерославского, и заслуживало названия нации. Из состава «нации» он исключал аристократию, духовенство и массы барщинного и зависимого крестьянства. Это избранное ядро, по Мерославскому, и образует третье сословие.

Наиболее значительным из элементов, составляющих нацию, по Мерославскому, является чиншевая шляхта, то есть обедневшая, малоземельная шляхта, «zagonowa», то есть мелкопоместная, однодворцы и др. Второй элемент польской нации образует «пролетаризированная» шляхта, нашедшая применение своих сил в городской промышленности, в правительственных учреждениях и в качестве слуг по найму у богатых людей. Третий элемент составляют немцы и евреи, в чьих руках преимущественно находится промышленность, торговля, ремесла. В названной брошюре вождь революционной шляхты ведет борьбу с аристократией, протестует против социальных и политических привилегий и патримониального суверенитета польских феодалов[1].

6.2. Революционные кружки в Царстве Польском

Поражение России в Крымской войне заставило царское правительство вступить на путь постепенных реформ. После заявления Александра II о необходимости отмены крепостного права последовало смягчение цензуры, освобождение некоторых политических узников, предоставление университетам небольшой автономии, разрешение на выезд за границу для обучения.

Смягчение режима наступило и в Царстве Польском. Наместник Паскевич, командовавший в годы Крымской войны русской армией на Дунае, в 1856 г. умер. На его место прислали либерального князя М.Д. Горчакова. Военное положение, существовавшее в Царстве Польском с 1833 г., было отменено, хотя административное управление страной по-прежнему оставалось в руках военной власти. Польское общество замерло в ожидании скорых и больших перемен. Поначалу большин-

[1] Moller. La situation de la Pologne. — P. 177, 180.

ство поляков надеялось на реформы сверху. Когда в мае 1856 г. Александр II приехал в Варшаву, его встретили с радушием.

Царь начал с того, что издал манифест об амнистии для всех, кроме «закоренелых в своей неисправимости», осужденных по политическим мотивам и для эмигрантов. Манифест разрешал им вернуться на родину. И в течение четырех лет в Царство Польское вернулось около 9 тысяч ссыльных и эмигрантов.

Одновременно Александр II дал разрешение на открытие в Варшаве Медико-хирургической академии, Сельскохозяйственного общества, а также воскресных и ремесленных школ. Была смягчена цензура. Стало возможным издание произведений таких писателей, как А. Мицкевич. Появились новые газеты и журналы.

Тут же, вследствие либеральных послаблений, возникли многочисленные «кружки», состоявшие, главным образом, из молодежи. Среди наиболее значительных кружков можно отметить кружок в Школе изящных искусств, возникший еще в 1856 г. Его участниками были Юзеф Яновский, в недалеком будущем член повстанческого правительства, а также «красные» Кароль Новаковский, Адам Аснык, Францишек Годлевский, «белые» Эдвард Юргенс и др.

Другим известным кружком стал студенческий кружок в Медико-хирургической академии, возникший в 1858 г. Вначале этот кружок выдвигал задачи материальной и учебной взаимопомощи. Наиболее видным его руководителем был Ян Кужина, 25-летний сын провинциального полицейского, человек образованный и способный, стремившийся уже в то время к созданию конспиративной революционной организации. Весной 1859 г. кружок Я. Кужины сумел организовать студенческую политическую демонстрацию против учебной власти, неожиданно издавшей постановление о проведении внеурочных экзаменов. Выступление студентов, вызвавшее большое сочувствие в демократических слоях и недовольство в высших, закончилось исключением из академии наиболее активных лиц, в том числе и самого Яна Кужины, который выехал в Париж, где стал ближайшим сотрудником Людвика Мерославского. Этот сту-

денческий кружок, временно ослабленный, заново возродился осенью 1859 г. в связи с началом деятельности Кароля Маевского. Маевский, которому в то время исполнилось 26 лет, был человеком способным и энергичным, расчетливым политиком и умелым организатором. За пять лет до этого он окончил Сельскохозяйственный институт, затем занимался практической работой в сельском хозяйстве, а осенью 1859 г. поступил в Медико-хирургическую академию, намереваясь посвятить себя научной деятельности. Маевский был против создания в ближайшем будущем нелегальной повстанческой организации, он считал необходимым «не горячиться, не спешить, но серьезно, деловито и настойчиво стремиться, прежде всего, к тайному возрождению нации во всех одновременно направлениях», а также склонять все классы «к единству и гармонии», ибо «только этим путем можно достичь силы и влияния».

Третьим кружком, имевшим уже революционный характер и сыгравшим наибольшую роль в подготовке повстанческих кадров, был кружок Н. Янковского, зародившийся также в 1858 г., но окончательно сложившийся в следующем году. Нарциз Янковский, 30-летний сын волынского помещика, бывший офицер русской армии, отличался горячим темпераментом и готовностью к немедленной борьбе с царизмом. Янковский стремился объединить «разночинский» элемент города: чиновников, ремесленников, служащих, писателей, купцов и т. д. Он имел постоянную связь и со студентами. В конце 1859 г. по инициативе Янковского между ним и Маевским начались переговоры о слиянии, которые закончились созданием общего комитета, известного под названием «Варшавской капитулы». Организация строилась на конспиративной основе и вскоре охватила своей сетью весь город. Ее целью являлась подготовка восстания, а главное внимание сосредотачивалось на подготовке восстания именно против русского царизма[1]. Маевский и его сторонники выступали против такой установки.

[1] Исследования по истории польского общественного движения XIX — начала XX вв.: Сборник статей и материалов / Под ред. Дьякова В.А. — М.: Наука, 1971.

На революционное движение в Царстве Польском большое влияние оказывали польские патриотические кружки, возникавшие в России, а также польские эмигранты, поддерживавшие Мерославского. Наибольшую роль в подобных патриотических кружках играли студенты, которых в то время в русских высших учебных заведениях насчитывалось множество. Среди поляков — студентов русских университетов — преобладали не богатые, а малоимущие, более отзывчивые к нуждам и несправедливостям, которые претерпевал народ. Огромное влияние на развитие политических взглядов польской молодежи оказывали русские революционеры, усилившие в это время свою борьбу с крепостническим строем. Молодежь быстро усваивала демократические взгляды и готовилась к общественной деятельности. Она мечтала о восстановлении независимости Польши и построении ее институтов на демократических началах. Крестьянскую реформу польские революционеры рассчитывала провести руками самой шляхты, а территории Литвы, Белоруссии и правобережной Украины рассматривали как составные части Польши.

К числу ранних польских кружков относились польские землячества в Киевском университете, где польские студенты составляли более 80% от общего числа учащихся. В 1857 г. часть польских студентов создала нелегальную организацию, построенную на основе троек, откуда и произошло ее название: «Тройницкий союз». Организация объединяла не только поляков, но и украинцев. К числу виднейших деятелей этого союза принадлежали Владислав Геншель, Влодимеж Милевич, Леон Гловацкий (его младший брат Александр — впоследствии выдающийся писатель Болеслав Прус), Владимир Антонович, впоследствии видный украинский историк и общественный деятель, Фаддей Рыльский (отец украинского поэта Максима Рыльского), студент Стефан Бобровский и др. Союз носил демократический характер, его приверженцы выступали, прежде всего, за интересы крестьянства, требовали проведения радикальной аграрной реформы, в летнее время они «ходили в народ», одетые в крестьянские свитки. Позже (в 1861 г.), когда

обнаружилось различие взглядов по важнейшему вопросу — о судьбе Украины и границах будущей независимой Польши, украинская группа союза вышла из него.

Наиболее тесно с русским революционным движением связан был польский патриотический кружок в Петербурге. Там в 1858 г. оформилась нелегальная польская патриотическая организация, ядро которой образовывал офицерский кружок из числа слушателей военных академий (артиллерийской, инженерной и Генерального штаба). В организацию входили также студенты и чиновники. Были и русские. Наиболее видными деятелями этой организации, насчитывавшей до 70 человек, являлись офицеры Генерального штаба Зигмунт Сераковский и Ярослав Домбровский (в будущем генерал Парижской Коммуны), видный чиновник министерства финансов и историк Иосафат Огрызко, офицеры Зигмунт Падлевский и Людвик Звеждовский, студент Лесного института Валерий Врублевский (в будущем также генерал Парижской Коммуны), студент университета Константин Калиновский. Польская патриотическая организация в Петербурге имела не только общую цель — свержение царизма, но и свою собственную — восстановление независимости Польши. Эту цель она пропагандировала среди польского землячества, для чего использовались легальные литературные вечера с приглашением более широкого круга лиц. В конце 1858 г. Огрызко организовал издание польской газеты «Слово». Среди ее сотрудников был видный польский адвокат и ученый Владимир Спасович. Газета вскоре была запрещена. Кроме того, Огрызко издал 8 томов собрания законов (Volumina legum) старой Польши.

Польские революционеры в Петербурге в большинстве своем вышли из мелкой шляхты западных губерний: украинских, белорусских и литовских. И такое происхождение способствовало выработке у некоторых из них более внимательного отношения к национальным интересам литовцев, белорусов и украинцев. Они учитывали национальную самобытность, специфику указанных земель и полагали необхо-

димым считаться с этим фактом. Немалое влияние в данном вопросе оказывала на них демократическая позиция русских революционеров. Сераковский, Калиновский и некоторые другие революционеры признавали право литовского, белорусского и украинского народов на самостоятельность.

Кроме Киева и Петербурга, польские землячества и патриотические организации возникли также в Москве, Дерпте (в университетах) и других городах. Между всеми подобными организациями существовали связи, где наиболее важную роль играли Владислав Геншель, Зигмунт Падлевский, Стефан Бобровский и др.

Революционным кружкам в Царстве Польском противостояло возникшее в 1858 г. Сельскохозяйственное общество, состоявшее в подавляющем своем большинстве из помещиков и шляхты. Во главе общества стоял граф Анджей Замойский[1].

---

[1] Граф Анджей Замойский (1800—1874) — польский государственный деятель из рода Замойских. Родился в 1800 г. в семье Станислава Костки Замойского и Софии Чарторыйской.

В 1842 г. основал сельскохозяйственный ежегодник (Rocznik Gospodarstwa Krajowego).

В 1848 г. учредил пароходную компанию, осуществлявшую перевозки по Висле.

В 1857 г. основал сельскохозяйственное общество (Towarzystwo Rolnicze). В течение первых лет своей деятельности Сельскохозяйственное общество занималось почти исключительно вопросами агрономии, выставок, конкурсов и т. д. За несколько лет общество разрослось до нескольких тысяч человек, кроме съездов общества работали постоянные комиссии. Общество приобрело не только экономическое, но и большое политическое значение, превратившись в некий заменитель парламента. Но 6 апреля 1861 г., в связи с возросшим социальным радикализмом, оно было распущено.

Анджея Замойского вызвали в Петербург, где император Александр II попросил его временно уехать за границу.

19 сентября 1863 г., во время восстания, из окон дома, принадлежавшего Замойскому (на улице «Новы Свят»), была забросана бомбами и обстреляна коляска, в которой ехал наместник Царства Польского граф Ф.Ф. Берг. Серьезно никто не пострадал, но были контужены Виктор фон Валь, адъютант Берга, и несколько казаков конвоя, граф отделался простреленным воротником шинели. Дворец Замойского конфисковали, хотя сам граф вряд ли был причастен к покушению, так как дом сдавался большому числу жильцов. Он жил в Париже и Дрездене. (URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Замойский_А.)

В течение первых трех лет своей деятельности Сельскохозяйственное общество занималось почти исключительно вопросами агрономии, выставок, конкурсов и т. д. Когда же оно касалось крестьянского вопроса, то ограничивалось лишь пожеланием очиншевания крестьян при условии добровольного согласия обеих сторон. Эти пожелания были обречены на неудачу, так как менее состоятельные помещики вообще не хотели переводить крестьян на чинш[1], а другие стремились при очиншевании отобрать у крестьян сервитуты (сервитут — право ограниченного пользования чужим земельным участком, зданием, сооружением или другим недвижимым имуществом). Крестьяне же решительно защищали свои сервитуты. Острота классовых противоречий в деревне и боязнь крестьянских волнений побуждали помещиков сохранять хорошие отношения с русским самодержавием. Помещики понимали, что в решении крестьянского вопроса им не обойтись без поддержки правительства. Но в условиях оживления революционного движения они опасались обращаться к правительству даже с легальными требованиями. Граф Анджей Замойский вообще полагал, что для Польши выгоднее находиться в одном государстве с Россией, чем быть независимой, ибо в случае восстановления независимой Польши Россия вновь стремилась бы покорить ее, что привело бы Польшу к необходимости тратить огромные силы на оборону. «Наше политическое существование под властью русских монархов, — говорил он, — при одновременном закреплении законом нашей полной национальной обособленности и нашего

[1] Чинш — в прежней Польше и Литве оброк, который платился с земли или дома, отданных в чужое продолжительное владение, из чинша крупные землевладельцы раздавали в старину земли, и с течением времени выработалось чиншевое владение, или право вечной и наследственной аренды, обусловленное отбыванием арендатором-чиншевиком в пользу собственника земли определенных натуральных или денежных повинностей — чинша; размер чинша не подлежал изменению по усмотрению одной из сторон; права чиншевика — права вещные, и он может их отчуждать другому лицу, на которое и переходит обязанность отбывания чинша. В западных губерниях нередко целые поселения (местечки) были построены на чиншевом праве.

возрождения было бы для нас наиболее желательно, ибо оно устраняло вышеуказанную опасность»[1].

Примечательно, что известный русский славянофил А.Ф. Гильфердинг (1831—1872) в «Русском инвалиде», наблюдая рост революционных настроений и активности поляков, даже впадает в панику при мысли, что «ремесленник, мастеровой, торговец, писарь, наконец, приходской священник, одним словом, всякий человек, стоящий за порогом простого, бедного крестьянского быта, стоит уже в кругу идей и притязаний, которые дадут ему господство». Он боится того, что «бескорыстные стремления повстанцев из шляхты предоставить права низшим слоям населения убьют дворянское прошлое польского народа, и шляхетская стихия почерпнет новые силы, слившись с крестьянством»[2].

Сельскохозяйственное общество было лишь частью либерально- консервативного крыла поляков. На левом фланге этого лагеря находился кружок Эдварда Юргенса, чиновника Комиссии внутренних дел, человека образованного и даровитого. Этот кружок состоял из представителей средних и высших слоев буржуазии и буржуазной интеллигенции, так как польская буржуазия проявляла заинтересованность в ликвидации феодальных порядков и в предоставлении Царству Польскому автономии. Она выступала за либеральные реформы, наделение крестьян землей, просвещение народа, предоставление городам самоуправления, уравнение в правах евреев, поскольку в среду польской буржуазии выдвинулось много евреев. В то время они продолжали терпеть ограничения в правах на приобретение недвижимой собственности и на выполнение некоторых общественных функций и др. При этом польская буржуазия, опасаясь рисков, связанных с восстанием, отрицала революционную борьбу. Выражавший ее интересы кружок Юргенса выступал в одном лагере с Сель-

[1] Исследования по истории польского общественного движения XIX — начала XX вв.: Сб. статей и материалов / Под. ред. Дьякова В.А. — М.: Наука, 1971.

[2] Внешняя и внутренняя политика Польского государства в XIX веке. URL: http://www.5ballov.ru/referats/preview/21126/18.

скохозяйственным обществом и борьбу за национальное освобождение откладывал на далекое будущее или, как говорили в народе, «на тысячу лет»; отсюда прозвище его сторонников — «милленеры» (от латинского слова mille — тысяча).

6.3. Роль католического духовенства в восстании

Если в 1831 г. аристократия и высшее духовенство имели руководящее значение, то в 1863 г. высшее духовенство держалось в стороне от восстания. Низшее белое и черное духовенство состояло в большинстве своем из бедных шляхтичей и крестьян. Националистически настроенные, эти люди проявили недюжинную энергию в национально-революционном движении. Естественно, они являлись сторонниками наделения крестьян землей. Например, ксендз Бжоска, который «родился под соломенной крышей», вошел в народную организацию, агитируя и увлекая за собой крестьян. Собрав разбитые отряды Левандовского, он соединился с Лелевелем-Бореловским, вождем крайних «красных». После поражения ему удалось скрыться у солтыса Белинского, но его выявили благодаря измене, и после упорной обороны, израненный, он был отвезен в Варшаву и повешен[1]. Крестьянский предводитель в Ковенской губернии ксендз Мацкевич также вышел из среды крестьянства. Подлясское духовенство, собравшись на общее заседание в ноябре 1862 г., рассмотрело подробно программы и решения двух комитетов, дворянского и Центрального («красных»), и, прочтя протоколы заседания сандомирского духовенства, постановило присоединиться к требованиям программы Центрального комитета (во главе которого тогда стоял Ярослав Домбровский), подчиняться его распоряжениям и всячески ему содействовать; для достижения последней из этих целей в обязанность духовенству вменялось «принимать и приводить к присяге всех лиц, ведущих революционную работу по поручению Центрального комитета»[2]. Далее съезд призывал бороться за создание еди-

[1] Русский инвалид. 1863. № 254.

[2] Там же.

ной и нераздельной Польши, требовал, чтобы духовенство поспешило, не теряя ни одной минуты, организоваться с целью немедленного проведения в жизнь как основной программы, так и последующих решений Центрального комитета. Монахи же нищенствующих орденов ходили по городам и селам и всюду собирали так называемую народную офяру (пожертования) на вооружение инсургентов. По материалам Министерства внутренних дел[1] можно проверить то положение, что низшее духовенство составляло один из элементов мелкобуржуазного движения и не может быть включено в состав «высших сословий»: «Римско-католическое духовенство (в лице ксендзов) дерзнуло возбуждать в народе дух непокорности к правительству и склонять к участию в возмущении население Царства Польского. Высшие римско-католические духовные власти, в особенности митрополит Ценишевский, увещевали подчиненное им низшее духовенство и народ в обязанностях их по отношению к правительству, но пастырские увещания не могли удержать злоумышленников. Самогитский (жемайтийской части Литвы) коадъютор (викарий) князь Гедройц (епископ в той провинции, где низшее духовенство особенно было активно), который своими увещаниями обратил тамошнее духовенство и народ к долгу, заслужил одобрение правительста»[2]. С нескрываемым злорадством описывает расправу с ксендзом из «черни» князь Л. Сапега: «Одним из вожаков и главных варшавских уличных крикунов из демократического общества был ксендз Шынглярский, известный негодяй. Он говорил о необходимости вырезать всех генералов и высших офицеров. Расправа с этим агитатором была произведена по приказу генерала Бема»[3]. В газете «Glos kaplana polskiego» определенно указывалось, что политика Велепольского защищала интересы высшего духовенства и аристократии. «Духовенство, особенно низ-

[1] Limanowski. Historja powstania. — Lwow, 1888. — S. 125, 126.

[2] Там же.

[3] *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. Ч. III. Кн. I. — СПб., 1862.

шее, в Польше угнетено, — пишет некий ксендз, — и лишено не только в крае, но и в самой церкви необходимых прав и материальных средств. Правительство помогает епископам и прелатам и даже строит новые дворцы, а у низшего приходского священника (plebana) грабит имущество и при жизни и при смерти. Спросим у проф. Мышковского маркиза Гонзаги (Мышковский-Гонзага — маркиз Велепольский) из области права, как он определяет собственность, как Прудон — "собственность есть кража" или, как нам кажется, он "перещеголял" этого прогремевшего всюду социалиста и выставил противоположный принцип, что "воровство есть собственность". Автор жалуется, что «бедный ксендз не имеет права говорить о десятине или о пользовании лесом или пастбищем, что он должен кланяться помещику и предупреждать всякие капризы и желания церковного надзора (dozoru), то есть всего дворянства, и суметь угодить в местечке пану бургомистру»[1]. В своей статье ксендз обличает юридические хитросплетения господ помещиков, пользующихся поддержкой высших духовных властей и русского правительства. Низшее духовенство в Польше настроено враждебно к помещичьему классу, который не желает вести национально-освободительной борьбы против «наезда». Орган городского духовенства «Dzwon duchowny» осуждает аристократию, не желающую опереться на народ и ждущую поддержки от вероломного Запада, за измену делу освобождения отчизны. Этот клерикальный орган говорит о том, что напрасно верить заграница и поэтому опускать руки, и зовет на борьбу за независимость собственными силами. «Кто ждет спокойно английского флота, пушек с Сены и турецких луков, тот является жертвой обмана Чарторыйских. Не верь заграница, красивым словам модной дипломатии, которая обещает золотые горы... От тиранов свобода пусть не ищет помощи»[2].

---

1 *Сапега Л.* Мемуары. Предисловие графа Станислава Тарновского. Вступительная статья и примечания Бронислава Павловского. — СПб.: Кн-во «Прометей» Н.Н. Михайлова, 1915. — С. 191.

2 Glos kaplana polskiego. № 9, 1 июня1863. P. 4, 5.

Об Александре Велепольском следует рассказать подробнее. Его род Велепольских ведет начало от краковских мещан Бонаров, нобилитированных в XIV столетии; фамильное имя происходит от вотчины их *Wielopole*.

Велепольский учился в Вене, потом в Геттингенском университете. Член польского сейма, руководившего мятежом в 1830 г., Велепольский эмигрировал вместе с сеймом после взятия Варшавы Паскевичем, но воспользовался опубликованною русским правительством амнистиею, чтобы вернуться на родину, и занялся сельским хозяйством. Когда в 1846 г. вследствие попыток революционного польского движения произошли случаи избиения в Галиции дворян и помещиков крестьянами, по почину австрийских органов администрации, одобренных Меттернихом, Велепольский издал во Вроцлаве (Бреслау) анонимную брошюру: «Lettre d'un gentilhomme polonais au prince de M.», в которой, негодуя на коварную политику австрийского канцлера, он открыто отделял себя от дряхлеющего Запада и становился безо всяких оговорок на сторону императора Николая и России под знаменем идеи будущего славянского единения. Брошюра произвела впечатление на Западе, прошла незамеченною в России, никого не обратила в единомышленники Велепольского, но содействовала увеличению вражды к Велепольскому как панслависту. В то самое время, когда общество приходило в начале 1861 г. к заключению, что нельзя ограничиваться обязательным очиншеванием крестьян с переводом их на долгосрочную аренду, а надо предоставить им земельные наделы при посредстве выкупа, обнаружилось исходящее из Варшавы и городов Царства и достигающее западных стран империи движение национально-религиозного характера. Уличные демонстрации, им вызванные, были рассчитаны вожаками их на то, чтобы привести к катастрофе. Столкновение произошло 15 февраля 1861 г. во время последних заседаний земледельческого общества по аграрному вопросу. Войска стреляли в толпу, причем убито было 5 человек. Князь Горчаков, которому предстояло либо произвести громадное кровопролитие и

бомбардировать Варшаву, либо войти с манифестантами в соглашение, избрал последнее. Для охранения внешнего порядка во время погребения убитых им была уполномочена действовать избранная наскоро из именитых граждан городская делегация. Населению разрешили отправить в С.-Петербург всеподданнейший адрес с изложением его нужд и потребностей. Составлением адреса занялось стоявшее вне уличного движения земледельческое общество, как общепризнанное по тому времени «моральное представительство» страны.

В комитет его явился маркиз Велепольский со своеобразным и смелым проектом адреса, в котором, обходя никогда не приведенный в исполнение органический статут Николая I 14 февраля 1832 г., он ссылался на дарованную Александром I конституционную хартию 1815 г., но, добиваясь не представительного правления, а только самоуправления, указывал лишь на несколько крупных и самонужнейших реформ. Этот проект не нашел поддержки. Общество состояло в большинстве из людей либо не доверяющих России, либо непримиримых; вместо отвергнутого проекта Велепольского подписывался другой, состоявший из сплошных скорбных жалоб, безо всякого практического требования. В это самое время Велепольский, при посредстве статс-секретаря Эноха, ознакомившего наместника с «Письмом к Меттерниху», проник к князю Горчакову и вселил в него полное доверие к себе и своим идеям и планам. По представлениям наместника, предложения Велепольского были одобрены в С.-Петербурге, и результатом их стали объявленные в указе 14 марта 1861 г. следующие пять пунктов: 1) учреждение губернских окружных и городских советов (то есть собраний из выборных, для местного самоуправления); 2) учреждение особого Государственного Совета для Царства Польского, с приглашенными в среду его именитыми людьми и духовными сановниками; 3) общее преобразование училищ; 4) учреждение высших училищ (послужившее основанием учреждения Главной школы, преобразованной потом в Варшавский университет) и 5) учреждение незави-

симой от С.-Петербурга комиссии народного просвещения и вероисповеданий с Велепольским во главе и с назначением его членом совета управления в Царстве.

Министерский пост, который занял Велепольский при полном к нему доверии Наместника и Государя, открыл ему возможность действовать, о чем он всегда мечтал. Только весьма отважный человек мог взять на себя эту безнадежно трудную роль. Велепольский надеялся, что к нему примкнут все сторонники консервативного направления, опасающиеся революции; но они на зов его не откликнулись, и он остался в одиночестве, только со своими чиновниками. Вступая в должность, он предвидел, что неизбежно придется подавить силою уличные манифестации для восстановления внешнего порядка, без чего нормальное правосостояние общества немыслимо. Когда представился случай подобного столкновения, вследствие закрытия Земледельческого общества, функции которого по крестьянскому вопросу переходили в новый Государственный Совет, а земледельческие — к земледельческим съездам по губерниям, Варшава взволновалась; 8 апреля опять раздались выстрелы и произошло кровопролитие. Вместо того чтобы сложить ответственность за происшедшее на военные власти, Велепольский взял себе еще другой портфель, министра юстиции, и срочно выработал новый закон о сборищах, предоставлявший право обыкновенным гражданским судам налагать умеренные, по сравнению с прежними, и отбываемые на месте, без ссылки, наказания для участников сборищ, не разошедшихся по формальному воззванию власти. В официальной речи судебным властям Велепольский объявил, что он передает в их руки «спасенный в кровавой схватке порядок, не могущий быть вымаливаемым изо дня в день».

Успокоение после этой катастрофы было лишь кратковременным; смуты продолжались, революционное движение усиливалось с тем большею силою, что со смертью князя Горчакова (17 мая 1861 г.) Велепольский потерял главную свою точку опоры. С преемниками Горчакова Велепольский

не ладил; Н.О. Сухозанет его не понимал, К.К. Ламберт, вопреки совету Велепольского, разрешил производство арестов военною силою в церквах во время богослужения, чем вызвал острый конфликт с римско-католическим духовенством, дошедший до прекращения богослужения в Варшаве. Велепольский подал в отставку, огласив в газетах проекты некоторых задуманных им реформ. Вместо отставки он был вызван в конце октября 1861 г. в С.-Петербург для личных объяснений. Пребывание Велепольского в С.-Петербурге (с ноября 1861 г. по июнь 1862 г.) составляет кульминационный пункт в его политической карьере. Он был принят при дворе и в высшем русском обществе, не имеющий ни чина, ни ордена, государственный человек-поляк, со строго обдуманною программою автономии для волнующейся страны. Эту автономию он не выпрашивал, как ходатай, — он ее требовал, как эксперт, призванный для лечения запущенной болезни и предлагающий еще более радикальные и рискованные средства, нежели те, которые были употреблены и оказались недостаточными. Общественное мнение России, только что отпраздновавшее крестьянскую реформу 19 февраля 1861 г. и жаждавшее осуществления предпринятых остальных, верило во врачующее действие либеральных учреждений; оно сильно желало полюбовного прекращения старой племенной вражды, которую рассматривало как вопрос внутренней политики государства. Убедительное красноречие и полная откровенность маркиза привлекали к нему всех, имевших с ним дело, тем более что, идя напролом в борьбе с революциею, он рисковал собой. По предложению Велепольского было устроено замещение вакантного места архиепископа Варшавского. Избранного на эту должность кандидата правительства Фелинского утвердили в Риме, и он отправился восстанавливать богослужение в открываемых церквах. Трудность, заключающаяся в отделении военной власти от гражданской, разрешилась тем, что должность Наместника была поручена Государем, с полнейшими полномочиями, августейшему его брату, Великому князю Константину Николаевичу, а при нем Велепольский

назначен начальником гражданской части в царстве и вице-председателем Государственного Совета, замещающим Наместника в случае его отсутствия.

3 января 1863 г. было решено произвести усиленный рекрутский набор, которому бы подверглась значительная часть участвовавшей в революционном движении молодежи. Следствием этой меры явилось то, что мятеж вспыхнул во многих местах Царства Польского в ночь с 10 на 11 января 1863 г. Велепольский ходатайствовал об отставке уже с 3 апреля и в начале июня, получив отпуск, уехал навсегда за границу. Увольнение его последовало лишь по высочайшему рескрипту, подписанному в Ливадии 19 октября 1863 г. и исполненному самых милостивых и лестных для деятельности Велепольского выражений[1].

В то время, когда низшее духовенство вступило в борьбу с царизмом еще до начала восстания, епископат всячески старался противодействовать этим выступлениям. Из письма виленского генерал-губернатора генерала Назимова епископу Волончевскому по вопросу об участии римско-католического духовенства г. Поневежа в политическом движении можно узнать об энергичной политической агитации «среди низших классов» со стороны многих ксендзов. Назимов пишет о том, что следовало бы ксендзов Монтвилла, Мацкевича, Корево и Киргайло предать военному суду; но, замечает генерал-губернатор, «принимая во внимание, что все означенные ксендзы, по распоряжению в. преосвященства, перемещены уже, в виде наказания, в другие приходские костелы, порознь каждый, я признал возможным ограничить на сей раз взыскание с них тем, чтобы они были распределены по вашему назначению в разные уезды под строгий надзор настоятелей»[2]. Все упоминаемые в этом письме ксендзы

[1] *Lisicki H.* Alexander Wielopolski. — Краков, 1878—1879; его же. Le marquis Wielopolski, sa vie et son temps. — Вена, 1880; *Спасович В.Д.* Жизнь и политика маркиза В. — СПб., 1882.

[2] Dzwon duchowny. № 3, 21 июля, 1863 г., Варшава.

принимали самое активное участие в восстании в качестве предводителей отрядов. Когда епископ Волончевский захотел поехать в Италию, генерал-губернатор Назимов просит его в письме от 21 марта 1862 г., чтобы «он не покидал епархии в такое тяжелое смутное время». «К тому же необходимо, — пишет Назимов, — еще иметь в виду и то обстоятельство, что духовенство под вашим ближайшим руководством с большим успехом могло бы действовать для поддержания темного крестьянского сословия в том убеждении, что только терпеливое и спокойное выжидание разрешения их судьбы, путем, указанным законом, а также уважение к их помещикам и повиновение властям, может оградить крестьян от гибельных последствий, в какие они могут быть вовлечены неблагонамеренными людьми и подстрекателями»[1]. Из архивных сведений также можно узнать, что еп. Волончевский в сентябре 1863 г. в своем воззвании к подчиненному ему духовенству обещал помочь тем ксендзам, «которых можно спасти, в случае их раскаяния и полного подчинения законным властям», и приказывал не слушать революционных агитаторов, которые вводят в заблуждение[2].

Из донесения исправника Россиенского уезда ковенскому губернатору от 16 декабря 1862 г. видно, что помещики, из боязни перед крестьянами, искали содействия ксендзов. С этой целью от помещиков этого уезда были посланы два депутата к еп. Волончевскому, который «обещал сделать угодное, но за одолжение выпросил, чтобы иждивением помещиков (на счет крестьян) построить какое-то здание в Варнянах, кажется, пристройку к дому семинарии»[3]. Далее тот же еп. Волончевский получил повышение за свои услуги и, в качестве епископа Самогитии, вместе с предводителями дворянства, виленским, ковенским, гродненским, минским и могилевским, подавшими адрес царю, приглашал паству «вместе с панами и помещиками проявить покорность»

[1] Dzwon duchowny. № 3, 21 июля, 1863 г., Варшава.

[2] Виленский временник. Т. VI. Ч. I. № 17. 6 февраля 1862 г.

[3] Архив кн. Долгорукова. № 254, ЛОЦИА.

и «просить о помиловании государя императора»[1]. В подобном же смысле высказался и прелат Гербурт, который 13 октября 1863 г. произнес в виленском кафедральном соборе слово по случаю приведения к присяге 2 молодых ксендзов и 20 инсургентов, возвратившихся из повстанческих отрядов[2]. В «Северной Пчеле» можно прочитать послание другого князя римской Церкви, Могилевского архиепископа, с увещанием подчиниться властям и царю[3].

Таким образом, выходцы из мелкой буржуазии, из «застенковой» шляхты и крестьянства, зачастую бедного, ксендзы представляли собою активный слой, наиболее националистически настроенный и враждебный как русскому «схизматическому» правительству, так и польским феодалам. В своем послании из Рима польский прелат Колевич, находившийся под влиянием высшего итальянского духовенства, призывает низшее духовенство не участвовать в восстании: «Мои братья, будьте искренними и согласными сами с собой и высшими началами. Уже по костелам вы ведете себя сектантски, вместо того, чтобы всем говорить правду, возбуждаете ненависть беднейших против богатых, крестьян против помещиков. Вместо Св. даров и Ченстоховской Божьей матери несете в народ изображение социальной республики в виде бесстыдной женщины. Касаясь высших, я припомню всеобщий грех наших землевладельцев, что, как только обанкротились (upadly) сенаторские и церковные бенефиции, богатые фамилии (исключая нескольких, которых можно по пальцам перечислить) уже не давали желающих вступить в духовное сословие. Если уже по примеру французского дворянства сами потеряли способность посвятить себя на служение богу, то, по крайней мере, жертвовали бы на лучшее воспитание беднейших левитов. И удивляются потом, что ксендзы, погрязшие в бедности, в труде, добившись кое-как священного сана, сохраняли обиду на помещика. Удивляться, конечно, не приходится

[1] Виленский временник. Т. VI. Ч. I. № 175.

[2] Там же.

[3] Архив М. И. Семевского. № 254.

тому, что они свои уши подставили нашептываниям революционных людей. И значительное сначала, но организованное революционное меньшинство, используя растущее раздражение и свободное в выборе средств, перетянуло на свою сторону колеблющуюся толпу, ищущую знамя, под которое могла бы стать»[1]. Прелат Колевич заканчивает свое послание критикой помещиков, которые революционны за границей, братаются с Прудоном, а дома умеренны, консервативны, мечтают об английском майорате, а не об освобождении отечества. «Маццинизм голый, даже в военной блузе Гарибальди, не пришелся по вкусу нашим умеренным. Они искали золотой середины между католицизмом и революцией»[2]. Колевич отражал взгляды на восстание высших церковных сфер Рима. Недаром поэтому Эдгар Кинэ упрекает высшее католическое духовенство, что «оно стоит на стороне сильнейшего». Это выражение, допущенное Кинэ в письме епископу Орлеана, церковному историку Дюпанлу, привело в ярость ученого князя Церкви. «Я не намерен отрицать благородных чувств епископата, — иронизирует Кинэ, — однако ни епископ Пуатье, ни епископ Перпиньяна, ни епископ Ла-Рошеля, эти выдающиеся церковные писатели Франции, не опубликовали ни одной строчки, не произнесли ни одного слова в пользу польских патриотов»[3]. Для характеристики отношения самих римских пап к Польше следует вспомнить послание папы Бенедикта XV, который в момент образования Польского государства в ноябре 1918 г. вспомнил об особой любви, им питаемой к Польше, и утверждал, что его предшественники Григорий XVI и Пий IX были единственными, кто отстаивал, при общем молчании Европы, «национальную независимость порабощенного польского народа»[4]. Однако факты свидетельствуют об ином. Не

---

[1] Северная Пчела. 1863. № 269.

[2] *Драницын С.Н.* Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность. — Л.: Гос. соц.-экономич. изд-во, 1937.

[3] Из архива (библиотеки) М.И. Семевского, № 14.

[4] Lettre a M-r Dupanloup sur les evenements de Pologne par A. de la Forge. — Paris, 1863. P. 14.

говоря о том, что Лев XIII блокировался с русским царизмом для совместной борьбы с революционно-освободительным движением в Польше, но и в период восстания, пишет Кайя, «папа Ватикана не выступил против папы варваров Кремля, так как царь есть также первосвященник и имеет своих кардиналов — членов Св. синода»[1]. Папа Пий IX, читаем у другого французского писателя, в своей речи 17 марта 1863 г. высказал пожелание, «чтобы католическое духовенство возможно меньше занималось судьбою Польши» («Osservatore Romano» от 9 ноября 1918 г.), а папа Григорий XVI известной буллой в 1832 г. осудил польское восстание 1831 г. и национально-освободительные движения этого времени[2].

В «Часе», радикальном органе Жонда Народового, от 14 апреля 1863 г., читаем: «Болезненно сжалось сердце при известии из Рима о хиротонии в епископы ксендза Лубенского и ксендза Попеля, людей без заслуг в крае, которые считают восстание в Польше преступным». Поэтому не напрасно писал в докладной записке царю министр внутренних дел Валуев, что высшее духовенство уклонялось от активного участия в польском восстании[3].

6.4. Польская революционная эмиграция

Консервативная часть польской эмиграции находилась под руководством князя Адама Чарторыйского, а затем его сына Владислава. Консерваторы ждали, когда польский вопрос станет актуальным в Европе. Беспорядки в Царстве Польском, по их мнению, явились бы поводом для вмешательства Европы во внутренние дела России. При этом Чарторыйские старались не допустить открытого соглашения польских помещиков с царским правительством, рекомендуя им проводить либеральные реформы (наделение крестьян землей и др.).

Чарторыйский делал ставку на помощь Франции и Британии. Эмиграция активно работала с общественным мнени-

[1] Pologne et Rome par Edgar Quinet. — Paris, 1863. — P. 5, 6.

[2] Pape et Pologne par I.-M. Cayla. — Paris, 1863. — P. 3, 18.

[3] Feldman, Dzieje p. mysly politycznej. — Krakow, 1913. — C. 215.

ем этих стран; кроме того, Чарторыйский и его разветвленная агентура всячески стремились поддерживать Османскую империю в ее борьбе с Россией.

В частности, Парижский комитет этой партии аристократов опубликовал в газетах манифест, обвинявший царизм в организации пугачевщины: «Чтобы раздуть пламя пожаров и увенчать свое грабительское дело уничтожения, московское правительство призывает на помощь самые темные страсти и в руки крестьян силится вложить факел и топор и завлекает их к резне патриотов обещаниями грабежа»[1].

Для оппозиции консерваторам революционная «красная» часть эмиграции создала свой эмигрантский Национальный комитет во главе с Иоахимом Лелевелем. Деятельность этого комитета протекала под старым лозунгом Лелевеля «За нашу и вашу свободу». В дальнейшем радикально-демократическое крыло эмиграции создало организации «Грудзенз» и «Союз польского народа». Активными деятелями этих новых организаций стали участники радикального крыла ноябрьского восстания Тадеуш Кремповецкий и Станислав Ворцель. В 1835 г. они выпустили Манифест, в котором провозглашались «свобода польского крестьянина, свобода всех трудящихся» Польши. В Манифесте говорилось: «Наше отечество — это польский народ, оно всегда было отделено от отечества шляхты. И если были какие взаимоотношения между польской шляхтой и польским народом, они были взаимоотношениями, какие бывают между убийцей и жертвой». Здесь впервые шляхта противопоставлялась польскому народу. В Манифесте, выпущенном позднее, проводилась идея единства и союза с революционным движением в России. В Царстве Польском, кроме ячеек «Союза польского народа», крупнейшей тайной организацией стал «Крестьянский союз» ксендза Петра Сцегенного, имевший большое влияние среди крестьян. В 1844 г. его организация была раскрыта, а сам Сцегенный сослан на каторгу.

[1] Исторический обзор деятельности Комитета Министров. Т. III. — Канцелярия Комитета Министров, 1902. — С. 178, 179.

6.5. Манифест восставших

Радикалы («красные»), стремясь к решительным действиям, устраивали многочисленные манифестации, в ходе которых произошли столкновения с войсками. Так, закрытие Земледельческого общества вызвало демонстрацию 18 апреля 1861 г., и во время ее разгона было много убитых и несколько сот раненых. Все это способствовало усилению позиций польских радикалов. Как уже говорилось, в качестве направления реформ, какие предполагалось провести в Царстве Польском, русское правительство избрало предложенный кн. Горчаковым проект, автором которого был маркиз Велепольский. Маркиз стремился к восстановлению системы управления, заложенной как в «Органическом статуте», так и, частично, в конституционной хартии 1815 г. 14 (26) марта 1861 г. был издан указ о проведении реформ. Назревавший революционный взрыв правительство А. Велепольского решило предупредить рекрутским набором 3 января 1863 г., которому подлежали многие из молодых участников революционного движения.

В ответ революционерами был выпущен Манифест, где говорилось, что Польша «не хочет и не может» уступить без сопротивления тому постыдному насилию, которое совершает над ней русский царизм, — незаконному рекрутскому набору; под страхом ответственности перед потомством Польша должна энергично противодействовать этому. Центральный национальный комитет, как единственное теперь законное польское правительство, призывал народ Польши, Литвы и Руси к борьбе за освобождение. Комитет обещал держать руль управления сильной рукой и преодолеть все препятствия на пути к освобождению; всякую неприязнь и даже недостаток усердия обещал сурово наказывать.

В заключение Манифеста содержалось обращение к русскому народу. Во имя свободы и братства народов Центральный комитет заявлял, что не возлагает вины на русский народ за преступления в отношении Польши, так как и сам он страдает под гнетом царизма. Комитет выражал надежду, что русский народ не станет оказывать поддержки тирану,

и предупреждал, что в противном случае между двумя народами неизбежна война.

Аграрные декреты провозглашали общие принципы наделения крестьян землей. В первом декрете говорилось: «Всякое земельное владение, которым до сих пор каждый хозяин владел на основе выполнения барщины или выплаты чинша, становится отныне вместе с принадлежащими ему огородами, жилыми и хозяйственными постройками, а также правами и привилегиями, полной и наследственной собственностью этого хозяина, без возложения на него каких-либо обязанностей, данин, барщины или чинша, с единственным условием выплаты причитающихся с него податей и выполнения надлежащей службы родине». Далее в декрете указывалось, что прежние владельцы земли получат соответствующее вознаграждение из фондов государства. Все указы и распоряжения царских властей по крестьянскому вопросу отменялись. Настоящий декрет касался не только помещичьих имений, но также казенных, пожалованных, церковных и всяких иных[1].

Второй декрет касался безземельных. В нем говорилось следующее: «Халупники, загродники, комарники, батраки и вообще все граждане, содержащие себя исключительно на заработке, которые будут воевать в рядах Национального войска за отечество, получат в собственность после окончания войны участок земли не менее трех моргов из национальных фондов»[2].

Дело обнародования и осуществления аграрных декретов возлагалось на военных и воеводских начальников.

6.6. Начало восстания

Ровно в полночь с 10 на 11 января 1863 г. колокольный звон во всех польских городках и селениях послужил сигналом к восстанию. Застигнутые врасплох солдаты и офицеры были умерщвлены бесчеловечным образом[3]. В Рыдзане, где

[1] Dzwon duchowny. № 3, 21 июля 1863 г., Варшава. Polska. № 4, 9 июля 1863.

[2] Там же.

[3] *Ревуненков В.Г.* Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1957.

располагался штаб 5-ой артиллерийской бригады, командир бригады генерал-майор Каннабих и командир батареи Мейбаум получили тяжелые ранения. В одном селении, в окрестностях Седлеца, где несколько солдат Костромского пехотного полка заперлись в избе и активно оборонялись, мятежники подожгли избу, так что несчастные сгорели заживо. Однако же на большей части местности войскам удалось благополучно избежать резни, военные успели взяться за оружие и приготовиться к отражению нападения.

Надо сказать, что повстанческие организации начали восстание в невыгодных для себя условиях. Они насчитывали в своих рядах свыше 20 тысяч человек, но не имели необходимого количества оружия и денег. До последней минуты перед началом восстания из-за границы (а на это надеялись) не доставили ни одного карабина, в самой же стране было собрано лишь около 600 охотничьих ружей. В кассе насчитывалось примерно 7,5 тысячи рублей. Повстанцы не были обучены военному делу.

При этом царская армия, расположившаяся в польских землях, доходила до 100 тысяч человек. Это были регулярные войска, состоявшие из пехотных, кавалерийских, артиллерийских и саперных частей. Артиллерийские части насчитывали 176 пушек. Для победы над таким серьезным противником важнейшую роль могло бы сыграть активное участие в восстании широких народных масс.

Весь ход событий сделал невозможным осуществление плана Домбровского, присланного из цитадели. В качестве своей важнейшей составляющей данный план содержал нападение на крепость Новогеоргиевск (Модлин)[1]. Однако все ненадежные офицеры и солдаты крепостного гарнизона в последние дни перед восстанием были перемещены в другие пункты, вследствие чего повстанцы не могли рассчитывать на поддержку изнутри. Центральный национальный комитет разослал на места приказ произвести нападе-

[1] *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863—1864. — М.: РОСПЭН, 2003.

ние имеющимися силами на местные гарнизоны царской армии. Решили также приложить все силы к тому, чтобы освободить г. Плоцк и сделать Плоцкое воеводство, где повстанческая организация была особенно многочисленной, базой для дальнейшего развития восстания. Напротив, Варшава, в которой находился большой гарнизон отборных, в том числе недавно присланных гвардейских войск, в первое время должна была оставаться спокойной. Кроме того, Центральный комитет постановил, что для усиления влияния и авторитета повстанческого правительства последнему необходимо выйти из подполья и заявить о себе, избрав для резиденции освобожденную от захватчиков территорию; вначале таким местом намечался г. Плоцк.

17 января Падлевский выехал из Варшавы, чтобы возглавить повстанческие отряды, направлявшиеся к Плоцку. Через день после этого остальные члены Центрального комитета в интересах «гибкости управления» решили установить пост военного диктатора, которому подчинялись бы все руководители повстанцев и весь польский народ.

Таким диктатором был назначен Людвиг Мерославский, находившийся в Париже. И это назначение выглядит совершенно не оправданным. Руководство передавалось в руки человека, который свои личные интересы и амбиции ставил выше национальных. Достаточно сказать, что Мерославский с осени 1862 г. усиленно старался спровоцировать немедленное восстание именно потому, что рассчитывал на передачу ему всей власти над польским народом. Как ярый националист, ненавидевший все русское, в том числе и русских революционеров, он мог лишь изолировать польское восстание от русской революции и тем самым значительно ослабить его. Против установления диктатуры и назначения Мерославского решительно выступал Стефан Бобровский, когда же это назначение все же состоялось, он в знак протеста вышел из состава Центрального национального комитета.

В действительности же подобное «самоотречение» комитета обусловливалось желанием избавиться от непосильно-

го бремени власти. Яновский, Микошевский, Майковский и Авейде были неспособны возглавить революционную борьбу, а неверие в ее успешный исход побуждало их уклоняться от ответственности за судьбы восстания. Один 22-летний Бобровский, на самом деле обладавший выдающимися способностями и преисполненный готовности идти до конца, не смог бы справиться со всеми сложностями и проблемами, неизбежно возникавшими в процессе вооруженной борьбы. После решения об установлении поста военного диктатора Центральный комитет совершил новую ошибку. 22 января, в самый канун мятежа, четыре члена Комитета (Авейде, Яновский, Майковский и Микошевский) выехали из Варшавы по направлению к Плоцку. Таким образом, в самый решающий момент штаб восстания остался без руководства. В качестве начальника столичной организации в Варшаве остался только Бобровский.

В ночь на 23 января поднялось на борьбу около 6 тысяч повстанцев, организованных в 33 отряда, однако лишь в 18 точках произошли нападения на царские войска. Во многих местах деятелям партии «белых» удалось перехватить приказы повстанческого руководства и не допустить людей до выступления. А где-то сказалась слабость командиров или нехватка оружия, вследствие чего некоторые отряды рассеялись еще до встречи с противником. Почти все нападения первой ночи происходили в восточной части страны, где было относительно больше загоновой (мелкой) шляхты и обеспеченных крестьян. Но большинство таких нападений окончилось неудачей.

Характерным для первой ночи можно считать нападение на Плоцк, который предполагалось сделать столицей повстанческого движения. В городе находилось около 400 русских солдат. Когда стемнело, дали сигнал к выступлению. Повстанцы напали на русские войска, но в этом принимали участие не все отряды, собранные в окрестностях города, а только некоторые. Остальные же либо были разогнаны перед самым вступлением в Плоцк, либо не сумели пробиться к назначенному месту. Жители города, напуганные многочисленными арестами, про-

изведенными в самый канун мятежа, не вышли на помощь повстанцам. В результате нападавшие были с легкостью отброшены лучше вооруженным и к тому же информированным противником. Повстанцы потеряли несколько человек убитыми, около 150 были взяты в плен.

В общем, восстание в первый день не дало тех результатов, на какие рассчитывали восставшие и какие имеют весьма важное, подчас решающее значение для дальнейшего хода событий. Им не удалось завладеть ни одним губернским городом! Царские войска понесли ничтожный урон. Нападения повстанцев произошли, как уже отмечалось, в 18 населенных пунктах, в то время как противник имел армейские части в 180-ти.

И все же расположение царских войск создавало некоторые благоприятные возможности для повстанцев. Значительные территории страны, включая многие уездные города, были свободны от противника. В течение нескольких недель повстанцы могли собираться и действовать на этих территориях почти беспрепятственно. Но единого руководства восстанием практически не существовало. Четыре члена национального правительства бессмысленно «путешествовали» по стране. Когда они, будучи в Кутно, узнали, что выступления в Плоцком воеводстве закончились неудачей, а на юге успешно действует Лангевич, они двинулись на юг. Однако оказалось, что Лангевич далеко не так силен, как предполагалось; кроме того, к Лангевичу, находившемуся в Свентокшишских горах, добрались лишь два члена правительства, остальные двое не успели и вернулись в Варшаву, откуда тотчас же отправились навстречу Мерославскому.

Приняв предложенный Варшавским революционным комитетом титул диктатора, «генерал» Мерославский проехал через всю Германию с французским паспортом и 4 (6) февраля прибыл в пограничный прусский городок Познанской области Иноврацлав. На следующий день диктатор со свитой переступил границу Царства Польского у Добржина, недалеко от городка Радзиево, и здесь был встречен одной из групп, состоявшей из познанских поляков, под покровительством мо-

лодого помещика Меленского. Рассказывали, что Мерославский, увидев перед собой небольшую кучку людей, спросил: «Где же армия? Где же штаб?» — и, когда ему было объявлено, что ничего подобного не существует, пришел в страшную ярость, кричал, что его обманули, вызвали слишком рано, грозил уехать обратно. Меленский, принадлежавший к помещичьей партии, дерзко ответил Мерославскому, что никто о нем не пожалеет. Однако ж другие из окружавших диктатора революционеров постарались успокоить его и убедили остаться[1]. Под знамена «диктатора» начали стекаться отряды повстанцев. Но вскоре лагерь Мерославского атаковал отряд полковника Шильдер-Шильднера. После 4-х часов боя поляки, потеряв более 80 убитыми, разбежались по лесам. «Диктатор» в самом начале боя бросил свое войско и ускакал вместе со штабом, бросив свое имущество и переписку. Он скрылся в имении своей сестры, а на другой день прибыл в расположение другой «шайки» мятежников, но и здесь его настиг полковник Шильдер-Шильднер, и опять Мерославский, не дождавшись конца боя, трусливо сбежал, оставив погибать товарищей. На этот раз «диктатор» навсегда покинул театр боевых действий. Заграничные польские газеты разъяснили ситуацию таким образом: русские победили только потому, что, нарушая нейтралитет Пруссии, перешли ее границы и преследовали «диктатора» на прусской территории.

Итак, на радость «белой партии» «красный» диктатор потерпел поражение. И «белые» выдвигают на роль «диктатора» свою креатуру — Мариана Лангевича, некоторое время отбывавшего воинскую повинность в прусской артиллерии и принимавшего участие в легендарной экспедиции Гарибальди в Неаполь. Когда вспыхнуло восстание, тот собрал свою «шайку» из молодежи, и какое-то время они совершали вылазки в южной части Радомской губернии. Хотя он и потерпел поражение 31 января у Слупя-Нова, а шайка его разбежалась, однако же польские газеты прокричали о мнимых победах

[1] *Ревуненков В.Г.* Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1957.

Лангевича, присвоили ему титул генерала и создали из него образ легендарного полководца, предназначенного стать соперником Мерославского[1].

Лангевич, как свидетельствовали знавшие его люди, был человек симпатичный, соединявший с личной отвагой и предприимчивостью умеренность в политических воззрениях. На него и сделали ставку «белые». Но, чтобы осуществить свой замысел, партия «белых» вынуждена была прибегнуть к обману: Лангевичу предложено было звание диктатора через некоего графа Грабовского, как бы от имени Варшавского революционного комитета, к немалому удивлению последнего. Лангевич попался на эту удочку и, приняв предложенное ему звание, начал распоряжаться назначениями на разные должности в революционной организации. Стоявший во главе тайного Варшавского правления Бобровский разоблачил обман, заметив, что все назначения Лангевича выпадают исключительно на представителей аристократии. Избегая открытого скандала, Бобровский отправился к Лангевичу и объявил ему, что Варшавский революционный комитет согласится признать его диктатуру лишь в том случае, если тот удалит от себя свое окружение — князей, графов и богатых помещиков, обманувших его. Затем Бобровский прибыл в Краков, главное гнездо всех интриг в революционном движении, где устроил скандал Грабовскому. Ссора закончилась дуэлью, на которой Бобровский был убит. Затем последовала попытка отравить Лангевича, который уже не мог выпутаться из охватившей его сети аристократических интриг[2]. Обратим здесь внимание на то, что «убрать» «диктатора» пытались не русские спецслужбы и их агенты, а сами польские «пламенные революционеры». Таким образом, польское восстание одновременно возглавили два «диктатора», что не способствовало успеху дела. Правда, уже в марте Мерославского лишили диктаторских полномочий.

---

[1] *Ревуненков В.Г.* Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1957.

[2] Там же.

Между тем на всем пространстве Царства Польского происходили беспрерывные стычки польских повстанцев с русской армией. Отряды поляков под началом различных руководителей действовали независимо друг от друга, иногда лишь соединяясь для мелких тактических операций.

Отряды эти состояли из ремесленников, рабочих, служащих, студентов, крестьян, дворовой службы, мелкой шляхты. Оружие их составляли преимущественно косы, пики, топоры, реже — охотничьи ружья и пистолеты, наконец, оружие, захваченное у противника. Несмотря на большие трудности, в том числе и природные (зимний период), первые повстанцы были преисполнены энтузиазма и жажды сражаться с врагом. Они рассчитывали лишь на собственные силы и верили в победу. По сути, не имея оружия, повстанцы шли в бой, чтобы своими «руками добыть карабины, а карабинами — пушки». Например, на запрос Лангевича об оружии Бобровский отвечал, что оружие для восставших всегда есть у противника. Малочисленные и плохо вооруженные, эти люди смело вступали в открытое противоборство с могущественным противником. Героизм рождала беззаветная преданность справедливому, святому делу, что приносило известные плоды. Повстанцы не могли одолеть многочисленную и хорошо вооруженную царскую армию, но они добились того, что восстание развивалось. Оно не погибло сразу или через несколько дней, оно продолжалось уже много недель и все более усиливалось. В этом и заключался главный успех восстания в его первый период[1].

Крестьяне участвовали в повстанческих отрядах с первых же дней революционного движения. Это происходило главным образом в восточных воеводствах, Подляском и Люблинском, где повстанческой организации удалось завербовать многих крестьян еще до начала волнений. К примеру, отряд ксендза Бжоски, совершивший нападение на г. Луков, состоял в большинстве своем именно из крестьян. В отряде ксендза

[1] *Ковальский Ю.* Русская революционная демократия и январское восстание 1863 г. в Польше.— М.: Иностр. Литература, 1953.

Пашковского, напавшего на Ласкажев, были одни крестьяне. Значительную часть составляли крестьяне в отрядах Леона Франковского и Мартина Борелевского (Лелевеля)[1].

В самом начале восстания выступления крестьян против помещиков не были повсеместными и наблюдались главным образом в южной части Царства Польского — в Люблинской и Радомской губерниях. Лишь в одном Опочинском уезде крестьянское движение приняло массовый характер. Однако и здесь руководители повстанцев допустили ошибку: издали приказ о мобилизации всех мужчин, включая крестьян, в возрасте от 18 до 36 лет. Освобожденные от рекрутского набора по указу Велепольского, крестьяне подвергались насильственной мобилизации со стороны повстанческой власти, задачи и цели которой еще не были им ясны. Естественно, все население деревень охватило брожение. Крестьяне деревни Волька Клуцка, принадлежавшей одному из жестоких эксплуататоров и яростному противнику восстания, взбунтовались. Бунт перекинулся на другие деревни и охватил свыше 50 населенных пунктов. Крестьяне нападали на помещичьи усадьбы, забирали имущество, избивали и арестовывали помещиков, арендаторов и других «подозрительных» лиц. Царские власти направили в уезд военные силы и усмирили бунтовщиков, многие из которых были арестованы, а почти все, арестованные крестьянами, были освобождены. Эти факты свидетельствуют, что движение крестьян в Опочинском уезде было направлено, прежде всего, против помещиков, а не против революционеров.

В ответ на выступления крестьян против повстанцев и помещиков революционные власти применяли жестокие репрессии. Многие крестьяне, обвиненные в шпионаже, в подстрекательстве или активных выступлениях против национального правительства, были расстреляны или повешены. Десятки крестьян — осуждены, в частности, Лангевичем. Трудно сказать, сколько крестьян казнили в первые недели восстания, но в течение всего года, как полагает проф. Кене-

[1] *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863—1864. — М.: РОСПЭН, 2003.

вич, погибло около 200—300 крестьян[1]. Что касается основных масс крестьянства, то их отношение к восстанию оказалось выжидательным. Крестьяне не вполне верили повстанцам, сомневались в успехе их дела и поэтому воздерживались от поддержки их борьбы. Несомненно, подобное отношение крестьян вызывало сомнение в ее успехе.

Вот характерное свидетельство: «Благодаря системе Велепольского вся администрация, не исключая даже губернаторов, была в руках поляков. Все должностные лица, вся так называемая интеллигенция в крае, если и не участвовала в заговоре против русской власти, то, во всяком случае, сочувствовала всей душой мятежу. Поэтому неудивительно, что формирование повсеместно шаек не встречало противодействия со стороны местной администрации. Крестьяне, полагавшие исполнять свой долг и служить правительству, хватая вооруженных повстанцев, к ужасу своему увидели, что местное начальство берет сторону мятежников, отпускает их безнаказанно и терпит самые вопиющие их своеволия и насилия над крестьянами. После того, конечно, и крестьяне сделались осторожнее, особенно когда мятежники, увидев, что поселяне не сочувствуют так называемому народному делу, прибегли к мерам терроризма и начали совершать самые бесчеловечные, зверские насилия над беззащитным, смирным населением. Дошло до того, что все жители большого села или местечка пассивно присутствовали при страшных жестокостях, совершаемых немногими явившимися негодяями или даже одним каким-нибудь извергом. Крестьяне потеряли всякое доверие к местным властям, смотрели на них как на сторонников мятежа и своих притеснителей. В глазах крестьян слились воедино понятия о чиновнике, о пане и мятежнике»[2].

Перед восстанием многие помещики примкнули к повстанческой организации, однако лишь некоторые из них при-

---

[1] Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х гг. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.

[2] *Ревуненков В.Г.* Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1957.

няли участие в первых сражениях. Как правило, помещики и буржуазия продолжали выступать против восстания. Многие помещики бежали из деревень в города, а в Варшаве их собралось до двух тысяч. Руководящие деятели партии «белых» решили занять выжидательную позицию. Они обратились к польскому обществу с воззванием, в котором расценили восстание как дело «безнадежное» и призывали всех поляков воздерживаться от сотрудничества с повстанцами. Подобную позицию заняли также провинциальные съезды помещиков, состоявшиеся, например, в Подляском, Люблинском и Сандомирском воеводствах. На этих съездах подчас раздавались голоса возмущения против «безумцев», которым нечего терять и которые только ввергают край в пропасть несчастий. Помещики уговаривали повстанцев разойтись по домам, обманывали их фальшивыми приказами, якобы изданными повстанческими властями, отказывались помочь материально. Падлевский жаловался, что многие люди разбежались, главным образом, потому, что помещики умышленно обманывали их, заставляя разойтись от имени Комитета. Лангевич в своем воззвании «К шляхте Сандомирского воеводства» также обвинял помещиков в равнодушном или даже враждебном отношении к повстанцам.

Парижское Бюро Владислава Чарторыйского тоже было против восстания. Полностью связывая дело восстановления Польши с интересами западных держав и, прежде всего, Франции, оно не могло не видеть, что эти державы отнюдь не склонны оказать реальную поддержку польскому освобождению. Бюро расценило восстание как неразумное и отчаянное дело, идущее вразрез с интересами французского правительства, стремящегося к союзу с Россией, потому дело это и не может быть поддержано Францией. А интересы Польши требуют согласной политики с Францией и сохранения тех уступок, которые уже получены в Царстве Польском.

Вот почему Бюро рекомендовало имущим классам польских земель постараться поскорее прекратить начавшееся восстание.

Словом, польские помещики и буржуазия повсеместно выступили против поддержки восстания. Член повстанческого правительства Авейде[1] писал позднее: «Нельзя было даже предположить, что это настроение будет столь твердым и решительным, как оно было в самом деле. Помещики не давали нам ни копейки, ни одного сапога, ни одной лошади; все нужно было вырывать угрозой. Далее, они уговаривали наших начальников бежать за границу, разгоняли под разными предлогами наши шайки и не раз выставляли нарочно наших курьеров и агентов на очевиднейшие опасности»[2].

6.7. «Народное правительство» «Жонд»

Многочисленные поражения, предательство помещиков и «белых», отказ крестьян поддержать восстание убедили руководителей мятежа сменить тактику.

«28 апреля (10 мая) Варшавский революционный комитет объявил, что он принимает наименование «Народного правительства» («Жонда»), как более соответствующее тому значению, которое приняла борьба Польши за свою независимость. При этом подтверждалось, что заявленные прежде принципы польского восстания остаются в полной силе, в том числе относительно цели его, состоящей в том, чтобы достигнуть полной независимости Польши в соединении с Литвой и Юго-Западной Русью без предрешения вопроса о будущей форме правления. Главным деятелем в новом правительстве явился некто Лемпке, бывший прежде машинистом на какой-то фабрике и занимавший в революционной организации должность «начальника мяста» (города, то есть Варшавы). Лемпке, «организатор и интендант Варшавы, был человек колоссальной энергии, пользовавшийся большой популярностью среди ремесленников и рабочих города. Кинжальщики,

[1] Оскар Авейде (1837—1897), один из руководителей Польского восстания 1863—1864 гг., член Центрального национального комитета и Жонда Народового. Сослан в Вятскую губернию, позднее занимался адвокатурой. «Показания и записки о Польском восстании 1863» (русский перевод 1961 г.).

[2] Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х гг. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.

организованные им, состояли из людей самых низших слоев городского населения, ремесленников, извозчиков, праздных рабочих, сторожей»[1].

Ближайшим его сподвижником был Хмелинский, принадлежавший к самым радикальным «красным». Видя безуспешность борьбы с русскими в открытом бою, он решил прибегнуть к системе террора, чтобы заставить массу населения активнее участвовать в мятеже и одновременно навести страх на русские власти и расстроить самую организацию русского управления в стране. Они надеялись, что подобной тактикой действий скорее вызовут и военное вмешательство Европы. Для исполнения приговоров трибунала «Народного правительства» 10 мая декретом «Жонда» была учреждена так называемая народная стража, или жандармерия, получившая потом прозвище «кинжальщиков» или «жандармов-вешателей». Эта «стража народная» состояла из самых кровожадных головорезов, почти исключительно из низшего сословия, мастеровых, рабочих, бездомных бродяг, которые за ничтожную поденную плату (по 50 копеек в день) давали клятву беспрекословно исполнять все приказания своих вождей. Ксендзы приводили их к присяге, окропляли святой водой кинжалы и внушали, что убийство с патриотической целью не только не грех перед Богом, но даже великая заслуга, святое дело. Руководство этой шайкой извергов принял на себя некто Левандовский, отличавшийся зверскими наклонностями. Жертвы «кинжальщиков» подвергались мучительной смерти не только при малейшем подозрении в шпионаже, в сочувствии русским, но даже за простое ослушание приказаний агентов «Жонда» или вожаков шаек, за нерасторопность в удовлетворении их требований, за отказ идти «до лясу», то есть в шайку. Если несчастному удавалось скрыться от убийц, то «кинжальщики» подвергали мучительной смерти всю его семью. Тогда нередко находили повешенными на дереве матерей с детьми. Были и такие из-

[1] Польское восстание 1863 г. и роль России. URL: http://refu.ru/refs/33/7004/1.html.

верги, как, например, Чарнецкий или Бонча, которые систематически вешали или убивали в каждой деревне известное число крестьян без всякой их вины, только для внушения страха остальным[1].

Центральное управление восставших состояло из нескольких отделов, наподобие министерств, как-то: внутренних и иностранных дел, военного, финансов и т. д. Были даже отделы полиции и печати. Во главе каждого стоял директор; но личный состав отделов оставался тайной для всех, даже для директоров, и все сношения отделов между собой, с местными властями в провинциях или воеводствах производились не иначе, как анонимно, посредством особого учреждения — «экспедитуры». Передача распоряжений и донесений делалась особыми лицами — секретарями, служившими как бы агентами отделов и ежедневно в известные часы съезжавшимися в условное место, где они обменивались запечатанными конвертами. Этим местом первоначально служила Главная школа, а впоследствии — станция Варшавско-Венской железной дороги. При обыске этой станции найдены были весьма важные бумаги, уличившие служащих технического отделения этой линии в деятельном участии в составе подпольного «Жонда». У секретаря этого отделения оказались подготовленные к отправке конверты от «Жонда» ко многим лицам в Царстве и за границей — в Познань, Галицию и др. В числе бумаг были обнаружены также счета о расходовании сумм, отпущенных на покупку оружия и ядов[2].

Подпольный «Жонд», пародируя правительственную бюрократию (но не замечая этого), рассылал «декреты», постановлял «приговоры судебные», производил «рекрутские наборы», собирал «налоги и подати» и даже дошел до того, что делал предостережения польским газетам.

Шарлатанство «Жонда» было доведено до невероятных размеров. Суммы, жертвуемые из патриотического усердия

---

[1] *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863—1864. — М.: РОСПЭН, 2003 .

[2] Там же.

или добываемые терроризмом, употреблялись на самые безрассудные затеи, имевшие целью исключительно морочить Европу. Так, вздумали парижские вожаки завести польский флот! Отпечатали бланки управления воображаемыми морскими силами на морях Балтийском и Черном, зафрахтовали в Англии старое судно, на каком отправился некий авантюрист Маньян, облеченный титулом «генерал-капитана морских сил Польши», с десятком таких же, как он сам, проходимцев, возвестив громко в газетах о намерении своем произвести высадку на кавказский берег и войти в связь с черкесами. Подобные абсурдные затеи, конечно, не имели серьезных результатов и только истощали революционную кассу[1].

Всего несколько посещений Р. Траугуттом Военного отдела показали ему, что восстание вообще не имеет руководящего штаба, что Военный отдел — это лишь канцелярия «Жонда Народового» по военным делам, а в составе «Жонда» нет ни одного военного. Ромуальду Траугутту тут же присвоили звание генерала и предложили выехать в качестве своего представителя за границу: проинспектировать и усовершенствовать закупку и доставку вооружения, подготовку повстанческих отрядов в Галиции и прозондировать обстановку в западных странах и эмигрантских кругах. Траугутт принял предложение. Но и в эмигрантской среде он столкнулся с таким же беспорядком, амбициями, отсутствием четкого понимания целей и задач, как и в Варшавском жонде. За эти два месяца генерал Траугутт убедился также и в том, что западные правительства охотно используют польское восстание как предмет для шантажа российской дипломатии, но отнюдь не жаждут на деле вступать еще в одну войну с мощной империей и ее грозной армией.

В начале октября в Кракове состоялось совещание военачальников восстания, на котором присутствовало пять повстанческих генералов, включая вернувшегося к тому времени из Парижа Траугутта. Совещание единодушно под-

[1] *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863—1864. — М.: РОСПЭН, 2003 .

держало его мнение о необходимости активизировать военные действия и покончить с тактикой ожидания манны небесной от западных армий. Были намечены конкретные меры по реорганизации повстанческих сил в канун наступающей зимы, чтобы сохранить движение до нового предполагаемого подъема весной 1864 г. 28 сентября Траугутт, снабженный паспортом на имя львовского купца Михала Чарнецкого, выехал из Кракова в Варшаву.

5 октября он прибыл на заседание «Жонда Народового» и заявил, что полностью берет руководство в свои руки, то есть поступил как настоящий диктатор. Ни один из членов «Жонда» не возразил Траугутту; без каких-либо эксцессов ему была вручена печать «Жонда Народового» — символ высшей повстанческой власти. Этот поразительный факт бесконфликтного переворота в руководстве восстанием доказывает, что среди его лидеров не оказалось личности, способной на жертву. Им всем тогда уже было ясно, что восстание обречено на жестокое поражение, а его руководство — на смерть.

Из всего, что мы уже знаем о Траугутте, можно сделать вывод, что его приход к власти не имел ничего общего ни с личными амбициями, ни с авантюрными наклонностями...

У Траугутта не было никакой собственной политической платформы. Чувство долга заменяло ему и политику, и идеологию. Он встал во главе уже умирающего народного мятежа потому, что ясно понимал: кроме него, это сделать некому. И он оставался на своем посту, так как не в его правилах было сдаваться без боя. Он разогнал Варшавский красный жонд, ибо распознал в варшавских деятелях бессильных болтунов и демагогов, и утвердил Литовское «красное представительство» потому, что увидел в литовских «красных» людей дела и долга. Жесткость и радикализм его, по-видимому, сами по себе не пугали. И уже с очевидностью сознавая, что эта лодка идет ко дну и что он тем не менее останется в ней до конца, — вероятно, желал опереться на тех, кто, по крайней мере, поступит подобно ему самому.

Между тем восстание еще тлело, и Траугутт прилагал немалые усилия для того, чтобы оно продолжало жить. В первую очередь, он повел решительную борьбу с укоренившейся среди повстанческих командиров «партизанщиной» — самовольными и нескоординированными действиями, а чаще — бездействием, самовольными отлучками от отрядов на «отдых» и «лечение» в Галицию и проч. Вместо существовавшей до того времени пестрой бессистемности больших и малых отрядов, командиры которых практически никому не подчинялись, изданный Траугуттом в декабре декрет вводил новую организацию повстанческих сил. Все они объединялись теперь в корпуса, корпуса делились на дивизии, дивизии — на полки, полки — на батальоны... Предусматривалось создание пяти корпусов (в том числе пятый — в Литве). Отряды, формировавшиеся в Галиции, составляли резервный корпус.

Траугутт понимал, что на новый этап восстание должно было подняться благодаря опоре на «единственную силу каждой страны — народ». В циркуляре главным военным начальникам и воеводским комиссарам он писал: «“Жонд Народовый” в течение последних трех месяцев действует главным образом в этом направлении, это цель всех распоряжений жонда... Мы решительно предписываем вам прекратить всякую деятельность среди шляхты, которую следует принимать лишь постольку, поскольку она сама к этому стремится, а вместо того продолжать и развивать всяческую организационную и военную деятельность, *прежде всего,* среди простого народа и посредством народа как деревенского, так и городского. Шляхта взамен за это пусть несет материальные тяготы. Тот, кто сам отстраняется и бережет себя на лучшие времена, пусть жертвует для родины своим богатством. С уклоняющихся от всяких жертв нужно взыскивать вдвойне, взыскивать все, что на них наложено, без послаблений, а в случае сопротивления либо проявления злой воли привлекать к самой суровой ответственности...»

С помощью железной воли и невероятных усилий диктатора Траугутта восстание продержалось еще полгода.

6.8. Внешнеполитическая деятельность Чарторыйских

Вся внешнеполитическая деятельность революционного движения была сосредоточена в руках аристократической партии, которую возглавлял претендент на польскую корону князь Владислав Чарторыйский (1828—1894). Он находился в прямом контакте с французским Министерством иностранных дел, имел доступ в Тюильрийский дворец, регулярно вел неформальные застольные беседы с самим императором Наполеоном III. У князя Чарторыйского в Hotel Lambert собирались совещания Польского комитета, состоявшего тогда из следующих лиц: князя Адама Чарторыйского, князя Ксаверия Браницкого, Бональда, Голензовского, Воловича, Гуттри и Ордега. В номер князя стекались из разных источников пожертвования на дело восстания. На эти средства производились покупка оружия и другие военные расходы. Крупные суммы выделялись на подкуп печати европейских стран. Здесь же фабриковались бесчисленные газетные статьи, полные неистощимого вымысла, хвастливых и ложных известий, клеветы на Россию и всяких фантастических бредней, которые рассылались во все редакции и которыми поляки морочили общественное мнение Европы[1].

Во всех крупных европейских странах имелись уполномоченные агенты Польского комитета. Их деятельность щедро оплачивалась из революционной кассы. Так, в Лондоне находился граф Владислав Замойский, дядя князя Владислава Чарторыйского; в Стокгольме — князь Константин Чарторыйский, двоюродный брат его; в Константинополе — князь Витольд Чарторыйский; в Вене — князь Сангушко, в Берлине — граф Цешковский. Главные руководители восстания в Познани и Галиции также являлись близкими родственниками князя Чарторыйского: граф Дзялинский —

[1] *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863—1864. — М.: РОСПЭН, 2003.

шурин, а князь Сапега — двоюродный брат. Таким образом, дипломатия Польского комитета стала, по сути, семейным бизнесом Чарторыйских, что не могло не вызывать упреков со стороны противников партии. Когда, например, Владислав Чарторыйский вздумал принять звание «генерального дипломатического агента в Париже и Лондоне», в печати появился протест за подписью Владислава Мицкевича, сына известного поэта.

Тем не менее Чарторыйские действовали профессионально. Они умело и долго поддерживали в западном общественном мнении антироссийские настроения в надежде, что этим принудят европейские правительства выступить в защиту восстания. В то время, когда российская дипломатия обменивалась дипломатическими нотами с европейскими державами и когда вся Европа напряженно ожидала результатов, польская дезинформационная машина набирала максимальные обороты. Во всех газетах прославлялись «победы и подвиги польских повстанцев» наряду с клеветническими измышлениями о совершенных якобы преступлениях русских против поляков. Подобный фарс разыгрывался на протяжении многих месяцев, и почти вся Европа слепо верила этой лжи, отказываясь выслушать опровержения.

К счастью, все труды клеветников были напрасными. Усилия Наполеона образовать коалицию против России встретили непреодолимые затруднения. Политические виды на будущее и интересы трех держав оказались «существенно различными»[1].

Исход продолжительной дипломатической кампании, предпринятой тремя державами против России в поддержку Польши, казалось, должен бы был образумить вожаков восстания и окончательно развеять у них всякие иллюзии насчет возможности дальнейшей борьбы с Россией. Однако отличительной чертой национального характера поляков всегда являлось не подвергаемое рефлексии увлечение

[1] *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863—1864. — М.: РОСПЭН, 2003.

прожектерскими идеалами. Достаточно было нескольких громких фраз в тронной речи Наполеона, чтобы, пусть и на время, вновь воскресить мечты о восстановлении независимости Польши. И поляки снова подняли голову. В середине ноября в польских газетах появилось нелепое объявление от варшавского «начальника мяста», где опровергались слухи о намерении «Жонда» прекратить борьбу; при этом подчеркивалось, что в настоящий момент национальное польское правительство будто бы располагает несравненно большими военными силами, чем в начале восстания…

В середине декабря в Царстве Польском было обнародовано новое воззвание революционного «Жонда», который широковещательно заявлял, что не прекратит своих усилий, пока не достигнет цели, а потому призывал народ к новым жертвам и обнадеживал в несомненных успехах «национального дела» ввиду готовившегося будто бы восстания в Венгрии и Венеции, а предстоящей весной — всеобщей войны… С той же целью — поддержать несбыточные мечты и ожидания — руководители восстания прибегали ко всякого рода подлогам и дезинформации: то выдумывали какой-нибудь нелепый указ русского императора, то распространяли мнимое воззвание Наполеона к полякам. Однако все эти политические фокусы и манипуляции уже не могли придать выдыхающемуся мятежу сил, ни материальных, ни нравственных[1].

6.9. Поражение восстания

На первом этапе восстание носило хаотический, партизанский характер. На втором — действия повстанцев приобрели ярко выраженную террористическую окраску. На этапе агонии Ромуальд Траугутт попытался придать осмысленность действиям восставших путем централизации их действий в соответствии с выработанной «диктатором» стратегией. До этого ничего подобного не отмечалось: ни стратегии, ни планов, ни дееспособной организационной

[1] Там же.

структуры. Вместо этого царили интриги, борьба корыстных интересов, амбиции, демагогия, бюрократия, коррупция, авантюризм и предательство.

Разгар военных действий пришелся на лето 1863 г. По официальным донесениям, отдельных боевых столкновений в 1863 г. было 547, в 1864 г. — 84, всего — 631. Несмотря на отдельные неудачи, перевес оставался на стороне русских войск. 11 февраля 1864 г. рассеян последний наиболее крупный отряд (Босака); последняя группа (ксендза Бжуска) просуществовала до половины апреля 1864 г. Количество русских войск в крае доходило (в июне 1863 г.) до 164 тысяч человек. 24 июля (5 августа) казнены члены «Жонда» последнего состава (Траугутт, Рафал Краевский, Юзеф Точиский и Ян Езеранский). Последние политические казни произошли в феврале 1865 г. (Александр Вашковский и Эмануэль Шафарчик).

В наши планы не входило давать здесь обзор боевых столкновений и информацию о «главарях повстанческих шаек», поскольку это неважно для замысла книги. Исчерпывающие сведения об этом можно получить в обстоятельной монографии Д.А. Милютина[1].

Восстание 1863—1864 гг. не имело шансов на успех. Тем не менее для Российской империи оно представляло определенную проблему. Восстание было подавлено путем комплексного применения трех видов мероприятий:

репрессии;

восстановление управления Царства Польского с прилегающими к нему краями;

проведение крестьянской реформы.

6.10. Генерал-губернатор М.Н. Муравьев

Граф Муравьев Михаил Николаевич (1796—1866) — воспитанник Московского университета, однокашник и друг А.С. Грибоедова. Служил по квартирмейстерской части; был

[1] *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863—1864. — М.: РОСПЭН, 2003.

ранен под Бородиным; в 1813 г. принял участие в сражении при Дрездене. Принадлежал к кружку молодых людей, основавших в 1816 г. первое тайное политическое общество, и принимал деятельное участие в составлении устава «Союза благоденствия». В 1820 г. после беспорядков в лейб-гвардейском Семеновском полку оставил службу. Во время следствия над декабристами Муравьев был арестован, но сумел оправдаться. В 1826 г. назначен вице-губернатором в Витебск. С 1828 г. Муравьев являлся могилевским гражданским губернатором. В 1830 г. он вошел с представлением об отмене литовского статута и о введении в судопроизводство и управление русского языка, что было осуществлено для Белоруссии законом 1 января 1831 г. Во время польского мятежа Муравьев состоял при штабе армии и успешно действовал против небольших банд в Витебской, Минской и Виленской губерниях. Еще в 1830 г. он представил императору Николаю I записку о необходимости преобразования учебных заведений в Западном крае, немедленного введения в них русского языка и устранения латинского духовенства от участия в образовании и воспитании юношества. В 1831 г. он настаивал на закрытии Виленского университета, как рассадника мятежа. В том же 1831 г. Муравьев назначен губернатором в Гродно, в 1835 г. — военным губернатором в Курск, затем — директором департамента податей и сборов. В 1839 г. назначен сенатором и директором межевого корпуса, в 1850 г. — членом Государственного Совета, в 1856 г. — министром государственных имуществ.

Когда вспыхнул польский мятеж, Муравьев, 1 мая 1863 г., назначен был генерал-губернатором с чрезвычайными полномочиями шести северо-западных губерний; вслед за тем ему была подчинена и Августовская губерния. М.Н. Муравьев, назначенный в Вильну генерал-губернатором вместо Назимова, прибыл туда 14 мая, а уже 24 мая появилась его «Инструкция для устройства военно-гражданского управления». Он хорошо знал край по своей прежней службе. При нем войска стали преследовать отряды инсургентов до пол-

ного их истребления. С его повеления совершилось немало казней, между прочим — над несколькими ксендзами. На всех произвела громадное впечатление казнь ксендза Ишара, призывавшего народ в костеле к восстанию. «Инструкция» предписывала установить на дорогах обывательские караулы и, где нужно, конные разъезды; очищать уезды от шаек и наблюдать, чтобы не возникали новые. У шляхты, ее прислуги и ксендзов приказано было немедленно изъять оружие, неблагонадежных лиц немедленно брать под стражу, военный суд чинить без замедления. Чиновников, содействующих мятежу, немедленно брать под арест и предавать суду; обязать лесничих очищать леса от шаек. Ряд энергичных, последовательных и хорошо обдуманных мер быстро смирил огонь открытого восстания. В конце июня действия войск Виленского округа ограничивались лишь походами за незначительными группами повстанцев, тщательно скрывавшимися от преследования.

В репрессиях против мятежников Муравьев прибег к мере, которую сам называет в своих записках «выходящей из обыкновенного разряда»: к сожжению целых деревень и шляхетских околиц и к ссылке в Сибирь на поселение их жителей, всех до одного, с женами и детьми. Огромными контрибуциями облагались как отдельные помещики, так и целые селения, в которых появлялись мятежники; установлены были крупные штрафы за ношение траура, за разговоры по-польски и т. п. политические манифестации; произведена перепись всех сословий, и с оставшихся на месте взыскивались значительные штрафы за чью-либо беспаспортную отлучку. Находя, что местное население само должно оплачивать чрезвычайные расходы по усмирению края, Муравьев обложил все помещичьи имения 10%-м сбором с их доходов; для лиц немецкого происхождения этот сбор был понижен до 3%, а для лиц русского происхождения — до 1,5%. В первый год весь сбор составил до 2 600 000 рублей. С католического духовенства взыскивались расходы по высылке из края лиц, принадлежавших к его составу (до 68 000 рублей). Польское дворян-

ство заплатило за все убытки, причиненные мятежниками как в казенном имуществе, так и в частном (православных священников, крестьян); оно же обложено было особым сбором на содержание вооруженной сельской стражи, превысившим 800 000 рублей. В видах преследования банд, на 50 саженях от дорог вырубались леса, а срубленные деревья отдавались крестьянам, их рубившим. С конца 1863 г. Муравьев предпринял также ряд мер к умиротворению и обрусению края. Сюда относятся: закрытие католических монастырей, ограничение прав католического духовенства, содействие частным лицам русского, а иногда и немецкого происхождения по приобретению секвестрованных имений (на что ассигновано было 5 миллионов рублей); выделение служащим в крае чиновникам конфискованных имений на льготных началах; улучшение быта православного духовенства посредством передачи причту участков казенной земли от 150 до 300 десятин; постройка православных церквей, устройство русских православных и старообрядческих поселений на казенных землях (как свободных, так и отобранных у арендаторов польского происхождения), а равно на земле выселенных в Сибирь шляхетских околиц. В поземельном устройстве и обеспечении быта местного крестьянства Муравьев явился лишь исполнителем чужих предначертаний: направление крестьянского дела в Северо-Западном крае было предопределено за два месяца до назначения его, указом 1 марта 1863 г. о прекращении в пяти северо-западных губерниях обязательных отношений крестьян к помещикам, с обращением их в разряд крестьян-собственников, а 9 апреля, почти за месяц до назначения Муравьева, был издан указ об устройстве комиссий для проверки уставных грамот. При Муравьеве эти меры лишь распространились на Могилевскую губернию и на белорусские уезды Витебской губернии, и вышел указ о наделении землей батраков и обезземеленных незадолго до освобождения крестьян.

1 мая 1865 г. Муравьев был уволен от должности генерал-губернатора Северо-Западного края, причем возведен в графское достоинство. В апреле 1866 г. Муравьева назначили

председателем верховной комиссии по делу Каракозова. 31 августа того же года он умер. В 1898 г. ему воздвигнут памятник в Вильне, который, естественно, поляки во времена второй Речи Посполитой уничтожили[1].

6.11. Русификация органов управления в Царстве Польском и Виленском крае

Как отмечалось ранее, администрация и делопроизводство в Царстве Польском и Виленском крае так же, как и на территориях «восьми воеводств», были польскими. Польские чиновники либо сочувствовали восставшим, либо их боялись. Такое положение дел не могло устраивать центральную власть, поэтому было принято решение русифицировать властные органы. К управлению, в частности в жандармерию, были привлечены русские кадры, в основном «ретивые офицеры» и русифицированные поляки, которые отличались особым рвением и добросовестным исполнением служебных обязанностей. Это сразу дало положительные результаты.

Так, в конце декабря в Варшаве было учреждено центральное военное полицейское управление, находившееся в ведении генерал-полицмейстера, генерал-майора Трепова; эта структура начала действовать 1 января 1864 г. и 29 марта захватила почти весь «Жонд Народовый» во главе с председателем его Траугуттом.

6.12. Крестьянская реформа

М.Н. Муравьев, противник каких-либо социальных реформ, вынужден был предпринимать решительные контрмеры, чтобы предотвратить массовое крестьянское движение

[1] Ср. кн. *Долгоруков П.* М. Н. М. (Л., 1864); *Кропотов Д.* Жизнь гр. М. Н. М. (1874—доведена до 1831 г. включительно); *Сорокин Р.* М. в Литве 1831 г. (Русская старина, 1873, т. VII); *Решетов Н.* Как М. взыскивал в Курске недоимки (Русский архив, 1885, т. II); «Записки» М. о мятеже 1863 г. (Русская старина, 1882, № 11 и 12; 1883, № 1—5; 1884, № 6); Четыре записки гр. М. о Северо-Западном крае 1830—1865 гг. (Русский архив, 1885, т. II); *Мосолов А.* Виленские очерки (Русская старина, 1883, № 10—12; 1884, № 1, и отдельно 1898); Письма М. Н. М. к А.А. Зеленому 1863—1864 гг. (Голос минувшего, 1913).

в Литве, а милютинская комиссия — в Царстве Польском. «Выгоды должны быть дарованы крестьянам за счет помещиков, лишенных части доходов, которые дворяне употребляли волею или неволею, по преступной в подобное время боязни их перед жондом, в пользу мятежа», — говорил адъютант Муравьева генерал Черевин[1]. Для национального правительства всех составов характерна та примиренческая тактика, которой все они, от Хмелинских до Траугуттов, придерживались в аграрно-крестьянском вопросе; во всех официальных документах, в которых революционное правительство принимало на себя ответственность за будущее, ясно, без всяких оговорок, говорилось, что господская земля дается крестьянам за выкуп из общегосударственных фондов. Крестьяне должны вместе со всеми платить налоги, то есть, другими словами, должны выкупать у господ землю при посредничестве правительства, путем правительственных финансовых операций[2].

В октябре 1863 г. началась работа по устройству крестьянского населения Царства Польского Николая Милютина — родного брата военного министра Д.А. Милютина. Освобождение польских крестьян из-под гнета панов и шляхты оставалось пока открытой задачей для русского правительства. Так, еще в марте 1863 г. Валерий Валерьевич Скрипицын(1799 —1874) в письме Д.А. Милютину высказывал следующую мысль: «Одно это может обеспечить в будущем нашу безопасность, потому что везде, а в Польше особенно, не в народе, а только в аристократии гнездятся честолюбивые и завоевательные замыслы; народ же, особенно крестьяне, никогда не мечтает о революции, ни о войне; следовательно, всегда останется покойным, если аристократия будет лишена всякого на него влияния; она только может обратить его в могущественное орудие своих

[1] *Черевин П.А.* Воспоминания П.А. Черевина. 1863—1865. — Костром. изд-во Костромского научного общества по изучению местного края, 1920. — С. 16, 17.

[2] Северная пчела. 1863. № 269; Dzieje 1863 roku. — P. 433, 445.

властолюбивых замыслов»[1]. При этом Скрипицын прямо указывал на дарование крестьянам польским в собственность земли, на которой они живут и которую обрабатывают, на уничтожение права дворян быть войтами гмин и на дарование народу независимого мирского управления с устранением всякой власти и влияния дворянства на крестьян. Русская империя серьезно и основательно подошла к проблеме крестьянской реформы.

«Комиссия, в составе которой, кроме брата, участвовали Самарин, князь Черкасский, Арцимович... в продолжение пяти дней, с утра до вечера… переезжала из одной деревни в другую, частью в Варшавской губернии, частью в Радомской; в каждой деревне собирался сход крестьян; члены комиссии беседовали с ними, расспрашивали об их нуждах, выслушивали их жалобы, причем старались устранить всяких лиц, не принадлежащих крестьянскому сословию, как то: управителей имений, арендаторов, писцов, ксендзов и подобных им. Крестьяне каждой посещаемой местности первоначально выказывали робость и сдержанность, но после первых сочувственных слов приезжих ободрялись и начинали высказываться с откровенностью и доверием. Впервые приходилось им встречать со стороны чиновников благодушное участие к крестьянским нуждам и желаниям. Случилось, что некоторые из крестьян, особенно старики и женщины, прослезились, бросались обнимать колени своих посетителей. Случаи эти, повторявшиеся почти во всех селениях, произвели глубокое впечатление на членов комиссии; они нашли в крестьянском населении Польши, по крайней мере части ее, которую посетили, гораздо более утешительных задатков для будущего, чем могли ожидать»[2].

В отличие от руководства повстанцев, имперская русская власть проявила волю и последовательность в делах проведения крестьянской реформы. Восстание, по сути, раз-

[1] *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863—1864. — М.: РОСПЭН, 2003.

[2] Там же.

вязало самодержавию руки для проведения данной реформы. А русские чиновники теперь могли не считаться с польскими элитами в ходе проведения реформ.

Манифест 14 февраля 1864 г. об устройстве крестьян в Царстве Польском нанес последний удар «партии восстания». Оставалось только нейтрализовать главных его «коноводов».

6.13. Последствия восстания

Потери русских в ходе проведенных мероприятий составляли до 4,5 тысячи человек, из них собственно в Царстве Польском — 3343 человека (826 убитых, 2169 раненых, 348 без вести пропавших); повстанцев погибло до 30 тысяч. Из 3550 ксендзов, числившихся в 1862 г. в Царстве Польском, убито, расстреляно и повешено — 37, сослано на каторгу и поселение — 217, бежало за границу — 43.

За причастность к восстанию было казнено 128 человек; 12 500 повстанцев выслали в другие местности, 800 отправлено на каторгу. Учитывая, что следствием установлено было участие в восстании около 77 000 человек, можно констатировать, что всего подверглось наказанию менее 20% участников мятежа. Эти цифры показывают, что правительство не проявляло к восставшим какой-то особенной жестокости. Массовые репрессии затронули семьи причастных к восстанию, высылаемых в центральные губернии России. Кроме того, в Литве и Белоруссии запретили занимать государственные должности (в частности, учителей в школах и гимназиях) лицам католического вероисповедания, поэтому поляки и литовцы вынуждены были обосноваться в центральных губерниях России. Среди потомков таких ссыльных и переселенцев — композитор Дмитрий Шостакович и писатель Александр Грин.

В России постепенно менялось отношение к восстанию и его союзникам. У той части общества, которая порицала поляков, отмечался подъем патриотических настроений. Сторонники революции и радикалы оказались в изоляции. Выступивший в защиту восставших поляков А.И. Герцен, кото-

рый с 1856 г. являлся одним из безусловных властителей умов русской либеральной общественности, был ею отвергнут. Ранее его журнал «Колокол», издававшийся в Лондоне еще в 1862 г., расходился в России в количестве от 2,5 до 3 тысяч экземпляров. С 1863 г. тираж «Колокола» упал до 500 экземпляров, и, хотя он продолжал издаваться еще 5 лет, тираж его ни разу не превысил этой цифры[1].

Это был урок, из которого в Галиции сделали верные выводы. Началась борьба за контроль над умами, преимущественно над школой, которая велась не на жизнь, а на смерть. На смерть всего, что называло себя русским. В начале XX в., ввиду неизбежного, как виделось уже многим, столкновения германских держав со славянскими, острота этого противостояния нарастала. Русские и русофильские элементы в Галиции, отстаивавшие свое право на сохранение этнической и культурной идентичности, были весьма нежелательны для Габсбургов, поляков и «созданных» ими «мазепинцев».

После разгрома восстания 1863 г. в западные страны бежало, как отмечалось многими исследователями, около 7000 повстанцев. К старой эмиграции — Мерославскому, Гельтману и др. — прибавилась новая: Гиллер, Рупрехт, Сивинский, Кужина, Даниловский, Яновский, Высоцкий, Ружицкий, Гауке (Босак), Гейденрейх (Крук), Врублевский и др. В 1865 г. прибыл сюда и Ярослав Домбровский. Осужденный на 15 лет каторги, он бежал из московской пересыльной тюрьмы, полгода укрывался с помощью русских революционеров в Петербурге, а затем прибыл в Париж. Основная масса новой эмиграции, в отличие от старой, состояла из интеллигенции и ремесленников. Половина всех эмигрантов осела во Франции, Швейцарии и Турции, остальные поселились в Италии, Бельгии, Англии и Германии; часть бывших повстанцев оказалась в Соединенных Штатах Америки, где приняла участие в освободительной войне против рабства.

Среди новой эмиграции существовали, в общем, те же течения, что и в самой Польше в период восстания. Сторон-

[1] *Witkowski.* Powstanie 1863 г. — 1931. — P. 101.

ники «белых» выступали против продолжения повстанческой деятельности. Умеренные, во главе с Гиллором, постепенно сближались с «белыми». «Красные» поначалу не снимали лозунг о продолжении повстанческой деятельности, надеясь на скорое возникновение благоприятной для этого ситуации, и лишь после австро-прусской войны 1866 г. обратили главное внимание на внутреннюю сторону эмигрантской жизни, на объединение различных групп. В 1866 г. возникло Объединение польской эмиграции. Руководящую роль в нем играли генерал Босак и Ярослав Домбровский, развивая идею «народного сговора». Левые эмигранты (Босак, Домбровский, Врублевский, Токажевич и др.) защищали принципы гминного (общинного) строя и свободной федерации народов. Будущую Польшу они мыслили как федерацию польского, литовского, белорусского и украинского народов. То есть никакие, даже самые жестокие, поражения не могли заставить польскую элиту отказаться от авантюристических великодержавных планов.

Судьба различных руководителей восстания, насколько известно, такова: Гуттри вызвал на дуэль Я. Кужину и убил его; Мерославскому в Париже публично дали пощечину; Ярослав Домбровский погиб в 1870 г. в Париже во время Коммуны.

6.14. Шляхта и честь воина

Прежде чем приступить к дальнейшему изложению материала дадим несколько определений.

«**Честь** — это внутреннее, данное самому себе право оценивать себя и свое существование в категориях самоуважения». Объективными факторами, дающими право на честь, являются целомудрие и благородство. Целомудрие — идеальная аксиологическая норма природного состояния. Благородство — идеальная аксиологическая норма личностного состояния[1].

Присяга — официальное и торжественное обещание при поступлении на воинскую службу.

[1] *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. — М., 1993. — С. 250.

Вот форма всенародной присяги на верность подданства российскому императору:

Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, пред святым его Евангелием, в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивейшему Великому Государю Императору NN, Самодержцу Всероссийскому, и законному Его Императорского Величества Всероссийского престола Наследнику (именуя Его, когда Он уже известен, или же не именуя, когда Император не имеет еще детей мужеского пола) верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови, и все к высокому его Императорского Величества Самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и при том по крайней мере стараться споспешествовать всему, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может; о ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допущать тщатися, и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, и поверенный и положенный на мне чин, как по сей (генеральной), так и по особливой, определенной и от времени до времени Его Императорского Величества именем от предуставленных надо мною начальников определяемым инструкциям и регламентам и указам, надлежащим образом по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать, и таким образом весть и поступать, как верному Его Императорского Величества подданному благопристойно есть и надлежит, и как я пред Богом и Судом Его страшным в том всегда ответ дать могу; как сущее мне Господь Бог душевно и телесно да поможет. В заключение же сей моей клятвы целую Слова <т.е. Евангелие> и Крест Спасителя моего. Аминь[1].

[1] URL: http://krotov.info/libr_min/16_p/pri/syaga1890.htm.

Подобную клятву давали офицеры-поляки, присягая на верность русскому императору. Эталоном человека чести и долга является генерал А.А. Ржевуский, как написал в своих воспоминаниях Д.А. Милютин: «Надобно отдать должное графу Ржевускому (генерал-адъютанту), что он, оставаясь в душе поляком, не увлекался ложным патриотизмом до забвения чести и долга и оставался верным офицерской присяге. Он даже счел обидным для себя, когда при начале открытого мятежа ему наравне со многими другими офицерами и генералами польского происхождения сделан был, по приказанию Государя, вопрос: не желает ли он получить какое-либо другое назначение, дабы не быть поставленным в необходимость вести свою дивизию против своих земляков? Граф Ржевуский ответил с гордостью, что, нося военный мундир, знает свой долг и исполнит его»[1].

Другим примером воина, обладающего качествами долга и чести, является Траугутт. Подполковник Ромуальд Траугутт, зрелый, вполне сформировавшийся человек, не был предателем. За два года до восстания он уволился из российской армии, а затем был вынужден примкнуть к восставшим.

Вот что показал через год на следствии сам Траугутт: крайне сдержанный в показаниях, он несколько более подробно и откровенно рассказал о своей деятельности на посту командира повстанческого отряда. «Будучи убежден, что независимость является необходимым условием истинного счастья каждого народа, я всегда мечтал о ней для своей родины, тем более что освобождение России от тяжести господства над Польшей считал также необходимым условием обращения всей деятельности русского правительства и народа на истинное благо этой обширной страны. Это были мои мечты, осуществления которых я ждал от справедливости и милосердия Всевышнего. Я никому не давал совета восставать, напротив, как бывший военный, я видел всю трудность борьбы без армии и вооружения с государством, известным своей

[1] *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863—1864. — М.: РОСПЭН. 2003.

военной мощью. Когда вооруженное восстание должно было вспыхнуть в Кобринском уезде Гродненской губернии, где я жил, за несколько дней до срока ко мне обратились, умоляя, чтобы я принял командование. Совершенно застигнутый этим врасплох, я описал все препятствия как общего, так и личного порядка и рекомендовал отменить решение о начале восстания. Оказалось, что сделать это уже невозможно. Тогда я согласился с их просьбой, так как счел, что как поляк обязан не щадить себя, когда другие жертвуют всем». И в другом месте: «В апреле прошлого года Рудольф Павловский, частно практикующий врач, и Элерт, молодой человек, род занятий которого мне неизвестен (к тому времени оба уже покойные. — *Р.Д.*), оба из Кобрина, при встрече со мной в этом городе предложили мне принять командование над отрядом Кобринского, Пружанского и Брестского уездов и заверяли меня, что этот отряд будет состоять из нескольких сот человек. На это предложение я заметил им, что это ничего не даст, что я мог бы командовать разве только частью регулярной армии, но когда мне сказали, что собранные люди погибнут, тогда я на третий день отправился в отряд в Дядковичский лес»[1].

Далее сыграл фундаментальный адаптивный архетип «последовательности»: тот, кто принял решение, правильное или — нет, обязан идти до конца. Р. Траугутт был способным офицером и организатором, это обстоятельство и вывело его в руководители мятежа. Но главное — Р. Траугутт был человеком долга и чести, он один из немногих руководителей восстания заслуживает большого уважения.

Польские офицеры и генералы, выросшие в русской среде, все, без исключения, оказались верными присяге. Поиному произошло с офицерами, сформировавшимися в польской среде, многие из них изменили присяге, то есть оказались предателями.

Понятие чести у русских и шляхтичей имеет кардинальное отличие. Присяга — это клятва. Польский шляхтич-

[1] *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863—1864. — М.: РОСПЭН. 2003.

офицер легко изменял клятве, вероятно, потому, что не считал быть чем-то обязанным народу, по его мнению, «стоящему ниже поляков». Подобное качество является той чертой характера, которая отличает «свободолюбивую» шляхту от суверенных и свободных народов. Свобода от каких-либо обязательств, приоритет личного над общественным — вот что превратило польскую элиту в угодников «мира сего». Поэтому русские уважают Ромуальда Траугутта и презирают клятвопреступников.

В списках офицеров Генерального штаба, окончивших курс Академии, клятвопреступники обозначены отметками «исключен из службы», «уволен по болезни», и это сделано специально, чтобы не травмировать детей предателей, которые за отцов не отвечают. Но мы здесь перечислим некоторых польских офицеров-изменников, принесших присягу русскому императору в 1857 г.: подполковник Теофил Фаддеевич Владычанский, бывший офицер лейб-гвардейского драгунского полка; вып. 1858 г. Жвирждовский; 1859 г. — капитан Сигизмунд Игнатьевич Сераковский, бывший офицер Арзамасского драгунского полка, участвовал в восстании под именем Доленги; капитан Онуфрий Фердинандович Станевич, бывший офицер оренбургского линейного № 5 батальона; Павел Венедиктович Чехович — офицер эстляндского пехотного полка; капитан Карл Карлович Александрович — офицер 3-й сводной резервной артиллерийской бригады; 1860 г. — Рудницкий — бывший военный инженер; штабс-капитан Станишевский — 11-й артиллерийской бригады; Ярослав Викторович Домбровский — 19-й артиллерийской бригады (был арестован в 1862 г., еще до начала восстания); Игнатий Игнатьевич Родкевич — лейб-гвардии гренадерского полка; Пясецкий — конно-артиллерийской № 18 батареи; штаб-капитан Туровский — 11-й артиллерийской бригады; Станевич — 6-го саперного батальона; штаб-капитан де Генинг-Гейденрейх — екатеринославского драгунского полка, участвовал в восстании под именем Крука; Шалевич — 3-го стрелкового батальона; Михаил Иосифович

Мусницкий — кавказского резервного стрелкового батальона; 1862 г. — капитан Обирн — 3-го стрелкового батальона; штаб-капитан Обезерский — 3-го стрелкового батальона; Черняк — одесского пехотного полка; Подбельский — белевского пехотного полка; капитан Дмоховский — 5-го гренадерского киевского полка. Список этот далеко не полон… Кроме того, в повстанцы пошли офицеры также из других академий. Например, Зигмунт Падлевский, выпускник Артиллерийской академии.

Поразительный пример изменника — офицер Юзеф Гауке-Боссак. Боссак был племянником знаменитого генерала Маурициа Гауке, убитого подхорунжими в «ноябрьскую ночь» 1830 г. Ю. Гауке-Боссак являлся свояком Александра II: его двоюродная сестра — Юлия Гауке, графиня Баттенберг, была женой Александра фон Гессен-Дармштадт, брата императрицы. Воспитанник Пажеского корпуса, представитель рода, пользовавшегося милостями царского двора и через гессенский княжеский дом породнившегося чуть ли не со всеми династиями Европы, офицер, сделавший блистательную карьеру на Кавказе, где, будучи полковником, он самостоятельно командовал тактическими соединениями, Юзеф водил дружбу с великими князьями и был вхож в дома аристократии Российской империи.

Тем не менее Гауке-Боссак присоединился к восставшим и даже некоторое время с успехом отражал атаки русских войск. После поражения восстания успел эмигрировать. В 1871 г. Юзеф Гауке-Боссак пал от прусской пули под Дижоном, командуя французскими частями. Таким образом, Боссак сражался за Вторую Французскую империю против права Германского союза на объединение всех немецких земель, что весьма странно сочетается с его борьбой за единство Польши.

Ю. Боссак — очевидная иллюстрация инфантильного типа личности. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в момент гибели он был одет в красную рубаху гарибальдийца и кавказскую бурку, а на боку у него висела сабля, подаренная в знак уважения одним из великих князей. Будучи молодым

человеком, ему не исполнилось еще и тридцати, Юзеф увлекся идеями независимости Польши и, как все шляхтичи того времени, считал, что свобода родины придет из Парижа.

Среди предателей оказался и Зигмунд Сераковский. Д.А. Милютин по делам службы не однажды сталкивался с этим инициативным капитаном. В своих воспоминаниях он дал ему следующее яркое и меткое описание: «Капитан Сераковский тогда состоял при департаменте Генерального штаба и был употребляем для различных поручений как офицер бойкий и ретивый. Не только он исполнял усердно возлагаемые на него поручения, но напрашивался на них. В 1862 г. ему поручен был осмотр военно-арестантских рот, которые находились тогда в хаотическом состоянии и требовали радикального преобразования. Сераковский по этому случаю был в беспрерывных разъездах, и я был вполне доволен его усердием и толковым исполнением поручения; но слишком уже настойчивое желание его распоряжаться арестантскими ротами в крепостях Западного края (где тогда находилась большая часть этих рот) начало возбуждать во мне некоторое сомнение и побудило меня к большей осторожности относительно этого офицера. Отказав ему в его домогательстве, я даже приостановил его разъезды. Это было именно в марте 1863 г. Тогда Сераковский взял отпуск на 2 недели за границу и в самом конце марта выехал из Петербурга…

Сераковский, так же как и Огрызко (один из лидеров восстания. — *Авт.*), выказал во всей полноте те отличительные черты польского характера, которые особенно антипатичны для нас, русских, — иезуитская двуличность, вкрадчивость и вероломство. В продолжение многих лет он разыгрывал роль усердного, преданного службе офицера; но по свойственной же полякам самонадеятельности слишком уже далеко зашел в своем расчете на мою доверчивость»[1]. Сераковский плохо кончил. Как предателя и одного из руководителей мятежа его после суда казнили через повешение в Вильно 15 июня 1863 г.

[1] *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863—1864. М.: РОСПЭН, 2003.

Как видим, честь и достоинство — понятия, имеющие разные значения в пространстве ценностей русских и шляхты. То, что у шляхты считается доблестью и достоинством, у русских — подлостью и предательством. Время показало, чья же система ценностей является истинной.

Попытки «объяснить», оправдывая, поведение поляков, в частности и в тех ситуациях, о которых мы пишем, делались и делаются неоднократно. Вот что пишет, в частности, польский историк Я. Кеневич в статье «Карьера или измена» о проблеме измены (предательства) поляков: «Карьера и измена — это два аспекта участи, которая постигла польского интеллигента на рубеже XIX и XX вв. Стежки карьеры вели интеллигента к возникновению конфликтной ситуации между интересами народа, лидером которого он стремился стать, и интересами империи, которой он должен был служить. Но не только это определяет его исключительную судьбу. Жизнь интеллигента оказалась обусловлена обстоятельствами, которые я буду интерпретировать как “цивилизационное насилие”. Имею в виду то, что и образование и службу он должен был принимать на языке и на условиях, продиктованных не только через чужое для него государство, но и через людей, которые руководствовались другой, чем его, системой ценности. В условиях российской империи реализация карьеры, свойственной для той группы, означала ли в действительности измену?

Инженер, строящий мосты, инженер, конструирующий паровозы, инженер, развивающий нефтяную промышленность в Закавказье, — они не раз получали образование не только в царских университетах — изменяли ли они и кому? Интеллигент, старающийся сделать карьеру, обрекал себя на предательство собственного этноса и не мог далее стремиться к роли проводника. Интеллигенты же, отказывающиеся от карьеры, становились, как это показано у Жеромского, бездомными людьми. Моей целью является постановка вопроса о том, как далеко карьера и измена заводили

к переступанию границы цивилизационной. Эти вещи были определены в категориях национальных и культурных, но не рассмотрены в перспективе цивилизационной. Следует также представить категории, которые служат интерпретации исследуемого явления. Это категории цивилизации, пространства и границы цивилизации.

С моей точки зрения, цивилизация — это система ценностей, которая способствует идентификации надэтничной, надкультурной и надтерриториальной. Пространством я называю многомерную область, которая поддается мысленному освоению субъектом или группой, с которой данный субъект себя идентифицирует. Границей цивилизации является верность человека избранным для себя ценностям. Ситуация интеллигента определяется тем, что он живет в обществе, подчиненном другому обществу, а карьеру свою пробует сделать в сфере доминирующей культуры. Это означает измену, поскольку ради своей цели он должен признать чуждую систему ценностей, иначе говоря, признать господствующим их превосходство над собой. Это состояние я определяю как подчинение. Такой уклад отношений характерен для колониализма. Проблема стягивается до вопроса, означает ли делание карьеры отход от системы ценностей, выбираемой в доминирующем обществе. В польском воображении преобладал вопрос национальной принадлежности, тон задавал принцип верности Отчизне. Интеллигенту, стремящемуся устроиться на службу, трудно было отвечать этим требованиям. Кажется, сведение проблемы до патриотизма, противопоставление польскости русификации не исчерпывает всей проблематики. Поступление на царскую службу ставило перед интеллигентом не только вопрос, хотел бы он и сумел бы сохранить польскость: язык, религию или культуру. Вызов заключался в открытии дороги, ведущей в круги российской интеллигенции, что, вопреки устоявшемуся мнению, не было так просто. Ведь сущностью карьеры было признание не только действительного факта господства, но также и отличающейся другой цивилизации.

В этом смысле интеллигент не имел выбора. В действительности же все было иначе. Поступая на службу в империи, интеллигент должен был соответствовать ее требованиям, что на деле оказывалось не таким трудным. Тем не менее он мог жить в согласии с собственной системой ценностей, хотя это было, без сомнения, труднее. Судьба интеллигента в царской России оказалась предопределена насилием, которое требовало определенного поведения. Однако он мог сохранить социальные и семейные связи и, таким образом, оставаться верным своим ценностям. Измена выступает здесь определением относительным. Остается вопрос, мог ли интеллигент на царской службе выполнить миссию, к которой стремилась интеллигентская среда. В этом отношении для него открывались различные дороги. И среди них — принятие новых условностей и судьба революционера. И, наконец, обращаю внимание на возможность создания своего рода матрицы позиций, которые, впрочем, касаются не только интеллигентов. В обсуждаемом случае мы имеем дело с хорошо известным из других колониальных обществ отношением имитации и бунта. В этой связи данный вопрос позволяет переосмысление польской точки зрения о российском господстве»[1].

Размышления польского историка, весьма характерные, надо сказать, в целом, для польских исторических штудий, прямо приводят к мысли о том, что любые рассуждения на тему измены и предательства имеют смысл лишь при наличии «точки опоры» или системы координат, относительно чего можно и выстраивать логику выводов. В постмодернистском обществе, где «каждый имеет право на выбор и свою правду», где отвергается даже намек на объединяющие людей ценности или идеалы, обсуждать подобные серьезные проблемы заведомо невозможно. Мы же в качестве упомянутой выше системы координат выберем христианские ценности, так как «особые» цивилизационные системы ценностей

[1] *Кеневич Я.* Карьера или измена // Логос. Философско-литературный журнал. 2005. № 6 (51). — С. 272—274.

поляков, русских, румын и т. д. вряд ли кто-либо и когда-либо сможет корректно сформулировать.

У христиан, к которым относятся как поляки, так и русские, приоритетны христианские ценности. Что же такое ценность в данном контексте? Это значимость известного объекта (идеального или материального) в отношении к целям, стремлениям и потребностям человека. Как известно, понятие «нравственная ценность» впервые появляется в этике И. Канта. Он, в частности, писал: «Суть всякой нравственной ценности поступков состоит в том, что моральный закон непосредственно определяет волю»[1].

Однако Мариуш Мушиньский и Кшиштоф Рак — польские интеллигенты — настаивают, что главной нравственной ценностью поляков считается «примат свобод и права над политической властью»[2].

Рудольф Лотце (1817—1881) рассматривал человека как микрокосм, для которого ценности обладают безусловной значимостью, поскольку основой мира является Бог как верховная Личность. Христианство исходит из понимания ценности как абсолютного блага, имеющего значимость в любом отношении и для любого субъекта.

В этом плане предательство осуждается повсеместно большинством религий как грех и порицается морально-нравственными законами общества. В христианской культуре символом предательства является Иуда Искариот, предавший Христа: «И тотчас, как Он еще говорил, приходит Иуда, один из двенадцати, и с ним множество народа с мечами и кольями, от первосвященников и книжников и старейшин. Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его и ведите осторожно. И, придя, тотчас подошел к Нему и говорит: Равви! Равви! и поцеловал Его. А они возложили на Него руки свои и взяли Его. Один же из

---

1 *Кант И.* Критика практического разума. Гл. 3. О мотивах практического разума. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/kant_pr/index.php.

2 Историю Польши вновь пишут русские и немцы. URL: http://www.conflicts.rem33.com/images/Poland/IV_rozbior_artiikel.htm.

стоявших тут извлек меч, ударил раба первосвященникова и отсек ему ухо. Тогда Иисус сказал им: как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять Меня. Каждый день бывал Я с вами в храме и учил, и вы не брали Меня. Но да сбудутся Писания. Тогда, оставив Его, все бежали» (Мк 14: 43—50). Предательство — это нарушение верности кому-либо, неисполнение долга перед чем-либо или взятых обязательств перед кем-либо. Предательством называют чаще всего оставление друга, подчиненных и близких, за которых несешь ответственность, в беде, а также государственную измену. Мотивами предательства могут быть корысть, страх, тщеславие и проч.

Как писал замечательный писатель и философ Эмиль Сиоран (Чоран), «…предательство, нацеленное на определенный объект, вовсе не является таинственным, даже если оно влечет за собой бесчестье или смерть, поскольку здесь всегда есть образ того, кого хотели уничтожить; вина здесь явная, независимо от того, признается она или отрицается. Другие вас отвергают, а вы смиряетесь с каторгой или гильотиной»[1]. Очевидно, что те «диктаторы» восстаний, а также командующие во Вторую мировую войну польскими армиями и фронтами, бежавшие с поля боя, являются предателями, поскольку оставили своих подчиненных в смертельной опасности. Командиры польских легионов, бросающие в бой неподготовленных рекрутов, тоже предатели. Польская «революционная интеллигенция», бегущая в финальной части знаменитых польских восстаний во Францию, Галицию и т.п., — предатели, без сомнения. Нарушение присяги, клятвы, даваемой каждым гражданином при вступлении в ряды вооруженных сил (существует в вооруженных силах большинства государств с глубокой древности), тоже предательство. Так что польские офицеры, изменившие клятве верности русскому императору, — предатели, как бы ни пытались это «объяснить» польские историки, к каким бы умственным ухищрениям ни прибегали.

[1] URL: http://www.krotov.info/lib_sec/18_s/sio/ran_01.htm#5.

Предательство несовместимо с честью. Честь — это следование человека правилам морального и профессионального долга, это соединение моральных и этических качеств личности. Понятие «честь» обычно следует в связке с понятием «достоинство». «Честь имею» русского офицера связано не только собственно с офицером, но с частью, в которой он служил: полком, дивизией, армией. Здесь исток громадной ответственности, которая рождала героев. Множество поляков, служивших в российской армии, отличалось высокими качествами чести и долга. Измены клятве Государю и Российской империи, а затем и СССР — были среди них весьма редки, не выше, чем у представителей других народностей, служивших вместе с ними. Невозможно опровергнуть тот факт, что в российской и советской армиях служили выдающиеся полководцы польского происхождения, которые внесли весомый вклад в разгром Наполеона и Гитлера, воевали против турок и англичан, японцев и шведов. Тем не менее именно маргиналы-предатели являются народными героями современной Польши, хотя сказано: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне» (Мф 6:24).

Ни один из таких предателей не понес ответственности за то, что покинул поле брани или обрек на бессмысленную смерть своих подчиненных, или за то, что использовал солдат как пушечное мясо. Все эти «диктаторы» и «полководцы» не только не были наказаны, они даже не были преданы презрению во мнении общественности. Более того, многие из них покоятся на самых престижных кладбищах и являются национальными символами Польши, тогда как честные, но не слишком удачливые польские генералы были растерзаны или убиты самими же поляками, в частности, генералы Гелгаут и Янковский…

В России предателей расстреливали, а в Польше превозносят, как героев. Неужели в этом отличие русской и польской цивилизаций? Вряд ли, но такое поразительное

снисхождение к предателям и даже их возвеличивание, несомненно, является одной из причин бедственного положения как поляков, так и других лимитрофных народов.

«История — это фабрика идеалов... мифология сумасбродов... исступление орд и отшельников... отказ взглянуть на реальность как таковую, смертельная жажда вымыслов», писал Э. Сиоран «В разложении основ»[1]. История имеет роковое свойство влиять на настоящее и будущее. История, написанная впавшими в детство «сумасбродами», несет колоссальные риски для будущего Польши.

В своих трудах Ян Кеневич постоянно упоминает о «колониальном насилии», «российском господстве», «российском насилии», подразумевающем наличие угнетателей и угнетенных и, как следствие, подавление «польскости», то есть польских цивилизационных ценностей. Заметим, однако, что польская интеллигенция имела возможности реализовать свои таланты в любом месте Европы и мира, и тем не менее подавляющее большинство польской (и не только) интеллигенции предпочитало реализовывать себя именно в России. Российская империя позволяла развернуться масштабной личности: инженеру, военачальнику, ученому, архитектору, и это — объективный факт. Следует сказать также, что Россия являлась не только местом для грандиозных проектов, гораздо важнее то, что она была открыта для талантливых и энергичных людей. Недаром в нашу историю вписали свои имена выдающиеся представители многих десятков национальностей и народов. Немцы, голландцы, норвежцы, сербы, венгры, шотландцы, англичане, шведы и многие, многие другие совершали в России великие прорывы в науке, открывали новые земли и месторождения, одерживали блестящие победы на поле брани, создавали шедевры искусства, строили и прочее, прочее, прочее. Польская интеллигенция внесла свой весомый вклад в историю России. Эту тему мы разовьем и продолжим в заключительной части нашей монографии.

[1] URL: http://www.krotov.info/lib_sec/18_s/sio/ran_01.htm#5.

Наши поляки — генералы, офицеры, солдаты, инженеры и архитекторы, ученые и писатели, художники и композиторы, рабочие и крестьяне — были по-настоящему свободными людьми и не являлись предателями. Россия чтит их и будет помнить всегда.

Как же толковать следующую фразу польского историка: «Остается вопрос, мог ли интеллигент на царской службе выполнить миссию, к которой стремилась интеллигентская среда»? Если Ян Кеневич имеет в виду «цивилизационную миссию» Польши на «варварском Востоке», то польской интеллигенции на службе в «метрополии» такая возможность была предоставлена. Если же историк связывает миссию интеллигенции с обеспечением достойной жизни польскому народу, то «польская интеллигентская среда» (за редким исключением) за всю историю не ставила себе подобных целей. Достаточно сказать, что никогда не существовало польских «народников», а социалистические партии не пользовались у интеллигентов Польши авторитетом.

Приложение 1. **Ментальная матрица польской и русской политических элит в контексте теории информационного поля**

Как уже говорилось, размышления историка Я. Кеневича о пространстве ценностей привело нас к идее использовать теорию информационного пространства и информационного поля[1] для изучения некоторых особенностей менталитетов польской и русской элит.

Догматический принцип и менталитет

Изначальным основанием и ядром менталитета любого этноса, народа и нации[2] является принятый ими

[1] *Бухарин С.Н., Ковалев В.Н., Малков С.Ю.* О формализации понятия информационного поля. — М.: Информационные войны, 2009. № 4; *Бухарин С.Н. Малков С.Ю.* К вопросу о математическом моделировании информационного воздействия / Информационные войны, 2010. № 2.

[2] *Яковлева Л.Е.* Испанская философская традиция в XX веке: социокультурный анализ. — М.: Университетский гуманитарный лицей, 2003. — С. 16—31.

догмат[1] как некая истина *a priori*. Эта истина, принимаемая на веру в первую очередь политической и духовной элитой, со временем формирует смыслообразующие устремления народа, вектор мышления и воли больших групп людей, программирует их жизнь и деятельность, воззрения, намерения и поступки. Многие поколения людей различного социального статуса — правители, элитные группы, обыватели — ориентировались и по сей день ориентируются на *догматические* основания жизни. «Догмат, — пишет А.Ф. Лосев, — есть система теоретического разума, выдвинутая тем или иным религиозным опытом и откровением веры… Догматика никогда не прекращалась и не прекратится в человечестве… Догмат же всегда есть научно-диалектическая система или принцип ее»[2].

В соответствии с догматическим принципом догмат, как первичная система априорного знания об основах мироздания и смысле человеческого существования, устанавливает базовую структуру ментальной матрицы, определяет ее содержание[3]. Более того, догмат обусловливает и характер политической власти целой страны, особенности системы права, ее экономический уклад, нравственность, духовность, саму жизнь и судьбу народов и их политических элит, государств, каждого отдельного человека.

Со времен французского Просвещения сформировалось жестко отрицательное отношение к понятиям «догма», «догмат» и «догматика». Современное сознание привычно воспринимает эти слова крайне негативно, как олицетворение некой архаичной, окаменелой и заскорузлой системы религиозного мышления, которая якобы состоит из сплошных огра-

---

[1] Догма, догмат от др.-греч. *δογματίζω* — учение, мнение, общее убеждение, постановление, утверждение. Англ. *dogma*; нем. *Dogma*. Это положение или мнение, принимаемое на веру за неопровержимую истину и признаваемое бесспорным без доказательства.

[2] *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. — М.: Академический проект, 2008. — С. 149—150, 152, 190.

[3] *Семёнов В.Е.* Полиментальня специфика России и российская политика // Вестник политической психологии. 2001. № 1. — С. 20—23.

ничений и запретов, «мешает свободному развитию» личности. Одно слово — догма — зачастую вызывает реакцию, как минимум, в форме настороженности и раздражения. Но наше понимание догмата как некоего запрета, наложенного на мысль, неверно в том отношении, что догмат вообще изначально не затрагивает те положения, которые находятся в сфере нашей повседневной жизни.

Догматичность менталитета для большинства современных людей является практически невидимой и неразличимой, как и давление атмосферного столба, ибо она столетиями привычно воспринимается как истина *a priori* и не составляет для его носителей никакого вопроса. Именно поэтому для мышления каждого человека, находящегося внутри любого менталитета, чрезвычайно сложно определить — в чем именно состоит его догматическая обусловленность.

Догматическое мышление как матрица и как инвариантная структура объединяет различные массы людей, которые длительное время жили в пространстве преобладающего вероисповедания, словно в некой гравитационной системе.

В.В. Можаровский определяет догмат как установки веры, которые утверждаются как всеобщие для исповедания, а также такие установки, которые не могут быть выведены с помощью логического мышления. Иначе догмат оказался бы излишним и мог бы быть заменен положениями обыденной или научной логики. Догматическое мышление непреложно воспроизводится в ментальных особенностях обыденной и общественной жизни наций, народов и конкретных людей, во всех сферах знания, образования, права, науки, философии, культуры, экономической и политической деятельности. Понятия, установки, стереотипы, нормы, традиции и ценности в результате этого процесса со временем становятся неотъемлемой частью не только сознания, но и других — неосознаваемых (бессознательных), то есть подсознательных и сверхсознательных, компонентов психики людей. Ментально-догматические особенности из поколения в поколение возобновляются и утверждаются их носителями — субъектами менталитета —

как нечто само собой разумеющееся, не требующее каких-либо объяснений, доказательств и обоснований[1].

Таким образом, вся история существования и развития, проблема безопасности и выживания любого народа, политических элит, государств, цивилизаций определяется выбором и утверждением тех или иных догматических оснований бытия.

Латинское слово *mens* (*mentis*, f.), от которого происходит современное понятие менталитета, имеет два основных значения. Первое его значение — это в широком смысле ум, образ мыслей, рассудительность, характер, сердце, душа, душевный склад. И во втором значении — это способность мышления вообще, то есть нечто первичное, что выражает способность мышления как таковую. В.С. Барулин делает акцент на весьма важном свойстве менталитета — его вариативности-инвариантности. Он определяет менталитет как духовно-стационарную основу человеческого существа, которая позволяет ему бесконечно видоизменять свое поведение, оставаясь при этом одним и тем же[2]. Несмотря на бесконечное многообразие трактовок понятия менталитета, большинство авторов считает, что именно менталитет выступает духовной основой жизни социума, его устойчивых идеалов, ценностей и приоритетов[3].

Каждый тип менталитета как целостная система включает в себя четыре базовых психологических компонента. Это — догматически обусловленное *мышление*, направляемая догматом *воля*, связанное с догматом *бессознательное* и определяемая догматом *вера*. Эти же компоненты выражают собой *неизменяемые* веками и *непререкаемые* в своих проявлениях догматические установки[4].

---

[1] *Ракитянский Н.М.* Догматические основания англо-американской ментальной экспансии: Психолого-политический анализ // Актуальные проблемы политической психологии / Под ред. Е.Б. Шестопал. — М.: РИОР, 2010. — С. 89—110.

[2] *Можаровский В.В.* Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. — СПб.: ОВИЗО, 2002.

[3] *Барулин В.С.* Российский человек в XX в. — СПб., 2000. — С. 190.

[4] *Яковлева Л.Е.* Испанская философская традиция в XX в.: Социокультурный анализ. — С. 95—99.

Опыт анализа некоторых аспектов менталитета политических элит в трехмерном подпространстве информационного поля

Нет больше той любви, как если кто
положит душу свою за други своя.
Иоанн 15:13

В статьях[1] ряда ученых было введено понятие информационного поля. В рамках проведенных исследований полагалось, что поскольку каждый человек обладает некоторым объемом знаний, придерживается определенных ценностей, имеет некие отношения к кому-либо (чему-либо), то ему (этому человеку) в неком информационном пространстве соответствует определенная точка. Со временем по мере приобретения опыта, знаний и под влиянием внешних информационных воздействий положение человека в информационном пространстве меняется. То есть в течение жизни человек описывает некоторую траекторию в информационном пространстве.

В этих же статьях были введены координаты и определения метрики и расстояния в данном пространстве. Люди, обладающие сходными ценностями, знаниями, отношениями, в информационном пространстве находятся рядом, иными словами, группируются в определенной области. Если на информационном пространстве задать функцию, то образуется информационное поле. Мы предположили, что данная функция является случайной и отображает реакцию человека на определенную ситуацию. В самом простом случае это может быть бинарная функция. Например, вероятность совершения одного из двух противоположных поступков в определенной критической ситуации.

---

[1] *Бухарин С.Н., Ковалев В.Н., Малков С.Ю.* О формализации понятия информационного поля / Информационные войны, 2009. № 4; *Бухарин С.Н. Малков С.Ю.* К вопросу о математическом моделировании информационного воздействия / Информационные войны, 2010. № 2.

Особенности мышления, воли, бессознательного и веры человека представляется возможным определить его положением в информационном пространстве, а информационное поле с определенной вероятностью описывает его поведение. Положение человека в информационном пространстве определяют особенности системы воспитания, образования, окружающая информационная среда и личностная позиция.

Ментальную матрицу исследуемой группы людей, в нашем случае польской и русской элиты, определим как две области в подпространстве информационного поля ценностей и отношений к чему-либо, кому-либо. Случайная функция поступка, то есть реакции человека, находящегося в определенной точке той или иной области, является предметом нашего исследования.

В предельно упрощенном варианте в качестве ментальной матрицы можно рассмотреть двухмерную модель. Например, отрезок [1,-1] представляет собой шкалу соотношения «личного и общественного». Граница отрезка -1 соответствует положению, когда «личное выше общественного». Граница +1 соответствует положению, когда «общественное выше личного». Точка ноль соответствует «безразличию». В промежутках между -1 и +1 может находиться сколь угодно много промежуточных оценок. Если на отрезке задать вероятность бегства военачальника с поля боя в критической ситуации, то максимум этой вероятности будет находиться в точке -1, далее, приближаясь к середине отрезка, вероятность будет падать, приближаясь к 0.

Если для человека «личное выше общественного», то жизнь для него является высшей ценностью, поэтому не позорно сбежать с поля боя и тем самым сохранить свою жизнь. Чтобы «бросить» поле боя не обязательно принимать участие в битве, можно просто сочувствовать патриотам в уютной атмосфере элитных салонов, что и делала польская элита на протяжении последних трех веков своей истории. Ничтожная, одна десятитысячная, часть поляков принимала участие в национально-освободительном движении. При

этом польскую элиту не мучила совесть относительно своей пассивной позиции в борьбе за независимость. Что касается бегства с поля боя польской военной элиты, то это отнюдь не объясняется страхом. Это закономерная реакция человека, в менталитете которого заложена программа «личное выше общественного».

Противоположной была реакция у русской военной элиты, что не означало, будто русские офицеры и генералы не знали страха, просто над страхом доминировало чувство долга.

Отметим, что как среди польской элиты находились люди, не жалевшие жизни ради своей страны, так и среди русской элиты встречались малодушные, такие, кто бросал своих подчиненных в критическую минуту. Но это были единичные случаи. То же самое можно сказать и о предательстве. Тот, для кого «жизнь — высшая ценность», легко изменяет присяге, чем и отличались польские генералы и офицеры.

Идеология сарматизма расставила польскую элиту и польский народ на противоположные полюса. Для польской элиты народ мало чем отличался от животных. Крестьяне в ответ ненавидели свою элиту. Это многовековое напряженное противостояние явилось одним из факторов лимитрофизации Польши. Над шкалой «взаимоотношений» элиты и народа также можно построить случайную функцию реакции людей, находящихся в окрестностях полюсов данной шкалы. Шляхтичи-офицеры и аристократы-генералы не ценили жизни подчиненных, а польский народ не поддерживал элиту в ее «национально-освободительной» борьбе. В связи с этим становится понятной причина аномально большого соотношения погибших в боевых действиях солдат на одного офицера в истории первой и второй Речи Посполитой. Даже во Второй мировой войне такое соотношение превышало два десятка.

Анализ случайной функции поведения польской и русской элиты, заданной на шкале Маслоу («самоактуализация — гедонистические потребности»), позволяет объяснить некоторые особенности поведения данных элит. В XXII — XIX вв.

самореализация польских дворянства и аристократии происходила в рамках либеральной формы управления, а российских — централизованной, при этом социально-исторические условия отличались значительной жесткостью. Отметим, что Российская империя на данном этапе, оставаясь абсолютной монархией, по-своему проходила циклы либерализации-централизации. Достаточно вспомнить реформы Павла I, Александра I, Александра II и Николая II.

В такой обстановке стремление человека к максимально полному выявлению и развитию своих личностных возможностей имело большие возможности реализоваться в условиях централизованной формы управления. Данный тезис основан на том, что такая форма управления позволяет осуществлять концентрацию ресурсов на стратегических направлениях государственного развития. Например, реализовывать грандиозные колониальные проекты, финансировать фундаментальную науку и заморские экспедиции, содержать систему образования, обеспечивать государственную поддержку науке и искусству и т. д. Вот почему многие лучшие представители польского шляхетства находили возможности своей самореализации за границей и в Российской империи в частности, княжеские, графские, баронские титулы, всемирное признание ученого, художника, композитора поляки могли заслужить, как правило, вне Польши.

В хаосе раздираемой внутренними конфликтами Речи Посполитой значительная часть польской аристократии сконцентрировалась у полюса «гедонистические потребности». Ни разделы Польши, ни фактическая утрата суверенитета не сказались на образе ее жизни: ежедневные балы, фейерверки, охота и прочие «галантные» развлечения.

Русская аристократия в плане предрасположенности к развлечениям немногим отличалась от польской элиты. Однако, во-первых, балы происходили в суверенной России, во-вторых, над ней всегда находился монарх и его администрация, которые в любой момент могли мобилизовать аристократов на войну. Интересны результаты исследова-

ния[1] поведения польской и русской аристократий над шкалой (координатой) «соотношение материального и духовного». Для той и другой аристократии «материальное» было, как правило, не актуально. В силу этого у аристократов духовное начало часто преобладало над материальным. Однако в Речи Посполитой данное обстоятельство вело к инфантилизации элит. В Российской империи аристократия не только была обязана принимать участие в многочисленных войнах, но и считала службу «царю и Отечеству» делом чести, исповедуя христианский догмат — «несть лучшей доли, чем положить жизнь свою за други своя». Ментальность русского офицера нашла свое отражение и в следующих поэтических строках неизвестного нам автора:

Душу Богу я вручаю,
Жизнь я жертвую царю,
Честь себе я оставляю,
Сердце Родине дарю.

Таким образом, положение русской аристократии в трехмерном подпространстве по координатам — «личное и общественное», «материальное и духовное», «самореализация и гедонистические потребности» способствовало развитию и росту могущества Российской империи.

Пользуясь нашей теорией, можно объяснить причины поражений и неудач Польши, которые преследуют ее вот уже свыше трехсот лет. Эти причины связаны с особенностями положения областей информационного пространства, в которых находилась польская элита. Русская же элита находилась в другой области информационного пространства. Существование в разных областях этого пространства и объясняет реакции разных по менталитету политических субъектов на одни и те же ситуации.

---

[1] *Бухарин С.Н., Ракитянский Н.М.* Теоретические и методологические основания политико-психологического анализа шляхетской элиты Польши // Информационные войны, 2010. № 3. — С. 70—79.

Со второй половины XX в. в информационном поле происходил ментальный дрейф нашей политической элиты к той области пространства, где ее реакции на внешние и внутренние стимулы создавали угрозу для суверенитета и территориальной целостности государства. Именно поэтому современная политическая элита России мало чем отличается от шляхетской элиты Речи Посполитой XVII—XIX вв. Точно так же она не делает предметом онтологической и политической рефлексии добровольно принятые ею чужие догматы. Как групповой субъект политики она не рефлексирует на тему особенностей и доминант своего мышления, воли, бессознательного и веры, стремительно теряя политическую субъектность. Об этом, в частности, свидетельствуют события двух так называемых чеченских войн 1994 и 1999—2000 гг. Наши элиты игнорировали эти войны или получали от них коммерческую выгоду, а их элитные отпрыски проводили время, развлекаясь в ночных клубах и разъезжая по всему миру в поисках увеселений.

С начала 90-х годов прошлого века и по настоящее время представители элиты в России не идут служить своей стране ни в армию, ни в военно-морской флот. Не идут они и в науку. Получая с образованием в «цивилизованных странах» соответствующие догматические прививки, они пополняют ряды высшего управленческого персонала РФ, а также ряды «эффективных собственников» и богемы.

Таким образом, учитывая современное качество политических элит России как субъекта управления государством, представляется возможным прогнозировать результаты «дальнейшего развития демократии», модернизации, создания конкурентоспособной экономической модели страны, реформы Вооруженных Сил, МВД и т. д. и т. п. Впервые за последние пятьсот лет русской истории политическая элита добровольно отказалась от исконных догматов как основы русского менталитета и национальной идентичности. При этом она отказалась и от самостоятельной роли России в мировом политическом пространстве. Признав полную идеоло-

гическую победу Запада, наши элиты, не раздумывая, пошли у него на поводу[1]. Но, как известно, идентичность тех, кто забыл себя, определяют другие.

Приложение 2. **Открытие Финляндского сейма. Генералы Рокасовские**

В самый разгар польского восстания 6 (18) сентября 1863 г. в торжественной обстановке состоялось открытие Финляндского сейма. Встреча Государя на Гельсингфорской пристани оказалась, как и всегда, блестящей и восторженной. Несмотря на дождь, набережная была усыпана народом. Дома разукрашены флагами, гирляндами, коврами. Государь, стоявший на платформе яхты «Штандарт» в мундире гвардейского финляндского стрелкового батальона, был приветствован криками «ура». Вышедши на берег, он поздоровался с почетным караулом, прошел во дворец, немного спустя выехал вместе с генерал-губернатором бароном Рокасовским; посетил Сенат, университет, православный собор и военный госпиталь. С этого дня начались церемонии открытия сейма...

Барон **Рокасовский Платон Иванович** — финляндский генерал-губернатор, член Государственного Совета, генерал от инфантерии; сын дворянина, помещика польского происхождения Городецкого уезда Витебской губ., он родился в 1799/1800 гг. и, получив домашнее воспитание, был определен в 1810 г. в число сверхкомплектных воспитанников Института Корпуса Инженеров путей сообщения. Отлично выдержав выпускной экзамен, Рокасовский был 16 июня 1812 г. произведен в прапорщики, имея всего 15 лет от роду, причем его оставили при Институте для дальнейшего образования, в офицерских классах. 1 сентября 1814 г. он был произведен, по экзамену, в подпоручики, а затем, 16 июня 1815 г., окончив полный курс наук Института, был произведен в поручики с оставлением репетитором Института и с причислением в резерв. Через год, 3 июня 1816 г., он был переведен в свиту Его

[1] *Петрунин В.В.* Политический исихазм и его традиции в социальной концепции Московского Патриархата. — СПб.: Алетейя, 2009. — С. 81.

Императорского Величества по квартирмейстерской части (нынешний Генеральный Штаб) и уже 30 августа того же года произведен в штабс-капитаны, после чего был отряжен для занятий географической съемкой Петербургской губернии и за успешные и ревностные труды по этому поручению награжден 21 апреля 1823 г. орденом Св. Владимира 4-й степ., незадолго перед этим будучи произведен в капитаны (18 апреля 1821 г.). Продолжая занятия по той же съемке, Рокасовский в 1824 г. назначен состоящим при Военно-Топографическом Депо, а затем произведен в полковники (29 марта 1826 г.). В январе 1827 г. назначается начальником топографической съемки Гродненской губернии и в июне того же года причислен к Генеральному Штабу. Во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. принял участие в осаде крепости Силистрия, в сражении при Кулевче, в переходе армии через Балканы, во взятии Адрианополя; за храбрость награжден орденом Св. Анны 2-й степ. В мае 1830 г. назначен в Отдельный Кавказский корпус, где занял должность обер-квартирмейстера, участвовал в военных действиях против горцев, удостоен ордена Св. Владимира 3-й степени. В 1831 г. состоял комиссаром по проведению новой границы в Азиатской Турции. В 1832—1833 гг. руководил офицерами, обучавшимися в Военной академии. С сентября 1833 г. состоял начальником штаба Отдельного Оренбургского корпуса. В декабре 1836 г. произведен в генерал-майоры. В марте 1842 г. назначен управляющим Провиантским департаментом Военного министерства, в октябре 1843 г. утвержден в должности генерал-провиантмейстера. В марте 1847 г. получил чин генерал-лейтенанта. С января 1848 по декабрь 1854 г. — помощник Финляндского генерал-губернатора. В декабре 1854 г. назначен членом Государственного Совета; заседал в Департаменте военных дел, а с 1858 г. — в Департаменте гражданских и духовных дел. Указом императора Николая I в январе 1855-го возведен, с нисходящим его потомством, в баронское Вел. княжества Финляндского достоинство. С мая 1857 г. состоял членом Особого Комитета по финляндским делам. В сентябре 1859 г.

получил чин генерала от инфантерии. В ноябре 1861 — мае 1866 гг. Финляндский генерал-губернатор. В сентябре 1863 г. зачислен в лейб-гвардии Финский стрелковый батальон, а с августа 1864 г. состоял членом Александровского комитета о раненых. Кавалер высших российских орденов: Св. Станислава 1-й степ. (1840), Св. Анны 1-й степ. (1844), Св. Владимира 2-й степ. (1850), Белого Орла (1854), Св. Александра Невского (1858, алмазные знаки к ордену — 1862), Св. Владимира 1-й степ., с мечами (1864). В 1864 г. Рокасовский исходатайствовал пособие от казны на постройку первой русской школы в Финляндии с двумя отделениями — для мальчиков и девочек, а также содействовал учреждению в Гельсингфорсе собрания военнослужащих и выдаче ему ежегодного пособия. Кроме того, он содействовал сооружению в Гельсингфорсе Русского каменного театра и отпускал ему ежегодные пособия.

Скончался в Ницце (Франция) в возрасте 71 года; похоронен там же. По отзывам современников, по своим внутренним качествам и по своему обхождению Рокасовский был истинный джентльмен, с весьма основательным военным образованием соединявший большую начитанность и в других областях знаний. Он свободно владел иностранными языками — немецким, французским, английским, польским. Обладал качествами любезного хозяина, и дом его был очень гостеприимен. По словам князя П.В. Долгорукова, он был «человек весьма честный и добрый, но слабый и не одаренный военными способностями; отличный начальник края в дни мира и тихой гражданской деятельности...»

Барон Рокасовский пал жертвою своего патриотизма; как ни дороги были для него интересы финляндцев и правильное развитие и благоденствие края, он не решался желать этого в ущерб интересам империи и всегда противодействовал разным испрошенным для финляндцев уступкам, даже и незначительным, но которые довершили впоследствии отделение Финляндии от империи. Он открывал власти глаза и указывал на истинные стремления финляндцев, и этим сделался им неугоден.

От брака (с 1842) с Александрой Васильевной Кузьминской (1814—1896), дочерью генерал-майора, имел четырех сыновей и четырех дочерей.

Рокасовский Алексей Иванович — сенатор, товарищ главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями, брат П.И. Рокасовского, родился в 1798 г. В 1811 г. он вступил воспитанником в Институт Корпуса инженеров путей сообщения, где уже 10 июня 1812 г. был произведен, «по успехам в науках», прапорщиком, имея всего 14 лет от роду. Через год Рокасовский был произведен в подпоручики (24 мая 1813 г.), а затем (26 июня 1814 г.) назначен, инженером 3-го класса с оставлением в Институте, при генерал-лейтенанте Бетанкуре, в качестве репетитора. 20 августа 1814 г. Рокасовский был утвержден в звании инженера 3-го класса с производством в поручики и 8 мая 1817 г. произведен в капитаны. Все это время он находился при Институте, хотя и числился (с 1 июня 1815 г.) на службе в VIII округе путей сообщения. 20 мая 1819 г. Рокасовский получил командировку в Нижний Новгород с назначением заведовать работами по устройству здешней ярмарки. В этой командировке Рокасовский пробыл до 3 октября 1822 г., когда был «обращен в резерв Корпуса», а затем получил новое назначение—произвести изыскания для устройства в пределах России водяного сообщения между Неманом и Балтийским морем. По инструкции, данной Рокасовскому, ему предписывалось обследовать бассейны рек Виндавы и Дубиссы, а также Невежи, Лавенны, Муссы и Аа, выбрать наивыгоднейшую систему для производства сообщения и затем, по самым тщательным изысканиям, составить проект и смету на сооружение канала, справку о материалах, рабочих и об отчуждении земель, а также предложить частным лицам взять на себя, на известных условиях, постройку канала. В 1825 г. проект Рокасовского, произведенного между тем (12 апреля 1823 г.) в подполковники, был утвержден, после чего он приступил к работам, начавшимся с осушки болот. Но через два года вспыхнувшее в Литве, а также и в местах Виндавского сообщения восстание застави-

ло прекратить работы, причем инженеры принуждены были, ввиду внезапности восстания, почти бежать в Курляндию. По усмирении Польского восстания Главное управление путей сообщения предложило Рокасовскому представить сведения о положений работ по Виндавскому сообщению и ведомость об убытках от восстания, а также вновь и более детальным образом составить проект работ. К этому времени Рокасовский был произведен в полковники (29 апреля 1826 г.), а затем в генерал-майоры (6 декабря 1830 г.), причем еще с 28 июля 1828 г. назначен был управляющим VII округом и работами Виндавского водяного сообщения. По новому проекту Рокасовского все работы предполагалось закончить в течение 10 лет. Громадность новых затрат на устройство Виндавского сообщения, невозможность указать на будущность его и отсутствие политических условий, при которых особенно желательным было осуществление проекта в 1825 г., — все это заставило министра финансов графа Канкрина высказаться за остановку продолжения работ. Рокасовский в то же время был начальником VII округа, правление которого находилось в Риге. В 1836 г., при преобразовании этого округа, Рокасовский был назначен управляющим V округом, правление которого также было в Риге, но район был гораздо обширнее. Вместе с прекращением работ по Виндавскому сообщению Рокасовский был назначен, в 1839 г. (8 декабря), директором 1-го Департамента Главного управления путей сообщения и публичных зданий, а в 1842 назначен членом особой Комиссии, учрежденной при Департаменте железных дорог Главного управления на время сооружения Петербургско-Московской железной дороги (15 октября), и через 2 недели (29 октября) был назначен товарищем главноуправляющего с поручением управлять Департаментом искусственных дел. По новой своей должности Рокасовский занимал также место председателя Аудиториата путей сообщения, а вскоре получил, кроме того, назначение состоять членом Совета Главного управления (12 ноября 1842 г.); наконец, 6 февраля 1843 г. он был назначен членом Комитета Петербургско-Московской

железной дороги. Рокасовский, будучи уже в чине генерал-лейтенанта, состоял председателем особого Комитета для начертания общего плана настоящим и будущим путям, с обозначением степени необходимости их устройства (с 1 марта 1843 г.), а также был председателем в Комитете по сооружению в Петербурге постоянного через р. Неву моста (Николаевского) — на время отсутствия уволенного на год за границу генерал-лейтенанта Дестрема (1847). В 1848 г. (20 октября) Рокасовский был назначен членом Комиссии о построении Исаакиевского собора, членом Центрального комитета по принятию мер к прекращению холеры и получил 11 апреля орден Белого Орла. В этом же году (23 октября) Рокасовского назначают сенатором и председателем Учебного комитета «для сосредоточения в нем направления умственного образования и наблюдения за его ходом по ведомству путей сообщения». Рокасовский скончался 1 мая 1850 г. в Петербурге, оставаясь до самой смерти товарищем главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями[1].

Служение генералов братьев Рокасовских Отечеству навечно вписано в нашу историю.

ВЫВОДЫ

Итак, восстание не имело шансов на успех. Не только людские, но и материальные (финансовые) средства не были должным образом отмобилизованы. Имущие классы платили национальную подать и покупали определенное количество облигаций национального займа, но сверх этого они не делали более ничего. Многие же состоятельные люди вообще уклонялись от выполнения своего «финансового долга» пе-

[1] *Житков С.* Биографии инженеров путей сообщения. Вып. первый. — СПб., 1889. — С. 80—90; Послужной список 1848 г.; Ведомости С.-Петербургской городской полиции. 2 мая 1850 г. № 95; Русская старина. 1873. Т. VII. — С. 251; 1870. Т. XVII. — С. 362; 1879. Т. XXVI. — С. 218; 1880, август. — С. 661—663; 1885, январь. — С. 209; 1888, август. — С. 342; 1890, февраль. — С. 320, 395; 1892, июль. — С. 1; Русский архив. 1863. — С. 1006, 1010; 1877. Т. III. — С. 126; 1884. Т. III. — С. 382; 1889. Т. II. — С. 660; 1891. Т. I. — С. 225, 530; 1893. Т. I. — С. 194; 1895. Т. I. — С. 106; Т. II. — С. 530; Северная пчела. 1850. № 97; С.-Петербургские Ведомости. 1850. № 97.

ред «борцами за свободу Польши». В результате имущие слои пожертвовали на дело восстания лишь незначительную часть своих средств — намного меньше того, что они выплатили русскому царизму в форме контрибуций и штрафов и что они потеряли в виде конфискаций. Руководители восстания не хотели покушаться на собственность богатых. К тому же собранные с трудом ресурсы были распылены среди не доверяющих, а нередко — ненавидящих друг друга амбициозных повстанческих руководителей. Но даже если бы ресурсы оказались мобилизованными в полной мере, соотношение сил было не в пользу повстанцев.

Кроме внутренней, существовала и внешняя причина поражения восстания, а именно: военное превосходство противника и неблагоприятная международная обстановка. Западные державы не были заинтересованы в войне с Россией и не оказали полякам реальной помощи. Более того, дипломатическая игра западных держав лишь дезориентировала польских повстанцев, рождала у них иллюзии о неизбежности спасительной вооруженной интервенции Запада в поддержку польского народа, что ограничивало их собственные усилия в деле концентрации внутренних сил народа на борьбу с Россией.

После краха восстания преобладающая роль помещиков и шляхты в экономической и политической жизни страны исчезает, их место занимает буржуазия и близкие к ней слои.

Глава 7
Польские легионеры. Мифы и реальность

Польские легионы — это добровольческие польские военные формирования, создававшиеся в XVIII—XX вв. в армиях разных государств. Движение легионеров по существу маргинально. Здесь под маргиналами подразумеваются «личности и группы, находящиеся за рамками характерных для данного общества основных структурных подразделений

или господствующих норм и традиций»[1]. Редкие представители польской элиты открыто выступали против униженного положения своей родины, большинство предпочитало вести праздный образ жизни. В период наибольшего подъема польского «национально-освободительного» движения относительное количество легионеров было ничтожным. Например, в период наполеоновских войн на 13 миллионов поляков, проживавших в Европе, приходилось от 4 до 15 тысяч легионеров, это десятитысячные доли процента! Во Вторую мировую войну в армии генерала В. Андерса находилось от 48 до 75 тысяч легионеров (из них поляки составляли 70%, остальные — белорусы, украинцы, евреи) на 34 миллиона европейских поляков, то есть, опять же, относительное их количество было не намного большим. Это и позволяет называть движение польских легионеров маргинальным.

Тем не менее не одно поколение поляков воспитывалось на легендах, сложенных о доблестных и благородных легионерах, несущих свободу угнетенным народам и сражающихся в разных уголках планеты за независимость Великой Польши, «за нашу и вашу свободу»!»

7.1. Польские легионы в Турции и на Кавказе

Впервые отряд польских конфедератов в Турции появился в 1770-е годы и был частью вооруженных сил Барской конфедерации. Польские повстанцы приняли активное участие в русско-турецкой войне 1768—1774 гг.[2].

---

[1] URL: http://www.slovarus.ru/?di=175183&PHPSESSID=knik8qed9h903e2oq2n2ri3d83.

[2] Русско-турецкая война 1768—1774 гг. — война между Российской и Османской империями, в результате которой в состав России вошли Новороссия, Северный Кавказ и Крымское ханство.

«Войне предшествовал внутренний кризис в Польше, где царил раздор между частью шляхты, объединенной в Барскую конфедерацию, и королем Станиславом Августом Понятовским, ставленником Екатерины II. Отряд находившихся на российской службе казаков (гайдамаков), преследуя польские повстанческие силы, в июле 1768 г. вошел в город Балта, находившийся на территории Османской империи. Турки, в свою очередь, обвинили казаков в резне жителей города, что было аргументированно опровергнуто

В ходе русско-турецкой войны 1877—1878 гг.[1] из польских иммигрантов в Стамбуле было создано два отряда добровольцев — европейский (около 70 человек под командованием Йозефа Ягмина) и азиатский, состоявший из нескольких десятков человек, который воевал на Кавказском фронте. Добровольцы понесли большие потери 23 августа 1877 г. в ходе битвы у селения Кизляр, в ту пору бывшего русской крепостью.

За годы Кавказской войны (1817—1864) в Польше дважды вспыхивало восстание, и, как результат, на Кавказ поступали партии польских ссыльных. Всего туда было сослано около 30 тысяч поляков. Чуть ли не каждый десятый из них ушел к горцам и воевал под зелеными знаменами ислама. В качестве примера можно привести Т. Лапиньского (1827—1886)[2]. В 1995 г. в Нальчике вышел русский перевод его книги. В свое время в Польше вышла монография Б. Барановского, посвященная польским участникам Кавказской войны[3]. Кроме Лапиньского в войне на Кавказе на стороне горцев участвовали и другие поляки, например, А. Верещиньский, М. Чайковский (Садык-паша), инженер Ю. Дзик и Ю. Витковский. В 1844 г. возглавивший польское эмигрантское прави-

---

российской стороной. Используя этот инцидент, султан Мустафа III объявил России войну 25 сентября 1768 г. Турки заключили союз с барскими конфедератами, в то время как Россию поддержала Великобритания, выслав российскому флоту военных советников».

Конфедераты были наголову разбиты А.В. Суворовым, после чего он вернулся на театр военных действий против Турции.

[1] Русско-турецкая война 1877—1878 гг. — война между Российской империей и союзными ей балканскими государствами с одной стороны и Османской империей — с другой. Была вызвана подъемом националистических настроений на Балканах. Жестокость, с которой турками было подавлено Апрельское восстание в Болгарии, вызвала сочувствие к положению христиан Османской империи в Европе и особенно в России. Попытки мирными средствами улучшить положение христиан были сорваны упорным нежеланием турок пойти на уступки Европе, и в апреле 1877 г. Россия объявила Турции войну.

[2] *Лапинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских: описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея), полковника и командира польского отряда в стране независимых кавказцев. — Нальчик, 1995.

[3] *Baranowski B.* Polaków kaukaskie drogi. — 1985.

тельство в Париже А. Чарторыйский послал к Шамилю своих эмиссаров Зверковского и Осиновского.

Когда в 1842 г. Шамилю удалось взять в Аварии 40 российских орудий, то канонирами при них были в значительной части поляки и дезертиры из царской армии.

Все поляки-канониры оказались из беглых ссыльных. При том, что поляки, служившие в русской армии, отличались высокой дисциплиной и были патриотами России. Поляки присутствовали во всех звеньях русской армии от рядового до генерала, и среди них не отмечено дезертирство. Они честно и самоотверженно служили на благо Российской империи. Известен случай, когда горцы пленили целый польский отряд российской армии. Все они тут же получили свободу, так как горцы надеялись, что поляки станут воевать на их стороне. Однако отряд в полном составе вернулся в строй и продолжал так доблестно биться за Россию, что некоторые из бывших пленных поляков были награждены Георгиевскими крестами[1].

Нельзя забывать факт, что поляки-националисты приняли деятельное участие в тех кровавых событиях на Кавказе. В частности, они намечали одновременно поднять абхазо-черкесское и польское восстания против Российской империи. Польские революционеры мечтали свить здесь «гнездо польских орлов», привлечь на свою сторону сына Гарибальди Менотти, европейских добровольцев, абхазов, черкесов и стремительным маневром взять город Одессу. Буквально одержим этой мечтой был и полковник Т. Лапиньский. В 1848—1849 гг. он участвовал в Венгерской революции, во время Крымской войны сражался на стороне Турции, воевал против России в Черкессии (1857—1858), а в 1863 г. вместе с М.А. Бакуниным возглавил морскую военную экспедицию на Жмудь (Литва) в помощь польскому восстанию[2]. А.И. Герцен следующим образом характеризовал Лапиньского: «Он был долго на Кавказе со стороны черкесов и так хорошо знал

[1] URL: http://www.segodnia.ru/index.php?pgid=2&partid=13&newsid=10708.

[2] URL: http://dp.abhazia.com/history_4.html.

войну в горах, что о море и говорить было нечего... Лапиньский был в полном слове кондотьер. Твердых политических убеждений у него не было никаких. Он мог идти с белыми и красными, с чистыми и грязными; принадлежа по рождению к галицийской шляхте, по воспитанию — к австрийской армии, он сильно тянул к Вене. Россию и все русское он ненавидел дико, безумно, неисправимо. Ремесло свое, вероятно, он знал, вел долго войну и написал замечательную книгу о Кавказе»[1]. Ему вторит М.А. Бакунин: «Лапиньский храбрый, ловкий, смышленый, но бессовестный или, по крайней мере, широкосовестный кондотьер, патриот в смысле непримиримой и непобедимой ненависти к русским, как военный по ремеслу ненавидящий всякий, даже свой собственный народ»[2].

В феврале 1857 г. отряд польских, венгерских и английских добровольцев во главе с паном Теофилом высадился у Геленджика с британского парохода «Чезапик». В изобилии располагая самым современным оружием, включая артиллерию, десант создал здесь настоящую укрепленную базу, вокруг которой стали собираться отряды абхазов и черкесов. Но уже 20 июня его разноплеменная команда была наголову разгромлена русскими и в панике бежала. По иронии судьбы русскими войсками в этом сражении командовал этнический англичанин, наказной атаман Черноморского казачьего войска Георгий Филипсон[3]. Лапиньский с остатками соратников еще более года партизанил в горах, но без особых успехов. Ничего не добились и последующие группы польских добровольцев, которых англичане продолжали десантировать до сентября 1863 г.

Польские эмигранты были также замечены на многих участках Кавказского фронта во время Крымской войны. Например, в состоявшемся 19 ноября (1 декабря) 1853 г. сраже-

---

[1] URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Lapinskij/pred.htm.

[2] *Нерсесов Ю., Пыхалов И.* Пан Басаевский. URL: http://www.specnaz.ru/article/?1216.

[3] Там же.

нии при Башкадыкларе, где 10-тысячный отряд русских войск наголову разбил втрое превосходящий турецкий корпус. По свидетельству русского генерала А.Ф. Багговута, при одном из турецких орудий, взятых нашими войсками, «оказались поляки, которые в своем отчаянии, перед тем, как умереть, бросали руками снаряды в голову нашим драгунам». Вообще польские эмигранты «превосходно защищались и почти все были перебиты»[1].

Говоря о русско-турецкой войне, мы забываем, что одновременно с тем, как Россия объявила Турции войну, на Кавказе вспыхнуло восстание. В ночь с 12 (24) на 13 (25) апреля 1877 г. в лесу близ аула Саясан собралось около 60 жителей разных селений Веденского округа, которые избрали своим имамом Алибека-Хаджи и дали клятву добиваться независимости.

В Чаберлое мятежников возглавил старшина аула Чобяхкенрой Дада Залмаев. Накануне восстания он был арестован по приказу начальника Аргунского округа подполковника А. Лохвицкого (поляка), однако затем отпущен на поруки, «дабы не подать населению вида неуместных с нашей стороны опасений»[2]. Как выяснилось, опасения были вполне уместны, неуместным оказался гуманизм русской власти. Впрочем, вскоре Лохвицкий исправил свою ошибку и рассеял отряд Залмаева.

«Бывшие начальники Терской области, князь Д.И. Святополк-Мирский (поляк) и М.Т. Лорис-Меликов (армянин), оказывали Уме Дуеву исключительное внимание в расчете на благотворное влияние его среди народа. На вид смиренный, весь отдавшийся религиозному благочестию, Ума действительно подкупал своею внешностью, в особенности своим добрым, кротким, открытым взглядом и тихою, немногословною речью. Однако впоследствии обнаружилось, что из последнего паломничества Ума возвратился самым ревностным

---

1 *Тарле Е.В.* Собр. соч. В 12 т. Т. VIII. — М., 1959. — С. 286.

2 *Семенов Н.* Хроника чеченского восстания 1877 г.//Терский сборник. Приложение к терскому календарю на 1891 г. Вып. 1. Отдел II. — Владикавказ, 1890. — С. 13—14.

и деятельным турецким агентом. На пути из Мекки был он в Константинополе, виделся с сыном Шамиля и бывшим генералом русской службы Мусою Кундуховым, эмигрировавшим в 1866 г. с разрешения императорского правительства и во время войны командовавшим турецкою дивизией против нас; условился с ними о помощи чрез возбуждение в Терской области, восстания и, как говорили, именно он больше всех принес под двойным дном кувшина султанских прокламаций, распространявшихся между кавказскими горцами»[1].

Восстание Дуева, не успев вспыхнуть, было жестко подавлено Лохвицким. Тем временем восстание перекинулось на Дагестан. Центром его стал аул Согратль, где обосновался провозглашенный имамом Дагестана Магома-хаджи. Дагестанские повстанцы оказались куда организованней чеченских и добились некоторых успехов. Так, 29 августа (10 сентября) им удалось ненадолго захватить мост на Кара-Койсу, соединяющий Темир-Хан-Шуру с Западным Дагестаном. Затем 8 (20) сентября было захвачено русское укрепление в Кумухе, а в конце того же месяца повстанцы заняли верхнюю часть Дербента. Однако после временных успехов последовало разгромное поражение. Вот в какое время польские легионеры совместно с турками штурмовали русскую крепость Кизляр в Дагестане. Нападающие были полностью разгромлены и понесли тяжелые потери.

7.2. Легионеры в период наполеоновских войн

С Наполеоном — Бог! И мы с Наполеоном!
Адам Мицкевич

После подавления восстания Т. Костюшко и взятия А.В. Суворовым Варшавы в 1784 г. многие из поляков эмигрировали в Италию и Францию. Центрами беженцев из Польши стали Венеция и Париж.

[1] *Свистунов А.П.* Очерк восстания горцев Терской области в 1877 г. — СПб., 1896. — С.102—103.

В 1796 г. генерал Я. Домбровский[1] предложил Французской республике сформировать особый корпус из поляков. Директория приняла предложение и поручила вести переговоры генералу Бонапарту, командующему итальянской армией. Так как французскими законами было запрещено принимать на военную службу иностранные войска, польские легионы включили в состав армии лимитрофной Ломбардской республики, образованной в ходе Итальянского похода Бонапарта 1796—1797 гг. 9 января 1797 г. было заключено соответствующее соглашение между Домбровским и марионеточным правительством Ломбардской республики.

Было сформировано 2 легиона по 3 батальона и 1 артиллерийскому дивизиону в каждом. Солдаты легионов носили польские мундиры с французскими кокардами. Однако вскоре, в апреле 1797 г., Бонапарт заключил перемирие в Леобене, а затем Кампо-Формийский мир между Францией и Австро-Венгрией.

Я. Домбровский хотел представлять польский народ на этих переговорах, ведь в состав империи Габсбургов входила часть Польши. Но, как и следовало ожидать, генерала *не допустили* на мирный конгресс.

Договор завершил успешную для Французской республики войну против Австрии и оформил выход Австрии из 1-ой антифранцузской коалиции. По договору, образовалась вассальная Франции Цизальпийская республика из Ломбардии, герцогств Реджио, Модена, Мирандола, из трех легатств — Болонского, Феррарского и Романского, из Вальтелины и части венецианских владений на правом берегу Адидже. Польские

[1] Ян Генрик Домбровский (1755—1818) — польский генерал, принял активное участие в восстании Т. Костюшки. После поражения восстания эмигрировал во Францию. Сформировал там 2 польских легиона и участвовал с ними в походах 1796, 1797 и 1800 гг. В Русско-прусско-французскую кампанию Домбровский издал воззвание к полякам и собрал до 30 тыс. человек, принявших участие в осаде Данцига. Затем он участвовал в войнах 1809, 1812 и 1813 гг. Возвратившись в Россию, получил от императора Александра I чин генерала от кавалерии и был сделан польским сенатором. В 1816 г. Домбровский вышел в отставку и, удалившись в свое поместье, занялся составлением записок о военных действиях в Великопольше в 1794 г.

легионы были направлены в качестве вспомогательного корпуса в армию Цизальпийской республики.

Кроме итальянских легионов Домбровского (9 тысяч человек) в 1799 г. был сформирован Придунайский легион генерала К. Князевича (около 6 тыс. человек), который успешно действовал в Южной Германии в 1799—1800 гг. После Люневильского мира Франция реорганизовала Легионы польские в 3 полубригады и 1 уланский полк. По тайной статье Амьенского мира с Англией Франция обязывалась распустить польские легионы. Вскоре 2-я и 3-я полубригады были отправлены на о. Сан-Доминго, где их использовали для подавления антифранцузского восстания негритянского населения.

7.3. Легионеры в Италии

Во время войны Второй коалиции Франция в 1799 г. взяла на себя содержание двух польских легионов, и они участвовали в 1799—1800 гг. в боевых действиях в Италии против русско-австрийских войск.

Первый легион понес большие потери в сражениях при Треббии и Нови.

Первая же атака русских войск в битве при Треббии была обращена против польской дивизии генерала Я. Домбровского, которая составляла передовой отряд левого фланга Э.-Ж.-Ж.-А. Макдональда. Не выдержав натиска пехоты и казачьей лавы, поляки, потеряв около 600 человек, отступили, но подоспевшие в этот момент французские войска генерала В.-К.-П. Виктора удержали фронт. На следующий день в 11 часов утра французы первыми двинулись в атаку. Против обходившей правый фланг союзников дивизии Домбровского Суворов бросил батальоны и конницу Багратиона. После ожесточенной схватки Домбровский потерял 3 тысячи человек из 5 тысяч и отошел за реку Треббия[1].

Во всех биографических справках пишут, что Я. Домбровский «отличился при Нови»[2].

[1] URL: http://www.bg-znanie.ru/article.php?nid=18709.

[2] URL: http://www.philatelia.ru/bonapart/plots/?more=1&id=76?.

Не отказывая Я. Домбровскому в достоинствах, все же заметим, что:

во-первых, невозможно отличиться в оглушительно проигранном сражении (это был даже не проигрыш, это был разгром);

во-вторых, из-за того, что легионеры Домбровского были опрокинуты австрийцами фельдмаршала-лейтенанта М.Ф.Б. Меласа (1729—1806), французы были окружены и проиграли битву;

в-третьих, поляки от австрийцев понесли тяжелые потери.

В Итальянской кампании участвовал также второй польский легион. При обороне осажденной Мантуи он потерял 700 человек.

Обратим внимание, что во всех без исключения боях поляки несли тяжелейшие потери: от профессионалов А. Суворова, казаков, австрийцев.

Столь значительные потери среди легионеров, несомненно, объясняются неудовлетворительной подготовкой личного состава, отсутствием навыков рукопашного боя, слабостью командного состава, отсутствием мотивации.

7.4. Ликвидация церковного государства

В феврале 1797 г. французские войска вступили в короткую и почти бескровную войну с папским государством.

Один из фигурантов ее, Ю. Сулковский, с ранней молодости был воинствующим атеистом. В письмах из Италии адъютант Наполеона с яростью нападает на папское государство. Он видит в нем смрадный пережиток феодализма, клеймит вырождающуюся римскую олигархию, угнетающую крестьян еще более сурово, чем в других частях Италии.

Ничего удивительного, что в февральской кампании Сулковский участвовал с особой охотой. Вот впечатляющее описание взятия Анконы из шестого итальянского письма Юзефа: «Анконские монахи еще не утратили надежды и сделали последнее усилие принудить жителей к обороне.

Архиепископ устраивает торжественную процессию в честь чудотворной мадонны, которая была соперницей мадонны из Лорето. Две тысячи итальянцев с факелами в руках, с обнаженными головами, босиком собираются вокруг собора; там детина в сутане страстно доказывает им, что десница господня готова пасть на французов и что надо ждать чуда; он также заявил, что поборники господа бога вправе ожидать, что при виде этого чуда пробудится вера истинных христиан»[1].

После взятия Анконы дорога на Рим была открыта. Но, вопреки надеждам юного атеиста Сулковского, война с церковным государством не была доведена до победного конца. Через несколько дней в маленьком городке Толентино Бонапарт встретился с парламентерами Пия VII, не считаясь с директивами парижского правительства и антиклерикальной настроенностью своего адъютанта, подписал предложенный папой мирный договор.

В отличие от своего адъютанта, Наполеон видел в религии не таинство боговоплощения, а «суровую реальность»: «религия связывает идею равенства с небом, что мешает бедняку убивать богатого». Ради этого «богатого» можно было идти навстречу «какому угодно папе», и Пий VII не составлял исключения. Он должен был лишь внушать «беспокойным элементам» Франции мысль о небесном равенстве, доставляющем вечное блаженство, а не мимолетные радости. Такое внушение тем важнее, что общество, по мнению Наполеона, не может существовать без неравенства и богатства, а неравенство не может существовать без религии. К. Маркс писал, что «господство попов как орудия правительства» — это наполеоновская идея[2].

Война, объявленная Пруссией Франции, закончилась победой последней, потребовавшей уступки для себя левого берега Рейна. За эту огромную территорию Франция обещала раздать пострадавшим государствам земли папских

[1] *Брандыс М.* Адъютант Наполеона. URL: http://www.fictionbook.ru/author/marian_brandiys/ad_yutant_bonaparta/read_online.html?page=1.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 8. — С. 212.

княжеств. Открылась перспектива секуляризации. И разгорелись аппетиты: князья, короли, император вырывали друг у друга владения духовенства, вступали между собою в жестокие конфликты, делали Францию третейским судьей в своих спорах и тем укрепляли влияние и французскую мощь внутри Германии. В общем и целом были секуляризованы 118 духовных «государств», насчитывавших 3 миллиона человек и дававших 21 миллион гульденов ежегодного дохода[1]. Секуляризация била также и по духовному влиянию Церкви: закрытие 18 католических университетов, множества монастырских гимназий, школ и училищ стало неизбежным следствием крушения материальной базы Католической Церкви, а результатом изъятия из рук духовенства цензуры, монополии на образование, книгопечатание и книжную торговлю явилось падение влияния католицизма во всей Германии[2]. Это происходило одновременно с ухудшением отношений между папой и Францией.

Конфликт Пия VII с Наполеоном разгорелся в связи с отказом папы присоединиться к континентальной блокаде Англии. Наполеон двинул свои войска в папскую область, и в феврале 1808 г. французы заняли Рим. В мае 1809 г. вечный город был провозглашен «свободным городом», а папские владения присоединены к Франции. В ответ на это папа издал буллу об отлучении Наполеона. После этого в начале июля 1809 г. французские солдаты по приказу императора вторглись в папский дворец Квиринал, захватили Пия VII и увезли его из Рима как пленника, поместив, в конце концов, в дом префекта в Савоне, где он жил под строгим надзором. Затем папу перевезли в Фонтенбло, и там он пробыл в качестве пленника Наполеона до падения империи.

Таким образом, поляки католики-легионеры приняли активнейшее участие в уничтожении папского государства, что свидетельствует о правильности наших выводов относительно шляхетской религиозности. Она отличалась по-

[1] *Лозинский С.Г.* История папства. — М.: Политиздат, 1986. — С. 382.

[2] Там же.

верхностностью, демонстративностью и ханжеством. То же касается и католиков-французов. Наверное, именно этим фактором во многом определяется превосходство русской армии над французской.

7.5. Поляки в Египте

Польские легионы не участвовали в египетской авантюре Наполеона. Однако в египетском экспедиционном корпусе было немало польских добровольцев. В «списке генералов и офицеров генерального штаба кроме Сулковского значились еще два знаменитых поляка: бригадный генерал Юзеф Зайончек[1], один из лучших кавалеристов во всей французской армии, будущий Наместник Королевства Польского, и майор Юзеф Феликс Лазовский, сын и внук кухмистров польского короля Станислава Лещинского, брат известного парижского санкюлота Клавдия Лазовского, великолепный военный инженер, впоследствии генерал и барон империи»[2].

В мире мало кто знает Ю. Лозовского, а вот другого замечательного поляка, участника Египетской экспедиции Наполеона, в России знают многие. Это, конечно, Булгарин Фаддей (Тадеуш) Венедиктович — журналист, издатель популярных газет и журнала, наделенный немалым литературным талантом и трудолюбием. «Он стал в России пионером в освоении ряда жанров: нравоописательного очерка, фельетона, военного рассказа. Принадлежит Булгарину и

[1] Иосиф Зайончек (1752—1826) — польский генерал, начал службу в войсках Речи Посполитой и сражался под начальством Т. Костюшко.

После поражения восстания поступил на службу Франции и участвовал в кампаниях Бонапарта 1796—1797 гг., а также в Египетской экспедиции. Позже Наполеон назначил его командиром Северного легиона, составленного преимущественно из поляков. С 1807 по 1812 гг. Зайончек находился при французских войсках в Италии. Во время войны 1812 г. он потерял ногу и в Вильне был взят в плен. Император Александр I, узнав высокие нравственные качества Зайончека, назначил его в 1815 г. своим Наместником в Царстве Польском и возвел в княжеское достоинство. В трудной роли наместника Зайончек оставался преданным России. Позднее мы вернемся к судьбе этого выдающегося поляка.

[2] *Брандыс М.* Адъютант Наполеона. URL: http://www.fictionbook.ru/author/marian_brandiys/ad_yutant_bonaparta/read_online.html?page=1.

один из первых в русской литературе опытов в жанре утопии (*Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в XIX веке*, 1824) и антиутопии (*Невероятные небылицы, или Путешествие к средоточию земли*, 1825). Кульминацией литературной карьеры Булгарина стало издание романа "*Иван Выжигин*", за три года переведенного на итальянский, французский, немецкий, английский и польский языки. Случай по тем временам беспрецедентный. На книгу откликнулись почти все без исключения периодические издания. Тираж был распродан необычайно быстро. И за два года вышло три тиража. *Иван Выжигин* — это первая в русской словесности модель достижения успеха, осуществления карьеры, стратегия превращения героя из нищего «сиротки» в наследника огромного состояния и княжеского титула, это первый *учебник жизни*, параграфы и разделы в котором — цепь головокружительных приключений и плутовства»[1].

Булгарин играл видную роль в русской журналистике. Начав издавать в 1825 г. «Северную пчелу», он вступил в тесный союз с Н.И. Гречем, издававшим с 1816 г. «Сына Отечества». В 1834 г. к ним присоединился О.Ю. Сенковский, редактировавший «Библиотеку для чтения». Эти три издания составляли сплоченную русофильскую коалицию.

Булгарин был столь знаменит и скандален, что дать ему трезвую оценку не представлялось возможным. В. Белинский, например, стремился к его моральному уничтожению, а А.С. Грибоедов дружил с ним, считал одним из умнейших людей и, незадолго до своей трагической смерти, подарил ему рукопись «Горе от ума».

Булгарин был большим патриотом России. Он писал: «Верьте, любезные читатели, что я люблю Россию пламенно, благодарен за полученное мною добро, желаю ей блага, но из этого не следует, что я должен любить невежество, предрассудки, злоупотребления и странности. Во всяком народе есть добро и зло; это участь человечества. Будем же стараться

[1] Булгарин — учитель года. Константин Логунов. URL: http://old.russ.ru/journal/krug/99-01-13/logun.htm.

общими силами уменьшить зло в любезной нашей России и умножать добро. Вот истинный патриотизм!»[1].

А если закончить насчет поляков в Египте, то не нашли они там ни славы, ни почета.

7.6. Польские легионы в Сан-Доминго

Сан-Доминго — бывшая французская колония на острове Гаити, существовавшая с 1659 по 1804 г. перед тем, как стать независимым государством — Республикой Гаити.

Остров открыли испанцы, и они контролировали его с 1490-х гг. вплоть до XVII в. В XVII в. слабо заселенную западную часть острова облюбовали французские пираты — буканьеры. Они обосновались на острове Тортуга в 1625 г., жили за счет пиратских нападений на испанские суда, охоты на одичавший скот и продажи шкур. Хотя испанцы несколько раз уничтожали поселения буканьеров, те при первой же возможности возвращались, что было вызвано изобилием природных ресурсов — древесины, одичавшего скота и питьевой воды. Официальное поселение на Тортуге было основано в 1659 г. по поручению французского короля Людовига XIV.

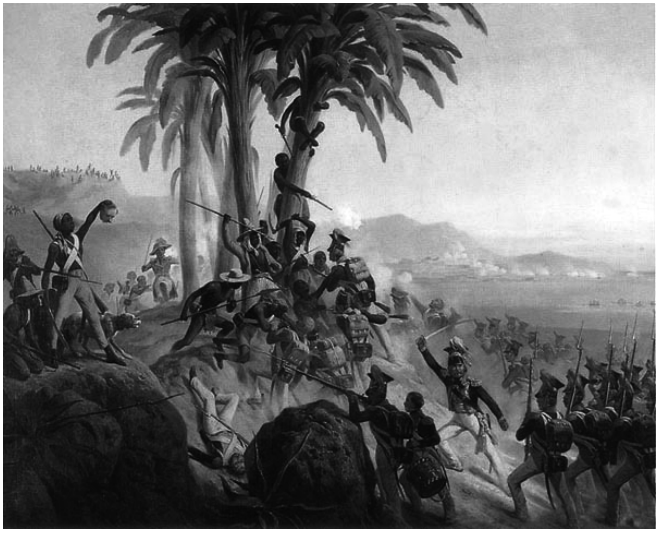
В 1697 г. по Рисвикскому мирному договору Испания официально признала французской западную треть острова.

Почти через сто лет, в 1791 г., на Сан-Доминго началось восстание рабов. Мятеж был кровопролитным и протекал с переменным успехом, пока в 1795 г. восстание не возглавил Франсуа Доминик Туссен по прозвищу Лувертюр (Toussaint L'ouverture). Недавний раб и конюх обладал выдающимися способностями, и под его руководством повстанцы очистили остров от французов.

Ф. Туссен приобрел такую власть и влияние на острове, что Англия, вступив с ним в тайные сношения, предлагала ему сделать из Сан-Доминго независимое государство, а себя самого провозгласить королем, при этом Великобритания обещала всяческое содействие. Но Туссен-Лувертюр на это

[1] Там же.

не согласился, так как не доверял англичанам. Тем не менее остров практически приобрел независимость.



Януар Суходольский. Битва на Сан-Доминго

Однако 18 брюмера (9 ноября по Григорианскому календарю) 1799 г. во Франции произошел переворот, и генерал Бонапарт стал первым консулом и самодержавным владыкой.

Наполеон не мог смириться с потерей колонии, имеющей чрезвычайно большое экономическое и стратегическое значение. В январе 1802 г. генерал Леклерк с корпусом в 12 тысяч человек высадился на Сан-Доминго. В составе корпуса находились 2-я и 3-я Иностранные деми-бригады — около пяти тысяч штыков. Это были ветераны знаменитого Польского Легиона, многие из них воевали непрерывно уже десять лет. Возглавлял польский экспедиционный корпус любимец маршала И. Мюрата бригадный генерал М. Сокольницкий. В это высокое воинское звание он был произведен Мюратом за отличие в сражении при Гогенлиндене. В польском легионе служило порядка 400 «туземцев», которые оказались жертвой страшного преступления.

Вот как в фильме польского режиссера А. Вайды «Пепел» по роману С. Жеромского описывается это преступление.

Один из главных героев фильма заводит разговор с проходящим инвалидом (калекой):

«Кжиштов:

— Расскажите нам о войне, ведь историю мы узнаем только по рассказам.

Калека:

— Двенадцать лет назад меня призвали рекрутом в австрийскую армию…

И вот однажды все было как в тумане, смотрю, а передо мной родная форма, родные погоны, развернулся я и стал рубить австрийцев их же оружием. Так я попал в польский легион. Однажды по приказу Бонапарта нас погрузили на корабли в Ливорно и отправили на Антильские острова усмирять туземцев. Сначала нам показалось, что мы попали в рай. Потом все надоело. У нас служило четыре сотни негров, которых мы подозревали в измене. Что с ними делать? Заставить подчиниться четыреста вооруженных людей мы не могли.

Кадры из фильма А. Вайды «Пепел» (Польша, 1965 г.)

Отпустить на свободу?

Перейдут на сторону врага.

Держать при себе?

Изменят.

Генерал Фрессине — наш новый командующий, родовитый француз, приказал им каждый день выходить на перекличку и без оружия. Негры даже не могли предвидеть. Не прошло и получаса, как все было кончено.

Кжиштов:

— Нет, нет! Поляки не могли так поступить».

В ходе карательной операции негритянские войска были разбиты. Туссен-Лувертюра путем обмана взяли в плен и вывезли во Францию. Его генералы перешли в подчинение Леклерка. Тот, в отличие от поляков, оказался более толерантным и признал их чины и регалии. На основе туземного воинства были сформированы черные дивизии. Самым знаменитым выходцем с Гаити в рядах наполеоновской армии был Тома-Александр Дюма Дави де ля Пайетри, чей сын известен всему миру как Александр Дюма-отец. Будущий бригадный генерал Дюма родился в Сан-Доминго 27 марта 1762 г.

В июне 1802 г. по острову прокатилась эпидемия желтой лихорадки, от которой у европейцев защиты не было. Вымирал один полк за другим. В ноябре умер сам генерал Леклерк.

Через год остатки французских войск погрузились на корабли. Три четверти французских солдат и около 30 000 волонтеров из белых колонистов погибли. Иностранные бригады тоже прекратили свое существование. Три сотни поляков вернулись с Сан-Доминго во Францию.

Вместе с французами и поляками с Гаити во Францию прибыли несколько черных генералов и сотни солдат. Уже в 1803 г. из них во Франции сформировали батальон Черных Пионеров, около тысячи штыков.

В Москве 1812 г. Наполеона окружали именно ветераны Сан-Доминго. Выжившие на Антилах, они входили в элиту Великой Армии. Ставку Бонапарта постоянно охраняли седые гвардейцы из Вислинского легиона. Это были преданные Наполеону поляки из иностранных полубригад. Они не пожелали вернуться в Герцогство Варшавское и остались на французской службе. Не станем утверждать, что в этом решении замешаны

меркантильные соображения, но в армии Наполеона денежное довольствие было значительно выше, чем в марионеточной польской армии.

Среди легионеров было несколько десятков карибских ветеранов. Перед Русским походом Наполеон включил три пехотных полка Вислинского легиона в свою Молодую гвардию.

Командиром Вислинского легиона был назначен сорокадвухлетний дивизионный генерал М. Клапаред (Michael Claparede), произведенный в графы империи. Клапаред непрерывно воевал уже лет двадцать. В свое время он командовал бригадой на Сан-Доминго и на Малых Антильских островах.

При императорской ставке состояли два дивизионных генерала, которые являлись главными советниками Наполеона по всем вопросам, связанным с Россией, — только к ним император и прислушивался. Граф Ж.А.Б.Л. де Лористон отвечал за военную дипломатию; граф М. Сокольницкий возглавлял специальное бюро, то есть военную разведку.

М. Сокольницкий (Michal Sokolnicki), бывший генерал-майор польских войск, в молодости два года провел в русском плену в Петербурге. На Сан-Доминго он был начальником штаба Иностранных полубригад. Под его началом вернулись из Вест-Индии выжившие поляки. Это был идеальный воин, но разведчик — посредственный... Для этого потребны иные качества.

Уже под Москвой Наполеон фактически отстранил его от секретных дел. Оставаясь официально во главе разведки, граф Сокольницкий постоянно рвался в гущу сражения. При Бородино он водил в атаку дивизию, получил штыковую рану в ногу и пулю — в плечо.

Все колониальные полки корпусов Л.Н. Даву и Е. Богарнэ участвовали в Бородинском сражении и при Березине. Из России вышли немногие.

Через два года польские ветераны Сан-Доминго оказались на русской службе. В 1814 г. в Париже командиры Польского корпуса отправили к русскому царю делегацию. Возглавлял ее М. Сокольницкий. В это время император Всероссийский воссоздал Королевство Польское и корону его оставил за собой.

Весь Польский корпус, 35 000 солдат, среди которых еще оставались карибские ветераны, был принят на царскую службу. М. Сокольницкий получил чин генерал-лейтенанта. Ему предстояло возглавить штаб новой армии Королевства Польского, однако он умер от последствий желтой лихорадки в сентябре 1816 г.

7.7. Польские легионы в Испании

И действительно, белокурый сын Польши
являлся в первых рядах всех народных восстаний,
принимая всякий бой за вольность — боем за Польшу.
А. Герцен[1]

В исторической повести М. Брандыса «Адъютант Наполеона»[2] есть такой эпизод: Сулковский в Италии во главе двухсот шестидесяти гренадеров взял лихим штурмом батарею Сан-Джорджио, «которая считалась неприступной». «Это была наметка польской Сомосьерры, пока что в довольно скромных размерах», — пишет М. Брандыс.

Сомосьерра (Somosierra) — это испанская деревня в Мадридском округе, у южного края Сомосьеррского прохода, в горах Сьерра Гвадарама. 30 ноября 1808 г. три полка французской пехоты тщетно пытались овладеть этой тесниной, защищаемой 15-тысячным испанским войском. Как свидетельствует польская историография, «дело было решено атакой уланского польского полка, который овладел неприятельскими орудиями и рассеял пехоту».

Но на самом деле все происходило несколько иначе.

Холодным днем 30 ноября 1808 г. на горном перевале Сомосьерра на самом севере мадридской Сьерры произошла битва между испанскими войсками под командованием ге-

---

[1] *Герцен А.И.* Поляки прощают нас! // Собр. соч. В 30 т. Т. 12. — М., 1957. — С. 88.

[2] *Брандыс М.* Адъютант Наполеона. URL: http://www.fictionbook.ru/author/marian_brandiys/ad_yutant_bonaparta/read_online.html?page=1.

нерала Б. Сан Хуана и «Великой Армией» Франции, которой командовал лично Наполеон Бонапарт. Армия императора по численности почти вдвое превосходила испанскую, что, с учетом боевого опыта французов, позволяло предсказать молниеносную победу и быстрое преодоление стратегически важного перевала — последней преграды на пути к испанской столице. Захват же Мадрида подразумевал окончательное завоевание Испании и последующее водворение на испанском престоле брата Наполеона.

Решающую роль в битве при Сомосьерре сыграли польские эскадроны легкой кавалерии. Благодаря их отваге ход битвы, поначалу неожиданно складывавшейся в пользу испанцев, был переломлен и Наполеон одержал очередную победу. Несмотря на огромные потери в своих рядах, польская кавалерия раз за разом атаковала испанские артиллерийские укрепления до тех пор, пока не захватила их и тем самым не открыла Наполеону путь на Мадрид.

Данная операция является типичной для польских легионеров: в лоб решать любую проблему. Атака за атакой, не считаясь с потерями. Это обстоятельство свидетельствует об отчаянной храбрости младших офицеров и рядового состава и отсутствии творческого начала у их командиров. По всем законам военного искусства кавалерия на укрепленные позиции противника должна была наступать совместно с пехотой.

Известно, что польские легионеры приняли активное участие в карательных операциях против испанцев. В Испании находился Легион Вислы — четыре польских полка, причисленные к Молодой гвардии, а также три полка из армии лимитрофного Великого герцогства Варшавского. Легионеры участвовали в сражении под Туделой, взятии перевала Сомосьерра, осадах и штурмах Таррагоны, Сагунто, Лериды, Тортозы и Валенсии, а также во множестве карательных операций против испанских партизан. Все эти сражения были трудными и кровопролитными, но они ни в какое сравнение не шли с битвой за Сарагосу.

Французы осадили Сарагосу, но город держался уже несколько месяцев. Польские легионеры также участвовали в

этой операции. Во время первой осады города полк под командованием полковника Гжегоша-Йозефа Хлопицкого успешно штурмует монастырь Святого Иосифа и укрепление Монте-Терро. Затем 4 августа батальоны легиона берут монастырь Святой Инграссии, прорываются до улицы Косса, перегороженной артиллерийской батареей, но затем вынуждены отступить. Первая осада не увенчалась успехом.

После нескольких месяцев осады маршал Ж. Ланн взял внешние укрепления Сарагосы и ворвался в город 27 января 1809 г. И здесь произошло нечто такое, чего не случалось ни при одной осаде: каждый дом превратился в крепость; каждый сарай, конюшню, погреб, чердак приходилось брать с бою. Три недели продолжалась чудовищная резня в уже взятом, но продолжавшем сопротивляться городе. Солдаты Ланна убивали без разбора всех, даже женщин и детей, но и женщины, и дети убивали неприятельских солдат при малейшей их оплошности. Агрессоры вырезали до 20 тысяч солдат гарнизона и больше 32 тысяч городского населения[1].

В этой бойне отличились вислянские батальоны, вторично захватившие монастырь Святой Инграссии и взявшие монастырь Святого Франциска. Польские легионеры убивали, грабили, насиловали, не жалея ни стариков, ни женщин, ни детей. В фильме «Пепел» А. Вайда реконструировал этот позорный для истории Польши эпизод. Особенно потрясают сцены изнасилования католических монахинь польскими католиками-легионерами.

Французы и поляки в этой войне покрыли себя позором, а испанцы продемонстрировали всему миру необыкновенные доблесть и патриотизм.

Одним из свидетельств героизма испанцев является картина Ф. Гойи «Какое мужество!», посвященная подвигу невесты одного из испанских повстанцев Агустины Доменес. Во время штурма городских ворот после гибели всех артиллеристов Агустина сама открыла огонь из пушки, в одиночку задержав наступление врага.

[1] *Тарле Е.В.* Наполеон. http://www.museum.ru/museum/1812/Library/tarle/.

С неподдельным восхищением отзывался о сарагосцах маршал Ж. Ланн. «Какая война! Быть вынужденным убивать столько храбрых людей или пусть даже сумасшедших людей! Эта победа доставляет только грусть!» — сказал маршал, обращаясь к своей свите, когда все они проезжали по залитым кровью улицам мертвого города[1].

Князь Петр Андреевич Вяземский, который служебную карьеру начал в Варшаве в 1819—1821 гг., присутствовал при открытии первого сейма, переводил шляхте и магнатам речь Александра I, был против введения войск в Польшу во время восстания 1830 г., называл великие стихи Пушкина «Клеветникам России» шинельной одой, позже с разочарованием признался в дневнике: *«Как поляки ни безмозглы, но все же нельзя вообразить, чтобы целый народ шел на вольную смерть, на неминуемую гибель... Наполеон закабалил их двумя, тремя фразами... Что же сделал он для Польши? Обратил к ней несколько военных мадригалов в своих прокламациях, роздал ей несколько крестов Почетного Легиона, купленных ею потоками польской крови. Вот и все. Но Мицкевич, как заметили мы прежде, был уже омрачен, оморочен... Польская эмиграция овладела им, овладел и театральный либерализм, то есть лживый и бесплодный...»*[2].

7.8. Легионеры во время революции 1848 года

В период революций 1848 г. в Европе 29 марта 1848 г. в Риме по инициативе польского поэта А. Мицкевича был сформирован польский легион (около 500 человек), который участвовал в войне итальянского народа против австрийского господства. Шляхтичей трудно понять: сегодня они участвуют вместе с французами в деле покорения Италии, а завтра помогают итальянцам освободиться от австрийского гнета.

В 1855 г. Мицкевич уехал в Константинополь, намереваясь организовать польский легион для помощи французам

[1] Там же.

[2] URL: // http://www.katyn.ru/index.php?go=Pages&in=view&id=60&page=3

и англичанам в Крымской войне. Заразившись холерой, он умер 26 ноября.

Во время Венгерской революции 1848—1849 гг. были также созданы 2 польских легиона в Венгрии под командованием генерала Ю. Высоцкого и Ю. Бема, сражавшихся в составе венгерской революционной армии. После подавления восстания они ушли в Турцию.

В те времена Венгрия входила в Австро-Венгрию — империю Габсбургов. В ходе гражданской войны большинство местных сербов, хорватов, словаков и украинцев выступили на стороне имперского правительства, поскольку не желали жить в независимой Венгрии. Однако данное обстоятельство ничуть не смутило польских «борцов за свободу». Как с удовольствием отмечал Ф. Энгельс, «поляки обнаружили большое политическое понимание и истинно революционный дух, выступив теперь против панславистской контрреволюции в союзе со своими старыми врагами — немцами и мадьярами. Славянский народ, которому свобода дороже славянства, уже одним этим доказывает свою жизнеспособность, тем самым уже гарантирует себе будущее»[1].

В связи с этим польские эмигранты получили целый ряд высших постов в венгерской революционной армии. Так, бывший главноначальствующий польской артиллерией Ю. Бем стал главнокомандующим восставшими в Трансильвании, а Г. Дембиньский, ставший в конце польского восстания главнокомандующим польской армией, командовал 30-тысячным корпусом на основном театре военных действий.

Однако поддержка польских легионеров не помогла. Вскоре их главные силы капитулировали перед пришедшими на помощь империи русскими войсками под командованием фельдмаршала И.Ф. Паскевича, разгромившего в 1831 г. польское восстание. Одновременно армия Бема была наголову разбита русским корпусом генерала А.Н. Лидерса. После поражения венгерских повстанцев, как уже говорилось, Дем-

[1] *Энгельс Ф.* Борьба в Венгрии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. — М., 1957. — С. 179.

биньский и Бем бежали в Турцию. Там Бем принял ислам, поступил под именем Амурат-паша на службу в турецкую армию, однако через год умер[1].

В армии Омер-паши, действовавшей на Дунайском театре военных действий, насчитывалось не менее 4 тысяч польских и венгерских добровольцев. Подобная концентрация эмигрантов именно в Дунайской армии представляется совершенно естественной. Ведь ее командующий, хорват по национальности, перед тем, как тоже бежать в Турцию и принять ислам, носил имя М. Латош и служил в австрийской армии.

Как всегда, в тяжелые для России времена польские эмигранты предавались своим великопольским фантазиям. Любимой темой этих фантазий была неизменно следующая: какие именно территории следует присоединить к возрожденной Речи Посполитой. В частности, выдвигался проект присоединения к Польше Финляндии. Дело в том, что, невзирая на уговоры западных держав, а также подстрекательство российских эмигрантов А. Герцена и М. Бакунина, король Швеции отнюдь не спешил вступать в войну против России. Тогда польские эмигранты предложили сами организовать в Финляндии повстанческое движение с целью возглавить его и тем самым воплотить в жизнь свои геополитические замыслы. Однако французский император Наполеон III и британский премьер Г.Дж. Пальмерстон отказались поддержать поляков[2].

Энтузиазма поляков в Дунайской армии это не убавило, и многие из них даже смогли занять высокие должности в ставке Омер-паши, стараясь заставить командующего следовать своим ценным указаниям. «Эти люди были иногда способны дать неглупый совет, но, с другой стороны, немало и вредили, сбивая часто с толку турецкое командование, которому внушали преувеличенное убеждение в слабости русской армии, — пишет академик Е.В. Тарле. — Политическая

---

[1] *Нерсесов Ю., Пыхалов И.* Пан Басаевский. URL: http://www.specnaz.ru/article/?1216.

[2] Там же.

страсть, ненависть к России ослепляла их и заставляла принимать свои желания за действительность»[1].

Среди этих советников выделялся известный нам М. Чайковский. «Фантазер, дилетант в политике и в беллетристической литературе, где он тоже подвизался, временами увлекающийся польский патриот, временами совсем особого, оригинального типа украинофил, мечтавший о какой-то фантастической польско-украинской казацкой республике, человек с порывами благородства и, вместе с тем, способный иногда на неожиданные и очень некрасивые поступки», — писал про него Е.В. Тарле[2].

Покинув Польшу после подавления восстания 1830—1831 гг., Чайковский поселился в Париже, а оттуда в качестве представителя А. Чарторыйского отправился в Турцию. Его идеей-фикс стало формирование особого отряда из казаков-некрасовцев, чьи предки бежали из России после подавления мятежей К. Булавина. Впоследствии отряд планировалось преобразовать в особое славянское войско, которое, оставаясь в пределах Турции и признавая верховную власть султана, служило бы оплотом широкой автономии всех славянских народов[3].

Потенциальный командующий славянского войска Чайковский принял ислам, получив новое имя — Садык-паша, а также пожизненный пенсион и большое поместье вблизи Константинополя. К планам же формирования славянской армии турецкие власти отнеслись скептически, но с началом Крымской войны Садык-паша получил возможность приступить к формированию казачьего отряда. Ему удалось набрать в свой полк около 600 казаков, принявших участие в боях под Силистрией, но без особого успеха. После окончания войны Чайковский продолжил службу в турецкой армии, был произведен в генералы, однако затем подал в отставку и, получив

---

1 *Тарле Е.В.* Собр. соч. В 12 т. Т. VIII. — М., 1959. — С. 257.

2 Там же. — С. 17.

3 *Нерсесов Ю., Пыхалов И.* Пан Басаевский. URL: http://www.specnaz.ru/article/?1216.

разрешение Александра II, в 1872 г. вернулся в Россию. По возвращении Чайковский принял Православие и поселился в Киеве. От русского правительства ему было назначено содержание, кроме того, он сохранил пенсию, выслуженную в Турции. За несколько лет до смерти он переселился в свое имение Борки, Черниговской губернии, где и кончил жизнь самоубийством в ночь с 5 на 6 января 1886 г.

7.9. Легионеры в Первую мировую войну

В 1908 г. по инициативе Ю. Пилсудского был создан Союз активной борьбы под командованием Казимежа Соснковского. А в 1910 г. — организация «Стрелок». В 1912 г. Пилсудского избрали главным комендантом «Стрелка», и он взял псевдоним «Мечислав»… В 1913 г., в самый канун войны, Пилсудский организовал офицерские курсы для членов «Стрелка». А в 1914-м на базе «Стрелка» и других военизированных организаций были созданы и польские легионы как подразделения, входившие в состав вооруженных сил Австро-Венгрии. К началу войны легионы включали в себя три бригады:

1-ая бригада — командующий Юзеф Пилсудский;

2-ая бригада — командующий Юзеф Халлер (Галлер);

3-я бригада — командующий Станислав Шептыцкий;

С мифами о Пилсудском и его легионерах связан «Марш Первой бригады», или просто — «Первая бригада», где в первом куплете поется: «*Легионы — это солдатская лямка, легионы — это жертвенный костер. Легионы — это солдатская кичливость, легионы — это судьба сорвиголов*». Во втором: «*Ах, сколько мук, сколько страданий! Ах, сколько крови, пролитых слез! Но, несмотря на это, окончание наших скитаний, вне всякого сомнения, добавляет нам сил*». Каждый куплет сопровождается двоекратным исполнением припева: «*Мы — Первая бригада, мы — стрелковое сообщество, в костер бросили мы свою судьбу, в костер, в костер!*»[1].

Летом 1914 г. пришло время польских легионеров бросить свою судьбу в жертвенный костер — 6 августа 1914 г. первые

[1] URL: http://www.vilavi.ru/pes/081108/081108.shtml.

отряды пилсудчиков пересекли австрийско-российскую границу. «То есть польские военные формирования, вооруженные на деньги Австро-Венгрии, вступили в Первую мировую войну на стороне Германии и Австро-Венгрии против России. Таким образом, стрелки Пилсудского, вскоре ставшие легендарной Первой бригадой польских легионеров, на самом деле являлись обычными наемниками»[1].

День 6 августа 1914 г. поляки считают «событием эпохального значения в истории Польши». Первоначальные расчеты Юзефа Пилсудского и его покровителей из Генштаба австро-венгерской армии были на то, что в ряды легионеров в массовом порядке вольются добровольцы из числа поляков, живших на территории Российской империи, и это моментально осложнит военно-стратегическое положение России. Подобные расчеты полностью провалились: легионы Пилсудского встретило полное равнодушие со стороны поляков. Отзвуком того равнодушия звучит последний куплет песни «Первая бригада»: «*Вы кричали, что мы одурели, вы не верили нам, что хотеть — это значит мочь. Мы проливали кровь в одиночестве, а наш дорогой Вождь был с нами!*»[2].

Но уж совсем полным отчаяния и обиды выглядит такой вот куплет, который вы ни в каком исполнении теперь уже не услышите: «*Теперь мы не хотим от вас ни признанья, ни речей ваших, ни ваших слез. Закончилось уже то время, когда мы пытались достучаться до ваших сердец...*»[3].

На ход войны польские легионы никак не повлияли, однако они понесли жестокие потери. Например, во время «брусиловского прорыва» в июне 1916 г. одна лишь Первая бригада потеряла свыше полутысячи солдат и офицеров. К тому времени контроль над польскими наемниками полностью перешел к немцам. Германия, разумеется, с удовольствием хотела бы использовать польское «пушечное мясо», но — но без польского «вождя», без «перволегионского» духа беспрекословного под-

[1] URL: http://www.vilavi.ru/pes/081108/081108.shtml.

[2] Там же.

[3] Там же.

чинения одному лишь «дорогому Вождю». В конце сентября Пилсудского уволили, и он остался не у дел. Но ненадолго: по его указанию в легионах началась массовая кампания уходов в отставку, и 12 декабря 1916 г. сторонники Пилсудского радостно встретили его в Варшаве.

В условиях приближающегося поражения Германия приступила к созданию польских вооруженных сил (*Polnishe Wehrmacht*) на основе воинской повинности, основой для чего должны были стать польские легионы. Чтобы помешать этому, Пилсудский спровоцировал так называемый Присяжный кризис. Первая и Третья бригады отказались принимать присягу во вновь создаваемой немцами польской армии. Приняла присягу только Вторая бригада, вошедшая в состав австро-венгерских вооруженных сил как Польский вспомогательный корпус. В результате кризиса все легионеры, отказавшиеся присягать, были интернированы в лагеря, а Юзеф Пилсудский заключен в тюрьму в Магдебурге. При этом его популярность еще больше возросла. Немцы всячески пытались склонить его к сотрудничеству, однако под воздействием массовых протестов были вынуждены освободить Коменданта. Это произошло только 8 ноября 1918 г. после длительных переговоров и в атмосфере Великой Октябрьской революции. 10 ноября 1918 г. после возвращения Юзефа Пилсудского в Варшаву Регентский Совет вручил ему всю полноту военной власти, объявив Временным начальником государства. 14 ноября он получил от Совета всю полноту власти в стране. 22 ноября Пилсудский утвердил правительство Енджея Морачевского. А 20 февраля законодательный сейм объявил его «начальником» государства.

Первая бригада, так и не став ядром общепольской армии, превратилась в личную гвардию Юзефа Пилсудского, безгранично ему преданную. Таким образом, Польша, как и страны Прибалтики, Чехословакия, Финляндия, Венгрия, получила независимость «даром». Однако свобода на фоне всеобщей эйфории вокруг Пилсудского и его энергичной вооруженной силы повысила статус «дорогого Вождя» до уровня

«начальника» государства[1]. Легионеры Пилсудского составят костяк военной «хунты», которая будет править второй Речью Посполитой вплоть до ее падения.

На Рождество 1918 г. в Варшаве ходила шутка: «Какая страна самая большая в Европе?» — «Польша. Ибо она не имеет границ ни на Востоке, ни на Западе»[2]. В каждой шутке есть доля правды. Едва возникнув, Польское государство сразу же ввязалось в целый ряд вооруженных конфликтов: с немцами — за Познань и Верхнюю Силезию, с чехами — за Тешинскую Силезию, с украинцами — за Львов и всю Восточную Галицию, с литовцами — за Вильнюс, с большевиками — за Волынь и Беларусь. Эта тема будет более подробно рассмотрена в следующем разделе.

7.10. Польские легионы во Вторую мировую войну

30 июля 1941 г. в Лондоне посол СССР в Великобритании И.М. Майский, этнический поляк (настоящие имя и фамилия Ян Ляховецкий), и польский премьер В. Сикорский подписали соглашение о восстановлении дипломатических отношений. 12 августа 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ об амнистии. В развитие политических договоренностей от 30 июля было разработано и подписано 14 августа военное соглашение, предусматривавшее создание в кратчайший срок на территории СССР польской армии, составляющей «часть вооруженных сил суверенной Польской Республики». 6 августа командующим польской армией был назначен генерал В. Андерс.

Андерс родился в 1892 г. в Российской империи, после окончания Рижского политехнического института, который оканчивал и будущий президент Польши И. Мосьцицкий, был призван в русскую армию (1913 г.) и по окончании офицерской кавалерийской школы, уже после начала Первой мировой войны, в чине поручика направлен в 3-й драгунский полк. В боях проявил большую храбрость и способности, вскоре уже коман-

[1] URL: http://www.vilavi.ru/pes/081108/081108.shtml.

[2] URL: http://www.exp21.com.ua/rus/history/66-6.htm.

довал эскадроном, имел три ранения (всего в своей жизни он был ранен 8 раз), несколько боевых орденов, в том числе орден Св. Георгия IV степени. Как отличившийся офицер, был направлен в Академию Генерального штаба в Петроград, где прошел ускоренный курс; ее он окончил буквально накануне революции (в середине февраля 1917 г.), получив диплом из рук Николая II и чин капитана Генерального штаба. После революции служил в Польше.

Призывные советско-польские комиссии прибыли в лагеря военнопленных 23 августа, и после завершения их работы 2—6 сентября подавляющее большинство поляков направили для формирования польской армии в Бузулук, Татищево и Тоцк. К 12 сентября туда прибыли 24 828 бывших военнопленных.

В конце ноября премьер-министр В. Сикорский прибыл в СССР, и 3 декабря 1941 г. состоялась его беседа со И.В. Сталиным, посвященная двум вопросам — польской армии на территории СССР и положению польского населения.

В результате переговоров была достигнута договоренность о создании семи польских дивизий в СССР и о возможности вывода в Иран поляков, не задействованных в этих соединениях. Местом формирования новых частей определили Среднюю Азию.

С начала 1942 г. на первый план выдвинулся вопрос о сроках отправки польских дивизий на фронт. Во время поездки в места дислокации польской армии Сикорский сказал, что польская армия будет готова к бою против вермахта к 15 июня. Андерс, вслед за Сикорским, назвал дату 1 июня 1942 г. и отверг возможность ввода в бой одной отдельной дивизии.

В июне 1942 г. В. Андерс поставил перед В. Сикорским вопрос об эвакуации всей польской армии с территории СССР.

Встретив понимание и поддержку со стороны Черчилля, Андерс добился согласия правительства Сикорского на вывод армии в Иран.

Советское руководство не стало противодействовать выводу польской армии с территории СССР. 31 июля Андерс,

получив утвержденный Сталиным план эвакуации польской армии из СССР на территорию Ирана, выразил советскому лидеру признательность и высказал уверенность в том, что «стратегический центр тяжести войны передвигается в настоящее время на Ближний и Средний Восток», а также просил Сталина возобновить призыв польских граждан и отправку их в его армию в качестве пополнения.

1 сентября 1942 г. эвакуация армии Андерса была закончена. Всего в Иран прибыло 69 917 человек, из них военных — 41 103. В общей же сложности, в ходе двух эвакуаций из СССР выехало около 80 тысяч военнослужащих и более 37 тысяч членов их семей. Армия Андерса, получившая к тому времени (с 12 августа) название «Польской армии на Востоке», состояла из: 3-й, 5-й, 6-й, и 7-й пехотных дивизий, танковой бригады и 12-го уланского полка.

Национальный состав армии Андерса был неоднороден: кроме поляков там были евреи, большое количество украинцев и белорусов (до 30%). В Палестине к армии Андерса присоединилась 3-я дивизия карпатских стрелков, сформированная из польских солдат, сумевших после разгрома Польши бежать в Ливан, и несколько более мелких польских частей, бывших в составе английской армии. В этом новом составе армия Андерса была преобразована во 2-й Польский корпус в составе английской армии. Всего он насчитывал 48 тысяч бойцов. На вооружении корпуса было 248 артиллерийских орудий, 288 единиц противотанкового оружия, 234 единицы зенитного оружия, 264 танка, 1241 БТР, 440 броневиков и 12 064 автомобиля. Английское командование, однако, долго не желало включить в состав корпуса польские воздушные части. Впоследствии, в 1945 г., численность корпуса выросла до 75 тысяч за счет освобожденных из немецких лагерей поляков.

В январе 1944 г. корпус отправлен на Итальянский фронт в составе 8-й Британской армии. Символом героизма для легионеров стал штурм Монте-Кассино. Подвиг солдат Андерса воспет в известной песне «Красные маки на Монте-

Кассино», первые куплеты которой были сочинены еще во время штурма:

Взгляни — в тех камнях,
на вершине
Твой враг,
словно крыса, живуч.
Ступайте!
Крушите!
Спешите
За глотку сорвать его с туч!

Итальянцы вспоминают битву за Монте-Кассино с ужасом. 230 бомбардировщиков в течение нескольких суток бомбили один небольшой объект — монастырь бенедиктинов, который являл собой сокровищницу итальянской культуры. Бомбардировка осуществлялась с больших высот, поскольку американцы старались минимизировать свои потери, при этом они, как всегда, не думали о возможных потерях среди мирного населения.

В результате погибло не менее 10 тысяч гражданских жителей, а монастырь был полностью уничтожен. Немецких войск на территории монастыря вообще не было. Генерал-фельдмаршал А. Кессельринг — главнокомандующий немецкими войсками в Италии, учитывая историческую ценность монастыря, отказался использовать его как пункт обороны. Однако американцы решили уничтожить монастырь, поскольку он мог быть использован немцами для обороны. После того как потенциальный пункт обороны сравняли с землей, на его развалинах окопались немецкие десантники, которые, не располагая тяжелым вооружением, с января по март 1944 г. отбили три штурма полдюжины британских, американских, индийских и новозеландских дивизий.

Советские союзники оказались бессильны перед горсткой десантников. И тогда в бой пошел Польский корпус генерала Андерса. Две его дивизии и танковая бригада начали наступление 12 мая, а 18-го, в результате многосуточного штурма,

укрепительный район был взят. Над развалинами монастыря гордо взвился красно-белый флаг.

Так утверждает официальная польская историография. Однако после более глубокого изучения вопроса оказывается, что аббатство было занято не в результате штурма. Просто немецкие десантники покинули свои позиции из-за угрозы окружения. Дело в том, что когда польские легионеры безуспешно пытались овладеть развалинами монастыря, частям французского генерала А. Жюэна удалось прорваться на соседнем участке фронта, и они начали заходить в тыл десантникам.

Под утро 17 мая поляки осторожно двинулись за отходящими немцами и еще через сутки заняли опустевший монастырь. За всю неделю, преимущественно в бою 12 мая, корпус Андерса потерял 4199 человек, в том числе 924 убитыми. Таким образом, битва за Монте-Кассино закончилась ввиду полного отсутствия противника. Вероятно, понимая истинную ценность столь «великой» победы, польские историки изо всех сил пытаются приукрасить историю баталии. В частности, С. Залога, автор монографии «Польская армия 1939—1945»[1], утверждает, что корпус Андерса хотя и не взял высоты, но зато «оттянул на себя вражеские резервы». О каких конкретно немецких частях идет речь, Залога умалчивает. И правильно делает: их просто не существовало. На самом деле первая немецкая резервная дивизия прибыла на фронт, дабы ликвидировать прорыв арабов А. Жюэна, а еще три пытались сдержать начавшееся наступление британцев, американцев и канадцев.

Подкреплять непоколебимый плацдарм у монастыря гитлеровцам не имело смысла, и они неоднократно об этом писали. «Так как польскому корпусу прорваться севернее Кассино не удалось, обстановка на этом участке оставалась сносной», — вспоминал в своей «Истории Второй мировой войны»[2] немецкий генерал К. Типпельскирх. «1-я парашютно-десантная дивизия и не думала сдавать Монте-Кассино, — вторит ему бывший командующий немецкими войсками в Италии фельд-

[1] *Залога С.* Польская армия 1939—1945. — М.: АСТ, 2002.

[2] *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. — М.: АСТ, 1999.

маршал А. Кессельринг. — Чтобы поддерживать контакт с 14-м танковым корпусом, я был вынужден отдать приказ об их отходе, чем вызвал недовольство их командования»[1]. Что касается бойцов генерала Жюэна, то они оставили итальянцам еще более тяжелые воспоминания.

14 мая 1944 г. французский генерал обратился к своим войскам, состоявшим из марокканцев и тунисцев: «За этими горами, за спинами вражеских солдат, которых вы убьете, лежит земля с богатыми домами, женщинами и вином. Если вы преодолеете эти горы, ваш генерал клянется вам, что все это — женщины, дома, вино — все, что найдете, — ваше. На 50 часов. Можете взять все, уничтожить все и сделать все, что вам захочется». И вот 12 тысяч «освободителей» итальянского народа от фашизма, прорвавшиеся через немецкую линию обороны, убивали, грабили и насиловали, но вовсе не 50 часов, а до конца мая 1944 г. По самым осторожным оценкам, было изнасиловано около 5 тысяч женщин и мужчин в возрасте от 5 до 85 лет. Недалеко от Кассино, в Санта Мария ди Эсперия, их жертвой пал священник Альберто Террилли, умерший через несколько дней. Арабы вырезали «просто так» 90% скота[2].

Генерал А. Жюэн никогда не обвинялся в военных преступлениях, а после войны стал начальником французского Генерального штаба и даже командовал войсками НАТО в Европе.

Следовательно, если давать оценку участникам битвы за Монте-Кассино, необходимо отметить:

высочайший профессионализм немецких десантников;

варварство арабских бойцов и их командира — генерала А. Жюэна;

отчаянную храбрость польских легионеров, значительную часть которых составляли белорусы;

бездарность польского командования, которое в течение нескольких суток тупо гнало своих подчиненных под немецкие пулеметы.

---

[1] Люфтваффе: Триумф и поражение. — М.: Центрполиграф, 2003.

[2] *Тинский Г.* Новый виток «исторических войн». URL: http://www.win.ru/europe/2160.phtml.

Приложение. **При открытии военных действий в 1812 г. в Великой Армии Наполеона находились следующие польские войска:**

1) **войска Герцогства Варшавского**

V Польский корпус князя Понятовского: 1-я пехотная дивизия Зайончека (3, 45 и 16-й пехотные полки), 2-я пехотная дивизия Домбровского (1, 6, 14 и 17-й пехотные полки), 3-я пехотная дивизия Княжевича (2, 8 и 12-й полки) и кавалерийская дивизия Каминского (5-й конно-егерский, 7, 8 и 11-й уланские, 13-й гусарский и 14-й кирасирский полки).

При каждой пехотной дивизии находилась бригада кавалерии, в составе 2 полков (4-й конно-егерский и 12-й уланский, 1-й конно-егерский и 15-й уланский, 9-й уланский и 10-й гусарский полки, две пеших и конская роты).

К корпусу была придана еще саперная рота.

Остальные войска находились в составе французских корпусов и образовали две пехотные бригады Радзивилла (5, 10 и 11-й пехотные полки) и Жолтовского (4, 7 и 9-й пехотные полки) и кавалерийскую бригаду Рожницкого (2, 3 и 16-й уланские полки).

Бригады Радзивилла вошли в состав дивизии Гранжана X корпуса Макдональда; бригада Жолтовского — в дивизию Жерара IX корпуса Виктора; кавалерийская бригада Рожницкого находилась в IV кавалерийском корпусе Латур-Мобура. Кроме того, 13-й пехотный полк был оставлен гарнизоном в Замостье.

Во время кампании 1812 г. кавалерийская дивизия Каминского была выделена из состава V корпуса: 3 полка были присоединены к IV корпусу Латур-Мобура, а 3 полка — к корпусу Мюрата.

2) **французские войска, составленные исключительно из поляков** (Вислянского легиона, 1, 2, 3 и 4-й пехотные и 7-й легкоконный полки), вошли в дивизию Клапареда, находившуюся в составе гвардейского корпуса. 8-й легкоконный полк — в бригаду Корбино, II корпуса, и 9-й легкоконный полк — в 1-ю кавалерийскую дивизию Бриера. Затем в составе старой гвардии находился Польский гвардейский легкоконный полк.

Кроме этих войск Наполеон призвал под свои знамена поляков русских областей. В июле 1812 г. он приказал сформировать в Литве национальную гвардию, жандармов, гвардейский уланский полк, 4 пехотных и 5 кавалерийских полков.

В общем, в армии Наполеона собралось не менее 120 тысяч поляков. Практически все они погибли на просторах России.

ВЫВОДЫ

1. В польской историографии легионеры представляются безупречными в человеческом и моральном плане, борцами «за нашу и вашу свободу». Везде, где разгорались восстания порабощенных народов, к ним якобы тут же спешили доблестные воины из Речи Посполитой.

Но это далеко не так. Польские легионеры, как свидетельствует приведенный обзор, активно участвовали в агрессии против Испании, Италии, Сан-Доминго и др., а также помогали завоевателям сохранять господство над угнетенными народами, как это было, в частности, на Балканах.

Поляки воевали и на стороне Турции, способствуя подавлению национально-освободительного движения славянских народов. Некоторые польские легионеры ради продвижения по службе в турецкой армии даже принимали ислам. Так что утверждение о беззаветной борьбе поляков «за нашу и вашу свободу» часто не соответствует действительности. Что отмечается с завидным постоянством, так это появление польских легионеров на всякой стороне, враждебной России в военных конфликтах. В этом случае забывались любые красивые слова и христианское милосердие.

Зараженные идеей шляхетско-сарматской исключительности, под напряжением аффективно-негативного отношения к России как к стране, по их мнению, крайней дикости, жестокости, бескультурья и рабства, легионеры творили здесь свои бесчинства. Видимо, все это давало Н.Я. Данилевскому веские основания откровенно высказываться следую-

щим образом: «несомненно, что польское шляхетство есть исконный, коренной и злейший враг русского народа»[1].

Россия же, зачастую вопреки утверждениям о ее реакционности, выступала за свободу православных народов, защищая их веру, культуру и национальную самобытность. Делала она это вопреки здравому смыслу и часто с большими ущербами для себя. Помощь, которую оказывала Россия, была совершенно бескорыстной и осуществлялась на государственном уровне. По этому поводу нельзя не вспомнить слова выдающегося француза А. Дюма: «…Россия единственная страна, менее других склонная к получению барышей»[2].

В освободительных войнах и операциях участвовали представители аристократии, включая великих князей, их сыновей и племянников. Членов российских аристократических фамилий можно было увидеть на любых военных должностях, включая низшие офицерские; были случаи, когда разжалованные в солдаты аристократы вместе с крестьянскими детьми, плечом к плечу, ходили в штыковые атаки.

2. Буквально во всех сражениях польские легионеры несли очень тяжелые потери, что объясняется их неудовлетворительной подготовкой, а также некомпетентностью командного состава. Тем не менее эти неоправданные потери в боях, где поляки использовались как «пушечное мясо», являются источником их героического эпоса. Однако обратим внимание на один важнейший нюанс: воспеваются не победы, а сражения, в которых польские легионеры имели максимальные потери: Треббия, Нови (Я. Домбровский — «герой Нови»), Мантуя, Самосьерра, Монте-Кассино. Здесь мы опять видим пример своеобразно понимаемой жертвенности, а также католическо-мессианского идеализма поляков, о чем уже говорилось в первой главе.

---

[1] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. — М.: Известия, 2003. — С. 320.

[2] *Дюма А.* Кавказ / Пер. с франц. — Краснодар: Изд-во «Советская Кубань», 1992. — С. 49.

ЧАСТЬ III

ВТОРАЯ РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ — ПУТЬ К НОВОМУ КРАХУ

Глава 8
Преступления правящего режима второй Речи Посполитой

Первая мировая война закончилась поражением Германии, Австро-Венгерской империи и, как ни парадоксально, России, входившей в состав победившей Антанты. Верховный совет Антанты, учредивший Лигу Наций, приступил к перекройке политической карты Европы. Польская же элита в очередной раз посчитала, что она сама способна определять судьбу своей страны. Стремясь максимально расширить границы, Польское государство, едва появившись, развязало вооруженные конфликты со всеми соседями. Приведем краткую хронику событий.

14 (27) марта 1917 г. Петроградский совет декларировал право наций на самоопределение, что спровоцировало взрыв сепаратистских настроений в империи. В мае 1917 г. в Киеве была образована Центральная рада во главе с президентом М.С. Грушевским. В июле 1917 г. образовалась Центральная рада белорусских организаций. С октября 1917 г. она стала называться Большой радой. 17 (30) марта Временное прави-

тельство заявило о необходимости создания независимого Польского государства, находящегося в военном союзе с Россией. Это планировалось сделать не ранее окончания войны и по решению Учредительного собрания. 6 апреля 1917 г. польский Временный Государственный совет заявил, что одобряет декларацию русского Временного правительства, но принадлежность территорий должна решаться Польшей и Россией совместно в Варшаве и Петрограде, а не односторонне Учредительным собранием.

В августе 1917 г. в Париже был создан Польский национальный комитет. В комитете преобладающим влиянием пользовалась основная партия польской буржуазии — национальные демократы (эндеки) — и ее лидеры — Р. Дмовский, Ст. Грабский и близкий к ним И. Падеревский. Правительства Франции, Англии, Италии и США признали комитет «официальной политической организацией». Во Франции из поляков, проживавших за границей, была создана польская армия, командующим которой в 1918 г. стал генерал Юзеф Галлер.

14 ноября 1918 г. находившийся в Варшаве Регентский совет передал власть возвратившемуся из Германии в Варшаву Юзефу Пилсудскому, который воевал против России на стороне Австро-Венгрии, командуя 1-й бригадой Польских легионов.

8.1. Украинско-польская война

За две недели до того как власть оказалась у Ю. Пилсудского, 31 октября 1918 г., украинские националисты захватили город Львов. Утром 1 ноября горожане, проснувшись, обнаружили реющий над ратушей желто-голубой флаг. Подобные события произошли и в других местах Восточной Галиции. Украинское население восторженно встретило события 1 ноября 1918 г. Полякам такое положение дел не понравилось. Во Львове развернулись жестокие бои буквально за каждый дом между украинскими войсками и отрядами польской военной организации. На северо-западе поляки захватили главный железнодорожный узел — Перемышль. Тем временем румынские

войска овладели большой частью Буковины, Закарпатье оставалось в руках венгров. И все же значительная часть Восточной Галиции еще принадлежала украинцам, настойчиво продолжавшим создавать свое государство.

Так началась польско-украинская война. Французы перебросили в Польшу 60-тысячную армию Юзефа Галлера. Солдатами в этой армии были поляки, а офицерами — в основном французы, армия была оснащена французским оружием. Франция отправила войска для борьбы с большевиками, а Пилсудский послал ее к Львову. В итоге в апреле — мае 1919 г. польские вооруженные формирования прорвали фронт украинцев у Львова и отбросили их за реку Збруч. 16 июля украинцы («Галицкая армия») перешли через Збруч в Восточную Украину. Вооруженная борьба за Восточную Галицию, стоившая жизни почти 15 тысячам украинцев и 10 тысячам поляков, завершилась.

8.2. Аннексия Верхней Силезии

17 августа 1919 г. польское население юго-восточной части Верхней Силезии, подстрекаемое из Польши, подняло восстание, которое было подавлено немецкими войсками. Однако когда по требованию Антанты с территории Верхней Силезии были выведены германские войска, поляки 19 августа 1920 г. начали второе Силезское восстание. Восставшие требовали вывести из Верхней Силезии немецкие вооруженные формирования. 25 августа Межсоюзническая комиссия Антанты заявила о создании в Силезии смешанной польско-германской полиции. Наконец, 20 марта 1921 г. состоялся плебисцит о государственной принадлежности Верхней Силезии, на котором 63% жителей проголосовали за то, чтобы остаться в составе Германии.

Следует отметить, что поляки перед этим 18 июля 1920 г. проиграли аналогичный плебисцит на юге Восточной Пруссии. В ответ 3 мая 1921 г. начинается третье Силезское восстание. По требованию Антанты в середине июня было заключено перемирие, а вопрос о принадлежности Верхней

Силезии направляется на рассмотрение Лиги Наций. В октябре 1921 г. решением Лиги Наций Польше передается часть германской Верхней Силезии, включавшая в себя 29% ее территории и 46% населения. Это, пожалуй, был единственный случай в истории, когда авантюрная тактика польской элиты сработала. Тактика эта проста: поляки устраивают восстание без особых шансов на успех, но с надеждой, что «заграница» поможет. В Верхней Силезии действительно помогло, а вот в Чехословакии — нет. Ведь чехи и поляки в игре Антанты были фигурами одного цвета.

8.3. Агрессия против Чехословакии

10 декабря 1918 г. поляки объявили о проведении 26 января 1919 г. плебисцита о государственной принадлежности Тешинской области. Чтобы население проголосовало правильно, 17 декабря там началось сосредоточение польских частей. Однако 22 января Чехословакия предъявила ультиматум о выводе польских войск, а 23 января чехословацкие войска неожиданной атакой выбили поляков из Тешина. После нескольких взаимных столкновений и очередного польского восстания вмешался «хозяин» в лице Антанты, в результате чего в Париже было подписано соглашение, согласно которому Польша уступала Тешинскую область Чехословакии. После решения Антанты поляки временно прекратили «священную войну» за господство над Тешинским княжеством.

8.4. Польско-советская война

В отношении России руководители суверенной Польши должны были сделать выбор: иметь ли в будущем, по окончании гражданской войны, своим восточным соседом восстановленную в ее границах Россию или же воспользоваться создавшимся положением и расширить за ее счет территорию Польского государства на восток.

Рядом международных договоров, заключенных в 1919 г., была установлена западная граница Польши. Что касается восточной ее границы, то с весны 1919 г. Союзная ко-

миссия изучала этот вопрос, решение которого без участия России не представлялось возможным. Осенью 1919 г. по настоянию Польши Верховный союзный совет определил временную восточную границу, проведя ее примерно по рубежам бывшей «русской» Польши.

Союзные державы считали, что эта линия соответствует заявлению Временного правительства от 17 марта 1917 г. об этнографической основе размежевания, тогда как дальнейшее ее расширение на восток ставилось в зависимость от санкции и согласия будущего российского Учредительного собрания.

Это решение вызвало в Польше взрыв негодования. В польской печати и сейме в самой резкой форме прозвучали требования о присоединении к Польше, в том или ином виде, Литвы, большей части Белоруссии, Волыни и Подолии. Против одностороннего решения Польшей вопроса такой чрезвычайной важности выступили союзные державы, Литва, правительства социалистических республик и, конечно, советская Россия.

Следует иметь в виду, что общественность и сейм Польши лишь частично выражали внешнеполитический курс, проводимый на протяжении всей политической карьеры Начальником Польского государства Ю. Пилсудским и его сторонниками. Суть этого курса заключалась в стремлении разделить советскую Россию, а позже СССР, по национальным районам, сократить территорию России до границ XVI в. Идеологи этой программы предполагали использовать как национальную эмиграцию, так и сепаратистские круги внутри советской России (СССР), отводя Польше роль координатора в будущей федерации государств-лимитрофов.

Документы, хранящиеся в Российском государственном военном архиве, свидетельствуют о том, что политическое и экономическое влияние Польши на Востоке предполагалось укрепить путем создания федерации в составе Финляндии, Балтийских государств, Белоруссии, Украины, гипотетических крымского и казачьего государств, а также «союза государств Кавказа». Предполагалось, что граница

этой новой федерации, созданной под польским протекторатом, пройдет по рекам Двине и Днепру на всем протяжении от Балтики до Кавказа.

Именно этим курсом можно объяснить сложное маневрирование маршала Пилсудского во время польско-советской войны, особенности его взаимодействия как с А.И. Деникиным, представителями союзных держав, так и с большевиками.

Такой внешнеполитический курс «начальника» Польши вел страну к неизбежному вооруженному конфликту. Первые бои польских и советских частей произошли в середине 1919 г. В течение всего первого года противостояния военные действия не отличались большой интенсивностью: обе стороны были заняты другими проблемами. При экономической и военной помощи Франции в течение всего 1919 г. Польша значительно окрепла. И к началу 1920 г. внешняя и внутренняя политическая обстановка складывалась для нее благоприятно[1]. При содействии держав Антанты Польша благополучно разрешила для себя все территориальные споры с Чехословакией.

Под гнетом Версальского договора Германия вынуждена была смириться с решениями Антанты в отношении пограничных претензий Польши, и последняя могла не беспокоиться за свою германскую границу. Благодаря опять же военно-экономической помощи Франции Польше удалось утвердиться в Восточной Галиции, население которой вело упорную борьбу за свою независимость в 1919 г. Жесткий режим оккупации подавил там все очаги сопротивления. Таким образом, во внешнеполитическом отношении Польша получила достаточно крепкий тыл и могла сосредоточить все силы на решении тех задач, которые она ставила себе на Востоке.

В правительственной ноте от 28 января 1920 г. Совет народных комиссаров торжественно заявлял польскому правительству и народу, что «не существует ни одного вопроса: территориального, экономического или иного, который не

[1] *Какурин Н.Е., Вацетис И.И.* Гражданская война 1918—1921. — СПб.: Полигон, 2002.

мог бы быть разрешен мирно, путем переговоров, взаимных уступок и соглашений»[1].

2 февраля следующего года ВЦИК обратился с воззванием к польскому народу, в котором указывалось, что «стремление к миру с Польшей есть искреннее и глубочайшее желание рабочих и крестьян», и призывал польский народ покончить с кровопролитной войной, «дабы оба народа могли начать войну с гнетущими их бедствиями — холодом, голодом, тифом и безработицей»[2].

Эти призывы остались без ответа, и 6 марта 1920 г. правительство России повторило их, подчеркивая, до «какой степени состояние войны является вредным для интересов обоих народов». Только 27 марта последовал ответ польского правительства, предлагавшего избрать местом мирных переговоров город Борисов, причем передышка в военных действиях предлагалась не на всем фронте, а лишь в районе Борисова. Польская сторона не желала связывать себе руки.

Последовательное наращивание польских сил на Восточном фронте началось еще с зимы 1919 г. и к 1 января 1920 г. армейские формирования на польском Восточном фронте насчитывали в своем составе 121 200 штыков и сабель при 594 орудиях, 2910 пулеметах и 95 самолетах[3].

В течение февраля и марта польский Восточный фронт усилился тремя пехотными дивизиями и четырьмя кавалерийскими полками. Кроме того, было мобилизовано еще 53 438 человек. А в апреле ожидалось еще пополнение в количестве 60 000 человек. К концу апреля общая численность польских вооруженных сил на Восточном фронте достигла 369 887 человек. Для сравнения: к тому же времени общая численность советских войск на Польском фронте не превышала 86 338 штыков и сабель.

22 апреля 1920 г. Ю. Пилсудский и вождь украинских националистов С. Петлюра подписали между собой соглаше-

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Там же.

ние об освобождении Украины от советской власти. Это соглашение, превращавшее Украину в колонию Польши, было необходимо Пилсудскому как политический предлог для оправдания вторжения на Украину польских легионеров. Этим соглашением Пилсудский хотел ввести в заблуждение общественное мнение Европы и самой Польши, так как в противном случае наступательные действия на Украине шли бы вразрез со всеми предшествующими высказываниями польских государственных деятелей о том, что Польша находится в положении стороны, обороняющейся от «красного империализма».

Договор был подписан и вступил в силу тогда, когда польские силы на Украине заканчивали свое сосредоточение и развертывание.

Таким образом, для советской России война с Польшей была, прежде всего, войной против внешней агрессии. Вторжение поляков вызвало в стране, раздираемой гражданской войной, консолидацию всех патриотических сил. Генерал А.А. Брусилов призвал всех бывших офицеров царской армии записаться в Красную Армию. И в 1920 г. число белых офицеров, перешедших на сторону красных, достигло 80% от общего количества[1].

Военные действия, поначалу успешно развивающиеся для советской России, в конце концов, привели к ее поражению. Множество красноармейцев оказалось в плену. Об их количестве до сих пор идут дискуссии.

8.5. Аннексия Виленского края

В ходе польско-советской войны 1920 г. польские войска оккупировали обширные территории Литвы, Белоруссии и Латвии. Генерал Люциан Желиговский по негласному распоряжению Пилсудского занял Вильну и Виленский край и образовал из этих земель так называемую Срединную Литву.

---

[1] *Какурин Н.Е., Вацетис И.И.* Гражданская война 1918—1921. — СПб.: Полигон, 2002.

Действия частей, сформированных из уроженцев Вильны и Виленского края, должны были носить стихийный характер, якобы выражающий волю населения, и выглядеть как возвращение «законных хозяев» в родные земли.

Вечером 9 октября генерал Желиговский радиограммой, адресованной правительствам Польши, США, других государств и Лиге Наций, известил о том, что солдаты родом из Виленского края отказались подчиняться Верховному главнокомандующему, он принял командование над ними и создал Временную исполнительную комиссию. Об образовании Срединной Литвы извещали три ноты, отправленные 12 октября 1920 г. генералом Л. Желиговским правительству Польши в Варшаве, правительству Литвы в Каунасе и государствам Антанты.

Изданный Л. Желиговским декрет № 1 от 12 октября 1920 г. устанавливал территорию Срединной Литвы в границах, определенных советско-литовским договором от 12 июля 1920 г. и литовско-польской демаркационной линией июня 1920 г.

В воззвании 9 октября 1920 г. генерал Л. Желиговский заявлял о создании сейма, цель которого заключалась в созыве в Вильне представителей края для выражения истинной воли населения. Однако первоначально назначенные на 9 января 1921 г. выборы были отложены. 28 октября 1921 г. назначили новую дату выборов — 8 января 1922 г. К участию в них допускались постоянные жители Срединной Литвы и уроженцы этой территории. Среди 12 избирательных округов 3 находились на территории Польши (Лида, Василишки, Браслав) и 2 — на территории Литвы (Ширвинты, Высокий Двор). Большинство литовцев по призыву лидеров литовского населения Срединной Литвы выборы бойкотировали. К бойкоту присоединилась часть белорусов и евреев. В выборах участвовало всего 64, 4% избирателей (249 325 человек). Из литовцев, имевших право голоса, проголосовало 8, 2%, из евреев — 15, 3%, из белорусов — 41%. В виленском сейме 77 мандатов получили политические объединения,

выступавшие за полную инкорпорацию Срединной Литвы в состав Польши, 22 — сторонники автономии в рамках Польского государства, 4 — сторонники федерации с Польшей (Демократическая партия) и лишь 3 — сторонники союза с литовским государством (Народный союз Возрождения). Заседания сейма начались 1 февраля 1922 г. На заседании 20 февраля 1922 г. сейм 96 голосами при 6 воздержавшихся принял резолюцию о безоговорочном включении Срединной Литвы в состав Польши.

22 марта 1922 г. учредительный сейм в Варшаве принял Акт воссоединения Виленского края с Польской Республикой. И уже 24 марта 1922 г. виленский сейм был распущен, часть его депутатов была кооптирована в сейм Польской Республики. 6 апреля варшавским сеймом принят закон об установлении государственной власти на Виленщине. 18 апреля в Вильне при участии «начальника» государства Юзефа Пилсудского, премьер-министра Антони Пониковского, примаса Польши Эдмунда Дальбора, генерала Люциана Желиговского состоялось торжественное подписание Акта об установлении власти правительства Польши в этом крае.

8.6. Трагическая судьба пленных красноармейцев

Во время польско-советской войны в плену у поляков оказалось большое число пленных красноармейцев. Представим оценки количества этих военнопленных, сделанные наиболее известными историками, многие годы изучавшими данную проблему.

Карпус Збигнев — профессор истории, доктор исторических наук, профессор Университета имени Коперника в Торуни (Польша).

Матвеев Геннадий Филиппович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Михутина Ирина Васильевна — доктор исторических наук. Институт славяноведения РАН.

Оценки числа плененных красноармейцев

Оценки З. Карпуса. По польским данным — 66 762 человека (по советским официальным данным — 75 699 человек). Именно эта цифра и была положена в основу подсчета польской стороной общей численности пленных красноармейцев. Методика выглядела настолько убедительной, что ею пользовались до сегодняшнего дня — к 67 тыс. вернувшихся на родину красноармейцев прибавляется около 25 тыс. человек, которые, как пишет польский историк Збигнев Карпус, «едва попав в плен или недолго пробыв в лагере, поддавались агитации и вступали в русские, казачьи и украинские армейские группировки, которые вместе с поляками воевали с Красной Армией». К ним плюсуют 16—18 тыс. умерших в лагерях от ран, болезней и недоедания. В общей сложности получается около 110 тыс. человек. С одной стороны, эта цифра убедительно свидетельствует о триумфе польского оружия в той войне, а с другой — позволяет избежать обвинений, скажем так, в излишне негуманном отношении к пленным[1].

Оценки Г. Матвеева. По данным составителей сборника «Судьбы красноармейцев в польском плену», за 20 месяцев войны в плену оказалось 157 тыс. красноармейцев. К сентябрю 1922 г. вернулось в Россию по репатриации 78 967 человек, погибло в плену 18—20 тыс. Кроме того, в результате контрнаступления Красной Армии в 1920 г. было отбито из плена около 7 тыс., добровольно сдались в плен в апреле 1920 г. и отпущены поляками по домам 12—13 тыс., бежали из лагерей, расположенных в полосе фронта, около 1 тыс., освобождены как иностранные граждане (не подданные России) около 1 тыс., бежали из пересыльных пунктов и рабочих команд около 7 тыс., переведены в категорию интернированных около 1 тыс., добровольно остались в Польше около 1 тыс., вступили в антисоветские формирования на территории Польши еще тысяч 20. К сожалению, не удалось установить судьбу 9—10 тыс. человек, которые могут быть отнесены к любой категории. Более подробно о каждой категории пленных читатели могут узнать из вышедшего сборника документов[2].

---

[1] *Карпус З.* Факты о советских военнопленых 1919—1921 гг. URL: http://www.novpol.ru/index.php?id=352.

[2] *Матвеев Г.Ф.* О численности пленных красноармейцев во время польско-советской войны 1919—1920 годов // Вопросы истории. 2001. № 9.

Оценки И. Михутиной

1. 15 сентября 1919 г. премьер-министр Польши Падеревский на заседании Высшего совета Мирной конференции сделал представителям западных держав заявление о том, что польскими войсками уже взято «от 30 до 35 тыс. большевистских пленных» (а не 13 тыс., как пишет полковник Дайнес). Эти цифры приняты в статье 9. Так сколько же советских военнопленных погибло в Польше в течение всего 1919 г.?

2. При оценке числа советских военнослужащих, попавших в плен во время польского наступления в Приднепровской Украине, так называемого киевского похода, приняты сведения профессора Карпуса о пленении 30 тыс. человек. В письмах Пилсудского к генералу Соснковскому и главе правительства Скульскому упоминается о пленении с 29 апреля по 12 мая 1920 г. 6 тыс., затем — 2 тыс., 1 тыс. и еще 20 тыс. красноармейцев. По письмам нельзя сделать вывод, что это полные данные. Из названных 30 тыс. 5 тыс. вскоре были отбиты частями Буденного при освобождении Бердичева и Житомира, а стрелки из двух галицийских бригад (по данным Карпуса, их насчитывалось до 12 тыс.) добровольно перешли на сторону Польши, где были интернированы. Они исключены из подсчетов, таким образом, число попавших в плен во время Киевского похода — 13 тыс.

3. В польской исторической литературе распространены цифры 60—70 тыс. пленных, взятых при отступлении от Варшавы. Между тем в архивном фонде 2-го отдела Генерального штаба Польши И.В. Михутина обнаружила подборку пресс-коммюнике, составленных на основании телеграмм Верховного командования польской армии (неясно, полную ли), с данными о пленении красноармейцев за это время на разных участках фронта. В сумме получилось: 60 тыс. — с 17 по 23 августа, 20 750 — с 26 августа по 8 сентября и 36 800 — с 11 сентября по 5 октября, всего 117 550 человек с 17 августа по 5 октября 1920 г. Вместе с 35 тыс., названными премьером Падеревским в сентябре 1919 г., и 13 тыс., попавшими в неволю весной 1920 г., это без всякой «арифметической ошибки» и составляет 165 550 человек[1].

Советские военнопленные были размещены в лагерях в Стшалкове, Домбе, Пикулицах, Брест-Литовске, Ланьцуте,

[1] *Михутина И.В.* Польско-советская война 1919—1920 гг. — М., 1994.

Тухоле и др. Трагично сложилась их судьба. От нечеловеческих условий содержания, по разным оценкам, погибло от 20 до 100 тысяч военнопленных.

Известны случаи массового уничтожения поляками сложивших оружие советских военнослужащих. Так, по приказу польского командования 300 пленных красноармейцев были буквально «скошены» пулеметными очередями в районе действия армии генерала В. Сикорского. Профессор Анжей Айненкель, директор Института военной истории в Варшаве, утверждает, будто это был единичный случай. Но как тогда понимать свидетельство К. Свитальского, одного из ближайших сотрудников Ю. Пилсудского, о систематических расправах поляков с пленными на линии фронта? «Помехой к деморализации большевистской армии путем дезертирства из нее и перехода на нашу сторону является ожесточенное и беспощадное уничтожение нашими солдатами пленных», — записал он 22 июня 1920 г. в своем дневнике, опубликованном в 1992 г.[1].

В польской армии имела место практика оставлять на поле боя[2], даже без оказания медицинской помощи, раненых солдат противника, но при этом сообщать о них в сводках как о взятых в плен. Это видно из рапорта командования 14-й Великопольской пехотной дивизии командованию 4-й армии от 12 октября 1920 г., в котором, в частности, сообщалось, что за время боев от Брест-Литовска до Барановичей взято в общей сложности 5000 пленных и оставлено на поле боя около 40% названного числа раненых и убитых большевиков. В приведенной в рапорте табличке с указанием, где и сколько пленных и оружия было захвачено, посвященная пленным колонка называется «Взято в плен плюс 40% раненых пленных». Всего таких оказалось 7 тысяч человек. Оставление на поле боя раненых солдат противника представляло собой грубое

[1] Судьбы красноармейцев в польском плену: Сб. документов. — М.-СПб.: Летний сад, 2004.

[2] *Матвеев Г.Ф.* Оставлены на поле боя… Как поступала 14-я пехотная дивизия с пленными красноармейцами // Родина. 2004. № 7.

нарушение Женевской конвенции от 6 июля 1906 г. о больных и раненых солдатах, 1-я статья которой гласит: «Больные и раненые воины, а равно и другие прикомандированные к армии лица пользуются со стороны военной власти, в руках которой они находятся, покровительством и уходом без различия подданства»[1]. В статье в журнале «Родина» приводится еще ряд свидетельств того, что и в других польских армиях не брали в плен раненых. Это, в частности, рапорт от 1 октября 1920 г. начальника секции гигиены Верховного командования Войска Польского майора С. Саского о результатах проверки концентрационной станции пленных 2-й и 4-й армий в Седлеце (речь шла о пленных, захваченных 2-й армией), цитата из работы Я. Одземковского «Цицув»[2]. Именно практикой отказывать раненым в первой медицинской помощи и не отправлять на сборные пункты пленных, но при этом включать в сводки о пленных можно объяснить неразбериху в вопросе о численности пленных во 2-й, 3-й и 4-й армиях, обнаруженную 9—10 сентября 1920 г. проверявшими заведения для пленных референтами отделения пленных 4-го отдела Верховного командования[3].

Смертность среди пленных в отдельные периоды была катастрофической. Так, по данным представителей Международного Красного Креста, в лагере в Брест-Литовске, находившемся в ведении Верховного командования, с 7 сентября по 7 октября 1919 г. из 4165 больных советских и украинских пленных умерли 1124, то есть 27%. Печальный «рекорд» был поставлен в августе, когда от дизентерии за сутки умерли 180 человек. Во время начавшейся 15 декабря 1919 г. эпидемии сыпного тифа в Бобруйске в течение декабря и января умерли 933 человека, то есть около половины содержавшегося там

[1] *Лист А.* Международное право в систематическом изложении. — Юрьев, 1917.

[2] *Odziemkowski J.* Cicow 1920. — Warszawa, 1992.

[3] *Матвеев Г.Ф.* Оставлены на поле боя… Как поступала 14-я пехотная дивизия с пленными красноармейцами // Родина. 2004. № 7.

контингента, состоявшего только из красноармейцев. Но в среднем смертность показывалась ниже. Так, санитарный департамент минвоендел Польши определял в феврале 1920 г., когда не было большого притока пленных, «нормальную» смертность в подведомственных ему лагерях военнопленных в 7%, не уточняя, правда, в день, месяц или год[1].

Во второй половине декабря в польском лагере Стржалково произошли следующие трагические события. В ночь на 19 декабря 1921 г. дело дошло до стрельбы по баракам, в результате чего был ранен красноармеец Корней Калита. Дело в том, что заключенным запретили выходить из бараков после 6 часов вечера, а туалетов в бараках не было. Выходящих на улицу пленных избивали специально следившие за этим польские солдаты. «До настоящего времени, — говорилось в ноте полномочного представителя РСФСР в Варшаве Л. Карахана правительству Польши 5 января 1922 г., — в лагере происходят ежедневные надругательства над личностью пленных. Избиения военнопленных составляют постоянное явление, и нет возможности регистрировать все эти случаи. РУД в целом ряде отношений приводила длинные списки избитых пленных. Все эти избиения остаются безнаказанными, но до настоящего времени не распубликован, вопреки постановлению Смешанной репатриационной комиссии, приказ от 6 августа 1921 г., запрещающий бить пленных, и таким образом тормозится борьба с этим преступным отношением к военнопленным»[2].

Лагерь в Тухоле сами военнопленные называли «лагерем смерти». Представитель польского Общества Красного

[1] Судьбы красноармейцев в польском плену: Сб. документов. — М.-СПб.: Летний сад, 2004; *Иванов Ю.В.* Задолго до Катыни. Красноармейцы в аду польских концлагерей // Военно-исторический журнал. 1993. № 12; *Иванов Ю.В., Филимошин М.В.* Все пленные были парализованы ужасами // Военно-исторический журнал. 1995. № 5; *Михутина И.В.* Польско-советская война 1919—1920 гг. — М., 1994.

[2] Польско-советская война 1919—1920 гг. и судьба военнопленных, интернированных и беженцев. URL: http://www.hrono.ru/libris/pdf/sudba-plennih-krasnoarm-v-pol.pdf.

Креста Н. Крейц-Вележинская так описывает состояние содержания красноармейцев: «Всего сейчас в Тухоле 5373 пленных. Лагерь в Тухоле — это так называемые землянки, в которые входят по ступенькам, идущим вниз. По обе стороны расположены нары, на которых пленные спят. Отсутствуют сенники, солома, одеяла. Нет тепла из-за нерегулярной поставки топлива… Нехватка белья, одежды во всех отделениях. Трагичнее всего условия вновь прибывших, которых перевозят в неотапливаемых вагонах, без соответствующей одежды, холодные, голодные и уставшие… После такого путешествия многих из них отправляют в госпиталь, а более слабые умирают»[1].

Вот как выглядел Тухольский госпиталь: «Больничные здания представляют громадные бараки, в большинстве случаев железные, вроде ангаров. Все здания ветхие и испорченные, в стенах дыры, через которые можно просунуть руку… Холод обыкновенно ужасный. Говорят, во время ночных морозов стены покрываются льдом. Больные лежат на ужасных кроватях… Все на грязных матрацах без постельного белья. Только четверть имеет кое-какие одеяла, покрыты все грязными тряпками или одеялом из бумаги»[2].

Согласно материалу, который был опубликован 22 декабря 1920 г. в львовской газете «Вперед», 9 декабря в польском лагере Тухоль только за один день умерло 45 российских военнопленных. Причиной этому послужило то, что в морозную и ветреную погоду «полуголых и босых» пленных «водили в баню» с бетонным полом, а затем перевели в грязные землянки без деревянного пола. «В результате, — сообщалось в газете, — беспрерывно выносили мертвецов или тяжелобольных».

Дискуссия о числе погибших затянулась. «Вопрос недостаточно изучен», — соглашаются с польскими коллегами наши историки. Спор, как видно, будет продолжаться до бес-

[1] Судьбы красноармейцев в польском плену: Сб. документов. — М.-СПб.: Летний сад, 2004.

[2] Там же.

конечности. «Погибло 20 000 пленных», — отстаивают явно заниженную оценку поляки. Нет, погибло значительно больше, отвечают им российские историки. Но если даже согласиться с польской стороной — 20 000 зверски замученных людей — это что, мало для того, чтобы потрясти общественность? Сколько нужно жертв, чтобы заставить поляков покаяться, поставить памятные знаки над могилами замученных?

Польская интеллигенция, в частности профессора А. Айненкель, директор Института военной истории в Варшаве, историки З. Карпус, Е. Куманецкий и другие, утверждают, что русские красноармейцы погибли не из-за издевательств и грубого отношения со стороны польских военнослужащих, а по причинам болезней, холода и голода. По их понятиям, это снимает ответственность с польской стороны за гибель военнопленных и не может оцениваться как преступление.

В связи с этим позвольте привести следующий пример.

Близ Риги, всего в 800 м от городской черты, находится печально известный поселок Саласпилс. Да, тот самый, где нацисты, по выражению экс-президента Латвии, организовали исправительно-трудовой лагерь, где из детей выкачивали кровь для своих доблестных солдат. Недалеко от района гидростроителей в Саласпилсе находится мемориальный комплекс, рядом — станция электрички Доле. В 1941 г. фашисты согнали в это место советских военнопленных, их было порядка 120 тысяч. Эсэсовцы огородили место содержания пленных колючей проволокой, построили вышки, разместили на них пулеметы и больше ничего строить не стали: ни бараков, ни землянок, ни навесов. Пленных не кормили. Просто не давали никуда выйти. Над ними не издевались, не били, не расстреливали, даже не оскорбляли бранными словами. Однако все заключенные в страшных мучениях скончались. Они руками вырывали себе землянки, объели кору со всех деревьев, поедали останки погибших товарищей, но в конце концов полегли все до одного. Смерть их была ужасной.

Однако, исходя из логики наших польских коллег, никакого преступления здесь совершено не было, ведь над плен-

ными не издевались, их не били, не пытали… То, что десятки тысяч людей скончались от голода и тифа в польских концентрационных лагерях, якобы не может квалифицироваться как убийство. Ничего страшного! Ведь их не расстреляли, считает Б. Соколов[1]. «Давайте будем серьезны: вся правда о судьбе советских военнопленных должна быть раскрыта. Но одно уже ясно: ни один из них не был убит выстрелом в затылок», — вторит ему А. Михник[2]. По мнению этого, с позволения сказать, «правозащитника», «выстрел в затылок» — преступление, а мучительная смерть от голода, холода и болезней — это «несерьезно».

Как российским, так и зарубежным правозащитникам нет дела до десятков тысяч заморенных голодом и холодом красноармейцев. Так в чем тут логика? Да в том, что люди заведомо делятся ими на два сорта. Людей «первого сорта» жалко, их надо защищать, ведь борьба за их права неплохо оплачивается, а за людей «второго сорта» денег не дают, следовательно, они и людьми не являются.

8.7. Политика второй Речи Посполитой по отношению к гражданам немецкой национальности

Польский политик-националист С. Грабский заявил на собрании познанской организации своей партии в октябре 1919 г.: «Мы хотим основывать наши отношения на любви. Но существует одна любовь к соотечественникам, а другая — к чужим. Их процентный удел у нас решительно слишком велик. Познань показывает нам путь, каким образом можно понизить количество чужих с 14 или 20% до 1,5%. Чуждый элемент должен задуматься, не будет ли ему лучше где-нибудь в другом месте. Польша — только для поляков»[3].

Приведенное Грабским число «14 или 20%» следует заменить правильным — 42%, именно столько немецких жителей было в Познани на переломе XIX—XX вв. «Meyers Lexikon»

[1] URL: http://grani.ru/Society/Law/m.87291.html.

[2] URL: http://grani.ru/Politics/Russia/m.156454.html.

[3] URL: http://tygodnik.onet.pl/30,0,7780,1,artykul.html.

сообщает, что в 1919—1925 гг. Познань и Восточную Пруссию покинули 1,25 миллиона немцев. В это же время из восточной части Верхней Силезии выехало 100 000 немцев.

На познанских землях, в Шчиперне и Стшалкове, поляки после Первой мировой войны основали первые концлагеря в Центральной Европе. В них царили жестокость и беззаконие. Всего из немецкого гражданского населения в Шчиперне содержалось в переполненных бараках 1500 человек. Введение в то время чрезвычайного положения поддержало политику насилия. Правда, 28 июля 1919 г. Польша обязалась защищать национальные меньшинства.

Прусский комиссар по поддержанию общественного порядка так описывал условия существования немецкого меньшинства в сентябре 1920 г.: «Современная Польша старается перещеголять ужас торуньского суда крови, который 200 лет назад вызвал гнев и отвращение тогдашнего мира. В 1724 г. в Торуне отрубили головы немецкому бургомистру и еще 9 жителям. Ежедневно происходят страшные жестокости, насилие над немецкими женщинами и девушками, допросы, которые напоминают ужасные методы средневековых пыток. В отдельных частях Западной Пруссии немецкое сельское население так напугано польскими отрядами самообороны, что ночует на улице, чтобы иметь возможность быстро убежать от приближающейся польской орды»[1].

Таким образом, в Торуне в 1910 г. при общем числе жителей 46 227 человек немцев было 30 509 человек. В 1921 г. из общего числа 39 424 жителей лишь 4923 составляли немцы. Немецкий рейхстаг в ноте, направленной правительству Польши 20 ноября 1920 г., приводит множество конкретных примеров, когда немцев лишали имущества, мучили, пытали, насиловали, убивали, и в конце утверждает, что «немцы в Польше не пользуются торжественно обещанным равенством. Они практически, официально изъяты из-под защиты законов»[2].

---

[1] Польская национальная политика в межвоенные годы — Политика Балтия —. URL: http:// baltic.vlasti.net (время обращения 2008.03.18 — 06:55).

[2] Там же.

В дальнейшем немецкие погромы происходили в Острове, Быдгощи, где, вместе с окрестностями, в начале XX в. проживало 67% немецкого населения, и других городах.

Вот характерное высказывание тех лет. 11 июля 1921 г. староста Оссовский публично заявил на Хелмском рынке, что недалеко от Торуня: «Если какой-то немец или еврей осмелится сказать что-нибудь против Государства Польского, то свяжите его веревкой и тащите по дорогам». Таких примеров крайнего польского национализма, агрессивной враждебности можно приводить сколько угодно. Так, листовки в Познани в 1921 г. гласили: «Кто тут еще из немецкой голытьбы остался, будут ликвидированы все, без исключения... Теперь пришел черед немецких врачей, адвокатов, пасторов, колонистов, владельцев чего бы то ни было, которые являются немцами или евреями»[1].

8.8. Еврейские погромы в 1918—1921 годах

В 1926 г. в издательстве «Акционерное общество “Школа и книга”» вышла работа З.С. Островского[2]. Книга представляет собой краткий очерк погромной эпопеи 1918—1921 гг., устроенной поляками на «своих исконных землях». Приведем несколько фрагментов из данного сборника.

«Необходимо указать, что поджоги являются вообще излюбленным погромным приемом польской шляхты. Так, например, в Минске перед отходом под натиском большевиков поляки сожгли 50 домов. Сожгли оба вокзала, магазины, аптеки, больницы. Ограбили рабочие кооперативы, взорвали железнодорожные мосты и т. д.

В Бобруйском уезде поляками сожжено было около 2 000 дворов, причем уцелевший от пожара скот и мертвый инвентарь, а также все наиболее ценное имущество было вывезено. Убитых насчитывается 47 человек. В Уречье поляки сожгли все постройки. В Глусках поляками было сожжено 85 лавок,

[1] URL: http://tygodnik.onet.pl/30,0,7780,1,artykul.html.

[2] *Островский З.С.* Еврейские погромы 1918—1921 гг.— М.: Школа и книга, 1926.

а также много домов и сараев, причем имущество и скот были вывезены. В тех случаях, когда имущество невозможно было вывезти, оно тут же на месте уничтожалось. Если почему-либо нельзя было увозить скот, то солдаты привязывали его проволокой к стойлам в сараях и хлевах, и таким образом скот погибал вместе с постройкой. Нередко в огне гибли и люди, ибо кто не успевал заблаговременно убежать из поджигаемых домов и зданий и скрыться в укромное место, того польские солдаты уже не выпускали под угрозой расстрела. Таким образом, много лиц, опасавшихся выйти под перекрестным огнем польских солдат, было заживо сожжено. Поджоги, как указано, занимали видное место в польских погромах. Они производились совершенно открыто и организованно, с применением различных технических приспособлений в виде зажигательных снарядов и т.п. Чаще же всего дома обливали керосином или обкладывали соломой и зажигали. Пожарную команду солдаты под угрозой расстрела не допускали к тушению пожара»[1].

Необходимо отметить, что нееврейское население поляки обычно не трогали, имущества его не грабили и домов не поджигали.

8.9. Эпизоды времен польской оккупации

Летом 1919 г. в день Иом-Кипур'а в деревне Домово, Бобровского уезда, появился эскадрон польских уланов, которые зашли в синагогу и начали издеваться над молящимися, особенно над стариками. Стариков в полном молитвенном облачении они выгнали из синагоги и заставили подметать улицы, а затем заставили плясать, причем отрезали у них бороды. Девушек и женщин погнали чистить картофель и жарить кур и гусей, награбленных у еврейского населения. Молодежь же всю погнали на принудительные работы — таскать за пять верст сено для их лошадей[2]. Такие издевательства над национальным и человеческим достоинством еврейского населения были обычным явлением при господстве польской шляхты.

[1] Там же.

[2] Там же.

Далее приведем несколько фактов из жизни и деятельности польского «национального героя» С.Н. Булак-Балаховича.

8.10. Станислав Никодимович Булак-Балахович – национальный герой Польши

Станислав Никодимович Булак-Балахович (1883—1940) — военный и политический деятель эпохи Гражданской войны в России, генерал белой армии и Войска Польского. Настоящая фамилия — Балахович, также известен как Бэй-Булак-Балахович.

С.Н. Балахович (23 февраля (29 января?) 1883, Мейшты, Российская империя — 10 мая 1940, Варшава, «третий рейх»)

Согласно послужному формуляру, происходил из крестьян Ковенской губернии. Отец — Никодим-Михаил Сильвестрович Балахович из мелких (безземельных) польско-белорусских шляхтичей. Мать — Юзефа Балахович (в девичестве Шафран или Шафранек) была полькой. По данным польского личного дела, оба родителя — католики, по формуляру — отец православный, сам Булак-Балахович — католик.

В 1903—1904 гг. Станислав Никодимович работал бухгалтером на строительстве железной дороги. В 1904 г. нанялся на работу управляющим в поместье Городец-Лужский графа Платер-Зиберга (по другим источникам — Плетер-Зиберга, Платера, Плятера — нем. Platter) в Дисненском уезде.

В ноябре 1914 г. по мобилизации поступил на службу во 2-й лейб-уланский Курляндский Императора Александра II полк, где показал себя самым лучшим образом, удостоившись медали Св. Георгия и Знака отличия Военного ордена (Георгиевского креста) 4-й степени. Войну он начал в чине корнета, но стал быстро продвигаться по службе.

5 сентября 1915 г. он получил свой первый офицерский чин и возглавил особый эскадрон в составе 2-й кавалерийской дивизии. В 1917 г. Станислав вместе с братом Юзефом вступил в ряды Красной Армии.

В июне 1917 г. в условиях революционного разложения армии С. Балахович избирается солдатским комитетом командиром эскадрона.

Из-за недостатка профессиональных военных большевики назначили Балаховича командиром Лужского партизанского (1-го конного) полка, который он же ранее и сколотил.

Полк Балаховича по приказу Л. Троцкого участвовал в подавлении крестьянских восстаний, проявляя исключительную жестокость. Постепенно Балахович начинает вызывать все большую неприязнь и недоверие красных, и даже не столько бесчинствами своих «партизан», сколько хроническим казнокрадством и приписками — при реальной численности своего отряда едва в полтысячи человек он получал довольствие на тысячу двести, что и послужило основанием для постановления о его аресте. В начале ноября 1918 г. Балахович принимает решение перейти к белым.

В ноябре 1918 г. по договоренности с представителями Отдельного Псковского добровольческого корпуса С. Булак-Балахович со своим отрядом (около 400 человек) перешел на сторону белых и прибыл в Псков, где назвался штабротмистром и был произведен в ротмистры.

По случаю своего перехода к белым он распространил листовку следующего содержания:

«Братья-крестьяне! По вашему призыву я, батька Балахович, встал во главе крестьянских отрядов. Я, находясь в среде большевиков, служил Родине, а не жидовской своре, против которой я создал мощный боевой отряд. Нет сил смотреть на то, что творится кругом: крестьянство разоряется, церкви, святыни поруганы, вместо мира и хлеба кругом царят братоубийственная война, дикий произвол и голод. Из школ выброшены иконы, и детей с малых лет хотят воспитать в хулиганстве: сыновей наших силой оружия заставляют идти в армию

и вместе с наемными китайцами гонят убивать своих же русских людей. Час расплаты близок, гнев народа растет. Целые области освобождены уже от своры международных военных преступников. Все страны мира идут против них. Братья, я слышу ваши желания и иду на помощь вам, обездоленным, разоренным. Объявляю беспощадную партизанскую войну насильникам. Смерть всем, посягнувшим на веру и церковь православную, смерть комиссарам-красноармейцам, поднявшим руку против своих же русских людей. Никто не спасется. С белым знаменем впереди, с верой в Бога и в свое правое дело я иду со своими орлами-партизанами и зову к себе всех, кто знает и помнит батьку Балаховича и верит ему. Тысячи ваших крестьян идут со мной, нет силы, которая может сломить эту великую крестьянскую армию. Атаман крестьянских партизанских отрядов батька Балахович»[1].

В феврале 1919 г. отряд Балаховича вошел в состав Северного корпуса под командованием генерала А.П. Родзянко. Весной того же года Балаховича произвели в полковники. 13 мая началось общее наступление Северного корпуса. Сам Балахович возглавил все силы, действующие на вспомогательном гдовско-псковском направлении. Через несколько дней войска Балаховича вступили в Псков.

Войдя в город, Балахович установил в нем жесткий кровавый режим. При нем практиковались еврейские погромы, массовые публичные казни, в которых он принимал личное участие, реквизиции. Он открыто печатал фальшивые деньги[2]. В штаб генерала Родзянко поступило из Пскова сообщение, где помимо прочего говорилось следующее:

«По инициативе г. Афанасьева Батька выписал Тешнера, который приготовил клише для 40-рублевых керенок.

В гостинице “Лондон” в № 1 была открыта экспедиция, в том же номере был водворен и посажен под охрану двух солдат (вооруженных), которые стояли у дверей, г. Тешнер,

---

1 *Корявцев П.М.* Батька: история одного предателя // Новый исторический вестник. 2002. № 2 (7).

2 Там же.

сделавший попытку к побегу и возвращенный из Печер обратно в Псков. Оттуда экспедиция была переведена под непосредственную охрану районного коменданта Куражева, где она и процветала, пока там были Куражев и Афанасьев. Все это велось под непосредственным руководством Стоякина, который повесил одного из писарей за слишком хорошее знакомство с делами экспедиции.

Печатание денег производилось в доме Коммерческого банка (в Пскове) под помещением районной комендатуры. В помещение экспедиции допускались только полк. Якобе, полк. Стоякин и корн. Якобсон.

Печатал мастер Богоприимцев. По этому делу Стоякин хотел расстрелять пор. Андреева. В этом деле принимали еще близкое участие кроме указанных лиц: подполковник Якобе, ротмистр Звягинцев, полк. Энгельгардт, корн. Якобсон, сотник Корчагин. Интересные данные по этому делу могут дать: бывший комендант Штаба Батьки прап. Шаров, содержатель гостиницы “Лондон” Ильяшев, подпор. Евгений Александрович Андреев, шт.-капитан Александр Иванович Протопопов и Николай Ильевич Валек…»[1].

Балахович не просто лично участвовал в казнях, но и нередко превращал их в публичное театрализованное действо. Корреспондент газеты «Русские ведомости» кн. Львов позднее писал об этом:

«Мы ехали по району, оккупированному год тому назад знаменитым Булак-Балаховичем. Народная память осталась о нем нехорошая. Грабежи и, главное, виселица навсегда, должно быть, погубили репутацию Балаховича среди крестьянского мира. За 40—50 верст от Пскова крестьяне с суровым неодобрением рассказывают о его казнях на псковских площадях и о его нечеловеческом пристрастии к повешениям»[2].

В ходе своего «правления» Балахович, не имея военных успехов, активно интриговал против командующего 2-м корпусом генерала Е.В. Арсеньева, которому номинально подчи-

[1] Там же.

[2] *Львов Л.* На деревенской телеге // Последние новости. 1920. № 121.

нялся, вынудив его ходатайствовать перед генералом Родзянко о присвоении себе звания генерал-майора, на что тот юридически не имел права без санкции Верховного правителя.

Одновременно Балахович активно контактировал с представителями Антанты и эстонской армии, в результате чего, не имея на то никаких прав и оснований, представители союзников 19 августа 1919 г. сместили генерала Арсеньева с поста командира 2-го корпуса и назначили на его место Балаховича. Это вынудило командование белых провести фактически спецоперацию по аресту и отстранению Балаховича от командования, однако вскоре после ареста он благополучно бежал к эстонцам (воспользовавшись доверчивостью конвойного, поверившего его «слову офицера») и формально поступил на службу в эстонскую армию, что, впрочем, не мешало ему временами воевать с частями и этой армии. Результатом таких действий было поражение белых на псковском направлении и сдача Пскова совершенно незначительным силам красных — эстонцы и отряд Балаховича просто оставили город[1].

22 января 1920 г. генерал Н.Н. Юденич объявил о роспуске своей армии. В ночь на 29 января Булак-Балахович в сопровождении нескольких своих партизан и эстонских полицейских арестовал Юденича прямо в его номере гостиницы «Коммерс» в Ревеле. После вмешательства французской и английской военных миссий Юденича освободили, а на арест Балаховича был выдан ордер, но атаман сумел скрыться.

В феврале 1920 г. С. Булак-Балахович при посредничестве военного атташе в Риге обратился к «начальнику» Польского государства Ю. Пилсудскому с просьбой принять его на службу для борьбы с большевиками. После получения согласия Станислав Никодимович со своим отрядом перешел линию фронта и прибыл в Двинск, где его торжественно принял генерал Э. Рыдз-Смиглы.

Сразу же по прибытии Булак-Балахович приступил к формированию своей добровольческой армии. К нему стека-

[1] *Корявцев П.М.* Батька: история одного предателя // Новый исторический вестник. 2002. № 2 (7).

лись люди со всех сторон. Одновременно Балахович вступил в контакт с Б. Савинковым, заручившись его поддержкой.

По словам Савинкова, Ю. Пилсудский характеризовал его следующим образом: «…не только бандит, а человек, который сегодня русский, завтра поляк, послезавтра белорус, еще через день — негр…»[1].

15 октября 1920 г. сейм потребовал от военного командования разоружить все союзные части, принимавшие участие в войне, или принудить их покинуть территорию Польши до 2 ноября. Под эту категорию подходила и армия Балаховича. Посоветовавшись с Савинковым, тот всем своим войском ударил по Белоруссии, занятой большевиками. План атамана был прост — поднять крестьянское восстание и свергнуть советскую власть. В течение двух дней войска атамана заняли район Мосейовице — Петрыков. 9 ноября кавалерийская дивизия полковника С. Павловского разбила красных под Романовкой. Полковник Матвеев, командир «1-й дивизии смерти», занял Скрыхалов. Потом балаховцы взяли Хомички и Прудок. И, наконец, Мозырь.

Однако надеждам Булак-Балаховича не суждено было сбыться. Красная Армия перешла в решительное наступление на позиции балаховцев. В ночь на 18 ноября Булак-Балахович оставил Мозырь. С огромным трудом он сумел пробиться к польской границе. В Польше его войска были интернированы и разоружены. Советское правительство потребовало от Пилсудского выдачи бандита Балаховича. Маршал Пилсудский, однако, занял твердую позицию. Тем не менее лишь спустя почти месяц, когда переговоры о его выдаче окончательно зашли в тупик, Балахович почувствовал себя наконец в относительной безопасности.

Балахович прославился массовыми грабежами и погромами еврейского населения. Польский военный прокурор полковник Лисовский, расследовавший жалобы на действия балахов-

[1] Булак-Балахович С.Н. URL: ru.wikipedia.org/.../БулакБалахович,_Станислав_Никодимович

цев, так описывал «боевую деятельность» отряда Балаховича: «…армия Балаховича представляет собой банду разбойников, которая переправляет награбленное золото. Чтобы занять какой-нибудь город, посылается армия, солдаты которой грабят и убивают. И лишь только после многочисленных погромов, два дня спустя, приезжает Балахович со своим штабом. После грабежа начинаются пьянки… Что касается Балаховича, он позволяет грабить, иначе они отказались бы продвигаться вперед… каждый офицер, вступающий в армию Балаховича, обливает себя грязью, которую ничем нельзя смыть»[1].

Расследование, проведенное полковником Лисовским, в частности, установило, что только в Турове балаховцами было изнасиловано 70 еврейских девочек в возрасте от 12 до 15 лет.

Вот выдержка из показаний Х. Гданского и М. Блюменкранка следствию:

«По дороге туда встретили капитана-балаховца. Он спросил:

— Кого ведете?

— Евреев…

— Расстрелять их.

С нами был еще один еврей — Маршалкович. Конвоиры приказали спустить исподние штаны и лизать друг другу задницы. Потом также заставили мочиться друг другу в рот и делать другие мерзости… А мужиков собрали вокруг и приказали за всем этим наблюдать… Заставляли нас делать половой акт с телкой. Изнасиловали нас и напаскудили нам на лица…

Блюменкранк не мог перенести издевательств и просил, чтобы его застрелили. Маршалкович еще болеет после перенесенных издевательств»[2].

Житель Мозыря А. Найдич так описывал события в Мозыре после взятия города балаховцами: «В 5 час. вечера балаховцы вступили в город. Крестьянское население радостно

[1] Булак-Балахович С.Н. URL: ru.wikipedia.org/.../БулакБалахович,_Станислав_Никодимович

[2] *Кабановский М.* Генерал Станислав Булак-Балахович. — Варшава, 1993.

встретило балаховцев, но евреи попрятались по квартирам. Сейчас же начался погром с массовыми изнасилованиями, избиениями, издевательствами и убийствами. Офицеры участвовали в погроме наравне с солдатами…»[1].

Приводим выдержки из доклада тов. Миндлина на заседании Минского совета 10 января 1919 г. о результатах обследования мест, пострадавших от набегов банд Балаховича.

Мозырь. Все без исключения еврейское население г. Мозыря, насчитывающее 11 000 человек, подверглось повальному ограблению. Разграблены — белье, одежда, посуда, домашние вещи, коровы; забраны все инструменты у рабочих и ремесленников. Убито 32 человека, изнасиловано свыше 300 женщин, в том числе девочки от 12 до 15 лет, а также беременные и только что родившие женщины.

Ст. Птичь. Все еврейское население (200 человек) разграблено; забраны все инструменты, человеческих жертв не было, изнасиловано несколько женщин.

Дер. Житковичи. Еврейское население в деревне и на станции составляет 600 человек. Ограблено 400 человек, убито 4, изнасиловано 7 женщин.

Мест. Туров. Еврейское население до 4000 человек. Забрано все имущество. Убит 71 человек, в том числе жители окрестных деревень, часть из них убита балаховцами, а часть поляками в то время, когда евреи хотели спастись от балаховцев и скрыться за демарклинией. Изнасиловано 100 женщин. Разрушения значительнее, чем в Мозыре.

Мест. Петриков. Еврейское население в 2200 человек (христианского населения в два с половиной раза больше). Все еврейское имущество разграблено, много домов сожжено. Убито 45 человек, в том числе евреи из окрестных деревень. Изнасиловано до 100 женщин, из которых 10 заразились, 30 забеременели.

Погром в мест. Ковчицы, Бобруйского уезда. 16 июля 1921 г. в 12 часов дня появились бандиты в м. Ковчицы, где насчитывалось 150 еврейских семейств, занимающихся глав-

[1] ГА РФ. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 459. Л. 2—3.

ным образом земледелием и отчасти ремеслами. К бандитам-балаховцам присоединились крестьяне из ближайших сел, вооруженные топорами, лопатами, пилами, ножами, серпами и ломами; огнестрельного оружия у них не было. Собрав все население в квартиру Шаи Ренбурга, они начали их там зверски убивать, не щадя ни женщин, ни детей. Бандиты выводили пленников по одному во двор и там сразу убивали холодным оружием, вследствие чего запертые в доме совершенно не знали о происходящем во дворе. Погром носил самый зверский характер. У женщин распарывали животы, вырезывали груди, топорами разбивали спинные хребты, рассекали пополам или отрезывали конечности. Некоторых девушек увели в лес, и они больше уже не вернулись. Погром продолжался 6 часов. И в результате оказалось 84 человека убитых. Раненых 80 человек, в том числе 50 тяжело раненных, из которых несколько человек по доставлении в Бобруйскую больницу скончалось. Осталось много сирот.

Погром в мест. Большие Городятичи. 23 ноября 1920 г. в деревне Б. Городятичи, Мозырьского уезда, вспыхнул еврейский погром, организованный балаховцами при участии местных дезертиров. Бандиты оцепили деревню и никого не выпускали. Из 85 человек еврейского населения убито 72 человека, в том числе 55 трупов найдено обезглавленными. На сараях и стенах домов были найдены куски мяса и мозгов. По этому делу было советской властью привлечено 70 человек, преданных суду военно-революционного трибунала. 20 человек было расстреляно, а остальные приговорены к заключению на различные сроки.

Погром в мест. Глубоковичи. 10 июля 1921 г. ночью в деревню Глубоковичи ворвалась небольшая группа бандитов, приступившая немедленно к грабежам и убийствам. Из всего населения в 27 человек было убито 24 человека. Бандиты действовали тупым оружием, отпиливали руки и ноги, выкалывали глаза. Вся группа погибших была похоронена в Бобруйске, где эта мрачная похоронная процессия привлекла внимание всего населения.

Погром в мест. Копоткевичи. Из еврейского населения в 1600 человек большая часть ограблена. Местечко в 1915 г. пострадало от пожара, в 1919—1920 гг. было охвачено тифозной эпидемией. 60 семейств остались без родителей. В окрестных деревнях убито 44 человека. Изнасиловано 15 женщин.

9 июля 1921 г. стало известно, что банда в 100 человек приближается к местечку Копоткевичи. Подавляющее большинство еврейского населения оставило местечко и ушло по направлению к ст. Птичь, находящейся в 18 верстах от местечка. Часть же населения осталась, надеясь укрыться у местных крестьян или в поле во ржи. 10 июля на рассвете банда числом человек в 80, в том числе половина конных, ворвалась в местечко и немедленно приступила к резне еврейского населения. Этот отряд был хорошо организован и представлял собою одну из банд Булак-Балаховича. Все они были сильно настроены против евреев и стремились во что бы то ни стало резать и убивать. Когда им предлагали деньги или ценные вещи, они отвечали: «Нам душа твоя нужна». Бандиты рассыпались по всему местечку, забирая евреев и вытаскивая их из укромных мест. По-видимому, кто-то следил за несчастными, когда они прятались, и затем указывал бандитам, где кто находился. Почти все были убиты сабельными ударами. Некоторые рассечены крестообразно. Многим предварительно отрезали отдельные части тела. У тринадцати лиц отрезаны половые органы. Некоторых пытали перед смертью, заставляя пить серную кислоту. В квартире Нохума Каплана была устроена бойня. В этот дом приводили схваченных евреев. Здесь их пытали и убивали. К моменту осмотра квартиры вся внутренняя дверь до половины была залита кровью. Также был пропитан кровью диван, на котором резали несчастных. На полу валялись книги, покрытые толстым слоем запекшейся крови. Вблизи валялся тяжелый эмалированный кувшин, служивший также орудием убийства. В углу образовалась целая лужа высохшей человеческой крови. В этих ужасных мучениях окончили свою жизнь

в течение нескольких часов 120 человек, почти все ремесленники и рабочие.

Рассказ Хаси Кветной. 9-го вечером мы узнали, что идет банда балаховцев. Получилась телеграмма о прибытии войск. В местечке решили, что надо остаться... Нас, человек 15, погнали к Носону Каплану. По дороге нас избивали. Вогнали нас в квартиру. У дверей встал крестьянин с винтовкой в лаптях и свитке. Женщины уселись на кушетку. Скоро в квартиру согнали еще около 50 человек, большинство женщин. Были мужчины и дети. Мужчины уселись на полу. К квартире съехались все конные, около 25 человек. Лошадей привязали к забору, и все всадники вошли в дом. Всех женщин, наиболее молодых, вводили в отдельную комнату, где стояла кровать, и, укладывая всех поперек кровати, друг около друга, их изнасиловали. Женщины выходили после каждого изнасилования и усаживались, окровавленные, на кушетку. Всех женщин брали в комнату по 3—4 раза. Двух девушек растерзали и выбросили. Прибежал «пан-капитан», схватил большой кувшин и стал им избивать всех по голове. Кровь брызгала по сторонам... Бандиты приносили водку в бутылках и, выпивая каждую из них, разбивали о головы евреев, приставляя их каждый раз к дверям комнаты. Откупоривая каждую бутылку, они сначала давали евреям пробовать... Стали выводить по два на улицу; раньше мужчин. С обеих сторон стали у дверей двое — один с шашкой, другой с дубинкой. И, выпуская их таким образом из квартиры, тут же убивали. Убитых выбрасывали на улицу. А Гинзбурга и еще двух вывели на улицу и напоили их по полстакана серной кислоты. После достали нож из соломорезки и тупой стороной стали медленно резать шею Гинзбургу. Эту операцию бандиты сопровождали хохотом...

Верно:

Делопроизводитель (подпись)

(Из материалов о Мозырском погроме)[1].

[1] *Островский З.С.* Еврейские погромы 1918—1921 гг. — М.: Школа и книга, 1926.

В докладе комиссии по регистрации жертв набега Балаховича в Мозырском уезде говорилось, что «насилию подвергались девочки от 12 лет, женщины 80 лет, женщины с 8-месячной беременностью… причем насилия совершались от 15 до 20 раз. Хотя образовавшейся местной комиссией для обследования и оказания помощи было обещано полное сохранение врачебной тайны, число обращающихся за помощью достигает всего лишь около 300 женщин, большую часть которых составляют заболевшие венерическими болезнями или забеременевшие…».

В ответ на многочисленные обвинения польских военных и союзников-эсэров в антисемитизме Балахович не придумал ничего лучше, как издать приказ о формировании в составе своей армии «добровольческого еврейского батальона», для которого даже была установлена особая форма. Командовать этим батальоном стал служивший у Балаховича прапорщик Цейтлин, в батальоне кроме него состояло еще три еврея, то есть «батальон» фактически просто остался на бумаге[1].

Начиная с 20-х гг. стали упорно ходить слухи о еврейском происхождении Булак-Балаховича. Речь шла о его матери Юзефе Шафран (распространенная в Восточной Европе и на Балканах еврейская фамилия). Эту версию подкрепляли фактом его женитьбы в 1905 г. на еврейке Генриетте Гарбель. Всего Булак-Балахович был женат трижды. В 1905 г. женился на упомянутой выше дочери местного доктора, девице иудейского исповедания Генрике (Генриетте) Гарбель, от которой у него была дочь Елена (Алдона) и два сына — Медард (Юлиуш) и Генрик (Мартин). В 1913 г. он бросил жену, которая умерла в 1918 г. После ее смерти женился на остзейской баронессе Герде фон Герхард, от которой у него было две дочери — Софья и Мария. Вскоре после окончания советско-польской войны третьим браком женился на Яне (Янине) Коречко, от которой у него были дочери Данута и Барбара. Женщинам он изменял и бросал их, как и своих хозяев.

[1] *Корявцев П.М.* Батька: история одного предателя // Новый исторический вестник. 2002. № 2 (7).

Видимо, за все свои «подвиги» Балахович получил от Пилсудского звание генерала польской армии и лесную концессию в Беловежской Пуще, где работниками стали бывшие члены его отряда. В 1926 г. он принял самое активное участие в Майском перевороте Ю. Пилсудского и Л. Желиговского.

Мемориальная доска на здании православной духовной семинарии в память о генерале Булак-Балаховиче[2]

Во время гражданской войны в Испании Балахович состоял в качестве наблюдателя при польской военной миссии у Ф. Франко, фактически являясь советником каудильо по партизанской и диверсионной деятельности. В 1939 г. участвовал в обеспечении мероприятий по разделу Чехословакии с польской стороны[1].

С. Балахович был убит в Варшаве 10 мая 1940 г. На стене семинарии установили мемориальную доску, где указаны основные этапы жизни «славного генерала»:

Командующий белорусской союзной армии,
сражавшейся за независимость Польши в войне 1920 г.
Организатор и командир Отдельной специальной группы, принимавшей участие в обороне Варшавы в сентябре 1939 г.
После капитуляции создатель «Военной конфедерации»
Зверски убит 10 мая 1940 г. в Саска-Кемпе.

Доска висела, а может, и продолжает висеть на здании православной духовной семинарии, что является изощренным надругательством над Православной верой. Как писал А. Дени-

[1] *Корявцев П.М.* Батька: история одного предателя // Новый исторический вестник. 2002. № 2 (7).

[2] URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Булак-Балахович,_Станислав_Никодимович.

кин (поляк по матери), «в течение одного месяца в 1937 г. было разрушено 114 православных церквей — с кощунственным поругательством святынь, с насилием и арестами священников и верных прихожан. Сам примас Польши в день Пасхи в архипастырском послании призывал католиков в борьбе с Православием “идти следами фанатичных безумцев апостольских”»[1].

Эпизод с Балаховичем наглядно демонстрирует беспринципность и лицемерие польских правящих элит. Они возмущаются героизацией монстров — Бандеры и Шухевича — на Украине, но при этом героизируют своего такого же монстра — Балаховича.

8.11. Разрушение православных храмов — преступление Польши перед человечеством

Александро-Невский православный собор

28 августа 1893 г. в России был создан особый Комитет по строительству православного собора в Варшаве. Комитет возглавил И.В. Гурко — герой балканской войны и

[1] *Деникин А.* Путь русского офицера. — М., 1991.

генерал-губернатор Польши. Объявили конкурс на лучший проект кафедрального собора, который выиграл Л.Н. Бенуа. Его проект утвердил Александр III 13 января 1894 г. Летом того же года началось возведение самого значительного культового здания Варшавы — Александро-Невского православного собора, ставшего «апогеем, — как пишет современный польский историк архитектуры П. Пашкевич, — сакрального строительства» в польской столице. Рядом с храмом закипело строительство 70-метровой соборной колокольни, вершина которой стала самой высокой точкой города.

1900 г. явился важной вехой в создании храма. Он был в целом построен, и 9 ноября на главном его куполе водрузили четырехконечный крест. В том же году организовали специальную Художественную комиссию, призванную разработать и осуществить проект убранства Александро-Невского собора. Проект, предложенный крупнейшим русским специалистом в области церковной археологии и истории христианского искусства профессором Н.В. Покровским, был принят комиссией в начале лета 1900 г. и позднее утвержден епархиальными и губернскими властями.

К работе привлекли лучшие художественные силы России. Роспись алтаря и руководство живописными работами поручили В.М. Васнецову, иконы были написаны В.П. Гурьяновым и многими другими виднейшими русскими иконописцами. На отделку храма в огромных количествах шли драгоценные и полудрагоценные металлы, уральские самоцветы, различные виды мрамора и гранита. В Москве для собора отлили четырнадцать колоколов, самый большой из которых был пятым по величине в России. Особым украшением нового варшавского православного храма стали огромные мозаичные композиции, которые, без сомнения, и по сей день могут считаться лучшими в своем роде. Их было шестнадцать. Всего в Александро-Невском кафедральном соборе находилось около десяти тысяч (!) произведений и предметов, представляющих художественную ценность мирового уровня.

20 мая 1912 г. собор был освящен во имя благоверного Великого князя Александра Невского. «Созидая сей храм, — сказал архиепископ Варшавский и Привисленский Николай, — его создатели не имели в своих мыслях ничего враждебного к окружающему нас инославию: насилие не в природе Православия».

В конце 1918 г. Польша стала независимым государством, и уже через три месяца варшавский магистрат вынес постановление о ликвидации в городе большинства православных церквей, за исключением двух, существующих и поныне, — кладбищенской на Воли и приходской на Праге. Фактически была решена и судьба грандиозного храма на Саксонской площади, который польские искусствоведы даже объявили «малоценным» и к тому же занимающим слишком большое место в условиях его «недостатка в Варшаве». Официальных «причин» оказалось слишком много, и хотя сейчас все они выглядят, по меньшей мере, нелепыми, в то время можно было всерьез рассуждать даже о том, что собор необходимо разрушить ради изменения фона, на каком будет стоять предполагаемый памятник князю Ю. Понятовскому.

Желая придать кампании разрушения крупнейшего в межвоенной Польше православного храма поистине всенародный общегосударственный характер, варшавский магистрат выпустил специальные «боны, доступные для каждого», «обеспеченные стоимостью материала, полученного в результате сноса» собора, дабы «каждый поляк мог стать причастным к этому делу». Для окончательного разрушения собора магистрат использовал специальные бригады, которые и завершили уничтожение, используя тактику «малых взрывов» (!), число которых, согласно сообщениям варшавской печати тех лет, приближалось к пятнадцати тысячам (!)...

Во многих странах мира оказались расхищенные частицы богатого убранства собора и различные предметы из него. Каменное надгробие Ю. Пилсудского в краковском Вавеле частично выполнено из наиболее ценных материалов, взятых из разрушенного православного храма. «Взятое у

собора» можно увидеть и в других местах, в том числе и в католических костелах...

Православный кафедральный собор в Варшаве стал едва ли не первым в Европе XX столетия христианским храмом, стертым с лица земли волею государственной власти. Даже в СССР взрыв храма Христа Спасителя последовал лишь в конце 1931 г. В католической II Речи Посполитой, как официально именовалась межвоенная Польша, разрушение православных святынь началось значительно раньше. В первые два года существования независимой Польши было уничтожено около четырехсот православных храмов (1918—1920) и разрушен варшавский кафедральный собор. Затем по всей II Речи Посполитой началось массовое уничтожение православных святынь. Во многих воеводских центрах, в том числе и там, где православные жители являлись коренным населением, были разрушены городские православные соборы. Одновременно с варшавским, в 1924—1925 гг., варварски снесен величественный православный собор во имя Воздвижения Честного Креста Господня на Литовской площади в г. Люблине — первая епископская кафедра Св. Патриарха Тихона.

Подобные акции продолжались в течение всего периода существования II Речи Посполитой, достигнув своего апогея в летние месяцы 1938 г. В июне и июле на Холмщине по требованию «католической общественности» военно-полицейскими силами разгромили около 150 сельских православных церквей. Все это происходило в местах, населенных исключительно православными украинцами, проживавшими здесь многие столетия. Все они были окончательно изгнаны оттуда в первые годы после окончания Второй мировой войны в ходе специальной карательной операции «Висла». Тогда было практически стерто с лица земли 77 сел, где проживали украинцы, уничтожено 250 церквей.

В ходе операции «Висла» было осуществлено принудительное переселение более 150 тыс. человек украинского ав-

тохтонного населения с территорий Холмщины и других районов современной Польши на территорию СССР, проведенной частями регулярной армии Польской Народной Республики в 1947 г. с согласия советских и чехословацких властей.

Поводом для начала операции послужило убийство при невыясненных обстоятельствах заместителя министра обороны ПНР генерала К. Сверчевского боевиками из западноукраинского подполья — УПА.

Операцию осуществляла оперативная группа «Висла» в составе 6 пехотных дивизий. По свидетельству очевидцев, переселенцам давалось на сборы от 2 до 5 часов.

Согласно свидетельствам, во время проведения операции имели место многочисленные жертвы среди украинского населения.

Подразделения Войска Польского, отряды сотрудников МВД и местной администрации окружали села с украинским населением (среди потерпевших были и поляки из смешанных семей) и давали два часа на сборы нажитого за всю жизнь имущества. Историки приводят факты, когда на самом деле время это сокращали до 20 минут, и даже собранные вещи нельзя было взять из-за недостаточного количества транспортных средств. Тех, кто пробовал не подчиниться или убежать в лес, часто убивали. Свыше двух тысяч лиц, заподозренных в непосредственных или родственных связях с членами УПА, попали в концлагерь в Явожно. Часть их там погибла, часть осудили на продолжительные сроки заключения, а часть со временем освободили «без извинений и объяснений». Дома, хозяйственные помещения и строительные материалы, которые нельзя было вывезти для потребностей армии или государства, просто сжигали, чтобы сделать невозможным самовольное возвращение[1].

Существовала специальная инструкция, как именно размещать украинцев в регионах нового заселения: селить не в городах, а в селах, да так, чтобы их численность не пре-

[1] *Найденова Н.В.* Анализ причин распада и потери суверенитета Польши // Информационные войны. 2007. № 4.

вышала 10% населения; селить не ближе, чем за 50 км от сухопутных границ, за 30 км от морских границ и областных центров, за 10 км от польской западной границы.

Так что в общей картине операции «Висла» и ее жертв сегодня уже многое прояснилось. К примеру, историки убеждены, что Сверчевского убили не партизаны из УПА, а кто-то из «своих»[1]. Известно также, что для подавления вооруженного сопротивления УПА в то время и на той территории уже не было надобности выселять тысячи мирных людей.

В современной Польше вот уже в течение многих лет независимости нет политического согласия в оценке акции «Висла». Ни один из составов сейма — ни «правые», в большинстве своем выходцы из «Солидарности», ни «левые», где преобладали посткоммунисты, — не решались осудить операцию «Висла» как преступные действия хоть и коммунистической, но все же польской власти.

Полякам трудно согласиться с тем, что они, применяя принцип «коллективной ответственности» к своим согражданам украинского происхождения, определили им «наказание» за обиды, к которым те практически никоим образом не были причастны. «Мы не можем позволить, чтобы нас столкнули на позицию народа с нечистой совестью относительно украинцев», — написала одна из правых газет. И автор был прав, поскольку тогда пришлось бы также признать, что операция «Висла» не возникла, как говорится, «из ничего», что в ее основе на самом деле лежала, мягко говоря, нелюбовь к украинцам. Ведь над тем, как решить «украинский вопрос», задумывались и польские «народники», и социалисты еще задолго до Второй мировой войны. И не только «украинский вопрос», ибо главной задачей являлось преобразование Польши в мононациональное государство. Поскольку сегодня все нацменьшинства в РП составляют менее 3% от общего количества населения, можно считать, что задача эта успешно выполнена.

---

[1] *Найденова Н.В.* Анализ причин распада и потери суверенитета Польши // Информационные войны. 2007. № 4.

И все-таки украинцы в Польше до сих пор представляют собой одно из самых больших нацменьшинств, хотя в отличие от других очень распыленное по территории страны. Общество украинцев Польши называет число в 200—250 тысяч человек, но на самом деле в эту цифру никто не верит, особенно если сравнить ее с другими. Например, в 107 украинских школах учится 2600 учеников, а единая общепольская украинская газета выходит тиражом около 6 тысяч экземпляров. Более-менее организованная культурная жизнь украинцев проходит максимум один раз в неделю буквально «под церковью». На улице большинство украинцев Польши предпочитает разговаривать друг с другом по-польски, а когда «должны» говорить по-украински, то уже инстинктивно втягивают голову в плечи и приглушают голос. В подобных условиях у процессов ассимиляции особенно благодатная почва. Еще одним объяснением латентной ассимиляции украинцев является то, что они подсознательно хотели избавиться от клейма «преступного народа», которое до сих пор с них не снято[1].

При этом следует отметить, что в России поляки не притеснялись. Многие из них делали блестящие карьеры на военной и государственной службе. Более того, в Центральной России отмечалось засилье польских чиновников-русофобов. Кичливый поляк-чиновник мелькает на страницах нашей литературы в «Ревизоре» у Гоголя, в «Братьях Карамазовых» Достоевского.

8.12. Диктатура Ю. Пилсудского

Принятая 17 марта 1921 г. конституция Польши ограничивала власть главы государства. 14 декабря 1922 г. Пилсудский передал власть избранному 9 декабря 1922 г. первому президенту Польши Габриэлю Нарутовичу. После убийства Нарутовича 16 декабря и избрания новым президентом Станислава Войцеховского Пилсудский занял пост начальника Генерального штаба. В мае 1923 г. подал в отставку. Жил с детьми и второй женой на вилле в Сулеювке.

[1] Там же.

Ухудшение политической обстановки в стране плюс стечение многих обстоятельств, о которых здесь не место говорить, способствовали возвращению Пилсудского к власти. Благодаря содействию военного министра Люциана Желиговского в мае 1926 г. под предлогом маневров в окрестности Рембертова были стянуты верные Пилсудскому части. 12 мая они двинулись на Варшаву. После трехдневных боев Пилсудский овладел ситуацией в столице и провел радикальные перемены в управлении. По существу, это был военный переворот.

Пилсудский занял должности военного министра и генерального инспектора вооруженных сил. 31 мая его избрали президентом Польши, однако маршал отказался от должности. При повторном голосовании президентом, по рекомендации Пилсудского, был избран Игнаций Мосьцицкий. Формирование нового правительства фактически легализовало майский переворот.

Если поначалу во второй Речи Посполитой какие-то демократические условности соблюдались, то в 1930 г. сейм был разогнан и проведены массовые аресты всех политических оппонентов Пилсудского. Но аресты начались еще раньше. Так, сразу после майского мятежа 1926 г. по сфабрикованным обвинениям в финансовых махинациях был арестован генерал Розвадовский, командовавший польскими войсками под Варшавой в 1920 г.

Через полгода генерал вышел из тюрьмы, но вскоре умер при загадочных обстоятельствах. До сих пор существует предположение, что его отравили. Но расследование обстоятельств смерти Розвадовского так никто никогда и не проводил. Стойкость подобным слухам придавала и та мелочная последовательность, с которой Пилсудский уничтожал всех тех, кто мог соперничать с ним в популярности, претендовал на лидерство в польском национал-патриотическом лагере.

Пилсудский очень любил легенду о себе как об отце независимости и единственном творце государства и де-

лал все, чтобы усилить и закрепить ее. Он стремился поставить себя выше любых государственных должностей, не говоря уже о политических партиях, чтобы в глазах одноплеменников стать этаким «отцом», даже «дедом» нации. Не случайно, что прозвище Дзядек, Дедушка, очень часто употреблялось на страницах проправительственной прессы тех лет, и Пилсудский ничего не имел против подобной фамильярности.

Депутат-коммунист Якуб Войтюк по этому поводу говорил в сейме 25 июня 1926 г. следующее: «Пушки Пилсудского сразили не только правительство Витоса — в обломках лежит и парламентская демократия. Независимо от того, останется ли на бумаге прежняя конституция или она будет изменена в духе правительства, действующего после мая, сейм в действительности уже не тот, каким он был прежде»[1].

И все-таки в сентябре 1926 г. сейм большинством голосов отправил в отставку министра внутренних дел Кажемижа Млодзановского и министра по делам религий и народного просвещения Антонио Суйковского. В ответ премьер-министр Бартель объявил отставку всего кабинета. На следующий день, 25 сентября, Бартель отправился в Друскининкай, где отдыхал Пилсудский. Напомним, что президентом Польши был тогда И. Мосьцицкий. В результате переговоров 27 сентября президент вновь поручил Бартелю сформировать правительство и одновременно утвердить предложенный им состав в неизменном виде, включая и тех министров, которые накануне получили вотум недоверия.

Конституция, таким образом, была попрана, и у парламента не оказалось иного выхода, как принять очередное решение о вотуме недоверия. При этом значительным большинством голосов сейм принял проект бюджета в ином, чем предполагало правительство, виде. Теперь президенту оставалось либо отправить в отставку правительство, либо

[1] Цит. по: *Наленч Д., Наленч Т.* Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. — М.: Политическая литература, 1990.

распустить парламент. Пилсудский, а именно он определял правила игры, решил отправить в отставку правительство. Сейм почувствовал себя победителем.

Но все оказалось не так просто. Вскоре после такого «решения президента» несколько злоумышленников в офицерских мундирах ворвались ночью в квартиру депутата Здзеховского и жестоко избили хозяина. Во время избиения погромщики, не скрывая причин, повторяли, что это наказание за вмешательство в военный бюджет. Позднее Ю. Пилсудский защитил бандитов от справедливого возмездия. «Пусть Здзеховский сам ищет виновников, я не буду его охранником. Ради такого мерзавца я должен пойти на то, чтобы все офицеры попали под подозрение»[1], — с презрением заявил он.

Юзеф Клеменс Гинятович Косьчеша Пилсудский (5 декабря 1867 — 12 мая 1935)

Так что при маршале Пилсудском сейм, находясь под прессом шантажа и репрессий, выполнял волю диктатора.

Однако процветания достичь не удавалось, всемирный экономический кризис обострил обстановку в Польше. Лопнул миф об «экономическом чуде» санации. Полиция жестоко расправлялась с массовыми демонстрациями безработных. Оживилась оппозиция. Настало время материализации угрозы маршала: «Лучше поломать кости одному депутату, чем пустить в дело пулеметы». 25 августа 1930 г. Пилсудский снова занял пост премьер-министра. Через два дня в «Газете Польской» появилось первое интервью маршала,

[1] Цит. по: *Наленч Д., Наленч Т.* Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. — М. Политическая литература, 1990.

посвященное сейму. В этом интервью председатель Совета министров назвал основной закон страны «конституткой», добавив: «Я выдумал это слово, поскольку оно ближе всего к проститутке». 29 августа президент распустил сейм и сенат, назначив выборы на ноябрь 1930 г.

В ночь на 10 сентября на основе решения министра внутренних дел Польши Складовского с нарушением судебной процедуры подверглись аресту 18 бывших депутатов от оппозиции. Как признавал Складовский, список был составлен лично маршалом. Задержанных поместили в военную тюрьму в Бресте, где они подвергались издевательствам и пыткам.

«В ночь с 9 на 10 октября, — пишет на основе депутатского запроса в сейм Адам Прухник, — ввели Попеля (один из руководителей Национальной народной партии) в темную комнату; один из жандармов схватил его за голову, другой — за ноги, после чего повалили его на стол, положили на копчик мокрое полотенце и отмерили 30 ударов каким-то железным предметом... Во время экзекуции Попель потерял сознание. В конце заправлявший всем капитан заявил, что побитый должен радоваться, что легко отделался, в следующий раз маршал Пилсудский распорядится пустить пулю в лоб»[1].

Всего было арестовано около 50 бывших депутатов и сенаторов от оппозиции. Несколько тысяч общественно-политических деятелей, не обладающих депутатскими полномочиями, также оказались в тюрьмах. Террор сопровождал всю избирательную кампанию. Особенно жестоко обходились с украинским населением. В такой атмосфере «Блок беспартийных» (ББ) Пилсудского получил наконец вожделенное большинство. Можно сказать, императоры Александр I и Николай I были просто радикальными либералами по сравнению с Ю. Пилсудским.

Относительно своей победы Пилсудский высказался следующим образом: «Необходима была победа на выборах... только победа. Иначе я должен был пойти ва-банк и страш-

[1] Там же.

ные вещи творились бы в стране... Я знал, что не пережил бы такого... Польша была в опасности... Я должен был пойти на крайние меры, даже такие, как Брест». «Все это, — объяснял Сливинский, — маршал произнес прерывающимся голосом, делая частые паузы между предложениями. Было видно, что разговор на эту тему очень мучителен. Вдруг маршал изрек: “Не знаю, почему Бог указал мне жить в Польше...”»

Интересно, что со временем у него выработалось о соотечественниках нелестное для них представление. На съезде легионеров в Калише в 1927 г. он, в частности, говорил: «Я выдумал множество красивых слов и определений, которые будут жить и после моей смерти и которые заносят польский народ в разряд идиотов». В брестские дни он жаловался главе кабинета министров: «Есть вещи, которые вы, поляки, не в состоянии понять!.. Сколь много мне удалось бы сделать, правь я другим народом»[1].

Нескрываемая неприязнь к соплеменникам звучит и в уже цитируемом разговоре с А. Сливинским (1887—1953). «Я не раз думал о том, — говорил он, — что, умирая, я прокляну Польшу. Сегодня я осознал, что так и поступлю. Когда я после смерти предстану перед Богом, я буду его просить, чтобы он не посылал Польше великих людей... Что польский народ дает великим людям и как к ним относится! Еще неизвестно, была ли бы создана без меня Польша! А если бы была, то сохранилось бы это государство? Я знаю, что сделал для Польши!»[2]. После разгрома оппозиции Пилсудский 4 декабря 1930 г. отказался от поста премьер-министра, мотивируя свое решение состоянием здоровья.

Созданный Пилсудским санационный режим не может вызывать никаких положительных оценок. Фактически вся власть была сосредоточена в руках одного-единственного клана — бывших легионеров. За экзальтированной патриотической риторикой пилсудчиков во многих случаях крылась

[1] Цит. по: *Наленч Д., Наленч Т.* Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. — М. Политическая литература, 1990.

[2] Там же.

вопиющая некомпетентность, а зачастую — и коррупция, под лозунгами борьбы с которой они и пришли к власти. По его собственным словам, Пилсудский абсолютно не разбирался в экономике и пытался не вмешиваться в эти вопросы, поэтому политику пилсудчиков в этой сфере сложно назвать эффективной. Достаточно заметить, что, вплоть до конца существования Второй Польской Республики в 1939 г., так и не был достигнут уровень промышленного производства, существовавший на этих землях в 1913 г.

Одним из краеугольных камней санации являлась так называемая пацификация (умиротворение) национальных окраин, в первую очередь украинских земель. Крылатое выражение «сапоги лучше всего чистить украинской кровью» хоть и не принадлежит самому Юзефу Пилсудскому, но оно родилось у одного из пилсудчиков, который на практике реализовал политику пацификации своего «любимого вождя».

Перед кончиной Юзеф Пилсудский успел утвердить авторитарную Апрельскую конституцию, значительно ограничивающую полномочия сейма и расширяющую прерогативы президента. После смерти маршала «круги санации» разделились на конкурирующие между собой группировки (сторонников маршала Рыдз-Смиглы и группу президента Мосьцицкого). Единственным действительно выдающимся деятелем санации в этот период оказался вице-премьер Эугениуш Квятковский (1888—1974), в 1926—1930 гг. возглавлявший Министерство промышленности и торговли Польши, автор программы экономического развития страны, создания Центрального промышленного округа и инициатор строительства порта в Гдыне.

Юзеф Пилсудский умер 25 мая 1935 г. Наследником Пилсудского на должности генерального инспектора польских вооруженных сил, а фактически диктатором Польши стал Э. Рыдз-Смиглы.

Через четыре года, в сентябре 1939-го, все государственное сооружение, которое с таким упорством и старательностью возводил Пилсудский, рухнуло. В течение нескольких

недель Гитлер разгромил взлелеянную Дзядеком армию и упразднил Польское государство.

Репрессии, переполненные тюрьмы, концентрационные лагеря, отсутствие демократии и жесткая диктатура не помогли Польше решить ни одной проблемы. Наши польские оппоненты утверждают, что в Польше был один лагерь — Береза-Картузская. Да, действительно, один лагерь действовал «на постоянной основе», однако временных лагерей, где без суда и следствия содержались «враги Польши», было множество.

Если в составе Российской империи Польша представляла собой самую развитую в промышленном отношении провинцию, где темпы роста экономики были одни из самых высоких в мире, то в 20-е и 30-е гг. XX в. вторая Речь Посполитая превратилась в отсталую периферию Европы. Страна не сумела создать современные вооруженные силы и промышленность, необходимые для сохранения суверенитета. Все это понимал маршал Ю. Пилсудский, но он не видел в этом своей вины. Во всем оказался виноват польский народ, недостойный своего выдающегося диктатора.

У Ю. Пилсудского был старший брат — Бронислав Петр Гинятович Косьчеша Пилсудский (Бронислав Осипович Пилсудский) (1866—1918), личность весьма одаренная и интересная. В 1887 г., будучи студентом юридического факультета Петербургского университета, Бронислав был арестован по делу террористической фракции партии «Народная воля», готовившей покушение на Императора Александра III. Пятеро участников группы: А.И. Ульянов, П.И. Андреюшкин, В.Д. Генералов, В.С. Осипапов, П.Я. Шевырев — были казнены, а остальные приговорены к длительным срокам каторжных работ.

Б. Пилсудского приговорили к 15 годам ссылки на Сахалин. В 1891 г. Бронислав Пилсудский познакомился с Л.Я. Штернбергом (1861—1927) и начал вместе с ним изучать сахалинских нивхов. Лев Яковлевич, известный

ученый-этнограф, в 1889 г. за участие в народовольческом движении также был сослан на Сахалин, его ссылка продолжалась до 1897 г.

В 1899—1906 гг. уже в качестве куратора Владивостокского музея и секретаря Российского географического общества (РГО) Б. Пилсудский занимался закупкой этнографических коллекций и сбором этнографического и лингвистического материала на Сахалине, в Приморье и на острове Хоккайдо.

Бронислав Пилсудский (1866—1918)

Бронислав Осипович добился выдающихся результатов, изучая народ айнов. Первые записи айнского фольклора Б. Пилсудский сделал в июле 1902 г. на западном побережье Сахалина. Впоследствии он переписал множество айнских селений и собрал обширную этнографическую коллекцию, записал на фонограф айнские песни. В сентябре того же года он впервые записал айнские сказки. Б. Пилсудский писал Л.Я. Штернбергу: «Идут заготовки коллекции, запись на фонограф, снимки типов и сцен, записи разных работ и обычаев. Но главным образом записываю сказки, предания, песни: имею уже сто с лишним сказок, до 30—40 преданий, 15 песен о старых войнах, любовных несколько песен, колыбельных, во время плясок, во время работы и т. д. Чем дальше, тем больше хочется накопить, использовать все и тогда только делать общие выводы. Я не прочь был бы остаться еще на год среди айнов… работы хватит»[1].

[1] *Пилсудский Б.* «Дорогой Лев Яковлевич…» (письма Л.Я. Штернбергу. 1893—1917). Публикация В.М. Латышева. — Южно-Сахалинск, 1996. — С. 195.

Б. Пилсудский в совершенстве изучил айнский язык. Совершил поездку к айнам острова Хоккайдо, что явилось основой для сравнения различных элементов духовной и материальной культуры у айнов двух островов. Эта работа продолжалась и в 1904, и в 1905 гг. В отчете он писал о своих поездках: «…сделал 2475 верст лошадьми в тарантасе, телеге и санях, 90 верст на лошадях верхом, 460 верст лодкою морем, 530 лодкою по рекам и озерам, 750 верст на собаках и оленях по зимнему пути и 350 верст пешком»[1]. Японский исследователь Т. Асаи констатировал: «Говоря в общем, транскрипция, применяемая Пилсудским, является одной из самых понятных, на ее основе легче всего восстановить первичные айнские тексты, записывая их вновь по более совершенной транскрипции с применением новых достижений в фонологии. Мы должны быть благодарны Пилсудскому за то, что он записывал айнские тексты скорее фонетически, чем фонологически… Помня о ценных, но, право, непонятных староайнских текстах, закрепившихся в японских записях, тем более восхищаемся Пилсудским за его великий вклад в мировую культуру»[2]. Начавшаяся русско-японская война помешала исследованиям Пилсудского.

В 1905 г. через Японию и США Б. Пилсудский вернулся в Польшу и поселился в Кракове. После начала Первой мировой войны выехал в Швейцарию, затем во Францию. Невостребованность, отсутствие работы и связанные с этим материальные трудности, неустроенность личной жизни надломили ученого. В мае 1918 г. в Париже Б. Пилсудский покончил с собой.

В Южно-Сахалинске установлен пока единственный в мире памятник ученому. На острове Сахалин (Долинский район) в честь заслуг Пилсудского его именем названа гора, действует Институт наследия Бронислава Пилсудского.

---

[1] *Пилсудский Б.О.* Отчет Б.О. Пилсудского по командировке к айнам и орокам о. Сахалина в 1903—1905 гг. СС. 49. ГАТО. Ф. 102.

[2] Asai Tohru. Kilka uwag o książce Bronisława Piłsudskiego: Materials for the study of the Ainu Language and Folklore // Literatura ludowa. Dwumiesięcznik naukowo-literarcki. № 4,5. Wrocław, 1999. S. 20.

Продолжая тему, сделаем небольшое, но необходимое отступление. Как известно, Фридрих Барбаросса не был сыном императора. Он сам стал императором и основателем династии. Родовое имя Фридриха — Гогенштауфен — происходит от названия горы в Швабии. Родился он в 1125 г., погиб в 65 лет. Королем Германии стал в 1152 г., императором Священной Римской империи — в 1155 г. Всю свою жизнь он посвятил завоеванию Италии.

Идея такого рода объединения и образования Священной Римской империи не принадлежит Фридриху Барбароссе. Еще в 962 г. Оттон I заложил основу политики германских королей, а затем — императоров, политики возрождения Римской империи, пусть и на иных основаниях. Все германские монархи ощущали себя римскими цезарями. И это чувство было для них настолько значимым, что они следовали ему в деталях, «в подробностях своей реальной жизни и подчиняли идее восстановления Империи все: силы, деньги, жизнь…»[1].

Всего Фридрих совершил пять походов в Италию и был близок к реализации своего замысла. Однако его великим планам не суждено было сбыться. В битве при Леньяно он потерпел сокрушительное поражение от итальянцев.

После поражения Фридрих Барбаросса возглавил третий крестовый поход. Во время этого похода при форсировании небольшой речки Салев, близ Селевкии, император утонул. Жизнь его превратилась в миф.

Согласно этому мифу, который начал складываться еще в средневековье, император не умер. Он спит в горах Тюрингии, чтобы в день Страшного суда возглавить воинов, которые будут противостоять антихристу.

В годы Первой мировой войны фундаментом идеологии кайзеровской Германии стали сама личность и помыслы Фридриха Барбароссы. Кайзер Вильгельм сделал очередную попытку возрождения Священной Римской империи. Идеологи создали символический портрет духа немецкой, а затем

[1] *Басовская Н.* Фридрих I: Барбаросса. История мифа // Знание — сила. 2006. № 8.

арийской нации — внушительная фигура с громадным мечом средневекового Фридриха Барбароссы. Император оказался притягательной фигурой для подражания у ревнителей избранности немецкой нации. Знаковой величиной в идеологии немецкого национализма, а затем и фашизма. Чем все это закончилось — известно…

Можно сказать, что польские элиты до сих пор больны идеей возрождения империи — Великой Речи Посполитой от «моря до моря». Стремление немецких националистов возродить Священную Римскую империю всегда обращалось трагедией для континента, польские же националисты в своих неуемных потугах воссоздать Речь Посполитую в границах 1772 г. обращают все в фарс. Шляхетская и постшляхетская элиты свои надежды на восстановление «империи» неизменно связывали с внешней поддержкой. Когда же к власти пришел диктатор, то у него не оказалось ни стратегии, ни идеологии, способной сплотить нацию, ни талантливых исполнителей и последователей для реализации этого грандиозного, но авантюрного проекта.

«Ах уж эти мои генералы. Что они сделают с Польшей после моей смерти?» — причитал незадолго до кончины Ю. Пилсудский[1].

Адъютант Ю. Пилсудского Мечислав Лепецкий (1897—1969) в своих дневниках рассказывал о страсти маршала раскладывать пасьянс. Долгими вечерами в уютном Бельведере «начальник» Польского государства, раскладывая карты, мысленно перекраивал Европу. Пилсудский предполагал создание федеративной, «от моря до моря», многонациональной Польши по образцу первой Речи Посполитой с небольшим буферным украинским государством между Польшей и Россией, которые, естественно, должны были находиться в полной зависимости от Речи Посполитой. Эта идея решительно повлияла на становление такой политической идеологии, как «польский прометеизм», — доктрины, согласно

[1] Цит. по: *Наленч Д., Наленч Т.* Юзеф Пилсудский: Легенды и факты. — М. Политическая литература, 1990.

которой основным содержанием мировой политики обозримого будущего объявлялась идущая уже сотни лет борьба «цивилизации Запада» в лице Польши и ее союзников с «восточным варварством» в лице России[1]. В подобном контексте призвание Польши — выполнять цивилизаторскую миссию покровительства многочисленным освобожденным народам. Польша виделась лидером огромной многонациональной федерации, образовавшейся на месте распавшейся России. Последователи маршала в своих мечтах по дерзости не уступали диктатору Пилсудскому.

Историк О.Б. Неменский отмечает: «Польская историография традиционно выделяет две основные парадигмы внешней политики, названные по основным польским королевским династиям средневековья, — пястовскую и ягеллонскую. Первая подразумевает активные отношения (как союзнические, так и конфронтационные) с немцами и весьма пассивный взгляд на Восток. Вторая, наоборот, вся обращена на Восток, на проникновение в Литву и русские земли. Это идеология “покорения Востока”, создания многонародного государства с центром в Варшаве, идеология великой Польши не как центральноевропейской, а как основной восточноевропейской региональной державы»[2].

В 1960—70-х гг. возникла доктрина Гедройца-Мерошевского, которая констатировала, что Россия теперь уже не является непосредственным соседом Польши на Востоке, поскольку между ними расположены третьи страны, обозначенные как «ULB» (Украина, Литва, Белоруссия). Основным объектом польской политики на Востоке провозглашался именно этот регион, а главной целью — максимальное ограничение влияния на него Москвы.

Публицисты, группировавшиеся вокруг журнала «Независимость», писали в начале 1980-х гг. о необходимости соз-

---

1 *Неменский О.Б.* Пространство и идеология восточной политики Польши. URL: http://www.perspectivy.info/oykumena/europe/prostranstva_i_ideologii_vostochnoiy_politiki_polshi_2007-8-13-16-8.htm.

2 Там же.

дать в будущем во главе с Польшей «Союз государств, который отодвинет Россию от Европы».

Таким образом, Польша мыслит себя как великая региональная держава, как лидер группы государств, образующих общее геополитическое пространство. Постшляхетские геополитические стратеги под покровительством своих заокеанских хозяев по-прежнему вынашивают великодержавные захватнические планы[1].

8.13. Братья Пилсудские. Опыт мотивационного портретирования

Для системного изучения намерений, поведения, а также интерпретации результатов деятельности политических деятелей используется концепция, которая обладает значительным объяснительным потенциалом. Она имеет триединую структуру и определяется как «фундаментальная психологическая триада»[2].

Триада включает в себя когнитивный (познавательный), аффективно-мотивационный и поведенческий компоненты. В структуре деятельности субъекта политики каждый элемент психологической триады находится в связи с другими и постоянно взаимодействует с ними[3].

Все когнитивные процессы политика предваряются мотивацией, сопровождаются различными эмоциями, предполагают формирование и реализацию различных поведенческих стратегий. Три психологических компонента деятельности политика — универсальная и «сквозная» составляющая ее структуры.

Весьма важным в структуре политической личности является аффективно-мотивационный компонент[4]. Для его опи-

---

[1] *Фридман Дж.* Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века — М.: Эксмо, 2010.

[2] *Веккер Л.М.* Психика и реальность: Единая теория психических процессов. — М., 1998.

[3] *Юревич А.В.* Социальная психология науки. — СПб, 2001. — С. 266—272, 325—327.

[4] *Зорин В.А.* Политическая психология постсоветского президентства. — Челябинск, 2006. — С. 44—46.

сания используется теория мотивации[1], в основе которой лежит представление о том, что все многообразие мотивов человеческой деятельности можно свести к трем основным мотивам[2]. Это — мотивы достижения, аффилиации и власти, которые были выделены из широкой таксономии[3] мотивов[4]. В 70-е гг. XX в. была разработана концепция, которая позволила интерпретировать эти мотивы как необходимые и достаточные для характеристики мотивационной сферы личности[5].

Мотивационный портрет политика представляет собой диагностическую гипотезу, которая содержит описание совокупности и взаимодействия трех базовых мотивов, иерархическое сочетание которых определяет поведение человека власти[6]. Рассмотрим эти мотивы.

Мотив достижения указывает на некоторый субъективно понимаемый «стандарт превосходства» над другими людьми, которым руководствуется человек.

Мотив аффилиации[7] связан с установлением, поддержанием или возобновлением положительных эмоциональных отношений с другими людьми. Стремление к сближению, симпатия, благосклонность, приятное общение, дружба, любовь — все это подпадает под понятие аффилиации. При этом простое указание на какое-либо взаимодействие здесь недоста-

---

1 *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. — СПб.: Питер, 2000.

2 Мотивация (от lat. *movere*) — 1) побуждение к действию; 2) динамический процесс физиологического и психологического плана, управляющий поведением человека, определяющий его направленность, организованность, активность и устойчивость; 3) способность человека через труд удовлетворять свои материальные потребности.

3 Таксон (от лат. *taxare* — оценивать) — группа дискретных объектов, связанных той или иной степенью общности свойств и признаков.

4 *Murray H.A.* Explorations in personality. — N.Y., 1938.

5 *Atkinson J., Feather N.* A theory of achievement motivation. — N.Y., 1966; *McClelland D.C.* Power: the inner experience. — N.Y., 1975.

6 *Ракитянский Н.М.* Портретология власти: Теория и методология психологического портретирования личности политика. — М.: Наука, 2004. — С. 12—16.

7 Аффилиация — потребность (мотивация) в общении, в эмоциональных контактах, признании, дружбе, любви.

точно, так как аффилиация предполагает наличие в отношениях теплоты, дружественности и доверительности[1].

Мотив власти предполагает указание на то, что человек стремится оказывать воздействие или устанавливать контроль над другим лицом, группой, коллективом, сообществом людей, страной или миром в целом.

Индивидуальная структура мотивационного взаимодействия соотносится с определенными образцами и стереотипами поведения человека.

Так, преобладание мотива достижения свидетельствует о развитости деловых, предпринимательских качеств, о рациональности, склонности к точному расчету и эмоциональной сдержанности. Высокая мотивация достижения цели обычно побуждает таких людей к прагматическим решениям, больше к выгоде с их точки зрения, нежели к так называемым идеологическим решениям.

Вместе с тем у некоторых политических деятелей «идеологические» факторы могут оказаться более влиятельными, нежели прагматические, при принятии важных решений. Однако нельзя абсолютизировать эти различия психологических установок и рассматривать политических лидеров как представителей полярных типов: «идеологических романтиков» и «циничных прагматиков», поскольку элементы романтизма и цинизма часто, так или иначе, присутствуют в системе убеждений многих правителей.

Политик с доминированием мотива достижения подходит к своей деятельности с критериями менеджера. Он считает, что успех определяется умением максимизировать достижения и избежать потери. В силу этого личность с высоким мотивом достижения способна достигать значительных успехов, например, за столом переговоров. Такой человек готов идти на уступки и искать взаимную выгоду в отношениях с партнерами. Для него характерно стремление создать вокруг себя команду из сильных технических экспертов. Обычно руководители с высокой потребностью в достижении при выборе

[1] *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. Т. 1. — М.: Педагогика, 1986.

советников в качестве главного используют критерий компетентности и лишь во вторую очередь — личной лояльности и опыта взаимодействия в прошлом.

В биполярной системе психологического диагностирования для выявления выраженности мотива достижения верхний полюс определяется как «достижение успеха», а нижний полюс как «избегание неудачи». Мотив достижения соотносится с личностной позицией, способом принятия решений и с подходом к подбору членов команды.

Так, личностная позиция на бинарной оси определяется полюсами: «идеологический романтик» и «циничный прагматик». Способ принятия решений распознается по приближению к таким полюсам, как «ценность факта» или «ценность интерпретации факта». Стратегия формирования команды идентифицируется «по критерию компетентности» или «по критерию личной лояльности».

Для человека, мотивационная сфера личности которого определяется преобладанием мотива аффилиации, характерно стремление к сотрудничеству. Если люди с высоким мотивом достижения, как правило, относятся безразлично к тому, с кем им приходится иметь дело, так как способны абстрагироваться от личных симпатий, то для личностей с развитым мотивом аффилиации значение имеет установление теплых личностных отношений с партнерами. Они ориентируются не столько на достижение каких-либо конкретных целей и прагматизм, сколько на создание благоприятных отношений. Такие установки таят в себе опасность: в случае негативной реакции на проявляемое ими благорасположение или при столкновении с враждебной средой велик риск возникновения так называемого негативного цикла аффилиации, который проявляется в защитно-агрессивных действиях. Личности с преобладающим уровнем мотива аффилиации эмоциональны, потенциально нестабильны в формировании ответных реакций и зависимы от фактора среды.

С другой стороны, невысокая потребность в аффилиации побуждает к большей избирательности в контактах, особенно

при установлении личных отношений. При этом личные отношения рассматриваются не как самоцель, а как средство решения своих задач. Ради одобрения, ради признания или популярности такие политики не будут отказываться от своих целей, идти на необоснованный и непросчитанный компромисс или альянс. Их не смутит угроза одиночества, если они будут считать свое деловое поведение релевантным достижению поставленных ими же целей.

В биполярной форме верхний полюс по шкале этого типа мотивации определяется как «надежда на поддержку», нижний полюс как «страх отвержения». Эта бинарная оппозиция ассоциируется с широко известной психологической диадой «экстраверсия» — «интроверсия».

Мотив власти соотносится с тем, что привычно понимается под «лидерскими качествами» — способность и умение проявить волю, увлечь последователей за собой, внушить, убедить, настоять на своем, «продавить» решение, а также взять на себя инициативу и ответственность. Такие люди уверены в себе, настойчивы и агрессивны. В сознании окружающих их образ ассоциируется с «сильной рукой». Власть для реалистичного правителя — это не только кресло, не только статус или удовольствие от своей силы. Это важный прагматический инструмент, посредством которого он готов решать свои властные задачи. Мотив власти определяет наличие в эмоциональной сфере личности так называемого инстинкта власти, стремления доминировать, командовать, управлять, лидировать, оказывать влияние на других. Несомненно, эти качества являются необходимыми компонентами эффективного политического управления. Поэтому в мотивационном портрете большинства успешных политиков мотив власти занимает ведущее место. Можно сказать, что высокий уровень этого мотива — профессионально значимая черта успешного политика.

В биполярной системе оценки верхний полюс по шкале этого мотива определяется как «желание власти», нижний полюс как «страх власти».

Показатели трех основных мотивационных переменных важно рассматривать не только в сравнении между собой, то есть какой мотив преобладает в структуре личности того или иного человека, но и в сравнении с показателями аналогичных переменных в портретах других людей, что позволяет оценить уровень выраженности конкретного мотива как высокий, умеренный или низкий.

Если обратиться к братьям Пилсудским с точки зрения концепции мотивационного портретирования, то совершенно очевидно, что Ю.К. Пилсудскому была свойственна «одна, но пламенная страсть» — мотив власти в варианте «власть ради власти». Захваченный «идеей власти», он, жесткий и бескомпромиссный, упорный и эмоционально холодный, недоверчивый и враждебный, подозрительный и жестокий, склонный к насилию, добился единоличной диктаторской власти в Речи Посполитой. Сумятице и неразберихе послевоенной Польши, получившей независимость, он противопоставил свое субъективное представление об организованности, порядке и величии своей страны. Пристрастно и неравнодушно относясь к явлениям окружающей жизни, он упорно отстаивал свое мнение как единственно верное. Людей с такими качествами относят в психологии к параноидному типу.

Ортодоксальный последователь идеи шляхетского сарматизма, одержимый идеей «великой Польши», лишенный гибкости и маневренности в отношениях, Юзеф Пилсудский, наживая себе врагов, был способен преодолеть множество препятствий для реализации своей идеи. Он цинично использовал свое окружение как средство, принеся в жертву своей идее множество людей. Результат его многогранной и кипучей деятельности оказался печален. В эпоху предвоенного двадцатилетия политический трагифарс, который он сам же и организовал, привел Речь Посполитую к тотальному военно-политическому краху и полной утрате государственности.

Истинная политическая мудрость государственного деятеля предполагает не только наличие той или иной

мотивационной доминанты, но и правильность действий при правильном же их стратегическом направлении. Не свершение великих дел большого ума, но избежание нелепостей. Не изучение обстоятельств собственными усилиями, но знание и память о чужих неудачах и провалах. Истинная мудрость не терпит крайностей и бахвальства, что нередко у людей в почете, оттого и мало мудрых: труд большой, а славы мало.

В отличие от своего младшего брата Бронислав Пилсудский в качестве мотивационной доминанты имел мотив достижения и, насколько мы можем об этом судить, выраженный мотив аффилиации. Получив в 1887 г. от властей Российской империи прививку от революционного экстремизма и терроризма в виде каторги на Сахалине, Бронислав со временем стал успешным ученым-этнографом. Он направил свою пассионарность на благое дело таким образом, что его уважаемое имя до сих пор известно в научных кругах. Вернувшись на родину, Бронислав «потерялся» в житейской суете, испытывая трудности в личной жизни и, судя по всему, дефицит аффилиации.

Имея недюжинные способности и энергию, братья Пилсудские, каждый по-своему, распорядились своим генетическим наследством. Но на уровне менталитета конкретного человека всегда существует проблема и возможность выбора, и каждый ее решает по-своему. В. Франкл приводит хрестоматийный пример о двух братьях-близнецах. Один из них стал изобретательным преступником, другой — изобретательным криминалистом. Склонность к изобретательству могла быть передана по наследству, но стать преступником или криминалистом — вопрос выбора, отношения к себе, к другим людям, к самой жизни. Наследственность — это не более чем материал, из которого человек строит сам себя в той мере, в какой ему доступно. Это всего лишь камни, которые могут быть использованы, а могут — и отвергнуты строителем. Но сам строитель не из камней[1].

[1] *Франкл В.* Человек в поисках смысла. — М.: Прогресс, 1990. — С. 79.

Используя концепцию мотивационного портретирования, как, впрочем, и любую другую, будем помнить о том, что психологическая наука изучает человека во времени и пространстве, условно говоря, в горизонтальном измерении жизни. При этом она не отражает вертикальную, то есть метафизическую, трансцендентальную устремленность личности к высшему, смыслообразующему, бытийному началу.

Психология не отвечает и не может ответить на вопросы, касающиеся насущной потребности человека в поиске индивидуального смысла жизни и обретения, говоря словами Э. Эриксона, «непрерывности времени» жизни[1], ее тождества и целостности, упования на будущее бытие. Важным моментом формирования системы мотивов человека является то, как представлены в нашем мировоззрении индивидуальный смысл существования и конечная точка бытия.

Творческое движение по жизни всегда подразумевает осознание ее смысла, а смысл предполагает мотивы и их реализацию, то есть движение, осуществляемое в конкретном времени и пространстве и в контексте проявлений души. Души не только как некого средоточия наших актуальных переживаний, но и души в высшем ее понимании — как Духа. Дух же был и всегда будет за пределами изучения его психологическими концепциями и методами. Это предмет особого постижения, а не научного знания, это тайна, а не проблема.

Именно Дух как первооснова нравственной силы человека, содержание которой обусловлено умом и личным выбором, в конечном итоге определяет проявление и реализацию основных мотивов — власти, достижения и аффилиации. Уникальное сочетание этих мотивов и их иерархия реализуются в том или ином политическом, социальном и нравственном пространстве — позитивном или негативном, в аспектах Добра или Зла. Дух творит себе форму. Искаженный дух творит искаженную форму, и плоды всегда свидетельствуют о древе — об авторе и исполнителе единственной и неповторимой человеческой жизни.

[1] *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. — М.: Прогресс, 1996. — С. 26.

ВЫВОД

В 20—30-е гг. прошлого века Польша была суверенной страной, но эта страна не являлась Утопией, населенной благородными эльфами и трудолюбивыми, робкими хоббитами. Эта страна была отсталой провинцией Европы, с нищетой и безработицей, с цензурой и отсутствием демократии, с тюрьмами и концентрационными лагерями, переполненными политзаключенными.

Жесткая диктатура тоталитарной Польши совершила множество преступлений против своего народа и народов соседних стран, тем не менее все эти жертвы оказались напрасны. Модернизация экономики не была проведена, против нацистских танков Польша выставила кавалерию.

Глава 9
Судьба Православия в Польше[1]

Некогда на восточных склонах Карпат процветало русское Галицко-Волынское княжество. Оно возникло в результате объединения Галицкого и Владимиро-Волынского княжеств (1199) волынским князем Романом Мстиславовичем (1170—1205). Это княжество было могущественным государством Европы. На черноземных землях Галицко-Волынской Руси издавна получили развитие пашенное земледелие и скотоводство. Имелись богатые соляные разработки. Процветали ремесла (обработка железа, ювелирное дело, гончарное производство, строительное дело и др.), росли города — Перемышль, Галич, Владимир-Волынский, Теребовль, Дорогичин, Луцк, Львов, Холм и др. (свыше 80 городов в XIII в.).

Находясь на пересечении водных и сухопутных дорог, Галицко-Волынская Русь играла крупную роль в европейской

[1] Глава составлена по материалам исследования *Свитича А.К.* Православная Церковь в Польше и ее автокефалия. URL: zarubezhje.narod.ru/texts/chss_0024.htm.

торговле, вывозя хлеб, скот, соль, изделия ремесел. Были построены соборы, оборонительные сооружения, украшенные белокаменной резьбой и близкие по типу и отделке аналогичным постройкам Владимиро-Суздальского княжества (Успенский собор, 1160, во Владимире-Волынском; дворец, лестницы с сенями, дворцовый храм в Галиче сер. XII в. и др.). Значительное распространение получило книжное дело — крупным центром летописания являлся Галич.

В 1259 г. татаро-монгольские войска уничтожили укрепленные города Галицко-Волынского княжества, завершив его подчинение Орде. В 1352 г. Галицкую землю захватила Польша, а Волынь — Литва. Буквально с первых дней оккупации Галиции польские власти стали крутыми мерами проводить политику полонизации русского православного населения. Основным направлением этой агрессивной деятельности стало упорное подавление Православия. С этой целью на Русской земле начали учреждаться католические епископские кафедры. Так, уже польский король Казимир III учредил в 1362 г. Львовскую архиепископию, а при его наследнике — Людовике — возникают в 1375 г. четыре католических епископства: Галицкое, Перемышльское, Луцкое и Каменецкое. Кафедральные соборы учреждались в русских церквах, которые насильно отбирались у православных и передавались католикам. Так, в 1370 г. во Львове была конфискована Крестовоздвиженская церковь и передана католическому архиепископу как кафедральный костел. Такой же участи подверглись русские православные церкви в издревле русском Галиче. Там были переданы католикам церкви Успения Пресвятой Богородицы, Св. Пантелеймона и Св. Анны. Поляки варварски обошлись с кафедральным собором во имя Рождества Св. Иоанна Крестителя в городе Перемышле. В 1412 г. польский король Владислав Ягайло приказал вооруженному отряду занять этот собор силой, при этом были взломаны гробницы русских князей, кости их выброшены, храм был переосвящен по католическому обряду и передан Перемышльскому католическому епископу.

Стремление к католическому прозелитизму на Руси со стороны польского правительства особенно усилилось в конце XIV столетия, именно при Ягайло[1], решившем, под давлением

[1] Ягайло (Йогайла, Ягелло) (1351—1434) — Великий князь литовский (1377—1392), король польский (Владислав II Ягелло, 1386—1434), родоначальник династии польских королей Ягеллонов. Родился в 1351 г. в Вильнюсе; отец — Великий князь литовский Ольгерд, мать — тверская княжна Ульяна Александровна. Был крещен в Православие. Великим князем литовским стал по завещанию отца в 1377 г. Ягайло унаследовал мощное государство, простиравшееся от Балтийского до Черного моря.

В 1380 г. Ягайло заключил договор с Золотой Ордой против Московского княжества, стал союзником Мамая в Куликовской битве 1380 г., но в самой битве не участвовал, остановившись примерно на расстоянии одного дня пути от поля сражения. Заключив этот договор, Ягайло упустил уникальную возможность объединить под верховенством Литвы все православные земли, то есть выполнить миссию Московского княжества.

В 1382 г. вел борьбу за власть со своим дядей Кейстутом, имевшим немало крестоносцев среди наемников своего войска. Ягайло перекупил их и захватил в плен Кейстута вместе с женой Бирутой и сыном Витовтом. В Кревском замке Кейстут, по показаниям одних источников, в припадке отчаяния сам на себя наложил руки, а согласно другим — был задушен по приказанию Ягайло. Говорили, что Ягайло приказал утопить и Бируту, отняв перед этим у них Вильнюс и замок в Троках (ныне Тракай). Двоюродный брат Ягайло Витовт, заключенный вместе со своим отцом Кейстутом в тот замок, успел спастись бегством к великому магистру Тевтонского ордена и начать борьбу с Ягайло. Она закончилась захватом Тевтонским орденом княжества Жемайтия в Литве. В 1383—1384 гг., чувствуя шаткость власти, Ягайло начал искать поддержки у Польши. В результате Кревской унии 14 августа 1385 г. Ягайло обязался принять католичество и возвратить Польше отторгнутые у нее ранее земли. В 1386 г. к Ягайло приехали послы из Кракова, прося принять польскую корону.

Посоветовавшись с матерью и панами, поняв, что на восток, в московские земли, ему дорога заказана, Ягайло устремился на запад. Он без сомнений перешел в римскую веру, крестился под именем Владислава II, вступил 18 февраля 1386 г. в брак с польской королевой Ядвигой I (12-летней девочкой), что позволило Польше объединиться с Литвою и составить единое государство с польской системой управления. При включении Литовского княжества в состав Польского королевства Ягайло было предписано «навек присоединить все свои земли, литовские и русские, к короне польской». Вопрос о том, был ли Ягайло польским королем или только супругом польской королевы, подвергался польскими учеными сомнению еще в XIX в. Но факт утверждения польской династии Ягеллонов на польском троне на 200 лет (с 1386 по 1572) не требует доказательств.

В 1386 г. прибывший в Литву Ягайло начал массовое крещение литовцев. Крестившиеся рыцари получали от него значительные привилегии. 20 февраля 1387 г. он дал право городского самоуправления Вильнюсу. Однако такая политика нравилась далеко не всем. Значительная группа оппозици-

Рима, обратить в католичество все православное население. Однако «мероприятия» Ягайло вызвали самое решительное сопротивление, увеличив и без того крайнюю непопулярность Ягайло в тогдашней Литовской Руси, во главе которой стоял в то время талантливый соперник Ягайло — Великий литовский князь Витовт. По инициативе последнего в 1415 г. в городе Новогрудке был созван Собор православно-литовско-русского духовенства и верующих мирян, где была провозглашена и обеспечена независимость Православной Литовско-Русской Церкви и ее самоуправление под властью Киевского митрополита. Свобода, неприкосновенность и независимость Православной Церкви были гарантированы особою грамотою Витовта, подтверждавшей все постановления этого Собора. Подобным путем на сравнительно продолжительное время была положена преграда польскому прозелитизму.

Систематическое преследование Православия в Польше возобновилось с конца XVI столетия, когда находившийся под сильным влиянием иезуитов польский король Сигизмунд III задумал путем унии подчинить Православную Церковь в Польше Римскому престолу. Сигизмунд III, тогдашнее

онно настроенных ему литовских князей в 1392 г. добилась передачи власти в Литовском княжестве Витовту, правда, с сохранением за Ягайло титула «верховного князя» Литвы. Тем самым уния Литвы и Польши не была нарушена. Она по-прежнему служила мощной основой сопротивления наступлению Тевтонского ордена, удерживавшего литовские (Жемайтию) и польские (Добжинскую провинцию) земли.

В 1413 г. в Городле (Западный Буг) была заключена новая уния, которая ограничивала участие православных в государственном управлении. Против этого выступил брат Ягайло — Свидригайло, который опирался на украинских и белорусских князей и выступал против сближения с Польшей. Но успех сопутствовал не ему, а Ягайло. В июне 1431 г. Ягайло во главе польских войск вторгся на Волынь (смерть Витовта в 1430 развязала ему руки). Ягайло поддерживала польская знать, Церковь, выступавшая против союза Польши с Чехией и всемерно стремившаяся к распространению католичества в Литве, а также далее — на Западной Руси. Свидригайло пытался оказывать сопротивление своему родственнику, но в результате его поражения в битве у реки Святой князем Литвы стал Сигизмунд (1435—1440). Актом от 3 января 1433 г. Ягайло подтвердил решимость в случае смерти Сигизмунда передать под власть Польши все литовские земли.

польское правительство и духовенство сумели склонить на свою сторону слабовольного Киевского митрополита Михаила (Рогозу) и большинство православных епископов, епархии которых находились в пределах тогдашней Речи Посполитой. В 1596 г. на Соборе в Бресте была провозглашена уния Православной Церкви с Церковью римо-католической, несмотря на самые решительные протесты сторонников Православия. Вводя унию, польское правительство рассчитывало на то, что соединение двух христианских исповеданий приведет и к политическому объединению двух славянских народов. Но на практике случилось иное: вместо ожидаемого объединения Польского государства уния привела Польшу к противоположным результатам.

Объективные польские историки, как, например, М. Боржиньский, считают, что «Брестская уния вместо того, чтобы привести к религиозному единству, вызвала раскол в русском населении, и часть его, оставаясь верной Восточной Церкви, была враждебно настроена в отношении униатов и поддерживавшей их Польши»[1]. Оставшиеся верными Православной Церкви русские люди Польши в течение более двух веков выдерживали тяжелую борьбу за свободу своей религиозной совести. Брестская уния, эта знаменитая затея иезуитов, без сомнения, причинила Польше громаднейший и непоправимый вред. Она внесла глубокое разделение в среду населения; вызвала, вследствие насильственных методов ее введения, небывалые смуты в государстве; явилась причиною страшных по обоюдной жестокости казацких войн и создала стихийное влечение православного населения к Москве; влечение, которое в дальнейшем было уже невозможно остановить. Казацкие войны, вызванные насильственными методами внедрения унии, привели к войнам Польши с Москвой, к отпадению от Польши Малороссии, к новому объединению Киевской и Московской митрополий, к постоянному заступничеству

[1] Глава составлена по материалам исследования *Свитича А.К.* Православная Церковь в Польше и ее автокефалия. URL: zarubezhje.narod.ru/texts/chss_0024.htm.

московских царей, а затем петербургских императоров и императриц за угнетаемое православное население в Польше и, наконец, к разделам страны. Однако «уроки истории» ничему не научили Польшу. Верная своим вековым «традициям», Речь Посполитая Польская 1918—1939 гг. полностью повторила свои прежние ошибки в отношении оказавшегося на ее территории православного населения и делала все, чтобы оттолкнуть от себя это население. В продолжение своего кратковременного, двадцатилетнего, существования возрожденная католическая Польша вела упорную борьбу с другим христианским исповеданием — Православием, не гнушаясь в этой борьбе никакими средствами, вплоть до разрушения динамитом православных святынь.

9.1. Ликвидация православных храмов

Возрожденная по Версальскому трактату 1919 г., Польша включила в свой состав исконно русские православные земли (территории восточнее «линии Керзона»). Это случилось в результате вероломной агрессии против обескровленной советской России[1]. Обретя «свободу», суверенная, цивилизованная Польша сразу же (1918—1920) инициировала массовое, особенно на Холмщине, закрытие православных храмов и превращение их в римо-католические костелы. Многие православные храмы были уничтожены. Только согласно официальным статистическим данным, в первый год правления польского правительства было отобрано около 400 церквей. В действительности таких было гораздо больше, ибо в одной только Холмщине отобрали свыше 300 церквей, в Гродненской епархии — около 100 церквей, сюда еще входили Виленщина, Полесье, Волынь и коренная Польша. Этот процесс официальная Польша называла «ревиндикацией», то есть возвращением их первому владельцу. Однако все было далеко не так, поскольку из отобранных православных церквей лишь незначительное количество являлось когда-то католическими

[1] *Найденова Н.В.* К проблеме российско-польских отношений // Информационные войны. 2007. № 2 (2).

костелами, большинство же — это бывшие униатские храмы. Но среди отобранных церквей были и такие, которые никогда не были ни католическими, ни униатскими. В первые же годы существования восстановленного Польского государства началось разрушение величественного православного собора в Варшаве, на Саксонской площади[1]. Тогдашний польский сейм, санкционировавший разрушение православной святыни, положил в основу своего решения то соображение, что этот собор являлся памятником и свидетельством польской неволи. Кроме Варшавы разрушались православные церкви в городах Люблине, Калише, Влоцлавке, Плоцке и Кольцах. Была также разрушена военная церковь в Варшаве, а на ее месте сооружен танцевальный зал. Отбирание православных церквей не раз приводило к пролитию крови. Так произошло при отнятии православной церкви в селе Житомле на Гродненщине и в селе Веселухе на Виленщине.

Польским правительством забирались у православного населения не только храмы, но и церковное имущество, принадлежавшее православным. Например, в городе Вильно в первый же год польского владычества отняли у православных архиерейский дом, купленный в свое время на средства православного населения, без всякого участия русского правительства. В указанном доме находилась архиерейская домовая церковь. Она была разрушена, церковная утварь и иконостас исчезли без следа, а в самом храме отцы иезуиты устроили кинотеатр. Тогда же польское правительство в полной мере, без какого бы то ни было согласия православных духовных властей, начало применять к Православной Церкви изданный в конце 1918 г. Декрет об отчуждении для нужд колонизации и земельной реформы церковных земель. Земля у православных церквей забиралась самовольно, безотносительно к тому, была ли эта земля отведенная, дарованная правительством, пожертвованная в виде фонда или даже благоприобретенная. Для церквей оставлялось по 15—30 гектаров, а иногда и того

[1] *Найденова Н.В.* К проблеме российско-польских отношений // Информационные войны. 2007. № 2 (2).

менее. Там, где были отобраны церкви, православных духовных лиц выкидывали на улицу, а в зданиях церковных школ устраивали польские школы.

Польское правительство старалось ослабить Православную Церковь и тем, что не разрешало преподавание Закона Божия в школах или всеми способами препятствовало этому. В первые годы польского владычества православное вероучение преподавалось только в городах и в некоторых крупных местечках, а по деревням не преподавалось вовсе. Отказы в выдаче разрешений на преподавание обычно мотивировались тем, что православные священники не знают не только польского языка, но даже и белорусского, а учебников других не имеют, кроме как на русском языке.

9.2. Автокефалия

Несмотря на наличие в Польше нескольких православных иерархов, польское правительство, вслед за прибытием в Польшу архиепископа Георгия и епископа Пантелеймона, почему-то решило вести переговоры об устроении Православной Церкви не со всеми иерархами, а лишь с архиепископом Георгием и епископами Дионисием и Пантелеймоном. Всех троих вскоре вызвали в Варшаву, в Министерство исповеданий, где министр Ратай после длительной с ними беседы прямо и решительно высказался в том духе, что польское правительство не мыслит иного управления Православной Церковью в Польше, как на началах автокефалии. Иерархи, посоветовавшись между собою, дали ответ, что они согласны работать на церковной ниве в Польше и на началах автокефалии, если на это последует согласие и благословение Святейшего Патриарха Московского Тихона. Об этом был составлен и подписан соответствующий акт.

Между тем в апреле 1922 г. Святейшего Патриарха Тихона арестовали и заключили в тюрьму, а в Москве был образован так называемый Церковный комитет.

Во второй половине мая того же года в Почаевской лавре под председательством митрополита Георгия происходил

новый Собор епископов в Польше, на котором был поднят вопрос об отношении Православной Церкви в Польше к московским событиям, то есть к аресту Патриарха Тихона и образованию самочинного Церковного комитета.

На этом Соборе митрополит Георгий попытался явочным порядком провести автокефалию Православной Церкви в Польше.

По историческому исследованию вопроса автокефалии таковая может быть осуществлена при наличии четырех условий: 1. воля народа, создающего автокефалию Церкви; 2. согласие Церкви, из которой выделяется новая Церковь; 3. признание новой Церкви другими автокефальными Церквами; 4. согласие правительства того государства, в котором новая автокефальная Церковь учреждается[1].

Таким образом, главным условием для автокефалии является воля народа, до выявления которой никакие последующие меры к осуществлению автокефалии приниматься не могут. С этим вполне согласуется § 6 Положения об управлении Православной Церквью в Польском государстве, утвержденного Святейшим Патриархом и Высшим Церковным Управлением, в каковом параграфе высшим органом управления местной Православной Церкви указан Церковный Собор, а не Собор только епископов.

Тем не менее Варшавский Собор епископов, голосами митрополита Георгия, архиепископа Дионисия и епископа Александра, вынес 14 июня 1922 г. такое постановление:

«Собор православных архиереев, вследствие церковной смуты и разрухи в России, ничего не имеет против автокефалии Православной Церкви в Польше и готов работать в Польше на началах автокефалии, уверенный в добром сотрудничестве с польским правительством на основах Конституции; однако с тем, что польское правительство получит на автокефалию благословение Константинопольского и других Патриархов, а равно Глав автокефальных Церквей — Греческой, Болгарской и Румынской, а также Патриарха Московского,

[1] Курьер Варшавский. 5 февраля 1922. (Варшавская Польская газета).

если последний возвратится к власти и если Патриархат в России не будет упразднен»[1].

Явно самочинные и антиканонические «деяния» созванных митрополитом Георгием «соборов» епископов вызвали резкие протесты со стороны епископов, не согласившихся с принятыми на этих «соборах» решениями, как равно и протесты со стороны православно-верующего народа.

Еще 12 марта 1922 г. архиепископом Елевферием и епископами Владимиром и Сергием был представлен Святейшему Патриарху Московскому Тихону обширный доклад, где говорилось следующее:

«Главною целью состоявшегося в январе 1922 г. Варшавского Собора епископов было проведение выработанного Высокопреосвященным Экзархом Положения о Высшем Управлении Православной Церкви в пределах Польского государства и предложенного Правительством «конкордата», вводящего не названную лишь по имени, но все же фактическую автокефалию и полное порабощение местной Церкви светской властью. Для достижения этой цели допущен был искусственный подбор состава Собора.

Так, из 6 епископов, имевших каноническое право участия на Соборе, четыре не подавали надежд, что будут за принятие обоих названных законопроектов», и потому они под разными предлогами были не допущены к участию.

«На полных заседаниях Собора проект конкордата был лишь два раза прочитан: первый раз — в осведомительном порядке, второй раз — в окончательной редакции. После чего Экзарх высказал уверенность, что все иерархи подпишут конкордат, так как иначе неподписание его будет сочтено за враждебный правительству акт и причинит неисчислимый вред, вся ответственность за который падет на неподписавших.

Когда в заседании 15/28 января Преосвященный Владимир заявил, что все же предварительно подписания конкордата необходимо повнимательнее познакомиться с его содержанием

[1] *Свитич А.К.* Православная Церковь в Польше и ее автокефалия. URL: http://zarubezhje.narod.ru/texts/chss_0024.htm.

и подвергнуть постатейному обсуждению в Соборе одних епископов, то Экзарх зачитал молитву и объявил заседание закрытым. А вслед затем послал неподписавшим епископам ультимативное требование сообщить к 6 часам вечера, согласны ли они подписать прочитанный им в окончательной редакции конкордат для сообщения их решения премьер-министру.

В заключение Экзарх потребовал от несогласных подписать конкордат епископов еще какой-то необычайной расписки в объявлении им акта, что “все пагубные последствия отказа подписать конкордат лягут на них”.

И действительно, тяжкие последствия за отказ подписать гибельный для местной Церкви конкордат не замедлили сказаться на неподписавших епископах, и прежде всего на епископе Пантелеймоне. Положение его особенно трагично, и насилия над ним крайне вопиющи. Как поляк по происхождению, возмущавшийся допускавшимися против поляков при старом режиме насилиями, он прибыл на свою родину с особенной жаждой послужить ей, не поступаясь, однако, своей верой и не допуская даже мысли, чтобы в Польше в XX в. повторялись те же ошибки и насилия, которые раньше так болезненно отзывались в его душе.

Так как на Варшавском Соборе после устранения 2 несогласных епископов весь успех конкордата и его проведения зависел от приобретения на свою сторону голоса Преосвященного Пантелеймона, то последний взят был под особое попечение Экзарха и помещен в экзарших покоях под неослабное наблюдение и воздействие Преосвященного Дионисия, протоиерея о. Громадского и священника о. Мартыша, в то время как другим епископам предоставлено было самим озаботиться своим помещением и содержанием. По окончании Собора к Преосвященному Пантелеймону применена была особая мера с целью все же добиться его согласия на конкордат. Ему было предложено через секретаря министра задержаться в Варшаве. После отъезда других не согласившихся подписать конкордат епископов (о чем справлялись) епископа Пантелеймона 6 февраля н. с. пригласили к премьер-министру,

где директор политического департамента в присутствии чиновника Департамента исповеданий предъявил Владыке тот же конкордат, но изданный в виде “Временных Правил”, подписанных министром, и предложил дать подписку в точном проведении сих правил в жизнь управляемой им Пинско-Новогрудской епархии. Когда Преосвященный Пантелеймон отказался дать такую подписку и объявил принципиальные мотивы такового своего отказа, ему вручено было подписанное министром еще 30 января сообщение об освобождении его, по соглашению с Экзархом Георгием, от управления Пинско-Новогрудской епархией.

В просьбе разрешить жить в Вильно или в Гродно Преосвященному Пантелеймону было отказано, а объявлено, что он будет отвезен в один из монастырей по соглашению с Экзархом.

Экзарх назначил для пострадавшего глухой разоренный Мелецкий монастырь. Епископу Пантелеймону отказано было в просьбе остаться хоть на один день, чтобы помолиться в церкви и посоветоваться с врачами. Его в сопровождении агента доставили в Мельцы и поместили в маленькой келье полуразоренного монастыря. Несмотря на дни Великого Поста, Преосвященному Пантелеймону не предоставлена была возможность священнодействовать. На просьбу архиепископа Елевферия и епископа Владимира заступиться за пострадавшего Экзарх ответил полным отказом, мотивируя его тем, что он не может допустить во епископы тех, кто вставляет ему палки в колеса»[1].

Православное население Польши с негодованием встретило весть о стремлении епископов-предателей ввести фактическую автокефалию Православной Церкви в возрожденном Польском государстве.

Настроение православных русских людей нашло яркое выражение в постановлениях Виленского и Гродненского епархиальных собраний представителей клира и мирян.

---

[1] *Свитич А.К.* Православная Церковь в Польше и ее автокефалия. URL: http://zarubezhje.narod.ru/texts/chss_0024.htm.

Уже 30 июня 1922 г. на Епархиальном съезде представителей духовенства и мирян в городе Вильно было вынесено следующее постановление:

«С душевной горечью отмечая, что три иерарха Православной Церкви в Польше, в том числе и митрополит Варшавский Георгий, пользуясь теми потрясениями, которые в настоящее время переживает Церковь Всероссийская, употребляют все усилия, чтобы отделить себя и свои паствы путем, не предусмотренным никакими канонами, и, не имея на то соборного волеизъявления своего народа — паств от своей Матери-Церкви, Епархиальное собрание духовенства и мирян Литовской епархии вынуждено заявить от лица всей литовской паствы, что она по-прежнему, доколе этот вопрос не решился в каноническом порядке, считает себя нераздельной частью той Церкви, к которой она до сего времени принадлежала, что в этот час, когда Святейший Патриарх находится в заточении, она чувствует особенно тесную духовную связь с ним; что она глубоко скорбит об отделяющихся и умоляет их во имя мира Христова не делать этого шага таким путем, а для решения этого вопроса, равно как и других дел, связанных с устройством церковного управления в Польше, созвать полный церковный областной Собор, соответствующий канонам и практике Всероссийской Церкви и состоящий из клира и мирян. Доколе же этот Собор не состоится, доколе не будет восстановлено нарушенное Положение о высшем церковном управлении в Польском государстве, доколе откалывающиеся не воссоединятся и не восстановится единение, воздержаться от всяких распоряжений, связанных с провозглашением автокефалии.

Настоящее постановление сообщить: 1. Митрополиту Варшавскому Георгию; 2. Польскому Правительству; 3. Всем Епархиальным архиереям, в том числе и епископу Пантелеймону Пинскому и Новогрудскому; 4. Русскому Церковному Управлению за границей; 5. Всем автокефальным Церквам; 6. Святейшему Патриарху Тихону, если это окажется возможным.

Кроме того, собрание от лица всей паствы заявляет, что оно в сем вопросе останется верным и в полном единении со

своим каноническим главою и архипастырем, архиепископом Елевферием»[1].

Так отнеслась к вопросу об автокефалии Православной Церкви в Польше Литовско-Виленская епархия, насчитывавшая в своем составе около 200 приходов.

Через 2 недели, а именно 14—15 июля 1922 г., состоялся Епархиальный съезд представителей от духовенства и мирян Гродненской епархии и вынес такое постановление:

«Принимая во внимание, что согласно канонам Православной Церкви: 1. автокефалия дается только отдельным народам, но не государствам; 2. дается только в том случае, если о ней просит и добивается весь народ или, по крайней мере, большая часть его; 3. что такой серьезный, коренной, чрезвычайной важности вопрос церковной жизни, как введение автокефалии, может быть разрешен только на правильно созванном областном Церковном Соборе из епископов и представителей клира и мирян всей области; 4. что автокефалия становится законной формой церковной жизни только с момента получения на нее благословения всех Православных Патриархов, и, в первую очередь Патриарха Московского, и согласия всех автокефальных Церквей и констатируя, что: 1. белорусы и украинцы современной Польши составляют только малую часть этих народов; 2. что они автокефалии никогда не просили; 3. что областной Собор для выработки форм Высшего Управления Православной Церкви в Польше созван не был и 4. что благословения на автокефалию от Восточных патриархов автокефальных Православных Церквей не получено, — Епархиальный съезд усматривает в акте о введении автокефалии для Православной Церкви в Польше, подписанном только тремя епископами Польши, насилие над религиозным сознанием православного народа Польши, узурпацию его законных, 17 марта 1921 г. ему предоставленных прав, а также нарушение канонов Св. Церкви и от лица всего православного населения епархии заявляет самый

[1] *Свитич А.К.* Православная Церковь в Польше и ее автокефалия. URL: http://zarubezhje.narod.ru/texts/chss_0024.htm.

решительный протест против навязываемой ему автокефалии, выражает самую непоколебимую, непреклонную волю и впредь, доколе вопрос этот не будет разрешен на областном Церковном Соборе, пребывать в братском единении и общении с Православной Российской Церковью, с которой связан неразрывными историческими узами в общецерковной жизни, в сыновнем послушании и каноническом подчинении Ее высшему руководителю и Отцу Патриарху Московскому Тихону, в законном избрании которого он участвовал через своих представителей на Московском Соборе в 1917 г.

Гродненская епархия, убедившись, что во главе ее управления епископ Владимир в вопросе об автокефалии стоял на чисто канонической точке зрения, выражает ему за это свою сыновнюю признательность и почтительнейше просит и впредь в строительстве церковной жизни, осуществляя волю епархии, идти этим путем в контакте со своею паствою.

Постановление это послать: 1. всем автокефальным Церквам; 2. Русскому Церковному Управлению за границей; 3. всем Св. Патриархам, в том числе и Московскому Тихону; 4. всем православным епископам в Польше; 5. Митрополиту Варшавскому Георгию и 6. Польскому правительству.

Вышеприведенное постановление Епархиальным Съездом было принято единогласно»[1].

Видя такую реакцию православного населения, митрополит Георгий организовывает лишение епископских кафедр Виленского архиепископа Елевферия и Гродненского епископа Владимира. Под его давлением Священный Синод выносит решения об аресте и вывозе архиепископа Елевферия в Краков и заключении его в римо-католическом монастыре, а также об аресте и вывозе из Гродно епископа Владимира. Правительство Польши привело в исполнение синодальное определение.

Самочинное введение автокефалии Православной Церкви в Польше вызвало резкое осуждение и со стороны епископов Русской Зарубежной Церкви. Собор 12-ти православных

[1] *Свитич А.К.* Православная Церковь в Польше и ее автокефалия. URL: http://zarubezhje.narod.ru/texts/chss_0024.htm.

епископов Российского Патриархата, пребывавших в Сремских Карловцах (Югославия), выпустил специальный меморандум, где осуждал действия митрополита Георгия и епископов Православной Церкви в Польше.

Таким образом, митрополит Георгий проводил все свои начинания, опираясь только на польское правительство, безо всякого обращения к голосу народа. Он окружил себя законопослушными епископами (в лице епископов Дионисия, Александра и Алексия) и удалил, при помощи того же правительства, имевших свое суждение и отстаивавших Св. Каноны иерархов: архиепископа Елевферия и епископов Пантелеймона, Сергия и Владимира. Уже одним этим митрополит Георгий дал понять Кременецкому епископу Дионисию всю бесполезность и явную опасность какого-либо сопротивления.

Лично для самого митрополита Георгия все это не могло не закончиться очень печально. 8 февраля 1923 г. митрополит Георгий был убит архимандритом Смарагдом (Латышенковым), бывшим ректором холмской духовной семинарии, явившимся мстителем за поруганную свободу Церкви.

Вскоре после убийства митрополита Георгия был опять созван Собор епископов Православной Церкви в Польше, пополненный к тому времени новохиротонисанным епископом Антонием (Марценко), получившим назначение на должность викария Варшавско-Холмской епархии. На вдовствующую митрополичью кафедру Собор епископов единогласно избрал Кременецкого архиепископа Дионисия.

9.3. Попытка перехода на григорианское календарное летосчисление

В июле 1923 г. Св. Синод Православной Церкви в Польше возбудил перед польским правительством ходатайство о том, чтобы служащие в правительственных учреждениях православного исповедания, а также состоящие на военной службе православные воины освобождались от службы в свои православные праздники. В ответ на это ходатайство Министерство исповеданий предложило митрополиту Дионисию рассмотреть

в Св. Синоде вопрос о переходе на григорианское календарное летосчисление. Св. Синод обратился по этому вопросу за указаниями к Вселенской Патриархии, и Вселенский Патриарх Григорий VII, извещая о введении нового стиля в Константинопольской Церкви, благословил ввести в церковное употребление новый стиль и в Польше.

Ввиду несомненной важности вопроса митрополит Дионисий созвал для его решения всех епископов митрополии, которые «деянием» от 12 апреля 1924 г. и ввели новый стиль в жизнь Православной Церкви в Польше.

Приняв такое постановление, Собор епископов призывал клир и верных к выполнению этого постановления и довел его до сведения правительства.

Это «деяние» Собора епископов поразило всех православных, особенно же на восточных окраинах («кресах») Польши. На местах сразу же создалось настроение смятения: миряне выступали определенно против нового стиля, мнения духовенства разделились. Некоторые приняли это постановление с великой сердечной болью.

Многие православные перестали посещать храмы в те дни, когда священники совершали богослужения по новому стилю, и упорно требовали праздновать праздники только по-старому. Духовенство, отказавшееся праздновать по-новому, было взято под подозрение и своею церковной властью, и властью административной.

От имени правительства всем уездным старостам, войтам гмин, полицейским комендатурам и т. п. был разослан циркуляр, который гласил:

«Согласно с рескриптом Министерства исповеданий и народного просвещения, от 30.05.1924 г. № 3777, поручаю следить за тем, чтобы новое счисление времени православным населением было принято и исполняемо. О всех случаях неисполнения следует доносить соответствующему посту государственной полиции»[1].

[1] *Свитич А.К.* Православная Церковь в Польше и ее автокефалия. URL: http://zarubezhje.narod.ru/texts/chss_0024.htm.

И полиция принялась за весьма ревностное исполнение этого приказа: она разгоняла народ, собиравшийся перед храмами в дни двунадесятых и больших праздников, составляла протоколы, направляла высшим властям доносы на священников, обвиняя их в неподчинении распоряжениям правительственной и церковной власти и в агитации в пользу старого стиля. В ряде местностей доходило даже до кровавых столкновений.

Против введения нового стиля выступили также и православные народные представители в лице депутатов сейма и сенаторов. Они изготовили канонически и научно обоснованный меморандум против нового стиля и в десятках тысяч экземпляров распространяли его среди верующего народа. Вся печать, и русская, и украинская, и белорусская, была переполнена статьями и протестами против насильственного введения нового стиля, в котором видели первый шаг к введению унии.

Православные иерархи Польши не могли не прислушаться к голосу народа, и митрополит Дионисий созвал в Почаевской лавре в середине августа того же 1924 г. Собор епископов.

На этом Соборе все без исключения епископы доложили о тех непредвиденных трудностях, коими сопровождалось в митрополии введение нового стиля.

Приняв во внимание содержание архиерейских докладов, а также усмотрев в приверженности старому стилю свойственную православному народу крепкую традиционную привязанность к веками установленным формам церковного быта, требующую бережного и заботливого отношения к ней, Собор епископов, во избежание ослабления тяготения народа к самой вере, вынес 16 августа 1924 г. новое определение. И здесь, дополнительно к постановлению своему от 12 апреля 1924 г., благословил празднование в тех местах, где это требуется верующим народом, великих и местночтимых праздников по старому стилю. Одновременно постановил сообщить об этом Вселенскому и Московскому Патриархам, а также и польскому правительству с просьбой к последнему

об ограждении вопроса о введении нового стиля в церковную жизнь, как чисто внутреннего дела Церкви, от полицейского вмешательства административных властей.

Таково было внутреннее состояние Православной Церкви в Польше к моменту установления в ней автокефального управления и торжественного провозглашения этой автокефалии в Варшаве в 1925 г.

9.4. Признание Православной Церкви в Польше Автокефальною

Поскольку Москва не собиралась даровать автокефалию Польской Православной Церкви, Константинопольская Патриархия готова была распахнуть свои объятия.

Митрополит Дионисий информировал нового патриарха Георгия VII о положении дел с автокефалией Православной Церкви в Польше, представив ему подробную записку о состоянии церковной жизни. В ответ на это патриарх своим письмом от 17 сентября 1924 г. за № 3312 сообщил, что он с удовольствием прочитал подробные сообщения о Православной Церкви в Польше и нашел, что «состояние ее в общем хорошее и полное надежд».

При дряхлом и безвольном Георгии VII и состоялось определение Вселенской Патриархии о даровании Православной Церкви в Польше автокефалии. За три дня до своей смерти, а именно 13 ноября 1924 г., патриарх подписал и утвердил так называемый «Патриарший и синодально-канонический томос Вселенской Константинопольской Патриархии, от 13 ноября 1924 г., о признании Православной Церкви в Польше Автокефальною».

В этом акте большого исторического значения, акте, полагающем начало самостоятельного существования Православной Церкви в Польше, указывалось, что «первое отделение от Нашего Престола Киевской Митрополии и Православных Митрополий Литвы и Польши, зависящих от нее, а также присоединение их к Святой Московской Церкви, произошло отнюдь не по предписанию канонических правил, а также не

было соблюдено всего того, что было установлено относительно полной церковной автономии Киевского Митрополита, носящего титул Экзарха Вселенского Престола».

Вселенский Патриарх и состоящий при нем Синод, очевидно, забыли о том, что еще в XVII в. (1686) Вселенская Патриархия дала свое согласие на включение в состав Русской Церкви той части Киевской Митрополии, которая до XVII в. оставалась в руках Польши.

Святейший Московский Патриарх Тихон по вопросу об автокефалии имел случай высказаться три раза. В первый раз на представление польского посла в Москве о даровании автокефалии, о чем просили тогда еще архиепископ Георгий и викарный Кременецкий епископ Дионисий (было это осенью 1921), Святейший Патриарх Тихон ответил: «Св. Каноны Нашей Церкви предусматривают автокефалию для отдельных самостоятельных народов. Если бы польский народ, получивший недавно суверенность, был православный и просил бы автокефалию для себя, Мы бы ему в этом не отказали, но давать автокефалию для разноплеменных православных, проживающих в пределах Польского государства на положении национальных и религиозных меньшинств, — Нам не позволяют ни здравый разум, ни Священные Каноны. Что возможно, то Мы уже дали православным в Польше — широкую поместно-церковную автономию».

Таким образом, инициатива автокефалии, исходившая еще в 1920 г. от государственной власти, а затем с легким сердцем встреченная и воплощенная в жизнь послушными правительству православными иерархами, привела в конечном итоге Православную Церковь в Польше в такую сильную зависимость Церкви от администрации, какой не знала Россия, и при ощутимой разнице к худшему, поскольку администрация в Польше по своему составу была сплошь католическая и нередко враждебная Православию, как таковому.

В результате устроения Автокефальной Православной Церкви в Польше миряне, или общество верующих, оказались в самом плачевном положении. Не объединенные

руководящей идеей, они разбились на группы и направления, пытаясь сделать Церковь орудием воинствующего национализма, очень скоро нашедшего свое выражение в требованиях украинизации, белоруссизации (в меньшей степени), а затем и полонизации Церкви.

9.5. Украинизация Православия

Православная Церковь в Польше, искусственно оторванная от Церкви Российской, а затем и Церкви Вселенской как таковой, стала объектом для всевозможных экспериментов со стороны не только правительственной власти, но и национальных меньшинств.

В этом отношении ведущая роль принадлежала украинцам, главным образом проживавшим на Волыни, пытавшимся сделать Церковь политическим орудием.

Начало всех бед в Церкви на Волыни положил Волынский Епархиальный съезд, состоявшийся осенью 1921 г. в Почаевской лавре. На этом съезде пролегла первая глубокая трещина в фундаменте единой Церкви, а именно — было признано своевременным украинизировать Церковь путем замены имевшего тысячелетнюю традицию церковно-славянского богослужебного языка языком разговорным — украинским. Затем последовало благословение на употребление в храмах скороспелых переводов богослужений, с массой погрешностей, так что вскоре сам верующий народ начал обращаться к церковным властям с просьбами об изъятии этих переводов из употребления.

В деле украинизации богослужения немалую роль сыграл тот же митрополит Дионисий, тогда епископ Кременецкий. По свидетельству епископа Алексия, ближайшего сподвижника митрополита: «Владыка Дионисий, будучи уроженцем коренной России, проявил всю ясность своего ума, когда отнесся к этому вопросу со всей широтой своего мировоззрения, решительно высказавшись за возможность, с благословения церковной власти, украинизации богослужения там, где этого пожелают верующие. Он нередко об-

ращался к своей пастве с посланиями (новогодними, пасхальными и по случаю особых обстоятельств, вызывавших необходимость архипастырского разъяснения) на украинском языке, он благословил издание на украинском языке Служебника в переводе проф. И.И. Огиенко, он допустил даже в своем кафедральном храме в Кременце богослужение с украинской вымовой (произношением) и проповеди на украинском языке»[1].

Высшая Церковная Власть допустила употребление не только украинского, но также белорусского, польского и чешского языков в тех богослужебных чинах, текст коих одобрен Высшей Церковной Властью и где к этому представится возможность по местным условиям. Кроме того, та же власть благословила произношение проповедей и церковных поучений на языке местного православного населения, а равно рекомендовала преподавание Закона Божия на родном языке.

Началось так называемое размосковленье Церкви. Над Церковью нависла грозная опасность. Однако духовенство, в своем подавляющем большинстве, и верующий, чуждый политике, народ осудили подобные нововведения, в частности украинизацию богослужений, и требовали совершения служб на церковно-славянском языке.

Тогда понадобилось создать искусственное украинское национально-церковное движение и придать ему вид протеста широких народных масс.

Руководители такого украинского движения остановились на мысли созвать в городе Луцке, на Волыни, Украинский церковный съезд из представителей духовенства и мирян и создали для того Особый организационный комитет, в состав которого вошли представители всех уездов Волыни. Во главе комитета встал стяжавший себе большую, как украинизатор, известность д-р Арсений Речинский, редактор издававшегося в городе Владимире-Волынском журнала

[1] К Истории Православной Церкви в Польше за 10-летие пребывания во главе Ее Блаженнейшего Митрополита Дионисия. — Варшава: Синодальная Типография, 1937. — С. 39—40.

«На Варти», журнала, открыто призывавшего к разрыву с Московской иерархией и ее традициями.

Несмотря на наличие запрещения со стороны Высшей Церковной Власти, этот съезд состоялся 5—6 июня 1927 г. в городе Луцке и на нем присутствовало 524 делегата от православных приходов, некоторые депутаты польского сейма и сенаторы. Всего, вместе с делегатами от общественных организаций и почетными гостями, на съезде присутствовало до 800 человек.

На Луцком украинском съезде, происходившем с разрешения правительственных властей, были вынесены резкие резолюции, направленные против Высшей иерархии и против традиций Православной Церкви. Съезд, в сущности, санкционировал всю ту подрывную работу, которая велась доселе на местах, и рекомендовал проводить украинизацию Церкви самыми быстрыми темпами.

Особенно усилилась работа по украинизации Православной Церкви на Волыни с момента назначения туда в качестве викарного епископа видного украинского деятеля, архимандрита Поликарпа (Сикорского), занимавшего одно время должность настоятеля Владимиро-Волынского собора и связавшего свое имя с украинизацией богослужений в этом соборе.

При епископе Поликарпе на Волыни было украинизировано около 30% православных приходов. Немалую помощь в деле украинизации Православной Церкви оказывали епископу так называемые «просвити» и «украинские хаты», где, собственно, и велась вся подготовительная работа по украинизации.

Огромную роль в украинизации сыграли украинские депутаты и сенаторы, принадлежавшие к правительственному лагерю так называемого Беспартийного блока сотрудничества с правительством.

При содействии этого «Блока», а вернее — входящих в него украинских депутатов сейма и сенаторов, в Почаевской лавре осенью 1933 г. была организована демонстрация украинцев против «Московской» иерархии, возглавляемой митрополитом Дионисием.

И вот, 10 сентября 1933 г. в Почаевской лавре произошли печальные события, болью отозвавшиеся в сердцах православно-верующих людей.

В этот день по случаю праздника Преподобного Иова Почаевского (в миру — Иоанн Железо; ок. 1551—1651) в Лавру, где происходили церковные торжества, прибыли православные епископы Польши, а также митрополит Дионисий, которого на второй день собиралась чествовать православная Волынь, как своего правящего епископа, в связи с исполнившимся 10-летним юбилеем пребывания его на Волынской кафедре.

Чествование «москаля» митрополита было не по душе украинским «раскольникам», упорно добивавшимся назначения на Волынь правящего епископа-украинца и украинизации Церкви.

Почти вся украинская печать повела кампанию против намеченного чествования митрополита Дионисия, обвиняя высших иерархов и духовенство Волыни якобы в крайней русификаторской деятельности и призывая украинское население не принимать участия в юбилейных торжествах.

Однако агитация эта успеха не имела, и в Лавру на праздник Преподобного Иова прибыло более 200 крестных ходов со своими приходскими священниками. Там собралось около 30 000 богомольцев-паломников.

Предчувствуя полный провал, украинские сепаратисты решили сорвать юбилей митрополита Дионисия, для чего мобилизовали индифферентную к Церкви и делам веры молодежь и устроили в стенах Почаевской лавры безобразную демонстрацию.

К этому дню — 10 сентября 1933 г. — туда прибыли также представители правительственной власти, а равно православные украинские депутаты сейма Бура, Скрипник, Тележинский и сенатор Гловацкий, которые, собственно, и провели все это омерзительное действо.

Когда из главного лаврского собора, где совершал богослужение митрополит Дионисий с епископами и сослужащим духовенством, двинулся крестный ход с мощами Преподобного

Иова Почаевского, украинцы выкинули на лаврской колокольне свой национальный, желто-голубой флаг, развернули заранее заготовленные транспаранты и знамена и громкими криками стали требовать удаления с Волыни «москалей», московской иерархии и духовенства и назначения правящего епископа-украинца, а также украинизации Церкви.

Всего было развернуто около 50 флагов-транспарантов и плакатов с самыми разнообразными надписями: «За украинский богослужебный язык», «За украинского главу Церкви», «Довольно московской политики на Волыни», «Украинскому народу — украинский епископат», «Для Волыни — правящий епископ-украинец», «Долой московщину в Церкви», «Домогайтесь в полной мере украинизации Церкви», «Долой русификаторов в Церкви», «Требуем украинских епископов и священников» и т. п.

Как выяснилось впоследствии, лаврский звонарь, препятствовавший водружению на верхушке лаврской колокольни большого украинского флага, был силою удален оттуда, а у подножия колокольни поставили особую стражу, которая никого туда не допускала.

Высшей точки демонстрация достигла в тот момент, когда митрополит Дионисий впереди епископов и духовенства шествовал из собора «со славою» в архиерейский дом.

Тогда снова посыпались оскорбительные возгласы по адресу «московской» иерархии, раздались грозные окрики, требования украинизации Церкви и удаления ненавистных «москалей».

Народ, в подавляющем своем большинстве, не понимал, что же собственно происходит. Многие кричали «слава!», думая, что приветствуют митрополита и епископов.

С большим трудом иерархи и духовенство проследовали среди многотысячной толпы, запрудившей обширный лаврский двор, к архиерейскому дому.

После этого толпа в несколько тысяч человек, под предводительством тех же депутатов сейма и сенаторов, в сопровождении оркестра направилась из Лавры в местечко Почаев, к

зданию почтовой конторы, где состоялся митинг, на котором выступали депутаты, требуя «размосковленья» Церкви.

Тут же участники митинга принесли «присягу» — обещание добиваться родного богослужебного языка, родной иерархии и назначения на Волынь правящего епископа-украинца.

В заключение была вынесена резолюция, где выражались те же требования.

Вслед за Почаевской демонстрацией начался ряд митингов по городам Волыни, на которых опять-таки принимались резолюции, в которых указывалось, что «над клиром и верующими тяготеет административный аппарат, построенный по образцу времен русского царизма» и что «церковные власти издают органы печати на русском языке».

В конце всех этих резолюций рефреном звучало требование о назначении на Волынь правящего епископа-украинца.

От имени участников митингов посылались телеграммы министрам и даже президенту Польской Республики.

Очень скоро сказались результаты и Почаевской демонстрации, и прокатившихся по городам Волыни акций.

В искусно разыгранном «Почаевском действе», а затем и в «организованно» проведенных митингах ответственные правительственные сферы усмотрели «глас народа» Волыни. И уже 23 сентября того же 1933 г. тогдашний министр исповеданий Польши, опираясь на «волю народа», потребовал официальным письмом на имя митрополита Дионисия освобождения им занимаемой доселе Волынской кафедры, созыва Св. Синода и назначения на Волынь другого епископа по соглашению с польским правительством. Митрополит Дионисий подчинился. Как и всегда.

9.6. Полонизация православных

По замыслу польского правительства, Православная Церковь должна была стать средством денационализации русского православного населения в Польше, поскольку поляки считали православными украинцев и белорусов, но отнюдь не русских.

Польское правительство прекрасно сознавало, что ему необходимо иметь кадры своих, преданных «польскому делу», священнослужителей, и потому планомерно проводило полонизацию духовного образования.

К моменту провозглашения автокефалии Церкви в Польше существовали две духовных семинарии (в Вильно и в Кременце), мужское духовное училище в Дермани, на Волыни, и там же женское духовное училище. Верхом богословского просвещения и образования являлся Богословский православный отдел при Варшавском университете, открытый весною 1924 г. Первым профессором этого Богословского отдела и его куратором был митрополит Дионисий.

Первой была «реформирована» Виленская духовная семинария, разбитая первоначально на общеобразовательные классы и классы богословские, а затем преобразованная в Государственную девятиклассную семинарию-гимназию, получившую все права польских средних учебных заведений.

Несколько позднее «реформировали» и Кременецкую духовную семинарию, также обращенную в девятиклассную гимназию со всеми правами польских средних учебных заведений.

Как в духовных семинариях, так и в Богословском отделе Варшавского университета выработанная польским правительством и принятая к исполнению митрополитом Дионисием система духовного образования сводилась к тому, чтобы будущее православное духовенство воспитывалось на началах польской культуры. Низшее, среднее и высшее образование было построено в Польше так, что если и изучались те или иные явления западнорусской и русской жизни, то исключительно с точки зрения польских интересов и толкования.

Весь период, связанный с церковной унией, то есть XVI и XVII вв., интерпретировался только под польским углом зрения. Огромная и богатейшая русская богословская литература игнорировалась, зато при непосредственном участии польского правительства и на его субсидии издавались самые разнообразные псевдонаучные богословские «труды», касавшиеся

положения Православной Церкви и русского народа в бывшем Польско-Литовском государстве.

Через несколько лет после пресловутой «реформы» духовных семинарий там вместо материнского языка преподавания был введен в качестве основного и единственного, притом всех предметов, язык польский. Этот же язык стал языком преподавания и в Богословском отделе Варшавского университета. Польским языком должны были пользоваться воспитанники и студенты даже в общении с педагогическим персоналом и между собою. Последнее было особенно сложным для гимназистов, готовившихся к поступлению в Богословский отдел университета.

Все образование и воспитание будущих православных пастырей Польши, сосредоточенное, по замыслу польского Министерства исповеданий и народного просвещения, в Варшаве, происходило в польской обстановке и на польском языке и в конечном итоге должно было воспитать новое поколение духовенства, для которого Православие, как таковое, теряло всякий национальный характер.

Польское правительство стремилось к одной цели — созданию и насаждению своего, так называемого польского Православия. И нужно откровенно признать, что в этом отношении оно достигло некоторого успеха.

Вполне оправдались и надежды правительства на поддержку своего курса воспитанным в польском духе новым православным духовенством. Полонизаторы Православия еще со школьной скамьи всячески опекались польским правительством: студентам, выступавшим с докладами и рефератами о польской культуре, ее значении, о победах польских войск над «москалями», выдавались единовременные пособия и даже стипендии, многие из них бесплатно содержались в правительственном интернате. По окончании Богословского отдела университета такие студенты сразу получали ответственные должности благочинных, членов духовных консисторий с определенными, конечно, заданиями, где основным являлось — полонизировать Православную Церковь.

Надо ли говорить о том, какую бурную «патриотическую» деятельность развивали на местах своего нового «служения» эти питомцы: преподавание Закона Божия велось ими, разумеется, только на государственном языке; языком проповеди Слова Божия был тоже польский язык, а впоследствии эти «реформаторы» Православия пытались вводить польский язык и в богослужение.

Для православных воинов польской армии богослужение давно уже совершалось на польском языке. Здесь особое рвение проявлял протопресвитер войск польской армии Симеон Федоронько, галичанин по происхождению, а также ближайшие его помощники, благочинные военных округов, опять же питомцы Богословского отдела Варшавского университета, протоиереи Виктор Романовский, Александр Калинович, Георгий Шретер и др.

Первое богослужение на польском языке церкви на Праге было совершено 11 ноября 1935 г., в праздник восстановления польской независимости, и было обставлено большой торжественностью. На этом богослужении присутствовали представители Министерства исповеданий, Военного министерства, православные офицеры и солдаты польской армии.

Поспешная полонизация Православной Церкви вызвала решительные протесты русского православного населения. Так, в далекой Америке, в Нью-Йорке, Общерусское народное собрание вынесло резолюцию, направленную против гонений на Православную Церковь в Польше. Было вынесено следующее постановление: «Обратиться через Лигу Наций к общественному мнению всего цивилизованного и культурного мира, Президенту Польской Республики, а также к Римскому Папе, как Главе и Первосвященнику Римско-Католической Церкви, дабы этим насилиям и гонениям положить предел. Общее собрание ставит также в известность польское правительство, что такая антиславянская и антибратская работа и политика чинов польской администрации в черную для России годину поведет в будущем к новой борьбе и ожесточению сердец польского и русского народов,

что являлось тягостной ошибкой в прошлом и чего, конечно, всячески следует избегать в будущем».

Копии резолюции-протеста были направлены президенту Польской Республики, римскому папе, секретарю по иностранным делам Соединенных Штатов Америки Холлу, Сербскому Патриарху Варнаве, митрополиту Православной Церкви в Америке Феофилу, а также Варшавскому митрополиту Дионисию и украинским иерархам в Польше — архиепископам Волынскому и Кременецкому Алексию и Поликарпу, епископу Луцкому.

9.7. Дальнейшее наступление на Православие

В связи с 300-летием смерти униатского митрополита В. Рутского во Львове состоялся съезд униатского духовенства под почетным председательством Греко-католического митрополита Андрея (Щептицкого) Шептицкого. На этом съезде приняли решение, что уния с Римом является наиболее отвечающей формой церковности для украинского народа и что Галицийское униатское духовенство должно получить право свободной миссионерской работы на русских землях, присоединенных к восстановленной Версальским договором 1919 г. Польше.

В январе 1937 г. прошел первый в возрожденной Польше Генеральный Синод римо-католической иерархии, на котором присутствовали все польские католические епископы. Синод заседал на Ясной горе в городе Ченстохове. Постановления Синода были утверждены Римом и частично опубликованы. Они касались и Православной Церкви.

25 мая того же 1937 г. была опубликована новая инструкция по осуществлению «восточного обряда» в Польше.

В этой инструкции подчеркивалось, что Ватикан придает особое значение делу совращения православных в Польше, а между тем итоги этого совращения за 15 лет весьма ничтожны. Совращено около 20 000 душ и образовано 15—20 приходов так называемого восточного обряда. Становилось ясно, что работу надлежит сделать более интенсивной и более плодотворной.

Таким образом, сам собой намечался натиск на Православие с двух сторон: и «латинского», и «восточного обрядов».

Работа эта, несмотря на некоторые принципиальные расхождения внутри католического клира, все же велась согласованно, так как ввиду огромной массы православного населения в Польше, и уже по одному этому, она требовала большого напряжения.

Натиск на Православие начался с Волыни, где проживало значительное число православных и где находилось более всего православных храмов и монастырей во главе с Почаевской лаврой. Именно отсюда, с православной Волыни, началось «обращение» православных, здесь впервые применили «новый способ обращения».

Постепенное развитие всего движения «по возвращению православных к вере отцов», начатого католическим духовенством в пограничных с СССР селах и деревнях Волыни, — а именно в волостях Лановцы и Белозерка, — происходило следующим образом.

В октябре 1937 г. в селе Гринки, Лановецкой волости, польская пограничная стража организовала свой праздник. Перед иконою Божией Матери, помещенной на наружной стене школьного здания вместе с портретами государственных лиц, православным местным священником в сослужении диакона было совершено богослужение. Вечером праздник устроили в самом школьном помещении, а портреты оставались до утра на наружной стене. Утром было обнаружено, что над оставленными на ночь портретами надругались.

Это стало поводом для ареста нескольких молодых людей, а последствия этой провокации болезненно отразились на повседневной жизни всей деревни Гринки. У крестьян отобрали паспорта, без которых нельзя было передвигаться в приграничной полосе. Разрешалось только один раз в неделю выезжать в соседнее местечко Лановцы, запретили пользоваться в помещениях светом, выходить из домов с наступлением сумерек. Польская пограничная стража зачастую выбивала окна в домах, где был не погашен свет. Новоявленные

провокаторы стали распространять по деревне слухи, что всех православных выселят из этого приграничного района и что, таким образом, они лишатся земли и имущества. Внушалось, что единственным спасением для православных будет их переход в католичество, мол, тогда они станут полноценными поляками.

После того как православное население было терроризовано и переживало панические настроения, административные власти, католическое духовенство и войска пограничной стражи принялись уговаривать тех православных, фамилии которых оканчивались на «ский», «ич» и т. п., что их предки были поляками и католиками и потому они должны вернуться к вере своих отцов.

Главную «миссионерскую работу» по «возвращению» православных в лоно Католической Церкви вели настоятель римо-католического костела ксендз Ярошевич, войт (старшина) гмины (волости) Ян Стадницкий, а также капитан пограничной стражи Абрамик с подчиненными ему офицерами и унтер-офицерами.

Когда новые «поляки» подписали заявления о своем переходе в католичество, вслед за ними пошли и те, кому более других угрожали выселением из приграничной полосы, с земли их дедов и отцов.

Путем подобной провокации 19 декабря 1937 г. в Лановецком римо-католическом костеле приняли в католичество первую группу сельчан в составе 116 человек.

В католическом приходском доме для «новообращенных» устроили торжественный прием с речами. Первым говорил, в качестве хозяина гмины (волости), войт (старшина) Ян Стадницкий, указавший на громадное значение возвращения в Католическую Церковь и к польскому народу этой первой группы денационализированных доселе семейств, за которыми пойдут и другие.

Польская печать захлебывалась от восторгов, указывая, что деревня Гринки, примеру которой последуют и другие села в окрестностях Лановцев, является лучшим доказатель-

ством и подтверждением того, что «при усиленной работе польской общественности, ксендзов-законоучителей и не считающейся с трудами и жертвами работе офицеров и солдат пограничной стражи, вопреки тому, что говорят и пишут о волынских селах, в них найдется значительный процент бывших поляков, которые с легкостью возвратятся к вере своих отцов и к польскому народу».

Когда Волынские православные епархиальные власти командировали на место для ознакомления с положением вещей члена Волынской духовной консистории протоиерея Бриныха и Епархиального миссионера священника Казновецкого, которые 1—3 января 1938 г. посетили православные приходы Грибов, Лановцы и Ненадовку, а также намеревались выехать и в село Гринки, то административные власти и пограничная стража их туда не допустили. У Епархиального миссионера священника Казновецкого отобрали разрешение на право пребывания в приграничной полосе, выданное кременецким уездным старостой. Это разрешение местные власти признали якобы подложным и священнику Казновецкому было приказано возвратиться в Кременец, ему не разрешили даже переночевать в Лановцах.

Волынская Епархиальная власть сделала распоряжение о присоединении села Гринки к Лановецкому приходу. 30 декабря того же года настоятель Лановецкого прихода и местный благочинный, священник Н. Малюжинский, совершил в церкви села Гринки богослужение и произнес проповедь. Церковь была переполнена, главным образом молодежью и «новокатоликами», которые в течение всей Божественной Литургии стояли на коленях и плакали.

По окончании богослужения капрал пограничной стражи объявил священнику Малюжинскому, чтобы его в течение пяти минут не было в Гринках, а если и в другой раз произойдет что-либо подобное, то он его отправит в Дедеркал.

28 декабря 1937 г. солтыс (сельский староста) села Юшковцы созвал в свой дом православных сельчан и обратился к ним с речью, заявив, что государственная польза требует от

них «возвращения» в католичество, а в случае невыполнения этого — пригрозил удалением из этих мест на 25 км.

В Белозерке «миссионерскую работу» среди православных вели унтер-офицеры пограничной стражи Дурава и Мураковский, обходившие дома, где проживали хозяева с «польскими фамилиями», и уговаривавшие их отказаться от Православия, «навязанного бывшим Московским правительством», обещая при этом за переход в католичество землю, освобождение от натуральных повинностей и прочие льготы, а в случае непослушания — угрожали выселением и другими репрессиями.

Военные и административные власти всячески запугивали православных пастырей и убеждали их держаться в стороне от дела «возвращения бывших поляков в веру отцов».

Размах намеченного «обращения» православных в католичество был весьма значителен. Первоначально предполагалось в самый кратчайший срок перевести в католичество 350 тысяч человек. Для этой цели воеводские власти расширили приграничную полосу, включив в нее ряд новых уездов Волынского воеводства.

Однако вскоре выяснилось, что намеченный план не по силам и не по средствам польским властям. Тогда цифру эту сократили до 140 тысяч, но фактически в первый год она едва достигла 4 тысяч, да и те «обращенные» при всякой возможности продолжали ходить в православные храмы и исповедоваться у православных священников.

Православные крестьяне Волыни в отношении насильственного их обращения в католичество заняли позицию, по-видимому совершенно неожиданную для правительства и католического клира. Они приходили в костелы, совершали католические обряды, их имена записывались в метрические книги при католическом крещении, католическое духовенство воспевало «Тебе, Бога хвалим», а православные крестьяне возвращались домой, приносили раскаяние своим православным пастырям и при малейшей возможности посещали православные храмы.

Тогда административные гражданские власти начали удалять из приходов православных священников, но и это не всегда удавалось и не достигало конечной цели. Православные приходы существовали совершенно законно, и администрация могла лишь требовать удаления того или иного священника, но не имела возможности помешать пребыванию священника на приходе вообще.

9.8. Разрушение православных святынь на Холмщине и на Подляшьи

Польское правительство, поддерживаемое католическим клиром, упорно отказывало в расширении сети православных приходов на Холмщине. Вне малочисленных, признанных властью православных приходов там существовали общины, которые окормлялись только едва терпимым правительством православным духовенством.

Последнее содержалось исключительно на средства самого населения и вело скитальческий образ жизни миссионеров. Население Холмщины совершенно примирилось с мыслью, что православные храмы, выстроенные для него и на его средства, утрачены навсегда.

В апреле 1938 г., приблизительно в период Страстной и Пасхальной недель, к Епархиальным властям стали поступать сведения о насилии над православным населением.

Уже первые действия властей указывали на то, что и здесь начинается планомерное наступление на Православие.

Предварительная подготовка этого процесса проходила на страницах польской печати, главным образом в издающейся в Кракове и весьма распространенной газете «Иллюстрированный ежедневный курьер». Там напечатали ряд возбуждающих умы статей, где выдвигалось обвинение в том, что Православная Церковь украинизирует население Холмщины.

Кроме того, в целом ряде городов и селений Холмщины состоялись так называемые веча протестов, организованные «Обществом развития восточных земель («крессов») Польши». На этих «вечах» принимались резолюции, осуждавшие

деятельность православных священников на Холмщине и требовавшие контроля над этой деятельностью, а равно домогавшиеся введения преподавания Закона Божия и проповедей на польском языке.

Наконец, в тех же резолюциях содержалось требование «ликвидации закрытых церквей, которые самим фактом своего существования портят добрые отношения между католическим и православным населением».

После такой мощной подготовки началось и само наступление на Православие на Холмщине.

В апреле 1938 г., по распоряжению административных властей, были закрыты храмы и молитвенные дома в следующих местностях: 21 апреля — в селе Могильнице и Серебрищах, открытые, после усиленных ходатайств, в 1927 г.; 15 апреля — молитвенный дом в селе Шевно и часовня в селе Юрове, Томашевского уезда; 30 апреля опечатана церковь в селе Верещицах того же уезда, существовавшая свыше 200 лет; 21 апреля — церкви в селе Ратькове и в селе Новоселках, последние были открыты в 1935 г. в благодарность за то, что там было установлено 40-дневное поминовение памяти покойного маршала Пилсудского; 26 апреля — церковь в селах Гусинном, в Виткове и часовня в Хориваницах; в Белгорайском уезде — молитвенные дома в селах Бища, Липины, Княжиполь, Хмелек, Замха, Орша; в Холмском уезде — в селах Сверже, Депултычи, Лежан, Ростоки, Березно, Черниев. Всего закрыли 23 храма. И проделали все это прямо накануне праздника Св. Пасхи, так что население было вынуждено в эти святые дни молиться под открытым небом. Разрушительная волна из западных уездов перекатилась в уезды восточные. Там также опечатывались церкви и молитвенные дома, а священникам предлагалось оставить приходы в ряде сел и деревень, а именно: в Вольском уезде — селах Киевец, Междулесье, Коетомолоты, Загоров, Кодень, Бубель, во Владавском уезде — селах Королеве, Головно, Любень, Гола, Угнин, Цытычно; в Грубешовском уезде — селах Гродло, Неледва, Буско.

Далее была разобрана церковь в Ошове, отдано распоряжение разобрать храмы в Копылове, Коснове и Ласкове. В Томашовском уезде были закрыты храмы в Тарнаватке, Преорске, Реплине и Вакиюве.

18 июня разобрали две церкви в посаде Тышовцах, Томашовского уезда, построенные в 1559 г. и в 1571 г. В день праздника Вознесения Господня были разрушены храмы в селах Голубы и Заборцы, Грубешовского уезда, 22 июня — в Панкове, 23 июня — в Юрове, 24 июня — в селах Клятке и Микуличах, Томашовского уезда, и в селе Копылове, Грубешовского уезда. Православные кладбища возле разобранных церквей, а также не разобранные еще церкви переосвящались католическими ксендзами, разъезжавшими по селениям в сопровождении чинов полиции.

19 июня 1938 г. в с. Жерники, где имелось всего лишь 7 католических семейств, прибыли с крестным ходом 3 католических ксендза с тем, чтобы освятить то место, на котором стояла сожженная на днях православная церковь, и поставить там католический крест. Православные, узнав об этом намерении, явились со своим священником о. Хоменко на площадь и молились там с 8 часов утра до 7 часов вечера, дабы не допустить захвата. Православные воздвигли на месте алтарной части сожженного храма крест, и 50 женщин вызвались добровольно стеречь его и днем, и ночью. Поздним вечером 23 июня священник о. Хоменко получил повестку о вызове на 24 июня в Тышовецкий суд. Там он был допрошен следователем, а затем арестован и, в сопровождении полицейского, отправлен к прокурору в город Замостье. В тот же день в Жерники прибыл отряд в составе 60 полицейских и произвел в селе массовые аресты за недопущение воздвижения ксендзами своего креста на месте сожженной православной церкви.

Священник села Могильницы, Холмского уезда, о. Радзивоник был разбужен в 2 часа ночи на 20 июня полицией и должен был немедленно отправиться на полицейский пост в местечко Седлище, а оттуда, после допроса, в сопровождении

полицейского его отправили в Холм, в комиссариат полиции. Там его задержали до 11 часов утра. Затем священника доставили в уездное староство, где заместитель старосты потребовал, чтобы он покинул Могильницу.

Такие же требования под угрозой наказания предъявлялись и другим священникам, исполнявшим пастырские обязанности в так называемых нештатных приходах.

Священник села Угнина, Влодавского уезда, о. Кошевой был оштрафован на 500 злотых, с заменой месячным арестом, за совершение треб без особого на то разрешения гражданских властей.

18 июня вечером был подожжен дом священника в селе Новоселках, а когда, спасаясь от пожара, священник открыл двери, из-за угла раздалось несколько выстрелов. Следствие не обнаружило ни виновников стрельбы, ни поджигателей.

Многие священники подвергались обыскам по распоряжению судебных властей на основании заявления властей гражданских под предлогом того, что «возникает необходимость отсекания и отобрания актов гражданского состояния», как улик преступления.

В конце июня 1938 г. в высшие церковные инстанции из прихода Королевки поступило такое донесение:

«Наша церковь была опечатана 19 июня, в неделю Всех Святых, в 7 часов утра. 28 июня в 6 часов утра приехал полицейский комендант и назначил разборку церкви на 2 июля. 1 июля утром, когда крестьяне были на полевых работах, прибыл тот же Шпилевич — комендант полицейского поста, чиновник уездного староства и несколько подвод с рабочими. Со всего села сбежались женщины, плакали, протестовали и просили задержаться с ломкой церкви. Священнику было предложено забрать церковные вещи. Он заплакал и сказал: “Вы же христиане, что вы делаете?”

Власти приступили к разборке храма, вынесли Св. Престол, Царские Врата, иконы; все это погрузили на подводы и отправили в город Влодаву. После этого начали ломать колокольню, и в 4 часа колокольня упала на землю. Все присутство-

вавшие заплакали. Разборку на этом прекратили, возобновили в 7 часов вечера 2 июля. Затем собрали сельский сход и потребовали, чтобы само общество окончило разборку церкви, но все единодушно отказались».

Таким образом, уже к 12 июля 1938 г. было разобрано варварским способом до 60 православных церквей, а к 18 июля того же года число уничтоженных храмов достигло внушительной цифры — 108.

15 июля, в Турковицах, на Холмщине, происходили, как это бывало ежегодно, большие церковные торжества в честь иконы Турковицкой Божьей Матери. Обыкновенно на эти торжества собиралось до 15—20 тысяч паломников. В том же 1938 г., невзирая на все внешние препятствия, в Турковицы собралось очень много молящихся, и праздник прошел с большим религиозным подъемом. Но не успели еще паломники разъехаться по домам, как приехавшие на другой день в сопровождении полицейских рабочие разобрали единственную маленькую церковь до основания.

Разрушение православных храмов на Холмщине нашло отклики и в законодательных палатах Польши. Так, украинский депутат сейма, греко-католик по исповеданию, д-р Баран, внес председателю сейма мотивированную интерпелляцию о положении Церкви на Холмщине. Интерпелляция эта заключала в себе 41 страницу писанного на машинке текста. Другой украинский депутат сейма, православный священник Волков, внес в сейм предложение организовать Особую сеймовую комиссию, которая рассмотрела бы проблему положения Православной Церкви в Польше во всем ее объеме. Это предложение о. Волкова не было даже поставлено на голосование, «как не отвечающее требованиям Конституции».

Чтобы хоть чем-то оправдать свои варварские действия, польское правительство мобилизовало близкую к нему печать, и последняя в сентябре того же, 1938 г. начала публиковать «сенсационные сообщения» о том, что якобы при разборке православных святынь на Холмщине находили оружие и склады коммунистической литературы и что «враждебные

Польше влияния идут из Чехословакии и из Берлина, где в последнее время создана автокефальная Церковь, которая, не имея достаточного количества последователей на территории Германии, простирает свою заинтересованность на православных в Польше».

Разрушение православных святынь в 1938 г. происходило не только на Холмщине и Подляшьи. Тогда же по распоряжению польского правительства была разрушена военная гарнизонная церковь в городе Гродно и недостроенный величественный православный собор в городе Белостоке.

Александро-Невская гарнизонная церковь построена была еще до Первой мировой войны на добровольные пожертвования и передана военному ведомству, затем ее обратили в приходский храм и снова передали военному ведомству после Первой мировой войны. Церковь эта находилась не в центре города Гродно, а вдалеке от него, посреди обширной площади, была в прекрасном состоянии, так как всего несколько лет назад ее капитально отремонтировали.

На разрушении этой церкви особенно настаивало Гродненское городское самоуправление, вынесшее постановление о разборке этого храма. В постановлении говорилось, что православная церковь мешает правильному движению и что площадь, на которой церковь выстроена, необходима городу для парадов и других торжественных церемоний.

Весьма показательно, что против предложения городского совета о разборке Александро-Невской церкви в Гродно голосовали даже евреи, не говоря уже о православных гласных.

Православное население Гродно и его окрестностей обращалось с особой петицией с 2023 подписями к главе государства, президенту Республики Польской, проф. Игнатию Мосьцицкому, где говорилось:

«Православное население города Гродно и всей Гродненщины потрясено и страшно обеспокоено фактом принятия Гродненским городским самоуправлением постановления о разрушении одной из нескольких в нашем городе святынь — Св. Александро-Невской церкви. Обращение по этому вопросу

к местным гражданским властям не дало до сих пор результатов, что еще более обеспокоило православное население города Гродно и других местностей».

Однако ни глава государства, ни польское правительство не вняли просьбам православных, и 12 мая 1938 г. приступили к разборке православной святыни, «мешавшей правильному движению по городу и безобразящей (?) своим московским (! — *Авт.*) внешним видом столицу польского короля Стефана Батория».

Почти одновременно с разрушением гарнизонной церкви в Гродно, по распоряжению польских административных властей, произвели разрушение недостроенного величественного православного собора в городе Белостоке. Постройка этого храма началась еще до Первой мировой войны и уже была доведена до куполов.

Тянувшийся в течение нескольких лет в судебных и административных установлениях спор между Белостокским городским самоуправлением, Государственной казной и Гродненской православной духовной консисторией спор о праве собственности на здание Белостокского собора и площадь, на которой стоял собор, был... прекращен постановлением Белостокской городской думы от 29 марта 1938 г. за № 7 о разборке православного собора, причем на связанные с разрушением храма работы городская дума ассигновала в чрезвычайном порядке 20 000 польских злотых.

По дикости подобных действий польским властям нет равных, даже албанские экстремисты в Косово не сумели их превзойти.

9.9. Полонизация Православной Церкви

Широкие пути к полонизации открывали Декрет президента Польской Республики, от 18 ноября 1938 г., об отношении Церкви к государству и проведенный в порядке определения Совета Министров «Внутренний статут Польской Автокефальной Православной Церкви». Оба этих «статута» — внешний (об отношении Церкви к Государству) и вну-

тренний — явились заключительным аккордом той работы по устроению Православной Церкви в Польше, о которой восемь с половиной лет тому назад возвещалось особым Декретом-рескриптом президента Республики, от 30 мая 1930 г., о созыве Первого Собора Православной Церкви в Польше и предваряющего этот Собор Предсоборного собрания.

18 ноября 1938 г., после роспуска польского сейма последнего созыва, а равно до созыва нового сейма, в числе других правительственных декретов был издан и Декрет президента Республики «Об отношении Государства к Польской Православной Церкви». Согласно данному документу Православная Церковь в своем не только внешнем, но и во внутреннем устроении ставилась в полную зависимость от государственной власти.

Отныне опека административной власти простиралась на все стороны жизни Православной Церкви в Польше. Ни одно назначение на ту или иную иерархически-церковную должность, будь то епископ, член консистории, настоятель прихода и даже псаломщик; ни одно перемещение сельского священника из захолустного прихода или назначение и увольнение консисторского служащего не могло обойтись без той или иной санкции со стороны власти гражданской.

Хотя согласно Декрету выборное начало теперь распространялось на епископов и даже на митрополита, тем не менее на выставленные кандидатуры должно было быть получено согласие Высших государственных властей. Таким образом, вся сила влияния государства на течение церковной жизни проявлялась, прежде всего, в сохранении за государством возможности известного давления на выборы и назначения желательных правительству лиц. В частности, при избрании митрополита влияние государства усиливается еще и привлечением к участию в выборах делегатов от военнослужащих.

Далее, все церковные должности, духовные и светские, учреждаются только с предварительного согласия министра исповеданий, а назначение, перемещение или служебная командировка могут быть сделаны на должность, учрежден-

ную этим путем. Точно так же требует согласия министра исповеданий и образование благочиний и приходов, равно как и определение их границ и местожительства настоятелей. Лица, не имеющие польского гражданства, не могут занимать или исполнять никаких церковных должностей. Это относится также и к монастырям.

Рукоположение в священный сан, согласно Декрету, может быть совершено только над лицами, окончившими Государственный православный богословский лицей или имеющими степень магистра богословия Варшавского университета. В случае обнаружения вредной деятельности для государства духовного лица воевода может обратиться к епископу с требованием об удалении такого лица от занимаемой должности.

Тем не менее митрополит Дионисий выразил президенту Республики и министрам благодарность за «новое доказательство заботы о пользе Православной Церкви» и заверял «в готовности жертвенной работы для величия и славы Родины».

Новые законоположения, касающиеся Православной Церкви в Польше, имеющие своей конечной целью полонизацию этой Церкви, очень быстро стали воплощаться в жизнь. Центром, откуда исходили руководящие указания в данном деле, явился город Гродно, где был основан даже особый «научный институт», во главе которого поставили новохиротонисанного «епископа-поляка» Матфия (Семашко). В правление института входили: военный протопресвитер Симеон Федоронько, магистр богословия Леонид Касперский, являвшийся одновременно и директором этого института, священник Ростислав Олехнович (из Белостока), лектор Богословского отдела Варшавского университета д-р Александр Лапинский и др.

Институт этот начал развивать широкую издательскую деятельность и имел свой печатный орган. Активную поддержку институту оказывал Гродненский православный епископ Савва (Советов), избранный его почетным членом. Наконец, сам митрополит Дионисий являлся почетным председателем этого «научного» учреждения. Новому почетному председа-

телю Особая делегация вручила художественно выполненный диплом, заключавший в себе постановление общего собрания действительных членов этого «института», от 7 декабря 1938 г., об избрании митрополита почетным председателем.

В другом крупном православном центре — городе Вильно, где к тому времени также было организовано «Общество православных поляков», в начале января 1939 г. стал выходить на польском языке журнал «Двутыгодник Православия» («Двухнедельник Православия»), в котором широко пропагандировалась идея «польского Православия».

Произошли крупные перемены и в составе профессорской коллегии Православного богословского отдела Варшавского университета. В новом академическом году (1938—1939) были освобождены от занимаемых должностей русский профессор Николай Сергеевич Арсеньев, профессор с мировым именем, и профессор Владимир Николаевич Кулаков. На их места назначены новохиротонисанный «поляк-епископ» Тимофей (Шреттер), которому предоставлена была кафедра по Гомилетике, протоиерей Виктор Романовский (военный благочинный в Варшаве), занявший кафедру профессора Основного богословия; протоиерей Александр Калинович (бывший военный священник и благочинный в Гродно, вынесший Святой Антиминс и Святые Дары из разрушенной Св. Александро-Невской гарнизонной церкви в Гродно) — в качестве профессора Нравственного богословия; д-р Александр Лапинский — в качестве профессора Сравнительного богословия. Кафедра профессора Священного Писания была предоставлена д-ру Иустину Моисеску, румыну по национальности, окончившему Православный богословский факультет Афинского университета, а затем совершенствовавшемуся в богословских науках на католическом богословском факультете Страсбургского университета.

Кроме того, была широко задумана акция по переводу на польский язык богослужебных книг, книг Св. Писания и творений Св. Отцов Церкви. 9 июня 1939 г. под председательством митрополита Дионисия в Варшаве состоялось

заседание «Научной Комиссии по переводу на польский язык Св. Писания, творений Св. Отцов и научных произведений из области догматики и др. православных дисциплин». В своей вступительной речи митрополит Дионисий подчеркнул, что Православная Церковь в Польше до настоящего времени не имела собственного польского перевода Св. Писания, который отвечал бы греческому и церковно-славянскому текстам; что Православная Церковь обязана широко распространять Евангельские истины среди народных масс и потому необходимо заняться переводом Св. Писания и творений Св. Отцов также и на польский язык. Митрополит Дионисий заключил, что он счастлив, что перевод на польский язык будет произведен при помощи его питомцев — бывших студентов Православного богословского отдела Варшавского университета.

9.10. Польско-немецкая война 1939 г. и включение Православной Церкви в сферу государственных интересов Германии

В первый же день начала польско-немецкой войны (1 сентября 1939 г.) митрополит Дионисий выпустил Первосвятительское послание, в котором писал:

«Соизволением Божественного Провидения принуждены мы снова стать на защиту нашего величайшего сокровища, наивысшего блага, — на защиту нашего Отечества, двадцать лет тому назад освобожденного жертвенной кровию своих наилучших сынов… Православные граждане! Любовь к Отечеству и преданность правому делу да будут тем крепчайшим звеном, которое объединит нас всех вокруг Вождя и направит нас на путь победы. С нами Бог! Призываю благословение Господне на Вас и на Ваши жертвенные подвиги и труды Отечеству на пользу. Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы благоверным на сопротивные даруяй, и Твое сохраняяй крестом Твоим жительство. Аминь».

Как известно, Польша не продержалась в этой борьбе и месяца, а 2 октября в Варшаву вступили немецкие войска.

В результате раздела Польши между Германией и Советским Союзом на польских землях было образовано так называемое генерал-губернаторство, а автокефальная Церковь в Польше, возглавляемая митрополитом Дионисием, потеряла Волынскую, Виленскую, Полесскую и большую часть Гродненской епархии. После разгрома Польши все православное ее население, вошедшее в состав новообразованного генерал-губернаторства, сошлось в одном пожелании — как можно скорее ликвидировать незаконно проведенную автокефалию Церкви, причинившую так много вреда Православию в Польском государстве.

Православная Церковь той части Польши, которая оказалась в СССР, вошла в каноническое подчинение Московской Патриархии, а в части, которая отошла к Германии, естественно, должна была обратиться к архиепископу Берлинскому и Германскому Серафиму. Представители самых разнообразных церковно-общественных кругов вышли к архиепископу Серафиму с просьбой прибыть в Варшаву, взять на себя управление Варшавской епархией и тем спасти Церковь в этой части Польши от возможной анархии.

Архиепископу Серафиму уже с первых шагов его деятельности по управлению новой епархией пришлось столкнуться с целым рядом трудностей, вызываемых чрезвычайной сложностью обстановки и противоречивостью столкнувшихся там интересов. На Холмщине, где большинство населения причисляло себя к украинцам, образовалась так называемая Церковная Рада во главе с протоиереем Иоанном Левчуком, которого митрополит Дионисий возвел в сан протопресвитера с правом благословлять дикирием и трикирием. Сделано было это уже после того, как митрополит Дионисий передал управление епархией архиепископу Серафиму.

Холмская «Церковная Рада» являлась выразительницей пожеланий украинских националистов, ставших тогда сторонниками автокефалии, ибо они видели в ней гарантию того, что Церковь в бывшей Польше не подчинится Св. Синоду Русской Православной Церкви за границей. Украинцы

настаивали или на сохранении за митрополитом Дионисием прав автокефального митрополита, или на посвящении в сан митрополита профессора И.И. Огиенко, или, наконец, на присоединении Холмщины к Берлинской епархии на правах автономной единицы, но при непременном, в таком случае, условии выхода архиепископа Серафима из подчинения Св. Синоду Русской Православной Церкви за границей и образования автокефальной Церкви в Германии.

«Церковная Рада» развила широкую деятельность и получила от правительственных (немецких) властей заверение в том, что автокефалия за Православной Церковью на территории бывшей Польши будет сохранена и что она ни в коем случае не будет подчинена Русскому Зарубежному Синоду.

Между тем митрополит Дионисий никак не хотел примириться со своим, как ему казалось, вынужденным отречением от руководства Варшавско-Холмской епархией и в феврале 1940 г. обратился к архиепископу Серафиму с письмом, в котором настаивал на возвращении ему — митрополиту — прежних прав. Архиепископ Серафим тотчас же предложил митрополиту Дионисию принять от него все дела по управлению Церковью, но митрополит Дионисий, не встречая сочувствия в церковном народе, не приехал в Варшаву для принятия дел, по-прежнему оставался в Отвоцке и оттуда вел двойную игру, в которой помогали ему украинские националисты. Последние повели усиленную агитацию за возвращение митрополита Дионисия к управлению Церковью и добились в этом крупнейшего успеха. Митрополит Дионисий действительно был возвращен к власти.

23 сентября 1940 г. в городе Кракове генерал-губернатор д-р Франк принял в торжественной аудиенции в Вавельском замке митрополита, который прибыл туда в сопровождении профессора И.И. Огиенко, протоиерея Малюжинского и представителей Украинского Центрального комитета во главе с профессором Кубиовичем. Здесь генерал-губернатором было заявлено митрополиту Дионисию, что он возвращается к управлению Православной Церковью на территории генерал-

губернаторства, а митрополит Дионисий, принимая это утверждение, со своей стороны заявил, что он установит каноническую иерархию на территории генерал-губернаторства и возведет в епископский сан профессора И. Огиенко. Затем митрополит Дионисий сделал генерал-губернатору следующее пафосное декларативное заявление:

«Мы, Дионисий, архиепископ Варшавский и Митрополит Св. Православной Автокефальной Церкви в Генерал-Губернаторстве, как Глава этой Церкви, обещаем Генерал-Губернатору верность и послушание. Изданные им законы и распоряжения будем в точности исполнять и будем стремиться к тому, чтобы подчиненное нам духовенство с такой же верностью и послушанием эти законы и распоряжения уважало и выполняло».

На следующий день митрополит Дионисий прибыл в Варшаву и принял от архиепископа Серафима управление Варшавско-Холмской епархией. Настоятелем новоукраинизированной церкви в Варшаве назначили известного церковного украинского деятеля, протопресвитера Павла Пащевского, ранее — главного священника войск атамана Симона Петлюры, а затем — настоятеля Украинской Крестовоздвиженской церкви в городе Луцке на Волыни.

Украинизирована была и Варшавская духовная консистория, членами которой митрополит Дионисий назначил священнослужителей-украинцев. Делопроизводство в этой консистории велось на украинском языке, а Синодальная Типография начала печатание, также на украинском языке, богослужебных книг и религиозной литературы. Уже в октябре того же 1940 г. в городе Холме состоялась торжественная хиротония во епископы известного украинского деятеля и ученого профессора Ивана Ивановича Огиенко, принявшего незадолго до этого монашеский постриг с именем Илларион. Хиротонию эту совершали митрополит Дионисий, епископ Тимофей и архиепископ Пражский и Чешский Савватий, специально для этого прибывший в Холм. В тот же самый день епископ Илларион был сразу же возведен в сан архиепископа.

Новый архиепископ Холмщины сразу же начал проводить украинизацию вверенной ему епархии. В самом Холме была организована Духовная консистория, исключительно из украинцев, в богослужения ввели так называемую украинскую вымову, в переданной в пользование украинцев конфискованной ранее немецкими властями одной из типографий начинается печатание на украинском языке богослужебных книг, популярной религиозной литературы и сочинений самого архиепископа Иллариона. Теми же гитлеровскими властями украинцам был передан древний Пречистенский собор в Холме, на горе короля Даниила, захваченный поляками в первые годы восстановления независимой Польши. Вскоре в городе Холме открылась и Православная украинская духовная семинария, во главе которой поставили известного украинского церковно-общественного деятеля протоиерея Евгения Барщевского.

Епархии Западной Украины и Западной Белоруссии, вошедшие в состав СССР в 1939 г., вошли в состав Московской Патриархии.

Летом 1940 г. все иерархи Западной Белоруссии и Западной Украины были вызваны в Москву для оформления их присоединения к Московской Патриархии.

25 июня 1940 г. приняты в состав Российской Церкви архиепископ Волынский и Кременецкий Алексий (Громадский) и епископ Камень-Каширский Антоний (Марценко), 10 июля — архиепископ Пантелеймон (Рожновский) и 21 августа — епископ Острожский Симон (Ивановский).

Акт присоединения заключал в себе чтение соответствующей молитвы над присоединяемым, исповедь и совместное участие в Божественной Литургии.

После этого присоединенные становились полноправными епископами Московской Патриархии.

Когда в декабре 1940 г. в Вильно скончался митрополит Елевферий (Богоявленский), то на его место Московской Патриархией был назначен митрополит Сергий (Воскресенский), которому присвоили титул «Митрополита Литовского

и Виленского и Экзарха Прибалтики», к тому времени также вошедшей в состав СССР.

Начавшаяся в июне 1941 г. Великая Отечественная война в корне все изменила. Западную Белоруссию и Западную Украину оккупировали немецкие армии. Экзарх Западной Украины Николай (Ярушевич), возведенный к тому времени уже в митрополичий сан, был заблаговременно эвакуирован в советскую Россию. Экзарх же Прибалтики и митрополит Литовский и Виленский Сергий (Воскресенский) остался на месте. При приближении немцев советские власти, по-видимому, получили распоряжение эвакуировать и митрополита Сергия, но патриарший Экзарх спрятался в подвале Рижского кафедрального собора, и его личный секретарь своего епископа не нашел.

28 апреля 1944 г. митрополит Сергий был убит. Многие предполагали, что убийство это — дело рук коммунистов; однако есть данные и за то, что Экзарха уничтожили сами немцы. Во всяком случае, следствие по этому таинственному преступлению было быстро прекращено.

Своевременно эвакуированный в СССР митрополит Николай (Ярушевич) Указом Московской Патриархии от 15 июля 1941 г. за № 610 был назначен на кафедру Митрополита Киевского и Галицкого, Экзарха всея Украины, а экзаршеские обязанности по епархиям западных областей Белоруссии тем же Указом передавались старейшему из наличных там управляющих епархиями архипастырей.

На Украине оказалось две церковных организации — канонически образованная Автономная Украинская Церковь, которую возглавлял митрополит Алексий (Громадский) и Автокефальная Украинская Церковь, возглавлявшаяся митрополитом Поликарпом (Сикорским). Обе эти церковные организации были признаны немецкими оккупационными властями; однако Автокефальная Украинская Церковь очень скоро подпала под политическое влияние Украинского национального объединения, руководимого так называемыми «бандеровцами», и оказалась орудием сложной политической игры. Про-

тив митрополита Алексия (Громадского) все время велась усиленная агитация, как против врага Украины, и в результате больших церковных осложнений митрополит Алексий 7 мая 1943 г. был убит из засады по пути из Почаевской лавры в город Кременец. Вместе с митрополитом Алексием были убиты сопровождавшие его протоиерей о. Федор Юркевич, служащий Епархиального управления Канаренко и шофер Марк Жихарев. Виновники этого злодеяния сумели скрыться. После убийства митрополита Алексия Автономную Украинскую Церковь фактически возглавил старейший по хиротонии Киевский епископ Пантелеймон (Рудык).

Спустя некоторое время, а именно — в августе того же 1943 г., неизвестные лица ночью забрали из соборного дома в городе Владимире-Волынском епископа Мануила (Тарновского), принадлежавшего к иерархии Автономной Украинской Церкви, вывели его в лес и там повесили. В выпущенной «бандеровцами» листовке указывалось, что епископ Мануил казнен за измену своему народу.

Когда в 1943—1944 гг. началось отступление немецких армий, были эвакуированы вслед за ними и православные епископы как Украинских Церквей, Автономной и Автокефальной, так и Церкви Белорусской.

В Вербное воскресенье 1944 г. Украинская автокефальная иерархия поднесла митрополиту Дионисию, как создателю неоавтокефальной Церкви на Украине, титул «Патриарха всея Украины». Вручение особой грамоты о даровании митрополиту Дионисию столь редкого и высокого титула происходило в зале заседаний Св. Синода, в митрополичьих покоях. Принимая грамоту и новый титул, митрополит Дионисий произнес на украинском языке благодарственную по адресу автокефалистов речь. Имя митрополита Дионисия, как «Патриарха всея Украины», возносилось за богослужениями в украинских автокефальных храмах.

Перед праздником Св. Пасхи того же 1944 г. в Варшаве состоялся Собор епископов Автономной Украинской Церкви, который возвел в сан архиепископа управлявшего Киевской

епархией епископа Пантелеймона (Рудыка), а также принял ряд решений общецерковного значения.

Епископы Автономной Украинской Церкви не возносили имени митрополита Дионисия за совершаемыми ими в Варшаве богослужениями.

Быстрое приближение Красной Армии летом 1944 г. к Варшаве и отступление немецких войск из Польши вызвало столь же быструю эвакуацию в глубь Германии всего пребывавшего в Варшаве епископата.

В последних числах июля 1944 г. Варшаву покинули митрополиты Дионисий, Поликарп, Илларион, а равно епископат как Автокефальной Украинской Церкви, так и Церкви Автономной.

С самого начала жизни Православной Церкви в восстановленной Польше в церковные дела была привнесена фальшь, ставшая органическим пороком всей церковной жизни и мешавшая, как какое-то роковое заклятие, вывести Церковь на свободный и светлый путь.

Главным недостатком, главным пороком православно-церковной жизни в Польше, резче всего выступавшим наружу, является разлад между правящей церковной иерархией и верующим народом»

Глава 10
Польша против СССР. Концептуальные основания и политическая практика в период 1920—1939 годов

28 ноября 1918 г. советское правительство де-факто признало Польскую Республику как самостоятельное государство[1] после того, как польские власти 11 ноября того же года провозгласили независимость страны.

[1] Известия. 1918. 29 ноября.

20 февраля 1919 г. сейм официально провозгласил Ю.К. Пилсудского (1867—1935) «Начальником и Верховным вождем государства». Вскоре последний объявил состав правительства. Именно оно и сформулировало среди своих важнейших политических приоритетов стратегическую цель — свержение советской власти с последующим расчленением России. В практическом плане провозглашенная цель подлежала реализации посредством концепции «федерализма».

10.1. Концепция «федерализма» и «равноудаленности»

Смысл польского «федерализма» состоял в том, что якобы ради безопасности Польши ей следует стремиться к ослаблению России путем отрыва от нее национальных окраин и создания на их основе лимитрофов, которые станут естественными союзниками Польши на антирусской основе[1]. Именно эти лимитрофы и должны составить федерацию, в которой лимитрофная по своей сути Польша будет играть не только главенствующую роль. По замыслу будущего 1-го маршала Пилсудского Польша, восстановив свои границы 1772 г., вновь станет великой державой и заменит в Восточной Европе Россию[2].

Концепцию польского политического режима публично сформулировал в своем политическом докладе ближайший сподвижник и единомышленник Пилсудского генерал Ю. Стахевич (1890—1934): «…целью, на достижение которой направлены наши усилия, являются существующие и будущие национальные государства на Востоке. Их появление будет историческим последствием слома силы России, но в то же время может явиться и элементом укрепления мощи державы Польской»[3].

---

[1] *Воробьев А.В.* Политика Польши в отношении советского государства и ее концептуальные основы (1918—1939): Автореф. дис. канд. истор. наук. — СПб.; М.: Дипломатическая академия МИД СССР, 1991. — С. 9—10.

[2] *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны: Военно-политическое противостояние, 1918—1939 гг. — М.: Вече, 2001. — С. 19—20.

[3] РГВА. Ф. 461к (Экспозитура-2 II отдела ГШ Войска Польского, Варшава). Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

Эта формулировка стратегических целей Польши полностью соответствовала политической программе-максимум самого Пилсудского. «Расчленение России, — констатировал он, — лежит в основе польских государственных интересов на Востоке»[1].

Базовые положения этой концепции Пилсудский впервые формулирует и затем развивает еще в 1904 г., пытаясь добиться поддержки от Японии в период политического кризиса на Дальнем Востоке. Но и Пилсудский не являлся автором этой идеи. Еще с XV—XVI вв. римские папы стремились внести раскол в ряды русского Православия и государственности руками самих русских[2]. Именно эти идеи «начальник государства» стремился осуществить и в 1920 г., начиная с организации военной кампании по захвату Киева.

Украину Пилсудский справедливо расценивал как важнейший фактор российской мощи. Революция 1917 г. и неизбежный, как тогда казалось, развал России открывали для «федерации» захватывающие гипотетические возможности. В этом смысле поддержка «независимой» Украины стала краеугольным камнем «восточной» политики Варшавы в 1919—1920 гг. Именно это, а не разгром большевизма являлось главной целью похода бывшего боевика и экспроприатора, а впоследствии маршала на Украину в 1920 г.

В феврале 1919 г. с вооруженных столкновений в Белоруссии началась советско-польская война. И в апреле 1919 г. польские войска заняли Вильну и весь Виленский край. В августе 1919 г. они захватили Минск. В течение нескольких недель поляки осуществляли вакханалию расправ над защитниками или просто сочувствующими советской власти людьми. Аресты, отправка в концлагеря, истязания и пытки в тюрьмах, расстрелы без суда, в том числе стариков, женщин и детей,

[1] Z dziejyw stosunkyw polsko-radzi-eckich.Studia i materialy. T. III. — Warszawa, 1968. — S. 262.

[2] *Былинин В.К., Зданович А.А., Коротаев В.И.* Организация «Прометей» и «прометейское» движение в планах польской разведки по развалу России/СССР // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 3. — М.: Кучково поле, 2007. — С. 318—414.

еврейские погромы и массовые грабежи. Местные жители оказались совершенно беспомощными перед произволом и извращенным садизмом армии европейской страны, называвшей себя бастионом христианской цивилизации в борьбе против большевизма и «восточного варварства»[1].

На Украине, заключив союз с С. Петлюрой, Пилсудский, ради осуществления «федеративных» планов, весной 1920 г. начал наступление на Киев, который его войска оккупировали 7 мая. Однако летом Красная Армия пошла в контрнаступление, и поляки были вынуждены бежать из города.

Свои цели польское руководство откровенно изложило в информационном документе для командного состава Волынского фронта, подготовленном по указанию Пилсудского 1 марта 1920 г. В нем говорилось, что «глава государства и польское правительство стоят на позиции безусловного ослабления России»[2].

За время войны польские войска взяли в плен более 146 000 человек, содержание которых в Польше было весьма далеко от каких-либо понятий и стандартов гуманности. Особым издевательствам подвергались коммунисты или заподозренные в принадлежности к ним. Пленные красноармейцы-немцы вообще расстреливались на месте. Но и простые пленники зачастую становились жертвами польских военных властей. Было широко распространено ограбление пленных, издевательство над пленными женщинами.

Около 60 000 советских военнопленных погибло в польских лагерях[3].

Подписанный в Риге 18 марта 1921 г. мирный договор лег в основу официальных польско-советских межгосударствен-

---

[1] *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны: Военно-политическое противостояние, 1918—1939 гг. — С. 29.

[2] *Михутина И.В.* Некоторые проблемы польско-советской войны 1919—1921 гг. // Версаль и новая Восточная Европа. — М., 1996. — С. 165.

[3] Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. — М., 1993. — С. 34; *Михутина И.В.* Так сколько же советских военнопленных погибло в 1919—1921 гг.? // Новая и новейшая история. 1995. № 3. — С. 64—69.

ных отношений до начала Второй мировой войны. Раздел в соответствии с этим договором белорусских и украинских земель между Польшей и советской Россией означал крах политической концепции Пилсудского, предусматривавшей создание польско-литовско-белорусско-украинской федерации «Междуморье» (Międzymorze) на территориях прежней Речи Посполитой.

Военный конфликт с советской Россией означал попытку реализации долгосрочной концепции Пилсудского по осуществлению восточной политики Речи Посполитой. Самому ему так и не удалось эту концепцию реализовать, но желание у его последователей осталось. Формально отказываясь от федеративных планов, польское руководство сохранило идею федерализма во внешнеполитическом арсенале, хотя и в иной форме.

Попытки трансформации концепции «федерализма» явно проявлялись в попытках Польши создать так называемый Балтийский блок из стран, ранее входивших в состав Российской империи и заинтересованных в силу этого в совместном противодействии советской России. Наряду с Балтийским блоком на более широкой основе разрабатывалась концепция «Междуморья», призванная под эгидой Польши объединить не только прибалтийские лимитрофы, но и страны Черноморского бассейна, в первую очередь Румынию и Турцию.

Концепцию «равновесия» или «равноудаленности», которая сыграла трагическую роль в политической судьбе Польши, Пилсудский и его окружение стали вынашивать в 20-е гг. Во второй половине 20-х гг. эта политика «равноудаленности» — от СССР и Германии — делала лишь свои первые шаги. Серьезным и неожиданным препятствием на ее пути явилось советско-германское сотрудничество на основе Раппальских соглашений. Новые возможности у политики равновесия появились в 30-е годы в результате осложнений в советско-германских связях и, тем более, при их прекращении в 1933 г. В этих условиях Польша приобретала большое значе-

ние на европейской арене, а ее внешняя политика стремилась к самостоятельности, приобретая подчас великодержавные черты. В отношении СССР это вело к усилению тенденций изоляции нашей страны от европейских дел, стремлению «замкнуть на себя» интересы западноевропейских держав в Восточной Европе.

Не случайно при непосредственном и активном участии Польши провалился ряд общеевропейских проектов коллективной безопасности. Эти начинания, например Восточно-Европейский пакт, предусматривали активизацию роли СССР в европейской политике, что автоматически уменьшало региональное значение Польши.

Стратегия «равноудаленности» представлялась Варшаве единственной альтернативой утрате независимости. Но в 30-е гг., с усилением мощи СССР и Германии и обострением противоречий в Европе, внешняя политика Польши становилась все более несостоятельной, а к 1939 г. обернулась изоляцией и предопределила сентябрьскую катастрофу.

Таким образом, «федералистский» замысел Ю. Пилсудского создать некое объединение из государственных образований народов, заселявших в XVIII в. Речь Посполитую, не удался. Не сумели обрести поляки и своего политически равновесного места в Европе.

Польша превратилась в многонациональную, слабо интегрированную страну, обремененную напряженными проблемами национальных меньшинств и конфликтными отношениями с соседями.

Особый вклад основоположника новой Речи Посполитой, Войска Польского, спецслужб и их детища «Прометея» в борьбу с Россией был высоко оценен Гитлером. После оккупации Польши войсками вермахта, несмотря на причисление поляков к расово неполноценным народам, он приказал поставить в Кракове почетный военный караул у гробницы маршала, «начальника и верховного вождя государства» в Невельском замке[1].

[1] *Куняев С. Ю.* Русский полонез. — М., 2006. — С. 46—47.

10.2. Концепция «прометейства»

На территории Польши находили приют и поддержку многочисленные группы эмигрантов-националистов. На даче Пилсудского в Сулеювке обретались такие известные деятели, как Чхеидзе и Гегечкори, а также лидер крымских татар Д. Сейдамет. Именно из эмигрантов создавалось польскими спецслужбами так называемое прометейское движение. С ведома французских властей штаб-квартира «Прометея» была учреждена в Париже, но управлялась она из Варшавы.

По инициативе руководителей грузинской эмиграции идея развала советской России с помощью националистических и сепаратистских элементов получила название «прометеизм». Кавказские националисты воспользовались древней легендой о титане Прометее — борце за свободу, якобы прикованном богами к скалам Грузии и обреченном на вечные страдания. Согласно этому мифу, от цепей и проклятия богов Прометея освободил Геракл. В этом романтическом образе античного героя видели себя руководители польской разведки, которые взяли под свою опеку грузинских и иных «прометейцев». Среди них отметился и лидер националистической партии «Мусават», первый руководитель независимой Азербайджанской республики (1918—1920) Мамед Эмин Расул-заде.

С точки зрения Ю. Стахевича, национализм мог бы стать той силой, с помощью которой должен быть разрушен СССР. «Реализация “прометейской” концепции, — утверждал он, — это не только создание условий или поддержка явлений, служащих намеченной цели, но и создание такого инструмента, коим может послужить организованная эмиграция. Наш непосредственный доступ к территории [СССР], к населению в соответствующем масштабе для этих целей не представляется возможным, а для достижения серьезных политических результатов даже и не всегда потребным»[1].

Одним из важнейших и наиболее ранних практических проявлений организации «фронта прометейских наций»

[1] РГВА. Ф. 461к. Оп. 2. Д. 1. Л. 3.

стал так называемый Варшавский договор, подписанный 21 апреля 1920 г. между Пилсудским и Петлюрой, диктатором контрреволюционного правительства на Украине. Вслед за украинской и грузинской эмиграцией установилось сотрудничество с эмиграцией азербайджанской, кавказско-горской, крымско-татарской, идель-уральской, туркестанской, казацкой и несколько позднее — с карело-финской. Сотрудничество приняло банальную форму оплаты. Таким образом закреплялась зависимость от польской разведки наиболее важных эмигрантских деятелей, обладающих возможностями воздействия на свои националистические центры и всю эмиграцию в целом.

Для разработки концептуальных основ самой идеи «прометеизма» в Варшаве был создан Восточный институт (1926), который издавал ежеквартальный журнал «Восток» («Wschod»). Подписание советско-польского договора о ненападении 1932 г. никак не повлияло на дальнейшее развитие «прометеевской» деятельности. Польские власти рассматривали договор исключительно с конъюнктурной точки зрения, побуждающей их обеспечивать более глубокую конспирацию деятельности польских правительственных кругов, а особенно — Министерства иностранных дел.

Сам маршал Польши считал себя призванным развернуть работу по объединению руководителей контрреволюционной эмиграции под своей эгидой и, в конечном счете, в собственных политических интересах. Личный опыт руководства широкой антироссийской подрывной деятельностью в союзе с другими националистами, несомненно, побудил Пилсудского сделать на них важную ставку в своей внешней политике, которая проводилась им с первых же дней восстановления Польского государства. Будучи последовательным шовинистом, он пребывал в полном убеждении, что Польша обрела свою независимость исключительно благодаря победе его национал-интегристской политики. Эта политика изначально строилась на идее коллаборационизма — тесного сотрудничества с врагами России. Она превращала поляков, и

прежде всего шляхетскую военную элиту, в профессионально подготовленную и хорошо вооруженную «пятую колонну» внутри России.

Еще до Первой мировой войны, в 1910—1914 гг., для подготовки костяка будущей Польской Армии Пилсудским создавались специальные военные школы в Галиции. Они имели полуконспиративный характер и пользовались субсидиями, а также практическим содействием со стороны разведывательного отдела австро-венгерского Генерального штаба.

Так, в распоряжении «начальника государства» находился ряд офицеров австро-венгерской разведывательной службы, обучавших пилсудчиков военному делу, технике разведки и диверсий. Именно из этих школ вышли кадры, образовавшие несколько позднее ПОВ — Польскую организацию войскову[1]. Эти хорошо подготовленные люди предназначались для секретной работы в союзе с австрогерманской армией в тылах русских войск и для комплектования польских легионов в предвидении войны еще с царской Россией.

Таким образом, концепция «прометеизма» во всех своих проявлениях — и как идеология, и как политическая практика, и, наконец, как комплексная долговременная программа подрывной деятельности — полностью отвечала антисоветским, антироссийским и захватническим устремлениям правящей в Польше шляхетской клики. В данном смысле, будучи путеводной нитью польской международной и внутренней политики, «прометеизм» в течение двух десятилетий являлся инструментом реализации старого амбициозного лозунга «Польша от моря и до моря».

Судьба «Прометея» и «прометеизма» после начала Второй мировой войны и территориального расчленения Польши оказалась, на наш взгляд, вполне закономерной и предсказуемой. Часть «прометейской» агентуры вместе со своими кураторами — офицерами II отдела ГШ Польши — стала

[1] *Pepiocski A.* Wywiad W wojnie polsko-bolszewickiej 1919—1920. — Warszawa, 1999. — S. 5—39.

частью агентурного аппарата английской разведки[1]. Другая, весьма значительная часть перешла вместе с архивами польской разведки в непосредственное подчинение к абверу и СД, где широко использовалась в различных разведывательно-диверсионных школах, подразделениях типа «Бранденбург-800», «Ягдфербанд-Ост» и таких организациях, как «Винета» или «Цеппелин»[2].

10.3. Практика спецслужб

В создании в 1918 г. спецслужб и вооруженных сил нового Польского государства большую роль сыграла французская военная миссия в Варшаве под руководством генерала П.-П. Анри. В составе этой миссии находилось более 400 офицеров. По примеру французского Второго Бюро Генеральный штаб Войска Польского, опять же подобно французскому Генеральному штабу, организовал в своей структуре Второй отдел (польск. Oddziai II Sztabu Generalnego WP), который стал центральным органом польских спецслужб и занимался разведкой и контрразведкой.

Второй отдел Генерального штаба (так называемая двуйка) был также известен под названием Экспозитуры[3] и просуществовал до очередной утраты Польшей своей государственности в 1939 г. До самого конца «двуйка» сохраняла тесное сотрудничество и вела обмен информацией с французской военной разведкой. Экспозитура осуществляла свою деятельность параллельно с Дефензивой[4] — польской политической разведкой и тайной полицией. Спецслужбы,

---

[1] Polsko-Brytyjska wspotpraca wywiadowcza podczas II wojny swiatowej. T. I: Ustalenia Polsko-Brytyjskiej Komisji Historicznej / Praca zbiorowa pod red. T. Dubickiego, D. Nalecz, T. Stirling. — Warszawa, 2004.

[2] Смерш: Исторические очерки и архивные документы. — М., 2003. — С. 113—136; *Былинин В.К., Зданович А.А., Коротаев В.И.* Организация «Прометей» и «прометейское» движение в планах польской разведки по развалу России/СССР М., 2007. — С. 318—414.

[3] *Ekspozitura*, от лат. *expositurus* — долженствующий быть выложенным.

[4] *Defensive*, от франц. *defendre* — охранять, оборонительная тактика в войне (устар.).

преданные Пилсудскому, занимались не только тайной войной против советской России, но и активным подавлением оппозиции внутри страны. Так, в ходе переворота 1926 г. и установления единоличной диктатуры Пилсудского Дефензива похитила, пытала и убила часть видных членов оппозиции как слева — в стане социалистов, так и справа — в лагере националистов[1].

Рассматривая Москву как врага номер один, Варшава придавала большое значение развертыванию и наращиванию против нее шпионско-подрывной деятельности, которую и проводил, в первую очередь, Второй отдел. Во время советско-польской войны 1919—1921 гг. Второй отдел осуществлял деятельность по вскрытию состава сил и стратегических планов группировок РККА на советско-польском фронте.

В разгар сражений с РККА польские спецслужбы особое внимание уделяли созданию так называемой 3-й русской армии, которой не суждено было выступить совместно с поляками. Военным министерством предписывалось самым решительным образом поддержать кампанию по вербовке в нее добровольцев, которых разыскивали в концентрационных лагерях, сборных и пересыльных пунктах. План боевого использования русских частей против Красной Армии поддержало польское руководство, о чем, в частности, говорил на одном из совещаний Русского политического комитета личный адъютант военного министра Польской Республики полковник Генерального штаба граф Сологуб де-Войно[2].

Еще в конце 1918 — начале 1919 гг. поляками была организована разведывательно-диверсионная сеть на территории Белоруссии, Виленщины и России. Ее основу составляли так называемый Союз активной борьбы и Польская военная организация, созданные Экспозитурой. Однако после ликвидации подразделениями ВЧК ячеек данных структур использование поляков, проживающих на советской территории и проходивших службу в Красной Армии для осуществления тайных опе-

[1] URL: http://spynet.on.ufanet.ru/rworld/poland/index.htm.

[2] URL: http://nvo.ng.ru/spforces/2005-05-27/7_poland.html.

раций на «восточном направлении», стало крайне затруднительно. Тогда польские спецслужбы сделали основную ставку на оказавшихся в Речи Посполитой эмигрантов.

Варшава и ранее не забывала о поддержке антисоветских националистических движений, прежде всего — украинского и белорусского. Были установлены также контакты с русскими военными организациями. Но при этом приоритет отдавался гражданским либералам из «демократического» лагеря, поскольку восстановление «единой и неделимой России» не входило в расчеты польского правительства.

По данным, опубликованным Британским королевским обществом (так называемый рапорт лорда Симпсона), в 1922 г. в Польше насчитывалось около 175 тыс. русских эмигрантов. Большой контингент русских военнопленных, а также беженцев, враждебно настроенных по отношению к советской власти, тяжелое правовое и социальное положение в Польше всех этих людей и другие факторы создавали широкие возможности для их использования в интересах польских спецслужб.

Со временем при наличии стратегической агентуры и широкой, средней и низовой шпионской сети была налажена разведывательно-подрывная работа в области военной, экономической и политической жизни СССР. Провал этой работы стал очевиден после успешного завершения чекистами операций «Синдикат» и «Трест». Но и тогда разведчики и контрразведчики Речи Посполитой не отмахнулись от русских эмигрантов, продолжали использовать их, однако в гораздо меньших масштабах.

В борьбе с советской Россией польские спецслужбы не гнушались никакими возможностями. Так, они привлекли к подрывной деятельности «на идеологическом фронте» и так называемых деятелей культуры, находившихся в то время в Варшаве, — З. Гиппиус, Д. Мережковского, Д. Философова и др. Известный террорист и диверсант Б. Савинков использовал их в налаживании антибольшевистской пропаганды. Именно они создавали его газету «Свобода». З. Гиппиус в своих воспоминаниях так определила причины взаимодействия

русской эмиграции с польскими спецслужбами: «Мы знали, что свергнуть иго большевиков нетрудно и можно было: во-первых, вооружившись крайне демократическими лозунгами (Савинков) и чисто большевистскими методами (Балахович), во-вторых, при непосредственном условии опоры на регулярную армию другого государства (Польша)»[1].

За все годы существования основным объектом устремлений польских спецслужб оставался Советский Союз и его Красная Армия. Именно подразделениями Экспозитуры в течение многих лет поддерживалась деятельность многочисленных «прометейских» организаций, направленная на реализацию концепции «федерализма», о чем свидетельствуют многочисленные документы.

Так, в документе второго отдела Генштаба № 2304/2/37 от 31.VIII.1937 г. дословно говорится следующее: «…мы приходим к выводу о необходимости создания для “прометеевского” движения усовершенствованных организационных форм, которые полностью дадут возможность этому движению развить революционно-национальный динамизм и не только по своей идеологической природе, но и в организационном отношении стать в полном смысле слова интернационалом народов, угнетаемых Россией. Именно интернационалом, так как это определение уже дает некоторые испытанные формы идеологической и эмоциональной мобилизации масс, углубления их революционности, а кроме того, дает испытанные в другом месте самые практические организационные формы для политических организаций этого типа.

Если бы нам удалось придать “прометеевскому” движению по возможности точные, но одновременно и гибкие формы интернационала, тогда у нас оказалось бы в руках действительно мощное оружие для борьбы с Россией. В этом, собственно говоря, весь смысл нашего интереса к “прометеевскому” движению и его организации.

Для того чтобы достигнуть этого идеала, мы должны умело произвести организационные изменения и создать для

[1] URL: http://nvo.ng.ru/spforces/2005-05-27/7_poland.html.

них крепкую и ясную идейную платформу… “Прометеевское” движение содействует борьбе за независимость и свободу на территории СССР, во всех ее формах оно оказывает поддержку всякого рода проявлениям распада на национальные элементы и племена и старается вызвать брожение националистического характера»[1].

Последующий ход событий показал, что спецслужбам Польши не удалось сохранить доминирующие позиции в «прометейском» движении. Большая часть «прометейских» деятелей стала оказывать важные услуги немецкой разведке, превратившись тем самым в гитлеровскую агентуру внутри клуба «Прометей», что и прояснилось в 1937—1938 гг. Симптоматично, что поляки закрывали глаза на вполне очевидные факты все более и более глубокого проникновения немецкой разведки в «прометейские» ряды. В связи с приближением войны разложение в «прометейских» организациях стало уже вполне заметным. Наиболее активные деятели, выступая за «Прометей», открыто признавали себя при этом гитлеровскими агентами[2].

Даже в разгар войны, когда спецслужбы союзных стран считали своей главной задачей «работу» по Германии, польская разведка, в соответствии с установками своего «лондонского» правительства, была озабочена постановкой разведывательной работы по Советскому Союзу. Разведотдел армии генерала В. Андерса (2-й Польский корпус), сформированной на территории СССР, имел задачей проведение оперативных мероприятий, связанных не только с военными действиями, но и, как говорилось в инструкции, «с потребностями будущего восстания в Польше», а также с необходимостью создания условий для ведения полномасштабной разведки на Востоке в послевоенное время.

---

[1] Секреты польской политики: Сб. документов (1935—1945). Сост. Л.Ф. Соцков. — М.: Архив СВР России, 2009. — С. 201—217.

[2] *Былинин В.К., Зданович А.А., Коротаев В.И.* Организация «Прометей» и «прометейское» движение в планах польской разведки по развалу России/СССР.

Фактом стало и то, что для подчиненных польскому правительству в изгнании вооруженных формирований, которые действовали на территории Польши, целями акций являлись советские войска, продвигавшиеся с боями к границам Германии. Это обстоятельство стало предметом послания Председателя Совета Народных Комиссаров СССР И.В. Сталина Президенту Соединенных Штатов Америки Ф.Д. Рузвельту от 20 декабря 1944 г., в котором указывалось, что террористические акты польских боевиков в отношении солдат и офицеров Красной Армии делают их пособниками нацистов[1].

После оккупации Польши в 1939 г. разведка уже эмигрантского правительства в Лондоне действовала с британской территории в союзе с англичанами и французами, создавая подпольные сети не только в Польше, но и по всей Европе. В 1945 г. эмигрантское правительство и его разведка на родину не вернулись.

10.4. Политическая практика правительства

Несмотря на наличие межгосударственных договоренностей между СССР и Польшей, активная подрывная деятельность со стороны поляков не ослабла. Более того, польские власти неоднократно грубо нарушали положения и Рижского мирного договора от 18 марта 1921 г., и Московского договора о ненападении от 25 июля 1932 г.

Сейчас мало кто помнит о том, что в 1933 г. Польша стала первым после Ватикана государством, которое официально признало нацистский рейх, обеспечив ему, таким образом, поддержку и последующее развитие на мировом уровне. Польское руководство поторопилось ограничить угрозу и обеспечить для себя возможность нейтралитета, заключив 26 января 1934 г. с Германией двустороннее соглашение «О мирном разрешении споров». Этот пакт не содержал гарантий для польских границ и фактически открывал возможности для неограниченного давления на Варшаву. В марте 1934 г. Пилсудский с большим сожалением констатировал,

[1] Секреты польской политики. — С. 9—10.

что его наследникам «трудно будет сохранить статус-кво 1934 г.» и что им будет не хватать «умения анализировать и находить новые подходы»[1].

Аффективная[2] враждебность по отношению к восточному соседу у пилсудчиков и их современных последователей не преодолена до сих пор. Когда Советский Союз в январе 1934 г., предвидя общую угрозу со стороны гитлеровского режима, обратился к Польше с предложением заключить пакт о взаимопомощи, польское правительство высокомерно отклонило это предложение, тут же подписав соглашение с Германией.

В январе 1938 г. польская дипломатия открыла перед всем миром истинные намерения Варшавы. Тогда в Лиге Наций шла бурная дискуссия вокруг статьи 16 «О коллективной безопасности» Устава Лиги. «Ее отмены требовал ряд членов Лиги Наций, желавших иметь развязанные руки в возможных международных конфликтах и военных осложнениях. Особенно усердствовали поляки, превратившие Польшу в “пятую колонну” внутри Лиги Наций»[3].

Во исполнение политических решений руководства страны 31 августа 1937 г. польский Генштаб выпустил директиву № 2304/2/37, в которой так же, как и в 1920 г., было записано, что конечной целью польской политики является «уничтожение всякой России». В качестве одного из действенных инструментов ее достижения названо разжигание сепаратизма на Кавказе, Украине и в Средней Азии с использованием, в частности, возможностей военной разведки. Казалось бы, в той угрожающей ситуации, в которую стремительно входила Польша, приоритеты должны были бы быть иными. И вообще, какое отношение к безопасности страны имел Кавказ? Тем не

[1] URL: http://katynbooks.narod.ru/syndrome/Docs/Chapter_01.html.

[2] Аффект — от лат. *affecto* — страстно стремиться, горячо желать, домогаться. Здесь — эмоционально вовлеченное, вожделенное, бессубъектное, нерефлексивное и нереалистичное взаимодействие с действительностью.

[3] История дипломатии / Под ред. акад. В.П. Потемкина. Т. 3: Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919—1939). — М.; Л., 1945. — С. 624.

менее предусматривалось сосредоточить кадровые, оперативные и финансовые ресурсы для усиления работы с кавказской эмиграцией сепаратистского толка. При этом в качестве сверхзадачи ставилась дестабилизация всеми силами и средствами, в том числе и инструментами тайной войны, внутриполитической обстановки в этой части Советского Союза, которая во время войны становится глубоким тылом Красной Армии[1].

Ставка польских правящих кругов на идеологический фактор, в частности на антисоветизм, оказалась весьма близорукой и принципиально ошибочной. В межвоенное двадцатилетие в треугольнике Германия — Польша — Россия эта ошибка проявлялась дважды: летом 1920 г. и в конце августа 1939 г., когда германская политика объективно содействовала развитию РККА[2].

Отчуждение между СССР и Германией, несомненно, укрепляло позиции Польши в Европе. Вместе с тем тактическое сближение Германии и Советского Союза, безусловно, ослабляло их «путем совместного съедения евхаристического тела Польши», как метафорически заметил политический деятель и публицист Р. Дмовский (1864—1939)[3].

Что же в итоге? Нереалистичная, истероидно-психопатическая[4] антироссийская и антисоветская политика сделала в 1939 г. положение Польши совершенно и необратимо безнадежным. О капитуляции перед Гитлером по мюнхенскому образцу либо о вступлении ненавистной советской РККА на польскую территорию, то есть о союзе с СССР, не могло быть и речи. Любое правительство при попытке поставить вопрос об этом не получило бы поддержки ни парламента, ни общества, которые были заражены теми же комплексами. И хотя возможности стратегии «равновесия» стремительно

---

1 Секреты польской политики. — С. 8—9.

2 Рабоче-крестьянская красная армия.

3 Цит. по *Воробьев А.В.* Политика Польши в отношении советского государства и ее концептуальные основы (1918—1939). — С. 13.

4 *Бухарин С.Н., Ракитянский Н.М.* Политологическое измерение проблемы лимитрофизации Польши // Информационные войны. 2010. № 1.

сужались, а на фоне аффективного восприятия политической реальности все же пробуждалось понимание неизбежности войны и неспособности противостоять Германии, альтернативных вариантов в Варшаве найти не смогли. Вернее, там были не способны даже их увидеть.

История периода 1920—1939 гг. никого и ничему в Польше не научила. Более того, мы и сейчас видим, по существу, лимитрофную преемственность этой политики в новых условиях Европы начала 90-х гг. с той лишь разницей, что тогда Польша была лимитрофом Франции, Англии и Ватикана, а в настоящее время — США.

Четыре послевоенных десятилетия новейшей истории оказались для Польши явлением исключительным. Советский Союз как наследник всех геополитических приоритетов и проблем Российской империи впервые располагал надежно организованной его политическим руководством системой защиты своих западных границ, а также гарантией против дипломатической и политической изоляции.

Впервые в своей истории Польша играла в этой системе весьма значимую, конструктивную роль как для себя, так и для нашей страны, не угрожая при этом Европе и будучи стабилизирующим субъектом международной безопасности. Более того, в известной мере она оказалась политическим медиатором между Востоком и Западом, что повышало ее политический вес.

В настоящее время в связи с радикальным геополитическим ослаблением России Польша выступает восточным форпостом НАТО в Европе, являясь одновременно инструментом и субъектом дестабилизации и напряженности. Очевидно, что после развала СССР Польша нескрываемо стремится реанимировать концепцию Пилсудского в отношении Украины, Грузии и других стран.

Итак, можно сделать вывод о том, что с позиций сегодняшнего дня какое-то иное развитие событий в межвоенное двадцатилетие следует признать маловероятным. В том историческом и политическом контексте Польша, будучи активным

субъектом и инструментом антисоветской политики, была обречена на государственное самоуничтожение.

10.5. Еще раз о политическом менталитете польской элиты

Исследуя особенности политического менталитета польской элиты в период между двумя мировыми войнами и причины ее антисоветской деятельности, действительно трудно избавиться от ощущения предопределенности исторической судьбы Речи Посполитой. Практически все, от чего зависела эта судьба, было в тот период вне ментальных возможностей польского правящего класса. Его карликовый интеллектуальный и политический статус не соотносился с масштабом гигантских политических проблем, которые стояли перед страной и ее руководством. Это оказывало определяющее влияние как на формирование и реализацию аффективной антисоветской (антироссийской) политики, так и на реальное положение Польши в хитросплетениях европейской политики, где каждый играл за себя.

Исходя из того, что как широкие, так и небольшие группы людей могут быть психологически охарактеризованы в тех же терминах, что и отдельно взятый человек, как носитель психических процессов, состояний и свойств[1], мы считаем возможным сделать еще один вывод. Неприязнь, высокомерие, подозрительность и недоверие традиционно оставались психологической доминантой польской политической верхушки в отношении СССР. И это притом, что руководство страны не усматривало со стороны Советского Союза какой-либо угрозы. Более того, генералитет Речи Посполитой видел реальную опасность со стороны Германии уже в 1934 г.[2].

Польские политические элиты оказались заложниками своих несостоятельных психологических установок и ком-

[1] *Бурикова И.С., Коновалова М.А., Пушкина М.А., Юрьев А.И.* Опыт психологического измерения человеческого капитала / Под научной редакцией проф. А.И. Юрьева. — СПб., 2009. — С. 52.

[2] *Воробьев А.В.* Политика Польши в отношении советского государства и ее концептуальные основы (1918 — 1939). С. 12.

плексов, будучи неспособны подвергнуть их рефлексии с позиций конструктивной политической стратегии или хотя бы здорового прагматизма. Польские элитные группы в поколениях обременены инфантильными, нереалистическими доктринами, наполненными негативными аффектами, состоящими из старых обид, чванства, зависти и ненависти.

Для понимания ментальных и, в целом, человеческих качеств польских элитариев того времени здесь уместно привести следующий пример. Министр иностранных дел предвоенной Польши Ю. Бек (1894—1944)[1] рассказывал своему отцу, вице-министру внутренних дел в правительстве Падеревского, как в конце 1918 г. после разведывательного задания в Москве и Киеве он со своими подельниками пробирался через «большевистскую Украину»: «В деревнях мы убивали всех поголовно и все сжигали при малейшем подозрении и неискренности. Я собственноручно работал прикладом»[2].

Из документа, направленного И.В. Сталину Иностранным отделом Главного управления государственной безопасности НКВД СССР от 01.04.1935 г.: «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО… Бека все влиятельные люди в Англии считают как опасного авантюриста, нисколько не подготовленного для занимаемого им поста и готового на все для собственных целей»[3].

Об уровне военно-стратегического мышления, а также об организаторских талантах польского руководства пишет В.С. Парсаданова: «Планы военного перевооружения к сентябрю 1939 г. были выполнены менее чем на 50%. Не было в польском Генштабе к сентябрю 1939 г. и разработанных планов ведения войны, а имевшиеся замыслы выдал гитлеровцам один из его офицеров. В Германии их оценили как непрофессиональные. Специалисты отмечали в них крайнюю

[1] В 1930 г. заместитель премьер-министра, 1932—1939 гг. — министр иностранных дел Польши.

[2] *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны: Военно-политическое противостояние, 1918—1939 гг. С. 24.

[3] Секреты польской политики. — С. 12.

переоценку поляками своих сил, например, возможность наступления на Берлин»[1].

1 сентября 1939 г. главнокомандующий и преемник президента Польши маршал Э. Рыдз-Смиглы отдал приказ, которым убеждал армию и народ, что окончательная победа будет принадлежать Польше и ее союзникам. На второй день — 2 сентября — он уже хотел капитулировать, но ему этого не позволили западные союзники[2].

В предисловии к сборнику Службы внешней разведки России «Секреты польской политики» Л.Ф. Соцков отмечает: «Иллюзорное, формировавшееся вначале польским лидером Ю. Пилсудским и возглавлявшим Министерство иностранных дел Ю. Беком представление о совпадении долгосрочных интересов Польши и Германии на Востоке оказалось роковым для польского народа. Варшава заняла позицию, исключавшую возможность заключения военного соглашения между СССР, Англией и Францией при участии польской стороны. Вряд ли всю политическую ответственность можно возлагать на Польшу, но именно ее руководство в категорической форме отвергло создание антигитлеровского фронта в 1939 г.»[3].

В течение двух предвоенных десятилетий руководство Польши строило свои отношения с советской Россией с упорством мономана, под напряжением стойкого негативного аффекта. Объяснение подобному типу ментальных установок находим у автора «концепции информационного и энергетического метаболизма» А. Кемпински в его монографии «Экзистенциальная психиатрия»[4]. Так, он пишет о том, что за целостной оценкой другого человека, благодаря которой тот оказывается по ту или другую сторону границы, становится «своим» или «чужим», скрывается, как правило, аффектив-

---

1 *Парсаданова В.С.* Эдвард Рыдз-Смиглы // Вопросы истории. 2007. № 8. — С. 18—19.

2 Там же. — С. 19.

3 Секреты польской политики. — С. 8.

4 *Кемпински А.* Экзистенциальная психиатрия. — М.: Совершенство, 1998. — С. 47—48.

ная, то есть сильная эмоциональная заряженность. Такое деление соответствует основной ориентационной тенденции, которая заключается в принятии установки «к» или «от» окружения. У человека эта тенденция управляется, прежде всего, филогенетически более древними частями нервной системы, которые связаны с сильной энергетической разрядкой.

Субъективным коррелятом движения «к» окружающему миру являются позитивные чувства, переживаемые человеком: симпатия, дружба, любовь и т. д. Противоположная антиципация, или установка «от», формирует стойкий негативный аффект, который проявляется во враждебности, презрении, ненависти и т. д. Этот аффект содержит в себе две возможности: либо «я его уничтожу», либо «сам буду им уничтожен»[1].

Познавательные функции, которые у человека связываются, прежде всего, с активностью филогенетически самых молодых частей нервной системы (neocortex), здесь проявляются в самых примитивных формах. Дифференцированный образ окружающего мира упрощается до объектов, от которых необходимо убегать или которые надо уничтожать. Или, наоборот, до объектов, с которыми можно соединяться в напряженном чувстве сильной общности — племенной, национальной, идеологической и т. д. Когда эмоциональное напряжение, связанное с основной ориентационной позицией, уменьшается и может развиваться познавательный процесс, иногда констатируют с удивлением, что объект влечения не был столь уж прекрасным, а объект ненависти — столь отталкивающим. Соединяющая сила национальной идеологии, уменьшающая чувства хаоса и неопределенности, может объясняться и факторами аффективно-эмоционального характера: возможностью разрядки позитивных чувств в отношении сопривержeнцев и негативных — на людях иной веры.

Мы не в состоянии познать все, что нас окружает, а своеобразие отношений между людьми таково, что они не могут равнодушно проходить мимо друг друга, ибо равнодушие само

[1] *Кемпински А.* Экзистенциальная психиатрия. — М.: Совершенство, 1998. — С. 47—48.

по себе является негативной установкой, трактованием другого человека как мертвого предмета. Поэтому приходится с необходимостью осуществлять основную оценку путем выбора: «свой» — «чужой», то есть приближаться либо отдаляться на основе иногда весьма поверхностных и примитивных признаков. В военное время «сблизиться» или «отдалиться» превращается либо в образ «врага», либо — «товарища по оружию».

Но в жизни человека, пишет далее А. Кемпински[1], существенное значение имеет также установка или вектор «над», в котором выражаются интеграционные, рефлексивные, творческие стремления, являющиеся специфическими человеческими феноменами. Именно установка «над» позволяет субъекту политики посмотреть на ситуацию и на самого себя со стороны, на дистанции, разумно, без аффективной захваченности, реалистично.

Ликвидация гитлеровцами Польши как суверенного государства, превращение ее территории в генерал-губернаторство «третьего рейха» — это цена и следствие поразительной инфантильности, близорукости и беспрецедентного непрофессионализма польских политиков.

ВЫВОДЫ

Польша исчезла с географической карты на семь лет вместе со своими правителями... В 1945 г. благодаря СССР она появилась вновь, заплатив за предвоенное безумие шляхты шестью миллионами жизней поляков. Кровь этих шести миллионов и членство в Варшавском договоре почти полвека остужали безумие былых амбиций. Но, как говорится, ничто не вечно, и вновь все громче и громче начинают раздаваться крики о Великой Польше «от можа до можа»…

Здесь возникает естественный вопрос. Как могла небогатая и небольшая европейская страна с весьма скромными ресурсами и невысоким уровнем жизни народа позволить себе такой дорогостоящий проект, как многолетняя подрывная деятельность против России/Советского Союза? В исследуемый период Польша не была и не могла быть полноценным и

[1] Там же. С. 101—102.

полноправным субъектом политического поведения в Европе и в мире. Она являлась не только «грантополучателем», но и объектом рефлексивного управления (манипулирования)[1] великих держав того времени.

Англия, Франция, Германия, а также Ватикан[2] со своей особой ролью в максимальной мере использовали особенности польских элит в своих эгоистических интересах, осуществляя стратегию тайного принуждения[3].

В новых европейских условиях польское руководство, начиная с 90-х гг., не обременяет себя поиском конструктивных идей и концепций, способных стать фундаментом добрососедской польско-российской политики в XXI в. Более того, вступив в НАТО, Польская Республика отказалась от концепции «равноудаленности», став фактически лимитрофом Соединенных Штатов. Судя по характеру наблюдаемых отношений с Украиной и Грузией, она уже на новом витке своей истории вновь пытается реанимировать идею «федерализма», хотя и в более мягком, редуцированном варианте.

Глава 11
Польский ВМФ и колониальные проекты второй Речи Посполитой

Исторический экскурс и политико-психологический анализ

11.1. Военно-морской флот второй Речи Посполитой. Несостоявшаяся история

С древних времен морской и, тем более, океанский флот был не только символом морского могущества страны, но и

[1] *Ракитянский Н.М.* Рефлексия в политике // Власть. 2003. № 9. — С. 21—24.

[2] *Минаев В.* Разведка «Святого престола». URL: http://www.agentura.ru/library/vatican/.

[3] *Ракитянский Н.М.* О политико-психологическом портретировании // Вестник политической психологии. — СПб., 2003. № 1(4). — С. 18—23.

средством независимой сильной политики и колониальной экспансии. Выход к морю, если его не было, и строительство кораблей всегда входили в круг стратегических задач различных государств. Так, Россия никогда не стала бы империей, не построив свой военно-морской флот под руководством Петра Великого. Понимали это, правда по-своему, и руководители Польши, получившей независимость в 1918 г.

Польский ВМФ был основан декретом главы второй Речи Посполитой маршалом Ю. Пилсудским 28 ноября 1918 г. В то время Польша не имела морских судов, а только две речные флотилии, доставшиеся ей от поверженной в Первой мировой войне Германии. В настоящее время на вооружении ВМФ Польши находится 140 плавающих единиц, несколько десятков самолетов и вертолетов. Личный состав насчитывает 15 тысяч военнослужащих, из них — 7 тысяч профессиональных военных.

В начале 30-х гг. Польша обладала третьей по численности армией в Европе. Однако эта армия не соответствовала требованиям того времени. Согласно довоенному пятнадцатилетнему плану «Строительства Польши 1939—1954 гг.», только с 1939 г. планировалось обеспечить рост военной промышленности. Польша, некогда самая развития часть Российской империи, к началу Второй мировой войны располагала 11 кавалерийскими бригадами и не имела ни одной танковой. У нацистской Германии на тот момент имелось 6 танковых дивизий и только одна кавалерийская бригада[1]. СССР к началу Второй мировой войны успел создать могучую индустрию, армию, флот и авиацию. При этом и Германия, и Россия развивали свою промышленность в гораздо более сложных условиях, нежели Польша. Причиной такого парадокса являются, в основном, ментальные особенности польских правящих элит, которые вместо решения актуальных проблем государственного развития увлеклись утопическими проектами, направленными на возрождение Речи Посполитой «от можа до можа».

[1] Банкротство стратегии германского фашизма. — М.: Наука, 1973.

В октябре 1918 г. в Варшаве несколькими поляками, имевшими отношение к речному и морскому флоту, по инициативе вице-адмирала Казимира Порембского была основана организация «Bandera Polska» («Польский флаг»), основной целью которой должна была стать пропаганда строительства флота для новой Польши[1]. На тот момент выхода к морю у Польши не было. Доступ к Балтике появился в виде «версальского» «Польского коридора» в 1919 г.

К. Порембовский, Георгиевский кавалер, отмеченный множеством боевых наград, был контр-адмиралом Российского Императорского флота и патриотом Российской империи. Он был незаурядным человеком и отличным организатором. «Польский флаг» под его руководством начал с инвентаризации речных судов, оставшихся в Варшаве после изгнания оттуда немцев. Будучи поначалу немногочисленной (всего на момент создания в ней состояло 25 членов), организация совсем скоро стала весьма авторитетной.

В конце мая 1919 г. «Польский флаг» был переименован в Лигу польской навигации (Liga Zeglugi Polskiej), а в 1924 г. организация поменяла название на Liga Morska i Rzeczna и начала выпускать журнал «Море», посвященный проблемам развития судоходства.

В 1921 г. поляки занялись расширением и модернизацией порта в соседствующей с Данцигом Гдыне. Для приобщения поляков к морю государством тратилось много средств и времени, но это было экономически обосновано. Без выхода в Мировой океан польская экономика впадала в зависимость от соседей в вопросах торговли, импорта и экспорта. Таким образом, деятельность организации в то время являлась не только конструктивной, но и весьма эффективной, так как грузооборот через Гдыню стремительно рос.

Однако ситуация скоро изменилась. В феврале 1928 г. под предводительством бывшего польского консула в Куритибе (Бразилия) К. Глуховского был создан Союз колони-

[1] Колониальные амбиции второй Речи Посполитой. URL: http://i-grappa.livejournal.com/520970.html?mode=reply&style=mine.

альных пионеров (Zwiazek Pionerow Kolonialnych), главной целью которого провозглашалась пропаганда обретения Польшей колоний за морем[1]. В том же году этот союз на правах отдельной секции вошел в Лигу морскую и речную, которая в октябре 1930 г. была переименована в Морскую и Колониальную лигу (Liga Morska I Kolonialna) — МКЛ. Но это было не простым переименованием, но и принципиальной сменой курса — в программу организации решением первого съезда, проведенного в октябре 1928 г., включили пункты о том, что организация начинает бороться за обретение Польшей колоний. Отныне вся энергия и ресурсы МКЛ будут вкладываться в этот проект.

В октябре 1935 г. в журнале «Море» был опубликован следующий текст, который имел программный характер: «Мы, поляки, как и итальянцы, стоим перед большой проблемой размещения и использования быстро увеличивающегося населения. Мы, поляки, как и итальянцы, имеем право требовать, чтобы для нас были открыты рынки экспорта и регионы для поселения, чтобы мы могли получать сырье, необходимое для национальной экономики, на условиях, на которых это делают иные колониальные державы». В это время тысячи поляков-эмигрантов работали в Бельгии и Руре на угольных шахтах.

В январе 1936 г. на страницах «Моря» вышла статья К. Езиоранского, в которой говорилось, что только тогда Польша станет великой державой, когда сможет поставлять через порты все необходимые ресурсы для производства, а это станет возможным только тогда, когда удастся поставить под контроль добычу и перевозку сырья в Польшу, что ведет к необходимости осуществления колониальной политики. В октябре 1936 г. Я. Дебский писал, что Польша должна выйти из европейских границ, что поляки ничем не хуже немцев, итальянцев и японцев, требующих колоний. Но для этого полякам надо кардинально изменить подход к своему современному положению, надо пропитывать колониальной идеологи-

[1] Там же.

ей страну и общество. И это лишь отдельные примеры того, что писалось только в журнале «Море» в 1930-е гг.

С середины 1930-х гг. МКЛ начала проводить «неделю моря», которая проходила под патронатом влиятельнейших лиц страны — в 1937 г. это был генерал К. Сосновский, который несколько позже станет Протектором Лиги, президент Польши Мосьцицкий, почетный член Лиги, маршал Рыдз-Смиглы, примас Польши Август Глонд. Неделя проходила в парадах и выставках под девизом «Нам нужны сильный флот и колонии!». В 1938 г., кроме «недели моря», МКЛ стала проводить «дни колоний», посвященные пропаганде среди населения идеи колониализма. Здесь стоит отметить, что население Польши встречало подобные идеи с пониманием — в начале 1938 г. в МКЛ состояло около 690 тысяч человек, к концу года — порядка 841 тысячи, а к началу сентября 1939 г. — почти миллион человек. По поводу колониальных надежд в Польше царила подлинная эйфория. Колониальная политика МКЛ и Польского государства осуществлялась в трех направлениях.

Первое — переселение колонистов-осадников[1], в первую очередь на территории Западной Украины и Белоруссии, захваченные у советской России. Чтобы нарушение прав коренного населения не вызывало осуждения мировой общественности, Ю. Бек 13 сентября 1934 г. на заседании Лиги Наций сделал заявление, в котором отмечалось, что Польша отказывается от сотрудничества с международными органами, контролирующими соблюдение положений в области защиты прав национальных меньшинств. Кстати, это заявление было сделано в день приема Советского Союза в члены Лиги Наций. Тему осадников на отторгнутых у России территориях мы подробно рассмотрим позже.

[1] Осадники (польск. *osadnicy*, ед. ч. *osadnik* — поселенец) — вышедшие в отставку солдаты, офицеры польской армии, члены их семей, а также гражданские переселенцы-поляки, получившие после окончания советско-польской войны и позднее земельные наделы на территориях Западной Украины и Западной Белоруссии в целях активной полонизации (ополячивания) территорий, отошедших Польше по Рижскому мирному договору 1921 г.

Что касается заморских территорий, то польские государственные деятели планировали создать там мощные диаспоры. Это не делало такие территории владениями Польши, но позволяло осваивать новые регионы на пользу польской экономики, поскольку, по замыслам политиков, осадники в обмен на кредиты для переселения должны были рассчитываться сырьем. Это направление колониальной политики практиковалось весьма большим количеством организаций в Польше, а также активно поддерживалось правительством. Однако никто не задумался о том, что осадники не способны вести добычу сырья в промышленных объемах, в связи с чем проект провалился, принеся одни убытки.

Второе — создание больших плантаций на основании концессий от правительств слаборазвитых стран. Предполагалось, что эти концессии, централизованно управляемые польскими компаниями, станут основой для масштабного импорта дешевого сырья в Польшу. Именно на такой род «колониализма» — крупные плантации — делала ставку МКЛ. В Бразилии силами польских компаний планировалось проложить железную дорогу из Риозиньо до Гаурапави в целях соединения польских поселений и одновременно улучшения условий перевозки сельскохозяйственной и лесной продукции. Взамен МКЛ должна была получить 2 млн гектаров из территорий индейского резерва вокруг железной дороги. Однако авторы проекта не учли, что стоимость работ намного превышает их финансовые возможности. В результате приобрели всего лишь около 7 тысяч гектаров земли для поселения, названного «Морская воля» (Morska Wolia). Несколько позже на средства МКЛ были приобретены дополнительные 20 тысяч гектаров для поселения «Орлич-Дрешер». В 1935 г. началось заселение «колоний», но в «Морской воле» поселилось всего 350 человек — что неудивительно, так как затраты на переселение одной семьи составляли до 3 тысяч долларов США, а в те времена «твердого» доллара это были огромные деньги. Кроме того, непродуманная политика организаторов проекта в отношениях с местными властями и радикальный

национализм осадников насторожили правительство Бразилии. В результате бразильский колониальный проект с треском провалился. В Анголе, Либерии, Перу, Аргентине, Мозамбике, Боливии были допущены те же ошибки: проекты не укладывались в имеющиеся ресурсы, притом что колонисты не скрывали своих «захватнических» планов. В итоге польских переселенцев везде преследовали неудачи.

Можно отметить и мадагаскарский проект польских «колонизаторов». В «Колониальных тезисах…» отдельное место уделялось вопросу переселения евреев на Мадагаскар, что должно было произойти по «желанию мирового еврейства». В связи с этим в 1937 г. французский министр заморских территорий М. Моте высказался относительно теоретической возможности передачи Мадагаскара под опеку Польши. По заданию министра Ю. Бека и при согласии Моте создали специальную комиссию по изучению пригодности острова для заселения евреями из Польши. В комиссию входили директор еврейского эмиграционного общества в Варшаве Л. Альтер, агроном из Тель-Авива, уроженец Галиции С. Дик и майор М. Лепецкий. В мае 1937 г. комиссия прибыла в Париж, откуда выехала на Мадагаскар, где работала 10 недель и составила отчет относительно возможностей колонизации северной части острова. Однако и этим прожектам было не суждено реализоваться. Началась Вторая мировая война.

Весьма экзотический характер имел так называемый антарктический проект поляков. Косвенным свидетельством того, что правительство Польши могло планировать акцию по «экспансии» в Антарктиду, может служить тот факт, что в марте 1939 г. посольства Польши в Лондоне и Вашингтоне получили поручения от МИД сделать запрос относительно того, на какие области континента распространяются формальные территориальные претензии этих держав[1].

Третье — создание классических колоний, то есть политическое подчинение Польше определенных территорий.

[1] Колониальные амбиции второй Речи Посполитой. URL: http://i-grappa.livejournal.com/520970.html?mode=reply&style=mine.

Такой подход также находил активную поддержку МКЛ. Так, в сентябре 1936 г. на заседании Лиги Наций министр иностранных дел Польши Ю. Бек зачитал обращение по поводу проекта по расширению членства в комиссии по делам мандатов, то есть отобранных у Германии и Оттоманской империи колониальных территорий. Это было сделано для того, чтобы все заинтересованные в колониях нации могли получить свою долю. Аналогичное заявление прозвучало на заседании комитета по иностранным делам польского Сената. Германские дипломаты докладывали в Берлин, что польское руководство рассматривало вариант обращения в Лигу Наций с предложением передать Польше часть (до 9%) германских колоний (в связи с тем, что Польша частично была «наследницей» Германии в плане территорий) — Того и Камерун, «которые и так никому не нужны». Результатом кампании 1936—1937 гг. можно назвать изданные летом 1937 г. МИД Польши «Колониальные тезисы Польши»[1].

В марте 1939 г., во время подготовки визита в Лондон Ю. Бека, польское посольство передало список тем для обсуждения в ходе визита. Одной из таких тем являлась тема колоний. В ответ лорд Галифакс телеграфировал 8 марта 1939 г. послу Великобритании в Варшаве просьбу передать полякам: «Так как между Великобританией и Польшей нет колониальных проблем, на данный момент обсуждать нечего». Поляки были возмущены этим жестким ответом и даже намеревались перенести визит Бека на более поздний срок.

Таким образом, Польша расходовала колоссальные средства на реализацию утопических замыслов, тогда как ее оборонная промышленность практически не развивалась. Вопросы обороноспособности страны решались порой весьма оригинально. Так, в 1933 г. правительство наделило МКЛ полномочиями по администрированию «Фонда морской обороны», целью создания которого намечался сбор средств на укрепление польского ВМФ. В течение двух лет МКЛ сумела привлечь в фонд порядка 8 миллионов 200 тысяч злотых, на

[1] Там же.

эти деньги была построена печально известная подводная лодка «Орел». Следует отметить, что все, без исключения, польские военнослужащие в принудительном порядке обязывались вносить денежные отчисления в этот фонд.

С ноября 1939 г. в течение 7 месяцев «Орел» действовал в составе британского флота — под польским флагом и с польским экипажем. За это время он потопил лишь один германский грузовой пароход «Рио-де-Жанейро». Субмарина погибла 8 июня 1940 г. в результате подрыва на мине в Северном море, из личного состава подводной лодки никто не уцелел.

Заслуживают внимания и попытки создания польского военно-морского флота. После победы в войне с советской Россией на мирных переговорах в Риге в 1921 г. Польша потребовала от России часть кораблей Балтийского флота: 2 линкора типа «Гангут», 10 больших эсминцев, 5 подводных лодок, 10 тральщиков, 21 вспомогательный корабль, а также 2 недостроенных крейсера типа «Светлана». И все это для защиты 42 миль побережья! Советской делегации удалось отклонить эти притязания. Тогда же правительство Польши обратилось к Финляндии с просьбой приобрести для своих ВМС два бывших сторожевых корабля русского флота. К началу революции они находились в стадии строительства в финских портах. После покупки поляками этих кораблей они были переименованы в «General Haller» и «Komendant Pilsudski» соответственно[1].

После Первой мировой войны западные союзники Польши передали ей ряд мелких военных судов: например, Великобритания передала польскому флоту захваченные у немцев после заключения мирного договора малые миноносцы V 105, V 106, V 108 (340/421 т), A 64, A 68, A 80 (330/381—392 т), которые немцы себе вернули в первые дни войны с Польшей. В 1927 г. поляки купили у Бельгии старый бронепалубный крейсер «Д'Антрекасто» («D'Entrecasteaux») 1899 г. постройки.

[1] Das Dritte Reich. Глава V. Боевые действия на Балтике. Уничтожение польского флота. URL: http://www.drittereich.info/modules.php?name=Forums&file=viewtopic&t=310.

Он использовался в качестве блокшива до 1938 г., после чего его разрезали на металл. Но все это не имело никакого значения в деле создания реального ВМФ.

В тех же 20-х гг. польский флот планировали пополнить американскими до-дредноутами. Говорилось, в частности, о возможности приобретения «Нью-Джерси» BB-16. Однако расчеты, произведенные в Штабе обороны побережья, показали, что только на окраску этих кораблей потребуются почти все средства, выделенные на польский военно-морской флот, а содержание этих «гигантов» поглотит весь госбюджет.

Военно-морские амбиции поляков не имели границ. Так, на конференции по разоружению в Женеве Польша объявила о желании создать флот общим водоизмещением 150 000 тонн. Проект судостроительной программы включал два линкора, 2 тяжелых крейсера, 9 эсминцев, 9 миноносцев, 18 подводных лодок, 21 тральщик, 24 сторожевика и значительное количество вспомогательных кораблей. Общая стоимость программы достигала миллиарда злотых (200 миллионов долларов). Эта программа также осталась лишь на бумаге[1].

В 1925 г. решили учредить пограничную охрану и вооружить ее современными быстроходными катерами, купленными за границей. Предлагались и собственно польские проекты. Первый польский катер заложили на Модлинской верфи в конце 1930 г. Испытания показали, что новый катер развивает на полном ходу 24,3 узла, а на экономическом — 11 узлов и является самым быстроходным польским кораблем. На Балтике по скорости его превосходили только немецкие катера типа S.

Несмотря на амбициозные проекты некоторых польских лидеров по созданию крупных боевых кораблей, самой большой боевой единицей военно-морского флота Польши в то время оставался минный заградитель «Гриф» французского производства.

Лишь в 1936 (!) г. польские адмиралы несуществующего ВМФ спустились с небес на землю и подготовили шестилет-

[1] *Трубицын С.Б.* Линкоры второстепенных морских держав. — СПб., 1998. — С. 35—36.

нюю программу перевооружения флота, учитывающую возможности бюджета Польского государства. В соответствии с ней до 1942 г. предполагалось построить 8 современных эсминцев, 12 подводных лодок, 1 минный заградитель, 12 тральщиков и 10 торпедных катеров.

В рамках этой программы стали осуществляться более продуманные проекты, что привело к постройке двух современных эскадренных миноносцев «Blyskawica» и «Grom». Их заказали в Англии по оригинальному проекту. Поскольку Польша не могла соперничать со своими соседями по числу строящихся единиц, при подготовке требований к новым эсминцам избрали путь индивидуального превосходства над кораблями этого класса флотов Германии и Советского Союза. В результате спроектированные опытными конструкторами верфи «Уайт», «Blyskawica» и «Grom» оказались сильнейшими европейскими эсминцами своего времени, уступая лишь новейшим французским лидерам.

Программой 1936 г. предусматривалась постройка еще двух кораблей этого типа. В целях развития отечественной судостроительной промышленности их решено было строить в Гдыне. Заказ на «Huragan» и «Orkan» выдали 1 мая 1939 г., но до начала войны успели подготовить лишь часть материалов, а до закладки кораблей дело так и не дошло.

В итоге военно-морских приготовлений к началу Второй мировой войны в составе польского флота числились 4 эсминца, 5 подводных лодок, 1 торпедный катер, 6 тральщиков, 2 транспорта и мелкие суда.

Польский ВМФ оказался ослабленным еще до начала военных действий уходом в Великобританию трех эсминцев: 30 августа 1939 г. «Буря» (Burza), «Молния» (Blyskawica) и «Гром» (Grom) покинули свои базы. Согласно планам польского командования, эти корабли должны были препятствовать торговому судоходству Германии, базируясь в портах Англии. Очевидно, однако, что если бы даже эскадренные миноносцы остались на польских базах, это существенно не повлияло бы на ситуацию в отражении немецкой агрессии.

ВМФ Польши был практически весь уничтожен в самом начале войны, а польским морякам пришлось воевать на арендованных у Англии судах.

В 90-е гг. прошлого века Польша добилась того, чтобы ее военно-морской флот представлял НАТО на Балтике. Надо сказать, что это стратегическая и весьма ответственная миссия. Обратим внимание на то, что сегодня основу польского ВМФ составляют два больших ракетных фрегата «Пуласки» и «Костюшко», спущенные на воду в 1980 г. Польша получила их от США. В 2014 г. в США останавливают производство запасных частей для кораблей этого класса. На фрегатах используются вертолеты Kaman Super Seasprite, от которых американские военно-морские силы отказались еще в 2001 г. Следовательно, сохранение на вооружении таких вертолетов обходится весьма дорого[1].

США подарили полякам корабли, которые после двадцати лет эксплуатации нуждались в капитальном ремонте. По сведениям польского издания «NIE», этот ремонт обошелся польским налогоплательщикам в десятки миллионов долларов. Таким образом, американцы не только сэкономили, передав эти корабли полякам, но и заработали на запчастях, технической помощи и обучении персонала.

Самая новая из четырех подлодок класса «Коббен», переданных Польше Норвегией, спущена на воду 40 лет назад. При этом отметим, что ресурс субмарин составляет в среднем 25 лет, однако они эксплуатируются по сей день. Естественно, флот остро нуждается в запчастях к подлодкам. Ремонт большинства из них практически уже невозможен. Если ничего не изменится, то совсем скоро единственной польской подлодкой на ходу окажется советская субмарина «Орел» класса «Кило» 1986 г. выпуска. Для того, чтобы ВМФ Польши сохранял боевую готовность, в течение 10 лет в него нужно вложить $8—10 млрд. Однако, как отмечают польские СМИ и члены

[1] *Тимофеев А.* Польский флот идет ко дну. URL: http://www.rosbalt.ru/print/490126.html.

парламента, до 2015 г. в бюджете в отношении военных нужд намечены иные приоритеты: необходимо заплатить США несколько миллиардов долларов за истребители F-16, купленные у американских «союзников»[1].

А ведь были времена, когда на верфях Гдыни польские рабочие и инженеры строили десятки первоклассных кораблей для ВМФ СССР.

Но современная шляхта по-прежнему полна энтузиазма. Так, журналист В. Лучак в журнале «Политика» с гордостью пишет: «Два польских минных тральщика — “Чайка” и “Мева”, участвовавшие в недавних учениях 12 стран НАТО и партнеров союза, обнаружили в водах Балтики поблизости от Риги 52 (! — *Авт.*) различных подводных объекта, что положительно свидетельствует о возможностях наших военно-морских сил (? — *Авт.*)…

На модернизацию “Мевы”, “Чайки” и “Фламинго”[2] было выделено 100 млн. злотых (около $ 25 млн.). За 35 млн. злотых Северная верфь сделала новый немагнитный корпус у построенного еще в 80-е гг. для советского ВМФ судна и превратила его в современный корабль тыловой поддержки “Контр-адмирал Черницкий”. Сегодня о функциях этого судна не принято говорить открыто — известно лишь, что оно поддерживает в Персидском заливе деятельность Пятого флота США в антитеррористической операции и на его борту размещено подразделение боевых пловцов военно-морского флота Польши и спецподразделение “Формоза”. По неофициальным данным, судно и его экипаж завоевали доверие американцев, которые не дают согласия на возвращение “Контр-адмирала Черницкого” в Польшу. Поэтому дискуссии

---

[1] *Тимофеев А.* Польский флот идет ко дну. URL: http://www.rosbalt.ru/print/490126.html.

[2] «Мева», «Чайка» и «Фламинго» — три 60-метровой длины судна с максимальным водоизмещением по 500 тонн — признаны лучшими из всей серии судов, построенных на верфях имени Парижской Коммуны в Гдыне еще в 60-х годах, а «Контр-адмирал Черницкий» построен по заказу СССР в 80-е гг. прошлого века. (О перспективах развития ВМФ Польши. URL: http://shipbuilding.ru/rus/articles/poland/.)

о будущем польского военно-морского флота и его структуре ведутся сейчас на фоне несомненных успехов польского флага в операциях союзников. Руководство флота под командованием адмирала Р. Лукашика строит обширные планы. Их размах, однако, вызывает опасения в варшавских командных кругах еще и потому, что в Министерстве национальной обороны и в Генеральном штабе не так уж много представителей военно-морского флота...»[1].

11.2. Осадничество. Колониальный проект в контексте политической психологии

Концепция «осадничества» и ее реализация. Осадничество (осаднитство) в межвоенное двадцатилетие 1918—1939 гг. было, в первую очередь, стратегической политической акцией и только потом — социально-экономическим проектом. Оно являлось одним из способов реализации концепции федерализма Ю. Пилсудского, важным элементом которой была практика колониализма с польской спецификой. Политика Пилсудского в значительной мере определялась так называемой ягеллонской идеей, в основе которой заложен постулат о том, что благополучие Польши зависит от того, сможет ли она утвердиться на украинских и белорусских землях[2]. Польская ментальная идентичность в том виде, в каком она сформировалась к началу XX в., побуждала правящие элиты к экспансии на Восток. Именно это пространство, состоящее из Украины и Белоруссии, поляки привыкли считать своей национальной территорией. При этом главным противником восстановления Речи Посполитой в границах 1772 г. они считали, естественно, русских.

---

[1] О перспективах развития ВМФ Польши. URL: http://shipbuilding.ru/rus/articles/poland/.

[2] *Гончаров В.В.* История Восточной Пруссии и Калининградской области в отечественной и зарубежной историографии XX — начала XXI века: Автореф. канд. ист. наук. — М., 2009; *Wojcik-Lagan H.* Litwini I stosunki polsko-litewskie w podrecznikach historycznych lat 1918—1939 / Miedzy Wschodem I Zachodem: Miedzynarodowa konferencja, Lublin 18—21 czerwca 1991 // red. M. Filipowicz. — Lublin, 1994.

Ягеллонская концепция активно использовалась польской политической элитой для решения политических проблем и трансляции в общество идей федеративного государства «от моря до моря». Именно поэтому в стремлении польских властей изменить структуру народонаселения на западноукраинских и западнобелорусских землях в пользу поляков особая роль принадлежала политике осадничества — переселения на эти земли поляков из Центральной Польши.

Закон «О военном осадничестве на восточных землях» принят польским правительством 16 декабря 1920 г. Лучшие земли, заселенные, в основном, украинцами Галичины и Волыни, которые сами страдали от малоземелья, должны были теперь передаваться полякам — инвалидам, демобилизованным солдатам, офицерам и их семьям. Предполагалось, что они станут опорой польской власти на этих территориях. Кроме того, они должны были воздействовать на местное население, приобщая его не только к «польской культуре», но и к «католицкой вере». Еще Т. Костюшко писал о том, как можно и как нужно сделать «rusino'w naszych» поляками по самосознанию. Он считал, что главным орудием в этом процессе может стать только католическая религия, распространение католической веры[1].

Уже в течение первых двух лет в Восточной Галичине оседают десятки тысяч поляков. Они получили 160 тыс. га земли. Такие действия польской власти положили начало очередному этапу польско-украинского противостояния, что во время Второй мировой войны вылилось в кровавые столкновения и массовую резню с обеих сторон[2].

На протяжении 1919—1929 гг. 77 тысяч польских осадников (колонистов) получили 600 тыс. га земли. По данным «Энциклопедии Истории Беларуси», в период 1921—1939 гг. с этнических польских земель в Западную Белоруссию было переселено около трехсот тысяч осадников[3].

---

[1] *Неменский О.Б.* Поляки и русские: народы разных времен и разных пространств. URL: http://www.imperiya.by/theory3-7144.html.

[2] URL: http://gazeta.ua/index.php?id=319934&lang=ru.

[3] URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Осадники.

Политическая практика осадничества резко обострила межнациональные отношения на всех восточных территориях — так называемых «кресах всходних», так как наделение поляков землей осуществлялось при явной дискриминации коренных жителей. Так, в Западной Белоруссии в 20-е гг. фактически постоянно осуществлялся режим чрезвычайного положения. В 1924 г. на восточных границах довоенной Польши специально создали Корпус пограничной охраны (Korpus Ochrony Pogranicza — КОР), одной из главных задач которого было так называемое сдерживание украинского и белорусского национальных меньшинств. Показательно, что один из первых в Европе концентрационный лагерь «для неблагонадежных» с очень жестоким режимом в Березе-Картузской, в Западной Белоруссии, открылся в 1934 г., а в Бяла-Подляске — в 1936 г.[1].

Исторической точкой отсчета, с которой начинался процесс политики осадничества, представляется возможным считать 3 марта 1918 г. В этот день в Брест-Литовске был подписан мирный договор между советской Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией — с другой. По условиям этого договора Россия теряла Польшу, Финляндию, Прибалтику, Украину, часть Белоруссии.

В декабре 1919 г. Высший совет Антанты устанавливает временную восточную границу Польши по «линии Керзона». В 1919 г. по Версальскому договору к Польше отходят германские территории: Поморье и Познань — города Бромберг, Быдгощ, Познань и др. В том же году по Сен-Жерменскому договору Польша присоединяет к себе Галицию: города Львов, Станиславов, Перемышль, Тернополь и др.

Подстрекаемая и вооружаемая Антантой, Польша в октябре 1920 г. захватывает у ослабленной Гражданской войной России часть белорусских и украинских земель — Новогрудок, Полесье, Волынщину. 18 октября 1920 г. Верховный главнокомандующий Ю. Пилсудский в своем приказе писал:

[1] *Прибылов В.И.* «Захват» или «Воссоединение»? (Зарубежные историки о 17 сентября 1939 г.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9.

«Солдат, который столько сделал для Польши, не останется без награды. Благодарная Родина не забудет о нем. Были завоеваны огромные пространства, обезлюженные и превращенные мировой войной буквально в пустынные развалины. Я предложил уже правительству [позаботиться о том], чтобы часть завоеванной земли стала собственностью тех, кто ее сделал польской, оплодотворив ее польской кровью и сверхъестественными своими подвигами. Эта земля, засеянная кровавым семенем войны, ждет сева мирного, ждет тех, кто сменит меч на плуг, дабы в своем труде одержать столько же мирных побед, сколько они одержали их на поле боя»[1].

До этого, в марте 1920 г., польские легионы отторгают у Литвы Виленщину, населенную преимущественно белорусами.

В марте 1921 г. в Риге советская Россия и Польша подписывают Договор о границе, в соответствии с которым Западная Белоруссия и Западная Украина отходят к Польше. За день до подписания Рижского мирного договора 1921 г. во все польские дипломатические миссии за границей Министерством иностранных дел была разослана инструкция, где определялось направление будущей польской политики по отношению к восточным соседям. «Следует и дальше поддерживать враждебные советской России элементы как русские, так и украинские, белорусские и кавказские... — говорилось в ней. — Наши интересы на Востоке не кончаются на линии наших границ... Нам... небезразлична судьба земель исторической Речи Посполитой, отделенных от нас будущим Рижским договором»[2].

В 1921—1922 гг. Польша снова укрупняется уже за счет германских территорий — Верхней и Южной Силезии. В марте 1923 г. союзные державы признают город Вильно и Восточную Галицию территорией Польши.

---

[1] Цит. по: *Гловацка Л.*, *Жак А.Ч.* Военное осадничество на Волыни в 1921—1939 гг. в свете документов Центрального воинского архива (Lidia Głowacka, Andrzej Czesław Żak. Osadnictwo wojskowe na wołyniu w latach 1921—1939 w świetle dokumentów Centralnego archiwu m wojskowego). URL: http://dtzkyyy.livejournal.com/12695.html.

[2] Цит. по: *Mikulicz S.* Prometeizm w polityce 11 Rzeczypospolitej. — Warszawa, 1971. — S. 63—64.

Примечательно, что молодое Польское государство в своей внешней политике опиралось на ультиматумы, откровенную агрессию, разбалансировку шаткой системы мирообеспечения и коллективной безопасности. Без объявления войны, нарушая перемирия, Польша дважды нападала на Литву и оккупировала Вильнюс в 1919 и 1920 гг., а также на советскую Россию в 1920 г. В 1938 г. Польша в ультимативной форме под угрозой военного вторжения решала территориальные проблемы с Литвой и Чехословакией.

Милитаризированная Польша, являясь одной из учредительниц Лиги Наций, демонстративно ее игнорировала. Так, в 1934 г. польское правительство уведомило Лигу Наций об одностороннем расторжении договора о защите национальных меньшинств и совместно с Германией сорвала подписание «Восточного регионального пакта». В 1938 г., прибегнув к ультиматуму и угрозе военной агрессии, не дожидаясь выполнения Мюнхенского соглашения, Польша вероломно захватывает Тешинскую область, которую 28 июля 1920 г. уступила Чехословакии в обмен на нейтралитет в польско-советской войне.

Реализуя «ягеллонскую идею» «Дранг нах Остен» в версии Пилсудского, II Речь Посполитая к моменту ее военного и политического краха 1939 г. приблизилась к территориальным владениям времен I Речи Посполитой 1569—1795 гг., «лоскутное одеяло» которой также прирастало захватническими войнами и аннексиями. «Восточные окраины» во всех отношениях целенаправленно превращались в колонию Центральной Польши, ее аграрно-сырьевой придаток с полунатуральным низкодоходным производством[1].

Подобное поведение Польши У. Черчилль, тонкий знаток колониальных животных, сравнил с «жадностью гиены». Вот таким образом и прирастала II Речь Посполитая: в результате захватнических войн и аннексий, на что обращают внимание не только советские и российские историки, но и

[1] *Шиптенко С.* Свобода белорусского народа: помнить и чтить. URL: http://evrazia.org/print.php?id=1074.

западные — Н. Ачерсон, Ж. Бувье, Ж. Гасон, Н. Вакар, Д. Далинин, К. Фармер, З. Коэтс, С. Хорак и др.[1]

Относительно «кресов всходних» отметим: граница 1921 г., признанная великими державами и, вынужденно, — советской Россией, не отражала ни этнографической карты расселения поляков, ни границ прежнего Королевства Польского, закрепляя лишь status quo: здесь остановились польские легионы. Соседние страны под нажимом Антанты смирились с таким положением дел, но не оставляли при этом надежд на возвращение своих территорий.

В реализации политики осадничества режим Пилсудского столкнулся с рядом серьезных проблем: национальные меньшинства населяли половину всей территории страны и составляли почти 40% ее населения. Национальные меньшинства имели различный удельный вес и различное значение в системе Польского государства. Но украинское меньшинство, составлявшее 8 млн. человек, занимало, бесспорно, центральное место среди остальных. Украинская проблема, или, как ее называли поляки, проблема «юго-восточных кресов», была стержневой национальной проблемой Польши.

Западноукраинское крестьянство владело лишь 22% всей обрабатываемой земли. Таким образом, $^4/_5$ хозяйств владели лишь $^1/_5$ земли; 78% исконной украинской земли было захвачено Польским государством, Церковью, десятками тысяч колонистов-осадников и помещиками, последним принадлежало 46% украинской земли. В Станиславовском воеводстве 630 польских помещиков держали в своих руках больше половины всей земли, в то время как свыше 200 000 бедняцких хозяйств имели немногим больше $^1/_4$ земельной площади. Грабеж украинских земель проводился в виде усиленной военной и гражданской колонизации под лозунгом «Ни вершка земли в непольские руки!».

Западная Украина «в пределах Польши является оазисом сверхнищеты» — это признание вырвалось однажды из

[1] *Прибылов В.И.* «Захват» или «Воссоединение»?

уст бывшего вице-премьера Квятковского, когда он говорил об экономическом положении Западной Украины.

Второе по значению место среди нацменьшинств Польского государства занимали белорусы, их численность доходила до 3 миллионов. Обнищание крестьянства в Западной Белоруссии превышало все мыслимые пределы. В Полесье 3000 помещиков держали в своих руках $^{2}/_{3}$ всей земельной площади, а 70 000 бедняцких белорусских крестьянских хозяйств имели меньше $^{1}/_{16}$ части[1].

Третье место занимали евреи — 3 млн. человек. Далее по списку шли литовцы, немцы, чехи, русские и др.

По данным С. Шиптенко, только западнобелорусские земли, являвшиеся частью «кресов всходних» II Речи Посполитой, составляли 113 кв. км — 24% ее территории с 11% населения. По состоянию на 1931 г. там проживало 4,6 млн. человек, из них: белорусов — 65%, поляков — 15%, евреев — 11%, украинцев — 4%, литовцев — 2,5%, русских — 2%[2].

Национальная политика польского правительства сводилась к принудительному ополячиванию украинцев, белорусов и русских. Весь административный аппарат, судебные органы, железные дороги, учреждения были переведены на польский язык. Украинский и белорусский языки полностью игнорировались. Дело доходило до того, что в почтово-телеграфных конторах отказывались принимать телеграммы на украинском и белорусском языках. Почтовые чиновники издевательски заявляли, что они украинского и белорусского языка не знают. За первые 10 лет хозяйничанья польских властей в Западной Украине количество народных школ с 3600 сократилось до 400—500[3].

Русскому «меньшинству» на территории «польских кресов» приходилось не только бороться с нуждой, но и вести повседневную борьбу за сохранение национального лица.

---

[1] *Тихомиров М.* Западная Украина и Западная Белоруссия // Свободная мысль. 2009. № 9. — С. 159—168.

[2] *Шиптенко С.* Свобода белорусского народа: помнить и чтить.

[3] *Тихомиров М.* Западная Украина и Западная Белоруссия.

Полонизация проводилась не только в отношении школьного преподавания, но и в отношении религиозном. В школах были введены католический катехизис и обязательное посещение богослужений в костелах, о чем свидетельствуют сами польские историки, в частности К. Сроковский[1]. Был провозглашен тезис — «русских в Польше нет», оправдывавший тотальное уничтожение русских школ. По этому плану было предложено полностью перейти на польский язык. Те же школы, которые захотели сохранить преподавание на русском языке, закрывались. Большинство школьных зданий было отобрано[2].

Пилсудский публично высказал свои взгляды на тему политики в Восточном Приграничье уже в январе 1920 г. в Ровно во время инспекторской поездки на Волынский фронт. В своем выступлении перед представителями Волынской земли он заявил: «Когда мы говорим о кресах, мы должны отдавать себе отчет, что это такое. Кресы — это столкновение одного народа с другим, одной культуры с другой, одного воспитания с другим воспитанием. Поэтому самым трудным заданием приграничной политики властей является формирование среди населения крепкого, непоколебимого уважения к самим себе. Во всем мире приграничная политика похожа. Я не знаю другой приграничной политики, кроме выражающейся лозунгом: “Горе побежденным!” И если во всем мире в приграничной политике господствует ложь, я хочу, чтобы наша приграничная политика была честной»[3].

Правовое положение белорусов и украинцев на оккупированных II Речью Посполитой территориях существенно отличалось от положения поляков Центральной Польши.

---

[1] *Сроковский К.* Национальный вопрос в восточных красах. — Краков, 1924.

[2] *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920—1970). — Paris. Libraire des cinq continents. 18, Rue de Lille (7e); *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. Дополнительный выпуск. — Paris. Libraire des cinq continents. 18, Rue de Lille (7e).

[3] Цит. по: *Гловацка Л.*, *Жак А.Ч.* Военное осадничество на Волыни в 1921—1939 гг. в свете документов Центрального воинского архива.

Им фактически отказывалось в национально-культурном самоопределении и развитии. Повсеместно ликвидировались школы национальных меньшинств. За короткий срок польские власти полностью закрыли белорусские школы, жестоко преследовали белорусскую интеллигенцию, общественно-политический актив белорусских партий и общественных объединений. Гонениям подверглись национальные и религиозные меньшинства, прежде всего — белорусы и украинцы православного вероисповедания.

Осадничество в сфере землевладения дополнялось привлечением шовинистически настроенных педагогов и бюрократов из Центральной Польши, откровенным фарсом выглядело так называемое местное самоуправление «кресов всходних». В глубоком подполье оказалась национальная печать. Впрочем, режим жестко цензурировал и преследовал практически все издания, хотя бы на йоту отступавшие от официозных идеологем. Любая попытка заявить о своем униженном и бесправном положении подавлялась жестокими репрессиями.

Хищническое разграбление природных ресурсов Западной Белоруссии и Украины всячески поощрялось центральным правительством, как и удушение любых отраслей, которые могли составить конкуренцию производителям Центральной Польши. Такая система целенаправленно создавалась и основывалась на польских латифундиях и монополистическом капитале, полуфеодальных отношениях, ценовой и налоговой дискриминации, завышенных железнодорожных тарифах, откровенно разбойничьем военно-полицейском колониальном терроре. Разорение и глубокий экономический упадок отторгнутых польской военщиной белорусских и украинских земель превратили их в рынок сбыта промышленных товаров по искусственно завышенным ценам, произведенных в центральных и западных воеводствах[1].

Выдающийся писатель-фронтовик Константин Симонов так выразил отношение своих современников к финалу военного осадничества, начавшемуся 17 сентября 1939 г.: «Надо

[1] *Шиптенко С.* Свобода белорусского народа: помнить и чтить.

представить себе атмосферу всех предыдущих лет, советско-польскую войну 1920 г., последующие десятилетия напряженных отношений с Польшей, осадничество, переселение польского кулачества в так называемые восточные кресы, попытки колонизации украинского и в особенности белорусского населения, белогвардейские банды, действовавшие с территории Польши в двадцатые годы, изучение польского языка среди военных как языка одного из наиболее возможных противников, процессы белорусских коммунистов. В общем, если вспомнить всю эту атмосферу, то почему же мне было тогда не радоваться тому, что мы идем освобождать Западную Украину и Западную Белоруссию? Идем к той линии национального размежевания, которую когда-то, в двадцатом году, считал справедливой, с точки зрения этнической, даже такой недруг нашей страны, как лорд Керзон, и о которой вспоминали как о «линии Керзона», но от которой нам пришлось отступить тогда и пойти на мир, отдававший Польше в руки Западную Украину и Белоруссию, из-за военных поражений, за которыми стояли безграничное истощение сил в годы мировой и Гражданской войны, разруха, неприконченный Врангель, предстоящие Кронштадт и антоновщина, — в общем, двадцатый год»[1].

Концом «осаднической акции» стало решение советских властей от 10 февраля 1940 г. о депортации осадников с семьями в Сибирь, а также северные районы СССР.

Психолого-политические установки концепции «осадничества». Для польской политической элиты, как и для поляков вообще, отношение к восточным соседям строилось на определенных ментально-догматических основаниях[2], кото-

---

[1] *Симонов К.* Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине. URL: http://www.hrono.ru/dokum/197_dok/19790227sim.html.

[2] *Ракитянский Н.М.* Глубинные психолого-политические причины доминирования в современном мире западного типа менталитета // Теория и практика российской политической психологии: Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию кафедры политической психологии СПбГУ, Санкт-Петербург, 23—24 октября 2009 г. / Под научной редакцией проф. А.И. Юрьева. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. — С. 328—342.

рые уходят в вековые глубины истории и определяются как «политика памяти» и «историческая политика»[1]. Именно на этих основаниях конструируется идеология польской восточной политики вообще и осадничества в частности, какой бы партией она ни оглашалась. Поляки сами открыто говорят о «болезненной чувствительности Польши» к России и требуют уважения к своим чувствам.

Основание политики на таких сугубо эмоционально-психологических понятиях столь специфично для Польши, что крайне редко находит понимание как на прагматичном Западе, так и в России. Заявления на этом языке обыкновенно воспринимаются как риторические обороты и всерьез не рассматриваются. Здесь надо обязательно учитывать своеобразие психологических установок на прошлое Восточной Европы и на ее нынешнее состояние. Осознание этой специфики давно уже стало важной задачей как для российских политиков, так и для российского общества. Польша для нас — не тот сосед, с мнением которого можно вообще не считаться.

Традиционно в Польше выделялись две основные парадигмы иностранной политики, названные по основным польским королевским династиям средневековья — пястовской[2] и ягеллонской[3].

Первая подразумевает установление активных отношений, как союзнических, так и конфронтационных, с немцами и весьма пассивную политику на Востоке.

Вторая, как уже было сказано, вся обращена на Восток, на проникновение в русские земли и в Литву. Это идеология «покорения Востока» и несения ему «света западной культуры», идеология «великой Польши» не как центральноевро-

---

[1] *Неменский О.Б.* Восточная политика Польши. URL: http://www.edrus.org/content/view/3254/56/ (дата обращения: 07.11.2010).

[2] Пясты (польск. *Piastowie*) — первая польская княжеская и королевская династия. Легендарным основателем династии был крестьянин-колесник Пяст, возведенный на престол, опять же по легенде, Абрамом Проховником.

[3] Ягеллоны (белор. *Ягелоны*, польск. *Jagiellonowie*, лит. *Jogailaičiai*) — королевская династия, правившая в государствах Центральной Европы в XIV—XVI вв.

пейской, а как основной восточноевропейской региональной державы. Дилемма выбора между этими двумя вариантами актуальна для поляков до сих пор.

Рассмотрим ключевые политико-психологические установки правящих элит Речи Посполитой, которые определяли реальную практику осадничества. Они по-прежнему актуальны в начале XXI столетия.

Первая установка: Украина — это польская земля. Правда, в наш век политкорректности открыто говорить об этом не принято по дипломатическим соображениям. Поляки признают польской территорией все земли, когда-либо подчинявшиеся польской короне, но в отношении Украины данная установка всегда проявлялась особенно остро. Так сложилось исторически, что с XIV по XVII в. территории Украины были областью активной колонизации польской шляхтой, которая и представляла собой «narod Polski» в его сарматском понимании. Ко времени войн Б. Хмельницкого (1595—1657) почти все земли нынешней Украины, кроме Новороссии, Запорожья и Закарпатья, находились в собственности у польских или полонизировавшихся землевладельцев, так что они в известной мере становились польскими даже де-юре. Мало кто из поляков признает, что Киев, а особенно Львов, — не польские города. Для поляка украинцы вместе с белорусами в Польше и по сей день — «narody chlopskie», то есть это потомки взбунтовавшейся черни, бывшие крепостные, у которых нет своей культуры и уж тем более — своей земли и своих городов.

О.Б. Неменский приводит данные опросов общественного мнения, проводившихся в Польше в 1990-е гг. На вопрос о том, «какие народы вам наиболее антипатичны?», первое место прочно удерживали именно украинцы. Это определено прочно укоренившейся установкой, что украинцы захватили польские земли и польские города, и памятью о той резне, которую те устроили осадникам в конце 1930-х — 1940-е гг. на территориях нынешней Западной Украины. Главные чувства, испытываемые типичным поляком к украинцам: презрение, бытовой страх и — цивилизаторское высокомерие. Ведь если

у украинцев и есть какая-нибудь культура, то только благодаря тому, что их чему-то обучили поляки.

Еще в XVI в. в польском менталитете сложилось убеждение, что земли и народы к востоку от Варшавы — это своего рода «польская Америка», и населена она «восточными индейцами». Следовательно, святой долг поляка заключается в освоении этих земель, их окультуривании, а также в крещении аборигенов, так как Православие христианством не считалось. Эта, по сути, догматическая ментальная установка[1] переросла в осознание своего долга продолжать «просвещение» украинцев, нести им свет с Запада, не оставлять в невежестве и уж тем более — в лапах страшного Востока. Политика Польши по отношению к Украине, какой риторикой она ни была бы украшена, — это не политика «дружественного государства». Это политика, ведомая по отношению к «своим» же, хоть и утраченным, землям, и нацелена она хотя бы на частичное восстановление польского влияния на «своей» территории и выдавливание оттуда «московского агрессора»[2].

Вторая установка определяет отношение поляков к Белоруссии. Ее территории, хотя и заселялись в межвоенный период осадниками, не воспринимались столь однозначно, как польские, так как исторически они находились в составе Литовского великого княжества. Эти земли традиционно назывались поляками Литвой, ее население — литвинами. Хотя и это вряд ли делает их совсем уж непольскими — все же для многих поляков, как и для Адама Мицкевича, Литва воспринималась «своей отчизной». В отличие от украинцев какого-либо внятного образа белорусов и Белоруссии у поляков не сложилось, как и каких-то определенных чувств к ним. Как признают сейчас некоторые польские социологи, впервые ясный образ этой страны появился в польском сознании лишь в середине 1990-х, когда к власти там пришел А. Лукашенко. По сей день понятия «белорусы» и «Лукашенко» для поляка

[1] *Ракитянский Н.М.* Глубинные психолого-политические причины доминирования в современном мире западного типа менталитета.

[2] *Неменский О.Б.* Восточная политика Польши.

неразрывны. При резко негативном отношении к этой политической фигуре в польском обществе сам образ белорусов оказался столь же негативным. Это образ тех «восточных индейцев», которые так закостенели в своем невежестве, что попросту отворачиваются от света культуры и цивилизации, предпочитая прозябать в рабстве и «хамстве»[1].

Третья установка неотделима от первых двух. Она весьма жестко, однозначно и, что весьма важно, — аффективно программирует польское восприятие России. Образ России, эмоционально негативно насыщенный, — центральный для польского менталитета. Последние пять столетий это восприятие строится именно на его основе, отталкиваясь от него, как от всего самого темного. Итак, во-первых, Россия — это страна крайней дикости, жестокости, бескультурья и рабства. Русские являют собой прямую противоположность полякам во всем, кроме тяги к алкоголю[2]. Во-вторых, Россия — враг и постоянный агрессор на «польских землях». Рассказы о России в подобном ключе как в позднее средневековье, так и в современной польской прессе практически одинаковы.

Анализируя поведение польского правящего класса, представляется возможным диагностировать его ментальные особенности, исходя из концепта, который психологической наукой определяется как аффект неадекватности[3]. Он представляет собой устойчивое во времени отрицательное эмоциональное состояние, вызванное неспособностью добиться успеха в какой-либо деятельности. Характеризуется или отрицанием самого факта неуспеха, или переложением ответственности за него на других. Аффект неадекватности в значительной мере является защитной психологической реакцией, позволяющей сохранить завышенный уровень притязаний и избежать осознания своей несостоятельности. Данное состоя-

---

1 *Неменский О.Б.* Восточная политика Польши.

2 *Кемпински А.* Экзистенциальная психиатрия. — М.: Совершенство, 1998. — С. 47—48.

3 *Мещеряков Б., Зинченко В.* Большой психологический словарь. 3-е Изд-во — СПб.: Прайм-Еврознак, 2003.

ние связано также с нежеланием и/или неспособностью устанавливать адекватный контакт с окружающей реальностью. Может проявляться в агрессивности, негативизме, повышенной обидчивости, недоверчивости, подозрительности. Аффект неадекватности возникает как попытка субъекта с завышенной самооценкой оградить себя от реальных обстоятельств и сохранить неадекватно высокую самооценку.

Для менталитета с выраженной аффективной доминантой совершенно не важно, что подобный образ России далек от реальности, от собственно России и русских так же, как и средневековые рассказы о людях с песьими головами и четырьмя руками были далеки от образа реальных туземцев, встречаемых путешественниками. Здесь и не идет речь об адекватности. Этот русофобский образ, давно ставший аффективно насыщенным комплексом, — для внутреннего потребления. Он воспринимается исключительно догматически, вроде некой истины a priori и тем самым структурирует национальный польский менталитет[1]. Главное, что Россия — это центр мирового Зла, страна «подлой жизни», антипод Польши. Сколь далеко заходить в описании этого средоточия Зла, как и его хитроумных происков, зависит от страстности и остроумия публициста при дворе короля Сигизмунда III или редакции «Газэты Выборчей»[2].

Неадекватность польских описаний России, отношения к ней и российской политике во многом подкреплена структурно-языковыми и психологическими причинами. Поляки вообще не знают о существовании такого народа, как «русские». Слово «ruski» в польском языке носит ругательный характер и потому удалено из литературной лексики[3]. Его можно встретить только при описании реалий земель нынешних Украины и Белоруссии в прошлых веках. Ведь в составе Речи Посполитой существовало и Русское воеводство

---

[1] *Ракитянский Н.М.* Глубинные психолого-политические причины доминирования в современном мире западного типа менталитета.

[2] *Неменский О.Б.* Восточная политика Польши.

[3] Там же.

с центром во Львове. В любом старом польском городе есть Русская улица, где жили православные торговцы и ремесленники. Тем не менее применительно к тамошнему населению этноним «русские» был за XX в. заменен на «украинцы» и «белорусы», само же слово осталось как определение для крайне невоспитанного и некультурного человека низких побуждений и «восточной» национальности.

Московское же государство для поляков всегда было населено «московитами» («москалями») или — позже — «россиянами» («rosjanie»)[1]. Поляки, подданные Российской империи, называли Россию «тюрьмой народов». Они так и говорили: «Мы не русские, мы — россияне, потому что почитаем Папу Римского, а в России живем как в заточении»[2]. В.И. Даль писал о происхождении слова «россияне», о том, что именно Польша прозвала нас «россіянами» по правописанию латинскому, а мы переняли это[3] по нашей склонности к бездумному подражанию Западу. Действительно, последние два десятилетия мы перестаем быть русскими, мы становимся россиянами. Россиянин — это не зрелый плод истории, а примитивный продукт постсоветской либеральной социальной инженерии, политических технологий и пропаганды, за ним нет никакой органичной жизни. Россияне — это уже не народ, а население и электорат, который не знает своего славного исторического имени[4].

Когда Советский Союз предложил обучать поляков русскому языку, они открыли для себя, что «россияне» — тоже русские, и это открытие носило откровенно оскорбительный для самих русских смысл. Теперь ругательное слово «ruski» часто применяется и к современным «россиянам». Однако оно не является этнонимом, это ругательство.

---

1 *Неменский О.Б.* Восточная политика Польши.

2 *Косов Е.* Быть русским. Русский национализм — разговор о главном / Евгений Косов. — М.: Зебра Е., 2005. — С. 108—109.

3 Там же.

4 *Гиренок Ф.* Реквием. URL: http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/10/877/index.html (дата обращения: 05.10.2010).

Осознание русских как россиян принципиально меняет восприятие истории и искажает для поляка смыслы московской политики. Если русское самосознание отсылает нас к понятию Руси и Русской земли, делая тот же Львов в нашем восприятии все же скорее русским, чем польским или украинским, городом, не говоря уже о «Матери городов русских» — Киеве, то поляку совершенно непонятно, какое отношение «россияне» могут иметь к русским землям польских кресов.

Этническая граница россиян проходит по западным границам былой Речи Посполитой, то есть по границам нынешних Украины и Белоруссии. Если для русских политика присоединения «украинных» и белорусских земель была скорее политикой объединительной, а не завоевательной, политикой национальной консолидации по восстановлению русского единства на Русской земле, то для поляка любой выход россиян на территорию польских кресов, на «ruskie ziemie», — это однозначно акт агрессии.

В представлении поляка россияне не имеют никакого отношения к понятию «Русь» и у них мало что общего с украинцами и белорусами. У них есть свое Московское царство со своей традиционной территорией. То, что для русских было отвоевыванием своего, для поляков — попыткой захвата польских земель, не имеющей под собой никаких исторических оснований. Соответственно любой политический шаг современного руководства России, направленный на сближение с Украиной и Белоруссией, — это лишь очередная выходка агрессора. России должно быть стыдно за то, что она когда-то вторглась на эти территории, разрушила политику и практику осадничества, и теперь поляки ждут покаяния России за то, что она посмела помешать польскому господству на них. Вместо этого Россия продолжает делать попытки сохранить там свое влияние, что до глубины души оскорбляет поляка: ведь это польские земли.

Москва не сможет когда-либо признать, что старые западнорусские земли, Украина и Белоруссия, — это исторически польская территория и она никаких оснований для

влияния на них не имеет. Москва не замечает Польшу: для русских это лишь небольшое государство где-то на западных границах. Столь же трудно предположить, что поляки когда-нибудь откроют для себя существование русского народа, который мыслит всю территорию Руси как свою. Любые действия Москвы относительно Украины и Белоруссии будут расцениваться поляками как проявления «извечного российского империализма», а в кулуарах обсуждаться как вмешательство в польские дела.

Колониальная ностальгия. Невыученные уроки истории. Великие державы-победительницы после Второй мировой войны вернули Польшу в ее пястовские границы. Следствием этого возвращения, по мнению О.Б. Неменского, является некоторый надлом современного польского менталитета: границы соответствуют не той Польше, по какой он скорбит. Польша теперь телом в Центральной Европе, но душой по-прежнему в Восточной, что определяет польскую восточную политику. В Польше традиционно почти вся политика, и даже не только внешняя, так или иначе, сводится к восточной[1].

Современная польская идентичность сконструирована на основе российского антиобраза. Россия по-прежнему воспринимается как «страна зла», антипод поляков. Те же «русские ценности», как их формулирует польская культура, являются всего лишь перевертышами того, что осознается как «польские ценности», а «российская действительность» традиционно описывается по модели, вбирающей все самое худшее, что только может вообразить поляк. Но главное: это не русская страна, а «российская», и живут в ней некие «этнические россияне».

Для поляков русских нет, есть россияне, украинцы и белорусы. Русской земли нет, есть российская и польская, где живут украинцы и белорусы. И т. д. Так, в польском языке даже невозможно выразить существование русского народа.

[1] *Неменский О.Б.* Поляки и русские: народы разных времен и разных пространств. URL: http://www.imperiya.by/theory3-7144.html.

Например, как перевести на польский язык фразу «80% россиян составляют русские»? Дословный перевод не получится. Для поляков русских просто не существует.

Поляки не желают признавать существование народа, для которого вся Русь — своя земля и свое священное пространство. Они ничего не знают и знать не хотят о русских, они готовы иметь дело только с россиянами, то есть с «воображенным» в польской культуре народом, который по своей идентичности имеет отношение только к землям на восток от границ I Речи Посполитой.

Россия была и надолго останется для поляков коварным врагом, а аффективная русофобия — одной из главнейших черт польского менталитета и польской политики. С распадом Варшавского блока и вхождением Польши в ЕС и НАТО эта польская ментальная установка стала еще аффективнее. За все минувшие с тех пор годы русофобия в Польше росла, как на дрожжах, а особенно в последнее время[1].

По официальной информации, подготовленной НКВД СССР 6 августа 1940 г., количество выселенных из западных областей УССР и БССР составляло 292 513 человек. Это в 3—4 раза меньше оценок польских историков. В соответствие с Указом Президиума Верховного Совета СССР о предоставлении амнистии польским гражданам, содержащимся в заключении на территории СССР, численность арестованных, осужденных к заключению в лагерях, высланных, военнопленных и интернированных польских граждан составляла 391 575 человек[2]. В соответствие с Указом всего было освобождено 389 041 человек, из них польской национальности — 200 828[3].

---

[1] *Неменский О.Б.* Восточная политика Польши. URL: http://www.edrus.org/content/view/3254/56/.

[2] Депортация польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 году. — Варшава — Москва, 2003. URL: http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2004&n=10&id=7.

[3] Там же.

В «Справке о количестве расселенных спецпереселенцев-осадников, беженцев и семей репрессированных (высланных из западных областей УССР и БССР) по состоянию на 1 августа 1941 г.» численность спецпереселенцев оценивалась так:

Бывших военнопленных	26 160
Осадников и лесников	132 463
Осужденных и следственных	46 597
Беженцев и семей репрессированных	176 000
Итого	381 220

ВЫВОДЫ

Вся польская история с конца XVIII столетия — это тоска по утраченной государственности и по утраченному вместе с нею национальному единству, это история борьбы за восстановление Польши.

Лозунг «Воссоздание Польши в границах 1772 г.» — важнейший для всей шляхетской мысли с XVIII и по XX в. Для поляков осадничество было не оккупацией западнорусских земель, а восстановлением своих «исторических границ». В 1939 г., по их убеждению, СССР совершил не национально-освободительную операцию, а агрессию против Польши.

Современная польская политика в отношении бывших кресов своей главной целью имеет тотальное противодействие интеграционным тенденциям с Россией, ибо Украина и Белоруссия — это по-прежнему кресы — окраины польской культуры, которые должны если не находиться в Польше и ЕС, то хотя бы быть тесно с ними связанными[1].

Осадничество изначально по своей сути было инфантильной политической идеей и политической практикой аффективно-эгоистического «хочу» вместо реалистичного и ответственного «могу». Именно по этой причине оно закончилось крахом.

[1] *Неменский О.Б.* Поляки и русские: народы разных времен и разных пространств. URL: http://www.imperiya.by/theory3-7144.html.

Глава 12
Польская дипломатия накануне Второй мировой войны

Уильям Ширер[1] называл Польшу конца 30-х годов «восточной страной, управляемой горсткой незрелых в политическом отношении полковников»[2].

12.1. Деятельность министра иностранных дел Польши Ю. Бека

К таким полковникам относился и министр иностранных дел Юзеф Бек. В январе 1933 г. Бек в статусе специального представителя польского диктатора маршала Ю. Пилсудского привез в Париж предложение о превентивной войне Англии, Франции и Польши против интенсивно вооружающейся Германии. Французский МИД счел польское предложение провокацией и, вероятно, в назидание «слил» в прессу любопытный эпизод из жизни полковника[3]. Оказалось, что в 1921—1923 гг., когда Бек служил военным атташе Польши в Париже, французская контрразведка получила информацию о неблагонадежности этого тогда еще молодого человека. Была организована такая провокация: сначала один агент, представляясь итальянским шпионом, предложил польскому атташе солидное вознаграждение за французские секретные документы. Затем Беку дали возможность такие документы увидеть. В конце концов Бек передал эти самые «секретные документы» мнимому итальянскому шпиону, а на самом деле — сотруднику французской контрразведки.

---

[1] Уильям Лоуренс Ширер (1904—1993) — американский журналист и историк.

[2] *Зайцев В.* Возвращенная Победа или «Антиледокол». URL: http://lib.rus.ec/b/147135; URL: http://militera.lib.ru/research/zaitsev/01.html.

[3] Там же.

Как пишет Ж. Табуи, «французское правительство... ограничилось лишь тем, что попросило председателя Совета министров Польши — в то время им был генерал Сикорский — отозвать своего военного атташе, но оно не сообщило о действительной причине отзыва, давая, таким образом, повод предполагать, что речь идет об увлечениях женщинами, азартными играми и спиртными напитками, ибо полковник Бек отдавал дань своей природе»[1].

Теперь этот человек руководил внешней политикой Польши. Под руководством Бека польская дипломатия успела многое сделать. Уже летом 1933 г., вскоре после того, как французы проигнорировали предложение Пилсудского начать «превентивную» войну против Германии, Варшава заключила пакт о ненападении с Берлином, фактически выйдя из созданной Францией системы антигерманских союзов.

В 1934 г. Польша и лично министр Бек блокировали переговоры по созданию Восточного пакта — системы коллективной безопасности с участием СССР. Но «звездный час» дипломатии полковника Бека настал в 1938 г.

В период мюнхенского кризиса польское руководство сыграло следующую неприглядную роль. «Польша... с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении чехословацкого государства»[2]. Этот образ «гиены» для характеристики действий польского руководства, помимо У. Черчилля, использовали также У. Ширер и Б.Л. Гарт.

Таким образом, «Польша вела себя как гиена среди львов, пытаясь урвать свой кусок добычи. А кончилось все тем, что ее оба льва и порвали»[3].

В 1935 г. польская сторона вновь заявила о своих претензиях на чехословацкие земли. На территорию Чехословакии начали забрасываться отряды, которые проводили

---

[1] *Табуи Ж.* 20 лет дипломатической борьбы. — М.: Грифон, 2005. — С. 176—177.

[2] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 1. — М.: Воениздат, 1991. — С. 311—312.

[3] URL: http://news.km.ru/v_1939-m_polsha_gotovilas_k_razd.

диверсии, взрывали железнодорожные пути, убивали полицейских. Диверсии проводились даже на территории тогда еще чехословацкой Западной Украины, которая никогда не была польской территорией.

В начале 1938 г. в Тешинской области возникает «Союз поляков», организованный по образцу фашистской Судетонемецкой партии К. Гейнлейна. Более того, из Варшавы поступает приказ координировать с К. Гейнлейном все свои действия. 21 сентября польское правительство выдвигает территориальные требования, которые Гитлер включает в свой Гостденбергский меморандум. И 2 ноября 1938 г. польская армия вступает в Тешинскую область.

«Мы 600 лет этого ждали», — было написано на транспарантах, которые несли польские жолнежи. Польская армия вторглась не только в Чехию. Она захватила четыре горные деревни в Словакии — Гладовку, Лесницу, Сухую Гору и Татранскую Яворину.

Поляки жестко обошлись с чехами в 1938 г. Так, чешский генерал Вехирек вспоминал: «Поляки немилосердно преследовали чехов, терроризировали увольнениями, выбрасывали из домов, конфисковывали имущество. Все, что было чешское, уничтожалось. Чешский язык и даже приветствия были запрещены. Приветствие “наздар” штрафовалось четырьмя злотыми, и чехи начали приветствовать друг друга словами “Четыре злотых!”. Чешские названия уничтожались даже с могил. Братская могила солдат была раскопана и останки выброшены на помойку. Чехов избивали на улицах. В итоге с Тешинской области бежало 30 тысяч чехов и 5 тысяч немцев — поляки не церемонились даже со своими союзниками»[1].

Между тем Ю. Бек считал себя выдающимся политиком и дипломатом, а Польшу — ведущей мировой державой. Еще накануне Мюнхена, инструктируя своего посла в Берлине для предстоящей беседы с Гитлером, он отправил ему директиву, в которой, в частности, отмечал: «1. Правительство Польской Республики констатирует, что оно, благодаря занимаемой им

[1] URL: http://hrono.ru/libris/lib_sh/shwed49.html.

позиции, парализовало возможность интервенции Советов в чешском вопросе в самом широком значении... 2. Польша считает вмешательство Советов в европейские дела недопустимым... 3. Чехословацкую Республику мы считаем образованием искусственным, удовлетворяющим некоторым доктринам и комбинациям, но не отвечающим действительным потребностям и здравым правам народов Центральной Европы… 4. В течение прошлого года польское правительство четыре раза отвергало предложение присоединиться к международному вмешательству в защиту Чехословакии. 5. Непосредственные претензии Польши по данному вопросу ограничиваются районом Тешинской Силезии». К этой «директиве» Бек сделал значимое, с точки зрения оценки личности министра, примечание: «Прошу помнить, что исключительная серьезность положения позволяет смело ставить проблемы, значительно энергичнее, чем при нормальных переговорах»[1].

Посол Польши в Германии Ю. Липский, также не сомневающийся в величии Польши, доносил Беку: «Из высказываний Геринга было видно, что он на 100% разделяет позицию польского правительства... Охарактеризовал наш шаг как “исключительно смелую акцию, проведенную в блестящем стиле”... Риббентроп сообщил мне, что канцлер (Гитлер) дал высокую оценку политике Польши»[2].

В свою очередь, И. Риббентроп свидетельствовал: «Я спросил Бека, не отказались ли они от честолюбивых устремлений маршала Пилсудского, то есть от претензий на Украину. На это он, улыбаясь, ответил мне, что они уже были в самом Киеве и что эти устремления, несомненно, все еще живы и сегодня»[3].

---

[1] Письмо министра иностранных дел Польши Ю. Бека послу Польши в Германии Ю. Липскому. 19 сентября 1938 г. // Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937—1939. Т. 1. — С.173—174. URL: http://www.hrono.ru/dokum/193_dok/19380919bek.html.

[2] Письмо посла Польши в Германии Ю. Липского министру иностранных дел Польши Ю. Беку. 1 октября 1938 г., «Год кризиса 1938—1939». URL: http://katynbooks.narod.ru/year/000.htm.

[3] МИД СССР. Год кризиса 1938—1939. Документы и материалы. В 2 т. — М.: Политиздат, 1990. URL: http://listaem.com/2008/03/26/god_krizisa_19381939_dokumenty_i_materialy_v_dvukh_tomakh.html.

Когда Риббентроп вскоре прибыл в Варшаву, Бек был еще более откровенен: «Г-н Бек не скрывал, что Польша претендует на советскую Украину и на выход к Черному морю»[1].

«Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке, поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле — кто будет принимать участие в разделе? Польша не должна остаться пассивной в этот замечательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться и физически, и духовно. Главная цель — ослабление и разгром России»[2].

Правда, к тому времени польские дипломаты уже были несколько обеспокоены домогательствами Гитлера относительно Данцига и «коридора», который должен был соединить Германию с Восточной Пруссией. Поэтому, высказав «претензию на советскую Украину», Бек «тут же указал на якобы существующие опасности, которые, по мнению польской стороны, повлечет за собою для Польши договор с Германией, направленный против Советского Союза». Аналогичную позицию поляки занимали за три месяца до этого, когда обсуждался вопрос о судьбе Закарпатской Украины[3].

В разговоре с советником посольства Германии в Польше Шелией вице-директор политического департамента польского МИД М. Кобыляньский, специально оговорив, что выскажется более открыто, чем это может себе позволить пан министр, заявил: «Вопрос о Карпатской Руси имеет для нас решающее значение. Вы видите, какое беспокойство вызывает этот вопрос в наших украинских областях. Мы подавляли и будем подавлять это беспокойство. Не делайте для нас невозможным проведение нашей политики. Если Карпатская

---

[1] Из записи беседы министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с министром иностранных дел Польши Ю. Беком. 6 января 1939 г., «Год кризиса 1938—1939». — С. 175—176. URL: //http://www.hrono.ru/dokum/193_dok/19380919bek.html.

[2] Z dziejow stosunkow polsko-radzieckich. Studia i materialy. T. III. — Warszawa, 1968. — S. 262, 287.

[3] *Зайцев В.* Возвращенная Победа или «Антиледокол». URL: http://lib.rus.ec/b/147135; URL: http://militera.lib.ru/research/zaitsev/01.html.

Русь отойдет к Венгрии, то Польша будет согласна впоследствии выступить на стороне Германии в походе на советскую Украину»[1]. Весьма показательный факт, что в обоих случаях той ценой, какую готовы были заплатить польские руководители за соглашение с немцами, было — вместе с нацистской Германией отправиться в поход на СССР.

В это время французский министр иностранных дел Ж. Бонне требовал от посла в Варшаве: «Необходимо, чтобы вы лично решительно поставили перед г-ном Беком вопрос о необходимости для польского правительства принять русскую помощь... Вы добавите, что мы не можем предполагать, что, отказываясь обсуждать стратегические условия ввода русских войск, Польша приняла бы на себя ответственность за возможный провал военных переговоров в Москве и за все вытекающие из этого последствия»[2]. Аналогично действовали и британские дипломаты. Однако Бек был категоричен: «У нас нет военного договора с СССР; мы не хотим его иметь... Мы не допустим, что в какой-либо форме можно обсуждать использование части нашей территории иностранными войсками»[3].

Между тем Сталин ждал ответа английской и французской миссий по вопросу о пропуске советских войск через Польшу. Получив однозначное «нет» Бека, англичане и французы решили скрыть польский ответ, но Сталин о нем узнал.

21 августа Риббентропа пригласили с официальным визитом в Москву. Черчилль отнесся к пакту Молотова—Риббентропа с большим огорчением, но вынужден был признать: «Если политика русских и была холодно-расчетливой, то она была также в тот момент в высокой степе-

---

[1] Запись беседы Риббентропа с Беком. 26 января 1939 г., «Год кризиса 1938—1939». — С. 195. URL: http://www.mysteriouscountry.ru/wiki/index.php/ Год_кризиса_1938-1939._Документы_и_материалы/120.

[2] Запись беседы Р. Шелии с М. Кобыляньским. 18 ноября 1938 г., «Год кризиса 1938—1939». — С. 105. URL: http://katynbooks.narod.ru/year/000.htm.

[3] Телеграмма Бонне послу Франции в Польше Л. Ноэлю. 16 августа 1939 г., «Год кризиса 1938—1939». — С. 255—265. URL: http://www.hrono.info/dokum/193_dok/19390816bonne.html.

ни реалистичной»[1]. В меморандуме для военного кабинета, написанном 25 сентября 1939 г., Черчилль поясняет свою мысль: «Требование маршала Ворошилова, в соответствии с которым русские армии, если бы они были союзниками Польши, должны были занять Вильнюс и Львов, было вполне целесообразным военным требованием... В результате Россия заняла как враг Польши те же самые позиции, которые она могла бы занять как весьма сомнительный и подозреваемый друг... Россия проводит холодную политику собственных интересов. Мы бы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях как друзья и союзники Польши, а не как захватчики. Но для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии»[2]. С оценкой Черчилля через много лет солидаризируется и Г. Киссинджер: «Целью Сталина [секретный протокол], конечно, было создать дополнительный буфер для Ленинграда. И, похоже, он не видел нужды маскировать эти свои геостратегические маневры каким-либо оправданием, кроме потребностей безопасности Советского Союза...»[3].

Приведем несколько документов, свидетельствующих о «достижениях» польской дипломатии накануне Второй мировой войны.

Запись беседы рейхсканцлера Германии А. Гитлера с министром иностранных дел Польши Ю. Беком. Беседа состоялась в Берхтесгадене 5 января 1939 г., за восемь месяцев до войны:

«В начале беседы полковник Бек подчеркнул тот факт, что германо-польские отношения целиком и полностью

---

[1] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 1. — М.: Воениздат, 1991. — С. 189.

[2] Там же. С. 217—218.

[3] *Киссинджер Г.* Дипломатия. — С. 303. URL: http://historybook.at.ua/news/2009-08-11-57.

выдержали испытания сентябрьского кризиса. Если, может быть, в последние месяцы наметился некоторый спад в сравнении с высоким уровнем сентябрьских дней, то, по мнению польского правительства, обе стороны должны приложить усилия к тому, чтобы устранить причины некоторых трудностей, возникших в последнее время. В качестве одной из этих трудностей Бек упомянул вопрос о Данциге и подчеркнул при этом, что этот вопрос касается не только немецкого и польского правительств, но и третьих сторон, в том числе и Лиги Наций. Что, например, произошло бы, сказал Бек, если бы однажды Лига Наций отмежевалась от вопроса о Данциге? Помимо этого имеются также и некоторые другие вопросы, в которых необходимо устранить имеющиеся недоразумения, в том числе гарантия чехословацких границ, а именно — будет ли она предоставлена немедленно или, если вообще она будет иметь место, в какой момент намерены ее предоставить?

Фюрер ответил, что в целях устранения всех имеющихся трудностей необходимо обратиться вначале к главной тенденции в германо-польских отношениях. С немецкой стороны он может подчеркнуть, что в позиции Германии в отношении Польши, зафиксированной в декларации о ненападении от 1934 г., не произошло ни малейших изменений. При всех обстоятельствах Германия будет заинтересована в сохранении сильной национальной Польши, совершенно независимо от положения дел в России…

Фюрер отошел от мысли о чисто политическом решении чехословацкого вопроса, которое было бы равносильно ликвидации Чехословакии, и, поскольку Венгрия не оказала ему никакой сколько-нибудь активной поддержки, он смог выступить перед мировой общественностью лишь с идеей этнографического решения вопроса в противовес политическому решению, которое должно было бы осуществиться только в контакте между Польшей, Венгрией и Германией как единственно заинтересованными странами и заключалось бы в ликвидации Чехословакии. На будущее также

ясно, что подобные политические решения никогда не могут осуществляться односторонне, а только таким путем, когда в этом решении будут принимать участие все заинтересованные в Чехословакии страны.

Что касается самих германо-польских отношений, то он, фюрер, хотел бы еще раз повторить, что в позиции Германии по отношению к Польше с 1934 г. ничего не изменилось. Чтобы окончательно урегулировать все еще не решенные вопросы в отношениях между обеими странами, сказал фюрер, не следует ограничиваться соглашением 1934 г., которое носит скорее негативный характер, а надо попытаться договорным путем окончательно разрешить отдельные проблемы. Кроме вопроса о Мемеле, который будет решен в германском плане (литовцы, кажется, намерены содействовать разумному решению проблемы), немецкая сторона считает необходимым урегулировать непосредственно в германо-польских отношениях проблему Данцига и коридора, которая представляет чрезвычайную сложность для Германии с эмоциональной точки зрения. По его мнению, здесь необходимо отказаться от старых шаблонов и искать решения на совершенно новых путях. Так, например, в вопросе о Данциге можно подумать о том, чтобы в политическом отношении воссоединить этот город — в соответствии с волей его населения — с германской территорией, при этом, разумеется, польские интересы, особенно в экономической области, должны быть полностью обеспечены. Это также в интересах Данцига, поскольку Данциг в экономическом отношении не может существовать без Польши; поэтому он, фюрер, думает о формуле, в соответствии с которой Данциг в политическом отношении станет германским, а в экономическом — останется у Польши.

Данциг остается и всегда будет немецким; рано или поздно этот город отойдет к Германии. Однако он может заверить, что в вопросе о Данциге польская сторона не будет поставлена перед свершившимся фактом.

Относительно коридора, который, как было сказано, является для Германии сложной психологической проблемой,

фюрер указал на то, что, несомненно, было бы полнейшей бессмыслицей думать о том, чтобы отобрать у Польши выход к морю. Если бы Польша оказалась в таком мешке, то такое положение, учитывая возникающую в связи с этим напряженность, можно сравнить с заряженным револьвером, спуск у которого может сработать в любую минуту. Следует признать, что связь с морем для Польши абсолютно необходима. Но в той же мере для Германии необходима связь с Восточной Пруссией, и в этом вопросе, используя совершенно новые методы урегулирования, можно, видимо, найти решение, отвечающее интересам обеих сторон.

Дальнейшим вопросом, в котором у Германии и Польши есть совместные интересы, является еврейская проблема. Он, фюрер, преисполнен твердой решимости выбросить евреев из Германии. Сейчас им еще будет позволено захватить с собою часть своего имущества; при этом они наверняка увезут с собою из Германии больше, чем они имели, когда поселились в этой стране. Но чем больше они будут тянуть с эмиграцией, тем меньше имущества они смогут взять с собой…

Если бы со стороны западных держав к требованиям Германии в колониальном вопросе было проявлено больше понимания, то тогда он, фюрер, возможно, предоставил бы для решения еврейского вопроса какую-либо территорию в Африке, которую можно было бы использовать для поселения не только немецких, но и польских евреев. К сожалению, однако, западные державы не проявили этого понимания, и все же Германия вынуждена настаивать на своих требованиях в колониальном вопросе, поскольку она непременно нуждается в колониях для того, чтобы прокормить свое население. Рано или поздно она получит обратно свои колониальные владения…

Польский министр иностранных дел Бек поблагодарил фюрера за подробное изложение немецкой точки зрения и заявил, что Польша также прочно придерживается своей прежней позиции в отношении Германии. Во время сентябрьского кризиса Польша выдержала исключительно сильное напря-

жение в своих отношениях с советской Россией. Положение было гораздо серьезнее, чем это казалось со стороны. Русские сосредоточили на русско-польской границе несколько армейских корпусов, часть которых разместилась непосредственно у линии границы; с польской стороны также были проведены в широком объеме соответствующие контрмеры, которые затем дали возможность быстро провести акции в отношении Чехословакии…

В связи с Украиной он, Бек, напоминает о словах Пилсудского о «балканизации Центральной Европы». В лице агитаторов, которые подвизаются ныне на карпато-украинской территории, Польша узнает своих старых врагов и опасается, что Карпатская Украина, возможно, однажды превратится для Польши в очаг таких беспокойств, которые вынудят польское правительство к вмешательству, в результате чего могли бы возникнуть новые осложнения. Это было главнейшей причиной стремления Польши к установлению общей границы с Венгрией. Польша также старалась побудить Венгрию к энергичным действиям в том направлении, которое было определено самим фюрером. Из своей поездки в Румынию он (полковник Бек) привез венграм заверение в том, что румыны не нападут, а польский президент заявил в кругу иностранных дипломатов, что в серьезном случае Польша окажет помощь Венгрии. Однако, несмотря на это заявление, венгры, к сожалению, не проявили никакой инициативы. Он хотел бы отметить, между прочим, что население так называемой Карпатской Украины — русины — не имеет ничего общего с населением собственно Украины. «Украина» — это польское слово и означает «восточные пограничные земли». Этим словом поляки вот уже на протяжении десятилетий обозначали земли, расположенные к востоку от их территории, вдоль Днепра.

Что касается германо-польских отношений, то он, Бек, принимает к сведению пожелания, высказанные фюрером. Однако данцигский вопрос представляется ему чрезвычайно сложным. В этой связи необходимо особо учитывать обще-

ственное мнение в Польше. При этом он совершенно не берет в расчет мнение «оппозиции в кофейнях». На протяжении своей семилетней службы он ни в малейшей степени не считался с мнением кофеен и свой пост сохраняет и по сей день. Однако он должен считаться с подлинным мнением народа и усматривает в этом отношении величайшие трудности для решения вопроса о Данциге. Однако он хотел бы еще раз спокойно продумать эту проблему.

Полковник Бек не коснулся остальных вопросов германо-польских отношений, которые были подняты фюрером, а закончил изложение своих доводов повторным заверением в том, что Польша в своей общей позиции по-прежнему будет верна той линии, которой она придерживается с 1934 г.

Настоящее в соответствии с указанием представлено господину имперскому министру иностранных дел».

Д-р Шмидт, посланник (переводчик Гитлера, записавший беседу)[1].

Из записи беседы министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с министром иностранных дел Польши Ю. Беком 6 января 1939 г.:

«В беседе, длившейся около полутора часов, с господином Беком последний сразу снова завел речь о проблеме Данцига. Польша также стремится, сказал он, к тому, чтобы жить с Германией в добрососедских отношениях и углублять их. Единственной проблемой, которая при этом может в ближайшее время создавать помехи, является данцигский вопрос. Применяемая данцигской стороной тактика малых “свершившихся фактов” (Faits accomplis) начинает уже сегодня затрагивать там польские права. Он действительно видит в этом известную опасность. Он не хотел говорить вчера об этом фюреру так прямо, но и не хотел бы скрывать в откровенной и доверительной беседе со мной, что он смотрит на

[1] Цит. по сб.: СССР в борьбе за мир. — С. 146—153. Опубл. в Изд-во: Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie D. Bd. V. —S. 127—132. URL: http://katyn.poland1939.ru/year/100.htm.

положение с известным беспокойством. Могут возникнуть две возможности, которые заставили бы нас занять позицию по данной проблеме:

1) что Лига Наций, возможно, заявила бы о своей незаинтересованности в данцигском вопросе и ликвидировала бы (свой) комиссариат, и тогда Германия и Польша сами должны были решить вопрос;

2) что из-за упоминавшейся выше тактики свершившихся фактов поляки были бы вынуждены занять (определенную) позицию.

Проблема действительно является очень трудной, и он уже ломал себе голову над тем, как можно найти ее решение, но пока безрезультатно.

Бек затронул далее вопрос о Великой Украине и сказал, что заверение фюрера, что мы в нем не заинтересованы, весьма его успокоило, как и вообще он с искренней радостью принял к сведению ясную и постоянную линию фюрера относительно дружественного взаимопонимания с Польшей.

В заключение Бек еще раз указал на то, что Данциг в представлении всего польского народа служит пробным камнем германо-польских отношений и что было бы очень трудно изменить это представление. Еще раньше маршал Пилсудский также высказывал это однажды одному немецкому посетителю.

В ответ на это я разъяснил господину Беку следующее:

1. Как фюрер уже сказал, превыше всего для германской стороны ее безусловное стремление к окончательной, широкой и продиктованной великодушием консолидации взаимных отношений.

2. В связи с этим имеют значение три проблемы:

а) Непосредственно германо-польские отношения. Здесь мне представляется следующее решение:

Возвращение Данцига Германии с обеспечением всех экономических интересов Польши в этом районе, причем с наибольшей щедростью. Связь Германии с ее провинцией — Восточной Пруссией — через экстерриториальную авто-

страду и железную дорогу. За это в качестве компенсации со стороны Германии — гарантия коридора и всей польской собственности, то есть окончательное и прочное признание взаимных границ.

б) Вопрос о чешской Закарпатской Украине.

Здесь я повторил, что в Мюнхене были установлены этнографические границы. Если в этой связи какой-либо стороной будет поднят принципиальный вопрос о политических границах, то Германия, конечно, не сможет остаться безучастной. Хотя германские политические интересы сами по себе и не простираются за Карпаты, Германия не может сказать, что она равнодушно отнесется к смещению границ за пределами Карпат в районе Чехословакии и Закарпатской Украины, так как она в результате таких событий легко может быть втянута в конфликт. Где бы сегодня в Европе ни раздался пушечный залп, Германия в принципе не может оставаться безучастной.

Решение венского третейского суда должно выполняться, и наша основная точка зрения сводится к тому, что в случае возникновения здесь каких-либо иных желаний их необходимо согласовать с германскими интересами.

в) Политика Польши и Германии, которую следует проводить в отношении России, и в этой связи также вопрос о Великой Украине.

Я заверил Бека в том, что мы заинтересованы в советской Украине лишь постольку, поскольку мы всюду, где только можем, чинили русским ущерб, так же, как и они нам, поэтому, естественно, мы поддерживаем постоянные контакты с русской Украиной. Никогда мы не имели никаких дел с польскими украинцами, напротив, это строжайше избегалось. Фюрер ведь уже изложил нашу отрицательную позицию в отношении Великой Украины. Все зло, как мне кажется, в том, что антирусская агитация на Украине всегда оказывает, разумеется, некоторое обратное воздействие на польские нацменьшинства и украинцев в Карпатской Руси. Но это, по моему мнению, можно изменить только при

условии, если Польша и мы будем во всех отношениях сотрудничать в украинском вопросе. Сказал Беку, что, как мне кажется, при общем широком урегулировании всех проблем между Польшей и нами можно было бы вполне договориться, чтобы рассматривать украинский вопрос как привилегию Польши и всячески поддерживать ее при рассмотрении этого вопроса. Это опять-таки имеет предпосылкой все более явную антирусскую позицию Польши, иначе вряд ли могут быть общие интересы».

Определенные сложности в отношениях СССР и Германии наметились в конце 1938 — начале 1939 г. в связи с кампанией по поводу возможности создания так называемой Великой Украины. Эта кампания была связана с тем, что одним из последствий Мюнхенского соглашения и расчленения Чехословакии стало создание марионеточной «Независимой Карпатской Украинской республики» с «автономным правительством». Вслед за этим на Западе стали распространяться сообщения о предстоящем «воссоединении» Германией Закарпатской Украины с советской Украиной путем поглощения последней и включения ее в состав «Великой Украины». Эта тема активно обсуждалась на Западе, поскольку было хорошо известно, что на протяжении длительного времени влиятельная группа национал-социалистов, возглавляемая А. Розенбергом, выступала за захват советской Украины и включение ее в Германскую империю.

«Я (Риббентроп) спросил Бека, не отказались ли они от честолюбивых устремлений маршала Пилсудского в этом направлении, то есть от претензий на Украину. На это он, улыбаясь, ответил мне, что они уже были в самом Киеве и что эти устремления, несомненно, все еще живы и сегодня.

В заключение беседы я выразил господину Беку протест против обращения с нашими немецкими нацменьшинствами, прежде всего в районе Ольсы, и в этой связи категорически сослался на непрекращающиеся антинемецкие

козни Гражинского. Господин Бек сказал мне, что он уделял уже серьезное внимание этому вопросу и со своей стороны предпринимает все, чтобы направить ход событий в более спокойное русло.

Затем я поблагодарил господина Бека за его приглашение посетить Варшаву. Дату еще не установили. Договорились, что господин Бек и я еще раз тщательно продумаем весь комплекс возможного договора между Польшей и нами. В ближайшие недели переговоры будут продолжены через Липского и Мольтке, и в любом случае визит должен состояться еще этой зимой»[1].

Запись беседы министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с министром иностранных дел Польши Ю. Беком. Варшава, 26 января 1939 г.

«1. Во время беседы с г. Беком я, в развитие переговоров, которые мы вели с ним 6 января в Мюнхене, снова вернулся к известному германскому предложению (возвращение Данцига рейху при условии обеспечения там экономических интересов Польши и создание экстерриториальной автомобильной и железнодорожной линии связи между рейхом и его провинцией Восточная Пруссия; за это в качестве компенсации с немецкой стороны — гарантия германо-польской границы). Я снова отметил, что фюрер желает добиться общего урегулирования германо-польских отношений путем заключения соответствующего договорного акта. Господин Бек, сказал я, должен понять, что пожелания немецкой стороны чрезвычайно умеренны, поскольку отторжение ценнейших частей германской территории и передача их Польше, осуществленные по Версальскому договору, и по сей день воспринимаются каждым немцем как огромная несправедливость, которая была возможна лишь во времена крайнего бессилия Германии. Если опросить 100 англичан или французов, то 99 из них без всякого сомнения согласи-

[1] Документы и материалы по истории советско-польских отношений. — М., 1973. — Т. 7. С. 20—22.

лись бы с тем, что возвращение Данцига, а также, как минимум, коридора является само собой разумеющимся требованием немецкой стороны.

На господина Бека мои доводы, кажется, произвели впечатление, однако он снова сослался на то, что следует ожидать самого сильного политического сопротивления внутри страны, вследствие чего он не может оптимистически расценивать это дело; все же, сказал Бек, в дальнейшем он намерен серьезно обдумать наше предложение.

Я условился с г. Беком, что, если Лига Наций прекратит выполнение своих функций в отношении Данцига прежде, чем между Германией и Польшей будет заключен договор, включающий и Данциг, мы установим с ним контакт, чтобы найти решение, позволяющее выйти из этой ситуации.

2. Затем я еще раз говорил с г. Беком о политике Польши и Германии по отношению к Советскому Союзу и в этой связи также по вопросу о Великой Украине; я снова предложил сотрудничество между Польшей и Германией в этой области.

Г-н Бек не скрывал, что Польша претендует на советскую Украину и на выход к Черному морю; он тут же указал на якобы существующие опасности, которые, по мнению польской стороны, повлечет за собою для Польши договор с Германией, направленный против Советского Союза. Впрочем, он, говоря о будущем Советского Союза, высказал мнение, что Советский Союз либо развалится вследствие внутреннего распада, либо, чтобы избежать этой участи, заранее соберет в кулак все свои силы и нанесет удар.

Я указал г. Беку на пассивный характер его позиции и заявил, что было бы целесообразней предупредить развитие, которое он предсказывает, и выступить против Советского Союза в пропагандистском плане. По моему мнению, сказал я, присоединение Польши к антикоминтерновским державам ничем бы ей не грозило, напротив, безопасность Польши только выиграла бы от того, что Польша оказалась бы с нами в одной лодке.

Г-н Бек сказал, что и этот вопрос он серьезно продумает.

Я поручил послу фон Мольтке развивать в беседах с г. Беком вопросы, указанные в пунктах 1 и 2.

3. В беседе с Беком я снова выразил протест по поводу обращения с нашим немецким меньшинством, и мы условились о том, что переговоры между высшими чиновниками министерств внутренних дел обеих стран, которые уже давно планировались, будут начаты незамедлительно»[1].

Миф о величии Польши, в который искренне верили первые лица II Речи Посполитой, оказался, увы, всего лишь мифом. Рейхсканцлер Германии определил Польше совсем другое место в планировавшемся тогда нацистском миропорядке.

Вот важнейший документ, раскрывающий замыслы гитлеровцев.

Записка о речи рейхсканцлера Германии А. Гитлера на совещании представителей военных, экономических и партийных кругов Германии 8 марта 1939 г., через два месяца после переговоров «выдающегося» дипломата Ю. Бека с немецкими партнерами:

«В среду, 8 марта, у фюрера состоялось совещание, на котором присутствовали ответственные представители военных, экономических и партийных кругов. Кроме вышеупомянутых лиц присутствовал гаулейтер Бюркель, представляющий “Австрию”.

Сначала обсуждались экономические вопросы и вопросы рабочей силы. Затем выступил фюрер. Вначале он сказал, что четырехлетний план является последним прибежищем. Насущная проблема для немецкого народа — обеспечить себя источниками сырья, необходимого для его благосостояния. Кроме того, для того чтобы немецкий народ мог пользоваться этим благосостоянием, должны быть полностью истреблены его враги: евреи, демократии и “международные державы”.

[1] Запись беседы министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с министром иностранных дел Ю. Беком, Варшава. 26 января 1939 г. URL: http://www.hrono.ru/dokum/193_dok/19390106ribb.html.

До тех пор, пока эти враги располагают хотя бы малейшими остатками власти в каких-либо частях мира, они будут представлять угрозу мирному существованию немецкого народа.

В этой связи положение в Праге становится нетерпимым. Кроме того, Прага нужна как средство доступа к сырью. В соответствии с этим отданы приказы о том, чтобы через несколько дней, не позднее 15 марта, Чехословакия была оккупирована войсками.

Затем последует Польша. Нам не придется ожидать тут сильного сопротивления. Господство Германии над Польшей необходимо для того, чтобы снабжать Германию сельскохозяйственными продуктами и углем Польши.

Что касается Венгрии и Румынии, то они, безусловно, относятся к жизненно необходимому пространству Германии. Падение Польши и оказание соответствующего давления, несомненно, сделают их сговорчивыми. Тогда мы будем полностью контролировать их обширные сельскохозяйственные ресурсы и нефтяные источники. То же самое можно сказать о Югославии.

Это план, который будет осуществлен до 1940 г. И тогда Германия станет непобедима.

В 1940 и 1941 гг. Германия раз и навсегда сведет счеты со своим извечным врагом — Францией. Эта страна будет стерта с карты Европы. Англия — старая и хилая страна, ослабленная демократией. Когда Франция будет побеждена, Германия с легкостью установит господство над Англией и получит тогда в свое распоряжение богатства и владения Англии во всем мире.

Таким образом, впервые объединив континент Европы в соответствии с новой концепцией, Германия предпримет величайшую за всю историю операцию: используя британские и французские владения в Америке в качестве базы, мы сведем счеты с «еврейскими королями доллара» в Соединенных Штатах. Мы уничтожим эту еврейскую демократию, и еврейская кровь смешается с долларами. Еще сегодня американцы могут оскорблять наш народ, но настанет день, когда они,

хотя и слишком поздно, горько раскаются в каждом слове, произнесенном против нас.

Среди присутствовавших некоторые отнеслись к этому восторженно, тогда как другие, по-видимому, проявили значительно меньше энтузиазма»[1].

А Польша, еще не подозревающая об истинных намерениях Германии, продолжала играть по ее сценарию.

Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Польши в СССР В. Гжибовским (с сокращениями) 16 марта 1939 г.:

«Гжибовский пришел по поручению Бека установить контакт в связи с последними международными событиями (аннексия Чехии. — *Авт.*), изложить позицию Польши и выяснить нашу. Гжибовский при этом сделал существенную оговорку, что полученная им инструкция была послана ему из Варшавы в ночь на 15-е, когда еще не было известно о превращении Чехии и Моравии в германские провинции, а посему она базировалась на тогдашней осведомленности Варшавы, а именно на отделении Словакии при существовании чешского правительства. Возможно, что в свете новых событий польская позиция подлежит дальнейшей эволюции. Независимость Словакии, даже под протекторатом Берлина, не вызывает возражений со стороны Польши, которая заняла позицию благожелательного нейтралитета. Польшу, конечно, интересует карпатский участок, ибо она сохраняет свое стремление к присоединению этого участка к Венгрии и к установлению польско-венгерской границы. Это единственный пункт, в котором Польша может проявлять активность…

Я сказал послу, что публичное выступление Бека, а также поведение польской печати заставляют думать, что Польша не только заняла благожелательный нейтралитет

[1] Записка о речи рейхсканцлера Германии А. Гитлера на совещании представителей военных, экономических и партийных кругов Германии 8 марта 1939. URL: http://katynbooks.narod.ru/year/God_krizisa_1t_2t.htm#175doc.

в отношении провозглашения независимости Словакии, но даже приветствовала это событие как желательное и приятное Польше. Не может ли посол объяснить мне, что дает эта независимость Словакии Польше? Беку, вероятно, должно быть ясно, что никакой независимости Словакия иметь не будет и что хозяйничать там будут исключительно немцы. Гжибовский начал путано объяснять, что еще раньше, до сентябрьских событий, было очень сильно влияние Германии в Словакии и что она поддерживала тесный контакт с партией Глинки, что это влияние в последнее время еще более усилилось, но Польша предпочитает влияние открытое завуалированному.

Я выразил свое недоумение по поводу таких объяснений, указав, что если Германия, желая расчленения Чехословакии, установила контакт со словацкими сепаратистами, то это не означает еще влияния на Словакию или на словацкий народ, что, каково бы ни было это влияние, оно не может идти в сравнение с установленным теперь непосредственным управлением Германией всей внутренней и внешней жизнью Чехословакии, а потому мне все же непонятно, почему Польшу радует это событие. Гжибовский должен был согласиться со мною, признав, что, собственно говоря, Польша должна считаться с совершившимся фактом и, желая сохранить симпатии словаков, она не может выступать против их независимости. “Значит, Польша делает хорошую мину при плохой игре?” — спросил я. Гжибовский ответил, что если это и так, то ведь официально об этом нельзя говорить. На мой вопрос, не проистекает ли радость Польши из того, что отделение Словакии облегчает переход Карпатской Украины к Венгрии, Гжибовский ответил, что, как Польша ни хочет общей границы с Венгрией, она не согласилась бы заплатить за это такою ценою, как отдача Словакии в руки Германии.

На мой вопрос, как, по мнению посла, Польша отнесется к последующим событиям поглощения Германией Чехии и Моравии, Гжибовский ответил, что ему это неизвестно, но он полагает, что Варшаве ясны последствия усиления Германии

весьма ценным чешским оружием, а также золотом, хотя, с другой стороны, Германия будет ослаблена нарушением однородности ее населения. На мои дальнейшие вопросы Гжибовский решительно отрицал возможность какой-либо предварительной сделки между Польшей и Германией в связи с чешскими событиями. В доказательство он сослался на выступление Бека, который в случае сделки, по крайней мере, умолчал бы об отношениях с Чехословакией.

Я заявил Гжибовскому, что мы твердо стоим на позиции самоопределения народов, но что с этим принципом ничего общего не имеет провозглашение независимости Словакии при известных нам обстоятельствах…

Подпись: Литвинов»[1].

Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М.М. Литвинова с послом Польши в СССР В. Гжибовским 17 и 18 марта 1939 г.:

«Я вызвал поздно вечером Гжибовского и сообщил ему, что в порядке поддержания контакта, о котором он говорил со мною накануне, я ему сообщаю о нашем намерении ответить на германские ноты непризнанием легальности аннексии Чехии и что мы хотели бы знать, какую позицию в этом вопросе займет Польша.

Гжибовский обещал снестись с Варшавой. Он выражал некоторое беспокойство в связи с неопределенным положением Словакии. Словакия как будто остается независимой под протекторатом Германии, сохраняя свою армию, командование которой, однако, подчиняется рейхсверу. Вводится там германская валюта.

На следующий день Гжибовский сообщил мне ответ Бека. Польша ограничится подтверждением получения германских нот, не касаясь существа их. Польша, конечно, не одобряет германских методов, но согласно своим традициям

[1] Сб.: СССР в борьбе за мир. С. 146—153. Опубл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie D. Bd. V. — S. 127—132. URL: http://katyn.poland1939.ru/year/100.htm.

она воздерживается от протестов, когда за ними не могут следовать какие-либо действия.

Подпись: Литвинов»[1].

Таким образом, Польша фактически поддержала аннексию Чехии Германией. В отличие от Польши СССР высказал свою принципиальную позицию по этой проблеме.

Нота народного комиссара иностранных дел СССР М.М. Литвинова послу Германии в СССР Ф. Шуленбургу 18 марта 1939 г.:

«Господин посол,

Имею честь подтвердить получение Вашей ноты от 16-го и ноты от 17-го сего месяца, извещающих Советское правительство о включении Чехии в состав Германской империи и об установлении над ней германского протектората.

Не считая возможным обойти молчанием означенные ноты и тем создать ложное впечатление о своем якобы безразличном отношении к чехословацким событиям, Советское правительство находит нужным в ответ на означенные ноты выразить свое действительное отношение к упомянутым событиям.

1. Приведенные во вступительной части германского указа в его обоснование и оправдание политико-исторические концепции, и в частности указания на чехословацкую государственность как на очаг постоянных беспокойств и угрозы европейскому миру, на нежизнеспособность Чехословацкого государства и на вытекавшую из этого необходимость особых забот для Германской империи, не могут быть признаны правильными и отвечающими известным всему миру фактам. На самом деле из всех европейских государств после Первой мировой войны Чехословацкая Республика была одним из немногих государств, где были действительно обеспечены внутреннее спокойствие и внешняя миролюбивая политика.

[1] АВП СССР. Ф. 0122. Оп. 23. П. 183. Д. 6. Л. 22. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир. С. 241. URL: http://katyn.poland1939.ru/year/God_krizisa_1t_2t.htm.

2. Советскому правительству неизвестны конституции какого-либо государства, которые давали бы право главе государства без согласия своего народа отменить его самостоятельное государственное существование. Трудно допустить, чтобы какой-либо народ добровольно соглашался на уничтожение своей самостоятельности и свое включение в состав другого государства, а тем более такой народ, который сотни лет боролся за свою независимость и уже двадцать лет сохранял свое самостоятельное существование. Чехословацкий президент Гаха, подписывая берлинский акт от 10-го сего месяца, не имел на это никаких полномочий от своего народа и действовал в явном противоречии с параграфами 64 и 65 чехословацкой конституции и с волей своего народа. Вследствие этого означенный акт не может считаться имеющим законную силу.

3. Принцип самоопределения народов, на который нередко ссылается германское правительство, предполагает свободное волеизъявление народа, которое не может быть заменено подписью одного или двух лиц, какие бы высокие должности они ни занимали. В данном случае никакого волеизъявления чешского народа не было, хотя бы в форме таких плебисцитов, какие имели место, например, при определении судьбы Верхней Силезии и Саарской области.

4. При отсутствии какого бы то ни было волеизъявления чешского народа оккупация Чехии германскими войсками и последующие действия германского правительства не могут не быть признаны произвольными, насильственными, агрессивными.

5. Вышеприведенные замечания относятся целиком и к изменению статута Словакии в духе подчинения последней Германской империи, не оправданному каким-либо волеизъявлением словацкого народа.

6. Действия германского правительства послужили сигналом к грубому вторжению венгерских войск в Карпатскую Русь и к нарушению элементарных прав ее населения.

7. Ввиду изложенного Советское правительство не может признать включение в состав Германской империи Чехии,

а в той или иной форме также и Словакии правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права и справедливости или принципу самоопределения народов.

8. По мнению Советского правительства, действия германского правительства не только не устраняют какой-либо опасности всеобщему миру, а, наоборот, создали и усилили такую опасность, нарушили политическую устойчивость в Средней Европе, увеличили элементы еще ранее созданного в Европе состояния тревоги и нанесли новый удар чувству безопасности народов.

Имею честь просить Вас, господин посол, довести вышеизложенное до сведения вашего правительства и принять уверение в моем совершенном к Вам уважении.

Подпись: Литвинов»[1].

12.2. Польша в роли «спускового крючка» Второй мировой войны

После оккупации Гитлером остатков Чехословакии в марте 1939 г. Польша получила от Британии заверения в беспрецедентных гарантиях безопасности. Вот что пишет по поводу этих гарантий британский историк Лиддел Гарт в своей фундаментальной работе «Вторая мировая война»:

«Неслыханные условия гарантий поставили Англию в такое положение, что ее судьба оказалась в руках польских правителей, которые имели весьма сомнительные и непостоянные суждения. Более того, выполнить свои гарантии Англия могла только с помощью России, но пока не было сделано даже предварительных шагов к тому, чтобы выяснить, может ли Россия предоставить, а Польша принять подобную помощь. Кабинету предложили одобрить гарантии, даже не ознакомив с докладом комитета начальников штабов, где доказывалась практическая невозможность эффективной помощи Польше. Правда, сомнительно, чтобы это изменило что-нибудь в преобладавших тогда настроениях.

[1] Известия. 1939. 20 марта.

При обсуждении в парламенте гарантии получили общую поддержку. Только Ллойд Джордж счел возможным предупредить парламент, что брать на себя такие чреватые последствиями обязательства, не заручившись поддержкой России, — это безрассудство, подобное самоубийству. Гарантии Польше были наиболее верным способом ускорить взрыв и начало мировой войны. Они сочетали в себе максимальное искушение с открытой провокацией и подстрекали Гитлера доказать бесплодность подобных гарантий по отношению к стране, находящейся вне досягаемости Запада. В то же время полученные гарантии сделали твердолобых польских руководителей еще менее склонными соглашаться на какие-либо уступки Гитлеру, а тот теперь оказался в положении, не позволявшем отступить без ущерба для своего престижа»[1].

Здесь необходимо отметить факт, что никакого пакта Молотова—Риббентропа еще и в помине нет, а на повестке дня уже стоят мировая война и гарантии Польше, которые, по мнению Лиддел Гарта, приблизили эту войну, причем, по его мнению, ответственность «твердолобых польских руководителей» за развязывание мировой войны ничуть не меньше, чем у Гитлера.

Почему же польские правители приняли столь фатальное предложение? Частично это произошло потому, что у них было до абсурда преувеличенное представление о своем могуществе. Другая причина обусловливалась чисто личным желанием Бека, который, по его же словам, решил принять предложение Англии, «не успев дважды стряхнуть пепел с сигареты». Далее Бек пояснил: при встрече с Гитлером в январе ему было весьма трудно «проглотить» замечание Гитлера о возвращении Данцига, и потому, когда ему передали предложение Англии, он ухватился за него как за возможность дать Гитлеру пощечину[2].

ВЫВОДЫ

Руководители Польши и ее дипломатического ведомства накануне Второй мировой войны вынашивали империа-

[1] *Гарт Б.Л.* Вторая мировая война. — М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999.

[2] Там же.

листические планы аннексии советских, чешских и других территорий сопредельных стран. Наивные надежды на создание «Великой Польши» руководство Речи Посполитой связывало со своим инфантильным пониманием «стратегического союза» с Германией.

Реализации задуманных планов препятствовала проблема Данцига, который, собственно говоря, Польше не принадлежал, и экстерриториальная автострада, и железная дорога, которые, по замыслу и требованию Германии, должны были соединить Германию с Восточной Пруссией. Польша, уверенная в своем могуществе, не желала идти ни на какие уступки в решении данных проблем.

Правители Польши, решив принять предложение Англии, «не успев дважды стряхнуть пепел с сигареты», таким образом, выступили против своего вчерашнего союзника Германии, чем подписали себе «смертный приговор», создав повод для агрессии.

Отрицание современной польской политической элитой ответственности II Речи Посполитой за ее активное участие в развязывании Второй мировой войны, а также отрицание агрессивных замыслов у Польши относительно соседних стран при наличии убедительных документальных доказательств данных намерений свидетельствует о психологической и политической неадекватности руководителей Польского государства.

ЧАСТЬ IV

ПОВЕРЖЕННАЯ ПОЛЬША

Глава 13
Генерал-губернаторство «третьего рейха» (оккупированная Речь Посполитая во Второй мировой войне)

В 2004 г. в Республике Польше торжественно отметили 60-летнюю годовщину трагедии Варшавского восстания. Направленное в военном отношении против немецких оккупантов, а в политическом — против русских, оно имело страшный итог: погибло 200 тысяч поляков, город был практически полностью разрушен по приказу А. Гитлера, писала Liberation 2004[1].

На церемониях присутствовали высокопоставленные руководители западных стран, впервые среди них был и германский канцлер. Господин Шрёдер отметил роль восстания в разгроме нацизма и осудил притязания высланных из Польши немцев на польские территории: «Именно сегодня, в свободной Европе, к которой принадлежат в качестве равных партнеров и Польша, и Германия, недопустимо переписывать историю или неверно ее интерпретировать»[2]. Эти слова кан-

[1] См. перевод на сайте Inopressa.ru.

[2] URL: http://www.newsru.com/world/02aug2004/riot_print.html.

цлера связаны с тем, что незадолго до его визита в Варшаву группа граждан ФРГ предъявила Польше требование выплатить компенсации за собственность, утраченную в конце Второй мировой войны.

Здесь следует пояснить: по окончании войны, когда советские войска освободили Восточную Европу, восточная часть территории Германии была передана Польше. При этом около 12 миллионов немцев были выселены из своих домов, расположенных, в частности, на территориях Восточной Пруссии.

Некоторые из выселенных тогда немецких собственников до сих пор добиваются материальной компенсации, пишет, в частности, The Washington Times[1].

Варшавское восстание началось 1 августа 1944 г. по инициативе проанглийской Армии Крайовой, когда Красная Армия, положив в многолетних сражениях миллионы своих солдат, находилась в нескольких километрах от польской столицы. Умонастроения по поводу этих событий в современной Польше отражает следующее сообщение NEWS.ru.com: «Повстанцы хотели самостоятельно освободить столицу, тем более что поляки помнили о разделе их страны в 1939 г. Гитлером и Сталиным. Хозяин Кремля, твердо решившись взять Польшу под полный контроль, остановил свои войска на Висле, позволив нацистам раздавить восстание и покончить с некоммунистическим и антисоветским сопротивлением. Красная Армия вступила в Варшаву лишь шесть месяцев спустя, 17 января 1945 г., когда город лежал в руинах»[2].

«Мы так нуждались в помощи, в оружии, в боеприпасах! Солдатам приходилось воевать без винтовок, на весь батальон был всего один пулемет», — вспоминала 80-летняя Х. Баковска, бывшая медсестра, приехавшая из Плоцка[3]. Но помощь так и не пришла. Американские и британские союзники послали несколько самолетов с оружием и боеприпа-

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Там же.

сами. Они вылетели из Италии, но расстояние было слишком велико и многие самолеты не долетели до Варшавы: их сбивали немцы.

Впрочем, министр иностранных дел Польши В. Цимошевич не преминул поблагодарить США за отвагу, проявленную американскими летчиками, на встрече с приехавшим в Варшаву на церемонию К. Пауэллом. В. Цимошевич, однако, напомнил ему об «ошибке», результатом которой стал состоявшийся в Ялте раздел Европы, когда союзники «решили судьбу независимых и суверенных стран, проливавших кровь за свою свободу». Он также отметил, что англичане и американцы могли сделать больше, добившись от Сталина права приземляться на территориях, контролировавшихся Красной Армией.

По мнению Н. Дэвиса, одного из лучших специалистов по истории Польши, «восстание имело все шансы на успех, но лишь в случае оказания помощи союзниками, у которых было достаточно времени, чтобы вмешаться в события».

«Польское сопротивление было хорошо организовано и прекрасно воевало. Повстанцы, которые в большинстве своем были молодыми людьми, нанесли немцам тяжелые потери, хотя у тех была авиация, тяжелая артиллерия, танки»[1], — подчеркивает историк. После капитуляции уцелевших повстанцев отправили в лагеря в Германию, а остальное население было вынуждено покинуть город перед тем, как немцы один за другим стали поджигать дома.

«Ветераны, сегодня История воздает вам справедливость. Польша находится в Европейском союзе, и было бы хорошо, чтобы Европа тоже об этом помнила», — заявил премьер-министр М. Белка, выступая перед 10 тысячами ветеранов восстания и членами их семей, которые пришли на церемонию открытия музея, рассказывающего о жизни Варшавы до и во время восстания[2]. Далее премьер-министр потребовал извинений за бездействие в ходе Варшавско-

[1] URL: http://www.newsru.com/world/02aug2004/riot_print.html.

[2] Там же.

го восстания у СССР, Англии и США. Глава МИД Польши В. Цимошевич поддержал премьера, добавив, что Россия должна просить прощения за бездействие Красной Армии в августе 1944 г.[1]. Поляки до сих пор убеждены в том, что Сталин будто бы специально остановил наступление 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов у реки Вислы, выжидая, пока фашисты уничтожат отряды Армии Крайовой, подчинявшиеся «лондонскому» правительству Польши.

Попробуем разобраться, так ли это, восстановив максимально объективную и полную картину событий тех лет.

13.1. Политическое банкротство и крах Польского государства

1 сентября 1939 г., когда германские войска вторглись на польскую территорию, британский премьер Н. Чемберлен после двух дней колебаний, 3 сентября, объявил в палате общин, что Англия с 11 утра 3 сентября находится в состоянии войны с Германией. В тот же день в 17 часов объявила войну и Франция.

Англия и Франция сразу же могли начать бомбардировки военных и промышленных объектов на территории Германии, однако ничего подобного не предприняли вплоть до нападения на них Гитлера.

Уже 1 сентября из Варшавы бежал президент страны И. Мосьцицкий. 4 сентября началась эвакуация правительственных учреждений. 5 сентября бежало правительство. В ночь на 7 сентября — главнокомандующий армией Э. Рыдз-Смиглы. А 8 сентября германские войска уже вели бои в предместьях Варшавы. 9—11 сентября польское правительство обратилось с просьбой к французскому правительству о предоставлении ему убежища. И 16 сентября начались польско-румынские переговоры о транзите польского руководства во Францию.

17 сентября советские войска перешли границу Польши. С разгромом Польши связано «открытие» В. Суворова (Резуна). Оказывается, германский «блицкриг» в Польше прова-

[1] Там же.

лился (! — *Авт.*). 15 сентября 1939 г., то есть через две недели после начала Второй мировой войны, резко снизилась активность германской авиации и началась массовая остановка германских танковых и автомобильных колонн. Однако не Резуну принадлежит пальма первенства, это «открытие» польских военных историков, которые «нашли» документы, «свидетельствующие» о том, что в германской армии иссяк бензин. Разработка данного «научного» направления — новая страница в интерпретации начального периода Второй мировой: мол, вторжение Красной Армии в Польшу 17 сентября 1939 г. — это сталинская рука помощи немецкому «союзнику», без чего весь «блицкриг» захлебнулся бы еще на второй неделе войны[1].

Если следовать логике Резуна (Суворова), то к 15 сентября Польша уже практически победила. Что ж, представим: в сентябре 1939 г. немецкий «блицкриг» провалился. Еще чуть-чуть, и польские дивизии уже двинулись бы победным маршем на запад. И не на Кенигсберг, как собирались в начале кампании, а прямо на Берлин или даже дальше, как в солдатской песне: «Одетые в сталь и броню, ведомые Рыдзом-Смиглы, мы маршем пойдем на Рейн»[2]. Но, как известно, ничего подобного не произошло…

В отличие от Резуна (Суворова) и его польских коллег, генерал-фельдмаршал Э. Манштейн в своих мемуарах указывает на ошибки польских военных стратегов и называет точную дату разгрома польских вооруженных сил[3]. «Польское командование должно было в первую очередь стремиться к тому, чтобы при всех обстоятельствах польская армия могла бы выстоять до тех пор, пока наступление западных держав не вынудило бы Германию оттянуть свои главные силы с польского театра военных действий. Даже если казалось, что вначале, с

---

[1] *Суворов В.* Самоубийство. Глава «Про боевой опыт» URL: http://militera.lib.ru/research/suvorov5/14.html.

[2] *Зайцев В.* Возвращенная победа или «Антиледокол». URL: militera.lib.ru http://militera.lib.ru/research/zaitsev/01.html.

[3] *Манштейн Э.* Утерянные победы. — М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999.

потерей промышленных районов, исключается возможность ведения длительной войны, следовало учесть, что сохранение польской полевой армии создавало возможность их возвращения в дальнейшем. Но ни при каких обстоятельствах нельзя было допускать, чтобы польская армия была окружена западнее Вислы или по обе стороны от нее. Для Польши единственный выход заключался в том, чтобы выиграть время...

Главные силы польской армии не должны были, как это произошло в 1939 г., сосредоточиваться вблизи границы; их сосредоточение должно было происходить на таком удалении от нее, чтобы можно было своевременно установить направление главного удара германской армии. При этом было бы важно обойтись в районе коридора и в Познанской провинции по возможности меньшими силами, чтобы главные силы сосредоточить на Силезском направлении, откуда ожидался главный удар, и чтобы иметь, прежде всего, достаточные оперативные резервы. Если бы в Польше слишком долго не лелеяли планов наступления на Германию, то усиленные бывшие немецкие укрепления вдоль Вислы, на рубеже Грауденц (Грудзендз) — Торн (Торунь), по крайней мере, задержали бы соединение немецких сил, наступающих из Померании и Восточной Пруссии; в результате укрепления Познанского района также была бы ограничена свобода маневра немецких сил в этой провинции...

Поражение Польши было неизбежным следствием иллюзий, которые питали в Варшаве относительно действий союзников, а также переоценки собственных сил с точки зрения возможности оказания длительного сопротивления...

15 сентября занятием Лемберга (Львова) и Перемышля преследование было в основном завершено, хотя в этом районе и восточнее Сана еще велись бои на уничтожение оставшихся здесь польских частей»[1].

Таким образом, если верить фельдмаршалу, то за двое суток до вступления в войну СССР польская армия бесславно прекратила свое существование.

[1] Там же.

Историки называют разные даты бегства польского руководства в Румынию. Л. Гарт, например, считает, что это произошло еще 12 сентября. Точно известно лишь то, что советские войска вступили на территорию Польши 17-го числа — то есть после того, как польская армия была фактически разгромлена, а маршал Рыдз-Смиглы, полковник Юзеф Бек и президент Игнаций Мосьцицкий вместе со всем правительством и верховным командованием бежали из страны и навсегда исчезли из истории и европейской политики[1].

Таким образом, существует несомненный факт: в 1939 г. правители II Речи Посполитой — потомки и наследники гордых шляхтичей-сарматов — поспешно и позорно бежали. Они с легкостью бросили на произвол судьбы свой народ, который заплатил за безумную политику своего руководства шестью миллионами жизней.

На территории обезглавленной страны, стремительно оккупированной нацистской Германией, было учреждено административно-территориальное образование — генерал-губернаторство (нем. *Generalgouvernement*, польск. *Generalne Gubernatorstwo*).

Генерал-губернаторство нацистские власти разделили на четыре округа: Краковский, Варшавский, Люблинский и Радомский. В августе 1941 г. в состав генерал-губернаторства были включены также земли Галиции (пятый округ — Дистрикт Галиция — с центром во Львове/Лемберге), которые в 1939—1941 гг. находились в составе Украинской ССР. Столицей генерал-губернаторства был Краков. Губернатор генерал-губернаторства — г. Франк, впоследствии казнен по приговору Нюрнбергского трибунала.

На территории генерал-губернаторства действовало законодательство Германии, однако большинство его жителей не имело статуса граждан Германии и во многом ограничивалось в правах. Нацисты и не пытались создать какого-либо марионеточного польского правительства, вся администрация носила чисто немецкий характер.

[1] *Гарт Б. Л.* Вторая мировая война. — М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999.

Население было разделено на несколько категорий, имевших различный статус в смысле материального обеспечения и гражданских прав; наибольшие права имели немцы из Германии, затем шли местные немцы — так называемые фольксдойче, члены семей первых двух категорий, украинцы, поляки-гурали (которых оккупанты объявили особым народом — Goralenvolk), прочие поляки и, наконец, евреи.

13.2. Странная война

Военные силы РП включали в себя 7 армий и оперативную группу «Нарев».

Все польские вооруженные силы подчинялись главнокомандующему — маршалу Эдварду Рыдз-Смиглы. Главный штаб ВП возглавлял бригадный генерал Вацлав Стахевич. Уже в ходе войны были сформированы дополнительные соединения. А именно — армия «Варшава» и отдельная оперативная группа «Полесье». Всего польская армия насчитывала 39 пехотных, 11 кавалерийских, 3 горные бригады и 2 моторизованные бронебригады. Общая численность личного состава — около 1 000 000 человек[1].

Потери сторон

Германия. В ходе кампании немцы, по разным источникам, потеряли 10—17 тысяч убитыми, 27—31 тысячу ранеными, 300—3500 человек пропавшими без вести.

Словацкая армия вела лишь бои регионального значения, в ходе которых не встретила серьезного сопротивления. Ее потери были невелики — 18 человек убитыми, 46 ранеными, 11 человек пропало без вести.

СССР. Боевые потери РККА во время польской кампании 1939 г., по данным российского историка М.И. Мельтюхова, составили 1 173 человека убитыми, 2 002 ранеными и 302 пропавшими без вести. В результате боевых действий потеряно также 17 танков, 6 самолетов, 6 орудий и минометов и

[1] Германское вторжение в Польшу. URL: http://www.polskifilm.ru/sentyabrskaya-kampaniya-1939-goda.html.

36 автомашин. По данным польских историков, Красная Армия потеряла убитыми около 2,5 тысячи солдат, 150 бронеавтомобилей и 20 самолетов.

Польша. Согласно послевоенным исследованиям Бюро военных потерь, в боях с вермахтом погибли более 66 тысяч польских военнослужащих (в том числе 2000 офицеров и 5 генералов). 133 тысячи были ранены, а 420 тысяч оказались в немецком плену.

Польские потери в боях с РККА точно не известны. М.И. Мельтюхов называет цифры в 3 500 убитых, 20 000 пропавших без вести и 454 700 пленных. По данным же польской Военной энциклопедии, в советский плен попали 250 000 военнослужащих (большинство офицеров, по утверждению польской стороны, было вскоре расстреляно НКВД). Около 1 300 попали также в словацкий плен.

В 2005 г. вышла книга польских военных историков Чеслава Гжеляка и Хенрика Станьчика, проводивших свои исследования, — «*Польская кампания 1939 года. Начало 2-й Мировой войны*». Согласно их данным, в боях с вермахтом погибли около 63 000 солдат и 3 300 офицеров, 133 700 были ранены. Около 400 000 попало в германский плен и 230 000 — в советский.

Около 80 000 польских военнослужащих сумели эвакуироваться в соседние нейтральные государства — Литву, Латвию и Эстонию (12 000), Румынию (32 000) и Венгрию (35 000).

Польские ВМС были уничтожены в ходе обороны Побережья (кроме 3 эсминцев и 2 подлодок). Удалось также эвакуировать в Румынию 119 самолетов.

Таким образом, в одномесячной войне 1939 г. участвовало больше трех миллионов человек, в результате потери Германии — 15 тысяч, СССР — 1,7 тысячи, Польши — 63 тысячи убитыми и около 700 тысяч пленных за месяц боев. Странное соотношение… Польша потеряла около 6% военнослужащих убитыми, 70% (!) личного состава ее армии попало в плен. Следовательно, нельзя говорить об ожесточенном сопротивлении польской армии противнику.

Обращает на себя внимание соотношение погибших польских офицеров и солдат: 1:20. На заключительном этапе Великой Отечественной войны, когда солдаты и офицеры были достаточно опытны, данное соотношение в Красной Армии было 1:10. Тогда как на начальном этапе войны, то есть когда советские войска находились в положении поляков, на одного погибшего офицера приходилось только три солдата.

Армию Польши создавали французские советники по французскому образцу и французским уставам, как иронизирует Курт фон Типпельскирх (1891—1957), «с учетом польского темперамента»[1]. Сама же французская армия в боях начала лета 1940 г. до того, как Франция капитулировала, потеряла около 100 тысяч человек убитыми, и 30% от этого числа были французские офицеры. Здесь соотношение убитых офицеров и солдат 1:2,3.

Отсюда следует однозначный вывод: не очень-то стремились польские офицеры проливать кровь за родину. Многие польские генералы и старшие офицеры в тех экстремальных условиях также проявили себя недостойно.

13.3. Причины поражения Польши

Первым значительным анализом Польской кампании стала трехтомная работа полковника Мариана Порвита, возглавлявшего в сентябре 1939 г. оборону Варшавы: «Комментарии польских оборонительных действий в сентябре 1939», из которой следовало, что в ходе войны допущены серьезные ошибки и просчеты, сыгравшие немалую роль в поражении страны. Ошибки политические, стратегические и тактические. Причем как главного командования в целом, так и персональные, лежащие на совести отдельных военачальников.

Автор указывает и на преждевременное (6 сентября) оставление Главным штабом Варшавы, что привело к дезорганизации войск в условиях максимальной централизации военного командования. Тем более что в подвалах Министерства по военным делам (обороны) имелся хорошо обо-

[1] История Второй мировой войны. — СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1999.

рудованный командный пункт, оснащенный современными средствами связи.

Даже некоторые генералы покинули вверенные им войска, что вполне можно расценить как дезертирство: Стефан Домб-Бернацкий (дважды — как командующий армией «Пруссы» и Северным фронтом), Казимеж Фабрицы (армия «Карпаты»), Юлиуш Руммель (армия «Лодзь»), Владислав Боньча-Уздовский (28-я дивизия пехоты), а также полковник Эдвард Доян-Сурувка (покинул свою 2-ю дивизию пехоты в момент нервного срыва). Никаких решений по действиям данных командиров главнокомандующим принято не было.

На поражение сработали и отсутствие четкой реакции на вторжение РККА, и просчеты разведки в оценке военно-политической ситуации в целом.

А также моральный надлом некоторых командиров, повлекший катастрофические последствия. Генерал Мечислав Борута-Спехович, командующий ОГ «Борута» на завершающей стадии кампании, преждевременно распустил свой штаб, что привело сначала к разгрому 21-й дивизии пехоты, а затем и всей группы.

Можно указать еще и на следующие факторы: преждевременная сдача Львова Красной Армии, несмотря на имеющиеся силы и снаряжение; захват абвером оставшихся в Варшаве оперативных секретных документов 2-го отдела Главного штаба (разведка и контрразведка), не уничтоженных в результате преступной халатности.

Допущены были серьезные просчеты в снабжении армии и ВМС при защите Побережья[1].

Как видим, проходят столетия, и ничего не меняется. По-прежнему командиры бросают своих подчиненных на смерть, спешно покидая поле брани.

13.4. Польское руководство во Второй мировой войне

С началом Великой Отечественной войны советское правительство и польское правительство в эмиграции при

[1] URL: http://www.polskifilm.ru/sentyabrskaya-kampaniya-1939-goda.html.

посредничестве Лондона наладили переговорные отношения. Уже 30 июля 1941 г. в Лондоне посол СССР И.М. Майский (поляк, настоящие имя и фамилия Ян Ляховецкий; 1884—1975) и польский премьер В. Сикорский подписали соглашение, в котором советская сторона признала свои договоры с Германией, касающиеся территориальных перемен в Польше, утратившими силу. Стороны взяли взаимное обязательство оказывать друг другу помощь в войне против нацистов.

На территории СССР, на основе данных обязательств, 12 августа 1941 г. Президиум Верховного Совета издал Указ об амнистии польских офицеров, после чего началось формирование польской армии. Правительство Сикорского назначило на должность командующего этой армией генерала В. Андерса, в прошлом офицера русской имперской армии, сумевшего отличиться на фронтах Первой мировой войны. В сентябре 1939 г. В. Андерс командовал Новогрудской кавалерийской бригадой и 30 сентября был взят в плен Красной Армией. Это, безусловно, был человек, отличавшийся большой личной храбростью, достаточно сказать, что он имел восемь ранений, а среди его многочисленных наград был орден Св. Георгия Победоносца 4-й степени. Однако храбрости оказалось явно недостаточно, чтобы остаться в истории значимым военачальником.

Надежды советского руководства на то, что в конце драматического 1941 г. поляки примут участие в боях на советско-германском фронте, не оправдались. «Лондонское» правительство дало команду на эвакуацию армии Андерса через Иран на Ближний Восток. Всего в 1942 г. из СССР выехало 114,5 тысячи польских военнослужащих и членов их семей. Они, как и их предки, отстаивали под командой своих хозяев «величие» Польши вдали от родины, в Северной Африке и Италии. Однако не все поляки согласились освобождать родину в Африке.

22 июня 1942 г. 13 польских офицеров во главе с подполковником З. Берлингом обратились с письмом к советскому правительству, в котором просили разрешения сражаться за

свою родину против Германии. З. Берлинг в свое время получил назначение занять пост начальника штаба 5-й пехотной дивизии в армии Андерса.

14 мая 1943 г. в Селецких военных лагерях под Рязанью из поляков-добровольцев началось формирование 1-й польской пехотной дивизии имени Т. Костюшко. В августе того же года на базе дивизии создается 1-й Польский корпус, а в апреле 1944 г. уже 1-я польская армия, которая прошла славный боевой путь: участвовала в освобождении советских земель, родной Польши и закончила войну в Берлине.

14 февраля 1942 г. правительство Польши в Лондоне издало приказ об объединении вооруженных отрядов поляков, действующих на оккупированных немцами территориях, в Армию Крайову. Просоветские повстанцы объединились в Гвардию Людову.

В составе подразделений Армии Крайовой формально находилось до полумиллиона поляков. Главной задачей, которая стояла перед данной армией, было обеспечение прихода к власти эмигрантского правительства. В связи с этим правительством В. Сикорского был отдан приказ «держать оружие у ноги», до особого распоряжения не участвовать в активных боевых действиях против оккупантов[1].

13.5. «Катынь»

Весной 1943 г. немецкое командование объявило, что в Катынском лесу в районе Козьих Гор обнаружены могилы польских офицеров, якобы расстрелянных НКВД в 1940 г. Польское правительство в Лондоне поспешно и безоговорочно приняло версию германских официальных властей и их пропагандистов, в результате чего отношения с правительством СССР были прерваны.

Сегодня имеется заключение комиссии экспертов Главной военной прокуратуры РФ по уголовному делу № 159 о расстреле польских военнопленных из Козельского, Осташковско-

[1] URL: http://www.xattusa.ru/resources/books/105217_noveyshaya_istoriya_stran_evropy_i_ameriki_pod_red_Yazkova_C1.doc/.

го и Старобельского спецлагерей НКВД в апреле — мае 1940 г. Отметим, что в то время, когда были обнаружены документы «Пакета № 1», в Конституционном Суде РФ рассматривалось так называемое «Дело КПСС» (26 мая, 6—15 июля, 20 июля — 4 августа, 14 сентября — 23 октября, 28 октября — 30 ноября 1992 г. Постановление № 9-П от 30 ноября 1992).

Немедленно с открытием документов 16 октября 1992 г. представители российской президентской стороны заявили ходатайство об их приобщении к материалам «Дела КПСС».

В настоящее время у ряда историков имеются серьезные основания сомневаться относительно достоверности и объективности этих материалов[1].

Отметим также, что экспертизу мест захоронения на оккупированной немцами советской земле в 1943 г. проводила комиссия Польского Красного Креста. Группу экспертов возглавил доктор судебной медицины М. Водзинский. Практически все члены комиссии, включая самого М. Водзинского, состояли в подпольной Армии Крайовой. Немецкие власти об этом знали, но работать комиссии не мешали. Одновременно с комиссией Водзинского гитлеровцы создали собственную, пригласив в нее экспертов из 12 союзных и оккупированных стран.

Геббельс, инициатор версии и организатор так называемого расследования, не скрывал, что «катынским делом» удастся «внести довольно большой раскол во фронт противника». Главная идея, которая должна была стать лейтмотивом пропагандистской акции нацистов, заключалась в том, что «большевики не изменились, что это те же кровожадные псы, которые набросились на русское дворянство, которые убили латвийское дворянство и латвийскую буржуазию, которые и в других частях Европы стали бы так же свирепствовать»[2].

---

[1] *Шикорад А.* Давний спор славян. Россия. Польша. Литва. — М.: АСТ. Хранитель, 2007; *Швед В.Н.* Тайна Катыни. — М.: Алгоритм, 2007; *Мухин Ю.И.* Антироссийская подлость. — М., 2003.

[2] Бабий яр под Катынью? ВИЖ № 12, 1990. ЦГА СССР. Ф. 1363. Оп. 2, 4. Д. 27—29. Пер. с нем.

При этом Геббельс высказался предельно откровенно: «Некоторые наши люди должны быть там раньше, чтобы во время прибытия Красного Креста все было подготовлено и чтобы при раскопках не натолкнулись бы на вещи, которые не соответствуют нашей линии. Целесообразно было бы избрать одного человека от нас и одного от ОКВ, которые уже теперь подготовили бы в Катыни своего рода поминутную программу»[1].

Комиссией было эксгумировано свыше 4 тысяч трупов. Дали показания свидетели. 73-летний старик П. Козлов первым указал место расстрелов. После отступления немцев он никуда не скрывался, был сразу же арестован НКВД и дал опровержение своим прежним показаниям. Показания дал также кузнец Иван Кровожерцев. После «расследования» он перебрался в Италию, где под присягой повторил свои показания союзникам, позже сменил имя на Михаила Лободу, жил затем в Англии. В 1947 г. этот «свидетель» был найден то ли повешенным, то ли повесившимся[2]. В своих заключениях обе комиссии пришли к единому мнению: по результатам вскрытий, по датировке писем и газет, найденных при убитых (всего 3184 документа), по форме штыковых ран и другим данным убийство совершено весной 1940 г.[3].

5 октября 1943 г. в местах расстрелов поляков начала действовать третья по счету специальная комиссия из представителей НКВД и НКГБ, которую возглавляли нарком госбезопасности В.Н. Меркулов и заместитель наркома внутренних дел Л.П. Берии С. Круглов. Официальный отчет о деятельности комиссии гласил, что ею было допрошено 95 свидетелей, проверено 17 заявлений, поданных в ЧГК, рассмотрены и изучены различные документы, относящиеся к делу, проведена экспертиза, осмотрено место расположения катынских захоронений.

---

[1] Бабий яр под Катынью? ВИЖ № 12, 1990. ЦГА СССР. Ф. 1363. Оп. 2, 4. Д. 27—29. Пер. с нем.

[2] Немецкое расследование Катынского дела. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Немецкое_расследование…дела…

[3] Там же.

Далее в отчете, с приведением многочисленных свидетельских показаний, утверждалось, что к западу от Смоленска располагались три лагеря особого назначения для польских военнопленных: ОН-1, ОН-2 и ОН-3. Находившиеся там пленные были заняты на дорожных работах. Летом 1941 г. эти лагеря не успели эвакуировать, и пленных захватили немцы. Некоторое время они по-прежнему трудились на дорожных работах, но в августе-сентябре 1941 г. их расстреляли.

Расстрелы осуществлялись «немецким военным учреждением, скрывавшимся под условным наименованием “штаб 537-го строительного батальона” во главе с обер-лейтенантом Арнесом» и его сотрудниками — обер-лейтенантом Рекстом, лейтенантом Хоттом и др. «Штаб» этот находился на бывшей даче НКВД в Козьих Горах (в Катынском лесу). Весной 1943 г. немцы раскопали могилы и изъяли оттуда все документы, датированные позднее весны 1940 г., а проводивших эти раскопки советских пленных расстреляли. Местных жителей силой и угрозами заставили давать ложные показания[1].

Позднее, 12 января 1944 г., была создана очередная «Специальная комиссия по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров»[2].

Председателем комиссии назначили главного хирурга Красной Армии, академика Н.И. Бурденко. Членами комиссии были писатель А.Н. Толстой, митрополит Николай, председатель Всеславянского комитета генерал А.С. Гундоров, председатель ИК Советских обществ Красного Креста и Красного Полумесяца профессор С.А. Колесников, нарком просвещения академик В.П. Потемкин, начальник Главного военно-санитарного управления Красной Армии генерал-полковник Е.И. Смирнов и председатель Смоленского облисполкома Р.Е. Мельников.

---

[1] Справка о результатах предварительного расследования так называемого Катынского дела. URL: http://katynbooks.narod.ru/vizh/1990-11.html.

[2] Советское расследование Катынского дела (1943—1944). URL: ru.wikipedia.org/.../ Советское расследование Катынского дела (1943—1944).

14 января начались раскопки; сама же комиссия вела эксгумационные работы и опросы свидетелей 5 дней — с 17 по 23 января 1944 г.

26 января 1944 г. было опубликовано сообщение Специальной комиссии. В отчете, в частности, отмечалось, что расстрелы произведены способом, применявшимся при массовых убийствах нацистами советских граждан в других городах. Согласно сообщению, в Катыни «общее количество трупов, по подсчету судебно-медицинских экспертов, достигает 11 тысяч».

В 1951 г., в разгар корейской войны, США предприняли попытку реанимировать «Катынское дело», чтобы использовать его как средство давления на переговорах с Северной Кореей по вопросу о пленных американских военнослужащих. Образовали специальную комиссию Палаты представителей Конгресса США по вопросам Катыни под председательством Р.-Дж. Мэддена. В материалах этой комиссии утверждалось, что массовые убийства польских офицеров и полицейских совершили органы НКВД, причем якобы, по свидетельству неких очевидцев, осташковских пленных погрузили на баржи, которые утопили в Белом море.

В окончательном отчете, среди прочего, сообщалось, что якобы один анонимный поляк заявил, как лично наблюдал расстрелы в Катыни, другой поляк рассказал, что Яков Джугашвили, будучи в плену, якобы признался ему, что Катынь — дело рук НКВД, а перебежчик из СССР, некий Б. Ольшанский, показал, что Н.И. Бурденко в частной беседе сообщил ему, будто катынских поляков расстреляли в 1940 г. и протоколы его комиссии — фальсификация[1].

Сегодня можно констатировать, что заключения всех перечисленных комиссий делались «под нажимом обстоятельств», то есть заказчики экспертизы заказывали и ее результат, в связи с чем нельзя быть уверенным в объективности ни одной из данных экспертиз.

[1] «The Katyn Forest Massacre» House Report № 2505, 82nd Congress, 2nd Session (December 22, 1952) PDF 14. URL: http://kprf.ru/international/77801.html.

Мы не знакомы с материалами последних расследований, они так и не были открыты широкой общественности, поэтому не вправе делать каких-либо определенных выводов. Из 183 томов «катынского дела» 116 содержат сведения, составляющие государственную тайну, и только 67 доступны для общественности.

Опытный юрист, бывший следователь, депутат Госдумы от фракции КПРФ Виктор Илюхин и координатор фракции Сергей Решульский заявили, что коммунисты будут добиваться дорасследования «катынского дела»[1]. Материалы, полученные рабочей группой, сформированной при фракции КПРФ, указывают на необходимость проведения парламентского расследования по ряду выявленных фактов фальсификации нашей истории. «Мы, как и все российское общество, хотим правды и объективности», — подчеркнули коммунисты на встрече с журналистами.

Рабочая группа, состоявшая из авторитетнейших специалистов: докторов исторических наук Юрия Николаевича Жукова и Алексея Юрьевича Плотникова, координатора международного проекта «Катынь» Сергея Эмильевича Стрыгина, представителей бывшей военной прокуратуры, генералов юстиции, которые имели непосредственное отношение к расследованию катынских событий — сочла предварительное расследование, проведенное Главной военной прокуратурой (ГВП) в 90-е гг., необъективным и предвзятым. В ГВП, отмечает В. Илюхин, прямо говорили, что им была дана установка: сосредоточиться на одной версии — расстреле польских военнопленных сотрудниками НКВД по указанию политического руководства страны. Остальные мнения в счет не принимались. Не изучались глубоко и материалы комиссии Бурденко, представленные советской стороной на Нюрнбергском процессе. Не учитывались также новейшие исследования российских и зарубежных историков.

И все же приведем некоторые существующие сомнения в усиленно внедряемой версии о «преступлении коммунистического режима» под Смоленском.

[1] URL: http://zavtra.ru/cgi//veil//data/zavtra/10/867/41.html.

Первое. Установлено, что военнопленные под Катынью расстреляны из немецкого оружия пулями, изготовленными немецкой фирмой «Геко». Но придумано контробъяснение, что русские якобы специально подбросили немецкие гильзы, расстреливая поляков в мае 1940 г., чтобы замести следы… «Нелепость утверждений очевидна, — парирует Илюхин. — Тогда еще никто не знал, что через год немцы нападут на СССР и их можно будет потом обвинять…»

Второе. Руки многих убитых поляков были связаны бумажным шнуром, изготовленным в Германии. Только в 1946 г. он появился в СССР, так как его производство по контрибуции переместилось к нам. «Если слушать наших оппонентов, то получается, что мы у немцев купили оружие, потом сказали, дайте-ка еще и шнурок, мы свяжем руки полякам. Это ли истина?» — спрашивает Илюхин.

Третье. При эксгумации выявлено, что расстрелянные были одеты в теплую одежду. В мае военнопленных так не одевали. Обнаруженная в захоронении листва, несвойственная для мая, тоже подтверждает, что расстрелы производились не весной 1940 г., а ближе к осени 1941-го.

Четвертое. При вскрытии геббельсовской комиссией в 1943 г. трупов поляков было установлено, что им в советских лагерях сделали прививки от тифа и других инфекционных заболеваний. Если бы советское руководство собиралось их убивать, для чего смертников беречь от инфекций? Ответ ясен: в планы советского руководства не входило убивать поляков.

Пятое. Есть показания немецких солдат о том, что именно они расстреливали в августе и осенью 1941-го польских военнопленных под Козьими Горами. В архивных документах зафиксировано высказывание немца: «А чего обвиняют русских в расстреле военнопленных поляков? Мы же их расстреливали».

Еще живы некоторые свидетели тех событий. Так, житель города Солнечногорска по фамилии Кривой рассказал, как, будучи курсантом военного училища, видел пленных поляков живыми и здравствующими летом 1940-го, то есть после «расстрела» в мае.

Шестое. Истина о Катыни наверняка хранилась в немецком архиве. Но как раз та его часть, где находились документы о расстреле польских офицеров, сгорела при загадочных обстоятельствах. И был даже убит руководитель немецкой делегации профессор Бутц, занимавшийся данной проблемой. Позже и поляки уничтожили свой архив. С какой целью?

На сегодня известно, что общее число выявленных источниковедческих признаков поддельности документов из закрытого «Пакета № 1» составляет уже свыше 50. Для справки, в современной российской юридической практике для безусловного признания документа поддельным достаточно 7 (семи) источниковедческих признаков его поддельности[1].

Кроме того, необходимо понимать, что расстрел поляков произошел в условиях масштабной войны и взаимного ожесточения сторон и не является беспрецедентным случаем.

Подобным же образом, совершенно безосновательно и незаконно, по указанию Р. Пуанкаре, во Франции в самом начале Первой мировой войны были расстреляны все уголовные преступники, находившиеся в тюрьмах[2]. Тогда без суда и следствия французами были убиты многие тысячи французов — их сограждан!

В. Тарле в «Истории колониальных захватов» упоминает о том, как Наполеон во время похода на Сирию отдал распоряжение расстрелять 4000 плененных в Яффе турецких солдат. Напомним, что они сдались под гарантии сохранения жизни. А ранее мы приводили информацию, как генерал просвещенной Франции Ш. Пишегрю картечью расстрелял 7000 военнопленных, захваченных его войсками в городе Кельви на Корсике. Объективной военной необходимости в такой жестокости вообще не было.

Сами поляки из пулеметов не однажды расстреливали сотни пленных красноармейцев во время советско-польской

---

[1] *Швед В.Н.* Тайна Катыни. — М.: Алгоритм, 2007; *Мухин Ю.И.* Антироссийская подлость. — М., 2003.

[2] *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. — М.: Воениздат, 1986.

войны. Делалось это по приказам польских офицеров, которые через двадцать лет, возможно, оказались в том же положении.

По нашему мнению, вряд ли возможно в ближайшей перспективе провести независимое объективное расследование катынского инцидента. Президент и премьер-министр России принесли публичные извинения, памятники установлены. Однако, что бы в дальнейшем ни предпринимала Россия, вряд ли претензии польской стороны будут сняты окончательно.

В итоге можно констатировать следующее. На настоящий момент нет данных о том, что кто-либо профессионально занимался исследованиями мотивов этого преступления. Списывание расстрелов на «преступную сущность Сталина и его приспешников» ничего не объясняет и, тем более, ничего не доказывает. Но при этом, умышленно или нет, формируется негативная, аффективно-заряженная идеологическая, антисталинская и даже антирусская установка, которая востребована в определенных политических и околополитических кругах.

Если кто-то берется утверждать, что это был «геноцид польского народа», тогда почему расстреляли 10 процентов заключенных, а сотни тысяч оставили живыми?

Продолжая тему пленных поляков, сошлемся на доктора исторических наук А.Н. Колесника, который в ходе беседы 6 ноября 1985 г. с Л.М. Кагановичем выяснил следующее. Весной 1940 г. руководством СССР было принято вынужденное, трудное и тяжело давшееся, но, по словам Лазаря Моисеевича, абсолютно необходимое в той сложной политической обстановке решение о расстреле 3196 преступников из числа граждан бывшей Польши.

Согласно свидетельству Кагановича, в основном были приговорены к расстрелу польские военные преступники, причастные к массовому уничтожению в 1920—1921 гг. пленных советских красноармейцев, и сотрудники польских карательных органов, причастные к преступлениям против СССР и польского рабочего движения в 1920—1930-е годы. Кроме них были также расстреляны уголовники из числа польских военнопленных, совершившие на территории СССР тяжкие

общеуголовные преступления уже после своего интернирования в сентябре-октябре 1939 г. — групповые изнасилования, разбойные нападения, убийства и т. д.[1].

Кроме Л.М. Кагановича количество расстрелянных в 1939—1941 гг. в Советском Союзе польских граждан — «около трех тысяч человек» — назвал в 1986 г. в телефонном разговоре бывший председатель Совета народных комиссаров СССР В.М. Молотов.

Точную цифру — «3196» расстрелянных в СССР в 1939—1941 гг. польских граждан — в личной беседе с А.Н. Колесником уверенно подтвердил также бывший нарком по строительству СССР С.З. Гинзбург[2].

С.З. Гинзбург сообщил А.Н. Колеснику малоизвестные подробности советских эксгумационных работ в Катынском лесу. По его словам, эксгумации захоронений польских граждан проводились в 1944 г. не только в Козьих Горах, но и еще, как минимум, в двух других местах к западу от Смоленска. Земляные работы и эксгумации проводились силами одной из так называемых ОСМЧ (особых строительно-монтажных частей), находившихся в оперативном подчинении у С.З. Гинзбурга, который указал, что данная часть была сформирована вскоре после начала войны на базе одного из гражданских строительных управлений и ее численность в 1944 г. составляла около 200 человек[3].

Действительно, даже простые рассуждения с позиций здравого смысла приводят к множеству вопросов. Согласно польским данным, приведенным выше, в плен попало около 22 тысяч офицеров. В составе корпуса В. Андерса СССР покинуло от 75 до 96 тысяч военнослужащих, среди них было более 8 тысяч офицеров. Помимо этого на территории Советского Союза был сформирован ряд польских подразделений, часть офицеров остались в лагерях до окончания войны. Таким образом, никак не мог НКВД расстрелять 22 тысячи

[1] URL: http://www.kompas-rf.ru/articles/112/3969.html.

[2] Там же.

[3] Там же.

польских офицеров. В «катынском списке», содержащем 21 473 фамилии, фигурирует 14 тысяч военнослужащих, но это тоже нереально много. С другой стороны, если поляки все достоверно знают, списки сформированы, извинения первых лиц России получены, что же требуется еще сделать русским, чтобы успокоить польскую элиту?

Известно, расследование всякого преступления начинается с поиска мотива его совершения. Связывать «преступление» Катыни с субъективными причинами, как то: «месть», «тоталитаризм», «Сталин» и прочие идеологические клише — не конструктивно, ибо это ничего не объясняет. Подобный подход к проблеме можно расценить, во-первых, как нежелание ее решать и, во-вторых, как неспособность это делать. Более того, такая позиция раскалывает российское общество, так как среди значительной части граждан И.В. Сталин пользуется значительным авторитетом.

В России практически все знают о Катыни или хотя бы слышали о расстреле поляков, сдавшихся в плен в сентябре 1939 г., но новое поколение граждан России не имеет никакого представления о польских героях, сражавшихся на полях Второй мировой войны. А таких героев было немало.

В нашей стране молодежь уже не знает о борцах Вестерплятте и Варшавы и о том, что польский флаг, наряду с советским, реял над куполом Рейхстага. К таким героям власти современной Польши не проявляют заметного интереса. Все их внимание сосредоточено на жертвах Катыни.

В настоящее время в Польше воинские части в обязательном порядке принуждают смотреть фильм «Катынь», а Польский культурный центр в Москве все последние годы занят исключительно продвижением этого фильма в «российские массы».

В ноябре 2007 г., по инициативе президента Л. Качиньского, в Варшаве состоялась помпезная публичная двухсуточная акция посмертного повышения в воинских званиях всех 14 тысяч польских военнослужащих, фигурирующих в «катынском списке».

Осенью 2009 г. в Польше был дан старт грандиозной акции «Дубы памяти жертв Катыни», в ходе которой планируется посадить 21 473 именных дуба в память о каждом польском гражданине, занесенном в «катынский список». Акция должна была завершиться 13 апреля 2010 г. в Катыни. Судя по времени роста дубов, акция «Дубы памяти» может продолжаться бесконечно. Вряд ли она будет способствовать формированию у молодых поляков, взявших бессрочное шефство над этими деревьями, доброго отношения к России. Вследствие этой и других идеологических акций граждане Польши, по опросам общественного мнения, прежде всего — молодежь, относятся к России как к врагу.

Мы уже проходили через подобные испытания. Например, Баку до 1988 г. был цветущим городом, где спокойно и счастливо жили представители множества народов, но политика тогдашнего руководства страны и СМИ в течение нескольких месяцев настолько раскалили обстановку, что люди без каких-либо веских причин бросились убивать друг друга. Очаги гражданской войны разгорелись по всей периферии советской страны.

13.6. Операция «Буря»

6 июня 1944 г. в Нормандии высадились союзные войска. 23 июня началось широкомасштабное наступление советских войск в Белоруссии. К началу наступления в нем участвовало 2,3 миллиона советских солдат и 79,9 тысячи поляков. Наступление проводилось по фронту шириной 1100 км. К 29 августа 1944 г. советские войска продвинулись на 600 км.

29 июля был освобожден город Люблин, на следующий день 2-я танковая армия вышла к Висле в районе Демблин и Пулавы. В тот же день войска 69-й армии овладели городом Холм, а к исходу 28 июля вышли к Висле на участке Пулавы и Юзефув. 2 августа части 8-й Гвардейской армии форсировали Вислу и заняли плацдарм в районе местечка Магнун[1].

[1] *Широкорад А.* Давний спор славян. Россия. Польша. Литва. — М.: АСТ. Хранитель, 2007.

Польское правительство в эмиграции решило, что час пробил. Для этого был разработан план операции «Буря». Согласно этому плану, подразделения Армии Крайовой должны при отступлении немцев занимать крупные города и создавать там администрации, подчиненные «лондонскому» правительству, встречая советские войска уже в качестве законных хозяев. Но этот план не удалось реализовать. Виной тому были немцы, которые не убегали от противника, отрываясь от него на десятки километров, как в свое время делали польские войска, а упорно сражались за каждый населенный пункт, не оставляя полякам времени для захвата городов.

Таким образом, операция «Буря» провалилась. Историк А. Широкорад приводит характерный пример неудачи боевой операции, проведенной в рамках «Бури». «Лондонское правительство приказало генералу Вилку (Кульчинскому) овладеть Вильно до подхода советских войск. К Вильно подошла одна бригада Армии Крайовой. Немцы, естественно, ее разбили, и на том «занятие» Вильно было прекращено»[1].

Зато после освобождения этого литовского города Красной Армией бойцы Армии Крайовой занялись организованным мародерством. Л.П. Берия по этому поводу докладывал И.В. Сталину: «…поляки безобразничают, отбирают насильственно продукты, рогатый скот и лошадей у местных жителей, заявляя, что это идет для польской армии. Имеют место угрозы, что если местные жители Литвы будут сдавать продовольствие Красной Армии, то поляки их накажут…

После очистки г. Вильно от немцев на городской ратуше был вывешен советский флаг. Через некоторое время ниже Советского флага появился польский флаг, который, правда, сразу же был снят. Вчера вечером в г. Вильно хоронили наших офицеров, погибших при взятии г. Вильно. Командир полка на могиле сказал, что они погибли за освобождение литовской столицы г. Вильно. Стоявшие два польских солдата обратились к нашему полковнику Капралову и заявили,

[1] *Широкорад А.* Давний спор славян. Россия. Польша. Литва. — М.: АСТ. Хранитель, 2007.

что, видимо, выступавший не знает, что Вильно никогда не был и не будет литовским…

В настоящее время поляки проводят усиленную мобилизацию в Армию Крайову и собирают оружие. Вчера была в городе задержана повозка с оружием, на которой ехал польский солдат. При допросе он заявил, что оружие собрано у населения, а предназначено для польских бригад. Оружие изъято»[1].

Крупнейшей акцией «Бури» стало Варшавское восстание. План его был подготовлен британскими спецслужбами совместно с эмигрантским правительством.

13.7. Варшавское восстание

21 июля 1944 г. в освобожденном Красной Армией польском городе Хельм было образовано коммунистическое правительство Польши — Польский комитет национального освобождения. В этой связи правительство В. Сикорского не могло не понимать, что премьерство и министерские кресла из-под них ускользают, и начало действовать. Несколько десятков тысяч бойцов Армии Крайовой по команде из Лондона тайно проникли в столицу. В течение трех дней они должны были освободить Варшаву. После захвата позиций, пригодных для посадки самолетов, из Лондона должно было прибыть эмигрантское правительство, а из Шотландии — воздушно-десантная польская бригада. Все было гладко на бумаге…

Когда по городу разнесся слух о том, что в правобережней части Варшавы появились советские танки, нервы генерала Т. Бур-Коморовского не выдержали. 31 июля он, командующий подпольной Армией Крайовой, отдал приказ о начале восстания.

Отличительными чертами Т. Бур-Коморовского, потомка древнего шляхетского рода и ныне национального героя Польши, были традиционное сарматское высокомерие,

[1] Из Варшавы. Москва, товарищу Берия: Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944—1945 гг. — Москва—Новосибирск, 2001.

шляхетский гонор, самонадеянность и русофобство. Служба разведки Армии Крайовой своевременно указала своему командованию на усиление немецкой обороны на подступах к Варшаве, и ее руководитель К. Иранек-Осмецкий предложил командующему АК генералу Бур-Коморовскому отложить восстание, как заведомо обреченное на поражение. Последний колебался, но подстрекательство и нелепые обвинения в трусости со стороны беглых правителей Польши заставили главу АК дать команду на выступление.

Приказы «лондонских сидельцев», находившихся не только в полной безопасности, но и в комфортных условиях, побуждающие командующего АК к немедленному вооруженному выступлению, можно охарактеризовать как инфантильное и потому безответственное политиканство. Поведение же самого Т. Бур-Коморовского оказалось еще более безответственным и еще более незрелым, так как он, достоверно зная о неготовности и неспособности своих подразделений реально противостоять немцам, послал своих соотечественников на верную гибель.

Сейчас остается только предполагать, какими мотивами он руководствовался. Что это — авантюризм, традиционное шляхетское безрассудство, замешанное на гоноре и неизбывной ненависти к русским? Или тайный сговор с врагом?

Генерал армии М.А. Гареев в монографии «Маршал Жуков. Величие и уникальность полководческого искусства» пишет следующее:

«Как сообщалось в польских газетах, недавно в польских архивах удалось обнаружить скрываемый на протяжении десятилетий документ, позволяющий понять, как готовилось восстание, и убедиться в том, что героическая акция варшавян была изначально обречена на провал.

Этот документ подтверждает, что в середине июня 1944 г. вблизи Юзефова (пригорода Варшавы) состоялась тайная встреча старшего офицера немецкой службы безопасности Пауля Фухса и командующего Армией Крайовой Тадеуша Бур-Коморовского. На переговорах присутствовал немецкий

офицер-переводчик, впоследствии завербованный польской службой безопасности и представивший детальный отчет об их ходе. В этом документе 50-летней давности воспроизводится запись хода переговоров.

Фухс. Пан генерал, до нас дошли слухи, что вы намерены объявить о начале восстания в Варшаве 28 июля и что в этом направлении с вашей стороны ведутся активные приготовления. Не считаете ли вы, что такое решение повлечет за собой кровопролитие и страдания гражданского населения?

Коморовский. Я только солдат и подчиняюсь приказам руководства, как, впрочем, и вы. Мое личное мнение не имеет здесь значения, я подчиняюсь правительству в Лондоне, что, несомненно, вам известно.

Фухс. Пан генерал, Лондон далеко, они не учитывают складывающейся здесь обстановки, речь идет о политических склоках. Вы лучше знаете ситуацию здесь, на месте, и можете всю информацию о ней передать в Лондон.

Коморовский. Это дело престижа. Поляки при помощи Армии Крайовой хотели бы освободить Варшаву и назначить здесь польскую администрацию до момента вхождения советских войск... Я знаю, что вам известны места, где я скрываюсь, что каждую минуту меня могут схватить. Но это не изменит ситуации. На мое место придут другие, если Лондон так решил, восстание, несомненно, начнется»[1].

Поражает жестокий авантюризм польских эмигрантских властей. Бросают на верную и бессмысленную гибель тысячи своих сограждан в условиях, когда гитлеровскому командованию все заранее было известно и оно готовилось к подавлению восстания.

Заслуживает внимания и такая деталь: немецкая служба безопасности, по признанию Коморовского, знает каждую минуту, где он находится, и не считает нужным его схватить. Значит, он был зачем-то нужен немцам. Не случайно и то, что после подавления восстания Коморовский не нашел возмож-

[1] *Гареев М.А.* Маршал Жуков. Величие и уникальность полководческого искусства. — Уфа, 1996. URL: http://militera.lib.ru/bio/gareev/index.html.

ным перейти на сторону советских войск (такая возможность была) и продолжить борьбу за освобождение Польши, а предпочел сдаться германским спецслужбам[1].

В Варшавском округе в АК накануне восстания числилось около 30 тысяч бойцов, что превосходило германские части в городе (13—15 тыс.), однако вооружены они были крайне слабо.

С учетом того, что немцы заблаговременно укрепили ключевые здания в городе, готовясь к обороне против советских войск, надежды на успех восстания были весьма призрачными. В день начала выступления, 31 июля 1944 г., на совещании Главного штаба АК еще преобладала точка зрения о преждевременности выступления[2].

Ни Москва, ни Вашингтон не имели никаких представлений ни о планах восстания, ни о сроках его начала, уже только поэтому никакие претензии поляков по поводу того, что русские и американцы их не поддержали, не могут быть принятыми.

Бур-Коморовский с самого начала восстания отказался от любых контактов с подходившими к городу частями 1-го Белорусского фронта и первой армией Войска Польского. О начале восстания командование советских войск узнало от варшавян, переправившихся через Вислу. По приказу Сталина в расположение восставших на парашютах были заброшены два советских офицера для установления связи с Красной Армией и организации координации совместных действий. Бур-Коморовский отказался принять связных, заняв откровенно враждебную позицию к советским войскам.

Он всерьез полагал, что после энергичных ударов по немцам сможет за 4—5 дней овладеть Варшавой. Бур-Коморовский совершенно не учел или не желал учитывать, что польская сто-

---

[1] *Репников А.* Варшавское восстание: как это было. Почему повстанцы были разгромлены? URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/varshavskoe_vosstanie_kak_eto_bilo.htm.

[2] Там же.

лица находится на переднем рубеже немецкой обороны и здесь сосредоточена мощная группировка вермахта, прикрывающая выход советским войскам к Берлину.

Восставшим удалось с громадными потерями (2500 поляков) захватить второстепенные объекты, электростанцию и арсенал. Но главными объектами — аэропортом и двумя мостами через Вислу — повстанцам овладеть не удалось. Это была самая серьезная ошибка польского генерала, которая обрекла восстание на поражение. Уже к концу первой недели восстания стало ясно, что без помощи извне оно будет подавлено самыми жесткими методами. Варшавяне так и не сумели выбить немцев из города.

Узнав о восстании в Варшаве, Гитлер принял решение не сдавать город ни при каких обстоятельствах.

Трофейные немецкие материалы дают возможность объективно оценить, какое значение германское командование придавало подавлению восстания в польской столице. В этом плане стоит обратить внимание на телеграмму командующего 9-й армией генерала Н. фон Форманна командующему группы армий «Центр» генералу Г. Креббсу от 9 августа 1944 г.: «Сопротивление в Варшаве усиливается. Первоначально импровизированное восстание в настоящее время управляется при помощи военной дисциплины. Силами, имеющимися в настоящее время в нашем распоряжении, подавление восстания не представляется возможным. Возрастает опасность того, что это движение все шире распространяется и может охватить всю страну»[1].

С немецкой стороны район Варшавы оборонялся 9-й армией генерала Н. фон Формана. 16-тысячный немецкий гарнизон был усилен, и 5 августа немцы начали контратаку с помощью танков, тяжелой артиллерии и ударной авиации. В подавлении восстания также принимали участие подразделения из бывших советских граждан, перешедших на сторону немцев:

1-й и 2-й батальоны 1-го Восточно-мусульманского полка СС (800 офицеров, унтер-офицеров и рядовых);

[1] URL: http://www.stoletie.ru/retsenzii/070913134923.

сводная часть 29-й (русской) ваффен-дивизии СС под командованием майора Фролова (1700 человек);

3-й казачий кавалерийский батальон 57-го охранного полка;

69-й казачий батальон 3-й кавалерийской бригады «Казачьего Стана»;

украинский полицейский батальон «шуцманшафт-31» (рота П. Дяченко), позже влитый в дивизию СС «Галичина»;

36-я гренадерская дивизия СС «Дирлевангер».

В первом же из взятых районов Варшавы (Воля), где находилась бригада РОНА, произошло массовое убийство жителей, и это повторилось еще несколько раз. За первые двое суток погибли до 50 тысяч поляков. Страшный рекорд был установлен 5 августа, когда за один день эсэсовцы уничтожили 35 тысяч жителей. Варшаву окутал дым пожаров. Из города под конвоем потянулись толпы беженцев.

18 сентября над Варшавой появились сразу 96 американских бомбардировщиков «летающая крепость» под прикрытием истребителей «Мустанг». С высоты четырех километров они сбросили около 1000 контейнеров с оружием, боеприпасами и продовольствием. К повстанцам же попало не более 20 контейнеров, большинство опустилось на территорию, занятую эсэсовцами, а часть — в расположение советских войск. Масштабно задуманная операция не удалась, и этот рейд оказался последней помощью Варшаве, пришедшей с Запада.

Советские летчики стали оказывать поддержку восставшим с воздуха только после неудачной попытки освободить Варшаву. С 13 сентября по 20 октября авиация 1-го Белорусского фронта совершила 4821 вылет для оказания помощи восставшим, из них с грузами боеприпасов, продовольствия, медикаментов — 2535; причем советские самолеты По-2, а также полк ночных бомбардировщиков Войска Польского «Краков» сбрасывали грузы по ночам с высоты 150—200 м[1]. При этом летчики руководствовались сигналами с земли.

[1] *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. — М., 1984. — С. 281.

Итак, с 13 сентября 1944 г. советские самолеты, которые, в отличие от английских ВВС, действовали на предельно низких высотах, начали сбрасывать оружие и продовольствие повстанцам. Всего с 14 сентября по 1 октября 1944 г. было сброшено 156 минометов, 505 противотанковых ружей, 2667 автоматов и винтовок, 41 780 гранат, 3 млн. патронов, 113 т продовольствия и 500 кг медикаментов[1]. Наша помощь восставшей Варшаве продолжалась вплоть до 30 сентября, однако время было безвозвратно упущено. В итоге все сброшенное оружие после разгрома восстания досталось немцам.

Отчаянное положение восставших заставило Бур-Коморовского задуматься о капитуляции. Еще 7 сентября польское эмиграционное правительство в Лондоне дает санкцию Бур-Коморовскому на прекращение борьбы и капитуляцию, подчеркивая, что «любое принятое ими решение оно отстоит перед миром». В тот же день специальная делегация Польского Красного Креста во главе с заместителем председателя правления графиней М. Тарновской направляется на переговоры в штаб Э. фон дем Баха, который командовал корпусной боевой группой «Фон дем Бах», подавлявшей восстание.

Когда Т. Бур-Коморовский начал переговоры с немцами о капитуляции, в распоряжении Армии Крайовой еще оставались более чем боеспособные силы, которые удерживали городской центр. Мирные жители к тому времени были либо выведены из Варшавы, либо погибли. Сопротивление было возможно, у восставших имелись силы нанести значительный урон фашистам и смешать их планы по обороне данного участка фронта. Но Бур-Коморовский понял, что главную задачу, стоящую перед ним, он не выполнил, поэтому пошел на позорную капитуляцию на условиях нацистов.

Генерал СС Э. фон дем Бах, предвидя нежелание повстанцев вести переговоры с эсэсовцем, назначает своим представителем одного из подчиненных — армейского генерала. Тем не менее встреча Бур-Коморовского с фон дем Бахом состоялась. Вот как описал ее сам фон дем Бах в своих

[1] Советская военная энциклопедия. В 8 т. Т. 2. — М., 1976. — С. 23.

показаниях на Нюрнбергском процессе: «Мы вели чисто товарищеские беседы. Кроме того, обсуждали его личные надобности и потребности группы его офицеров, связанные с их местом жительства, питанием и удобствами. Я говорил ему, что имею славянскую кровь, что девичья фамилия моей матери Шиманская, и тогда совместно с Коморовским мы установили, что мои и его предки получили шляхетский титул от короля Яна III Собеского»[1]. Во время переговоров Крайова Рада Министров приняла решение о капитуляции. На одном из своих заседаний она постановила ответственность за поражение Варшавского восстания возложить, главным образом, на Советский Союз.

Накануне капитуляции президент Польши в эмиграции В. Рачкевич неожиданно назначил генерала Бур-Коморовского главнокомандующим всеми войсками, подчиненными эмиграционному правительству, что вызвало недоумение офицеров Армии Крайовой. Так добровольно сдавшегося в плен Бур-Коморовского провозгласили национальным героем и, спустя некоторое время после восстания, представили к высшей польской государственной награде — кресту «Виртути Милитари» II класса[2].

[1] *Курушин М.Ю.* 100 великих военных тайн. — М.: Вече, 2009.

[2] Коморовский Тадеуш (1895—1966) родился в Хороброве, Галиция, Австро-Венгрия. Учился в лицее во Львове, затем окончил военную академию Франца-Иосифа в Вене, по окончании в 1915 г. участвовал в Первой мировой войне. С 1918 г. — в польской армии.

В начале Второй мировой войны командовал обороной на Висле — заместитель командующего Объединенной бригадой кавалерии в составе армии «Люблин».

После разгрома Польши был организатором подполья в Краковском районе, после ареста командующего Армией Крайовой генерала Стефана Ровецкого назначен 9 июля 1943 г. на его место (с присвоением чина бригадного генерала).

Советский маршал К. Рокоссовский в интервью корреспонденту английской газеты «Санди таймс» и радиокомпании ВВС в СССР Александру Верту 26 августа 1944 г. в Люблине, называя Варшавское восстание грубой ошибкой, начатой без согласования с руководством Красной Армии, утверждал:

«Бур-Коморовский вместе со своими приспешниками ввалился сюда, как рыжий в цирке, — как тот клоун, что появляется на арене в самый неподходящий момент и оказывается завернутым в ковер… Если бы здесь

В ходе переговоров с немцами Бур-Коморовский, как главнокомандующий АК, не согласился с их предложением полностью прекратить сопротивление на всей территории Польши, однако заметил, что «немецкое военное руководство не будет иметь со стороны Армии Крайовой особых трудностей»[1]. В то же самое время по округам Армии Крайовой направляется специальная секретная телеграмма о прекращении «расконспирации перед Красной Армией и уходе в подполье».

Хотя о капитуляции было объявлено в сообщении вермахта 28 сентября, путь к общей капитуляции Армии Крайовой открылся лишь после заверения фон дем Баха, что с повстанцами будут обращаться как с военнопленными, а не как с партизанами, которых обычно казнили.

В начале 70-х годов прошлого века советские зрители увидели фильм А. Вайды «Пейзаж после битвы». Действие фильма происходит в самом конце Второй мировой войны на территории освобожденного американцами концлагеря. В ожидании своей дальнейшей судьбы поляки живут на территории бывшей казармы. Они находятся под наблюдением, чтобы не злоупотребить только что обретенной свободой. Фильм рассказывает о том, как люди адаптируются к

речь шла всего-навсего о клоунаде, это не имело бы никакого значения, но речь идет о политической авантюре, и авантюра эта будет стоить Польше сотни тысяч жизней. Это ужасающая трагедия, и сейчас всю вину за нее пытаются переложить на нас. Мне больно думать о тысячах и тысячах людей, погибших в нашей борьбе за освобождение Польши. Неужели же вы считаете, что мы не взяли бы Варшаву, если бы были в состоянии это сделать? Сама мысль о том, будто мы в некотором смысле боимся Армии Крайовой, нелепа до идиотизма».

По освобождении из немецкого плена Т. Бур-Коморовский встал во главе польских сил на Западе до их роспуска в 1946—1949 гг., и. о. премьера правительства Польши в изгнании; с 1954 г. наряду с Владиславом Андерсом и Эдвардом Рачинским — член Совета Трех (руководящий орган польской эмиграции).

Прах Коморовского перезахоронен в Варшаве на воинском кладбище Повонзки.

[1] *Курушин М.Ю.* 100 великих военных тайн. — М.: Вече, 2009.

свободе. В финале фильма главный его герой в исполнении Д. Ольбрыхского укладывает на деревянную тележку книги и покидает лагерь. Он обрел свободу! Что удивляло советских зрителей, так это физическое состояние польских военнопленных. Они в фильме Вайды выглядели сытыми и на удивление здоровыми людьми. Особенно бросалось в глаза белоснежное белье вчерашних узников. Такую кондицию им, видимо, обеспечили условия содержания, выторгованные Т. Бур-Коморовским. Действительно, участники Варшавского восстания имели статус военнопленных, их не привлекали к тяжелым работам и относительно сносно кормили, в отличие от жителей Варшавы, оказавшихся после восстания в тех же концентрационных лагерях.

В итоге преемник Бур-Коморовского генерал Л. Окулицкий издал приказ всем отрядам Армии Крайовой прекратить операцию «Буря» и перейти к ограниченным действиям по обороне и самообороне в рамках операции «Дождь». Сам Бур-Коморовский капитулировал 2 октября.

15 тысяч оставшихся в живых бойцов, в том числе 2000 женщин, сдались в плен. Генерал фон дем Бах-Залевски сдержал слово, благодаря чему избежал смертного приговора на Нюрнбергском процессе. Поляков, участников восстания, не расстреливали, а направляли в лагеря для пленных. После того как генерал Бур-Коморовский вручил сотруднику абвера свое политическое завещание с просьбой передать его правительству рейха, его поместили в офицерский лагерь № 73, расположенный в Лангвассере близ Нюрнберга, где его позже неоднократно посещали гестаповские референты по польским делам[1].

Варшавское восстание продолжалось 63 дня. Погибли и пропали без вести 18 тысяч повстанцев. Около 25 тысяч было ранено, в том числе 6500 тяжело. Погибли 180 тысяч мирных жителей Варшавы, еще 150 тысяч оставшихся в живых эвакуировались из города. Те, кому не удалось бежать, попали

[1] Там же.

в сборные лагеря, а затем на работы в рейх. Город был почти полностью разрушен.

Э. фон дем Бах получил за подавление восстания из рук фюрера Рыцарский крест.

Отряды Армии Людовой, принявшие активное участие в восстании, сумели пробиться к советским войскам. Они продолжили вооруженную борьбу против нацистов, принимали участие в освобождении своей столицы, совместно с советскими войсками брали штурмом Берлин. Генерал Армии Крайовой Бур-Коморовский предпочел сдать свои части немцам, тем самым покрыв себя позором и унизив своих подчиненных.

Национальный герой Польши Т. Бур-Комаровский, пожимающий руку палачу Варшавы Э. фон дем Бах-Залевскому

13.8. Обвинения поляков в адрес руководства СССР

Все обвинения советского руководства в поражении восставших совершенно беспочвенны. Согласно советскому плану операций (утвержденному И.В. Сталиным 28 июля 1944 г.), Варшаву, как сильно укрепленный город, планировалось не брать в лоб, а обойти с севера и юга, создав для этого плацдармы на Висле.

Такая тактика учитывала и необходимость сохранения города как одного из центров славянской культуры. В период с 28 июля по 2 августа 1944 г. советские войска захватили плацдарм к югу от Варшавы и передали его частям Войска Польского, которые должны были, наступая вдоль реки, войти в Варшаву с юга. Все это делалось несмотря на то, что советские войска к моменту восстания прошли с боями 600—700 км и были обескровлены. Отстали обозы с боеприпасами, обмундированием, продовольствием и горюче-смазочными материалами.

К тому же войска здесь временно лишились воздушного прикрытия, так как приданная им 16-я воздушная армия еще не успела перебазироваться на ближайшие к фронту аэродромы. Все эти факты были хорошо известны германскому командованию, которое разгадало оперативный план Красной Армии и нанесло танковый контрудар со стороны Варшавы в тыл советскому плацдарму на Висле. В результате на подступах к польской столице советские войска потеряли 280 танков и были вынуждены перейти к обороне. 14 сентября войска 1-го Белорусского фронта и действовавшие в их составе части Войска Польского освободили предместье Варшавы — Прагу. 15 сентября пять батальонов Войска Польского, взаимодействуя с частями Красной Армии, форсировали Вислу и захватили несколько плацдармов, но были выбиты оттуда фашистами[1].

Бур-Коморовский демонстративно отвел свои подразделения от этих плацдармов и не поддержал своих же, поляков, которые находились в отчаянном положении. А эти плацдармы давали возможность осуществить непосредственный контакт с частями Красной Армии, в результате чего необходимость в воздушных мостах отпадала.

Главные силы германских войск во время восстания были заняты на фронте, где понесли 75% всех потерь. Войска 1-го Белорусского фронта потеряли на подступах к Варшаве в августе — первой половине сентября 1944 г. 166 808 солдат и офицеров.

[1] *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. — М., 1984. — С. 281.

Одно из обвинений в адрес СССР и России звучит следующим образом: Сталин «не разрешил посадку английских и американских самолетов на советских аэродромах после совершаемых ими налетов на позиции немцев в районе Варшавы и доставки грузов участникам восстания». Но ни англичане, ни американцы не планировали таких посадок, то есть посадок с такой целью: «сбросил груз, приземлился на советский аэродром и полетел обратно». Дело в том, что командование ВВС США и Великобритании после того, как стало ясно, что аэродром в Варшаве Бур-Коморовскому захватить не удалось, попросило разрешения доставлять польские части из Англии и Италии на советские аэродромы поблизости от Варшавы. На такое предложение поступил отказ.

Уместно заметить, что как раз в это время процесс «сдачи» «лондонского» правительства «хозяевами» неуклонно набирал силу. Рузвельт, в частности, прямо заявил Сталину: «Соединенные Штаты никогда не поддержат каким-либо образом любое временное правительство в Польше, которое будет враждебно вашим интересам»[1]. Черчилль знал об этой позиции, поэтому Рузвельт, как и Сталин, не был проинформирован о планах варшавского восстания. Для Лондона данное восстание оставалось последней надеждой на то, что «карманное правительство» обретет легитимность. После поражения восстания Черчилль пошел на уступки Сталину. Но об этом несколько позднее.

Таким образом, у военно-политического руководства СССР после начала Варшавского восстания были две возможные стратегии поведения:

бросить измотанные тяжелыми боями войска 1-го Белорусского фронта на помощь восставшим и ценой колоссальных жертв обеспечить «лондонскому» правительству, бригаде польских десантников, а также подразделениям англичан безопасную посадку на варшавских аэродромах;

[1] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Сборник документов. Том IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). — М.: Издательство политической литературы, 1979.

организовать взаимодействие с восставшими и вывести их из Варшавы, сохранив при этом жизни мирных жителей и повстанцев.

Руководство СССР выбрало последний сценарий действия. Во-первых, Армия Крайова на освобожденных Красной Армией территориях Польши, Западной Украины и Западной Белоруссии к моменту Варшавского восстания уже вела крупномасштабную партизанскую войну, о чем Сталин неоднократно уведомлял Черчилля и Рузвельта[1]. Отсюда следует естественный вывод, что Армия Крайова являлась не союзником, а противником СССР.

Во-вторых, гибель еще нескольких сотен тысяч красноармейцев при штурме Варшавы, когда число погибших советских солдат, освободивших Польшу, достигло бы миллиона человек, вряд ли удовлетворили бы все претензии Польши к России. Эти претензии сохранились бы при любом варианте развития событий. Политика Польши последних лет подтверждает правильность принятых Сталиным решений, который, будучи реальным политиком, никогда не руководствовался эмоциональным порывом.

Доктор медицины, выдающийся психиатр, психолог и историк П.И. Ковалевский (1849—1923), русский патриот с польскими корнями, в свое время писал, что, поддаваясь эмоциям и оказывая постоянную поддержку «братьям-славянам», мы в итоге «добились того, что все эти наши славянские братья смотрели на нас, как на своих обязанных батраков... В благодарность те же вырученные братушки и лягнут эту глупую Россию... А Боже храни, если русские не придут на помощь. Тут уже и нет предела издевательствам, брани и помоям по адресу России. И Россия терпит»[2].

---

[1] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Сборник документов. Том IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). — М.: Издательство политической литературы, 1979.

[2] URL: http://www.rusk.ru/monitoring_smi/2007/09/25/varshavskoe_vosstanie_kak_e_to_bylo/.

13.9. Восстание в Варшавском гетто

Претензии сторонников эмигрантского правительства к СССР, США и Англии в современной Польше вызывают особое возмущение после знакомства с событиями 1943 г., произошедшими в той же Варшаве в еврейском гетто.

В марте 1940 г. ряд городских районов Варшавы с высокой концентрацией еврейского населения были объявлены немецкими оккупационными властями карантинной зоной. Из этих районов выселили около 113 тысяч поляков и на их место заселили 138 тысяч евреев из других мест.

Решение об организации гетто было принято 16 октября 1940 г. генерал-губернатором Г. Франком. К этому моменту в гетто находилось около 440 тысяч человек (37% населения города), при этом площадь гетто составляла 4,5% площади Варшавы.

Первоначально выход из гетто без разрешения властей наказывался тюремным заключением сроком на 9 месяцев. С ноября 1941 г. стала применяться смертная казнь. 16 ноября гетто было огорожено стеной[1].

В гетто постоянно циркулировали слухи о массовом уничтожении евреев в различных провинциях Польши. Чтобы успокоить его жителей, немецкая газета «Варшауэр цайтунг» сообщала, что десятки тысяч евреев занимаются строительством производственного комплекса. Кроме того, в гетто разрешили открыть новые школы и приюты.

19 июля 1942 г. в гетто возникли слухи о скором выселении в связи с тем, что богатые владельцы фирмы Кона и Геллера вывезли свои семьи в пригород Варшавы. Но комиссар гетто Г. Ауэрсвальд сообщил председателю юденрата (органу управления еврейским гетто) Адаму Чернякову, что слухи эти являются ложными, после чего Черняков сделал соответствующее заявление[2].

22 июля 1942 г. юденрат был проинформирован, что все евреи, за исключением работающих на немецких предприя-

---

[1] Варшавское гетто. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Варшавское_гетто.

[2] *Алексеев В.М.* Варшавское гетто больше не существует / Вступ. ст. А.Х. Горфункель. — М.: Звенья, 1998.

тиях, работников госпиталей, членов юденрата и их семей, членов еврейской полиции в гетто и их семей, будут депортированы на Восток. Еврейской полиции было приказано обеспечить ежедневную отправку 6 тысяч человек на железнодорожную станцию. В случае неисполнения этого распоряжения нацисты угрожали расстрелять заложников, в числе которых оказалась жена Чернякова.

23 июля глава юденрата Черняков покончил с собой после того, как узнал, что к вывозу готовятся дети из приютов. Его место занял Марек Лихтенбаум, занимавшийся спекуляцией. Сыновья Лихтенбаума сотрудничали с гестапо. Юденрат призвал население оказывать содействие полиции в отправке жителей гетто на Восток[1].

13.10. Евреи-коллаборационисты

Помимо семьи Лихтенбаума и еврейской полиции в Варшаве действовала целая еврейская коллаборационистская организация «Жагев» (польск. *Zagiew* — «Факел»). Это были евреи, сотрудничавшие с гестапо. Суть ее деятельности состояла в том, чтобы выявлять поляков, которые укрывали евреев за пределами гетто. В организации состояло до 1000 агентов гестапо, евреев по происхождению[2].

Некоторым из агентов даже разрешалось владеть огнестрельным оружием. Под одноименным названием издавалась газета (редактор — Шайн), содержавшая провокационные левацкие лозунги и даже призывы к восстанию[3].

Во время восстания в Варшавском гетто многие из членов «Жагева» были уничтожены членами еврейского подполья, другие — самими немцами[4]. Так, в дни восстания 59 из 60 сотрудников газеты «Жагев» были убиты подпольщиками[5].

---

1 URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/ Варшавское_гетто.

2 URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Еврейская_полиция.

3 Там же.

4 Там же.

5 *Алексеев В.М.* Варшавское гетто больше не существует.

В Варшавском гетто в составе юденрата находился агент абвера со стажем — некий Альфред Носсиг. Был он очень старым (родился в 1864 г.) и образованным человеком (имел ученые степени по юриспруденции, медицине, философии, писал пьесы, статьи, делал скульптуры), разделял идеи сионизма, мечтал о еврейском государстве, потому и стал активно сотрудничать с нацистами. В самой форме гетто он видел инструмент объединения евреев.

Глава варшавского юденрата уже в конце 1940 г. получил приказ включить в его состав А. Носсига, что настораживало других членов этой организации[1]. Почтенный Носсиг регулярно отправлял в гестапо свои рапорты. В 1943 г. его застрелили прямо в доме, где он проживал, подпольщики[2].

В день, когда А. Черняков принял цианистый калий, состоялось собрание участников подпольной еврейской сети, где собравшиеся, похоже, убедили сами себя, что отправка жителей будет производиться с целью переселения в трудовые лагеря. Было принято решение не оказывать сопротивления.

Ежедневно из здания больницы, назначенной пунктом сбора, людей выгоняли на погрузочную платформу. Физически крепких мужчин отделяли и направляли в трудовые лагеря. Кроме того, освобождались люди, занятые на немецких предприятиях. Остальных (не менее 90%) загоняли по 100 человек в вагоны для скота. Юденрат постоянно делал заявления, опровергая слухи о том, что вагоны следуют в лагеря уничтожения. Гестапо распространяло письма, в которых от имени выехавших жителей рассказывалось о трудоустройстве на новых местах.

В первые дни операции полиция усиленно хватала нищих, инвалидов, сирот. Объявили, что добровольно явившимся на пункты сбора будут выданы три килограмма хлеба и килограмм мармелада. С 29 июля началось окружение домов с проверкой документов. Тех, кто не имел справок о работе на немецких предприятиях, отправляли на погрузочную плат-

[1] URL: http://lib.rus.ec/b/167090/read.

[2] Там же.

форму. Пытавшихся скрыться расстреливали. В таких проверках также принимали участие литовские и украинские коллаборационисты. К 30 июля было вывезено 60 000 человек.

6 августа в Треблинку отправили около 200 воспитанников детского дома, директором которого был педагог Януш Корчак. Юденрат добился освобождения Корчака, однако тот отказался и последовал со своими воспитанниками. В августе впервые начали вывозить в лагеря работников учреждений юденрата (700—800 человек).

Дошла очередь и до членов еврейской полиции. 21 сентября немцы окружили их дома, и большинство полицейских вместе с женами и детьми тоже отправились в лагеря уничтожения. В течение 52 дней (до 21 сентября 1942) около 300 тысяч человек было вывезено в Треблинку. За июль еврейская полиция обеспечила отправку 64 606 человек. В августе депортировали 135 тысяч человек, за 2—11 сентября — 35 886 человек. После этого в гетто осталось от 55 до 60 тысяч евреев[1].

13.11. Проект «Жегота»

Польское правительство в изгнании создало агентство «Жегота», призванное помочь евреям на территории Польши. Инициатором, заказчиком и спонсором данного благородного проекта стали еврейские активисты и влиятельные международные организации[2]. Участники получали за свою деятельность деньги. Но это не касалось непосредственных исполнителей, что понятно: такая работа за деньги не делается. Замечательные люди, ежедневно рискуя жизнью, совершали настоящие подвиги. И действовали они бескорыстно.

Организация спасла жизнь 75 000 евреев, выдала 60 000 фальшивых свидетельств, позволивших евреям жить на арийской стороне. Наиболее выдающейся личностью среди героев была Ирина Сандлер[3]. Во время фашистской оккупации Поль-

---

[1] URL: http://aqua-snezhok.livejournal.com/2551855.html.

[2] URL: http://www1.yadvashem.org/education/entries/russian/128.asp.

[3] Энциклопедия «Еврейский мир». р. И. Телушкин. Восстание в Варшавском гетто. URL: http://school.ort.spb.ru/library/torah/teacher/07_192.htm.

ши эта воистину святая женщина получила разрешение на работу в Варшавском гетто в качестве сантехника/сварщика. По национальности Сандлер была немкой, поэтому получить такое разрешение для нее оказалось относительно несложно.

На дне сумки для инструментов Ирина выносила малышей из гетто, а в задней части грузовичка у нее был прилажен мешок для детей постарше. Так ей удалось спасти 2500 детей. Ирину поймали; нацисты сломали ей ноги и руки, жестоко избили. И. Сандлер вела запись имен всех вынесенных ею детей, списки она хранила в стеклянной банке, зарытой под деревом на заднем дворе ее дома. После войны она попыталась отыскать всех возможно выживших родителей и воссоединить семьи. Но большинство из них окончило жизнь в газовых камерах. Дети, которым она помогла, были устроены в детские дома или усыновлены.

Ирину Сандлер выдвинули на Нобелевскую премию Мира. Но она не стала лауреатом этой престижнейшей премии. Получил ее Эдвард Гор, в прошлом вице-президент США, — за слайд-шоу по проблеме всемирного потепления. 12 мая 2008 г. в возрасте 98 лет Ирина Сандлер скончалась.

У жителей гетто не было иной альтернативы, кроме как погибнуть в бою или быть сожженными в крематориях Треблинки, Освенцима, Собибора. Они выбрали первое.

Польские подпольные организации доставили руководителям восстания девять револьверов и пять ручных гранат. Остальное оружие и патроны им пришлось у поляков покупать.

По другим данным, от Армии Крайовой для сопротивления немцам было получено:

70 пистолетов;

1 ручной пулемет;

1 автомат[1].

Жители гетто создали подпольную организацию и выбрали комитет по координации боевых действий подполья. Его возглавил Мордехай Анилевич с помощником — Ицхаком

[1] Там же.

Цукерманом. Подпольщики готовили бункеры, подземные убежища и проходы, склады оружия и линии сообщения для будущей битвы. Еврейский квартал был разделен на районы. Начались поиски оружия в другой, католической, части города.

Револьвер стоил тысячи злотых. И это в то время, когда в Варшаве работали три фабрики по производству оружия, гранат и боеприпасов, принадлежавшие Армии Крайовой. Оружие поступало разными путями: через канализационные трубы, через подкупленных стражников, в грузовиках, на которых доставляли в гетто немецкие продовольственные пайки. «Если бы мы могли получить нужное нам оружие и боеприпасы, — писал накануне восстания двадцатитрехлетний М. Анилевич — лидер повстанцев, — овладение гетто могло бы стоить врагу океана крови. Но и без этого мы покажем, каким источником силы являются вера и сознание собственных сил»[1].

На 19 апреля 1943 г., в канун еврейской Пасхи, была намечена окончательная ликвидация Варшавского гетто — в этот день оставшихся обитателей немцы собирались отправить в лагеря смерти. В три часа ночи регулярные отряды немецкой армии под командованием генерала Юргена Штропа при поддержке артиллерии и бронетехники вошли на территорию гетто.

Из Висбаденского отчета Штропа (бригадефюрера СС, генерал-майора полиции) от 1 мая 1946 г.:

«Я ввел в действие силы по двум сторонам главной улицы. Когда наши силы только миновали главные ворота, на них обрушился точный и хорошо согласованный огневой удар. Из всех окон и подвалов стреляли так, что нельзя было видеть стреляющего. Сейчас же начали поступать рапорты о потерях. Броневик загорелся. Бомбы и зажигательные бутылки останавливали любое продвижение. Пока мы начинали прочесывать один блок, они укреплялись в соседнем. В некоторых местах мы были вынуждены применить зенитное оружие. Только теперь мы обнаружили подземные точки. Подземные позиции

[1] *Алексеев В.М.* Варшавское гетто больше не существует.

давали повстанцам возможность быть невидимыми и позволяли им непрерывно менять свое местонахождение. Одну такую позицию нам удалось завоевать только после 2 дней.

Мы с точностью установили, что не только мужчины были вооружены, но и часть женщин. Особенно в возрасте от 18 до 30. Они были одеты в штаны для верховой езды и с касками на голове... Многие из этих женщин прятали заряженные пистолеты в нижнем белье. Так бои велись до конца операции, от подвала дома и до его крыши...»[1].

Каждая стена стала здесь баррикадой, каждый подвал — очагом восстания. Немцы сожгли гетто, вытравили людей огнем и дымом, разрушили все до последнего камня.

Сопротивление повстанцев удалось сломить к началу июня, но отдельные боевые группы продолжали борьбу все лето[2]. Практически все руководители восстания погибли.

Восстание в Варшавском гетто было одним из крупнейших и массовых в Европе. Многие из тех евреев, которым удалось спастись, принимали позже активное участие в Варшавском восстании — более 1000 человек.

В ходе боев с регулярными частями СС было убито около 7 тысяч защитников гетто, еще 6 тысяч сгорели заживо. В последнем донесении палач гетто Штроп сообщил, что при подавлении восстания было убито 56 065 евреев. Повстанцы уничтожили свыше 3000 гитлеровцев. Сразу после подавления сопротивления оставшихся в живых обитателей гетто, около 15 тысяч человек, отправили в концлагеря и лагеря смерти (большинство — в Треблинку).

19 апреля 1948 г., в пятую годовщину восстания, на площади имени Героев гетто был открыт монумент его бойцам и жертвам, созданный скульптором Н. Рапопортом.

Восставшие в еврейском гетто, вооруженные одним пулеметом, несколькими винтовками, револьверами, гранатами

---

[1] Энциклопедия «Еврейский мир» р. И.Телушкин. Восстание в Варшавском гетто. URL: http://school.ort.spb.ru/library/torah/teacher/07_192.htm.

[2] Врата Сиона — Восстание в Варшавском гетто. URL: http://www.gatesofzion.od.ua/modules.php?name=News&file=article&sid=80.

и бутылками с «коктейлем Молотова», продержались против нацистов столько же, сколько вся Польша против германской агрессии в 1939 г.!

Армия Крайова не предприняла никаких решительных шагов, чтобы как-то облегчить участь восставших граждан своей страны. Стена, окружавшая еврейское гетто, не была взорвана. Вероятно, руководство Армии Крайовой опасалось, что в этом случае нацисты начнут репрессии и в ходе поиска разбежавшихся повстанцев обнаружатся секретные фабрики по производству оружия, явки, конспиративные квартиры, и, тем самым, будет нанесен ущерб их боеготовности. Более того, чудом вырвавшихся из гетто повстанцев поляки тут же сдавали немцам, делалось это с той же целью — сохранение Армии Крайовой. Случаи, когда евреям помогали скрыться, были очень редки. Верх взял так называемый здравый смысл. Нельзя же идти на самоубийство, когда есть другое, гораздо более высокое предназначение.

13.12. Решение проблемы границ и правительства Польши

В ходе Тегеранской конференции стран-союзниц была достигнута принципиальная договоренность о послевоенных границах Польши. У. Черчилль представил на одобрение других участников переговоров документ, который гласил:

«В принципе было принято, что очаг Польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер, с включением в состав Польши Восточной Пруссии и Оппельной провинции»[1].

После Тегеранской конференции, но еще до Варшавского восстания позиция Черчилля в отношении польского правительства состояла в следующем: «Советская Россия имеет право признать какое-либо иностранное правительство или отказаться признать его... рекомендовать изменения в составе иностранного правительства — это значит близко подойти

[1] *Бережков В.М.* Страницы дипломатической истории. — М.: Международные отношения, 1984.

к вмешательству во внутренний суверенитет». Данная точка зрения излагалась в послании Черчилля главе советского правительства, полученном в Москве 1 февраля 1944 г.[1].

Однако главное в послании Черчилля заключалось в следующей фразе: «Создание в Варшаве иного польского правительства, чем то, которое мы до сих пор признавали… поставило бы Великобританию и Соединенные Штаты перед вопросом, который нанес бы ущерб полному согласию, существующему между тремя великими державами, от которых зависит будущее мира»[2].

После Варшавского восстания позиция Черчилля значительно смягчилась на Ялтинской конференции. В итоговой декларации «О Польше», под которой стоит и подпись Черчилля, отмечено, что «действующее ныне в Польше Временное правительство (прокоммунистическое. — *Авт.*) должно быть… реорганизовано на более широкой базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы»[3]. Таким образом, Черчилль «сдал» «свое карманное польское» правительство.

Что касается границ Польши, то на востоке была принята за нее «линия Керзона», а на западе — новая граница по Одеру и Западной Нейсе.

В связи с описанными событиями интересен факт своеобразного торга правительств Польши и Чехословакии. Тешинская Силезия[4] была отторгнута по Мюнхенскому соглашению

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Силезия — это историческая славянская область в верхнем и среднем течении Одера. В X в. — в составе Польского государства, в XIV в. — земель Чешской короны. С 1526 г. Силезия (за исключением княжеств Севежского, Освенцимского, Заторского) — под властью Габсбургов, с 1742 г. — Пруссии (исключая княжества Опава, Тешин, территория которых осталась у Габсбургов, а в 1920-м вошла в состав Чехословакии). Прусская провинция Силезия в 1919-м разделена на две провинции: Верхнюю Силезию с центром в Оппельне (Ополе) и Нижнюю Силезию с центром в Бреславле (Вроцлав). В 1922-м около $^1/_3$ Верхней Силезии передано Польше Советом Лиги Наций. Потсдамская конференция 1945-го вернула Польше большую часть территории Силезии.

1938 г. и передана Гитлером Польше. В те времена нацистская Германия и Польша являлись союзниками. После оккупации Чехии Германия была исключена из Лиги Наций, ее интересы представляла Польша, которая тогда приветствовала территориальные захваты не только Гитлера, но и Муссолини.

Но вот война закончилась, и Генеральный секретарь Польской рабочей партии В. Гомулка на встрече с И. Сталиным 14 ноября 1945 г. спросил: «Следует ли углублять вопрос о Тешине и может ли СССР оказать Польше поддержку в переговорах о Тешине с чехословаками?»

Недаром же У. Черчилль назвал Польшу «гиеной XX века».

Сталин ответил: «Не советую углублять этот вопрос, так как после получения Польшей силезских коксующихся углей у Польши не осталось аргументов в пользу передачи Тешина полякам, ввиду чего СССР лишен возможности оказать поддержку полякам в этом деле. Было бы лучше поскорее ликвидировать этот конфликтный вопрос с Чехословакией, ограничиться переселением тешинских поляков в Польшу и восстановить хорошие отношения с Чехословакией. В вопросе переселения тешинских поляков в Польшу СССР может оказать поддержку полякам в переговорах с Чехословакией»[1].

Президент Чехословакии Э. Бенеш летом 1946 г. писал Сталину: «Ввиду того, что было невозможно в тешинском вопросе уступить польским необоснованным требованиям, исполнение которых обозначало бы, кроме прочего, и подтверждение польских действий после Мюнхена, признаю, что наши взаимные переговоры на мертвой точке»[2].

Однако новое польское правительство, несмотря на прямой отказ Сталина, продолжало настаивать на сохранении за собой хотя бы части Тешинского княжества. Позиция поляков была изложена в специальной памятной записке на имя В.М. Молотова от 12 марта 1946 г.[3]. Польская сторона предлагала

---

[1] *Бережков В.М.* Страницы дипломатической истории. — М.: Международные отношения, 1984.

[2] Там же.

[3] Там же.

руководствоваться при определении границ этнографическим принципом: «…граница должна… проходить так, чтобы по обеим сторонам границы оставалось возможно меньшее количество национальных меньшинств». Но позиция чехословацкой стороны была непоколебима: «Вопрос о Тешинских границах решен в 1920 г., и [чехословацкое правительство] не может принять мюнхенских границ». Молотов поддержал такой подход[1].

Западная Германия смотрела на действия Польши с подозрением и называла эту линию временной административной границей. Только в 1970 г., когда Западная Германия стремилась улучшить свои отношения с восточным блоком, боннское правительство подписало соглашения, которые признавали линию Одер—Нейсе законной и нерушимой границей Польши. В 1991 г. воссоединенная Германия подтвердила свое признание этой границы.

Поскольку территориальный передел уже свершился, Потсдамская конференция заключила, что немцы, остающиеся в Польше, Чехословакии и Венгрии, подлежат «организованной и гуманной» высылке в Германию.

Однако на деле выдворение немцев из Восточной Европы оказалось далеким от гуманности, равно как и от организованного переселения. Оценки здесь разнятся, но, в любом случае, было депортировано от 3,5 до 9 миллионов немцев, сотни тысяч (по некоторым данным — до 2 млн) человек умерли от голода, болезней и насилия, когда бывшие жертвы фашистской агрессии получили возможность отомстить.

Депортация немцев до сих пор не дает покоя многим в Германии. Группы, представляющие так называемых судетских немцев, изгнанных из Чехословакии, остаются влиятельной силой в немецкой политике. В последнее время отношения между Германией, Чехией и Польшей стали несколько натянутыми из-за проблем с компенсацией собственности и земельных наделов, конфискованных у немцев. Остановимся на данной проблеме.

[1] Там же.

13.13. Депортация немцев

Наиболее удовлетворительным и долговечным методом решения проблемы является изгнание. Так мы сможем покончить со смешением народов, которое ведет к бесконечным проблемам и трудностям. Только так удастся навести порядок. Беспокойства по поводу широкомасштабных переселений я лично не испытываю, в современных условиях их можно провести с минимальными потерями.

Уинстон Черчилль (из речи на парламентских дебатах 15 декабря 1944 г.[1])

Еще совсем недавно, в начале прошлого века, на территории современной Польши жили миллионы немцев, украинцев, венгров, чехов, словаков, русских. В процентном отношении количество поляков, от общего числа проживающих в этом многонациональном государстве, не превышало 60%. Сегодня Польша — мононациональное государство. Уникальный случай для бывшей «великой империи». Как это произошло?

Израильский журналист и политолог И. Шамир пишет: «На днях ведущее немецкое издательство сообщило, что оно отказывается от своих планов издать книгу американского журналиста Джона Сака “Око за око” в Германии. Набор книги, уже готовой к печати, был уничтожен, уже оплаченный гонорар остался у автора. Так завершилась победой борьба сионистского лобби с этой книгой, описывающей страшную месть евреев немцам после Второй мировой войны.

Впрочем, книга была все же напечатана в Америке, где она также была встречена в штыки тем же мощным лобби. Джон Сак, американский еврей, автор книги, пишет, что ему было стыдно и больно писать о происшедшем, но он счел это своим долгом.

[1] URL: http://www.dw-world.de/dw/article/0,,1094533,00.html.

Одна из глав книги описывает послевоенный концлагерь для немцев, заподозренных в связях с нацистами, в Польше, в Светохловице, неподалеку от Катовиц. Концлагерь действовал с весны по конец 1945 г. Его узниками становились на самом деле не нацисты, а просто этнические немцы, люди, предки которых веками жили в Силезии, Западной Пруссии и Померании — на землях, отошедших к Польше после Второй мировой войны. Всего семь миллионов лиц немецкого происхождения, “этнических немцев”, были высланы польскими властями. Высылка производилась в вагонах для скота, как незадолго до того — высылка чеченцев, крымских татар и других малых народов. По оценкам книги, из семи миллионов немцев погибло два миллиона человек — огромная цифра, огромная трагедия, до сих пор мало известная широкой публике. (Поляки, спешащие обвинять Россию в убийствах в Катыни, редко говорят об этом преступлении. Если раньше у Советского Союза были основания поддерживать Польшу, сейчас их нет. Польша не прикрывает Россию от Германии. Поэтому Россия не обязана гарантировать, как при Горбачеве, невозвращение бывших германских земель — Германии. — *Авт.*)

Комендантом лагеря Светохловице был польский еврей Соломон Морель. Соломон Морель потерял во время войны родителей и двух братьев. Вместе с другими охранниками из польского УБ — почти все они были польскими евреями — Морель установил в лагере жестокий режим. Он истязал, пытал и убивал узников, вся вина которых была в национальном происхождении. По словам Сака, Морель запытал насмерть и лично, своими руками убил сотни заключенных концлагеря. После службы на посту коменданта концлагеря он остался работать в УБ, польском МГБ, до “чистки” в 1968 г. После политических реформ в Польше ему пришлось дать отчет перед комиссией о преступлениях против польского народа. Он отрицал обвинения в убийстве и пытках, а массовые смерти сваливал на эпидемию тифа. Но уцелевшие узники концлагеря выступили против него. Герхард Грушка, сейчас — учитель в Северной Германии, был 14-летним немецким подростком,

когда его арестовали польские власти в апреле 1945 г. и бросили в страшный концлагерь Светохловице. “Морелю было 25—30 лет, он был очень силен и полон ненависти, — рассказывает Грушка. — Если он брался за заключенного, это означало смертный приговор”»[1].

Еврей Соломон Морель ничем не отличался от своих коллег — поляков.

В конце августа 1945 г. Политуправление Северной группы войск сообщало: «В последнее время положение на бывших территориях Германии, отошедших к Польше, резко ухудшилось… Не прекращается, а, наоборот, все время усиливается ограбление немцев со стороны польского населения. Участились случаи произвольных убийств немецких жителей поляками, необоснованных арестов, длительного тюремного заключения с применением издевательств, насилий, побоев и оскорблений…

Польские власти на местах возражают против проведения какой бы то ни было организационно-разъяснительной работы с немецким населением. Так, например, уполномоченный польского правительства по гор. Вальденбург г-н Шевчик заявил: “Немцев мы будем использовать как рабочий скот. Они не должны ничего знать, не должны ничем интересоваться. Они должны знать только свое рабочее место и свою койку”»[2].

Английский журналист Артур Стейн рассказывал о таком случае: в Силезии в августе 1946 г. польские солдаты затолкали в поезд 4200 человек — мужчин, женщин, детей, стариков. К моменту погрузки все они были уже до предела истощены, среди них было много больных. Из-за плохой работы транспорта поезд задержался в дороге и прибыл в Германию только спустя 18 дней. Все это время заключенные не получали никакой пищи. В итоге по прибытии в Берлин в живых остались только 1350 человек[3].

---

[1] *Шамир И.* Страшная месть. URL: http://perfilovu.narod.ru/istor/holokost.html.

[2] *Широкорад А.* Давний спор славян. Россия. Польша. Литва.

[3] *Феденко Е.* Депортация невинных побежденных. URL: http://telegrafua.com/318/history/5957/.

Страны «народной демократии» также не отличались особым гуманизмом. Особенно рьяным сторонником депортации немцев был президент Чехословакии Э. Бенеш. Неспособный оказать сопротивление Германии в 1938—1939 гг., после войны он неудержимо стремился отомстить беззащитным немцам Чехословакии. Свои первые шаги в этом направлении он предпринял еще до того, как на Потсдамской конференции была получена санкция на переселение немцев: указом от 21 июня 1945 г. он конфисковал землю у всех «лиц германской расы», а 27 июня издал указ о передаче этих земель «лицам славянской расы». На практике отнятие земли дополнялось открытым грабежом личного имущества[1].

Так, в июне 1945 г. в НКВД СССР поступила информация, что «чехословацкое правительство вынесло постановление, согласно которому все немцы, проживающие в Чехословакии, обязаны немедленно выехать в Германию. Местные органы власти в связи с постановлением объявляют немцам, чтобы они в течение 15 минут собирались и выезжали в Германию. На дорогу разрешают взять с собой 5 марок. Никаких личных вещей и продовольствия брать не разрешают. Ежедневно в Германию прибывают из Чехословакии до 5000 немцев, большинство которых — женщины, старики и дети. Будучи разорены и не имея перспективы на жизнь, некоторые из них кончают жизнь самоубийством, вскрывая бритвой вены на руках»[2].

2 августа 1945 г. Бенеш издает указ о лишении гражданства Чехословакии всех лиц немецкой национальности. Лишенные гражданства люди подлежали выселению. 3 млн немцев оказались вне закона, и отныне кто угодно мог делать с ними что угодно. К моменту депортации многие немцы были уже неоднократно ограблены. И не только обворованы — по отношению к ним совершались всевозможные уголовные преступления.

Полиция и армия не только не пресекали подобных правонарушений, но и сами порой являлись зачинщиками зло-

[1] Там же.

[2] URL: http://www.svobodanews.ru/content/article/126874.html.

деяний. Чтобы облегчить распознавание «врагов нации», всех немцев заставили носить на одежде большую букву «N».

Затем началась депортация. Обычная схема была такова: немцев из мест их проживания сгоняли в лагеря для перемещенных лиц. Это означало, что они должны были пройти пешком десятки километров. Ни питания, ни медицинской помощи не предусматривалось.

Слабые и больные тысячами гибли в дороге. При этом охранники были вольны совершать любые бесчинства по отношению к депортируемым. В лагерях для перемещенных лиц немцы находились в переполненных, грязных и сырых помещениях без всякого намека на санитарию. Из воспоминаний заключенных можно узнать, каково было меню в этих лагерях: суп из вареной брюквы, без соли, мяса, жира; каша из овса — без соли, масла и мяса. Медицинская помощь либо отсутствовала, либо была совершенно недостаточной. Отопление не предусматривалось даже в комнатах для больных, поэтому с наступлением холодов условия проживания стали поистине убийственными.

Самой смертоносной оказалась зима 1945—1946 гг. Например, в лагерь Курим в ноябре 1945 г. согнали 2500 человек, из которых к весне 1946 г. от голода и болезней погибли 750 человек, то есть 28%. Вот судьбы некоторых из них. Герберт Шернштайн, будучи коммунистом, был арестован нацистами в 1938 г. До апреля 1945 г. он успел побывать в трех немецких концлагерях. Освобожденный советской армией, он вернулся домой, в Судетскую область Чехословакии. А через несколько месяцев снова оказался в лагере — теперь уже как немец. В лагере Шобриц, куда его отправили зимой 1945—1946 гг., вспыхнула эпидемия тифа, которая в отдельные дни уносила жизни 300 человек. По мнению Шернштайна, питание, санитарные условия и обращение охраны с заключенными в этом лагере были намного хуже, чем в любом из немецких концлагерей, где он побывал. А он побывал в Терезинштадте, Заксенхаузене и Равенсбрюке — коменданты всех этих лагерей были казнены за бесчеловечное обращение с заключенными.

«Я провела 15 месяцев в лагере Клайдовка, — пишет Марта Велфель. — Все бараки были полны вшей и клопов. Наш рацион состоял только из хлеба и воды. Среди заключенных было много матерей с маленькими детьми. Все дети младше 4 лет умерли. Их было около сотни. Мой ребенок, 15 месяцев от роду, тоже умер. Когда я спросила, где его похоронили, охрана избила меня так, что я потеряла сознание»[1].

По указу Бенеша от 19 сентября 1945 г. немцев разрешалось гнать на работу насильно. Это касалось и тех, кто был помещен в лагерь, и тех, кто еще оставался дома. Из воспоминаний Ирмгард Гернер: «Чехи вошли в наш дом в 4 часа утра 30 ноября и приказали мне и моей 63-летней матери одеваться и идти за ними. Нас отвели к станции Майз… Из числа согнанных немецких женщин, мужчин и детей чешские фермеры отбирали тех, кто был физически крепок. При этом иногда разлучались семьи, так что повсюду слышался плач детей».

Врач Альфред Шенк вспоминает: «Заключенных, несмотря на их ужасающее состояние, заставляли работать. Если же они из-за физической слабости не могли выполнить установленную норму, их часто избивали. Заключенные, посаженные в штрафные камеры, иногда получали обморожения, из-за чего приходилось ампутировать конечности. Телесные наказания были официально разрешены… Рацион даже для больных состоял только из вареного ячменя без мяса, жира и соли, так что выздоровление тяжелобольных было совершенно невозможно»[2].

Знаменитое Пражское восстания в мае 1945 г. при более глубоком рассмотрении оказалось не примером мужества чехов, а массовым преступлением против мирного населения. Члены оккупационной администрации и военнослужащие забаррикадировались в административных зданиях и казармах и успешно отражали все атаки повстанцев до прихода эсэсовцев. После такой неудачи чехи бросились грабить, насиловать и убивать беззащитных женщин, стариков

[1] URL: http://telegrafua.com/318/history/5957/print.

[2] Там же.

и детей — членов семей забаррикадировавшихся немцев. В этом они преуспели. От разъяренных эсэсовцев, которые прибыли «восстановить порядок» и увидели следы «освободительной деятельности», повстанцев спасли только вовремя подоспевшие советские войска.

Все случившееся — и преступления чешских повстанцев, и зверства чехов в период массовой депортации немцев — невозможно понять с точки зрения здравого смысла. Ведь не было в Европе, оккупированной Гитлером, нации более лояльной к оккупантам, чем чехи. Никакого вооруженного сопротивления фашистской администрации, никаких партизан, никакого подполья. Гауляйтер Чехии, любимец Гитлера Р. Гейдрих (1904—1942) ездил по Праге в открытом лимузине лишь в сопровождении ординарца. Вспомните о В. Кубе (1887—1943) — гауляйтере Белоруссии и Э. Кохе (1896—1986) — гауляйтере Украины, на которых была объявлена охота, в связи с чем их охраняли батальоны СС. Покушение на Гейдриха организовали из Лондона. Исполнителями были граждане Англии — этнические чехи, которые в страхе сбежали от смертельно раненного гауляйтера, когда он попытался их задержать. Террористов сдали сами чехи, поскольку начавшиеся после покушения репрессии нарушили их покой.

Конец фашистской оккупации ознаменовался в Польше взрывом антисемитизма. Так, 20 октября 1945 г. советник НКВД СССР Н.Н. Селивановский сообщал Л.П. Берии о том, что в стране распространились листовки «о якобы имевших место убийствах евреями польских детей в Жешуве, Кракове, Люблине и других городах, использовании крови польских детей для лечения раненых военнослужащих Красной Армии и т. д.». В Кракове прошли погромы, в которых принимали участие сами работники милиции, за что 40 милиционеров в день погрома были арестованы[1].

Представитель НКВД также сообщал в Москву о том, что евреи, активные участники сопротивления, составляют актив-

[1] *Широкорад А.* Давний спор славян. Россия. Польша. Литва.

ную часть руководящих кадров центральных государственных учреждений. «Такое положение вызывает резкое недовольство поляков, заявляющих о засилии [евреев] в министерствах и других польских учреждениях»[1].

ВЫВОДЫ

1. Трагедия Варшавского восстания, в первую очередь, связана с нечистоплотным политиканством генерала Т. Бур-Коморовского, действия которого определялись как установкой эмигрантского правительства, так и его личными качествами, но не конкретной боевой обстановкой, желанием добиться победы, сохранить жизни подчиненных ему повстанцев и мирного населения.

2. Претензии Польши к СССР по поводу его роли в разгроме восстания не обоснованы. Войска 1-го Белорусского фронта и Первой польской армии сделали все, чтобы помочь восставшим и сократить количество жертв среди мирного населения.

3. В ходе подготовки восстания в еврейском гетто Армия Крайова из соображений политической целесообразности практически не помогла восставшим.

4. В результате войны Польша ничего не потеряла на востоке, так как граница была проведена по этническому принципу и установлена она была не Россией и СССР, а международным сообществом («линия Керзона») еще после Первой мировой войны. Польское государство приобрело значительные территории на западе при прямой поддержке СССР. К Польше отошли, в том числе, и германские территории, никогда ей не принадлежавшие.

5. Депортация немцев с территорий, отошедших Польше, сопровождалась массовыми преступлениями, которые привели к значительному количеству жертв среди мирного населения, по разным оценкам — до 2 млн человек. Ответственность за эти жертвы полностью несет руководство Польши и Чехословакии.

[1] Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. Т. 1. 1944—1948 гг. — Москва, Новосибирск, 1997. — Док. № 223, 224.

6. Идея и инициатива депортации немцев из Польши в Германию принадлежат лично сэру У. Черчиллю, а не И.В. Сталину, как принято считать в западной историографии.

Глава 14
Польские коллаборационисты на службе нацистской Германии. Политико-психологические причины коллаборационизма

Со времен глубокой древности человеческое общество выработало два диаметрально противоположных отношения к родной стране. Одно, восходящее через Пакувия к Аристофану, пародировавшему известный стих Софокла, обрело всемирную известность в ироническом пересказе Марка Тулия Цицерона. Ведь именно у Цицерона в его «Тускуланских беседах» (V, 37, 108) было четко сформулировано: «*Patria est ubicumque est bene*»[1]. — «Отечество везде, где нам хорошо». Эти слова легли в основу широко известного латинского афоризма: «*Ubi bene, ibi patria*» — «Где хорошо, там и отечество»[2].

Вместе с тем античный мир знал и совершенно иное отношение к Родине, выраженное Горацием: «Сладостно и почетно за родину умереть» (Оды, III, 2, 3). Известное грибоедовское: «И дым отечества нам сладок и приятен» — несомненно, восходит к античности.

Вся последующая история человечества дает нам бесчисленное множество свидетельств, когда реализовывалось либо первое, либо второе отношение к Родине[3].

---

[1] *Бабичев Н.Т., Боровский Я.М.* Словарь латинских крылатых слов. 3-е изд. — М.: Рус. яз., 1998.

[2] *M. Tullii Ciceronis*. Opera quae supersunt omnia. Vol. 17. Mannhebus Cura et Sumptibus Societatis litteratae. 1977. P. 288.

[3] *Вассоевич А.Л.* Социально-психологические последствия культа предательства на постсоветском пространстве // Проблемы национальной стратегии. 2010. № 1. — С. 159—165.

Первая установка с некоторых пор стала обозначаться словом французского происхождения «коллаборационизм» (*collaboration* — «сотрудничество», от лат. *co* — префикс, означающий «вместе», + лат. *laborare* — «работать»). В политическом лексиконе оно означает пособничество врагу, оккупантам. Первоначально здесь подразумевался исключительно французский коллаборационизм времен Второй мировой войны — так называемый вишизм, а также политика В. Квислинга в Норвегии. Позже рамки этого понятия значительно расширились — так стали именовать сотрудничество с германскими нацистами во всех оккупированных странах.

В наше время коллаборационистами называют представителей политических элит, сотрудничающих с другими государствами в ущерб интересам своей страны.

Термин «коллаборационизм» появился во время встречи Гитлера и А. Петена в Монтуаре 24 октября 1940 г. Во время разговора фюрер использовал слово «Kollaboration». Через шесть дней этот же термин впервые был публично употреблен уже и Петеном, призвавшим французов к сотрудничеству с нацистской Германией: «*J'entre aujourd'hui dans la voie de la collaboration...*»

Коллаборационизм не являлся обычным маргинальным феноменом, формой недостойного поведения немногих людей. Это было своеобразное социальное явление, чуждое большинству населения оккупированных гитлеровцами территорий, но распространившееся — особенно в отдельных странах — на сравнительно массовые группы граждан.

Международное право допускает некоторое взаимодействие с оккупационной властью в целях обеспечения жизнедеятельности общества и с минимальным соответствием интересам завоевателя — это врачи, пожарные, почтовики и т. д. Иной характер имеет добровольное сотрудничество с оккупантом в интересах последнего, нарушение лояльности относительно собственного государства.

Как расценивать то или иное поведение в оккупированной стране? Что является коллаборационизмом в польском

случае? Скажем, можно ли назвать коллаборационизмом саму по себе службу в польской вспомогательной полиции или только злоупотребления во время нее?

Для определения различных уровней сотрудничества с гитлеровскими оккупантами используются также понятия «предательство» и «квислингизм», коллаборационизм на основе идеологической близости и коллаборационизм как состояние пассивного выжидания и содействия. Можно встретить также термин «суперколлаборационизм» — наивысший уровень сотрудничества с захватчиками, добровольное отрицание собственного государства и народа в пользу рейха. Например, принесение военной присяги на верность Гитлеру. Встречается и понятие «кооперация» — принудительный коллаборационизм, например, принуждение сотрудников довоенной полиции к службе в полиции при оккупантах.

В Восточной Европе не было собственных значительных квислингов — сказывалось отсутствие массовых нацистских движений и нежелание гитлеровцев искать там таких же коллаборационистов, как в Западной Европе, ведь местное население *a priori* воспринималось ими как неполноценное и подлежащее всяческому ущемлению с установкой на последующее уничтожение[1].

В Польше, в отличие практически от всех других восточноевропейских стран, не возникло коллаборационистское правительство или другой подобный центральный орган политического управления. Возможно, причина этого в том, что на берегах Вислы ситуация принципиально отличалась от проблем, например, хорватов или словаков. Если те вследствие прихода нацистов обретали как бы собственную государственность или хотя бы ее видимость, то с поляками все было наоборот. Они не создали ни польской дивизии, ни легиона Ваффен-СС или какого-либо иного крупного военного объединения, «прославившегося» на фронтах Второй мировой войны[2].

[1] URL: http://joanerges.livejournal.com/340158.html.

[2] . URL: http://joanerges.livejournal.com/344774.html.

Тем не менее проблема польского коллаборационизма заслуживает внимания.

14.1. Политико-психологические причины коллаборационизма

В значительной мере почву для коллаборационизма образовывало исторически запутанное и обостренное Версальским договором территориально-этническое членение Европы после Первой мировой войны. Несправедливо проведенные государственные границы, разделившие «по живому» сложившиеся веками единые культурно-экономические пространства и создавшие искусственные этнические анклавы, ассимиляционистская политика государственных властей, получивших неограниченную власть над этими анклавами, искусственное образование мультиэтнических государственных объединений стимулировали неустойчивость европейской межгосударственной системы. Все это психологически определяло ощущение неизбежности грядущих перемен, порождало ирредентистские[1] настроения. Реакцией на них был заметный рост национализма среди этнического большинства соответствующих стран.

Важную роль в утверждении чувства неизбежности и необходимости перемен играла набиравшая силу социальная напряженность. Годы, предшествовавшие началу Второй мировой войны, стали временем радикальной общественной дифференциации. Социально благополучные верхи общества всерьез опасались, что массовые народные движения, выступавшие в своем большинстве под левыми знаменами, поставят под сомнение их господствующие позиции. Отсюда устойчивые симпатии политических элит к правым экстремистам, игравшим роль защитников традиционных социаль-

[1] Ирредентизм (итал. *irredentismo* — освобождение находящихся под чужим владычеством, от *irredento* — букв. «неосвобожденный», «неизбавленный») — этническое общественно-политическое движение за присоединение всех групп так называемого разделенного народа вокруг единого национального государственного ядра, то есть воссоединение всех сопредельных этнических земель народа.

ных порядков, — даже в тех случаях, когда они, не обладая значительным влиянием внутри страны, призывали на помощь внешние силы, выступавшие не только как партнеры, но и как поработители.

Захватывая соседние страны и проводя в них оккупационную политику, гитлеровцы и итальянские фашисты учитывали эти благоприятные для них обстоятельства. При этом они в ряде случаев частично удовлетворяли ирредентистские устремления отдельных этнических меньшинств, особенно в тех случаях, когда речь шла о немецких или квазинемецких этнических группах — австрийцах, судетских немцах, силезцах и др. В других — оказывали поддержку специально отобранным меньшинствам, использовавшимся для удержания в узде большинства.

Так, среди поляков всячески стимулировались антиеврейские настроения, вплоть до прямого провоцирования участия польских граждан в еврейских погромах. На поляков же натравливали украинское население. В Югославии оккупационные власти всячески способствовали конфронтации хорватов и сербов, сербов и албанцев.

В странах с острыми социальными противоречиями оккупационные власти использовали в качестве союзников не только местные праворадикалистские, но и традиционалистские правые силы. Это в значительной мере примиряло власть имущих оккупированной страны с чужим господством — даже в тех случаях, когда приходилось уступать оккупантам наиболее выгодные экономические позиции и делиться с ними прибылью.

Наибольшую склонность к коллаборационизму на оккупированных территориях проявляли, как правило, социальные и функциональные группы, близкие к верхам общества. Вместе с тем в разных странах, по ряду причин, и ситуация складывалась по-разному. Во Франции, где оккупационные власти на первых порах взяли курс на сотрудничество с влиятельной частью французского правящего класса, на путь коллаборационизма встала его значительная часть, что тщательно скрывалось в послевоенные годы.

В оккупированной Польше, где немецкими властями с самого начала была поставлена задача культурной элиминации и денационализации основной части населения, союз с верхами правящего класса не сложился. Их представители, вместе с широкими слоями польской интеллигенции, образовали движение сопротивления. В Хорватии, где гитлеровские оккупационные власти воспринимались в качестве гаранта «независимости» от Сербии, на путь коллаборационизма встало не только большинство правящего класса, но и значительная часть рядового населения[1].

Здесь представляется уместным обратиться к одному деликатному историческому аспекту, который характеризует некоторые особенности польского менталитета. В 1828 г. в Санкт-Петербурге был опубликован один из культовых и фундаментальных текстов польской литературы — поэма А. Мицкевича «Конрад Валленрод» («Konrad Wallenrod») с посвящением Императору Николаю I. Поэма дала польскому языку и польской политической культуре термин «валленродизм», происходящий от фамилии главного героя.

Этим понятием именуют тайную борьбу за независимость, заговор, двойную игру, введение противника в заблуждение. Конрад Валленрод — литовец, вынужденный вести эту тайную борьбу. В молодости он был вывезен со своей родины рыцарями Тевтонского ордена и стал своеобразным «янычаром». Под влиянием патриотических наставлений старого литовского песнопевца Хальбана он достигает степени Великого магистра ордена, чтобы затем своим коварством привести его к катастрофе.

В самой Польше публикация «Конрада Валленрода» вызвала настоящую бурю. В центре споров стояла сама идея «двойной игры с тираном». Одни считали, что это патриотическое произведение, другие — особенно польские эмигранты, живущие в Париже, — что оно оправдывает коллаборационизм. Многие писатели и публицисты упрекали Мицкевича в том, что он пропагандирует предательство и вероломство. Сам Мицке-

[1] URL: http://joanerges.livejournal.com/340158.html.

вич под конец жизни хотел даже сжечь свое произведение, будучи убежден, что оно не идет на пользу дела свободы…

И это до сих пор неразрешимый психологический момент — еще один камушек в стене, которую необходимо преодолеть, чтобы увидеть в полный размер мозаичную картину польского коллаборационизма во Второй мировой войне. Однако романтический образ героя баллады Мицкевича не затеняет главного — трагедию тысяч поляков, евреев, украинцев, белорусов, людей других национальностей, безжалостно уничтоженных польскими коллаборационистами — гитлеровскими пособниками[1].

14.2. Поляки в вермахте и СС

Руководство «третьего рейха» относило поляков к старинным и непримиримым врагам немцев. В то же время, как и в отношении ко многим иным народам Европы, нацисты пытались вести дифференцированную политику по отношению к различным этническим группам, имеющим определенные культурные и языковые особенности. В частности, локальные группы поляков — кашубы в Поморье, мазуры в Пруссии, гуралы в польских Татрах, силезцы в Западной Польше — рассматривались германскими властями не в качестве поляков, а как отдельные славянские народы, «дружественные Германии и немцам».

Гитлеровские спецслужбы и командование вермахта имели значительный опыт создания и использования в своих интересах коллаборационистских военных и полицейских подразделений из националистически настроенных граждан завоеванных государств[2]. Так, на территории польского генерал-губернаторства мобилизация в вермахт и СС проводилась среди кашубов, мазуров, силезцев и гуралов, активно привлекались добровольцы. В связи с подавлением локаль-

[1] URL: http://joanerges.livejournal.com/344377.htm.

[2] *Табачник Д.В.* Пролог власовщины: военные и полицейские формирования «третьего рейха», созданные в 1941 г. из украинских националистов // Проблемы национальной стратегии. 2010. № 1. — С. 137—141.

ных культур и диалектов великопольской политикой 1918—1939 гг. многие представители данных групп, и особенно молодежь, рассматривали признание германской администрацией их самоидентификации национальным возрождением. Именно они составляли основную часть тех поляков, которые вступали в ряды вермахта и СС.

Польские добровольцы перед сборным пунктом вермахта

Однако отдельных силезских, кашубских или мазурских формирований не создавалось. Представители данных локальных групп поляков проходили службу на общих с немцами основаниях. Косвенно о количестве поляков — солдат и офицеров вермахта можно судить, например, по их числу среди военнопленных, захваченных советской армией на Восточном фронте. Их насчитывалось 60 280 человек[1].

Кроме того, несколько тысяч поляков были взяты в плен союзниками вместе с немецкими солдатами на Западном фронте во время Фалезской операции в августе 1944 г. По решению британского командования им было позволено вступить во 2-й Польский корпус, участвовавший в боевых действиях против германских войск во Франции, Бельгии и Нидерландах в 1944—1945 гг.

[1] Военно-исторический журнал. 1990. № 9. — С. 46.

Польские солдаты вермахта на могиле своего товарища.
Восточный фронт

Польские солдаты вермахта на стрельбах.
Франция. Март 1944 г.

Известно и о наличии поляков в составе войск СС. За время боев на Восточном фронте польские добровольцы были отмечены в 3-й танковой дивизии СС Totenkopf, в 4-й полицейской гренадерской дивизии СС, в 31-й добровольческой

гренадерской дивизии СС Bohmen und Mahren и 32-й добровольческой гренадерской дивизии СС 30.

Польские добровольцы в вермахте

В то же время необходимо отметить, что остальные поляки, проживавшие на территории генерал-губернаторства (Generalgouvernement) в вооруженные силы Германии не призывались.

На заключительном этапе Второй мировой войны в состав войск СС вошла так называемая Свентокшижская бригада, или бригада Святого Креста (Brygada Swietokrzyska), сформированная из членов довоенных польских фашистских организаций, придерживавшихся радикальных антикоммунистических и антисемитских взглядов. Она входила в состав польских Национальных вооруженных сил (Narodowe Siły Zbrojne). Ее возглавлял полковник польской кавалерии А. Шацкий (Antoni Szacki). В 1944 г. бригада (820 человек) в Южной Польше вела боевые действия против германской армии и польской Армии Людовой. В январе 1945 г. под Краковом она вступила в бои с советской армией и вскоре вошла в союзные отношения с 59-м армейским корпусом вермахта. Вместе с германской армией бригада Святого Креста отступила на территорию протектората Богемия и Моравия, где ее солдаты и офицеры получили статус добровольцев СС

(SS-Polnisch-Freiwillingen), были частично обмундированы в эсэсовскую форму, но с польскими знаками отличия. Из бойцов бригады формировались специальные группы, которые забрасывались в тыл советской армии для проведения диверсионной деятельности. Состав бригады пополнялся за счет польских беженцев[1].

В апреле 1945 г. эта бригада (4000 человек) выступила на фронт. В оперативном отношении она была подчинена сдерживавшему наступление советской армии танковому корпусу Feldhernhalle. В задачи бригады входила борьба в прифронтовой зоне с чешскими партизанами и с советскими разведгруппами. 5 мая 1945 г. польские эсэсовцы (1417 человек) покинули свои позиции и отступили на запад, навстречу наступающей армии США. В ходе своего марша они освободили узников (около 700 заключенных, в том числе 167 поляков) концентрационного лагеря Голышув. В плен были захвачены 200 охранников. Американское командование взяло бригаду под свою защиту, поручило ей охрану лагерей немецких военнопленных, а затем позволило ее солдатам и офицерам укрыться в американской оккупационной зоне.

Бойцы польской бригады Святого Креста.
Май 1945 г.

[1] URL: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?PORTAL_ID=7538.

В послевоенной Польше солдаты и офицеры бригады Святого Креста были заочно осуждены[1].

14.3. Польская полиция

В октябре 1939 г. германские оккупационные власти приступили к формированию польской вспомогательной полиции (Polnische Hilfspolizei или Polnische Polizei im Generalgouvernement). В ее ряды призывались бывшие полицейские Польской Республики. К февралю 1940 г. она насчитывала 8 700 человек, а в 1943 г. уже 16 000 человек. Одетая в синюю униформу, она получила название Granatowa policja — «синяя полиция». В ее функции входила, прежде всего, борьба с уголовной преступностью и контрабандой[2].

Польские полицейские арестовывают евреев на рынке в Варшаве. Октябрь 1939 г.

Однако германские власти часто привлекали польских полицейских к облавам, к паспортному контролю, к охране периметров еврейских гетто. «Синяя полиция» участвовала в арестах и депортации евреев в концентрационные лагеря.

После войны 2000 бывших чинов «синей полиции» были признаны виновными в совершении военных преступлений и

[1] Там же.

[2] URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/682764.

осуждены на тюремное заключение, а около 600 человек приговорены к смертной казни.

Проверка документов немецкой и польской полицией. Варшава, 1941 г.

14.4. Польские полицейские батальоны

В марте 1943 г. с началом истребления польского населения Волыни боевиками Украинской повстанческой армии (УПА) германские власти пошли на создание польских полицейских батальонов. Они заменили поляками украинские полицейские батальоны на Волыни, входившей в состав генерал-губернаторства, которые перешли на сторону УПА. Поляки были включены в 102-й, 103-й, 104-й полицейские батальоны смешанного состава, а также в полицейский батальон 27-й Волынской пехотной дивизии.

Также были сформированы два польских полицейских батальона — 107-й (450 человек) и 202-й (600 человек), которые использовались для совместной с германскими войсками и полицией борьбы с отрядами УПА. Они подчинялись командованию СС на Волыни и в белорусском Полесье. В боевых действиях с отрядами УПА польские полицейские батальоны взаимодействовали с польскими отрядами самообороны и участвовали в карательных акциях против украинского населения.

Сначала поляки были вооружены советским трофейным оружием, но затем их обеспечили карабинами, пистолетами-пулеметами и ручными пулеметами германского производства.

Немецкие и польские полицейские

Полицейских данных батальонов обмундировали в форму германской военной полиции.

В январе 1944 г. солдаты 107-го польского полицейского батальона, разоружив немецких офицеров, перешли на сторону партизан Армии Крайовой.

Полицейских 202-го польского батальона СС в мае 1944 г. включили в состав войск СС, и в августе 1944 г. в ходе боев с советской армией под Варшавой на правобережье Вислы они были разбиты[1].

14.5. Еврейская полиция в Польше

С 1939 г. все еврейское население Польши было, как уже говорилось, принудительно сосредоточено в охраняемых районах проживания — гетто. В гетто вводилось внутреннее самоуправление (Judenrat) и своя служба охраны порядка — Judischer Ordnungsdienst.

[1] URL: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=7538&PORTAL_ID=7530.

Еврейские полицейские.
Варшава, 1942 г.

В состав полиции гетто набирались евреи — бывшие служащие польской полиции, бывшие солдаты и офицеры польской армии. Еврейские полицейские обеспечивали внутренний правопорядок в еврейских гетто, участвовали в облавах, осуществляли конвоирование при переселении и депортации евреев, обеспечивали выполнение приказов германских властей и т. д. Рядовые чины полиции огнестрельное оружие не получали — только деревянные или резиновые дубинки и кастеты. Офицеры были вооружены пистолетами.

В крупнейшем Варшавском гетто еврейская полиция насчитывала около 2500, в Лодзинском гетто — 1200, в Кракове — 150.

В ходе проведения различных акций — облавы, аресты, депортации — большая часть еврейской полиции последовательно и жестко выполняла приказы германского командования, как, например, шеф еврейской полиции Варшавского гетто Юзеф Ширинский-Шенкман (Józef Szeryński-Szenkman). Некоторые из наиболее активных еврейских коллаборационистов-полицейских были приговорены к смерти и убиты бойцами еврейского Сопротивления.

Еврейская полиция в Варшавском гетто. 1941 г.

Меньшая часть еврейских полицейских, по возможности, пыталась помочь своим обреченным на смерть соплеменникам. С ликвидацией гетто большинство евреев-полицейских было уничтожено нацистами.

Еврейские полицейские на улицах. Варшавского гетто

Помимо еврейской полиции к еврейским военизированным коллаборационистским формированиям можно отнести организацию «Жагев» (Żagiew), сотрудничавшую с гестапо, в ней состояло около 1000 человек. Ее целью было выявлять поляков, которые укрывали евреев за пределами гетто. Германские власти разрешали членам данной организации владеть огнестрельным оружием. Во время восста-

Еврейские полицейские в гетто. Краков. 1942 г.

ния в Варшавском гетто в 1943 г. многие из членов «Жагева» были убиты борцами еврейского Сопротивления.

После войны оставшиеся в живых чины еврейской полиции и члены организации «Жагев» целенаправленно разыскивались израильскими спецслужбами и привлекались к судебному расследованию[1].

Подпольная Армия Крайова в оккупированной Польше насчитывала (по спискам) несколько сотен тысяч человек и формально являлась крупнейшей подобной армией в Европе. Но количество вооруженных польских коллаборационистов на немецкой службе было с ней сопоставимо[2]. И это, в отличие от «списочной» Армии Крайовой, были реальные вооруженные формирования, участвующие в реальных боевых действиях.

Прежде всего, это 40—50 тысяч вооруженных участников различных польских полицейских формирований на немецкой службе. Именно так называемая синяя полиция с оружием в руках поддерживала порядок на территории большей части так называемого Краковского генерал-губернаторства. Польские полицейские активно участвовали в обысках, арестах, борьбе с антинемецким подпольем, расстрелах и охране концентрационных лагерей. В рамках коллаборантной полиции существовали специальные подразделения, которые, среди прочего, охраняли еврейские гетто.

Естественно, даже полицейские из «синей полиции», сотрудничавшие с антинемецким подпольем, не могли уклоняться от исполнения своих «обязанностей»: участия в депортациях евреев в лагеря уничтожения. Не могли не принимать участия, хотя бы косвенно, в депортации и уничтожении евреев и многочисленные польские подразделения по охране железных дорог, по которым евреев свозили в газовые камеры. Железные дороги, охранявшиеся поляками, были ключевыми

[1] *Mazurkiewiz S.* Antologia zdrady narodowej I polskiej kolaboracji 1939—1945. — Krakow, 1999; *Алексеев В.М.* Варшавского гетто больше не существует; *Галкин А.А. Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны (рецензия). URL: http://vivovoco.rsl.ru/vv/journal/newhist/traitres.htm.

[2] URL: http://dp60.narod.ru/HTML/allFragments/000600/F000539.htm#a1.

коммуникациями для немецкого восточного фронта и борьбы с Советским Союзом. Кроме «синей полиции» и железнодорожной из поляков также формировались водная, почтовая, лесная и фабричная полиции.

Не менее 200—300 тысяч поляков служило в вермахте и СС. В сентябре 1939 г., когда западную часть Польши включили в состав «третьего рейха», в фольксдойче записались около 1 800 000 польских граждан, большинство из них — польской национальности. Так они спасались от того, чтобы их не изгнали из своих домов и не выселили за пределы рейха. На них распространялись все законы Германии, в том числе обязанность несения военной службы.

Среди 1 800 000 человек военнообязанных мужчин насчитывалось не менее 20%. При этом они служили именно в вермахте, где по немецким законам могли служить только граждане «третьего рейха». Поляки в вермахте и СС де-юре и де-факто воевали уже как немцы против своего же Польского национального государства, ведь они не капитулировали в сентябре 1939 г. и продолжали оставаться членами антигитлеровской коалиции. Необходимо также учитывать, что на военные нужды Германии работала практически вся сохранившаяся промышленность межвоенной Польши, включая производство вооружений[1].

ВЫВОД

Польский коллаборационизм во Второй мировой войне явился причиной трагедии тысяч поляков, евреев, украинцев, белорусов и людей других национальностей, безжалостно уничтоженных гитлеровскими пособниками.

Но взаимопонимание между народами и примирение исторической памяти возможно лишь тогда, когда существует шанс не только критически посмотреть на своих соседей, но и самокритично — на самих себя. Пока свои остаются хорошими только потому, что они свои, а чужие — плохими только потому, что они чужие, — взаимопонимание и примирение

[1] URL: http://postsovet.ru/blog/ukraina/396.html?page=2.

невозможно. В этом вопросе поляки не одиноки, аналогичная ситуация, в большей или меньшей степени, наблюдается практически у всех современных европейских народов.

Глава 15
Евреи в Польше

«Я еврей, но не вижу в этом причины ни для гордыни, ни для стыда и отстаиваю свое происхождение лишь в одном случае: перед лицом антисемита».
Марк Блок

В музее Освенцима[1] долгое время была закрыта «Национальная выставка СССР»[2]. В 2007 г. польские власти заявили, что экспозиция не откроется до тех пор, пока Россия не признает, что польские территории были оккупированы Советским Союзом. По утверждению польской стороны, узники Освенцима из Западной Украины и ряда районов Белоруссии, в большинстве своем евреи, были гражданами Речи Посполитой, так как проживали на территориях, которые вошли в состав СССР в 1939 г.

Свои действия польские власти объясняют желанием восстановить «историческую правду» и, продолжая усердствовать в переписывании истории, потребовали от ЮНЕСКО изменить название музея в Освенциме на немецкое — Аушвиц. В результате Варшава своими собственными руками реанимировала вопрос о польском антисемитизме, что стало полной неожиданностью для борцов за историческую правду по-польски. Повторим, польская сторона настаивает на том,

[1] Освенцим, *Освенцим-Бжезинка*, точнее — Аушвиц-Биркенау (нем. *Auschwitz-Birkenau*) — комплекс немецких концлагерей, располагавшийся в 1940—1945 гг. на юге Польши около города Освенцим в 60 км к западу от Кракова.

[2] *Найденова Н.В.* Польша во Второй мировой войне // Информационные войны. 2007. № 3 (3).

что узники Освенцима, согнанные туда с территории СССР, — в подавляющем большинстве евреи — являлись гражданами Польши. Попробуем провести исследование судеб польских евреев. И начнем совсем с недавних событий.

В июле 2001 г. президент Польши А. Квасьневский попросил прощения у родных и близких евреев, погибших во время погрома 60 лет назад. Речь шла о том, что 10 июля 1941 г. польские жители города Едвабне (Jedwabne) согнали около 1600 евреев на площадь, после чего сожгли их в одном из сараев. Долгие годы по официальной версии вина за это преступление возлагалась на немецкую армию. Однако в последнее время обнаружилось немало источников, указывающих на то, что массовое убийство совершали именно поляки, а немецкие военные выступали в качестве свидетелей происходящего.

Выступление президента Республики Польша было приурочено к открытию монумента жертвам трагического события. Впрочем, не все поляки готовы безоговорочно признать вину своих соотечественников. Местный священник назвал церемонию одной из частей бизнеса, основанного на холокосте, а заявление об участии поляков в уничтожении еврейского населения ложью[1].

Выступление А. Квасьневского было встречено гулом толпы и звоном колоколов, так жители Едвабне пытались заглушить слова президента и свою совесть.

5 июля 2006 г. руководители Польши извинились за еврейский погром в городе Кельце в 1946 г. Тогда толпа местных жителей, среди которых были милиционеры и военные, насмерть забила около 40 евреев. В последующие дни было убито еще около 50 человек.

4 июля, в 60-ю годовщину крупнейшего за всю послевоенную историю страны антисемитского погрома в городе Кельце, прошли траурные мероприятия в честь памяти погибших.

---

[1] Poland apologises to Jews — BBC, 10.07.2001. Poland Marks 60th Anniversary of Pogrom — Reuters, 10.07.2001. Поляки признались в геноциде евреев и готовы провести эксгумацию — Lenta.Ru, 20.05.2001.

Извинения от имени президента Л. Качиньского зачитала заместитель госсекретаря Э. Джуншик-Земеска, принимавшая участие в открытии мемориального знака, посвященного убитым в Кельце евреям. Сам Качиньский не смог приехать на эти мероприятия по состоянию здоровья.

По сообщению радио BBC, значительная часть документов, связанных с этим делом, была уничтожена представителями прежней власти в годы социалистической Польши. По итогам трагических событий в Кельце девять человек были приговорены судом к смертной казни, еще трое — к длительным срокам заключения. Главу местных правоохранительных органов приговорили к году тюрьмы, а все его подчиненные и военные были оправданы[1].

15.1. О событиях в Едвабне

В сентябре 1939 г. в Едвабне вступила немецкая армия. Через месяц населенный пункт перешел под контроль советских войск. 23 июня 1941 г. немецкие войска вновь занимают Едвабне. Почти одновременно в близлежащих местечках — Радзилове, Вонсоши, Визне — разгорелись еврейские погромы, в ходе которых поляки уничтожили несколько сотен евреев, оставшиеся сбежали в Едвабне. «Основные факты выглядят бесспорно. В июле 1941 г. большая группа живших в Едвабне поляков приняла участие в жестоком уничтожении почти всех тамошних евреев, которые, кстати сказать, составляли подавляющее большинство жителей местечка. Сначала их убивали поодиночке — палками, камнями, — мучили, отрубали головы, оскверняли трупы. Потом 10 июля около полутора тысяч оставшихся в живых были загнаны в овин и сожжены живьем...» — пишет профессор истории Т. Шарота («Газета выборча», 19 октября 2000 г.).

Вот выдержка из показаний одного из немногих оставшихся в живых еврейских свидетелей Ш. Васерштейна:

«Двое из этих бандитов, Вацек Боровский и его брат Метэк, шли от одного еврейского жилья к другому, пока другие

[1] URL: http//jewish.ru; http://lenta.ru/world/2001/07/10/poland/.

бандиты играли на аккордеоне и флейте, чтобы заглушить крики еврейских женщин и детей...

Якуба Каца они забросали насмерть кирпичами, Кравецкого они пырнули ножом, а затем выкололи ему глаза и отрезали язык. Он ужасно страдал на протяжении 12 часов, пока не испустил дух.

В тот же день я видел жуткую сцену. Чая Кубжаньская, двадцати восьми лет, и Бася Бинштейн, двадцати шести лет, обе с новорожденными детьми на руках, когда они увидели, что происходит, они побежали к пруду, чтобы утопиться вместе с детьми и не попасть в руки бандитов. Они опустили своих детей в воду и утопили их своими руками. Затем Баська Бинштейн прыгнула и сразу пошла ко дну, а Чая Кубжаньская мучилась часа два. Собравшиеся хулиганы наслаждались зрелищем»[1].

Эту бойню остановило лишь вмешательство местного священника, заявившего, что с этим вопросом в скором времени разберутся сами немецкие власти. Но это был не последний акт трагедии, и даже не первый, а только пролог.

Немцы действительно подняли вопрос о еврейском населении Едвабне в ходе совещания с городскими властями — конечно, это были уже новые власти, избранные после расправы над просоветскими. Мэром стал лавочник М. Кароляк. Городские власти, по словам Ш. Васерштейна, единодушно заявили, что всех евреев следует убить. Когда немцы предложили оставить несколько семей в живых ради их профессиональных достоинств, плотник Б. Шлешиньский запротестовал: дескать, хватает и польских ремесленников, евреев надо убить всех[2].

Рано утром в город прибыло несколько гестаповцев — все они приехали на такси, и эта подробность, на которой настаивают свидетели, важна: немцы не принимали в операции активного участия и не руководили ею, они просто наблюдали

[1] *Цветков А.* Античный дневник. Случай в Едвабне. URL: http://archive.svoboda.org/programs/ad/2001/ad.040301.asp.

[2] Там же.

и фотографировали. Что же касается поляков, то, по подсчетам Т. Гросса, в кровавых событиях этого дня участвовало не менее половины всего взрослого мужского населения, не считая приезжих из окрестных сел.

По свидетельству Ш. Васерштейна, подтвержденному другими показаниями, группа заводил, вооруженных топорами и утыканными гвоздями дубинками, принялась выгонять евреев из домов и сгонять на площадь. Они отобрали примерно семьдесят пять человек, помоложе и поздоровее, и заставили их снять памятник Ленину, который успели установить советские власти. Затем под градом побоев евреи отнесли памятник к установленному месту, где им приказали вырыть яму и свалить туда обломки статуи. Затем евреев забили до смерти и бросили в ту же яму.

Тех, кого собрали на площади под охраной мобилизованных по этому поводу горожан, заставили взять красные флаги и, с раввином впереди, с песнями пройти по городу к амбару уже упомянутого Б. Шлешиньского, согласившегося принести его в жертву ради такого случая. Город окружили добровольцы, которые ловили всех, пытавшихся бежать. По пути организаторы злодеяния поджигали бороды стариков и закалывали младенцев на руках матерей. Всех согнанных затолкали в амбар. Некоторые пытались обороняться, но усталым, израненным и истекающим кровью людям это было уже не под силу.

Кучер М. Куропатва в годы советской власти в Польше укрывал у себя офицера польской армии. Руководители погрома разглядели его в толпе и сказали, что он свободен, потому что помог польскому офицеру, и может идти домой. Тот отказался и вместе со всеми вошел в амбар.

Тем временем патрули прочесывали дома, проверяя, не осталось ли там слабых и больных. Маленьких детей просто привязывали за ноги или накалывали на вилы и тоже волокли к амбару. По улицам, как футбольные мячи, валялись человечьи головы. Все эти чудовищные злодеяния совершались практически голыми руками, так как немцы отказались выдать погромщикам оружие.

Когда все было готово, амбар подожгли, предварительно облив керосином, — сохранились показания лавочника, отпускавшего этот товар на муниципальные нужды — 8 литров. День был жаркий, постройку моментально охватило пламенем, и всем запомнился жуткий крик, поднявшийся над городом. Когда огонь спал, стали рассматривать трупы: сгорели, фактически, только те, кто находился по краям и сверху, а большинство просто задохнулось от дыма. Так еврейский вопрос был «окончательно решен» в рамках отдельно взятого польского городка.

Жара грозила обернуться эпидемией, и немцы потребовали, чтобы все жертвы были немедленно похоронены. Тут сказались недальновидность расчетов и дефицит рабочей силы — евреев, которых раньше согнали бы рыть братскую могилу, уже не было. Когда попытались разобрать трупы, оказалось, что они спутались в единую нераздельную массу, как корни дерева. В конце концов, решили рубить эту массу человеческих тел на части и швырять их в яму. По словам жителя соседнего села Л. Дзедзича, «они принесли вилы и разрывали тела на куски, как могли, — тут голова, там нога»[1].

От погрома спаслись семь человек — уже упомянутый Ш. Васерштейн с братом и еще трое юношей и две девушки. Своей жизнью они обязаны польской женщине Антонине Выжиковской из соседней деревушки Янчевко, которая скрывала их у себя и кормила на протяжении трех лет. Если бы не она, мир никогда бы не узнал правду о трагедии в Едвабне.

После того как под натиском советских войск немцы покинули этот район, в дом Выжиковских явились представители польского Сопротивления — солдаты так называемой Армии Крайовой, которая вела подпольную борьбу с нацистами, а потом с «советскими оккупантами». Как рассказывал впоследствии муж Выжиковской Александр, так называемые партизаны, прибывшие в его отсутствие, требовали выдать им евреев, которых сам он называл «мучениками», на расправу.

[1] *Цветков А.* Античный дневник. Случай в Едвабне. URL: http://archive.svoboda.org/programs/ad/2001/ad.040301.asp.

Антонина ответила, что они уже ушли, хотя в действительности один еще оставался, но, будучи предупрежден, скрывался в поле в картофельном погребе. Не найдя своих жертв, «партизаны» жестоко избили Антонину, забрали из дома все ценные вещи, а затем приказали избитой женщине отвезти их на телеге в Едвабне. Ей и всей ее семье угрожали смертью[1].

Таким образом, 10 июля в Едвабне произошел ужасный погром. Не менее двух тысяч евреев — женщин, стариков, детей, — как беженцев, так и представителей местной еврейской общины. Все они были зверски убиты поляками.

В 1963 г. в Едвабне с помпой установили камень в память убитых евреев. На открытии памятника присутствовали поляки — участники и свидетели преступления. «Место казни еврейского населения. Гитлеровские гестапо и жандармерия сожгли живьем 1600 человек. 10.7.1941 г.» — было высечено на камне. И почти 50 лет жители Едвабне — свидетели и участники преступления — ходили мимо этого памятника, не испытывая при этом никакого дискомфорта от своей чудовищной лжи.

Так продолжалось до тех пор, пока историк Т. Гросс, польский еврей, ныне проживающий в США, не опубликовал своего исследования «Соседи», где описал преступления поляков, совершенные против евреев, в том числе и события в Едвабне. Т. Гросс писал: «Не понимаю одного: что меняет в оценке событий в Едвабне тот факт, что немцы были, скажем, в 20 километрах от местечка, появлялись в нем или покинули его... Конечно, они уже заняли эту местность. Конечно же, хотели запугать людей и, быть может, втянуть общественность в преступления. Конечно же, они сами осуществляли массовые убийства евреев. Это вещи очевидные. Но в ключевом моменте не они задавали тон в Едвабне. Они не издали приказ, за неисполнение которого кому-то что-то грозило»[2].

---

[1] *Цветков А.* Античный дневник. Случай в Едвабне. URL: http://archive.svoboda.org/programs/ad/2001/ad.040301.asp.

[2] *Букчин С.* Не бывает двух правд. URL: http://www.homoliber.org/ru/xx/xx010104.html.

Оккупация Польши нацистами явилась для поляков своеобразным тестом на антисемитизм. Так, видный подпольный польский дипломат Я. Карски сообщал в 1940 г. правительству в изгнании в Лондоне, что нацистская политика сформировала в отношении евреев «своего рода узкий мостик, где в гармонии слились немцы и большая часть польского общества»[1]. И об этом говорил не только Карски. Свидетели в Варшавском гетто видели, как поляки с одобрением наблюдали и даже помогали нацистским солдатам в расстрелах евреев. Когда горело гетто, польские девушки шутили: «Посмотри-ка, как поджариваются отбивные из евреев»[2]. Нацистские отчеты о Judenjagd, «охоте на евреев», повествуют о том, как поляки искали и находили евреев, которых немцы каким-то образом упустили. Шведский врач Е. Эйнхорн, председатель Нобелевского комитета по медицине, освобожденный советскими солдатами из еврейского гетто, вспоминал[3]: «За пределами гетто полно профессиональных доносчиков-поляков, специализирующихся на распознавании евреев. Они стоят у выхода из гетто, наблюдают за принудработами или просто ходят по улицам. Если они заподозрят в каком-нибудь прохожем еврея, они незаметно следуют за ним, обнаруживают место, где он прячется. Они вымогают у бедняги все, что у него есть. А потом сообщают немцам. Каждый szmalcovnik — доносчик — получает за обнаруженный тайник два килограмма сахара. О том, что перед тем, как донести, они уже забрали все, что было у их жертвы, полиции они не сообщают. Те, кто работает за пределами гетто, рассказывают, что охотой на евреев занимаются и мальчишки. Они бегут за одиноким евреем и кричат по-польски: “Zyd! Zyd!” или по-немецки: “Jude, Jude!”, чтобы немцы поняли. Человека задерживают и увозят или отпускают, если мальчишки ошиблись и он оказался не евреем. Но чаще всего они правы» [4].

---

1 *Марголик Д.* The New York Times. Пер. Ирины Ревякиной. URL: Sem40.Ru.

2 Там же.

3 *Куняев С.* Шляхта и мы.

4 Там же.

Депортации шли постоянно. Не успевали отходить поезда с несчастными в Челмно, Белжец или Треблинку, как поляки собирались на окраинах, чтобы разграбить еврейскую собственность или въехать в еврейские дома. В книге «Соседи» Т. Гросс описывает «лунный, усеянный кратерами, пейзаж» Треблинки в сентябре 1945 г. Это поляки выкопали тысячи ям в поисках «золотых россыпей» вперемешку с еврейскими костями и золой. Он же пишет о польских синагогах, растасканных, как и православные храмы, по кирпичам, о еврейских кладбищах, превращенных в мусорные свалки…

15.2. О событиях в Кельце

Конец фашистской оккупации Польши ознаменовался настоящим взрывом антисемитизма. В Кракове прошли погромы, в которых принимали участие сами работники милиции, за что 40 милиционеров в день погрома были арестованы[1]. Кроме Кракова погромы произошли еще в нескольких польских городах, последний — в Кельце. Расправа была спровоцирована слухами о том, что евреи похитили и убили мальчика-христианина. Впоследствии мальчик был обнаружен в деревне у друзей в целости и сохранности. Местные жители собрались у дома, в котором жили уцелевшие во время холокоста евреи. В здание вошли сотрудники служб безопасности и открыли огонь. Потом в течение нескольких дней толпы местных жителей, представители правоохранительных органов и военные нападали на евреев и громили их дома.

Жители Кельце, среди которых были полицейские, солдаты и бойскауты, забили до смерти 80 евреев. «Огромный двор был завален окровавленными трубами, камнями и клюшками, которыми еврейским мужчинам и женщинам разбивали черепа», — писал на следующий день польско-еврейский журналист С. Шнайдерман[2].

События в Кельце стали толчком для массовой эмиграции 60 тысяч евреев, уцелевших в годы немецкой оккупации.

[1] *Широкорад А.* Давний спор славян. Россия, Польша, Литва.

[2] *Куняев С.* Шляхта и мы.

До начала Второй мировой войны в стране проживала крупнейшая в Европе еврейская община, численность которой составляла около 3,5 млн человек. Большинство из них погибло во время нацистской оккупации. И хотя погром в Кельце считается крупнейшей послевоенной резней евреев в Польше, подобные нападения имели место в те же годы и в других районах республики. По оценкам историков, уже после войны от рук погромщиков погибло от 600 до 1500 польских евреев.

В настоящее время население Польши составляет 38,6 млн человек. Современная Польша — однородная в этническом отношении страна: по данным переписи населения 2002 г., 96,74% населения Польши являются этническими поляками или причисляют себя к полякам. К другим национальностям отнесли себя 1,23% населения страны. 2,03% опрошенных не указали национальность. Официально признанными национальными меньшинствами являются немцы, украинцы, литовцы, евреи и белорусы. В состав польского народа входит субэтническая группа кашубов. До Второй мировой войны в Польше проживало более 3,5 млн евреев (крупнейшая община в Европе). Сегодня 7—8 тысяч евреев официально зарегистрированы в различных общинах или получают помощь от «Джойнта»; от 10 до 15 тысяч — тех, кто имеет еврейское происхождение и высказал интерес к возвращению к своим корням; всего же тех, у кого в роду были евреи, по приблизительным подсчетам, — от 30 до 50 тысяч.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что в те моменты истории, когда по тем или иным причинам власть в стране теряла контроль над ситуацией, в Польше начинались еврейские погромы. Во время оккупации нацисты контролировали обстановку в стране, однако не только закрывали глаза на преступления по отношению к евреям, но и поощряли антисемитские выходки поляков, которые в то время приняли массовый характер.

Раньше, во времена казацких и польских восстаний, безвластие приводило к массовому избиению православного

населения Речи Посполитой[1]. Важно отметить также, что этническая однородность современной Польши является беспрецедентным случаем. Так, в бывших странах-империях — Англии, Голландии, Бельгии, Франции, России и др. — выходцы из бывших колоний составляют значительную часть населения, Польша является исключением.

Откуда же в Польше возник антисемитизм? Уже известный нам публицист С. Братковский считает, что «эта зараза пришла в Польшу в 70-е гг. XIX в. из Германии и Австрии, когда знаменитый биржевой крах 1873 г. вызвал ненависть к заправлявшим на финансовом рынке евреям со стороны немецкого среднего класса. А в 80-е гг. после убийства Александра II, эти же ветры подули с востока». В 30-е гг. XX в., отмечает тот же Братковский, «католический Костел немало поспособствовал усилению антисемитской пропаганды, в которой особенно отличились ксендзы, связанные с польским фашистским движением»[2].

Но еврейские погромы в Польше происходили значительно раньше указанного «биржевого краха». В гипотезе С. Братковского проглядывает странная логика: пострадал немецкий средний класс, а евреев громят поляки.

Поляк Игнатий Гриневицкий 1 (13) марта 1881 г. взрывает бомбой императора Александра II, а поляки начинают громить евреев…

15.3.Реакция общественности

Весьма интересна реакция польской общественности на громкие разоблачения этих преступлений. Кардинал Юзеф Глемп, примас Польши, в «Нашем дневнике» от 15 мая 2001 г. заявил: «Мне остается непонятным, почему поляков постоянно оскорбляют, особенно в американской печати, и продолжают приписывать нам антисемитизм, якобы не такой, как в

---

1 *Найденова Н.В.* О провалах в истории // Информационные войны. 2006. № 1 (1).

2 Цит. по *Бучкин С.* Не бывает двух правд. URL: http://www.homoliber.org/ru/xx/xx010104.html.

других странах. Еврейская сторона все время выдвигает на первый план свою неприязнь к полякам. Не очень понимаю, каковы ее истоки. В сравнении с Европой у нас в Польше евреи жили сравнительно неплохо и чувствовали себя как дома. Мы задумываемся: не должны ли евреи признать свою вину перед поляками, особенно за сотрудничество с большевиками, за соучастие в депортациях, за отправку поляков в тюрьмы, за унижение многих своих сограждан... Я думаю, что президент Квасьневский не имеет формальных оснований просить прощения от имени народа...»[1].

Попытки оправдать преступления, обвинив евреев в сотрудничестве с коммунистами, весьма настойчивы, но неубедительны. Так, профессор истории Т. Стшембош в «Жечпосполита» 27—28 января 2001 г. пишет: «Польское население, за исключением небольшой группы коммунистов в городах и еще меньшей — в деревне, восприняло нападение СССР и создаваемую здесь советскую систему так же, как и немецкое нападение... Еврейское население, особенно молодежь, массово приветствовало вторгавшуюся армию и введение новых порядков, в том числе и с оружием в руках. Второй вопрос — это сотрудничество с репрессивными органами, прежде всего с НКВД. Сначала этим занимались всяческие милиции, “красные гвардии”, “революционные комитеты”... В городах они почти полностью состояли из польских евреев в гражданском, с красными нарукавными повязками, вооруженные винтовками, широко принимали участие также в арестах и депортациях. Это было страшнее всего, но польскому обществу бросалось в глаза и чрезмерное число евреев во всех советских учреждениях, тем более что до войны тут доминировали поляки!»

Ложь профессора истории шита «белыми нитками». Ну, никак не могли евреи за менее чем десять месяцев советского присутствия так насолить полякам, чтобы можно было оправдать их зверства в Едвабне. Кроме того, возникает вопрос — в чем провинились женщины и дети?

[1] *Куняев С.* Шляхта и мы.

В Кельце основными действующими лицами, непосредственно принимавшими участие в истреблении евреев, были польские милиционеры и военные, что было установлено следствием. То есть в Кельце милиционерами были поляки, а не евреи! Администрации и службы охраны порядка этих городов возглавляли также поляки, а не евреи. Этим же следствием установлено: расправу спровоцировали слухи о том, что евреи похитили и убили польского мальчика, который был вскоре обнаружен живым и здоровым. К тому же преступление было совершено 20 октября 1945 г. — всего через 4 месяца после окончания войны.

Тем не менее все валится в одну кучу: президент просит прощение за преступления против евреев, совершенные в Едвабне польскими руками. Должны ли евреи просить прощения у поляков за ГБ и преступления коммунизма в Польше? Такое мнение время от времени высказывается в так называемых научных дискуссиях.

«Известно, в верхних эшелонах сталинского аппарата террора доля лиц еврейского происхождения была довольно значительной: мы не ждали, что в связи с этим представители еврейских кругов принесут нам извинения», — высказался, в частности, М. Свенцицкий, бывший мэр Варшавы[1]. По словам экс-мэра и ему подобных получается, что евреи были уничтожены авансом, за сотрудничество с коммунистическим режимом в последующие годы. Почему же не пострадали коммунисты-поляки, которые, кстати, в большом количестве оказались среди «демократов», поборников «свободной» Польши?

Историк К. Теплиц в «Пшогленд» 27 ноября 2001 г. написал: «Сегодня о польских полицейских говорят, что многие из них были злодейски убиты в Катыни и Медном, но не говорят, что те, кто туда не попал, помогали гитлеровцам в “окончательном решении еврейского вопроса”».

«Те, кто принимал участие в облаве, бил, убивал, разжигал огонь, совершили преступление не только против своих соседей-евреев, но и против Речи Посполитой, против

[1] Жечпосполита. 2001. 2 мая.

ее великой истории и прекрасных традиций... За это преступление мы должны молить прощения у теней умерших и у их родных... Сегодня я, как гражданин и президент Польской республики, прошу прощения», — заявил Александр Квасьневский 17 октября 2001 г.

На месте, где находилась стодола, в которой были сожжены едвабненские евреи, отныне стоит новый скромный гранитный памятник — прямоугольная плита. На ней надпись на трех языках — польском, иврите и идиш: «Памяти евреев из Едвабне и окрестностей, мужчин, женщин, детей, местных уроженцев и жителей этой земли, замученных, сожженных заживо здесь 10 июля 1941 года».

Кем замученных и сожженных? На этот вопрос памятник не отвечает. Я. Новак-Езеранский, бывший директор польской редакции радио «Свободная Европа», по этому поводу написал следующее: «Ни одному народу не бывает легко признаться в поступках, которые покрывают его позором. Мы, и это вполне по-человечески, склонны помнить нанесенные нам обиды и не хотим помнить зла, которое причинили другим. Инстинкт самозащиты велит нам подвергать сомнению даже бесспорно доказанные факты, искать смягчающие обстоятельства, очищать собственную совесть, перекладывая вину на других.

Если мы разделяем национальную гордость, вытекающую из наших побед, славных поступков и огромного вклада польских творцов в сокровищницу общечеловеческих ценностей, то должны найти силы и на то, чтобы испытать национальный стыд за позорные поступки. Как народ в подавляющем большинстве христианский, мы должны ударить себя в грудь, признаться в совершенных грехах и в том, что польские каины нарушили заповедь “не убий”. Если мы ждем от других удовлетворения за преступления против Польши и поляков, то должны проявить готовность дать удовлетворение за зло, причиненное нами ближним.

Многие годы мы протестовали против той лжи, которую содержала советская надпись над братскими могилами в Катынском лесу: согласно ей, на этом месте немецко-фашистские

захватчики уничтожили в 1941 г. польских военнопленных. На двух памятниках в Едвабне написана аналогичная ложь. <...> Если мы требовали от России признаться в катынском преступлении и указать преступников и обстоятельства массового убийства безоружных польских военнопленных в Катынском лесу и других местах, то мы не можем выдвигать претензии к автору книги “Соседи”, который извлек из забвения и с документами в руках расследовал массовое убийство, совершенное поляками в Едвабне, о котором мы предпочли бы не знать и не помнить»[1].

Польский историк Я. Тазбир в одной из дискуссий на страницах «Новой Польши» отметил, что еще в XVII в. в Польше, кроме ведьм, «сжигали евреев, которые, по всеобщему мнению, были виновниками ритуальных убийств»[2].

В ту же кампанию после занятия Пинска по приказу польского коменданта было сожжено 40 евреев.

В местечке Тешиево во время еврейского погрома вырезали 4 тысячи человек[3].

Левандовский[4] упоминает о трех погромах: во Львове — в ноябре 1918 г. (до 200 убитых), в Пинске — 5 апреля 1919 г. (здесь было расстреляно 35 местных евреев) и две недели спустя в Вильне (55 жертв). Власть никого не наказала за эти убийства. Что касается определенных прокоммунистических симпатий среди евреев, то, по словам Левандовского, польские власти своей шовинистической политикой межвоенного периода делали все, чтобы склонить их к этому. Чего стоит одно знаменитое «*prawo lawkowe*» — это обязанность студентов-евреев занимать только определенные скамейки в университетских аудиториях. Особо усердствовали в антисемитской пропаганде популярные в Восточной Польше деятели Народно-демократической партии, так называемой эндеции.

---

1 Жечпосполита. 2001, 26 янв.

2 *Куняев С.* Шляхта и мы.

3 Там же.

4 Цит. по *Бучкин С.* Не бывает двух правд. URL: http://www.homoliber.org/ru/xx/xx010104.html.

По сути, это были крайние националисты социалистического толка, что сближало их с идеологами гитлеровской НСДАП[1].

15.4. Украинские погромы

Польские националисты уничтожали не только евреев, но и украинцев. Известны преступления поляков в селах Павлокома и Сагрени[2].

Село Павлокома расположено недалеко от Перемышля. Накануне Второй мировой войны в нем проживало 1190 украинцев, 170 поляков и 10 евреев.

3 марта 1945 г. отряд Армии Крайовой под командованием Й. Бисса при поддержке добровольцев из соседних сел совершил массовое уничтожение местных жителей украинской национальности, всего 366 человек.

10 марта 1944 г. в селе Сагринь была спланирована и проведена акция по уничтожению местного населения боевиками польской Армии Крайовой (АК) и Батальонов Хлопских, в количестве 800 человек. В результате акции село было окружено боевиками АК и БХ, сожжено более 300 крестьянских домов, убито 600—1000 мирных жителей, украинцев. Среди убитых подавляющее большинство (70%) составляли женщины и дети. Большинство погибших перед смертью подверглось издевательствам и пыткам. Всего в ходе акции в селе Сагринь и прилегающих селах боевиками АК и БХ было убито около 1300 украинцев из числа мирного населения, в основном женщин, детей и стариков. Вопреки утверждениям ветеранов АК, что данная акция проводилась для предупреждения действий против поляков со стороны УПА, последние не имели подразделений в данном районе. Руководителем акции был Зенон Яхимек, в 1943—1944 гг. командир подразделения Армии Крайовой в Томашевском районе Люблинского воеводства.

Как уже говорилось, поляки одними из первых создали концентрационные лагеря в центре Европе. Наиболее известным является Береза-Картузская. Этот лагерь действовал

[1] Там же.

[2] Павлокомская резня. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Павлоком.

с 1934 г. «на постоянной основе» в городе Береза-Картузская (Западная Белоруссия) в качестве места внесудебного интернирования противников правящего режима. С 1934 по 1939 г. в нем содержались по обвинению в «антигосударственной деятельности»: коммунисты, евреи, поляки, украинцы, белорусы и лица других национальностей. В сентябре 1939 г. после начала войны с Германией в лагере содержались немецкие военнопленные. Кроме этого лагеря, на территории II Речи Посполитой действовало множество временных концентрационных лагерей, где, в частности, содержались пленные красноармейцы.

Польская карикатура 1934 г. изображает террористов-украинцев в Березе-Картузской (для ясности за проволокой изображены нож и бомба)

Диалог:

— Ну, наши сепаратистские мечты наконец-то сбылись! ОУН всегда стремилась отгородиться от поляков… хотя бы колючей проволокой.

— Да, но кто бы подумал, что это наступит столь скоро и в таких условиях![1].

[1] Цит. по: *Sleszynski W.* Obóz odosobnienia w Berezie Kartuskiej. 1934—1939.

Вот как свидетели описывают порядки, царившие в концентрационном лагере:

«— Мы подошли к Березе: с правой стороны был парк, а среди парка виднелось белое здание. Слева — высокий, плотный деревянный забор, наверху обтянут колючей проволокой. На углу этого забора со стороны города и улицы, по которой мы шли, увидели два красных здания. Стало ясно — это лагерь. Кругом с наружной стороны забора ездят конные полицейские и, завидев издалека, кто в этом направлении едет в Березу, встречают и, завернув, бьют резиновыми дубинками. Нам пришлось видеть, когда шли, как была завернута конным полицейским подвода, на которой сидели мужчина и женщина. Полицейский их километра два гнал обратно и, сидя верхом, беспрерывно бил палкой.

— Расстояние от ворот лагеря до казармы около 150—200 метров. Если два узника были скованы одними наручниками, то таким доставалось ударов намного больше, чем тем, кто был скован в одиночку. Прибывшим дали номер, который каждый должен был пришить сзади и на правом рукаве. В камере, куда сажали по 30 человек, сверху поперек нар прикреплялись те же номера.

Новоприбывший помещался в одиночную изолированную комнату, где в течение шести-семи дней подряд подвергался избиению. При этом узник должен был стоять лицом к стенке и не шевелиться, не падать на пол без команды. Делалось это для того, чтобы сразу ошеломить узника, измотать его, деморализовать. И действительно: кто характером был неустойчив, здоровьем слаб, то он мог дрогнуть, подписать декларацию об отказе от своих убеждений. Новичков, когда их оставляли полуживыми на полу, “старики” старались поддержать такими словами: “Товарищи, мужайтесь. Надо выдержать не более семи дней. Потом будет легче, останетесь людьми”.

— Фамилия заключенного упразднялась, он фигурировал только под номером. Специальный полицейский, назначенный для “учения”, первым делом заставлял вытвердить слова: “Господин комендант, заключенный такой-то просит

покорно пройти туда-то”. Если заключенный ошибался, получал палки.

— В столовой, кто первый получил пищу, тот, спеша, кое-как мог потребить ее, а кто получал последний, тому приходилось выбрасывать пищу в канаву, потому что давалось очень мало времени, звучала команда кончать обед и бежать к умывальнику мыть котелки.

С чем сравнить изуверское изобретение, которое сделал комендант лагеря, бывший служащий львовской полиции Юзеф Камаля-Курганский? По его приказу была устроена так называемая “Сталинская аллея” — дорога из вмурованных остриями вверх осколков камней, по которой узников заставляли ползать на коленях, чтобы мясо сдиралось до костей»[1].

15.5. Причины еврейских погромов в Польше

Русское слово «погром», известное уже по письменным памятникам XVI в. и означающее «разорение», «опустошение»[2], в XX в. было превращено русофобами в кошмарный символ Российской империи. «Pogrom» внедрили во все основные языки мира, как бы «доказывая» тем самым, что дело идет именно и только о русском явлении.

Проклятия в адрес России как «страны погромов», даже «родины погромов», звучат уже более ста лет[3]. Так, например, Александр Архангельский, журналист, ведущий и автор программ на телеканале «Культура» (!), пишет: «Вспоминается сюжет: на экзамене по русскому языку западный профессор спрашивает нерадивого студента, как тот понимает слово “погром”. “Погром? Это русский национальный праздник”»[4]. Этот «забавный» анекдот господин Архангельский несколько раз повторил в своих передачах на телеканале «Культура».

Как сообщает Еврейская энциклопедия, издавна, с первых веков нашей эры, евреи, жившие в западноевропейских

[1] URL: http://naviny.by/rubrics/society/2009/06/17/ic_articles_116_163194/.

[2] См., например, в словаре В.И. Даля.

[3] *Куняев С.* Шляхта и мы.

[4] Известия. 2000. 21 нояб. № 219 (25811).

странах, лишь изредка вступали в конфликты с основным населением этих стран, и к тому же гонения на них не имели сколько-нибудь тяжелых последствий[1]. Однако, начиная с XII в., ситуация резко изменилась, и евреи Западной Европы пережили настоящую «катастрофу» — вернее, целый ряд «катастроф, разразившихся над ними в эпоху крестовых походов. При первом походе цветущие общины на Рейне и Дунае подверглись полному разгрому, во втором походе (1147) особенно потерпели евреи Франции... в... третий поход (1188)... разыгрался страшный мартиролог[2] английских евреев... С тех пор и началось время преследований и стеснений для мирно развивавшегося — до конца XII в. — английского еврейства»[3].

«Завершением этого тяжелого периода было изгнание евреев из Англии в 1290 г., прошло 365 лет, пока им вновь было разрешено поселиться в этой стране... Везде на христианском Западе мы видим одну и ту же мрачную картину. Евреи, изгнанные из Англии (1290), Франции (1394), из многих областей Германии, Италии и с Балканского полуострова в период 1350—1450 гг. ...бежали преимущественно в славянские владения... Здесь евреи нашли верное убежище... и достигли известного благосостояния»[4].

И еще о судьбе евреев в Испании: «В 1391 г. в одной лишь Севилье чернь убила 30 000 евреев... Тысячи людей были брошены в тюрьмы, подвергнуты пыткам и преданы костру». В 1492 г. «несколько сот тысяч евреев должны были оставить страну», то есть Испанию[5].

---

[1] *Гессен Ю.* История еврейского народа в России. — Москва; Иерусалим, 1993. — С. 217—218; Он же. Погромы в России. — ЕЭ. Т. 12. — С. 612.

[2] Мартиролог (то же *мартирологий*; от греч. μάρτυς — свидетель; греч. μαρτύριον — доказательство) — список признанных мучеников, имена которых приводятся в календарном порядке в соответствии с датой их мученичества, то есть «днями рождения» к новой жизни.

[3] *Кожинов В.* Россия. Век XX-й (1901—1937). От начала столетия до загадочного 1937 г. (Опыт беспристрастного исследования.) — М.: Алгоритм, 1999.

[4] *Гессен Ю.* История еврейского народа в России.

[5] Еврейская энциклопедия. Т. 7. — С. 453—454.

Под «славянскими владениями», где нашли «верное убежище» и достигли «известного благосостояния» пережившие катастрофу западноевропейские евреи, Еврейская энциклопедия (ЕЭ) имеет в виду, прежде всего, Польшу; там, в XV—XVI вв., «евреи, — как сказано в ЕЭ, — являлись необходимым звеном между дворянством и крепостными крестьянами; торговля и промышленность были сосредоточены в их руках». Но в «середине XVII в. наступил кризис также для евреев Польши»[1].

С конца XVI в. в Польше шла «гражданская» война. Причиной войны явилась Брестская уния. Напомним, в 1596 г. в Бресте была заключена уния между Католической и Православной Церквями Речи Посполитой[2]. По условиям соглашения Православная Церковь Речи Посполитой признавала верховенство папы и ряд католических догматов, сохранив за собой неизменность православных таинств и обрядов. Одновременно с данным событием в том же Бресте состоялся собор противников унии. Каждый из соборов предал своих противников анафеме. Брестские унии положили начало кровавой войне, которая не стихала вплоть до тех пор, пока Польша не прекратила своего существования в конце XVIII в.[3]. Восстания казаков и православного населения против невыносимого панского гнета носили весьма ожесточенный характер и сопровождались страшными преступлениями с обеих сторон.

А.С. Пушкин после польского восстания 1830 г. заинтересовался историей русско-польских отношений. Немало времени он провел в библиотеках, изучая архивные документы. В первом номере созданного им журнала «Современник» были опубликованы его размышления о «Собрании сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского».

В отзыве на «Собрание сочинений» он цитирует отрывки из найденных им рукописей, в частности документ о расправе шляхтичей над православными повстанцами: «Казнь

---

1 Еврейская энциклопедия. Т. 7. — С. 453—454.

2 *Найденова Н.В.* Анализ причин распада и потери суверенитета Польши // Информационные войны. 2007. № 4.

3 Там же.

оная была еще первая в мире и в своем роде и неслыханная в человечестве по лютости своей и коварству, и потомство едва ли поверит сему событию, ибо никакому дикому и самому свирепому японцу не придет в голову ее изобретение; а произведение в действо устрашило бы самых зверей и чудовищ. Зрелище оное открывала процессия римская со множеством ксендзов их, которые уговаривали ведомых на жертву малороссиян, чтобы они приняли закон их на избавление свое в чистцу, но сии ничего им не отвечали, молились Богу по своей вере. Место казни наполнено было народом, войском и палачами с их орудиями. Гетман Остраница, обозный генерал Сурмила и полковники Недригайло, Боюн и Риндич были колесованы, и им переломали поминутно руки и ноги, тянули с них по колесу жилы, пока они не скончались; Чуприна, Околович, Сокальский, Мирович и Ворожбит прибиты гвоздями стоячие к доскам, облитым смолою, и сожжены медленно огнем; старшины: Ментяй, Дунаевский, Скубрей, Глянский, Завезун, Косырь, Гуртовой, Тумарь и Тугай четвертованы по частям. Жены и дети страдальцев оных, увидя первоначальную казнь, наполнили воздух воплями и рыданием; скоро замолкли. Женам сим, по невероятному тогдашнему зверству, обрезавши груди, перерубили их до одной, а сосцами их били мужей, в живых еще бывших, по лицам их, оставшихся же по матерям детей, бродивших и ползавших около их трупов, пережгли всех в виду своих отцов на железных решетках, под кои подкидывали угли и раздували шапками и метлами. Они между прочим несколько раз повторяли произведенные в Варшаве лютости над несчастными малороссиянами, несколько раз варили в котлах и сжигали на угольях детей их в виду родителей, предавая самих отцов лютейшим казням»[1].

Следует отметить, что в те времена в католических Польше и Испании подобные зрелища были особенно популярны. Не отставала и «просвещенная» Европа. Десятки тысяч евреев, маранов, «ведьм», православных, мусульман, ученых и т. д. были сожжены в цивилизованной Европе. Сожжения совер-

[1] Цит. по: *Куняев С.* Шляхта и мы.

шались на главных площадях, в торжественной обстановке, во время всенародных праздников, по поводу бракосочетания персон королевской крови и т.п. Приговоренным специально изготовлялись шутовские одежды, и само действие было сродни карнавалу. Не стоит удивляться, обряды соответствовали инструкциям из пособия по охоте на ведьм, печально известной книги «Молот ведьм». Авторы сего труда доминиканцы Яков Шпренгер (1436—1495), декан Кельнского университета (!), и приор Генрих Крамер (латинизированное Институрис) (ок. 1430—1505). Эти «ученые» рекомендовали сожжения людей приурочивать к религиозным праздникам. Известны случаи, когда в Испании костер поджигали королевские особы. Последнее публичное сожжение в Португалии состоялось в 1739 г., в Испании — 1 августа 1826 г.[1].

Следуя традициям Европы, шляхтичи в ходе подавления казачьих восстаний вырезали и выжигали целые населенные пункты, не оставляя никого в живых[2].

В ответ повстанцы отвечали не меньшими зверствами, правда, до пышных ритуальных казней дело не доходило.

Современник событий, которые сопровождали восстание под руководством Б. Хмельницкого, раввин Ганновер весьма подробно, красочным библейским стилем описывает[3] «исход» евреев с Левобережья совместно с поляками. Шляхта к евреям относилась хорошо, и всячески оберегала, и защищала, чтобы они не попали в руки казаков. О судьбе же тех, кто не успел присоединиться к Вишневецкому, Ганновер пишет: «Много общин, которые лежали за Днепром, близ мест войны, как Переяслав, Барышевка, Пирятин, Лубны, Лохвица, не успели бежать и были уничтожены во имя Божие и погибли среди мук страшных и горьких. С одних содрана кожа, а тело выкинуто на съедение псам; другим отрублены руки и ноги, а тела брошены на дорогу и через них проходили возы и топтали их кони... Не иначе поступали и с

[1] *Шпренгер Я., Институрис Г.* Молот ведьм. — М.: Амфора, 2006.

[2] *Найденова Н.В.* Анализ причин распада и потери суверенитета Польши.

[3] URL: http://www.ort.spb.ru/nesh/njs11/kats11.htm.

поляками, особенно с ксендзами. Поубивали на Заднепровье тысячи еврейских душ»[1].

М. Грушевский в своей книге «Хмельниччина в розквити» говорит о двух тысячах евреев, убитых в Чернигове, 800 — в Гомеле, нескольких сотнях — в Соснице, Батурине, Носовке и в других городах и местечках. Сохранилось и приводимое Грушевским описание, как производились эти погромы: «Одних порубили, другим приказали выкопать ямы и потом туда побросали еврейских жен и детей и засыпали землей, а потом евреям дали мушкеты и приказали одним убивать других»[2]. В результате этого стихийного погрома на Левобережье за несколько недель лета 1648 г. исчезли все поляки, евреи, католики, а также и те из немногочисленной православной шляхты, которые симпатизировали и сотрудничали с ними. В исследованиях Н. Найденовой[3] приводятся факты о массовых преступлениях с обеих сторон во время казачьих восстаний в Речи Посполитой в XVI—XVIII вв.[4]. В середине XVII в. подобное ожесточение достигает самого высокого накала.

Таким образом, непрерывные восстания православного населения, его борьба за свои права сопровождались массовыми преступлениями, уничтожением мирного населения: православных, евреев, шляхтичей. Почему же евреи стали объектом нападения со стороны повстанцев?

К XVII в. польская элита утратила пассионарность, магнаты вели праздный образ жизни, не желая при этом заниматься хозяйством и воевать[5]. Многие из них сдавали свои владения в аренду, освободившееся время проводили в праздных увеселениях и кровавых разборках между собой. Арендатор должен был выплачивать землевладельцу установленную сумму, и все, что удавалось выжать с крестьян сверх того, арендатор забирал себе.

---

1 Там же.

2 URL: http://lib.co.ua/politics/jud_in_u/jud_in_u.txt.

3 *Найденова Н.В.* Анализ причин распада и потери суверенитета Польши.

4 Там же.

5 Там же.

В своих имениях землевладельцы располагали многочисленными монополиями. Поэтому крестьянам приходилось платить особые сборы, чтобы избежать всеобъемлющих запретов, налагаемых этими монополиями. Например, имея крохотный ручной жернов, надо было платить хозяину монополии за помол зерна. Крестьянам вменялось в обязанность покупать монопольные продукты, такие как водка и соль, независимо от того, нужны они им или нет, причем по цене, установленной помещиком. Этот прием обирания крестьян мог варьироваться: у них, например, не было иного выхода, кроме продажи своей продукции помещику, и опять-таки по его цене.

Но самые большие поборы ожидали крестьян, если имение отдавалось хозяином в аренду. В большинстве своем аренды были по закону краткосрочными, вследствие чего арендаторы старались как можно быстрее извлечь максимум выгоды, что в скором будущем приводило к разорению всего имения[1]. Среди арендаторов было много евреев.

Так, к 1616 г. более половины принадлежавших Речи Посполитой украинских земель было арендовано евреями[2]. У одних только князей Острожских было 4 тысячи евреев-арендаторов. Вкладывая собственные деньги в аренду и получая ее на два-три года, они были заинтересованы в извлечении максимальной прибыли любой ценой. Этим объяснялась невероятная жестокость арендаторов, не давалось никакой поблажки ни крестьянам, ни их землям. Из земли и крестьян высасывалось все, что возможно, без всякого учета последствий этой варварской эксплуатации.

«Дани, взимаемые жидами, были следующие — от играния на дудке, свирели, скрипке и прочее; от детей новорожденных за повияч 200, от всяких садовых и огородных плодов 200, от каждой хаты 5, подушный оклад 10, от вступления в брак 6, от улья пчел 2, от рыболовни, от стодола 10, от ветряных мельниц и жерновов 20, судные посулы, то есть позов для судящих, 29; особо за откуп жидами церквей Бо-

[1] URL: http://www.ort.spb.ru/nesh/njs11/kats11.htm.

[2] *Широкорад А.* Давний спор славян. Россия, Польша, Литва.

жиих, а также и всяких питейных статей; пороговщина от каждого рога волового; от рога коровьева — девятая доля»[1]. Типовой договор шляхтича с арендатором звучал следующим образом: «Дали мы, князь Коширский, лист жиду Абрамку Шмойловичу. По этому арендному листу имеет он, жид, право владеть нашими имениями, брать себе всякие доходы и пользоваться ими, судить и рядить бояр путных, даже всех крестьян виновных и непослушных наказывать денежными пенями и смертию»[2]. По выражению английского историка Норманна Дейвича, именно участие евреев в эксплуатации украинского крестьянства польской шляхтой «было главной причиной той страшной расплаты, что не единожды ожидала их в будущем»[3].

Другой формой аренды являлось приобретение монопольного права на производство и продажу табака и алкоголя.

И. Шахак в своем исследовании отмечает: «Вне городов очень многие евреи по всей Польше, и особенно на востоке, служили надсмотрщиками и угнетателями крепостного крестьянства. Они управляли целыми уделами (имея всю полноту помещичьей власти) или арендовали отдельные монополии феодалов — мельницу, винокуренный завод, кабак (с правом вооруженных обысков крестьянских домов в поисках самогонщиков) или пекарню. Разумеется, они собирали феодальные платежи всех видов. Короче говоря, находясь под властью магнатов и знатных феодалов-церковников, евреи были непосредственными эксплуататорами крестьян и практически единственными горожанами»[4].

Главное, что отягчало вину арендаторов и возбуждало к ним ненависть, заключалось в их стремлении спаивать кли-

---

1 *Величко С.* Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Т. IV. — Киев, 1864. — С. 301.

2 *Яворницкий Д.И.* История запорожских казаков. Т. 1. — Киев, 1990. — С. 371.

3 *Субтельный О.* Украина. История. — Киев. 1994. — С. 160—161.

4 *Шахак И.* Еврейская история, еврейская религия: тяжесть трех тысячелетий. Пер. Л. Волгиной в редакции С. Этермана. URL: http://left.ru/index.phtml.

ентов. Здесь применялись новаторские по тем временам «маркетинговые технологии»: реклама, кредит, то есть выпивка в кредит, круглосуточная торговля спиртным и т. п. Повальный алкоголизм обеспечивал в условиях монополии сверхприбыли.

Как справедливо сказано в ЕЭ, «служа интересам землевладельцев и правительства (сплошь да рядом магнат-землевладелец состоял королевским старостой), евреи навлекли на себя ненависть населения, стонавшего под политическим и экономическим гнетом... Крестьянская масса усматривала в евреях исполнителей воли польской шляхты. Сбрасывая с себя политическое и экономическое иго, она обрушилась с одинаковой яростью на помещиков и евреев»[1].

Да, с 1630-х до 1770-х годов евреи на принадлежавших тогда Польше восточнославянских землях были жертвами погромов и даже массовых убийств. После же возвращения этих земель в состав России во время «разделов Польши» в 1772—1795 гг. погромы полностью прекратились. Возобновились они в другое время и уже по другим причинам — в 1880-х гг., то есть более чем через столетие. Но это уже предмет другого исследования.

Таким образом, массовые убийства евреев в Речи Посполитой — это тяжкое преступление, но его нельзя квалифицировать только как «еврейский погром (погромы)», с этнической точки зрения. Одновременно с еврейскими семьями уничтожали и шляхетские семьи, и с не меньшим ожесточением. Польский шляхтич-угнетатель и еврей-арендатор представляли собой в глазах повстанцев единое зло. С такими же зверствами шляхта уничтожала православные поселения. Причина восстаний и, как следствие, массовых преступлений заключалась в самом шляхетстве.

Как писал Ф. Булгарин: «В Польше искони веков толковали о вольности и равенстве, которыми на деле не пользовался никто, только богатые паны были совершенно независимы от всех властей, но это были не вольности, а своеволие... Мелкая шляхта, буйная и непреуспевающая, находилась всегда в пол-

[1] ЕЭ. Т. 15. — С. 645.

ной зависимости у каждого, кто кормил и поил ее, и даже поступала в самые низкие должности у богатой шляхты, и терпеливо переносила побои, — с тем условием, чтобы быть битым не на голой земле, а на ковре, презирая, однако же, из глупой гордости занятие торговлей и ремеслами, как неприличное шляхетскому званию. Поселяне были вообще угнетены, а в Литве и Белоруссии положение их было гораздо хуже негров…»[1]. Если польские поселяне были низведены до положения негров, не трудно догадаться, в каком положении находилось бесправное православное население Речи Посполитой.

15.6. Угроза для еврейской цивилизации

Термин «кагал» означает в буквальном переводе «община», в более узком — ее правление. Возникшие примерно в XVI в. в связи с изменением формы налогообложения — введением принципа круговой поруки, — кагалы постепенно сосредоточили в своих руках функции как защиты еврейского населения, так и контроля за жизнью общины[2]. В выборах кагала участвовали только «избранные», определяемые имущественным цензом, иногда, что случалось гораздо реже, тораническо́й (знанием священной книги иудеев — Торы. — *Авт.*) образованностью. Жребием определялись выборщики, которые, в свою очередь, избирали правление, состоявшее из четырех или пяти человек (рашим). Члены рашим попеременно состояли в должности парнаса, то есть главы общины, избираемого по жребию на месяц. При выборе кагала в его составе оставались почти всегда те же самые лица, выбывших, как правило, заменяли их родственники. Это неизбежно вело к коррупции и росту напряжения между кагальной верхушкой и общинными «низами». Ко времени разделов Польши еврейские общины переживали кризис не только вследствие давления извне, но и в результате внутренних противоречий[3].

---

[1] URL: http://rosmem.ru/Memories/Texts/Bulgarin/Bulgarin_1_1.htm.

[2] *Широкорад А.* Давний спор славян. Россия, Польша, Литва. — М.: АСТ. Хранитель, 2007.

[3] Там же.

«Период между 1500 и 1795 гг. был одной из самых мрачных, исполненных предрассудками эпох в истории иудаизма; польские евреи в это время были наиболее суеверными и фанатичными. Власть еврейской автономии служила, прежде всего, подавлению любой новой мысли, бесстыдной эксплуатации еврейской бедноты еврейскими богачами в союзе с раввинами, оправданию роли евреев в угнетении крестьян на службе у помещиков. Выходом из тупика могло стать только вмешательство внешних сил — “освобождение извне”. История Польши, где роль евреев была более важной, чем в любой другой стране диаспоры, блестяще демонстрирует банкротство классического иудаизма»[1].

Механизм жестокой эксплуатации имел свою иерархию. «Его верхушка — крупные арендаторы, выжимавшие из крестьян в шесть раз больше, чем могли выжать сами помещики, потому что арендаторы не задумывались о завтрашнем дне. Рядом с ними стояли крупные ростовщики и банкиры, торговцы и купцы, а пониже — субарендаторы, управляющие, приказчики, посредники. “По отношению к крестьянам вся эта масса евреев, зависевших от главного еврея-арендатора, выступала в роли панских пособников”. Значительную прослойку составлял многочисленный и разветвленный еврейский клир, включавший представителей “идеологических профессий”. Они непосредственно зависели и были тесно связаны с верхушкой общины»[2]. Следует отметить, что кагал стремился не допускать разорения отдельных членов общины, однако эти заботы не распространялись на соседей хлопов-поляков и православных крепостных крестьян, тогда как зачастую деятельность членов общины их разоряла. Следует сказать правду, что рашим, в частности, не волновали судьбы православных соседей, разорившихся в результате насаждаемого еврейскими шинкарями пьянства.

---

[1] *Шахак И.* Еврейская история, еврейская религия: тяжесть трех тысячилетий / Пер. Л. Волгиной, в редакции С. Этермана. URL: http://left.ru/index.phtml.

[2] *Боровой С.* Еврейские хроники XVII века. Цит. по URL: // left.ru/2001/40/shamir40.html.

А.М. Алексеев таким образом обосновывает неприязнь к евреям: «Недоброжелательность и ненависть к неизвестному, непонятному, чужому уходит корнями в далекое прошлое, когда для первобытной орды пределы человечества совпадали с ее собственными рамками. Первобытные люди только членов своего коллектива считали за людей, все остальные не отличались в их глазах от диких зверей. “Чужой” означал врага, его надо было убивать при первой же встрече или бежать от него... Звериное отношение отдельных групп человечества друг к другу ослабевало в ходе исторического развития очень неравномерно и во времени, и в пространстве. Даже в нашем XX в. оказались возможными дикие вспышки ненависти, сопровождавшиеся истреблением миллионов беспомощных “чужаков”. Евреи не раз оказывались в этом отношении в особенно неблагоприятной ситуации»[1]. Но отношения людей друг к другу — дорога с двухсторонним движением. Как евреи везде воспринимались «чужими», так и для членов еврейских общин окружающие были «чужаками», и это невозможно отрицать.

Теория управления эволюцией проверяется на еврейских общинах, их устойчивость объясняется умелым управлением «климатом» и средой. Отношения внутри общины — климат, внешние воздействия — среда. Руководство общины заинтересовано, чтобы климат, в первую очередь, определялся ксенофобией, а среда была агрессивной, то есть ксенофобия и антисемитизм способствовали устойчивости общины. Кагал, в частности, был заинтересован в таком положении дел, поскольку это позволяло ему контролировать ресурсы общины. Главным же фактором, который позволил евреям сохраниться и не ассимилироваться, — это, в первую очередь, их вера, язык и система ценностей, которые во многом и определяли климат в еврейской общине. В этом плане можно говорить о еврейской цивилизации. Между тем ассимиляция является естественным критерием для оценки уровня ксенофобии. Чем менее подвержена ассимиляции некая национальная (ре-

[1] *Алексеев В.М.* Варшавского гетто больше не существует.

лигиозная) общность — тем выше в данной общности уровень ксенофобии, и наоборот.

Иногда Россию обвиняют в государственном антисемитизме. В связи с этим вопрос о восстановлении у подножия храма Христа Спасителя памятника императору Александру III, который необоснованно считается автором данной политики, даже не обсуждается. Но все эти обвинения несправедливы. По национальному признаку ни Россия, ни любое другое государство евреев не ущемляли, за исключением нацистской Германии. Ограничение прав шло не по национальным, а по религиозным признакам. При этом ограничения в правах испытывали не только евреи, но и все иноверцы. Например, православные и протестанты в Речи Посполитой.

Так, в 1649 г. в Англии власть в стране перешла в руки протестантской партии индепендентов, возглавляемых Оливером Кромвелем. Сторонники казненного Карла I бежали из Англии в Шотландию и Ирландию, где надеялись создать плацдарм для борьбы с революционным правительством. Для того чтобы предотвратить возможный реванш роялистов, английский парламент решает послать в Ирландию экспедиционный корпус, назначив на должность главнокомандующего генерала Кромвеля. Но, задуманная как борьба с роялистами, данная кампания вскоре превратилась в откровенный геноцид. На протяжении всей истории взаимоотношений Англии и «Изумрудного острова» англичане с величайшим презрением относились к ирландцам. После того как в Англии взяли верх протестанты с их догматом о богоизбранности и собственной исключительности, неприязнь эта только усилилась, поскольку ирландцы сохранили верность Католической Церкви. В английском обществе стойко укоренилось мнение, что жители Ирландии «еще более неотесанны, чем индейцы», а посему первейший долг англичан — «образумить этих животных». Тем не менее кампания Кромвеля не только не способствовала возвращению ирландцев на «путь истинный», но, более того, поставила значительную часть населения на грань

уничтожения. В 1649—1650 гг. английская армия полностью оккупировала остров, поголовно уничтожая коренное население страны. В результате этой спецоперации ирландское население сократилось примерно вдвое. Англичане уничтожили около 750 000 человек. И это было только началом планомерной и целенаправленной политики английского правительства по выдавливанию ирландцев с их родной земли, конец которой положило только обретение страной независимости в 1922 г. Таким вот образом в «просвещенной» Англии изгоняли и убивали иноверцев.

В Испании кроме евреев пострадали и мусульмане. В результате брака наследника Арагонского престола Фернандо и наследницы Кастильского королевства Изабеллы в Испании началась активная католизация населения. Было решено захватить мусульманскую Гранаду и насильственно крестить иудеев и мусульман для того, чтобы превратить Испанию в католическое королевство. В 1492 г. королевской четой был подписан указ, обязывающий евреев в течение четырех месяцев (до 31 июля) креститься или покинуть страну. Всякий некрещеный еврей, оставшийся в Испании после этого срока, объявлялся вне закона. Евреям разрешили продать свое имущество и взять с собой некоторые вещи, за исключением золота, серебра, жемчуга и драгоценных камней. Началась массовая распродажа имущества за бесценок. Но до 31 июля всех евреев выселить не удалось, и срок был продлен до 2 августа. Более 200 000 человек были, по существу, обворованы и вынуждены покинуть страну, в которой их предки жили более 1500 лет.

Судьба мусульман оказалась более печальной. Они не были богатыми, и им нечем было откупиться. В результате враждебности и предубеждения священников, разжигания националистических и расовых настроений в стране началось мощное движение против мусульман. Религиозные предводители выступили с фанатичным призывом убивать мусульманских детей и стариков, мужчин и женщин, и в конце концов Филипп II без каких-либо веских причин по приказу папы Римского подписал указ об изгнании мусульман из Испании.

При этом, еще до того как мусульмане сумели спастись бегством, три четверти мусульманского населения по приказу Церкви было зверски убито, а тех, которым удалось избежать этого, впоследствии казнили по приговору суда инквизиции. После Филиппа в период правления Фердинанда Карла V мусульмане жили в условиях жестокого притеснения и ущемления в правах. В этот период около трех миллионов мусульман прошли по «лезвию предрассудков и непросвещенности»[1].

Если взять Францию, там католики физически истребляли протестантов, побуждая их к выезду из страны. Словом, примеров, подтверждающих наш вывод о религиозных основах массовых преступлений, можно привести множество.

Глава 16
«Волынская резня», или Чудовище Франкенштейна

На него невозможно было смотреть без содрогания. Никакая мумия, возвращенная к жизни, не могла быть ужаснее этого чудовища. Я видел свое творение неоконченным; оно и тогда было уродливо; но когда его суставы и мускулы пришли в движение, получилось нечто более страшное, чем все вымыслы Данте.

Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей»

16.1. Волынский кошмар

Волынская резня — это массовое уничтожение этнического польского гражданского населения (преимущественно женщин, детей и стариков) на территории Генерального округа Волынь-Подолье (Generalbezirk Wolhynien-Podolien). Резня началась в начале 1943 г. сторонниками ОУН(б) и ее вооружен-

[1] URL: http://www.islam.ru/vera/djahada/voina_mir/4/.

ной составляющей УПА при значительном участии местного этнически украинского населения. Своего пика события достигли летом 1943 г., когда 11 июля были одновременно атакованы более 150 населенных пунктов. К началу осени 1943-го антипольская акция ОУН(б) перетекает в восточные регионы Дистрикта Галиция, где происходит с меньшим размахом вплоть до переселения этнических поляков с мест активности ОУН-УПА в начале — конце 1945 г. Число жертв среди этнического польского населения, по мнению одних историков, на территориях, присоединенных к УССР в 1939 г., оценивается цифрой почти в 100 тысяч[1]. В то же время другие историки оценивают количество жертв среди этнических поляков в 80—100 или 75—90 тысяч за 1943—1947 гг., из них только на Волыни — от 30—40 до 50—60 тысяч[2]. Кроме этнических поляков уничтожались также члены смешанных польско-украинских семей, политические оппоненты ОУН(б), бежавшие советские военнопленные и окруженцы, а также любой «нелояльный элемент», в ряде случаев — вместе с семьями.

По мнению ряда современных польских и украинских историков АН Украины, за этнические чистки польского населения ответственны «главнокомандующий УПА» Дмитро Клячкивский и политический руководитель ОУН(б) (носившей в то время название ОУН-СД) Роман Шухевич[3].

Во время больших войн совершается много массовых преступлений, но события на Волыни поражают средневековой жестокостью. Женщин, стариков, детей, включая грудных младенцев, расстреливали, закалывали штыками и вилами,

---

[1] Heinsohn Gunnar: *Lexikon der Völkermorde*, rororo aktuell, Reinbek bei Hamburg 1999. — С. 283.

[2] Щодо кількости жертв історики в цілому погоджуються, що в 1943—1947 роках від рук українців загинуло 80—100 або 75—90 тисяч поляків. Найбільше жертв було на Волині: щонайменше 30—40 тисяч, деякі вірогідні оцінки збільшують ці цифри до 50—60 тисяч. Ґжеґож Мотика Волинь 1943 року.

[3] Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. Інститут історії НАН України. 2004 р Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. Раздел 5. URL: http://www.history.org.ua/oun_upa/upa/16.pdf.

разрубали на части топорами, лопатами и косами. Но и этого было мало. Над трупами жертв, как правило, происходило надругательство: выкалывали глаза, маленьким детям вырезали гениталии. Детей прикручивали колючей проволокой к деревьям и оставляли умирать страшной смертью. История человечества не знала подобных извергов.

Тарнопол (Tarnopol) — воеводство Тарнополское, 1943 г. Одно из деревьев проселочной дороги, над которой террористы ОУН-УПА (OUN-UPA) повесили транспарант с надписью в переводе на польский: «Дорога к независимой Украине». На каждом дереве палачи создавали из польских детей так называемые венки. Фотограф неизвестен. Фотография опубликована благодаря Владиславу Залоговичу[1]

Организаторы мероприятий, связанных с годовщиной волынской трагедии, хотят открыть в Варшаве памятник жертвам ОУН-УПА на Волыни. Есть несколько проектов мо-

[1] Солнце светит для всех. URL: http://strict-but-fair.livejournal.com/11130.html.

нумента. Один, по аналогии с известной фотографией, должен изображать пятиметровое дерево с прибитыми к нему останками детей. Второй — повешенных молодую обнаженную мать с детьми.

Неизвестно, появится ли в итоге в Варшаве памятник жертвам ОУН-УПА. Многие польские политики, деятели науки и культуры, похоже, боятся обидеть бандеровцев и их современных поклонников на Украине.

Липники (Lipniki) — уезд Костопол, воеводство Луцкое. 26 марта 1943 г. На переднем плане дети — Януш Белавски, 3 года, сын Адели; Роман Белавски, 5 лет, сын Чеславы, а также Ядвига Белавска, 18 лет, и др. Эти польские жертвы — результат резни, совершенной ОУН-УПА

С документальными свидетельствами «Волынской резни» можно ознакомиться в интернете[1].

В 1996 г. в Варшаве вышла книга воспоминаний ряда очевидцев под названием «Свидетели говорят»[2]. Это сборник воспоминаний лиц, переживших трагедию поляков в Западной Украине. Вот некоторые свидетельства-документы, взятые оттуда.

[1] Там же.

[2] URL: http://www.russian.kiev.ua/archives/2003/0307/030711san1.shtml.

Ева Швед вспоминала: «В воскресенье 29 августа 1943 г. я пошла в костел, а затем к подруге… она предложила переночевать у нее с тем, чтобы утром мы вместе пошли в костел…

Утром на нас напала националистическая свора… Я спряталась в хлебной копне. Здесь же прятались односельчанка Гелена с дочерью. Нас обнаружили и погнали в костел, где уже было много народа, а оттуда повели к школе. Мужчин отделили и повели во двор Ильи. Там их всех и побили, предварительно вырыв ямы, а нас, женщин, вновь загнали в костел. В колодце, что во дворе Ильи, утопили священника Станислава Добрянского, человека ангельской доброты. Живыми бросили в колодец еще несколько человек…

В костеле люди плакали, причитали… Бандеровцы открыли костел и, засучив рукава, начали вытаскивать людей на улицу. Нас погнали под наше село Сокол. Было нас около 550 человек из сел Островки и Воля Островецкая. Из последнего села женщины с детьми съехались в воскресенье в Островки на молебен. Здесь находилась наша парафия… Когда нас выгнали на улицу, никто не плакал. Брали по десять человек и клали на землю лицом вниз. Стреляли разрывными пулями…»[1]

Свидетельствует Тадеуш Которский: «До 1939 г. я проживал в Ковельском районе на Волыни… До конца 1942 г. мы жили с украинцами добрососедски. Даже не испытывали обиды, когда в период немецкой оккупации нас в местных учреждениях заставляли говорить исключительно по-украински, поскольку всегда воспитывались в атмосфере уважения к украинской культуре и православной вере…

Уничтожение поляков бандами УПА началось летом 1943 г., а под осень того же года трагедия достигла своей вершины. Первое действие трагедии имело место 10 июля 1943 г., когда польская делегация… отправилась на повторные мирные переговоры с представителями УПА с целью выяснения претензий со стороны оуновцев к польскому населению Ковельского округа. Как выяснилось позже, они были зверски убиты.

[1] URL: http://www.russian.kiev.ua/archives/2003/0307/030711san1.shtml.

11 ноября 1943 г. наша группа самообороны в колониях Ружин и Трускоты отбивала попытки группы УПА ворваться в эти села. На другой день мы покинули Трускоты. Там получил тяжелое ранение в ногу Стефан Сковрон, 18 лет, полный сирота, мой хороший товарищ. Мы оказали ему возможную первую помощь, и он попросил нас оставить его возле дома нашего соседа Гната Юхимчука. На другой день Стах Шимчак пошел забрать Стефана. Оказалось, что его уже нет в живых. У него был распорот живот, вытянуты все внутренности, выколоты глаза, а с ног сняты ботинки. Вскоре его брат Зигмунд опознал эти ботинки на жителе села Люблинец Леньке Аксютиче.

Большой трагедией для меня стала смерть украинцев Ивана Аксютича и его сына Сергея осенью 1943 года. Человек в годах, Аксютич Иван хорошо жил со своими соседями, не вступал ни в какие политические интриги, имел смелость не поддерживать украинских националистов. Убили его в селе Клевецк с участием племянника Леонида, который для родного дяди избрал страшную смерть — распилил живое тело пилой. Сына Ивана Аксютича оуновцы застрелили…»[1]

Францишка Косинская вспоминает: «Я проживала на Волыни в селе Дошно, что в 17 км от Ковеля. Соседние села Велимче и Датынь… С болью в сердце вспоминаю трагический день 28 августа 1943 г. … Уже было достаточно светло, когда с ребенком подошла к окну и увидела страшную картину. Вдоль озера бежит Йозеф Савицкий, а за ним на коне мчится бандеровец с саблей в вытянутой руке. Когда лошадь догнала Савицкого, бандеровец взмахнул саблей и голова убегающего повисла на плечах…

Я вышла из дома и побежала к двухсемейному дому моих дядей — братьев отца. Мои дяди Флориан и Петр Рубиновские и наш кузен Казимир лежали на полу лицом вниз, пробитые штыками. Под яблоней, недалеко от порога, лежали мертвые тетя Геня с детьми. У нее и ее сына были разрублены головы. Тетя держала в объятиях наименьшего ребенка. Тетя Сабина, жена другого дяди, была совершенно голая. У нее

[1] Там же.

также была разрублена голова, а у грудей лежали два восьмимесячных близнеца. Тут же я увидела бабушку Еву. Она стояла, прислонившись к стене лицом. Я подумала, что она жива. Оказалось, что она пробита штыком и в такой позе умерла, опершись о стену.

Ошалелая, бегала я от дома к дому и, наконец, добежала до своих родителей. Отец лежал в комнате возле кровати в одном белье, пробитый штыками, лицом вниз…

Дальше побежала по колонии к трем незамужним женщинам "Цырилянкам", как звали их в селе по имени отца — Цырыля… На огороде, где рос картофель, я нашла Михайлину с отрубленными руками и ногами. Стася и Ганя были замордованы в селе. В зернохранилище обнаружили обезображенное тело Каролины Единович со связанными руками, тела ее сына Тадеуша и падчерицы Юзи. Ее пасынок Бронислав проживал с женой и тремя детьми отдельно. Из дома их выгнали в стодолу и там превратили в неподдающиеся описанию изувеченные трупы»[1].

Командиры немецких эсэсовцев, опасаясь за психику своих подчиненных, не допускали их участия в данных акциях.

Как подобное стало возможным? Что же превращает людей в монстров?

У этих чудовищ был свой доктор Франкенштейн — просвещенная польская элита.

16.2. «Доктор Франкенштейн». Начало

Начало создания монстра известно. Истоки его — в Брестской унии. Уния 1596 г. оказалась ядовитой духовной инъекцией для малороссов. Как сказал Иван Франко: «Укладена за мотивами далеко більш політичними і адміністративно-дисциплінарними, ніж догматично-релігійними, Берестейська унія відразу внесла величезний фермент в лоно руського народу, спричинила тимчасовий запал, пожвавлення, інтелектуальний рух, жваві диспути, ... та в кінцевому підсумку

[1] URL: http://www.ruscrimea.org/actualno/2124-ukrainskij-fashizm-strashnaya-pravda-ob-upa-foto.html.

ослабила Русь, деморалізувала її ненавистю братів до братів, взаємним недовір'ям і нетерпимістю і була однією з причин козацьких війн, які принесли Україні "руїну", а Польщі — зародок політичного занепаду». Греко-католический суррогат был кровью навязан православным. Известно, что еще в середине XVIII в. в просвещенной Польше крестьян жестоко наказывали за то, что не хотели признавать церковной унии. Так, Данилу Кушниру из городка Млиевом на Смелянщине в присутствии народа, согнанного из разных сел, обмотали руки паклей, облили смолой и подожгли, затем отрезали голову и прибили к столбу. Эта страшная расправа описана в известном произведении Т. Г. Шевченко «Гайдамаки». В результате невероятной жестокости проведенной церковной реформы менталитет малороссиян был изуродован до такой степени, что сегодня они считают героями тех, кто не только чудовищным образом убивал детей, стариков, женщин, но и глумился над трупами своих жертв.

Греко-католик — это не православный и не католик. Процесс слома менталитета вкупе с жесткой эксплуатацией порождал невиданную взаимную жестокость в те моменты, когда диссиденты выходили из-под шляхетского контроля.

В течение столетий церковные греко-католические иерархи воспитывали у своей паствы неприязнь как к католикам, так и к православным. Во время Второй мировой войны неприязнь обернулась звериной ненавистью к ближнему.

Так, на рассвете 30 июня 1941 г. бандеровский батальон СС с поэтическим названием «Нахтигаль» ворвался вместе с фашистами во Львов. Непосредственно подразделениями данной дивизии руководили немецкие офицеры Альбрехт Харцнер, «полномочный представитель абвера» Теодор Оберлендер и правая рука Бандеры Р. Шухевич. Бандера обратился к митрополиту А. Шептицкому с просьбой назначить пастырем батальона униатского священника. Шептицкий назначил Гриньоха.

В связи с этим националистическая газета «Вільне слово» 16 июля 1941 г. писала: «Около трех часов утра в понедельник 30 июня вошли в город первые патрули немецких

армий. Это были украинцы из батальона под командованием Романа Шухевича. Они представились митрополиту Андрею Шептицкому.

Выслушав доклад Гриньоха, глава униатской Церкви благословил нахтигалевцев и будущее “правительство” Стецька.

Вскоре на специальной коляске из пенат вывезли митрополита Шептицкого, за ним последовали Иосип Слипый, Иван Гриньох, Микита Будка и другие. Неподалеку — Шухевич и капитан Ганс Кох, сотрудник абвера, который поддерживал по заданию Канариса контакты с руководителями ОУН и иерархами униатской Церкви. Во дворе Святоюрского собора митрополит провел богослужение в честь “непобедимой немецкой армии и ее главного вождя Адольфа Гитлера”.

И далее, обращаясь к нахтигалевцам, Шептицкий сказал: “От изболевшего сердца приветствуем освободительницу нашу — немецкую армию и ее вождя Адольфа Гитлера. Искренне просим Всевышнего о победе немецкого оружия над большевизмом... Благословляю вас, сыны мои, на священную борьбу во имя правды Божьей. В ваших руках судьба народа вашего и наше будущее. Начинайте с Богом!”»[1].

Позднее, в 1944 г., сразу после вступления во Львов Советской армии, Шептицкий отправил Сталину поздравительное послание, а затем и делегацию, которая «верноподданнейше» посетила Московскую патриархию, Верховный Совет СССР и НКВД![2]

Таким образом, с благословения главы Украинской греко-католической Церкви, бандеровцы начали уничтожать мирных жителей, прежде всего поляков. В первые дни оккупации оуновцы вместе с фашистами уничтожили более 3 тысяч львовян-поляков, в том числе 70 ученых с мировым именем. Это почетный член многих академий мира Казимир Бартель, известный писатель Тадеуш Бой-Желинский, 80-летний ака-

---

[1] *Цыганков С.* Краткая аналитическая записка. URL: http://www.russian.kiev.ua/archives/2003/0307/030711san1.shtml.

[2] Bitter Legacy: Confronting the Holocaust in the USSR By Zvi Y. Gitelman. 1997. P. 63.

демик Соловий, профессор Ян Грек, ректор университета, профессор судебной медицины Владимир Сарадский, академик Антоний Цешинский, профессор Тадеуш Островский, доктор юридических наук Роман Лонгшамо де Берье с тремя сыновьями, профессор математики Владимир Стожик и многие другие. Выдающегося польского математика Стефана Банаха оккупанты скармливали вшам в процессе проведения «научного эксперимента». По национальности большинство жертв были поляками. Обо всем этом Шептицкому постоянно докладывал Гриньох. Однако «владыка» не принял никаких мер, чтобы прекратить кровавую бойню. Даже когда жена академика Цешинского, лично знакомая с митрополитом, попросила последнего проявить содействие в освобождении мужа, Шептицкий цинично ответил, что он «не вмешивается в мирские дела»[1]. А ведь сам Шептицкий был потомком старинного польского графского рода!

В семинариях униатское духовенство воспитывало в слушателях националистический дух. Каждая проповедь в униатских церквах имела в своей основе идею создания «самостоятельной, соборной Украины»… Террористическая деятельность националистических банд также активно поддерживалась униатской Церковью. Священники охотно отпускали грехи убийцам. Они всячески распространяли убеждение, что без «уничтожения врагов», без преступления «свободной Украины не построить…».

16.3. О том, как князь А. Чарторыйский сеял «разумное, доброе, вечное»

Шляхта в течение веков измывалась над «быдлом», то есть делала все, чтобы ее возненавидели малороссы. И антисемитизм украинского «быдла» и польских хлопов — следствие скудоумия, лени и праздности шляхты. Сами чураясь вести свои дела, они нанимали евреев-арендаторов, которые дотошно выполняли условия контракта, но ставили в отчаянное

[1] *Цыганков С.* Краткая аналитическая записка. URL: http://www.russian.kiev.ua/archives/2003/0307/030711san1.shtml.

положение крестьян. Иудейская вера им это позволяла. Поэтому во время казачьих и крестьянских восстаний «быдло» и хлопы вырезали шляхтичей и евреев вместе с их семьями.

Но этого оказалось мало, надо было еще привить малороссам ненависть к русским. И «доктор Франкенштейн» занялся этим.

После потери территорий, населенных украинцами и белорусами, польская «интеллигенция» стала насаждать русофобию в своих бывших колониях.

После включения Правобережья в Российскую империю Подолье и Волынь вместе с бывшими белорусскими и литовскими землями Речи Посполитой в 1803 г. объединили в составе Виленского учебного округа, попечительство которым было вверено А. Чарторыйскому, куратору университета. Руководство деятельностью гимназий осуществлялось им же при содействии инспекторов. Инспектором Подольской, Волынской, а также Киевской губерний с 1803 по 1812 г. стал один из деятелей польского национального движения Т. Чацкий. В те времена поляки — в первую очередь князь А.Е. Чарторыйский — являлись весьма влиятельной силой при дворе Александра I.

В начале правления Александра I **князь Адам Чарторыйский** был самым близким к нему человеком, «самым интимным поверенным», его «правой рукой» и, как следствие этого, «самым влиятельным человеком в России» вообще. Сам он так характеризует свое положение:

«Как ни малозначительна было моя роль в текущих делах, я все же более, чем кто-либо другой, пользовался доверием Александра. Со мной он чувствовал себя свободнее, доверял мне больше, чем другим; я мог лучше понять его мысли, и мне было легче сказать ему правду о людях, делах и о нем самом».

8 сентября 1802 г. был подписан проект учреждения министерств. Согласно ему Чарторыйский заседал, в частности, в Комиссии военных школ и в Комитете по таможенным тарифам. Однако наиболее активным и заинтересованным было

участие князя в подготовке реформы народного просвещения и в работе учрежденной в ходе этой реформы комиссии.

При активном содействии поляков — А. Чарторыйского, С. Потоцкого, С. Сташица и др. — разрабатывалась и программа реформирования системы образования в России, в которой максимально учитывался опыт и достижения Эдукационной комиссии. Реформирование это в конце концов, по замыслу реформаторов, должно было привести к росту украинского сепаратизма и отторжению Украинской России.

Сохранение польской в своей основе системы образования и преподавания на польском языке на Правобережье создавало условия для языковой и культурной автономии западных губерний и укрепляло позиции польской культуры как альтернативы русской культуре.

Подрыв единства России силами одних поляков являлся делом крайне трудным, но вот если пробудить и укрепить у малороссов сознание их полной национальной отдельности от великороссов, внушить враждебность к великороссам — такая внутренняя вражда привела бы к ослаблению государственности России… В этот период за границей появляются публикации на исторические и языковые темы, посвященные данному вопросу. Особый вклад в «дело разделения» внес Франтишек Духинский, который «разработал» целую «теорию» о неславянском происхождении «москалей». В то же время начинается процесс активного внедрения понятия «Украина». Возникают понятия протоукры, древние укры и протоукраинцы — якобы мифические древние родоначальники современной украинской нации. Данный термин был введен в оборот польским графом Тадеушем Чацким. В его сочинении «O nazwisku Ukrainy i początku kozaków», изданном в Варшаве в 1843 г., это понятие упомянуто впервые. Т. Чацкий утверждал, что древние укры, положившие начало украинской народности, были кочевой ордой и пришли на Днепр из заволжских степей в VII в. нашей эры. Таким образом, Духинский, Чацкий и их последователи заявляли о том, что «москали», русские и малороссы — со-

вершенно разные, чуждые и глубоко враждебные народы, не имеющие между собой ничего общего. В чем заключалась истинная цель такого разделения двух русских народностей, откровенно заявлял в своем политическом завещании один из руководителей восстания 1863 г. генерал Людвик Мерославский: «Бросим горящие факелы и бомбы за Днепр и Дон в самое сердце Руси; разбудим ненависть и споры среди русского народа. Русские сами будут рвать себя своими же когтями, а мы тем временем будем расти и крепнуть»[1].

В результате украинцам с детства внушалась мысль о чуждости общерусского литературного языка, общерусской культуры, и, конечно, не забыта была идея якобы нерусского происхождения украинцев.

В ходе реформы образования А. Чарторыйского на бывших территориях Речи Посполитой были основаны польские университеты в Вильно и Харькове. В результате поляки оказались властителями умов значительной части русского населения. Хорошо известна роль польского кружка в Харьковском университете в деле пропаганды малороссийского наречия как литературного языка.

В 1847 г. будущий историк Н.И. Костомаров, вместе с В.М. Белозерским, Н.И. Гулаком и Т.Г. Шевченко, основал в Киеве «Кирилло-Мефодиевское Братство», тогда же он написал «Книги бытия украинского народу» — своеобразную политическую платформу, где казацкое устройство противопоставлялось аристократическому строю Польши и самодержавному укладу Москвы.

Все ранние статьи Костомарова слабо аргументированы. Первое его глубокое погружение в исторические источники произошло в 50-х гг. Х1Х в., когда он начал работать над историей Богдана Хмельницкого[2].

Занятия малороссийской историей произвели в националистических воззрениях Н. Костомарова подлинный пере-

---

[1] URL: http://www.rusidea.ru/?part=73&id=616.

[2] *Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма. — М.: ИНДРИК, 1996.

ворот. Уже будучи зрелым историком, Н. Костомаров перестает приписывать малороссам не существовавшую у них враждебность к единому Российскому государству, перестает возбуждать и натравливать их на него. Отныне политический национализм представляется ему делом антинародным, разрушительным и коверкающим духовный облик народа. Таковы, например, его высказывания, направленные против упорного стремления некоторых кругов искусственно создать новый литературный язык на Украине[1].

Сходную с Костомаровым эволюцию совершил Пантелеймон Александрович Кулиш. Прошли годы, и Пантелеймон Кулиш назвал музу своего покойного друга Т. Шевченко «полупьяною и распущенною». Тень великого поэта, по его словам, «должна скорбеть на берегах Ахерона о былом умоиссту-плении своем». Под «умоиссту-плением» Кулиш однозначно подразумевал национальную ненависть, главным образом русофобию, переполняющую некоторые стихи Тараса Шевченко. Тут и поношение имен Петра, Екатерины Великой, и желчные выпады против «москалей».

Тем не менее семена ненависти «доктором Франкенштейном» были посеяны и начали давать ядовитые всходы.

16.4. Бойня в Западной Пруссии

Следует отметить, что наш «Франкенштейн» создал свой клон. Между греко-католиками и шляхтой много общего: спесь, частое отсутствие здравого смысла в поступках, необоснованное чувство собственного превосходства, отсутствие ответственности, неспособность признать собственные ошибки и вину за совершенное преступление, пресмыкательство перед более сильным, богатым и — необыкновенная жестокость.

Приведем только еще один пример, ко множеству уже описанных, шляхетской жестокости.

В 1939 г. напряжение между Польшей и Германией достигло точки кипения. В то время на территории польской Западной Пруссии проживало много немцев. 3 сентября 1939 г.,

[1] Там же.

то есть через двое суток после начала Второй мировой войны, подразделения польской армии, жандармерии и полиции, а также отдельные гражданские лица произвели массовые убийства мирного немецкого населения городов Быдгощ (бывший германский Бромберг), Шулитце, а также в десятках городов в районе Познани (Позена). Занявшие эти города наступающие подразделения вермахта обнаружили, что их улицы покрыты трупами мужчин, женщин, малолетних детей и стариков. Массовые захоронения были найдены также в городских окрестностях. Таким образом, Войско Польское, неспособное дать достойный отпор агрессору, в полной мере проявило свою «доблесть», уничтожая мирное немецкое население.

Один из свидетелей преступления, местный житель Павел Сикорский, показал: «В воскресенье, 3 сентября 1939 г., около 6 часов пополудни я шел к мельнице выключить свет и остановить турбину. По пути я вдруг услышал громкие крики от железнодорожной насыпи. Подойдя ближе, я увидел группу железнодорожников, гражданских лиц и военных, которая окружила каких-то семерых людей в возрасте от 20 до 60 лет и била их прикладами и дубинами, а также колола штыками. Я подбежал ближе и услышал, как они кричат на польском языке: “Убивайте немцев!” Я видел кровь, текущую струями. Испугавшись, я убежал с этого места. Позже я вернулся туда и увидел несколько трупов, лежащих возле насыпи. У двух из них глаза были выколоты штыками. Орбиты были пусты и представляли кровавую массу. У троих черепа были размозжены, и мозг из них вытек. Трое из убитых были мне известны. Это были: Лейшнитц, мясник Егершоф и герр Шлихт.

На фотографии — жертвы геноцида немецкого населения на территории Польши

После полудня, между 3 и 4 часами, группа польских солдат с железнодорожниками прибыла на мою мельницу и привела с собой 18 немцев. Они были связаны вместе попарно. Затем они были все расстреляны у меня на глазах. Среди них были 14-летний мальчик и женщина.

В понедельник после обеда, когда было сказано, что польские солдаты уже покинули город, два солдата привели на мельницу пожилого мужчину и пожилую женщину. На моих глазах они поставили их к стене. Я подбежал к солдатам, стал на колени перед ними и попросил их на польском языке, чтобы они отпустили этих двух старых человек, которым было примерно 65 лет. Один из солдат оттолкнул меня прикладом и сказал: “Пусть эти проклятые немцы погибают”. После чего двое стариков были расстреляны, а тела их брошены в канаву»[1].

Убийства немецких мирных жителей поражали своей бессмысленной жестокостью. Среди убитых находились грудные и малолетние дети с завязанными назад руками и размозженными черепами, молодые девушки, исколотые штыками, старики, сожженные заживо. В Бромберге сожгли протестантскую кирху, десятки немецких домов были разрушены и разграблены. 5500 жителей этого небольшого немецкого городка оказались зверски убитыми.

Часто перед тем, как убить, людей уродовали до неузнаваемости, что затрудняло их идентификацию. Было опознано 15 тысяч трупов, но множество тел опознать не удалось, и, по некоторым данным, всего тогда уничтожили около 58 тысяч человек.

Судя по всему, у украинских националистов были хорошие «учителя»... Сегодня чудовище «доктора Франкенштейна» осуществляет свой страшный эксперимент на Украине.

Несколько веков шляхта сеяла семена ненависти, в 40-е гг. XX в. они дали страшный кровавый урожай.

ВЫВОДЫ

Самым глубинным, базовым слоем идентичности является онтологическая идентичность как отождествление себя с

[1] URL: http://ei1918.ru/foreign_history/pol_skoe_gosudarstvo.html.

высшими духовными ценностями бытия, которые в монотеистических религиях представлены единым трансцендентным Богом и его заповедями. Даже в секулярном, атеистическом обществе деятельность людей детерминирована системой моральных принципов, которые представляют собой редуцированный дериват религиозных заповедей.

Если люди в своих действиях не учитывают духовные цели и ценности, цинично относятся к заповедям и требованиям морали, не желают их знать, они с легкостью отдаются во власть своих животных порывов. Живут не ценностями и жизнью духа, а стремятся исключительно к комфортному сытому существованию, что, по сути своей, является жизнью животной. Даже хуже того, так как у животных жизнь подчинена природному детерминизму, который не предполагает, например, немотивированного насилия и тем более убийства. При этом духовная и моральная сторона жизни подобных людей находится практически в полном подчинении чувственным потребностям и наслаждениям, часто извращенным. Такая жизнь представляет собой образец полного отрицания человеческой подлинности[1].

Эти люди утрачивают важнейшее качество, отличающее их от животных, — свободную волю. Для таких существ нет иной подлинности, чем та, что способствует свободному и безудержному развитию низменных страстей и животных потребностей. Одним из наиболее значимых следствий задавленной инстинктами онтологической идентичности являются злокачественные проявления *десидеро-синдрома*[2] — эгоизма, инфантилизма, цинизма, жестокости и нечеловеческих зверств.

---

[1] *Дериси О.* Человеческая подлинность // Это человек: Антология. — М.: Высш. шк., 1995. — С. 156—159.

[2] *Ракитянский Н.М.* Опыт системного анализа или размышления над книгой Е.В. Егоровой-Гантман «В тумане войны. Наступательные военные коммуникативные технологии» // Информационные войны. 2010. № 4 (16). — С. 98—99.

ЧАСТЬ V

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПОЛЯКИ В ИСТОРИИ РОССИИ

Ю. Бек, будучи еще заместителем министра иностранных дел, так оценивал отношение поляков к России: «Что касается России, то я не нахожу достаточно эпитетов, чтобы охарактеризовать ненависть, которую у нас испытывают по отношению к ней». После распада Советского Союза средства массовой информации и «историки» в Польше и России убеждают нас, что русские и поляки всегда ненавидели друг друга[1]. Но так ли это?

Глава 17
Краткая история польского землячества

Московское княжество в XVII столетии было самой веротерпимой страной в Европе и самой щедрой в оплате необходимого княжеству труда[2]. Еще при Иване Грозном протестанты построили в Москве свою церковь и открыто отправляли

---

[1] *Сиполс В.* Тайны дипломатические. URL: http://trst.narod.ru/rogovin/t7/ii_xxiv.htm.

[2] *Молева-Белютина Н.* Поляки в Москве после смутного времени // Новая Польша. 2005. № 2. URL: http://a-pesni.golosa.info/istor/a-polaki.htm.

богослужения. В XVII в. число протестантских храмов в столице возросло до четырех. Отношение к католичеству было куда более настороженным, и первый костел открылся в Москве лишь в 1698 г., при Петре I. Во всем остальном католики, и особенно поляки, не имели никаких ограничений.

В течение всего XVII в. в Москве существовало шесть больших иноземных слобод, разбросанных по разным местам города, и из них две самые многолюдные — польские, или, иначе, — Панские. Здесь сказывались те льготы, которые предоставлялись выходцам из Польши. Первая из польских слобод — Старопанская — по переписи 1638 г. имела 52 двора и была единой по национальному составу. Ее подмеченная москвичами особенность состояла в том, что слобожане охотно женились на православных и нередко переходили в «московскую веру» — обстоятельство, гарантировавшее немалые материальные преимущества. Правительство выдавало значительную сумму «на крещение», дорогое платье и широкие возможности продвижения по службе.

Вторая — Панская — слобода находилась в Замоскворечье и состояла из поляков и литовцев. Обиходным языком в ней был польский. По переписи 1669 г. ее населяли офицеры московских полков регулярного строя, чьи фамилии — ради удобства военной службы — почти всегда русифицировались. Компактное поселение поляков существовало и в Китай-городе, вокруг так называемого польского Панского двора — надворья, упоминаемого в городских документах уже в 1508 г.

В 1671—1672 гг. за пределами третьего оборонного кольца Москвы — Земляного вала (или нынешнего Садового кольца) — образовалась огромная новая мещанская слобода. Память обо всех польских поселениях и слободах и поныне сохраняется в названиях московских улиц и переулков.

Затянувшаяся война с Польшей определяла постоянное увеличение в русской столице числа выходцев из присоединяемых к Московскому государству или просто польских мест-

ностей. Одни добровольно переезжали в Москву, имея в виду лучшие жизненные условия, другие — в качестве пленных, которые затем получали волю, но по разным причинам предпочитали жизнь в столице.

В 1684 г. в мещанской слободе находилось 659 дворов. Ассимиляция приезжих происходила на редкость быстро. Самые ранние упоминания о многолюдных поселениях поляков и литовцев относятся ко времени правления отца Ивана Грозного — великого князя Василия III, который имел больше полутора тысяч приближенных пехотинцев из их числа. Размещенные за Москвой-рекой, они имели, в отличие от остальных москвичей, разрешение варить пиво и мед в любое время года. Расположение же их домов в непосредственной близости к Крымскому броду, самому опасному месту в отношении татарских набегов, заставляло польскую гвардию Великого князя постоянно находиться в боевой готовности. Неподалеку от этого поселения было устроено и первое в Москве иноземное кладбище. Латинские, польские, итальянские, немецкие и английские надписи на надгробиях позволяют его датировать второй половиной XVI в.

В середине XVII в. почти все западные переселенцы ради лучшего общения с москвичами стали носить русское платье, что вызвало резкий протест Патриарха. По его требованию был издан царский указ, обязывавший иноземцев носить платье по моде и образцу своей страны. Но неизменным оставалось проникновение в русский быт польской культуры — через музыку, театр, литературу и письменность, изобразительное искусство, — чему вполне сознательно способствовала Православная Церковь. Выражение «по обычаю ляцкому» (польскому) означало не осуждение, но признание современности вкуса, стиля. При всей своей жестокости Смутное время не наложило враждебного отпечатка на отношение русских к своим ближайшим соседям — лишнее свидетельство тому, что все войны ведут между собой правительства, но не народы. Таким образом, русские и поляки жили в дружбе и согласии, несмотря на недавно закончившуюся войну.

17.1. Поляки в Петербурге

В течение 300 лет на берегах Невы постоянно проживало приблизительно 200—250 тыс. поляков. Первые поляки появились в Петербурге еще до 1710 г., то есть в начале строительства города. Доказательством этому служат метрические книги католического храма Св. Екатерины на Невском проспекте. История дипломатических отношений между Варшавой и Петербургом уходит корнями к 1720 г., когда сюда прибыло польское королевское посольство во главе со Станиславом Хоментовским.

В окружении Петра I было немало поляков. Например, Павел Ягужинский, начав свою карьеру денщиком Петра I, закончил ее генерал-адъютантом.

В 1755—1758 гг. в Петербурге пребывал, влюбленный в Софью-Фредерику-Августу Ангальт-Цербтскую, будущую императрицу Екатерину II, литовский стольник Станислав Понятовский**.** Через 40 лет он доживал здесь свои дни как последний, уже лишенный престола, король Речи Посполитой. После кончины 12 февраля 1798 г. он по указу Павла I был погребен в храме Св. Екатерины. Ныне прах короля покоится в храме Св. Иоанна в Варшаве.

Из поляков происходил светлейший граф Григорий Потемкин (чей дед, носивший еще фамилию Потемпковский, говорил по-польски), великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский, выдающиеся русские генералы времен русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Артур Непокойчицкий, Казимир Левицкий, Александр Казимирский.

В 1802 г. в Петербург приехал Александр Орловский, ученик Норблина[1] и участник восстания Т. Костюшко. Пользуясь покровительством Великого князя Константина Павловича, он достиг в Петербурге немалых высот и вскоре приобрел известность как мастер рисунка, выполняемого всегда живо и точно. В 1809 г. за картину «Бивуак казаков» Санкт-

[1] Норблин (Norblin) Ян Петр (1745—1830) — польский график. Зачинатель бытового жанра в польском искусстве. Славятся его живые зарисовки с натуры, в том числе польских сеймов, эпизодов восстания Т. Костюшко.

Петербургская академия художеств присудила ему звание академика. В 1819 г. он был причислен к Генеральному штабу для сочинения рисунков военных костюмов. Творчество Орловского увековечили в своих произведениях русские поэты. Петр Вяземский в 1830 г. написал стихотворение памяти живописца Орловского, Пушкин упомянул быстрый карандаш художника в «Руслане и Людмиле», а также его прекрасные рисунки в «Путешествии в Арзрум». Орловский считается родоначальником маринистской школы в русском изобразительном искусстве и пионером литографии.

Поляки-петербуржцы сыграли важную роль в развитии самого Петербурга и в образовании бескорыстных русско-польских связей, способствующих взаимопроникновению обеих культур.

В 1828—1830 гг. был знаменит в Петербурге музыкальный салон замечательной польской пианистки и композитора Марии Шимановской. Сюда приходили художники Ю. Олешкевич и Александр Орловский, поэты А. Одынец, Ю. Корсак, А. Ходзько. Бывали здесь В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, П.А. Вяземский, композиторы М.И. Глинка, А.Ф. Львов, братья Михаил и Матвей Виельгорские. Этот салон на Итальянской улице в доме 15 стал первым в России неформальным центром польско-русской дружбы.

Руководителем класса скрипки в Петербургской консерватории в 1862—1868 гг. был знаменитый композитор и скрипач Генрих Венявский. В 1870 г. приезжал в столицу известный польский композитор Станислав Монюшко. Здесь с успехом шли его оперы, в том числе знаменитая «Галька». С большим успехом концертировал в Петербурге пианист И. Падеревский.

Юзеф Козловский, домашний учитель музыки Михала Клеофаса Огинского, создателя знаменитого полонеза «Прощание с родиной», наемник в русской армии, капельмейстер князя Потемкина, в свое время занимал высокий пост «директора музыки театров Петербурга» и приобрел огромную популярность. Козловский, композиторская карьера которого пришлась на петербургский период, оставил множество сочинений, всеми

признан одним из виднейших представителей русского классицизма и последовательно именуется Осипом Ивановичем. Он сочинил «Реквием», исполненный на похоронах Станислава Августа Понятовского, и вместе с Адамом Мицкевичем сложил музыку к «Думке гетмана Косинского» (на слова Богдана Залеского). Козловский также поддерживал отношения с другими представителями польской музыкальной культуры на берегах Невы: Марией Шимановской, братьями Михаилом и Матвеем Виельгорскими, наконец, со своим бывшим учеником Огинским, которому помогал издавать его партитуры.

По переписи 1897 г. около 150 тысяч поляков жило на европейской территории России, из них около 52 тысяч — в Москве и Петербурге и около 50 тысяч — в Сибири, Средней Азии и на Кавказе.

Отдельной строкой стоит выделить славный род Ржевуских.

Ржевуские в истории России. Адам-Лаврентий Ржевуский (1760—1825) уже в возрасте 22 лет выступал в польском сейме и обратил на себя внимание своим красноречием и глубоким пониманием дел. В 1788 г. он был отправлен от Польского двора в Данию и с успехом выполнил свою миссию. Через два года за выдающуюся политическую деятельность получил звание сенатора и кастеляна[1]. После раздела Польши, когда значительная часть ее перешла к Российской империи, Ржевуский был принят на русскую службу и с чином действительного стат-

[1] В средневековой Польше название *kasztelan* появилось в XII в. В Речи Посполитой, включая и Великое княжество Литовское, должность кастеляна стала почетным титулом. При посполитом рушении (всеобщее ополчение) кастелян командовал шляхтой своего повята, или воеводства, во время похода.

Кастеляны принимали участие в заседаниях королевского совета — сената. Среди кастелянов установилась строгая иерархия, в соответствии с которой они занимали места в сенате (наряду с воеводами). Самым старшим был краковский кастелян (выше всех воевод). За ним следовали кастеляны виленсткий и троцкий, равные воеводам. Далее следовали кресловые кастеляны, заседавшие в креслах, — познанский, сандрмерский, калишский, войницкий, жмудский, киевский, иновроцлавский, львовский, волынский и другие. Должность занимали, как правило, представители знатных княжеских родов Радзивиллов, Тышкевичей, Ходкевичей, Ольшанских.

ского советника назначен председателем Гражданской Палаты во вновь образованной Брацлавской губернии. В 1808 г. киевское дворянство избрало его своим губернским маршалом, а в следующем году он получил назначение присутствовать в сенате. Переселившись в Петербург, Ржевуский участвовал в масонском движении, был великим наместным мастером великой ложи «Астрей» и ложи «Белого Орла» на востоке Петербурга.

А.-Л. Ржевуский оставил после себя несколько сочинений политического характера, из которых большинство — в рукописях. Так, известна его «Записка о царствовании короля Станислава-Августа», достойны внимания также: «Разговоры в царстве мертвых», «Замечания на польские законы», поправки ошибок в сочинении генерала Дюмурье «О конфедерации в Баре». Ржевуский не чуждался и изящной литературы: он известен как автор многих лирических стихотворений; кроме того, им сделаны стихотворные переводы Тибулловых элегий и трагедий — «Полиевкт» и «Смерть Цезаря». Адам с женой Юстиной (гречанкой и красавицей) произвели на свет трех сыновей и четырех дочерей. Два сына А.-Л. Ржевуского обладали выдающимися способностями. Генерал Адам Ржевуский, служа в русской армии, отличился при подавлении польского восстания 1831 г., стал героем Турецкой и Крымской войн, имел несчетное количество боевых наград, его авторитет был настолько высок, что сам Император прислушивался к его мнению.

Адам Адамович Ржевуский (1801—1888) — русский генерал, участник Крымской войны. Образование получил в Вене, где окончил курс в Инженерной академии. Вернувшись в Россию, он 14 июля 1821 г. поступил юнкером в 1-й Украинский уланский полк, 10 ноября того же года был произведен в корнеты, в апреле 1826 г. произведен в поручики, с назначением к командиру бывшего 3-го резервного кавалерийского корпуса генералу от кавалерии Витту, через несколько месяцев переведен в лейб-гвардии Уланский полк, причем по-прежнему был оставлен адъютантом генерала Витта.

Принял участие в Турецкой войне 1828—1829 гг. Первое время он находился при осаде Браилова, после же переправы

русских войск через Дунай он участвовал почти во всех более или менее серьезных сражениях. За свои отличия при осаде Браилова он был награжден, 17 июня 1828 г., орденом Св. Анны 3-й степени. Сражения при занятии Базаржика и, особенно, под Варной прошли для него не так благополучно, как осада Браилова: 3 июля 1828 г. он получил сильную контузию ядром и рану пулей в левую ногу выше колена. За оказанное в этих делах примерное мужество и храбрость А.А. Ржевуский сначала (26 декабря 1828 г.) награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом, а потом (8 февраля следующего года) ему был пожалован бант к ордену Св. Анны 3-й степени; в апреле же этого года он произведен в штабс-ротмистры.

Вскоре началась Польская война. Ржевуский, несмотря на свое польское происхождение, остался верен русскому Императору и принимал самое деятельное участие в подавлении польского восстания. 28 мая 1831 г. награжден золотой саблей с надписью «За храбрость», а за отличие в Гроховском и других сражениях получил орден Св. Анны 2-й степени (в августе того же года) и польский знак отличия за военное достоинство 4-й степени. В феврале 1831 г. граф Ржевуский произведен в ротмистры и по окончании польской кампании продолжал числиться в лейб-гвардии Уланском полку, причем оставался адъютантом при командире 3-го резервного кавалерийского корпуса до 6 декабря 1833 г., когда был назначен флигель-адъютантом к Его Императорскому Величеству, а через три месяца переведен в Ахтырский гусарский полк подполковником с оставлением в звании флигель-адъютанта.

25 июня 1834 г. граф Ржевуский был произведен в полковники и вскоре получил в командование Малороссийский кирасирский полк. 11 ноября следующего года он был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени и в том же году — прусским орденом Красного креста той же 3-й степени, а в октябре — орденом Св. Станислава 2-й степени.

При самом начале командования Малороссийским кирасирским принца Альберта Прусского полком с графом Ржевуским случилась неприятность, едва не повлекшая печальные

последствия для будущей его службы: при переходе кирасирского полка в 1835 г. в город Калиш на маневры нижние чины этого полка вымогали у жителей города Дубно пищу, а если же кто отказывал им в этом, то побоями принуждали вместо пищи давать деньги; при этом один из унтер-офицеров полка нанес хозяину своей квартиры такие тяжкие побои, что тот на пятый день после этого умер. Жители Дубно принесли жалобу на насилия чинов полка, и началось дело, длившееся около четырех лет. Ввиду предстоявшего неблагоприятного исхода граф А.А. Ржевуский просил об увольнении его в продолжительный отпуск; просьба его была исполнена, и, сдав полк, он был отчислен 1 января 1839 г. по кавалерии с оставлением, однако, в звании флигель-адъютанта. В октябре же 1839 г., по всеподданнейшему докладу генерал-аудиториата о следствии по жалобе жителей города Дубно, последовало Высочайшее повеление: «Флигель-адъютанта полковника графа Ржевуского за допущенные непростительные беспорядки арестовать домашним арестом на трое суток, с объявлением, что единственно во уважение прежней и нынешней отличной службы строже не наказывается»[1].

По возвращении из отпуска он был назначен состоять при особе Его Императорского Величества. В 1841 г. награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за 25 лет службы в офицерских чинах. Вскоре граф Ржевуский, по случаю вступления на престол султана Абдул-Меджида, был послан для принесения ему поздравления в Константинополь, а по возвращении оттуда снова назначен состоять при особе Его Императорского Величества и 10 октября 1843 г. произведен в генерал-майоры с назначением в свиту Его Величества. Состоя в свите Государя, граф Ржевуский неоднократно исполнял возлагавшиеся на него серьезные, почетные поручения, за исполнение которых был награжден в 1847 г. орденом Св. Станислава 1-й степени; 3 апреля 1849 г. назначен генерал-адъютантом к Его Императорскому Величеству. В это время пришло известие, что Гергей положил, наконец, оружие перед русскими войсками. Государь со своей свитой находился в Варшаве. Для объявления

[1] URL: http://ru.wikipedia.org/ wiki/Адам_Ржевуский.

этой радостной вести жителям столиц были посланы генерал-адъютанты, причем в Москву был послан граф А.А. Ржевуский. Обрадованные москвичи поднесли ему за это золотой кубок. В 1852 г. он был награжден орденом Св. Анны 1-й степени.

Когда началась Восточная война 1854—1856 гг. и союзная эскадра появилась у берегов Кронштадтского порта, Петербург был объявлен на военном положении, причем разделен на несколько участков, подчиненных ведению военных губернаторов; одним из таких военных губернаторов, заведовавшим 4-й Адмиралтейской и Нарвской городскими частями, был назначен граф Ржевуский. 17 апреля 1855 г. он произведен в генерал-лейтенанты и вслед за тем командирован в Крым. По прибытии он назначается начальником Евпаторийского отряда. С этим отрядом ему пришлось участвовать в нескольких сражениях с англичанами и французами, причем он показал себя не только храбрым офицером, но и дельным генералом, знающим не одну только теорию тактики, а умеющим и на поле сражения распорядиться и поставить свой отряд в наиболее выгодные условия.

20 января 1856 г. граф А.А. Ржевуский был назначен начальником бывшей драгунской дивизии, которой, впрочем, командовал недолго, так как в июне того же года уже получил новое назначение — на пост командира 6-й кавалерийской дивизии. Но и этой дивизией командовал он тоже очень недолго и в сентябре 1856 г. отчислен от должности и снова назначен в свиту Его Императорского Величества. В следующем году он принимал участие в Комитете по изысканию способов ремонтирования кавалерии, 13 апреля опять был назначен начальником одной из кавалерийских дивизий, которой на этот раз командовал уже более трех лет. В 1859 г. получил орден Св. Владимира 2-й степени, в 1861 г. — орден Белого Орла. В ноябре 1862 г. граф А.А. Ржевуский, по Высочайшему повелению, был назначен временно командующим войсками Киевского военного округа, на этом посту был удостоен ордена Св. Александра Невского (в 1863 г.). 27 марта 1866 г. произведен в генералы от кавалерии и вслед за тем назначен членом Алек-

сандровского Комитета о раненых. Спустя несколько лет он был зачислен в сословие Войска Донского. В 1884 г. награжден орденом Св. Владимира 1-й степени.

Ржевуский скончался 17 апреля 1888 г. в своем поместье Верховня Киевской губернии; погребен в фамильном имении Погребище; его вдова, графиня Ядвига Федоровна, умерла осенью 1889 г.

Брат Адама Адамовича — Генрих Ржевуский (1791—1866) — был на своей родине официальным царским публицистом и активно выступал против идеи независимости Польши. «Когда прусский король Фридрих Вильгельм IV, — писал Л. Гроссман, — усомнился в искренности и благонадежности этого публициста, Николай I поторопился успокоить его: “Не бойтесь, il est plus russe que moi et plus royaliste que vous” [фр.: он в большей мере русский, чем я, и в большей мере роялист, чем вы]». Генрих Ржевуский слыл консерватором, но, хорошо зная дворянский быт, писал остроумные модные рассказы из жизни шляхты. Его описания шумных пиров и развлечений одно время заняли центральную площадку в польской литературе и вызвали бурю негодования его прототипов. Польский историк Анджей Слиш, автор монографии «Генрих Ржевуский: жизнь и взгляды», считает, что баллада Мицкевича «Czaty» (буквально «Слежка» или «Караул», а Пушкин в свободном переводе назвал «Воевода») написана по сюжету, подаренному Мицкевичу Ржевуским.

В середине века аристократ Генрих Ржевуский получил должность чиновника по особым поручениям при наместнике Царства Польского князе Иване Паскевиче, что, несомненно, дало писателю доступ к не разглашавшимся в обществе конфликтам, но такого политического предательства польская интеллигенция своему писателю не простила. Между тем он сделался редактором газеты «Dziennik Warszawski» («Варшавский дневник»). Поклонник всего французского, Ржевуский начал делать газету на западный манер, однако издание по сути своей было верноподданническим по отношению к царскому престолу, и читатели Королевства Польского вскоре объявили

«Варшавскому дневнику» бойкот. В сознании поляков Ржевуский посейчас остается одиозной фигурой, изменником, который, как и его отец, верно служил Русскому Царю.

Несмотря на то что братья Ржевуские были, безусловно, выдающимися людьми, род Ржевуских приобрел всемирную славу благодаря их женщинам — Каролине, Эвелине и Паулине. В первой половине XIX в. эти красивые, умные и невероятно обаятельные женщины служили объектами для подражания первым красавицам Европы. Так, Генрих Ржевуский пребывал в дружбе с Адамом Мицкевичем. В 1825 г. приятели вместе ездили в Крым, где Генрих познакомил друга-поэта со своей сестрой. Влюбившись, Мицкевич посвятил Каролине, «ветреной красавице с жемчужными зубками меж кораллов», уйму стихов. «Крымские сонеты» Мицкевича — результат того пребывания на юге. Мицкевич ревновал Каролину, как мальчик, а когда она с легкостью изменила ему, проклял. Но после, в Москве, встречи продолжились, она того пожелала, до тех пор, пока Мицкевичу не разрешили уехать за границу. Утешением для польского поэта могли стать другие Каролины, на которых ему везло: на протяжении своей жизни он любил трех Каролин.

Биографические сведения о Каролине-Розалии-Текле Собаньской скудны. Известный курорт Каролино-Бугаз, что под Одессой, расположен на землях, когда-то принадлежавших Каролине, и поэтому в первой части носит ее имя. Полька знатного рода, она, как и ее братья, получила блестящее образование в Вене. Почти девочкой Каролина вышла замуж за помещика Иеронима Собаньского, который был старше ее на тридцать три года, родила от него дочь, после чего невероятно похорошела, а вскоре оставила мужа. Они находились, как тогда говорили, «в разъезде». Каролина являлась в обществе постоянной любовницей или гражданской женой графа Ивана Витта (в свите которого начинал свою службу ее брат Адам), начальника Южных военных поселений, который по должности занимался также сбором политического компромата. Она сочиняла за умного, но необразованного Витта на изысканном французском языке донесения в Петербург.

Каролина стала адресатом трех знаменитых любовных стихотворений А.С. Пушкина, в нее были влюблены А. Мицкевич и К. Рылеев. В Одессе ее салон соперничал с салонами Амалии Ризнич (также адресатом любовной лирики Пушкина) и Елизаветы Воронцовой (Браницкой) — жены всемогущего графа, генерал-губернатора города М.С. Воронцова. С ней в интимной переписке состоял знаменитый маршал Наполеона — Мармон, благоговевший и преклонявшийся перед ее чарами. Недавно во Франции были найдены в архивах ее дневники и альбом с автографом А.С. Пушкина. Сестра Каролины Собаньской, Эва Ганская, как-то написала романтическое письмо Оноре Бальзаку. Их роман в письмах и дневниках с редкими встречами продолжался восемнадцать лет. После смерти мужа, который был старше ее на двадцать лет, и мучительных отношений с Бальзаком Эва стала его женой. Это произошло за пять месяцев до смерти автора «Человеческой комедии». Чтобы поддержать уходящие силы мужа, она варила ему самый крепкий в мире кофе, но и кофе не помог… Писатель был беден, после его смерти вдова заплатила долги мужа общей суммой в 130 тысяч франков, причем Эва знала об этих долгах еще до свадьбы!

5 октября 1846 г. состоялась свадьба дочери Ганской Анны с Георгием Мнишеком, последним в роде, к которому принадлежала Марина — жена Лжедмитриев. У Бальзака со своей падчерицей Анной и ее мужем Георгом сложились теплые отношения, общих детей в браке с Эвелиной у писателя не было. В своей «Человеческой комедии», в этюде «Мэтр Корнелиус», в посвящении, Бальзак написал: «Графу Георгию Мнишеку. Какой-нибудь завистник, видя на этой странице блестящее сарматское имя, одно из самых старинных и знаменитых, мог бы заподозрить, что я пытаюсь, по примеру ювелиров, придать больше цены новой работе, вправив в нее старинную драгоценность, согласно прихоти нынешней моды; но вы, дорогой граф, как и еще кое-кто, знаете, что я стремлюсь воздать должное таланту, воспоминаниям и дружбе»[1].

[1] URL: http://wirade.ru/cgi-bin/wirade/YaBB.pl?board=seeurope;action=display;num=1194470600.

Другая сестра Каролины Собаньской, Паулина, вышла замуж за упомянутого выше богача Ивана Ризнича, ранее женатого на Амалии — знаменитой одесской приятельнице Пушкина. Иван Ризнич директорствовал в любимом Пушкиным Одесском оперном театре, но после, когда Амалия в Италии умерла, Ризнич обанкротился и с новой женой Паулиной переехал в Киев, где получил должность директора банка.

Рассказ о семье Ржевуских будет неполным, если не вспомнить тетку Ржевуских — Розалию. Бальзак называл ее «страшной тетушкой» не случайно. Она жила в Вене, но бывала в Петербурге и одно время пребывала в дружбе с Александром I, который любил разговаривать с нею на мистические темы. Позже Розалию Ржевускую весьма ценил Николай Павлович. Сохранились легенды, что она была примечательной фигурой при дворе Габсбургов. Ходили слухи, что она оказывала важные политические услуги русскому правительству.

Род Ржевуских внес значительный вклад в историю и культуру России.

Святополк-Мирские. Почитаема в России и семья князей Святополк-Мирских. Первым ее представителем, непосредственно связанным с Россией, был Томаш. Он родился в 1778 г., в скромном доме в мазовецком городке Могельница, где его отец был бурмистром. Историки и специалисты по генеалогии сомневаются в его княжеском происхождении, хотя совпадение фамилий с подлинно княжеским литовским родом Святополк-Мирских в сочетании с покупкой соответствующих доказательств у этих последних помогло Томашу получить в 1821 г. подтверждение княжеского титула от сената Царства Польского. Помимо титула, князь стремился сделать карьеру в правоведении.

В 1818 г. его наградили орденом Св. Станислава 4-й степени — первой среди многочисленных наград в истории этой семьи. Он был одним из протеже сенатора Новосильцева, благодаря которому в 1825 г. ему удалось сделаться депутатом Сейма Царства Польского, где он усиленно поддерживал пра-

вительственные проекты. Будучи князем, он купил земельные владения на Сувалщине — они превратили его в помещика.

В ходе восстания 1830 г. князь не проявил особых заслуг, хотя под конец его занимался мобилизацией в отряды, действовавшие в районе Августова. С 1831 г. он обретался в эмиграции в Париже, где вел жизнь не по средствам, без всякого на то права надевал порой генеральский мундир и не мог публично решиться, от кого он ведет свое происхождение — от Рюрика или от Пяста. Он даже претендовал на польский престол.

Томаш Святополк-Мирский принял активное участие в организации польских поселений в колонизируемой французами Северной Африке. Ему удалось даже получить от французского правительства специальную концессию, благодаря чему он основал полуфеодальное поселение в Рассот (4300 гектаров), став тем самым одним из пионеров французской экспансии на территории Алжира. Вследствие серьезных экономических проблем, которые с годами затронули этот эксперимент, князю пришлось покинуть Африку. Тогда он направил в Россию прошение об амнистии (впервые он это сделал еще в 1831 г.), аргументируя это своими славянофильскими взглядами и родством с императором Николаем. В конце концов его помиловали, и Мирский поселился в Петербурге, где перешел в Православие и принял имя Иван. Этот поступок вызвал большое возмущение у польских эмигрантов, но князь и так порвал с ними всякие контакты.

В 1861 г. Александр II подтвердил княжеское достоинство для всей семьи Мирских. Его уже взрослые сыновья Дмитрий и Николай начали карьеру в русской армии, где дошли до генеральских чинов. Первый из них, герой Крымской войны, впоследствии стал харьковским губернатором и членом Государственного совета. Его брат получил чин наказного атамана казачьего Войска Донского и тоже кресло в Государственном Совете. Кроме того, он купил старую резиденцию князей Радзивиллов в белорусском городке Мир — вероятно, ввиду связи его названия с собственной фамилией. Он восстановил тамошний замок и сделал из него великолепную резиденцию, достойную большого вельможи.

В третьем поколении князей Мирских из Могельницы в историю вошел, прежде всего, князь Петр, занимавший пост министра внутренних дел на рубеже 1904—1905 гг. после убийства Вячеслава Константиновича фон Плеве. Его назначение знаменовало в тот момент перевес либеральных сил, представленных вдовствующей императрицей-матерью Марией Федоровной и противостоявших консервативному окружению императрицы Александры Федоровны. Сам князь разработал план реформ, ослаблявших позицию императора в пользу Государственного совета.

Скорое падение Мирского было предопределено трагедией 9 января 1905 г., за которую он, правда, не отвечал, но послушно подчинился императору. После отставки ожидалось его включение в состав Государственного совета, однако этого не произошло, и князь умер в 1914 г. в отдалении от двора. Нельзя забывать и его сына, правнука князя Томаша, — Дмитрия Мирского, выдающегося литературоведа и пропагандиста русской литературы на Западе, который особенно запомнился своей превосходной «Историей русской литературы».

17.2. Интеллектуальная элита

Важную роль в подготовке польских специалистов средней и высшей квалификации сыграли петербургские учебные заведения. Перед началом Первой мировой войны в вузах Петербурга обучалось около 1400 польских студентов. Среди государственных и общественных деятелей II Речи Посполитой, писателей и художников, ученых и военных было несколько сотен выпускников петербургских гимназий, офицерских училищ, институтов, Петербургского университета и Римско-католической духовной академии.

Чувство национальной принадлежности обеспечивала Римско-Католическая Церковь, в которой служили польские священнослужители. Перед революцией в Петербурге, Царском Селе и Петергофе было 16 католических храмов, 17 часовен, а также Римско-католическая духовная академия и духовная семинария. Поляки посещали службы в католическом

соборе Св. Екатерины (Невский пр-т, 32—34), при котором с 1844 г. существовали благотворительное общество Св. Викентия Паулинского, библиотека, с 1906-го — мужская гимназия, а также в храме Лурдской Божией Матери в Ковенском переулке. С 1856 г. захоронения поляков проводились на Выборгском римско-католическом кладбище.

Поляки в изобразительном искусстве. Живописец-монументалист, художник театра, скульптор, график, иллюстратор, представитель романтического направления русского модерна **М.А. Врубель** родился 5 (17) марта 1856 г. в Омске. Его отец, Александр Михайлович, происходил из прусских поляков, в прошлом был строевым офицером, участником Крымской войны и боевых действий на Кавказе. Врубель — один из гениальных русских художников. Картины Врубеля — подлинные жемчужины его таланта, вдохновения и поэзии. В России было немало талантливых художников, но гениев — единицы, и одним из самых крупных является Врубель.

Художник **Станислав Юлианович Жуковский** родился 13 мая 1875 г. в польской аристократической семье. Его отец был лишен дворянства за активное участие в антироссийском восстании 1863 г., и гордился этим не меньше, чем древностью рода. Юный Станислав получил хорошее образование. Сначала учился в классической гимназии в Варшаве, затем — в реальном училище в небольшом городке Белостоке. Именно в Белостоке юноша увлекся живописью и решил, что обязательно станет художником. Произошло это благодаря талантливому живописцу и педагогу, выпускнику Строгановского художественного училища Сергею Никитичу Южанину, ставшему для Жуковского первым учителем живописи. Южанин посоветовал Жуковскому для получения художественного образования выбрать Санкт-Петербургскую академию художеств или Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Но для этого следовало каким-то образом пойти вопреки воле отца, считавшего, что истинный поляк не должен получать образование в России. Жуковский решил эту проблему простейшим

образом — не стал ставить отца в известность, что едет в Москву поступать учиться «на художника».

Еще в период учебы Жуковский стал участвовать в художественных выставках, представляя на них лирические пейзажи, в которых еще чувствовалось сильное влияние Левитана. Но очень скоро у молодого художника выработался свой узнаваемый стиль письма, отличавшийся широким сочным мазком, использованием контрастных ярких красок и пленэрной манеры живописи.

Картины Жуковского пользовались большой популярностью, их охотно покупали коллекционеры и любители живописи, а на выставках они всегда привлекали массу зрителей. Особым спросом пользовались его полотна со старыми усадебными парками, обветшалыми «дворянскими гнездами», наполненными солнцем интерьерами дач и усадеб, под окнами которых цветут сирень и жасмины. В них ощущалась поэтичность и легкая элегическая тоска по уходящему в прошлое дворянскому быту.

После революции Жуковский пытался приспособиться к новому для себя образу жизни. В 1923 г. у него появилась возможность уехать за границу, чем он и воспользовался, хотя еще какое-то время сохранял советское гражданство. Поселился Станислав Юлианович в Польше. Продолжал много работать, охотно участвовал в выставках, причем провел порядка восьми персональных, включая одну в Париже. Как и раньше, получал за свои картины престижные награды и премии.

В период фашистской оккупации Жуковский оставался в Польше. При подавлении немцами Варшавского восстания в 1944 г. Станислав Юлианович был схвачен и отправлен в концлагерь, где погиб. Похоронили художника в общей могиле[1].

Казимир Северинович Малевич (1878—1935) — всемирно известный художник, один из основателей геометрического абстрактного искусства. Казимир Малевич родился 11 (23) февраля 1878 г. в доме на окраине Киева. Его отец, Северин Антонович Малевич (1845—1902), и мать, Людвига Александровна (1858—1942), по происхождению были поляками.

[1] URL: http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-34999/.

Хореографическое искусство. История Императорского Мариинского театра неотделима от династии Кшесинских. М. Кшесинская обучалась танцу в качестве приходящей ученицы в Петербургском театральном училище и по его окончании в 1890— 1917 гг. стала ведущей балериной Мариинского театра. Редко кто в истории балета с ученической скамьи попадал в солисты ведущих театров мира. Матильда Кшесинская отличалась редким талантом, трудолюбием, была невероятно хороша собой и обаятельна. В юности в нее был влюблен будущий Император Николай II. Замуж она вышла за Великого князя А.В. Романова.

Кшесинская покинула Петроград сразу после Октябрьской революции, Россию окончательно — в 1920 г. и обосновалась во Франции. В 1929 г. открыла балетную студию в Париже. Учениками Кшесинской были многие выдающиеся балетные артисты, работавшие в русских труппах Франции и Америки, у нее брали уроки и уже зарекомендовавшие себя балерины, такие как М. Фонтейн и И. Шовире. Брат Матильды **И.Ф. Кшесинский** также был артистом балета Мариинского театра.

Умерла Кшесинская в Париже 6 декабря 1971 г.

Был поляком и выдающийся русский танцор **Вацлав Нижинский**. Его сестра Бронислава Нижинская также известна как прекрасная танцовщица. Критики называли Нижинского «восьмым чудом света», высоко оценивая его талант танцора. Вацлав Нижинский — один из самых выдающихся танцоров в мировом хореографическом искусстве. Его партнершами были Матильда Кшесинская, Анна Павлова. «Он опровергнул все законы равновесия и перевернул их с ног на голову, он напоминает нарисованную на потолке человеческую фигуру, он легко чувствует себя в воздушном пространстве...» — писал о Нижинском французский сюрреалист Жан Кокто.

Русский писатель, прозаик, поэт, публицист **Иван Алексеевич Бунин** также имел польские корни. В «Гербовнике дворянских родов» сказано, что существует несколько старинных дворянских родов Буниных, происходящих, по преданию, от Симеона Буникевского (Бунковского), имевшего знатное про-

исхождение и выехавшего из Польши в XV в. к Великому князю Василию Васильевичу. Правнук его, Александр Лаврентьев сын Бунин, служил во Владимире, был убит в 1552 г. при взятии Казани. К роду Буниных принадлежали поэтесса Анна Петровна Бунина (1775—1828), поэт В.А. Жуковский (незаконнорожденный сын А.И. Бунина). Отец Ивана Бунина — Алексей Николаевич Бунин, мать — Людмила Александровна Бунина, урожденная Чубарова.

Режиссер **Ежи Гофман (Хоффман)**[1] родился 15 марта 1932 г. в Кракове, в семье врача. В 1940 г. он был вывезен в Сибирь и вернулся в Польшу только после Второй мировой войны. В 1955 г. Ежи Гофман окончил в Москве ВГИК. Как режиссер-постановщик он дебютировал в 1955 г., поставив документальный фильм «Осторожно: хулиганы!», получивший приз польской кинокритики. В 1954—1966 гг. он работал на Студии документальных фильмов в Варшаве, где в сотрудничестве с Ежи Скужевским снял 27 документально-публицистических фильма, в том числе «Дети обвиняют» (1956), «Сувенир из Кальварии» (1958), «Путь» (1959), «Типы на сегодня» (1959), «Два лика бога» (1960), «Родина или смерть» (1962), отмеченные многочисленными международными премиями на кинофестивалях в Брюсселе, Оберхаузене, Венеции, Мюнхене, Москве и Кракове.

Дебютом творческого союза Гофман—Скужевский в игровом кинематографе стала сатирическая комедия «Гангстеры и филантропы» (1962), удостоенная Государственной премии Польши. Затем режиссер приступил к масштабной экранизации исторического романа Генрика Сенкевича «Пан

[1] Режиссерские работы Ежи Гофмана: 1) «Пан Володыевский» — 1969 (исторический / биографический); 2) «Потоп» — 1974 (исторический / биографический); 3) «Знахарь» — 1982 (драма); 4) «Прекрасная незнакомка» — 1992 (приключения); 5) «Огнем и мечом» — 1999 (драма). Написал сценарии: 1) «Пан Володыевский» — 1969 (исторический / биографический) 2) «Потоп» — 1974 (исторический / биографический); 3) «Знахарь» — 1981 (драма); 4) «Прекрасная незнакомка» — 1992 (приключения); 5) «Старинное предание», 2003, и многие другие.

Володыевский». Фильм вышел на экраны в 1969 г. и стал культурным событием национального уровня. В 1974 г. Ежи Гофман осуществил постановку второго романа Сенкевича — «Потоп», фильм также был высоко оценен зрителями и специалистами кино, был выдвинут на премию «Оскар». Завершением грандиозного исторического полотна по классической трилогии Г. Сенкевича стала картина «Огнем и мечом», поставленная Ежи Гофманом в 1999 г.

17.3. Русские поляки — выдающиеся ученые

Виктор Яковлевич Буняковский (1804—1889) — знаменитый русский математик, вице-президент Академии наук (1864—1889), родился 3 декабря 1804 г. в местечке Баре Подольской губернии.

Отец Буняковского служил в Баре подполковником конно-польского уланского полка.

Научные заслуги Буняковского оценены по достоинству уже современниками. Он был почетным членом всех русских университетов, многих иностранных и русских ученых обществ. При Академии наук была учреждена премия его имени за лучшие работы по математике. Буняковский пользовался заслуженным авторитетом среди европейских ученых. Симпатии и признательность общества Буняковскому за его ученые труды особенно ярко выразились в 1875 и 1878 гг., когда праздновались юбилеи Буняковского по случаю пятидесятилетия со времени получения им степени доктора математических наук Парижского университета и пятидесятилетия его научной академической деятельности.

При богатстве и глубине содержания лекции Буняковского всегда отличались поразительной ясностью, увлекательностью и в то же время литературной красотой изложения, делали легко доступными самые сложные математические положения, увлекая даже неподготовленных слушателей. В отношении своих лекций Буняковский проявлял замечательную аккуратность и в течение всего времени своей службы в университете не пропустил ни одной из них и не опоздал ни разу.

Как человек Буняковский отличался высокими нравственными качествами, так что уважение, которым он пользовался, имело причины не только в его громкой славе великого ученого, но и в личных качествах.

Одаренный чувством изящного, Буняковский в молодости увлекался поэзией Байрона, перевел отрывок из «Чайльд-Гарольда» и несколько стихотворений, помещенных им в журналах 40-х годов XIX в.

Одним из самых почитаемых и авторитетных российских ученых является **Константин Эдуардович Циолковский**. Во многом благодаря его идеям и новаторским теоретическим разработкам СССР добился лидерства в освоении космоса.

Константин Циолковский происходил из польского дворянского рода Циолковских герба Ястржембец. Первое упоминание о принадлежности Циолковских к дворянскому сословию относится к 1697 г.

Документально подтверждено, что основателем рода был некий Мацей, у которого было три сына: Станислав, Яков (Якуб) и Валериан, ставшие после смерти отца владельцами селений Великое Целково, Малое Целково и Снегово. В сохранившейся записи сказано, что помещики Плоцкого воеводства братья Циолковские принимали участие в избрании польского короля Августа Сильного в 1697 г. Константин Циолковский — потомок Якова.

Польские корни имел наш выдающийся ученый в области органической химии **Николай Дмитриевич Зелинский** [25.01(6.02).1861 — 31.07.1953]. Академик Зелинский — один из основоположников учения об органическом катализе, изобретатель противогаза, академик АН СССР (1929), Герой Социалистического Труда (1945).

После окончания университета (Одесса, 1884) был направлен на стажировку в Германию, в Геттингенский университет. По возвращении в Одессу защитил магистерскую (1889) и докторскую (1891) диссертации. С 1893 по 1953 г. — профессор Московского университета. В 1935 г. стал одним из организаторов Института органической химии АН СССР,

в котором затем руководил рядом лабораторий. С 1953 г. этот институт носит его имя. Основным направлением разносторонней научной деятельности Зелинского было исследование химии углеводородов, решение проблемы катализа органических соединений. Особое место в деятельности Зелинского заняло создание в 1915 г. противогаза. Основываясь на своих исследованиях адсорбции, Зелинский предложил новый принцип защиты — с помощью активированного угля. Идеи Зелинского и ныне используют во всем мире при конструировании противогазов. В 1918—1919 гг. Зелинский разработал метод получения бензина крекингом солярового масла и нефти в присутствии хлористого и бромистого алюминия, что имело первостепенное значение для обеспечения горючим авиации и броневых частей Советской Армии в условиях отрыва от Республики нефтепромысловых районов. В годы Великой Отечественной войны ученый-патриот весь свой талант и огромный опыт направил на улучшение обеспечения действующей армии и укрепление военной экономики СССР. В послевоенный период продолжал научную работу. Лауреат премии им. В. И. Ленина (1934) и Государственных премий СССР (1942, 1946, 1948). Награжден 4 орденами Ленина, 2 орденами Трудового Красного Знамени, медалями.

К славному роду Зелинских принадлежит **Фаддей Францевич Зелинский —** известный филолог, педагог, полиглот, энциклопедист, переводчик, поэт, прозаик, деятель культуры в истинном смысле этого слова. Он задался грандиозной целью: привить «к российскому дичку» неувядающую ветвь античности. Профессор Санкт-Петербургского, а впоследствии — Варшавского университета, член-корреспондент Российской Академии наук, доктор honoris causa четырнадцати университетов Европы, один из последних (1919) лауреатов Пушкинской премии.

Академик **Глеб Максимилианович Кржижановский** [12(24).01.1872, Самара — 31.03.1959, Москва] — революционер и выдающийся организатор, ученый-энергетик, академик АН СССР (1929); литератор; Герой Социалистического Труда

(1957). Один из организаторов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в 1893 г. Участник революции 1905—1907 гг. С 1910 г. заведовал в Москве кабельной электросетью. Участвовал в проектировании и строительстве первой в России электростанции на торфе «Электропередача». Во время Февральской революции 1917 г. — член большевистской фракции Моссовета. После Октябрьской революции 1917 г. работал над восстановлением и развитием энергохозяйства Москвы. С 1919 г. — председатель Главэлектро ВСНХ. В начале 1920-го по заданию Ленина написал работу «Основные задачи электрификации России». В 1920 г. назначен председателем Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО) и в декабре 1920-го выступил с докладом о плане ГОЭЛРО на VIII съезде Советов.

Первые советские электростанции сооружались при его непосредственном участии. Кржижановский сыграл выдающуюся роль в организации социалистического планирования, был первым председателем Госплана (1921—1930), участвовал в составлении 1-го пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, на 16-й конференции ВКП(б) и на 5-м Всесоюзном съезде Советов СССР (апрель, май 1929) выступал с докладами о 1-й пятилетке. В 1930—1932 гг. — председатель Главэнерго Наркомтяжпрома. В 1932—1936 гг. — председатель Комитета по высшему техническому образованию при ЦИК СССР и заместитель наркома просвещения РСФСР. В 1929—1939 гг. — вице-президент АН СССР; основатель (1930) и до конца жизни руководитель Энергетического института АН СССР; приложил много усилий для привлечения деятелей науки к разработке важных народно-хозяйственных проблем.

В своих работах Кржижановский исследовал проблемы составления энергетического баланса и научных основ развития энергосистем, создания единой энергетической системы страны, электрификации отраслей народного хозяйства, комплексного использования энергетических ресурсов и энергетического районирования. В области промышленной энергетики изучал роль электрификации машин и электротехнологии в

развитии техники, исследовал влияние энергетики на комбинирование и размещение промышленного производства, разработал ряд вопросов комплексного использования топливных ресурсов на энергохимической основе.

Автор ряда интересных воспоминаний о Ленине. В Бутырской тюрьме и сибирской ссылке создал известные песни революционного подполья (переработка польских революционных песен): «Варшавянка» («Вихри враждебные веют над нами»), «Красное знамя», «Слезами залит мир безбрежный», «Беснуйтесь, тираны». Написал также ряд сонетов; во многих из них создан образ В. И. Ленина.

К роду Кржижановских принадлежит замечательный писатель **Сигизмунд Кржижановский.** С. Кржижановский родился 11 февраля (30 января) 1887 г. в окрестностях Киева в семье выходцев из Польши Доминика Александровича и Фабианы Станиславовны Кржижановских. После выхода на пенсию главы семейства семья поселилась на окраине Киева.

Юношество писателя прошло в Четвертой гимназии Киева — той же, где учился, например, Александр Вертинский, кстати, также имеющий польский корни. После окончания гимназии в 1907 г. Кржижановский поступает на юридический факультет Киевского университета, параллельно посещая лекции на историко-филологическом факультете. В годы учебы в университете печатаются его стихи и путевые очерки о путешествии по Италии, Австрии, Франции, Германии.

Многим Кржижановский известен фильмами «Праздник Святого Йоргена» (1929, режиссер Яков Протазанов) и «Новый Гулливер» (1933), к которым он написал сценарии. С. Кржижановский создал инсценировку «Евгения Онегина» на музыку Сергея Прокофьева (1936). В 1938 г. Кржижановским также написано либретто оперы Кабалевского «Кола Брюньон», а во время войны — либретто оперы «Суворов» на музыку Сергея Василенко (премьера состоялась в 1942).

Его основная литературная деятельность пришлась на 1920—1930-е гг., когда Кржижановским была написана бóльшая часть прозаических произведений. Среди них — 5 по-

вестей и 6 книг новелл. Несмотря на известность в издательских и театральных кругах Москвы, Кржижановскому практически не удавалось напечатать сколько-нибудь значительный объем своей прозы.

В 1939 г. Кржижановского принимают в Союз писателей, что, однако, не изменило общей ситуации с трудностью издания его произведений.

Широкая публикация текстов Кржижановского началась только с 1989 г.

Великий русский философ **Николай Онуфриевич Лосский** родился 24 ноября 1870 г. в местечке Креславка Витебской губернии (ныне Краслава в Латвии). Отец — обрусевший поляк, Онуфрий Лосский, был православным, мать-полька, Аделаида Пржиленцкая, — католичкой. Окончил естественный и историко-филологический факультеты Санкт-Петербургского университета. С 1916 г. — профессор этого университета. В 1922 г. выслан из России советским правительством. С 1922 по 1942 г. жил в Праге. С 1942 по 1945 г. был профессором философии в Братиславе, в Чехословакии. С 1947 г. после переезда в США преподавал в Свято-Владимирской духовной академии в Нью-Йорке в звании профессора. Умер Лосский в Париже 24 января 1965 г.

Зеньковский Василий Васильевич (1881—1962), из шляхетского рода, — философ, богослов, педагог. Родился в городе Проскурове (ныне Хмельницкий) 4 июля 1881 г. В 1900 г. поступил на естественный факультет Киевского университета. Проучившись там четыре года, Зеньковский перешел на филологический факультет. В 1909 г. он окончил университет и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Работал над магистерской диссертацией, читал курсы по философии и психологии на Высших женских курсах. Научными исследованиями в области детской и юношеской психологии, а также педагогики Зеньковский будет заниматься в течение всей жизни. Вскоре после окончания университета он стал директором киевского Института дошкольного воспитания. В 1913—1914 гг. находился в научной командировке в Германии и Италии. В 1915 г. защитил докторскую диссертацию «Проблема психи-

ческой причинности». В 1916 г. Зеньковский стал профессором Киевского университета. С 1910-го он был председателем киевского Общества по изучению религии и философии.

В 1918 г. Зеньковский занимал пост министра вероисповедования в правительстве гетмана П.П. Скоропадского. В 1920 г. эмигрировал в Югославию. В 1920—1923 гг. был профессором философского и богословского факультетов Белградского университета. Затем переехал в Прагу, где возглавил кафедру экспериментальной и детской психологии в Высшем педагогическом институте. В 1923 г. в Берлине вышла его книга «Психология детства». В 1923 г. на Общеэмигрантском педагогическом съезде Зеньковский избирается председателем Педагогического бюро по зарубежным русским школьным делам. В том же году в Чехословакии прошел съезд русской православной студенческой молодежи и была создана общественная организация «Русское студенческое христианское движение». Председателем РСХД на протяжении многих лет являлся Зеньковский. С 1927 г. он жил в Париже и возглавлял кафедру философии Православного богословского института, а в 1944 г., после смерти С.Н. Булгакова, стал его деканом. В 1942 г. Зеньковский рукоположен в сан священника.

Умер Зеньковский в Париже 5 августа 1962 г.

Россия помнит **Леона Барщевского** — офицера, путешественника, ученого, фотографа. Оказавшись по долгу службы в Средней Азии, выходец из польских земель Российской империи Леон Барщевский в 70—90-е годы XIX в. внес большой вклад в изучение незадолго до того вошедшего в состав России региона. За заслуги в изучении географии, геологии, топографии, этнологии и археологии Средней Азии Леон Барщевский был отмечен рядом правительственных наград, в его честь назван ледник Барщевского. Будучи увлеченным фотографом, он оставил сотни фотографий этого региона и его жителей, часть из которых сохранилась до наших дней и составила основу экспозиции.

Будем помнить, что польская техническая интеллигенция внесла заметный вклад в развитие Петербурга и России.

Например, **А. Пшеницкий** участвовал в строительстве двух главных мостов города — Троицкого и Дворцового. Польское акционерное общество «**К. Рудницкий и К°**» строило мост имени Петра Великого, ныне Большеохтинский. Что же касается первого постоянного моста через Неву — Благовещенского (Николаевского, а затем — Лейтенанта Шмидта), то в день его открытия инженер **Станислав Кербедз** получил из рук Николая I эполеты генерал-инженера. С 1857 г. Кербедз работал главным инженером на Варшавских железных дорогах, проложил железнодорожную ветку Варшава—Петербург и Петергоф—Петербург. Он также руководил постройкой портовых сооружений в Петербурге и Кронштадте и строительством морского канала Кронштадт—Петербург.

17.4. Выдающиеся русские поляки в области архитектуры

Мариан Марианович Перетяткович родился в семье помещика 23 августа 1872 г. в селе Усичи, Луцкого уезда, Волынской губернии. По окончании Ровенского реального училища в 1890 г. поступил на военную службу, с которой вышел в запас в 1896 г. В 1901 г. окончил Институт гражданских инженеров. В 1901—1906 гг. продолжил обучение в Высшем художественном училище Императорской Академии художеств (ИАХ). Дипломная работа «Зал для народных собраний» была исполнена в мастерской профессора Л.Н. Бенка. В 1907 г. М.М. Перетяткович был послан пенсионером ИАХ для завершения обучения в Италию и Францию. По мнению искусствоведа М.В. Нащокиной, на творчество М.М. Перетятковича оказали влияние мастера финского модерна Л. Сонк и Э. Сааринен.

По возвращении из-за границы работал помощником архитекторов Г.В. Барановского, И.И. Рерберга, П.Ю. Сюзорена. Многие проекты осуществил в соавторстве с М.С. Лялевичем. В 1913 г. удостоился звания академика архитектуры.

Обширную архитектурную практику совмещал с преподавательской деятельностью. С 1904 по 1910 г. М.М. Перетяткович служил преподавателем Технологического института,

Высших женских политехнических курсов. Читал курс лекций в Высшем художественном училище Императорской Академии художеств. В 1910—1912 гг. участвовал в составлении «Проекта преобразования Санкт-Петербурга» под руководством архитекторов Ф.Е. Енакиева и Л.Н. Бенуа.

Помимо проектной и преподавательской деятельности М. М. Перетяткович состоял членом таких общественных организаций, как Императорское Санкт-Петербургское общество архитекторов, Общество архитекторов-художников, Совет Музея Старого Петербурга, работал в Комиссии по изучению и описанию памятников Старого Петербурга, состоял в редакционном совете журнала «Зодчий». Среди его работ:

храм Лурдской Божией Матери, совместно с Л.Н. Бенуа;

зал заседаний Государственного совета в Мариинском дворце, автор-строитель Л.Н. Бенуа;

трамвайный мост через Фонтанку, совместно с архитектором Г.Г. Кривошеиным (1908, напротив Большой Подьяческой улицы), пролетное строение снято, сохранились береговые устои;

дом страхового общества «Саламандра», при участии Н.Н. Веревкина (Гороховая улица, 4);

церковь Христа Спасителя в память Гефсиманского борения и святителя Николая Чудотворца («Спас-на-Водах»), при участии Н.В. Покровского и С.Н. Смирнова;

доходный дом и торговый банк М.И. Вавельберга (Малая Морская улица, 1);

дом городских учреждений, при участии М.С. Лялевича (Кронверкский проспект, 49);

здание Римско-католического благотворительного общества-убежища для мальчиков (Кирилловская улица, 19);

здание Русского торгово-промышленного банка (Большая Морская улица, 15);

здание Министерства торговли и промышленности (Набережная Макарова, 8 — Биржевая линия, 3);

железобетонный свод в главном зале Биржи (Биржевая площадь, 4);

участие в проектировании Музея изящных искусств по проекту архитектора Р.И. Клейна (Волхонка, 12);

участие в отделке торговых залов Елисеевского магазина, совместно с архитектором В.В. Воейковым, под руководством архитектора Г.В. Барановского (Тверская улица, 14);

участие в декоративной отделке фасадов гостиницы «Метрополь»;

городской дом дешевых квартир для одиноких имени Г.Г. Солодовникова, в соавторстве с М.С. Лялевичем (строил арх. Т.Я. Бардт) (Москва, ул. Гиляровского, 65);

здание Северного страхового общества, совместно с И.И. Рербергом и В.К. Олтаржевским (Новая площадь, 16);

церковь Олега Брянского, совместно с С.М. Дешевовым (село Осташево, Московской области);

Государственный банк (Ростов-на-Дону, проспект Соколова, 22а);

Романовская грязелечебница (строил архитектор Е.Ф. Шреттер) (Пятигорск, проспект Кирова, 67)[1]

Вячеслав Константинович Олтаржевский (1880—1966) — выдающийся русский, советский архитектор, автор московских небоскребов, имел шляхетские корни.

Архитектор **Мариан Лялевич** получил золотую медаль за проект здания Городской думы. В 1910-е годы — один из ведущих зодчих Петербурга. Лялевич был избран председателем Общества архитекторов-художников, возглавив общество в самый критический момент его существования. В 1918 г. покинул Россию и переехал в Варшаву, много строил. В 1944 г. за участие в Варшавском восстании был казнен фашистами.

Архитектор **С.С. Кричинский** родился 20 января 1894 г. в имении Каскевичи, Ошмянского уезда, Виленской губернии, в семье генерал-майора Самойлы Кричинского. Отец его рано умер от ран, полученных в боях. Мать Сусанна Давыдовна,

[1] URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1386451.

урожденная Тольская, вышла второй раз замуж за полковника из рода Кричинских. С.С. Кричинский окончил курс обучения в Реальном училище в Вильно и поступил в Институт гражданских инженеров, в 1899 г. работал в Управлении неокладных сборов, а позже — в Управлении пограничной стражи в качестве главного архитектора. В августе 1923 г. похоронен на Волковском кладбище, около могилы писателя Г.И. Успенского. Архитектор Кричинский Степан Самойлович умер 9 августа после тяжелой болезни (сахарный диабет, ранее неизлечимый) в квартире № 4 дома № 44-Б по Каменноостровскому проспекту в Петрограде. Дом этот был им спроектирован в 1913 г. Это жилой дом с хорошо выполненными элементами фасада имеет большую лоджию над центральной аркой. На пятом этаже в левом крыле располагалась квартира № 4, где жил С.С. Кричинский с женой Марией Глебовной, дочерью писателя Г.И. Успенского, и двумя сыновьями — Глебом (1904) и Борисом (1905) — и дочерью Ириной.

Последние годы перед смертью С.С. Кричинский возглавлял Архитектурно-строительное управление губернского отдела коммунального хозяйства в Петрограде. Одновременно профессор С.С. Кричинский вел преподавательскую работу на архитектурном факультете Института гражданских инженеров. Работая в 1920—1921 гг. в техническом отделе Народного комиссариата иностранных дел, он провел реставрацию зданий немецкого и шведского посольств и создал план восстановления и реконструкции буддийского храма.

Ко времени проведения этих работ Кричинский был весьма известным архитектором в Петрограде. На углу Полтавской и Миргородской улиц стояла спроектированная им церковь во имя Федоровской иконы Божьей Матери в память о трехсотлетии династии Романовых. Она была построена в стиле ростовских церквей XVII в. В основу церкви поставлен параллелепипед, он имел три аспиды. Внутренняя отделка и роспись выполнены в новгородском стиле. Стены облицованы светло-серым камнем. Среди художников, работавших по отделке камнем фасадов, был Ваулин. Древо Романовых, поме-

щенное на фасадах церкви, выполнили по рисункам Чехонина. Предполагалось создать площадь около церкви и установить на ней памятник Александру Невскому. Однако, поскольку в здании церкви имелось много прочных железобетонных конструкций, после ее закрытия там разместили молочный завод. Сейчас, после остановки завода, в здании бывшей церкви закрепились несколько коммерческих организаций, которые не собираются его покидать.

В 1906 г. в Шуваловском парке в Парголово для графини Воронцовой-Дашковой было построено здание конного двора из кирпича, отделанного диким камнем по проекту архитектора Кричинского. Позже там же построен дворец, напоминающий Павловский дворец. Это здание в неоклассическом стиле с колоннами и шатровым перекрытием из железобетона использовалось с 1925 г. как дом отдыха для работников пищевой промышленности. К 1917 г. С.С. Кричинский известен как архитектор, работавший в неоклассическом стиле, в стиле «модерн», в новом русском стиле.

В стиле «модерн» им построено здание в Гатчине на улице Чехова, 4-А. Это дом художника Щербова. Один зал в этом здании используется как концертный.

В Сябреницах Чудовского уезда Новгородской губернии было построено здание Хорового дома для крестьян на деньги, собранные Шаляпиным, Короленко и другими.

Здание перестроено после снятия дымоходов и вентиляционных каналов в 1999 г. Единственный человек в Чудове, кто в 1999 г. поехал в АОЗТ «Репродуктор-Коммунар» и сказал о том, что это здание ломать нельзя, была директор школы искусств И.В. Прокофьева. Сейчас окна Хорового дома заложены кирпичом на две трети, крыша выровнена.

В 1910 г. у жены статского советника был куплен участок земли на перекрестке Кронверкского проспекта и Углового переулка на Петроградской стороне под строительство Соборной мечети. Авторами проекта были архитекторы А. Гоген, Н. Васильев и С. Кричинский. В отделке мечети впервые был применен гранит.

С. Кричинский специально ездил в Бухару и Самарканд, где изучал конструкцию мечетей и мавзолеев перед проектированием мечети в Петербурге. Сейчас мечеть действует. В историко-краеведческом музее города Пушкин, возможно, хранится список чертежей для мечети, сделанных Кричинским, хотя бы в виде копий, поскольку внучка архитектора, Елена Борисовна Кричинская, передавала их туда.

На улице Красного Курсанта, 34, стоит дом постройки 1915 г. с внутренней церковью. Это здание спроектировано С.С. Кричинским в стиле «модерн». В декабре 1916 г. С.С. Кричинский подготавливал документы к присвоению ему звания императорского архитектора за церковь, находящуюся внутри дома, и за проект церкви Палестинского общества. К 1909 г. был построен двухэтажный корпус здания, в котором разместился Институт экспериментальной ветеринарии. Это здание у Московских ворот тоже спроектировал С.С. Кричинский.

Около тридцати проектов зданий, сделанных С.С. Кричинским, удостоены различных премий.

В 1918—1920 гг. С. Кричинский жил то в Краснодаре, то в Петербурге, а то в Геленджике. Он преподавал архитектуру в Кубанском политехническом институте и был деканом архитектурного факультета. Им выполнены проекты зданий политехнических институтов в Иркутске и Краснодаре, а также мечети в Вильнюсе, ряда театров и больниц. Память об архитекторе-труженике будет жить среди его потомков.

Знаменитый архитектор **Жолтовский Иван Владиславович** родился в 1867 г. в городе Пинск (Белоруссия) в польской католической семье. В 1898 г. окончил Петербургскую Академию художеств и защитил дипломный проект «Народный дом», включающий в себя столовую, театр и библиотеку, получив звание архитектора-художника. Учеба в Академии продолжалась около одиннадцати лет, потому что Жолтовский параллельно с занятиями работал помощником у ряда крупных петербургских архитекторов. После окончания академии Жолтовский поселился в Москве и получил приглашение преподавать в Строгановском училище.

В 1890 г. Жолтовский избирается академиком архитектуры.

В 1910-е гг. и в 1923—1926 гг. изучал архитектуру Италии.

Среди проектов: проект здания Скакового общества в Москве (1903—1905), особняк фабриканта Носова на Введенской площади, особняк купца Тарасова на Спиридоньевской улице (впоследствии ул. Алексея Толстого, теперь Спиридоновка) (1909—1910), проект генерального плана и павильонов Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки (1923), Госбанк на Неглинной (1927—1929), жилой дом на Моховой (1932), жилые дома на площади 50-летия Октября (1933—1934) и др. Участвовал в разработке плана реконструкции Москвы (1918—1923). Много лет вел преподавательскую деятельность (Вхутемас-Вхутеин, 1899—1932; Институт архитектуры АН СССР, 1932—1937). Заслуженный деятель науки и искусства России (1932). Умер в 1959 г. в Москве.

17.5. Русские поляки — народные кумиры

Сигизмунд Александрович Леваневский (1902—1937) — советский летчик, четвертый Герой Советского Союза (1934). В 30-е гг. прошлого века Сигизмунд Леваневский был кумиром миллионов.

Сигизмунд Александрович родился в польской семье в Санкт-Петербурге. Принял участие в Октябрьской революции на стороне большевиков, позднее участвовал в Гражданской войне, служа в армии с 1918 г. В 1925 г. окончил севастопольскую школу морской авиации и стал военным летчиком. В 1930 г. отправлен в запас.

С 1933 г. летчик в Главсевморпути, совершил несколько сверхдлинных перелетов. 13 июля 1933 г. он спас американского летчика Джеймса Маттера, который совершил аварийную посадку в районе Анадыря во время своей попытки кругосветного перелета.

В апреле 1934 г. принял участие в эвакуации экипажа и пассажиров затонувшего парохода «Челюскин», за что получил звание Героя Советского Союза. По причине аварии само-

лета в сам ледовый лагерь Шмидта Леваневский не летал, но позже, рискуя жизнью, он доставил из Уэллена в бухту Св. Лаврентия хирурга Леонтьева, который там сделал неотложную операцию по удалению острого аппендицита[1] заместителю начальника экспедиции «Челюскина» Боброву.

В 1936 г. он совершил перелет из Лос-Анджелеса (США) в Москву, преодолев 19 000 км.

12 августа 1937 г. четырехмоторный самолет ДБ-А с экипажем из 6 человек под командованием Леваневского начал полет из Москвы через Северный полюс в Фербенкс, штат Аляска, США. Радиосвязь с самолетом прервалась 13 августа, в 17:58 по московскому времени после того, как они пролетели над советским побережьем Северного Ледовитого океана. Леваневский сообщал о плохих метеоусловиях.

Больше о судьбе самолета и экипажа ничего не известно.

Иван Семенович Козловский родился в селе Марьяновка Киевской губернии в польско-украинской семье в 1900 г. С 10 лет пел в хоре Киевского Михайловского монастыря, где был замечен известным духовным композитором Александром Кошицем. С 1916 по 1925 г. сотрудничал в оперных труппах Полтавы, а также в столичном театре города Харькова. В 1925 г. стал солистом Свердловского оперного театра. В 1936 г. приглашен петь на сцену Большого театра. В первые годы его карьера в театре не складывалась, однако в конце 1930-х Козловский неожиданно становится одним из любимых певцов Сталина, и с этого момента начинается его звездная пора.

В 1954 г. находился на пике популярности, уже в те годы существовал фан-клуб великого тенора.

Роберт Иванович Рождественский (1932—1994) — советский поэт, поэтические вечера которого собирали стадионы слушателей. Родился 20 июня 1932 г. в селе Косиха Алтайского края. Отец, Станислав Никодимович Петкевич, поляк, работал в ОГПУ — НКВД. Развелся с матерью Роберта, когда ему было пять лет. Погиб при освобождении Латвии от фашистов 22 февраля 1945 г.

[1] URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Аппендицит.

Мать, Вера Павловна Федорова, до войны была директором сельской начальной школы, одновременно училась в медицинском институте. С началом войны была призвана на фронт. С уходом матери на войну Роберт остается с бабушкой. Бабушка вскоре умирает. Роберт попадает в Даниловский детский приемник.

В 1950 г. в журнале «На рубеже» (Петрозаводск) появляются первые публикации стихов Роберта Рождественского. В этом же году Рождественский пробует поступить в Литературный институт им. М. Горького, но неудачно. Год учится на историко-филологическом отделении Петрозаводского государственного университета. В 1951 г. со второй попытки поэту удается поступить в Литинститут, и он переезжает в Москву.

У нашего любимого актера **Анатолия Дмитреевича Папанова** (1922—1987) мама — Елена Болеславовна Росковская — была полькой.

Семейные династии **Янковских** и **Дворжецких** известны и почитаемы на просторах бывшего СССР.

Янина Жеймо — любимая Золушка на всем пространстве Союза.

Эдиту Пьеху до сих пор обожают миллионы.

Поляки — выдающиеся политические деятели советской России

В ряду выдающихся государственных деятелей советской России находятся Феликс Эдмундович Дзержинский и Вячеслав Рудольфович Менжинский. Это были последовательные патриоты России, талантливые люди, высокопрофессиональные организаторы и руководители спецслужб.

ВЫВОД

Поляки внесли выдающийся вклад в славу и величие Российского государства. Золотыми буквами вписаны их имена в нашу историю. До сих пор мы в долгу перед ними. К сожалению, сегодня наша молодежь почти не знает их. В Польше многих из них считают коллаборационистами, поляки до сих пор не могут оценить мужество, достоинство и благородство каз-

ненных ими польских генералов и множества других поляков, виновных лишь в том, что симпатизировали и честно служили России. Необходимо, например, в Санкт-Петербурге восстановить памятник семи нашим героям, стоявший ранее в Варшаве на Саксонской площади, а также всем русским и полякам, погибшим во время польских восстаний. Надо восстановить справедливость и вернуть памятник Ф. Дзержинскому на его законное место. Феликс Эдмундович никакого отношения к репрессиям не имел. Надеемся, что со временем в Польше будут также гордиться нашими поляками, как ими гордятся в России.

Глава 18
Поляки в Отечественной войне 1812 года

Первое сомнение в достоверности черного мифа об антагонизме между русскими и поляками зародили перечни генералов русской и французской армий при Бородино[1].

Известно, что в состав Великой армии Наполеона входили подразделения дюжины стран-сателлитов Франции (см. таблицу). То есть армия была интернациональной, но ее командование, за исключением командира 5-го корпуса Ю. Понятовского, было французским. В отличие от Grande Armie русская армия была сформирована из подданных Российской империи, при этом национальный состав ее командования поражал разнообразием. Если остановиться только на генеральском корпусе, то М.В. Кутузов — русский, П.И. Багратион — грузин, М.Б. Барклай-де-Толли — немец, Я.П. Кульнев — поляк, Макс (Максим Иванович) Де-Дамас — француз, Н.С. Сулима — украинец, М.А. Милорадович — серб, Я.В. Виллие — шотландец, К.Ф. Багговут — норвежец, А.Я. Рудзевич — татарин, А.А. Юрковский — венгр греческого вероисповедания, П.Е. Бенардос — грек, и этот список можно продолжить.

[1] URL: http://www.genstab.ru/oob_bor_fr.htm/. Составы войск при Бородино. URL: ru.wikipedia.org/.../Составы войск при Бородино//.

Причинами такого разнообразия являлась национальная система военного строительства в Российской империи. Фундамент военного профессионального образования составляли кадетские корпуса. В основе данной системы стояла идея создания Артиллерийской (1712) и Инженерной шляхетской (дворянской) школы (1758), которая потом была переименована в Кадетский корпус (1762). Филиалом этого корпуса являлся Корпус чужестранных единоверцев (1775). Слушатели кадетских корпусов имели разные национальности, но все они прославились в походах и сражениях за Российскую империю. Идея создания школы, потом корпусов принадлежала российскому поляку П.И. Ягужинскому (1683—1736).

В отличие от наполеоновской Великой армии, командиры русской армии не были наемниками, эти генералы и офицеры были российскими подданными в нескольких поколениях. По совокупности приведенных обстоятельств Великая армия не могла стать «Непобедимой». Из всех наемников, составлявших пятьдесят процентов французской армии, лишь часть поляков была как-то мотивирована воевать. В «битве народов» этот фактор проявился в полной мере: Саксонская дивизия, вюртенбергские и баденские части перешли на сторону Шестой коалиции[1] и развернули свои орудия против наполеоновских войск.

Если говорить о процентном соотношении представителей разных национальностей в генеральском и офицерском корпусах русской армии, то на первом месте по количеству стоят русские, на втором — русские, имеющие польские корни. Количество польских генералов в русской армии в несколько раз превышало количество польских генералов во французской армии! И это притом, что коренная Польша в то время находилась под властью Наполеона, а на бывших польских территориях этнические поляки составляли менее двадцати процентов населения. При более глубоком изучении оказалось, что «наши поляки» не только не уступали своим французским «братьям» в полководческих талантах, но и превосходили их.

[1] В российской историографии война Шестой коалиции известна так же, как Заграничный поход русской армии 1813—1814 гг.

Таблица. **Национальный состав Великой армии (Grande Armie)**

Франция и союзники	Население (на 1812 год)	Воинский контингент Великой армии
Франция	29 400 000	300 тыс.
Королевство Италия	13 000 000	55 тыс.
Королевство Неаполь	4 900 000	
Бавария (Рейнский союз)	3 300 000	24 тыс.
Саксония (Рейнский союз)	1 150 000	20 тыс.
Вестфалия (Рейнский союз)	700 000	17—22 тыс.
Мелкие государства Рейнского союза	6 500 000	9 тыс.
Герцогство Варшавское	4 300 000	95—100 тыс.
Швейцария	1 500 000	12 тыс.
Пруссия	10 200 000	20 тыс.
Хорватия	1 500 000	3 500
Испания	11 750 000	4 800
Португалия	3 000 000	2 000
Всего		570 000

Приведем перечни польских и «русских польских» генералов.

18.1. Польские генералы — участники наполеоновских войн[1]

Генералы Пятого армейского корпуса (войска Великого герцогства Варшавского):

Главнокомандующий: дивизионный генерал князь Юзеф Понятовский. Начальник Главного штаба: дивизионный генерал Станислав Фишер (Fiszer), начальник Генерального штаба и инспектор пехоты Великого герцогства Варшавского. Национальность Фишера не ясна, имя польское, а фамилия немецкая.

Командир 16-й дивизии пехоты: дивизионный генерал Ю. Зайончек.

[1] *Власов К.* URL: http: //www.museum.ru/1812/War/Grande_arme_1812/index.html.

Командир 1-й бригады: бригадный генерал С. Мельжинский.

Командир 2-й бригады: бригадный генерал Францишек Максимилиан Пашковский.

Командир 18-й бригады легкой кавалерии: бригадный генерал Михал Игнатий Каминский.

Командир 17-й дивизии пехоты: дивизионный генерал Ян Хенрик Домбровский.

Командир 1-й бригады: бригадный генерал Эдуард Жултовский (Жолтовский).

Командир 2-й бригады: бригадный генерал Исидор Зенон Томаш Красинский.

Командир 19-й бригады легкой кавалерии: бригадный генерал граф Тадеуш Тышкевич.

Командир 18-й дивизии пехоты: дивизионный генерал Людвиг Каменецкий.

Командир1-й бригады: бригадный генерал М. Грабовский.

Командир 2-й бригады: бригадный генерал Кароль Чеслав Пакош.

Командир 20-й бригады легкой кавалерии: бригадный генерал князь А. Сулковский.

Командир 4-й уланской дивизии генерал А. Рожнецкий[1]. Дивизия А. Рожнецкого входила в 4-й корпус дивизионного генерала М.В.Н. Ла Тур-Мобура. Сюда же входила 28-я легкая кавалерийская бригада бригадного генерала Д. Дзевановского.

Генералы Легиона Великого герцогства Варшавского (Легион Вислы)

Командир: дивизионный генерал граф Мишель Мари Клапаред (Claparede). Обратим внимание на то, что Легион возглавляет француз! Что это? Недоверие или дефицит польских кадров?

[1] Рожнецкий Александр Александрович (1774—1849), генерал. Участник наполеоновских войн 1805—1813 гг. на стороне Франции. Под Лейпцигом был ранен и попал в плен. С 1815 г. командовал польской кавалерией Царства Польского. В 1831 г. зачислен в русскую службу с назначением состоять при Особе Его Императорского Величества. С 1832 г. член Государственного Совета и член Совета управления Царства Польского.

Командир 1-й бригады: бригадный генерал барон Гжегош Юзеф Хлопицкий.

Командир 2-й бригады: генерал Миколай Брониковский, граф фон Оппельн (Bronikowski). Этот генерал только на первый взгляд поляк, на самом деле Брониковский фон Оппельн — представитель древнего немецкого рода. В современной истории наиболее известен **Герман Леопольд Август фон Оппельн-Брониковски** (1899—1966) — генерал-майор вермахта, танковый ас, олимпийский чемпион в командном первенстве по выездке в 1936 г. в Берлине.

Бригадным генералом был также командир 2-й бригады 10-го армейского корпуса князь Михаил Радзивилл.

Приведем краткие биографические справки наиболее выдающихся польских генералов.

1. **Понятовский Иосиф Антоний** (1763—1813) — племянник короля и польский принц. Служил в австрийской армии. Участвовал в русско-австро-турецкой войне в 1788 г. Отличился при осаде Сабаш. Имел дружеские отношения с князем Карлом Линье и генералом Карлом Филиппом Шварценбергом (1771—1820, ландграф Клеттрау, граф Зульц, князь австрийский, фельдмаршал и генералиссимус времен наполеоновских войн, воевал против Наполеона Бонапарта).

Участвовал в борьбе за независимость Польши в 1792—1794 гг. под началом Т. Костюшко. После ряда тактических побед был разгромлен под Макиовице русскими войсками А.В. Суворова.

Получил благосклонность нового русского государя Павла I. Отказался от службы в русской армии.

Завел дружбу с будущим королем Франции Луи XVIII.

После того как Наполеон организовал временное польское правительство в ноябре 1806 г., Понятовский — военный министр и генералиссимус (1808) герцогства Варшавского. На тот момент вооруженные силы герцогства составляли около 30 тысяч человек. Участвует в кампании против австрийцев 1809 г. Добивается победы под Расцыном и успеха под Гора Калвариа. Участвует в обороне крепости Торн и разгроме

группировки эрцгерцога Фердинанда, освобождении Галиции. Понятовский разрабатывает план Русской кампании, но его предложения отвергнуты, поскольку в их основе лежала идея возрождения Речи Посполитой в границах 1772 г. Участвует в Бородинском сражении. После разгрома Великой армии участвует в кампании 1813 г. Добивается успеха под Лобау. Сражается в «битве народов». Гибнет на третий день после присвоения звания маршал Франции.

2. **Ян Генрик Домбровский** (1755—1818) — польский генерал, сражался под знаменем Т. Костюшко. После поражения Варшавского восстания удалился во Францию. С благословения и при помощи Бонапарта сформировал два польских легиона и участвовал с ними в походах 1796, 1796 и 1800 годов. В русско-прусско-французскую войну Домбровский издал воззвание к полякам и собрал до 30 тыс. человек, принявших участие в осаде Данцига. Затем он участвовал в войнах 1809, 1812 и 1813 гг. Возвратившись в Россию, получает от Императора Александра I чин генерала от кавалерии и становится польским сенатором. В 1816 г. Домбровский вышел в отставку и, удалившись в свое поместье, занялся составлением записок о военных действиях в Великой Польше в 1794 г.

3. **Сокольницки Мишель** (1760—1816) — дивизионный генерал польской армии. Образование получил в кадетском корпусе в Варшаве. Службу начал в 1780 г. подпоручиком в инженерной школе. Служил в топографическом бюро в Вильне. В 1789 г. — подполковник, главный директор Виленской инженерной школы. В 1790 г. совершил поездку по Германии, во время которой собрал ценную разведывательную информацию и изучил топографию ее территории. Во время восстания 1794 г. в чине полковника командовал кавалерийским полком, легионом. Получил чин генерал-майора польской армии. В 1795 г. взят в плен и отправлен в Петербург. После освобождения эмигрировал во Францию. С июля 1797 г. — командир бригады в легионе Княжевича. Воевал в составе итальянской армии. В 1799 г. командовал пехотой польских легионов, а затем возглавлял их штаб. Участник сражения при Гогенлинде-

не. В 1802 г. произведен И. Мюратом в бригадные генералы и назначен инспектором 3-й польской полубригады. В 1802—1803 гг. участвовал в экспедиции в Сан-Доминго. В декабре 1806 г. вступил в 3-й польский легион. В конце марта 1807 г. в чине бригадного генерала польской армии получил пост в кавалерийской дивизии 10-го корпуса маршала Лефевра. Участвовал в сражении при Данциге. С 1807 г. — командир кавалерии 3-го польского легиона. С января 1809 г. — командир кавалерийской бригады 3-й польской дивизии. В 1809 г. перешел на службу в польскую армию, был губернатором Кракова, командовал 1-й бригадой 1-й дивизии, с 1810 г. — 4-м военным округом в Радоме. Затем с чином бригадного генерала перешел на французскую службу. Сокольницки перед началом войны возглавлял специальное бюро при Главном штабе Франции. В ведении бюро находилась вся военная разведка против России. В качестве шефа бюро разведки сопровождал Наполеона в Россию (1812), являясь одновременно представителем польской армии в ставке. Был ранен в Бородинском сражении. В 1813 г. воевал в Саксонии. С 1813 г. — командир 7-й (польской) дивизии легкой кавалерии 4-го кавалерийского корпуса. Участник «битвы народов» при Лейпциге. После отречения Наполеона в мае 1814 г. по приглашению Александра I переехал в Царство Польское, получил чин генерал-лейтенанта. Принимал активнейшее участие в создании новой польской армии[1].

4. **Иосиф Зайончек** (1752—1826) происходил из известного с середины XV в. польского дворянского рода герба Свинка. Служил в польской армии, был адъютантом коронного гетмана Браницкого. Затем — полковником конного полка. От Каменец-Подольска входил в состав польского сейма. Во время войны 1792 г. в чине генерал-майора командовал дивизией польской армии. После присоединения короля к Тарговицкой конфедерации вышел в отставку и уехал за границу. В 1794 г. в чине генерала сражался под знаменами Т. Костюшко. Командуя отдельным отрядом, был разбит русскими войсками при Холме.

[1] *Залесский К.А.* Наполеоновские войны. 1799—1815. Биографический энциклопедический словарь. — М.: Астрель. АСТ, 2003.

Участвовал в обороне Варшавы от прусских войск, был избран председателем трибунала и назначен комендантом города. После пленения Т. Костюшко стал заместителем Т. Ваврженцкого (1759—1816). Был тяжело ранен во время штурма Праги, а затем обвинен в умышленной сдаче города. После этого Зайончек уехал в Галицию, но был арестован австрийцами, объявлен военнопленным. В 1795 г. освобожден. Вступил во французскую армию и в 1797 г. произведен генералом Н. Бонапартом в бригадные генералы. В 1796—1797 гг. участвовал в Итальянской кампании, в 1798—1801 гг. — в Египетской экспедиции, где командовал бригадой. С 1798 г. — губернатор провинции Дельта. Позже Зайончек назначается командиром так называемого Северного легиона, состоявшего преимущественно из поляков. В 1805 г. командовал дивизией в составе французских войск в Булоне, а затем в составе корпуса генерала Ю. Понятовского. С 1807 г. под командованием генерала Домбровского служил в польской армии, с апреля 1809 г. г. — командир 2-й, а с 1809 г. — 1-й польской дивизии. С 1813-го — командир 16-й (польской) дивизии 5-го корпуса Великой армии. Был ранен при Смоленске 17 августа 1812 г. Три дня (26—28 ноября) замещал Понятовского на посту командира корпуса. В сражении при Березине был тяжело ранен (ему были ампутированы ноги) и 10 декабря в Вильно взят в плен. В 1815 г. Александр I произвел Зайончека в генералы от инфантерии и назначил наместником Польши. 17 апреля 1818 г. Зайончек был возведен в княжеское достоинство Царства Польского[1].

5. **Княжевич (Kniasiewicz) Карл** (1762—1842) — дивизионный генерал. Окончил Варшавский кадетский корпус и в 1777 г. вступил в польскую артиллерию. В 1792 г. произведен в майоры. Участвовал в военных действиях против русской армии в 1792 г. Когда в 1794 г. началось польское восстание, Княжевич одним из первых присоединился к нему и был назначен командиром батальона фузилеров в гарнизоне Зидлицы. Позже был начальником штаба И. Зайончека, сохранил армию от

[1] *Залесский К.А.* Наполеоновские войны. 1799—1815. Биографический энциклопедический словарь. — М.: Астрель. АСТ, 2003.

полного разгрома под Холмом. За отличия под Голковом был в августе 1794 г. произведен в бригадные генералы. Один из руководителей обороны Варшавы от прусской армии. Во время сражения при Мациевицах, когда были разгромлены главные силы восставших, он командовал левым крылом и вместе с Т. Костюшко взят в плен. 17 ноября 1796 г. был освобожден. После того как в 1797 г. в Италии начали формироваться польские части, Княжевич в июле в чине бригадного генерала назначен командиром 2-го легиона. Участвовал в военных действиях в Италии. В декабре 1798 г. его легион воевал в составе дивизии генерала Этьенна-Жака-Жозефа-Александра Макдональда (1765—1840). В 1800—1801 гг. сражался в составе Рейнской армии. В составе дивизии генерала Шарля Матье Декана (1769—1832) храбро сражался при Гогенлиндене. С 1801 г. — в Италии. В начале 1812 г. переведен в армию Великого герцогства Варшавского. В начале похода в Россию состоял при штабе 8-го корпуса, а 4 июля 1812 г. принял командование над 18-й (польской) пехотной дивизией 5-го корпуса. Отличился под Смоленском, в Бородинском сражении и в битве на реке Березина. После поражения армии уехал в Краков, а затем в Люблин, где был включен в состав Военной комиссии по реорганизации польской армии. После отречения Наполеона некоторое время еще оставался в армии, но 3 декабря 1814 г. уволен в отставку. С 1815 г. жил в Дрездене, с 1824 г. — в Париже. В 1825 г. заподозрен в заговоре, арестован саксонской полицией и 8 месяцев провел в крепости Кенигштейн. После Июльской революции 1830 г. вернулся во Францию. В свободное время занимался живописью[1].

6. **Красински Винцент Корвин** (1782—1856) — граф, дивизионный генерал (28.11.1813). Из древнего польского рода; был женат на княжне Радзивилл. Службу начал в августе 1791 г. в польской кавалерии. 6 июня 1793 г. вступил во 2-й польский легион в составе французской армии. 8 октября 1793 г. произведен в лейтенанты. В 1792—1794 гг. участвовал в военных действиях в Польше. В 1795 г. покинул армию и поч-

[1] Там же.

ти 9 лет был не у дел. В 1806 г. принят на службу полковником польского уланского полка в Варшаве. В 1807 г. переведен из польской армии в Генеральный штаб Наполеона. С 27 февраля 1807 г. — командир 2-го польского кавалерийского полка. С 18 марта 1807 г. — командир 3-го конного полка 2-го польского легиона. Отличился в сражениях при Пултуске, Прейсиш-Эйлау, Гейльсберге. С 17 апреля 1807 г. — полковник польского легкоконного полка в составе Императорской гвардии. Участник кампании 1808 г. в Испании. Прославился атакой при Сомо-Сиерро и Мадриде. В 1809 г. отличился в сражениях при Эсслинге и Ваграме. В 1811 г. произведен в бригадные генералы и стал командиром гвардейского легкоконного польского полка. Стал известен как командир беспримерной храбрости, отмечен Наполеоном и получил звание камергера Императорского двора (1812). В походе в Россию 1812 г. сражался при Смоленске, Бородине, Красном и Березине. В 1813 г. сражался при Бауцене, Гохкирхене, Лейпциге, Фрейбурге, в 1814-м — при Бриене, Сен-Дизье, Арси-сюр-Об. Со 2 апреля 1814 г. — командир польского корпуса в Фонтенбло, а через 2 дня назначен командующим всеми польскими войсками во Франции. После отречения Наполеона (1814) Красински привел польские полки на родину. Эти войска составили основу будущей польской армии в русской части Польши. С 1815 г. — командующий польской гвардией. В 1818 г. Красински назначен генерал-адъютантом, а в 1826 г. произведен в генералы от кавалерии. С 1825 г. член варшавского сената. В 1828 г. во время суда над заговорщиками выступил за осуждение подсудимых. Во время польского восстания 1830 г. занял твердую прорусскую позицию. С 1832 г. — член Государственного Совета управления Царства Польского[1].

Генералов **Грабовских** было несколько, первый Грабовский погиб при обороне Праги — предместья Варшавы, во время восстания Т. Костюшко.

[1] *Залесский К.А.* Наполеоновские войны. 1799—1815. Биографический энциклопедический словарь. — М.: Астрель. АСТ, 2003.

Второй — М. Грабовский, бригадный генерал, погиб в штыковом бою с бойцами генерала Немеровского в битве за Смоленск в 1812 г.

Но был еще третий Грабовский, пожалуй, самый выдающийся. Генерал граф **Стефан Фомич Грабовский** происходил из состоятельной кальвинистской семьи из Литвы, он служил в армии Речи Посполитой, а после восстания Костюшко (1794) попал в плен. Свободу ему принесла смерть Екатерины II. Вместе с освобождением Павел I удостоил Грабовского графского титула. Однако новоиспеченный граф не перешел на императорскую службу, а вернулся в свои литовские владения. В 1812 г., несмотря на присягу, принесенную много лет назад российскому государю, он выступил против него, став генералом в наполеоновской армии, принимал участие в «битве народов» под Лейпцигом. Благодаря заступничеству своего друга Друцкого-Любецкого его миновали неприятности, связанные с изменой, и графа зачислили в состав армии Царства Польского в звании генерал-майора. Выдающиеся способности Грабовского как государственного деятеля проявились в 1822 г., когда его назначили на должность статс-секретаря по делам Царства Польского. Это был очень крупный пост, связанный с постоянным пребыванием при дворе и непосредственным контактом с монархом: он был связным между престолом и правительством в Варшаве. Грабовский оказался чрезвычайно ловким в смягчении всяческих напряженностей между ними: он знал, как много зависит от его докладов императору и личных бесед с ним. В историю он, однако, вошел благодаря той роли, которую сыграл в декабре 1825 г. В те минуты, когда декабристы стояли на Сенатской площади, а царедворцы, собравшиеся в Зимнем дворце, не знали, с чего начать и что посоветовать неопытному Николаю, один Грабовский сохранил хладнокровие. Он рекомендовал императору не просто атаковать взбунтовавшихся солдат, но вначале показаться им и тем самым еще сильнее убедить их в необходимости покаяться и сдаться. Советы Грабовского принесли успех, и Николай не забыл этого, сделав его одной из самых влиятельных фигур при дворе, — о новом

императорском фаворите, в частности, сообщали по начальству зарубежные дипломаты. Принимая участие в войне с Турцией 1829 г., Грабовский находился в свите Николая.

После восстания 1830 г. граф вновь был возвышен. Он не только стал членом временного правления Царства Польского под председательством сенатора Федора Энгеля, но и был включен в состав Государственного Совета — ввиду особого значения польской тематики, составлявшей тогда одну из важных проблем, которые занимали внимание царя и его окружения. Ему присвоили чин действительного тайного советника и удостоили ряда высших государственных орденов. В 1839 г. Николай повысил его, присвоив звание генерал-лейтенанта. Граф был уже, однако, пожилым человеком — в том году ему исполнилось 73 года, и поэтому власти приняли его отставку.

18.2. Анализ перечня польских генералов

Обратим внимание на то, что наиболее выдающиеся польские генералы приняли предложения о сотрудничестве со стороны России и верно ей служили до конца своих дней. Это не было предательством: пройдя сквозь ад Сан-Доминго и Египта, кровавый кошмар Испании и ледяную мясорубку России, польские генералы освободились от инфантильных фантазий и превратились в мудрых государственных мужей. Они начали, как ни парадоксально это звучит, создавать великую суверенную Польшу. Такое строительство — это многолетний процесс формирования менталитета свободных и ответственных людей. Однако данный процесс был прерван инфантильными безумцами в 1831 г.

Благородным примером служения Родине и России является генерал Зайончек. Взятый в плен после тяжелого ранения, он был отвезен в царских санях в Вильну, где ему пришлось ампутировать обе ноги. В начале 1814 г., после выздоровления, генерал прибыл в Варшаву. Здесь он стал лично известен Великому Князю Константину Павловичу, который оценил ум и высокие нравственные качества Зайончека. Великий князь привлек его к заседаниям военного комитета, учрежденного для устройства

польского войска. В конце 1814 г. генерал Зайончек был намечен Императором Александром Павловичем в наместники Царства Польского. 27 ноября 1815 г. состоялось это назначение, к общему удивлению всех и негодованию князя Адама Чарторыйского, которого многие уже видели на этом почетном и ответственном посту. В 1818 г. Зайончек возведен в княжеское достоинство.

В качестве наместника Царства Польского он имел широкие полномочия. Но Зайончек пользовался этой властью, в первую очередь, во благо своего Отечества, верно служил делу Речи Посполитой. Одновременно он являлся преданным слугой Императора Александра и Конституции. Князь Зайончек был доволен этой Конституцией, справедливо полагая, что под ее покровом, прежде всего, надо заботиться о материальном и культурном развитии страны. И действительно, благосостояние Польши стало быстро расти. По словам самих поляков, «Польша никогда не была так счастлива, как в эту пору», и если бы продолжала идти по этому пути, то скоро забыла бы 200 лет анархии и стала бы в ряд с образованнейшими государствами Европы. Так думал и Зайончек, но соотечественники не понимали его. В числе недоброжелателей Зайончека находился и бывший любимец Императора Александра I, князь Адам Чарторыйский, который всячески старался очернить наместника Царства Польского в глазах монарха. «Генерал Зайончек, — писал он государю, — не имеет ни воли, ни мнений, словом, отказывается от всякой самостоятельности, как скоро заходит дело о Великом князе (Константине Павловиче). Потому ли, что он считает себя его креатурой, генерал убежден, что признательность его не должна иметь никаких границ, или потому, что во всех приказаниях Великого князя видит выражение воли Вашего Величества, — несомненно только, что он подчинится до раболепия Великому князю, если не будет остановлен вовремя... он готов нарушать конституцию ежедневно, если только это угодно Великому князю».

С годами оппозиция увеличивалась. Оппозиционеры мечтали о восстановлении Польши в границах 1772 г. Но деятельность наместника, по их мнению, мешала этому. Зайончек

возбуждал против себя обвинения в отсутствии патриотизма только потому, что презирал несбыточные мечтания ложных патриотов, а из изучения истории и личного опыта сделал вывод, что «если нельзя победить нескольких противников, то нужно соединиться с самым сильным из них». Характерно для него в этом отношении то, что еще в 1812 г., состоя в армии Наполеона, обещавшего восстановить Польшу, он не захотел переменить французского мундира на польский. Впоследствии подчинившись новому порядку вещей, Зайончек верно исполнял свой долг перед Императором Александром I и его представителем в Царстве Польском — Великим князем Константином Павловичем.

Скончался мудрый генерал в Варшаве в 1826 г. Нет сомнения, что, будь жив наместник Зайончек, не случилось бы безумия 1831 г. Подлинными героями того восстания оказались «наши поляки»: Йозеф Новицкий, граф Станислав Потоцкий, Томас Сементковский, Станислав Требицкий, Игнатий Блюмер, Морис Хауке и полковник Филипп Мечисцевский, поскольку проявили истинное благородство и мудрость.

Таким образом, генералы, прошедшие через все ужасы и лишения наполеоновских войн, сделали отважную попытку изменить ход драматической польской истории, вырвать страну из хаоса, но инфантильное безответственное большинство не позволило сделать этого.

Польские историки М. Тымовский, Я. Кеневич, Е. Хольцер следующим образом характеризуют генерала Зайончека: «Александр I, безусловно, был озабочен тем, чтобы поляки, используя отдаленность Варшавы от Петербурга, не привыкали к чрезвычайной самостоятельности. Так, он отстранил от власти своего старого друга и советника князя Адама Чарторыйского, поскольку он был слишком яркой индивидуальностью, а на должность наместника назначил генерала Юзефа Зайончека — бывшего в юности якобианцем легендарного командующего наполеоновских времен, превратившегося теперь в безвольного карьериста»[1].

[1] История Польши. — М.: Весь Мир, 2004.

Историки здесь не правы: во-первых, как показало время, Александр оказался более прозорлив в своем выборе; во-вторых, старого, израненного, благородного и мудрого Юзефа Зайончека невозможно и глупо обвинять в карьеризме или угодничестве. Для Польши генерал Зайончек сделал очень много, чего не скажешь о недальновидном интригане А. Чарторыйском.

18.3. Жертвенность — не свойство польской элиты

Убеждение, будто все без исключения шляхтичи и польская аристократия сражались за свободу своей родины, является ложным.

Напомним, основу Польских легионов составляли пораженные в правах шляхтичи. В соответствии с трактатом 1795 г., изданным после третьего раздела Польши, название «Польское королевство» было «раз и навсегда упразднено». Гарантом этого стала Пруссия, которой досталась столица Польши — Варшава. Шляхта во всех трех странах, разделивших Польшу, лишилась своих гражданских, политических привилегий и немыслимых для дворянства других стран вольностей. Во вновь присоединенных землях была назначена перерегистрация знати и большое количество безземельной, в Польше ее называли «околичной», шляхты исключили из дворянского сословия. Исключенных записали мещанами и однодворцами. То есть они перестали называться «рыцарями», лишились множества привилегий, в том числе возможности принимать участие в «судьбах Отечества» — «выбирать и быть выбранными».

Какую позицию заняла польская аристократия, сохранившая все свои привилегии и богатства? Анализ списков участников наполеоновских войн приводит к следующему выводу: польская аристократия совсем не горела желанием с оружием в руках отстаивать независимость своей Родины. Даже среди генералитета мы находим лишь нескольких представителей польской аристократии: князь Ю. Понятовский, князь Д. Радзивилл, князь А.П. Сулковский и граф Т. Тышкевич[1].

[1] Взят в плен под Малоярославцем 13 октября 1812 г. ополченским Донским казачьим полком.

Представителей аристократии среди младших офицеров обнаружить вообще не удалось, тогда как в русской армии служили и воевали целые династии польских князей, графов, баронов: братья, отцы, сыновья, племянники. При всех польских восстаниях позиция местной аристократии была трусливой и непоследовательной. Редко аристократы жертвовали своей жизнью ради возрождения своей родины. Так было на протяжении XIX и XX вв. Не известны факты, чтобы польская элита «до последнего патрона» вела бой с «поработителем». Яркий пример тому — национальный герой Польши генерал Т. Бур-Коморовский, который на переговорах о капитуляции обговаривал условия комфортного плена.

18.4. Причины слабости польской армии

В 1807 г. Наполеон даровал Варшавскому герцогству конституцию, которая отличалась всесословным характером. Она признавала всех граждан равными перед законом, допускала мещан к участию в сейме и вводила личную свободу крестьян, но конституция совершенно не поднимала вопроса о том, кому должны принадлежать земельные участки, обрабатываемые крестьянами. Изданные в дополнение к конституции королевские декреты провели пагубный принцип: «Крестьянам — личная свобода, а шляхте — земля». Они предоставили помещику право по истечении годичного срока аренды устранять землепашца с занимаемого им участка, причем крестьянин, покидавший землю, должен был оставить в пользу помещика инвентарь и посевы. Если помещику было выгодно заменить крестьянскую бедноту предприимчивыми и зажиточными немецкими колонистами, платившими более высокий чинш, то для крестьянина — землепашца, выбитого из своей обычной колеи и не имевшего средств на покупку земли в другом месте, дарованная ему свобода переселения превратилась в свободу стать бесприютным бродягой. Таким образом, землевладельческая шляхта, пользуясь своим преобладанием в сейме, решила крестьянский вопрос в свою пользу, с полным пренебрежением интересами землепаш-

цев — крестьян. То же самое можно сказать и о «равенстве всех перед законом». Командный состав Войска Польского состоял исключительно из дворян, тогда как во французской армии простолюдины составляли немалый процент среди командиров любого уровня.

В русской армии, армии отнюдь не демократического государства, были нередки случаи, когда солдаты из крепостных крестьян становились генералами, например, отец генерала М.Д. Скобелева, генерал-лейтенант Д.И. Скобелев, сделал такую карьеру. В традициях русской армии было фронтовое братство, и, как правило, офицеры и генералы, независимо от социального положения, делили все трудности со своими солдатами.

Таким образом, «хлопам хлопово». Польские крестьяне в наполеоновской армии играли исключительно роль «пушечного мяса».

Польские наполеоновские генералы в массе своей были выходцами из небогатых шляхетских родов. Они своим мужеством и нелегким ратным трудом добились аристократических титулов, которые им даровал Наполеон. К последним относятся, например, генералы граф Красинский и барон Хлопицкий. Генералу Зайончеку княжеский титул даровал Император Российской империи. Такой взлет был обычным явлением не только для наполеоновской, но и для русской армии. Нередко представители низших слоев общества в периоды тяжелых войн делали головокружительные карьеры и добивались аристократических титулов. Но речь не о том. Мы лишь подчеркиваем тот факт, что польская аристократия, за редким исключением, не приняла участия в наполеоновских войнах.

Князья, графы, бароны кровавой бойне предпочли балы. В перерывах между светскими раутами в обстановке изысканного уюта они интриговали и обсуждали планы возрождения Польши в границах 1772 г. То есть наше утверждение о том, что движение легионеров было маргинальным, находит подтверждение.

Никогда в Польше не горела земля под ногами «захватчиков», как она горела под ногами польских легионеров в Ис-

пании, Сан-Доминго и России. Наверное, потому, что и захватчиков не было…

Таким образом, основу Польских легионов составляли представители низших шляхетских родов, которые первое боевое крещение получили под знаменами Т. Костюшко.

После поражения восстания его участники эмигрировали и стали собираться под командованием генералов Домбровского и Княжевича. Они еще не были профессиональными вояками. Знания и опыт получали в боевых условиях. Из десяти выживал один. Погибая, легионеры не пели: «Jeszcze Polska nie zginęła». Умирая от тропической лихорадки в Сан-Доминго, от колотых и рубленых ран в Испании, от зноя и жажды в Египте, от холода в России, наемники проклинали Наполеона и своих командиров. Трудно себе представить вояку-наемника, как правило, мародера и насильника, карателя и жестокого убийцу, погибающего с именем Родины на устах.

За год до Тильзитского мира 1807 г., в результате которого было основано Варшавское герцогство, генерал Домбровский приступил к набору легионеров для Бонапарта. Делалось это в спешке, рекрутов не осматривали врачи, весь цикл обучения укладывался в 3—4 недели. Мало кто из новобранцев выказывал энтузиазм. Пленные поляки из австрийской армии не желали воевать против «цесаря» и при первой же возможности дезертировали. Из-за нехватки кадров принимались унтер-офицеры прусской службы и немецкие колонисты. Боевой опыт Войско Польское обретало в боях у Тчева, Грудзенжа и Гданьска в 1807 г. Плохо вооруженная кавалерия тогда участвовала в основном в разведывательных операциях. Наполеон замечал, что «поляки не привыкли к огню»[1]. Под Фридландом 2 (14) июня 1807 г. против русских сражалось всего два полка конных егерей и часть 6-го уланского полка. Отставшая на марше пехота, увлекшись грабежом, не поспела к сражению[2].

К 1812 г. Войско Польское, с разнокалиберном оружием, одетое в сермяги, не представляло собой единое целое, не име-

[1] *Соколов О.В.* Армия Наполеона. — СПб., 1999.

[2] *Tokazz W.* Dobrowski jako organizator I wodz. Warszawa, 1919.

ло общих уставных порядков. Уланы с разным и плохим оружием, с короткими пиками, в поношенных мундирах, на крестьянских конях с дефектной сбруей умели выполнять лишь простые построения. Рекруты, вообще бывало прикрытые мешковиной, садясь в седло, забывали то шапку, то котелок, то даже саблю[1].

По русским агентурным данным, «войска герцогства Варшавского по наружному красиво и хорошо одеты, офицеры же по большой части вовсе несведущи и неопытны. Из числа генералов более всех армией и публикой уважаем генерал Домбровский, но он склонность к военной службе потерял... и притом с князем Понятовским не имеет с давнего времени никакого согласия. Понятовский носит одно имя, ничем не занимается и будто бы, по мнению публики, никаких способностей не имеет»[2].

Столь нелюбимый польской элитой Великий князь Константин Павлович с величайшей ответственностью относился к процессу боевой подготовки вверенных ему подразделений. Классическим примером является создание им лейб-гвардии уланского полка. В. Крестовский[3] описывает систему подготовки русских воинов. В начале весны 1804 г. лейб-гвардии уланский полк был уже окончательно и во всех отношениях сформирован, вследствие чего его высочество вытребовал в Петербург пятерых офицеров и пятерых унтер-офицеров (преимущественно из дворян) для усовершенствования их в кавалерийской службе, под его личным надзором.

С 1 апреля 1804 г. начался для полка первый кампамент. К этому дню эскадроны собрались в Махновку и в течение шести недель, до 16 мая, занимались полковыми учениями. Затем полк выступил для отдыха на двадцать дней в лагерь. 1-й батальон расположился в палатках около Махновки, а 2-й под Сквирой, 6-го июня эскадроны разошлись по деревням и, сейчас же расковав лошадей, выпустили их целыми табунами

---

1 *Dembinski H.* Pamietnik H. Dembinskiego. Poznan. 1860.

2 *Kukiel M.* Wojna 1812 roku. T. 1

3 *Крестовский В.* Уланы Цесаревича Константина. URL: http://az.lib.ru/k/krestowskij_w_w/text_0050.shtml.

на траву, нарочно откупленную для этого у помещиков. После двух месяцев травы люди «разловили» своих полуодичавших лошадей, дали им некоторый отдых на конюшнях, что являлось крайнею необходимостью, ради приручения, и затем уже на целую осень начались эскадронные учения, которые прекратились только с наступлением зимы, уступив свое место занятиям выездкой, выправкой и фехтованием на пиках и саблях. Этот порядок строевых занятий во многом был неудобен: раннею весною поля были еще топки, не успев достаточно просохнуть от только что стаявшего снега, да и полей-то невспаханных не было поблизости Махновки. Точно так же и подножный корм в июне и июле не поправлял, а, скорее, изнурял лошадей, которых донимали в лугах и ужасная жара, и мухи, и овод. По причине всех этих неудобств Меллер-Закомельский просил у цесаревича разрешения изменить порядок служебных занятий. Вследствие его просьбы, 5 января 1805 г., по ходатайству об этом цесаревича, последовал Высочайший приказ, чтобы расскованных лошадей выпускать на подножный корм с 1 апреля на два месяца, после чего собирать полк в лагерь на двадцать дней, располагая оба батальона вместе, и уже по окончании лагеря начинать шестинедельные полковые учения.

Но недолго довелось молодому полку заниматься военной практикой мирного времени. В ту замечательную эпоху и гвардия, и армия наша были проникнуты каким-то необыкновенным воинственным духом. Суворов с его битвами в Италии и гигантским переходом через Альпы не успел еще сделаться отдаленным преданием: сподвижники его, от генерала до солдата, еще и здравствовали, и служили в рядах войска; всего только пять лет отделяли нас от событий Нови, Требии, Сен-Готарда и Чертова Моста. Наполеон меж тем одерживал невероятные успехи, к которым наши закаленные воины ревниво относились и жаждали отомстить за неудачи своих собратий с Римским-Корсаковым в Швейцарии и с Германом в Голландии. Поэтому и офицеры, и солдаты с нетерпением ждали войны, которая при тогдашних обстоятельствах действительно чуть не каждый день легко могла вспыхнуть... Ежедневно ждали по-

веления выступить за границу. Все готовились к войне — и война вскоре была объявлена.

3 августа 1805 г. уланы цесаревича, оставив в Сквире запасной эскадрон, двинулись из Махновки в Брест-Литовск, а из Бреста, через Радом и Краков, на Тропау и далее к Ольмюцу. Поход этот замечателен тем, что был совершен при соблюдении самой строгой дисциплины и образцового порядка. Ни один день похода не обходился без занятий по боевой подготовке. Великий князь выписывал пленных французских офицеров и принуждал их проводить занятия с уланами по тактике, боевой подготовке и приемам боевых построений. К началу военных действий лейб-гвардии уланский полк Великого князя оказался одним из самых подготовленных подразделений русской армии. С такой же ответственностью Константин Павлович относился к боевой подготовке Войска Польского. Отсюда следует простой вывод: Великий князь Константин Павлович любил своих подчиненных и по-отечески к ним относился, чего не скажешь о полководцах — национальных героях Польши.

В это время положение 4-миллионного княжества Варшавского было тяжелым. Неурожаи, дефицит торгового баланса из-за континентальной блокады, организованной Наполеоном, содержание огромной массы французских войск и своей армии, разоряющее герцогство строительство крепости Модлина и фортификация варшавской Праги, Замостья и Торуни при полном развале экономики приближали коллапс Польши. «Вествальский король Жером Бонапарт отдал герцогство Варшавское на разграбление войскам»[1]. Мародерство, зверства французов по отношению к польским крестьянам вызывали слезы, жалобы и проклятья со всех сторон[2].

Набор рекрутов в Литве был практически сорван. Землевладельцы Литвы сдавали в рекруты самых негодных, слабых и больных хлопов. Литовское войско практически не участвовало во «второй польской войне». Не спешили «литвины» вступать ни

[1] *Коленкур А.* Поход Наполеона в Россию. — Смоленск, 1991.

[2] *Ложье Ц.* Дневник офицера Великой армии в 1812 году. — М., 1912.

в команды егерей, ни в национальную гвардию, ни в жандармерию. Новобранцы разбегались из уланских полков. Из литовских татар под польские знамена сел на коней всего один эскадрон.

11 ноября 1812 г. из 19-тысячного Войска Литовского сформировавшимся считался 3-й легкий полк императорской гвардии под командованием ордена Почетного легиона полковника Я. Конопки. Этот необученный полк был пленен у Слонима в том же ноябре авангардом 3-й Западной армии под командованием русского поляка — генерал-майора Е.И. Чаплица.

Великая армия вместо «свободы Литве и русским рабам» несла грабеж и разорение, показав себя в «дружественной стране хуже неприятеля»[1]. Полковые повозки вместо провианта грузились награбленным столовым серебром и другим имуществом. Солдаты выламывали двери и окна, крушили мебель, увечили жителей, обкрадывали костелы, забирали скот и травили посевы, скармливая незрелые хлеба лошадям, тем самым вызывали их массовый падеж. Только «небо и землю» оставляла после себя армия нашествия. Грабежи в Литве вызвали такое озлобление, которое через пять месяцев обернулось безжалостным умерщвлением больных и обмороженных воинов Великой армии.

Ни православными, ни протестантами-немцами, ни иудеями поход Великой армии с их польскими союзниками не воспринимался освободительным.

Верными присяге остались поляки на русской службе. Продиктованный Наполеоном и опубликованный в «Литовском курьере» призыв Генеральной конфедерации 25 июня (7 июля) 1812 г. «сорвать подлые мундиры, отомстить кровью за унижение Отчизны и плечом к плечу с цивилизованными народами навечно возвести нерушимую стену против азиатской дичи» — повис в воздухе[2]. Случаи перехода к неприятелю поляков русской службы были единичны. Наиболее известным был переход нескольких кавалеристов Польского уланского полка А.И. Гурьева 3 (15) июня 1812 г. под Витебском.

---

1 *Коленкур А.* Поход Наполеона в Россию. — Смоленск, 1991.

2 Сб. РИО. Т. 128. — С. 57, 61, 394.

При отступлении русские наносили тяжелые потери полякам, в частности уланы 4-й дивизии генерала А.А. Рожнецкого, в боях «грудь в грудь» поляки уступили арьергарду 2-й Западной армии П.И. Багратиона. «Казаки, калмыки, башкиры и крымские татары» часть уланов перебили, а остальные бежали под предлогом «вызова помощи». Бригадный генерал Т. Тышкевич вместо выдвижения вперед услал в тыл конную артиллерийскую батарею. 600—800 уланов были убиты и ранены, 9 офицеров и 121 рядовой взяты в плен.

Отступление «льва» — генерала Д.П. Неверовского — с 27-й дивизией от Красного до Смоленска 3 (15) августа сорвало план Наполеона выйти в тыл 1-й и 2-й Западным армиям. Три конных корпуса Й. Мюрата, имея трехкратное превосходство в силах и средствах, не сумели на открытом пространстве в сорока атаках ни разбить Неверовского, ни захватить его пушки.

Суровым экзаменом для поляков стало Смоленское сражение. Около 15 часов 16-я и 18-я польские дивизии, ведомые бравыми генералами и офицерами, с криками «Да здравствует Родина!» яростно прорывались в смоленское предместье, но натолкнулись на не менее яростное сопротивление русских. Гренадеры Д.П. Неверовского в штыковой атаке вырезали 1330 поляков. Гренадер Тобольского пехотного полка заколол генерала М. Грабовского, тело которого поляки так и не смогли вынести с поля боя, поскольку русские не дали им туда вернуться. Верхом на породистом коне русский поляк генерал-майор И.Д. Цыбульский храбро, под картечью и ураганным огнем противника, в цепи своих стрелков отражал натиск корпуса Л.-Д. Даву.

Под Смоленском Ю. Понятовский лишился 15 % личного состава. После Смоленска началось отрезвление поляков, развеялись иллюзии превосходства над «дикой русской ордой».

Поляки ожидали, что Наполеон задержится на границе 1772 г., займется укреплением княжества Литовского и перебросит польские войска на Украину, где они с помощью корпуса маршала Л.-Н. Даву «отберут меч», которым король Болеслав Храбрый (966—1035) в 1018 г. рубил Золотые ворота Киева.

В ответ Наполеон выразил недовольство бездействием герцогства Варшавского, срывом рекрутского набора в Литве и вымогательством денег: «Поляки не в состоянии поддержать эту борьбу, наборы не осуществляются, они не делают ровно ничего ради собственного дела; ежедневно они просят денег... Поляки хотели бы получить Галицию; что им за беда, что поссорюсь с Австрией? Я ожидал большего от обещанных ими преданности и усердия. Я не хочу разорять Францию ради них... Я придаю Польше не больше значения, чем чему-либо другому»[1].

Множество исторических документов подтверждают личную храбрость польских воинов. Так, французские кавалеристы вспоминали, что сражаться с польскими уланами «было прямо наслаждением; удивительна была их храбрость и та ярость, с которой они бросались на врага, где бы тот ни появлялся и какова бы ни была его сила»[2]. При этом нет убедительных свидетельств, подтверждающих полководческие таланты польских генералов. Это вполне объяснимо. Польша давно лишилась боевых традиций, национальной системы военного образования и системы подготовки рекрутов. Все это в сочетании с колоссальным социальным расслоением («рыцари» командовали «быдлом») превращало каждое сражение в бойню польских солдат.

Немаловажным фактором, снижающим боевую эффективность польских генералов, явилась проблема «дуализма цели», которую каждому из них приходилось решать. С одной стороны, они, воюя на стороне Наполеона, должны были выполнять волю императора, с другой — у них была своя цель — восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г. И зачастую цели, которые им определял Наполеон, противоречили великодержавным целям поляков.

Например, в бою у деревни Утица, который произошел во время Бородинского сражения между русскими и поляками, Ю. Понятовский сорвал план Наполеона по тактическо-

---

1 *Коленкур А.* Поход Наполеона в Россию.

2 *Артамонов В.А.* Войско Польское и нашествие Наполеона // Бородино и наполеоновские войны. Битвы, сражения, мемориалы. — М.: Калита, 2003.

му обходу фланга противника. Из-за пассивности и неудачи движения вокруг 1-го корпуса Тучкова французам пришлось принять большое фронтальное сражение с немалыми для себя потерями. Во многом из-за малой активности Понятовского усилия Даву и Нея не завершились окончательным успехом[1].

Таким образом, имитация польского наступления сорвала замысел Наполеона: «Ваш Понятовский не идет вперед. Наши потери огромны, русские сражаются исступленно»[2].

Это поражение объясняется желанием Ю. Понятовского сберечь ядро Войска Польского. Князь не хотел перемалывать в отчаянном сражении свои силы. В его планы входили совместный с маршалом Даву поход на Киев и прочие беспочвенные фантазии.

18.5. Маршал Ю. Понятовский и его армия

Герцогство Варшавское, как все лимитрофы Французской империи, обязалось кормить союзное войско. При этом поляки усердно поддерживали требования Наполеона по блокаде Англии. Все это тяжелым бременем ложилось на экономику лимитрофа.

Отношение к Понятовскому со стороны Наполеона было настороженным. Действительно, «настоящие поляки» уже 10 лет бок о бок сражались вместе с французами в Италии, Испании и даже на далеком острове Сан-Доминго, а Понятовский после участия в восстании Костюшко ничего не сделал для освобождения своей родины. При этом успел получить чины и награды как от Берлинского, так и от Петербургского двора. Все эти обстоятельства не могли вызывать доверия императора к польскому аристократу.

Первой ролью, когда Понятовский неплохо послужил Наполеону, оказалась роль сводника. Речь идет о Марии Валевска, польской графине, которая, мимолетно встретившись с Наполеоном на одной из почтовых станций, всецело завладела сердцем великого завоевателя. Этим тут же решили воспользоваться

[1] *Чандлер Д.* Военные кампании Наполеона. — М., 2000.

[2] *Артамонов В.А.* Войско Польское и нашествие Наполеона.

польские «патриоты». «Вот, — рассуждали они, — женщина, которая может принести Польше больше пользы, чем десять дивизий». Им представился шанс сыграть на хорошо известной слабости освободителя к красивым женщинам.

Князь Понятовский, руководитель польского освободительного движения, сразу же был проинформирован об этом и вместе со своими приближенными стал прикидывать, как лучше использовать козырную карту, выпавшую им на балу[1].

Польский «патриот» и благородный князь проявил невиданную готовность «помочь» императору, но, несмотря на длительные уговоры, Мария Валевска выставила его из своей комнаты и заперлась на ключ. И все же, несмотря на отчаянное сопротивление графини, совместными усилиями императора и «патриотов» сопротивление несчастной женщины было сломлено.

После первого холодного приема у Наполеона князь Понятовский в начале 1807 г. вновь беседовал с императором, возвратившимся в Варшаву с театра военных действий. На этот раз князь действовал более дипломатично. Он предложил положить в основу управления возрождаемой страны личную власть Бонапарта или, по крайней мере, одного из членов его семьи. Подобная «лояльность» произвела благоприятное впечатление на высочайшего собеседника, и на этот раз Наполеон беседовал с Понятовским «более тепло». В начале 1807 г. император учредил в Варшаве Правительственную комиссию (фактически Временное правительство), в которой Понятовскому достался портфель военного министра. Стремительная «паркетная» карьера князя Понятовского вызвала раздражение у боевых польских генералов. Вряд ли князь пользовался авторитетом и вызывал уважение у ветеранов наполеоновских войн.

После заключения Тильзитского мира Наполеон назначил генерал-губернатором только образовавшегося герцогства Варшавского неприступного и неподкупного маршала Даву. Маршал командовал всеми французскими и польскими войсками, крепостями и гарнизонами на территории герцогства, обладал полнотой высшей военной и административной вла-

[1] *Шиканов В.Н.* Созвездие Наполеона: маршалы Первой империи. — М., 1999.

сти. Под давлением Даву и «патриотов» на содержание французской армии из нищей Польши бурным потоком потекли деньги и продовольствие. Маршал тем не менее продолжал настороженно относиться к Ю. Понятовскому, но со временем князю удалось добиться благорасположения Даву.

В 1808 г. французские войска начали выводить с территории герцогства Варшавского, и маршал Даву доверил командование армией князю Понятовскому. Уезжая из Варшавы в сентябре, «железный маршал» уверяет императора в правильности своего выбора: «Все укрепляет во мне веру, что он будет оправдывать то доверие, которое я возложил на него»[1].

Большую часть Войска Польского составляли рекруты, то есть не добровольцы. В частности, в войне 1809 г. против Австрии участвовали 12 000 поляков и 2000 саксонцев под предводительством князя Ю. Понятовского.

15 июня 1812 г. Легион Вислы насчитывал в строю 112 офицеров и 4910 солдат. Ничтожно мало! Некоторых из профессионалов-офицеров делегировали в герцогство Варшавское для формирования вооруженных сил этого вассального государства. Войско герцогства составляло 30 000 обученных маршалом Даву солдат и офицеров и должно было служить императору французов в его военных кампаниях.

Последний сейм Великого герцогства Варшавского закрылся в конце 1811 г., и уже в январе 1812 г. оно должно было выставить для новой войны, провозглашенной Наполеоном против России под именем «второй польской войны», 65 000 и в августе того же года — 97 000 человек. Таким образом, 70% «войска польского», вступившего в войну с Россией в составе Великой армии, не имело никакой воинской подготовки. Это были польские и литовские крестьяне, рекрутированные в солдаты. Отсутствие военных навыков, слабая физическая подготовка, неудовлетворительное материально-техническое обеспечение превращало эту массу людей в классическое «пушечное мясо».

В воспоминаниях генералов Домбровского и Зайончека описываются яркие эпизоды, когда новобранцы на тяжелых

[1] *Gallaher J.G.* Op. cit. — P. 159.

маршах выбрасывали запасы еды и боеприпасов, а потом оказывались из-за этого голодными и не готовыми к активным боевым действиям. 18 ноября полковник Лаффит в своем рапорте докладывал о двух литовских батальонах, уровень дисциплины в которых во многом оставлял желать лучшего. Почти все эти несчастные погибли. Умирали они «со всеми признаками умственного расстройства, богохульствуя и проклиная Наполеона перед смертью»[1].

Что касается Вислинского легиона, то из более чем 7000 легионеров, в течение кампании пересекших границу России, оставалось лишь 1500. Кампания 1813 г. для польских подразделений в наполеоновской армии оказалась еще более драматичной, поскольку профессионалы были перебиты, а в бой бросали одно «пушечной мясо».

Для шляхты Ю. Понятовский, безусловно, герой. Для здравомыслящего человека — чудовище. Ради того, чтобы угодить французскому императору, он погнал на убой в 1812 г. более 70 тысяч человек.

Да, это была настоящая бойня, ни один из несчастных не имел шанса выжить. И князь Ю. Понятовский не мог не понимать этого, однако жизнь хлопов для него ровным счетом ничего не значила. Вряд ли он вообще их держал за людей… В кампанию 1813 г. Наполеон и Понятовский на верную смерть погнали детей и стариков. Наполеоновские войны — это геноцид польского и французского народов. В пламени этих войн сжигался польский и французский генофонд.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

А. Польские легионы на протяжении всей своей драматической истории, а также армия герцогства Варшавского использовались как «пушечное мясо». На это есть объективные причины, в частности, оперативное командование этими подразделениями осуществлялось их нанимателем, который располагал своими вооруженными силами, перед которыми имел большую ответственность в силу двух обстоятельств. Во-

[1] *Магерамов А.А.* Военнопленные «Великой армии» на службе в Сибирском линейном казачьем войске. URL: http://artofwar.ru/m/maa/text_0140.shtml.

первых, с точки зрения материальных компенсаций пострадавшим и семьям погибших. Во-вторых, «свои» всегда ближе. Поэтому «союзные» подразделения использовались на самых опасных участках боевых действий. Именно здесь происходила утилизация «пушечного мяса». Утилизация в смысле употребление с пользой (от фр. *utilisation*). Положение усугублялось тем, что польские генералы отличались необыкновенной храбростью, но это не самое главное достоинство военачальника. Польскими легионами никогда не командовали стратеги и гениальные военачальники, что также объяснимо, ведь над ними всегда стояли генералы, представляющие нанимателя.

В русской армии генералы-поляки являлись подданными Российской империи, поэтому они пользовались равными правами со всеми генералами русской армии. Данное положение обеспечивало им относительную самостоятельность и, следовательно, создавало значительно большие возможности для проявления полководческих талантов.

Б. Что еще вызывает вопрос, так это понимание русскими и поляками воинской доблести. Национальными героями поляков являются участники битв при Сомо-Сьерре, Монте-Кассино, Сарагоссе, которые и битвами назвать трудно, так как это было похоже, скорее, на бессмысленное жертвоприношение. Храбрые легионеры упорно, не считаясь с потерями, шли навстречу картечи и пулеметному огню, устилая чужую землю своими телами. Польские генералы находились рядом со своими бойцами и тоже погибали, их протыкали штыки и поражали пули. Им нельзя отказать в лихости. Но нам неизвестны польские генералы, которые одерживали победы с помощью профессионального маневра, умелого управления войсками.

Уметь меньшими силами одолеть сильного противника — всегда было главным критерием таланта генерала Российской империи.

Несомненно, что и среди польских генералов имелись таланты, но они нам неизвестны. Поляки же почитают национальными героями только тех генералов, которые на лихом коне гнали своих бойцов на заклание.

18.6. Русские генералы, имеющие польские корни

Каменский Михаил Федотович (1738—1809), граф (05.04.1797), генерал-фельдмаршал (05.04.1797).

Из дворянского рода польского происхождения, известного с 1620 г. (по семейной легенде происходил от «мужа честна» Радши, выехавшего в Россию из Германии в XII в.).

Сын генерал-майора. Образование подучил в Сухопутном шляхетском корпусе. В 1756 г. выпущен подпоручиком в Канцелярию строений. С 1757 г. унтер-цалмейстер артиллерии. В 1757—1759 гг. служил волонтером во французской армии, в 1759—1761 гг. — в Московской артиллерийской команде. В феврале 1762 г. Каменский направлен в действующую армию. С марта 1762 г. генерал-квартирмейстер-лейтенант в корпусе генерала П.А. Румянцева. Участник Семилетней войны 1756—1763 гг. С 1763 г. — командир 1-го Московского пехотного полка. В 1765 и 1779 гг. состоял военным агентом при прусской армии. Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. командовал 4-й бригадой в армии генерала князя А.М. Голицына. В 1770 г. — командир 1-й бригады 1-й дивизии. В 1772 г. командовал отдельными отрядам и в армии Румянцева, а в конце года назначен командиром наблюдательного корпуса на левом берегу Дуная. Прославился тем, что разгромил турецкие войска при Журже (17.06.1773). В 1774 г. командовал левым крылом армии. 9 июня 1774 г. совместно с корпусом А.В. Суворова нанес поражение турецкой армии при Козлудже. Разбил турок при Ени-Базаре (16.06.1774). Проявил себя прекрасным тактиком и храбрым командиром, однако как стратег и полководец показал себя крайне слабо. В 1783—1785 гг. Рязанский и Тамбовский генерал-губернатор, постоянно конфликтовал с местным дворянством. Во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. сначала командовал 2-м корпусом, но затем за интриги против Румянцева был изгнан из армии. В 1788 г. — командир 4-й дивизии (Запасного корпуса). Разбил турецкие войска при Гангуре (19.12.1788). После смерти Г.А. Потемкина (05.10.1791) Каменский, находившийся при его армии, как старший генерал, объявил себя командующим и отказался передать

командование назначенному Потемкиным генералу М.В. Каховскому (тоже поляку). В октябре 1791 г. уволен в отставку. После вступления на престол Павла I вернулся на службу. С 24 ноября 1796 г. — начальник Финляндской дивизии и шеф Рязанского мушкетерского полка. 24 декабря 1797 г. вторично уволен в отставку «за слабостью здоровья» и уехал в имение. В 1802 г. Каменский назначен Петербургским военным генерал-губернатором, но уже в конце года уволен. В кампанию 1806 г. назначен членом Государственного совета и главнокомандующим армией, стал пользоваться огромной популярностью при дворе и в обществе и даже получил прозвище «спасителя России». Ему были подчинены армии генерала Л.Л. Беннигсена и Ф.Ф. Буксгевдена. Прибыв 7 декабря в армию, отверг план генерала Беннигсена и, проведя ряд перемещений, лишь разбросал русские войска, чем усложнил положение армии. Накануне сражения при Пултуске 14 декабря Каменский, ссылаясь на болезнь, передал командование армией Беннигсену.

Каменский Сергей Михайлович (1771—1834), граф (05.04.1797), генерал от инфантерии (22.05.1810).

Сын М.Ф. Каменского. Образование получил в кадетском корпусе. В 1774 г. записан корнетом в Нижегородский драгунский полк, в 1787 г. переведен прапорщиком в лейб-гвардии Преображенский полк. В 1789 г. переведен подполковником в Екатеринославский гренадерский полк. Участник русско-турецкой 1787—1791 гг. и русско-шведской 1788—1790 гг. войн. С 1794 г. — командир 3-го батальона Екатеринославского егерского корпуса. В 1798 г. произведен в генерал-майоры и назначен шефом Полоцкого мушкетерского полка. 3 июня 1798 г. неожиданно уволен в отставку. После смерти Павла I в 1801 г. вновь принят на службу и 19 августа 1801 г. назначен шефом Фанагорийского гренадерского полка. В кампанию 1805 г. отличился в сражении при Аустерлице, где командовал бригадой в колонне генерала А.Ф. Ланжерона. Провел три блестящие атаки против дивизии генерала Ле Блан Сент-Илера. В 1806 г. произведен в генерал-лейтенанты и назначен начальником 12-й

дивизии. Воевал в составе Молдавской армии. Позже командовал крупными отрядами в Молдавии. Разбил турецкие войска при Браилове (24.05.1807). В 1809 г. получил в командование корпус. 10 мая 1809 г. взял штурмом крепость Базарджик, а 23 июля разгромил турок при Шумле. За победы при Базарджике, Шумле и Никополе 21 ноября 1810 г. получил орден Св. Георгия 2-й степени. В сражении при Батине (26.08.1810) командовал правым крылом. В 1812 г. назначен командиром корпуса в 3-й Западной армии генерала А.П. Тормасова. Части его корпуса (во главе с ген. Е.И. Чаплицем) приняли участие во взятии Кобрина. После сражения при Городечне (31 июля) поссорился с А.П. Тормасовым и «по болезни» сдал командование генералу князю А.Г. Щербатову (1776—1848). Вскоре был уволен в отпуск с назначением состоять при армии. В 1822 г. уволен в отставку. Жил в Орле; всю жизнь отличался расточительством и, пользуясь именем отца, делал крупные долги. Наследовал огромные имения отца и брата, но непомерные траты привели к тому, что к концу жизни он разорился.

Каменский Николай Михайлович (27.12.1776 — 04.05.1811), граф, генерал от инфантерии (1809).

Сын М.Ф. Каменского. Образование получил в кадетском корпусе. В 1779 г. зачислен корнетом в Новотроицкий кирасирский полк. В 1785 г. назначен адъютантом к генерал-лейтенанту К.Е. Гантвигу, а в 1787 г. — к своему отцу (с 23.04.1789 генерал-адъютант). В 1795 г. переведен подполковником в Симбирский гренадерский полк. С 1796 г. служил в 10-м егерском батальоне, с 1797 г. — в Рязанском мушкетерском полку. В 1799 г. произведен в генерал-майоры и назначен шефом мушкетерского полка (с 1801 Архангелогородский мушкетерский полк). По собственной просьбе переведен в войска, находившиеся под командованием А.В. Суворова. В их составе совершил Швейцарский поход. Прославился своими храбрыми и распорядительными действиями и был выделен Суворовым. В кампанию 1805 г. полк Каменского вошел в состав корпуса генерала Ф.Ф. Буксгевдена. В составе авангарда генерала князя П.И. Багратиона

участвовал в бою при Вишау и в сражении при Аустерлице. В последнем сражении полк Каменского потерял 1600 человек, и сам он еле спасся от смерти. В 1807 г. принял участие в сражении при Прейсиш-Эйлау, где командовал 14-й дивизией. За храбрость, проявленную в сражении, награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. В апреле отряд Каменского (ок. 8 тыс. человек) направлен для деблокады Данцига. В 1-й половине мая вел упорные бои (потеряв ок. 1,5 тыс. человек), пытаясь оказать помощь данцигскому гарнизону. Несмотря на все усилия, экспедиция закончилась неудачей, и Данциг капитулировал. Участвовал в сражении при Гейльсберге, где его части понесли самые крупные потери (ок. 1700 человек). 5 июня присоединился к главной армии. В 1807 г. произведен в генерал-лейтенанты. С 15 декабря — командир 17-й дивизии. Прославился своими действиями во время русско-шведской войны 1808—1809 гг., в ходе которой одержал ряд блистательных побед. Наградой ему стал орден Св. Георгия 2-й степени (19.11.1808). С июня 1809 г. командовал Улеаборгским корпусом. В 1810 г. назначен главнокомандующим Дунайской армией вместо князя Багратиона. Взял крепости Силистрия, Разгард, Базарджик, однако потерпел неудачу при штурме Шумлы и Рущука. 26 августа 1810 г. при Батине разгромил 40-тысячную армию Осман-паши, причем турки потеряли ок. 10 тыс. человек против 1500 русских. В сражении было взято 178 знамен. 4 февраля 1811 г. заболел лихорадкой и 12 марта передал командование армией генералу А.Ф. Ланжерону, в апреле — уехал в Одессу.

Каховский Михаил Васильевич (1734—1800), граф, генерал от инфантерии.

Воспитывался в Сухопутном шляхетском корпусе; принимал участие в Семилетней войне и в первой (при Екатерине II) войне против турок. В 1783 г. Каховский командовал отдельным корпусом в Крыму, в 1784 г. назначен командующим Таврической областью. Командуя украинской армией, он в 1792 г. занял Варшаву. После столкновения с П. Зубовым Каховский был отозван из армии и назначен генерал-губернатором Пен-

зенским и Нижегородским. Император Павел I пожаловал Каховскому графское достоинство.

Каховский был не только отличным офицером Генерального штаба, строевым начальником и администратором, но и хорошим командующим, хотя и не может быть причислен к выдающимся полководцам. Это был человек дела, выдвинутый на высокое поприще не случайной протекцией, а благодаря собственным талантам и доблести.

Каховские, или, вернее, Коховские, — русский и польский дворянский род герба Нечуя, происходящий из Сендомирского воеводства, где предки его владели поместьями в конце XVI в. Иван, Елевеерий и Севастиан Каховские поступили в русское подданство по взятии Смоленска, в 1635 г., и были пожалованы в стольники. Иван Дмитриевич Каховский убит при штурме Очакова (1737). К этой ветви принадлежит граф Михаил Каховский, к польской ветви — историк Веспасиан Каховский. Род Каховских внесен в VI и II части родословных книг Смоленской, Могилевской, Казанской и Саратовской губерний.

Каховский Петр Демьянович (1769—1831), генерал-лейтенант.

Из рода Каховских (Коховских). В службу поступил 1 января 1781 г. фурьером в лейб-гвардии Конный полк, 1 января 1787 г. произведен в вахмистры, в 1788 г. получил чин корнета, 1 января 1790 г. выпущен ротмистром в Малороссийский казачий регулярный полк.

Волонтером находился при взятии Измаила, под Мачином, в 1792 и 1794 гг. воевал с поляками. В 1798 г. произведен в полковники. 21 марта 1800 г. назначен командиром Изюмского гусарского полка. 6 июля 1803 г. пожалован в генерал-майоры и назначен шефом Польского конного (уланского) полка. Воевал с французами в 1805—1807 гг. 8 апреля 1807 г. награжден орденом Св. Георгия 3-го класса.

Командиром 1-й кавалерийской дивизии был назначен 1 февраля 1811 г. В 1812 г. командовал кавалерией в 1-м отделенном корпусе П.Х. Витгенштейна, в который входила часть

1-й кавалерийской дивизии. Сражался под Клястицами, Полоцком и Чашниками. В 1813 г. — при Люцине и при осаде Данцига. В генерал-лейтенанты пожалован 22 августа 1826 г. С 1829 г. — в отставке.

Кульнев Яков Петрович (1763—1812), генерал-майор (12.12.1808).

Из дворянского рода, ведущего свое начало от польского шляхтича, приехавшего в Россию в 1460 г. Сын Люцинского городничего. Образование получил в Сухопутном шляхетском корпусе. Службу начал в 1785 г. поручиком Черниговского мушкетерского полка. В том же году переведен в Петербургский драгунский полк. Участник русско-турецкой войны 1787—1791 гг., военных действий в Польше в 1792 и 1794 гг. В 1797—1798 и в 1801—1806 гг. служил в Сумском гусарском полку, а с 1806 г. — в Гродненском гусарском полку. В сражении под Пултуском (1806) командовал эскадроном. В 1807 г. сражался при Гуттштадте, Гейльсберге и Анкендорфе. При Фридланде (1807) полк Кульнева был окружен противником, но смог пробиться к своим. Во время русско-шведской войны 1808—1809 гг., командуя авангардом корпуса генерала Ф.Ф. Буксгевдена, прославился как один из лучших командиров авангарда в армии. За отличия в сражении при Куортане и Оровайске награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. В марте 1809 г. при переходе через Ботнический залив командовал авангардом корпуса генерала князя П.И. Багратиона; занял Аландские острова. С мая 1809 г. шеф Белорусского гусарского полка. С апреля 1810 г. командовал авангардом Дунайской армии. Принял участие в сражениях при Шумле, Беле, Батине, Никополе и Рущуке. С января 1811 г. — шеф Гродненского гусарского полка, который в 1812 г. вошел в состав 1-го пехотного корпуса. С началом Отечественной войны 1812 г. назначен командиром авангарда 1-го пехотного корпуса генерала П.Х. Витгенштейна. Выдержав 8-часовой бой у Вилькомира, дал возможность корпусу совершить организованный отход. Разбил французские войска в бою при Друэ (3 июля), взял в плен французского генерала

Сен-Жени и 200 кавалеристов. 13 июля атаковал одну из частей корпуса Н. Удино и захватил 430 пленных. 18 (30) июля отбил атаку противника, а 19 июля под Клястицами атаковал часть корпуса маршала Удино. Нанес поражение французам и организовал преследование противника. Взял в плен 900 человек и почти весь обоз. На следующий день после подхода к Удино резервов был вынужден отойти. 20 июля (1 августа) атаковал авангард Удино у Сивошина (близ Люцина), но под давлением превосходящих сил противника начал медленный отход. Погиб в бою: ядром ему оторвало обе ноги выше колен. По другой, менее правдоподобной версии, убит сабельным ударом в горло. Наполеон назвал Кульнева «одним из лучших генералов русской кавалерии» и «Ласалем русской армии». В 1909 г. его имя получил 9-й гусарский Клястицкий полк.

Кульнев Иван Петрович (1765—1840), генерал-майор, младший брат Я.П. Кульнева.

Пржибышевский Игнатий Яковлевич (1755 — после 1810), генерал-лейтенант.

Из польского дворянского рода. Служил в польской армии. В 1793 г. после 2-го раздела Польши присягнул Екатерине II и после расформирования польской армии 6 мая 1793 г. принят на русскую службу с чином полковника. В 1795 г. произведен в генерал-майоры и назначен в Астраханский гренадерский полк. С 1797 г. — шеф Курского мушкетерского полка. В 1799 г. его полк вошел в состав направленного в Швейцарию корпуса генерала А.М. Римского-Корсакова, где ему было поручено командование 3-м отделением правой походной колонны (4 пехотных полка). Отважно сражался в неудачном для Римского-Корсакова сражении при Цюрихе. В конце сражения его полк потерпел сокрушительное поражение и при бегстве потерял свое знамя. В кампанию 1805 г. Пржибышевскому было поручено командование 3-й колонной (6 пехотных полков) армии генерала М.И. Кутузова. От Ольмюца при этой колонне находился Император Александр I. В сражении при Аустерлице 20 ноября

1805 г. колонна Пржибышевского, выполняя план сражения, составленный Ф. Вейротером, двигаясь от Праценских высот, заняла Сокольниц. Но вскоре корпус маршала Даву разрезал русско-австрийскую армию и полностью окружил части Пржибышевского. Предпринял отчаянную попытку прорваться к деревне Кобельниц, где его войска были окончательно разгромлены французской кавалерией. В плен попали сам Пржибышевский, большинство генералов и офицеров, были потеряны все орудия. Только около 1 тыс. человек смогли вырваться из окружения. Его отчаянное и продолжительное сопротивление облегчило отступление остальных частей русско-австрийской армии. Главный виновник поражения при Аустерлице Император Александр I предназначил Пржибышевскому неблаговидную роль «козла отпущения»: по возвращении из плена после Тильзитского мира он был обвинен в сдаче в плен в начале боя и отдан под суд. Однако Генерал-аудиториат оправдал Пржибышевского, не усмотрев в его действиях никакой вины. Не успокоившись, Александр I передал дело в Государственный Совет, где Пржибышевский 31 октября 1810 г. был приговорен к разжалованию в рядовые с увольнением через месяц со службы. 25 ноября 1810 г. император утвердил приговор.

Чернышев Александр Иванович (1785—1857), светлейший князь (22.08.1849), генерал от кавалерии (02.10.1827), генерал-адъютант (22.11.1812).

Из древнего, известного с XVI в. дворянского рода польского происхождения; сын генерал-поручика и сенатора, племянника Екатерины II А.Д. Ланского. В детстве записан вахмистром в лейб-гвардии Конный полк. С 1801 г. камер-паж. Службу начал в 1802 г. корнетом Кавалергардского полка. С 1804 г. — адъютант генерала Ф.П. Уварова. В 1805 г. отличился в сражении при Вишау и Аустерлице, в 1807 г. — при Ланан, Акенсдорфе, Деппене, Вольфсдорфе, Гейльсберге. За отличия при Фринланде в 1808 г. награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В 1808 г. командирован во Францию с письмом к Наполеону. В кампанию 1809 г. находился при Великой

армии во время сражений при Асперне и Вагране. В июне 1809 г. награжден орденом Почетного легиона. С 1809 г. — флигель-адъютант. Пользовался славой придворного фата и дамского угодника. С января 1810 г. — военный агент в Париже. Смог войти в доверие к людям из ближайшего окружения Наполеона, в том числе «далеко не была равнодушна к его ухаживаниям» сестра Наполеона — Полина Боргезе. Создал разветвленную разведсеть во Франции. Через Ш.М. Талейрана получил ценнейшие сведения о французской армии, в частности, мобилизационные планы, общую роспись войск Франции и ее союзников в Европе и т. д. Через подкупленного писца Военного министерства М. Мишеля Чернышев получал копии «росписи» раньше, чем они представлялись Наполеону. 06.11.1810 произведен в полковники. 13.02.1812 покинул Париж. Сопровождал Александра I в Вильну. В августе 1812 г. сопровождал Александра I на встречу с Ж. Бернадотом. В сентябре 1812 г. направлен Александром I к М.И. Кутузову, а затем — к адмиралу П.В. Чичагову с планом военных действий. В конце кампании командовал партизанским отрядом. Имел ряд успехов. Так, освободил из плена «первого партизана» генерала Винцингероде. В 1812 г. произведен в генерал-майоры. 31 декабря того же года разгромил при Мариенвердере войска генерала Э. Богарне. В начале 1813 г. действовал на левом берегу Одера. За отличия при взятии Берлина (1813) награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. Отличился при взятии Люнебурга и Касселя. Возглавил кавалерийский рейд в Вестфалию. В конце 1813 г. его отряд стал авангардом корпуса генерала Винцингероде. Отличился при штурме Суассона, где взял в плен более 3 тыс. человек, в том числе 180 офицеров и 3 генералов, и 20.02.1814 произведен в генерал-лейтенанты. В 1814 г. сопровождал Императора Александра I на Венский конгресс. В кампанию 1815 г. командовал передовым отрядом и занял Шалон. По окончании войны вернулся к исполнению обязанностей генерал-адъютанта. С 1819 г. — член Комитета о раненых, с 1821 по 1835 г. — председатель Комитета по устройству Войска Донского. С 18 апреля 1821 г. — начальник гвардейской

легкой кавалерийской дивизии. В 1822—1823 гг. сопровождал императора в Веронский конгресс. Находился при Александре I во время его кончины в Таганроге. В 1825 г. командирован во 2-ю армию для следствия по делу декабристов, привел армию к присяге Николаю I. В январе 1826 г. включен в состав Следственной комиссии по делу декабристов. 22 августа 1826 г. получил титул графа. С 1826 г. — сенатор. С 1827 г. — товарищ управляющего Главным штабом. 26 августа 1827 г. Чернышев стал военным министром и занимал этот пост до 1852 г. Одновременно с 11 апреля 1828 г. — член Государственного Совета. 16 апреля 1841 г. возведен в достоинство князя. С 1 декабря 1848 г. по 5 апреля 1856 г. являлся председателем Государственного Совета и Комитета министров — это была высшая должность в империи.

Вязмитинов Сергей Козьмич (1744—1819), граф (19.08.1818), генерал от инфантерии (13.03.1798), почетный член Российской академии (1818).

Из древнего дворянского рода польского происхождения, известного с конца XV в. Сын небогатого помещика. 22.06.1759 записан унтер-офицером в Обсервационный корпус. Службу начал 21.12.1761 прапорщиком в Украинском ланмилиционном корпусе. В 1762 г. переведен в Манежную роту. Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. состоял (с 1768) флигель-адъютантом при вице-президенте Военной коллегии графе З.Г. Чернышеве. С 1770 г. — генерал-аудитор-лейтенант премьер-майорского ранга, заведующий делами походной канцелярии Чернышева (с октября 1771 — графа П.А. Румянцева-Задунайского). В 1777 г. произведен в полковники и назначен командиром Астраханского пехотного полка. В 1784 г. произведен в бригадиры с назначением в Вологодский пехотный полк. 22.09.1786 получил чин генерал-майора и стал командиром сформированного им Астраханского гренадерского полка. Во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. командовал сводным отрядом из егерских и гренадерских батальонов. Участвовал во взятии Хотина, Аккермана, Бендер. С 01.03.1790 — пра-

витель Могилевского наместничества и командир Белорусского егерского корпуса. 02.09.1793 произведен в генерал-поручики. С 04.03.1794 — сенатор. 28.09.1794 назначен и. д. Симбирского и Уфимского генерал-губернатора. С 1795 г. командующий Оренбургским корпусом. Подавил волнения киргизов и добился избрания ханом сторонника России. С 29.11.1796 — Оренбургский военный губернатор и шеф Московского мушкетерского полка. С 01.12.1796 — Каменец-Подольский военный губернатор, с 03.12.1796 — генерал-губернатор Малороссии. С 13.01.1797 — комендант Петербургской крепости и шеф гарнизонного полка. Одновременно с 24.04.1797 — управляющий Комиссариатским департаментом. 05.11.1799 уволен в отставку. 09.09.1801 назначен управляющим гражданской частью малороссских губерний. С 01.01.1802 — вице-президент Военной коллегии. С 15.01.1802 — одновременно сенатор и член Непременного совета[1]. После создания Военного министерства 08.09.1802 занял пост военного министра. Провел огромную работу по реорганизации военного управления в России. Во время своего отъезда в действующую армию (1805) Император Александр I оставил Вязмитинова также и главнокомандующим в Петербурге. 13.01.1808 вышел в отставку (одной из причин стали крупные злоупотребления интендантских чиновников). 20.04.1811 вновь принят на службу и назначен членом Государственного Совета. С 25.03.1812 — член Комитета министров, а с 28 марта — главнокомандующий в Петербурге на время отсутствия императора и управляющий Министерством полиции. С 09.09.1812 — одновременно председатель Комитета министров. С 30.10.1816 — Петербургский военный генерал-губернатор. Погребен в Лазаревской усыпальнице Александро-Невской лавры.

---

[1] Непременный совет — высший совещательный орган Российской империи, созданный 5 апреля 1801 г. и упраздненный в 1810 г.

Состоял из двенадцати представителей титулованной знати при Императоре Александре I. Совет мог опротестовывать действия и указы императора. В начале своей деятельности Непременный совет рассмотрел ряд важных вопросов и подготовил несколько реформ, в том числе Указ о вольных хлебопашцах.

Ожаровский Адам Петрович (1776—1855), граф, генерал от кавалерии (22.08.1826), генерал-адъютант (22.07.1807).

Внебрачный сын графа Петра Юрьевича Браницкого, кастеляна Варшавского королевского замка, убитого в 1794 г. мятежниками. Службу начал в 1793 г. вахмистром лейб-гвардии Конного полка. 07.04.1796 произведен в корнеты. 28.10.1798 неожиданно уволен от службы, но уже 10 ноября прощен и вновь определен в лейб-гвардии Конный полк. Однако в декабре 1798 г. приказом Павла I он «за забвение всех должностей исключен из службы с лишением чинов и посажением в крепость», через день Ожаровский был вновь прощен. В сентябре 1802 г. получил чин полковника. Во время сражения при Аустерлице (1805) захватил французское знамя и за это был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В 1807 г. отличился в сражениях при Гуттштадте, Гейльсберге, Фридланде и был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. 22.07.1807 произведен в генерал-майоры. В начале Отечественной войны 1812 г. состоял при Главной квартире 1-й Западной армии, руководил размещением войск в Дрисском военном лагере. По словам А.С. Шишкова, был учеником и почитателем Пфуля. Отличился в Бородинском сражении. В сражениях при Тарутине и Малоярославце командовал отдельным корпусом, который состоял из казаков и ополченцев. Занимал Красное (22—23 тыс. человек со 120 орудиями), когда к нему подошел Наполеон. 4 (16) ноября выбит из города Молодой гвардией. Во время заграничных походов 1813—1814 гг. сражался при Лютцене, Бауцене, Дрездене, Кульме, Лейпциге, Бриене, Барсюр-Об, Фер-Шампенуазе, Париже. 15.09.1813 произведен в генерал-лейтенанты. В бою при Сомпюи силами своего корпуса атаковал французскую артиллерию и взял 20 орудий. После окончания войны состоял при Александре I, исполняя обязанности генерал-адъютанта. С 06.12.1826 — сенатор. В феврале 1827 г. назначен командиром отдельного Литовского корпуса. В октябре 1827 г. вышел в отставку. Участвовал в подавлении Польского восстания в 1831 г. 12.09.1833 вновь вернулся на службу и был назначен членом Государственного Совета по

управлению Царством Польским. С 06.09.1841 присутствовал в варшавских департаментах Сената.

Его брат, полковник лейб-гвардии Конного полка граф Козьма Петрович, погиб 02.06.1807 в сражении при Фридланде.

Чаплиц Ефим Игнатьевич (1768—1825), генерал-лейтенант (1812).

Из древнего польского дворянского рода. Служил в польской армии. 15.10.1783 принят на русскую службу в чине секунд-майора Белорусской хорунги. В 1788—1791 гг. состоял при штабе генерал Потемкина. Отличился при Очакове, Бендерах и Измаиле. В 1792 г. произведен в подполковники и переведен в Смоленский драгунский полк. Участник подавления Польского восстания в 1792 г. В 1794 г., во время восстания в Варшаве, послан парламентером к конфедератам, был ранен и взят в плен. Во время Персидского похода 1796-го командовал Гребенским и Семейным казачьими полками и за отличия 13.06.1796 произведен в полковники. 27.02.1798 неожиданно уволен в отставку. 15.03.1801 вернулся на службу с чином генерал-майора. 11.10.1803 зачислен в свиту императора. В кампанию 1805 г. командовал передовым отрядом в корпусе генерала П.И. Багратиона. Отличился в сражениях при Лембахе, Шенграбене, Аустерлице. С 23.07.1806 — шеф Павлоградского гусарского полка, с 23 октября — командир кавалерийской бригады. В 1807 г. отличился при Голымине, Алленштейне, а затем 2 недели занимал пост коменданта Кенигсберга. С октября 1809 г. по июль 1810 г. командовал 7-й дивизией. С ноября 1810 г. — командир резервного кавалерийского корпуса. В феврале 1811 г. получил в командование 4-ю, в мае 1811-го — 8-ю кавалерийскую дивизию. 07.04.1812 возглавил 3-й резервный кавалерийский корпус 3-й Западной армии. 15 (27) июля при Кобрине вместе с дивизией К.О. Ламберта окружил и принудил к капитуляции бригаду генерала Кленгеля (из 7-го саксонского корпуса), взяв в плен 1 генерала, 66 офицеров, 2300 солдат и захватив 4 знамени и 8 орудий. В сентябре 1812 г. назначен командиром пехотного корпуса 3-й армии. В ноябре Чичагов возглавил авангардный корпус 3-й

армии. Отведя 11 (23) ноября армию на правый берег Березины, П. В. Чичагов оставил отряд (ок. 5 тыс. человек) у Борисова. 14 (26) ноября вступил в бой с переправившимся первым через Березину корпусом маршала Н. Удино и был отброшен от места переправы остатков Великой Армии. Был контужен в голову. 28 ноября взял Вильну, где захватил 30 орудий. В 1813 г. участвовал в осаде Торна. За отличия при Кенигсберге награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. В кампанию 1813 г. командовал кавалерией польской армии. Участник «битвы народов» при Лейпциге и осады Гамбурга. С 06.04.1814 — командир 3-го корпуса польской армии. С 1817 г. — командир 3-й гусарской дивизии. 15.02.1823 назначен состоять при кавалерии.

Раевский Николай Николаевич (1771—1829) — русский полководец, герой Отечественной войны 1812 г., генерал от кавалерии.

Раевские — старинный дворянский род польского происхождения, представители которого служили русским государям со времен Василия III. Раевские были стольниками и воеводами. Прасковья Ивановна Раевская приходилась бабкой царице Наталье Кирилловне Нарышкиной — матери Петра I. Дед Николая Николаевича, Семен Артемьевич Раевский, в 19-летнем возрасте участвовал в Полтавской битве. Позднее служил прокурором Святейшего Синода, был воеводой в Курске. В отставку вышел в чине бригадира.

Отец, Николай Семенович, служил в гвардейском Измайловском полку. В 1769 г. он обвенчался с Екатериной Николаевной Самойловой, и вскоре у них родился первенец Александр. В 1770 г. молодой полковник добровольно отправился в действующую армию на русско-турецкую войну. При взятии Журжи был ранен и в апреле 1771 г. скончался в Яссах, несколько месяцев не дожив до рождения второго сына.

Николай Николаевич Раевский за тридцать лет безупречной службы участвовал во многих крупнейших сражениях эпохи. После подвига под Салтановкой стал одним из популярнейших генералов русской армии. Борьба за батарею Раевского

явилась одним из ключевых эпизодов Бородинского сражения. Участник «битвы народов» и взятия Парижа. Член Государственного Совета.

Перечислим несколько представителей этого славного рода:

Раевский Александр Николаевич (1795—1868) — сын генерала от кавалерии Н.Н. Раевского, полковник, камергер;

Раевский Александр Сергеевич (1872—1924) — конструктор паровозов;

Раевский Аркадий Александрович (1848—1916) — русский ветеринарный врач, автор трудов по ветеринарии.

Раевский Владимир Федосеевич (1795—1872) — поэт, публицист, декабрист;

Раевский Николай Алексеевич (1894—1988) — писатель;

Раевский Николай Николаевич (1801—1843) — сын генерала Раевского, участник Кавказских походов, генерал-лейтенант;

Раевский Николай Николаевич (1839—1876) — внук генерала от кавалерии и сын генерал-лейтенанта Раевского, участник Среднеазиатских походов и сербско-турецкой войны, полковник;

Раевский Александр Михайлович (1957—2008) — Герой Российской Федерации, заслуженный летчик-испытатель.

Вистицкий Михаил Степанович (1768—1832), генерал-майор.

Из шляхетского рода Смоленской губернии. В 1788—1791 гг. принимал участие в войне с турками. За храбрость в сражении при Мачине переведен в 1791 г. обер-квартирмейстером «чина премьер-майорского» в Генеральный штаб. В полковники произведен 5 января 1799 г., 9 октября 1800 г. — в генерал-майоры.

В 1812 г. первоначально назначен обер-квартирмейстером 6-го пехотного корпуса, а перед войной — генерал-квартирмейстером 2-й Западной армии. Принимал участие в сражениях под Салтановкой, Смоленском, Шевардином, Бородином (награжден орденом Св. Анны 1-й степени с алмазами), Тарутином. При М.И. Кутузове назначен генерал-квартирмейстером

соединенных армий, но лишь формально. С 1813 г. выполнял функции генерал-квартирмейстера резервной армии. 27 октября был уволен по состоянию здоровья с мундиром и пенсионом полного жалованья. Похоронен в родовой усыпальнице на территории Болдина монастыря Дорогобужского уезда.

Костенецкий Василий Григорьевич (1769—1831), генерал-лейтенант.

Из шляхетского рода Черниговской губернии. В 1798 г. произведен в чин полковника и переведен в лейб-гвардии Конную артиллерию. Отлично проявил себя в 1805 г. под Аустерлицем, награжден 24 февраля 1806 г. орденом Св. Георгия 4-го класса № 680.

Сражался под Гейльсбергом и Фридландом в 1807 г., 16 марта 1808 г. получил чин генерал-майора.

В начале 1812 г. 6-й пехотный корпус, в котором Костенецкий командовал артиллерией, входил в состав 1-й Западной армии. Отличился при обороне Смоленска. В Бородинском сражении первоначально возглавлял пехотную бригаду из Либавского и Софийского полков, а после гибели генерала А.И. Кутайсова командовал всей артиллерией. Был 20 октября 1812 г. награжден орденом Св. Георгия 3-го класса № 246.

В ходе Бородинского сражения произошел эпизод, весьма характерный для Костенецкого. В разгар боя на одну из батарей ворвались польские уланы и начали рубить канониров. Находившийся поблизости Костенецкий бросился на выручку последним и, не удовлетворившись саблей, начал валить врагов орудийным банником. Одним ударом он сбросил с лошади ближайшего улана, затем, ринувшись в толпу, повергал на землю одного неприятеля за другим до тех пор, пока банник не сломался. Следуя примеру начальника, артиллеристы, кто чем мог, отбивали атаку уланов и через несколько минут уже вновь открыли огонь.

Удача в этой рукопашной схватке подсказала Костенецкому мысль предложить Александру I ввести в артиллерии железные банники вместо деревянных. «Железные банники у

меня могут быть, — отвечал на это предложение император, — но откуда взять Костенецких, чтобы владели ими». Прославленный в рукопашных схватках, Костенецкий был не только лихим рубакой. В Тарутинском лагере он подал М.И. Кутузову докладную записку, в которой изложил свое мнение о необходимости заставить войска Наполеона отступать из России по старой Смоленской дороге.

При отходе к Москве Костенецкий был назначен начальником артиллерии арьергарда. Отличился в сражениях при Спас-Купле, у Малоярославца и Красного. В представлении к награждению шпагой с алмазами «За храбрость» за дело при селении Чернишня у Спас-Купли 22 сентября 1812 г. М.И. Кутузов указывал: «Во все авангардные дела, равно и в сие сражение, командуя всеми батареями, хорошими своими распоряжениями устраивал оные на выгодных местах и, действуя с отличной неустрашимостью, наносил неприятелю великий вред».

В заграничных походах 1813—1814 гг. командовал артиллерией различных корпусов, находился во всех основных сражениях этих кампаний и получил несколько наград. Особенно отличился он под Дрезденом, где его распорядительностью было спасено около 150 орудий, завязнувших на непроходимой, казалось, дороге. При Бар-сюр-Об, встав во главе трех пехотных полков и нескольких эскадронов кавалерии, генерал отразил нежданное нападение французов. Произведен в чин генерал-лейтенанта 28 января 1826 г.

Отличаясь личной скромностью, Костенецкий не искал признания своим заслугам. По небрежности в делопроизводстве его три раза награждали саблей «За храбрость» и два раза орденом Св. Анны 1-й степени, то есть три раза он практически был обойден наградами. За бои в марте 1814 г. за Париж награждение бриллиантовыми знаками к ордену Св. Анны 1-й степени было заменено благоволительным рескриптом. Помимо незаурядной физической силы — он один поднимал пушку, легко ломал подковы, рывком за хвост валил наземь любого коня — и храбрости Костенецкий был известен чисто спартанской строгостью житейского уклада. Он не при-

знавал иной обстановки своей комнаты, кроме простого стола и лавок, на одной из которых спал. Обливание холодной водой в летнее время и обтирание снегом зимой составляли его утренний туалет. Простота и добродушие в обращении с подчиненными и редкостная щепетильная честность по отношению к казенным средствам дополняли характер этого незаурядного человека.

В 1831 г. он заразился во время эпидемии холеры и скоропостижно скончался в возрасте шестидесяти двух лет.

Браницкий Владислав Григорьевич, генерал-майор с 27 марта 1814 г., граф.

Из польского графского рода. Сын К.П. Браницкого, бывшего польского коронного гетмана, перешедшего на русскую службу с чином генерал-аншефа, и Александры Энгельгардт. 13 февраля 1782 г. записан прапорщиком в лейб-гвардии Преображенский полк. 1 января 1791 г. произведен в подпоручики. В 1796 г. исключен из службы «за неявку к полку». 1 января 1797 г. вновь зачислен в лейб-гвардии Преображенский полк подпоручиком. В 1801 г. определен к статской службе камер-юнкером.

В 1807 г. находился волонтером в Молдавской армии и сражался с турками. 1 января 1809 г. из действительных камергеров был переведен в армию штабс-капитаном. Во флигель-адъютанты пожалован 1 августа 1809 г. В 1812 г. находился в свите Императора Александра I, а затем состоял при штабе 1-й Западной армии.

17 апреля 1812 г. получил чин полковника. Сражался при Бородине, Тарутине и под Красным. В 1813 г. отличился под Кульмом и Лейпцигом. В 1814 г. сражался при Ла-Ротьере, Арси-сюр-Об. За участие во взятии Парижа пожалован 27 марта 1814 г. в генерал-майоры с оставлением в свите.

22 августа 1826 г. перешел на придворную службу егермейстером. В сенаторы пожалован 8 мая 1831 г., действительный тайный советник и обер-шенк. Умер неожиданно в августе 1843 г. в Варшаве, в доме своих друзей.

Брежинский Семен Петрович (1766 — 05.11.1817), генерал-майор.

Награды: ордена Св. Анны 2-й степени с алмазами, Св. Георгия 4-го класса, Св. Владимира 3-й степени, Мальтийский, два иностранных; кресты за Измаил и Кульм; золотая шпага «За храбрость».

Из польских дворян. 1 сентября 1782 г. поступил капралом в 3-й батальон Белорусского егерского корпуса и 26 сентября 1786 г. получил чин прапорщика. Участвовал в русско-турецкой войне 1787—1791 гг. В 1788 г. сражался с турками в устьях рек Ингул и Буг и на берегах Бугского лимана вблизи Очакова. В 1789 г., находясь в корпусе А.В. Суворова, участвовал в сражениях под Фокшанами и Рымником. В 1790 г. находился при осаде Измаила и во время штурма крепости был ранен пулей в шею.

В 1791 г. сражался с турками под Бабадагом и Мачином, за что получил чин капитана. В 1792 и 1794 гг. воевал с поляками, был тяжело ранен в сражении под Мацейовицами пулями в правый бок и правую руку и произведен в секунд-майоры. 24 февраля 1797 г. переведен в 14-й егерский полк майором. Участвовал в Итальянской кампании А.В. Суворова в 1799 г. Ранен в ногу в сражении при Нови. В 1805 г. принимал участие в Австрийском походе и за отличие в сражении под Кремсом награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. В сражении под Пултуском 14 декабря 1806 г. ранен пулей в правую руку выше локтя. В 1807 г. сражался с французами под Гутштадтом, Гейльсбергом и Фридландом, за что получил золотую шпагу и чин полковника 18 июня того же года. В 1808—1809 гг. участвовал в боях со шведами. 1 февраля 1810 г. назначен командиром 24-го егерского полка, который в конце 1811 г. был включен в состав 5-й пехотной дивизии, вошедшей в 1-ю Западную армию. В 1812 г. полк находился в корпусе П.Х. Витгенштейна, и Брежинский сражался с французами под Клястицами, Полоцком и Чашниками. В 1813 г. участвовал в сражениях под Люценом, Бауценом и Кульмом, где отличился и был награжден орденом Св. Анны 2-й степени с алмазами. В Лейпцигском сражении

контужен картечью в правое плечо, а за отличие был произведен в генерал-майоры 20 декабря 1813 г. В 1814 г. отличился в боях под Ла-Брюсселем и Троа и награжден орденом Св. Георгия 4-го класса. Участвовал во взятии Парижа. 18 августа 1814 г. назначен помощником командира 27-й пехотной дивизии. Скончался в Липецке во время поездки по делам службы в Тамбов для сопровождения в дивизию партии рекрутов. генерал-аудитор-лейтенант премьер-майорского ранга.

Гижицкий Игнатий Иванович — генерал-майор, в 1812 г. начальник Житомирского ополчения.

Род Гижицких (Gizycki) происходит из древнего польского дворянского рода, принадлежащего к гербу Гоздава (Gozdawa) и берущего свое начало с XV столетия (существовали также несколько родов Гижицких гербов: Grabie, Nalecz, Prus III). Некоторые представители рода использовали название герба — Гоздава — в качестве приставки к фамилии и писались как Гижицкие-Гоздава. Это указывает на то, что несколько родов Гижицких, проживавших в Российской империи в XVIII—XX столетиях, имели общих предков. Францишек-Ксаверий Гижицкий (1786—1850) — автор нескольких книг, в 1824 г. был возведен в графское достоинство королевства Польского. Потомки рода осели в Подолии и на Волыни, и несколько родов Гижицких в XIX столетии были внесены в Дворянскую родословную книгу Подольской губернии. С присоединением к России территорий, в результате раздела Польши, Гижицкие вступают в русскую службу. Одним из представителей этого рода, поселившимся в России во второй половине XVIII столетия (в 1770), во времена царствования Императрицы Екатерины II, был Игнатий Иванович Гижицкий. За время своего служения Российскому престолу дворяне Гижицкие Херсонской губернии стали одним из наиболее знатных и влиятельных, а также одним из наиболее крупных землевладельческих родов на юге России.

Представители многочисленного рода Гижицких служили как по гражданскому, так и по военному ведомству, и наиболее видными их представителями были: Игнатий Иванович Гижиц-

кий — генерал-майор; Иван и Степан Александровичи Гижицкие — предводители дворянства Ананьевского уезда; Любовь Ивановна Гижицкая (в замужестве Курис) — известная благотворительница; Александр Степанович Гижицкий — камергер, действительный статский советник, член III и IV Государственной думы; Михаил Львович Гижицкий — Державный секретарь в правительстве Украины гетмана П.П. Скоропадского. Представители этой семьи являлись одесскими домовладельцами и в разное время проживали в Одессе (так, в 1835 г. наследники генерал-майора Гижицкого выставили на продажу дом на Итальянской улице, а в конце 1880-х гг. одному из Гижицких принадлежал дом № 8 по ул. Новой, с 1895 г. — Маразлиевской).

Башуцкий Павел Яковлевич (1771—1836), русский генерал, Санкт-Петербургский комендант.

Родился 17 августа 1771 г. Предки Башуцкого происходят из древней польской шляхетской фамилии Баховских; один из них — Иван Баховский — в 1709 г. выехал в Россию и при определении на службу в казачьи полки назвал себя Башуцким.

Службу Павел Яковлевич начал моряком, вступив 13 июня 1786 г. каптенармусом в 3-й флотский батальон, и, оставаясь во флоте до 1796 г., участвовал в войне против шведов 1788—1790 гг., находясь в сражениях 23 и 24 мая 1890 г. при Сескаре и при поражении 22 июня 1890 г. адмиралом Чичаговым шведского флота у Выборга.

21 мая 1796 г. Башуцкий был переведен в сухопутные войска с чином поручика и 9 ноября зачислен в лейб-гвардии Измайловский полк. 29 августа 1799 г. он уже произведен в полковники, 28 августа 1803 г. — в генерал-майоры и 30 ноября того же года определен Санкт-Петербургским комендантом. Состоя в этой должности, он в 1805 г. принял командование над оставшимися в Петербурге батальонами нескольких полков. В кампании 1807 г. начальствовал над бригадой из лейб-гвардии Семеновского и Измайловского полков в сражениях при Гейльсберге и Фридланде, за отличие в последнем бою награжден 20 мая 1808 г. орденом Св. Георгия 3-й степени (№ 184).

28 января 1808 г. Башуцкий назначается командиром лейб-гвардии Измайловского полка. 29 октября 1811 г. получил начальство над 25-й пехотной дивизией.

С началом Отечественной войны на Башуцкого было возложено обучение всего Санкт-Петербургского ополчения и формирование запасных батальонов для полков действующей армии. В феврале 1813 г. он назначен командиром 1-го пехотного корпуса резервной армии и, преодолев множество затруднений по устройству и вооружению порученного ему 41 батальона, выступил 12 июля за границу, в герцогство Варшавское. Главной деятельностью Башуцкого в период кампании было снабжение действующей армии хорошо обученным пополнением нижними чинами и дальнейшее формирование возглавляемого им корпуса.

Сдав в марте 1814 г. корпус генерал-лейтенанту Вельяминову, он вернулся в Петербург и снова вступил в должность коменданта; 30 августа 1816 г. произведен в генерал-лейтенанты и 12 декабря 1824 г. награжден орденом Св. Александра Невского «за отличную службу и труды, по званию Санкт-Петербургского коменданта подъемлимые» (алмазные знаки к этому ордену пожалованы 22 августа 1826).

«За полное усердие и преданность», обнаруженные во время бунта 14 декабря 1825 г., Башуцкий 15 декабря пожалован в генерал-адъютанты; 6 декабря 1826 г. назначен сенатором; 25 июня 1828 г. произведен в генералы от инфантерии; 11 июня 1832 г. назначен членом генерал-аудиториата и 6 декабря 1833 г. уволен в отставку от должности Санкт-Петербургского коменданта с награждением орденом Св. Владимира 1-й степени «за неутомимые труды, примерную деятельность и усердие, с коими в продолжении 30 лет исправлял все обязанности должности Санкт-Петербургского коменданта».

Среди прочих наград имел ордена Св. Анны 1-й степени с алмазами (30 марта 1806), Св. Владимира 3-й степени (11 декабря 1811), Св. Владимира 2-й степени (7 сентября 1812).

Умер 11 января 1836 г. (исключен из генерал-адъютантских списков 14 января), похоронен в Санкт-Петербурге на Волковом православном кладбище.

Павел Яковлевич был женат на Марии Григорьевне, урожденной Бибиковой; их сын, Александр Павлович, стал известным литератором.

Дембровский. Провиантского штата 5-го класса с 16 апреля 1814 г. В 1813—1814 гг.— полевой генерал-провиантмейстер Силезской армии.

Захаржевский Яков Васильевич (Донец-Захаржевский) (1780—1865), генерал от артиллерии, управляющий Царскосельским, Петергофским и Гатчинским дворцовыми управлениями.

Яков Васильевич Захаржевский происходил из шляхетского рода Полтавской губернии. Родился 23 октября 1780 г.

Образование получил в Шкловском благородном училище графа С. Г. Зорича, из которого был выпущен 19 июня 1799 г. поручиком в 1-й батальон осадной артиллерии, находившийся в то время в Санкт-Петербурге. По расформировании его в 1800 г. переведен в 1-й артиллерийский полк.

В кампанию 1806—1807 гг. находился в Пруссии, участвовал в сражениях с французами и получил чин поручика. Затем он сражался со шведами.

В 1810 г. назначен командиром 6-й конной роты 3-й артиллерийской бригады.

12 марта 1811 г. получил чин штабс-капитана; 26 декабря 1811 г. был произведен в капитаны, а 17 апреля 1812 г. — в подполковники.

В Отечественную войну 1812 г., состоя со своей ротой в арьергарде большой армии, удерживал неприятеля на верхнем Днепре при отступлении русской армии после сражения при Лубине. Участвовал в Бородинском сражении, где был ранен в ногу, и в сражениях под Малоярославцем и Вязьмой, причем за отличие награжден орденами Святой Анны 2-й степени, Св. Владимира 4-й степени и 17 июля 1813 г. чином полковника. Также он был награжден золотым оружием с надписью «За храбрость». В Заграничной кампании 1813 г. Яков Васильевич Захаржевский принял более заметное участие. Так, под Рейхенбахом он подо-

спел со своей ротой на поле сражения в тот момент, когда французская кавалерия, изрубив один батальон 21-го егерского полка, устремилась в обход левого фланга войск принца Евгения Вюртембергского. Удачное действие его батареи по густым массам французов дало возможность графу М.А. Милорадовичу подкрепить слабый арьергард русских войск кавалерией Ф.А. Корфа, которая опрокинула неприятеля и захватила множество пленных.

В Лейпцигской битве он был послан вместе с кавалерией графа П.П. Палена для содействия атаке союзников на Лебортвольквиц, но здесь был встречен огнем французских батарей. Полковник удержал позицию, сбил батарею, но сам потерял правую ногу ниже колена, «отбитую ядром». За отличие в этом сражении 22 января 1814 г. Яков Васильевич Захаржевский получил орден Св. Георгия 4-го класса (№ 2808 по кавалерийскому списку Григоровича-Степанова) и 3000 рублей единовременного пособия на излечение раны.

После этого, до окончания войны, он находился на лечении в городе Альтенбурге, а при вторичном походе на Рейн, в 1815 г., командовал всеми подвижными запасными парками.

По окончании наполеоновских войн Яков Васильевич Захаржевский оставил строевую службу и 13 февраля 1817 г. был назначен по Высочайшему повелению управляющим Царскосельским дворцовым управлением и полицией Царского Села. В том же году ему было подчинено Ораниенбаумское и Петергофское дворцовые управления.

12 декабря 1864 г. он стал первым почетным гражданином Царского Села.

Скончался Яков Васильевич 1 марта 1865 г. в Царском Селе и был погребен под Екатерининском собором.

Збиевский Тимофей Иванович (1767—1828), российский командир эпохи наполеоновских войн, генерал-майор.

Из семьи бедного польского шляхтича. Не получив никакого образования, Збиевский начал службу рядовым 1 апреля 1783 г. во 2-м батальоне Екатеринославского егерского корпуса. Сражался с турками в 1788 г. на гребной флотилии в Дне-

провском лимане при осаде Очакова. В следующем году участвовал во взятии Каушан, Аккермана и Бендер. Летом 1790 г. был направлен в гребную флотилию, содействовавшую осаде Измаила. На Измаильском приступе одним из первых ворвался на крепостной вал, за что был награжден 11 декабря 1790 г. чином поручика. По окончании войны Збиевский за последующие 12 лет сменил несколько должностей в различных воинских частях. Командиром Владимирского мушкетерского полка назначен 25 марта 1804 г.

За образцовые действия полка под Аустерлицем и личную отвагу Збиевский удостоился 29 января 1806 г. ордена Св. Георгия 4-го класса.

В полковники произведен 23 апреля 1806 г. До заключения Тильзитского мира Збиевский отличился при Голымине, Прейсиш-Эйлау, Ломитене, где был контужен в левый бок. Будучи назначен 2 сентября 1809 г. шефом Мигрельского мушкетерского полка, принимал участие в сражениях с турками. Его стойкость и решительность были отмечены 7 августа 1810 г. чином генерал-майора. За сражения под Рущуком и у Чапурчан удостоен 23 августа 1811 г. ордена Св. Георгия 3-го класса (№ 221).

В начале 1812 г. Мингрельский пехотный полк, шефом которого был Збиевский, в составе 2-й бригады 16-й пехотной дивизии находился в 4-м корпусе А.П. Засса Дунайской армии. Активно действовал у Плюсок, на берегу Нарева, под Волковыском, при Цехановце. С 19 марта 1812 г. Збиевский командовал 2-й бригадой 16-й пехотной дивизии, когда С.А. Тучков был назначен начальником 22-й пехотной дивизии. В 1815 г. утвержден в занимаемой должности. Комендантом Бендерской крепости назначен 8 февраля 1817 г. Погребен на Бендерском военном Борисовском кладбище, где в настоящее время создан военно-исторический мемориальный комплекс Русской Славы.

Козловский Платон Тимофеевич (1779—1814).

Из шляхетского рода Минской губернии. Учился в Шкловском кадетском корпусе, по окончании которого был зачислен 4 июня 1796 г. прапорщиком в лейб-гвардии Преображенский

полк. 23 сентября 1800 г. уволен в отставку штабс-капитаном «за подачу рапорта об отпуске не по команде», 18 октября того же году снова принят на службу в Преображенский полк. 29 сентября 1802 г. получил чин полковника, 31 июля 1803 г. был переведен в Кавказский гренадерский полк. С 11 мая 1804 г. находился в походе в Армению и участвовал в боях. За отличие в штурме укрепленного монастыря Эчмиадзин награжден орденом Св. Георгия 4-го класса. 9 сентября 1804 г. ранен в голову пулей при отражении вылазки во время осады Эривани. 14 февраля 1806 г. назначен командиром Могилевского мушкетерского полка и воевал с французами в кампанию 1806—1807 гг. Сражался под Голымином, Янковым, Ландсбергом и был ранен пулей в правую ногу под Прейсиш-Эйлау; весной 1807 г. принимал участие в обороне береговых укреплений на острове Вексельмюнде под Данцигом. 28 июля 1808 г. назначен командиром Ольвиопольского гусарского полка и отправлен в Дунайскую армию. В 1809 г. сражался с турками под Мачином, Кюстенджи и Праводами. Отличился при осаде Силистрии, за что награжден золотой саблей. В 1810 г. участвовал в штурме Базарджика, при осаде Шумлы, Рущука и в сражении под Батином, где атаковал и захватил турецкую батарею в 20 орудий, за что был пожалован в генерал-майоры 26 ноября 1810 г. В 1811 г. был тяжело ранен картечью в правую ногу при осаде Виддина и отпущен для лечения в Россию. В 1812 г. участвовал в осенних боях с польскими и австрийскими войсками на Волыни, под Ковелем и Любомлем, а затем спешным маршем прибыл к Борисову и находился в преследовании отступавших французов до Ковно. В 1813 г. участвовал при занятии Белостока и Варшавы, затем был послан со своим полком для рекогносцировки данцигских укреплений, во время которой был ранен пулей в правое плечо навылет. С 20 мая 1813 г. находился «в отпуску для излечения ран». 3 октября 1814 г. уволен в отставку по болезни.

Комаровский Евграф Федотович (1769—1843).

Сын чиновника дворцовой канцелярии, Комаровский учился в известном Санкт-Петербургском пансионе Масона.

В 1787 г. Комаровский назначен к графу А.А. Безбородко для заграничных поручений. Участвовал в Таврическом путешествии Екатерины II. Привезя из-за границы портрет императрицы Елизаветы Алексеевны, Комаровский стал лично известен Императору Александру I, милостями которого затем неизменно пользовался. С 1794 г. началась служба Комаровского в Измайловском полку. В 1812 г. ему было поручено снабдить армию лошадьми из Юго-Западного края. 15 февраля 1819 г. он награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (№ 3392 по списку Григоровича-Степанова). В 1825 г. участвовал в подавлении восстания декабристов.

В 1786 г. в сокращенном и приблизительном переводе Комаровского опубликован роман Н. Ретифа де ла Бретона «Невинность в опасности, или Чрезвычайные приключения». Комаровский оставил интересные записки, напечатанные в сборнике «Осьмнадцатый век» и «Русском архиве» за 1867 г. В «Военном журнале» в 1810 г. им был помещен «Журнал военных действий российско-австрийских войск в Италии» (книги II—VII).

Крыжановский Максим Константинович (1777—1839).

В 1794 г. начал службу во флоте. Произведенный в 1797 г. в подпоручики, Крыжановский в 1803 г. определен во вновь сформированный 2-й морской полк, а в 1807 г., в чине майора, назначен командиром батальона Императорской милиции, в 1809 г. произведен в полковники. В 1810 г. Крыжановскому, как «фрунтовику», поручено было строевое обучение только что сформированного гвардейского экипажа, и за доведение его до отличного состояния он был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. Затем в его же «выучку» отдан был 1-й флотский экипаж, а в 1811 г. Крыжановскому поручено переформировать батальон Императорской милиции в трехбатальонный полк (впоследствии — лейб-гвардии Финляндский).

С этим полком Крыжановский и принял участие в Отечественной войне. В Бородинском сражении Крыжановский, получив приказание идти с полком на левый фланг, к деревне Семеновской, под градом ядер занял указанный ему пункт за

Семеновским оврагом и был здесь атакован французской кавалерией. Крыжановский встретил ее дружным батальонным огнем, подпустив почти вплотную, и довершил дело штыками; в этом сражении он был контужен в правое плечо, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В сражении под Красным Крыжановский со своим лейб-гвардии Егерским полком поддержал штыками неудачную атаку русских кирасир на французскую пехоту, опрокинул ее, ворвался в село Доброе и захватил 350 человек в плен, 8 пушек, весь обоз маршала Даву и его маршальский жезл; за этот подвиг награжден орденом Св. Владимира 3-й степени.

В кампании 1813 г. Крыжановский участвовал в сражениях при Лютцине (за отличие произведен в генерал-майоры), Бауцене, Дрездене и Лейпциге, где и закончились его боевые подвиги. Получив в первый день Лейпцигской битвы (4 октября) приказание от Государя занять и удерживать деревни Ауэнгейм и Госса, Крыжановский атаковал последнюю под жесточайшим огнем и был ранен тремя пулями в обе ноги. Крыжановский не покинул, однако, поля сражения, продолжал распоряжаться атакой и был сильно контужен ядром в грудь, а затем снова ранен пулей в плечо. Вынесенный замертво из боя, Крыжановский нашел, однако, в себе силы доложить встретившемуся ему на пути Государю о ходе боя и был тут же награжден им орденом Св. Анны 1-й степени.

Раны не позволили Крыжановскому более служить в строю. В 1816 г. он назначается казначеем капитула Императорских орденов, с зачислением в лейб-гвардии Финляндский полк, заслуживший под его командой Георгиевские знамена и серебряные трубы, в 1826 г. произведен в генерал-лейтенанты, в 1832 г. назначен членом генерал-аудиториата, в 1836 г. — директором Чесменской военной богадельни и членом Александровского комитета о раненых, а в 1837 г. — комендантом Санкт-Петербургской крепости и членом военного совета. Умер 6 мая 1839 г. и похоронен в Петропавловской крепости.

Потоцкий Станислав Станиславович (1787—1831), граф, генерал-майор, генерал-адъютант, тайный советник.

Из дворян. Сын Станислава Щесны Потоцкого. В службу записан корнетом в апреле 1793 г. в лейб-гвардии Конный полк с увольнением до «указанных лет». В 1796 г. исключен из списков за малолетством. Вновь принят 14 мая 1803 г. поручиком в лейб-кирасирский Ее Величества полк, в 1804 г. переведен в лейб-гвардии Конный полк.

В 1805 г. участвовал в Аустерлицком сражении в должности адъютанта Цесаревича Константина Павловича. В 1807 г. сражался при р. Пасарге, Гейльсберге, Фридланде. В 1809 г. находился на театре военных действий с турками в Молдавии. 2 декабря 1810 г. пожалован во флигель-адъютанты, 15 сентября 1811 г. — в полковники лейб-гвардии Преображенского полка. В начале 1812 г. полк, в составе 1-й бригады гвардейской пехотной дивизии, входил в 5-й резервный (гвардейский) корпус 1-й Западной армии. Принимал участие в Бородинской битве. В 1813 г. воевал под Калишем, Люценом, Лейпцигом. 8 октября 1813 г. награжден орденом Св. Георгия 4-го класса.

15 сентября 1813 г. ему был присвоен чин генерал-майора. В 1814 г. состоял при Императоре Александре I и находился в сражениях при Бриенн-ле-Шато, Арсисе и при взятии Парижа.

1 июля 1817 г. пожалован в генерал-адъютанты, 6 сентября 1822 г. вышел в отставку по домашним обстоятельствам с ношением мундира. В 1828 г. получил чин тайного советника и назначен обер-церемониймейстером. Героически погиб в Варшаве во время польского бунта 1831 г.

К роду Потоцких также относятся:

Потоцкий Ян (1761—1815) — участвовал в работах 4-летнего сейма; служил при Александре I в русском Министерстве иностранных дел. Он был талантливым историком, лингвистом (применение этимологии к историческим изысканиям), географом, этнографом, археологом и естествоиспытателем, а главное — одним из первых научных работников по славяноведению. Ему принадлежат до 24 больших трудов (напечатанных в небольшом количестве экземпляров и потому ныне редких), кроме многочисленных статей и карт.

Потоцкий Северин (1762 — 03.09.1829) — поляк, граф, первый попечитель Харьковского учебного округа (1803—1817), член Государственного совета, с 1801 г. — сенатор, действительный статский советник.

Соколовский Иосиф Карлович (1763 — после 1836), генерал-майор.

Шляхетского рода Могилевской губернии, римско-католического вероисповедания. 21 декабря 1786 г. принят из польской службы подпоручиком в Архангелогородский пехотный полк. В 1787—1788 гг. находился в Польше и под городом Хотином ранен в правую ногу выше пятки пулей навылет. В 1789—1791 гг. воевал с турками. За отличие, оказанное в делах 1792 г. в Польше, произведен в капитаны. В 1799 г. в составе русских войск находился в Швейцарии. 1 мая 1804 г. назначен командиром Ярославского мушкетерского полка. В 1805 г. участвовал в Аустерлицкой битве. 23 апреля 1806 г. пожалован в полковники. В 1807 г. сражался с французами, в 1810—1811 гг. — с турками. 9 июня 1811 г. назначен шефом Ярославского пехотного полка.

В начале 1812 г. полк входил в состав 2-й бригады 10-й пехотной дивизии и находился в резерве Дунайской армии. Принял участие в боевых действиях против наполеоновских войск у Волковыска и Рудни. В 1813 г. находился при взятии Ченстохова, в сражениях под Бунцлау, Кацбахе и за отличие в этих делах произведен 15 сентября в генерал-майоры. После Лейпцигской битвы в 1814 г. командовал отрядом российских и баденских войск при блокаде крепости Линдау.

После окончания военных действий командовал 2-й бригадой 15-й пехотной дивизии, с 1821 г. исполнял обязанности коменданта Казани. 4 июля 1831 г. уволен со службы с мундиром и пенсионом полного оклада.

Цыбульский Иван Денисович (1771—1837**),** генерал-майор.

Награды: ордена Св. Анны 1-й степени, Св. Владимира 3-й степени, Св. Георгия 4-го класса, Мальтийский.

Из шляхетского рода Бельского уезда Смоленской губернии. На военную службу поступил 7 октября 1789 г. в гвардию, 15 мая 1792 г. переведен во флот подпоручиком. 30 сентября 1796 г. был отставлен от службы, но в ноябре того же года принят капитаном в Павловский гренадерский полк. Позже переведен в лейб-гвардии Семеновский полк. 22 декабря 1798 г. пожалован в полковники, 19 мая 1800 г. — в генерал-майоры. В 1809 г. участвовал в походе в австрийскую Галицию. В 1812 г. командовал бригадой 24-й пехотной дивизии, сражался под Смоленском, в Бородинской битве при защите «батареи Раевского» получил две раны и контузию. Не излечившись от ран, Цыбульский прибыл к армии в Тарутино и был участником Малоярославецкого сражения. Затем по приказу командования его оставили с бригадой 27-й пехотной дивизии в Красном для устройства в Смоленской губернии военного порядка. В должность начальника бригады 24-й пехотной дивизии вновь вступил в сентябре 1814 г. С 1816 г. состоял по армии. 14 января 1834 г. уволен в отставку за ранами с мундиром и пенсией. Похоронен на Осеченском погосте Вышневолоцкого уезда.

Юзефович Дмитрий Михайлович (1777—1821), генерал-майор.

Из шляхетского рода Полтавской губернии. В 11 лет записан сержантом в лейб-гвардии Преображенский полк. 1 января 1795 г. получил чин капитана армии и начал действительную службу, через два года назначен ротмистром в Екатеринославский кирасирский полк.

С 1803 по 1804 г. командовал Харьковским драгунским полком, затем стал командиром эскадрона. Летом 1805 г. полк был включен в корпус М.И. Кутузова. Боевое крещение получил в сражении под Аустерлицем, после которого находился в арьергарде П.И. Багратиона. Командиром Харьковского драгунского полка назначен 23 июня 1806 г. В кампании 1806—1807 гг. прославился рейдом в местечко Шумово, где неожиданно атаковал и рассеял два неприятельских эскадрона, взяв

много пленных. Награжден 9 сентября 1807 г. орденом Св. Георгия 4-го класса (№ 789).

Выбивал французов из города Остров, сражался под Остроленкой, успешно сдерживал наседавшего неприятеля, прикрывая отступавшие войска и провиантские запасы. Шефом Харьковского драгунского полка назначен 11 августа 1810 г.

Отечественную войну 1812 г. встретил в составе 4-го кавалерийского корпуса 2-й Западной армии. С ней совершил марш до Смоленска, прикрывая правый фланг армии. После соединения армий у Смоленска поступил с полком в отряд Д.П. Неверовского и совершил с ним «львиное отступление» от Красного. Затем отстаивал Смоленск и прикрывал отступление в арьергарде до самого Бородина. После боя под Колоцким монастырем харьковские драгуны отошли к Шевардинскому редуту и сражались за него, захватив вражеское орудие. В день Бородинского сражения Юзефович, отражая с полком атаки неприятельской конницы, отбил шесть наших орудий. М.И. Кутузов лично поблагодарил Юзефовича, награжденного 26 декабря 1812 г. чином генерал-майора. Затем Юзефович был постоянно в арьергардных и авангардных боях при Тарутине, Малоярославце, Вязьме. Под Вязьмой он решительными действиями вывел свой полк из окружения. Командовал авангардом корпуса И.В. Васильчикова. Войну закончил взятием Белостока без единого выстрела.

В кампании 1813 г. Харьковский полк действовал в отряде М.А. Милорадовича. За проявленную храбрость в боях в Германии шеф полка 17 сентября 1814 г. получил орден Св. Георгия 3-го класса (№ 379).

В 1814 г. отряд Юзефовича блокировал крепость Мец. После капитуляции Парижа назначен комендантом города Нанси.

Ставицкий Максим Федорович (1778—1841), генерал-лейтенант.

«Из полтавских дворян, капитанский сын». 25 сентября 1784 г. поступил в Артиллерийский и Инженерный шляхетский кадетский корпус, из которого выпущен штык-юнкером

в Артиллерийский Гребного флота батальон 7 мая 1791 г. В 1792 г. переведен в бомбардирский полк.

Участвовал в походе в Польшу в 1794 г. и был захвачен в плен. 23 мая 1797 г. определен в полевой артиллерийский батальон. 7 марта 1800 г. переведен майором в 1-й артиллерийский полк, затем — в свиту по квартирмейстерской части. В том же году был командирован «с разными поручениями» во Францию, в 1802—1804 гг. был посылаем «на Оренбургскую, Сибирскую и Нерчинскую линию и по реке Амуру» на китайскую границу и «частию в Киргиз-Кайсацкую степь», на Кавказ, на Кубанскую линию, в Константинополь. В 1805 г. находился при Северной армии бригад-майором в Восточной Пруссии и Силезии.

Воевал с французами в 1806—1807 гг. 28 сентября 1806 г. пожалован во флюгель-адъютанты. Был в делах при Помихове, Палтуске, 8 января 1807 г. награжден орденом Св. Георгия 4-го класса (№ 699).

Сражался при Янкове, Прейсиш-Эйлау, Лаунау, Гейльсберге и Фридланде, где тяжело ранен пулей в левое предплечье, награжден орденом Св. Владимира 3-й степени За отличие произведен 25 января 1807 г. в подполковники, 3 февраля 1807 г. — в полковники. 24 ноября 1811 г. назначен командиром бригады 27-й пехотной дивизии.

В Отечественную войну был в сражении 4—5 августа, в бою за Шевардинский редут, где получил контузию в правую руку, под Бородином ранен в левую ногу с раздроблением костей и за отличие 21 ноября 1812 г. произведен в генерал-майоры. Возвратился в строй в августе 1813 г. и участвовал в заграничных походах.

Был в делах при Кейзерсвальде, Бунцлау (11 и 17 августа), Кацбахе, Лейпциге (ранен в правую руку), участвовал в блокаде Майнца. Во время похода 1814 г. участвовал в сражениях при Вокулере, Бриенн-ле-Шато, при Ла-Ротьере, «где ранен жестоко пулей насквозь пониже уха к другому с раздроблением челюсти и зубов». 18 сентября 1815 г. повелено ему «состоять по армии». 6 сентября 1826 г. пожалован в тайные советники и сенаторы, 11 сентября «переименован в

генерал-лейтенанты». Похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге.

Крейц Киприан Антонович

Из курляндских дворян. Начал службу в Польше; состоял генерал-адъютантом при короле Станиславе Августе. С 1801 г. — на русской службе. Участвовал в войнах с французами в 1805—1807 гг. В одном из боев был ранен 13 раз и взят в плен. По возвращении из плена был командиром Сумского гусарского полка. Во время русско-шведской войны 1808—1809 гг. охранял побережье Балтийского моря в Литве. С марта 1810 г. назначен шефом Сибирского драгунского полка.

Во время Отечественной войны 1812 г. принимал участие в боях под Витебском, Смоленском, Вязьмой и в Бородинском сражении. 23 декабря 1812 г. удостоен ордена Св. Георгия 4-го класса (№ 1111).

За ревностную службу и отличие в сражении против французских войск 26 августа 1812 г. при селе Бородине, где, «атаковав с отличным мужеством и храбростью неприятельскую кавалерийскую колонну, опрокинул оную, причем и ранен от ядра в руку». Командующий 3-м кавалерийским корпусом генерал К.А. Крейц, будучи трижды ранен, оставался в строю и только после четвертого ранения был унесен для перевязки.

Затем сражался при Тарутине, Малоярославце, Вязьме.

В заграничных походах 1813—1814 гг. участвовал в осаде крепостей Модлин, Магдебург и Гамбург, сражался при Люцене и в «битве народов» под Лейпцигом.

В 1814 г. — генерал-губернатор герцогства Шлезвигского.

Был командиром кавалерийских бригад и дивизий; генерал-лейтенант (1824). 27 сентября 1829 г. назначен начальником 2-й гусарской дивизии. Во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. командовал кавалерийским корпусом в Молдавии и Болгарии.

19 сентября 1830 г. назначен командиром 5-го резервного кавалерийского корпуса. Участвовал в подавлении ноябрьского восстания. Первые сражения с поляками проиграл — 19 февраля

1831 г. под Новой Весью генералам Юляну Серавскому и Юзефу Дверницкому, а также 26 февраля и 2—3 марта под Пулавами. Первую победу одержал в марте того же года под Люблином. В апреле 1831 г. одержал две победы над Серавским — 17-го (под Вронувом) и 18-го, после чего произведен в генералы от кавалерии; 11 сентября 1831 г. награжден орденом Св. Георгия 2-го класса (№ 88) за сражение при Варшаве 25 и 26 августа 1831 г.

6 октября 1831 г. назначается командиром 2-го пехотного корпуса. Награжден российскими и прусскими орденами и медалями. 14 мая 1845 г. назначен еще и шефом Сибирского уланского полка. Находился на службе до своей смерти, а 17 мая 1845 г. был снят со всех должностей, кроме шефа полка, и определен состоять по кавалерии.

При составлении данного списка использовались матералы К. Залесского[1] и Википедии. Среди приведенных фамилий могут оказаться лица не польской национальности, однако все они — выходцы из шляхты. В свое время Екатерина II пыталась организовать православную конфедерацию в Речи Посполитой, но не смогла этого сделать, поскольку вся малороссийская и белорусская шляхта была ополячена и окатоличена. То есть все предки наших героев в недалеком прошлом были католиками и говорили на польском языке — это факт, не подвергаемый сомнению.

18.7. Русские поляки — герои Отечественной войны 1812 г.

Таким образом, в рядах русской армии сражалось множество доблестных генералов, имеющих польские корни. Поляков в русской армии можно было повстречать повсюду. Например, в Екатеринославском гренадерском полку служили: капитан Лукашевич Ян Касперович, майор Држевецкий Петр Иванович, капитан Скорульский Ксаверий Казимирович, фельдфебель Церпинский Антон Францишикович.

[1] *Залесский К.А.* Наполеоновские войны. 1799—1815. Биографический энциклопедический словарь. — М.: Астрель. АСТ, 2003.

В Астраханском гренадерском полку: прапорщик Волоцкий Фарафонтий Никитич, Ягнадковский, Спендовский Андрей Гаврилович, прапорщик Старжинский Степан Осипович, подпоручик Стахурский Яков Михайлович.

В Гренадерском графа Аракчеева полку: подпоручик Дебань-Скоротецкий Вицентий Иванович, подпоручик Древецкий, майор Друцкий-Соколинский Николай Дмитриевич, князь; прапорщик Друцкий-Соколинский Иван Дмитриевич, князь; Заблоцкий-Десятовский, Савицкий.

В лейб-гвардии драгунском полку: Квитницкий Ксенофонт Федорович, прапорщик Ковальский Никифор Петрович, поручик Прушинский Гектор Станиславович.

В лейб-гвардии Семеновском полку: поручик Буйницкий Иосиф Федорович, прапорщик Вадковский Иван Федорович, подпоручик Вадковский Павел Федорович, подпрапорщик Рачинский Платон Иванович. Подобные списки далеко не полные, перечислять «наших поляков» в период наполеоновских войн можно очень долго.

Были в русской армии национальные польские подразделения. В 1797 г. Император Павел Петрович, желая дать приличное занятие множеству польской шляхты, поручил генералу Домбровскому (поляк — однофамилец знаменитых Домбровских) устроить конно-польский полк на правах и преимуществах прежней польской службы. Этот полк не получал рекрутов, а формировался и комплектовался вольноопределяющимися «на вербунках». Шляхта составляла первую шеренгу, и каждый солдат из шляхтичей назывался «товарищем». Вторая же шеренга состояла из вольноопределяющихся, не доказавших шляхетского происхождения и называвшихся «шеренговыми». Служили в этом полку «по капитуляции», то есть по договору, на шесть, на девять и на двенадцать лет. Унтер-офицеры из «товарищей» назывались «наместниками» и производились на вакансии в офицеры. Люди конно-польского товарищеского полка были одеты как старинные польские уланы Пинской бригады. Они носили длинные синие куртки с малиновыми отворотами, синие шаровары с малиновыми же лампасами и

стоячие конфедератки, а волосы запускали до половины шеи, что называлось тогда «á la Kosciuszko». Но, насколько можно судить по рисункам того времени, вся эта форма выглядела не особенно красиво и щеголевато. В том же году, но несколько позднее, по образцу конно-польского и на таких же основаниях был сформирован литовско-татарский конный полк. И тот, и другой были вооружены карабинами и пиками с флюгерами, как уланы, но имени «улан» все-таки не существовало в России до 11 сентября 1803 г. В Отечественную войну 8 эскадронов полка находились в 1-й Западной армии во 2-м кавалерийском корпусе генерал-майора Ф.К. Корфа, 2 запасных эскадрона поступили в гарнизон Риги. Командовал полком полковник А.И. Гурьев. В Бородинском бою польские уланы сражались у батареи Раевского и у Семеновского оврага.

Приведем один из множества эпизодов, в котором отличился «русский поляк», корнет лейб-гвардии уланского полка, созданного Великим князем Константином Павловичем. В битве при Фридланде лейб-эскадрон улан двинулся вперед к мосту, а остальные, выстроясь в две линии поэскадронно, пошли было за ним на рысях, как вдруг — навстречу им залп! Это «приветствие» приготовили уланам саксонские драгуны, которые, спешившись, засели в домах и за бревнами по ту сторону реки. Уланы, однако, невзирая на эту не совсем-то приятную неожиданность, спокойно приблизились к берегу, но тут — новый сюрприз, еще более неприятный: мост оказался разобранным. Произошла невольная остановка.

Корнет Старжинский[1], командовавший первым взводом лейб-эскадрона, сметливым глазом окинул всю обстановку и

[1] В «Воспоминаниях» Ф. Булгарина мы находим о корнете Старжинском следующие строки: «Старжинский был одним из лучших офицеров нашего полка. Красавцу, с отличным воспитанием и благородному во всех своих поступках, ему не доставало только военной славы — и он приобрел ее подвигом, которого не пропустил бы без внимания ни Тит Ливий, ни Тацит. Старжинский обрекал себя на явную смерть, и если он остался жив и невредим, то это истинное чудо. С какою радостью мы прижали к сердцу доброго нашего товарища, когда увидели его снова на лошади! Он даже удивлялся нашим поздравлениям, почитая подвиг свой ничтожным, и простодушно отвечал нам: “Кому-нибудь да надобно же было первому пойти!”». (*Всеволод Крестовский*. Уланы Цесаревича Константина. URL: http://az.lib.ru/k/krestowskij_w_w/text_0050.shtml.)

вмиг заметил, что мост разобран только посередине, очевидно, наскоро, потому что доски еще лежали в куче, на краю, по ту сторону моста. Тем не менее по ширине разборки переправа для кавалеристов была невозможна. Что тут делать!..

Не долго думая, корнет Старжинский соскакивает с коня, вызывает охотников — нескольких удальцов и — буквально под градом неприятельских пуль — бросается впереди лихих охотников на мост; балансируя, перебирается по бревну на ту сторону и начинает укладывать доски. Несколько десятков драгунских ружей метили в храброго юношу, но, к счастью, каким-то чудом ни одна пуля в него не попала.

Через четверть часа мост был починен, и лейб-эскадрон стремглав бросился в город. За ним последовали остальные эскадроны уланского полка[1]…

После занятия французами Москвы начали интенсивно создаваться «летучие» партизанские отряды. «Добровольцы-уланы Польского полка под командой поручика К.А. Бискупского вступили в партизанский отряд А.С. Фигнера. Храбрый партизан при первой встрече с поручиком задал вопрос:

— Смелы ли, преданны ваши уланы?

— У нас ненадежных, трусов нет, — ответил тот.

— Вот, видите ли, — пояснил Фигнер, — от этого будет зависеть жизнь целого отряда.

— Ого! Да мы от Вильны забыли и думать о жизни, — был ответ.

В одном из боев партизаны с трех сторон были окружены неприятельской кавалерией. Тогда польские уланы, форма которых была схожа с французской, по приказу А.С. Фигнера выскочили из леса и «напали» на партизан, при этом была инсценирована перестрелка и даже рукопашная схватка. Французы решили, что отряд Фигнера разбит, и ослабили контроль за партизанами, а когда поняли, в чем дело, отряд уже исчез»[2].

---

[1] *Всеволод Крестовский.* Уланы Цесаревича Константина. URL: http://az.lib.ru/k/krestowskij_w_w/text_0050.shtml.

[2] URL: http://adjudant.ru/table/Viewer.asp?table=Rus_Army_1812_2&id=23.

Доблесть «наших поляков» имеет множество подтверждений. В частности, на стенах храма Христа Спасителя, построенного в честь победы русского оружия над Наполеоном, выбиты имена героев Отечественной войны 1812 г., и здесь мы находим множество польских фамилий. Например, в сражении при Малоярославце, реке Луже и Немцове (20-я стена храма) героически погиб штабс-капитан Малороссийского гренадерского полка Кублицкий; ранены: подпоручики Борозицкий, Барацкий, капитаны Лепский, Каменский и штабс-капитан Каменский.

На 21-й стене храма высечены имена раненых героев, среди них: подпоручик Следезинский, прапорщики Грановский и Хельмский, подпоручики Липский и Яновский.

В сражении при Чашниках 19 октября 1812 г. героически погиб поручик Искрицкий.

В сражении при Вязьме 22 октября (22-я стена храма) были ранены подпоручики Хражановский, Лярский, прапорщик Павловский, штабс-капитаны Сухецкий и Богушевский, капитан Великопольской конной роты — поручик Конисский.

Это далеко не полный перечень польских героев, сражавшихся в рядах русской армии.

В.А. Лякин[1] приводит пример одного из подвигов, совершенных польским воином.

Из доклада командира 2-го резервного корпуса в штаб армии подполковника Палагейко: «…27-го числа ввечеру прибыл к переправе на реке Пине, противу самого города Пинска, которую нашел вовсе неприятелем уничтоженную. Посему и командировал он Киевского гренадерского полка поручика Мачинского с 40 человеками в город на привезенных им с собою сухим путем лодках, куда он, пользуясь темнотой ночи, прибыл благополучно к самой пристани, где, захватив один паром, тотчас отправил к батальонам». В своем рапорте командиру корпуса генерал-майор

[1] *Лякин В.А.* Мозырь в 1812 году. URL: http://www.museum.ru/1812/library/Lyakin/part07.html.

А.В. Запольский[1] особо отмечал храбрость и распорядительность полковника И.И. Исаева и подполковника А.Л. Палагейки, ходатайствовал о награждении поручика Мачинского орденом Св. Анны 3-й степени, а есаула Каршина — Св. Георгия 4-й степени[2].

18.8. Поляки — казаки

После поражения во «второй польской войне» было захвачено множество пленных, которых распределяли по всей стране. Среди военнопленных, естественно, были поляки, многие из них вступили в российское казачество. Приведем текст присяги, которая при этом давалась: «Я, нижеподписавшийся, обещаюсь и клянусь всемогущим Богом пред святым его Евангелием в том, что хочу и должен ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, своему истинному ВСЕМИЛОСТЛИВЕЙШЕМУ ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ, САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССИЙСКОМУ И ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ВСЕРОССИЙСКОГО ПРЕСТОЛА наследнику, который назначен будет: Верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться не щадя живота своего до последней капли крови и все к высокой ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖАВСТВУ силе и власти принадлежащей права [и] преимущества узаконенные [и] впредь узаконенные и по прежнему разумению, силе и воз-

[1] Запольский Андрей Васильевич (1768—1813) — генерал-майор. Награды: ордена Св. Георгия 3-го класса, Св. Владимира 3-й степени, Мальтийский, один иностранный; золотая шпага «За храбрость». Из дворян. В службу вступил 16 марта 1791 г. унтер-офицером в лейб-гвардии Преображенский полк. В 1794 г. произведен в прапорщики, в 1799 г. — в полковники в том же полку. В 1804 г. назначен шефом Екатеринославского гренадерского полка, 18 ноября 1804 г. получил чин генерал-майора. Участвовал в русско-турецкой войне 1787—1791 гг. В кампанию 1805 г. воевал в Австрии. Сражался с французами в 1806—1807 гг. Отличился в сражении под Прейсиш-Эйлау и был награжден орденом Св. Георгия 3-го класса Впоследствии командовал бригадой в 6-й и 7-й пехотных дивизиях. В Отечественную войну 1812 г. отличился в боях в составе корпуса генерала Ф. Ф. Эртеля. В заграничном походе 1813—1814 гг. командовал бригадой в 1-м корпусе Резервной армии.

[2] *Лякин В.А.* Мозырь в 1812 году. URL: http://www.museum.ru/1812/library/Lyakin/part07.html.

можности предостерегать [и] не ронять — притом, по крайней мере, стараться споспешествовать. Все, что к ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА верной службе и пользе государственной во всякой службе касаться может. ОБ УЩЕРБЕ ЖЕ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА интереса, вреда и убытка как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявить, но всеми мерами отвращать. И не допустить тщатися всякую мне вверенную тайность крепко хранить буду, и поверенной и положенной на мне чин как по сей генеральной, так по особливой определенной нам времени до времени ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА именем от предоставленной надо мной начальников определяемым инструкциям, проглазментам и указам, надлежащим образом по совести своей исправлять не для своей корысти, свойства, дружбы и вражды, противно должности своей и присяге не поступать и, таким образом, себя весть и поступать, как верному ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА подданному, благопристойно есть надлежит и как я — пред Богом и судом его страшным в том всегда ответ дать могу, как сущее мне Господь Бог душевно и телесно да поможет. В заключение же сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь. 1813 года, ноября 5-го дня. Пожелавшим вступить в вечное российское подданство... из военнопленных поляков в казаки по сей присяге присягнуть и подписаться»[1].

Далее стоят собственноручные подписи казаков 3-го казачьего полка и написано следующее: «На сем присяжном листу определенные из военнопленных поляков казаки подписались на польском диалекте... Казак Филипп Таликовский, казак Станислав Домайский, казак Войцех Прутковский, казак Блажей Гидевский. Вместо казаков Павла Жилковского, Францишека Серчак, Войцеха Худецкого, Юзефа Малиновского личною просьбою и неумением грамоты казак Климентий Павлович руку приложил, вместо казаков Якуба Баринского, Базылея Догана, Вавженца Кожицкого, Августа Пусяка, Фран-

[1] Цит. по: *Магерамов А.А.* Военнопленные «Великой армии» на службе в Сибирском линейном казачьем войске. URL: http://artofwar.ru/m/maa/text_0140.shtml.

цишека Водзинского просьбою за неумением грамоте и за себя казак Антоний Лигенза руку приложил. Казак Вавженец Войт, вместо казаков Войцеха Великановского просьбою его и за неумением грамоты и за себя казак Михал Островский руку приложил. Вместо казаков Якуба Херды, Леона Романовского, Михаила Дунайского, Августина Коссинского, Станислава Свидерского, Петра Грудницкого, Яна Петровского, Осипа Ляховича, Антония Савицкого, Павла Чернецкого, Вицентия Адамского, Юзефа Каминского и Николая Петраковского в засвидетельствовании грамоты руку приложить казака Антония Лигенза. Казак Рох Чишецкий. К присяге приводил иерей Павел Петухов, при приведении к присяге был поручик Кук... (далее неразборчиво)»[1].

При изучении настоящих документов для нас оказалось неожиданным то, что многие польские дворяне не владели грамотой, то есть не умели читать и расписаться за себя.

В «Краткой хронике Сибирского казачьего войска» написано: «...1813 год. Многие из военнопленных поляков, пожелавшие навсегда остаться в Сибирском казачьем войске, зачислены в казачье звание».

Сходная информация о «французских пленных» отражена Ю.С. Зобовым в «Истории Оренбуржья»: «Оренбургский край использовался правительством как место содержания военнопленных наполеоновской армии, которых направляли сюда большими партиями и размещали по гарнизонам пограничной линии. Во второй половине 1812 г. прибыло 923 рядовых и 14 офицеров, затем еще 492 рядовых и 15 офицеров. Местным властям предписывалось “присматривать за поступками... пленных французов”. Определенная часть военнопленных была зачислена в Оренбургское казачье войско. К концу XIX в. среди оренбургских казаков насчитывалось 48 французских фамилий — потомков пленных «французов». Упоминается о причислении в Оренбургское казачье войско «двух сотен пленных поляков» лишь в 1832 г., и речь идет, несомненно, о высланных на Урал участниках польского восстания 1830 г.

[1] Там же.

Таким образом, из выявленных документов следует, что военнопленные принимали присягу на верность Российскому престолу добровольно и массово.

В 1814 г. многие казаки выехали в Польшу. Объяснением этого события является начавшееся формирование вооруженных сил Царства Польского. Но много поляков и осталось, поскольку некоторые из них женились на православных, у них появились дети, в этом случае семью вывозить в Польшу запрещалось.

Надо отдать должное полякам, ни один из них не бросил семью. Многих устраивала жизнь в России, земли было много, и была она плодородной, денежное и вещевое довольствие казаков было вполне удовлетворительным, окружающая среда — доброжелательной.

ВЫВОДЫ

1. Русские поляки сыграли выдающуюся роль в разгроме Наполеона.

2. Русские генералы, имеющие шляхетские корни, по количеству многократно, а по качеству на голову превосходили польских генералов в рядах наполеоновских армий. В частности, это превосходство выражалось в теоретической и боевой подготовке, оперативном искусстве, боевом опыте, самостоятельности принятия решений, масштабах проводимых операций, количестве и качестве подчиненных подразделений.

3. Русские поляки рядового состава, унтер-офицеры, младшие и старшие офицеры по своей подготовке и боевому опыту превосходили поляков в наполеоновской армии, где те, как правило, играли роль «пушечного мяса».

Глава 19
Поляки в Первую мировую войну

В настоящее время в России и Польше существуют два ложных убеждения.

Первое — во время Первой мировой войны все польские военнослужащие оказались аккумулированы в национальных формированиях и с развалом Российской империи стройными рядами убыли в свободную и суверенную Польшу, чтобы потом принять участие в войнах с Советским государством.

Второе — в Российской империи существовало недоверие к полякам, обусловленное восстаниями 30—60-х гг. В связи с этим полякам невероятно трудно было делать военную карьеру. Чтобы проверить, так ли это, приведем перечень русских генералов с польскими корнями, принимавших участие в Первой мировой войне.

19.1. Поляки — русские генералы и адмиралы

Гильчевский Константин Лукич (1857—?), генерал-лейтенант.

Окончил Тифлисское пехотное юнкерское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Будучи командиром 101 пехотной дивизии, отличился при взятии Дубно и Перемеля, в боях под Бродами. В боях 22.05—04.06.1916 блестяще руководил действиями дивизии, которая захватила 16 тысяч пленных, за что был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. 06.04.1917 принял командование XI Армейским корпусом 2-ой армии Западного фронта.

Кашталинский Николай Александрович (1849—1917), генерал от инфантерии.

Образование получил в 1-м Павловском училище. Участник русско-турецкой и русско-японских войн. Награжден орденами Св. Георгия 4-й и 3-й степени. Во время Первой мировой войны командовал XL Армейским корпусом, который благодаря его усилиям считался одним из лучших в русской армии.

Квецинский Михаил Федорович (1866 — после 1920), генерал-лейтенант.

Окончил 3-е Александровское училище и Николаевскую академию Генштаба. Участвовал в русско-японской войне. В Первую

мировую войну командовал корпусом и 3-ей армией. Награжден орденом Св. Георгия 4-ой степени. Решительно боролся против революционной пропаганды. Эмигрировал в Швецию.

Келчевский Анатолий Киприянович (1869—1923), генерал-лейтенант русской армии.

Окончил Псковский кадетский корпус, 2-е военное Константиновское училище (1891), Военную академию Генерального штаба (1900). Участник Первой мировой войны. Последняя должность — командующий 9-й армией. В «вооруженных силах Юга России» — начальник штаба группы войск генерала К.К. Мамонтова во время рейда в августе-сентябре 1919 года, начальник штаба Донской армии. В конце 1919 г. вошел в состав «Южно-русского правительства» в качестве военного министра. Келчевские — польский дворянский род, герба Абданк, происходящий от Яна Келчевского, судьи Люблинского в 1436 г. Одна ветвь его потомства переселилась в XVII в. в Литву. Род Келчевских внесен в I и VI часть родословных книг губерний Виленской, Волынской, Гродненской, Ковенской и Минской. Другой род Келчевских, герба Помян, также восходит к первой половине XV в. и внесен в родословные книги дворян Царства Польского.

Кетлинский Казимир Филиппович (27.07.1875, Могилев-Подольский Подольской губернии — 28.01.1918, Мурманск), контр-адмирал (12.09.1917).

Из польских дворян. Образование получил в Морском корпусе (1895). Участник русско-японской войны 1904—1905 гг. В 1904 г. флагманский артиллерист Морского походного штаба наместника на Дальнем Востоке. В 1906—1908 гг. — флагманский артиллерийский офицер штаба командующего отдельным практическим отрядом Черного моря, в 1908—1909 гг. — штаба начальника морских сил Черного моря. В 1909—1911 гг. — старший офицер линейного корабля «Иоанн Златоуст». С 03.06.1913 преподавал в Николаевской морской академии. Одновременно с 01.01.1915 занимал пост флаг-капитана по опе-

ративной части штаба командующего флотом Черного моря. В сентябре 1916 г. назначен командиром строящегося в Тулоне (Франция) крейсера «Аскольд». 17.06.1917 на крейсере прибыл в Мурманск. С 11.09.1917 — главнокомандующий Мурманским укрепрайоном и отрядом судов Кольского района («Главнамур»). Достаточно лояльно отнесся к установлению советской власти, но 01.01.1918 был арестован и помещен под домашний арест, 3 января освобожден. Убит по дороге из «Центромура» к штабу (видимо, революционными матросами).

Клембовский Владислав Наполеонович (1860—1921), один из руководителей русской военной разведки, генерал-лейтенант.

В годы Первой мировой войны командовал 16-м армейским корпусом, затем был генерал-квартирмейстером штаба (военная разведка) Юго-Западного фронта. В 1915—1916 гг. — начальник штаба Юго-Западного фронта, начальник штаба Верховного главного командования. Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В 1917 г. — командующий Северным фронтом. С 1918 г. — в Красной Армии. В 1920 г. был арестован ЧК, умер в тюрьме. Автор книги «Тайные разведки».

Клембовский Артур-Оскар Наполеонович, генерал-майор, брат В.Н. Клембовского.

Образование получил в 3-м Александровском училище. С 09.11.1905 штаб-офицер заведующего обучающимися в Военно-медицинской академии офицерами. В 1914 г. командовал 57-й бригадой государственного ополчения. С 16.11.1914 — командир бригады 67-й пехотной дивизии, с 13.04.1915 — 2-й дивизии государственного ополчения. 27.07.1915 переведен в резерв чинов, 20.05.1917 уволен от службы по прошению с мундиром и пенсией.

Кондзеровский Петр Константинович (1869—1929).

Образование получил во 2-м военном Константиновском училище. В 1895 г. окончил Николаевскую академию Генштa-

ба. С 21 октября 1899 г. до начала Первой мировой войны служил в Главном штабе: 04.06.1908 назначен дежурным генералом Главного штаба.

При проведении мобилизации 19.07.1914 переведен на пост дежурного генерала при Верховном главнокомандующем. Оставался на этом посту при Великом князе Николае Николаевиче и Императоре Николае II.

После Февральской революции в числе других генералов потерял пост и 02.04.1917 был назначен членом Военного совета.

21.05.1918 уволен по распоряжению НКВД. В 1918 г. перебрался с семьей в Финляндию.

Войцеховский Сергей Николаевич (1883—1951) — российский и чехословацкий военачальник, генерал-майор и один из руководителей белого движения в Сибири, генерал армии Чехословакии.

Отец — Николай Карлович Войцеховский, офицер русской армии. Мать — Мария Михайловна, урожденная Гнатовская.

Окончил реальное училище в городе Великие Луки, Константиновское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба.

Участвовал в боевых действиях в Карпатах и Днепровской котловине, был ранен, награжден несколькими орденами. С 1914 г. — капитан, с 1916 г. — подполковник.

В январе — декабре (фактически — до августа или сентября) 1917 г. — исполняющий должность начальника штаба 126-й пехотной дивизии. С августа 1917 г. — начальник штаба 1-й Чехословацкой дивизии в составе русской армии.

С декабря 1917 г. — командир 3-го Чехословацкого корпуса имени Яна Жижки. С мая 1918 г. — старший воинский начальник чехословацких легионеров, входил в состав Военной коллегии временного исполнительного комитета чехословацких войск в России — органа, руководившего чехословацкими вооруженными силами, выступившими против большевиков.

В ночь на 27 мая 1918 г., командуя частями 2-го и 3-го чехословацких стрелковых полков, занял без потерь Челябинск.

С 27 мая 1918 г. — командующий войсковыми частями Челябинской группы и Уральского фронта. 11 июня 1918 г. постановлением съезда членов Временного челябинского комитета и решением отделения Чехословацкого национального совета произведен в полковники, возглавил Западную группу войск (2-й и 3-й чехословацкие стрелковые полки и Курганский маршевый батальон). 17 октября 1918 г. «за отличия в боях и выдающуюся службу» был произведен Чехословацким национальным советом в генерал-майоры и назначен командующим Самарской группой войск правительства Директории.

8 марта 1919 г. вернулся в войска Верховного правителя А.В. Колчака с чином генерал-майора, был командующим 2-м Уфимским корпусом, во главе которого участвовал в весеннем наступлении белых 1919 г., в боях под Уфой, Златоустом и Челябинском. Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (июль 1919) за взятие Челябинска, Троицка, Златоуста, Екатеринбурга в 1918 г.

С августа 1919 г. — командующий Уфимской группой войск. 12 сентября 1919 г. был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. С 1 октября 1919 г. — командующий 2-й армией.

20 февраля 1920 г. генерал Г.М. Семенов назначил его командующим войсками Российской Восточной окраины. Но уже в мае 1920 г. Войцеховский командирован в Крым для связи с Вооруженными силами Юга России, находился в резерве армии генерала П.Н. Врангеля. В ноябре 1920 г. вместе с армией эвакуировался в Константинополь, а затем переехал в Чехословакию.

В 1921 г. был зачислен на службу в чехословацкую армию. С сентября 1921 г. — командир 24-й пешей бригады. С февраля 1922 г. — заместитель командующего войсками Подкарпатского военного округа в Ужгороде. С 1924 г.— командир 9-й пешей дивизии в Трнаве. С 1927 г. — начальник Земского военного управления (военного округа) в Брно. С 1935 г. — начальник Земского военного управления в Праге. 30 декабря 1929 г. был произведен в чин генерала армии.

В сентябре—октябре 1938 г. командовал 1-й чехословацкой армией. Во время Мюнхенского кризиса 1938-го за-

нял активную антикапитулянтскую позицию, за что в апреле 1939 г. был отправлен в отставку. В 1939 г., после германской оккупации Чехословакии, создал и возглавил подпольную организацию «Obrana naroda» («Защита народа»), находился под надзором гестапо, входил в подпольное чехословацкое правительство, где занимал пост военного министра.

Род Войцеховских дал России целую плеяду замечательных людей, например, академик РАН, математик-механик Б. Войцеховский, олимпийская чемпионка и одаренная журналистка Е. Войцеховская, ее отец — Сергей Михайлович Войцеховский был выдающимся тренером по плаванию.

Ляхович (Лехович) Владимир Андреевич (31.03.1860 — 07.06.1941, Сен-Женевьев-де-Буа, Франция), генерал-лейтенант (1910).

Образование получил в Михайловском артиллерийском училище (1880) и офицерской артиллерийской школе (1898). Выпущен в лейб-гвардии 2-ю артбригаду. С 13.10.1898 — командир 3-й, с 14.11.1902 — 1-й батареи лейб-гвардии 1-й артбригады. С 06.03.1904 — командир гвардейского стрелкового артиллерийского дивизиона, с 20.11.1904 — 22-й артиллерийской бригады, с 21.11.1907 — лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады. Затем занимал высокие посты в Главном артиллерийском управлении (ГАУ): помощник начальника (с 14.11.1909), начальник отдела (с 11.11.1910), начальник административного отдела (с 28.09.1914), помощник начальника по учету и снабжению армии предметами военного снаряжения (с 06.09.1915). 25.02.1917 назначается помощником военного министра, но в должность вступить не успел. Возможно, поэтому В. Леховичу удалось сохранить свои позиции при Временном правительстве. С 6 марта он занял пост начальника ГАУ и продолжал оставаться на этом посту до 02.12.1917, после чего уехал в Киев. В 1919 г. служил в управлении по арт. снабжению Добровольческой армии. 28.02.1920 эвакуировался из Новороссийска в Сербию; председатель общества артиллеристов, член Совета объединения офицерских организаций. В 1924 г. переехал в

Нью-Йорк, где был начальником отделения РОВС и главой Общегвардейского и Общеартиллерийского объединений. В июле 1934 г. после смерти генерала А.М. Кауфмана-Туркестанского стал председателем Гвардейского объединения. С 1931-го жил в Русском доме в Сен-Женевьев-де-Буа.

Лисовский Николай Яковлевич (02.12.1856 — ?), генерал-лейтенант (16.11.1911).

Образование получил в Николаевском инженерном училище и Николаевской академии Генштаба (1890). Участник русско-японской войны 1904—1905 гг. С 31.01.1904 — командир 33-го Восточносибирского стрелкового полка, с 05.10.1904 — 2-й бригады 54-й пехотной дивизии. С 29.07.1905 — начальник штаба 2-го Сибирского АК. 16.11.1911 назначен начальником 10-й Сибирской стрелковой дивизии, с которой вступил в войну. За бои 13—17.02.1915 награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (25.03.1915). С 28.04.1915 — командир находящегося на стадии формирования 36-го АК. На фронт с корпусом он так и не попал, так как уже 80.05.1915 получил 2-й Сибирский АК 12-й армии. 03.06.1915 он получил 37-й АК той же армии и, наконец, 16.09.1915 — 19-й АК 3-й армии. После Февральской революции отправлен в отставку и 15.04.1917 назначен в резерв чинов при штабе Одесского ВО.

Масальский Владимир Николаевич (31.10.1860 — 10.04.1940, Париж, Франция), князь, генерал от артиллерии (18.10.1913).

Образование получил в Пажеском корпусе (1880). С 15.10.1898 — командир 1-й Его Величества батареи. 20.02.1902 переведен в распоряжение Главного артиллерийского управления. С 15.08.1903 — командир 1-го дивизиона гвардейской конной артиллерии. С 20.05.1904 — командир 73-й артиллерийской, с 20.09.1904 — гвардейской конно-артбригады. В 1909—1910 гг. — начальник артиллерии гренадерского корпуса, в 1910—1913 гг. — 1-й АК. 18.10.1913 вышел в отставку. 24.07.1914 определен из отставки с назначением и.д. инспекто-

ра артиллерии 1-й АК. 22.04.1916 назначен инспектором артиллерии 7-й армии генерала Д.Г. Щербачева. 09.12.1916 за подготовку и руководство артиллерией армии награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. После того как Щербачев принял командование над армиями Румынского фронта, В. Масальский 22.04.1917 занял при нем пост инспектора артиллерии фронта. Оставался на посту до конца войны. 24.03.1918 уволен в запас. В 1919 г. переехал на Север России. Участник белого движения, с 18.11.1919 по 20.04.1920 являлся начальником артиллерии Мурманского фронта. После поражения белых армий уехал в эмиграцию; председатель Общества взаимопомощи офицеров лейб-гвардии Конной артиллерии в Париже.

Мрозовский Иосиф Иванович (14.12.1857—16.09.1934, Париж, Франция), русский генерал от артиллерии (06.12.1913).

Из дворян Гродненской губернии. Образование получил в Михайловском артиллерийском училище (1877) и Михайловской артиллерийской академии. С 19.12.1900 — начальник артиллерии Южно-Маньчжурского отряда, участник Китайского похода. С 06.04.1902 — командир 2-го дивизиона 5-й артбригады. С 05.01.1904 — командир 18-й артиллерийской, а с 18.02.1904 — 9-й Восточносибирской стрелковой артбригады. Участник русско-японской войны. С 23.08.1905 исполняет должность начальника артиллерии 1-й АК. За боевые отличия награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (07.11.1907). После войны 07.02.1906 назначен и. д. начальника артиллерии Петербургского ВО. С 26.08.1908 — начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии. 21.05.1912 И. Мрозовский назначен командиром расквартированного в Москве гренадерского корпуса (1-я и 2-я гренадерские дивизии). Во главе корпуса вступил в войну. Показал себя крайне слабым командиром, и в целом действия корпуса были неудачными. 27.09.1914 под Суходолом разгромил 10-й австро-венгерский корпус (за что был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени). В ноябре 1914 г. вместе с гвардейской кавалерией ему удалось отбросить противника от Петрокова. 22.09.1915 сдал командование корпусом генералу А.Н. Куропаткину и на-

значен командующим войсками Московского ВО. Во время Февральской революции 01.03.1917 посажен под домашний арест, а 10.03.1917 уволен от службы по болезни с мундиром и пенсией. После Октябрьской революции эмигрировал во Францию.

Мышлаевский Александр Захарьевич (12 (24) марта 1856 — 1920) — русский военный деятель и историк, генерал от инфантерии.

Окончил Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генштаба. Профессор Николаевской академии, в 1909 г. — начальник Главного управления Генерального штаба. С 1913 г. — помощник по военной части наместника на Кавказе.

После вступления Турции в Первую мировую войну назначен помощником главнокомандующего Кавказской армией. Во время Сарыкамышского сражения в декабре 1914 г., неправильно оценив обстановку, отдал приказ к отступлению, покинул армию и выехал в Тифлис. В Тифлисе Мышлаевский представил доклад об угрозе турецкого вторжения на Кавказ, чем вызвал дезорганизацию тыла армии. В январе 1915 г. отстранен от командования, в марте того же года уволен в отставку. Через несколько месяцев вновь принят на службу, назначен председателем Комитета по делам металлургической промышленности. С августа 1916 г. — главный уполномоченный по снабжению металлами.

После Февральской революции, в марте — июне 1917 г., занимал должность командующего войсками Кавказского военного округа.

Автор трудов по истории Северной войны, о войне в Китае 1900—1901 гг. Организатор Русского военно-исторического общества.

Орановский Владимир Алоизиевич (7 января 1866 — 29 августа 1917, Выборг), генерал от кавалерии, участник русско-японской и Первой мировой войн.

В 1884 г. окончил Пажеский корпус. Выпущен в чине корнета в лейб-гвардии драгунский полк. В 1891 г. окончил Нико-

лаевскую академию Генерального штаба по первому разряду. С 30 ноября 1894 г. по 30 ноября 1895 г. — командир эскадрона 16-го драгунского Глуховского полка. С 22 ноября 1895 г. — штаб-офицер при управлении 2-й Восточно-Сибирской линейной бригады. С 8 ноября 1904 г. — окружной генерал-квартирмейстер штаба Приамурского ВО. С 08.11.1904 г. — генерал-квартирмейстер штаба Приамурского военного округа.

Участник русско-японской войны. Генерал-квартирмейстер 1-й Маньчжурской армии. Награжден «Золотым оружием» с надписью «За храбрость» (ВП 29.03.1905). Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (ВП 27.01.1907).

С 24 марта 1905 г. назначается генерал-квартирмейстером штаба Главнокомандующего сухопутными и морскими силами на театре военных действий. С 21 августа 1907 г. — начальник 2-й отдельной кавалерийской бригады. С 11 июля 1908 г. — начальник штаба генерал-инспектора кавалерии Великого князя Николая Николаевича. Генерал-лейтенант (ст. 01.05.1910). С 1 мая 1910 г. — начальник 14-й пехотной дивизии. С 23.08.1913 г. — начальник штаба Варшавского военного округа.

В 19.07.1914—31.01.1915 в чине генерал-лейтенанта исполнял должность начальника штаба Северо-Западного фронта. Генерал от кавалерии (с 25.10.1914). С 31.01.1915 командовал 1-м кавалерийским корпусом. С 19 апреля 1917 г. командовал 42-м отдельным армейским корпусом, в состав которого входили все войска, размещенные в Финляндии. 26 июля 1917 г. переведен в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа. С 9 августа 1917 г. состоял в распоряжении Главнокомандующего армиями Северного фронта. После подавления выступления частей генерала Л.Г. Корнилова арестован в Выборге постановлением Выборгского Совета по подозрению в сочувствии корниловскому выступлению. После водворения на гауптвахту, в числе других арестованных генералов и офицеров (в их числе были обер-квартирмейстер 42-го армейского корпуса генерал-майор В. Васильев, Н. Орановский, комендант Выборгской крепости генерал-майор Ф.В. Степанов и ряд других офицеров),

вместе с ними был выведен оттуда толпой солдат, и после издевательств они были убиты и сброшены в залив.

Орановский Алоизий Казимирович (22.04.1828 — 1886) — генерал-лейтенант, писатель, начальник 12-й пехотной дивизии. По окончании курса в Павловском кадетском корпусе (ныне Павловское военное пехотное училище) Орановский был произведен в августе 1846 г. в прапорщики и назначен в конно-артиллерийскую легкую № 3 батарею с причислением к Генеральному штабу. Два года спустя он был прикомандирован к Императорской военной академии (ныне Николаевская академия Генерального штаба) и по окончании ее курса в 1851 г. снова причислен к Генеральному штабу с прикомандированием к образцовым войскам на один год. Переведенный затем на службу в бывший 2-й армейский корпус, Орановский 15 июня 1852 г. назначен помощником старшего адъютанта Главного штаба в действующую армию и в том же году был произведен в штабс-капитаны с переводом в Генеральный штаб; через 2 года он был назначен дивизионным квартирмейстером 3-й пехотной дивизии, должность исполнял около 6 лет и последовательно произведен в полковники. В марте 1862 г. Орановский был назначен начальником штаба 4-й пехотной дивизии. В течение следующих трех лет Орановский последовательно занимал следующие должности: помощника военного начальника Калишского отдела, начальника штаба 15-й пехотной дивизии, а затем — 6-й пехотной дивизии. Во время польского мятежа 1863 г., состоя помощником начальника Калишского отдела, Орановский принял деятельное участие в подавлении восстания и особенно отличился в сражении 10 апреля 1863 г. при деревне Кмоски-Пустково. В 1865 г. Орановский получил в командование 23-й пехотный Низовский полк; в 1873 г., уже в чине генерал-майора, был назначен командиром 2-й бригады 6-й пехотной дивизии и затем последовательно командовал разными бригадами; 30 августа 1881 г. произведен в генерал-лейтенанты и утвержден в должности начальника 12-й пехотной дивизии, в которой и состоял до самой своей смерти. Помимо исполнения

обязанностей начальника дивизии он с января 1880 г. по май 1883 г. состоял еще членом, а потом помощником председателя Главного комитета по устройству и образованию войск. Как начальник дивизии, Орановский обращал особое внимание на тщательное обучение стрельбе вверенных ему войск и достиг отличных успехов. Как знаток стрелкового дела, Орановский напечатал в военных журналах ряд статей по этому вопросу; последней из них была статья «О постановке стрелкового дела в 12-й пехотной дивизии» («Военный сборник», 1884). Кроме того, в 1861 г. он выпустил в свет составленное по Высочайшему повелению «Статистическое описание Курляндской губернии», за что ему было объявлено Высочайшее благоволение.

Орановский скончался в местечке Медшибатск 24 июля 1886 г[1].

Потоцкий Павел Платонович (12.12.1857 — 1931, Полтава), генерал от артиллерии (6.12.1916).

Образование получил в Михайловском артучилище (1877) и Михайловской артакадемии. Выпущен в лейб-гвардии 1-ю артиллерийскую бригаду. С 14.11.1902 — командир 2-го дивизиона лейб-гвардии 2-й артбригады. С 03.03.1904 — командир 22-й, с 17.11.1904 25-й артбригады. С 21.11.1907 — начальник артиллерии 13-й АК. С 03.07.1908 начальник, с 24.07.1910 инспектор артиллерии гвардейского корпуса, с которым выступил на фронт. За бои 9—14.10.1914 награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. С 27.12.1914 — начальник 2-й гвардейской пехотной дивизии. Части дивизии действовали храбро и решительно, но в 1915 г. понесли огромные потери, практически был выбит весь кадровый офицерский состав. В конце 1916 г. сменил Великого князя Павла Александровича на посту командира 1-го гвардейского корпуса. После Февральской революции во время чистки высшего комсостава потерял свой пост и 02.04.1917 зачислен в резерв чинов при штабе Киевского, а 22.04.1917 — Петроградского ВО. В сентябре 1918 г. взят в Пе-

[1] Общий архив Главного штаба // Русский инвалид. 1886. № 172; Новое время. 1886. 7 авг. № 3749; Всеобщий календарь. 1888. С. 521.

трограде в числе заложников, но затем освобожден. Историк, библиофил. Собранную им богатую библиотеку безвозмездно передал Наркомпросу. В 1926 г. переведен из Ленинграда в Киев и назначен куратором Музея Украины.

Пржевальский Михаил Алексеевич (05.11.1859—13.12.1934, Белград, Югославия), генерал от инфантерии (19.11.1916).

Образование получил в Михайловском артиллерийском училище (1879), Михайловской артиллерийской академии и Николаевской академии Генштаба (1888). Выпущен в лейб-гвардии 2 артбригаду. С 06.11.1888 — начальник строевого отдела штаба Михайловской крепости, с 16.04.1891 — обер-офицер для особых поручений при командующем войсками Кавказского ВО. С 31.03.1892 — секретарь генерального консульства в Эрзеруме, на этом посту М. Пржевальский пробыл 9 лет, занимался сбором разведывательных сведений, изучил этот регион. С 10.07.1901 — начальник штаба 39-й пехотной дивизии, с 08.07.1903 — командир 155-го пехотного Кубанского полка. С 06.02.1905 — начальник войскового штаба Кубанского, с 05.05.1906 — Терского штаба казачьих войск. С 13.12.1908 — начальник Кубанской пластунской бригады (с началом войны переименована в 1-ю Кубанскую пластунскую бригаду), с которой вступил в мировую войну. С началом военных действий одновременно возглавил Кагызманский отряд. В начале Сарыкамышской операции 15 (28) декабря прибыл с бригадой в Сарыкамыш. На него возложена задача обороны города, сыграл одну из важнейших ролей в Сарыкамышской операции. С 03.02.1915 — командир 2-го Туркестанского АК; был хорошо известен как храбрый и опытный командир. Сыграл выдающуюся роль в проведении Эрзерумской операции 28.12.1915 (10.01.1916) — 03(16).02.1916, где его корпус наносил главный удар, а прорыв осуществляла 4-й Кавказская стрелковая дивизия генерала Н.М. Воробьева. Успешно действовал в Эрзинджано-Харпутской операции, обойдя левый фланг 3-й турецкой армии и разгромив 10-й турецкий корпус. 02(15).07.1916

взял Байбурт, захватив более 2 тыс. пленных и 6 орудий. За отличия в войне награжден орденом Св. Георгия 4-й и 3-й степени. С 03.04.1917 — командующий Кавказской армией, а с 31 мая — главнокомандующий войсками Кавказского фронта. В 1917 г. военные действия на Кавказском ТВД носили вялый характер, а войска фронта под действием революционной пропаганды стремительно теряли боеспособность. 5 (18) декабря Пржевальский вместе с руководством Закавказского комиссариата заключил с Турцией Эрзинджанское перемирие, но это уже не смогло изменить кризисной ситуации. Межпартийные склоки достигли апогея в декабре 1917 г. 27 декабря часть краевого Совета Кавказской армии, при поддержке Закавказского комиссариата и при молчаливом согласии Пржевальского, объявила себя Советом фронта. В ответ левая часть Совета образовала 28 декабря ВРК. Считая невозможным в такой ситуации осуществлять руководство войсками фронта, Пржевальский 28.12.1917 сложил с себя полномочия главнокомандующего и покинул действующую армию, оставив своим заместителем начальника штаба фронта генерала Е.В. Лебединского. Затем вступил в Белую армию и в конце 1918-го назначен генералом А.И. Деникиным командующим добровольческими войсками на Кавказе. В 1919 г. уехал в эмиграцию.

Стельницкий Степан Феликсович (01.12.1854—?), русский генерал от инфантерии (1916).

Образование получил в Рижском пехотном юнкерском училище. С 31.01.1904 — командир 11-го пехотного Семипалатинского полка. Участник русско-японской войны 1904—1905 гг., с 07.09.1905 — командир 2-й бригады 3-й Сибирской пехотной дивизии. За боевые отличия награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и золотым оружием (1905). С 08.03.1907 — командир 1-й бригады 32-й пехотной дивизии, с 02.07.1907 — 49-й пехотной резервной бригады, с 08.06.1910 — 3-й Финской стрелковой бригады. Во главе бригады вступил в войну. С 24.09.1914 — командир 58-й пехотной дивизии. Участник осады крепости Перемышль. 06.03.1915 при попыт-

ке гарнизона крепости организовать прорыв — на дивизию Стельницкого пришелся главный удар. Стельницкий отбил атаку, взяв около 3200 пленных. Неудача атаки стала одной из решающих причин сдачи крепости. За отличия под Перемышлем 03.11.1915 награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. С 18.06.1915 — командир новосформированного 39-го АК, вошедшего в состав 8-й армии генерала А.А. Брусилова. В состав корпуса вошли новые 100-я и 105-я пехотные дивизии, а также, в качестве усиления, 4-я стрелковая «Железная» дивизия генерала А.И. Деникина. Действия корпуса Стельницкого, отбившего яростные атаки австро-венгерских частей, спасли армию, дав ей возможность выйти из тяжелого положения. Участвовал в наступлении Юго-Западного фронта весной 1916 г., в августовской операции. В сентябре 1916-го корпус передан Особой армии, наносившей удар на Ковель. С 14.09.1917 — командующий Особой армией. Принял армию после провала «мятежа» генерала Л.Г. Корнилова. К этому моменту солдаты арестовали большое число офицеров ставки, обвинив их в поддержке Корнилова. Разложение армии шло стремительными темпами, солдаты вместе с местными крестьянами начали осенью захват и разграбление помещичьих имений. После Октябрьской революции 13 ноября Луцкий ВРК при помощи вызванных им с фронта войск захватил власть в городе (здесь размещалась ставка армии) и фактически отстранил Стельницкого от командования. 20 ноября он официально покинул пост командующего. Вскоре уехал на Украину, где был назначен командиром 3-го украинского корпуса, размещавшегося в Киеве. В конце ноября 1918 г. выступил в поддержку генерала Деникина и призвал объединить под его командованием все антибольшевистские силы на Юге России. После этого выступления смещен гетманом П.П. Скоропадским со своего поста.

Тарановский Виктор Петрович (12.10.1864—07.01.1937, Реймс, Франция), генерал-майор (03.04.1915).

Из шляхетского рода Харьковской губернии. Образование получил в 3-м Александровском училище (1884). Выпу-

щен в лейб-гвардии Литовский полк. С 1902 г. — штаб-офицер для поручений при командующем войсками Казанского ВО. С 06.09.1904 — Эриванский вице-губернатор. С 13.08.1905 состоял при войсках Кавказского ВО сверх штата, некоторое время находился при генерале бароне А.Н. Меллер-Закомельском при проведении им карательных экспедиций, с 1906 г. служил в 75-м пехотном Севастопольском полку, с 1908 г. — в офицерской стрелковой школе. С 11.04.1911 — командир 20-го стрелкового полка, с которым вступил в войну. С 11.05.1915 — командир бригады 57-й пехотной дивизии, с 26.04.1916 — 5-й стрелковой дивизии. В 1916 г. назначен командующим 2-й Особой дивизией, объединив под своим руководством все русские войска на Салоникском фронте. В эмиграции состоял председателем Объединения 75-го пехотного Севастопольского полка и Объединения офицеров, сражавшихся на Франко-германском фронте.

Триковский Николай Семенович (6.12.1864—?), генерал-лейтенант (04.04.1917).

Образование получил в Минской духовной семинарии и Рижском пехотном юнкерском училище. Состоял адъютантом и делопроизводителем Виленского пехотного юнкерского училища, командовал ротой, батальоном. Участник русско-японской войны 1904—1905 гг., за боевые отличия награжден золотым оружием и орденом Св. Георгия 4-й степени. С 23.11.1905 — командир отдельного батальона. 16.03.1909 назначен командиром 104-го пехотного Устюжского князя Багратиона полка, во главе которого вступил в войну в составе 26-й пехотной дивизии. В бою 14.02.1915, командуя правым боевым участком, под сильным огнем противника занял высоту, чем значительно облегчил положение Гродненской крепости и всей армии. За это Н. Триковский 26.04.1915 награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. С 09.02.1915 — командир бригады 3-й Сибирской стрелковой дивизии, с 07.10.1915 — командующий 3-й Сибирской стрелковой дивизией. После Февральской революции 06.04.1917 назначен командиром 2-го Сибирского армейского корпуса, 17.07.1917 заменен генералом В.Ф. Новицким.

Цихович Януарий Казимирович (07.09.1871—?), генерал-лейтенант (06.12.1915).

Образование получил на военно-училищных курсах при Московском пехотном юнкерском училище и в Николаевской академии Генштаба (1897). Командовал ротой, батальоном, служил в штабе Виленского ВО, 1-го Сибирского армейского корпуса, Приамурского ВО. Участник русско-японской войны 1904—1905 гг., служил в штабах Маньчжурской армии и главнокомандующего на Дальнем Востоке. С 24.08.1905 исполнял должность начальника штаба 2-й Сибирской пехотной дивизии, с 03.03.1906 — начальник штаба 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии. С 07.12.1910 — командир 26-го Сибирского стрелкового полка, с которым вступил в войну. За бой у деревни Курьян 19.08.1914 награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (приказ 26.04.1915). Затем назначен начальником штаба 1-го Туркестанского армейского корпуса. С 07.08.1915 — начальник 1-й отдельной пехотной бригады, с 21.10.1915 состоял в резерве чинов при штабе Минского ВО. С 17.12.1915 — начальник 44-й пехотной дивизии. С 12.07.1917 — командир 10-го АК (временно командовал корпусом еще в июне). С 11.08.1917 — командующий 3-й, с 09.09.1917 — 7-й армией. В последнюю должность вступил после ареста предыдущего командира, замешанного в выступлении генерала Л.Г. Корнилова. 28 октября в Виннице большевики подняли восстание, к которому присоединился 15-й Крымский запасной пехотный полк. Я. Цихович предпринял недостаточно активные меры к подавлению мятежа. После Октябрьской революции 20.11.1917 был образован большевистский ВРК, который 03.12.1917 сместил Циховича с поста командующего за связь с украинской Центральной радой и назначил на его место штабс-капитана В.К. Триандофилова. В 1918 г. вступил в Красную Армию, в том же году входил в состав контрреволюционного Правого центра.

Шкинский Яков Федорович (04.06.1858—22.04.1938, госпиталь Панчево, Югославия), генерал от инфантерии (06.12.1912).

Образование получил во 2-м Константиновском училище (1877) и Николаевской академии Генштаба (1883). Выпущен в лейб-гвардии Волынский полк. С 08.03.1899 — начальник военных сообщений Кавказского ВО, с 18.06.1901 — генерал-квартирмейстер штаба Кавказского ВО. Участник русско-японской войны 1904—1905 гг: с 02.07.1905 и.д. начальника военных сообщений при главнокомандующем на Дальнем Востоке. После войны, 02.04.1906, назначен генерал-квартирмейстером Главного штаба. С 14.05.1907 — начальник 18-й, с 21.02.1908 — 3-й гвардейской пехотной дивизии. С 07.06.1910 — командир 1-го Сибирского АК, с 11.04.1911 — помощник командующего войсками Виленского ВО. В мае 1914 г. назначен командиром 21-го АК (33-я и 44-я пехотные дивизии, с началом войны — также 69-я пехотная дивизия), с которым вступил в войну в составе 3-й армии Юго-Западного фронта. Сражался при Раве-Русской, на Сане, в Карпатах. 07.10.1915 назначен командующим войсками Иркутского ВО, войсковым наказным атаманом Забайкальского казачьего войска. После Февральской революции отстранен от должности и 31.03.1917 уволен от службы по болезни с мундиром и пенсией. В 1917 г. уехал на Кавказ. В 1918—1919 гг. сотрудничал с ВСЮР. После поражения белых армий эмигрировал в Югославию; был председателем Центрального правления Общества русских офицеров Генштаба в Белграде.

Янушевский Григорий Ефимович (08.03.187?—1928), генерал-лейтенант (19.07.1914). Окончил Подольскую духовную семинарию, Варшавское пехотное юнкерское училище (1883, сдав экзамен) и Николаевскую академию Генерального штаба (1890). Участник русско-японской войны 1904—1905 гг. Участник Первой мировой войны: с 29.07.1915 — командир 1-й гренадерской дивизии; командир 3-го армейского корпуса; в резерве Минского военного округа, в армии гетмана Украины Скоропадского — 1918 г., в Галицийской армии Украинской Народной Рады Петлюры — 1919. В белом движении: 09.1919 с частью войск Галицийской армии Петлюры перешел на сторону Белой армии; руководитель по организации вооружен-

ных сил и объединению повстанческих отрядов на территории Украины для борьбы с большевиками; 09—12.1919 — в резерве ВСЮР и русской армии, с 23.12.1919 — в эмиграции. Умер в Калише, Польша, в 1928 г.

Янушкевич Николай Николаевич [1(13).05.1868—18.10.1918, Тбилиси], русский генерал от инфантерии (1914).

Окончил Михайловское артиллерийское училище (1888) и Академию Генштаба (1896), служил на различных административных должностях. С 1910 г. читал курс военной администрации в Академии Генштаба. Крайне реакционные взгляды Янушкевича, который был членом Совета объединенного дворянства, импонировали Николаю II, что обеспечило его карьеру. В 1913 г. с должности помощника начальника канцелярии Военного министерства Янушкевич назначается начальником Академии Генштаба, а в 1914 г. — начальником Генштаба, хотя был совершенно не подготовлен к этой должности. В начале Первой мировой войны 1914—1918 гг. — начальник штаба Верховного главнокомандующего. Передоверив все вопросы оперативного руководства генерал-квартирмейстеру Ю.Н. Данилову, Янушкевич занимался главным образом административными и политическими вопросами. В августе 1915 г. смещен и назначен помощником наместника на Кавказе по военной части. После Февральской революции 1917 г. — в отставке.

Порембовский Казимир (02.11.1872—?). На службе с 1889 г. Окончил Морское училище унтер-офицером, 13-м по успеваемости (08.09.1892). Затем окончил Минный офицерский класс и зачислен в минные офицеры 1-го разряда в 1898 г.

Произведен: в мичманы (08.09.1892), лейтенанты (13.04.1897), содержание капитан-лейтенанта по цензу (17.04.1905), капитаны 2 ранга «за отличие по службе» (06.12.1906), капитаны 1 ранга «за отличие по службе» (26.11.1912), контр-адмиралы за отличие по службе со старшинством «на основании Высочайшего повеления 23 декабря 1913 г.» (10.04.1916).

В заграничном плавании: на крейсере «Дмитрий Донской» (1895—1899), крейсере «Память Азова» (1899—1900).

Старший минный офицер крейсера 2 ранга «Новик» (04.12.1901—07.08.1904), с мая по август 1904 г. исполняющий должность Старшего офицера крейсера.

Командир миноносца «Тревожный» (1905). В штабе командующего Отдельным отрядом судов, назначенных для плавания с корабельными гардемаринами: старший флаг-офицер (1906—1907), флаг-капитан (1907—1908). Флаг-капитан штаба начальника Балтийского отряда (1908—1909). Временно командующий крейсером «Адмирал Макаров» (1909).

Командир: заградителя «Енисей» (1909—1913), линейных кораблей: «Императрица Мария» (1913—1914), «Ростислав» (1914), «Императрица Мария» (1914—1916). В бригаде крейсеров Черного моря: командующий под брейд-вымпелом (1916), начальник (10.04—10.11.1916). Зачислен в резерв чинов флота Черного моря (10.11.1916).

Награжден: орденами Св. Станислава 3-й степени (06.12.1902), Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (14.03.1904), Св. Станислава 2-й степени с мечами (11.10.1904), Св. Георгия 4-й степени (29.11.1904), золотой саблей с надписью «За храбрость» (02.04.1907), орденами Св. Анны 2-й степени (1907), Св. Владимира 4-й степени с бантом за 20 кампаний (1907), Св. Владимира 3-й степени (06.04.1914), мечами к ордену Св. Владимира 3-й степени (18.04.1915).

Иностранные ордена: прусский — Красного Орла (1902), тунисский — Нишан Ифтикар командорский крест (1907), итальянский — Короны командорский крест (1908), французский — Почетного Легиона офицерский крест (1908), итальянский — Св. Маврикия и Св. Лазаря командорский крест (1910). Итальянская серебряная медаль за оказание помощи пострадавшим во время случившегося в 1908 г. землетрясения на Сицилии и в Калабрии (1911).

Цивинский Генрих Фаддеевич (31.01.1855—06.12.1938), вице-адмирал (6 декабря 1910).

Окончил Морской корпус и механический факультет Военно-морской академии. Служил на крейсере «Африка» под командованием будущего адмирала Дубасова, который стал крестным отцом его старшего сына Евгения. В походе на Дальний Восток — старший офицер крейсера «Владимир Мономах». Г. Цивинский столовался рядом с почетным пассажиром корабля — Цесаревичем и Великим князем Николаем Александровичем Романовым, будущим последним Императором России.

Военная карьера вице-адмирала Цивинского: мичман — 1876 г., лейтенант — 1881 г., капитан 2 ранга — 1891 г. В 1896—1899 гг. командует крейсером в составе эскадры Тихого океана в звании капитана 2 ранга. Командир крейсера «Герцог Эдинбургский» (1901—1904) и одновременно — командир 10-го флотского экипажа. В 1905 г. — командир 4-й (неотправленной) Тихоокеанской эскадры. Переведен на ЧФ. 1906—1908 гг. — командир отдельного практического отряда ЧФ. Контр-адмирал (1906). Руководитель морских артиллерийских опытов, выявивших «…громадную неточность наших таблиц стрельбы», столь дорого обошедшуюся Российскому флоту в войне 1904—1905 гг. В 1906 г. участвует в судебном разбирательстве по делу вице-адмирала З.П. Рожественского. Главный инспектор минного дела во флоте (на 1910). Председатель совета командиров строящихся кораблей (1912).

28 мая 1922 г. Генрих Фаддеевич эмигрировал в Польшу, где стал директором гимназии-интерната в Вильно. Той гимназии, которую полвека назад закончил сам. Скончался в Вильно. Оба сына адмирала Цивинского, Евгений и Георгий, стали морскими офицерами и героически погибли за свою родину — Российскую империю.

Мичман Цивинский 2-й Евгений Генрихович, вахтенный офицер эскадренного броненосца (ЭБР) «Бородино», погиб 14 мая 1905 г. в сражении с японцами при Цусиме.

Великая война 1914 г. принесла в дом вице-адмирала Цивинского новое великое горе. В мае он поздравил младшего сына Георгия с производством в мичманы и с назначением на

крейсер «Паллада» Балтийского флота. А 28 сентября 1914 г. крейсер подорвался на немецкой мине и мгновенно затонул со всем экипажем.

Сарнавский Владимир Симонович (1855—1916), вице-адмирал, адмирал (22.03.1915).

Окончил Морское училище (1876), курс военно-морских наук Николаевской морской академии (1898). Во время русско-турецкой войны (1877—1878) участвовал в бомбардировке Сулина и в постановке минных заграждений на Дунае. Командовал миноноской «Скумбрия» (1885), миноносцем «Сухум» (1887—1890). Командир парохода «Колхида» (30.10.1895), броненосца «Новгород» (13.01.1897), учебного судна «Прут» (11.08.1897), канонерской лодки «Черноморец» (12.10.1899—1.01.1901). Флаг-капитан Берегового штаба старшего флагмана Черноморской флотской дивизии и Штаба Практической эскадры Черного моря (14.05.1901). Командир крейсера «Память Меркурия» (06.12.1902), эскадренного броненосца «Три Святителя» (13.10.1903), крейсера «Паллада» (05.01.1904). Во время русско-японской войны на «Палладе» участвовал в обороне Порт-Артура и в морском сражении в Желтом море (28.07.1904). После падения крепости был в японском плену. Командир крейсера «Князь Пожарский» (30.01.1906), отряда минных крейсеров Практического отряда обороны побережья Балтийского моря (10.04.1906). Назначен исполнять должность младшего флагмана Черноморского флота и начальника Штаба флота и портов Черного моря (16.08.1906). Начальник Штаба Черноморского флота и портов Черного моря (08.01.1907—04.06.1908). Начальник Отряда минных судов Черного моря (19.05.1908), Черноморского отряда Действующего флота (01.09.1908). Назначен исполнять должность начальника Морских сил Черного моря (09.10.1909). Начальник Действующего флота Черного моря (27.11.1909—07.06.1911). Главный командир Севастопольского порта (30.05.1911—25.04.1913). Исполнял должность временного генерал-губернатора и начальника гарнизона города Севастополь (07.06.1911— 25.04.1913). Член

Адмиралтейств-совета (11.03.1913). Умер в Воронеже. Награжден золотым оружием «За храбрость» (02.04.1907) «за отличия, оказанные при защите крепости Порт-Артур».

Домбровский Алексей Владимирович [7(19).01.1882—1954], активный участник Гражданской войны.

В советском ВМФ с 1918 г. Окончил Морской кадетский корпус (1901), минные офицерские классы (1909) и Морскую академию (1914). Принимал участие в русско-японской войне 1904—1905 гг. в качестве офицера крейсера «Россия», затем служил в Минной дивизии Балтийского флота. В Первую мировую войну участвовал в боях на Балтике. С июня 1917 г. — командир линкора «Полтава». После Октябрьской революции перешел на сторону советской власти и остался на своем посту. Участвовал в Ледовом походе Балтийского флота 1918 г. С июля 1918 г. — начальник 1-й бригады линкоров, а с февраля 1919 г. — начальник Штаба Балтийского флота. Участвовал в организации отражения наступления войск Юденича на Петроград. 24 апреля 1920 г. был назначен начальником Морских сил Черного и Азовского морей и руководил их боевыми действиями против врангелевского флота, обеспечивая приморские направления Юго-Западного, Кавказского и Южного фронтов. После Гражданской войны, в 1921—1925 гг., — начальник Морского штаба Республики, в 1925—1926 гг. — помощник начальника специальных курсов усовершенствования командного состава флота, в 1926—1928 гг. — помощник начальника Военно-морской академии. С 1930 г. — в запасе.

Сандецкий Александр Генрихович (1851—?).

Православный поляк, из дворян. Образование получил в Полоцкой военной гимназии. В службу вступил 08.07.1869. Окончил 2-е военное Константиновское училище (1871). Выпущен подпоручиком (ст. 11.08.1871) в 4-й Кавказский строевой батальон. Позже служил в 19-й артбригаде. Прапорщик (ст. 01.07.1874). Подпоручик (ст. 26.11.1874). Поручик (ст. 09.12.1876). Штабс-капитан (ст. 26.12.1877). Окончил Николаевскую ака-

демию Генштаба (1878; по 2-му разряду). Помощник степени адьютанта штаба Западно-Сибирского ВО (20.11.1878—22.03.1880). Состоял для особых поручений при штабе 1-го Кавказского армейского корпуса (22.03—11.07.1880). Капитан Генштаба (ст. 20.04.1880). Помощник степени адьютанта штаба Омского ВО (11.07.1880—17.04.1883). Подполковник (ст. 17.04.1883). Штаб-офицер для поручений при командующем войсками Семиреченской области (17.04.1883—07.12.1885). Штаб-офицер для особых поручений при штабе 2-го Кавказского армейского корпуса (07.12.1885—26.12.1887). Цензовое командование батальоном отбывал в 77-м пехотном Тенгинском полку (08.12.1886—10.12.1887). Полковник (пр. 1887; степени 05.04.1887; за отличие). Начальник штаба крепости Карс (26.12.1887—31.05.1890). Начальник Карского военного госпиталя (06.07.1888—31.05.1890). Начальник штаба 38-й пехотной дивизии (31.05.1890—25.11.1891). Начальник штаба 1-й гренадерской дивизии (25.11.1891—12.04.1895). Начальник штаба войск Забайкальской области (12.04.1895—12.07.1899). Генерал-майор (пр. 1896; степени 13.04.1897; за отличие). Командир 1-й бригады 15-й пехотной дивизии (12.07.1899—25.01.1904). Генерал-лейтенант (пр. 1904; степени 28.03.1904; за отличие). Начальник 34-й пехотной дивизии (25.01.1904—15.03.1906). Командир Гренадерского корпуса (15.03.1906—24.09.1907). Командующий войсками Казанского ВО (24.09.1907—07.02.1912). Генерал от инфантерии (пр. 1910; степени 18.04.1910; за отличие). С 07.02.1912 — член Военного совета. При проведении мобилизации 19.07.1914 назначен временно командующим войсками Московского ВО, руководил проведением мобилизации, подготовкой и формированием подкреплений. 24.04.1915 зачислен в распоряжение Верховного главнокомандующего. С 08.08.1915 — командующий войсками Казанского ВО. После Февральской революции 05.03.1917 подал прошение об отставке и освободил должность. Арестован по постановлению Временного комитета и помещен под домашний арест. 07.03.1917 назначен членом Военного совета, но уже 27.03.1917 уволен от службы по болезни с мундиром и пенсией. В июле 1917 г. по

докладу главного военного прокурора военный министр приказал передать военно-окружному суду Московского ВО дело Сандецкого, предполагалось, что оно будет слушаться в октябре 1917 г., но произошла задержка, и суд к этому вопросу уже не возвращался. Арестован органами ЧК. Содержался в Таганской и Бутырской тюрьмах. Расстрелян.

Хелмицкий Павел Людвигович (1855—?).

Православный поляк. Образование получил во 2-й С.-Петербургской военной гимназии. В службу вступил 20.08.1872. Окончил 1-е военное Павловское училище (1874). Выпущен прапорщиком (ст. 07.08.1874) в 37-ю артбригаду. Подпоручик (ст. 25.10.1875). Поручик (ст. 09.12.1876). Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Штабс-капитан (ст. 18.12.1878). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1885; по 1-му разряду). Капитан (пр. 1885; степени 29.03.1885; за отличие). Состоял при Кавказском ВО. Старший адьютант штаба 39-й пехотной дивизии (26.11.1885—26.12.1887). Цензовое командование ротой отбывал в 153-м пехотном Бакинском полку (10.10.1887—24.10.1888). Начальник строевого отдела штаба Карской крепости (26.12.1887—18.06.1888). Обер-офицер для поручений при штабе Кавказского ВО (18.06.1888—09.04.1889). Подполковник (ст. 09.04.1889). Штаб-офицер для особых поручений при командующем войсками Кавказского ВО (09.04.1889—04.09.1896). Цензовое командование батальоном отбывал в 150-м пехотном Таманском полку (09.05—09.09.1892). Полковник (пр. 1893; степени 28.03.1893; за отличие). Начальник штаба 2-й Кавказской казацкой дивизии (04.09.1896—24.12.1900). Командир 1-го Екатеринодарского полка КубКВ (24.12.1900—03.05.1904). Генерал-майор (пр. 1904; степени 03.05.1904; за отличие). Начальник Закаспийской казачьей бригады (03.05.1904—05.07.1910). Генерал-лейтенант (пр. 1909; степени 21.01.1909; за отличие). Начальник 3-й Кавказской казацкой дивизии (05.07.1910—16.04.1917), с которой вступил в мировую войну. С 12.1914 одновременно командовал сводным конным корпусом в составе армий Юго-Западного фронта. Генерал от

кавалерии (пр. 29.07.1917), уволен со службы по болезни (с пенсией). По некоторым известиям, проживал во Владикавказе и был расстрелян при оставлении города большевиками под натиском восставших казаков Терского КВ 26.07 (08.08).1918.

Награды: ордена Св. Станислава 3-й степени (1881); Св. Анны 3-й степени (1889); Св. Станислава 2-й степени (1892); Св. Анны 2-й степени (1896); Св. Владимира 4-й степени (1899); Св. Владимира 3-й степени (1903); Св. Станислава 1-й степени (1906); Св. Анны 1-й степени (06.12.1912); Белого Орла (1915); Св. Владимира 2-й степени с мечами (1915); Георгиевским оружием (ВП 10.07.1916).

Новицкий Павел Иванович (23.06.1857—15.12.1917), вице-адмирал (14.04.1913).

Образование получил в Морском корпусе (1878). В 1892—1893 гг. — командир миноносца «Сухум», в 1899—1901 гг. — транспорта «Псезаапе», в 1901 г. — парохода «Колхида», в 1901—1902 гг. — минного крейсера «Казарекий», в 1902—1904 гг. — морской канонерской лодки «Уралец». В 1906 г. — флаг-капитан командира практической эскадры Черного моря. В 1906—1907 гг. командовал эскадренным броненосцем «Двенадцать Апостолов», а в 1908—1909 гг.— крейсером «Память Меркурия». В 1909—1911 гг. — начальник штаба Северного порта, в 1911 г. — действующего флота, затем — командующего силами Черного моря. В 1911—1912 гг. — начальник Черноморской минной дивизии. С началом войны П. Новицкий — 20.07.1914 — назначается начальником бригады линейных кораблей Черноморского отряда. С 21.07.1916 — главный командир Севастопольского порта. После Февральской революции отстранен от должности и 24.03.1917 зачислен в резерв чинов Черноморского флота. Остался в Севастополе, был арестован большевиками и расстрелян в числе большого числа морских офицеров на Малаховом кургане.

Мы не уверены, что все перечисленные в списке генералы и адмиралы являются потомками поляков, но все они пред-

ставляют шляхетские роды Речи Посполитой. Обратите внимание, ни один из перечисленных генералов не воевал против России в рядах польской армии, даже адмиралы Порембовский и Цивинский, эмигрировавшие в Польшу, не предпринимали никаких действий, которые могли бы принести какой-либо ущерб России. Первый занимался общественной работой, второй — педагогической деятельностью. И это понятно, все эти генералы были патриотами своей Родины.

Несколько по-другому позиционируется генерал Довбор-Мусницкий.

Довбор-Мусницкий Иосиф Романович (Ю□зеф) (1867—1937) — русский и польский генерал.

Родился в Гарбуве в польской дворянской семье. Евангелическо-реформатского вероисповедания. Образование получил в Николаевском кадетском корпусе. В 1902 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду.

Участник русско-японской войны. Подполковник (ст. 06.12.1904).

С 11 сентября 1906 г. — старший адъютант штаба Иркутского военного округа. Со 2 марта 1908 г. — штаб-офицер для поручений при штабе 10-го армейского корпуса. Цензовое командование батальоном отбывал в 122-м пехотном Тамбовском полку (30.04—30.08.1908). Полковник (ст. 06.12.1908). Был прикомандирован к кавалерии (08.07—08.08.1909) и артиллерии (30.08—28.10.1910). С 9 ноября 1910 г. — начальник штаба 11-й пехотной дивизии. С 21 апреля 1912 г. — начальник штаба 7-й пехотной дивизии. Генерал-майор (ст. 12.08.1914).

Участник Первой мировой войны. Командир 14-го Сибирского стрелкового полка. С 3 сентября 1915 г. — генерал для поручений при командующем 1-й армией. С 25 февраля 1916 г. — командующий 123-й, а с 7 ноября 1916 г. — 38-й пехотной дивизией. 17 января 1917 г. назначен и. д. начальника штаба 1-й армии.

После Февральской революции 28 апреля 1917 г. Довбор-Мусницкий был назначен командиром 38-го армейского корпуса. Генерал-лейтенант (05.05.1917).

В конце мая 1917 г. в Петрограде состоялся первый Всероссийский съезд военных поляков. Было предложено сформировать польские военные части. На съезде избрали Верховный Польский Военный Комитет, которому было поручено практическое осуществление пожеланий съезда. Временное правительство, поощрявшее сепаратизм, дало разрешение на формирование одного польского корпуса. Командующим 1-м Польским корпусом в августе 1917 г. назначен Довбор-Мусницкий. К концу декабря 1917 г. Польский корпус состоял уже из 12 стрелковых полков, 3 уланских полков и тяжелой артиллерии. Части корпуса не пользовались войсковым самоуправлением, не имели комитетов, сохраняли дореволюционную дисциплину, безусловное подчинение начальству. От солдат, поступающих в корпус, требовали особой подписки о подчинении всем требованиям и распоряжениям командиров.

12(25) января 1918 г. Довбор-Мусницкий отказался подчиняться советскому правительству, мотивируя это нейтралитетом по отношению к российским политическим делам. 21 января (3 февраля) командующий Западным фронтом А.Ф. Мясников отдал приказ о расформировании корпуса и демобилизации солдат и офицеров. На подавление мятежа были брошены части латышских стрелков и матросов под командованием И.И. Вацетиса и И.П. Павлуновского. 1-я Польская дивизия потерпела неудачу у Рогачева, 2-я и 3-я дивизии были вынуждены отойти к Бобруйску и Слуцку. Однако затем при поддержке германских войск и отрядов Белорусской рады корпус перешел в наступление и 20 февраля 1918 г. взял Минск. По соглашению с германским командованием корпус оставался в Белоруссии, где выполнял функции оккупационных войск.

В мае 1918 г. Довбор-Мусницкий по соглашению с немцами расформировал корпус и вывел его остатки в Польшу. Командовал частями польских повстанцев во время Великопольского восстания (1918—1919). Был одним из наиболее влиятельных политических противников Пилсудского и претендовал на ведущее положение в послевоенной Польше. Однако

в этой борьбе победил Пилсудский. И Довбор-Мусницкий в 1920 г. вынужден был выйти в отставку. В 1920 г. стал польским генералом брони. Жил в имении Баторув, около Познани. Написал воспоминания. В советско-польской войне не участвовал. Это был честный и мужественный русский генерал, поэтому, наверное, и не пришелся в Польше «ко двору».

При разработке перечня использовались материалы Залесского К.[1] и Клавинга В.[2].

19.2. Поляки — полные Георгиевские кавалеры сражения при Порт-Артуре (1904), Первой мировой войны 1914—1917 годов

Приведем несколько фамилий поляков — полных Георгиевских кавалеров, некоторые их них погибли за Россию, но и оставшиеся в живых против России не воевали.

Грубовский Иосиф-Раймунд Игнатьевич — полный Георг. кавалер., 1889 г.р. Из мещан города Добржиня Полоцкой губернии. Старший унтер-офицер 5-го эскадрона 9-го гусарского Киевского полка. Окончил 1-ю Киевскую школу прапорщиков.

Качмарский Юлиан — полный Георг. кавалер. Подпрапорщик 192-го пехотного Рымникского полка. Погиб в ноябре 1916 г.

Квятковский Адам Иванович — полный Георг. кавалер. Из крестьян д. Ракишки гмины Ленг, Вроцлавского уезда, Варшавской губернии. Фельдфебель 4-й роты 305-го пехотного Лаишевского полка.

Неверицкий Исидор — полный Георг. кавалер. Из крестьян м. Коростышек, Радомысльского уезда, Киевской губернии. Подпрапорщик 20-го пехотного Галицкого полка.

Немержицкий Павел Иванович — полный Георг. кавалер. Ст. унтер-офицер 196-го пехотного Инсарского полка.

---

[1] *Залесский К.А.* Кто был кто в Первой мировой войне. Биографический энциклопедический словарь. — М., 2003

[2] *Клавинг В.* Гражданская война в России: Белые армии. Военно-историческая библиотека. — М., 2003.

Погурский Иоаким Прокофьевич — полный Георг. кавалер. 1888 г. р., д. Виноград Звенигордского уезда, Киевской губернии. На военной службе с 1912 г., подпрапорщик 15-го пехотного Шлиссельбургского полка.

Цибульский Антон Иосифович — полный Георг. кавалер. 28-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, заурядпрапорщик.

Цибульский Михаил Яковлевич — полный Георг. кавалер. Подпрапорщик 296-го пехотного Грязовецкого полка. «За боевые отличия» в 1915 г. произведен в прапорщики, затем — в подпоручики со старшинством с 22.08.1915.

Янковский Александр Ипполитович — полный Георг. кавалер. 1877 г. р., из крестьян Седлецкой губернии. В составе 52-го драгунского Нежинского полка участвовал в русско-японской войне. Сверхсрочник, с 1911 г. — в 9-м уланском Бугском полку. «За боевые отличия» произведен в прапорщики 16.10.1914. С 1915 г. — в конно-подрывном отряде Кавказской туземной конной дивизии, прикомандирован к Дагестанскому конному полку. Корнет со старшинством с 12.01.1915.

19.3. Спасение знамен новогеоргиевского гарнизона[1]

За Россию героически сражались все ее граждане. Примером воинского братства является подвиг, связанный со спасением знамен новогеоргиевского гарнизона.

Новогеоргиевская крепость, построенная к югу от Варшавы в конце XIX в., являлась ядром крупного укрепрайона и была возведена как раз на случай возможной войны с немцами. Однако артиллерийское дело не стояло на месте, и твердыня, считавшаяся в 1880-х гг. не по зубам даже тяжелым орудиям, в 1915 г. уже не могла противостоять германским осадным пушкам.

Крепость держалась несколько суток, но из-за постоянных артиллерийских обстрелов к 19 августа сопротивление ее защитников было подавлено. Утром этого дня, воспользовавшись туманом, наблюдатель крепостного авиационного отряда

[1] URL: http://www.airaces.narod.ru/ww1/russia/vakulovs.htm.

поручик К.К. Вакуловский и другие пилоты отряда вывезли на своих самолетах знамена воинских частей, а также ордена офицеров гарнизона. Кроме Вакуловского (русского) в спасении знамен участвовали начальник крепостного авиаотряда штабс-капитан Ю.М. Козьмин (русский) и поручик А.В. Мрачковский (поляк), а также пехотинцы, отвечавшие за секретные документы, — прапорщик Г. Тисвенко (украинец) и капитан Генштаба Радзин (латыш).

Эпизод со спасением знамен явился единственным светлым пятном во всей новогеоргиевской эпопее, и, естественно, его широко освещали в отечественной печати. Все герои были награждены орденом Св. Георгия 4-й степени.

Георгиевские кавалеры. Цифрой 2 помечен К. Вакуловский, 5 — Ю.М. Козьмин, 10 — А.В. Мрачковский.

ВЫВОДЫ

Русские поляки отличались талантами и усердием в военной службе, поэтому нередко совершали головокружительные карьеры в Российской армии.

Поляки, добившиеся высоких званий и наград в Российской армии, отличались благородством и патриотизмом, среди них не было клятвопреступников.

Глава 20
Поляки в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов

С именами советских поляков связано немало славных страниц истории Великой Отечественной войны.

Маршал **К.К. Рокоссовский** является самым выдающимся полководцем-поляком всех времен. Он первый по всем критериям: полководческому таланту, стратегическому мышлению, по масштабам управляемых сил и средств, по грандиозности и красоте побед. Поляк К.К. Рокоссовский командовал Парадом Победы, одной из величайших побед в истории человечества.

Родился будущий маршал в Варшаве 8 (20) декабря 1894 г. При рождении был крещен в Православие. Его отцом был поляк — Ксаверий Юзеф Рокоссовский (1853—1902), происходивший из шляхетского рода Рокоссовских герба Гляубич. Его предки утратили шляхетство в середине XIX в. Мать Антонина (Атонида) Овсянникова — русская, учительница. Рано осиротевший, Константин Рокоссовский брался за любую работу, чтобы выжить.

2 августа 1914 г. 18-летний Константин добровольцем (охотником) вступил в 6-й эскадрон 5-го Каргопольского драгунского полка 5-й кавалерийской дивизии 12-й армии. Юный воин блестяще зарекомендовал себя, его подвиги были отмечены четырьмя георгиевскими медалями.

С самого начала Гражданской войны Рокоссовский — в Красной гвардии, затем — в Красной Армии. Его талант сразу же замечают, и буквально через несколько месяцев он командует кавалерийским полком. В 1919 г. молодой командир вступил в РКП(б).

Рокоссовский отличался мужеством, отвагой, честностью и скромностью. Его продвижение по службе шло последова-

тельно, каждая новая должностная ступень была не менее ценна на дальнейшем его пути, чем овладение теорией. За ратные подвиги в Гражданскую войну будущий маршал получил два ордена Боевого Красного Знамени.

После войны с сентября 1924 г. по август 1925 г. Рокоссовский вместе с Г.К. Жуковым — слушатель Кавалерийских курсов усовершенствования командного состава. С 1926 по 1928 г. служит инструктором в монгольской армии. С января по апрель 1929 г. — прошел курсы усовершенствования высшего начального состава при Академии им. Фрунзе. В 1936 г. К. К. Рокоссовский командует 5-м кавалерийским корпусом в Пскове.

Казалось, ничто в его судьбе не предвещало драматического поворота. Но вот 27 июня 1937 г. он исключается из ВКП(б) «за потерю классовой бдительности». 22 июля 1937 г. Рокоссовского увольняют из РККА «по служебному несоответствию». С 17 августа 1937 г. по 22 марта 1940 г. он содержится во Внутренней тюрьме УГБ при НКВД по Ленинградской области. Однако 22 марта 1940 г. освобожден в связи с прекращением дела по ходатайству С.К. Тимошенко к И.В. Сталину и реабилитирован. К.К. Рокоссовского полностью восстанавливают в правах, в должности и в партии. В том же году с введением генеральских званий в РККА ему присваивается звание «генерал-майор».

После нападения Германии на СССР К.К. Рокоссовский командовал 9-м механизированным корпусом. Несмотря на некомплект танков и транспорта, войска 9-го мехкорпуса в течение июня — июля 1941 г. активной обороной изматывали противника, отступая только по приказу.

Позднее группа Рокоссовского была слита с понесшей тяжелые потери 16-й армией, а Рокоссовский назначен командующим этой армии.

Его армия должна была прикрывать Волоколамское направление к Москве. Там сложилась особенно трагическая ситуация: дорога на Москву оказалась открыта, а большая часть войск 16-й армии была либо переподчинена, либо находилась в окружении. К.К. Рокоссовский перехватывал войска на марше

и как мог закрывал Волоколамское направление. Под Москвой К.К. Рокоссовский приобрел огромный полководческий авторитет. За битву под столицей его награждают орденом Ленина.

8 марта 1942 г. он был ранен осколком снаряда. Ранение оказалось тяжелым — были задеты правое легкое, печень, ребра и позвоночник. После операции в Козельске доставлен в московский госпиталь в здании Тимирязевской академии, где проходил лечение до 23 мая 1942 г. 26 мая прибыл в Сухиничи и вновь принял командование 16-й армией. 30 сентября 1942 г. генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский назначается командующим Сталинградским фронтом. При его участии был разработан и осуществлен план операции «Уран» по окружению и уничтожению вражеской группировки, наступавшей на Сталинград.

31 января 1943 г. войска под командованием К.К. Рокоссовского пленили фельдмаршала Ф. фон Паулюса, 24 генерала, 2500 немецких офицеров, 90 тыс. солдат. 28 января он был награжден только что учрежденным орденом Суворова.

Из донесений разведки было ясно, что летом немцы планируют большое наступление в районе Курска. Командующие некоторых фронтов предлагали развивать успехи Сталинграда и провести широкомасштабное наступление летом 1943 г. Однако К.К. Рокоссовский был другого мнения. Он считал, что для наступления нужно двойное, тройное превосходство сил, чего у советских войск на этом направлении не было. Чтобы остановить немецкое наступление летом 1943 г. под Курском, необходимо перейти к обороне. Надо буквально укрыть в земле личный состав, боевую технику. В этой операции К.К. Рокоссовский проявил себя блестящим стратегом и аналитиком — на основании данных разведки он сумел в точности определить участок, на котором немцы собираются нанести главный удар, создать на этом участке глубоко эшелонированную оборону и сосредоточить там около половины своей пехоты, 60% артиллерии и 70% танков.

Поистине новаторским решением была также артиллерийская контрподготовка, проведенная за 3 часа до начала немецкого наступления. Оборона Рокоссовского оказалась

настолько прочной и стабильной, что он смог передать значительную часть своих резервов генералу Ватутину, когда у того на южном фланге Курской дуги возникла угроза прорыва. Его слава гремела по всем фронтам, он стал широко известен на Западе как один из самых талантливых советских военачальников. Большой популярностью и уважением пользовался Рокоссовский и среди солдат.

В полной мере полководческий талант К.К. Рокоссовского проявился летом 1944 г. при проведении операции по освобождению Белоруссии. План операции разрабатывался К.К. Рокоссовским совместно с А.М. Василевским и Г.К. Жуковым. Стратегической «бомбой» этого плана было предложение Рокоссовского нанести удар по двум главным направлениям, что обеспечивало охват флангов противника на оперативной глубине и не давало последнему возможности маневра резервами.

22 июня 1944 г. советские войска начали операцию «Багратион», самую масштабную за всю историю мировых войн. Уже в первый день было уничтожено 25 немецких дивизий. На второй день операции И.В. Сталин оценил гениальное военное решение К.К. Рокоссовского.

19 июня 1944 г. генералу армии К.К. Рокоссовскому была вручена бриллиантовая звезда Маршала Советского Союза, а 30 июля — первая Звезда Героя Советского Союза. К 11 июля силами Рокоссовского была взята в плен 105-тысячная группировка противника.

В качестве командующего 2-м Белорусским фронтом К. К. Рокоссовский провел ряд операций, в которых проявил себя как мастер стратегического маневра. Ему дважды приходилось разворачивать свои войска практически на 180 градусов, умело концентрируя свои немногочисленные танковые и механизированные соединения. В результате действий его и соседнего фронтов оказалась разгромленной мощная Померанская группировка немцев. 1 июня 1945 г. Рокоссовскому вручена вторая Звезда Героя Советского Союза.

24 июня по решению И.В. Сталина К.К. Рокоссовский командовал Парадом Победы в Москве.

С июля 1945 до 1949 г., по приказу Верховного Главнокомандующего, К.К. Рокоссовский — создатель и Главнокомандующий Северной группой войск на территории Польши.

В 1949 г. польский президент Болеслав Берут обратился к И.В. Сталину с просьбой направить в Польшу для прохождения службы на посту министра национальной обороны поляка К.К. Рокоссовского. Несмотря на длительное проживание в России, Рокоссовский остался поляком по манерам и речи, что обеспечило бы благосклонность большинства поляков к министру из России. Однако некоторые газеты и западная пропаганда усиленно создавали ему репутацию «московита» и «наместника Сталина». В 1950 г. на него дважды было совершено покушение польскими националистами, в том числе из кадровых военных польской армии, состоявших ранее в Армии Крайовой.

В 1949—1956 гг. он проделал большую работу по перевооружению, структурной реорганизации польской армии (сухопутные моторизованные войска, танковые соединения, ракетные соединения, войска ПВО, авиация и военно-морской флот), подъему обороноспособности и боеготовности в свете современных требований (угроза ядерной войны), сохранив ее национальное своеобразие. Согласно интересам армии в Польше были модернизированы пути сообщения и связь, создана военная промышленность. Рокоссовский постоянно посещал различные воинские части и маневры. Для обучения офицеров были открыты Академия Генерального штаба им. К. Сверчевского, Военно-техническая академия им. Я. Домбровского и Военно-политическая академия им. Ф. Дзержинского.

В 1956 г. К.К. Рокоссовский возвращается в СССР.

С ноября 1956 г. по июнь 1957 г. он — заместитель министра обороны СССР, по октябрь 1957 г. — Главный инспектор Министерства обороны СССР с оставлением в должности заместителя министра обороны. С октября 1957 г. по январь 1958 г., в связи с обострением ситуации на Ближнем Востоке, — командующий войсками Закавказского военного округа. С января 1958 г. по апрель 1962 г. — снова заместитель министра

обороны СССР — главный инспектор Министерства обороны. В 1961—1968 гг. возглавляет Государственную комиссию по расследованию причин гибели подводной лодки С-80.

С апреля 1962 г. по август 1968 г. — генеральный инспектор Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Расследовал сдачу недостроенных кораблей военно-морскому флоту.

В 1968 г. К.К. Рокоссовский подписал в набор свои воспоминания «Солдатский долг».

3 августа 1968 г. К.К. Рокоссовский скончался. Похоронен у Кремлевской стены.

Поплавский Станислав Гилярович — командующий 1-й армией Войска Польского в составе войск 1-го Белорусского фронта, генерал дивизии Войска Польского (генерал-лейтенант Красной Армии).

Родился 9 (22) апреля 1902 г. в селе Виндычаны, ныне Могилев-Подольского района Винницкой области Украины, в крестьянской семье. Поляк. В Красной Армии с 1923 г. Службу начал рядовым, затем был курсантом полковой школы, младшим командиром. Член ВКП(б)/КПСС с 1928 г. В 1930 г. окончил Харьковское военное училище, в 1938 г. — Военную академию им. М.В. Фрунзе.

Во время Великой Отечественной войны сражался с гитлеровцами на Западном, Калининском, 1-м и 3-м Белорусских фронтах в должностях: с июля 1941 г. — командира 720-го стрелкового полка, начальника штаба 363-й стрелковой дивизии. С января 1942 г. последовательно командовал 184-й, 256-й, 220-й стрелковыми дивизиями; с июня 1943 г. — командир 45-го стрелкового корпуса 5-й армии (1943—1944). Постановлением Совета народных комиссаров Союза ССР от 14 февраля 1943 г. № 176 полковнику С.Г. Поплавскому присвоено воинское звание «генерал-майор».

В 1944 г. по просьбе правительства Польши С.Г. Поплавский откомандирован в Войско Польское, в котором с сентября 1944 г. командовал 2-й, а с декабря 1944 г. — 1-й армией Войска

Польского. За умелое управление войсками при прорыве обороны противника на реке Одер и в боях за Берлин и проявленные при этом мужество и героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 мая 1945 г. командующему 1-й армией Войска Польского Поплавскому Станиславу Гиляровичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 6485). Постановлением Совета народных комиссаров Союза ССР от 11 июля 1946 г. № 1545 Поплавскому С.Г. присвоено воинское звание «генерал-полковник». Постановлением Совета Министров Союза ССР от 12 августа 1955 г. № 1486 генерал-полковнику Поплавскому С.Г. присвоено воинское звание «генерал армии».

Награжден тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 1-й и 2-й степени, Кутузова 2-й степени, Богдана Хмельницкого 2-й степени, Красной Звезды, медалями, а также иностранными наградами: орденом Возрождения Польши трех степеней, орденом «За воинскую доблесть» («Виртути Милитари») 2-й степени, орденом «Крест Грюнвальда» 2-й степени, двумя орденами «Знамя Труда» 1-й степени, двумя орденами «Золотой крест Заслуг» (Польша); орденом Белого Льва «За Победу», Золотой звездой ордена «За свободу» (Чехословакия); орденом «Партизанская звезда» 1-й степени, орденом «За храбрость» (Югославия); медалью Почетного легиона (1945, США).

Сверчевский Кароль Карлович (22 февраля 1897, Варшава, — 28 марта 1947, под Яблонками вблизи Балигруда) — государственный и военный деятель СССР и ПНР, генерал-полковник.

Кароль Сверчевский с 1909 г. работал на фабрике Герляха учеником токаря. Участник Октябрьской революции 1917 г. Был бойцом Лефортовского отряда Красной гвардии в Москве. Член РКП(б) с 1918 г. Сражался в рядах Красной Армии на фронтах Гражданской войны. В 1927 г. окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе, затем назначен на должность начальника штаба полка, а позднее — дивизии.

В годы гражданской войны в Испании под именем генерала Вальтер командовал 14-й интернациональной бригадой, а затем — 35-й интернациональной дивизией. Принимал участие в обороне Мадрида.

В начале Великой Отечественной войны — старший преподаватель Военной академии им. М.В. Фрунзе. Но генерал-майор Сверчевский по личной просьбе был направлен на фронт. Он назначается на должность командира 248-й стрелковой дивизии. В боях под Харьковом получил тяжелое ранение и попал в госпиталь.

К.К. Сверчевский был одним из организаторов Польской армии на территории СССР. В августе 1943 г. он становится заместителем командира 1-го Польского армейского корпуса. В августе 1944 г. Кароль Сверчевский избран членом ЦК Польской рабочей партии. В сентябре 1944 г. генерал-лейтенанта Сверчевского назначают командующим 2-й армией Войска Польского, которая под его командованием участвовала в освобождении от немецких войск западных польских земель и ряда других территорий.

После окончания войны генерал-полковник К. Сверчевский занимал многие ответственные посты. С февраля 1946 г. — заместитель министра национальной обороны Польши, с января 1947 г. — депутат Законодательного сейма. Выполнял ряд дипломатических миссий, в частности, на переговорах с международной Контрольной комиссией относительно репатриации поляков из Германии и западных стран, а также в США, Канаде и странах Латинской Америки.

В 1947 г., будучи заместителем министра обороны, командовал операцией, направленной против Украинской повстанческой армии (УПА), во время которой 28 марта был убит бойцами из «сотен» УПА под командованием «Хрена» и «Стаха».

Генерал Сверчевский — легендарная личность. Кароль Карлович был выдающимся разведчиком, дипломатом, военачальником, педагогом, ученым (его диссертация выдвигалась на соискание Сталинской премии), политиком, организато-

ром. В романе «По ком звонит колокол» Хемингуэй описывает его под именем Гольц.

Сверчевский — «Вальтер» — единственный советский генерал, который во время гражданской войны в Испании возглавил испанскую дивизию. 35-я дивизия под его командованием одержала ряд блистательных побед, и это несмотря на то, что ее командир был штабистом и практически не имел командного опыта.

Советское руководство полностью доверяло ему. Под его началом было выполнено множество успешных секретных разведывательных операций и дипломатических миссий.

Генерал Сверчевский являлся выдающимся организатором Войска Польского и Коминтерновского движения, а также советской агентурной сети за рубежом.

Невозможно перечислить всех советских поляков, которые внесли вклад в Великую Победу. В качестве отдельного документального свидетельства такого вклада приведем следующий приказ Верховного Главнокомандующего.

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Командующему войсками
1-го Белорусского фронта
Маршалу Советского Союза *Жукову*

Начальнику штаба фронта
Генерал-полковнику *Малинину*

Войска 1-го Белорусского фронта, совершив стремительный обходный маневр к западу от Варшавы, заняли город Жирардув, перерезали дороги на Сохачев, форсировали Вислу севернее Варшавы и, отрезав таким образом Варшаву с запада, сегодня, 17 января, путем комбинированного удара с севера, запада и юга овладели столицей союзной нам Польши

городом Варшава — важнейшим стратегическим узлом обороны немцев на реке Висла.

В боях за овладение городом Варшава отличились войска генерал-майора Перхоровича, генерал-полковника Белова, 1-й польской армии генерал-лейтенанта Поплавского, генерал-лейтенанта Лукьянченко, генерал-майора Стражевского, генерал-лейтенанта Пулко-Дмитриева, генерал-майора Андреева, генерал-майора Анашкина, генерал-майора Позняка, генерал-майора Чернова, полковника Выдригана, генерал-майора Заикина, полковника Соловьева, полковника Павловского, полковника Музыкина, генерал-майора Роткевича, полковника Шейпака, генерал-майора Бевзнжа, полковника Зайковского, генерал-майора Кеневича, полковника Радзивановича; артиллеристы генерал-лейтенанта артиллерии Година, генерал-майора артиллерии Модзелевского, генерал-майора артиллерии Пласкова, полковника Блонского, полковника Викентьева, полковника Скаковского, полковника Дейнеховского, полковника Керна, полковника Прокоповича, полковника Грехова, генерал-майора артиллерии Лярского, полковника Колоколова, полковника Еловацкого, полковника Юргелевича, [подполковника] Васищева, подполковника Мухачева, майора Поповича, подполковника Васильчева, подполковника Михайловского; танкисты генерал-полковника танковых войск Богданова, генерал-лейтенанта Радзиевского, генерал-майора танковых войск Веденеева, генерал-майора танковых войск Телякова, генерал-лейтенанта танковых войск Кривошеина, генерал-майора танковых войск Кретова, подполковника Белобородова, подполковника Коростия, полковника Еремеева, полковника Малютина, подполковника Цурочкина; летчики генерал-полковника авиации Руденко, генерал-лейтенанта авиации Брайко, генерал-лейтенанта авиации Савицкого, генерал-майора авиации Каравацкого, генерал-майора авиации Дзусова, генерал-майора авиации Токарева, полковника Тимофеева, полковника Белоусова, полковника Сухорябова, генерал-майора авиации Комарова, полковника Рассказова, подполковника Наконечникова, пол-

ковника Ситкипа, полковника Бузылева, полковника Беркаля, полковника Иванова, полковника Ромейко, подполковника Шерстюка, подполковника Гаврильченко; саперы генерал-майора инженерных войск Комарова, генерал-майора инженерных войск Бордзиловского, полковника Вельского, полковника Киселева, полковника Любанского, полковника Пузеревского, подполковника Ховратовича; связисты полковника Соловьева, полковника Сучек, полковника Заруцкого, полковника Смолия, подполковника [государственной безопасности] Вакиша, [полковника] Ступаченко.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за овладение городом Варшава, представить к присвоению наименования «Варшавских» и к награждению орденами.

Сегодня, 17 января, в 19 часов столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 1-го Белорусского фронта, в том числе 1-й польской армии, овладевшим столицей Польши городом Варшава, двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, в том числе войскам 1-й польской армии, участвовавшим в боях за освобождение Варшавы.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины и союзной нам Польши!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. СТАЛИН

17 января 1945 года. № 223

ВЫВОД

Советские поляки и поляки в составе подразделений Войска Польского внесли неоценимый вклад в победу нашей Родины в Великой Отечественной войне.

Теперь, когда читатель вслед за авторами перелистал некоторые страницы истории и увидел картину российско-польских отношений в ретроспективе времен, у него уже не останется сомнений, что поляки сыграли выдающуюся роль в судьбе Российского государства. Вопреки лживым уверениям псевдоученых и усиленно навязываемому в настоящее время мнению о якобы «исконной русско-польской вражде», лучшие представители польского народа на протяжении столетий искренне симпатизировали русским, были патриотами России, любили ее и честно служили ей, зачастую не жалея собственной жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования и размышления, представленные в этой книге, — это результат стремления авторов систематизировать и синтезировать то, что им известно о польских политических элитах на фоне широкого исторического контекста, и попытка обозначить направления дальнейшего их изучения. Но главное, что входило в наш замысел, — средствами политико-психологического анализа высветить те моменты, которые длительное время являются предметом жесткой информационной войны против России, а также различного рода политических спекуляций, замалчивания исторических фактов или извращения их смысла.

Задачей представленной работы было выявление реального политико-психологического статуса шляхетских и постшляхетских элит как субъекта национальной политики, а также их роли в формировании, развитии Польского государства и его последующей лимитрофизации.

Исторический опыт Польши показывает — ни один противник не может принести столько вреда собственной стране, как ее властные элиты. Впрочем, данный вывод относится и к элитам современной России[1]. Именно поэтому проблема польских шляхетских и постшляхетских элит не является проблемой только исторической и современной Польши. По нашему мнению, бессубъектные элиты возрастают в численности, увеличиваются и масштабы их разрушительной деятельности

[1] *Панарин А.С.* Народ без элиты. — М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. — С. 253.

по отношению к собственным народам и государствам, что и определило актуальность проведенного исследования.

Принципиальным положением книги становится вскрытие причинно-следственной связи лимитрофизации с инфантильным ментальным статусом и десидеро-динамикой шляхетских элит, которые с утратой политико-психологической рефлексии пришли к деградации своей политической субъектности и последующей лимитрофизации страны. В настоящее время процессы лимитрофизации мы наблюдаем также на примере Грузии, стран Балтии, Восточной Европы и других стран.

Спецификой национальной политической элиты Польши можно назвать ее катастрофически успешную борьбу за свои частные и корпоративные привилегии и установление так называемой шляхетской демократии, что в итоге привело к критической несостоятельности Польского государства. Речь Посполитая трижды подвергалась разделам при попустительстве и прямом участии правящих шляхетских режимов, а с 1939 по 1945 г. вообще не существовала на политической карте мира.

В шляхетской среде Речи Посполитой на почве особого политико-правового статуса дворянского сословия в XVI—XVII вв. формировалась концепция сарматизма, которая со временем стала доминантной тенденцией ментализации польских элит. Сарматизм как догматическое основание *веры* шляхты в свою избранность, как идеология «шляхетской демократии» утверждался в варианте своего рода социального расизма, что неминуемо вело шляхту к ментальной и политической несостоятельности, а государство — к разделам и последующей лимитрофизации. Поистине «по вашей вере да воздастся вам» (Мф 8:13).

В политико-психологическом плане шляхетская и, впоследствии, постшляхетская элита не смогла выйти за рамки адаптивного модуса политического существования, что и явилось одной из системных причин процесса лимитрофизации. Политическая результативность польских элит в значительной мере определялась и определяется тремя нерефлексируемыми психологическими доминантами — истероидной,

психопатической и психастенической, а также инфантильным пониманием жертвенности и польского мессианства. Шляхта и ее наследники в XX и XXI столетиях в контексте десидеродинамики не смогли овладеть креативной рефлексией и целевой детерминацией и обеспечить достойное место Польши в геополитическом пространстве.

Данная работа имеет методологическое значение, и прежде всего потому, что созданный политико-психологический портрет шляхетских и постшляхетских носит не только актуальный аналитический характер, но может служить методологическим инструментом диагностирования и прогнозирования эволюции политических элит других государств, и России в частности[1].

Кроме того, мы считаем, что использованный в исследовании подход дает возможность субъектам политики не только повысить уровень политико-психологической рефлексии, но и продуктивно управлять отношениями со сложными субъектами политики, то есть осуществлять рефлексивное управление этими отношениями, отвечая на вызовы XXI века[2].

В книге делается попытка продемонстрировать, что сложные социально-экономические системы, к каким относятся государства, имеют два положения устойчивого равновесия, которые соотносятся с централизованной и так называемой либеральной формой управления. Эволюция любой сложной системы совершается циклически, то есть она периодически, как маятник, достигает того или иного полюса устойчивости и через кризис устремляется к противоположному полюсу[3]. Таким образом, изменения социально-экономической системы связаны с периодической сменой централизованного управления на либеральную систему и наоборот.

---

[1] *Шестопал Е.Б.* Политико-психологическое измерение кризиса в российских условиях // Актуальные проблемы современной политической психологии. Юбилейный сб. кафедры / Под. ред. Е.Б. Шестопал. — М.: РИОР, 2010. — С. 10—16.

[2] *Фридман Дж.* Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века. — М.: Эксмо, 2010.

[3] *Цыганов В.В., Бухарин С.Н.* Информационные войны в бизнесе и политике: Теория и методология. — М.: Академический проект, 2007.

Циклы централизации и либерализации связаны соответственно с субъективным пониманием политическими элитами проблем координации процессов управления сложной системой в условиях, когда она теряет устойчивость. При управлении из одного центра потеря устойчивости наступает тогда, когда система в процессе своего развития растет и чрезмерно усложняется. В другом случае, при либеральной системе управления, рано или поздно наступает хаотизация государства, происходит монополизация капитала и, как следствие, теряется устойчивость[1]. Таким образом, система, находящаяся в одном из положений равновесия, со временем теряет устойчивость и переходит в другое положение равновесия.

Суверенное государство отличается от лимитрофа тем, что развивается циклически через кризисы от централизованной формы управления — к либеральной, от либеральной — к централизованной и т. д. Состояние лимитрофа под воздействием внешнего вмешательства консервируется в одном из положений равновесия, это может быть как либеральная, так и централизованная форма управления, достаточно вспомнить латиноамериканские и африканские диктатуры.

Политические элиты Польши, исповедуя либеральную систему управления, под воздействием своих сарматско-шляхетских установок и при поддержке заинтересованных внешних сил «застряли» в своеобразной шляхетски либеральной форме управления, которая со временем утратила политическую, экономическую и военную эффективность, что и определило неизбежную лимитрофизацию Польского государства.

Так, Польша в X—XIII вв., интенсивно развиваясь в рамках централизованной формы управления, стала крупной европейской державой, но разросшиеся масштабы государства явились причиной кризиса управления, связанного с проблемой координации. Стало невозможным осуществлять эффективное управление сложной и громоздкой государственной системой из единого центра.

---

[1] *Цыганов В.В., Бухарин С.Н.* Информационный менеджмент: Механизмы управления и борьбы в бизнесе и полититке. — М.: Академический проект, 2009.

Решение этой проблемы проводилось через децентрализацию и либерализацию системы политического управления, позволившей модернизировать государство и достичь значительных экономических и политических успехов. Через определенное время доминирования либеральных методов управления система, накопив критический потенциал кризисных явлений, начала терять устойчивость. Это произошло в XVII в.

Наметившаяся тенденция дрейфа системы к другому полюсу устойчивости, то есть к централизованной форме управления, встретила жесткую оппозицию со стороны сторонников «золотой шляхетской вольницы». Сторонники либеральной формы управления для укрепления своего политического статуса привлекают на свою сторону в различных комбинациях сильных соседей — Австрию, Пруссию и Россию. Тем самым запускается процесс политической лимитрофизации[1].

Окружающие Речь Посполитую государства были заинтересованы в сохранении либеральной формы управления, поскольку шляхетско-сарматская «демократия» открывала соседям заманчивые перспективы для решения своих политических проблем за счет польских земель и ресурсов. В связи с этим либеральной польской элите всегда оказывалась поддержка извне, и объединенные ресурсы польских либералов с их австрийскими, прусскими или русскими покровителями не оставляли шансов на модернизацию Польши.

Таким образом, естественное развитие Польского государства было прервано и «законсервировано» шляхетскими элитами. Этот уникальный в Европе вариант политического устройства в форме шляхетско-сарматской «демократии» носил дегенеративный и, в итоге, деструктивный для Польского государства характер. За устойчивость своего положения, комфорт и потребительское благополучие магнаты и шляхтичи-либералы расплачивались территориями и суверенитетом собственной страны.

---

[1] *Бухарин С.Н., Ракитянский Н.М.* Теоретические и методологические основания политико-психологического анализа шляхетской элиты Польши // Информационные войны. 2010. № 3.

Все это соответствует состоянию адаптивного компромисса эволюционной системы[1]. Здесь имеется в виду, что устойчивость системы заключается в достигнутом компромиссе между противоречивыми требованиями оптимизации ее различных адаптивных функций. Данные требования противоречивы в том смысле, что из-за сложного переплетения разнообразных связей между всеми частями и признаками системы адаптивное усиление одной функции отзывается потерями эффективности других.

Иначе говоря, государство, выполняя множество функций, не в состоянии организовывать оптимальное их выполнение. Если одна функция достигает оптимума, например за счет отказа от налогов максимально стимулируется бизнес, другие функции государства, например социальная ответственность, содержание государственных структур и, следовательно, качество управления и безопасность, будут при этом подавлены. Что и произошло с Польшей. Шляхта и аристократия добились максимальных льгот, а функции государства при этом были минимизированы. Вот почему Польша, единственная из морских держав, не стала колониальной империей и лишилась суверенитета.

Таким образом, для устойчивого функционирования государства требуется достижение определенного баланса между его функциями, который достигается в процессе адаптации эволюционной системы в условиях воздействия агрессивного геополитического окружения.

Шляхетская элита достигла адаптивного компромисса и не желала дискомфорта, который ей гарантировал переходный период к централизованной системе управления. В результате адаптивный компромисс заблокировал конструктивную эволюцию системы. Ведь эволюция возможна лишь в результате такого изменения условий, когда внутренние силы системы, участвующие в ее развитии, оказываются направленными на преодоление устойчивости сбалансированного адаптивного компромисса.

---

[1] *Бухарин С.Н., Ковалев В.Н., Малков С.Ю.* О формализации понятия информационного поля // Информационные войны. 2009. № 4.

В Польше всегда существовала патриотическая партия, члены которой пытались вывести из области устойчивости адаптивный компромисс, лишающий государство суверенитета. Эта партия, в основном, формировалась из пораженных в правах шляхтичей. После каждого раздела Польши количество недовольных набирало «критическую массу», что приводило к восстаниям. Однако все попытки обрести независимость заканчивались поражением. Неудачи шляхтичей в деле обретения независимости Польского государства имели несколько причин:

во-первых, наличие сильной оппозиции патриотам со стороны значительной части польской элиты, которая предпочитала не рисковать своим благополучием;

во-вторых, поддержка данной оппозиции со стороны соседних государств, вследствие чего суммарные ресурсы коалиции либеральной польской элиты, Пруссии, Австрии и России превосходили ресурс польской патриотической партии;

в-третьих, длительный период стабильности в Речи Посполитой способствовал инфантилизации ее элиты. В результате военно-политическое руководство Речи Посполитой оказалось неспособным решать ни тактические, ни стратегические задачи государственного развития.

В любом государстве в период развития и, таким образом, обретения благополучия и стабильности происходит инфантилизация элит, что может привести к утрате ими политической субъектности. Параллельно с этим накапливаются социально-экономические проблемы, и государственная система выходит из области устойчивости. Неизбежный кризис сметает разложившиеся элиты, на смену им приходят пассионарии, способные взять на себя ответственность и знающие, что делать. С определенными потерями кризис преодолевается, и страна вступает в очередную фазу развития. Однако эволюционный процесс может нарушаться в силу субъективных причин и внешнего вмешательства.

Что касается Польши, то основная причина ее лимитрофизации связана не с внешними факторами, а с особенностью шляхетского менталитета. В настоящей работе сделана попытка

анализа данного менталитета с помощью понятий «информационного пространства» и «информационного поля»[1]. Менталитеты шляхетства и русских элит рассматривались как области на срезе информационного пространства. Над данными областями была задана случайная функция реакции человека на определенную ситуацию. Например, вероятность того или иного поступка человека в кризисной ситуации. В результате анализа, в частности, удалось объяснить причины бегства многих польских командиров и военачальников с поля боя и позитивную реакцию на эти поступки шляхетской общественности. Кроме того, теория информационного поля позволила прояснить причину аномально большого соотношения погибших рядовых на одного офицера, чем отличались польские подразделения во всех войнах в истории первой и второй Речи Посполитой.

Возможно, кто-то сможет предложить еще более четкую структуру содержательных политико-психологических характеристик предмета нашего исследования. Мы же будем считать, что добились своей цели, если настоящая книга сделала задачу разработки методологии анализа политических элит более понятной, актуальной, реалистичной и вдохновляющей.

---

[1] *Бухарин С.Н. Малков С.Ю.* К вопросу о математическом моделировании информационного воздействия // Информационные войны. 2010. № 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

ВВЕДЕНИЕ 16

ЧАСТЬ I. **ФЕНОМЕН И КАТЕГОРИЯ ЛИМИТРОФА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ** 42

Глава 1. **Политико-психологический анализ феномена лимитрофизации Польши** 42

1.1. Борьба шляхетства за привилегии. 1.2. Разборы шляхты. 1.3. Духовная жизнь магнатерии и шляхетства. 1.4. Политические нравы шляхты. 1.5. Право на рокош. 1.6. Шляхетские комплексы. 1.7. Психологический анализ феномена польской элиты. 1.8. Инфантильность польской элиты. 1.9. Психология шляхетской жертвенности

Глава 2. **Сарматизм — ментальная основа шляхетской республики Речи Посполитой** 110

2.1. Феномен и понятие сарматизма. 2.2. Развитие понятия сарматизма. 2.3. Польское католичество и сарматизм. 2.4. Политические традиции и идеологические установки сарматизма. 2.5. Адъютант Бонапарта, или Необыкновенные приключения шляхтича-сармата. 2.6. Неосарматизм в XX веке

ЧАСТЬ II. **КРАХ ПЕРВОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ** ... 148

Глава 3. **Русско-польские войны XVI—XVII веков** 148

3.1. Первая русско-польская война 1018—1019 гг. 3.2. Ливонские войны. 3.3. Причины военных конфликтов. 3.4. Русско-польская война 1605—1618 гг. Лжедмитрий I. Лжедмитрий при

польском дворе. Поход в Россию. Воцарение Василия Шуйского. Упущенные возможности Сигизмунда III. Победа Москвы. Претензии Владислава на московский трон. 3.5. Сигизмунд III Ваза. 3.6. Русско-польская (Смоленская) война 1632—1634 гг. 3.7. Король Владислав Жигмунд Ваза-Ягеллон. 3.8. Восстания в Речи Посполитой. События, предшествующие Брестской унии. 3.9. Русско-польская война 1654—1666 гг. 3.10. Причины казачьих восстаний. 3.11. Смутное время в России глазами польского интеллектуала

Глава 4. **Разделы Польши. Восстание Т. Костюшко** 239
4.1. О причине польских восстаний. 4.2. О причинах разделов Польши. 4.3. Борьба шляхты за устойчивость либеральной системы управления. 4.4. Восстание 1797 г. 4.5. О резне в Праге. 4.6. Европейский гуманизм и благородство

Глава 5. **Восстание 1830—1831 годов** 271
5.1. Конституция Королевства Польского. 5.2. Экономическая реформа К. Друцкого-Любецкого. 5.3. Польское экономическое чудо. 5.4. Армия Царства Польского. 5.5. Причины социального напряжения. 5.6. Причины восстания. 5.7. Польская оппозиция. 5.8. Начало восстания. 5.9. Первые дни независимости. 5.10. Польская революционная армия. 5.11. Крах восстания. 5.12. Паника и убийства в Варшаве. 5.13. Штурм Варшавы. Итоги восстания. 5.14. Речь Императора Николая I перед польской депутацией. 5.15. Великий князь Константин Павлович. 5.16. Памятник «русским полякам»

Глава 6. **Восстание 1863—1864 годов** 330
6.1. Экономическое положение Царства Польского накануне восстания. 6.2. Революционные кружки в Царстве Польском. 6.3. Роль католического духовенства в восстании. 6.4. Польская революционная эмиграция. 6.5. Манифест восставших. 6.6. Начало восстания. 6.7. «Народное правительство» «Жонд». 6.8. Внешнеполитическая деятельность Чарторыйских. 6.9. Поражение восстания. 6.10. Генерал-губернатор М.Н. Муравьев. 6.11. Русификация органов управления в Царстве Польском и Виленском крае. 6.12. Крестьянская реформа. 6.13. Последствия восстания. 6.14. Шляхта и честь воина

Глава 7. **Польские легионеры. Мифы и реальность**.....417
7.1. Польские легионы в Турции и на Кавказе. 7.2. Легионеры в период наполеоновских войн. 7.3. Легионеры в Италии.

7.4. Ликвидация церковного государства. 7.5. Поляки в Египте. 7.6. Польские легионы в Сан-Доминго. 7.7. Польские легионы в Испании. 7.8. Легионеры во время революции 1848 г. 7.9. Легионеры в Первую мировую войну. 7.10. Польские легионы во Вторую мировую войну

ЧАСТЬ III. **ВТОРАЯ РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ — ПУТЬ К НОВОМУ КРАХУ** 455

Глава 8. **Преступления правящего режима второй Речи Посполитой** 455

8.1. Украинско-польская война. 8.2. Аннексия Верхней Силезии. 8.3. Агрессия против Чехословакии. 8.4. Польско-советская война. 8.5. Аннексия Виленского края. 8.6. Трагическая судьба пленных красноармейцев. 8.7. Политика II Речи Посполитой по отношению к гражданам немецкой национальности. 8.8. Еврейские погромы в 1918—1921 гг. 8.9. Эпизоды времен польской оккупации. 8.10. Станислав Никодимович Булак-Балахович — национальный герой Польши. 8.11. Разрушения православных храмов — преступление Польши перед человечеством. 8.12. Диктатура Ю. Пилсудского. 8.13. Братья Пилсудские. Опыт мотивационного портретирования

Глава 9. **Судьба Православия в Польше** 516

9.1. Ликвидация православных храмов. 9.2. Автокефалия. 9.3. Попытка перехода на григорианское календарное летосчисление. 9.4. Признание Православной Церкви в Польше Автокефальною. 9.5. Украинизация Православия. 9.6. Полонизация православных. 9.7. Дальнейшее наступление на Православие. 9.8. Разрушение православных святынь на Холмщине и на Подляшьи. 9.9. Полонизация Православной Церкви. 9.10. Польско-немецкая война 1939 г. и включение Православной Церкви в сферу государственных интересов Германии

Глава 10. **Польша против СССР. Концептуальные основания и политическая практика в период 1920—1939 годов** 567

10.1. Концепция федерализма и равноудаленности. 10.2. Концепция прометейства. 10.3. Практика спецслужб. 10.4. Полити-

ческая практика правительства. 10.5. Еще раз о политическом менталитете польской элиты

Глава 11. **Польский ВМФ и колониальные проекты второй Речи Посполитой. Исторический экскурс и политико-психологический анализ** 590

11.1. Военно-морской флот II Речи Посполитой. Несостоявшаяся история. 11.2. Осадничество. Колониальный проект в контексте политической психологии. Концепция «осадничества» и ее реализация. Психолого-политические установки концепции «осадничества». Колониальная ностальгия. Невыученные уроки истории

Глава 12. **Польская дипломатия накануне Второй мировой войны**.....623

12.1. Деятельность министра иностранных дел Польши Ю. Бека. 12.2. Польша в роли «спускового крючка» Второй мировой войны

ЧАСТЬ IV. **ПОВЕРЖЕННАЯ ПОЛЬША**.....650

Глава 13. **Генерал-губернаторство «третьего рейха» (оккупированная Речь Посполитая во Второй мировой войне)** 650

13.1. Политическое банкротство и крах Польского государства. 13.2. Странная война. 13.3. Причины поражения Польши. 13.4. Польское руководство во Второй мировой войне. 13.5. Катынь. 13.6. Операция «Буря». 13.7. Варшавское восстание. 13.8. Обвинения поляков в адрес руководства СССР. 13.9. Восстание в варшавском гетто. 13.10. Евреи коллаборационисты. 13.11. Проект «Жигота». 13.12. Решение проблемы границ и правительства Польши. 13.13. Депортация немцев

Глава 14. **Польские коллаборационисты на службе нацистской Германии. Политико-психологические причины коллаборационизма** 708

14.1. Политико-психологические причины коллаборационизма. 14.2. Поляки в вермахте и СС. 14.3. Польская полиция. 14.4. Польские полицейские батальоны. 14.5. Еврейская полиция в Польше

Глава 15. **Евреи в Польше** 726
15.1. О событиях в Едвабне. 15.2. О событиях в Кельце. 15.3. Реакция общественности. 15.4. Украинские погромы. 15.5. Причины еврейских погромов в Польше. 15.6. Угроза для еврейской цивилизации

Глава 16. **«Волынская резня», или Чудовище Франкенштейна** 758
16.1. Волынский кошмар. 16.2. «Доктор Франкенштейн». Начало. 16.3. О том, как князь А. Чарторыйский сеял «разумное, доброе, вечное». 16.4. Бойня в Западной Пруссии

ЧАСТЬ V. **ВЫДАЮЩИЕСЯ ПОЛЯКИ В ИСТОРИИ РОССИИ** 775

Глава 17. **Краткая история польского землячества** 775
17.1. Поляки в Петербурге. Ржевуские в истории России. Святополки-Мирские. 17.2. Интеллектуальная элита. Поляки в изобразительном искусстве. Хореографическое искусство. 17.3. Русские поляки — выдающиеся ученые. 17.4. Выдающиеся русские поляки в области архитектуры. 17.5. Русские поляки — народные кумиры. Поляки — выдающиеся политические деятели советской России

Глава 18. **Поляки в Отечественной войне 1812 года** 811
18.1. Польские генералы — участники наполеоновских войн. 18.2. Анализ перечня польских генералов. 18.3. Жертвенность — не свойство польской элиты. 18.4. Причины слабости польской армии. 18.5. Маршал Ю. Понятовский и его армия. 18.6. Русские генералы, имеющие польские корни. 18.7. Российские поляки — герои Отечественной войны 1812 г. 18.8. Польские казаки

Глава 19. **Поляки в Первую мировую войну** 882
19.1. Поляки — русские генералы и адмиралы. 19.2. Поляки — полные георгиевские кавалеры. 19.3. Спасение знамен новогеоргиевского гарнизона

Глава 20. **Поляки в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов** 914

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 926

Институт русской цивилизации создан в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 12 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 50 томов).

Научное издание

Редактор Л. Е. Лаврова, Л. К. Молотилова
Корректор З. Н. Скобелкина
Компьютерная верстка Е. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 14.04.2011 г. Формат 84 x 108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «Times». Объем 44,2 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЫПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация *(вышел)*

Русское Православие в трех томах *(вышли)*

Русское государство *(вышел)*

Русский патриотизм *(вышел)*

Русское мировоззрение *(вышел)*

Русский образ жизни *(вышел)*

Русская география

Русское хозяйство *(вышел)*

Международные отношения

Национальные отношения

Русская литература *(вышел)*

Русская икона и религиозная живопись в двух томах *(вышли)*

Русская архитектура и скульптура

Русская живопись

Русский театр

Русская музыка

Русская наука

Русская школа

Русское воинство

Памятники Отечества

Русские за рубежом

Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.

Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Платонов О. А. Масонский заговор в России, 1344 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.

Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог цареубийства, 496 с.
Платонов О. История цареубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Звенигородское шос., д. 4 (пав. «Детский мир на Пресне»), тел. 8(495)-788-41-48, podina@rw.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)